

Михаил Васильевич Гоголь

Мертвые души
(Другие редакции)

Содержание

Том 1 ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ	0004
<ПЕРВАЯ СОХРАНИВШАЯСЯ РЕДАКЦИЯ>	0004
<ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ>	0191
<ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ> К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОЧИНТЕЛЯ	0744
СОХРАНИВШИЕСЯ РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ ОТРЫВКИ К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ	0751
<РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОЯХ “МЕРТВЫХ ДУШ”>	0959
<ЗАМЕТКИ> К 1-й ЧАСТИ	0962
ВАРИАНТЫ	0966
КОММЕНТАРИИ	2063
Том 2 ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ	2141
<РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ> (ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СЛОЙ АВТОГРАФА)	2141
ВАРИАНТЫ	2460
<ОТРЫВКИ>	2601
КОММЕНТАРИИ	2622

Николай Васильевич Гоголь

Мертвые души

Том 1 ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

<ПЕРВАЯ СОХРАНИВШАЯСЯ РЕДАКЦИЯ>

Крепко головою в кузов, понесся, наконец, по мягкой земле. Едва только выехал он за город, как пошла писать по нашему русскому обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: [Вместо “как пошла ~ дороги”: как пошла по русскому обычаю по обеим сторонам дороги чушь и дичь:] кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор. Попадались две три вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами, с резными украшениями, в виде висящих утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок,

или высовывала слепую морду свою свинья. Виды известные.] Вместо “Виды известные”: а. На всё это Чичиков не глядел вовсе: [во-первых, потому, что таких видов на Руси не наберешься, а во-вторых,] потому, что он действительно был занят чем-то важным. Лицо его имело все признаки размышления, и часто приставляемая рука ко лбу давала знать, что дело требовало [большой] некоторой деятельности и увертливости ума. День, несмотря что лето было на исходе, был еще довольно жарок, и он должен был несколько раз утирать платком свой лоб, по которому проступали крупные капли пота, производимые двойным напряжением — наружным и внутренним; б. Начато. На всё это Чичиков, впрочем, не глядел, зная, что таких видов много на Руси —] Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня; но и шестнадцатая верста полетела [верста мелькнула] мимо, а деревни всё еще не было видно. [Далее начато: и если бы не попались скоро навстречу два мужика, то он был бы в немалом затруднении] По сторонам было гладкое поле. Это

заставило его, прищуря глаза, смотреть в даль, не попадется ли где прохожий. И точно, заметил он в конце дороги, которая казалась совершенно отрезанною, две движущиеся точки. Эти две точки мало-помалу, по мере приближения, обращались в двух мужиков и, наконец, сделались совершенными мужиками, когда поровнялись с бричкою. Мужики были в рубахах и несли на палках свои сапоги и тулупы. Мужики сняли шляпы и поклонились, и на вопрос Чичикова: “далеко ли еще деревня Заманиловка?”, один из них, который был постарше и поумнее и бороду имел клином,] в виде клина] отвечал: “Маниловка, может быть, а не Заманиловка?”

“Ну, да, Маниловка”.

“Маниловка? А как проедешь еще одну версту, так вот тебе то есть так направо”. [Маниловка? Как проедешь еще одну версту, да потом еще одну версту, будет тебе дорога направо, сейчас за столбом...]

“Направо?” отозвался кучер.

“Направо”, сказал мужик. “Это будет тебе прямо дорога в Маниловку, а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом каменный в два этажа, господский дом, в котором то есть живет сам господин. Вот это-то и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было”. Мужик может еще бы более пояснил, но кучер уже не слушал его и ехал далее. [Вместо “Мужик — далее”: а. Может быть мужик и более еще бы пояснил, но Чичиков уже не слушал и ехал далее; б. Мужик бы вероятно еще более и т. д. как в тексте.] Проехавши две [Проехавши еще две] версты, он встретил, точно, поворот на проселочную дорогу; но уже он сделал [Вместо “Проехавши две ~ сделал” начато исправление: Проехавши две версты встретился точно поворот на проселочную дорогу, но уже сделали] и три и четыре версты, а каменного дома в два этажа всё еще не было видно; наконец, когда проехали еще две версты, высунулось вместе с горою одиноко белевшее на ней

строение,] наконец, проехавши еще две версты, он увидел одиноко белевший на горе дом] тогда как самая деревня еще скрывалась за едва заметною возвышенностью. Тут Чичиков вспомнил, что когда приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то это значит, что к ней есть верных двадцать пять, если не целых тридцать. Деревня Маниловка вряд ли кого могла [сильно] заманить своим местоположением. Дом господской стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон. [а. Дом господской, по обыкновению многих русских помещиков, стоял на возвышении, но совершенно открытом со всех сторон, так что приделать только к нему крылья и он очень хорошо будет исполнять должность ветряной мельницы; б. Дом господской стоял один как дурак на возвышении, открытом со всех сторон] Покатость горы, на которой он стоял, была одета [а. была покрыта; б. покрывалась] подстриженным дерном; два или три куста сирени, да береза [и одна береза] были раскинуты на ее небольшом пространстве. Пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку [Пони-

же был пруд, покрытый зеленью, что не в диковинку] в английских садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения и частью по самому скату настроенные [Внизу у подошвы этого возвышения были настроены] вдоль и поперек серенькие [копченые] русские избы, которые неизвестно по каким причинам герой — наш в ту же минуту сосчитал и нашел более [которых Чичиков насчитал более] двухсот. Нигде ни деревца; всё бревна да бревна. У пруда были заметны три бабы, которые, стоя [Вместо “У пруда ~ стоя”: Внизу бежала по каменному дну тощая речка. Три бабы, стоя] на деревянной жердочке, шлепали по воде мокрым бельем. Двое мальчишек, [Два мальчишка] поднявши рубашки, брели по нем, [по ней] разбрызгивая ногами воду с таким спокойным видом, как будто занимались делом. Поодаль в стороне темнел сосновый лес. Погода в это время очень кстати прислужилась к пополнению этой картины. День был не то ясный, не то серый, облака убрали всё небо клоками, как хлопчатая бумага, кое-где оставив просвечивать синеву. Скоро им показалось и этого много и они [слились в од-

ну] заволокли его совершенно. Кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, еще более пополнил эту картину. Сам хозяин дома стоял на крыльце, в зеленом шалоновом сертуке, приставив руку [Вместо “Поодаль ~ руку”: а. Лес сосновый темнел в стороне. [Солнце обливавшее ярким светом своим] Белые стены господского дома, облитые ярким светом солнца, производили яркую противоположность в сравнении с темными и закопченными крестьянскими избами. Казалось солнце было здесь неуместно. Серенькое небо с влажной мокротой в воздухе, да кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, были бы приличнее этой картине. Чичиков еще не въехавши в двор заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; б. Лес сосновый темнел в стороне. Солнце ложилось на беленых стенах господского дома, которые чрез то представляли резкую противоположность в сравнении с темными и закопченными крестьянскими избами. Совсем бы казалось солнцу незачем здесь быть. Обыкновенное серенькое небо, похожее цветом на гар-

низонный мундир, кричащий петух, предвестник переменчивой погоды, были бы приличнее этой картине. Чичиков еще не въехавши в двор заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; в. Поодаль в стороне ~ этой картины. Небо несколько заволкло небольшими клочками облаков и цвет его сделался очень похожим на цвет мундиров наших гарнизонных солдат, этого живописного и мирного войска [наших] уездных городов, довольно ядущего кашу и в воскресные дни пьяного мертвецки. День был ~ эту картину. Подъезжая ко двору Чичиков заметил хозяина, стоявшего на крыльце в зеленом шалоновом сертуке и приставившего руку; После слов “цвет его сделался” над строкой надписано: таков, как бывает цвет гарнизонных мундиров, этого войска мирного] ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть хорошенько экипаж. По мере того, как бричка подъезжала к крыльцу, глаза его [глаза хозяина] делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

“Павел Иванович!” — вскричал, наконец,

[сказал наконец] он, когда Чичиков вылезал из брички. “Насилу вы-таки вспомнили нас!”[Далее было: Здесь автор просит у читателей извинения за свою непростительную рассеянность, он совершенно не помнит, сказал ли он, что Чичикова звали Павлом Ивановичем или нет.]

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попытаемся, не успеем ли[Далее начато: а. чего; б. кое-что сказать] как-нибудь им воспользоваться[как-нибудь воспользоваться [этим] сим промежутком] и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что это очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера. Там просто ляпай кистью со всей руки. Огненные глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, закинутый на плеча черный или огненный плащ — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с виду

очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых [то] неуловимых особенностей... О, это пытка для автора. Он должен над ними долго продумать, прежде чем примется за кисть. [Он долго должен над ними продумать, прежде чем решится приняться за перо.]

Один бог разве может сказать, какой был характер Манилова. На Руси, как и во всяком другом государстве, есть очень много таких [характеров] людей, которых обыкновенно называют ни рыба, ни мясо. [ни рыбой, ни мясом] Может быть, к этому разряду принадлежал и Манилов. В выражении лица его было что-то чрезвычайно сладкое и во всех приемах что-то заискивающее расположения и знакомства. Улыбался он очень приятно и был недурен [был очень недурен] собою: блондин с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: [В первую минуту разговора с ним скажешь] Какой приятный и добрый человек! В следующую затем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Чорт знает, что такое!” и

отойдешь подальше. Если ж не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или заносчивого слова, которое можешь услышать почти от всякого, [от всякого человека] если коснешься его предмета. У всякого человека есть какой-нибудь конек. Один [Далее начато: любит до] влюблен в охоту, так что если бы деньги, то скупил бы казалось всех собак; другой мастер лихо пообедать; этому уже, кажется, от рожденья внушил бог страсть колотить ямщиков и [ямщиков или] станционного смотрителя; у того рука чешется заломить угол бубновому тузу; но Манилов не имел решительно никакой страсти. Дома он говорил по обыкновению очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве один только бог мог знать. Хозяйством тоже нельзя сказать, чтобы он очень занимался; он даже никогда не ездил на поля. Хозяйство как-то шло само собою. Когда приказчик говорил: “Хорошо бы, барин, то и то сделать”, “Да, недурно”, отвечал он обыкновенно куря трубку, которую курить сделал он привычку, когда еще служил в армии, где [тоже]

считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. “Да, именно, недурное повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою в затылке, говорил: “Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать!” — “Ступай”, говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими, и лицо его принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти прожекты так и оканчивались одними только словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В[Далее начато: одной] доме его чего-нибудь вечно недоставало. В одной комнате была у него прекрасная мебель, стоившая, без сомнения, ему весьма не

дешево. Зато в другой не было совершенно никакой, кроме разве какого-нибудь деревянного стула; вовсе не потому, чтобы он не считал нужным, но потому единственно, что не успел еще завестись, хотя уже более 10 лет, как жил он в своем доме. По этой же самой причине вместе с прекрасным бронзовым, вызолоченным и обделанным в перламутр канделябром подавался на стол какой-то гадкой, старый подсвечник. Его супруга, с своей стороны... но об дамах я очень боюсь говорить, да притом мне давно пора возвратиться к нашим героям, которые стояли перед дверью гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

“Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после”, говорил Чичиков.

“Нет, Павел Иванович, вы гость, вы должны вперед идти, говорил Манилов, показывая ему рукою.

“Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. [Далее было: Как можно для меня та-

кое беспокойство] Пожалуста проходите”, говорил Чичиков.

“Нет, Павел Иванович, [Никак, никак] это обида. [“Нет, Павел Иванович, вы нанесете мне чувствительнейшую обиду.] Как можно, чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя”.

“Ах, боже мой... Мне, право, совестно, проходите, сделайте милость, проходите, я после”, говорил Чичиков.

“Нет, никак нельзя”.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга. [Вместо “Мне право ~ друг друга”: Я не знаю, право, как отвечать мне”, говорил Чичиков... “Мне, право, и совестно”, говорил Чичиков, выступая, наконец, вперед, но несколько боком, как бы желая хоть по крайней мере войти вместе.]

“Позвольте мне вам представить жену

мою”, сказал Манилов. “Душенька! Павел Иванович! [прибавил он, обращаясь к ней.]

Чичиков увидел, точно, даму, которую он совершенно были не заметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым, и которая приподнялась с своего места и оставила свою работу, бывшую[работу, которая была] у ней в руках. [Далее было: Дама была лет двадцати семи; одета она была, как обыкновенно они одеваются: платок, чепец, ленты, словом, дама] Чичиков подошел к ручке.

“Вы нас очень обрадовали своим приходом”, сказала жена Манилова. “Сделайте милость, садитесь! Не проходило дня, чтобы муж мой не вспоминал о вас”.

“Ваш муж, сударыня, очень далеко простирает доброту свою ко мне”, сказал Чичиков.

“Да”, отвечал Манилов: “уж она, бывало, всё спрашивает меня: “Да что же твой приятель не едет?” — “Погоди, душенька, приедет”. А вот вы, наконец, и удостоили нас сво-

им посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день”...[Вместо “Уж такое ~ день”: доставили нам наслаждение, приятнейший майский день.]

“О, никак не достоин такой чести. Ни громкого имени не имею, ни даже ранга заметно-го”.[а. “О, помилуйте. Никак не достоин такой чести. Как можно, чтобы я льстил себя надеждою, что мое посещение может доставить удовольствие. Другое дело, если б я что-нибудь значил в мире; но ни громкого имени не имею, ни ранга заметного, ни достоинств...”; б. “О, помилуйте, никак не достоин такой чести. Не могу льстить себя надеждою, что мое посещение ~ ни достоинств”.]

“Вы все имеете”, прервал Манилов с тою же приятною улыбкою: “всё имеете, даже еще более”.

“Как вам показался наш город?” промолвила Манилова. “Приятно ли провели там время?”

“Очень хороший город, прекрасный город, и время провел очень приятно. Общество такое обходительное”.

“А как вы нашли нашего губернатора?” сказала Манилова.

“Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?” прибавил Манилов.

“О, препочтеннейший!” сказал Чичиков. “Это, можно сказать, мой благодетель. Как он[И как он] вошел в свою должность и как понимает ее! Истинно, нужно желать побольше таких людей”.

“Как он может, этак, знаете, принять всякого, обворожить своим обращением”, присовокупил Манилов с улыбкою и почти совсем зажмурив глаза, что означало, что он очень был доволен.

“Очень обходительный и приятный человек”, продолжал Чичиков: “и какой искусник!

Я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные дамские узоры. Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить”.

“А вице-губернатор? Не правда ли, какой милый человек!”, сказал Манилов, опять несколько прищурился глазами.

“Очень, очень достойный человек”, отвечал Чичиков.

“А как вам показался полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?”

“О, чрезвычайно приятный. И какой ученый, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем гражданской палаты [начиная от обеда и не вставая со стола] до самых [утренних] петухов. Очень, очень достойный человек!”

“А жена полицмейстера?” прибавила Манилова. “Не правда ли, какая препочтенная и

прелюбезная женщина”.

“О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знал”, отвечал Чичиков.

За сим Манилов не пропустил председателя палаты, почтмейстера, и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые, как нарочно, все были достойные люди.

“Вы [большею частью] всегда в деревне проводите время?” сделал, наконец, в свою очередь вопрос Чичиков.

“Больше в деревне”, отвечал Манилов. “Иногда, впрочем, приезжаем в город для <того> только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти”.

“Правда, правда”, сказал Чичиков.

“Конечно”, продолжал Манилов: “другое дело, если бы соседство было хорошее, если

бы, например, такой человек, с которым бы можно красноречиво поговорить [можно поговорить] о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке, чтобы этак расшевелило душу, дало питательность и, так сказать, парение этакое...” Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарпортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: “тогда бы, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но ведь решительно нет никого... Вот только иногда прочитаешь “Сын Отечества”...”

“Это справедливо, совершенно справедливо”, отвечал Чичиков. “Что может быть лучше [того], как жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы, почитать иногда книгу”. [Вместо “почитать иногда книгу”: или упражнять ум в занятиях высоких, которые бы доставляли моральную пищу сердцу. Размышлять о чем-нибудь, или прочесть что-нибудь, господина Булгарина сочинения...”]

“Но знаете ли: всё, если нет друга, с кото-

рым бы можно поделиться...”

“О, это справедливо! это совершенно справедливо! [это совершенная правда] Что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей для обращения, сказал один мудрец”.

“И знаете, Павел Иванович”, сказал Манилов, сделавши такую сладкую мину, что даже было несколько приторно, как натошак. “Тогда чувствуешь какое-то эдакое духовное наслаждение... Вот как, например, теперь случай доставил мне счастье говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...”

“О, помилуйте! Как можно, чтобы я льстил себя... ничтожный человек и больше ничего”. [Как можно, чтобы я льстил себя такую надеждою. Я ничтожный человек и не имею во все тех достоинств, которые бы могли мне приобрести расположение.]

“О, Павел Иванович! я бы с радостью отдал

половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы...”

“Напротив того, я бы почел с своей стороны за величайшее...”

Неизвестно, до чего бы дошли взаимные учтивства двух приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

“Прошу покорнейше”, сказал Манилов. “Вы извините, если у нас <нет> такого обеда, какой на паркетах и в столицах. У нас просто по русскому обычаю щи, но от [самого] чистого сердца. Прошу покорнейше!” Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошел боком в столовую. В столовой уже стояли два мальчика, дети Манилова, которые [казалось] были в тех летах, когда сажают уже за стол, но еще на высоких[сажают уже их за стол на особых несколько высоких] стульях. При них стоял учитель, который очень вежливо и с улыбкою поклонился. Хозяйка села за свою суповую чашку. Мужчины, [Далее начато: то-

же] выпивши по рюмке водки, уселись таким образом, что Чичиков сел между хозяином и хозяйкою. Слуга завязал детям на шею салфетки.

“Какие миленькие детки”, сказал Чичиков, посмотрев на них: “а который [им] год?”

“Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть”, сказала Манилова.

“Менелай!” сказал Манилов, обратившись к старшему. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое странное имя, но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение. “Менелай, скажи мне, какой лучший город во Франции?”

Здесь учитель обратил всё внимание на Менелая и, казалось, хотел вскочить ему в глаза, но, наконец, совершенно успокоился и кивнул головою, когда Менелай сказал: “Париж”.

“А у нас какой лучший город?” спросил

опять Манилов.

Учитель опять насторожил свой слух и зрение.

“Петербург”, отвечал Менелай.

“А еще какой?”

“Москва”, отвечал Менелай.

“Умница, душенька”! прибавил с своей стороны Чичиков. “Скажите, однако ж”, продолжал он, обратившись с некоторым видом изумления к Маниловым: “В такие лета и уже такие сведения! Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности”.

“О, вы еще не знаете его”, отвечал Манилов: “У него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшей, Алкивиад, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, тотчас обратит внимание. [а. если что-нибудь заметит и обратит внимание, б. Как в тексте; в. если ~ внимание, летит к ней

взапуски; [удивительная] большая быстрота ума.] Я его прочту по дипломатической части. Менелай!” продолжал он обратиться снова к нему: “хочешь быть посланником?”

“Хочу”, отвечал Менелай, жуя хлеб и болтая головою направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что уста их готовы усмехнуться, в ту же минуту раздвигал рот и смеялся с величайшим усердием. Один раз только лицо его приняло суровый вид, и он, стукнув вилкою по столу устремил взгляд на сидевших против него детей. Это было весьма у места, потому что Менелай укусил за ухо Алкивиада, [потому что Алкивиад укусил за ухо Менелая] и Алкивиад, зажмурив глаза и открыв рот, готов

был зарыдать самым жалким образом, но, почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: “Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли”. На что Чичиков отвечал:

Покорнейше благодарю, не беспокойтесь, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда”.

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно, поддерживая рукою спину своего гостя, [Вместо “Манилов ~ гостя”: и Манилов, поддерживая рукою свою спину своего гостя,] готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг Чичиков объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

“В таком случае позвольте вас попросить в

мой кабинет”, сказал Манилов и повел Чичикова в небольшую боковую комнату, обращенную окнами на синевший лес.

“Вот мой уголок”, сказал Манилов.

“Приятная комнатка!” сказал Чичиков, окинувши ее глазами. В комнате было мебели немного: стол и на нем книжка [Вместо “В комнате ~ книжка”: Между двумя окнами помещался письменный стол, покрытый сафьяном. На нем лежала какая-то книжка] с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице и, наконец, насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми [весьма красивыми] рядками. Заметно было, что хозяин около этого несколько позанялся сам.

“Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах”, сказал Манилов. “Здесь вам

попокойнее”.

“[Нет] Позвольте, я сяду на [этом] стуле”.

“[Нет] Позвольте вам этого не позволить”, сказал Манилов с улыбкою. “Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но [вы] должны сесть”.

“Вы очень обязательны. Ох, боже, уж мне так право совестно”. [“Вы очень обязательны”, говорил Чичиков, садясь в кресла, “и мне, право, всё равно, даже еще лучше на стуле”.]

“Позвольте мне вас попотчевать трубочкою” [сказал Манилов].

“Нет не курю, не курю”, отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления. [отвечал ласково и как бы с видом сожаления Чичиков.]

“Отчего?” спросил Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

“Не сделал привычки, боюсь”, [сказал Чичиков:] “говорят, трубка сушит”.

“Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение” [сказал Манилов.] “Я нахожу даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но, благодаря бога, до сих пор так здоров, как нельзя быть лучше”.

“Это я вам скажу, действительно случай. [В подлиннике: случаях] В натуре такое множество странных вещей. Но позвольте прежде одну просьбу...” При этом слове Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядят ли кто откуда-нибудь... “Как давно вы изволили подавать ревижскую сказку?”.

“Да уже давно, а лучше сказать, не припомню”.

“Как с того времени много у вас умерло крестьян?”

“А не могу знать; об этом нужно, я думаю, спросить приказчика. Ей, человек, позови приказчика”. Приказчик явился.

“Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?”

“Да как сколько? Многие умирали с тех пор”.

“Да, признаюсь, я сам так думал”, подхватил Манилов: “именно очень многие умирали”. Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: “Точно, очень многие”.

“А как, например, числом?” спросил Чичиков.

“Да, сколько числом?” подхватил Манилов.

“Да как сказать числом. Число неизвестное. Человек до 80 будет”.

“Да, именно”, сказал Манилов, обратись к Чичикову: “я тоже предполагал. Большая смертность”.

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чичиков: “подробный реестрик всех поименно”.

“Да, всех”, сказал Манилов.

Приказчик сказал: “слушаю” и ушел.

Тут Чичиков ездил и вертелся минуты четыре на стуле. Наконец достал из кармана платок, высморкался, потом опять положил его в карман. Потом снова вынул и высморкался очень звучно, что он делал весьма искусно; потом принялся складывать очень фигурно вроде бумажника или записной книжки, потом вновь в карман и начал, наконец, так:

“Не можете ли вы мне продать кое-каких”,

сказал Чичиков.

“Крестьян; да вы хотите с землей или без земли?”

“Нет к чему ж земля, в земле не состоит необходимость”.

“Сколько человек вы желаете иметь?”
сказал Манилов, выпуская дым.

“Да всех тех, которые умерли”.

“Как умерли?”

“Я разумею, то есть, чтобы вы мне продали умерших”.

Манилов чуть не выронил из рук трубки и смотрел на Чичикова. Прежде всего в голове его пробежала мысль, не хочет ли гость пошутить; но лицо Чичикова было решительно серьезно. Потом подумал он, не спятил ли он с ума, но и этого не было заметно: глаза Чичикова были ясны, и всё было как следует, до-

вольно пристойно, да и сам он сидел с умеренностью и приятностью, как сидит благонамеренный чиновник. Находясь в таком затруднительном недоумении, он не нашел ничего другого сделать, как только выпустить из рта дым чрезвычайно тонкою струею.

“Итак, можете ли вы уступить их?”

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него и не мог сказать ни одного слова.

“Итак, вы затрудняетесь?”

“Я? нет, я ничуть”, сказал Манилов: “но я не могу постичь, извините моему неведению. Не имея ваших положительных сведений, или, как выражаются, объективных... я могу ошибаться. Вы извините, однако ж, меня — может быть всё это не то, может быть, вы это изволили выразиться так для красоты слога”.

“Нет, я в существе своем разумею”, сказал Чичиков.

Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно растерялся. Ему казалось еще необходимо сделать один вопрос, какой вопрос и как сделать его сообразно с приличием, и в каком роде. Кончил он, наконец, тем, что выпустил дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

“Так я бы с своей стороны уж и купчую совершил бы”, сказал Чичиков.

“Как на мертвые души купчую?”

“А, нет”, сказал Чичиков: “мы напишем так, как будто бы это были живые. Я уж видите сам служил и привык делать по законам. Уж это мой нрав — от справедливости ни на шаг” [[Так] Уж такой мой нрав. За правду и потерпел даже.]

Манилов в ответ принялся насасывать чубук так сильно, что он начал, наконец, хрипеть, как фагот. Казалось, как будто бы он желал вытянуть из него мнение относительно

такого неслыханного обстоятельства. [мнение насчет этого обстоятельства] Но чубук хрипел и больше ничего.

“Может быть вы имеете какие-нибудь сомнительные рассуждения насчет меня?”

“О, помилуйте, ничуть. Я не насчет этого говорю, чтобы имел какое-нибудь, т. е. критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать выразиться, негодия, так не будет ли эта, так сказать, негодия, не соответствующею гражданским постановлениям России?”

Тут лицо Манилова приняло такое глубокое и значительное выражение, какого еще никогда и не видано было на свете, если ж и видано [было когда-нибудь], то очень редко. [значительное выражение, что всякой в ту же минуту принял бы его за министра.]

“Нет, не будет”, отвечал на это довольно просто Чичиков: “Правительство в таких де-

лах[Правительство в отношении этого] совершенно благонамеренно и никаких с своей стороны притеснений, даже еще будет довольно, потому что получит казенные пошлины”.

“А если будет довольно, это другое дело. Я против этого ничего”, сказал Манилов и совершенно успокоился.

“Теперь нам остается только условиться в цене и...”

“Как, неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде [так сказать] окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то я с большой охотой вам их всех уступаю безъинтересно и купчую принимаю на свой счет”.

“Благодетель мой!” сказал Чичиков, схвативши обеими своими руками руки Манилова и подпрыгнувши на стуле с живостью, почти несвойственной для человека средних

лет, имеющего чин ни слишком большой, ни слишком малый.

“Решительно не стоит благодарности”, отвечал Манилов. “Мне бы хотелось услужить в чем-нибудь, где бы можно точно доказать дружеское, этак сказать, влечение, магнетизм души... но умершие души — это, в некотором роде, совершенная дрянь”.

“Очень не дрянь”, сказал Чичиков с чем-то подобным даже на вздох: “Если б вы знали, какую вы этим услугу оказали человеку без племени и роду. Да, действительно, чего не натерпелся я. Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил. А за что? За то, что соблюдаю правды, что был чист на своей совести, что [Далее начато: рука моя] подавал руку и вдовице беспомощной, и сиротинке горемыке”. Тут даже отер платком он выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно тронут.

“Так купчую вы уж, пожалуста, припасите

поскорей, если можно”, продолжал Чичиков: “да не дурно бы, если бы на днях съездили в город, а до того времени я буду вас должен оставить, потому что у меня есть еще одно дельцо”.

Тут Чичиков взял [свою] шапку и отправился по углам отыскивать свою палку с набалдашником в виде собачки.

“Как, вы уже хотите ехать?” сказал Манилов, почти испугавшись.

<ГЛАВА III>

Люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек. С человеком хорошим мы всегда свои[мы всегда большие] друзья, тонкие приятели. Выпить ли чаю, или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважит, потому что он сполнял службу государскую, он надворный советник”... Таким образом рассуждая, лошадиный правитель вошел, наконец, в чрезвычайные отвлеченности. Если бы Чичиков прислушивался, то он бы узнал много по-

дробностей, относившихся лично к нему, но мысли его так глубоко погрузились в различные сметы и соображения по поводу странного своего прожекта, что он был глух и нечувствителен ко всему. Наконец, сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя: всё небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконец, громовой удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг, как из ведра. Сначала, принявши косоое направление, хлестал он в одну сторону кузова кибитки, потом в другую, потом, изменивши образ нападения [своего] и сделавшись совершенно прямым, барабанил прямо в верх его кузова; брызги [его] наконец стали долетать в лицо нашему герою. Это заставило его опустить сверху кожаные занавески с двумя круглыми окошечками для рассматривания видов по дороге и застегнуться кожею. Дождь продолжал ливмя. [Вместо “Это заставило ~ ливмя”: Напрасно, опустивши сверху кожаные занавески с двумя круглыми окошечками для рассматривания видов по дороге, и застегнувшись кожею, ду-

мал он укрыться. Целая лужа набежала вдруг
сверх кожи, и светлые дождевые волдыри
спесиво плыли, сталкивая и уничтожая друг
друга; вода стекала оттуда ему на ноги, между
тем как брызги, прорывавшиеся в отверстие
между занавесками и кожею, прохлаждали
его живот в том месте, где оканчивался жи-
лет и начинались панталоны.] Это показа-
лось Чичикову очень неприятным, тем более,
что становилось темно и время близилось к
ночи. [Далее начато: а. Он закрича<л>; б. Пер-
вое, что он] Первым делом его было закри-
чать Селифану ехать скорее. Селифан, кото-
рый тоже на самой середине речи был пре-
рван громом и дождем, смекнул, что, точно,
не нужно было мешкать. Он вытащил из-под
козел, на которых сидел, какую-то дрянь [Да-
лее начато: на которой] из серого сукна, одел-
ся в нее и, схвативши в руки вожжи, при-
крикнул на свою тройку, которая так была
убаюкана и такое почувствовала приятное
расслабление от его рассказов, что едва пере-
ступала ногами. Лошади пустились на рысях.
Но Селифан никак не мог припомнить, два
ли, или три поворота проехал. [Вместо “одел-

ся ~ проехал”: и одевшись в нее, схватил в руки вожжи и прикрикнул на четвероногих своих слушателей, которые так были убаюканы и такое почувствовали приятное расслабление от его рассказов, что едва переступали ногами. Услышавши крик, лошади пустились на рысях. Сам даже серый с широким задом начал подтягивать. Но сам речистый правитель никак не мог припомнить, два ли, или три поворота проехал он, до такой степени был он занят своими наставлениями.] Сообразивши все обстоятельства и припомнивши несколько дорогу, он смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо. Так как русской человек в решительные минуты всегда найдет, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то он тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и, прикрикнувши: “Ей, вы други почтенные!”, пустился в галоп, мало помышляя о том, куда приведет взятая им дорога.

Дождь, однако ж, казалось, зарядил надолго. Лежавшая на дороге пыль мигом замеси-

лась в грязь, и лошадям заметно становилось тяжелее тащить бричку. Колеса, обращаясь, захватывали на свои ободья, чем далее, более и более грязи и, наконец, сделались совершенно покрытыми ею, как будто толстым войлоком. Чичиков начинал беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По его расчету, ему давно бы была пора приехать. Он высматривал по сторонам, [Далее было: но решительно ничего не мог видеть] но темнота была такая, хоть глаз выколи.

“Селифан!” сказал он наконец, высунувшись из брички.”

Что, барин?” отвечал Селифан.

“Погляди-ка, не видно ли деревни?”

“Нет, барин, нигде не видно”. После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню, [Далее было: а чорт знает, что такое] но что-то такое длинное, чему и конца [что и конца] не было. Начиналось оно почти таким образом: “Ей, вы сердечные! мои

любимые. Ей, вывозите! Вывозите, вывозите! пых! пых! Забубенные вы! Пора, пора! хватъ, хватъ! Московские обыватели, толоконные приятели. [Вместо “Пора ~ приятели”: Ну, детки, ну разом! Ну-те еще, еще. Эх вы, сердечные, московские обыватели.] Ну, други. Ну разом, разутешники мои...” Много еще прилагательных и новых существительных придавал. Это делалось без большого разбора, а что первое попадалось ему на язык. Таким образом дошло до того, что он начал, наконец, называть их секретарями. [А между тем дождь и не думал переставать, но еще, как казалось, более усиливался.]

[Чичиков вертелся [в своей бричке], переседая [беспрестанно] из угла в угол. Сидеть ему было страшно неловко: куда ни выбирал он поместить себя, везде было мокро. В ногах у него[Далее начато: беж<ала?>] сделалась совершенная ванна, так что ему стоило только раздеться, и он мог тут же выкупаться. Дождевые капли хлопали по козырьку его картуза и сливались вдали в [несносное] однообразное урчание. Колеса и копыта лошадиные чвака-

ли медленнее в грязи.

“Что, Селифан, не видно ли где[Что, Селифан, нет нигде] какой-нибудь деревушки?” сказал нетерпеливо Чичиков.

“Не видно, барин”, отвечал Селифан и, обратившись к коням, одолжил их довольно удачно кнутом, [Вместо “одолжил ~ кнутом”: хлыстнул их покрепче] от чего они сделали еще раз усилие пробежать на рысях.] Между тем Чичиков начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и наделять его[и угощать его] препорядочными толчками. Это дало ему почувствовать, что они свортели с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Сам Селифан, как казалось, смекнул [это], но не говорил ни слова.

“Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?” сказал Чичиков.

“Да что ж, барин, делать, время-то такое. [Потьма], кнута не видишь, такая потьма”, отвечал Селифан и вслед за сим хлыстнул по

всем по трем и покосил так бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только он заметил, что Селифан немножко подгулял.

“Держи, держи, опрокинешь!” кричал он ему. [“Держи, держи!” закричал он ему грозно: “опрокинешь бричку”].

“Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул”, [опрокинул бричку] отвечал Селифан. “Это не хорошо опрокинуть. [опрокинуть бричку [Я уж сам знаю, уж я никак”]. [уж я не опрокину] Засим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и, наконец, переверотил ее как раз на бок. [наконец опрокинул ее на бок] Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь, Селифан лошадей, однако ж, остановил. Это было ему и не трудно, потому что иначе они бы сами остановились, так они были изнурены. Однако ж [сами остановились, будучи изнурены совершенно. Этот однако ж] непредвиденный им случай изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подпершись в бока обеими

ми руками, в то время как Чичиков барахтался в грязи и силился оттуда вылезть. “Ишь ты”, сказал он по некотором размышлении: [сказал он наконец] “и перекинулась!”.

“Ты пьян, как сапожник!” сказал Чичиков.

“Нет, барин, как можно, чтобы я был пьян!” отвечал Селифан: “я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил и закусили вместе, — [в том нет ничего худого,] закуска не обидное дело: с хорошим человеком можно закусить”. [“я знаю, что это нехорошо быть пьяным. Я такого дела не делаю. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, и закусили вместе, с хорошим человеком можно закусить. А я совсем не пьян. Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным”.]

Чичиков увидел, что гораздо лучше вместо слов приниматься поднимать бричку. [“Чичиков ~ поднимать” вписано карандашом.]

[“Погоди, я с тобою после расправлюсь”,

сказал промокший насквозь Чичиков: “Поднимай [дурак] бричку. Что, дурачина, стоишь”. Сказавши это, он немедленно принялся, с своей стороны, сам поднимать ее.] Селифан тоже ухватился за нее обоими руками, и хотя бричка уже была совершенно поставлена, но он пёр ее так крепко, что чуть не переверотил ее на другую сторону. Так что барин должен был умерить его усердие порядочным ударом [по руке] в ухо, примолвивши: “переломаешь, скотина!” [Вместо “Селифан тоже ~ скотина!”: Селифан с своей стороны уперся обеими руками так крепко, что чуть не [опрокинул] переверотил ее на другой бок. Это заставило Чичикова закричать: “Стой, стой! всё переломаешь, скотина!”

“Нет, барин, ничего не изломано. Бричка крепкая: чего ж бы ей изломаться. Она бричка [крепкая] хорошая, московская бричка. Ей не можно изломаться. Она в Москве делалась”...

“Вот ты у меня поговоришь”, говорил Чичиков, стиснув от досады зубы.]

Положение героя нашего было [Вместо “было”: в самом деле] не завидно. На нем было всё мокро, в бричке было тоже мокро. И как на беду ничего нельзя было предпринять. Остаться на одном месте было гадко; ехать тоже не было никакой возможности. [Далее было: Доставши из-под подушки небольшой коврик, который не помню кем-то был ему подарен, кажется, какой-то дамой, он разостлал его сверх подушки и [сел] [оставался] сидел несколько минут в нерешимости, слушая печальную музыку дождя.] Одно только жалкое утешение ему оставалось: бранить [кучера] Селифана.

“Нарезался же, мерзавец!” говорил он, сжимаясь, как зяблик, которого проняло холодом. “Толком толковали тебе дорогу. Можно было, кажется, понять”...

“Да что ж, ваше благородие”, отвечал Селифан. [отвечал кучер.] “Ведь я [кажись] хорошо ехал. [Далее было: Возьми, говорят, направо, ну я и взял направо. Я не поеду, куда не

следует.] Я уж разумею свое дело. Уж скоро будет шестой год, как я езжу с вашею милостью. Вы, вить, меня взяли на козлы о Покрова, я помню”.

“А что я тебе сказал в последний раз, когда ты напился пьян? А, позабыл!” произнес Чичиков.

“Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уж дело свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил. В этом я совсем не отпираюсь; поговорил, потому что с хорошим человеком можно...”

“Вот я тебя как высеку хорошенько, так ты у меня будешь знать”, сказал Чичиков.

“Как милости вашей будет завгодно”, отвечал на всё согласный Селифан. “Коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посець, коли за дело. На то воля господская. Оно нужно посець, потому что мужик балуется. Порядок нужно наблюдать. Ко-

ли за дело, то и посеки. Почему ж не посечь...”

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся, что отвечать. Но в это время, казалось, как будто судьба, наконец, над ним сжалилась. Издали послышался собачий лай, [Вместо “Но в это время ~ собачин лай”: Ему сделалось совершенно нестерпимым оставаться на одном месте, и он, наконец, дал повеление полупьяному Селифану ехать. К этому побудил его послышавшийся издали собачий лай.] Он, точно, не обманулся: лай слышался, [лай сделался] наконец, явственнее, так что Селифан оборотился к нему с козел и сказал:

“Ваше благородие, а ваше благородие!”

“Что там?” сурово возразил Чичиков.

“Оно, верно, деревушка-то близко, потому...”

“Пошел, дурак. Я это и без тебя знаю”.

Русской возница имеет доброе чутье вместо глаз. От этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась [Далее начато: дыш<лом>] оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков мог только заметить сквозь густое покрывало лившего дождя что-то, похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворот, что, без сомнения, продолжилось бы [очень] долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. К этому присоединился еще и серый конь, испустивший самое дикое и неистовое ржание. [а. которые доложили о нем таким звонким и оглушительным лаем, что он должен был, наконец, заткнуть себе пальцами уши. К этому присоединился еще и серый конь, который такое поднял ржание, как будто бы увидел целый табун лошадей; б. которые ~ ржание, как будто бы увидел целый табун самых близких своих

приятелей[

Свет мелькнул в окошке и досягнул хотя туманную струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. Селифан с своей стороны каким-то странным чутьем успел их нащупать[указавши нашим дорожным бывшие перед ними ворота, которые Селифан каким-то чутьем успел уже нащупать] и принялся колотить в них обоими кулаками. На эту тревогу вышла какая-то фигура, накрывшись армяком, и барин с кучером услышали хрипливый[крикливый] бабий голос: “Кто стучит? Чего расходились?”[Вместо “Кто ~ расходились?”: Кто там стучит?]

“Приезжий, матушка! Пусти переночевать”, произнес Чичиков.

“Вишь ты какой востроногой”, сказала старуха: “приехал в какое время! Здесь тебе не постоялой двор, здесь помещица живет”.

“Что ж делать, матушка. Ты видишь, что мы заблудились”, сказал Чичиков. “Не ночевать”.

вать же в такое время на дороге”.

“Да, время темное, нехорошее время”, прибавил Селифан.

“Молчи, дурак!” сказал Чичиков.

“Да кто вы такой?” сказала старуха.

“Дворянин, матушка”.

Слово дворянин заставило старуху как будто несколько подумать. “Погодите, я скажу барыне”, произнесла она и минуты через две возвратилась уже с фонарем в руке. Ворота отперлись. Огонек мелькнул [в руке и отперла ворота. Свет мелькнул] и в другом окне. Бричка, въехавши в двор, остановилась перед небольшим домиком, которого за темнотою герой наш не мог хорошо рассмотреть. Одна только половина его была озарена [была освещена] светом, исходящим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями

стекал в подставленную бочку. Собаки заливались всеми возможными голосами: один был так усердно, как будто бы за это получал бог знает какое жалование; другой отхватывал наскоро, [другой так скоро отхватывал] как пономарь; за ним [потом за ним] слышен был дишкант, такой неугомонный, [а. такой звонкой; б. такой меткой] что в голове звенело; всё это покрывал густой бас, видно уже старик, потому что лаял так хрипло, [Вместо “всё это ~ хрипло”: потом один, верно уже старый, лаял хрипло и басом.] как генерал перед фронтом. Наверное можно было сказать, [Вместо “Наверное ~сказать”: Не шутя можно было предположить] что в этом оркестре было более ста музыкантов. Это бы дало [Это могло бы дать] заметить Чичикову, что [Далее начато: он приехал] деревушка была порядочная. Но промокший и иззябший герой ни о чем не думал, как только о постеле. Еще бричка не успела совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо. На крыльцо вышла опять какая-то женщина, [На крыльце опять женщина] несколько помоложе прежней, но чрезвычайно на нее похожая. Она

проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь взгляда два: комната была обклеена старенькими полосатыми обоями; картинки с какими-то птицами; между окнами [между двумя окнами] — маленькие зеркала, и за всяким зеркалом заложены были или письма, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с цветами, нарисованными на циферблате... Не в мочь было больше ничего заметить. Чичиков чувствовал, что глаза его так липнули, [так липнут] как будто бы их кто-нибудь намазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина уже пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на убытки и неурожаи и держат голову несколько на бок.

“Извините, матушка, что побеспокоил вас!” сказал Чичиков.

“Ничего, ничего”, сказала хозяйка. “В какое-то время вас [батюшка] бог принес! Сумятица и вьюга какая! Вам бы с дороги, батюш-

ка, я знаю, что прилично [бы] закусить чего-нибудь, да пора-то ночная, ничего и приготовить нельзя...”

Слова хозяйки были прерваны таким странным шипением, что Чичиков[что сам Чичиков[испугался и посторонился. Шум очень походил на то, как бы вся комната[Вместо “Шум ~ комната”: ему показалось, что вся комната] наполнилась змеями. Но, взглянув-ши в угол, он тот же час успокоился, смекнув-ши, что стенным часам[Вместо “смекнув-ши ~ часам”: Он смекнул, что часам] пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение, и, наконец, натужась всеми силами, пробили они три таким звуком, как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку, после чего маятник опять пошел спокойно щелкать направо и налево.

“Благодарю, благодарю, матушка”, отвечал Чичиков: “Пожалуста, ни об чем не беспокойтесь”. Мне кроме постели[Мне больше постели] ничего больше не нужно. А вот вы меня разве обяжете, когда скажете, [Вместо “А вот

~ скажете”: Скажите] далеко ли живет помещик Собакевич?”

“Нет, отец мой, не слышала такого имени. Такого здесь нет помещика”.

“По крайней мере, я думаю, знаете Манилова?”

“А кто этот Манилов?” сказала старуха.

“Помещик, матушка”.

“Нет, такого помещика здесь нет”.

“Какие же есть?”

“Бобров, Свиньин, Конопатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков”.

“Богатые люди, или нет?”

“Нет, отец, богатых слишком нет. У иного двадцать душ, у кого тридцать, а такие, чтобы по сотне, таких нет”.

Тут Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь.

“Далеко ли, по крайней мере, до города?” спросил он.

“До города будет верст 60, а может быть и больше... Я, право, так жалею, что ничего нет Вам покушать. Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?”

“Благодарю, благодарю, матушка; приготовьте мне только постель, и больше ничего”.

“Правда, что с такой дороги нужно отдохнуть. Вот тут себе, отец мой, и расположись на этом диване. Ей, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время наслал бог. Гром такой был, что у меня всю ночь горела свеча пред образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи. Где это ты так изволил засалиться?”

“Эх, матушка, слава богу, что жив остался.

Опрокинулся вместе с бричкой на проклятой дороге. Хорошо еще лошади не потаскали!”

“Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем-нибудь потереть вам спину?”

“Спасибо. Вы уж ни об чем не беспокойтесь. Прикажите только девке вашей, чтобы высушила и вычистила хорошенько мое платье”.

“Слышишь, Фетинья”, сказала хозяйка, обратившись к той самой женщине, выходявшей[которая выходила] на крыльцо со свечою. Она успела[которая успела] уже притащить перину и, взбивши ее с обоих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате. “Ты возьми ихний-то кафтан и исподнее[Далее было: продолжала хозяйка] и прежде посуши их пред огнем, как дельвала покойнику барину. Потом перетри и выколоти хорошенько”.

“Слушаю, сударыня”, говорила Фетинья, настилая сверх перины простыню и кладя по-

душки.

“Ну, вот тебе постель и готова!” сказала хозяйка: “Прощайте, батюшка! Желаю вам спокойной ночи. Да не нужно ли еще чего-нибудь? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки. Покойник мой без этого никак не засыпал”.

“Благодарю, благодарю! Ничего не нужно. Прощайте, матушка, приятного сна вам желаю”.

“Прощай, отец мой”.

Хозяйка вышла; осталась только Фетинья. Чичиков поспешил разоблачиться и отдал верхнюю и нижнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему, с своей стороны, спокойной ночи, потащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, взглянул он не без удовольствия на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья была большая мастерица взбивать перины. Когда, подмостивши стул, взобрался он на[Далее начато: а. пуховые б.

подушки] постель, она опустилась под ним почти до самого пола, только перья разлетелись во все стороны комнаты. Погасивши свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся он на другой день уже поздним утром. Солнце сквозь окна светило ему прямо в глаза, и мухи, которые вчера спали по стенам и потолкам, все обратились к нему: одна села ему на губу, [на нос] другая на ухо, третья на шею, четвертая выбирала место, как бы усесться [четвертая приготавлилась усесться] даже на самый глаз; ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к ноздре, он потянул [Чичиков потянул] в просонках в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть. Между тем как целый десяток мух жужжал над ним, высматривая где понаживнее места, окинувши взглядом комнату, он теперь заметил, [он заметил теперь] что на картинах не всё были птицы: [что картины на стенах состояли не из одних пт<иц>] между ними висел портрет Кутузова, и еще масляными красками был напачкан какой-то старик с красными обшлагами на мундире,

как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и проколотили десять. В дверь выглянуло женское лицо и в ту же минуту спряталось, потому что Чичиков, чтобы лучше заснуть, скинул даже с себя рубашку, которая была тоже мокра. Выглянувшее лицо показалось ему как будто несколько знакомо. Он начал себе припоминать и вспомнил, наконец, что это была хозяйка. Он надел рубаху. Платье уже лежало возле него, высушенное и вычищенное. Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейской петух (окно было очень близко от земли), протянувши свою шею с красным монистом, заболтал что-то ему вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно: “желаю здравствовать”, на что Чичиков сказал ему дурака. Взглянувши в окно, он заметил [очень], что крестьянских дворов было немало. “Э, да у ней деревенька порядочная!” сказал сам в себе: “право, порядочная!” повторил он и принялся считать пальцем дворы, которых оказалось более тридцати. Это открытие ему было очень приятно. Он тот же час загля-

нул в щелочку двери, из которой выглядывала хозяйка, и, увидевши ее сидевшею за чайным столиком, вошел к ней с веселым и довольно ласковым видом.

“Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?” сказала хозяйка, приподнявшись с места. Она была одета лучше вчерашнего — в темном платье и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то намотано.

“Хорошо, хорошо [матушка]”, говорил Чичиков, садясь в кресла. “А вы как, матушка?”

“Плохо, отец мой!”

“Как так?”

“Бессонница, отец мой. Всё поясница болит, и одна нога в месте, что пониже[и одна нога пониже] косточки, так и ломит”.

“Пройдет, пройдет, матушка, на это нечего глядеть”.

“Дай-то бог, чтобы прошло; я-то мазала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете[А с чем выкушаете] чайку? Вот в этой фляжке[-то] фруктовая, перегнанная на вишневые косточки”.

“Не дурно, не дурно, матушка, хлебну и фруктовой”.[выпью фруктовой]

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако ж, с большею свободою, чем с Маниловым, и вовсе не церемонился. Должно признаться, что если у нас на Руси поотстали кой в чем перед другими нациями, зато очень[зато гораздо] превзошли их в умении обращаться. Невозможно исчислить всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец такой дурак: он говорит совершенно на тот же лад с миллионщиком и с мелким табачником торгашом. [с миллионщиком и с каким-нибудь кучером] У нас совсем другое: у нас есть такие мудрецы, [такие искусники и мудрецы] которые с помещиком, имеющим[Вместо: “имеющим”: у которого] двести

душ, будут говорить совершенно другим образом, нежели с тем, у которого их триста, а с трехсотным опять не так, как с четырехсотным; с четырехсотным не так, как с пятисотным, и таким образом далее, восходя или нисходя до бесконечно великих или малых. Даже, например, [Выберется, например,] иной правитель канцелярии: поглядишь на него, когда он среди своих подчиненных, [то есть] в своей канцелярии: что за важный вид. Гордость и благородство такое в лице, что просто бери кисть, да и рисуй. Прометей! совершенный Прометей! Глядит [таким] орлом, [важный вид. Благородство такое в лице, какого кажется... Орел, совершенно орел] выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. А попадись ему быть с теми, которые повыше его — бог знает, что сделается тогда с Прометеем: [спешит, что мочи нет. И таких мудрецов есть не мало. Иногда наткнешься на такого, что даже страх почувствуешь, особенно если при этом сам еще робкого десятка: Проме-

тей, совершенный Прометей! Гордости столько в глазах, что возьми кисть, да и рисуй. Посмотришь на этого самого Прометея в другом месте] узнать нельзя: муха! меньше даже мухи! уничтожился в песчинку. “Да это не Иван Петрович”, говоришь глядя на него. “Иван Петрович гораздо выше ростом, а этот и низенькой, и худенькой; тот говорит громко, бабит и никогда не смеется, а этот чорт знает что: пищит птицей и всё смеется”. Подходишь ближе: точно, Иван Петрович! “Эх, хе”, думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как мы уже видели, решил все не церемониться, и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой водки, он обратился к хозяйке с такими словами:

“У вас, матушка, хорошая деревенька... Сколько в ней душ?”

“Душ-то в ней, отец мой, без малого 80”, сказала хозяйка: “да то беда моя, что времена-то плохи. Вот и прошлый год был такой неурожай, что боже упаси...”

“Ну, однако ж, всё еще слава богу. Мужички на вид дюжие, [Мужички у вас на вид такие дюжие] и избенки всё почти новые. Восемьдесят душ не лишняя вещь... А позвольте узнать фамилию вашу? Я, право, так захлопотался, приехал в такое время и позабыл совершенно спросить”.

“Коробочка, коллежская секретарша”.

] Перед этим было: А, Коробочка!] “Покорнейше благодарю. А имя и отчество как?”

“Настасия Петровна”.

“Настасия Петровна! хорошее имя Настасия Петровна. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасия Петровна”.

“А ваше имя как?” спросила помещица. “Ведь вы, я чай, заседатель?”

“Нет, матушка”, отвечал Чичиков: “я больше[а. я больше так себе; б. я больше приват-

ный человек] езжу по своим надобностям по деревням. К вам тоже имею дельце”.

“А, так вы покупатель! Как же жаль, что я продала мед купцам так дешево; а вот ты бы, отец мой, у меня[а вот вы бы у меня] теперь верно, купил”.

“Нет, благодарю, матушка, меду мне покамест не нужно”.[Вместо “меду ~ нужно”: я вовсе не меду хочу купить] “Что ж другое, разве пеньку? Только и пеньки-то у меня теперь маловато. Полпуда всего”.

“Пеньки тоже не требуется. [Ну, пеньки-то мне покамест тоже не нужно] [Я по другому случаю имею к вам дело”.

“Что ж такое, право, я уж не могу придумать”.]

“Много у вас, матушка, умерло крестьян, числящихся по ревизии?”

“Ох, батюшка, 18 душ”, сказала старуха,

вздохнувши: “Такое мое несчастье! и умерли-то почти всё люди взрослые работники. Правда, хоть и народилось после того, [после того больше] да что с них: народ еще малой. Такая, право, беда! А тут заседатель подъехал с повесткой, чтобы подушное уплачивать Народ мертвый, а плати, как за живого человека. На прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный[такой хороший] кузнец и слесарное мастерство знал”.

“Разве у вас был пожар, матушка?”

“Нет, не пожар, бог приберег от такого горя. Сам сгорел отец мой. Внутри у него как-то загорелось: чересчур выпил. Так только синий огонек пошел от него; весь истлел, истлел и почернел, как уголь. А такой был искусный[хороший] кузнец. И теперь такая беда моя: хотела было ехать в город — некому лошадей подковать”. [некому брички подчинить.]

] Перед этим было: Это, подлинно, несчастье.] “На всё воля божия, матушка. Против

мудрости божией ничего мы не можем сказать. Уступите их мне, Настасия Петровна”.

“Кого, батюшка?”

“Да этих-то, что умерли”. “Да как же уступить их, отец мой?”

“Так, просто. Или, пожалуй, продайте! Я вам что-нибудь дам за них”.

“Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?”

“Вот боже сохрани! Что я за нехристь такой. Нет, вы только переведите их мне на бумаге так, как бы продали за живых”.

“Да на что ж они тебе!” сказала старуха, выпучив [от из<умления?>] на него глаза.

“Это уж мое дело”.

“Да ведь они ж мертвые”.

“Это я знаю, что мертвые, потому-то я и беру их, чтобы вместе с этим и вас избавить от хлопот. Я вам дам за них деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Что же, матушка, задумались?”

“Право, не знаю...” произнесла хозяйка с расстановкою: “никогда еще не продавала я мертвых душ”.

“Эка беда, не продавали. Ну, а теперь продайте. Ведь вам они никуда уж не годятся”.

“Это правда. Да ведь меня то и затрудняет, что они уж мертвые...” [Да ведь всё как-то мне того... что того, что уж он мертвый]

“Что ж тут затрудняться? [Вместо “Что ~ затрудняться?”: Чего ж чудно] Ведь вам с них не доход собирать”.

“Вестимо. [Вместо “Вестимо”: Какой с них доход,] Что уж за доход с мертвого человека”.

] Перед этим было: Ну, видите.] “И подуш-

ное за него вы платите, как за живого”.

“Ох, отец мой, и не говори об этом”, сказала старуха. “Прошлого года внесла более полутораста, да заседателя подмаслила”.

“Ну, видите, матушка, а теперь подумайте только хорошенько, теперь вы вдруг избавитесь от всех расходов. Заседателя вам подмасливать нечего, ибо я за всё отвечаю, [Вместо “Заседателя ~ отвечаю”: Я уж теперь за всё отвечаю] крепость совершу на свой счет, убытки все, подушное и прочее... словом, всё уж я плачу”.

Старуха несколько призадумалась. [Здесь старуха опять задумалась.] Она видела точно, [видела очень] что дело выгодное для нее, но, с другой стороны, опасалась, чтобы как-нибудь не обманул этот покупатель.

“Так что ж, матушка, по рукам, что ли?” говорил Чичиков.

“Право, отец мой, никогда еще не случа-

лось мне продавать покойников. [продавать мертвых] Живых-то я продала вот и третьего года протопопу, двух девок по сту рублей каждую”.

“Ну, тогда продавали живых, а теперь продайте мертвых”.

“Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как не в убыточиться. Может быть, ты как-нибудь, отец мой, меня обманываешь: они больше стоят?”

“Что ж они стоят: они ничего не стоят! Ведь я вам даю за них деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Вы взгляните оком благоразумного человека, — это почти по рублю за человека. Что ни говори[те], а пятнадцать рублей вещь не пустая. На дороге вы их не сыщете. [На дороге вы не сыщете пятнадцати рублей] Ну, признайтесь, почему вы продали мед?”

“По двенадцати рублей пуд”.

“Хватили немножко грешка на душу, матушка! По двенадцати не продали”.

“Ей богу продала”.

“Ну, видите: так зато ж это мед. Вы собирали его, может быть, около года. А мертвые души дело не от мира сего. Вы здесь не прилагали с своей стороны, так сказать, никакого труда. [Вместо “А мертвые души ~ труда”: А мертвых душ вам бог сам послал. Его была на то божья воля. Вы ничуть не трудились для них.] [Его] На то была божья воля, чтобы они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать; да и не серебром, а всё синими ассигнациями”.

“Право”, отвечала старуха: “мое такое вдовье, неопытное дело. Лучше ж я маленько по временю, не наедут ли купцы, применюсь немного к ценам”.

“Помилуйте, матушка, что это вы говори-

те. Кто же станет покупать их? Неужто вы думаете, что найдется такой дурак. Вы уж много продали всякой всячины; ну, скажите по совести, спрашивал ли у вас их кто-нибудь?”

“Нет, батюшка, никто не спрашивал, ты впервой затеял...”

“Это вам самое и говорит, что они решительно[и говорит довольно ясно, что уж они решительно] никому не годятся”.

“А может как-нибудь в хозяйстве под случай”, [под случай понадобятся] возразила старуха, да и сама спохватилась, вспомнив-ши, что в самом деле проку с них мало.

“Мертвый в хозяйстве! Что это вы?” сказал Чичиков. “На что ж он? [Вместо “да и сама ~ На что ж он”]: не прибравшая другими словами [прикрыть св] дать изъяснение своей нерешительности.

“Что с вами, матушка! Что это вы? Вы, верно, чего-нибудь покушали. На что ж он при-

надобится?] Разве по ночам будет пугать воробьев в вашем огороде”.

“С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь, отец мой!”

“На что же другое они годятся? Впрочем, я их ведь и не беру с собою. Бог с ними! Пусть они вам остаются с костями и со всем. Весь перевод ведь будет значиться только по бумаге. Так что ж, матушка?”

Старуха задумалась.

“О чем же, Настасия Петровна, вы думаете, или вновь затрудняетесь? Неужто в самом деле”. [Вместо “Так что ж, матушка? ~ в самом деле”: Желал бы я знать, какую пользу в хозяйстве хотели вы получить от них Далее было: а. Да уж, конечно, какая с них польза”, отвечала старуха.

“Так что ж? жаль вам их, что ли?”

“Да чего ж жалеть, ведь они уж мертвые.

“Так из чего ж вы стоите за них?”

“Да я ж и не стою [за них] ни мало. Чего ж стоять за них”.

“Ну так отдавайте!”

“Как же отдать! Я, право, не знаю. Дело-то такое...”

“Да что же за дело? Дело обыкновенное”.

“Всё мне, право, сдаётся... А что ж вы переворотили чашку. Ведь это сквозник по 10 рублей фунт. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила покрепче”.

“Покорнейше благодарю. Я больше одной чашки не пью. Но мы, однако ж, отделились от предмета. Помилуйте, матушка, рассудите хорошенько, к чему вам здесь напрасно только слова терять. В самом деле, как будто из чего-нибудь доброго бьемся. Это просто людям на смех об этакой дряни да столько толков”.

“Да на что ж они вам нужны?”

“Да к чему вам это знать. Ну, просто хочется, чтобы всякой народ был у меня. Впрочем, это совершенно не идущая сюда статья. Да и какое вам дело? На то покупщик, чтобы покупать вещь. Пришла такая минута, что захотелось. Больше из человеколюбия... Отдавайте, матушка, да и концы в воду! Пятнадцать рублей положите в сундучок, и преславное будет дело”.

“Ей богу ж не знаю, как мне быть”, отвечала старуха: “товар-то такой странный...”

“Да бог с ним, какой бы ни был товар, да если выгодное дело, так что тут глядеть, по боку его, да и дело с концом. Подумайте только: ни хлопот, ничего. Заседатель приедет, а вы ему: “А зачем ты? пошел вон! Я знать ничего не знаю: я продала такому-то, ступай с ним возись!” Вот он и поехал дурак с носом”.

“Когда б то бог милосердный привел до

этого”, сказала старуха.

“Как не привести: дело в ваших руках. Так давайте, матушка, по рукам”.

Старуха опять задумалась.

“Когда бы то я сколько-нибудь была познающее. б. “Да уж, конечно, [далее как вар. а]. Дело обыкновенное”.

“Всё мне сдаётся... Боюсь я, право, чтобы как-нибудь не проторговаться. А что ж [далее как вар. а], нарочно приготовила для вас покрепче”.

“Покорнейше благодарю, [далее как вар. а] Помилуйте, матушка, что вы толкуете такое, на чем здесь проторговаться. Ведь это вещь уж вовсе ничего не значащая. Это дрянь, чтобы не сказать дурного слова. Сами посудите, для какого она употребления”.

“А вы-то сами что будете с ними делать, как купите?” сказала старуха.

“Да что же с ними делать? Просто хочется, чтобы всякой народ был. Из человеколюбия больше... Впрочем, это [далее как вар. а] сказала старуха.

“Приведет, приведет, как не привести. Дело в ваших руках. Так что ж, матушка, по рукам?”]

“Право ж, я не приберу-то, как мне быть... Лучше я вам пеньку продам”.

“Да что пенька! Пенька пенькою. Пенька не уйдет. В другой раз приеду, заберу и пеньку и всё, что ни есть. Так как же, матушка, отдавайте, что ли?”

“Не знаю, как сказать тебе. Товар-то такой странный”.

“Ну, матушка, я вижу, что с вами сам чорт не сладит”, сказал Чичиков, выведенный из терпения. [Вместо “Не знаю ~ из терпения”: а. “Право ж ты, отец мой, [на меня] в такой рас-

плох-то напал на меня”.

“Помилуйте, матушка, я не разбойник. [Впрочем], не с ножом [же] к горлу пристал; я прошу вас по доброй воле: не хотите, бог с вами”.

“Дай-то мне время хоть пообдумать сколько-нибудь. Может быть попадетсЯ добрый человек, чтобы посоветоваться”.

“Да о чем же здесь советоваться, [как будто дело нивесть какое важное.] Ведь [дело идет] вы сами согласны, что самый-то предмет дрянЬ. Послушайте, матушка! [Ведь вы сами] право, вам должно даже быть совестно. Разве продажа-то эта вам не выгодна, что ли?”

“Продажа-то выгодная...” отвечала помещица.

“Ну, позвольте, позвольте, матушка, начнем по порядку. Предмет этот, о котором я говорю, то есть ревижские души, и не души, потому что бог их давно взял к себе в мир луч-

ший, а можно сказать, одни только пустые имена. Ведь они вам в убыток, не так ли?”

“Ох, отец мой, да уж в какой убыток! Даже вспомнить страшно”.

“Да, в убыток дело. Теперь далее: а толку вы от них никакого не имеете”.

“Да уж, конечно, какой толк в мертвом человеке”.

“Почему ж вы не [решаетесь] соглашаетесь поскорее сбыть их?”

“Ох, отец мой, рада бы и душою и телом рада”.

“Так отдавайте ж, зачем же вы меня так долго водите”.

“[Так как же-то] Да ведь сам ты посуди. Как же-то опять и сбыть их? Дело-то совсем новое”.

“Чорт его знает, [матушка], какими словами и говорить с вами”, сказал наконец Чичиков.

б. “Ей богу, меня раздумье берет, ведь дело-то совсем новое”.

“Отчего ж новое, да и не новое всё; но стоит ли так затрудняться. Ничуть не новое, во все не новое”.

“А вы-то сами что будете делать с ними?”

“Да что ж с ними делать”, сказал Чичиков да и запнулся: “хочется просто, чтобы всякого рода был народ. Из человеколюбия больше... Впрочем, это вовсе не относится к делу. Так говорите, матушка, ваше последнее слово: продаете, или нет”.

“Боюсь я, право, чтобы как-нибудь не проторговать: товар такой странный”.

“С вами один только чорт может сторговаться, Настасия Петровна”, сказал Чичиков,

потерявши терпение.]

“Ох, не поминай его. Бог с ним”. [Ох, отец мой, бог с ним! зачем ты его помянул!] Еще третьего дни он мне приснился, окаянной. Вздумала было после молитвы загадать на ночь на картах, да верно в наказание-то бог и наслал. Такой гадкой привиделся, а роги [Далее начато: похожи] больше бычачьих.

“Я дивлюсь еще, как вам они по целым десяткам не снятся. [Вместо “Я дивлюсь ~ не снятся”: а. Поделом и приснился он вам. Я дивлюсь еще, что он вам один привиделся, б. Поделом и привиделся. Я дивлюсь и т. д. как в тексте.] Чорт побери, право”. [Известно, что после гаданья на ночь [всегда] многим помещицам снятся чорт. Причина этого до сих пор еще не открыта; впрочем, [те] помещицы, [которые имеют] имеющие более ста душ, уже не видят его. (Прим. Гоголя.)]

“Из одного христианского человеколюбия хотел. Вижу, бедная, беспомощная вдова убивается, терпит нужду... Но теперь богом кля-

нусь, что нога моя не будет больше у вас, и если какой покупатель придет к вам, то чтобы он окошел, прежде чем взойдет в вашу комнату”.

“Ах, какие побранки-то [какие ты побранки] гнешь ты, отец мой”, сказала старуха, глядя на него почти со страхом.

“Да нельзя ж, матушка. Я не нахожусь, как с вами быть. Из короба не лезете, в короб не едете и короба не отдаете. [Вместо “Да нельзя ~ не отдаете”: Да мочи нет с вами] Хотел было заезжать к вам всегда покупать хозяйственные продукты: [Далее было: Я и с казною имею подряды] мед, пеньку и прочее, потому что я подряды разные и с казною тоже... Но теперь, признаюсь, я в такое положение приведен...” [Вместо “Но теперь ~ приведен”: Да теперь, право, отложу всякое почтение. “Да что ж ты, отец мой, так рассердился?” сказала хозяйка. Она было]

Слова казна и подряды, сказанные Чичиковым вскользь, произвели над Настасией

Петровной большое действие.

“Чего ж ты, отец мой, так осерчался!” сказала она голосом почти просительным. [а. Слова казна и подряды заставили старуху призадуматься. С одной стороны, она представляла выгоды, которые она могла получить от этого сношения с казной, с другой стороны, останавливало ее то, что бог его знает, какого сорта был этот покупатель и не думает ли он, пользуясь ее незнанием, выманить у нее товар, который, может быть, теперь в цене и в ходу. Боязнь однако ж утратить такого выгодного покупателя, который ведет подряды с казной, наконец, одержала верх. Она наконец сказала: “Да чего же ты, отец мой, так рассердился!” б. Слова казна и подряды, сказанные Чичиковым вскользь, произвели над Настасией Петровной большое действие. Хотя ее, с одной стороны, останавливала совершенная неизвестность дела, но, с другой стороны, перед ней стоял покупатель, который ведет подряды с казною. Это обстоятельство, наконец, одержало верх, и вот каким образом она сказала: “Да чего ж ты, отец мой,

так осерчался!”] “Если бы я знала, что ты такой сердитый, я бы никак не прекословила тебе”.

“Есть из чего сердиться. Из какой-нибудь тряпки![Далее было: я стану сердиться] Да если вам кто-нибудь половину даст той цены, которую я даю, то я сейчас же готов возвратить вам их. Нашли добро. Что, они золотые, что ли?..”

“Нечего с тобою делать. Я готова тебе отдать за пятнадцать ассигнациями. Только пожалуста уж смотри[Далее начато: как только] насчет подрядов-то. Если случится муки брать ржаной или гречневой или круп или скотины битой, так уж пожалуста не обидь меня”.

“Нет, нет, матушка, не обижу”, говорил герой наш и между тем отирал рукою пот [который градом катился][Вместо “Нечего с тобою ~ катился”: “Да изволь, изволь, отец мой. Нечего с тобою делать. Так и быть, бери их себе. Только, ей богу, дело-то совсем новое. Я уж

так только, чтобы тебя-то не гневить”. Здесь герой наш отер пот, который в На этом текст обрывается. Следующий лист рукописи не сохранился.]

“Прошу покорно закушать грибков”, сказала на это хозяйка.

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже и грибки, и блинки, и пышки, и пирожки и еще что-то такое, что и отгадать [что и разобрать] было трудно. Он придвинулся к грибкам и нашел, что они были вкусны. [Вместо “Прошу покорно ~ вкусны” сохранился текст, начало которого было на утраченном листе: которого рисуют на картинах, когда он дует в [бок] спину какому-нибудь несчастному кораблю. “А что ж ты, отец мой, грибков-то?” сказала хозяйка. “Поедим и грибков, поедем, матушка”, отвечал Чичиков: “грибки хорошая вещь”. Засим придвинулся он к тарелке с грибками. Грибки точно были недурны и после написания деловой бумаги показались очень вкусными.]

“А блинков?” сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмокнув их в растопленное масло, отправил в рот и вытер рот и руки салфеткою. Повторивши это раза четыре, он сказал, наконец: “Теперь я вас прошу, Настасия Петровна, послать приказать моему кучеру, чтобы подавал бричку”.

“Да ведь еще рано, отец мой”, сказала хозяйка. “Может быть пообедал бы у меня?” [Может быть [ты] бы пообедал у меня?]

“Нет, матушка, пора. Пожалуста прикажите”.

Хозяйка тут же дала повеление девке, [Хозяйка приказала тут же девке] принесшей еще тарелку с блинами, пойти на кухню и сказать, чтобы давали бричку.

“А в ожидании еще съем два блинчика горячих”, сказал Чичиков. “У вас очень вкусные блины”.

“Да у меня-то их хорошо пекут, да беда моя, [Да у меня-то их вкусно пекут, да вот-то беда моя] что урожай-то был дурной. Мука-то такая неавантажная. Ни дать, ни взять, как будто бы черненькие мошки по ней”.

“Нет, блинцы хороши”, говорил Чичиков, вытирая руки и принимаясь за картуз свой. “Итак, матушка, до свидания. Желаю вам счастливо оставаться!”

“Да еще ж не заложили”.

“Заложат, матушка, заложат. У меня скоро закладывают”.

“Прощайте, батюшка! Доброго пути вам!” говорила хозяйка, провожая его в сени. “Так уж, пожалуста, не позабудьте насчет подрядов”.

“Не позабуду, не позабуду”, говорил Чичиков в сенях. [Вместо а. “Так уж ~ в сенях”: “Да не забудь меня, если что случится покупать,

так пожалуйста уж... Приезжайте”.

“Приеду, приеду”.

“Уж пожалуйста не позабудьте”.

“Не позабуду, не позабуду, матушка”, говорил Чичиков, отпирая дверь, ведущую на крыльцо, б. Так уж ~ говорил Чичиков, выходя на крыльцо.]

“А свиного сала не покупаете?” сказала хозяйка.

“Почему не покупать, покупаю, только после”.

“У меня о святках и свиное сало будет”.

“Купим, купим, всего купим, и свиного сала купим”, говорил Чичиков, выходя на крыльцо.

“Может быть понадобится еще птичьих перьев. У меня к духову дню будут и птичьи перья”.

рья...”

“Хорошо, хорошо”, говорил Чичиков. [“Может быть ~ Чичиков” вписано.]

“Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова”, говорила хозяйка.

“Будет, будет готова. Расскажите [Покажите] только мне, матушка, дорогу в город”.

“Не знаю, как бы тебе рассказать, чтобы опять как-нибудь не заблудился”.

“Мне бы только добраться до большой дороги”.

“Как же бы это сделать так”, сказала хозяйка. “Так-то рассказать мудрено, потому что много поворотов. Разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила. Ведь у тебя, я чай, есть место на козлах, где бы сесть”.

“О! поместится”, сказал Чичиков.

“Пожалуй я тебе дам девчонку. Она у меня знает дорогу. Только ты, смотри, не завези ее. У меня уж одну завезли купцы”.

“Не беспокойтесь, матушка, мне она не нужна”.

В это время подъехала под крыльцо Чичикова бричка.

“Ей, Пелагея”, сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в пестром платье из домашней выбойки и босыми ногами, которых издали можно было принять за сапоги, так они [за сапоги, до такой степени они] были крепко облеплены свежешо грязью. “Покажешь барину дорогу”.

Селифан помог девчонке взлезть на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью и потом уже взобралась на верхушку козел и села возле Селифана.

Селифан был во всю дорогу чрезвычайно

сурьезен и необыкновенно ревностен и внимателен к своему делу, что всегда случалось с ним после того, когда что как-нибудь провинился или был пьян[На этом текст обрывается.]

<ГЛАВА V>

Чичиков тоже придвинулся с своими креслами несколько поближе и невольно кашлянул прежде начатия речи, отдавши таким образом дань старой привычке всех проповедников. “Нельзя сказать...” таким образом начал Чичиков, “чтобы то, о котором[чтобы та вещь, о которой] я вам сейчас хочу предложить, было большой важности. Признаюсь, я даже опасаюсь, чтобы вы как-нибудь моей просьбы не почли даже безрассудной, потому что, точно, с некоторой стороны, она может показаться [отчасти] несколько странною... Дело вот в чем: в ревижских сказках, как вам не безызвестно, [как вам известно] числятся совершенно все души, составляющие недвижимость владения, [Далее начато: хотя] несмотря на то, что между ними есть такие, которые уже давно не существуют, но по существующим положениям нашего государ-

ства, равного которому в силе и славе, можно сказать, нет другого во всем мире, и иностранцы очень справедливо удивляются...[нашего государства, в силе и славе равного с которым, можно сказать, нет во всем мире, [другого государства] другого] так по таковым положениям, до подачи новой ревижской сказки, подати за них вносятся как за существующих. Тогда, как они между тем с своей стороны[Далее было: [не только никакой пользы] больше ничего, как [один] только пустой звук и] не только пользы, но даже убытки наносят владельцу. [не только никакой пользы, но даже наносят убытки] Чтобы доставить [можно сказать] за одним разом и вам пользу, [Далее начато: и себе также кое-что, хотя] потому что я к достойным людям всегда[Далее начато: име<л?>] чувствовал истинное уважение... я прошу вас уступить этих несуществующих мне. То есть перевести их на мое имя так, как бы вы их продали мне”.

Собакевич слушал с тем же флегматическим видом и совершенным бесстрашием. Казалось, в этом теле вовсе не было души,

или, лучше, она у него была, но [Далее начато: где-то] вовсе не там, где следует, а как у бессмертного Кощея где-то за горами и закрыта такую толстою скорлупою, что всё, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности его лица.

“Так можете ли вы меня удовлетворить в этом отношении?” сказал Чичиков, поглядывая на него с некоторою робостью.

“Вам нужно мертвых душ?” произнес обыкновенным своим голосом Собакевич.

“Да. Несуществующих”, отвечал Чичиков. “Так есть ли, у вас такие?”

“Найдутся; почему не быть”, сказал Собакевич [опять] тем же бесстрастным голосом, но с некоторою расстановкою, как будто бы в это самое время он о чем-то размышлял.

“В таком случае, если вы мне решитесь их уступить, я говорю впрочем, несправедливо:

уступить, потому что кто же будет делать предметом купли такое дело, так если вы решаетесь так меня несказанно одолжить, чтобы я всегда помнил ваши ласки... то в таком случае я, пожалуй, готов купчую на свой счет...”

“Да уж, конечно: купчая должна быть на счет покупателя”, сказал Собакевич, смекнувший между тем, что покупатель без сомнения должен был иметь какую-нибудь выгоду” решаясь на такое приобретение.

“Извольте, я вам продам и, как с человека знакомого, я с вас, пожалуй, возьму недорого”.

“Чорт бы тебя побрал”, подумал Чичиков про себя: “со всего хочет содрать плевую! А по сколько вы бы взяли?” сказал он вслух.

“Чтобы не запрашивать с вас лишнего и напрасно не торговаться с вами, по сту рублей за штуку!” сказал Собакевич.

“По сколько вы изволили сказать?” произнес Чичиков, подумавший, что он ослышался.

“По сту рублей за штуку”, сказал Собакевич: [Далее начато: “Впрочем”] “Пожалуй, я вам даже сделаю то уважение, что возьму серебром вместо ассигнаций”.

“Как же...” сказал Чичиков, несколько смутившись, и остановился. “Я полагаю, впрочем, что [Далее было: продолжал он] вам угодно было пошутить. Я не могу поверить, чтобы вы стали продавать, да еще и дорожить-ся”. [Далее начато: за такую вещь, которая...”]

“Какая ж тут дороговизна?” прервал Собакевич.

“Помилуйте, как же можно запросить вдруг такую сумму”. [Далее начато: Я признаюсь...]

“Сумма умеренная”, сказал Собакевич. “А по сколько вы хотели дать?”

“Я признаюсь”, говорил Чичиков: “зная, что это вещь вовсе вышедшая из всякого употребления, никак не полагал, чтобы вы могли извлекать из нее какой-нибудь интерес, и в случае, если бы вы уже не захотели быть так ко мне добры и решились попользоваться профитом, — я предполагал, что по осьми гривен на душу очень достаточная цена”.

“Как! по двухгривенному за душу!” вскричал Собакевич.

“Да. Я полагаю, что это весьма достаточная цена”, сказал Чичиков.

“Ведь я вам продаю не лапти”, сказал Собакевич.

“Однако ж, позвольте и мне тоже сказать”, произнес Чичиков. “Рассмотрите и мое положение: с какой стати я буду платить за людей уже не существующих, которые мне принесут только расход и разорение”.

“Так вы думаете, что я вам продам по двух-

гривенному ревижскую душу?”

“Помилуйте, какая ж она ревижская, она только на бумаге стоит ревижскою. Она в разоренье вам... Впрочем, чтобы с вами не спорить, даю по полтора рубли и больше, право, не могу ничего прибавить”. [Далее было:

“Ой, дадите больше”, сказал Собакевич.

“Ей богу, не могу”, отвечал Чичиков.

“Дадите, дадите, я уж знаю, что дадите”, сказал Собакевич.

“Я вам не шутя говорю, что больше не могу дать”.

“Так поскольку]

“По сколько вы сказали?” сказал Собакевич.

“По полтора рубли”, отвечал Чичиков.

“Стыдно вам и говорить такую сумму. Вы торгуйтесь, говорите настоящую цену”.

“Что же мне давать вам! Ведь самый-то предмет уж решительно не стоит никакого уважения. По полтине прибавлю”. [Вместо “По полтине прибавлю”: Я и так вам даю столько, как не знаю, кто бы мог дать. По полтине прибавлю. Два рубли и больше ни копейки”.]

“Да чего вы скупитесь?” сказал Собакевич. “Право, не дорого. Ведь иной мошенник обманет вас: продаст вам дрянь, а не души; а у меня уже всё, что называется, как один. И все: [уже все что называется как один. И всё:] то мастеровой, то другой какой-нибудь тоже здоровый мужик. Вы рассмотрите хорошенько. Например, каретник Михеев: больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, что как бывает московская работа, что на один час, прочность такая... сам и обобьет и лаком покроет”.

“Да что ж из этого? Ведь его уж нет на свете”.

“А Авдеев, [коров<ье>] толстое брюхо, как прозвали его мужики!” продолжал Собакевич, не обращая внимания на слова Чичикова. “Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силище была! Служи он в гвардии, ему бы бог знает, что дали: трех аршин с половиною ростом!”

“Да [ведь] что ж из этого...”

“А Парамон кирпичник?[А Парамон Кирпичников?] Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги; что сапоги, [Вместо “что шилом ~ сапоги”: что [сделает сапоги] как бывало хватит, так и сапоги] то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного. А Миняй Протрухин? Да этот мужик один станет за всех; в Москве торговал. Одного оброку приносил по пятисот рублей. Вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин”.

“Да что ж из этого? Ведь они мертвые”, ска-

зал Чичиков.

“Да. Конечно, мертвые...” сказал Собакевич, как бы немного опомнясь. “Впрочем и то сказать, что из этих людей, которые числятся теперь живущими: что это за люди? Мухи, а не люди”.

“Да всё-таки, по крайней мере, существуют. А это ведь мечта”. [Вместо “Впрочем и то сказать ~ мечта”: “Всё, однако ж, не то, что у других. Ведь вы у других что купите? такое купите: будут мухи, а не люди; а здесь, что ни человек, то...”]

“Да ведь из них же теперь никакого нельзя сделать употребления. Ведь это просто мечта и больше ничего”.]

“Ну, нет, не мечта. Я вам доложу, каков[какой] был Михеев, так вы таких людей не сыщете: [с фонарем не сыщете] машинища такая, что в эту комнату не войдет. Нет, это не мечта! а в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади. Хотел бы я знать, где

в другом месте найдете такую мечту”.

“[Да], была силище, да [теперь] земля прибрала”.

“Эх, какие вы право [стр<анные>]. Да ведь потому-то я и прошу с вас так дешево, что земля прибрала, а будь они живы, так я бы по тысяче за душу не продал, ей богу, не продал бы!”

“По два рублика”, сказал в ответ на это Чичиков. [“Так по два рублика отдавайте!” сказал Чичиков.]

“Извольте, чтобы вы не претендовали на меня, [Далее было: и не говорили] что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте: по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями. Право, только, [так только] для знакомства”.

“Я,[Я, право] не понимаю”, сказал Чичиков: “какое вам удовольствие заламливать такие цены? Вы знаете сами их ничтожность. На

что они? Кому они нужны?”[Вместо “На что ~ нужны”: Кто их у вас купит? Они у вас пропадут даром; правда, они уж и без того пропали. Посудите сами, кому они могут быть нужны?”]

“Да вот вы же их покупаете: стало быть они нужны”.[стало быть нужны”]

“Ну я другое дело...” сказал Чичиков, да и остановился, несколько смешавшись. “Потому что мои особенные отношения, отношения семейственные...”[дела семейственные...”]

“Мне не нужно знать, какие у вас отношения. Это ваше дело, а не мое. Вам понадобятся души — я и продаю вам, и, право, будете раскаиваться, что не купили”.[Далее было:

“Помилуйте, побойтесь бога”, сказал Чичиков. “Как же можно запрашивать по семидесяти рублей, вы верно позабыли, что это мертвые”.

“Потому-то я вам и продаю так дешево”, сказал Собакевич, “что они уже мертвые, а будь они живые, я бы вам их по тысяче рублей не продал, ей богу, не продал! Ведь что за народ!”]

“Воля ваша, два рубли и больше ниче<го” >

“[Вы, право] Затвердила Сорока Якова одно про всякого. Как наладили на два, так не хотите с них[“Воля ваша, два рубли, это самая последняя цена, какую я только могу дать”.

“Вы всё свое: как два, да два: как наладили на одно, так не хотите с него] и съехать. Вы давайте настоящую цену!”

“Помилуйте, за что же давать? Впрочем, [Впрочем, так и быть:] полтину еще прибавляю”.

“Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей! право, убыток себе, [Далее было:

“Два с полтиною! больше ни копейки”.

“Эй, будете раскаиваться”.] дешевле нигде не купите такого хорошего народа”.

“Будьте[О, будьте] уверены, что куплю. Никто не станет даже “брать цены за такой пустяк. [а. Никто не станет дорожиться из такого пустяка; б. Никто не станет заламливать какой-нибудь цены за такой пустяк] Напротив, даже рад будет от него отделаться”.

“Однако ж, знаете, что покупка такого рода не всегда! позволительна, и если бы этак рассказал кто-нибудь, положим я, или кто другой, то эдакому человеку может даже неприятность случиться... и никакой не будет доверенности касательно заключения контрактов, ниже вступления в какие-нибудь выгодные обязательства”.

“Подлец!” проговорил про себя, стиснув зубы, Чичиков, однако ж не показал вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какое-нибудь впечатление, и отвечал равно-

душно: “Как вы себе хотите, я этого ничего не боюсь... Я это покупал[Я души покупал] вовсе не для какой[-нибудь] надобности, но единственно для удовольствия только...[но просто для собственного удовольствия...] Впрочем, за ваши души я даю по два с полтиною. [по три рубли] Не согласны — так прощайте”.

“Тридцать пять ассигнациями и бог с вами, берите их себе”.

“Нет, вы не хотите, как я вижу, продать”, сказал Чичиков и взял в руки шляпу [однако ж, оборотившись, прибавил еще полтину]. [Далее было:

“А вы не хотите купить. Право, будете жалеть”.

“Прощайте!” сказал Чичиков, подавая ему руку и уходя в переднюю.

“Право, будете пенять на себя! хотите: двадцать пять!”

“Нет”, сказал Чичиков: “Три рубли, больше ни ни. Я уже сказал раз и не хочу отступить от своего слова. Чтобы сделать, однако ж, последнее вам снисхождение, делаю надбавку по четверти, больше, хоть бы рад был, не могу”.]

“Позвольте, позвольте”, сказал Собакевич, взявши его за руку и ведя в гостиную: “Пожалуйте сюда, я вам что-то скажу”.

“Зачем же вам из пустого беспокоиться? Я уже вам <сказал?> мое последнее слово”.

“Позвольте, позвольте”, говорил Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, потому что Чичиков позабыл побережчяся.

“Прошу прощения! Я, кажется, вас побеспокоил”, сказал Собакевич, заметивший свою неосторожность. “Пожалуйте, садитесь сюда”. [Далее было: Он показал ему на кресло.] Здесь он усадил его на кресло с некоторою даже [даже с некоторою] ловкостью, как такой

медведь, который уже побывал в искусных руках цыгана.

“Право, я напрасно только время трачу”, говорил Чичиков. “Мне нужно спешить”.

“Посидите одну минуточку”, говорил Собакевич: “я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово”. Тут он приблизился к нему ближе и начал говорить так тихо, как будто по секрету: “Для вас по 20 рублей! Ей богу, из приязни. Пусть хоть сам потерплю, да вам, по крайней мере, докажу мое почтение”.

“Два с полтиною!” сказал Чичиков. [Вместо “Два ~ Чичиков”: “Право, не могу. По три с четвертью [возьму] если хотите, возьму”].

“По двадцати”, сказал Собакевич.

“Не могу”. [Вместо “Не могу”:

“По три с [четвертью] полтиною”, сказал Чичиков.

“Так не даете по двадцати?”

“Не могу, ей богу, не могу!”]

Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две[Целые две минуты] длилось молчание. Багратион с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку. [Далее было: и, как казалось, терялся в догадках насчет этого в первый раз случившегося казуса]

“Какая ж будет ваша последняя цена?” сказал наконец Собакевич.

“Два с полтиною”. [Вместо “Два с полтиною”: “Цена моя известна вам: по три с четвертью”].]

“Вы даете[“Вы все, право, даете] как будто за горох или за грибы. Это даже стыдно с вашей стороны. Всё ж таки человек. А если хотите красненькую с синенькою?” [Вместо “А если ~ с синенькою”: а. “Помилуйте, какой же он человек? Это вам стыдно называть

людьми прах”.

“Ну, пятнадцать, извольте, отдаю за пятнадцать”, б. Начато: и если хотите пятнадцат<ь>]

“Ничего не могу дать больше двух с полтиною!”[больше трех с четвертью.]

“Да прибавьте хоть по полтине, по крайней мере, чтобы было ровно по три рубли”.

“Не могу”. [Вместо “Да прибавьте ~ Не могу”: а. “С вами, как я вижу, нельзя сойтись: я с своей стороны делаю всякую уступку, а вы не хотите ничего надбавить”.

“Ну, четверть, пожалуй, еще прибавлю, чтобы было по три с полтиною”.

“Да прибавьте что-нибудь посущественнее, кто ж прибавляет по четверти!”

“Не могу”.

“Хоть бы по четыре дали для ровного счета”.

“Что же делать, не могу”.

б. “С вами ~ уступку, а вы ничего не хотите. Прибавьте хоть по полтине по крайней мере, чтобы было по четыре ровно”.

“Не могу”.]

“Ну, нечего с вами делать. Извольте, извольте! Так уж и быть, берите их себе”, [Далее начато: гово<рил>] сказал Собакевич. “Убыток, ей богу, убыток, да что прикажешь делать; такой уже нрав: не могу, чтобы не доставить удовольствия ближнему. Купчую, однако же, ведь нужно будет [Вместо “Купчую ~ будет”: Где же совершим купчую? Нужно будет] совершить в городе”.

“Вы будете в городе?” спросил Чичиков.

“Пожалуй, могу побывать”, сказал Собакевич. “По милости вышнего бричка есть, будет

в чем приехать”.

“А как скоро полагаете вы быть в городе?”

“Для удовольствия вашего могу даже приехать завтра”. [даже завтра приехать]

“Очень хорошо. [Далее начато: Так] В таком случае мы завтра же и крепость совершим. Еще я хотел у вас попросить об одном: не можете ли вы мне дать небольшую выпи-сочку, в которой были бы прописаны одни только имена душ?”

“С большою готовностью”, сказал Собакевич. И, подошедши к какой-то неуклюжей мебели в виде бюро, которого Чичиков вначале было совсем не заметил, вынул оттуда лоскуток исписанной бумаги и приписал тут же карандашом много разных примечаний насчет звания и профессии умерших лиц. После чего подал ее Чичикову, сказавши: “Да, за это приобретение [вы] будете всегда благодарить”.

Чичиков поблагодарил сквозь зубы и спря-

тал записку в карман.

“Теперь пожалуйста же задаточек”, сказал Собакевич.

“К чему же вам [теперь] задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги”.

“Всё, знаете, так уж водится!” возразил Собакевич.

“Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег; десятирублевая, впрочем, есть”.

“Что ж десять! Дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят”.

“Я вас уверяю, что [не взял] нет”.

“Как можно! Я знаю, что у вас денег больше, чем у доброй дворняги блох”.[а. “Как можно! чтобы не было”, произнес равнодушно Собакевич: “Деньги всегда есть у покупателя”; б. “Как можно! Я знаю, что у вас столько денег, как у собаки блох”]

“Ну, пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйста только расписочку”.

“Да на что вам расписка?”[расписочка]

“Всё, знаете, лучше расписочку. Не ровен час: всё может случиться”.

“Хорошо, дайте же сюда деньги!”

“На что ж деньги? у меня вот они в руке. [Сейчас] Как только напишете расписку, в ту же минуту их и возьмете”.

“Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги”.

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки[и накрывши пальцем левой руки бумажки] другою написал на лоскуточке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными

ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. Написавши расписку, он пересмотрел еще раз ассигнации.

“Бумажка-то старенькая”, произнес он, [сказал он] рассматривая одну из них на свет: “немножко разорвана, ну, да [уж] ничего: между приятелями нечего на это глядеть. Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство. А женска пола не хотите?”

“Нет, покорнейше благодарю”.

“Я бы не дорого и взял. Для знакомства по три рубли за штуку”.

“Нет, благодарю. В женском поле я не нуждаюсь”.

“Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет никакого закона. Кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица”.

“Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами”, сказал Чичиков.

“Да, уж само собою разумеется, третьего сюда нечего мешать: что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно и остаться во взаимной их дружбе. [в их взаимной дружбе] Прощайте! Прощайте! Благодарю, что посетили. Прошу и впредь не забывать. Если выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу”.

“Да как бы не так”, думал про себя Чичиков, севши в бричку. “По два с полтиною содрал за мертвую душу! Верно был, подлец, частным приставом, а после, я думаю, служил и в таможне и в казенной палате. Это наверно, это и по лицу видно. Да, должен быть бесстыгия не последняя. Старого леса кочерга! Даже фрак его так [точно] пахнет, как в присутствии”. Он привстал несколько, оглянулся назад. Дом барской был еще виден и на крыльце

стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет.

“Подлец, до сих пор еще стоит!” проговорил он с досадою и велел Селифану, поверотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы экипажа нельзя было увидеть с господского двора. Ему хотелось расспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось об этом дать знать Собакевичу.

Он выглядывал, не попадетсЯ ли где мужик, и точно, скоро заметил мужика, который, попавши где-то претолстое бревно, тащил его на плече к себе в избу.

“Ей, борода! куда дорога к Плюшкину?”

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

“Не знаешь?”

“Нет, барин, не знаю”.

“Вот еще, как же ты Плюшкина-то не знаешь?”

“Ей богу, барин, не знаю”.

“А скряга-то этот, Плюшкин-то, тот, что скуп-то”.

“Знаю, знаю. Заплатанной... заплатанной!..” вскрикнул мужик. Было им произнесено и существительное к слову заплатанной, да мы уж лучше [не произнесем это] оставим в покое существительное. Всему свету известно, что русской народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают метки, да в светском разговоре неупотребительны. Впрочем, всё зависит от привычки и от того, как какое имя обходится. Кому, например, неизвестно, что у нас люди, дослужившиеся первых мест, такие носят фамилии, что в первый раз было совестно произнести их при дамах. Однако ж теперь и дамы произносят их — и ничего. А носильщики этих фамилий, как бы не о них

речь, ничуть не конфузятся и производят их даже <?> от Рюрика, между тем как может быть их же крепостной человек им прислужился. Но последуем за героем нашим и посмотрим, как он поедет к Плюшкину. [Вместо “Да как бы не так ~ к Плюшкину”]:

а. Глава 6. “Как бы не так! как раз приеду!” говорил Чичиков уже в бричке и выезжая со двора. “По три с полтиною содрать за душу! Бывают же эдакие бездельники! Пятьдесят раз три рубли, это будет полтораста, да пятьдесят полтин — двадцать пять, итого сто семьдесят пять рублей. О! это должна быть старого леса кочерга. Протянул, думаю, порядочную лямку на свете. Верно, служил и в казенных палатах и таскался по всем судам. Шутка ли: сто семьдесят пять рублей! Ведь это легко сказать; и за что ж? Добро бы было за что-нибудь существенное, а то за мечту...”

“А что, барин, куда прикажете ехать, — в город аль нет?” сказал в это время, оборотившись к нему, Селифан и тем самым заставил его прийти в себя.

“Куда ехать?” повторил Чичиков. “Постой, я тебе сейчас скажу”. Тут он привстал и оглянулся назад: дом барской был еще виден весь, на крыльце стоял Собакевич и, как казалось, приглядывался, куда гость поедет.

“Подлец, до сих пор еще стоит!” сказал Чичиков сам в себе и велел Селифану отъехать несколько подальше. Когда Селифан немного отъехал, Чичиков опять приподнялся поглядеть: от дома барского видна была одна только крыша да трубы. “Послушай-ка, Селифан!” сказал он: “поезжай-ка теперь к Плюшкину!”

“Куды ж к нему поворотить — направо или налево?” спросил Селифан.

“Будто не знаешь дороги?”

“Нет, барин, не знаю. В такой деревне еще никогда не был”, сказал Селифан.

“Да ведь это не деревня; это помещик... Ведь ты к нему знаешь дорогу!”

“Как милости вашей будет завгодно”, говорил Селифан. “Я бы то есть с большою охотою готов, как бы был с ним в знакомстве... да лих беда, что его милость-то совсем не видел”.

Чичиков вспомнил, что Селифан точно не мог знать дороги. Да и ему самому тоже Собакевич не объявил ее. Поглядевши вокруг, он заметил мужика, который где-то попал претолстое бревно и тащил его на плече к себе в избу.

“Послушай-ка, борода!” сказал Чичиков, когда [он] мужик приблизился к нему и снял свою коричневую шляпу с таким перехватом на середине, как на песочных часах: “скажи-ка, куда дорога к Плюшкину?”

Мужик, казалось, очень затруднился таким вопросом.

“Что, не знаешь?”

“Нет, барин, не знаю”.

“Как не знаешь: тот-то, что скуп”.

“А! заплатанной... заплатанной!..” вскрикнул мужик. Было [к нему] им произнесено и существительное к слову заплатанной, да только оно такого рода, которое разве только одному-то русскому мужику позволяется произносить, в светском же разговоре вовсе не употребительно. [Впрочем все] Известно, что русской народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают очень метки и удачны, но в светском разговоре вовсе неупотребительны. ~ А сами носящие эти фамилии даже производят их теперь чуть не от Рюрика, между тем как может быть их же крепостной человек им прислужился в этом. Так всё на свете наконец облагораживается!

“Этот-то звестно где живет”, говорил мужик: “только вашей милости нужно будет маленько поворотить назад и проехать мимо господских покоев”.

“А нельзя ли так, чтобы не мимо [барских] господских покоев?”

“Есть, пожалуй, другая дорога, немного будет повыше, только всё господских-то покоев будет немного видно”.

“Ну, нечего делать. Возьми-ка ту дорогу, которая повыше”, сказал Чичиков Селифану: “и поезжай пошибче”.

Селифан не заставил себе повторять в другой раз этого приказания и, поворотивши назад, припустил лошадей во всю прыть. Дом точно был несколько виден. Он даже заметил, что Собакевич всё еще стоял на крыльце и, казалось, очень внимательно старался рассмотреть его бричку. Чичиков опять вспомнил о том, что дал по три с полтиною за душу, и внутренне потешил Собакевича мерзавцем.

Показавшаяся скоро деревня Плюшкина рассеяла его досаду. Изб было столько и т. д. как в тексте.

б. После слов: Как бы не так [далее как вар. а] лямку на свете. О [служил, служил этот подлец-то, служил]. Служил, служил мерзавец в казенной палате, это видно. Я думаю, даже не был ли и в таможене. Шутка ли [далее как вар. а] никогда не был”, сказал Селифан. Барин сказал кучеру, что он дурак, что это помещик, а не деревня, а дорогу он должен знать. Но скоро вспомнил сам, что Селифану [нельзя было знать] точно, неоткуда было проведать. Он выглядывал, не попадетса ли где мужик ~ прислужился в этом. Так все на свете [далее как вар. а] Возьми-ка ту дорогу, что повыше”, сказал Чичиков [далее как вар. а] рассеяла его досаду.]

<ГЛАВА VI>

Прежде, в лета моей юности, мне было очень весело подъезжать в первый раз к незнакомой деревне. Кучу нового и чудес архитектурных видел я во всяком уездном городе: и казенный каменный дом [и], торчавший среди низеньких одноэтажных домиков обывателей и мещан, и правильно круглый купол выбеленной каменной церкви, и рынок,

и гостинный двор, и уездный фронт, и поп, и странная колымага, гремящая по улицам, — всё привлекало мое свежее внимание, и я, высунавши нос из своей походной телеги, глядел и замечал всё: и античный покрой сертука, весьма необыкновенного, до[Далее начато: чепца] изюма и мыла, который[Далее начато: продают купеческие приказчики в длинных сертуках] был выставлен в дверях овоенных лавок. Когда я подъезжал к какой-нибудь <деревне?> незнакомого помещика, я смотрел любопытно на выказывающие<ся> ветряные мельницы, [В подлиннике: мельницу] деревянную узкую, высокую или широкую разъехавшуюся[Далее начато: на все <стороны?>] почерневшую церковь. Я видел мелькавшие сквозь деревья трубы и крышу помещичья дома, и я[Далее начато: старался] с нетерпением ожидал, чтобы он показался весь, чтобы рассмотреть его, впрочем, пошлую наружность. [впрочем пошлую архитектуру] Я старался угадать по нем и по всём имени, кто таков помещик и толст ли он, и сыновья ли у него или дочери, и сколько их, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам,

или сурьезен, глядит в окно и читает один календарь. Теперь равнодушно подъезжаю к всякой незнакомой деревне и пошло гляжу на ее пошлую жизнь, и не смешно мне, и ку-ча того, что возбудило и смех и замечательность когда-то, теперь скользит мимо. О моя юность! о моя свежесть!

Деревня Плюшкина, помещика, к которому ехал друг наш, была что-то похоже на запачканный стирок или тряпку, которою [сначала] прежде вытирали пол в комнатах, потом вышвырнули ее на кухню. Там повар сначала ею вытирал сковородки, потом свои сапоги; кидали ее в один угол, в другой и потом уже вышвырнули на улицу. [“Прежде, в лета ~ на улицу” вписано карандашом.] [Изб было столько, что не перечесть. Они были такие старье и ветхость, что можно было дивиться, как [они] не попали в тот музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торга, вместе с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на которые однако ж покупатели глядели сомнительно.] Крыши на них просвечивали, как

решето, и воробьи пролетали[воробьи лета-
ли] их напролет; впрочем, дыры были такой
величины, что, кажется, [что даже] и вороны
могли пробраться. Кажется, сами хозяева
разобрали с них драницы на разные свои по-
требности, рассуждая и весьма справедливо,
что в дождь избы не кроют, а в ведро и сама
не каплет. Притом нечего в ней и бабиться,
[весьма справедливо, что и без крыши в избе
можно так же заснуть, забравшись на полати,
а днем не бабиться же весь день [в избе] в
ней] когда есть простор и в кабаке, [и] на
большой дороге, [Далее было: и на улице и]
словом, где хочешь. Окна в избенках были,
как водится, без стекол, иные из них были за-
ткнуты тряпкою или зипуном. Балкончики
под крышами, с перилами и резными укра-
шениями, неизвестно для какой причины де-
лающиеся в русских избах, были тоже в жи-
вописном разрушении. Огромный ряд скирд
сена и хлеба стоял в стороне. По виду он ка-
зался очень лежалым, потому что цветом был
похож больше на старый кирпич, [больше на
навоз] чем на сено, и на верхушках их росла
всякая дрянь. Сено и хлеб были, без сомнения,

господские, [потому что] у мужиков они бы не залежались так долго. Скоро и господской дом выглянул каким-то сутуловатым инвалидом с мезонином и высокою крышею. Одна труба уже развалилась. [Далее начато: Щека-турка] Дождь и время [Далее начато: оббили щекату<рку>] отвалили во многих местах с стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу; [похоже на карту] кое-где торчала щекатурочная решетка. Из окон только два глядели на двор; прочие были заставлены ставнями. Эти два окна, с своей стороны, тоже были несколько подслеповаты. [тоже были не очень здоровы] На одном из них был наклеен треугольник из синей сахарной бумаги. Двор, однако ж, был обнесен довольно крепкою оградю, которая, может, когда-нибудь была выкрашена краскою, но [Далее начато: на этот раз принялся расписывать сам] так как хозяин [по-видимому] не думал вовсе об ее поновлении, то прислужился другой хозяин, который хозяйничает и распоряжается на этом свете с незапамятных времен. Хозяин этот [прислужился

другой неутомонной живописец, который расписывает весь род человеческой и что ни есть на свете [не заботясь] и в том числе мужские и женские лица, нимало не заботясь о том, нужно ли это или нет и довольны ли его кистью или недовольны. Живописец этот] был — время. Оно покрыло ограду зеленою плесенью, какою обыкновенно[которою обыкновенно] покрывает старое почерне<вшее> дерево. Ворота, также в нескольких местах позеленевшие, были растворены, но [кажется] потому только, что в это время въезжала [какая-то] телега с грузом, накрытым рогожею. В другое время они должны были запирались наглухо; на них Чичиков заметил железной засов и замок в пуд весом. [засов и висящий замок около пуда весом] Возле ряда кладовых, похожих на гостинный двор в уездном городке, стояла какая-то фигура, [Далее было: неизвестно какого пола] вздорившая с мужиком, приехавшим на телеге. Чичиков долго не мог разобрать, [Далее начато: баба ли] была ли это баба, или мужик. На ней было какое-то платье неведомой материи, весьма похожее на женской капот;[женской

халат] на голове колпак такой точно, как носят деревенские [и] дворовые бабы. Только голос ему показался несколько толстым. “Ой, баба!” произнес он про себя, всё еще сомневаясь. [про себя, подъезжая ближе] “Ой, нет! Да баба, точно баба!” сказал он, рассмотревши поближе. Фигура, с своей стороны, остановилась тоже, глядя на него. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она рассмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная от хвоста до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика[мужика бранила] довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это должна быть ключница.

] Перед этим начато: Что барин] “Послушай, матушка”, сказал он, выходя из брички: “что барин...”

“Нет дома”, прервала ключница, [сказала ключница] не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: “А что вам угодно?”

“Есть дело”.

“Идите в комнату”, сказала ключница и показала ему спину, запачканную мукою, а пониже ее большую прореху в своем капоте.

Герой наш вступил в сени и прежде всего ударился лбом довольно крепко о какой-то острый угол. Это заставило его итти[итти ошупью и] осторожнее и ошупывать всякую вещь. [Далее начато: Таким образом попал] Ноги его чувствовали под собою какие-то мягкие кучи золы ли, песку ли, он этого не мог разобрать, и рад был, как будто бог знает чему, когда, наконец, нашел дверь. Когда он отворил ее, ему показалось, что он вошел в мелочную лавочку. Против него стоял шкаф с графинчиками и другим стеклом, старыми бумагами, чашками, высохшим лимоном до такой степени, что он больше был похож на лесной орех, нежели на лимон. [Далее начато: Возле шкафа стояло бюро, там же,] В этом же самом шкафе лежала ручка от кресел и молитвенник, всё это было за стеклом и заперто. Возле шкафа стояло бюро, на котором лежало

несколько записок узеньких, исписанных очень часто[очень густо] и накрытых каменным прессом с яичком. Около них лежали счеты, которые, казалось, одни только были в употреблении. Сбоку было окно, на котором валялось[лежало] несколько книг в старом[в старом и старинном] кожаном переплете с красным обрезом[с красным переплетом] и календарь в бумажной обертке, [Далее начато: такого же цвета и узора] похожей на те обои, которыми обклеиваются перегородки в комнатах на станциях, [перегородки в тех комнатах, где живут унтер-офицерские жены, или на станциях] для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих путешественников. Тут же стояла рюмочка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежал небольшой кусочек сургучика, два пера, [Вместо “два пера”: перья] запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин еще ковырял в зубах своих прежде нашествия на Москву французов. В углу лежала целая куча, но чего, этого Чичиков не мог разобрать. [Вместо

“В углу ~ разобрать”: кусочек бумажки, поднятой на полу, и еще что-то, которого трудно даже разобрать.] На всем этом лежало пыли и паутины такое множество, что руки того, который притрогивался к ним, делались похожими на перчатки. Пауки бегали из угла в угол по всему этому добру и хлопотали так же свободно и непринужденно, как в собственном хозяйстве. Не успел Чичиков окинуть глазами[взглядом] всего этого хламу, как отворилась боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую он встретил на дворе. Но здесь герой наш заметил, что это, скорее, был ключник, чем ключница, [нежели ключница] ибо ключница бороды не бреет, а этот, напротив того, брил, и притом, как казалось, довольно редко, потому что подбородок и часть щек были очень похожи на густую сапожную щетку. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпением что хочет сказать ему этот ключник. Ключник тоже, с своей стороны, ожидал речи от Чичикова. Наконец, приезжий гость наш, [Далее начато: принужд<ен>] ожидая напрасно, решился, наконец, спросить такими словами:

“Что ж барин? у себя, что ли?”

“Здесь хозяин”, сказал ключник.

“Где же?” повторил Чичиков.

“Что, батюшка, слепы-то, что ли?” [Вместо “Что, батюшка, ~ что ли”: Я хозяин] сказал ключник: “Эхва! А ведь хозяин-то я!”

Чичиков поневоле отступил несколько назад и поглядел на него пристально. Ему случилось видеть не мало всяких чуд, молодцов, но этакого он никогда еще не видывал. Лицо его имело в себе мало замечательного. В молодости оно было, может быть, такое же, как обыкновенно бывает у помещиков, живущих в дальних захолустьях Руси, куда раз в год приезжает разносчик, и то не с книгами, а с ситцем. [Далее было: или выразиться другими словами, оно было одно из числа тех лиц, при обработке которых натура, как мы уже имели случай раз заметить, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: бурав-

чиков и прочего] Впрочем, морщины начали уже несколько смягчать его грубое выражение. [смягчать топорное выражение лица] Маленькие глаза глядели [глядели как мыши] из-под поседевших бровей, как мыши, когда, высунувшись до половины из нор, [когда высунувши головки из нор] они осторожно озираются, не сидит ли где [старый] вор кот, и нюхают подозрительно самый воздух. Глаза этого хозяина, которого Чичиков принял было сначала за ключника, открывались и закрывались поминутно, как будто бы их что-то дергало. Всего [Но всего] замечательнее был его костюм. [был на нем костюм] Можно было догадываться, что на нем был халат, но из чего он был состряпан, из какого материала, [из какой материи] это была совершенная загадка. Еще на спине и на боках [Далее начато: можно было] видны были кое-какие приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты и передние полы, казалось, были сделаны из юхты: до такой степени они были замаслены и залакированы. [но на обшлагах, отвороте и передних полах была совершенная юхта, до такой степени это было замаслено и залаки-

ровано.] И самый-то халат как-то так странно был устроен, что сзади было не две, а четыре полы, из которых охлопьями висела хлопчатая бумага, сделавшаяся от пыли и времени серою. Правый[а. а рукав; б. и один рукав] рукав был просто заплатан суконным лоскутком для [большей] крепости, а на шее был навязан — чулок ли, или подвязка, или на брюшник, только не галстух. — Одним словом, если бы Чичиков встретил этого молодца где-нибудь возле церкви или на улице, его бы первым движением было засунуть руку в карман с тем, чтобы вынуть[вытянуть] медный грош. Но [между тем] это был помещик, да и какой[да еще какой] помещик! Владелец 800 душ крестьян! Попробовал бы читатель поискать, у кого из помещиков в округности было столько хлеба, сена и муки? у кого кладовые были больше набиты пенькою, холстом, медом и всеми домашними произведениями? Если бы кто заглянул на его рабочий двор, где под крытыми сараями лежали целые сотни колес, бочек, ведер и проч., которые никогда еще не употреблялись, [“которые никогда ни на что не употреблялись”] вписа-

но.] ему показалось, что он пришел на ярманку, или, по крайней мере, на рынок в большом городе. Этих всех произведений стало бы с излишком на пять таких имений, какое было Плюшкина. [на пять таких экономий, какое у него было] Но человека трудно чем-нибудь накормить. [Вместо “Но человека ~ накормить”: а. Но чрезвычайно трудно совершенно чем-нибудь насытить человека; б. Но человека как ни корми, ему всё хочется больше.] Не довольствуясь этим, Плюшкин ходил каждый день по улицам своей деревни, тщательно заглядывал под мостики, под перекладыны и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, всё это он тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. — “Вон уж рыболов пошел на охоту!” [отправился на охоту!] говорил мужик, когда завидывал его, идущего на добычу. В самом деле, это был самый деятельный полицмейстер на деревне, и после него решительно уже ничего не оставалось на улицах. [решительно не оставалось уже на улицах ничего.] Незачем было и мечь их. Какой-то

офицер Изюмского гусарского полка что ли потерял на дороге шпору, шпора эта отправилась в известную кучу. [Вместо “В самом деле ~кучу”: Проезжал офицер и бросил на дороге шпору, шпора эта отправилась туда же, в ту же кучу] Если баба, как-нибудь зазевавшись, у колодца оставляла ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, если приметивший мужик тут же уличал его, он не спорил и отдавал похищенную вещь. Но когда эта вещь уже попала в кучу, он божился, что она его, куплена им [Далее начато: у таких] тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с полу всё, что ни видел: сургучик, лоскуточек бумажки, перышко и всё это клал или на бюро, или на окошко.

А ведь было время, когда он был только бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; на встречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые, свежие, как розы; вбегал [выбегал] сын, раз-

битной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая на то внимания, рад ли, или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна. Антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: почти к каждому обеду приносил уток или тетерек, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что никто больше в целом доме ее не ел. На антресолях тоже жила его компатриотка, наставница двух девиц, которая, впрочем, несколько странно была устроена: была совершенно ровная с низу до верху, без всякой талии. Таких француженок нет во Франции; по крайней мере, мне не случалось видывать. За обед не садилось меньше десяти человек, и почти столько же подавалось блюд. Сам хозяин являлся к столу [Далее начато: хотя в несколько] в сертуке, хотя несколько поношенном, но опрятном; локти были в порядке: нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними и мелких забот [часть ключей и забот] перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На стар-

шую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться. Да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штаб-ротмистром Конно-егерского полка и перевенчалась с ним где-то наскоро, в какой-то деревенской церкви, ибо Александра Степановна знала, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, что будто военные должны быть картежники и мотишки. Папенька послал [Хозяин послал] ей на дорогу проклятие и уже не заботился о ней больше. В доме еще стало пуще. В владельце его стала заметнее обнаруживаться скупость. Сверкнувшая в жестких волосах его седина [Владельце стала заметнее обнаруживаться сверкнувшая в волосах его седина, п<одруга>] — верная ее подруга, помогла ей еще более развиться. Учитель француз был отпущен, потому что сыну пора была на службу. Мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны. Сын, будучи отправлен в губернский город в палату с тем, чтобы там узнать существенную и дельную службу, вместо этого определился в полк и написал к отцу, уже

по своем определении, прося у него денег на обмундировку. Очень[Он очень] естественно, что он получил на это шиш. Наконец, последняя[Наконец и последняя] дочь, остававшаяся с ним в доме, умерла. Старик остался совершенно один, сторожем, хранителем и владельцем своих богатств. Одинокая жизнь дала[представила] сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем больше пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, [страсти человеческие] которые и без того не были а нем очень крупны, мелели ежеминутно, и каждый день[каждую минуту] что-нибудь да утрачивалось в этой[Далее пропуск для одного слова. Вероятно, Гоголь не нашел удовлетворявшего его определения. В следующей рукописи (РЛ) оно имеется: в этой изношенной развалине] Случись же, что под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, к нему дошел слух, что сын его проигрался в карты. Он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался, существует ли он на свете, или нет. [Далее было: Да и [сам] в са-

мом деле о нем уже никогда никаких слухов не было.] С каждым годом притворялись окна [С каждым годом закрывалось более и более окон] в его доме, наконец, осталось только двое, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою. С каждым годом уходили из вида его более и более главные части [мелкие части] хозяйства, и мелкий взгляд обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате; [и] неуступчивее становился он к покупателям, которые приезжали забирать у него оптом хозяйственные произведения. Покупщики торговались [с ним], торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек. Сено и хлеб гнили, на скирдах и копнах можно было смело разводить капусту, потому что это был чистый навоз. [Далее начато: К холсту, пеньке, коврам и прочему, которыми были] Мука в подвалах обратилась в камень и ее нужно было рубить; к пеньке, холсту, коврам, сукнам, которыми нагружены были его кладовые, страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и пом-

нил только, в каком месте стоял у него в шка-
фе графинчик с остатком прошлогодней на-
стойки, которую он наметил небольшим
значком, чтобы тотчас можно было узнать,
если бы кто вздумал воровским образом вы-
пить; или баночка с каким<-то> декоктом, ко-
торый он иногда пил. В хозяйстве доход соби-
рался по-прежнему. Столько же оброку дол-
жен был принести мужик, такое же количе-
ство ниток должна была напрямь баба,
столько же полотна наткать ткачиха. Всё это
помещалось прежним порядком в его кладо-
вые и по-прежнему всё это гибло. Всё равно,
как бы[а. Всё бы равно; б. Всё равно бы как]
кто вздумал сыпать деньги в дырявый коше-
лек или натопить камином комнату. Но ста-
рый скряга скорее бы согласился отправиться
в петлю, нежели дать что-нибудь из этого сво-
им крестьянам или даже продать за мень-
шую цену. Александра Степановна как-то
приезжала раза два с маленьким сынком, пы-
таясь, нельзя ли чего-нибудь получить, пото-
му что хотя с штаб-ротмистром можно очень
весело прожить первые две недели после бра-
ка, но потом уже не так[не так уже] весело,

особливо, если у штаб-ротмистра только и всего, что казенное жалованье, хотя где-то в водевиле и говорится, что русской муж, при том военный, есть клад или что-то другое ([право] уж не помню, что такое) для жены. Плюшкин, однако ж, ее[дочь] простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но дочери ничего не дал. [но дочери однако ж не дал ничего] В другой раз Александра Степановна приехала уже с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть было не только совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обеих внучков и, посадивши их к себе, одного на одно колено, а другого на другое, покачал их таким образом, как будто бы они ехали на лошадях. Кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал. С тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым. Должно, однако ж, сказать, что такие кащеи попадаются на Руси довольно редко, и они бывають[а. и они быв<ают>; б.

и существование их; в. они представляют] тем разительнее, что возле них же в соседстве живет как-нибудь гусар-гуляка, который задает в своей деревне каждую неделю балы с музыкою или заводит домашний театр из крепостных актеров и танцовщиц.

Чичиков еще раз остановился, не зная, каким образом лучше приступить и какого рода разговор начать. [Далее начато: с этим] — “Я приехал”, сказал он, минуту подумавши, “с тем, чтобы иметь честь с вами познакомиться лично. Наслышавшись об вашей...” Тут он остановился, не зная, о чем бы лучше сказать наслышался. Он хотел было сказать о вашей добродетели, но чувствовал, что это уже слишком, да и вряд ли было кстати, и потому решился вместо слова: добродетели употребить: экономию. “Наслышавшись об вашей экономии”, продолжал он, “я приехал засвидетельствовать вам мое почтение лично”.

На это Плюшкин пробормотал что-то сквозь губы, потому что зубов у него не было. Неизвестно, что пробормотал он: но должно

думать, что смысл этих несвязных слов был следующий: “Чорт бы побрал тебя с твоим почитением!” Но так как гостеприимство у нас в такой сильной степени, что даже и скряга не в состоянии преступить его законов, то он прибавил тут же гораздо внятнее: “Прошу покорнейше садиться!”

“Я давненько не вижу гостей”, продолжал он; “да, признаться сказать, в них мало[Далее начато: то<лку?>] вижу проку. Уж такой неприличный обычай: ездят друг к другу, а в хозяйстве-то упущения, да, упущения... да, и лошадей-то их корми сеном!.. Я давно уж пообедал, [Далее было: сегодня] а кухня-то у меня такая, что, как начнешь топить, того и гляди пожару[гляди, что пожару] наделаешь”.

“Да”, подумал про себя Чичиков, “хорошо, что я приехал пообедавши”. [пообедавши приехал]

“И такой скверный анекдот: что сена хоть бы клочок в целом хозяйстве!” продолжал Плюшкин. “Да и в самом деле, как прибере-

жешь его? Землишка-то маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак. Того смотри, что на старости лет придется взвалить суму на плечи, да и пошел по миру”.

“Мне, однако ж, сказывали”, произнес Чичиков, “что у вас 800 душ”.

“А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал. Он, пересмешник, хотел пошутить над вами! Вот бают 800 душ, а поди-тка, сосчитай — и пятисот не найдешь. В последние три года[Далее было: у меня шибко пример народ] проклятая-то горячка переморила у меня большой куш мужиков”.

“Что вы говорите!” вскрикнул Чичиков, едва могший скрыть свою радость: “и <не> на шутку[Далее начато: таки порядочное] у вас умерло[Далее начато: а. большое число; б. мн<ого>] довольно народу?”

“Да, снесли многих”.

“А позвольте узнать, сколько числом?”

“Душ восемьдесят!”

“Нет?”

“Не стану лгать, батюшка”.

“Позвольте еще спросить. Ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?”

“Это бы еще и слава богу!” сказал Плюшкин: “да лих-то, что с того-то времени до 120 наберется”.

“Вправду?”

“Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу”.

“Какое, однако ж, беспримерное несчастье!” сказал Чичиков: “Я всем сердцем о вас соболезную”. [В рукописи: о вас соболезнова-

ние]

“Да. [Далее было: однако ж] Но ведь соболезнования-то в карман не положишь. Возле меня тоже с недавних пор живет какой-то капитан, черт его знает, откуда он взялся. Называется родственником, [Называет себя моим родственником] а всё родство — на десятом киселе вода. Говорит: “дядюшка, дядюшка” [Далее было: Право] и в руку целует. А как начнет соболезновать — вой такой подымет, что береги уши. И сам с лица такой красный, я думаю, что пеннику-то придерживается. Служил в офицерах; верно, продулся в картишки или театральная комедиантка выманула денежки”.

“Мое соболезнование вовсе не такого рода”, сказал Чичиков. “Я до такой степени сокрушен душою, видя такого почтенного человека, редкого, можно сказать, гражданина, в такой большой нужде, что готов лучше сам пострадать. Переведите на мое имя всех тех крестьян, которые у вас умерли: я буду за них платить все подати”.

Плюшкин вытаращил глаза на Чичикова и не знал, как истолковать себе такое великодушие. “Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?” сказал он, наконец.

“Нет”, отвечал Чичиков: “я служил по штатской”.

“По штатской...” повторил Плюшкин. “Да ведь как же... ведь это вам-то самим в убыток”.

“Для удовольствия вашего я готов потерпеть”, отвечал Чичиков.

“Ах, батюшки! ах, благодетель ты мой!” вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что из носа у него в виде кофья потек табак и что полы его халата раскрывшись показали исподнюю одежду, не весьма приличную для рассматривания даже в новом и[Далее начато: прочно<м>] крепком виде, а тем более в таком, в каком она находилась у Плюшкина. “Вот утешили старика! Ах, боже ты мой! Ведь

это вы мне такое доставили одолжение... Вечно буду вашим богомольцем, батюшка...”

Тут он остановился. Радость, которая на время осенила было его деревянное лицо, исчезла; оно приняло опять заботливое выражение. Он даже утер платком табак и закрыл обеими лапами своего халата неприличный спектакль.

“Всё это, однако ж, батюшка”, начал он таким образом, “требует-то издержек. Нужно совершить купчую. Приказные такие бессовестные... прежде бывало, дашь полтину меди или мешок муки, а теперь пошлешь на целую подводу круп и овса, да еще и синей бумажкой не отделаешься. Такое сребролюбие! Я не знаю, батюшка, как священники-то наши не обращают на это никакого внимания. Сказал бы проповедь в церкви — может бы покаялись. Ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь”.

“Чтобы доказать вам мое почтение, я беру[я плачу, всё] на себя все издержки по куп-

чей”, сказал Чичиков.

Услышавши это, Плюшкин заключил, что гость его решительно глуп, что он только прикидывается, будто служил по штатской службе, но, верно, был в офицерах, задавал пирушки и волочился за комедиантками. При всем том он не мог скрыть своей радости. “Бог вас, батюшка, утешит за это [Далее было: сказал он [и детушкам вашим пошлет всякое добро], говорил он, не заботясь о том, что у Чичикова их не было: “да чтобы под старость-то вашу были вам в потеху. Ей, Прошка! Прошка!” [Ей, Павлушка! Павлу<шка!>] закричал <он> и, подошедши к окну, постучал в стекло пальцами. Через минуту было слышно, что кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами. Наконец дверь отворилась и вошел Прошка, мальчик лет 13-ти, в таких больших сапогах, что ступая чуть не вынул из них ноги своей. Отчего у Прошки были такие большие сапоги, читатель узнает это сию минуту. У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги, которые должны были всегда

находиться в сенях.

Всякой призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал чрез весь двор бо-сиком; но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Весьма любопытно было на это глядеть из окна, особенно во время мороза, когда вся дворня делала такие высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделявать самому бойкому балетному танцовщику.

“Вот посмотрите, батюшка, какая рожа!” сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. “Глуп ведь как дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигом украдет. [духом украдет] Ну, чего ты пришел, дурак? скажи, чего?” — Здесь Плюшкин сделал паузу, на которую Прошка отвечал тоже молчанием. После этого Плюшкин прибавил: “Поставь самовар, слышь! да вот, возьми ключ да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую... Там на полке есть сухарь от кулича, ко-

торый привезла Александра Степановна, чтобы подала его к чаю... Пстой, куда же ты? Дурачина!.. Эхва, дурачина!.. Э, какой же ты дурачина!.. чего улепетываешь? Бес у тебя в ногах, что ли, чешется? Ты выслушай прежде, сухарь-то, я чай, сверху[-то] немного попортился, так пусть соскоблит его ножом, да не бросает крох, о снесет их в курятник. Да, смотри, не входи-то в кладовую; не то я тебя вспрысну, да и больно вспрысну березовым-то веником, знаешь! чтобы для вкуса-то, чтобы лучший-то аппетит был. Вот ты теперь слишком скор[-то] на ноги, так чтобы прыть-то укоротить, чтобы не бегал так шибко. Вот попробуй-ка пойти в кладовую, а я тем временем буду из окна-то глядеть”.

“Им никак нельзя доверять”, продолжал Плюшкин, обратившись к Чичикову, после того как Прошка[Далее было: отправился отдавать приказания] убрался из комнаты вместе с своими сапогами. Засим [однако ж] он начал и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия ему стали казаться очень сомни-

тельными, [Вместо “Черты ~ сомнительными”: Ему взбрело на ум, что дело-то в самом деле [слишком] не очень [чистое] ясное! С какой стати этот гость] и он подумал про себя таким образом: “Может быть, он, однако ж, только хвастун, как бывают все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы только что-нибудь поговорить, а потом и уедет!” И потому из предосторожности и вместе желая несколько испытать его, он обратился к нему с сими словами: “Хорошо, батюшка, если бы нам купчую-то совершить поскорее. Ведь в человеке-то не уверен; бог располагает: сегодня жив, а завтра бог весть”.

“О, конечно, гораздо лучше поскорее; если вам угодно, я готов сегодня же”.

Такая готовность [Далее начато: со стороны Плюшки<на>] несколько успокоила Плюшкина. “Здесь у меня где-то была”, говорил он, приближаясь к шкапу с ключами, “настоечка из самой лучшей французской водки, если только кто не выпил: у меня народ такие вори. Вот она”.

Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке. Старый скряга [Старый кащей] подошел с этим графинчиком к окну и взял известную уже, полагаю, [известную, я думаю, уже] читателю рюмку, накрытую пакетом письма. Долго выбирал он, куды бы слить [Долго [Плюшкин] выбирал Плюшкин место, куды бы вылить] бывшую в ней жидкость. В какую [В которую] фляжку ни заглядывал он, везде [Далее начато: лежала какая] была на дне какая-нибудь дрянь, которую жаль было [которую он жалел] выбросить за окно. Наконец он подошел к бывшей в угле куче и вытащил оттуда какой-то черепок горшка. При этом действии пошел такой запах от старых сапогов и еще чего-то, которого покой Плюшкин нарушил, что Чичиков чихнул. Вытерши черепок, Плюшкин слил туда бывшую в рюмке жидкость. “Это очень хорошая настойка”, говорил он: “проклятые мухи только, никак не отдирается. Видно, того... нужно всполоснуть. У меня был еще где-то кусок московской копченой колбасы...” Но Чичиков, догадываясь, ка-

кого рода была эта московская колбаса, поспешил [однако ж] заблаговременно отказаться, чем Плюшкин, как казалось, не оскорбился. “А водочки, батюшка, по крайней мере, водочки-то выпейте. Ведь это хорошая, право, еще покойница делала. [покойница было делала] Мошенница моя ключница совсем было ее забросила и даже не закупорила, каналья. Козявки и всякая дрянь нападала было, [было нападала[но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая. Я вам налью рюмочку”.

“Нет, покорнейше благодарю! Пожалуста, не беспокойтесь”, говорил Чичиков: “Я пил и ел сегодня[Далее начато: очень довольны”.]

“Пили[Вместо “Пили”: Не хотите. Пили] уж и ели!” сказал Плюшкин. “Да, конечно, хорошего общества человека хоть где, батюшка, можно узнать: [человека сейчас можно узнать] хороший человек и не ест, а сыт бывает. А как этакой-то... воришка... так ты его сколько ни корми, а он всё будет голоден. Вот хоть в пример-то взять и капитана, который называет себя моим родственником, а я ему

совсем не родственник. “Дайте-ка, дядюшка”, говорит, “чего-нибудь поесть”. И такой прожорливый: я чай, ему-то у себя совсем нечего есть; в картишки, верно, всё спустил. [я думаю, в картишки всё спустил.] Да, батюшка, вот какова-то у меня плоха память, ведь вам[-то], я знаю, нужен маленький реестрик этих-то тунеядцев, которые у меня умерли”.

“Да, не дурно”, сказал Чичиков.

“Как же, я их всех записывал. У меня[Вместо “У меня”: Они у меня] здесь и записочка...”

Тут он подошел к бюро и показал ту же самую прореху в своем халате пониже спины, которую Чичиков мог рассматривать, сколько душе хотелось. Плюшкин рылся в своих записочках очень долго и, наконец, еще более поворотился к нему спиною, [к нему вписано; до того было написано к Чичикову и это осталось незачернутым] как бы желая скрыть, чем был занят. [как бы желая от него скрыть то, чем был он в это время занят.] Чичиков, поднявшись на цыпочки, посмотрел ему че-

рез плечо и увидел, что он приписывал свежими чернилами еще несколько имен, которые, вероятно, были им прежде позабыты. “Подавай их сюда!” подумал про себя герой наш.

“Вот записочка”, сказал Плюшкин, подавая маленькой лоскуточек бумажки, на котором были им уписаны имена 125 ревижских душ так тесно, [так густо] что едва можно было читать.

“Позвольте, батюшка”, сказал Плюшкин: “Ведь вот еще одно обстоятельство, очень, как говорится, щекотливое: ведь я думаю, что купчую-то нужно заявить в городе”.

“Да, вам нужно будет приехать [приехать в город] на несколь<ко> часов”, сказал Чичиков.

“В том-то и беда. Я, признаться сказать, уж давно не выезжал из дома. В городе-то квартиры так дороги. Да и дом-то как оставить. Хорошо, у вас люди хорошие: а ведь у меня [а

ведь у меня-то, батюшка,] то вор, то мошенник. В день так обберут, что и кафтан[-то] не на чем будет повесить.

“В таком случае, если не хотите сами ехать, кому-нибудь поручите. Дайте мне доверенность, или не имеете ли кого-нибудь из знакомых в городе?”

“Ах, батюшки![Ахти, батюшки] как не иметь, имею. Ведь знаком сам председатель. Езжал даже в старые годы ко мне. Как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили. Как не знакомый. Уж такой знакомый![Уж так знаком] Так не лучше ли будет, как я к нему напишу письмо?”

“И прекрасно”, сказал Чичиков.

“Как же хорошо, что вы мне напомнили-то!” сказал Плюшкин. “Как же!.. в школе были приятели”. И на этом деревянном лице выразилось[Вместо “выразилось” было начато: что-то] не чувство, а какое-то бледное отражение[а какая-то бледная тень] чувства: яв-

ление, подобное появлению на поверхности вод утопающего человека, который вынырнул и мелькнул спиной еще один раз, чтобы погрузиться уже навеки.

“У меня где-то была”, говорил Плюшкин, [говорил он] приближаясь к бюро и перерывая бумаги: “у меня где-то была четвертка чистой бумаги; люди у меня такие негодные... такие негодные... Да здесь ее нет”. — Он вытащил несколько листов чистой бумаги и начал перелистывать и перещупывать каждый лист, желая знать, не запала ли туда каким-нибудь <образом?> четвертка. Несколько раз уже хотел он отодрать новый поллист, но никак не мог на это решиться. Наконец начал он кричать громким голосом: “Мавра, Мавра!” На этот зов явилась женщина средних лет с тарелкою в руках, на которой лежал сухарь, о котором читатель уже знает. И между повелителем и его рабою произошел следующий разговор:

“Куда ты дела, разбойница, четвертку бумаги?”

“Ей богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку”.

“Украла, украла. Вот я по глазам-то твоим <вижу?>, что ты ее подтибрила”.

“Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого: я грамоте не знаю”.

“Врешь ты, я тебя знаю. Ты снесла своему пономаренку. Он читает псалтырь и маракает, так ты, верно, ему-то и снесла”.

“Да пономаренок, если захочет, достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка. У него ее побольше вашего”.

“Вот погоди-[то], как придет-то страшный суд, [уж], бог [-то] за всё тебя вспрыснет; да, воровка, больно [тебя] вспрыснет, да в огонь-то тебя засадят! Вот как припекут-то тебя черти, так ты покаешься, железными-то рогатками тебя припекут”.

“А что ж, коли я неповинна в этом? Уж скорее в другой какой бабьей слабости, [Далее начато: или] а воровством меня еще никто не попрекал”.

“А вот черти-то тебя и припекут. Скажут: “А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала”, да горячими-то клещами тебя и припекут”.

“А я скажу: не за что, ей богу, не за что — не крала я четвертки”.

“А сургуч-то из пакета зачем выдрала?”

“Да печатку, вы изволили сами своими же руками выдрать ее при мне и положили в ящичек-то, что в бюро”.

Плюшкин выдвинул ящик, и Чичиков увидел множество лежавших там налепленных сургучом оттисков, которые он тщательно выдирал из каждого попадавшего ему в руки письменного конверта и складывал в особен-

ную кучку.

“Да вот она лежит[-то] сверху” сказала Мавра: “Всегда[-то] напраслиной попрекаете”.

“Ну вот уж и занозилась...[Ну, вот уж и того...] экая зубастая! Ей одно только слово скажи, — а она уж и десять. Поди-ка принеси[-ка] огоньку запечатать письмо! да постой, ты, я знаю, дура, схватишь тотчас сальную свечу; сало ведь дело слабое и топкое, [дело-то мягкое, топкое] сторит, да больше и ничего нет, только что убыток; а ты принеси мне лучину”.

Мавра ушла. Плюшкин решился, наконец, отодрать поллиста бумаги. Когда поллист был отодран, он долго его еще рассматривал, поднося к окошку. Затем вытащил оловянную чернильницу с какою-то заплесневелой жидкостью и множеством мух, обратившихся на дне чернильницы в совершенный “пломбудинг”. [Далее начато: Весьма трудно?] Сжавши губы накрепко, он начал писать. Ему, однако ж, было весьма трудно управлять-

ся с своею рукою, которая дрожала и ходила по бумаге, как ртуть. Он должен был ее беспрестанно придерживать, как доброго жеребца, закусивши [свою] губу губою же вместо зубов. Усмиривши немного прыть ее, он пошел писать шрифтом, более похожим на музыкальные ноты, нежели на буквы.

“Может быть, вы”, сказал Плюшкин, когда довел, наконец, дело до конца: “знаете какого-нибудь своего приятеля, которому бы понадобились беглые души? У меня еще с восьмисотого года числятся в бегах. Правда, что когда зять делал выправку, оказалась большая часть умершею, а о других-то и слуха не было, но ведь он человек военный, мастер только рассказывать да притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам... Я, по бедности своей, не имею okazji, а на охотника так это и очень было бы заманчиво”.

“Так у вас и беглые...” сказал Чичиков с участием и подвигая свой стул ближе к Плюшкину: “А сколько будет числом [А сколько числом будет] таковых крестьян?”

“Тоже десятков до семи[Тоже душ до семи десятков] наберется”.

“Нет?”

“Ей богу. У меня что год, то бегут несколько семей. Народ-то, знаете, негодный, да [и] к тому ж от праздности привычку-то завел такую, [Далее было: что мерзкую] чтобы только трескать[только есть] да трескать. А у меня-то есть, конечно, нечего: я и сам[-то] человек бедный... да, так вот он теперь гуляет по свету. Я бы за них и недорого взял: если бы кто дал за всех триста рублей, я бы с удовольствием ему уступил. А для доброго человека был бы и очень наживной-то кусочек. Отыщись [хоть] только десять душ, так вот уж у него в кармане почти[в кармане чуть] не пять тысяч. Потому что ведь теперь если покупать ревижскую душу, никак не заплотишь[никак не дашь] менее пятка или четырех сотней. Так посоветуйте-то вашему приятелю, а?”

“Этим мы воспользуемся и сами”, подумал

про себя Чичиков, и потом сказал громко. “Я должен вам сказать, [Вместо “Этим ~ сказать”]: “Я должен вам сказать”, произнес Чичиков] что это будет совершенно напрасный труд, [Далее было начато: Вряд ли где] потому что вряд ли где найдется такой человек, который бы решился взять даже даром ваши души, ибо одни издержки уже стоят более, нежели сами души. Но если бы [Далее начато: они д] эти крестьяне, о которых вы изволили упомянуть, все находились [бы] в живых, и если бы даже отыскивание их не было сопряжено [было не сопряжено] ни с какими затруднениями, то и тогда никто бы [и тогда бы никто] их у вас не купил, ибо известно, что такое беглый человек: какой прок с него! только разве что пьяница. Его поймают с великими издержками, а он на другой день опять дернет в поле. Если бы я был сколько-нибудь богат, я бы их купил, и то [Далее начато: для] с тем только, чтобы доказать вам мое почтение. Но, что ж, если я и могу что-нибудь дать, то это такая безделица, что не стоит и говорить”. [что нечего и говорить”.]

“А сколько бы вы дали за них?” спросил Плюшкин, устремив на него пристально свои тускло-желтоватые глаза.

“Ну мне, признаюсь, совестно и говорить: это такая малость... Впрочем, чем богат, тем и рад, говорит пословица. Я бы дал по тридцати копеек на душу”.

“А как вы покупаете — на чистые?” спросил Плюшкин.

“Да, сейчас деньги”.

“Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уж дали-бы хоть по тридцати пяти на душу, право, ведь это вам-то небольшой счет составит”.

“Поверьте, почтеннейший, что если бы я был богат, я бы вам не только по пятисот на душу, по семи сот готов... что я говорю: по семи сот? по тысяче, не колеблясь ни мало, заплатил бы. [заплатил бы вам] Вы бы сказали мне: я меньше[мне, что я меньше] не могу

взять за душу, как по пятисот, а я бы сказал: [Далее начато: хотя] нет, извольте тысячу, хотя эти души и не стоят; [Далее было: по пяти сот] но для того, чтобы вам доказать мое расположение, я готов; готов потерпеть, но доставить вам удовольствие, и тут же, [Далее начато: готов] не сходя с места, вынул бы из кармана деньги и дал бы вам по тысяче и еще даже [и всё даже] бумажками. Но что ж делать, не могу, не имею достатков”.

“Ну, батюшка, хоть по две копеечки-то прибавьте. Ведь это вам всего на всего, может быть, придется рубль с пятиалтынным”.

“По две копеечки, извольте, готов”, сказал Чичиков. “Сколько их у вас? Вы сказали, кажется, семьдесят?”

“Нет, батюшка, семьдесят пять”, сказал Плюшкин.

“Да, или семьдесят пять. Тридцать два раза 75 это будет... это будет 22 рубли. Да, так и выходит: я вам дам [Вместо “Да, так ~ дам”: Я вам

как раз так и дам] пятнадцать рублей бумажками, а семь серебром”.

Плюшкин взял счета и поверил сначала один раз, а потом и другой, а после того[а после этого] еще долго поверял губами. “Так, батюшка, так. Только дайте уж бумажек на все двадцать, с меня-то все требуют бумажками”.

“Извольте, извольте”, говорил Чичиков: “Вам я всегда готов служить всем, чем могу”. [Далее начато: Вот] Он вынул из кармана бумажник и дал Плюшкину две красные ассигнации и полтинник, которые <Плюшкин> взял в обе горсти [Вместо “которые ~ горсти”: который взял обеими руками] и нес их так же [а. нес их так же; б. нес их держа; в. Как в тексте] осторожно, как человек благочестивый несет просвиру. Подошедши к бюро, он переглядел их еще раз и уложил тоже с чрезвычайною осторожностью [уложил тоже с такою предосторожностью, как укладывают слишком спелый персик] в один из ящиков его бюро, где, верно, им суждено быть погребенными до тех пор, покамест отец Карп и

отец Поликарп, [а. до тех пор покамест; б. до самого погребения; в. до тех пор, покамест отец к неописанной радости наследников] два священника той деревни, [два деревенские священника] не погребут его самого, [не погребут самого хозяина] к неописанной радости зятя[его зятя] и дочери, а может быть, отчасти и [того] капитана, который приписывался к нему в родственники. Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресло и уже, казалось, больше не мог найти[больше не находил] материи, о чем говорить.

“А что, вы собираетесь ехать?” сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для <того> только, чтобы достать из кармана платок и высморкаться.

Этот вопрос напомнил Чичикову, что, в самом деле, ему незачем было долее оставаться. “Да, мне [уже] пора”, произнес он, взявшись за шляпу.

“А чайку-то?”

“Покорнейше благодарю. Пусть когда-нибудь в другой раз”.

“Как же! А я приказал-то наставить самовар. Я, признаться сказать, сам[-то] не пью чаю. Напиток[-то, знаете,] дорогой, а цена на сахар поднялась немилосердная. [Вместо “Напиток ~ немилосердная”: Куда мне употреблять такой дорогой напиток! и цена-то на сахар поднялась такая немилосердная.] Эй, Прощка! не нужно самовара! сухарь отнеси Мавре, слышь, пусть опять его положит на то же место. Или нет, подай его сюда: я уже отнесу сам. Прощайте, батюшка. Да благословит вас бог, а письмо-то к председателю вы отдайте, да пусть прочтет, он мой старый знакомый. Ведь мы с ним однокорытники были, по заборам лазили... Прощайте, батюшка! Век не забуду вашей услуги: порадовали старика”.

Он проводил Чичикова на крыльцо и проводил глазами его экипаж за ворота. После чего велел ворота тот же час запереть. Потом обошел кладовые, с тем чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на

всех углах, хлопая[углах и били] деревянными лопатками в пустой боченок, вместо чугунной доски, [вместо чугунной доски в пустой боченок] после того заглянул в кухню, где под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят его люди, наелся препорядочнощей с кашею и, выбранивши всех до последнего[всех до одного[за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. Здесь, оставшись один, он даже подумал о том, как бы [вознаградить] и чем бы возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие. “Я ему подарю”, подумал он про себя, “карманные часы. Они ведь хорошие, серебряные [часы], а не какие-нибудь томбаковые или бронзовые. Правда, [они] немножко[-то] попорчены и без стекла, но он ужо их себе поправит. Он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте. Или нет”, прибавил он после некоторого размышления, “лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной-то, чтобы вспоминал обо мне”.

Но герой наш и без часов был[а. был; б. воз-

вращался] в самом веселом расположении. Покупка ему казалась так выгодною, что он чуть не смеялся, хотя перед ним были только поля да дорога, в которых, как известно, ничего нет смешного. [Покупка ему казалась очень выгодною, и он ехал глядя на весь мир весьма довольными глазами] Даже [самое] неприятное свидание с Ноздревым и отчасти жидовский поступок Собакевича вышли у него из памяти. Он всю почти дорогу свистал и наигрывал губами совершенно так, как будто бы играл на трубе. Наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и, наконец, сказал сам в себе, покрутивши слегка головою: “Ишь ты, как барин поет!” Были уже густые сумерки, когда они подъехали к городу. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет. Усы у стоявшего на часах солдата казались на лбу гораздо выше глаз, а носа как будто вовсе не было. Гром и прыжки дали Чичикову заметить, что он въехал на мостовую. Фонари еще не зажигались, только кое-где начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках проис-

ходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во всех [значительных] городах, [особенно] где много [где больше] солдат, извозчиков, работников и особенного рода существ в виде дам в красных платках и башмаках без чулков, которые как летучие мыши шныряют по перекресткам. Чичикову было не до того, чтобы рассматривать эти группы. Он даже не замечал по временам попадавшихся тонких чиновников с тросточками, которые, вероятно, сделавши прогулку за городом, возвращались домой к своим хозяйкам, у которых имели квартиру со столом. Изредка только доходили до слуха какие-то, как казалось, женские восклицания: “Врешь, пьяница, я никогда не позволила ему такого грубиянства”, или: “Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу”. — Впрочем, такие слова можно слышать и в столицах, [особливо] когда доведет случай проходить мимо мест, [мимо таких мест] в соседстве которых есть близко кабаки.

Наконец, бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота

гостиницы, и трактирный слуга, [со свечой] тот самый, которого читатель видел в первой главе, вышел навстречу со свечой в руке и начал изъявлять свою радость частыми поклонами.

“Долго изволили погулять”, сказал он, подсаживая его одною рукою под руку на лестницу, а другою освещая дорогу.

“Да”, сказал Чичиков, когда взошел на лестницу. “Ну, а ты здоров?”

“Слава богу-с”, отвечал половой, поклонившись за это шесть раз. [отвечал половой, отсчитавши за это чуть не пятнадцать поклонов разом.]

“Ну, всё ли у вас благополучно?”

“Всё, слава богу. Вчера приехали два приезжие. Один поручик [из Ярославля] занял шестнадцатый номер...”

“Хорошо”.

“Неизвестно какой-то из Рязани. Лошади гнедые и на кучере бобровая шапка”.

“Хорошо, хорошо, веди себя и впредь хорошо”, сказал Чичиков, вошедши в свой номер и кинувшись в кресла, которые так были устроены, что давали себя чувствовать решительно всем частям тела. Но герой наш так устал после своей поездки и такую чувствовал склонность к дремоте, что если бы даже кто-нибудь подложил под него [несколько] железных гвоздей, он бы и тогда не решился встать с кресел. [Далее начато: Он пот<ребовал>] Потребовавши себе самый легкой ужин, состоявший только из солонины и поросенка, он тот же час разделся и заснул таким же крепким сном, как спят все те [Далее начато: счас<тливые>] господа, которые не имеют ни геморойд, ни блох, ни [даже] слишком больших умственных способностей.

ГЛАВА VIII

Каким образом, известно одному богу, но только все до последнего в городе узнали, что Чичиков накупил кучу имений. В городе

М., как и вообще в наших городах, не было ни клубов, ни кафе. Эту должность занимали или присутственные места, куда председатель иногда приказывал принести закуску из селедки, икры и бутылки вина и где, между прочим, было страшное множество блох; или почта, куда наведывались за деньгами и посылками, а чаще потому, что почтмейстер был словоохотлив и умел с таким искусством распространиться даже о том, как лечил себя от жабы сушеной фигой, что нельзя было его наслушаться; или, наконец, в воскресные дни соборная церковь, где богомольные супруги городских сановников любили подымать между собою страшный говор, приводивший в совершенное отчаяние дьячка, который, будучи человек чахоточный, к величайшему горю, осужден был [Вместо “который будучи со осужден был”: ибо дьячок был человек чахоточный и, к величайшему горю, должен б<ыл>] видеть ничтожность своих легких заглушить шопот их высокоблагородий. Предмет всех этих разговоров были сделанные героем нашим закупки. “Вот славное дело иметь денежки. Что захотел, то и есть”, гово-

рили такие, которые не были горазды сказать ничего другого. Другие говорили, что предприятие неверное, что покупать крестьян на вывод есть рыск, одно уже переселение влечет неминуемые издержки, ибо много значит перемена места, климата, привычек, что здоровье крестьян должно неминуемо подвергнуться опасности, ибо в губерниях южных водятся такие ужасные лихорадки, которые делаются совершенно неизлечимыми. На это председатель заметил, что русскому человеку подобное обстоятельство решительно ничего не значит, что, пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы, он раза два-три ими похлопает, потом топор в руки и начнет ладить избу так, как бы и здесь. Другие [же] возразили и на это, и весьма дельно, сопровождая свое возражение желанием ухватить за пуговицу фрака или за петлю, что и доныне еще делается в некоторых губерниях? “Мужик-то, Иван Гаврилович! Мужик-то больно не надежен”, говорили они. “Ведь за каждым из них водится какое-нибудь художество: то вор, то праздношатайка”. — “Но, позвольте вам доложить”, прибавлял другой: “губер-

нии-то южные ведь будут получше северных. Ведь зерно-то сам десят, а мужику и трудиться нечего”. Наконец, четвертые говорили просто:

“Эк, Павел Иванович-то наш каков! Куш-то, куш какой сторговал!” Одно только было то, насчет чего говорили все согласно: т. е. что[это что] Чичиков был ничуть не меньше, как миллионщик. Уважение к нашему другу возросло до нельзя. Встречаясь с ним, иначе и не говорили, как только: “Батюшка Павел Иванович, сколько лет, сколько зим мы с вами не видались”, позабыв, [Вместо “позабыв”: несмотря на то] что накануне просидели до петухов за вистом. На улице, в которой он жил, начали беспрестанно попадаться квартальные благородной наружности и каждый день заставляли подметать под его окнами[под их окнами] пыль, так что герой наш даже кашлял от их услуг. Он такую приобрел с этих пор народность, что иначе и не называли его, как Павлом Ивановичем, как будто фамилии у него вовсе не было. И часто жандарм при разъезде, [Жандарм проезжая] провозгла-

сивши...[Конец страницы. Дальше обрыв текста.]

своим подбородком, который был совершенно круглый. Он говорил часто своим приятелям и знакомым: “Вот посмотрите, какой у меня подбородок, совсем круглый, как будто яблоко”. [яблоки] Скоро после бритья он имел также обыкновение гладить себя рукою по щеке, любуясь ее гладкостью и мягкостью. Мысль о том, что он сделал эти победы своею красотою, ему была не неприятна, [ему была приятна, несмотря на всю [его] скуку этих преследований] хотя он и находился в чрезвычайном беспокойстве от [всех этих] преследований, и потому очень естественно, что он, наконец, обратился совершенно [что помышления его наконец обратились совершенно] к туалету — как бы показаться более интересным на вечеринке. — Много поэтов, широких кистью, глубоких и великих, занимались описанием убранства и костюма своих героев. В старину Гомер, позже Сервантес, Вальтер-Скотт и Пушкин любили живописать туалеты. Очень знаю, что читателю хотелось бы

страшно видеть, как Чичиков наденет фрак брусничного цвета с искрой и станет умыться. Но просто не хочу говорить об этом. Я теперь решительно без всяких чинов и церемоний. Было время, когда и я старался[и я, несмотря на неповоротливость, глядел в глаза и старался] угадывать желания тех, с которыми[перед которыми] мы привыкли быть до приторности учтивыми. А теперь, как унесло меня море из нашей просторной империи, всё благоговение, которое питалось в душе к разным правителям канцелярий и многим другим достойным людям, [Вместо: “правителям канцелярий ~ людям”: правителям канцелярии и министрам] испарилось совершенно. Теперь и кланяться не умею. [Я состарелся,] Нет той гибкости в костях, которую сохраняют в своем хребте до глубокой старости многие дельные и деловые люди. Я упрям, не хочу видеть тех физиогномий, которые мне не нравятся. [а. физиогномий, на которые нужно плевать, несмотря на все их декорации, как бы они ловко ни шаркали ногою; б. физиогномий, при которых приходит мысль о плевательнице] Кому не говорю дружеского

ты, тот не подходит ко мне! По этому самому читающий меня не должен обижаться, если я с ним запросто и скажу ему [ему даже] ты. Первый приятель автора есть его читатель. Словом вы называют всех [подлецов], отправляют ли они должность низких доносчиков, или уже выбрались в люди и начинают даже производить [подлый] род свой от древних фамилий, — их всех называют вы. Но если рассмотреть это вы в микроскоп, то можно видеть, что это вы есть не что другое, как чистая оплеуха. Итак, будь лучше ты, нежели вы, веселый и прямодушный читатель мой. Я с тобою совершенно без чинов, и вместо того, чтобы рассказывать, как герой наш одевался, беру тебя за руку и веду прямо на бал к губернатору. Хотя, может быть, тебе и некогда, и давно уже пора итти в департамент, или ждут тебя на разводе, и бригадный командир распекает тебя заочно, или, может быть, любезный друг, ты и сам уже бригадный командир, завелся брюхом, величиною в самовар, в котором варят кадетам чай, и готовишься покрикивать перед фронтом так, что будут дребезжать окна на площади. Несмотря на всё

это, беру тебя за руку и веду на бал. Что ж делать? Таковы преимущества автора. Конечно, тебя немножко пораспекут. Но автору всегда лестная честь, когда за него кого-нибудь пощелкают.

Очень хорошие бывают иногда ридикули у купчих, у многих помещиц, [а. Очень хорошие бывали когда-то ридикули у купчих, и теперь даже бывают у многих помещиц тоже; б. Очень хорошие ~ у купчих. Весьма недурные [еще] [тоже] и у многих помещиц] живущих в разных уездах и губерниях. Они сшиваются из лоскутиков в виде треугольников. Купчиха шьет их из всех возможных ситцев, [Вместо: “в виде ~ ситцев”: в виде треугольников из всех возможных ситцев,] какие только были проданы в лавке мужа купчихи. Помещица же достает у своих приятельниц и берет [Помещицы ж достают у своих приятельниц и берут] с них заранее обещание прислать, когда те будут делать себе новое платье, лоскутик ситца. Из этих лоскутиков строится ридикуль. А на этот ридикуль был похож бал, особенно при первом на него взгляде.

Рассматривать в первые полчаса появляющиеся на бале лица так же приятно, как перевертывать листки альбома: на каждой странице разнообразие. И в самом деле, [Вместо “Рассматривать ~ деле”]: Не любил вообще никаких балов ни теперь, ни прежде этот автор, который пишет эти строки. Но рассматривать в первые полчаса [приезжа<я>] новые лица — это всегда доставляло приятное занятие. Гораздо даже приятнее, чем перевертывать листки альбома. И в самом деле] каких нет лиц на свете. Что ни рожа, то уж, верно, на другую не похожа. У того исправляет должность командира [играет роль ко<мандира?>] нос, у другого губы, у третьего щеки, распространившие свои владения даже на счет глаз, ушей и самого даже носа, который через то кажется не больше жилетной пуговицы; у этого подбородок такой длинный, что он ежеминутно должен закрывать его платком, чтобы не оплевать. А сколько есть таких, которые похожи совсем не на людей. Этот — совершенная собака [Вместо “А сколько ~ собака”]: Этот весь похож на собаку] во фраке, так что дивишься, зачем он носит в руке палку;

кажется, что первый встречный выхва<тит>

<ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ>

Пока [Между тем как] приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки. [Большой] Чемодан из белой кожи несколько потемневший, который тащили [Далее было: кучер Сели<фан>] вдвоем кучер его Селифан, низенький, дюжий человек в тулупе и лакей Петрушка, малый лет тридцати, чрезвычайно [Петрушка человек отчасти] сурьезный в широком коричневом сертуке, как видно с барского плеча, [Далее было: а. и с несколько крупными чертами лица, особенно губами и носом; б. с <1 нррзб.> несколько крупными] малый лет тридцати, очень сурьезный, с крупными губами и носом... После чемодана внесен был небольшой ларчик, портфель зеленого сафьяна, сапожные колодки и завернутая в синюю [сахарную] бумагу жареная курица. — Когда всё это было внесено и кучер Селифан принялся возиться около лошадей и в конюшне, а лакей Петрушка стал устраиваться в маленькой передней [очень] [совершенно] темной конурке, куды уже

успел принести свою [душистую] шинель, которая имела свой особенный запах [узелок] и мешок с туалетом [который он] имевший тот же самый запах так что всякой нашедший без сомнения [сейчас бы его] доставил бы ему в собственные руки. Тут же он приладил трехногую кровать <с> тонким как лепешка и во все не эластичным <тюфяком?> А приезжий господин приказал проводить себя в общую [Весь этот отрывок, относящийся к первой главе, написан на отдельном листке, вклеенном в начале рукописи.]

Вошедши Чичиков зажмурил глаза. Потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный, всё пахнуло, сверкало [и] блистало и тонуло в свете. Черные фраки [носи<лись>] мелькали и носились там и там как мухи на белом [све<ркающем>] сияющем рафинаде [в жаркое] порою жаркого июльского лета, когда [рубит] старая ключница в доме колет и рубит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все столпились вокруг ее, внимательно [Дети вокруг внимательно] следят всякое движение загорелых тем-

ных<?> рук ее, подымающих молоток, [глотаю между тем слюнки,] а воздушные эскадроны мух [пользуясь подслеповатостью], поднятые легким воздухом, влетают смело как полные хозяева и пользуясь подслеповатостью и старухи и солнцем бьющим<?> ее [прямо] жмурить глаза, обсыпают лакомые куски [то густою столпившеюся кучею] в одних местах, где в разбитную, где совершенно густою черною [кучей], в других в рассыпку и не столько для того, чтобы [поесть] наесться, но насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу представляющим им лакомые блюда, как чтобы показать себя, пройти взад и вперед по сахарной куче, потерять одну о другую тонкие<?> задние или передние лапки, а иногда ими обеими повернуться и опять улететь и опять прилететь с новым докучливым эскадроном[Отрывок этот, относящийся к первой главе, также написан на отдельном листке, вшитом в начале рукописи.]

<весе>лыми разговорами расположил к себе почти всех и оставил весьма приятное впечатление в сановниках города.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицмейстеру, где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи. Там между прочим он [Вместо “он”: Чичиков] познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех или четырех слов начал говорить: ты. С полицмейстером и прокурором Ноздрев тоже был на ты и обращался по-дружески, но когда се-ли играть в большую игру, полицмейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассмат-ривали его взятки и следили почти за всякою картою, [Вместо “следили ~ картою”: пригля-дывались к колоде карт] с которой он ходил. На другой день Чичиков провел вечер у пред-седателя палаты, который принимал гостей своих в халате несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам. [Далее было: од-ну в сателетюрковом, а другую в ситцевом платье] Потом был на вечере у вице-губерна-тора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который впро-чем стоил большого, на закуске после обедни,

данной городским главою, которая тоже стоила обеда. Словом ни одного часу не приходилось ему оставаться дома и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы засыпать. [Вместо “на большом обеде у откупщика ~ засыпать”: у прокурора и еще у кого-то, так что решительно ни одного часу не сидел он дома, и приезжал в гостиницу только заснуть.] Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного и светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе — он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, — и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему не безызвестны и судейские проделки. Было ли рассуждение о бильяртной игре — и в бильяртной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели — и об добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина — и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках [Вместо “о таможенных

~ чиновниках”: шло ли дело о винных объез-
чиках и таможенных надсмотрщиках] — и о
них он судил так, как будто бы сам был и чи-
новником и надсмотрщиком. [Вместо “и чи-
новником и надсмотрщиком”: и надсмотрщи-
ком и объезчиком вместе.] Но [Далее было:
что] замечательнее, что он умел всё это обле-
кать какою-то солидностью, умел хорошо дер-
жать себя. Говорил ни громко, ни тихо и со-
вершенно так, как следует. Словом куды ни
повороти, был очень порядочный человек.
Все чиновники города были довольны приездом
нового лица. Губернатор о нем изъяснил-
ся, что он благонамеренный человек; проку-
рор, что он очень дельный человек, жандарм-
ский полковник [Далее было: который прожи-
вал единственно из удовольствия в этом горо-
де,] говорил, что он ученый человек; предсе-
датель палаты, что он знающий и почтенный
человек; полицмейстер, что он почтенный и
любезный человек; жена полицмейстера, что
он любезнейший и обходительнейший чело-
век. Даже сам Собакевич, который редко от-
зывался о ком-нибудь с хорошей стороны,
приехавши довольно поздно из города и уже

совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: “Я, душенька, был у губернатора на вечере и у полицмейстера обедал и познакомился с надворным советником Павлом Ивановичем Чичиковым; преприятный человек!”, на что супруга сказала: “Гм” и толкнула его ногою.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или как говорят в провинциях пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти весь город.

ГЛАВА II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. Может быть к сему побудила его и другая, более существенная причина, дело более сурьезное, такое, которое было несрав-

ненно ближе к его сердцу... Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную и раздвинувшуюся [Так в подлиннике.] потом шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело.

Кучеру Селифану отдано было приказание с раннего утра заложить лошадей в известную бричку; Петрушке же приказано было оставаться дома смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателя будет не лишне познакомиться с этими двумя крепостными членами нашего героя. Хотя конечно они лица не так заметные и то, что называют [лица] второстепенные, если даже <не> третьестепенные, хотя главные ходы и пружины нашего романа на них не утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их — но автор любит чрезвычайно быть обстоятельством во всем, что ни есть в его поэме, и в этом отношении, несмотря на то, что сам человек русской, [но] он хочет быть аккуратен, как немец. Это займет [однако ж] впро-

чем немного времени и места, ибо немного останется прибавить к тому, что уже читатель знает, то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сертуке с барского плеча и имел по обычаю людей своего звания крупный нос и губы. Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого, имел даже благородное побуждение к просвещению, т. е. чтению книг, [Далее начато: которых впрочем содержание он] содержанием которых он впрочем вовсе не затруднялся. Ему было совершенно все равно: походило ли это какого-нибудь влюбленного героя, [описание ил<и>] молитвенник, или просто букварь — он всё читал с равным вниманьем. Если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, [что он] о чем читал он, но больше самое чтение, или лучше процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежащем положении в передней на кровати и на тюфяке, сделавшемся от этого убитым, тонким, [тоненьким] как лепешка. [И потому] И так, оставать-

ся где-нибудь одному ему вовсе не было скучно, напротив, даже поучительно. Кроме страсти к чтению он имел еще два обыкновения, составлявшие две другие его характеристические черты: спать всегда не раздеваясь, так, как есть, в том же сертуке и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух особенного запаха, отзывававшегося несколько жилым покоем; так что достаточно было ему только пристроить свою кровать где-нибудь, хоть в необитаемой дотоле комнате, да перетащить туда свою шинель и пожитки, и уже казалось в этой комнате лет десять жили люди. Чичиков, будучи человек весьма деликатный, иной раз поутру на свежий нос потянувшись к себе воздух, только поморщивался да встряхивал головою и произносил:

“Ты, брат, чорт тебя знает, потеешь что ли. Сходил бы ты хоть в баню”. На что Петрушка ничего не отвечал, а старался заняться тут же каким-нибудь делом: или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку, или просто прибирал что-нибудь в комнате. Может быть он что-нибудь и думал в это время, когда мол-

чал, может быть он говорил про себя: “и ты, однако ж, хорош: не надоело же тебе сорок раз повторять одно и то же”. Бог знает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин дает ему наставление. Итак, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. Кучер Селифан, напротив... Но, признаться, автор очень совестится[Но [лучше остави<м>] признаюсь мне уж и совестно] занимать так долго крепостными людьми: лучше[Далее было: уже] Селифана оставить на после. У нас[Далее начато: вообще к] читатели очень неохотно знакомятся с низшими сословиями. Да и вообще у русского человека неодолимая[такая] страсть: познакомиться с человеком, который бы хоть одним чином был его повыше, а уж никак не ниже. И приведи только ему судьба столкнуться[Далее начато: где-нибудь с генералом, он уж сам не свои, радость такая; он приедет домой в духе удивительном — будет и развязней и молодеватей, как-то свободнее станет размахивать руками при жене и детях любезничает<?> <нрзб.> внутреннего удовольствия. А уж о знакомстве с какими графами и кня-

зьями] где-нибудь <с> графом или князем, и говорить нечего, там просто рай. По этой-то самой причине автор очень опасается за своего героя, который только надворный советник. Конечно, коллежские асессоры еще может быть решатся познакомиться с ним. Но те, которые подбираются к чинам генеральским, [Далее было: а может быть состоят уже в чинах] те, бог весть, может быть даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на всё, что ни пресмыкается у него[у них] под ногами, а может быть еще хуже, может быть пройдут убийственным для автора невниманьем. Как бы то ни было, но мы однако ж возвратимся к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера и проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкою, что делал он всегда по воскресным дням, а тогда было воскресенье, выбравшись таким образом, что щеки его сделались гладки, нежны и залоснились как атлас, надевши фрак брусничного цвета с искрой и сверх его шинель на больших медведях, он сошел[Далее было: наконец] с лестницы, под-

держиваемый под руку то с одной, то с другой стороны бегавшим очень проворно трактирным слугою, и сел в бричку, которая с громом выехала из-под ворот [Вместо “Уже более ~ из-под ворот”: Уже две недели приезжий господин жил в городе, ездил по вечерам, вечеринкам и обедам, и таким образом перекидывался из дома в дом, как все те счастливицы, которые привыкли почитать свой угол только за ночлег. Но в одно утро знакомая читателям бричка стояла пред подъездом гостиницы, заложённая тройкой тоже знакомых лошадей. Кучер низенький, кругленький, которого, впрочем, звали Селифан Высокоростов, был на этот раз еще круглее, потому что под свой армяк заправил какой-то полушубок. В бричку внесли чемодан и узелок. Всё это давало знать, что владетель всего этого собирался ехать куда-то за город, что было между прочим совершенная правда. Чичиков решился наконец исполнить обещание, данное помещикам Манилову и Собакевичу, навестить их в собственных деревнях; пришлось это, кажется, в воскресенье. Именно в воскресенье, потому что Чичиков имел обыкновение по

воскресным дням вытираться снизу доверху мокрою губкою, окунутою в холодную воду, что всё исполнил он очень аккуратно в тот день. Минуты три спустя увидели героя нашего уже закутанного и спускавшего<ся> по лестнице. Демикотонный сюртук бежал очень проворно впереди с салфеткой и подсаживал его то с одной стороны, то с другой. Герой наш был чрезвычайно чисто одет. Нигде ни пылинки, ни перышка, ни пушинки; фрак брусничного цвета давал самый богатый отлив, так что Чичиков не утерпел, чтобы не высунуть руки из-под шинели и не посмотреть на сукно немного к свету. Щеки его были так гладки и: хорошо выбриты и блеснули такою белизною, что казалось, что он весь помолодел пятью годами и был бы даже похож на херувима, если бы не слишком синий подбородок. С какой-то чрезвычайно приличною и вместе солидною важностию влез в бричку, в шинели на медведях, и бричка с громом выехала из-под ворот] гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу; несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: “барин, подай сиротинь-

ке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом — и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости увидел Чичиков [что] полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой мучке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, он понесся, наконец, по мягкой земле. Едва только минул город, как пошла писать по нашему [Вместо “по нашему”: по русскому] обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги. Кочки, ельник, низенькие, жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор. Попадались [Далее было: две, три] вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висящих утиральников. Несколько мужиков по обыкновению зевали, сидя на лавках перед воротами, в своих овчиных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными <грудями> смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок, или высовывала сле-

пую морду свою свинья. Словом, [“Словом” вписано.] виды известные. Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни всё не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся на встречу, то он бы был в немалом затруднении. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы и один из них, который был постарше и поумнее, а бороду носил клином, отвечал: “Маниловка, может быть, а не Заманиловка”.

“Ну да, Маниловка”.

“Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то есть так прямо направо”.

“Направо?” отозвался кучер.

“Направо”, сказал мужик. “Это будет тебе дорога в Маниловку, а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом каменный, в два

этажа, господский дом, в котором то есть живет сам господин. Вот это-то и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь

и не было”.

Мужика не слушали и поехали отыскивать Маниловку. [не слушали и ехали далее.] Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты пронеслись мимо, а каменного дома в два этажа всё еще не было видно. Наконец, когда проехали еще две версты, высунилось вместе с горою одиноко белевшее на ней строение, тогда как самая деревня еще скрывалась за едва заметною возвышенностию. Тут Чичиков вспомнил, что когда приятель приглашает к себе в деревню за 15 верст, то это значит, что к ней есть верных 25 или же целых 30. Деревня Маниловка не многих [Вместо “не многих”: едва ли кого] могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на возвышении, открытом со всех сторон; покатошь горы, на которой он стоял, была одета подстриженным

дерном. На ней были разбросаны по-аглицки две-три клумбы с кустами сирени и желтых акаций. Пять-шесть берез небольшими группами кое-где возносили свои узколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью:

“храм уединенного размышленья”. [Вместо “На ней были ~ размышленья”: два или три куста ~ пространстве (PM)] Пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в английских садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения и частью по самому скату темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые [Вместо “бревенчатые”: русские; а. Начато: руб<ленные>] избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту же минуту принялся считать и насчитал более двух сот. Нигде [впрочем] между ними растущего деревца, или какой-нибудь зелени. Везде гляде<ло> только одно бревно. Вид оживляли только разве три бабы, шлепавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бе-

льем по воде и перебранивавшиеся издали между собою, да двое мальчишек, которые, [Вместо “между ними ~ которые”: ни деревца — Двое мальчишек (PM); а. ни деревца, всё бревна да бревна. У пруда видны были три бабы, шлепавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бельем по воде и несколько мальчишек, которые] поднявши рубашенки, брели по пруду, [брели по нем] разбрызгивая ногами воду с таким спокойным видом, как будто занимались делом. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода в это время очень кстати прислужилась. День был не то ясный, [не то серый] не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает на мундирах гарнизонных солдат, [а. а просто цвету мундира гарнизонных солдат] этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого [а. но мертвецки пьяного] по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то, что голова его продолблена была до самого мозга носами других петухов по известным делам волокит-

ства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил, что на крыльце стоял сам хозяин в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть хорошенько [Далее начато: а. приб<лижающийся>; б. по мере того] подъезжавший экипаж. По мере того, как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

“Павел Иванович!” вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички: “насилу вы-таки нас вспомнили”.

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попытаемся, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что это очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого

размера. Там просто бросай краски со всей руки на полотно: [Там просто ляпай кистью со всей руки] черные палящие глаза, [Вместо “черные ~ глаза”: огненные глаза] нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый как огонь плащ [закинутый на плечо черный или огненный плащ] — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собой выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывать взгляд. [Вместо “эти господа ~ взгляд”: О, это пытка для автора. Он [долго] должен над ним долго продумать, прежде чем приняться за кисть; а. Начато: О здесь много работы; б. Начато: О здесь должно сильно напрягать зрение и [много] далеко углублять; в. Начато: Эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание

[пока заставишь выйти] и далеко углублять уже изощренный в науке выпытывать.]

Один бог разве может сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: “люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан”, как говорит пословица. Может быть к ним [нужно] следует присоединить и Манилова. Он был на взгляд человек [очень] видный; в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое; во всех приемах его видно было что-то снискивающее расположения и знакомства. Он приятно улыбался, лицом был вовсе не дурен: [Вместо “Есть род ~ не дурен”: “На Руси ~ не дурен собою (РМ); а. Начато: Есть род людей, которых называют на Руси: так себе] блондин с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек! в следующую затем минуту ничего не скажешь; а в третью скажешь: “чорт знает, что такое!” и отойдешь подальше. Если ж не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого

или хоть даже заносчивого слова, которое можешь услышать почти от всякого, если коснешься его предмета. У всякого есть какое-нибудь влечение: один имеет влечение к борзым собакам; [Вместо: “У всякого ~ собакам”: У всякого ~ всех собак (PM)] другой мастер лихо пообедать; третий охотник сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; четвертый [просто спит] с желаньем более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гуляньи с каким-нибудь [камергером или] флигель-адъютантом, и чтоб увидели это его знакомые; пятый имеет уже такую руку, которая чувствует влечение непреодолимое заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука шестого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности стационарного зрителя или ямщиков. Словом, у всякого есть свое; но у Манилова ничего не было. [Вместо “третий охотник ~ не было”: этому уже ~ никакой страсти (PM); а. Начато: Третий ~ его знакомые. Тот не знает, что делать с своей рукой, которая чувствует зуд непреодолимый; у того рука чешется зало-

мить угол бубновому тузу или двойке, тогда как рука какого-нибудь иного] Дома он говорил[говорил по обыкновению] очень мало и большею частью размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве только одному богу было известно. [разве один бог мог знать] Хозяйством он нельзя сказать чтобы занимался: [Хозяйством тоже нельзя сказать, чтобы он очень занимался] он даже никогда не ездил на поля; хозяйство шло как-то само собою. Когда прикащик говорил: “Хорошо бы, барин, то и то сделать”, “Да, не дурно”, отвечал он обыкновенно куря трубку, которую курить сделал [он] привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. “Да, именно, не дурно”, повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою в затылок, говорил: “Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать!” “Ступай”, говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подзем-

ный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо его принимало самое довольное выражение; впрочем, все эти проекты так и оканчивались одними только словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложённая закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно не доставало. В гостиной стояла у него прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма не дешево, но одно кресло было сломано и только для вида были приставлены к нему ручка и ножка, и хозяин всякой раз предостерегал своего гостя словами: “Не садитесь на это кресло, оно худо”, а предостережение это делалось постоянно в продолжение шести лет, то есть с того времени, как сломалось кресло. В иной комнате и вовсе не было мебели; хотя он и говорил в первые дни после женитьбы своей: “Душенька, нужно будет завтра похло-

потать, чтобы в эту комнату на время хоть какую-нибудь мебель поставить”. Вечеру подавался на стол тоже очень щегольской [высокой] подсвешник из темной бронзы с тремя античными грациями и перламутным зонтиком, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, [и весь] свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочем, они совершенно были довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более 8 лет их супружеству, из них всё еще каждый приносил друг другу или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек, и говорил трогательно-нежным голосом, [а. нежно-трогательным] выражавшим совершенную любовь: “Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек”. [Далее начато: Натурально] Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рожденья приготавлиемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто сидя на диване, вдруг, и совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а

другая работу, если только она держалась в то время в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно было прочесть небольшой листок[а. номер] газеты. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий и обязанностей, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов: зачем, например, не весьма опрятно на кухне, зачем довольно пусто в кладовой, зачем воровка ключница, зачем нечистоплотны слуги, зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает в остальное время. Но, впрочем, как же и заниматься такими низкими предметами? Манилова хорошо воспитана. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепиано для доставления приятных минут супругу и наконец собственно хозяйственная часть: вязание кошелев и дру-

гих сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; всё это [впрочем] более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепиано, потом французской язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то есть вязание кошельков, потом французской язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед. [Вместо “В гостиной ~ вперед”]: В одной комнате ~ вперед (PM); а. В одной комнате была у него прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, что, вероятно, стоило ему недешево. Но зато одно [кресло] из кресел было без ручки [и ножки который только] и без одной ножки, которые были только приставлены, и хозяин всякой

раз предостерегал своего гостя: “Не садитесь на это кресло, оно сломано”, и это предостережение он делал всякой раз постоянно в продолжение шести лет, т. е. с того времени, как оно сломалось, а в иной комнате и вовсе не было мебели, хотя он и говорил в первые дни после замужества: “Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату на время хоть какую-нибудь мебель поставить”. Вечеру тоже подавался весьма недурной [бронзовый] темный бронзовый подсвечник с античными тремя грациями и перламутным зонтиком и рядом с ним какой-то просто медный [кривой] нагнувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги!

Жена его... Они совершенно были довольны <друг> другом. Несмотря на то, что прошло более шести лет после замужества, но всё [если случалось кому есть яблочко] еще один другому приносил или кусочек яблочка, или конфекту, или орешек и клал собственными руками в рот, который другая или другой очень грациозно открывал. Сюрпризы бы-

ли приготавливаемы ко дню рожденья: какой-нибудь бисерный чехольчик [для] на зубочистку, и весьма часто, сидя на диване, один, оставивши свою трубку, а другая работу, напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы даже прочесть небольшой журнал. Словом, они были то, что говорится счастливы. Конечно можно бы здесь кое что сказать... но признаюсь и т. д. как в тексте.]

“Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду потом”, [после] говорил Чичиков.

“Нет, Павел Иванович, нет, вы — гость”, [Нет, Павел Иванович, вы — гость, вы должны вперед идти [говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

“Не затрудняйтесь, пожалуйста не затрудняйтесь. Пожалуйста проходите”, говорил Чичиков.

“Нет, Павел Иванович, это обида. Вы хоти-

те, [Как можно] чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя”.

“Ах, боже мой... Мне право совестно. Проходите, сделайте милость, проходите, я после”, говорил Чичиков.

“Нет, никак нельзя”.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

“Позвольте мне вам представить жену мою”, сказал Манилов. “Душенька! Павел Иванович”.

Чичиков увидел точно даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна; одета [очень] к лицу. На ней хорошо сидел[а. На ней был хорошо сидевший] матерчатый шелковый капот бледного цвета. Тонкая, небольшая кисть[а. Начато: тонкие небольшие молочного цвета каз<авшиеся?>; б. тонкие небольшие руки] руки ее что-то бросила

поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми угликами. Она поднялась с [своего] дивана, на котором сидела. Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке. Манилова проговорила, несколько даже картавя, [а. Манилова заметила] что он очень обрадовал их своим приездом и что муж ее, не проходило дня, чтобы не вспоминал о нем. На что Чичиков ответствовал, поворотивши голову несколько на бок, с свойственною ему приятностью, что муж ее далеко простирет доброту свою к нему. [Вместо “Она была недурна ~ к нему”: и которая ~ сказал Чичиков (PM)]

“Да”, примолвил [отвечал; а. сказа<л>] Манилов. “Уж она бывало всё спрашивает меня: “Да что же твой приятель не едет?” — Погоди, душенька, приедет. А вот вы, наконец, и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день, именины сердца...”

Чичиков, услышавши, что дело уже даже дошло до именин сердца, несколько даже

смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, [Вместо “именины сердца ~ не имеет”: “О никак не достоин такой чести. Что ж я... ни громкого имени не имею] ни даже ранга заметного...

“Вы всё имеете”, прервал Манилов с тою же приятною улыбкою, “всё имеете, даже еще более”.

“Как вам показался наш город?” примолвила Манилова — “Приятно ли провели там время?”

“Очень хороший город, прекрасный город”, отвечал Чичиков. “И время провел очень приятно. Общество самое [прекрасный город и время провел приятно. Общество такое] обходительное”.

“А как вы нашли нашего губернатора?” сказала Манилова.

“Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?” прибавил Мани-

ЛОВ.

“Совершенная правда”, сказал Чичиков, “самый почтенный. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно[Вместо “Совершенная ~ Нужно”: “О, препочтеннейший! ~ Истинно нужно (PM)] желать побольше таких людей”.

“Как он может этак, знаете, принять всякого, обворожить своим обращением”, присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурив глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем. [Вместо “и от удовольствия ~ пальцем”: и почти ~ был доволен (PM)]

“Очень обходительный и приятный человек”, продолжал Чичиков, “и какой искусник! Я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры. Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить”.

“А вице-губернатор? Не правда ли, какой

милый человек!” сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза. “Очень, очень достойный человек”, отвечал Чичиков. “Ну, позвольте, а как[Вместо: “Ну, позвольте, а как”: А как] вам показался полицмейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?”

“Чрезвычайно[О, чрезвычайно] приятный. И какой ученый, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем гражданской палаты до самых поздних петухов. [до самых петухов] Очень, очень достойный человек!”

“Ну, а какого вы мнения об жене полицмейстера”,[Вместо “Ну, а какого ~ полицмейстера”: А жена полицмейстера] прибавила Манилова. “Не правда ли, прелюбезная[Не правда ли, какая препочтенная и прелюбезная] женщина”.

“О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знал”, отвечал Чичиков.

За сим не пропустили[За сим Манилов не

пропустил] председателя палаты, почтмейстера, и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самые[которые, как нарочно, все были] достойные люди.

“Вы всегда в деревне проводите время?” сделал, наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.

“Больше в деревне”, отвечал Манилов. “Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь всё время жить взаперти”.

“Правда, правда”, сказал Чичиков.

“Конечно”, продолжал Манилов, “другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы, в некотором роде, можно было поговорить[а. поговорить красноречиво эдак] о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так

сказать, паренье[а. дало бы паренье] эдакое...” Здесь он еще что-то хотел[прибавить] выразить, но заметивши, что несколько зарпортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: “тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого... Вот только иногда почитаешь “Сын Отечества””.

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как[Вместо “Чичиков ~ как”: “Это справедливо ~ лучше, как (PM)] жить в уединении, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу. [природы, почитать иногда книгу]

“Но знаете ли”, прибавил Манилов: [“прибавил Манилов” вписано.] “всё если нет друга, с которым бы можно поделиться...”

“О, это справедливо, это совершенно справедливо”, прервал Чичиков: [“прервал Чичиков” вписано.] “Что все сокровища тогда в мире! Не имей денег, имей хороших людей

для обращения, сказал один мудрец”.

“И знаете, Павел Иванович!” сказал Манилов, сделавши такую сладкую мину, что уж даже было [что даже сделалось] несколько приторно, как натошак, “тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, [какое-то эдакое] духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать, редкое, которого я даже, в некотором роде, недостоин: то есть говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...”

“Помилуйте, [О, помилуйте] как можно, чтобы я льстил себя... Ничтожный человек и больше ничего”, отвечал Чичиков. [“отвечал Чичиков” вписано.]

“О! Павел Иванович! Я бы с радостью отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..”

“Напротив того, я бы почел с своей сторо-

ны за величайшее...”

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих [до чего бы дошли взаимные учтивства двух] приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

“Прошу покорнейше”, сказал Манилов. “Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах. У нас просто по русскому обычаю щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу”. [Прошу покорнейше]

Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец, Чичиков вошел боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, дети Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, который очень вежливо и с улыбкою поклонился. Хозяйка села за свою суповую чашку. Гость был посажен между [Вместо “Гость ~ между”: Мужчины ~

между (РМ)] хозяином и хозяйкою. Слуга завязал детям на шею салфетки.

“Какие миленькие дети”, сказал Чичиков, посмотрев на них, “а который год?”

“Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть”, сказала Манилова.

“Менелай!” сказал Манилов, обратившись к старшему. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое совершенно неожиданное имя, [такое странное имя] но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение. “Менелай, скажи мне, какой лучший город во Франции?”

Здесь учитель обратил всё внимание на Менелая и, казалось, хотел вскочить ему в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Менелай сказал:

“Париж”.

“А у нас какой лучший город?” спросил

опять Манилов.

Учитель опять...[Фраза не дописана.]

“Петербург”, отвечал Менелай.

“А еще какой?”

“Москва”, отвечал Менелай.

“Умница, душенька!” прибавил с своей стороны Чичиков. “Скажите, однако ж”, продолжал он, обратившись с некоторым видом изумления к Маниловым. “В такие лета и уже такие сведения. Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности”.

“О, вы еще не знаете его”, отвечал Манилов, “у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшей, Алкивиад, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит: букашку, козявку — тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Менелай!” продолжал он обратясь снова к нему: “хочешь быть посланником?”

“Хочу”, отвечал Менелай, жуя хлеб и болтая головою направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос, и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что они были готовы [что уста их готовы] усмехнуться, в ту же минуту раздвигал рот и смеялся с величайшим усердием. Один раз только лицо его приняло суровый вид, и он, стукнув вилкою по столу, устремил взгляд на сидевших насупротив его [против него] детей. Это было весьма у места, потому что Менелай укусил за ухо Алкивиада, и Алкивиад, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у

него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: “Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли”. На что Чичиков отвечал: “Покорнейше благодарю, не беспокойтесь, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда”.

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг Чичиков объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

“В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет”, сказал Манилов и повел Чичикова в небольшую боковую комнату, обращенную окном на синевший лес.

“Вот мой уголок”, сказал Манилов.

“Приятная комната”, сказал Чичиков, окинувши ее глазами. Комнатка была точно не без приятности: стены были выкрашены ка-

кой-то голубенькой краской в роде серенькой, четыре стула, одно кресло и стол, на котором[Вместо “Комнатка ~ на котором”: В комнате было мебели не много: стол, на столе-<?>] книжка с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего[но больше всего было] табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это доставляло хозяину препровождение времени.

“Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах”, сказал Манилов, “здесь вам попокойнее”.

“Позвольте, я сяду на стуле”.

“Позвольте вам этого не позволить”, сказал Манилов с улыбкою. “Это кресло у меня уж ассигновано для гостя. Ради или не ради,

но должны есть”.

Чичиков сел.

“Позвольте мне вас попотчевать трубкою”.

“Нет, не курю”, отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

“Отчего?” сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

“Не сделал привычки, боюсь, говорят, трубка сушит”.

“Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение! Я полагаю[Я нахожу] даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже с позволения сказать во всех прочих местах. И вот ему теперь уже срок с лишком лет, но благодаря бога до сих

пор так здоров, как нельзя лучше”. [как нельзя быть лучше. Это я вам скажу действительно случается]

Чичиков заметил, что это действительно случается и что в натуре есть много вещей, которые даже неизъяснимы какому бы то ни было обширному уму. [Вместо “Чичиков ~ уму”: Это действительно случается. В натуре такое множество странных вещей.] “Но позвольте прежде одну просьбу...” при этом снова Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь... “Как давно вы изволили подавать ревижскую сказку?”

“Да уж давно, а лучше сказать, не припомню”. “Как с того времени, много у вас умерло крестьян?” “А не могу знать. Об этом, я полагаю, нужно спросить [Об этом нужно, я думаю, спросить] приказчика. Ей, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь”. [“он должен ~ здесь” вписано.]

Приказчик явился. Это был человек лет

под сорок, бривший бороду, ходивший в сертуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что[а. Далее начато: в лице его заметны] лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а цвет и мягкость кожи и маленькие глаза показывали, что он знал, что такое пуховики и перины. Видно было по всему, что он совершил свое поприще, как совершают его вообще все господские приказчики: сначала был просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Акулине ключнице, барыниной фаворитке, [потом] и сам сделался ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком натурально поступал так, как все приказчики: водился и кумился с теми мужиками, которые на деревне побогаче, подбавлял тягла тем, которые победнее и, проснувшись в 9-м часу утра, [в 9-м часу поутру] поджидал самовара и пил чай. [“Это был человек ~ пил чай” вставка на полях.]

“Послушай, любезный”, сказал Манилов: [“сказал Манилов” вписано.] “сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ре-

визию?”

“Да как сколько? Многие умирали с тех пор”, сказал приказчик и при этом икнул, за-слонивши рот слегка рукою на подобие щитка. [“сказал приказчик ~ щитка” вписано.]

“Да, признаюсь, я сам так думал”, подхватил Манилов. “Именно очень многие умирали!” Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: “точно, очень многие”.

“А как например числом?” спросил Чичиков.

“Да, сколько числом?” подхватил Манилов.

“Да как сказать числом? Число неизвестное, человек до 80 будет”.

“Да, именно”, сказал Манилов, обратясь к Чичикову, я тоже предполагал. Большая смертность”.

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чичи-

ков, “подробней реестрик всех по имени”.

“Да, всех”, сказал Манилов. Приказчик сказал: “слушаю” и ушел.

“А для каких причин вам это нужно?” спросил[а. сказал Манилов] по уходе приказчика Манилов Чичикова.

Чичиков минуты три оставался молча, не отвечая ни слова на сделанный запрос. Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В лице его выразилось такое затруднительное положение, и во всех чертах его отразилось что-то беспокойно ищущее чего-то, что всякий, который бы в эту минуту поглядел на него, исполнился бы по неволе ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и невольно отразил[а. Вместо “что всякий ~ отразил”: Казалось, что поневоле наполнило бы всякого, который бы в это время поглядел на него, ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и он бы нечувствительно отразил] бы в лице своем почти то же самое затруднение. Казалось, как будто

дело было точно головоломное. И в самом деле, [а. Далее начато: не прошло четыр<?>] Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких, без всякого сомнения, никогда еще не слышали человеческие уши от самого создания мира.

“Я хотел вам предложить... не можете ли вы мне продать [эдаких] крестьян...”, сказал Чичиков, да и не кончил речи.

“А вы разве покупаете крестьян?”[а. А вы разве хотите купить крестьян?] сказал Манилов, “но позвольте вас спросить: как и какого рода вы хотите купить крестьян, с именем ли, то есть с землею или просто на вывод, т. е. без земли?”

“Нет, я разумею не то, чтобы совершенно крестьян”, сказал Чичиков, “а собственно, так сказать, мертвых душ, то есть таких, которые уже умерли и только по ревизии считаются живыми”.

Манилов остолбенел, выронивши тут же

чубук вместе с трубкой на пол и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза. Наконец он [а. Далее начато: поднял чубук с трубкою] подумал: “Да полно, не шутит ли он” и, поднявши трубку с чубуком, посмотрел снизу ему в лицо несколько в профиль, как <бы> [желая] стараясь приметить, не видно ли какой усмешки на губах его, или, по крайней мере, небольшого движения или желания удержать усмешку. Но в лице Чичикова, напротив, оказывалось, такое [а. Но лицо Чичикова напротив сохраняло такое] сурьезное выражение, какое даже в нем редко было видно в обыкновенном положении. Он подумал, уж не сошел ли он как-нибудь вдруг и внезапно с ума, и со страхом посмотрел на него пристально. Но глаза его были совершенно ясны, ничего в них не было заметно [блудящего] мутного или дикого или этого беспокойно вращаемого беглого огня, который бегаёт в глазах сумасшедшего человека. Напротив, всё в нем было как следует, прилично и в порядке, как у всякого благонамеренного человека, и сидел он в креслах ничего, хорошо, как сидит всякой хороший чело-

век. Словом, ничего не было в нем необыкновенного. Правда, в лице только не замечалось более[а. не было за<метно>] того чистосердечного простодушия и приятной улыбки, [Далее начато: а. сопровождаемых наклоением головы несколько; б. которые приобрели ему совершенно] произведших такое благоприятное впечатление на всех чиновников в городе. Вместо его было заметно что-то похожее на некоторую робость, на боязливое и даже заботливое ожидание, но всё прочее решительно было на своих местах, как было и прежде. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что такое сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым самую тонкою струею.

“Так как же вы?..” спросил Чичиков. [Вместо “А для каких ~ спросил Чичиков”: Тут Чичиков ездил ~ уступить их (РМ).]

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него и не в состоянии был пошевелить язык. [смотрел на него и не

мог сказать ни одного слова]

“Я как вижу, вы затрудняетесь?” робко заметил Чичиков. [Вместо: “Я как ~ Чичиков”: “Итак, вы затрудняетесь...”]

“Я?.. нет, я не то...”[нет, я ничуть] сказал Манилов: “но я не могу постичь... извините... Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении, не имею, так сказать, высокого искусства выражаться. Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое...[Вместо “извините другое”: извините моему неведению. Не имея ваших, так сказать, выразительных, положительных сведений, объективных... Я могу ошибаться. Вы извините, однако ж, меня, может быть всё это не то] Может быть, вы это изволили выразиться так для красоты слога”.

“Нет, я в существе своем разумею предмет так, как есть. То есть те души, которые уже умерли”, отвечал Чичиков. [Вместо “предмет

~ Чичиков”: сказал Чичиков]

Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно сделать какой-нибудь вопрос, а какой вопрос — чорт его знает. [Вместо “Он чувствовал ~ знает”: Ему казалось ~ в каком роде (PM).] Кончил он наконец тем, что выпустил опять [опять вписано.] дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

“Итак, если с вашей стороны препятствия никакого, то я бы мог приступить к совершению купчей крепости”, [Вместо “Итак ~ крепости”: “Так я бы с своей стороны уже и купчую совершил бы”] сказал Чичиков.

“Как, на мертвые души купчую?”

“А нет”, сказал Чичиков, “мы напишем так, как будто бы это были живые. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов; исполнение обязанности всегда было для меня священно. Хотя за это я и потерпел по службе, но уж у меня такой характер”. [Вместо

“Я привык ~ характер”: Я уж, видите, сам служил и привык делать по законам. Уж это, признаюсь, мой нрав. От справедливости отступать никаким образом не могу. За это, признаюсь, потерпел и по службе, но... нечего делать, а. Я привык ~ законов. Постановления государственные всегда были для меня святы. Хотя и т. д. как в тексте.]

Манилов в ответ принялся насасывать свой чубук так сильно, что он начал наконец хрипеть как фагот. Казалось, как будто бы он желал вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства. Но чубук хрипел, и больше ничего.

“Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?”

“О, помилуйте, ничуть. Я не насчет этого говорю, чтобы имел какое-нибудь, т. е. критическое предосуждение о вас; но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб еще более так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта, так сказать, негоция

несоответствующую гражданским постановлениям и дальнейшим видам России”. [постановлениям России]

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, выразив во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в его кабинете, да и то [в том только случае] когда дело касалось решения участи миллионов людей.

Но Чичиков, однако ж, постарался объяснить, что эта негоция никак не будет несоответствующею, и что правительство даже в некотором отношении останется довольным, ибо получит сполна все следуемые за совершение купчей пошлины. [Вместо “Здесь ~ пошлины”: Тут лицо ~ пошлины (PM).]

“А если будет довольно, это другое дело, я против этого ничего”, сказал Манилов и со-

вершено успокоился.

“Теперь нам остается только условиться в цене...”

“Но неужели[Как, неужели] вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые, в некотором роде, окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то я с большой охотой вам их всех уступаю безынтересно и купчую принимаю на свой счет”.

Здесь автор, как верный историк, должен сказать, что после сих слов, произнесенных Маниловым, Чичиков [почувствовал] показал такую радость, которая даже была отчасти неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо держать себя, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что Манилов посмотрел на него в совершенном изумлении. Побужденный признательностью, он

наказал таких благодарностей Манилову, что тот опять смешался, весь покраснел, очень долго производил головою какой-то отрицательный жест и наконец уже сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел, точно, доказать чем-нибудь сердечное влечение, [Вместо “Здесь автор ~ влечение”: “Благодетель мой!” ~ влечение (PM)] магнетизм души, но что умершие души в некотором роде[но умершие души — это в некотором роде] совершенная дрянь.

“Очень не дрянь”, сказал Чичиков, пожавши руку Манилову и испустивши душевный вздох. Казалось, он был совершенно в это время настроен к сердечным излияниям; по крайней мере он произнес очень выразительно и с большим чувством следующие слова: [Вместо “пожавши ~ слова”: с чем-то подобным даже на вздох; а. пожавши ~ излиянием, и очень выразительно произнес следующие слова: “Если б вы знали, какую этим[какую вы этим] услугу, — продолжал он, [“продолжал он” вписано.] — оказали человеку без племени и роду. Да, действительно, чего не

потерпел я, каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сиротине горемыке...” и тут даже отер платком он выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно растроган. Оба приятели долго жали друг другу руку и смотрели долго молча один другому [смотрели молча друг другу] в глаза, в которых видны были наворачнувшиеся слезы. Манилов [Далее начато: так] никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот [так горячо, что тому даже и надоело и он] просто не знал, как ее выручить. Наконец, выдернув ее потихоньку, он сказал, что не худо бы купчую совершить поскорее, да для этого не мешало бы и ему самому съездить в город. После чего, взявши в руку шляпу, [он] стал откланиваться. [Вместо “Манилов был ~ откланиваться”: Манилов был ~ в виде собачки (PM).]

“Как, вы уж хотите ехать?” сказал Мани-

лов, почти испугавши<сь>.

В это время вошла в кабинет Манилова.

“Лизанька”, сказал Манилов с несколько жалостливым видом: “Павел Иванович оставляет нас!”

“Потому что мы надоели Павлу Ивановичу”, отвечала Манилова.

“Поверьте, сударыня”, сказал Чичиков: “что приятность времени, проведенного с вами, пребудет в глубине моего сердца и что для меня не было бы большего блаженства, как жить с вами, если не в одном доме, то, по крайней мере, в самом ближайшем соседстве”.

“А знаете, Павел Иванович”, сказал Манилов, которому очень понравилась такая мысль: “как бы было в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею или под сенью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..”

“О, это была бы райская жизнь!” сказал Чичиков, вздохнувши. “Прощайте, сударыня!” продолжал он, подходя к ручке Маниловой. “Прощайте, почтеннейший друг!! Не позабудьте просьбы!!!!..”

“О, будьте уверены!” отвечал Манилов: “Я с вами не расстаюсь как на два дни”.

Все вышли в столовую.

“Прощайте, миленькие малютки!” сказал Чичиков, увидевши Алкивиада и Менелая, которые занимались какими-то деревянными кусочками: “прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал[потому что не знал] даже, есть ли вы на свете; но теперь как приеду, то непременно привезу. Тебе привезу саблю: хочешь саблю?”

“Хочу”, отвечал Менелай.

“А тебе барабан; не правда ли тебе бара-

бан”, продолжал Чичиков, наклонившись к Алкивиаду.

“Парапан”, отвечал шопотом и потупив голову Алкивиад.

“Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан. Там только всё будет: бу, бу, бу... Прощай, душенька!” Тут поцеловал он его в головку и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей.

“Право, останьтесь, Павел Иванович”, сказал Манилов, когда уже все вышли на крыльцо: “Посмотрите, какие тучи”.

“Это маленькие тучки”, отвечал Чичиков.

“Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?”

“Об этом хотел спросить вас”.

“Позвольте, я сейчас расскажу вашему ку-

челу”. Тут Манилов с такою же любезностию рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз вы.

Кучер, услышавши, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третий, сказал: “Потрафим, ваше благородие”, и Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочки хозяев. [“сопровождаемый ~ хозяев” вписано.]

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалившуюся бричку, и когда она совершенно стала не видна, он всё еще стоял, куря трубку. Наконец, вошел он в комнату, сел на стуле и предался размышлению, душевно радуясь, что доставил гостю своему небольшое удовольствие. Потом мысли его перешли незаметно к другим предметам и, наконец, зашли бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом через эту реку начал у него строиться мост, потом огромный

дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Петербург и Москву вдруг, и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. Потом, что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество в хороших каретах, где обворожают всех приятностью обращения, и что будто бы сам государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее, наконец, бог знает что такое, что уже он и сам никак не мог разобрать. Странная просьба Чичикова часто прерывала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в голове его: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе и всё время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина.

<ГЛАВА III>

[Начало главы (один лист?) утрачено.] речичи был прерван громом и дождем, смекнул, что точно не нужно было мешкать. Он вытащил из-под козел, на которых сидел, какую-то дрянь из серого сукна, оделся в нее и, схватив в руки вожжи, прикрикнул на свою тройку, которая так была убаюкана и такое

чувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях. Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал. Сообразивши все обстоятельства и припомнивши несколько дорогу, он смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо. Так как русской человек в решительные минуты всегда найдет, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то он в тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и, прикрикнувши: “Ей вы, други почтенные!”, пустился в галоп, мало помышляя о том, куда приведет взятая им дорога.

Дождь однако ж казалось зарядил надолго; лежавшая на дороге пыль мигом замесилась в грязь, и лошадям заметно становилось тяжелее тащить бричку. [Далее было: Колеса, обращаясь со войлоком (РМ).] Чичиков начал беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По его расчету, ему давно бы было пора приехать. Он высматривал по сторонам, но темнота была такая, хоть глаз выко-

ли.

“Селифан!” сказал он наконец, высунувшись из брички.

“Что, барин?” отвечал Селифан.

“Погляди, не видно ли деревни?”

“Нет, барин, нигде не видно”. После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми потчевают лошадей по всей России, от одного бесконечного конца ее до другого. Он называл их и сердечными, и почтенными, и московскими обывателями, толокёнными приятелями, и много придавал всяких прилагательных [Вместо “Туда всё ее прилагательных”: а. Начиналось оно почти таким образом: “Ей вы, сердечные! мои любимые, ей, вывозите. Вывозите, вывозите, пых, пых! Забубенные московские обыватели, толокённые приятели. Ну, други, ну, разом, ну, разутешники

мои...” Много еще придавал он им прилагательных и существительных, что делалось] без большого разбора, а что первое попало на язык. [а. ему на ум] Таким образом дошел до того, что он начал, наконец, называть их секретарями.

Между тем Чичиков начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и надевать его препорядочными толчками. Это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги и, вероятно, тащились по взбороненному полю. Сам Селифан, как казалось, смекнул, но не говорил ни слова.

“Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?” сказал Чичиков.

“Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма”, отвечал Селифан и вслед за сим хлыснул по всем по трем и покосил так бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только он заметил, что Селифан немножко подгулял.

“Держи, держи, опрокинешь”, кричал он ему.

“Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул”, отвечал Селифан: “Это не хорошо опрокинуть. Я уж сам знаю. Уж я никак не опрокину”. За сим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал, и, наконец, переверотил ее совсем на бок. [ее как раз на бок] Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил; это было ему и не трудно, потому что иначе они бы сами остановились, так они были изнурены. Однако ж, непредвиденный им случай изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подпершись в бока обеими руками, в то время как барин [в то время как Чичиков] барахтался в грязи и силился оттуда вылезть. “Ишь ты”, сказал Селифан по некотором размышлении: “и перекинулась!”

“Ты пьян, как сапожник!” сказал Чичиков.

“Нет, барин, как можно, чтобы я был

пьян!” отвечал Селифан: “я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого, и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить”.

“А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился пьян? А? [что] забыл?” произнес Чичиков.

“Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уже дело свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил, потому что...”

“Вот я тебя как высеку хорошенько, так ты у меня будешь знать”, сказал Чичиков.

“Как милости вашей будет завгодно”, отвечал на всё согласный Селифан. “Коли высечь, то и высечь. Я ничуть не прочь от того. Почему ж не посець, коли за дело. На то воля господская. Оно нужно посець, потому что мужик балуется. Порядок нужно наблюдать. Ко-

ли за дело, то и посеки. Почему ж не посечь”.

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся что отвечать. Но в это время, казалось, как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачин лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз. От это<го> случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков мог только заметить сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворот, что без сомнения продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. Свет мелькнул в окошке и досягнул туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. Селифан принялся стучать,

и скоро на тревогу вышла какая-то фигура, накрытая армяком, и барин с кучером услышали хрипливый бабий голос: “Кто стучит? Чего расходились?”

“Приезжий, матушка! Пусти переночевать”, произнес Чичиков.

“Вишь ты какой востроногой”, сказала старуха. “Приехал в какое время! Здесь тебе не постоялой двор, здесь помещица живет”.

“Что ж делать, матушка, ты видишь, с дороги сбились”, [ты видишь, что мы заблудились] сказал Чичиков. “Не ночевать же в такое время в степи”. [в такое время на дороге.]

“Да, время темное, нехорошее время”, прибавил Селифан.

“Молчи, дурак!” сказал Чичиков.

“Да кто вы такой?” сказала старуха.

“Дворянин, матушка”.

Слово дворянин заставило старуху как-будто несколько подумать. “Погодите, я скажу барыне”, произнесла она и минуты через две возвратилась уже с фонарем в руке. Ворота отперлись. Огонек мелькнул и в другом окне. Бричка, въехавши в двор, остановилась перед небольшим домиком, которого за темнотою герой наш не мог хорошо рассмотреть, одна только половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Собаки заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, заливался так протяжно и с таким стараньем, [один выл так усердно] как будто бы за это получал бог знает какое жалование. Другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж ними звенел, как почтовый звонок [неутомимый] неутомонный дискант, [вероятно, какого-нибудь] вероятно молодого щенка, и всё это, наконец, поворачивал [хриплый] бас, вероятно, старик или просто наде-

ленный дюжей собачьей натурой, потому хрипел, как в певческой контрабас, когда, между тем как тенора поднимаются на цыпочки от сильного желанья [а. от старанья] вывести высокую ноту и всё, что ни есть, подымается [более] и закидывает голову, а он один, засунувши подбородок в галстух и присевши и опустившись почти до земли, пропускает свою ноту, от которой трясутся стекла. [Вместо “промеж них ~ стекла”: за ним был слышен дискант такой неутомонной, что в голове звенело. Всё это покрывал бас, видно уже старик, потому что лаял так хрипло, как генерал перед фрунтом.] Наверное можно бы предполагать в этом оркестре более ста музыкантов. Это бы дало заметить Чичикову, что деревушка была порядочная. Но промокший и озябший герой ни о чем не думал, как только о постели. Еще бричка не успела совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо. На крыльцо вышла опять какая-то женщина несколько помоложе прежней, но чрезвычайно на нее похожая. Она проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь взгляда два: комната была обклеена старенькими по-

лосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окнами маленькие зеркала и за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с цветами, нарисованными на циферблате... Не в мочь было больше ничего заметить. Чичиков чувствовал, что глаза его так липнули, как будто бы их кто-нибудь намазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина уже пожилых лет, в каком-то спальном чепце надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на убытки и неурожай и держат голову несколько на бок, а между тем набирают понемногу в пестрядевые мешечки, размещенные по ящикам комодов, в один всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя и кажется с виду, будто бы в комоду ничего нет, кроме белья да разных ночных кофточек, да ниток, да распоротого салопы, имеющего потом обратиться в платье, когда старое как-нибудь прожжется во время печенья куличей к пасхе, или запачкается слишком в краску по случаю крашения шерсти. [“а между тем ~ шерсти”] вписа-

но.]

“Извините, матушка, что побеспокоил вас”, сказал Чичиков.

“Ничего, ничего”, сказала хозяйка. “В какое-то время вас бог принес! Сумятица и вьюга такая! Вам бы с дороги, батюшка, я знаю что прилично закусить чего-нибудь, да порато ночная, ничего и приготовить нельзя...”

Слова хозяйки были прерваны таким странным шипением, что Чичиков испугался и посторонился. Шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями. Но, взглянувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением последовало скоро хрипение и, наконец, звуком как будто бы кто колодил палкой по глиняному горшку. [Здесь переписчик пропустил две строки (сравни РМ).] После чего маятник опять пошел покойно щелкать направо и налево.

“Благодарю, благодарю, матушка”, отвечал Чичиков, “пожалуйста, ни об чем не беспокой-

тес! мне кроме постели ничего больше не нужно. А вот вы меня обяжете, когда скажете мне, где я, куда заехал и далеко ли живет помещик Собакевич?”

“Нет, отец мой, не слышала такого имени. Такого здесь нет помещика”.

“По крайней мере, я думаю, знаете Манилова”.

“А кто этот Манилов?” сказала старуха.

Помещик, матушка”.

“Нет, такого помещика здесь нет”.

“Какие же есть?”

“Бобров, Свиньин, Конопатьев, Харпахин, Трепакин, Плешаков”.

“Богатые люди, или нет?”

“Нет, отец, богатых слишком нет. У иного

двадцать душ, у иного тридцать, а такие, чтобы по сотне, таких нет”.

Тут заметил Чичиков, что он заехал в порядочную глушь. “Далеко ли, по крайней мере, до города?” спросил он.

“До города будет верст 60, а может быть и более. Я, право, так жалею, что ничего нет вам покушать. Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?”

“Благодарю, благодарю, матушка, приготовьте мне только постель и больше ничего”.

“Правда, что с такой дороги нужно отдохнуть. Вот тут себе, отец мой, и расположись на этом диване. Ей, Фетинья, принеси перину, подушки, простыню. Какое-то время наслал бог. Гром такой был, что у меня всю ночь горела свеча пред образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи. Где это ты так изволил засалиться?”

“Эх, матушка, слава богу, что жив остал-

ся. Опрокинулся вместе с бричкой на проклятой дороге. Хорошо еще, что лошади не потащили!”

“Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем-нибудь потереть вам спину?”

“Спасибо. Вы уж ни об чем не беспокойтесь. Прикажите только девке вашей, чтобы высушила и вычистила хорошенько мое платье”.

“Слышишь, Фетинья”, сказала хозяйка, обратившись к той самой женщине, выходявшей на крыльцо со свечью, которая уже успела притащить перину и, взбивши ее с обеих сторон руками, напустила целый поток перьев по всей комнате. “Ты возьми ихний-то кафтан и исподнее и прежде просуши их пред огнем, как делывала покойнику барину. Потом перетри и выколоти хорошенько”.

“Слушаю, сударыня”, говорила Фетинья, настилая сверх перины простыню и кладя подушки.

“Ну, вот тебе постель и готова!” сказала хозяйка: “Прощайте, батюшка! Желаю вам спокойной ночи. Да не нужно ли еще чего-нибудь? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки; покойник мой без этого никак не засыпал”.

“Благодарю, благодарю! ничего не нужно. Прощайте, матушка, приятного сна вам желаю”.

“Прощай, отец мой!”

Хозяйка вышла; осталась только Фетинья. Чичиков поспешил разоблачиться и отдал верхнюю и нижнюю свою арматуру Фетинье, которая, пожелав ему, с своей стороны, спокойной ночи, потащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, взглянул он не без удовольствия на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, казалось, была мастерица [Фетинья была большая мастерица] взбивать перины. Когда, подставивши [когда подмостивши] стул, взобрался он на постель, она

опустилась под ним почти до самого полу, только перья разлетелись во все стороны комнаты. Погасивши свечу, он накрылся ситцевым одеялом, и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся он на другой день уже поздним утром. Солнце сквозь окна блистало [Солнце сквозь окна светило] ему прямо в глаза, обливши лучами всю кровать его, [“обливши со его” вписано.] и мухи, которые вчера спали по стенам и потолкам, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норовила как бы усесться ему на самый глаз. [третья на шею, четвертая выбирала место как бы усесться даже на самый глаз] Ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к носовой ноздре его, [близко к ноздре] он потянул в просонках в самый нос, что заставило его крепко чихнуть, обстоятельство, бывшее отчасти причиною его пробуждения. [“обстоятельство ~ пробуждения” вписано]. Окинувши взглядом комнату, он теперь заметил, что на картинах не всё были птицы: между ними висел портрет Кутузова и еще масляными красками был напачкан какой-то старик с

красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и проколотили 10. В дверь взглянуло женское лицо, и в ту же минуту спряталось, потому что Чичиков, чтобы лучше заснуть, скинул с себяг совершенно всё. [скинул даже с себя рубашку, которая была тоже мокра.] Выглянувшее лицо ему показалось как будто несколько знакомо. Он начал себе припоминать и вспомнил наконец, что это была хозяйка. Он надел рубаху. Платье уже лежало возле него высушенное и вычищенное. Одевшись подошел он к зеркалу и чихнул так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух (окно же было [окно было] очень близко от земли), протянувши свою шею с красным монистом, заболтал ему что-то [заболтал что-то ему] вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно: “желаю здравствовать”, на что Чичиков сказал ему дурака. Взглянувши в окно, он заметил, что едва ли это окно не глядело в самый курятник, по крайней мере узенькой находившийся перед ним дворик был весь наполнен птицей и домашней тварью. Индеек и

кур пищало и двигалось несметное множество. Меж ними ходил и петух очень размеренным шагом, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-нибудь прислушиваясь. Свинья с семейством очутилась тут же, которая тут же, разгребая кучу, съела мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки. Этот небольшой дворик или курятник перереждал досчатый забор, за которым тянулись просторные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочими грядками хозяйственной овощи. По огороду было разбросано немало яблонь и других фруктовых деревьев, накрытых сетями для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косяками переносились с одного места на другое. Для этой же самой причины водружено было [местами] на длинных шестах несколько соломенных чучел с растопыренными руками, на одном из которых надет был чепчик[чепец] самой хозяйки. За огородами всё шли крестьянские [избы] дворы, которые хоть были врассыпную и не заключены в правильные улицы, но по замечанию, сделанно-

му Чичиковым, показывали довольство обитателей, ибо были хорошо уснащены и подержаны как следует: прогнившее дерево заплата было новым, ворота нигде не покосились, и в обращенных к нему крестьянских крытых сараях заметил он где стоявшую запасную почти новую телегу, а где и две. “Да у ней деревушка впрочем не маленька!” сказал он, рассматривая избы, и тут же решил с ней познакомиться и разговориться покороче. [Вместо “Взглянувши ~ покороче”: Взглянувши ~ приятно (PM)] Он тот же час заглянул в щелочку дверей, из которой выглядывала хозяйка, и, увидевши ее сидевшею за чайным столиком, вошел к ней с веселым и весьма ласковым [с веселым и довольно ласковым] видом.

“Здравствуйте, батюшка! Каково почивали?” сказала хозяйка, приподнявшись с места. Она была одета лучше вчерашнего, в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее всё также было что-то намотано.

“Хорошо, хорошо”, говорил Чичиков, са-

дьясь в кресла. “А вы как, матушка?”

“Плохо, отец мой!”

“Как так?”

“Бессонница, отец [мой]. Всё поясница бо-лит и [одна] нога в месте, что пониже косточ-ки, так и ломит”.

“Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть”.

“Дай-то бог, чтобы прошла. Я-то смазывала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете чайку? Вот в этой фляж-ке фруктовая [перегнанная на вишневые ко-сточки]”.

“Недурно, недурно, матушка, хлебну и фруктовой”. Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, го-ворил, однако ж, с большею свободою, чем с Маниловым, и вовсе не церемонился. Должно признаться, что если у нас на Руси не угна-

лись еще во всем за иностранцами, то зато в умении обращаться [чуть ли не] далеко их оставили за собою: и пересчитать нельзя [Вместо “не угнались ~ нельзя”: поотстали ~ исчислить (PM).] всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец как-то вовсе не умеет взяться и не понимает [можно сказать] разницы в обхождении, почти тем же голосом и тем же языком станет он говорить и с миллионщиком [Вместо “Француз ~ миллионщиком”: Француз ~ с миллионщиком (PM); а. Француз или немец в этом отношении совершенный дурак: он как-то вовсе не умеет взяться и не понимает совершенно разницы в обхождении с миллионщиком] и с мелким табачным торгашем. У нас не то: [У нас совсем другое.] У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совершенно иначе, [которые с помещиком ~ другим образом (PM); а. Начато: которые будут говорить; б. которые с помещиком, у которого есть двести душ, будут совсем иначе говорить.] нежели с тем, у которого их триста. А с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем” у которого их

пятьсот. Итак, пожалуй, хоть восходи до миллиона, а всё найдутся оттенки. Вот, положим, например, существует канцелярия, а в канцелярии, положим, [например] существует правитель канцелярии. Прошу, например, взглянуть на него в канцелярии, когда он среди своих подчиненных, да просто от страха и слова не выговоришь. Вид такой: гордость, благородство и ни весть чего в нем нет, просто [Вместо “А с тем, у которого их триста ~ просто”: а с трех-сотным опять ~ что просто (PM)] бери кисть да и рисуй. Прометей, решительный Прометей! [совершенный Прометей] Глядит орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке то же самое: будь все не очень далекого чина, Прометей так и останется Прометеем. А будь все выше его, с Прометеем делается такая метаморфоза, что и [сам] Овидий не выдумает: [Вместо “В обществе ~ не выдумает”: А попадись со узнать нельзя (PM); а. В обществе ли или на вечеринке тоже самое:

будь все пониже чином, Прометей так и останется Прометеем. А будь все выше его, с Прометеем тогда престранная сделается история, так что его вовсе узнать нельзя:] муха, меньше даже мухи! уничтожился в песчинку. “Да это не Иван Петрович”, говоришь, глядя на него: “Иван Петрович гораздо выше ростом, а этот и низенькой и худенькой; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот, черт знает что: пищит птицей и все смеется”. Подходишь ближе, глядишь: точно [Подходишь ближе: точно] Иван Петрович! “Эхе, хе”, думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как мы уже видели, решился вовсе не церемониться и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой водки, он обратился к хозяйке с такими словами.

“У вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?”

“Душ-то в ней, отец мой, без малого 80”, сказала хозяйка: “да то беда моя, что времена-то плохи. Вот и прошлой год был такой

неурожай, что боже упаси...”

“Ну, однако ж, всё еще слава богу. Мужички на вид дюжие и избенки всё почти новые. Восемьдесят душ не лишняя вещь... А позвольте узнать фамилию вашу. Я право так захлопотался, приехал в такое время и позабыл совершенно спросить”.

“Коробочка, коллежская секретарша”.

“Покорнейше благодарю. А имя и отчество как?”

“Настасия Петровна”.

“Настасия Петровна! Хорошее имя: Настасия Петровна. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасия Петровна”.

“А ваше имя как?” спросила помещица. “Ведь вы, я чай, заседатель?”

“Нет, матушка,” отвечал Чичиков, улыбувшись: “[я] чай, не заседатель, а так ездим

по своим делишкам”. [Нет, матушка ~ имею дельце (РМ); а. “Нет, матушка”, отвечал Чичиков улыбнувшись. “Я не заседатель, а имею кое-какие свои надобности. Запасаюсь кое-чем далее лист оторван и утрачено одно(?) слово приобретаю]

“А, так вы покупатель! [Дальше текст утрачен; нижняя часть листа оборвана и сохранились лишь начала трех строк. Соответствующим образом утрачен текст на обороте этого листа.]

что я продала мед купцам [Дальше текст утрачен; нижняя часть листа оборвана и сохранились лишь начала трех строк. Соответствующим образом утрачен текст на обороте этого листа.]

а вот ты бы, отец, [Дальше текст утрачен; нижняя часть листа оборвана и сохранились лишь начала трех строк. Соответствующим образом утрачен текст на обороте этого листа.]

верно купил[Дальше текст утрачен; нижняя часть листа оборвана и сохранились лишь начала трех строк. Соответствующим образом утрачен текст на обороте этого листа.]

чтобы подать с души уплачивать. [чтобы поддушную уплачивать] Народ мертвый, а плати, как за живого человека. На прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный кузнец, и слесарное мастерство знал”.

“Разве у вас был пожар, матушка?”

“Бог приберег от такого горя; пожар бы еще хуже, [“Нет не пожар. Бог приберег от такого горя.] сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чресчур выпил, так только синий огонек пошел от него; весь истлел, истлел и почернел, [весь истлел и почернел] как уголь; а такой был преискусный кузнец. [был искусный кузнец] И теперь [такое мне горе] мне выехать не в чем: [теперь такая беда моя. Хотела было ехать в город,] некому лошадей подковать”.

“На всё воля божия, матушка”, сказал Чичиков вздохнувши. [“сказал ~ вздохнувши” вписано] Против мудрости божией ничего мы не можем сказать. Уступите-ка их[Уступите их] мне, Настасия Петровна.

“Кого, батюшка?”

[Начало текста оборвано.] вот этих-то всех, что[Вместо “вот ~ что”: этих-то что] умерли

[Начало текста оборвано.] уступить их, отец мой?”

[Начало текста оборвано.] Или пожалуй продайте![Далее оборвана нижняя часть листа. Окончание главы III и начало гл. IV не сохранились.]

<ГЛАВА IV>

Иной, например, человек уже в чинах с благородной наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о материях [самых] высоких, предметах ис-

тинных, глубоких и призывающих на размышление, а потом, смотришь, тут же пред вашими глазами и нагадит вам, и притом нагадит таким образом и в таком размере, как коллежской регистратор, а не как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах высоких и предметах вызывающих на размышление; так что стоишь только, да дивишься, разинув рот, да я ничего более. [Вместо “Иной ~ более”: но даже и между государственными людьми. Иной, например, и руку вам жмет и так хорошо и приятно рассуждает с вами об разных ученых предметах, потом, смотришь, тут же сейчас перед вашими глазами и нагадит, так что стоишь только и дивишься.] Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал, наделивши обыкновенно его какою-нибудь такою небылицею, что просто уши вянули. [скорее всех насаливал. Или рассказывал про приятеля своего такую небылицу, что просто уши вянут.] Но так как исстари [Но уж исстари] замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более на нее бывает стрелков то подобная небылица все-

гда имела успех. [стрелков, я потому такие небывальщины всегда почти имели успех.] Если он узнавал, что приятель его женится, то за день до свадьбы[за день пред свадьбой] успевал родственникам невеста наболтать про жениха столько про его неспособности и разные небывалые связи, что те захлопывали дверь под нос изумленному искателю, никак не могшему постичь причины такой внезапной перемены. Если же узнавал, что приятель его готов совершить выгодную покупку, то являлся как снег на голову, набавлял цену и сам не покупал и расстраивал дело. И это вовсе не происходило от того, чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на всё черными глазами. Ничуть не бывало. Он смотрел на мир довольно веселыми глазами и сделанная им пакость никак не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, как хлеб, без которого нельзя жить. Сделавши такое дело, он вовсе не почитал себя вашим неприятелем, напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: “ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь”. В по-

ступках его много было завоевательного. Начнет склонять так настойчиво, что, наконец, сам не зная, каким образом, наконец, соглашаешься на его просьбу. И не только люди в существе слабые, похожие характером на белокурого его зятя, [не только люди смиренные, похожие характером на белобрысого его зятя] но даже коротко знавшие его, называвшие его армейским, но удовлетворительным словом “черняк”, упорно отвергавшие все его просьбы, эти же самые чрез несколько минут садились вновь играть с ним и потом чрез [Вместо “коротко ~ чрез”: люди очень коротко его знающие, которые называют его одним словом: черняк (слово, употребляющееся в армейском мире), которые очень упорно отвергают его просьбы, смотришь, чрез несколько минут уже играют с ним вместе, а потом чрез] несколько минут, само собою разумеется, опять угощали [опять угощают] его сапогами. Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, или по-просту: человек на все руки. — Познакомившись с вами, он вам предлагал всё, что угодно: ехать, куда желаете, а прежде всего меняться [Позна-

комившись с вами, он уже вам предлагал меняться] всё, что ни есть, на всё, что хотите. Ружье, собака, лошадь, всё было предметом меня. Но вовсе не с тем, чтобы выиграть что-нибудь: это происходило просто от какой-то неутомимой деятельности и живости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось иногда, и он нападал на такого молодца, которого мог обчистить кругом, оставивши ему одну только рубашку, тогда он закупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных смолок, ситцев, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупчатой муки, табаку, пистолетов, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, поповских риз, фаянсовую посуду — на сколько хватало денег. Две или три телеги едва вмещали всю его покупку. Однако ж, редко, очень редко случалось, чтобы всё это довозил он в целости домой, но в тот же самый день спускал он их гораздо счастливейшему игроку, прибавив даже собственную трубку с кисетом и мундштуком, а иногда и всю четверку, на которой приехал, с хомутами, коляс-

кой, кучером, со всем, и отправлялся в коротеньком сюртучке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе. Вот каков был Ноздрев! Еще бы можно кое-что прибавить, но, впрочем, мы с ним встретимся еще не один раз. [Вместо “еще бы можно ~ одни раз”: а. Можно бы еще кое-что прибавить к этому описанию, но лучше оставить до другого времени, когда случится еще с ним встретиться; б. Можно бы еще кое-что сказать, но впрочем мы с ним, я полагаю, встретимся не в одном месте нашей поэмы и наговоримся еще вдоволь.]

Между тем три экипажа достигнули его деревни. Было три часа, когда они вступили в господские комнаты. В доме решительно не было никакого приготовления. Посредине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную песню, состоявшую из двух гласных: а и о. Пол весь был обрызган белилами. Ноздрев приказал тот же час [а. Ноздрев дал тотчас приказание; б. Ноздрев дал тотчас проведение] мужиков и козлов

вон[мужиков и козлов к чорту] и выбежал в другую комнату отдавать повеления. [отдавать приказания] Гости слышали, как он заказывал повару обед. Сообразивши эти обстоятельства, Чичиков, уже начинавший несколько чувствовать аппетит, увидел ясно, что раньше пяти часов он никак не мог обедать. Ноздрев, возвратившись, тот же час повел гостей своих осматривать всё, что ни было у него на деревне, и в 2 часа с небольшим показал решительно всё, так что ничего уже больше[так что уж совершенно ничего] не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, где видели [гнедого коня,] двух кобыл, одну серую в яблоках, другую чалую, потом [опять какого-то] гнедого жеребца на вид и не казистого, но за которого Ноздрев божился, что заплатил десять тысяч. “Десяти тысяч ты за него не дал”, заметил зять: “он и одной тысячи не стоит”.

“Ей богу дал 10 тысяч”, сказал Ноздрев. “Ты себе можешь божиться сколько хочешь”, отвечал зять.

“Ну, хочешь, побьемся в заклад”, сказал Ноздрев. В заклад зять не хотел биться.

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже очень хорошие лошади. В этой же конюшне видели [они] козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях и который, как казалось, был с ними в ладу, ибо гулял [был с ними в большой дружбе и гулял] под их брюхами, как будто у себя дома. Потом Ноздрев повел их глядеть волченка, бывшего на привязи. “Вот волченок!” сказал он своим гостям: “я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем”. После этого повел он их в амбар показывать одеяло, сшитое из натравленных им зайцев. Обсмотревши одеяло, пошли смотреть пруд, в котором, по словам Ноздрева, водилась рыба такой величины что 2 человека с трудом вытаскивали штуку, в чем однако ж, родственник не преминул усумниться. “Я тебе Чичиков покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы”, сказал Ноздрев и повел их к низенькому домику окруженному боль-

шим, загороженным со всех сторон двором. Вошедши в этот двор, увидели там Разбоя, Разора, Налетку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним на встречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии. Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плечи. Разбой оказал такую же дружбу Чичикову и поднявшись на задние [лапы] ноги, лизнул его языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул. Осмотрели щенков: хорошие были щенки. Потом пошли осматривать суку” которая была уже слепая и, по словам Ноздрева, должна была скоро сдохнуть, но года два тому назад была очень хорошая сука. Осмотрели суку: сука точно была слепая. Потом пошли осматривать водяную мельницу с изломанным колесом, [водяную мельницу, в которой не было одного колеса] осмотрели и мельницу. “А вот тут скоро будет кузница”, сказал Ноздрев. Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу. Осмотрели и кузницу.

“Вот на этом поле”, сказал Ноздрев, указы-

вая пальцем на поле: “зайцев такое множество, что просто земли не видно. Я сам своими руками поймал одного из них за задние ноги”.

“Ну, зайца ты руками не поймаешь”, заметил зять.

“Ей богу, поймал”, отвечал Ноздрев: “хочешь я тебе даже покажу, пришедши домой, с него шкурку. Теперь я поведу тебя посмотреть”, продолжал он, обращаясь к Чичикову: “границу, где оканчивается моя земля”. Ноздрев повел своих гостей полем, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиков начинал чувствовать усталость. Во многих местах ноги их выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Чичиков, который ступал сначала осторожно, чтобы не загрязнить своих сапогов, наконец, увидел, что это ни к чему не служит, и брел прямо. Пройдя порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столби-

ка и узенького рва. “Вот граница”, сказал Ноздрев: “всё, что ни видишь по эту сторону — всё это мое и даже по ту сторону весь этот лес, который, видишь ты, там синее, и всё, что за лесом, всё это мое”.

“Да когда же этот лес сделался твоим?” спросил зять. “Разве ты недавно купил его? Ведь он не был твой”.

“Да, я купил его недавно”, отвечал Ноздрев.

“Когда же ты успел его так скоро купить?”

“Как же! Я еще третьего дня купил, и дорого, черт возьми, дал”.

“Да ведь ты был в это время на ярмарке”.

“Ну, да, без меня тут мой приказчик и купил”. Гости возвратились тою же гадкою дорогою к дому. Ноздрев повел их в свой кабинет и небольшую в соседстве с ним комнатку, где показал им ружья, тоже с виду не очень казистые, но из которых одно стоило триста,

а другое восемьсот рублей. Зять, обсмотревши, покачал только головою. Потом показал турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: [Тула, а на другом] мастер Савелий Сибиряков. За сим показал Ноздрев своим гостям шарманку и проиграл тут же перед ними несколько разных штук. Шарманка эта играла очень хорошо и имела весьма приятный голос, но в середине ее тоже случилось что-то особенное, ибо мазурка оканчивалась песнью: “Мальбрут в поход поехал”, а “Мальбрут в поход поехал”, в свою очередь, оканчивался тоже каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка чрезвычайно бойкая, которая никак не хотела перестать и долго еще после того свистела одна. [дудка чрезвычайно бойкая и свистела очень еще долго после того, как перестали играть. “Уже Ноздрев ~ свистела одна” вписано.] Потом показали гостям трубки, не так давно выигранный янтарный мундштук и кисет, вышитый ему какою-то графинею, где-то на почтовой станции влюбившейся в него по уши, и у которой ручки, по словам его, были:

самый рассубтильнейший деликатес. [Далее было: Гости набили трубки и выкурили какого-то табаку <1 нрзб.> прямо из Лондона. Чичиков взял одну трубку, для того только, чтобы держать ее во рту, не желая ссорить<ся> с хозяином] Потом Ноздрев велел подать привезенного им балыка. Закусивши балыком, они сели за стол близ пяти часов.

Блюда за столом не играли важной роли, и сам хозяин мало на них обращал внимания, зато очень заботился о винах. Еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому Го-Сотерну, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерну [но всегда Го]. Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Эта мадера была нестерпимо крепка, ибо купцы, зная уже вкус обитателей того округа, заправляли ее нещадно ромом и крепкою водкою. [была нестерпимо крепка, потому что в губернских городах заправляют ее нещадно ромом и крепкою водкою, зная, что чиновники и окружные помещики любят добрую ма-

деру.] Потом Ноздрев велел еще принести какую-то особенную бутылку, которая была, по словам его, и бургоньон и шампаньон вместе. Он подливал [ее] очень усердно в оба стакана, и направо и налево, и зятю и Чичикову, но сам показывал только для виду, будто наливает и пьет. Это Чичиков заметил и решился быть осторожным. Как только Ноздрев как-нибудь [Вместо “Он подливал ~ как-нибудь”]: Ноздрев наливал гостям чрезвычайно щедро и упрашивал пить с большими заклинаниями: “Ты мне не друг и не товарищ, и не знайся со мною, и не ездь ко мне, если не выпьешь”. Зять, несмотря на то, что оказывал большое сопротивление, к концу всегда почти выпивал. Чичиков однако ж заметил, что сам хозяин почти вовсе не пил и показывал только для виду, что наливал в свой стакан. Это заставило его быть осторожным, и потому как только замечал, что Ноздрев] заговаривался или наливал зятю, он опрокидывал [в тот же час он опрокидывал] свой стакан в тарелку. Ноздрев велел подать еще какую-то рябиновку, [Вместо “Ноздрев велел ~ рябиновку”]: После пирожного Ноздрев велел подать

рябиновку] которая, по словам его, имела совершенный вкус[имела совершенно вкус] сливок” но в которой кроме сильного запаха водки ничего [особенного] не было. Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, которое трудно было припомнить, [но в которой однако ж был слышен один только вкус водки. Еще пили какой-то бальзам, которого названия уж никак нельзя припомнить] да и сам хозяин в другой раз назвал его другим именем. Хотя обед давно окончился, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков давно бы хотел[а. Чичиков несколько раз уже хотел было] заговорить с Ноздревым насчет предмета, [Далее начато: близкого к] о котором читатель уже знает, и разведать, что и как у него и в каком числе. [а. и [расспросить] разведать, что и как у него мертвые души, в каком количестве внутренне, и если б можно, так и кончить бы всё скорее.] Но казалось ему как-то неловко[Далее начато: при постороннем человеке] заговорить об этом при зяте, который все-таки здесь посторонний человек, хотя он[хотя зять] уже давно был в таком положении, что только зевал да клал[Далее начато:

на стол] себе на локоть голову. Наконец, встали из-за стола. Зять почувствовал, что загулялся, и стал отпрашиваться домой, но так[а. но таким] лениво и вяло, как будто бы надевал на лошадь клещами хомут. [Вместо “Чичиков давно ~ хомут”: Зять почувствовал такую зевоту, что, зевнувши, целый час не мог закрыть своего рта. Чичиков имел дух встать из-за стола и освежиться стаканом воды. Зять, несмотря на шумевший в голове задор, смекнул тоже, что он слишком загулялся, и стал отпрашиваться домой чрезвычайно ленивым и расслабленным языком.]

“Не пуцу, не пуцу!” [Не пуцу, не пуцу! и не думай себе этого!] говорил Ноздрев: “право, не пуцу!”

“Нет, поеду, мой друг, право, поеду”, говорил зять: “не обижай меня таким образом, ты меня очень обидишь”.

“Пустяки, пустяки! Мы соорудим сию минуту банчишку”. [Мы сейчас состроим банчишку и гальбек.]

“Нет, брат, ей богу, не могу. Жена будет в большой претензии, право будет в претензии, я ей должен еще рассказать о ярмарке. Нужно, брат, право нужно доставить ей удовольствие. Нет, ты не держи меня. Право поеду, как честный человек поеду”.

“Вздор, вздор жена. Важное дело вы станете с ней делать!”[Вздор, вздор! Нашел отговорку: жена. Очень важное дело будешь с ней делать!]

“Нельзя, брат, право, нельзя! Она такая, право, добрая жена. Уж, точно, примерная, такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... что даже, поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду. Я тебя в этом уверяю по истинной совести”.

“Да отпусти его”,[Вместо “Да отпусти его”: В самом деле, если нужно ехать,] сказал Чичиков, и потом прибавил Ноздреву на ухо: “что в нем толку?”[Отпусти его, что в нем тол-

ку]

“А и в правду”, [“Ты прав, Чичиков”] сказал Ноздрев: “Смерть не люблю таких нюнь. Ну [ступай], чорт с тобой, поезжай [Вместо “Ну, чорт со поезжай”]: Пожалуй, поезжай себе] бабиться с женою. Я тебя не держу”. [“Я тебя не держу” вписано.]

“Нет, брат, ты не говори так”, отвечал зять. “Я ей, можно сказать, жизнью своею обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает... Спросит, что видел на ярмарке, нужно всё подробно рассказать, чтобы ее утешить; такая, право, милая”. “Ну, поезжай, ври ей чепуху, [“Поезжай, поезжай. Рассказывай ей чепуху,] вот картуз твой”.

“Нет, брат, ты не отзывайся так о ней: этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь. Она такая милая”.

“Ну, так и убирайся к ней скорее!”

“Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться. [остаться с тобою.] Душой рад бы был, но не могу”. Зять еще долго повторял свои извинения, уже сидя в бричке, и раскланивался, не замечая, что уже давно перед ним были одни пустые поля. [Вместо “Зять еще ~ поля”: Чичиков и Ноздрев проводили зятя к бричке. Он взлез и, поместившись, очень учтиво извинился, что не мог провести с ним вечера. Эти извинения повторял он еще очень долго, не замечая, что гостей пред ним не было, и что бричка выехала давно со двора.] Должно думать, что жена не много слышала от него подробностей о ярмарке.

“Такая дрянь!” говорил Ноздрев, стоя перед окном и глядя на уезжавший экипаж. [говорил Ноздрев, глядя вслед удалявшейся бричке.] “Вишь [ты], как потащился!

Пристяжной не дурен; [Вороной конёк на пристяжке не дурен,] я давно хотел подцепить его. Да ведь такая жила; с ним никак нельзя сойтиться”. [Далее было: как водится между хорошими товарищами. Чорт с ним.

Не правда ли, брат, лучше, что он убрался. Мы без него можем поспокойнее в банчишку или в другую какую-нибудь игорку”.]

За сим вошли они в комнату. Порфирий подал свечи и Чичиков[Вместо “Порфирий ~ Чичиков”: Ноздрев велел подать свечи, потому что были уже совершенные сумерки. Порфирий поставил перед ними опять бутылку с каким-то прекрепким вином. Когда стаканы были наполнены, Чичиков] заметил в руках хозяина неизвестно откуда взявшуюся колоду карт.

“А что, брат”, говорил Ноздрев, прижавши бока колоды пальцами и несколько погнувши ее, так что треснула и отскочила бумажка. [“А что, брат, не обновить ли ее, говорил Ноздрев тасуя] “Чорт возьми, для препровождения времени, держу триста рублей банку”. [“для препровождения времени. Так уж и быть, держу триста рублей банку. Чтобы не разориться слишком, потому что я знаю, что с тобою опасно играть”.]

Но Чичиков вовсе не был расположен ни пунтировать, ни держать банку. Ему хотелось скорее кончить дело за которым приехал, и потому он тут же сказал: “Прежде [всего] позволь, у меня есть к тебе маленькая просьба”.

“Какая?”

“Дай мне слово, [а. Но Чичиков вовсе не был расположен играть в банк, даже хотя бы на место Ноздрева был и другой игрок. “Ну банк можно и <1 нрзб.> сказал он. “[Я теперь] [Мне давно хотелось.] А вот знаешь что, душа? мне давно хотелось у тебя попросить об одном”.

“О чем?” сказал Ноздрев

“Дай мне слово] что ты сделаешь то, о чем тебя стану просить”.

“Да что ж ты хочешь просить?”

“Ну, да уж дай слово”.

“Изволь”.

“Честное слово?”

“Честное слово!”

“Послушай, ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян, таких, которые не вычеркнуты из ревизии”.

“Ну, есть, а что?..”

“Переведи их на меня, на мое имя”.

“А на что тебе?”

“Ну, да мне нужно”.

“Да на что?”

“Ну, да уж это мой секрет”.

“Ну, уж, верно, что-нибудь затеял. Ведь я знаю тебя. Признайся, что такое затеял”.

“Вот уж и затеял. Совсем ничего, даже просто и не предполагал ничего, а так”.

“Да почему ж ты не хочешь сказать?”

“Да что ж тебе сказать. Здесь и сказать нечего”. [Вместо “Ну, да уж это мой секрет со сказать нечего”: а. “Ну, да уж довольно того, что мне нужно”.

“Да я хочу знать, на что?”

“Ну, просто это каприз мой”.

“Да почему же ты не хочешь сказать?”

“Ну, да [уж] это уж мое дело. Ты мне дал честное слово]

“Так вот же, до тех пор, [а. Нет, до тех пор] покамест — не скажешь на что, не сделаю”.

“Ну вот видишь, душа, ну, вот уж и не честно с твоей стороны”.

“Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что”.

“Что бы такое [придумать мне] мне выдумать сказать ему?” [Далее начато: а. подумал, [нем<ного>] остановившись, Чичиков. Надобно заметить, что он на несколько; б. подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Надобно заметить, что он вообще несколько затруднялся] подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что самый предмет был точно несколько странен. [а. самый предмет в самом деле был отчасти несколько странен.] Подумавши несколько, он сказал Ноздреву, [Далее начато: а. что это нужно; б. что они нужны] что умершие души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он помещев больших не имеет, так до того времени [Далее начато: а. ему нужно, чтобы хоть на бумаге...] хоть какие-нибудь душонки... [Вместо “Но Чичиков вовсе ~ душонки”: В глазах

Чичикова совсем не было заметно желаниа играть, напротив того, видно было, что с своей стороны имел тоже кое-что предложить.

“Ну, мы можем это и после”, сказал он Ноздреу. “А теперь я хочу тебя о другом попросить. Послушай, душа! ты меня очень обяжешь, если сделаешь мне одну дружбу, я знаю, что ты один из искреннейших моих друзей...”

“Ну, говори, посмотрим, что там такое? Бьюсь об заклад, что уж задумал что-нибудь”.

“О ничуть, это безделица, на которую тебе ничего не стоит согласиться”.

“Говори, говори!”

“У тебя, душа моя, ведь, верно, есть умершие души, которые еще числятся по ревизии?”

“Ну, есть довольно. Что ж из этого будет?”

“Послушай, жизнь моя, переведи их на меня так, как будто бы я и купил их у тебя”.

“Да на что тебе?”

“Мне они нужны”.

“Да на что?”

“Да так, надобность встретилась... Ты меня очень обяжешь, душа коя, если исполнишь это”.

“Нет, скажи прежде, на что. До тех пор не сделаю, покамест не скажешь”.

“Да что ж тебе говорить? Ну, просто хочется иметь, если будут хоть на бумаге числиться за мною. Иной подумает, что живые, больше почтения будет оказывать”.]

“Врешь, врешь!” сказал Ноздрев, не давши окончить ему: “Врешь, брат”.

Чичиков и сам[а. Герой наш и сам] заме-

тил, что придумал не очень ловко, и что приведенный им предлог отчасти слаб. “Ну, так я ж тебе скажу прямее”, произнес он поправившись: “[скрываться перед тобой не стану] только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумал жениться, но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди, хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трех сот, а так как у меня целых почти полутора ста крестьян недостает...”[а. так как у меня трехсот недостает]

“Ну, врешь, врешь!” закричал опять Ноздрев.

“Ну, ей-же ей, правда”, сказал Чичиков: “уж здесь-то ни на волос не солгал”.

“Ну, я просто голову свою ставлю, что врешь”, сказал Ноздрев. [В рукописи ошибочно вместо: Ноздрев Гоголь написал: Чичиков]

“Ну, да почему ж тебе кажется, что я лгу?” сказал Чичиков.

“Ну, да уж так. Ведь я знаю хорошо тебя: ведь ты такой [Вместо “Врешь, врешь!” сказал Ноздрев ~ ты такой”]:

“Врешь, врешь. Верно что-нибудь затеваешь?”

“Что ж тут затевать? Из мертвых душ ничего не затеешь”.

“Нет, нет, брат. Я знаю твой характер: ты из пустого не станешь хлопотать. Божусь, что до тех, покамест не скажешь, ничего не сделаю”.

“Что ж тебе говорить? Я сказал уже... Я тебе тоже с своей стороны прислужусь, потому что, признаться сказать, я тебя очень люблю, и чувствую влечение очень большое”.

“Это всё так, но признайся прежде, на что тебе умершие души!”

“В чем же тут признаваться, просто понадобились, чтобы больше весу в обществе... у

меня уж такой характер странный, если что-нибудь вздумается, хоть и вздорное, то уж никак не могу... Ты меня, душа моя, очень обяжешь”.

“Почему ж ты не хочешь сказать?”

“Ну, я не знаю, что уж тебе говорить. Ты вообразил себе непременно что-то важное”.

“Ей богу, братец, ты такой;

а. “Врешь, врешь!” сказал Ноздрев, не давши окончить ему. “Врешь, брат”.

“Ну, так я ж тебе скажу прямее”, сказал Чичиков, почувствовав, что в самом деле приведенный им предлог был слаб и сочинением своим не весьма <1 нрэб.>. “Я же не буду скрываться пред тобою. Я задумал и т. д. как и в тексте.] мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе. Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве”.

[Заметно было, что] Чичиков оскорбился

таким замечанием. [а. Далее начато: Будучи человеком] Уже всякое выражение сколько-нибудь грубое или оскорблявшее благопристойность, было ему [очень] неприятно, а тем более бранное слово и притом еще устремленное лично к нему. Он даже не любил ни в каком случае слишком фамильярного с собою обращения, [а. Он даже не любил совершенно фамильярного с собою обращения] разве в таком только [случае] разе, когда особа была слишком высокого звания. [а. разве уж особа была слишком высокого звания.] И потому он оскорбился замечанием Ноздрева. [Вместо “Чичиков оскорбился ~ замечанием Ноздрева”: Такое замечание очень не понравилось Чичикову.]

“Ей богу повесил бы”, повторял Ноздрев: “я тебе говорю это откровенно [Далее было: Я тебя с первых двух слов угадал;] не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю”. [не с тем, чтобы тебя обидеть, а говоря по-дружески; имей я над тобою власть, я бы тебя сейчас повесил, я закладую свою голову, если ты чего-нибудь не затеваешь”.]

“Полно, оставь глупые шутки”, произнес Чичиков обиженным голосом: “Не хочешь подарить, так продай!”[“Ну, полно, оставь твои шутки. Ежели ты не хочешь подарить мне этого вздора, так продай!”]

“Продать? Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них”.

“Еще бы! Как будто это бриллиант какой-нибудь, что ли”.[Еще бы! за что ж тут давать дорого, как будто в самом деле вещь чего-нибудь стоящая”.]

“Ну так и есть. Я уж тебя знал”.

“Помилуй, братец. Что ж у тебя за жидовское побуждение. Ты бы должен был подарить мне их”.[“Помилуй, братец, за что ж я буду сыпать на воздух деньги. Ты бы по-настоящему должен был их мне даром отдать”].]

“Ну, послушай, чтобы доказать тебе, что я не такой как ты, я не возьму[я не беру] за них

ничего. Купи у меня жеребца, [гнедого жеребца] я тебе дам[я тебе просто дам] их в придачу”.

“Помилуй! на что ж мне жеребец?” сказал Чичиков, изумленный в самом деле таким предложением.

“Как на что? Да ведь я за него заплатил 10 тысяч, а тебе отдаю за четыре”.

“Да на что мне жеребец? Завода я не держу”.

“Да послушай, ты не понимаешь, ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после”.[Вместо “Помилуй ~ после”:

“На что ж мне жеребец? С меня предовольно своей тройки”.

“Я с тебя недорого возьму: сам дал 10 тысяч, с тебя только всего четыре тысячи, а души даром пойдут”.

“Помилуй, что мне делать с жеребцом? За- вода я не держу. У меня и денег нет столько”.

“Я с тебя возьму теперь половину, а остальные подожду”.]

“Да не нужен мне жеребец. Бог с ним!”[Вместо “Бог с ним!”: Право, не нужен.]

“Ну, купи чалую кобылу”.

“И кобылы не нужно”.

“За кобылу и за серого коня, которого ты у меня видел, возьму с тебя только 2 тысячи”.

“Да не нужны мне лошади”.[Вместо “Да не нужны мне лошади”: “Пожалуста, брат, не беспокойся. Лошади у тебя хорошие, тебе самому пригодятся. Что же касается до меня, то я не вижу в них для себя никакой выгоды”.]

“Ты их продашь: тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше”.

“Так лучше ж ты сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое”[Продай. Ты чрез это больше выиграешь.].

“Я знаю, что выиграю, да мне хочется, чтобы и ты получил выгоду”.

Чичиков поблагодарил за расположение и напрямик отказался и от гнедого коня, и от чалой кобылы.

“Ну, так купи собак. Я тебе продам таких собак, [Вместо “Чичиков поблагодарил ~ собак”: “За расположение благодарю, а купить не куплю, потому что не нужно”. — “Ну так купи собак. Я тебе продам чудную пару, до 15 тысяч мне стоили. То-есть такие собаки] что просто мороз по коже подирает”.

“Зачем же мне собаки?” сказал Чичиков: “я не охотник”. [Вместо “Зачем же ~ охотник”:

“Собак мне тоже не нужно, я не охотник”.

“Да ведь получишь вместе и души”.

“Души я готов получить даже с большою благодарностью, а собак не возьму, потому что не охотник”.

“Да ведь редкостные собаки”.

“Очень верю”.]

“Мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, ну, если не хочешь собак, так купи у меня шарманку. Чудная шарманка. Самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи, а тебе отдаю за 900 рублей. Тебе часовой мастер вставит только вздорную пружинку, и она на всю жизнь тебе станет”.

“Да зачем же мне шарманка? Ведь я не немец, чтобы идти [мне] с ней по дорогам да выпрашивать деньги”.

“Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган, посмотри нарочно: [ведь она] вся из красного дерева. Вот я тебе покажу

ее еще”. Здесь Ноздрев, схвативши за руку Чичикова, стал тащить его в другую комнату, и как тот ни упирался ногами в пол и не уверял, что он знает уже, какая шарманка, но должен был услышать еще раз, каким образом поехал в поход Мальбруг.

“Когда ты не хочешь на деньги, так вот что слушай: я тебе дам шарманку, и все, сколько ни есть у меня, умершие души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи”. [Вместо “Послушай ~ придачи”: “Собаки должны достаться в руки охотника”].

“Такой, право, ты дрянной, с тобой никак нельзя обходиться по-дружески. Ну, купи у меня шарманку, если не хочешь собак”.

“Шарманка-[то] тоже вещь хорошая, но больше для музыканта”.

“Я тебе дешево отдам. Самому стоила 900, тебе отдам за 600. Ты только дай к часовому мастеру, вставить вздорную пружинку, и она, уверяю, на всю жизнь тебе станет”.

“Она для меня то же, что пятое колесо к телеге”.

“Да ведь посмотри, ведь это красное дерево”.

“Вижу, дерево хорошее, но для музыканта, а для меня решительно не имеет никакого значения”.

“Ну, так поменяемся на твою бричку, что дашь придачи?”]

“Ну вот еще! А я-то в чем приеду?”

“Я тебе дам другую бричку. Вот пойдем в сарай, я тебе покажу ее. Ты ее только перекрасишь, [покажу ее. Немножко только поправишь] и будет чудо-бричка”.

“Эк его неугомонной бес как обуял”, сказал про себя Чичиков [и прибавил затем полным голосом: “не хочу, бог с ней, твоей бричкой”,] и отказался решительно от брички.

“Да ведь бричка, шарманка и мертвые души всё вместе”.

“Не хочу”, сказал еще раз Чичиков.

“Отчего ж ты не хочешь?” [Вместо “Эк его ~ не хочешь”: “Это выходит больше ничего, как только переливанье из пустого в порожнее”.

“Шарманку даю в придачу, отчего ж ты не хочешь?”]

“Оттого, что просто не хочу, да и полно”.

“Дряннь же ты; с тобой нельзя, как я вижу, как водится между хорошими друзьями и товарищами, такой, право! сейчас видно, [Дряннь же ты, как я теперь вижу. Тотчас видно,] что двуличный человек”.

“И ты, однако ж, хорош. Зачем мне приобретать [Вместо “Зачем мне приобретать”: Посуди сам с своей стороны. Зачем мне покупать или выменивать] ненужную вещь”.

“Ну уж, пожалуста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая право, ракалия...[Такая жила...] Ну, послушай, хочешь, метнем банчик. Я поставлю все мертвые души на карту, если хочешь, то и живых еще к ним прибавлю. Метнем! Выиграешь — ведь ничем придутся”.[Метнем, чорт возьми, ведь выиграешь, тебе ничем придутся.]

“Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности”, говорил Чичиков, и между тем взглянул искоса на бывшие в руках у него карты. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно. [Вместо “Обе талии ~ подозрительно”: Обрез их показался ему очень неровным, и на одной из них было заметно что-то похожее на крапинку.]

“Отчего ж неизвестности”, сказал Ноздрев, “ты можешь чорт знает сколько выиграть. [ты можешь сию минуту их выиграть. Так, чорт возьми, прокинем! а? Ей Порфирий, принеси толстую бутылку, что завернута в бу-

магу. Каким, брат, я тебя уконтантую венгерским!] Чорт возьми, какое ему счастье!” говорил Ноздрев, начиная метать для возбуждения задора. [говорил Ноздрев, продолжая метать.] “Эдакого просто я еще никогда не видывал. Еще, еще, так и колотит![так, право, и колотит] Вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил; веришь ли: сам[веришь ли, что сам] чувствовал, что продаст каналья, ей богу чувствовал! что прикажешь делать: зажмурил глаза, [зажмуривши глаза] поставил, а! думаю себе: пропадай, уж чорт тебя побери”. [пропадай, чорт возьми.] Когда Ноздрев это говорил, Порфирий принес бутылку. Но Чичиков отказался решительно как играть, так и пить. [Вместо “Но Чичиков ~ пить”: “Давай его сюда”, продолжал Ноздрев. “Эх, брат, какое винцо! Дернем с горя!”

“Нет, я не буду пить”, отвечал Чичиков довольно сухо.

“Выпьем! голову ставлю, если не выпьешь”, говорил Ноздрев, наливая ему стакан. “Метнем, а?”

“Время только напрасно тратишь: я сказал уже, что не хочу”.]

“Отчего ж ты не хочешь играть?” сказал Ноздрев.

“Ну, оттого, что не расположен. [Вместо “Ну оттого ~ расположен”: не расположен, потому и не хочу; а. Просто не расположен] Да признаться сказать, я вовсе не охотник[я и не охотник] играть”.

“Отчего ж не охотник?”

Чичиков пожал плечами и прибавил: “Потому что не охотник”. [Вместо “Чичиков ~ охотник”: “Так просто, оттого, что не охотник”.]

“Дряннь же ты!”

Чичиков и здесь пожал плечами и сказал, что так уж его бог создал. [Вместо “Чичиков ~ создал”: “Что ж делать, так меня бог создал”.]

“Колпак эдакой![Колпак, право, такой!] Я думал, право, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты, как я вижу, никакого не понимаешь обращения. С тобой никогда нельзя поговорить, как с человеком близким...[что ты порядочный сколько-нибудь человек, а ты... по-дружески с тобою никак нельзя говорить.] Никакого прямодушия, ни искренности. Совершенный Собакевич, такой подлец!”[Далее было: Не понимаешь никакого приятельского обращения. Тебя никак нельзя ввести в круг хороших товарищей.]

“Да ты, брат, тоже изрядный чудак! Что ж делать, если не играю. [Что ж делать, когда не играю.] Продай мне душ одних, если ты уж такой человек, что жалеешь подарить такую безделицу”.

“Чорта лысого получишь. Хотел было подарить, даром, без всего, право, хотел, [Хотел было подарить, право, хотел] но теперь ни за что не получишь. Хоть миллион давай — не продам. [Далее было: и другим скажу, чтоб

тебе не продавали. “Пожалуй, как себе хочешь”.] Такой печник гадкой! С этих пор с тобою[а. Такой печник гадкой. Я думал, что он в самом деле хороший товарищ, с которым можно приятно время провести, повеселиться, а он... С этих пор ей богу с тобою; б. Такой печник гадкой. Я думаю, что он товарищ [точно товарищ, как следует] точно товарищ, с которым можно повеселиться, а он... С этих пор, ей богу, с тобою] никакого дела не хочу иметь. Порфирий, ступай, поди, скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, [не давал овса его лошадям,] пусть их едят одно seno”.

“Ты себе волен делать, что хочешь”, сказал Чичиков. [Вместо “сказал Чичиков”: говорил Ноздрев ошибка переписч.]

“Лучше бы ты мне, просто, на глаза не показывался”, сказал Ноздрев. [“сказал Ноздрев” вписано.]

Несмотря однако ж на эту размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз

не стояло на столе никаких вин, с затейливыми именами. Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским: до такой степени кислым, что они должны были не иначе пить его, как с водою. [а. каким-то кипрским; кислятина страшная. Они не иначе должны были его пить, как с водою; б. каким-то кипрским: кислятина страшная. Так что они не иначе должны были его пить, как с водою.] После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отдавая его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель: “Вот тебе твоя постель. И доброй ночи не хочу тебе желать!” [Далее было: Такая ты, право, дрянь.]

Чичиков оставался несколько минут по уходе Ноздрева в самом неприятном [По уходе Ноздрева Чичиков оставался несколько минут в весьма неприятном] расположении духа. Он внутренно досадовал на себя за то, что заехал к нему [а. заехал к Ноздреву] и потерял даром время. [а. и потерял время решительно даром.] Еще более раскаивался он в том, что заговорил [а. что заикнулся] с ним об деле, которое вовсе не было такого рода, чтоб быть

разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков. [а. каких бы то ни было разговоров] Ночь спал он весьма дурно. Какие-то маленькие, пребойкие насекомые кусали его нестерпимо больно, так [Вместо “Он внутренно ~ так”: Сначала он выбранил Ноздрева, и выбранил хорошенько, — как говорится, на чем свет стоит. Потом начал бранить себя за то, что заехал к нему, потерял время, чорт знает для чего. “Лучше бы уже мне и не заикаться было о душах”, проговорил он почти вслух: “я уверен, что этот человек непременно мне нагадит”. За сим [пожелал] послал он своему хозяину такое желание на сон грядущий, что нужно было Ноздреву иметь слишком здоровую натуру, чтобы после него хорошо выспаться. Однако ж, герой наш и сам спал премерзко: всю ночь его кусали какие-то маленькие насекомые: блохи не блохи, клопы не клопы, но так больно,] что он всей горстью скреб по уязвленному месту, приговаривая: “А, чтоб вас чорт побрал вместе с Ноздревым!” Проснулся он ранним утром. [Проснулся поутру он очень рано.] Первым делом его было, надев-

ши халат и сапоги, отправиться через двор в конюшню, чтобы приказать Селифану сей же час закладывать бричку. Возвращаясь через двор, Чичиков встретился с Ноздревым, который был также в халате с трубкою в зубах.

Ноздрев приветствовал его по-дружески и спросил, каково ему спалось.

“Так себе”, отвечал Чичиков весьма сухо. [Вместо “Так себе ~ сухо”: “Да”, отвечал Чичиков, “ни хорошо, ни дурно”. а. “Так себе”, отвечал Чичиков очень холодно.]

“А я, брат”, говорил Ноздрев, “такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать, и во рту после вчерашнего совершенно как будто эскадрон ночевал. Снилось, что меня высекли, ей, ей. И вообрази, кто? Вот ни за что не угадаешь: штаб-ротмистр Поцелуев вместе с Кувшинниковым”. [и во рту, брат, после вчерашнего так скверно, что ты себе вообразить не можешь. Снилось, брат, что меня высекли. Ей богу, и как ты думаешь, кто? Вот ни за что не угадаешь: — поручик Кувшинни-

ков, ей-богу.]

“Да”, подумал про себя Чичиков: “хорошо бы, если б тебя отодрали на самом деле”. [хорошо было бы, если бы сон пришелся в руку.]

“Ей богу! Да пребольно. [Вместо “Ей-богу. Да пребольно”: “И как бы ты думал, за что? Чорт знает, какая дрянь. Вообрази: будто Кувшинников женился, и на ком же женился: на собаке моей, Налетке. А я будто бы говорю: да это собака, а не жена. А он будто бы: а, держите его, мошенника! и как начали меня драть да пошлепывать.] Проснулся, чорт возьми, в самом деле что-то почесывается, верно, ведьмы блохи. Ну, ты ступай теперь одевайся! [Вместо “Ну ты ~ одевайся”:

“Да, всякого рода бывают сны”, отвечал хладнокровно Чичиков.

“Ты ступай теперь, одевайся”, продолжал Ноздрев,] Я к тебе сейчас приду, вместе позавтракаем. На минутку нужно, только ругнуть [вместе позавтракаем. У меня, брат, есть

еще одна бутылочка: такой уж деликатес, что просто за ушами даже почувствуешь вкус. До свиданья. Нужно еще ругнуть] подлеца приказчика”.

Чичиков ушел <в> комнату одеться и умыться. Когда он после этого вышел в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома. В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина, кажется, половая щетка вовсе не притрагивалась, потому что на полу валялись крохи хлеба и табачная зола видна была даже на скатерти. Сам хозяин, не замедливший скоро войти, кажется ничего не имел под своим халатом, кроме открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа в руке чубук и прихлёбывая из чашки, он был очень хорош для живописца, которые обыкновенно не любят господ прилизанных и завитых, как циркульная вывеска, или общипанных и выстриженных под гребенку[не любят господ, прибранных как циркульная вывеска.

“Я, брат”, говорил он, “никак не могу вы-

пить по утру чаю без рому, чувствуешь гнусность по всему телу, и тебе советую тоже. Чудный ром. Выпей-ка его одного стаканчик”.

“Благодарю”, отвечал Чичиков.

а. не любят господ прилизанных или завитых [по цирульной], как цирульная вывеска [или выщипанных] [или выстриженных со всех сторон и затянутых до того, что лицо становится похожим на красный очищенный картофель] выстриженных под гребенку или затянутых и выскобленных как выщипанная курица.] [равным образом как и тех которые [обтянуты и выскоблены] обстрижены и выскоблены на подобие выщипанной курицы]

“Ну, так как же думаешь?” сказал Ноздрев немного помолчавши: “не хочешь играть на души?”[Вместо “не хочешь играть на души”: метнем на души, что ли, а?]

“Я уж сказал тебе, брат, что не играю. Купить, изволь куплю”.

“Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Я не стану снимать плевры с чорт знает чего. В банчик — другое дело, ведь одну только талию прокинем”.

“Я уж сказал, что нет”.

“А меняться не хочешь?”

“Не хочу”.

“Ну, послушай. Сыграем в шашки; [Ну, послушай, ну сыграем хоть в шашки] выиграл — будут твои души, все сколько их ни есть. Ведь у меня душ 70 будет таких, что нужно вычеркнуть из ревизии.] Выиграл — твои души, все сколько их ни есть, душ до 70 будет. Ведь ты меня верно обыграешь; я уж тебя знаю.] Эй, Порфирий, принеси-ка сюда шашечницу”.

“Напрасен труд, [Напрасно только затрудняешься] я не буду играть”.

“Да ведь это не в банк, тут никакого не мо-

жет быть счастья или фальши; всё ведь от искусства; [дело всё зависит от искусства] я даже тебя предвещаю, что я совсем не умею играть, разве что-нибудь мне дашь вперед”.

“Сем-ка я”, подумал про себя Чичиков, “сыиграю я с ним в самом деле, в шашки. [сыиграю, в самом деле с ним шашки, авось по-счастливится] В шашки я игрывал не дурно, а на штуки ему здесь трудно подняться”.

“Изволь, так и быть, в шашки сыиграю”, сказал Чичиков.

“Души идут в ста рублях!” сказал Ноздрев: “выиграешь — твои, проиграешь — мои сто рублей”.

“Зачем же сто? [Вместо “Зачем же сто?”: К чему ж такая непомерная сумма,] Довольно, если пойдут в 50 р.”

“Нет, что ж за куш 50! Лучше ж в эту сумму я включу [Нет, брат, мне не выгодно. Ведь с тобой-то, я знаю, опасно играть. Я уж лучше в

эту сумму включу] тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам”. [или печатку к часам в золотой оправе]

“Ну, изволь”, [Так и быть, изволь] сказал Чичиков.

“Сколько ж ты мне дашь вперед?” сказал Ноздрев.

“Это с какой стати? Конечно, ничего”. [С какой стати? Разумеется, ничего.]

“По крайней мере, пусть будут мои два хода”.

“Не хочу, я сам плохо играю”.

“Знаем мы вас, как вы плохо играете”, сказал Ноздрев, выступая шашкой.

“Давненько не брал в руки шашек”, говорил Чичиков, подвигая тоже шашку.

“Знаем мы вас, как вы плохо играете!” ска-

зал Ноздрев, выступая шашкой.

“Давненько не брал в руки шашек”, говорил Чичиков, подвигая шашку.

“Знаем мы вас, как вы плохо играете”, сказал Ноздрев, подвигая шашкой, да в то же самое время подвинул обшлагом рукава и другую шашку.

“Давненько не брал в руки... э, э! Это, брат, что? Отсади-ка ее назад”, говорил Чичиков.

“Кого?”

“Да шашку-то”, сказал Чичиков и в то же время увидел почти перед самым носом своим и другую, которая, как казалось, пробиравлась в дамки. Откуда она вдруг взялась, это один только бог знает. “Нет”, сказал Чичиков, вставши из-за стола: “с тобой нет никакой возможности играть. Этак не ходят: по три шашки вдруг”.

“Отчего ж по три? Это по ошибке, одна по-

двинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь”.

“А другая-то откуда взялась?”

“Какая другая?”

“А вот эта, что пробирается в дамки”.

“Вот тебе на, будто не помнишь”.

“Нет, брат, я все ходы считал, и всё помню, ты ее только теперь пристроил. Ей место вон где!”

“Как где место?..” сказал Ноздрев, покрасневши: “Да ты, брат, как я вижу, сочинитель”.

“Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно”.

“За кого ж ты меня считаешь?” говорил Ноздрев: “стану я разве плутовать!”

“Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду”.

“Нет, ты не можешь отказаться”, говорил Ноздрев, горячась: “игра начата”.

“Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку”.

“Нет, врешь, ты этого не можешь сказать”.

“Нет, брат, сам ты врешь”.

“Я не плутовал, и ты отказаться не можешь; ты должен кончить партию”.

“Этого ты меня не заставишь сделать”, сказал Чичиков хладнокровно и, подошедши к доске, смешал шашки.

Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага 2 назад. [Далее было: и принял даже некоторые предосторожности, на счет безопасности собственного лица, а именно, правую руку поднес к своему галстуху, как будто бы для того, чтобы

поправить свой шейный платок.]

“Я тебя заставлю играть. Это ничего, [“Нет, я тебя заставлю”, говорил Ноздрев, подвигаясь ближе. “Это вздор] что ты смешал шашки. Я помню все ходы. [Я помню всё. Этим ты меня не проведешь.] Мы их поставим опять так, как были”.

“Нет, брат, дело кончено; я с тобою не стану играть”, сказал Чичиков.

“Так ты не хочешь играть?” сказал Ноздрев.

“Ты сам видишь, что с тобою нельзя играть!”

“Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть?” говорил Ноздрев, подступая еще ближе.

“Не хочу”, сказал Чичиков и поднес, однако ж, обе руки на всякой случай поближе к лицу, [на всякой случай к самим щекам] ибо

дело становилось, в самом деле, жарко. Эта предосторожность бы<ла> весьма у места, потому что Ноздрев размахнулся рукой... и очень бы могло стать, что одна из приятных и полных щек нашего героя покрылась бы несмываемым бесчестьем. Но счастливо отведши удар, он схватил Ноздрева за обе [Вместо “размахнулся ~ за обе”: размахнувшись, хлопнул его со всей силы по правой руке, которая, пострадавши невинно, спасла, однако ж, часть щеки. Отведши этот роковой удар, Чичиков схватил обеими руками Ноздрева Окончание гл. IV и начало гл. V утрачены.]

<ГЛАВА V>

Митяя, и дядю Миняя, и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто бы они отхватили, не переводя духу, станцию. Он дал им минуту отдохнуть, после чего они пошли сами собою. — Во всё продолжение этой проделки, Чичиков глядел очень внимательно на молоденькую незнакомку. Он пытался несколько раз с нею заговорить, но как-то не пришлось так. [Далее было: Когда дамы уехали, он открыл табакерку

и, понюхавши табуку, сказал: “Да, хорошенькая девчонка!”] А между тем дамы уехали. Хорошенькая головка с тоненькими чертами лица и тоненьким станом скрылась, как что-то похожее на виденье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомых читателю лошадей, Селифан кучер, Чичиков и пустота окрестных полей. Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопратно плеснеющих низменных рядов ее, [а. ни было, среди ли даже самой черствой и скучной и грязной жизни низменных рядов человеческих состояний] или среди однообразно-хладных [а. холодно-однообразных] и скучно-опрятных сословий высших, везде хоть раз [на жизненном пути] встретится на пути человеку [светлое прекрасное] явление [и] не похожее на всё то, [а. на всё это] что случалось ему видеть дотоле, явление, которое хоть раз пробудит в нем [а. Далее начато: какое-то дивное стр<емление>] чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. Везде, в поперек каким бы ни было горечам, из которых плетется иногда жизнь, промчится весело бли-

стающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг, неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглухнувшей бедной деревушки, не выдавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, [и] надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал вдали дивный экипаж. Так и блондинка тоже вдруг, совершенно неожиданным образом, оказалась в нашей повести и так же скрылась. Попадись вместо Чичикова при этом обстоятельстве какой-нибудь 20-летний юноша, гусар ли он, студент ли он, или просто только что начавший жизненное поприще, и боже, чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем. Долго бы[а. Далее начато: глядел] стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в пожирающую всё, что ни есть на земле, даль, и властительно объятый пронесшимся явлением он бы [на] полдороги, по крайней мере [не думал ни о чем другом не принадле], не мог не обратиться к себе, к[Фраза осталась незаконченной. В рукописи оставлено полторы строчки.

Очевидно, фраза не удавалась. Гоголь пробовал исправлять ее: Он долго бы ни к чему был неспособен затем и этот текст Гоголь зачеркнул]

Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно охлажденного характера. [а. и особенного характера] Он тоже задумался и думал, но больше положительнее; [а. Он думал тоже, но мысли б. Он думал тоже, но положительные] не так безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. “Славная бабенка!” сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. “Но ведь, что главное в ней хорошо. Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института, что [всё] в ней, как говорится [чистая природа] нет еще ничего бабьего, т. е. именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя, всё в ней просто. Она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее [теперь] всё можно сделать. Она может быть чудо, а может выйти [однако ж] и дрянь. И она непременно будет дрянь. Вот пусть-ка

только за нее примутся теперь тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что просто ни сам родной брат не узнает. [Далее начато: а. Она будет и обдумывать; б. Она будет заикаться; в. В ней покажется и надутость] В ней возьмется [а. В ней покажется] и надутость; она уже будет думать по вытверженным наставлениям, [а. и надутость и разные кое-как вытверженные наставления Вместо “и разные кое-как” Гоголь вписал “она уже будет думать по” последние два слова остались в рукописи несогласованными с измененным вариантом.] с кем, как и сколько нужно говорить и как на кого смотреть. Всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать кому чего-нибудь лишнего. Запутается, наконец, сама, и кончится тем, что станет, наконец, врать всю жизнь и выйдет просто чорт знает что”. — Здесь он несколько времени помолчал и потом прибавил: “А любопытно бы знать, чьих она; что, как ее отец. Находится ли на службе государственной, или не занимает места, а живет помещиком в собственных поместьях? Ведь, если, положим, этой девушке да еще придать тысячонок двести при-

данного, из нее бы мог выйти очень, очень лакомый кусочек. Ведь это бы могло бы составить, так сказать, счастье порядочного человека”. Двести тысячонок так стали привлекательно рисоваться в голове его, что он [Вместо “А между тем ~ что он”: Но кто она? чьих она; богата или нет? и кто отец ее? занимает ли выгодное место, и какого рода? все эти вопросы, которые обыкновенно задает благоразумный человек, представились его мыслям, и] несколько раз досадовал на себя за то, что в продолжении того, как хлопотали около экипажей, не разведал от форейтора или кучера, кто такие были проезжающие. [Вместо “не разведал ~ проезжающие”: не расспросил форейтора или кучера.] Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к предмету, постоянно их занимавшему. Деревня показалась ему довольно велика, два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней с права и лева, посреди виднел деревянный дом с мезонином, красной крышею и темно-серыми или, лучше, дикими стенами, дом в роде тех, какие у

нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Очень было заметно, что при постройке его архитектор должен был беспрестанно бороться со вкусом хозяина. Портик состоял из четырех непомерно толстых колонн. Дверь, бывшая по середине, между двумя средними колоннами, была заколочена, а на место ее была прорублена, по приказанию хозяина, другая сбоку. По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же стене три, из которых одно маленькое, [было 3 окна, по другую на такой же стене только одно, и то маленькое] в виде отдушничка, на самом почти углу, потому что хозяину с этой стороны понадобился темный чуланчик. Двор окружен был прочною и непомерно толстою деревянною решеткою. Хозяин, сам будучи состроен очень прочно, казалось, хотел, чтоб и в хозяйстве всё было прочно. На конюшни, сараи и кухни были употреблены такие толстые бревна, что, казалось, не сгнить им во веки. Деревенские избы, строенья хозяйственные, всё это было крепко, солидно и в порядке. [“Деревенские ~ в порядке” вписано на полях, без указания в тексте места

вставки; вставлено по смыслу.] Когда Чичиков подкатил к крыльцу, он заметил выглянувшие из окна разом два лица: одно женское в чепце, узкое и длинное, как огурец, Другое мужское, круглое, широкое, несколько красноватое, как бывают хорошие молдаванские тыквы. Выглянувши, они тот же час вслед за тем спрятались. На крыльцо вышел лакей, в какой-то необыкновенной куртке с голубым военным воротником[“с голубым ~ воротником” вписано.] и ввел Чичикова в сени, в которые уже вышел сам хозяин. Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими вопросами о здоровье, а сказал только: “Прошу покорнейше” и повел его во внутренние жилища.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался очень похожим на среднего роста медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, а обшлага рукавов так длинны, что он должен был их поднимать по минутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Панталоны на нем тоже были очень широки

и страшно длинные; ступни его захватывали такое большое пространство, что чужим ногам всегда становилось тесно. Цвет лица его был очень похож на цвет недавно выбитого медного пятака. Да и вообще всё лицо его несколько сдавало на эту монету, такое же было сдавленное, неуклюжее; только и разницы, что вместо двухглавого орла были губы да нос. Я думаю, читателю не безызвестно, что есть много на свете таких лиц и физиогномий, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего; но просто рубила со всего плеча,хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверломковырнула глаза, и, не обскобливши,пустила на свет, сказавши: живет. Такое же самоелицо было у Собакевича. Голову он держал более вниз, нежели вверх; шея не ворочалась вовсе, от этого случилось, что он редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще развзглянул на него искоса, когда проходили они столовую. “Медведь! совершенный медведь!”

Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем. Зная привычку его наступать на ноги, Чичиков очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и потому спросил Чичикова: “Не побеспокоил ли я вас?” “Нет, покорнейше благодарю”, отвечал Чичиков: “хотя бы и случилось какое беспокойство, то это совершенно ничего не значит”, на что Собакевич ничего не отвечал и повел гостя далее. Когда вошли они в гостиную, Собакевич сказал гостю: “Прошу садиться”.

Садясь в кресла, Чичиков глянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё почти греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляшками и неслыханными усами, что просто дрожь проходила по телу. Между этими крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего поместился Багратион, тощий, ху-

денькой, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. За ним опять следовала героиня греческая Бобелина, такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому проспекту в узеньких сюртучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем. Хозяин, кажется, будучи сам крепкой и здоровый человек, хотел, чтобы и его комнату украшали люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины у самого окна висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как дверь в гостиной отворилась и вошла хозяйка дома, очень высокая дама в чепце с лентами, вероятно, перекрашенными какою-то домашнею краскою; вошла она необыкновенно [вошла она таким образом, как ходят гуси с небольшим раскатом направо и налево, но впрочем] важно и солидно и голову держала совершенно прямо, как бы боясь уронить ее.

“Это моя Феодулия Ивановна”, сказал Соба-

Кевич.

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти всунула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом. [“Феодулии Ивановны ~ рассолом” вписано.]

“Душенька, рекомендую тебе”, продолжал Собакевич: “Павел Иванович Чичиков. У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться”.

“Прошу покорнейше садиться”, сказала Феодулия Ивановна очень коротко[“Прошу садиться”, сказала Феодулия Ивановна коротко] и сделавши головою движение, весьма похожее на то, какое делают актрисы, представляющие на сцене королев и принцесс. [сделавши головою движение ничуть не хуже тех, которые делают на театрах графини.] Сделавши такое предложение, она села на диван, [несколько] довольно неуклюжий, который был обтянут материей домашней выделки, цвету очень неопределенного, да и узора то-

же никак нельзя было разобрать. [а. да и узора тоже весьма неясного] Севши на диван, она накрылась [очень чинно] большим[Вместо “она села ~ большим”: она села на диван, обитый материей домашней выделки светло-табачного цвета и накрылась] мериносовым платком, с широкою пестрою каймою, очень чинно, как рисуют на портретах, и не сдвинула во всё время[Вместо “очень чинно ~ во всё время”: словом, села так, как рисуют на портретах, чинно не двинувши] ни глазом, ни бровью, ни носом.

Чичиков опять поднял глаза вверх и опять увидел Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке.

Все трое почти около шести минут с лишком хранили совершенное молчание;[Все три персонажа пребывали несколько минут в совершенном безмолвии,] раздавался только стук, производимый носом дрозда[производимый носом дрозда в клетке] об дерево деревянной клетки, на дне которой удил он хлеб-

ные зернышки. Чичиков еще несколько взглядов бросил на комнату и на то, что в ней находилось. Всё [это было] на что ни глядел он, было прочно и неуклюже в величайшей степени. [Какое-то] Широкое тяжелое бюро стояло в углу комнаты и занимало почти осьмую часть ее. Видно было, что хозяин тут же и занимался. Оно было наполнено множеством ящичков и покоилось пренелепым образом на четырех претолстых ногах, как медведь. Словом, казалось, как будто бы всякое кресло и стул говорили: “И я тоже Собакевич”, или по крайней мере: “И я тоже очень похож на Собакевича”.

Видя, что никто из хозяев, как казалось, не располагал прервать молчание, он решился начать первый. [Вместо “Чичиков еще несколько ~ первый”: Наконец Чичиков первый прервал его.]

“Мы об вас вспоминали у председателя палаты”, сказал он, обращаясь к Собакевичу: “в прошедший четверг; [Это было в четверг] очень приятно провели там время”.

“Да, я не был тогда у председателя”, [у председателя палаты] отвечал Собакевич.

“А прекрасный человек!”

“Кто такой?” сказал Собакевич, глядя на угол печки.

“ Председатель”.

“Это вам так показалось: он только что ма-сон, а такой дурак, какого свет не производил”.

“А я, право, не предполагал”, [право, никак не предполагал] сказал Чичиков, сначала несколько озадаченный такою отчасти резкою характеристикою; но потом, поправившись, продолжал: “но зато губернатор [прибавил он [вслед] далее] какой превосходный человек”. [Вместо “сначала ~ человек”: “Он мне показался таким приятным, конечно, это не то, что губернатор. Какой, право, можно сказать, у вас превосходный человек губерна-

тор!”]

“Вы говорите, губернатор превосходный человек?” сказал Собакевич.

“Да, не правда ли?...”

“Это первый разбойник в мире!”

“Как, губернатор!” сказал Чичиков, который уж никак не мог предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо попасть в разбойники. [Вместо “Как, губернатор ~ разбойники”]: “Скажите, как странно! а он ведь такой обходительный и добродушный”.]

“У! варвар. Вы поглядите ему в лицо, в лице видно разбойничье”.

“Помилуйте”, сказал Чичиков и напомнил, что поступки гражданского правителя совершенно мирные, привел в доказательство даже кошельки [и] вышиванье [произведенные] его собственными руками, и [прибавил] даже, что самое лицо его необыкновенно лас-

КОВОЕ.

“И лицо разбойничье!” сказал Собакевич: “Дайте ему [Вместо “Помилуйте ~ Дайте ему”]:

“Лицо у него, однако ж, довольно ласковое”.

“Напротив, совершенно разбойничье! Дайте ему] только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, ей богу зарежет. Он, да еще вице-губернатор — это Гога и Магога”.

Чичиков вспомнил, [а. Герой наш вспомнил] что Собакевич чаще всего бывал у полицмейстера, и потому подумал, [а. и потому никак не сомневался] что если упомянет он о нем и похвалит его, то этим уж, верно, доставит ему удовольствие. “Что касается до меня”, сказал он: “то, признаюсь, мне больше всех нравится полицмейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый. В лице видно что-то простосердечное...” [Вместо “Чичиков вспомнил ~ простосердечное”: “А ведь как однако ж странно, если например сравнить

этих двух, о которых вы сейчас изволили упомянуть, с полицмейстером: сколько те люди двуличные, столько этот простосердечен. Какая добрейшая, право, душа”.]

“Мошенник”, сказал Собакевич очень хладнокровно: [“очень хладнокровно” вписано.] “продаст, обманет, еще и пообедает с вами. Я их знаю всех: это всё мошенники. Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один только и есть там порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья”.

После таких похвальных, хотя и несколько коротких биографий, Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать.

“Что ж, душенька, пойдем обедать”, сказала Собакевичу супруга Собакевича.

“Прошу покорнейше”, сказал Собакевич. За сим, приблизившись к столику, где была закуска, гость и хозяин выпили, как следует,

по рюмке водки, и, закусив какой-то копченной рыбой, отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора. На четвертое место явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая: дама или девица, компаньонка или родственница, домоводка или просто проживающая в доме; что-то без чепца, лет тридцати пяти, в пестром платье, поклонилось очень скоро и уместилось на свое место и, казалось, больше ни до чего ему не было нужды. Есть лица, которые существуют на свете не так, как какой-нибудь предмет, а так, как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете. На них если и остановишь взгляд, то уж верно глупо и не нарочно, как иногда вдруг, неизвестно по какой причине, станешь глядеть пристально на муху, лазящую на стене. В их лицах одно и то же никогда не [изменяющееся] исчезающее выражение. Сидят, они на том же месте, на том же стуле, тем же образом сложены у них руки, тот же всегда поворот головы. Их готов причислить к числу мебели в комнате, и только

где-нибудь в девичей или кладовой окажется, что у них есть и речи и даже кое-какие страстишки. [“Есть лица ~ страстишки” вписано.]

“Щи, моя душа, сегодня очень хороши”, сказал Собакевич, хлебнувши две ложки и засучив рукава своего фрака: “Вы эдаких щей не будете есть в городе”, сказал он, обращаясь к Чичикову: “там вам чорт знает чего подадут”.

“У губернатора, впрочем, не дурен стол”, сказал Чичиков. [Вместо “У губернатора ~ Чичиков”: “Да, это правда, в городах обыкновенно уж не то”, отвечал Чичиков. “Впрочем, у губернатора я ел прекрасный стол, видно, что повар у него очень хорош”.]

“Да знаете ли, из чего всё это готовится? Вы есть не станете, когда узнаете. Право, я вам это не шутя говорю”.

“Я не знаю, как они там приготовлены, но на вкус [мне показа<лось>] были очень хороши”. [Вместо “Я не знаю ~ хороши”: “Конечно, у него больше французская кухня. Статься мо-

жет, что иное не так приготовлено, как бы желалось сообразно с нашими обычаями и нравами”, отвечал Чичиков, и потом, минуту помолчавши, прибавил: “впрочем, многие блюда приготовлены очень вкусно”.]

“Это вам так показалось”, сказал Собакевич: “где быть им хорошим? Я знаю, что они на рынке покупают. Купит вот тот каналья повар, что выучился у французов, [повар, что у французов учился] кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца”.

“Фу! какую ты неприятность говоришь”, сказала супруга Собакевича.

“А что ж, душенька, так у них делается, я не виноват. Так у них у всех делается. Всё, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они всё в суп, да в суп! туда его”.

“Ты за столом всегда эдакое расскажешь”, возразила опять супруга Собакевича.

“Что ж, душа моя”, сказал Собакевич: “если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. [если б я сам это делал, или был бы такой человек, который... тогда другое дело. Но ты сама, душенька, знаешь, что я гадостей не ем и не буду есть, это я тебе прямо в глаза говорю.] Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, что ты там себе ни говори. [сахаром облепи, а я ее не стану есть, что ты себе ни говори.] Возьмите барана”, продолжал он, обращаясь к Чичикову: “это бараний бок с кашей. Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, что может быть [из такой баранины, которая] суток по три на рынке валяется. Я вам скажу, что это заговор! [скажу, что это просто заговор! да, я вам говорю это не шутя. Заговор, заговор!] Это секта такая; нарочно для того сговорились, чтобы переморить голодом. Вот и доктора, все эти французы и немцы — я бы их всех перевешал. Посмотрите, как едят все эти, что побывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модный стол: [Вместо “Вот и доктора ~ стол”: Вы посмотрите, что они вам подают:] налепят ле-

пешку, величиною с пуговицу, даст тебе одну [положат одну а. дадут тебе одну] на тарелочку, да и ешь ее; а спрашивается, что есть? нечем по губам помазать. Нет, это всё выдумки, это всё...” Здесь Собакевич даже сердито покачал головою, [Здесь Собакевич несколько покрутил головою] что делал очень редко, потому что шея его, как уже читатель видел, почти никогда не двигалась. “Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение... просто: фук; сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. [а это просвещение... и нечего и говорить”. Тут Собакевич махнул] У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи; гусь — всего гуся. Лучше я съем двух блюд, да съем столько, сколько душа желает”. Собакевич подтвердил это делом. Он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз и обсосал до последней косточки.

“Да”, подумал Чичиков: “этот себе на уме”.

“У меня не так”, говорил Собакевич, выти-

рая салфеткою руки: “у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: 800 душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха”.

“Кто такой этот Плюшкин?” спросил Чичиков.

“Мошенник”, отвечал Собакевич: “Такой скряга, какого вообразить трудно: в тюрьме колодники лучше живут. Всех людей переморил голодом”.

“В правду!” подхватил с участием Чичиков: “и вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большом количестве?”

“Как мухи мрут”.

“Скажите, как странно! А позвольте спросить, как далеко живет он от вас?”

“В пяти верстах”.

“В пяти верстах!” Здесь автор должен сказать, что у героя его забилось слегка сердечко.

[“Здесь ~ сердечко” вписано.] “Вот уж я никаким образом не могу понять такого рода жизни. Когда сам не хочешь пользоваться состоянием, в таком случае доставь оным удовольствие ближним, дай бедным, чтобы за тебя молились и были вечно благодарны... Как же, например, если выехать из ваших ворот, нужно будет взять к нему, направо или налево?”

“Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке”, сказал Собакевич: “гораздо извинительнее сходить в какое-нибудь непристойное место, нежели к нему”.

Чичиков извинился и сказал, что ему всё равно, а что он о дороге спросил только, потому что интересуется вообще познанием всякого рода мест. [Вместо “Чичиков ~ мест”: “О, я ничуть не имею этого намерения; я спросил только потому, что вообще интересуюсь познанием мест”, сказал Чичиков.]

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была величиною больше тарелки. Этим обед и кончился; но Чичи-

ков, вставши из-за стола, почувствовал в своем животе тяжести на целый пуд. Пошли в гостиную, где было поставлено на столе варенье двух сортов. Из чего состояло это варенье, нельзя было знать; с виду же оно было ни груша, ни слива, драло жестоким образом горло, и приготавлилось [Из чего состояло это варенье, вряд ли бы какой химик добрался, оно было ни груша, ни слива, и приготавлилось] руками самой хозяйки. Хозяйка на минуту вышла с тем, чтобы наложить еще [наложить его] и на третье блюдечко. Воспользовавшись этим отсутствием ее, Чичиков обратился с такими словами к Собакевичу, который, сидя в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал звуки в роде икотки, закрывая поминутно рот рукою.

“Я хотел было поговорить с вами об одном очень нужном для меня деле”.

“Вот еще варенье”, сказала хозяйка, возвращаясь с какою-то редькою в сахаре. [сказала хозяйка, возвращаясь: “огурцы в сахаре, пополам с вымоченною редькою”. Дальше

текст в ПБЛЗ прерывается, пагинация же идет последовательно (л. 37, л. 38). Лист 38 начинается с середины фразы.]

назначено быть после завтра. Чичиков попросил выписочку вкратце всех умерших, на что Собакевич согласился охотно и, подошедши тут же к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

В продолжении того времени, как он писал, стоя у бюро, Чичиков от нечего делать занялся рассматриванием всего просторного его сзади оклада. [Вместо “назначено ~ оклада”: “А как скоро ~ в карман (ЛБ1, стр. 298–299).

а. “А как скоро полагаете быть в городе?”

“Для удовольствия вашего могу даже приехать завтра”.

“Очень хорошо, в таком случае мы завтра и крепость совершим. Еще я хотел у вас по-

просить об одном: не можете ли вы мне дать небольшую выписочку, в которой были бы прописаны имена душ”.

“С большою готовностью”, сказал Собакевич и подошедши к какой-то неуклюжей мебели, в виде бюро, которого Чичиков вначале было совсем не заметил. Затем он вынул лоскуток исписанной бумаги, на котором <1 нрзб.> очень обстоятельно было прописано, кто столяр, кто плотник. К иным было приписано: нраву хорошего и работающий, к другим просто хозяин, к третьим: хмельного в рот не берет. Он приписал еще кое-что тут же карандашом и подал Чичикову сказавши: “Да, за это приобретение будете всегда благодарить”.

Чичиков поблагодарил сквозь зубы и спрятав записку в карман.

У этого текста на полях вписано карандашом и затем зачеркнуто: и даже не только одни имена, но и звания и ремесло и чем кто занимается, и сколько оброку. “Вы увидите сами, что за народ. Только, право, для знаком-

ства, а то бы ни за что не отдал”.]

“Теперь пожалуйста же задаточек”, сказал Собакевич.

“К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги”.

“Всё, знаете, так уж водится!” возразил Собакевич.

“Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег; десятирублевая, впрочем, есть”.

“Что ж десять! дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят”.

Чичиков [отвечал] стал отговариваться, что больше нет у него с собой денег. Но Собакевич таким утвердительным тоном сказал, что у него есть деньги, что он, наконец, вынул еще бумажку, сказавши: [Вместо “Чичиков ~ сказавши”: “я вас уверяю, ~ дворняги блох” (ЛБ1, стр. 299)]

“Ну, пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого, двадцать пять. Пожалуйте только расписочку”.

“Да на что вам расписка?”

“Всё, знаете, лучше расписочку. Неровен час... всё может случиться”.

“Хорошо, дайте же сюда деньги”.

“На что ж деньги! У меня вот они в руке: как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете”.

“Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги”.

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскутке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. Написавши расписку, он пере-

смотрел еще раз ассигнации.

“Бумажка-то старенькая”, произнес он, рассматривая одну из них на свете; “немножко разорвана, ну, да уж ничего. Между приятелями нечего на это глядеть. Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство. А женского пола не хотите?”

“Нет, покорнейше благодарю”.

“Я бы не дорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку”. [по три рубли за штуку; а по два рубли за штуку]

“Нет, благодарю, в женском поле я не нуждаюсь”.

“Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона. [нет никакого закона] Кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица”.

“Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами”, сказал Чичи-

КОВ.

“Да, уж само собою разумеется, третьего сюда нечего мешать, что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбе... Прощайте! прощайте! Благодарю, что посетили. Прошу и вперед не забывать. Если выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу”.

“Да, как бы не так”, думал про себя Чичиков, севши в бричку. “По два с полтиною содрал за мертвую душу!.. Поперхнулся бы ты осиновым клином! А ведь и в казенной палате не служил!” [Вместо “Поперхнулся ~ не служил”: Это старого леса кочерга. Верно, был, подлец, частным приставом; а что в казенной палате понатолкался, то это наверно; это и по лицу видно. И даже от фрака его несет казенною палатою”.]

Он привстал несколько и оглянулся назад. Дом барский был еще виден и на крыльце

стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет.

“Подлец, до сих пор еще стоит!” проговорил он[проговорил он с досадою] и велел Се-лифану, поворотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы нельзя было видеть экипажа со стороны господского двора. [экипажа из господского двора] Ему хотелось порасспросить о дороге к Плюшкину, но не хотелось, чтобы об этом догадался Собакевич. Он выглядывал, не попадетсЯ ли где мужик, и, точно, скоро заметил мужика, который, попавши где<-то> претолстое бревно, тащил его на плече к себе в избу. Он подозвал его к себе.

“Эй, борода! Куда дорога к Плюшкину?”

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.

“Что, не знаешь?”

“Нет, барин, не знаю”.

“Эх ты, борода! А еще седым волосом подернуло. [Вместо “Эх ты ~ подернуло”: Вот еще, как можно, чтобы не знал Плюшкина; а. Эх ты, борода! а в голове-то уж седой волос] Скрягу-то Плюшкина не знаешь, того, что скуп”.

“А, заплатанной, заплатанной...” вскрикнул мужик. [“А, знаю, знаю, заплатанной...” вскрикнул мужик] Было им прибавлено [Было им произнесено] и существительное к слову заплатанной, очень удачное, но несколько неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено [а. Впрочем, оно верно выражено] было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду, и много уехали вперед, однако ж, всё еще усмехался, сидя в бричке. Должно признаться, что русской народ мастер метко выражаться, и если наградит кого словцом, [а. Вместо “Должно признаться ~ словцом”: а. Метко выразителен бывает иногда русской народ, и если подчас наградит кого-либо слов-

цом] то очень бывает не рад получивший его. Да уж от словца нельзя отвязаться. Оно пойдет ему в род, прозвище и фамилию и он утащит его с собою и в Петербург и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай эту свою фамилию, как ни вставляй в середину ерчики большие и малые, как ни прибавляй окончания на в и н — ничто не поможет. Конечно, потом, [а. Даже потом] если посчастливится [ему] выйти в люди, найдутся люди, которые станут производить фамилию [а. производить его фамилию] от древнего княжеского рода, печатать об этом брошюрки и трактовать об старинном происхождении, как об деле решенном, но всё это не поможет: роковая фамилия [а. Вместо “но всё это ~ фамилия”: а фамилия все-таки] постоит сама за себя и скажет ясно, [а. скажет ясно сама собой] из какого гнезда вылетела птица. Произнесенное метко [а. Сказанное метко] всё равно, что писанное не выскабливается скобелем, не вырубливается топором; [а. не выскабливается и не вырубливается топором] его не выкуришь тоже никаким куревом. А уж куды бывает весовато и сильно словце,

что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племен, а всё сам-самородок, живой и бойкой русской ум, [а. сам-самородок русской и живой и бойкой ум] что как вlepил тебе его, то и носи его на здоровье с собой, как паспорт, и уж нечего прибавлять, какой у тебя нос или губы: [а. и уж ничего не нужно больше прибавлять] одной чертой обрисован ты [а. одной чертой обрисовал тебя всего] с ног до головы. [Вместо “очень удачное ~ головы”: да мы уж лучше оставим в покое существительное. Известно, что русский народ охотник давать свои имена и прозвища, совершенно противоположные тем, которые дает при крещении поп. Они бывают очень метки, но в светском разговоре неупотребительны. Впрочем, все зависит от привычки и от того, как какое имя обходится. Кому, например, не известно, что у нас люди, дослужившиеся первых мест, носят такие фамилии, что в первый раз было бы совестно их произнести при дамах, а носильщики этих фамилий ничуть не конфузятся и производят их даже от Рюрика. И там, где, среди метущей и свищущей по улицам вьюги

с тридцатиградусным морозом, мелькают в окнах цельные стекла ново нанятого аристократического дома, там в гостиной тонкого перлового цвета блещут кенкеты и лампы. Там, в кругу разубранных с обдуманною небрежностью дам и подобострастных вылощенных и выскобленных департаментских франтов, новоиспеченный государственный человек, поднявши кверху нос и лысину, сидит павлином и наклоняется своей тучной массой перед дамами, или, ставши в неподвижно величественном положении перед мужчинами, начинает почти всякую речь такими словами: “Князь такой-то, который приходится родоначальником нашей фамилии”, или: “[кня] В то время, когда наша фамилия, князя такие-то, враждовали с таким-то царем” [между прочим]. Под час даже приносится и родословная, неизвестно откуда взявшаяся, и гости безмолвно дивятся древности рода, и благообразный чиновник, совершенный *comme il faut*, служащий под начальством величественного аристократа, [обратившись к] обращается тоже к благообразному чиновнику с такими словами: “Как древне происхож-

дение Петра Николаевича!” “О, эта одна фамилия, один из самых старых столбов нашего дворянства”, отвечает благообразный чиновник за № 2. “И как ведь что удивительно”, прибавляет благообразный чиновник за № 1. “что ни одного из предков Петра Николаевича не было такого, который бы не оказал великих государственных услуг и который бы не был чем-нибудь замечателен”. “И не правда ли”, подхватывает третий, до того времени стоявший с заложенными назад руками, “что в фамилии Петра Николаевича есть что-то такое чрезвычайно благородное, что-то такое приятное для произношения”. А между прочим этой фамилией, такой приятной для произношения, подарили родителя Петра Николаевича крепостные мужики окружных деревень. Так случается в гостиной тонкого перлового цвета, где блещут лампы и кенкеты, мелькают фраки, юбки, шеи и бледные дамские руки, увешанные обручами браслетов.

А Чичиков между тем всё едет да едет.]

Как несметное множество церквей, мона-

стырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племён, поколений, народов рассыпано, толпится, пестреет и мечется по лицу земли. [а. рассыпано и пестреет по лицу земли; б. рассыпано, пестреет, топчется и мечется по лицу земли] И всякой народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть [выразивши какой-нибудь предмет, в выражении его отразил и часть] собственного своего характера. Сердцеведеньем и мудрым познанием жизни отзовется слово британца, легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза, затейливо придумает [затейливо выдумает] свое не всякому доступное, умно-худощавое слово немец, но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так сметливо бы вырвалось и вместе так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово. [“Как несметное ~ русское сло-

во” приписанное Гоголем новое окончание главы.[

<ГЛАВА VI>

Начало главы не сохранилось. Отсюда до “Ворота одни были” автограф.] вместо капители, темнел на снежной белизне его, [а. темнел на ней] как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу невысокие верхушки тянувшихся около [забора] ограды кустов бузины, рябины и лесного орешника и побужавши потом по верхушке всего частокола, взбегал, наконец, наверх и обвивал до половины [эту] белую колону картинно сломенной березы. Достигнув середины ее, он оттуда спускался вниз и начинал уже цеплять за зеленые вершины более низменные деревья, [а. более низменных дерев] или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие кручья, легко колеблемые воздухом. [Столетние] Двухсотлетние липы образовывали вверху одну сплошную зелено-облачную массу, виновницу вечной тени стремившихся между толстыми корнями аллея, выказывали мельком и урывками в местах, где расходилась листовенная гущина ветвей их, свои

темно седые, искривленные шириною в обхват трем человекам дуплистые стволы, и неосвещенная [а. зелено-облачную массу, занимавшие всю середину сада, хранительницу и виновницу вечной тени [внизу в аллеях] у толстых корней своих аллей, местами иногда выказывали нескрытые ветвями темные куски своих седых, искривленных [толст<ых>] широких в обхват трем человекам, и дуплистых стволов, и неосвещенная] солнцем виднелась кое-где внизу дорожка, заросшая зеленью, и по ней краснели изредка кровавые пятна, места, свидетельствовавшие, что она когда-то была убита вся мелким кирпичем или усыпана песком. Внизу из гущины мрака между пнями, корнями и стволами ставших в аллею [а. обступавших аллею] лип, вытыкались густою щетиною седые, иссохшие вероятно от страшной глушины сучья кустарников. Ветвь клена протягивала откуда-нибудь сбоку, из-за пней свои [а. Ветвь клена откуда-нибудь сбоку протягивала свои] зеленые, распла<с>танные лапы, и солнце, скользнувши небольшой искрой бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превраща-

ло его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В других концах сада выглядыва<ли> из зелени дерев где деревянная крышка какой-нибудь [а. Далее начато: беседки, полуобрушенные] старенькой беседки, где полуобрушенные перилы почерневшего мостика. Несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда. У иных из них отстегнутые, но не вполне отделенные ветви висели вниз с иссохшими листьями. Словом всё было как-то пустынно-хорошо, [а. как-то пустынно-прелестно] как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда искусство и природа соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст свою чудную теплоту тому, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности. [а. что создалось в размеренном хладе чистоты и

опрятности]

Сделавши еще один поворот в переулок, [а. Сделавши еще два поворота в улицы] где попадались какие-то длинные хозяйственные строения, вероятно, фабрики или запасные магазины, [а. фабрики или другие заведения, какие-нибудь складочные запасные магазины] Чичиков очутился, наконец, в широкой улице, в конце которой предстал, наконец, прямо ему в лицо описанный уже нами господской дом. Казалось, по мере приближения к нему, он еще становился печальнее. Высокая деревянная решетчатая ограда, окружившая двор, потемнела совершенно. Время, как будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многих местах зеленою плесенью, какую любит покрывать старое дерево. Двор был наполнен множеством амбаров и кладовых, флигелями для кухни, для людских, для бани, для погребов. Под боком находился другой двор, куда вели особые ворота, и который, казалось, назначен был служить рабочим двором. [а. назначен быть рабочим двором] Всё показывало, что

[казалось] здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, но всё отзывалось теперь чем-то заглохлым. Трава и дикой бурьян росли по широкому двору, вместо когда-то бывших обделанных и [Далее начато: вычищенных по нем как] прочищенных дорог, приводивших в сообщение все строения, видны были другие узенькие, протоптанные напрямик ногами пешеходов. В середине двора верно был или цветник или [неб<ольшой>] круглой палисадник, потому что местами до сих пор еще торчали низенькие столбики маленькой деревянной когда-то окру<жавшей> его решетки и два-три изувеченные кустарника, еще не вовсе съеденные скотом. Все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно. Нигде не видно было отворявшихся дверей, что оживляет картину [картину; везде висел запор и замок. Ворота одни были растворены] ни выходявших людей, ни живых хлопот и забот дома. Ворота одни были [“вместо капители ~ одни были” вписано Гоголем вместо зачеркнутого, предварительно исправлявшегося отрывка. Начало зачеркнутого текста не сохранилось. Сохранившаяся часть: <ле-

жа>лым, потому что цветом был похож ~ были растворены (ЛБ1, стр. 305); а. Начато: <ле-жа>лым, потому что цветом был похож больше на старый кирпич, нежели на сено и на верхушках их росла всякая дрянь. Всё это было верно господское, у мужиков они бы не залежались так долго; б. вызженный кирпич, нежели на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь, между которою попадался даже кое-где небольшой кустарник. Сено и хлеб, казалось, были господские, или; как говорят, экономические; у мужиков бы они конечно не залежались так долго. — Вообще всё селение имело вид какой-то выгоревшей деревни; через избы, крыши и улицы мелькали то с левой, то с правой стороны брочки, по мере того как она поворачивала в улицы, две сельские церкви, бывшие одна возле другой, каменная и деревянная. Деревянная была очень стара, каменная казалась старою. Ее желтые стены были в трещинах и пятнах и местами обнажены до кирпичей; верхушка колокольни казалась опаленною громом. — Через избы, крыши и улицы стал выказываться и господский дом и на несколько минут выказался

весь в том месте, где уже избы прекратились и [оставался] виднелся [один] кусок какого-нибудь огорода, занятый капустой. Дом выглянул каким-то сутуловатым инвалидом, длинный, длинный, с мезонином, высокою крышею и [над нею] с какими-то бельведерами сверх крыши, которые [тоже покосились] пошатнулись уже несколько на сторону. Обветшавшие столбики давно уже потеряли покрывавшую их масляную краску. Дождь и время отвалили во многих местах стены щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было по странному случаю несколько похоже на Европу. Кое-где торчала щекатурочная решетка. Из окон только два были открыты; прочие были заставлены ставнями. Эти два окна с своей стороны тоже были несколько подслеповаты. На одном из них был наклеен треугольник из синей сахарной бумаги. Двор, однако ж, был обнесен довольно крепкою оградю, которая может когда-нибудь была выкрашена краскою, но, так как хозяин не думал вовсе об ее поновлении, то прислужилось время: решилось хозяйничать само и покрыло ограду зеленою

плесенью, какую обыкновенно покрывает старое дерево. Ворота одни были растворены] растворены и то потому только, что въезжала[что в это время въезжала] телега с грузом, накрытым рогожею. В другое время они, как казалось, запирались наглухо, потому что на них висел запор и железный огромный замок. Возле одного из хозяйственных строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала довольно сильно вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Он долго[Вместо “В другое ~ долго”: В другое время ~ Чичиков долго (ЛБ1, стр. 305–306).] не мог разоб- рать, какого роду была эта фигура: баба[не мог разобрать, была ли это баба] или мужик. На ней было платье самое неопределенное. Отчасти оно было похоже[На ней было ~ весь- ма похожее (ЛБ1, стр. 306).] на женской капот, на голове колпак, какой носят[колпак такой точно, как носят] деревенские дворовые бабы. Только голос ему показался несколько сип- лым. [несколько толстым] “Ой, баба!” произ- нес он про себя, всё еще сомневаясь. “Ой, нет!” — “Баба, то-то баба!” наконец сказал[“Да, баба, то-то баба!” сказал] он, рассмотревши

поближе. Фигура с своей стороны остановилась тоже глядя на него. Казалось, гость для нее был в диковинку, потому что она рассмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная от хвоста до морды... По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными[а. Как в тексте; б. довольно сильными; в. Как в тексте.] словами, Чичиков заключил, что это должна быть ключница.

“Послушай, матушка”, сказал он, выходя из брички: “что барин?..”

“Нет дома”, прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: “а что вам угодно?”

“Есть дело”.

“Идите в комнату”, сказала ключница и показала ему спину, запачканную мукою, а пониже ее большую прореху в своем капоте.

Он вступил в темные[а. в просторные] ши-

рокие сени, от которых пахнуло холодом как из погреба. Свет проходил узенькою тонкою струйкой сквозь ставни, закрывавшие два окна, обращенные на крыльцо. Слабое сиянье[а. Слабое освещение] этого бедного света давало заметить наваленные кучи какого-то хлама, что заставило его идти осторожно. Из сеней он прошел в узенькую переднюю, которая была тоже темна, [а. Далее начато: и с заставленными окнами [но свет] в конце ее был] также имела окна, закрытые ставнями, и также слабо освещалась светом, выходявшим из под порога дверей соседственной комнаты, ибо дверь была коротка и внизу образовалась большая дыра. Взошедши, наконец, в эту соседнюю комнату, откуда исходил свет и которую поэтому можно было назвать единственным[а. Взошедши в комнату, откуда исходил свет и которая может быть поэтому была единственным] светильником всего дома, он был странно поражен необыкновенным открывшимся ему зрелищем. Ему показалось, что он пришел на аукцион или в магазин каких-нибудь старинных вещей и мебели, всегда странно поражающ<ий> взоры сво-

ею [Вместо “всегда ~ своею”: а. так странно иногда поражающем взоры прохожего своею] темною наружностью, беспорядком среди [блестящих] светлых, сияющих чистотою и убранством магазинов. [Казалось как будто бы] Всё было в этой комнате скорее нагромождено, чем расставлено, казалось как будто бы во всем доме происходило или мытье полов или [поправка] перекраска стен и сюда снесли на время, как попало, все мебели. У стены стоял стол, перед которым стоял другой стол; на том и на другом столе были бронзовые часы, почти одинаких форм с остановившимися маятниками, к которым уже давно пауки приладили свои паутины [соединивши их таким образом с столбиками треугольниками в роде кренов <?>]. Против дверей было бюро темного дерева, выложенное перламутровой мозаикой, которая во многих местах выпала, и наместо ее остались одни только узенькие желобки свежего дерева, [залитые] наполненные клеем. На бюро лежало несколько узеньких записочек и бумажных лоскутков, исписанных очень часто, и накрытых пожелтевшим каменным прессом с

таким же яичком, [на верху щеты, одни, казалось, бывшие в употреблении] колокольчик с отломанной ручкой и щеты. Возле бюро, не сделавши никакого простенка, стоял шкаф со стеклами, за которыми были видны потемневшие серебряные стаканы и старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики и вместе с ними связки и кипы каких-то бумаг, по-видимому облитых когда-то кофеем, китайские[а. бумаг очень пожелтевших и китайские] фарфоровые чашки, отломленная ручка от кресел, молитвенник и лимон, высохший до такой степени, что казался похожим более на лесной орех, чем на лимон. Шкаф этот почти захватывал третью часть окна, на окне валялось[а. на котором валялось] тоже несколько книг в старом кожаном переплете с красным обрезом и календарь в бумажной обертке, похожей на те бумажные обои, которыми обклеивается на станциях перегородка, назначенная для скртия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих. Тут же на окне стояла рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежали небольшой кусочек

сургучика, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою [вероятно] хозяин может быть ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов. В комнате не мало было стульев и кресел, по<крытых?> холстяными некогда белыми, но потом сделавшимися почти табачного цвета [Фраза не закончена. Автором оставлено место для одного <?> слова] В углу комнаты в узком длинном футляре [часто] видны были тоже остановившиеся <часы>; ибо нигде не был слышен стук маятника. Наконец, несколько картин, без толку и довольно тесно повешенных на стене, длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла в рамках красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам, и рядом с ним огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, с цветами, фруктами, разрезанным арбузом, кабаньей мордой и висевшей вниз уткой. Среди комнаты висела люстра в хол-

стяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. Наконец, в углу комнаты заметил Чичиков нагроможденную кучу, но чего — трудно было решить, ибо пыли[а. потому что пыли] на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося [к ней] становились похожими на перчатки. Можно было заметить [только] впрочем торчавший угол какой-то рамы, вероятно сломленной, что-то похожее на большую вазу, старую подошву от сапога и даже отломленный кусок деревянной лопаты. Лежавший на столе старый очень поношенный и полинялый колпак показывал, что в этой комнате обитало живое существо. Пока Чичиков рассматривал с некоторым видом удивления всё убранство этой комнаты, отворилась [Вместо “Он вступил ~ отворилась”: Герой наш вступил ~ отворилась (ЛБ1, стр. 306–307); а. Начато: Герой наш вступил в нее и наклонился довольно крепко лбом о какой-то острый угол] боковая дверь и вошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но здесь заметил он, [Но здесь герой наш заметил] что это скорее был ключник, чем ключ-

ница, ибо ключницы, как известно, бороды не бреют, [ключница бороды не бреет] а этот, напротив, брил и при том [как казалось] довольно редко, потому что подбородок и вся нижняя часть щеки были очень похожи на густую скребницу из железной проволоки, которою чистят на конюшнях лошадей. [подбородок ~ сапожную щетку (ЛБ1, стр. 307). Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпением, что хочет сказать ему этот ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет сказать ему Чичиков. [ожидал речи от Чичикова] Наконец, последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить: [наконец приезжий ~ такими словами (ЛБ1, стр. 308).]

“Что ж барин? У себя, что ли?”

“Здесь хозяин”, сказал ключник.

“Где же?” повторил Чичиков.

“Что, батюшка, слепы-то, что ли?” сказал ключник: “Эхва! А ведь хозяин-то я”.

Здесь герой наш по неволе [Чичиков поневоле] отступил несколько назад и поглядел на него пристально. Ему случилось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидеть, [видеть не мало всяких молодцов] но этакое он никогда еще не видывал. В лице его, конечно, ничего не было особенного: оно было как [обыкновенно] бывает у всех почти стариков; один подбородок только выступал слишком далеко вперед, так что нужно было поминутно закрывать его платком, чтобы не заплевать. А прочее всё было решительно так же: рот с тонкими, цепко сжатыми [а. крепко сжатыми] губами несколько провалился в середину, ибо извнутри нечем было подпереть его: оба ряда зубов, верхний и нижний, давно [Далее зачеркнуто: может быть то даже было неблагоприятной наружности] убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу и то очень плохому. Какой-то беспокойный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах: они бегали из-под высоко выросших бровей,

как мыши, когда, высунув из темных нор [свои] остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они нюхают[Вместо “В лице его ~ они нюхают”]: Лицо его имело ~ и нюхают (ЛБ1, стр. 308).] подозрительно самый воздух. [Далее было: Глаза этого хозяина ~ дергало (ЛБ1, стр. 308).] Но замечательнее всего был костюм его: [Замечательнее был его костюм] можно было, конечно, догадываться, что на нем был халат, но из чего состряпан был халат, этого уже нельзя было догадаться: [но из чего ~ загадка (ЛБ1, стр. 308).] еще на спине и [на] боках видны были кое-какие приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты на груди и полы до того замаслились и залоснились, что походили на юхту, из которой шьют матросам сапоги, [притом] да и весь халат имел такое странное устройство, что сзади было не две полы, а четыре, откуда охлопьями лезла[отвороты и передние полы, ~ висела (ЛБ1, стр. 308–309).] хлопчатая бумага, сделавшаяся от пыли и времени серою. На шее у него повязано было что-то такое, которого тоже нельзя было разобрать: [Вместо “На шее ~ разобрать”]: Правый рукав ~ был навязан (ЛБ1,

стр. 309); а. Правый рукав без всяких дальнейших рассмотрений был просто заплата лоскутом для крепости, а что у него навязано было на шее, того уж никак нельзя было разобрать:] чулок ли, подвязка [чулок ли или подвязка] или набрюшник, только никак не галстух. Одним словом, если бы Чичиков встретил его, так приодетого, где-нибудь возле церкви, то, вероятно, дал бы ему медный грош, потому что, к чести нашего героя, нужно заметить, что сердце у него было устроено сострадательно, и он никак не мог отказать подать бедному человеку медный грош. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик, [если бы Чичиков ~ это был помещик (ЛБ1, стр. 309): а. если бы Чичиков встретил его в таком костюме где-нибудь возле ~ нужно заметить, что он был очень сострадательный и никогда не отказывался подать бедному человеку медный грош.] да и какой помещик, владетель 800 душ крестьян. Попробовал бы кто поискать, где <у> помещиков в округности было столько хлеба, сена и муки? у кого кладовые были так набиты сукнами, шерстью, пенькою, [Попробовал бы чи-

татель поискать у кого из помещиков ~ кладовые были больше набиты пенькою] холстом, медом и всеми домашними произведениями. Заглянул бы кто-нибудь [Если бы кто заглянул] в его рабочий двор, где под крытыми сараями лежали целые сотни колес, бочек, ведер, которые были сделаны только на запас и никогда не употреблялись, ему бы показалось, что он пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плющихи до Смоленского рынка, всё [завалено и] занято торгом деревянной посуды, навезенной мужиками [из] окружных деревень, где крашенное и некрашенное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста, и еще долго выказывается потом урывками по всей дороге до заставы, желтея [Далее начато: а. свежее <крашенною?>; б. некрашенною] издали между мужичьими зимними шапками, сухопарыми и бородатыми кляченками, пока наконец совершенно не кончится город и не покажется одна [необъятная] снежная равнина, [а. Начато: снежная равнина, сверкая тонкими блестками под хладно блистающим солнцем, вся покрытая

скрыпущими обозами, между которыми как легкий дымок струится по морозному воздуху [дыхание] пар из уст [мужиков] бредущих [между ними] мужиков и тихо плетущихся лошадок; б. снежная равнина, вся сверкающая тонкими блестками пред хладно блистающим солнцем, вся во весь свой широкий поперек перерезанная; в. снежная равнина, вся сверкающая в тонких искрах, вся во весь поперек перерезанная] вся сверкающая в тонких искрах, перерезанная скрыпучей цепью обозов, то нагоняющей, то отстающей [и между ними, как легкий дымок, только вспыхивает и струится по морозному воздуху теплый пар, несущийся из уст бредущих мужиков и шажком плетущихся лошадок] и мужички подбегают, похлопывая рукавицами за <1 нрзб.> своими телегами, поспешая <?> изредка кричать <?> на лошадеенок [посылая пар дыхания]. Как тонкий дымок, струится пар дыхания их в морозном воздухе, а в голове их грезится расчет, почем и как продать и где и в каком месте стать с своим деревом, приехавши на многолюдный московский рынок. [Вместо “в ту широкую ~ рынок”: на ярманку

или по крайней мере на рынок большого города.] Этих всех произведений стало бы слишком на пять таких имений, какое было Плюшкина, но человека трудно чем-нибудь накормить. Не довольствуясь этим, Плюшкин ходил каждый день по улицам своей деревни, [тщательно] заглядывал под мостики, под перекладины, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, всё это он тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. “Вон уж рыболов пошел на охоту!” говорил мужик, когда завидывал его, идущего на добычу. В самом деле, это был самый деятельный полицмейстер на деревне и после него решительно уже незачем было мечь улицы. Какой-то проезжий офицер потерял шпору, [решительно уже ничего не оставалось на улицах. Незачем было и мечь их. Какой-то офицер, Изюмского гусарского полка что ли, потерял на дороге шпору,] шпора эта отправилась в известную кучу. Если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, оставляла ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, если приметивший мужик тут же уличал его,

он не спорил и отдавал похищенную вещь. Но чуть только [Но когда уже] эта вещь попала в кучу, он божился, что она его, куплена им тогда-то, у того-то, или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола всё, что ни видел: сургучик, лоскуточек бумаги, перышко, и всё это клал или на бюро или на окошко.

А ведь было время, когда он был только бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валаляльни, [прядильные] суконная фабрика, столлярные станки, прядильни. Везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но покойно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Никакие слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностью и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно слушать его. [“Все текло ~ слушать его” вписано.] Приветливая и говорливая хозяйка сла-

вилась хлебосольством; на встречу выходили две милovidные дочки, обе белокурые, свежие, как розы, вбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая на то внимания, рад ли или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: почти к каждому обеду приносил уток или тетерек, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что никто больше в целом доме ее не ел. На антресолях тоже жила его компатриотка наставница двух девиц, которая, впрочем, несколько странно была устроена: была совершенно ровная снизу доверху, без всякой талии. Таких француженок нет во Франции. По крайней мере, мне не случилось видеть. За обед не садилось меньше десяти человек, и почти столько же подавалось блюд. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке; нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними и мелких забот[и маленькие заботы] перешли к

нему. Плюшкин стал беспокойнее и как все вдовцы подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штаб-ротмистром какого-то бог весть кавалерийского полка [с штаб-ротмистром кононерского полка] и перевенчалась с ним где-то наскоро, в какой-то деревенской церкви, ибо Александра Степановна знала, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, [что] будто бы военные должны быть картежники или мотишки. Отец послал ей [Папенька послал ей] на дорогу проклятие и уже не заботился о ней больше. В доме стало еще пуще. Во владельце [его] стала заметнее обнаруживаться скупость, сверкнувшая в жестких волосах его седина — верная подруга ее, [верная ее подруга] — помогала ей еще более развиться. Учитель француз был отпущен, потому что сыну пора была на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны. Сын, будучи отправлен в губернский город в Палату, с тем, чтобы там узнать

существенную и дельную службу, вместо этого определился в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося у него денег на обмундировку. Весьма естественно, что он получил на это то, что называют в простонародии: шиш. [Очень естественно, что он получил на это шиш.] Наконец, последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла. Старик остался совершенно один, сторожем, хранителем и владельцем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем больше пожирает, тем становится ненасытнее. Человеческие чувства, которые и без того не были в нем очень крупны, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь да утрачивалось в этой изношенной развалине. Случись же, что под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, к нему дошел слух, что сын его проигрался в карты. Он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался, существует ли он на свете или нет. С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец, осталось только двое, из которых од-

но, как уже видел читатель, было заклеено бумагою. С каждым годом уходили из вида его более и более главные части хозяйства, и мелкий взгляд обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате. Неуступчивее становился он к покупателям, которые приезжали забирать у него летом хозяйственные произведения. Покупщики торговались, торговались, а наконец, бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек. Сено и хлеб гнили, на скирдах и копнах можно было смело разводить капусту, потому что это был чистый навоз. Мука в подвалах обратилась в камень, и ее нужно было рубить, к пеньке, холсту, коврам, сукнам, которыми были нагружены его кладовые, страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкапе графинчик с остатком какого-нибудь ликерчика, на котором он сам сделал наметку, дабы никто воровским образом не выпил его, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве [графинчик с остатком ~ В хозяйстве (ЛБ1, стр. 312).]

доход собирался всё по-прежнему: столько же оброку должен был принести мужик, такое же количество ниток должна была напрядь баба, столько же полотна наткать ткачиха. Всё это сваливалось в кладовые и гнило. Всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился в какую-то прореху на человечестве. [Вместо “сваливалось ~ на человечестве”: помещалось прежним ~ за меньшую цену (ЛБ1, стр. 312).] Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком, пытаюсь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно походная жизнь с штаб-ротмистром [казалось] не была так привлекательна, как рисовалось до свадьбы. [Вместо “видно ~ свадьбы”: потому что ~ для жены (ЛБ1, стр. 312–313).] Плюшкин, однако ж, ее простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но дочери ничего не дал. В другой раз Александра Степановна приехала уже с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть было не только совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обоих внучков и, по-

садивши их к себе одного на одно колено, а другого на другое, покачал их таким образом, как будто бы они ехали на лошадях, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал. С тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! Должно, однако ж, сказать, что такие кашеи попадаются редко на Руси, где всё любит скорее развернуться, чем съежиться, и появление их тем бывает изумительнее, что тут же в соседстве очутится помещик, который черпает жизнь широкой чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселится во всю ширину русской удали и барства. Небывалый проезжий остановится, пораженный видом его жилища, и на губах его невольно пошевелится вопрос: “Какой владетельный принц очутился здесь почти волшебным образом среди маленьких и темных и почти разорившихся владельцев? Дворцами глядят его белые, каменные дома с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные целым городом флигелей и домиков для проезжих гостей,

[для проезжающих] соединенные великолепными аллеями тополей. Легкий непрерывный стук по укатанным дорогам приезжающих экипажей возвещает вечный, незаходимый праздник, с театрами, балами, сияет всю ночь освещенный площадками сад, и громы музыки оглашают [во всех концах] до зари безвременно пробужденную рощу. Толпы гуляющих мужчин, дам и девиц со всей сверкающей пестротой и роскошью [своих] убранств мелькают [группами и толпами] в сильном свете и быстро [переходящих] движущихся тенях, как ребенок радуясь, [тому] что прогнана так волшебю темная ночь. Речи, крики и радостный хохот несутся по саду и только тому, кто младенческой душой любит девственную чистоту природы и дрожит за ее нежные тайны, тому одному является что-то дикое в сем насильственном освещении: театрально выскакивает пред ним освещенная ветвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнее, суше и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо, и угрюмее облакаются в непробудный плащ мрака вершины дерев, негодующих в вышине на сей мишурный

блеск, осветивший снизу их корни.

Чичиков долго не мог начать разговора, развлеченный как видом самого хозяина, так и всего того, что видел вокруг себя. Долго не мог он сообразить, как и в каких словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышавшись о добродетели и редких свойствах души его, он почел долгом принести лично дань уважения, впрочем спохватился и почувствовал, что это уж слишком. Искося бросивши взгляд на всё, что находилось в комнате, ему взбрело на мысль, что слово добродетель и редкие свойства души можно с успехом заменить словами экономия и порядок, и потому, оборотивши таким образом речь, он выразил, что, наслышавшись об экономии его и редком управлении [хозяйством] именьями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, можно было и лучше выразиться и приискать даже иную причину, но ничего другого не взбрело в то время на ум. [Вместо “Должно, однако же ~ на ум”: Должно однако ж сказать,

~ мое почтение лично (ЛБ1, стр. 313).

а. Наброски на отдельном листе, вшитом в ПБЛЗ:

I. Должно однако ж признаться, что такие кашеи редко [яв<ляются>] встречаются на Руси, где [как известно, напротив всё любит развернуться пошире] все любят скорее развернуться, чем съежиться, и появление его тем более бывает изумительно, что тут же в соседстве может быть даже [под боком очутится] помещик, который черпает жизнь [такой широкой чашею] полной чашей сколько захватит рука, как и не снилось никому, и весь тонет в царском блеске. [Глядит] Дворцами глядят его белокаменные дома с бесчисленными флигелями и домами для приезжающих гостей. [То преогромный театр и труппа из своих собственных крепостных людей] античными портиками из своих собственных ведущими аллеями тополей. Театр, труппа крепостных людей Раздается гром стук от уезжающих и от приезжающих экипажей [музыка] Оркестр, балы и освещенные площадками и

фонарями деревья, под которыми при раздающихся отдаленных [аккордах] музыкальных звуках [гуляют и только что-то дикое является в этом освещении того, что осудила ночь на [сильнейший] величественный мрак] и раздается беспечная веселость, звонкий смех и довольные речи, тогда как что-то дикое и видится <?> в этом освещении театрально. Дальше текст обрывается. И только тот, [чье нежное сердце дрожит за] кто дрожит за тайные красы, за сокровенные тайны красы, только видит что-то дикое в этом безвре<менном> насильственном ее пробуждении. Когда всю обняли <?> между Дальше текст обрывается.

II. Сияет освещенный площадками сад. Громы му<зыки> Музыка [и гуляющие группы наезжих гостей веселятся] оглашает во всех концах, пробуждает и [мелькают и блещут <2 нрзб.> [и в быстро мелькающих] радуется <1 нрзб.> [как прогнана] [выгнана] изгнана темная ночь. [Смех] Речи, крики и радостный хохот...И только тому, кто любит [чудную чистоту] младенческой душой [чистоту] дивную

<?> природы и дрожит за нежные ее тайны, тому одному является только что-то дикое в этом [искусственном] насильственно-искусственном освещении; театрально выскакивает перед ним освещенная ветвь, лишенная своей яркой не]

III. Дворцом глядит его белый каменный дом с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженный целым городом флигелей и домиков для приезжающих, великолепными [рядами] аллеями тополей. Бесперывно по укатанным дорогам приезжающих экипажей всё возвещает незаходимый праздник. Украшенные живыми картинами балы, театрами крепостных, плоски [Всю ночь сияет сияние]

IV. песнь и пропекает, как говорится, жизнь, кутит и заливается во всю ширину своей удали. Небывалый проезжий в изумлении остановится, пораженный видом его обители, и невольно движется на губах его вопрос: “кто владетельный принц и [роскошный] владетель цветущей обители, о которой

он нигде не слышал вокруг, очутился почти волшебным с своим очарованием

V. [Это] что-то дикое является мне в этом, когда фонари и огни мелькают внизу между померкшими, облеченными ночью тенью деревьями, и театрально выскакивает освещенная ветвь, лишенная своей яркой жизни, а вверху [зато] темнее [и], суровее и в двадцать раз грознее является чрез это ночное небо и угрюмо [нахлобучиваются] облакается мраком в непробудимый в вершины освещенных дерев, темных, как уголь, как бы сурово негодующих с вышины на [этот] сей мишурный блеск, осветивший внизу их корни.

VI. Чичиков остановился [и долго не мог придумать], удивленный невольно как фигурой самого хозяина, так всем, что окружало; даже не мог сообразить и придумать, как [начать ему речь] и в каких словах начать речь и как изъяснить причину своего приезда. Он сначала хотел [начать] выразиться почти в таком духе, что, наслышавшись о его добродетели и редких свойствах души, он почел дол-

гом принести свою дань уважения. Да скоро
впрочем спохватился и почувствовал, что это
уж точно слишком. [Взглянувши еще раз на
комнату, еще раз на всё, что было] Бросивши
искоси взгляд на всё, что было в комнате, ему
пришло в ум, что слово редкие качества души
и добродетель можно с успехом заменить сло-
вом экономия и потому [он сказал] он тот же
час, давши речи другое значение, сказал, что,
наслышавшись об его экономии и об хоро-
шем управлении [разным] хозяйством, он по-
чел за долг познакомиться и принести лично
свое почтение. Конечно, [он почувствовал,
что] можно бы несколько иначе и отчасти
лучше выразиться — это он чувствовал и
сам, — но нечего делать: ничего другого под
ту пору не подвернулось на ум. Приписано:
Конечно, он чувствовал, что, подумавши,
можно бы [сказать] выразить еще лучше и
ближе, но слава богу, что и то подвернулось
на язык.]

На это Плюшкин пробормотал что-то
сквозь губы, [потому что зубов у него не бы-
ло] ибо зубов не было, — чту такое именно

пробормотал он, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: “А побрал бы тебя чорт[Вместо “что такое ~ чорт”: Неизвестно, что ~ “Чорт бы побрал тебя (ЛБ1, стр. 313–314).] с твоим почтением!” Но так как гостеприимство у нас в такой сильной степени, что даже и скряга не в состоянии преступить его законов, то он прибавил тут же гораздо внятнее: “Прошу покорнейше садиться!”

“Я давненько не вижу гостей”, сказал он: “да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай[Уж такой неприличный обычай] ездить друг к другу, а в хозяйстве упущения...] в хозяйстве-то упущения, да упущения...] да и лошадей[-то] их корми сеном... Я давно уже пообедал, а кухня у меня такая прескверная: начнешь топить, еще пожару наделаешь”.[а кухня ~ пожару наделаешь” (ЛБ1, стр. 314).]

“Еге”,[“Эх”] подумал про себя Чичиков: “хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку”.[хорошо, что я приехал пообедав]

“И такой скверный анекдот: что сена хоть бы клочок в целом хозяйстве!” продолжал Плюшкин. “Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка[-то] маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает как бы в кабак... Того и гляди, пойдешь на старости лет по миру”. [Того смотри, что на старости лет придется взвалить суму на плечи, да и пошел по миру.]

“Мне однако ж сказывали”, произнес Чичиков: “что у вас 800 душ”.

“А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал; он пересмешник, хотел пошутить над вами! Вот бают 800 душ, а поди-тка сосчитай — а и ничего не начтешь. [сосчитай — и пятисот не найдешь; а. сосчитай и пятисот не начтешь] В последние три года проклятая [-то] горячка выморила [горячка переморила] у меня большой куш мужиков”.

“Скажите! И не на шутку выморила?” вскрикнул Чичиков, почувствовав при этом

небольшое сердечное движение. [Вместо “Скажите ~ движение”: “Что вы говорите”, ~ довольно народу? (ЛБ1, стр. 314); а. “И точно, много у вас умерло мужиков?” почти вскрикнул Чичиков, потому что в самом деле даже почувствовал небольшое сердечное биение от радости.]

“Да, снесли многих”.

“А позвольте узнать, сколько числом?”

“Душ восемьдесят!”

“Нет?”

“Не стану лгать, батюшка”.

“Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?”

“Это бы еще слава богу!” сказал Плюшкин; “да лих-то, что с того[-то] времени до 120 наберется”.

“Вправду? Целых сто двадцать?” воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления. [Вместо “В правду ~ изумления”: а. “В правду?”; б. “В правду 120?”; в. “Вправду? целых сто двадцать?” [сказал] воскликнул Чичиков и чуть не засмеялся от сердечного удовольствия”.]

“Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу”, сказал Плюшкин, как казалось, обидевшийся таким довольно живым восклицанием. Чичиков заметил, что с его стороны, в самом деле, неприлично такое безучастье к чужому горю, и потому скоро поправил всё дело, вздохнувши и изъявивши свое душевное соболезнованье. [Вместо “сказал Плюшкин ~ соболезнованье”: “Какое однако ж ~ о вас соболезную” (ЛБ1, стр. 315).]

“Да [Но] ведь соболезнования[-то] в карман не положишь”, сказал Плюшкин: “Вот возле меня капитан, говорит, родственник: [а родственник, — на том же солнце онучки сушились]. “Дядюшка, дядюшка”, и в руку целует, а

как начнет соболезнавать — вой такой подымет... В лице весь красный: пеннику-то чай придерживается на смерть. [пеннику-то придерживается сильно] Служивши в офицерах, спустил, верно, в картишки, да театральная комедиантка выманила, так вот он теперь и соболезнует”.

Чичиков отвечал на это, что его соболезнавание совсем не такого рода, что он не пустыми словами, а самим делом [чувствует готовность] готов доказать его и берется даже сам взносить подати за всех [тех] крестьян, умерших такими несчастными случаями. Это, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и, наконец, спросил: [Вместо “не положишь ~ спросил”: Возле меня ~ великодушие (ЛБ1, стр. 315). [“Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?”][Далее было: спросил он наконец]

Но Чичиков отвечал, что служил[Вместо “Но Чичиков ~ служил”: “Нет”, отвечал Чичиков: “я служил] по штатской.

“По штатской...” повторил Плюшкин и стал шевелить ртом так, как будто бы что-нибудь кушал: [“и стал ~ кушал” вписано.] “да ведь как же...Ведь это вам-то самим в убыток”.

Но Чичиков отвечал, что для удовольствия его он готов и на убыток. [Вместо “Но Чичиков ~ убыток”: “Для удовольствия вашего я готов потерпеть”, отвечал Чичиков.]

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!” вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что из носа у него весьма некартинно выглянул табак в виде густого кофейя и полы халата, раскрывшись, показали тоже не весьма приличное для рассматриванья платье. “Вот утешили старика! Ах! Господи! Ах, ах!” Далее Плюшкин и говорить не мог [от радости]. Но не прошло минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, также мгновенно и пропала [вмиг], как не бывала, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утерся платком и, свер-

нувши его в комок, стал очень долго возить им по верхней губе.

“Да ведь на всё это издержки”, сказал он: “и купчую нужно... [Вместо “что из носа ~ купчую нужно”: что из носа ~ совершить купчую (ЛБ1, стр. 315–316).] Приказные такие бессовестные... Прежде бывало полтиной меди отделаешься, [Прежде бывало дашь полтину меди или мешок муки] а теперь пошлешь целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь: [подводу круп и овса, да еще синей бумажкой не отделаешься] такое сребролюбие. Я не знаю, [батюшка] как священники-то [наши] не обращают на это [никакого] внимания; сказал бы какое-нибудь поучение. [сказал бы проповедь в церкви, может быть покалялись.] Ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь!!”

“Ну, ты, я думаю, устоишь”, подумал про себя Чичиков и сказал, что из уважения к нему он готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Услыша, что даже издержки по купчей Чичиков принимает на себя, Плюшкин заключил, что он совсем глуп и прикидывается, [Вместо “Ну, ты, я думаю ~ прикидывается”: “Чтобы доказать ~ прикидывается (ЛБ1, стр. 316).] будто служил по штатской, а верно, был в офицерах, [по штатской службе, но, верно, был в офицерах, задавал пирушки] волочился за комедиантками. При всем том он не мог скрыть своей радости. Он пожелал Чичикову всяких утешений, а также и деткам, не спросивши, были ли они у него или нет, и, подошедши к окну, постучал пальцами в стекла и закричал: “Прошка!” [Вместо “Он пожелал ~ закричал “Прошка”: “Бог вас, батюшка, утешит ~ постучал в стекло пальцами (ЛБ1, стр. 316).] Через минуту было слышно, что кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами. Наконец, дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет 13-ти, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул [чуть не вынул] из них ноги своей. Отчего у Прошки были такие большие сапоги, читатель узнает это сию минуту. У Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были

одни только сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях. Всякой призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал чрез весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул на это из окошка в осеннее время, и особенно, когда по утрам начинаются маленькие изморози, то он бы увидел, что вся дворня делала такие [Вместо “Если бы кто ~ такие”: Весьма любопытно ~ делала такие (ЛБ1, стр. 317).] высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделывать самому бойкому балетному танцовщику.

“Вот, посмотрите, батюшка, какая рожа”, сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки: “Глуп, ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет. Ну, чего ты пришел, дурак? скажи, чего?” Здесь Плюшкин сделал паузу, на которую Прошка отвечал тоже молчанием. После этого Плюшкин прибавил: “Поставь самовар,

слышь! да вот возьми ключ, да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую... там на полке есть сухарь от кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подала его к чаю... Постой, куда же ты! Дурачина!.. Эхва, дурачина!.. Бес у тебя в ногах что ли чешется!.. Ты выслушай прежде: сухарь-то [я] чай сверху испортился, [сверху немного испортился] так пусть соскоблит его ножом, да крох не бросает, а снесет в курятник.

Да смотри, не входи ты в кладовую, не то я тебя, знаешь [не то я тебя вспрысну, да и Дальше текст обрывается; в рукописи сохранился только верхний угол оборванного листа с обрывками фраз.]

и капитана, приписывающегося ему в родню. [и капитана, который приписывался к нему в родственники.] Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресло и уже, казалось, больше не мог найти материи о чем говорить. “А что? вы собираетесь ехать?” сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кар-

мана платок. [платок и высморкаться.]

Этот вопрос напомнил ему, [напомнил Чичикову] что, в самом деле, не зачем более [в самом деле ему не зачем было более] оставаться. “Да, мне пора”, произнес он, взявши<сь> за шляпу.

“А чайку?”

“Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время”. [“А чайку-то?” “Покорнейше благодарю. Пусть когда-нибудь в другой раз”.]

“Как же! А я приказал самовар. [приказал-то поставить самовар] Я, признаться сказать, сам не пью чаю. Напиток дорогой, цена на сахар поднялась немилосердная. Эй, Прощка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышь, пусть опять его положит на то же место, или нет, подай его сюда: я уже отнесу сам. Прощайте, батюшка. Да благословит вас бог, а письмо-то председателю вы отдайте. Да, пусть прочтет. Он мой старый знакомый. Как же. Были с ним однокорытниками”. [а. старый

знакомый. Ведь мы с ним однокорытниками были, по заборам лазили... Прощайте, батюшка! Век не забуду вашей услуги: порадовали старика”.]

За сим это странное явление, этот съезжившийся старичишка проводил его, [Вместо “За сим ~ его”: Он проводил ~ за ворота (ЛБ1, стр. 326). а. Начато: [Сказавши] За сим это странное явление, этот старикашка, так неожиданно и нечаянно появившийся среди разгульной [Руси] и живой Руси] после чего велел ворота тот же час запереть; потом обошел кладовые с тем, чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, хлопая деревянными лопатками в пустой боченок, наместо чугуновой[вместо чугуновой] доски; после того заглянул в кухню, где, под видом того, чтобы попробовать, хорошо ли едят его люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбравивши всех до последнего за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. [Здесь] Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое в самом деле беспример-

ное великодушие. “Я ему подарю”, подумал он про себя: “карманные часы. Они ведь хорошие, серебряные, а не какие-нибудь томпаковые или бронзовые. Немножко поиспорчены, да ведь он себе поправит. [Вместо “немножко ~ поправит”]: Правда, немножко попорчены и без стекла, но он ужо их себе поправит.] Он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте. Или нет”, прибавил он после некоторого размышления: “лучше оставлю я их ему после моей смерти, в духовной-то, чтобы вспоминал обо мне”.

Но герой наш и без часов был в самом веселом расположении. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок. В самом деле, что ни говори, не только мертвые души, но еще и беглые — и всего двести с лишком человек [и это превзошло всякие ожидания]. Он, конечно, ожидал, что от Плюшкина будет добрая пожива, но одна<ко ж> [Вместо “такое неожиданное ~ но одна<ко ж>”]: Покупка ему показалась так выгодною, что он чуть не смеялся, хотя перед ним были только поля да до-

роги, в которых, как известно, ничего нет смешного. Даже неприятное свидание с Ноздревым и отчасти жидовский поступок Собакевича вышли у него из памяти. Конец фразы в копии от слова Ноздревым очевидно ошибочно остался незачеркнутым. Вписанный взамен этого текст остался незаконченным, обрывается на слове: одна<ко ж>[

Он всю почти дорогу свистал и наигрывал губами совершенно так, как будто бы играл на трубе. Наконец, затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и, наконец, сказал сам себе, покрутивши слегка головою: “Ишь ты, как барин поет!” Были уже густые сумерки, когда они подъехали к городу. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет. Усы стоявшего на часах солдата казались на лбу, гораздо выше глаз, а носа как будто вовсе не было. Гром и прыжки дали Чичикову заметить, что он въехал на мостовую. Фонари еще не зажигались, только кое-где начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках происходили сцены и разго-

воры, неразлучные с этим временем во всех городах, где много солдат, извозчиков, работников и особого рода существ в виде дам в красных платках и башмаках без чулков, которые, как летучие мыши, шныряют по перекресткам. Чичикову было не до того, чтоб рассматривать эти группы. Он даже не замечал по временам попадавшихся тоненьких чиновников с тросточками, которые, вероятно, сделавши прогулку за городом, возвращались домой к своим хозяйкам, у которых имели квартиру со столом. Изредка только доходили до слуха какие-то, как казалось, жалкие восклицания: “Врешь, пьяница, я никогда не позволила ему такого грубиянства” или: “Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу”. Впрочем, такие слова можно слушать и в столицах, когда доведет случай проходить мимо мест, в соседстве которых есть близко кабак.

Наконец, бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы, и Чичиков был встречен Петрушкою, который одною рукою придерживал по-

лу своего сертука, ибо не любил, чтобы [Далее начато: он расходился] расходились полы, а другою помогал ему вылезать из брички, и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка, по крайней мере, с Селифаном он перемигнулся и суровая обыкновенно его наружность на этот раз несколько как будто прояснилась.

“Долго изволили погулять”, сказал половой, освещая лестницу. [Вместо “Чичиков был встречен ~ лестницу”: трактирный слуга, ~ освещая дорогу (ЛБ1, стр. 327).]

“Да”, сказал Чичиков, когда вошел на лестницу: “Ну, а ты что?” [Вместо “Ну, а ты что?”: “А ты здоров?”]

“Слава богу”, отвечал половой, кланяясь. “Вчера приехал военный поручик, занял шестнадцатый номер”.

“Поручик?” [Вместо “кланяясь ~ Поручик?”:]

поклонившись за это ~ Хорошо.(ЛБ1, стр. 327–328).]

“Неизвестно какой-то из Рязани; гнедые лошади”. [лошади гнедые и на кучере бобровая шапка.]

“Хорошо, хорошо, веди себя и вперед хорошо”, сказал Чичиков и вошел в свою комнату. Проходя переднюю, он закрутил носом и сказал Петрушке: “Ты бы, по крайней мере, хоть окна отпер”.

“Да я их отпирал”, сказал Петрушка, да и соврал. Да, впрочем, и сам барин знал, что он врёт, но уж в таких случаях [не спорил] ничего не возражал. [Далее начато: Сделанная поездка давала однако ж сильно себя чувствовать бокам его.] После сделанной поездки Чичиков чувствовал сильную усталость. Потребовавши самый легкий ужин, состоявший только в поросенке и куске солонины, он разделся и, забравшись под одеяло, заснул чудным образом, как спят все те счастливыцы, у которых нет [Вместо “сказал Чичиков ~ у кото-

рых нет”: сказал Чичиков, вошедши в свой номер ~ не имеют (ЛБ1, стр. 328).] ни геморойд, ни блох, ни слишком больших умственных способностей.

ГЛАВА VII

[В начале зачеркнуто: Весело после томительной, длинной дороги, когда человек устал, и бока его натряслись и натолклись вдоволь, и нет мочи выносить более приятность дорожного путешествия, когда фигура его приняла самое жалкое положение и в глазах наворачиваются слезы, как после доброго приза русского табаку На этом текст обрывается.] Весело после томительной длинной дороги, когда человек устал, бока его насиделись и натолклись вдоволь и вся фигура его приняла жалкое положение какого-то мокрого, нахохлившегося петуха, с слезою на глазах и непостижимою лению сходить в карман за платком; после холодов, слякоти и всяких гадостей, после холодных скучных станций, обклеенных бумажными обоями, за которыми гуляют стада разных станционных животных, после пошлого вида всех возможных сортов станционных смотрителей, надоев-

ших нестерпимо, после оглушительных бряканий колокольчиков, перебранок, [колокольчиков, морозов] починок, мазания колес, ямщиков и кузнецов и всякого рода дорожных подлецов, [“и всякого ~ подлецов” вписано.] — весело, когда после всего этого мелькнет знакомая крыша, под вечер, при посеревшем воздухе, при засыпающей умильно окрестности, и знакомый двор, и знакомые люди, при них же неслась наша жизнь, и ужин, и комната та же, та, с теми же часами, картинами тем же диваном, и веселый шум, и беготня детей, и тихие успокоительные речи, и та же самая старая нянька идет навстречу, и та же самая старая собака, уже с закрывшимся одним глазом, всё еще махающая хвостом! — Счастье тому, кого ждет такая радость, кто семьянин и которого целию впереди — родная крыша. Горе холостяку!

Счастлив писатель, который после характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностию, приближается к явлениям и характерам, являющим высокое достоинство человека, к характерам,

на встречу которым летишь с любовью, как будто к давним знакомым, почти родным, которых душа когда-то, в младенческие годы, не ведая сама где, в каких местах, во время святых своих отлучений от тела, встретила на пути. Боже, как живительно-свежо и полно отрады это чувство! и какие слезы! какие освежающие слезы! А писателю между тем слава. Он зажег энтузиазм, он заговорил прекрасными речами, он скрыл печальное, и увлеченные к нему несутся молодые души, страстные и нежные, и его имя произносят с огнем в очах и признательностию. Он бог. Его цель верна двояко: и сердечное наслаждение многолюдных его читателей, и сердечное наслаждение собственное. Но не та судьба и другой удел писателя, посягнувшего обнажить до глубины ничтожное и презренное в жизни, всю потрясающую пламенное сердце, всю противную страшную мелочь жизни. Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга им взволнованных душ; к нему не полетит на встречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением.

А собственное, а душевное его состояние [А в душе его, а внутри, а его собственное состояние —] — увы, он не отдохнет сердцем в своем создании, он не уйдет в него от света и от того, чего желал бы бежать, он не услышит отрад самозабвения, [не услышит тех отрад прекрасного самозабвения] к которому так бы летела душа. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

А разве мне всегда весело бороться с ничтожным грузом мелких страстей, идти об руку с моими странными героями? [с моими ничтожными героями?] О, сколько раз хотел бы я ударить в возвышенные струны, увлечь гордо за собою поклонников и с торжеством приковать их к победной [приковать к победной] своей колеснице. Какой бы ясной чистотой девственного пламени хотела [Каким бы чистым пламенем хотела] вспыхнуть душа. Но, стой, говорит мне суровый, неумолимый голос, пред кем бледнеет человек. На прекрасную сторону людей бросятся быстрее; [На прекрасную сторону человека бросаются быстрее;] прекрасное увлекательно, и много грядущ-

щих юношей, объятые им, воспоют его. Но не много гордых душевными [гордых своими душевными] движениями решатся опуститься в глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь

.....[Многоточие в подлиннике.]

В наружу весь позор ее! всю тину ничтожных мелочей! Ими же заплеснел современный мир наш. Резче и сильнее углубляй резец свой, да ярко предстанет всё низкое в очи. Нерадостный современный ждет тебя: ничтожным и низким назовут тебя; участия не будет к тебе современников; презренный угол отведут тебе и твои создания поместят в самый последний слой литературы. [Вместо “В наружу ~ литературы”: Твой подвиг не менее почтен. Наружу весь позор ее! Весь мертвящий холод, весь запутанный мелочами мир. Оттолкни прочь раболепную просьбу, жажду людей самозабвения. Не окуривай головы; прочь желание лести человеческой гор-

дости. Нет нужды, что поразят тебя крики.

Вот определенный тебе путь. Тебя назовут низким, ничтожным; участия не будет к тебе современников; напротив, тебе отведут самый презренный угол и твои создания поместят в самый низкий слой литературы; а. Написанный карандашом между строк текст стерт, прочтению поддаются лишь отдельные слова; б. Твой подвиг не менее почтен. В наружу весь позор ее! Весь мертвящий, холодный запутанный мелочами мир ее. Резче и сильнее углубляй резец свой да предстанет она вся ярко Далее оставлено неисправленным.] Последний, нестройный, с несвязным лирическим увлечением талант станет перед тобою и заслонит тебя и будет он казаться гигантом, но не всё еще. [заслонит тебя, и он будет перед тобой гигантом] От тебя отнимут и душу, и сердце, и не всё еще. [и это еще не всё] Тебя поставят в ряд грязных, бесчувственных, оскорбляющих человечество писателей и уравняют тебя с ними и не всё еще. [и это еще не всё.] Все качества твоих героев придадут тебе самому, составят истории, и о тебе распу-

стят истории, и это еще не всё. Самый смех, который вдохновенно удалось возбудить тебе, обрушится же на тебя, самый смех будет твой обличитель, — что смешно — то мелко и ничтожно. У [толпы] людей одно только суровое да произнесенное важным голосом величаво. Они не признают никогда, что можно быть велику в изображении не великих явлений, что телескоп [Вместо “У людей ~ телескоп”]: Ибо людям не понять, что можно быть велику в малом, и телескоп; а. У людей ~ величаво. Ими не признано, что можно быть велику [в изображении мелких явлений] в ежедневно незамечаемых глазом явлениях, что телескоп], показывающий солнца, и микроскоп, передающий движения незамеченных [передающий все движения незаметных] насекомых, равно поразительны и чудны, что есть [глубокая] разница между высокой поэзией смеха и поясничеством балаганного кривляки. Не признают они этого и обратят всё в позор тебе. И весь позор сей понеся на плечи, ты иди, ибо громадно-необъятны дары неба: в сей толпе, которая шумит и волнуется ежедневно, может встретиться поэт, всевидец

и самодержавный владетель мира, проходящий незамеченным пилигримом по земле, чье увлажненное слезою орлиное око и пробужденные твоею страницей неожиданные чувства может быть отзовутся... И вот уже при одной мысли о том дрожь и священный холод объемлют тебя,... пенится и несется прочь оглушительный современный водоворот и, боже, как бледными становятся ежедневные [хвалы и] пляски. [Вместо “Не признают ~ пляски”]: Всё это в позор тебе, но ты иди по этой дороге, потому что велики дары неба! Два-три могут найтись в шумном омуте света величавые старцы в юношеском возрасте, которых устремленное орлиное око и восторженное чувство наполняют дрожью и священным трепетом твое сердце, которые заменят тебе крики толпы... а. Не признают они этого и обратят всё в позор тебе. И весь позор сей понеся на плечи, ибо громадны, необъятны дары неба ~ может встретиться поэт, царь и самодержавный обладатель мира ~ и пробужденные твоею незрелой страницей неожиданные чувства может быть отзовутся ответом тебе... И вот уже при одной

мысли о том дрожь и священный холод объ-
емлет тебя... пенится, уносится далеко от тебя
мир и едва слышные тощие отголоски еже-
дневных криков]

В дорогу! в дорогу![В дорогу! в дорогу
вновь.] В сторону грустные элегии! Прочь с
лица надвинувшаяся морщина и что-то похо-
жее на слезу! Окунемся разом в свет и жизнь
и посмотрим, что делает Чичиков.

Чичиков проснулся ни рано, ни поздно, а
как раз в пору. Проснувшись он крякнул, при-
жал несколько плеча к голове, потянул ноги
и усмехнулся, как человек, который чувству-
ет сам, что выспался и хорошо и вдоволь. На-
девши одни спальные сапоги и, набросив за-
тем на плеча халат, он подошел прямо к сво-
ей шкатулке и сначала перед нею потер руки
не без наслаждения, а потом отпер. Ему очень
хотелось посмотреть на свои приобретения.
Из-за этого желанья он даже позабыл погля-
деться в зеркало, что делал он всегда по-
сле[делал обыкновенно герой наш всякий раз
тотчас после] пробуждения от сна, ибо был

подобно весьма многим несколько неравнодушен [от сна, будучи измлада несколько неравнодушен] к своей физиогномии. В физиогномии же своей он находил [физиогномии. Кажется более всего он находил] привлекательного в своем подбородке, которым весьма часто хвалился [подбородке и часто хвалился им] пред кем-нибудь из приятелей, особливо если это было во время бритья. “Вот посмотри”, говорил он обыкновенно, глядя его рукою, “какой у меня подбородок, совершенно круглый”. Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом. В уме у него сидели мужики, ими была занята голова его. Он вынул со дна шкатулки бумаги, между которыми очень скоро отыскал [Далее начато: а. полученные записочки, содержавшие; б. исписанные листочки] листочки, исписанные именами [и беглых и несуществующих душ]. Когда разложил он их перед собою, когда взглянул на имена всех этих мужиков, которые точно были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть [кончили] и жили по правде, считаясь <?>, какое-то странное,

совершенно непонятное ему самому чувство обняло его. Каждая записочка как будто имела какой-то свой особенный характер и как будто самые мужики [Далее начато: имели] получили чрез то какой-то свой особенный [Фраза осталась незаконченной.] Мужики, принадлежавшие Коробочке, все почти были с придомками. Записка Плюшкина отличалась краткостью в слог. Часто были выставлены только одни начальные слоги имен и отчеств и две точки. Реестр Собакевича [Далее начато: отли<чался>] поражал необыкновенной полнотой и обстоятельностью. Ни одно из похвальных качеств мужика не было пропущено. Об одном [На этом текст рукописи прерывается. Вместо “Чичиков проснулся ~ Об одном”]: Очнувшись после весьма крепкого сна, герой наш довольно бодро вскочил с постели и первую мыслью его была сделанная покупка. Он не подошел даже к зеркалу и не подумал о своем туалете. Не мешает заметить, что герой наш очень любил свою физиономию, что, впрочем, водится за всяким и в чем натурально нет ничего удивительного, потому что своя рожа несравненно ближе,

чем всякая другая: ее можно и потрепать и пр. Он особенно восхищался своим подбородком и очень часто хвастался им кому-нибудь из своих приятелей, особливо, если это было во время бритья. “Вот посмотри”, говорил он обыкновенно, глядя его рукою, “какой у меня подбородок: совершенно круглый”. Но на этот раз он не взглянул на свой подбородок, ни даже не погладил его рукою, а прямо так, как встал в короткой рубашке и спальных сапогах, подошел к столу, на котором лежал дорожный портфель его. Вынувши из него бумаги, он сложил их в кучку перед собою и, удовлетворивши нос свой, как водится, с обоих подъездов призом довольно крепкого табаку, он принялся за них с чувством тайного удовольствия. Когда он разложил перед собою все эти бумажки и забранные им записки о числе душ, где были написаны подробно имена всех мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, то невозможно выразить, что почувствовал он в то время. Он почувствовал себя как бы отцом семейства, помещиком, хозяином, и занялся довольно су-

рьезно важностию своей обязанности. В уме его родились весьма неглупые солидные мысли и меры очень благоразумные. Но это заблуждение продолжалось весьма не долго: он вспомнил, что мужики были мертвые; а Чичиков проснулся с весьма приятною усмешкою, как человек, который чувствует сам, что хорошо и вдоволь выпался. Надевши спальные сапоги и не надевая еще халата, он подошел прямо к своей шкатулке и [потер приятно] перед нею потер приятно руки, а потом отпер. Ему очень хотелось посмотреть на свои приобретения. [Даже туалет был оставлен, который] Даже позабыто было посмотреть в зеркало. Тем более это было странно, что он вообще был равнодушен к своей наружности, что впрочем водится за всяким и в чем натурально нет ничего удивительного, потому что свое лицо несравненно ближе, чем всякое другое; его и потрепleshь, и пощипleshь, и пощупаешь, а с другим не всегда можно это сделать, и часто хвалился им пред кем-нибудь из своих приятелей и т. д. как в тексте.] “Что ж ты опять врешь”, говорит капитан-исправник, скрепивши речь свою кое-

каким крепким словцом. [говорит капитан-исправник, привинтивши кое-какое словцо; а. говорит капитан-исправник, наддавши тебе при сем <1 нрзб.> кое-какое крепкое словцо] — “Где же твой паспорт?” — “Он у меня был”, говоришь ты проворно: “да, статья может, видно, [да видно] как-нибудь дорогой пообронил его”. — “А солдатскую шинель”, говорит капитан-исправник, загвоздивши опять тебе в придачу кое-какое крепкое словцо: “зачем стащил[“А солдатскую шинель зачем стащил?” говорит капитан-исправник, загвоздивши в придачу тебе прибаутку; а. “А солдатскую шинель зачем стащил?” говорит капитан-исправник, загвоздивши в придачу кое-какое известное словцо] и у священника сундук с медными деньгами?” — “Никак нет”, говоришь ты, не сдвинувшись: “в воровском деле никогда еще не оказывался”. — “А почему же шинель[А шинель зачем] нашли у тебя?” — “Не могу знать, верно, кто-нибудь другой принес ее”. — “Ах, ты, бестия, бестия”, говорит исправник, покачивая головою и взявшись под бока. “Набейте ему на ноги колодки и сведите в тюрьму”. — “Извольте, я с удо-

вольствием”, отвечаешь ты. И вот, вынувши из кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно каких-то двух инвалидов, надевающих на тебя колодки, и расспрашиваешь их, давно ли они в отставке и в какой войне бывали, и вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде производится твое дело, и пишет суд: “Препроводить тебя из Царево-Кокшайска в тюрьму такого-то города”, а тот суд пишет опять: “препроводить тебя в какой-нибудь Усть-Сысольск”, и ты себе переезжаешь из тюрьмы в тюрьму и говоришь, обсматривая новое обиталище: “[И здесь не дурно] Нет, Усть-Сысольская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так есть место”. — “Филипп Тепякин!..[Филипп Ховрякин!..] Ты что за птица?..” Но здесь он взглянул на часы[Но здесь герой наш взглянул нечаянно на часы] и увидел, что было уже несколько поздно. Сложив бумаги свои, он поспешил одеться, потому что никак не хотел откладывать дела в долгий ящик и положил, если можно, хоть половину купчих крепостей совершить того же утра. В приятельском отношении председателя он был совершенно уверен, уверен был, что если дело

паче чаянья и потребует доле времени, назначенного для присутствия, то [Далее начато: одно уже слово председателя] председатель прикажет продлить присутствие, так же у Гомера боги приказывают продлиться дню, чтобы дать возможность добраться своим любимцам. Но он поспешил в палату ранее [обыкновенного] для того, чтобы быть как-то [более] покойнее после совершенного окончания, да и к тому во всех делах своих, особенно важных, так и неважных, он был очень аккуратен. На улице он услышал позади себя произнесенное его имя, оглянулся, пред ним стоял Манилов, очутившийся вдруг и неожиданно, как будто с облаков. [Вместо “было уже ~ облаков”: зарассуждался довольно долго и потому поспешил наскоро заняться изготовлением всего, что следует, с тем, чтобы сей же час идти в палату для совершения крепостей. Одевшись довольно наскоро, он схватил портфель подмышку и махнул пешком. Не успел он выйти на улицу, как навстречу Манилов.] Они заключили друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении. Поцелуи с обеих сторон так были силь-

ны, что у обоих весь день почти болели передние зубы. Манилов был решительно вне себя, от удовольствия зажмурил глаза совершенно, [от удовольствия так зажмурил глаза, что] и на лице его остался только нос да губы. Почти с четверть часа он держал обеими руками его руки и нагрел их страшно. В самых вежливых и приятных словах [он] рассказал <что> только приехал в город [Вместо “Почти ~ в город”]: Потом он держал почти с четверть часа обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно. Он объявил, что сегодня поутру только приехал в город, а. Почти ~ страшно. В продолжении этого времени он рассказал и т. д. как в тексте.] и что никак не мог себе отказать в удовольствии увидеть и обнять Павла Ивановича. Ко всему этому был прибавлен [обнять Павла Ивановича и при этом присовокупил] такой комплимент, какой только разве, в воскресный день где-нибудь на вечере какой-нибудь молодой помощник столоначальника скажет девице, с которою готовится танцевать. Чичиков уж никак [Так что наш Павел Иванович уж никак] не нашелся ему на это ответить; всё, что ни прибирал [Вместо

“Всё, что ни прибирал”: что ни прибирал] он, всё в сравнении с ним было мало. Узнавши, [зачем] за каким делом Чичиков шел в палату, он изъявил готовность ему сопутствовать. [Узнавши, что Чичиков отпраплялся в палату с тем, чтобы окончить дела по купчим, Манилов предложил ему сопутствовать.] Приятели взялись под руки и пошли вместе. Как только где на дороге встречалась горка [Вместо “Как только ~ горка”: Если встречалась где-нибудь горка] или маленькое возвышение или ступенька, Манилов его почти приподымал рукою и поддерживал при всяком разе, приговаривая с весьма приятною улыбкою, что он никак не допустит, чтобы Павел Иванович ушиб свои ножки. Натурально, что герой наш не находилась как благодарить и очень совестился, потому что знал [не находилась как благодарить, тем более что знал] и сам, что немножко тяжеленек. В таких приятных разговорах они наконец дошли до площади, где находились присутственные места, — большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно, для того, чтобы были заметнее все пятна и пачкания, ко-

торами был он покрыт с нижнего этажа. Караульная бутка, солдат с ружьем и длинные заборы, с кое-какими необходимыми заборными надписями, нацарапанными углем или мелом школьниками или уличными шалунами, которые, вероятно, [в свое время] были за это посечены, если только дались поймать себя на месте злодеяния, [длинные заборы с приписками и рисунками, которые пишутся с незапамятных времен на заборах] две-три извощицьи биржи — таков был вид этой уединенной или, как у нас говорят, красивой площади. Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались головы жрецов Фемиды, но очень скоро прятались опять, [голова жрецов Фемиды, но скоро потом и прятались] потому что, вероятно, в то время входил в комнату начальник. Оба приятеля должны были не идти, а бежать по лестнице, ибо Чичиков, стараясь [сколько можно] избежать, [того] чтобы Манилов не поддерживал его под руки, ускорял шаг, а Манилов с своей стороны тоже летел вперед, [желая] стараясь не позволить Павлу Ивановичу устать или утрудиться, и потому оба запыхались очень сильно, когда

взобрались, наконец, по лестнице. [Вместо “Оба приятеля ~ лестнице”: Приятели наши взбежали на лестницу, говорю взбежали, ибо Чичиков старался как можно взбежать скорее, чтобы Манилов не мог помогать ему, почти подсаживая на ступеньки, и потому оба запыхались довольно сильно.] И в коридоре и на лестнице остановил их несколько сжатый воздух, бывающий вечно <?> в тех местах, где присутствуют сторожа. В комнатах и на стенах было как несколько <1 нрзб.>. Тогда еще не заботились так о чистоте, [Вместо “И в коридоре ~ чистоте”: И на коридоре и на лестнице нашли не мало грязи и чернил, ибо в то время еще не заботились так о чистоте, как теперь; а. И в коридоре и на лестнице почувствовали какой-то странный запах, всегда бывающий там, где присутствуют сторожа,] и то, что было грязно, так и оставалось грязно, не принимая никакого привлекательного наружного вида. [не принимая нынешнего привлекательного вида, словом, всё, что ныне так красиво прячется в лакированные шкафы и получило такую благородную наружность, тогда было открыто во всей своей натуре.]

Фемида, просто какова она у нас есть, в negligé и халате, принимала гостей. [Далее было: К тому же кстати тогда и вицмундиров еще не носили чиновники; а. Да и чиновники тогда еще не носили вицмундиров, а всякой надевал что ни попало на свои плечи.] Следуя порядку вещей, долженствовало бы [Конечно, следуя порядку вещей, автору бы следовало] заняться описанием канцелярий и комнат, которыми проходили наши герои; но автор должен признаться, что от рождения [но автор, от рождения] питает сильную робость [в отношении] вообще ко всякого рода присутственным местам [Уж такой странный [у него] характер у автора] или уже он чувствует в сокрушенной душе своей, что грешен, и от того боится как смерти правосудия. [питает сильную <робость> касательно присутственных мест и всю жизнь свою боялся правосудия.] Если же и случилось ему проходить когда-либо подобные места, даже в облагороженном виде, [даже в нынешнем облагороженном их виде] с лакированными полами и столами из красного дерева, [то] он всегда потуплял глаза в землю и старался пробежать

их как можно скорее, и по этой-то самой причине никогда не мог[как можно скорее; и потому никогда почти не мог] порядочно заметить, как там всё благоденствует и процветает. Герои наши видели только мельком чернильницы, бумаги, лица, множество разных темных верхних облачений, более или менее поношенных, и отделявшуюся[Далее начато: между ними очень] весьма резко какую-то серую куртку, которая, своротив голову на бок и положивши ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто, вероятно, какое-нибудь очень убедительное, [Герои наши видели только мельком чернильницы, бумаги, фраки и одного чиновника, который просто сидел в куртке из серого сукна] да слышали[сь] урывками небольшие фразы, как-то: “Одолжите, Федосей Федосеевич, дельце за № 368”. — “Вы всегда куды-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы”. [с моей чернильницы] Иногда же голос более величавый, без сомнения, одного из начальников раздавался повелительно: “На, перепиши, а не то снимут сапоги, и просидишь ты у меня сорок дней не евши”. Шум от перьев был

страшный и походил на то, как будто бы [Шум от перьев был такой страшный, как будто бы] несколько телег в глубокую осень проезжали по лесу, заваленному на четверть аршина иссохшими листьями. Один из священнодействующих, тут же находившийся, который с таким усердием приносил жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое время [и получил он] коллежского регистратора, прислужился нашим приятелям таким же образом, каким некогда Вергилий Данту, и провел их, наконец, в главную комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла, и в них перед столом с зеркалом и двумя толстыми книгами сидел один, как солнце, председатель. [и в них как солнце сидел один председатель перед столом, зеркалом и двумя толстыми книгами.] В этом месте новый Вергилий [В этом месте Вергилий] почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туды ногу, и повернул назад, показав свою спину, которая вся была вытерта, как рогожка, и в добавку торчало на ней еще куриное перо. [торчало на ней кури-

ное перо] Вошедши в залу присутствия, Чичиков увидел, что председатель был не один: около него сидел Собакевич, который так закрылся стоявшим на столе зеркалом, что его вовсе было не заметили. Председатель, вставши со стула, обнял Чичикова, и оба поцеловались почти в засос. Казалось, он уже был предуведомлен Собакевичем, ибо тотчас же поздравил с выгодною покупкою крестьян, несколько раз повторивши, что благое дело произвели, и прибавивши, что вообще очень приятно видеть, как человек, что-нибудь приобретая, доставляет [В рукописи описка: доставляя] таким образом своим потомкам возможность подвизаться на дела полезные отечеству. Потом взаимно осведомились о здоровье, оказалось, что у обоих побаливала поясница. Оба взаимно изъявили соболезнавание и приписали это сидячей жизни. Чичиков обратился с вопросом о здоровье к Собакевичу. [Вместо “и оба ~ Собакевичу”: сказавши: “Сколько зим-то мы с вами, Павел Иванович, не видались. Садитесь-ка, батюшка, знаем, всё знаем. Благое дело сделали: совершили покупочку. Похвально, похвально”. Герой

наш, хотя слова председателя, конечно, ничего не могли заключать в себе такого, однако ж, при слове покупочка, немножко как-то смутился, сказал “да” и спросил тотчас о здоровье; узнавши же, что у председателя побаливает только одна поясница, он пожалел душевно и обратился с тем же к Собакевичу; а и оба поцеловались почти в засос. Председатель, казалось, был уже предуведомлен Собакевичем, потому что поздравил и т. д. как в тексте.]

“Слава богу, не пожалуюсь”, сказал Собакевич. И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформованный помещик.

“Да, вы всегда славились здоровьем”, сказал председатель: “и покойный ваш батюшка тоже был крепкий человек”.

“Да, на медведя один хаживал”, отвечал Собакевич.

“Мне кажется, однако же”, сказал предсе-

датель, “что вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него”.

“Нет, не повалю”, отвечал Собакевич: “покойник был меня покрепче”.

Председатель, обратившись к Чичикову, опять произнес: “Этаким-то образом. Так вот вы, Павел Иванович, в наших местах сделали приобретение”. [обратившись к Чичикову, заговорил снова о покупке, сказавши, что всегда приятно слышать, как хороший человек что-нибудь приобретает.]

“Да если б вы знали, Иван Григорьевич, [знали, Дементий Игнатьевич] что за приобретение!” сказал Собакевич с тем же своим неподвижным видом: “всё мастеровой народ. Просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева”.

“Нет? Будто и его продали? Я знаю каретника Михеева, славный мастер. Он мне дрожки переделал. Только, позвольте, как же... Ведь вы, мне кажется, сказывали, что он

умер?”

“Кто, Михеев умер?” сказал Собакевич, ничуть не изменившись и не смешавшись. [“ничуть со смешавшись” вписано.] “Это его брат умер, а он преживехонький и стал еще здоровее прежнего. На днях такую бричку наладил, какой и в Москве[что и в Москве] не сделать. Ему бы по-настоящему только на одного государя и работать”.

“Да, Михеев славный мастер”, отозвался председатель, “я даже удивляюсь, [Вместо “Да, Михеев ~ удивляюсь”: Я признаюсь, даже удивляюсь] как вы могли с ним расстаться”.

“Да будто[Как будто] один Михеев! Авдеев Толстое брюхо, Парамон Кирпичник, Телятников Максим, сапожник — ведь все пошли, всех продал”.

А когда председатель спросил, зачем же они пошли, будучи людьми необходимыми[зачем он продал самых необходимых] для дому мастеровых, Собакевич отвечал, махнув-

ши рукой: “А так, просто, нашла дурь. Давай, говорю, продам, — и продал сдуру”. За сим он повесил голову так, как бы сам раскаивался в этом деле, и прибавил: “Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума”.

“Подлец!” подумал сам в себе Чичиков.

“А как дорого продали?” спросил председатель.

“А ни по чем”, сказал Собакевич: “даром, можно сказать, продал, и по пятисот на душу не придет”.

“Но как же вы, позвольте вас спросить, Павел Иванович, их покупаете без земли”, сказал председатель: “разве на вывод?”

“Да, на вывод”, отвечал Чичиков.

Председатель поинтересовался знать, в достаточном ли количестве имеется у него для этого земли. Чичиков отвечал, что и земли имеется в достаточном количестве. “А в ка-

кой губернии?” Герой наш назвал и губернию: именно в Херсонской губернии. “О, там славные земли”, отвечал председатель и отозвался с большою похвалою о тамошних хлебах и сенокосах, а к герою нашему получил еще большее уважение, и не мог не сознаться внутренне, что он человек и степенный и благоразумный вместе. [получил еще большее уважение и, придвинувши к нему кресла, начал глядеть ему в лицо и рассматривать с большим удовольствием его совершенно круглый подбородок, и нос, и рот, и щеки, как будто бы открыл в нем кое-что такое, которого прежде не знал вовсе] Но когда Чичиков, вынувши тут же бумаги, просил о скрепленнии купчих и показал реестры купленных крестьян у Плюшкина, Манилова и Коробочки, чту всего простиралось со всеми утайками цены для избежания пошлин почти на сто[почти до полтора]стат тысяч рублей, то председатель получил к нему такое чувство даже смешанное с некоторою робостью, которое он и сам не мог изъяснить себе: стал бранить неудобство казенных стульев и сквозной ветер, проходивший, по мнению его, по

комнате, и хотел даже усадить его за зеркало, от чего последний очень скромно уклонился, сказавши, что никак не осмелится занять место, уже самим начальством предназначенное избранному, которое чрез то уже некоторым образом и священо. [Вместо “получил ~ священо”: получил эдакую к нему симпатию, даже неизъяснимую для самого себя, что пожимал то и дело его руки, то одну, то другую] В ту ж минуту, отворивши дверь в канцелярскую комнату, которая показалась похожею на внутренность пчелиного улья дал приказание одному из чиновников, чтобы всё было сделано, вписано, списано, переписано, помечено, замечено, перемечено и в книгу внесено, так что героям нашим оставалось только приложить руки. Все бывающие в подобных случаях затруднения были устранены: набрались недостававшие свидетели, послали тут же сейчас за поверенным Коробочки — протопопа отца Петра сыном и привели не только его, но даже и самого протопопа подписали, расписались, засвидетельствовали, приложили печати, [“послали ~ печати” вписано.] — словом, всё было готово в мину-

ту, и за всё это пришлось Чичикову заплатить безделицу.

Так уже изстари всегда водилось на свете. [Так уже устроено на свете.] Богатому ничего не нужно платить, нужно только быть богату. Ему и место дадут славное, и в ход пустят, и деньги останутся в шкатулке; платит только тот, которому нечем платить.

В продолжении этого процесса, который весь совершился с небольшим в полчаса, Собакевич улучил время спросить на ухо у Чичикова: “Почем купили душу у Плюшкина? [Я никому не скажу]”.

Чичикову хотелось бы [Чичикову хотелось бы в это время] даже трепнуть рукой его по носу, но удовольствовался тем, что внутренне приголубил его чем-то в роде собачьего сына и прошептал ему на ухо довольно сухо: “Вдешятеро дешевле, чем у вас”. А потом с своей стороны сделал запрос: [а. а потом прибавил] “А Воробья зачем приписали в записку?”

“Какого Воробья?” спросил Собакевич.

“Вот какого! Будто не знаете. Бабу-то: Елисавету Воробей; я ее вычеркнул”.

“А нет”, сказал Собакевич: “я не приписывал [никакой] Елисаветы Воробей”.

“Да ведь там же стоит, я вам покажу”.

“А нет, не стоит”, отвечал Собакевич: “нет, не стоит. А между, как-нибудь по ошибке — это другое дело. По ошибке — так против этого и спорить нельзя, ибо человек так создан, чтобы ошибаться”.

“Сегодня нет дождя”, продолжал он уже вслух и подошедши к окну: “хорошее время для посевов”. [Вместо “А потом ~ посевов”: Собакевич в ответ на это оборотился к окну и сказал: “Сегодня нет дождя. Хорошее время для посевов”. Этот текст ошибочно остался незачеркнутым. На полях запись: какую бабу Елисавету Воробья, — сказал Собакевич с таким видом, как будто впервой слышал это

имя.]

“Ну”, сказал председатель, когда всё было кончено: “теперь остается только вспрыснуть покупочку”.

“Я готов”, сказал Чичиков: “Остается вам только назначить время. [одну-другую бутылочку] Это был бы грех с моей стороны, если бы для такого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку”. [одну-другую бутылочку]

“Нет, зачем вам тратиться”, [Нет, зачем же вам издерживаться] сказал председатель. “Это наша обязанность. Вы у нас гость. Нам должно угощать. Знаете ли что, господа: покамест что, а мы вот так, как есть, вчетвером, отправимтесь-ка к полицмейстеру. Он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или винного погреба, так мы, знаете ли как закусим! Да при этой okazji и в вистишку”.

Гости совершенно согласились с председа-

телем и все четверо отправились к полицмейстеру, и присутствие кончилось двумя часами ранее положенного времени, на что, кажется, ни один из чиновников не рассердился: ни начальники, ни подчиненные. [“на что ~ ни подчиненные” вписано.] Полицмейстер точно был чудотворец: как только услышал в чем дело, в ту ж минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах и, кажется, не более, как два слова, шепнул ему на ухо, да прибавил только: [кажется всего каких-нибудь два слова шепнул только ему на ухо да прибавил] “понимаешь?” — А уж там, в другой комнате, в продолжении того времени как гости резались в вист, появились на столе белуги, осетры, семги, балыки, икры: свежее просольная, паюсная, селедки, севрюжки, сыры и бог знает сколько всякой всячины. Полицмейстер был, можно сказать, некоторым образом, отец и благодетель в городе. Среди граждан он был как в родной семье. В лавки и в гостиный двор наведывался как в собственную кладовую. Он получал вдвое более доходов, чем его предшественник, но при всем том заслужил любовь всего

города. Купцы первые его очень любили, особенно за то, что не горд. И точно, он крестил у них детей, кумался и хоть драл бесчеловечно, но как-то чрезвычайно ловко: [но как-то умел хорошо вести] и по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам притти поиграть в шашки, расспросит обо всем: как делишки, чту и как; если узнает, что детеныш как-нибудь заболел, и лекарство присоветует — словом, молодец. Поедет на дрожках, и порядок даст, а между тем и словцо промолвит тому-другому: [и порядок даст, и тому-другому словцо] “Что Михеич — нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку”. — “Да, Алексей Иваныч”, отвечал тот, снимая шапку: “нужно бы”. — “Ну, брат, Илья Парамоныч, приходи ко мне поглядеть рысак: в обгон с твоим пойдет, да и своего заложу в беговые, попробуем”. Купец, который натурально, на рысаке был почти помешан, улыбался на это с особенною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил: “Попробуем, Алексей Иваныч”. Даже все сидельцы обыкновенно в это время, снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга,

как будто бы хотели сказать: Алексей Иванович хороший человек. Словом, он успел даже приобрести себе некоторую народность [“Словом ~ народность” вписано.] и вообще мнение купцов было, что Алексей Иванович хоть оно и возьмет, но уж зато никак тебя не выдаст. [но уж зато, т. е. не выдаст он тебя.]

Заметивши, что закуска была готова, полицмейстер предложил гостям окончить вист после, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах начинал уже давно приятно щекотать ноздри гостей, и Собакевич, несмотря на свою неподвижную и неуклюжую наружность, весьма часто заглядывал в дверь и уже оттуда наметил осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде. Гости, потирая руки, приблизились с выражением удовольствия и, выпивши по рюмке, начали каждый, как говорится, обнаруживать свой характер: кто на икру, кто на семгу, кто на сыр. Но Собакевич, оставив без внимания все эти мелочи, пристроился к осетру и, покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доехал всего осетра, так что гости, когда

вспомнили об осетре и подошли к нему с вилками, то увидели, что на блюде лежали только голова да хвост. Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уж больше не пил, не ел, а только жмурил и хлопал глазами. Городничий не любил жалеть вина. Первый тост был выпит, как читатели без сомнения догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, на что Чичиков отвечал с выражением истинной признательности. Потом пили за процветание всегдашнее земель его и деревень, составленных из новых поселенцев. Потом за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя. В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно. Председатель, который был премилый человек, когда развеселялся, обнимал несколько раз Чичикова, произнося в излиянии сердечном: “Душа ты моя! Маменька моя!” и даже, щелкнув пальцами, пошел приплясывать вокруг него, припевая известную песню: “Ах ты такой и эдакой Камаринской мужик”. После шампанского раскупорили венгерское, которое еще более придало духу и развеселило общество. Об висте

решительно позабыли. Спорили, кричали, не слушая один другого. Герой наш никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя настоящим херсонским помещиком, приглашал к себе в деревни, даже начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи, на которые тот хлопал только глазами, сидя в креслах, потому что вина хоть и не пил, но после осетра чувствовал сильный позыв ко сну. Чичиков смекнул сам, что начинал уже слишком развязываться, попросил экипажа и на прокурорских дрожках уже доехал к себе в гостиницу, где долго еще вертелись у него на языке херсонские деревни. Селифану собственно устно он дал приказание немедленно собрать налицо всех купленных крестьян для того, чтобы сделать лично всем поголовную перекличку. Селифан слушал, слушал долго и молча вышел из комнаты, сказавши Петрушке: “ступай раздевать барина”. Петрушка тот же час принялся стаскивать с него сапоги и показал такое усердие, что чуть не стащил вместе с ними на пол и самого барина, но, однако ж, сапоги были, наконец, сняты; барин разделся, как следует, и

поворочавшись [слушал долго и потом, раздевши барина, молча вышел из комнаты, а барин, поворочавшись] несколько времени на постели, которая скрипела и рыпела немилосердо, заснул совершенно херсонским помещиком. А Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой, который, растопыривши на деревянную вешалку, начал бить его хлыстом и щеткой и напустил пыли на весь коридор. Готовясь уже снять его, он взглянул с галереи вниз и увидел Селифана, который возвращался из конюшни. Они встретились взглядами и как будто чутьем поняли друг друга. [“А Петрушка ~ друг друга” вписано. Дальше до конца гл. VII печатается по тексту, написанному на листе, хранящемся отдельно от ПБЛЗ.] Барин де храпеть теперь будет не на шутку, а потому им можно будет и пойти кое-куды. Петрушка тот же час, отнеся в комнату фрак и панталоны, сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ни слова о цели путешествия и болтая совершенно о постороннем. Прогулку сделали они недалекую, именно перешли только на другую сторону

улицы к дому, бывшему насупротив гостиницы, и вошли в потемневшую стеклянную дверь, ведущую почти в подвал, где уже сидело за деревянными столами много всяких, и бривших и не бривших бороды, и в нагольных тулупах, и просто в рубахе, а кое-кто и во фризовой шинели. Что[Далее начато: они там] делали там Петрушка с Селифаном, бог их ведает; но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, и молча оказывали друг другу большое внимание и участие, поминутно предостерегая и оберегая от всяких углов. Рука в руку[Вместо “углов. Рука в руку”: углов, также рука в руку] и не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу и, наконец, одолели ее и взошли. Петрушка тот же час лег на низенькую кровать свою и невздох, а впоперек, так что ноги его упирались в пол. Селифан лег и себе тут же, таким образом, что голова его поместилась[голова его пришлась] у Петрушки на брюхе, позабывши о том, [позабывши вовсе о том] что ему следовало спать вовсе не здесь, а в[Далее начато: конюшне близ лошадей и] людской, бывшей внизу, а может быть даже и

в конюшне, близ лошадей. Оба заснули в ту же минуту и завели храпенье и пенье совершенно неслыханного рода, [пение на все возможные ноты, какие без сомненья не употребляются ни в какой музыке] на которые барин из другой комнаты отвечал особенным [тоже отвечал каким-то особенным] носовым свистом. Скоро вслед за ними утомилось всё, и вся почти гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден был еще свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, по-видимому большой охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятаю. Несколько раз он подходил к постеле с тем, чтобы их скинуть, но никак не мог: сапоги были очень увлекательны. И долго еще подымал он ногу и обсматривал весьма тщательно мастерски стачанный каблук. Наконец, и там погасла свечка, и всё уснуло.

ГЛАВА VIII

Совершенные Чичиковым покупки крестьян сделались на несколько дней единственным предметом [Покупки, совершенные Чичиковым, на несколько дней сделались

предметом] разговоров в городе. Все[Все вообще] занялись довольно сурьезно вопросом, действительно ли выгодно покупать крестьян на вывод. Это произвело множество весьма разногласных мнений, из которых многие, надо отдать справедливость, были очень дельны и основывались на совершенном знании предмета. Одни говорили вообще, что в южных губерниях земли весьма плодородные и очень удобны для поселения; другие, что воды мало, и крестьяне Чичикова непременно потерпят большой недостаток. Иные утверждали, что переселение ненадежная вещь, что мужики Чичикова разбегутся, потому что дело известное — мужик: убежит непременно. На новой земле, да заняться еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни забора, убежит, как дважды два. [убежит непременно.] На это возражали и возражали, нужно отдать справедливость, совершенно основательно, что мужику русскому решительно всё равно, и что он весьма скоро привыкает ко всему, что пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы — он похлопает руками, топор в руки и пошел

рядить новую избу. Многие беспокоились сильно, и не без причины, за нравственность крестьян, говорили, что несбыточное дело, чтобы кто-нибудь решился продать порядочных крестьян да еще и на вывод, что мужики Чичикова непременно должны быть пьяницы, воры и весьма буйного поведения. На это возразил кто-то, и как кажется председатель палаты, что хотя действительно мужики Чичикова не могут быть хорошей нравственности, но, поселившись на новой земле, они весьма легко могут сделаться хорошими подданными, чему бывало уже не мало всяких примеров, что всё зависит <от> хорошего управления и благоразумно принятых мер. Управляющий казенными фабриками отзывался, что это, однако же, очень сомнительно, тем более, что у крестьян Чичикова теперь два сильные врага: первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина; второй враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами [а. привычка к бродяжнической жизни, приобретенная крестьянами] во

время переселения, и что нужно, чтобы Чичиков непременно оставался бы и жил среди их сам, иначе они все будут прегорькие пьяницы и никогда не заведутся тем, что нужно [не заведутся всем, что нужно] для хозяйства. На это председатель отвечал, что Чичикову никакой нет надобности жить всегда среди мужиков своих, что он может найти хорошего управителя. Кто-то отозвался, что все управители мошенники; но управляющий отвечал, что управители потому мошенники, что господа не занимаются своим делом. С этим согласился и председатель, прибавив, что управителя очень можно найти хорошего, что для этого нужно только уметь различать людей и быть сведущим хоть сколько-нибудь самому. Но управляющий сказал, что меньше, как за пять тысяч в год, нельзя сыскать хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи, что он знает одного хорошего человека, именно Петра Петровича Самойлова, который совершенно такой управитель, как нужно для крестьян Чичикова. Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность переселения такого огромного ко-

личества крестьян их устрашала необыкновенно, тем более когда они приняли в соображение, что отныне жизнь их должна потечь [а. когда они соображали то, что вся жизнь должна принять совершенно другой оборот и потечь;] другою дорогою и каких трудов будет стоить сбыть с меньшим убытком [всех] крестьянских лошадей, чтобы на место их <накупить?> быков, ибо земли, как известно, в южных землях пахутся волами, и что весьма можно [и что очень можно] опасаться, чтобы не произошло даже бунта, особенно между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстер заметил, что бунта нечего опасаться, что в отвращение его [в отвращение этого] существует власть капитан-исправника и земской полиции и что Чичиков, как человек основательный, вероятно, примет заблаговременно все нужные меры. Многие предложили свои мнения насчет того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода. Были такие, которые уж чересчур отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излиш-

нею, были, однако же, и такие, которые дышали кротостью. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может быть [после] среди своих крестьян [совершенно] некоторым образом отцом, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большой похвалой об Ланкастеровой системе взаимного обучения.

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, общали даже лично Чичикову некоторые из этих советов, за которые он очень благодарил, примолвив, что не преминет при первом случае ими воспользоваться, насчет же изъявленных опасений при переселении крестьян изъяснился, что хотя, действительно, оно сопряжено с затруднениями, но [что] он надеется, что с божьей помощью оно совершится покойно [и без всяких потрясений] и по крайней мере без бунта. Следствие или заключение всех этих толков было очень полезно для нашего героя. Оно утвердило за ним одно из выгоднейших мнений, какое только

может получить в свете человек, именно: что он должен быть очень богатый человек. Пропустили даже слухи, что он миллионщик. Все жители города и без того, как мы видели уже в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, само собою разумеется, что полюбили еще душевнее. Впрочем, сказать правду, они все были добрые люди, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и всё [имело между ними вид] носило печать простодушия и патриархальности: [Вместо “На это возразил ~ патриархальности”]: Словом много рассуждали об этом предмете, а заключение было то, что Чичиков очень [хороший] достаточный человек. И в самом деле, как бы то ни было, но человек, делающий разом закупку почти на 150 тысяч — это не безделица; даже пронесли слухи, что он [чуть ли] едва ли не миллионщик. Уже и прежде, как видели в первой главе, чиновники города душевно полюбили нашего героя, но теперь уважение их к нему возросло, как говорится, до нельзя. Это уважение стало обнаруживаться разными внимательными знаками, как-то: квартальные вы-

гоняли людей с метлами мести под его окнами, так что Чичиков даже кашлял. Вообще все чиновники в городе N были очень добрые и приятные люди и между собой совершенно коротки и [какое-то] вообще между ними было какое-то милое, приятельское, почти патриархальное обращение:] “Любезный друг, Илья Ильич”, “Послушай, брат [Дементий Игнатьевич]”, “Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич”. К почтмейстеру, которого звали Иван Андреич, всегда прибавляли: “Шпрехензи дейч, Иван Андреич”. Словом, очень дружелюбно и семейственно. Все они были люди нельзя сказать, чтобы без образования. [люди довольно образованные] Председатель палаты знал наизусть “Людмилу” Жуковского, которая была тогда еще животрепещущею новостью, [“которая ~ новостью” вписано.] и мастерски читал многие места, особенно: “Чу! бор заснул, долина спит”, так что в самом деле виделось, как будто долина спит. Для большого сходства он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдался больше в философию и читал даже по ночам Юнговы ночи, из которых делал весьма длинные выпис-

ки по целым листам, но в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. Впрочем, он был остряк, очень цветист в словах [Почтмейстер более напирал на философию и Юнговы ночи, но был остряк, речист] и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то: [как напр<имер>] сударь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, так сказать, некоторым образом и проч., которые [можете себе представить, то есть как говорят, как выражаются, и проч., которых] он сыпал мешками. Уснащивал он речь тоже [Уснащивал он еще речь] довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что всё придавало весьма едкое [очень едкое] выражение многим его сатирическим намекам. Прочие тоже были более или менее люди просвещенные: [Прочие тоже были довольно просвещенные в своем роде:] кто читал Карамзина, кто “Московские ведомости”, кто даже и совсем ничего не читал. Насчет благовидности нечего и говорить. Читатель уже сам видел, что они были люди такие, как

нужно для занятия хороших и надежных мест, т. е. люди полные и здоровые, чахоточного между ними никакого не было. Итак, расположение их к Чичикову было совершенно искреннее. Но если на них Чичиков подействовал сильно, то надобно признаться, что на супруг их и вообще на дам подействовал еще сильнее. Это впечатление тем было удивительнее и решительно произошло вдруг, едва только распространилось по городу всего одно мнение об Чичикове. Чтобы понять, почему это случилось вдруг, следовало бы сказать многое о самих дамах, [Читатель видел, что между ними никого не было какого-нибудь худенького и чахоточного. Всё народ был взрачный и в теле, слава богу. Словом такие, какие нужны для занятия хороших и надежных мест. Если герой наш произвел выгодное на них впечатление, то на достойных супруг их и вообще на дам всего города и того более. Прежде, чем объяснить, какого рода было это впечатление, следовало бы сказать кое-что об них самих и; а. Читатель уже сам ~ еще сильнее, и тем было удивительнее это, что совершилось совершенно

вдруг, почти вслед за распространившимся по всему городу выгодным для него мнением и т. д. как в тексте.] об их обществе, описать, как говорится, живыми красками их душевные качества, — но здесь автор должен признаться, что он находится в большом затруднении. С одной стороны останавливает его неограниченное почтение, которое он всегда чувствовал к супругам сановников всех решительно городов, как губернских, так и уездных: [городов и губернских и уездных] с другой стороны и то, что эта сторона человеческого рода так образована непонятно, [так право образована] что очень трудно что-нибудь сказать такое, которое совершенно бы их определило. Дамы города N были... нет, право, трудно, что-то вроде робости пробирает. [нет, право, не могу; чувствую точно робость.] В дамах города N больше всего замечательно было то... нет, прошу великодушно извинения у читателя: просто не подымается никак перо. Так и быть [Уж так и быть] о характерах их, видно, нужно предоставить тому, у которого, точно, поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве

слегка слова два о наружности, да о том, что поповерхностней. [а уж нам придется разве так слегка что-нибудь о наружности слова два, да так, что поповерхностней.] Дамы города N были очень, как говорится, презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим. [презентабельны, так что другим городам можно бы их точно поставить в пример.] Что касается до того, чтобы держать себя, соблюсти тон, поддержать этикет и множество приличий самых тонких, которых даже приметить нельзя простым глазом, то в этом, надобно признаться, они опередили даже обе столицы и московскую и петербургскую. Одевались они, должно отдать им полную справедливость, [множество довольно тонких приличий, то, признаюсь, и самая столица должна перед ними спрятаться куда-нибудь подальше. Одевались они — автор должен честь отдать] с большим вкусом, разъезжали по городу в колясках, как предписывала последняя мода, [в колясках по модному] сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах. Визитная карточка, будь она писана хоть на

трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная. Из-за нее две дамы, [две почтенные чиновницы] большие приятельницы и даже родственницы перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контр-визитом, и так сильно перессорились, что уж никак не могли потом примирить их. И как ни старались мужья и родственники как-нибудь загладить это, но нашли, что рана была совершенно неизлечима. Так обе дамы и остались не в расположении, по выражению жителей города N. В нравах дамы города N, подобно многим петербургским [и уж никак не могли потом примириться, хотя и мужья и родственники старались об этом, но всё было кончено. В нравах они подобно даже петербургским] дамам, были очень строги, исполнены благородного негодования против всего порочного и всяких соблазнов, [против многого порочного и разных кое-каких соблазнов] казнили немилосердно и не прощали совершенно никаких [не прощали никаких] слабостей. Если же между ними и происходило какое-нибудь другое-третье, то оно происходило втайне,

так что не было подаваемо никакого вида, что другое-третье происходило. Сохранялось всё достоинство, строгость самая суровая, и самый муж так был приготовлен, что если и видел другое-третье, или слышал о нем, то отвечал коротко и благоразумно[Вместо “Если же ~ благоразумно”: И если между ними и происходило там какое-нибудь кое-что другое-третье, то это происходило втайне, так что не подавало никакого вида, что это происходило; так что при этом сохранялось всё достоинство и такая даже суровая строгость, что страшно было и подступить, и муж так уж был приучен, что если и видел какое-нибудь кое-что другое-третье, то отвечал весьма благоразумно] пословицею: “кому какое дело, что кума с кумом сидела”. Итак, вот что можно сказать о дамах города N, говоря поповерхностней. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей. Но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца. И так, будем продолжать. До сих пор все дамы как-то[Вместо “Итак ~ дамы как-то”: Вообще до сих пор дамы как-то; а. До сих пор все эти достойные чиновницы, к которым ав-

тор питает истинное почтение, как-то] мало говорили о Чичикове, отдавая, впрочем, ему полную справедливость в приятности светского обращения, но они ничего не находили в нем слишком необыкновенного. Теперь же после того, как разнеслись слухи, что он миллионщик, они почти в один голос заговорили вдруг о нем, [но они не занимались им столько, сколько мужья, и ничего не находили в нем необыкновенного. Теперь же, когда узнали, что Чичиков принадлежит к тому счастливому сословию, которое называется миллионщиками, обратили на него внимание, какого не обращали прежде, и вовсе] [и вовсе] не потому, чтобы были интересанки, а потому, что уже миллионщик заключает в одном звуке этого слова, именно, в звуке слова, а вовсе не в денежном мешке, что-то такое, которое действует и на хороших людей, и на людей — ни сё, ни то, и на людей мерзавцев, — словом, на всех людей действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах: [а просто оттого, что уже миллионщик имеет в себе что-

то такое, бог его знает, что такое, которое действует и на добродетельных, и на мерзавцев, и на твердых, и на слабых, словом, на всех действует. Он имеет ту выгоду, что имеет удовольствие видеть подлость совершенно бескорыстную, чистую.] многие знают, что ничего не получают от него и не имеют никакого права получить, но непременно [никакого права, но непременно] хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть попросят насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя [снимут шляпу. Конечно никак нельзя] сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами, но во многих гостиных стали, однако же, говорить, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но таков, как следует быть мужчине, — совершенный мужчина, что будь он немного толще или тонее — уж это было бы нехорошо. Сказано было даже, что мужчина тоненькой есть что-то странное, скорее какая-то зубочистка, нежели мужчина. В дамских нарядах показались вдруг кое-какие прибавления. Купцы [очень] радостно изумились, при виде как в

гостиный двор стало наезжать премножество экипажей, образовавших почти гулянье, и как несколько кусков материй, привезенных ими с ярманки и доселе не могших продаться по причине цены, показавшейся дамам очень высокою, теперь были совершенно расхвата ны.

Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, так что полицмейстер немедленно дал приказание подвинуть народ далее, то есть поближе к паперти, чтобы [Далее начато: дать надлежащее место] не мог как-нибудь измяться туалет. [расположение к подлости можно было применить к дамам, но все, однако же, они стали находить, что Чичиков мужчина совершенно таков, как должен быть настоящий мужчина, и что сложен он, как нужно,] Сам даже Чичиков стал замечать, что внимание к нему как-то сделалось гораздо нежнее. Один раз возвратившись к себе домой, он нашел даже на столе у себя письмо. Откуда и кто принес его, он ничего не мог узнать об этом; слуга объявил только,

что принесли и не велели сказывать, от кого. Письмо начиналось очень решительно, именно так: “Нет, я должна писать”. Потом говорено было о том, что всегда есть [Потом много говорилось о том, что есть] тайное сочувствие между душами; эта истина была скреплена множеством точек вряд. [Вместо “эта истина ~ вряд”: и что-то такое эдакое, а что именно эдакое, этого и не было сказано, а вместо него были поставлены точки.] Потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что мы почитаем почти необходимым их выписать: “Что жизнь наша? — Долина, где поселились горести. Что свет? — Толпа людей, которая не чувствует”. Писавшая упоминала, что весьма часто омочает слезами строки нежной матери, которой протекло 25 лет, как не существует на свете. Приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом. Затем следовало что-то очень похожее на объяснение в сердечных чувствах; к концу угрожалось даже решительным отчаянием и заключалось такими стихами:

*“Две горлицы покажут
Тебе мой слабый прах;
Воркуя томно, скажут,
Что она умерла во слезах”.*

В последней строке не было размера, да это, впрочем, ничего. Письмо было писано в духе тогдашнего времени. И никакой подписи не было: ни имени, ни фамилии, даже ни числа, ни месяца. В постскрипте [Вместо “Писавшая ~ постскрипте”]: Душа явится, требует души, а свет хлопочет об ничтожестве. Порок торжествует, добродетель страждет. Ах, сколько раз мое сердце обливалось слезами! Сколько раз мои слезы обмочили строки нежной моей матери, которая, увы, уже не существует на свете. Сколько раз осыпала я букетами цветов ее могилу в то самое время, когда задумчивая луна осеребряла природу по облакам и смеющиеся долины...” Потом следовали такие вещи, которые походили решительно на объяснение сердечных чувств, так что сначала еще было вы, а потом уже просто съехало на ты. Приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных, оградах не пользуются воздухом; в

противном случае угрожалось даже отчаянием:

*“Земля покроет мою могилу:
Две горлицы покажут
Тебе мой слабый прах;
Воркуя, томно скажут,
Что она умерла во слезах”.*

И ни имени, ни фамилии, даже ни числа, ни месяца. А в постскрипте] только было прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет [отгадать писавшую это письмо, и что на бале у губернатора, который будет завтра, она будет лично.] присутствовать сам оригинал.

Это его чрезвычайно заинтересовало. В анониме много было заманчивого и подстрекающего любопытство. Он перечел вновь письмо, прочел его потом и в третий раз, и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы была такая писавшая. Дело, как видно, сделалось сурьезно, ибо более часу он всё думал об этом. Наконец, по долгом размышлении сде-

лал он небольшое движение рукою и, наклоня голову на бок, сказал: “А оно очень, очень кудряво написано”. Затем свернул он письмо и положил его в ларчик. Уложенное очень аккуратно, оно поместилось там между афишкой и каким-то пригласительным билетом на свадьбу, несколько уже лет покоившимся на одном и том же месте. Немного спустя принесли, точно, приглашение на бал к губернатору — дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, эти два слова обратились в синоним, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства. [Вместо “Это его ~ дворянства”: Герой наш несколько раз перечитывал письмо и несколько раз задавал себе вопрос: кто бы это была такая? Он был слишком заинтересован этим загадочным анонимом; очень, очень долго думал он и наконец сказал: “А оно написано этак даже со стилем. Очень, очень кудряво”. После чего, свернувши, положил его в ларчик, который, кажется, уже несколько читателям знаком, и уложил его весьма аккуратно между афишкой и каким-то билетом, приглашавшим на свадьбу,

который уже около семи лет лежал на одном и том же месте. Скоро вслед за этим принесли ему приглашение на бал к губернатору, — дело, как известно, весьма обыкновенное в губернских городах. Так уж заведено, и губернатор без бала кажется что-то странное, как будто каша без масла, никакой любви не будет к нему дворянства.]

Он занялся немедленно приготовлением к балу, сгорая нетерпением знать, кто бы была такая, писавшая это письмо. Автор не должен пропустить, что при этом обстоятельстве особенное удовольствие распространилось на лице его и что он употребил весьма долгое время на рассматривание своей физиономии. Присевши к зеркалу, он обратил внимание порознь почти на каждый предмет ее, рассмотрел очень внимательно подбородок, погладил и по щеке, словом, никого не обидел. Он пробовал сообщить лицу своему разное выражение: иногда важное и сурьезное, иногда сурьезное и почтительное, [иногда важное и сурьезное, иногда важное и почтительное] иногда почтительное с некоторою улыб-

кою, иногда просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало [отпустил в зеркало] несколько поклонов и произнесены [В подлиннике осталось несогласованным: произносил] какие-то неясные звуки, несколько похожие на французские, хотя он по-французски не знал вовсе, даже начинал он отчасти несколько высовывать язык и делать самому себе приятные сюрпризы каким-нибудь новым положением лица, какого и сам дотол не видывал. Словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец, полюбовавшись еще несколько минут своим, действительно, в своем роде, недурным лицом, он произнес, наконец: “Ах, ты мордашка эдакой” [Ах, ты мордашка] и стал одеваться. Самое довольное [Веселое и решительно довольное] расположение сопровождало его во всё время одевания: надевая [так что надевая] подтяжки или повязывая галстух, он расшаркивался и кланялся с особенною [повязывая галстух, расшаркивался ногами и кланялся с какою-то особенною] ловкостью и хотя никогда не тан-

цовал, но сделал[но на этот раз еще до фрака сделал] перед зеркалом антраша. Это антраша произвело маленькое невинное следствие: задрожал комод и упала со стола щетка. Появление его на бале произвело необыкновенное действие. Всё, что ни было, обратилось навстречу к нему, кто с картою в руках, кто на самом интересном пункте разговора, произнесши: “А нижний земский суд отвечает на это...”, но что такое отвечает земский суд, уж это он бросал в сторону, и спешил с приветствием к нашему герою. “Павел Иванович! Ах боже мой, Павел Иванович, [Павел Иванович! Павел Иванович,] любезнейший Павел Иванович, почтеннейший Павел Иванович, душа моя Павел Иванович, вот вы, вот вы где, Павел Иванович. Вот он, наш Павел Иванович. [“Вот вы ~ Павел Иванович” вписано.] Позвольте прижать вас, Павел Иванович. Давайте-ка его сюды, вот я его поцелую покрепче, моего дорогого Павла Ивановича”. И герой наш почти разом почувствовал себя в нескольких объятиях: не успел он совершенно выйти из объятий председателя, как очутился уже в объятиях[Вместо “Давайте-ка его

~ объятиях”: ах, боже мой, Павел Иванович” — герой наш в одну минуту попал в объятия к председателю, не успел оглянуться, как очутился в объятиях] полицмейстера; полицмейстер сдал его инспектору врачебной управы; инспектор врачебной управы — откупщику; откупщик — архитектору, [инспектор врачебной управы — архитектору] губернатор, который в это время стоял около дам и держал в одной руке конфетный билет, а в другой болонку, бросил на пол и билет и болонку, только завизжала собаченка, — словом, распространил он[распространил Чичиков] радость и веселие необыкновенное. [Казалось, все находились в совершенном блаженстве и] может быть, на всем бале не было ни одного лица, на котором бы не выразилось если не удовольствие, то, по крайней мере, отражение всеобщего удовольствия. Таковую радость иногда видят на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником вверенных им управлений. После того, как уже первый страх прошел, они увидели, что многое ему нравится, и он сам[а. управлении, когда уже первый страх прошел и они увиде-

ли, что многое ему нравится и что он сам] изволил, наконец, пошутить, то есть произнести с приятною усмешкою несколько слов. Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются от души те, которые от него подале и которые, впрочем, несколько плохо слышали произнесенные им слова. И, наконец, стоящий далеко у дверей, у самого выхода какой-нибудь полицейский, от роду не смеявшийся во всю жизнь свою и только что перед тем показавший кулак[а. только что показавший кулак свой] народу, и тот по неизменным законам отражения выражает в лице своем что-то похожее на улыбку, хотя эта улыбка более похожа на то, как бы кто-нибудь собирался чихнуть после крепкого приза табаку, и хотя малейший шум или беспорядок вмиг возвращают в лицо его прежнюю суровую власть и повелительное выражение. [а. по неизменным законам отражения, глядя на полные удовольствием лица, выражает невольно в лице своем что-то похожее на удовольствие, хотя малейший шум и шорох или что-нибудь похожее на беспорядок позади его заставляет в

одно мгновение поворотить его голову, и в обращенном вновь на улицу лице его является вновь прежний суровый вид и грозная власть; б. Начато исправление: по неизменным ~ позади его превращает его лицо в одно мгновение в прежнее] Герой наш отвечал всем и каждому очень бегло и приятно и чувствовал сам на этот раз какую-то ловкость необыкновенную; раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько на бок, но легко и свободно, так что очаровал совершенно всех. Дамы тут же обступили его блистающею очаровательною вереницею, нанеся с собой целые облака и потоки всякого рода благоуханий: одна веяла розами, от другой несло весной и фиалками; [третья] вся была насквозь продушена резедой, так что Чичиков купался и плавал по уши в жасминных и прочих запахах. Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной гибели сердец наших: [а. очаровал и дам и мужчин за одним разом. Дамы тут же обступили его блистающею, очаровательною оградой и нанесли с собою ужасное множество благоуханий. Одна

веяла розами, другая вся насквозь пахнула весной и фиалками, от третьей несло резедой сильнеешим образом, так что Чичиков купался и плавал в жасминных и прочих морях. Казалось, в нарядах их ничего не было пощажено из того, что ведет к решительной погибели сердца наши.] атлас и кисея самых неопределенно-бледных, модных цветов блистали сильно[а. выходили сильно] в свету, оттененные и озаренные вместе кусками сверкающих лент и цветами. Легкий головной убор из блонды держался на ушах, на подобие воздушных мотыльков. [а. Легкие чепчики сидели на ушах, как мотыльки.] Талии были обтянуты, выгнуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы. Нужно заметить, что вообще все дамы и чиновницы города N были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, [имели такие приятные манеры] что толщины никак нельзя было приметить. Всё было у них придумано и обдуманно необыкновенно осмотрительно: шея, плечи были открыты[шея, плечи, всё было открыто] именно настолько, насколько нужно, и никак не даль-

ше. Каждая обнажила свое добро [именно до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что оно способно погубить человека; остальное всё было припрятано с самым обдуманым вкусом:] а. по собственному убеждению оно может подействовать и ослепительно поразить всякого; остальное же всё было очень искусно припрятано и с большим вкусом; б. Надписано и зачеркнуто: [его поразить] [неотразимое могущество его поразить смертного]] или какой-нибудь легонький галстучек из ленты, или шарф легче пирожного, известного под именем поцелуя, эфирно обнимал и обвивал [обнимал или обвивал] шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья маленькие, зубчатые оградки, известные в туалетном языке под именем скромностей. Эти скромности скрывали наперед и назад то, что уже не было так заманчиво, а между тем заставляли предполагать, что было еще заманчивей. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженные аппетитные части рук выше локтя, которые у многих дышали завидною свежестью, а еще более полнотою, что во

многих местах лопнули лайковые перчатки, побужденные подвинуться далее. [а. известные в туалетном языке и в русском переводе под именем скромностей, которые таким образом скрывали наперед и назад то, что уж не было так хорошо и заставляло между тем заманчиво предполагать, что там скрывалось еще лучшее, без сомнения еще лучшее. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но заманчиво оставляли возбуждающие взгляд куски рук повыше локтя, которые у иных дышали такую полнотою, что лопнули лайковые перчатки, вероятно побужденные подвинуться далее на руку.] Словом, ничто не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве. [а. всё было передумано и обдуманно в совершенстве.] Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать, ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница

гаинственного письма. В лице каждой почти из них он заметил такое неопределенно значительное, с таким чуть-чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо тонкое... У! какое [плутовато-] тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам за все эти тон<кости?>, а нам никакими словами нельзя рассказать, какие отдаленные намеки и необъясненные выражения появляются и исчезают в их лицах. [а. а нам никакими словами и никаким образом нельзя рассказать, какие отдаленно-плутоватые намеки промелькивают иногда, какие необъяснимые выражения скользят, проходят и пропадают мгновенно в их лицах.] А что уж такое делается в глазах, просто не приведи бог. Один уже блеск их то влажный, то бархатный, то острый, то мягкой, и у каждого, у! какое значение! Ничего не придумаешь сказать, только разве потом, после долгого и вместе с тем довольно глупого молчания произнесешь, наконец: “Да, очень галантерейная половина человеческого рода!” [На полях записано: ну, там такое бесконечное государство, которому просто [и конца] и границ нет.

[Уже один блеск их столько имеет разных изменений, что не придумаешь слов для этого, одно разве только] уже для одного только <1 нрзб.> блеска их со всеми изменениями не придумаешь слов. Попробуй, в самом деле, пересчитай какой блеск этот блеск. Уже [просто не наберешь слов] [слов не найдешь, что] не наберешь слов для того, чтобы выразить один блеск их. Томные в неге и без неги и у каждого не приведи бог какое значение — нет, просто, станешь втупик.] Сюда, кажется, вошло слово не весьма приличное и отчасти подмеченное на улице — в этом автор просит извинения у читателя: его положение бывает иногда так затруднительно, что нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, если сказать правду, не все слова, произносимые на улице, должны быть поражены презрением; что ни говори, они сказаны [Вместо: “Сюда ~ сказаны”]: а. Автор, кажется, употребил не весьма приличное слово и подмеченное на улице. Он просит в этом великодушного извинения у читателя. Конечно, он с своей стороны виноват, но нужно однако ж рассмотреть и его положение: бывают ино-

гда такие затруднительные обстоятельства, что никак нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Притом, не все слова, произносимые на улице, достойны неуваженья. Как бы то ни было они сказаны] нашим православным народом, а наш православный народ скажет спроста подчас и очень[спроста иногда очень] определительное слово. В том же, что автор употребил его, виноваты, если вывести на чистую воду, сами читатели, и особенно читатели высшего общества. От них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и англицкими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и притом с сохранением[и все так, как следует, с сохранением] всех возможных произношений: по-французски — в нос и картавя, по-англицки произнесет как следует птицей, и даже рожу сделает птичьей, и даже посмеется над тем, кто не сумеет сделать птичьей рожу и пропустить, как нужно сквозь зубы. А вот только русским ничем не наделят, разве [только] из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. [Вот какого

рода бывают читатели высшего общества.] А между тем какая требовательность: хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, словом, хотят, чтобы русской язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы только разинуть рот да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человеческого рода, но почтенные читатели, надобно признаться, еще мудреней.

Чем более Чичиков рассматривал дам, тем в большее приходил затруднение разрешить, которая из них была действительная сочинительница письма, исполненного и душевных и сердечных излияний. Попробовавши устремить еще внимательнее взор, он увидел, что и с их стороны прежде не совсем точные и определительные выражения обнаруживались яснее и становились значительнее. Выражалось что-то такое, подающее вместе и надежду, и в то же время наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что он просто не знал, что придумать. Впрочем,

он находил, что дамы были уж несколько слишком толсты, и вообразил себе, основываясь неизвестно на чем, что писавшая таинственное письмо непременно должна быть тонее. Всё это, однако, ничего не отняло из того счастливого расположения духа, в котором он находился. Он разменялся словами с дамами, весьма непринужденно, с большою ловкостью подходил к той и другой и, переменяя вдруг разговор и обращаясь к другой стороне, он сделал два очень удачные не то что бы совсем прыжка, а что-то в роде полупрыжка, подшаркнувши тут же ножкой, в виде коротенького хвостика, или на подобие запятой. Дамы очень были довольны им и отыскивали в нем не только приятности и любезности целую кучу, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, которое, как известно, весьма нравится женщинам. Даже из-за него уже начинали ссориться. [Вместо “Казалось ~ ссориться”: Казалось, все находились в таком блаженстве, что и желать больше ничего не хотели, а только жмурили глаза от удовольствия. Таковую непостижимую власть имеет

тот, кто облечен в силу или снабжен тем, чем не все снабжены. Герой наш отвечал всем и чувствовал сам в этот раз какую-то ловкость необыкновенную, раскланивался направо и налево по обыкновению своему несколько на бок, но легко и свободно, так что очаровал не только дам, но и самих мужчин. К достойным супругам господ сановников он подошел очень непринужденно, сделал даже не то, чтобы совсем [антраша] прыжок, а что-то несколько вроде [него] маленького полупрыжка, пришаркнувши тут же ногою. Автор хотел бы передать читателям некоторые комплименты, сказанные нашим героем, но, к сожалению, никак не может припомнить, впрочем, он смеет уверить, что комплименты были хорошие. Разговаривая то с одной, то с другой, он старался по лицу и по выражению угадать, кто из них была сочинительница письма, исполненного таких сердечных излияний, но стал совершенно втупик: во всех почти без исключения дамах он встретил такое лестное внимание к себе и на лицах очень многих из них показалось такое значительное выражение, подающее надежду и вместе наполняю-

щее сладкими муками сердце бедного смертного, что герой наш решительно не знал, на кого подумать. Казалось, как будто одна дама, именно супруга Г..., виноват, я хотел сказать просто: одна почтенная дама, которая была несколько поплотнее других (все чиновницы города N были очень полны, но шнуровались так искусно и имели такие прекрасные манеры, что вовсе не было заметно толщины). Казалось, будто бы эта дама была сочинительница письма, хотя Чичиков, не знаю почему, вложил себе в голову, что она должна иметь менее полноты и более деликатности в чертах лица. Зато дамы с своей стороны никак не хотели, чтобы он потерял что-либо из своей наружности, находили даже какое-то величие в чертах его, что-то эдакое марсовское, военное, что обыкновенно весьма нравится женщинам. [Наконец дамы начали даже из-за него отчасти между собою ссориться.] Заметивши, что он стоял обыкновенно около дверей, некоторые наперерыв спешили занять [около дверей, каждая наперерыв спешила занять] стул поближе к дверям, и когда одной из дам посчастливилось сделать это, то едва не про-

изошла по этому поводу почти история, [Вместо “и когда ~ себе”: Из-за этого едва не произошла история и многим дамам, которые впрочем и себе] и многим, которые себе [показалась неприятною] то же хотели сделать, показалась уж чересчур отвратительною [показалась неприятною] такая наглость.

Чичиков так занялся [Герой наш так занялся] разговорами с дамами, или лучше дамы так заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно было разгадывать, отчего даже выступил у него на лбу пот, — что совершенно [что он совершенно] позабыл долг приличия: подойти прежде всего к хозяйке. Вспомнил он об этом уже тогда, когда услышал голос [к хозяйке, и тогда только вспомнил он об этом, когда услышал наконец голос] самой губернаторши, стоявшей перед ним уже несколько минут. Губернаторша сказала с приятным [сказала с весьма грациозным] потряхиванием головы: “А! Павел Иванович. Так вот как вы!..” Право, уж я не могу передать в точности слова губерна-

торши, но было сказано что-то такое, исполненное той светской любезности, в духе которой изъясняются [любезности, как обыкновенно изъясняются] дамы и кавалеры в повестях наших светских писателей, любящих [писателей, которые любят; а. писателей охотников;] описывать гостиные и похвастаться знанием высшего тона, в роде того, [что-то в роде того] что “неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами”. Герой наш повернулся в ту ж минуту к губернаторше, и уже готов [повернулся весьма ловко к губернаторше с очень приятным поклоном несколько набок и уже готов] был отпустить ей ответ, вероятно, тоже ничем не хуже тех, какие отпускают в модных [в разных модных] повестях Звонские, Линские, Гремины и другие ловкие [и другие очень ловкие] военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто пораженный электрическим ударом.

Он увидел, что губернаторша стояла перед ним не одна: она держала под руку молодень-

кую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую блондинку, с тоненькими стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно круглившимся овалом лица, какое бы художник взял в образец для мадонны и какое иногда только попадает на нашей Руси, где любит оказываться в широком размере всё, что ни есть: [и какое ошибкою попадает на нашей Руси, где всё в широком размере:] и горы, и леса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую он встретил на дороге, ехавши от Ноздрева, когда по глупости кучеров или лошадей их экипажи так странно столкнулись, перепутавшись упряжьюми, [экипажи столкнулись и запутались] и дядя Митяй с дядей Миняем взялись распутывать дело. Чичиков так смешался, что никак не мог договорить ответа, приготовленного без сомнения весьма удачно, и пробормотал вместо того чорт знает что такое, чего бы уж верно не сказал ни Гремин, ни Звонский. [чего бы уж никак не сказал какой-нибудь Гремин или Звонский.]

“Вы не знаете еще моей дочери”, сказала

губернаторша? “институтка, только что выпущена”.

Герой наш сказал, что уже имел честь нечаянным образом познакомиться или встретиться, что-то в роде этого, конечно, довольно удовлетворительно, но всё уже как-то чего-то как будто недоставало и[как-то не отзывалось тем, что бывает в модных повестях и уже] самые движения его как-то не так были развязны. Губернаторша, сказавши еще два-три весьма лестные для него выражения, наконец, отошла вместе с дочерью на другой конец залы к другим гостям, а Чичиков всё еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу [с тем, чтобы насладиться прогулкой] с глазами, расположенными глядеть на всё, и вдруг неподвижно остановился среди ее [неподвижно], вспомнив, что он позабыл что-то. Вмиг беззаботное выражение слетело с лица его, он силится припомнить, что позабыл он, не платок ли? — платок в кармане; не деньги ли? — [и] деньги тоже в кармане; всё, кажется, при нем, а между тем какой-то неве-

домый дух шепчет, что он позабыл что-то. И вот уже глядит он растерянно и смутно на вывески, на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на будку перед самыми глазами, и ничего хорошо не видит, и всё стоит он неподвижно на одном и том же месте, весь исполненный полузабывшегося размышления, весь преданный [беззаботно бестолково-заботному ожиданию. Таким самым образом и Чичиков остановился вдруг как прикованный, на одном и том же месте, и вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него. В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество вопросов и намеков, [Вместо “стоял неподвижно ~ намеков”: стоял неподвижно и его положение несколько было похоже на положение человека, которой вышел из дому и остановился на дороге, чувствуя, что он позабыл что-то, но что такое позабыл, этого никак не мог припомнить. В это время к нему устремилось множество вопросов и намеков самых грациозных, из уст весьма многих почтенных дам, намеков] отличавшихся особенно тонкостью[необыкновенною тонкостью] и лю-

безностию. “Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть так дерзкими, чтобы спросить вас, о чем мечтаете?” — “Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша?” — “Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?” Но он отвечал на это решительным невниманием, и все приятные фразы канули как в воду, что несколько не понравилось дамам. Он даже так был неучтив, что весьма скоро[что очень скоро] ушел от них в другую сторону, желая посмотреть, куда пошла губернаторша с своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотели его оставить так скоро, и каждая внутренне решилась[в другую сторону отыскивать ту, которая так сильно стала занимать его. Дамы между тем однако же решились] употребить с своей стороны все возможные орудия, [все возможные свои орудия.] так опасные для бедных сердец наших, чтобы привлечь и совершенно поразить его. Каждая[поразить Чичикова и каждая] втайне решила пустить в дело то, что у нее было лучшего. [у ней есть лучшего.] Нужно заметить, что у некоторых дам, я говорю, — у

некоторых, это не то, что у всех — есть [Нужно заметить, что у дам есть] маленькая слабость. Если они заметили у себя что-нибудь хорошее, лоб ли, рот ли, руки, то уже думают, что это прежде всего так всем и бросится в глаза, что как только она явится, [так] все заговорят вдруг в один голос: “Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческий нос, или какой правильный очаровательный лоб”. [а. Далее начато: Та же, которая] У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что [а. плечи, убеждена твердо, что] все молодые люди будут совершенно восхищены и будут повторять только, когда она будет проходить мимо: “Какие чудесные у этой плечи!”, а на прочее, то есть на лицо, волосы даже и не взглянут, если ж и взглянут, то разве [после и то] как на что-то прибавочное, что-то постороннее. [у себя что-нибудь хорошее, то они думают, что весь свет должен заметить это хорошее. Если у одной, напр. <имер>, хорош нос, то она твердо уверена, что всякий не будет глядеть на прочие ее части, а непременно на один нос; если почувствует, что у ней недурны плечи, то она убеждена, что плечи так первые и бро-

сятя всякому в глаза, что никто не взглянет на лицо или волосы, а непременно будет повторять: “Ах, какие у этой чудные плечи!” Несколько, конечно, странно, а точно бывает так, — виноват, я хотел сказать: иногда случается.] Каждая из дам внутренне положила себе в танцах быть как можно обворожительней и показать во всём блеске превосходство того, что у ней самого превосходного. [что у ней было превосходнее.] Почтмейстерша, вальсируя, с такой томностию опустила на бок голову, что слышалось, в самом деле, что-то неземное. [как будто что-то неземное] Одна очень любезная дама, которая приехала [Одна почтенная дама, которая даже приехала] вовсе не с тем, чтобы танцевать, по причине приключившегося, как сама выразилась, небольшого “инкомодите” на правой ноге в виде горошинки, вследствие чего должна была даже надеть [почему должна была надеть] плисовые сапоги, но однако ж никак не вытерпела и сделала несколько кругов в плисовых сапогах, чтобы в самом деле почтмейстерша уж не слишком забрала себе в голову.

Но всё это никак не произвело предполагаемого действия на Чичикова. Он даже не смотрел на все те круги, которые производили дамы, а то и дело подымался на цыпочки выглядывать поверх голов, куда бы могла забраться занимательная блондинка; приседал и вниз тоже, высматривая промеж плечами и по за спинами, и, наконец-таки, доискался и увидел ее, сидящую вместе с матерью. Кажется, как будто бы он хотел взять ее приступом. Почувствовал ли он какое-то весеннее расположение, или кто-нибудь толкал сзади, только он выпирался решительно вперед, смело в ту сторону, несмотря ни на что. Откупщик получил от него такой толчек, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ноге, не то бы, конечно, повалил за собою целый ряд. Почтмейстер тоже отсторонился и посмотрел на него с изумлением. Но Чичиков не смотрел ни на кого и приближался к блондинке, надевавшей [Но всё это никак не произвело предполагаемого действия над нашим героем. Он всё искал глазами интересную блондинку и увидел, наконец, их обеих сидевших вместе, т. е. губернаторшу и ее надевавшую]

длинную перчатку и, без сомнения, сторавшую желанием пуститься летать по паркету. Не без некоторого, однако же, чувства робости он подступил к ним. Нельзя наверное сказать, точно ли пробудилось в Чичикове кое-что в роде любви. Даже почти сомнительно, чтобы господа [Вместо “Не без ~ господа”: Он подошел к ним, однако ж, не без некоторого чувства робости. Автор никак не может сказать ~ в роде любви. Он даже почти сомневается, чтобы люди] этого сорта, то есть, не так чтобы очень толстые, однако ж, и не то, чтобы тонкие, способны были влюбиться. [не то чтобы тонкие, чтобы эти господа были способны влюбиться.] Однако ж, он чувствовал действительно что-то такое, которое несколько трудно рассказать [которое даже очень трудно объяснить] и которого даже он сам не мог бы себе объяснить: симпатия ли [симпатия ли это была] или просто влечение, только весь бал, как он сам потом сознался, со всем своим говором и шумом ему показался на несколько минут, как будто бы был где-то вдали и подернулся чем-то в роде тумана [другими словами], иначе был похож на ка-

кое-то небрежно замалеванное поле на картине. И из этого мглистого и кое-как набросанного поля выходили ясно и оконченно только одни тонкие красы увлекательной блондинки: ее овально-круглившееся личико, ее тоненький, [Вместо “весь бал ~ тоненький”: в это время весь бал со всей толпой, люстрами, свечами, плечами, картами, прокуроршами, скрипками превратился для него во что-то незначущее и туманное, похожее на фон на картине, а из этого тумана и мглы ясно и чисто только выходило пред ним и круглилось овальное приятное личико; этот тоненький] тоненький стан, каков бывает у институтки в первые месяцы после выпуска из института, ее белое, почти простенькое платье, небрежно, легко и ловко схватившее везде ее молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, выточенную из слоновой кости. Одна только для него белела и казалась прозрачною среди мутной толпы. Бог знает, видно, на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов. [а. и Чичиковы обращаются в поэтиче-

ских людей. Но слово поэтический может быть для Чичикова будет несколько много.] Но [виноват] слово поэт может быть в самом деле будет уж слишком [для Чичикова]. Справедливее то, что он почувствовал себя совершенно чем-то в роде молодого человека, чуть-чуть не гусара. [Вместо “ее белое ~ гусара”: и белое почти совершенно простенькое платье, почти с небрежною легкостью обхватившее ее молоденькие, стройные, означавшиеся в каких-то чистых линиях формы. Словом, по крайней мере, на несколько минут Чичиков сделался чем-то в роде молодого человека, чуть-чуть не гусара.] Увидевши возле них пустой стул, он тот же час занял его [пустой стул, он постарался тот же час занять его] и начал разговор, сначала несколько не клеившийся, но потом дело пошло: он начал мало-помалу развязываться и, как говорится, входить в роль. Здесь должно заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то несколько тяжелы в разговоре с дамами. На это мастера гг. поручики, и никак не далее капитанского чина. Как они делают, бог их ведает <1 нрзб.> кажется и не

[весьма] мудрые вещи говорятся, [Вместо “Здесь ~ говорятся”: Но к величайшему при- скорбию, должно заметить, что люди, почита- емые дельными и способными к занятию хо- роших должностей, как-то не так ловки с да- мами, а тем еще более с девицами, и разговор их всё как-то не с той стороны и не о том, что следует. Для этого уже созданы гг. поручики и вообще никак не выше капитана. Как они это делают, бог весть, но у них всё это живо] и де- вица то и дело качается на стуле от смеха. Статский же советник бог знает, что расска- жет, или поведет речь о том, что Россия очень пространное государство, или отпустит ком- плимент, который, кажется и остроумно вы- думан, но от него сильно пахнет книгою; [по- ведет речь о том, какое Россия пространное государство и тому подобное] если же скажет что-нибудь смешное, то сам несравненно больше смеется, чем та, которая его слушает. Здесь это замечено единственно потому, что- бы читатели несколько видели причину, от- чего блондинка стала сильно зевать [стала на- конец довольно сильно зевать] во время рас- сказов нашего героя, который, впрочем, не за-

мечал этого и приправлял их приятными[который, однако ж, решительно не замечал этого, а напротив того, еще более развивался, прикрашивая разговоры свои весьма приятными; а. Начато: который впрочем не замечал этого и казалось развивался еще более] выражениями лица, помещая кое-где одну из тех действительно заманчивых улыбок, предварительно подмеченных в зеркале. [улыбок, которые он предварительно рассмотрел в зеркале.] Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось такое обхождение Чичикова. Одна из них[Вместо “Всем дамам ~ Одна из них”: Прочим дамам, однако ж, это очень не понравилось. Одна очень почтенная дама] прошла нарочно мимо его, чтобы дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно небрежно толстым руло своего платья, а шарфом, который порхал вокруг плечей ее, распорядилась так, что он махнул концом своим ее по самому лицу. [концом своим по самому лицу] И в то же самое время позади его из одних дамских уст изнеслось вместе с запахом фиялок довольно язвительное и колкое замечание. Но он или не услышал, в са-

мом деле, или прикинулся, что не услышал, только это было] а. впрочем во всяком отношении это было] не хорошо, ибо мнением дам нужно дорожить. В этом он после и раскаялся, но поздно. [Вместо “И в то же самое ~ поздно: С другой стороны, именно сзади, услышал он прошепнутое ему некоторыми устами, от которых понеслось целое море фиалок, несколько язвительное и колкое замечание. Но или он прикинулся, что не дослышал, или имел в самом деле неблагоприятное впечатление не дослышать, только это было не хорошо, и герой наш на этот раз был просто дурак, ибо мнением почтенных дам, а особенно супругов сановников, как губернских, так и уездных городов, нужно очень дорожить. В этом, может быть, он после и раскаялся, но уж поздно.]

Негодование, во всех отношениях справедливое, отразилось во многих глазах. Как ни велик был в обществе вес Чичикова, хоть он и миллионщик, и в лице его величие и разное прочее выражалось, но есть вещи, которых дамы не простят никому, будь[хоть будь]

он кто бы ни был — и тогда прямо пиши пропало. Есть случаи, где женщина, как ни слаба и ни бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже всего, что ни есть на свете, и тогда мужчина перед нею [ребенок] не более как ребенок со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостью духа. Самого холодного в своих жестокостях, прикрывающего их личиною долга, можно как-нибудь преклонить, но женщину в некоторых случаях уж никак нельзя преклонить, хотя в характере нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство. [Вместо “Есть случаи ~ злодейство”: Ибо есть случаи, где женщина тверже не только мужчины, но и железа, и мрамора, и всего, что ни есть на свете. И если уже раз затворились перед вами двери рая, то всё кончено; бедный наш брат осужден весь век скитаться, как оборванный Иуда вокруг заветных стен, оглашая вечным плачем не весьма веселые пространства доставшегося ему на долю ада; пищею ему будет безнадежность, а райские двери не отопрутся; в этом он может быть уверен. Ибо нет такого

плача и рыданий, и нельзя выдумать таких молений, которые могли бы умилоствивить тогда женщину; а. Есть случаи, где женщина, как ни слаба, ни бессильна характером против мужчины, но даже становится в несколько раз тверже ~ как-нибудь преклонить, но нельзя умолить <1 нрзб.> женщин [хотя бы даже в] несмотря на то, что [нет в характере ее] в характере ее нет жестокости, нет совершенно, решительным <?> образом злодейства.] Пренебрежение, оказанное Чичиковым, может быть даже совсем неумышленно восстановило между дамами некоторое согласие, готовое прежде разрушиться по причине наглого завладения стулом. [может быть неумышленное, восстановило даже между дамами некоторое согласие, которое прежде, казалось, готово было разрушиться, потому что одна дама никак не могла простить другой за то, что та захватила стул, на котором она сама хотела поместиться около Чичикова.] Теперь они стали говорить о нем между собою со стороны такой невыгодной, что не дай бог всякому, а бедная институтка была уничтожена совершенно, [а бедная институтка про-

пала совершенно] и приговор ей был уже подписан.

А между тем герою нашему готовился совершенно неожиданно пренеприятнейший сюрприз. В то время, когда привлекательная блондинка зевала, а он, сидя около нее, рассказывал с весьма приятною улыбкою разные небольшие историйки, [Далее было: разные недавно случившиеся анекдоты, где] даже коснулся несколько греческого философа Диогена, — показался из соседней комнаты Ноздрев. Из буфета ли он вырвался, [“он вырвался” вписано.] или из небольшой зеленой гостиной, где производилась игра посильнее, чем в вист, своей ли волей, или вытолкали его, [игра немножко посильнее, чем в обыкновенный вист, сам ли он вышел, или его выпустили] только он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого уже, вероятно, таскал несколько времени, потому что бедный прокурор поворачивал на все стороны свои густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия. В самом деле, оно было

невыносимо, ибо Ноздрев, [потому что Ноздрев] захлебнувши куражу в двух чашках чаю, конечно, не без рому, врал немилосердно. Завидев еще издали его, Чичиков решился даже на пожертвование, т. е. оставить [Увидевши еще его издали, Чичиков решился даже оставить] свое завидное место и, сколько можно поспешнее, удалиться: ничего хорошего не предвещала ему эта встреча. [удалиться, потому что встреча эта не предвещала ему ничего хорошего.] Но, как на беду, в это время подвернулся губернатор, который изъявил большую радость, что нашел Павла Ивановича, и остановил его, прося быть судьей в споре его с двумя дамами на счет того, продолжительна ли женская любовь, или нет; [или чего-то подобного] а между тем Ноздрев уже увидал [уже увидел] его и шел прямо на встречу.

“А, херсонский помещик, херсонский помещик!” [А, помещик, помещик!] кричал он подходя и заливаясь смехом, от которого дрожали его свежие и румяные, как весенняя роза, щеки. “Что, много мертвых душ накупил?”

Ведь вы знаете, ваше превосходительство”, горланил он, тут же обратившись к губернатору: “ведь он покупает мертвые души. Послушай, душа Чичиков. Ведь ты, я тебе говорю по дружбе, вот мы все здесь твои друзья, вот и его превосходительство здесь, — я бы тебя повесил, ей-богу, повесил”.

Чичиков просто не знал, где сидел.

“Поверите ли, ваше превосходительство”, продолжал Ноздрев: “как сказал он мне: продай мертвых душ, — я так и лопнул со смеху. Приезжаю сюда — мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод. [Далее было: в какую-то губернию] Каких на вывод?[Каких, говорю, на вывод?] Да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, ведь ты скотина, ей-богу, скотина, — вот и его превосходительство здесь — не правда ли, прокурор?”

Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор все пришли в такое замешательство, что не нашлись совершенно, что отвечать, а между

тем Ноздрев, ни мало не обращая внимания, нес полутрезвую речь. [не обращая на всё это внимания, нес полутрезвую свою речь.]

“Уж ты, брат, ты, ты... Я не отойду[Уж ты, брат... я не отойду] от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно: у тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь, не правда ли, прокурор? Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы привязаны[как мы издавна привязаны] друг к другу, т. е. просто, если бы вы сказали — вот я тут стою, — а вы бы сказали: “Ноздрев, скажи по совести, кто тебе дороже: [“Ноздрев, кто тебе дороже] отец родной или Чичиков?” — скажу: “Чичиков, ей богу...” Конечно, чепухи, которую далее понес Ноздрев, не слушали[Вместо “Конечно ~ не слушали”: Ноздрев нес далее болтовню с примесью всякой чепухи; его бросили] и ушли от него подальше, но всё же слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождаены таким громким смехом, что привлекли внимание даже тех, которые

находились в самых дальних углах комнаты. Эта новость так показалась странною, что все остановились невольно с каким-то [с каким-то странным] деревянным, глупо-вопросительным выражением в лице, какое видится только на карнавальных масках, в то время когда молодежь, скрывшаяся под ними, [молодежь безотчетно] раз в год хочет [беззаботно] безотчетно завеселиться, закружиться и потеряться в беспричинном весельи, избегая и страшась всякого вопроса, а [они] неподвижно несясь <?>, маски на их лицах, озабоченных движением, как будто смотрят каким-то восклицательным знаком и вопрошают, [восклицательным знаком на своих [бумажных] [деревянных]] бумажных чертах их и спрашивают] к чему это, на что это. Почти такое же бесчувственное выражение и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах. И вдруг во всей зале минуты на две по крайней мере восстановилась какая-то непонятная тишина. Чичиков заметил, [заметил даже] что многие дамы [Далее начато: пересмеялись] перемигнулись между собою с какою-то злобною, едкою усмешкою, и в вы-

ражении лиц некоторых из них было заметно что-то такое двусмысленное, которое еще более увеличило его смущение. [и вообще в выражении лиц их было что-то такое двусмысленное, что еще более увеличило и его смущение.] Что Ноздрев лгун отъявленный, — это было известно всем, и вовсе не было диковинкой слышать от него решительную бессмыслицу, но смертный, право, я уж и понять не могу, как чудно устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, [Вместо “но смертный ~ смертному”: но люди так устроены, что всякую новость, как бы она ни была пошла, непременно сообщат другим] хоть именно для того только, чтобы сказать: “Посмотрите, какую ложь распустили”. А другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: [А другие с удовольствием преклонят ~ скажут сами] “Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!” И вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ее, после вместе с ним воскликнуть [отправятся

рассказать третьим, чтобы после вместе с ними воскликнуть] с благородным негодованием: “Какая пошлая ложь!” И непременно это обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, все наговорятся об этом в волю и потом единогласно признают, что решительно не стоит никакого внимания и не следует говорить о нем.

Это вздорное, по-видимому, происшествие, однако же, расстроило нашего героя. [Казалось, что бы могло значить] Как ни пуста болтовня дурака, но [при всем том] иногда она бывает [очень] весьма достаточна, дабы смутить человека. Чичиков стал себя чувствовать как-то совсем неловко, ни движений тех, ни приятности уже не было. В мозгу как будто у него сидело что-то постороннее, как будто какой-нибудь злой дух проходил впоперек всему, к чему бы он не задумывал обратить мысли. [происшествие расстроило, однако же, весьма заметно нашего героя. Он старался, впрочем, приободриться, приподымать даже довольно свободно и открыто голову, как будто бы мертвые души и болтанье Ноздрева

не значило ему ничего; но всё, однако же, в приемах его уже не было той свободы и тех красок, которые он приобрел заблаговременно у себя в комнате. Он пробовал несколько раз пришаркнуть ногою по-прежнему и подойти с приятностию, но оно вышло на этот раз несколько холодно и даже совершенно без приятности.] Он всячески старался себя рассеять: попробовал сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно: два раза он пошел в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдору свою же. Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух[и мог таким образом подвести под обух] его пикового короля, на которого он, по собственному его выражению, надеялся как на бога. Конечно, почтмейстер и председатель, и начальник полиции, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблен ли он, и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено, но всё это никак его не

утешало, как он ни пробовал[его не утешало, хотя он пробовал] на это усмехаться и отшучиваться. За ужином тоже он никак не мог развязаться, несмотря на то, что общество было приятное, [За ужином тоже, хотя общество было хорошее, ибо; а. За ужином тоже он не мог никак развязаться, хотя общество на том конце стола, где он сидел, было очень приятное] Ноздрева уже давно вывели, ибо сами дамы заметили, что поведение его чересчур становилось скандально: [потому что даже сами дамы, наконец, заметили, что поведение его чересчур скандально] среди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что уж было ни на что не похоже, по выражению дам. Ужин был очень весел. Все лица, мелькавшие перед тройными подсвечниками, цветами, конфетами и бутылками, были озарены довольною непринужденностью. Офицеры, дамы, фрачники, всё сделалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульев и бежали отнимать у слуг блюда, чтобы предложить их <с> необыкновенною ловкостью дамам. Один полковник подал даме тарелку с соусом на об-

наженной шпаге. Мужчины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово рыбой или аппетитно приготовленной говядиной, и спорили о тех предметах, в которых он доселе всегда принимал участие. Но он был похож <на> какого-то человека, уставшего или разбитого дальнею дорогою, даже не дождался он ужина и уехал к себе несравненно раньше, чем имел обыкновение уезжать.

Там, в этой комнатке, так знакомой читателю, [Вместо “за полы танцующих ~ читателю”: за платьем танцевавших дам. Но, несмотря на приятное общество, Чичиков в силу высидел за столом и тотчас после ужина уехал домой. Селифану, который полез было к сапогам его, чтобы скинуть их, он сказал дурака и выслал вон.] положение мыслей и духа его было так же беспокойно, как беспокойны те кресла, в которых он сидел. Взглянувши, как говорится, оком благоразумия на свое положение, он видел, что всё это вздор, глупое [что глупое] слово ничего не значит, дело же по милости божией обделано как следует; но ху-

до, что дамы были довольны. Это его огорчило, тем более что, разобравши дело, он увидел, что был причиною отчасти сам. На себя, однако ж, он не рассердился и в том отношении, конечно, был [несколько] отчасти прав, [ибо] все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше приискать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду, например, на слуге, или на чиновнике нам подведомственном, который в пору подвернулся, [или] на жене, или, наконец, на стуле, который швырнется, чорт знает куды, к самым дверям, так что отлетит от него ручка и спинка. Так и Чичиков скоро нашел ближнего, который потащил, [наконец] на плечах своих всё, что только могла внушить ему досада. Ближний этот был Ноздрев, и, нечего сказать, он был так отделан со всех боков и сторон, как разве отделяет только ямщика или кого другого какой-нибудь езжалый опытный капитан, который сверх многих выражений, сделавшихся классическими, [Вместо “дело же ~ классическими”]: что если бы и поверил кто-нибудь ему, то и тогда ничего, потому что, по мило-

сти божьей, дело уж, кажется, обделано хорошо. Худо только, что дамы были отчего-то недовольны. Это, конечно, могло несколько огорчать его, ибо герой ваш, подобно автору, чувствовал истинное почтение к супругам саванников. И точно, он этим сильно огорчился. Он видел, что был причиною отчасти сам, но так как мы, по свойственной нам слабости, имеем обыкновение немножко пощадить себя, а вместо того приискать какого-нибудь ближнего, на котором бы можно было выместить досаду, то Чичиков мысленно отнесся к Ноздреву, и уж нечего сказать — Ноздрев был так обделан и выруган на все стороны, как вряд ли какому ямщику случится быть отделану каким-нибудь опытным езжалым капитаном, который кроме разных выражений, уже совершенно известных и сделавшихся классическими,] прибавляет еще много неизвестных, которых изобретение принадлежит ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана и многие [Вместо “Вся ~ многие”: Не скроем, что при этом случае была рассмотрена вся родословная Ноздрева и многие] из членов его фамилии в восходящей ли-

нии сильно[очень сильно] потерпели.

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей и угощая [очень] усердно Ноздрева и всю родню его, [“и угощая ~ родню его” вписано.] и перед ним топилась сальная свеча, которой светильня давно уже накрылась нагоревшею черною шапкою, и пламя[так что пламя] вяло раздваивалось под нею, ежеминутно грозя погаснуть, [как бы грозя ежеминутно погаснуть] и глядела ему в окна слепая темная ночь, готовая посинеть от приближавшегося рассвета, и отдаленные пелухи пересвистывались вдали, и в совершенно заснувшем городе, может быть, плелась где-нибудь одна фризовая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (увы) слишком протертую русским забубенным народом дорогу; [“и в совершенно ~ дорогу” вписано. а. и в совершенно ~ протертую дорогу; б. и в совершенно ~ протертую русским народом дорогу] в это время на другом конце города происходило происшествие, готовившееся, как казалось, увели-

читать неприятность положения нашего героя. Именно, в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, какой вряд ли где можно увидеть, [какой вряд ли бы где-нибудь читатель увидел] кроме как разве в обширной русской империи. [в русской империи.] Он не был похож на бричку[ни на бричку] или коляску; справедливее сказать, он ни на что не был похож. [Далее было: Кузов этого экипажа шатался точно также, как шатается во время еды у старых людей нос, если только этот нос изрядно толст и если эти старые люди придерживаются, как говорится, стеклянной посуды.] Экипаж этот был наполнен перинами, подушками и узелками с хлебом, дорожными пирогами, и увешан вязанками каких-то [особенного рода] треугольных домашних кренделей. [Экипаж этот был увешан разного рода узелками с хлебом, дорожными пирогами и баранками.] Шум и визг от железных скобок и заржавых винтов разбудил на другом конце города бутешника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья, что стало мочи: “Кто идет!”, но увидевши, что никто не шел, а слы-

шалось только издали дребезжание странно-го экипажа, достал из сапога тавлинку и потянул из нее табак, [но увидевши, что никого не было, достал из сапога тавлинку и нюхнул табак] имевшего запах сгнившей кожи. Лошади, запряженные в это четвероколесие, [Далее было: (иначе, право, трудно придумать ему название)] то и дело падали[то и дело что падали] на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, как видно, покойная городская мостовая[прекрасная городская мостовая] была им мало знакома. Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец, повернула в тесный переулок, мимо небольшой приходской церкви Никола на Недотычках и остановилась[мимо церкви, которая называлась Никола на Недотычках. Здесь она остановилась] перед воротами дома протопопши. Из брички вылезла[Из брички прежде вылезла] девка с платком на голове и в телогрейке ихватила обоими кулаками в ворота так сильно, [Вместо “ихватила ~ сильно”: она так сильнохватила обоими кулаками в ворота] хоть бы и мужчине. Собаки залаяли, и ворота, разинувшись,

наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение. Бричка въехала в тесный двор, заваленный дровами, курятниками и разными свинушками. Из экипажа вылезла барыня. Эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка скоро после отъезда нашего героя в такое пришла беспокойство насчет могущего произойти обмана со стороны покупателя, что, не проспавши три ночи сряду, решила ехать в город, несмотря на то, что лошади не были подкованы, [лошади были не подкованы] и там узнать наверно, почем ходят мертвые души, [почем ходят мертвые души, т. е. в какой цене] и уж не промахнулась ли она, боже сохрани, продав их, может быть, в три-дешева. Какое произвело следствие это прибытие, читатель может узнать из одного разговора, [из разговора] который происходил между одними двумя дамами. Разговор сей... но пусть лучше сей разговор будет в следующей главе. [Вместо “между ~ главе”: между некоторыми двумя очень почтенными дамами...]

ГЛАВА IX

Поутру, довольно рано, ранее даже того времени, которое назначено для визитов в городе N, из дверей деревянного дома, выкрашенного оранжевой краской, с мезонином и голубыми колоннами, [для делания визитов в городе N, из дверей одного деревянного дома с мезонином и деревянными колоннами, выкрашенными голубою краскою] выпорхнула дама в клетчатом щегольском [в клетчатом весьма щегольском] клоке, сопровождаемая лакеем в шинели с несколькими воротничками и золотым галуном на круглой лощенной шляпе. Дама вспорхнула тот же час с необыкновенною поспешностию по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску. Лакей тут же закрыл даму дверцами, закидал ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричал кучеру: “Пошел”. Сидевшая в коляске дама во всю дорогу не знала, [а дама совершенно не знала] как сладить с собственным языком, чувствовавшим побуждение непреодолимое сообщить [другому] только что услышанную новость. Она поминутно выглядывала из окна и видела, что всё еще остается полдороги. Всякой дом, в котором было

не более осьми окон в ряд, казался ей длиннее обыкновенного. Ослепительной белизны каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она, наконец, не вытерпела, чтобы не сказать: “Проклятое строение: и конца нет!” Кучер уже два раза получал приказание: “Поскорее, поскорее, Андрюшка. Ты сегодня бог знает как долго едешь”. Наконец, цель ее была достигнута. Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным и просторным домом темно-серого цвета, с белыми деревянными барельефчиками над окнами, с высокой деревянной решеткой перед самыми окнами и узеньким палисадником, за решеткою которого дерева, казалось, были покрыты никогда не сходящей пылью. В окнах мелькали горшки с цветами, попугай с большим носом, и моськи, спавшие на солнце. В этом доме жила искренняя приятельница приехавшей дамы. [Вместо “Сидевшая ~ приехавшей дамы”: Внимание дамы, сидевшей в коляске, казалось, устремлено было, чтобы удержать язык свой, чувствовавший нестерпимый аппетит рассказать кое-какой секрет. Это простиралось до

того, что несколько раз она начинала от нетерпения рассказывать себе самой. Скоро коляска, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, остановилась перед одним деревянным и тоже не очень большим домом. Этот дом принадлежал почтенной чиновнице г-же... а. Во всю дорогу сидевшая в коляске [не могла] дама казалось никак не могла сладить с языком своим, который чувствовал аппетит нестерпимый рассказать кое-что только что услышанное, такой аппетит, какого, точно, никогда еще никто не чувствовал. Она поминутно выглядывала из окна и всё еще видела, что почти остается полдороги. Каждый дом, в котором была не больше осьми окон в ряд, казался ей длиннее обыкновенного. Кучер несколько раз получал приказание: “Поскорее, поскорее; ты сегодня, Андрюшка, бог знает как долго едешь”. Текст не закончен.] Автор чрезвычайно затрудняется, как бы назвать обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него и не укорили бы в помещении каких-либо личностей. Назвать выдуманною [как называть ему обеих дам, чтобы опять не рассердились и не укорили

его в помещении личностей. Назвать какую-нибудь выдуманною] фамилией — опасно. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь носящий его, и непременно рассердится не на жизнь, а на смерть, станет говорить, [будет говорить] что автор нарочно приезжал секретно с тем, чтобы выведать всё: чту он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне [под вечерок] наведывается, [и какое даже блюдо особенно] и что любит покушать. [чту он такое и в каком именно городе живет.] По чинам назвать, и того хуже: скажи только автор Прокурорша, то непременно все прокурорши, сколько их ни есть со всех губернских городов, обидятся. [Далее было: Что ж делать?] Такое уж обидчивое у нас государство. И потому во избежание личностей и разных могущих произойти тех и других следствий, мы станем называть даму, к которой приехала гостья, таким же образом, как она называлась почти единогласно в городе N, т. е. дама приятная во всех отношениях. Ибо, в самом деле, она употребляла всё, что

только можно чтобы сделаться в обществе самую любезною, какою только себе можно представить, и в том совершенно успела: сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкостью нескрывтою вооружались ее наружно холодные речи, а уж не приведи бог, что кипело в сердце ее против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но всё это было прикрито светскою [и] любезностью, тою же добротою и ласкою, какою [хорошо] кстати умеют показать столичные дамы, и таким образом, она сделалась во всех отношениях приятной дамой. Приехавшая дама, [а. Дама, приехавшая к ней] хотя, конечно, была тоже не без достоинств, но не имела такой многосторонности в характере; [а. такого многостороннего характера] а потому мы станем называть ее: просто приятная дама. Приезд гостьи разбудил собаченок, спавших на солнце, которые с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостья освобождалась от своего

клока и очутилась в ситцевом платье модного цвета, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую, как латы, и заключавшую в себе полную грудь ее, как в большом сундуке. Едва только во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, как уже выбежала в переднюю. Обе дамы ухватились за руки и поцеловались, вскрикнувши таким радостным криком, как молодые институтки, встретившиеся между собою спустя несколько недель после выпуска, когда еще маменьки не успели объяснить им, что неприято кричать и слишком сильно радоваться при встречах [особенно] с теми, которых отец еще неизвестно какого чина и состояния посредственного. Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо собаченки, которые было уже притихли, [Вместо “называть даму ~ притихли”]: называть приезжую даму просто почтенная дама, а та, <к> которой почтенная дама приехала, пусть будет... пусть будет тоже почтенная дама. Приезд почтенной дамы разбудил в доме мосек, спавших на окнах пе-

ред солнцем. Поднявши лай, они понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где почтенная дама освобождалась от своего клока. Скинувши клок, она очутилась в пестром полосатом платье. Шнуровка ее была роскошна, на подобие крепких лат, также красиво выгнутых, и полная грудь ее покоилась в ней, как в большом сундуке. Как только о приезде почтенной дамы узнала тоже почтенная дама, то, не медля ни мало, побежала к ней на встречу. Обе дамы вскрикнули, как будто бы не виделись несколько лет, обнялись и поцеловались. Этот поцелуй совершился довольно звонко, так что моськи] залаяли снова, за что были хлопнуты платком. Обе дамы отправились в гостиную, разумеется, голубую, с диваном, и даже с ширмочками и плющем. [Вместо “Обе дамы ~ плющем”: За сим почтенная дама и тоже почтенная дама отправились обе в гостиную.]

“Ну, как же я рада, что вы приехали”, говорила во всех отношениях приятная дама. “Я слышу, что кто-то подъехал, [Параша говорит: губернаторша]” да думаю себе: кто бы это та-

кой. Параша говорит: “вице-губернаторша”, [Параша говорит: губернаторша] а я говорю себе: “Ну, вот [Вот] приехала опять дура надоедать”, и уж хотела было сказать, что меня нет дома. Ну, как же я рада, право”. [Далее было: что вас вижу. Садитесь, здоровы ли вы?”]

“Ах, если бы вы знали, жизнь моя Анна Григорьевна, как я к вам спешила”, сказала просто приятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыхание от нетерпения скорее приступить к делу. Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился было принять разговор. [Вместо “Ах, если бы ~ разговор”: “Я бы к вам давно приехала, Анна Григорьевна”, говорила почтенная дама, едва переводя дух. Ее дергало, как в лихорадке, и сердце билось так сильно, что слышно было даже по углам комнаты. Так велико было нетерпение ее сообщить привезенную новость. “Я бы давно к вам приехала, Анна Григорьевна, но вы не можете себе представить...” Тут, еще не до-

кончивши фразы, она хотела было разом перейти к делу, которое приехала рассказать, но на половине речи была перебита [совершенно] никак неожиданным восклицанием [Анны Григорьевны,] тоже почтенной дамы, давшим совершенно другое направление разговору.

Среди рукописей, относящихся к “Тарасу Бульбе”, находится листок с другим наброском этого же отрывка (автограф): я слышу, что кто-то подъехал, говорила хозяйка <нрзб.>

“Ну как же я рада...” Окончанье не было договорено, она [схватила] усадила приятную даму тот же час на диван в самый угол и зачихнула ей за спину подушку, на которой был вышит рыцарь таким образом, как вышивается он на канве: нос лестницей, а губы четверугольником.

Приятная дама, поблагодарив за доброту, уже было открыла рот, с тем чтобы [рассказать] скорее начать новость, с которой она

приехала, как вдруг дама приятная во всех отношениях издала восклицание, которое вдруг дало другое направление разговора [и он некоторое времени]

Но мне кажется... это пестро.

Ах нет, [Ах, нет] совсем не пестро <З нрзб.>, нет, право, как вы ни говорите.

Глазки и лапки. Глазки и лапки. Потом голубой фон через полосочки. Право пестро.

Не думаю я и не могу именно сказать, что бы это могло быть (текст не закончен).]

“Какой веселенькой ситец!” воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы.

“Но представьте же, Анна Григорьевна, что бы вы теперь сказали, если бы увидели матерчатое, которое мне привезла сестра. Вообразите полосочки узенькие, как только может представить себе воображение челове-

ское, фон голубой, и всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... при свечах такое волшебство! Ну бесподобная, бесподобная! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете”.

“И всё глазки да лапки?”

“Всё глазки да лапки; но так распрямило, что сказать нельзя”.

“Только это, мне кажется, уж чересчур пестро. Я по крайней мере, не могу себе представить здесь ничего хорошего”.

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонна к отрицанию и сомнению и отвергла весьма многое в жизни.

“Ах, нет, Анна Григорьевна, это просто нужно видеть... Да, поздравляю вас: оборок больше не носят”.

“Как не носят?”

“На место их фестончики”.

“Как фестончики?”

“Фестончики, всё фестончики, и сзади фестончики, и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики, и внизу фестончики, везде фестончики”.

“Да это ж прескверно выйдет, если всё фестончики”.

“Ах, вы не можете поверить, как [хорошо] мило: шьется в два рубчика и сверху нашивочка”.

“Зачем же [здесь] нашивочка?”

“А нашивочка-то и составляет главное очарованье. Но вот, Анна Григорьевна, вот уж когда вы испустите длинный ах, уж точно испустите длинный ах. Какой бы вы думали теперь самый модный покррой, которого еще и в Петербурге не все носят? Вообразите: лифчи-

ки длиннее, чем у мужчин”.

“Не может быть?”

“Длинные, длинные, и юбка[Вместо “Какой веселенькой ~ юбка”: “Какой веселенький ситец!” сказала тоже почтенная дама, глядя на платье просто почтенной дамы. “Да, не правда ли очень веселенькой”, сказала почтенная дама. “Ах, если б вы видели кисейку, которую привезла мне сестра! Вообразите: полоски узенькие и через клеточку всё глазки и лапки, глазки и лапки, т. е., вы ничего себе представить не можете, Анна Григорьевна, при свечах это такое обворожение. Бесподобная, бесподобная! Уж, точно, можно сказать, что никогда еще не было ничего подобного на свете”.

“Только я не понимаю, Софья Ивановна, может ли этот узор быть хорош, когда всё глазки и лапки”. (Тожe почтенная чиновница, не мешает заметить, была решительный материалист и отвергала весьма многое в жизни).

“Да, Анна Григорьевна, всё глазки и лапки. И вообразите, вместо оборки всё фестончики, и сзади фестончики и на рукавах фестончики”.

“Но только я не полагаю, чтобы шли фестончики к кисейному платью.”

“Ах, вы просто поверить себе не можете, как это распрямило. Деликатно необыкновенно. И там еще что-то такое, трю-шу или шу-шу, — уж право, наверное не могу сказать, но бесподобно, а потом маленькие нашивочки”.

“Ну, уж в нашивочках, я признаюсь, ничего не вижу”.

“Да, Анна Григорьевна, нашивочки. А талии, Анна Григорьевна, уж так низки, вообразить себе не можете”.

“Как же талии низки!”

“Да, Анна Григорьевна, низки, низки, сза-

ди] собирается так, как прежде бывало
фижмы; даже[фижмы и даже] немножко под-
кладывают вату, чтобы была совершенная
бельфам”.

“Ну, уж как вы себе хотите, но я никак не
стану подражать этому”.

“Я сама тоже. Право, трудно даже вообра-
зить, до чего иногда доходит мода. Подчас та-
кие глупости выдумывают... Я однако же вы-
просила у сестры выкройку, посмотрю для
смеха, как выйдет;[Я сама тоже. Только для
одного курьезу выпросила у сестры выкрой-
ку, посмотрю, право, как выйдет. а. Начато: Я
сама тоже. Ужасно странно! Я однако ж] Ма-
ланья моя принялась уже шить”.

“Так у вас разве есть выкройка?” вскрикну-
ла во всех отношениях приятная дама не без
заметного движения. [“вскрискнула ~ движе-
ния” вписано.]

“Как же, сестра привезла”.

“Душа моя, дайте ее мне, я попробую тоже для смеха, как оно выйдет”.

“Только после Прасковьи Федоровны, потому что я уже ей обещала”.

“Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны! Это уж со стороны вашей будет такое оскорбление... Вы сами знаете, в каком мы с вами отношении”. [Вместо “Душа моя ~ отношении”]:

“Ну, так вы, пожалуйста, уж дайте ее потом мне”.

“С большим удовольствием, только я уже обещала Прасковье Федоровне, а после нее уж непременно вам”.

“Нет, Софья Ивановна, что ж после Прасковьи Федоровны. Ведь мы с вами в родстве”. а. “Дайте ее мне; пожалуйста, после. Я попробую себе тоже для смеха”.

“С большим удовольствием, Анна Григо-

рьевна, только я прежде обещала Прасковье Федоровне, и после нее непременно вам”.

“Нет, Софья Ивановна, что же после Прасковьи Федоровны. Кто может носить после Прасковьи Федоровны. Мне <1 нрзб.>”]

“Да ведь она тоже мне двоюродная тетка”. [она тоже почти что не двоюродная тетка.]

“Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны. [Она вам с мужниной стороны родня, а ведь мы только что не родные сестры.] Нет, уж, пожалуйста, Софья Ивановна, я и слушать не хочу”.

Бедная приятная дама не знала совершенно, что ей делать: [в самом деле] послужи одной, а что на это скажет другая. [Бедная почтенная дама пришла в такое затруднительное положение, что сама не знала как быть, послужи одной, обидится другая.] Вот тебе и похвасталась. Она бы даже готова была исколоть иголками свой глупый язык.

“Ну, что наш прелестник?” сказала между тем дама приятная во всех отношениях. [сказала тоже почтенная дама; “я думаю вы тоже...”]

“Ах, боже мой! Что ж я так сижу перед вами! Вот хорошо! Ведь вы не знаете, [жизнь моя] Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам”, вскричала просто приятная дама вся в волнении; [Вместо “Что ж я ~ в волнении”: Я приехала именно с тем, чтобы вам рассказать”, — вскрикнула вдруг почтенная чиновница, встревожившись необыкновенным образом] дыхание ее сперлось и слова как ястребы готовы были пуститься в погоню одно за другим, и только нужно было до такой степени быть безжалостною, как дама приятная во всех отношениях, [и только нужно было так быть безжалостною, как тоже почтенная чиновница] чтобы решиться остановить ее.

“Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его”, говорила она с довольно сильными движениями головы и живостью, [“его ~ живо-

стью” вписано.] “а я скажу прямо, и ему даже в глаза скажу это, что он человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличия... гадкой человек”. [“гадкой человек” вписано.]

“Да послушайте только, что я открою...” говорила просто приятная дама, от нетерпения едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было для ней вредно: она была нервическая дама.

Но во всех отношениях приятная дама была просто бесчеловечна, она решилась даже и тут прервать [“Да послушайте, Анна Григорьевна, ведь, я с тем, чтобы вам открыть”, говорила почтенная дама, от избытка нетерпения, пришедшая в то положение, которое называется неусидением на месте, что было для нее, впрочем, вредно, ибо она была совершенно нервическая дама. Но тоже почтенная чиновница была безжалостна до бесчеловечья и решилась даже и тут прервать] ее, продолжая с прежнею силой и негодованием: “Распустили слухи, что он хорош, а он на урода даже не

похож. Бог знает, что такое: [Вместо “а он ~ что такое”: а он просто даже урод] толст, как шкаф, нос — картофель...”

“Позвольте же, позвольте же [Позвольте, позвольте же] только рассказать мне... Душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать. Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар, говорила бедная приятная дама [Вместо “Душенька ~ приятная дама”: Ах, Анна Григорьевна, какие вы, вы увидите сами, какая история”, говорила бедная почтенная дама] с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что почти половина разговора между дамами происходила на французском языке. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французской язык России, как ни исполнен [тоже] благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается впустить фразу какого бы ни было чуждого языка в

сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски. [“Не мешает ~ по-русски” вписано.]

“Что ж за история?” наконец сказала тоже почтенная [“тоже почтенная” осталось неисправленным.] дама.

“Ах, милая моя, ах жизнь моя. Если бы когда-либо воображение человеческое могло себе представить то положение, в котором я находилась, как я перетревожилась вся. Вот уж точно происшествие, которого нельзя пером опис<ать>. Вообразите: протопопша, протопопша, отца Петра жена, приходит ко мне, и что б вы думали? [“Что же это за история?” наконец сказала тоже почтенная дама.

“Ах, боже мой, Анна Григорьевна, если бы вы только знали, как я перетревожилась сегодня поутру. Уж вот, точно раскрытие, превосходящее всякое описание. Вообразите: протопопша, вот протопопша отца Гавриила жена, приходит ко мне поутру рано, почти что не запыхавшись, и сказывает, что б вы думали?

а. “Ах, милая моя Анна Григорьевна. Ах, душа моя, ах, если бы вы только могли себе представить, что со мной было, как я перетревожилась вся. Вот уж точно происшествие, которого до сих пор еще, понимаете, перо не описывало.] Наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?”

“Как же, неужели он и протопопше строил куры?”

“Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры; это бы еще ничего; слушайте, что рассказала мне протопопша. Уж вот точно-то. [Ах, боже мои, душенька Анна Григорьевна, это бы еще ничего куры, слушайте только, что рассказала мне протопопша.] Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная[Коробочка, вся, говорит, перепуганная] и бледная, как смерть, и говорит, что вдруг, в глухую полночь, когда всё уже в доме спало, раздается в ворота стук. Ужаснейший, какой только можно себе вообразить... [стук... Каково вам это покажется] Кричат: “Отворите, не то будут выломаны ворота...” Каково вам это

покажется? Каков же после этого прелестник?”

“Да что, Коробочка разве еще молода и хороша собою?”

“Ничуть не бывало, старуха”.

“Ах, прелести. Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться”.

“Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, в роде Ринальд-Ринальдина, и требует: “Продайте”, говорит, “все души, которые умерли”. Коробочка отвечает очень разонно, говорит: “Я не могу продать, потому что они мертвые”. “Нет”, говорит, “они живые, живые... это мое”, говорит, “дело, они живые...” Словом, скандальозу наделал ужасного... Вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто ничего не понимает... словом, фурор, фурор, фурор... Но вы себе представить не

можете, как я перетревожилась, слыша всё это. [Вместо “вдруг ~ всё это”: приезжает к ней этот прелестник-то ночью, вообразите, в двенадцать часов с пистолетами в руках; скандалозу наделал ужасного, кричит, говорит, чтобы она продала ему мертвых душ, заставил подписать фальшивую бумагу и там еще такое произвел, что говорится, что и слов нет, чтобы описать... Я перетревожилась ужасно...] “Голубушка, барыня”, говорит мне Машка: [Параша] “посмотрите в зеркало: вы бледны”. “Не до зеркала, говорю я, мне: я должна непременно ехать рассказать Анне Григорьевне”. Ту ж минуту приказываю заложить коляску. Кучер Андрюшка спрашивает меня: “куда, барыня, прикажете ехать”. А я ничего не могу говорить, гляжу просто ему в глаза как дура. Я думаю, что он подумал, что я сумасшедшая. Ах, Анна Григорьевна, если б вы только знали, как я потревожилась”.

“Это, однако ж, странно”, сказала во всех отношениях приятная дама: “что бы такое могли значить эти мертвые души? Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. Вот уж

ведь во второй раз я всё слышу про эти мертвые души... А муж мой еще говорит, что Ноздрев врет. Что-нибудь же верно есть”. [Вместо “Это, однако ж ~ верно есть”: Представьте, какая история. Опять эти мертвые души, а муж мой говорит, что Ноздрев врет; а. Представьте! Вот какие... Ведь вот говорят, Ноздрев врет, и муж мой толкует, что глупые выдумки. Ведь вот опять мертвые души!]

“Но представьте же, Анна Григорьевна, каково же мое положение, когда я услышала это. И теперь, говорит Коробочка, я не знаю, говорит, что делать мне. Заставил, говорит, меня подписать какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями; я, говорит, беспомощная, неопытная вдова, я ничего не знаю... [что делать мне; он дал мне пятнадцать рублей ассигнациями; может быть здесь обман какой; я вдова беспомощная] Так вот какие происшествия. Но только если бы вы могли себе представить, как я вся потревожилась...”

“Но только, воля ваша, здесь не мертвые

души, здесь непременно скрывается что-то другое”.

“Я, признаюсь, почти тоже... [думала]” произнесла не без удивления, однако же, приятная дама и почувствовала [при этом] сильное любопытство узнать, что бы такое могло здесь скрываться. Она даже произнесла: “А что ж, вы полагаете, здесь [может быть] должно разуместься?”

“А что бы вы однако ж думали?” спросила в свою очередь во всех отношениях приятная дама.

“Я, право, Анна Григорьевна... Я не знаю... это превышает всякое воображение”.

“Но я всё бы, однако ж, хотела знать, какого рода ваши мысли?” [Вместо “Но только ~ мысли”]:

“Только что же, вы полагаете, значат эти мертвые души? Я полагаю, что здесь кроется что-нибудь другое”.

“Я признаюсь, почти сама тоже думала”.

“А что бы вы, однако ж, думали?”

“Я не знаю. Это так право...”

“Однако ж, как по вашему?”

а. Начато: “Гм! Мертвые души!” произнесла между тем почтенная чиновница. Это не мертвые души, здесь есть кое-что другое]

Но почтенная чиновница ничего не умела на это сказать. Она[ничего не умела отвечать, ибо она] умела только тревожиться в подобных случаях, но чтобы составить какое-нибудь сметливое предположение, для этого никак ее не ставало и от того[для этого никак не ставало ее и от того-то] более, нежели всякая другая, она имела потребность в нежной дружбе и советах. [потребность нежной дружбы и советов.]

“Ну, слушайте же, что такое эти мертвые

души”, сказала[Фраза не закончена.] Услышавши эти слова, приятная дама вся обратилась, как говорится, в слух: ушки ее сами собою вытянулись и наострились, она приподнялась на своем диване и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, обратилась[Над строкой написано: показалась] в легкий пух, который так вот и полетит сию минуту от дуненья. Она чувствовала всеми жилками своими, что <сей?> час услышит что-то очень необыкновенное. Так охотник, подъезжая к лесу, из которого, знает, сию минуту выбежит заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший <миг>, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Недвижен стоит он один <среди?> блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний суровый и упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метет ему вихри снежного пуха в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

“Мертвые души”, произнесла <во> в<сех> о<тношениях> приятная дама: “есть больше

ничего, как выдумка для прикрытия, а настоящее дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку”.

Это заключение, точно, было никак неожиданно и уж совершенно необыкновенно. Просто приятная дама, [Вместо “Ну, слушайте же ~ Просто приятная дама”]:

“Поверьте мне, Софья Ивановна”, произнесла тоже почтенная дама, почти в полголоса и с видом необыкновенной таинственности: “что мертвые души и Коробочка, это всё нарочно, только для прикрытия, а настоящее его намерение: он хочет увезти губернаторскую дочку и перевенчаться с нею в первой церкви”.

Это никаким образом неожиданное заключение, сделанное тоже почтенною дамою, было, точно, уж и нельзя сказать как необыкновенно.

Почтенная дама] услышав это, так и окаменела на месте. Побледнела, побледнела, как

смерть, и точно, перетревожилась во всех отношениях. “Вот уж точно чрезвычайное раскрытие”, вскрикнула она, всплеснув руками: “уж этого я бы никак не могла предполагать”.

“А я, признаюсь, как только вы открыли рот, уже смекнула, в чем дело”.

“Ах, боже мой, как же это, право, странно...” [“А я, Софья Ивановна, всегда это предполагала”.]

“Но каково же после этого институтское воспитание, Анна Григорьевна. Ведь вот невинность”.

“Какая невинность! Я слышала собственными ушами, как она говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произвести их”.

“А мужчины от нее без ума. А она, признаюсь, по мне...”

“Манерна нестерпимо”.

“Ах, Анна Григорьевна, что вы говорите: она как статуя, и никакого выражения”.

“Ах, как манерна! Боже, как манерна! У, как манерна! Кто выучил ее таким манерствам, я не знаю. Но до сих пор я не видела женщины, в которой было бы столько жеманства”.

“Но я могу вас уверить, Анна Григорьевна, что она [как] статуя и бледна, как смерть”.

“Не говорите, даже не бледна, а румянится безбожно”.

“Уж этого-то нельзя никак сказать, чтобы она румянилась. Ах, Анна Григорьевна, помилуйте, это мел; мел, мел, чистейший мел”. [Вместо “Ах, Анна Григорьевна ~ мел”: а. Право мне странно слышать от вас подобные слова. Это нужно видеть только, нужно взглянуть только: это мел, мел, мел, чистейший мел.]

] На полях начато: Не спорьте, моя] “Ах, румянится [вы не можете себе представить] нестерпимо румянится. Я сидела возле нее: румянец в палец толщиной так и отваливается кусками, как щекатурка. Мать выучила; сама кокетка, а дочка кажется еще превзойдет матушку”.

“Душенька Анна Григорьевна, жизнь моя Анна Григорьевна, она бледна. Клянусь вам всем, что только есть священного в сем мире, какую угодно выдумайте клятву, я готова сию же минуту лишить детей имения и всего, что хотите, если уж есть хоть капля, хоть частица, хоть песчинка какого-нибудь румянца”.

“Милая, вы в заблуждении;[Вместо “Милая, вы в заблуждении”]: а. Вы напрасно спорите, Софья Ивановна] я это слишком хорошо знаю, потому что видела собственными глазами”.

“Ах, боже мой, Анна Григорьевна, как мне, право, вам еще сказать”.[Вместо “Ах, боже мой ~ сказать”]: а. Анна Григорьевна, я видела

тоже собственными глазами.]

Читателю покажется, может быть, отчасти странным, что две дамы так были несогласны между собою в том, что видели обе в одно время. Может быть, он даже подумает, что они нарочно так говорили из охоты поспорить или просто из упрямства, но нужно защитить дам. Нет, они говорили потому, что каждая была уверена в справедливости своих слов, а это уж так бывает иногда в природе, что иной раз дама глядит на вещь так, что она выходит действительно [Вместо “Ах, Анна Григорьевна, что вы говорите ~ действительно”]:

“Напротив, Анна Григорьевна, напротив...”

“Вся вертится как юла”,

“Напротив, Анна Григорьевна, она совершенная статуя, и в лице никакого выражения”.

“Юла, юла; всё жеманство, в каждом паль-

чике жеманство”.

“Статуя, Анна Григорьевна”.

“Юла, юла; всё вертится и румянится к тому же”.

“Ах, Анна Григорьевна, помилуйте, напротив, она бледна совершенно”.

“Румянится, я сидела возле нее — румянец в палец, так что отваливается как штукатурка, и ей же совсем не шестнадцать лет, а целых девятнадцать; мать скрывает, чтобы только молодиться”.

“Но, Анна Григорьевна, позвольте вам сказать, что она бледна”.

Может быть, читатель несколько изумится, чтобы две дамы, видевшие одну и ту же вещь, были так несогласны между собою и говорили одна одно, другая другое. Но это действительно так бывает, и дамы совершенно правы. Случается, что одна дама, точно, смот-

рит на вещь и вещь это действительно

На полях вписаны и затем зачеркнуты две вставки:

I. “Мне странно даже, право, слышать, что вы так говорите. Уж насчет румянца-то я готова как вам угодно спорить”.

“Вы можете себе спорить как хотите, но что она красна, красна совершенно, так это я вот также хорошо знаю, как то, что вы сидите передо мною”.

II. Может быть он подумал, что они нарочно [для того только, чтобы поспорить] так говорили только из охоты поспорить или из упрямства. Но автор должен в этом случае защитить дам. Дамы говорили так потому, что действительно были уверены каждая в справедливости слов. А что это уж такой феномен и действительно случается в свете] белая, как снег, а другая дама на ту же вещь, но взглянет с такой стороны, что она становится совершенно красная, красная, красная, как брусни-

ка, и видишь потом, что обе правы. [а другая смотрит на ту же самую вещь таким образом, что она ~ брусника. А потом и сам видишь, что точно так.]

“Как же не бледная, [Как же она не бледная] когда я стою возле Манилова и еще говорю ему: “Посмотрите, как бледна. Это нужно быть просто так бестолковыми, как наши мужчины, [“Это нужно ~ мужчины; вписано.] а наш прелестник-то... Ах, как он мне показался тогда противным. Вы не можете себе представить, Анна Григорьевна, до какой степени он мне показался противным”. [“А наш прелестник-то всё около ней, т. е. я не могу вам сказать, как он мне показался противным, и ведь нашлись же наши дамы...”]

“Однако ж, Софья Ивановна, признайтесь, вы были немножко равнодушны к нему”. [признайтесь, что и вы были немножко равнодушны.]

“Я, Анна Григорьевна! Вот уж никогда вы не можете сказать этого. Никогда, никогда”.

“Полно, Софья Ивановна, немножко было”.

“Никогда, никогда, Анна Григорьевна. Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю, а вот с вашей стороны может быть что-нибудь там было”.

“Уж извините, Софья Ивановна. Уж позвольте мне вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда не водится. За кем другим разве, а уж за мной нет. Уж позвольте мне вам это заметить”.

“Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей”.

Ну, уж после таких слов, произнесенных просто приятной дамой, должно было неминуемо последовать что-то в роде бури, но, <к> величайшему изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало. Во всех отношениях приятная дама[после этих слов, произнесенных почтенной чиновницей, неминуемо должна была, как чи-

татель сам может предположить, последовать не малая буря, но, к величайшему изумлению, и решительно неожиданному, обе дамы остановились и приутихли. Тоже почтенная чиновница] вспомнила, что выкройка для модного платья еще не находится в ее руках, а просто приятная дама смекнула, [а почтенная чиновница смекнула с своей стороны тоже] что она еще не успела выведать никаких подробностей этого чрезвычайного [выведать всех совершенно подробностей этого действительно чрезвычайного] открытия или, по ее словам, раскрытия, сделанного во всех отношениях приятною дамою, [сделанного тоже почтенною чиновницею] и потому мир последовал очень скоро. Впрочем, обе дамы, [обе почтенные дамы] нельзя сказать, чтобы имели в своей натуре потребность [какую-нибудь потребность] наносить неприятность, и, вообще в характерах их ничего не было злого, а так, в разговоре, нечувствительно [а так нечувствительно в разговоре] вдруг само собою, родится маленькое желание кольнуть друг друга; просто, [так просто] одна другой, из небольшого наслаждения, при слу-

чае ввернет что-нибудь, проговоря внутренне: “Так вот же, мол, тебе, [Вместо “при случае ~ тебе”: “Вот тебе, мол, на!”] вот тебе! на, съешь!” Да, разного рода бывают потребности в сердцах как мужского, так и женского пола. “Я, однако же, не могу [в этом деле] здесь понять только того”, сказала просто приятная дама: [Вместо “Я однако же ~ дама”: “Как же это”, промолвила почтенная чиновница: “я не могу только понять в этом деле] “что как Чичиков, будучи человек заезжий и мог решиться[да мог бы решиться] на такой отважный пассаж. Верно, [Ведь ему верно] в этом деле нашлись такие, которые взялись помогать”.

“Как не найтись. Эдакие молодцы найдутся всегда”, сказала тоже почтенная дама[Ошибочно осталось неисправленным.]

“А кто же бы, например, по вашему мнению?”

“Да хоть бы и Ноздрев”.

“Неужели Ноздрев?”

“А что ж, ведь его на это станет. Вы знаете, какой он сорви-голова”.

“Ах, боже мой, какие я интересные новости узнаю от вас. Я бы никак, признаюсь, не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю”.

“А я всегда предполагала”.

“Ах, боже мой! Вот уж, точно, никак непредвиденное... Но скажите, однако ж, по совести, Анна Григорьевна, ну можно ли было, например, предполагать всё это прежде, когда, помните, Чичиков только что приехал в наш город, можно ли было предполагать, что в какую скандальозную историю... [Вместо “Вот уж ~ историю”: Право, уж вот, точно, можно сказать, непредвиденное раскрытие. Кто бы мог подумать, чтобы Чичиков и в эдакой скандальозной истории...] Ах, Анна Григорьевна, если б вы знали, какое это действие произвело на меня. Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена. Если б

вот не ваша благосклонность и дружба, я бы, признаюсь, я просто не знаю, что бы со мной было. Куды ж? Машка видит, что я бледна, как смерть: “Душечка барыня”, говорит мне: “вы бледны, как мел”. “Душа моя, Машка, не до того мне теперь”. Так вот какой случай. Уж вот, точно, раскрытие, превосходящее всякое описание. Это точно, уж можно сказать, что никаким пером не[“Это точно ~ пером не” вписано. Фраза в рукописи осталась неоконченной.]

Приятной даме хотелось выведать дальнейшие[Вместо “Приятной ~ дальнейшие”: Почтенной чиновнице хоте лось бы очень выведать все дальнейшие] подробности насчет похищения, т. е. в котором часу и пр., но много захотела. Во всех отношениях приятная дама прямо отозвалась незнанием. Надобно сказать правду, она не умела лгать. Предположить что-нибудь — это другое дело, [в котором часу и пр. К величайшему сожалению ее, тоже почтенная дама отозвалась незнанием. Нужно сказать, что она вовсе не умела лгать. Прибавить кое-что, предположить — это дру-

гое дело, и если в чем было у ней внутреннее убеждение] но и то в таком случае, когда это предположение основывалось на внутреннем убеждении. Если ж она почувствовала в чем-либо внутреннее убеждение, тогда, точно, [А если она уже почувствовала внутреннее убеждение, тогда уж, точно,] умела постоять за себя, и пускай бы какой-нибудь дока-адвокат, [и желательно бы, чтобы нашелся какой-нибудь дока-адвокат] владеющий даром побеждать чужие мнения, попробовал победить здесь, [Вместо “попробовал победить здесь”: и пускай бы он попробовал устоять хоть напр. против тоже в своем роде почтенной дамы] увидел бы он, что значит внутреннее убеждение.

Что обе дамы решительно убедились в том, что прежде только предположили себе, как предположение — в этом ничего нет необыкновенного: наша братья народ умный, как мы называем себя неизвестно [как мы любим называть себя, совершенно неизвестно] по какой причине, поступает иногда почти так, а доказательством наши ученые рассуж-

дения: сначала ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно самым[ученый подъезжает необыкновенным поддепом, робко, тихо, умеренно начинает] смиренным запросом: “Не оттуда ли, не из того ли угла получила имя такая-то страна?” или “Не принадлежит ли этот документ к другому времени, позднейшему?” или “Не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ?” Цитует немедленно[Цитует ту ж минуту] тех и других древних писателей, и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает[получает рысь, бодрится и входит в сильный форс и разговаривает] с древними писателями запросто, задает им вопросы, и сам даже отвечает за них и позабывает[отвечает за них; наконец, позабывает] вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно и рассуждение заключено словами: “Так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь под этим, так вот с какой точки нужно смотреть на этот предмет”. Конечно, при этом и при-

хвастнуть: мы-де первые набрали на это. Потом во всеуслышание с кафедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, образуя последователей и поклонников. [Вместо “Конечно ~ поклонников”: Дело, конечно, не станет за тем, чтобы и прихвастнуть по нашему обычаю: мы-де первые набрали на это, а иногда чего доброго и крикнет во всеуслышание с кафедры, мигом сформируется толпа последователей — и новооткрытая истина пошла гулять по свету.]

В то время, [В это время] когда обе дамы так удачно и остроумно решили отчасти запутанное[решили немножко запутанное] обстоятельство, вошел в гостиную прокурор, с вечно неподвижною своею физиономией, густыми бровями и мелькающим глазом. Дамы наперерыв[Дамы естественно наперерыв] принялись сообщать ему все события, рассказали[рассказали ему] о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что, сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте и мигать[и мигать еще сильнее] левым

глазом, но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились, каждая в свою сторону, бунтовать город. Это предприятие им удалось произвести с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован; всё пришло в брожение, и хоть бы что-нибудь мог кто-либо понять. [а. и никто ничего не мог понять.] Дамы умели напустить такого туману в глаза всем, что все, и особенно чиновники, несколько минут оставались как ошеломленные, и положение их очень похоже было на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие пораньше [утром], поднесли к носу целую горсть табаку. Потянувши ее в просонках всю к себе, со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, смотрит, как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять никак, что это с ним было, и потом уже различает озаренные косвенным лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступающее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, с освещенною речкой, зовущей на купанье, где, как в зеркале, тонко от-

разились обступившие ее тростники, и нагие ребяташки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заснувших на дне ее карасей. И потом уже он, наконец, чувствует, что в носу у него сидит табак. Таково совершенно в первую минуту было положение [Далее начато: главных чиновников города, всё сбилось, перемещалось в го<роде>] обитателей и чиновников города. [Вместо “всё пришло ~ города”: всё пришло в беспокойное и тревожное состояние, а между тем никто не мог ничего понять.] Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков, всё сбилось и перемешалось в головах их необыкновенно странно, и потом уже, после первого одуренья, они стали несколько различать порознь каждое из них, требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. “Что это в самом деле; что ж это толкуют нам, что за притча такая эти мертвые души, что же значит, чорт побери их, эти мертвые, почему же, [на что эти мертвые души] для чего, зачем же опять во второй раз кричат все: мертвые души. Почему же такие непонятные для ума человеческого выдумывать вещи? [Вместо “всё сбилось

~ вещи”: сначала перемешались между собою необыкновенно странно, потом уже стали отделять и разбирать порознь каждое; и почему это всё, и что такое значит мертвые души, и почему во второй раз опять мертвые души? Как же можно покупать мертвые души, [и] на какой конец могут послужить эти мертвые души, [и] статочное ли дело, чтобы нашелся кто-нибудь тратить деньги на мертвые души, когда и живых теперь не всякой купит. Да и к чему ж тут, с какого боку-припеку приплелась губернаторская дочка, зачем, для каких нужд и зачем же, решаешь покупать мертв<ых?>, увозить губернаторскую дочку? Если же он хотел, точно, увезти губернаторскую дочку, то какая же надобность [была] торговать и приобретать мертвые души? Неужели он не мог увезти ее без мертвых душ? И какую помощь могли доставить ему мертвые души? Хотел ли он подарить ей, что ли, эти мертвые души? И что же в самом деле, какая же связь может быть между губернаторской дочкой и мертвыми душами? И не очевидный ли это вздор, нелепость, недостойная просвещения [и образованности] мер-

зость, гнусность, подлость, гадость? [тратить деньги на мертвые души, и зачем же, увозя губернаторскую дочку, торговать мертвые души, и если уже точно, то зачем же, покупая мертвые души, увозить губернаторскую дочку, и неужели ей в подарок он хотел предложить мертвые души, и не очевидный ли это вздор и самая нелепая выдумка эти мертвые души?] Как же можно выдумывать и распускать это? Но почему ж однако ж распущено, почему распущено, [Вместо “но почему ~ распущено”: и отчего же, однако ж, выдуманно и распущено] стало быть, была же какая-нибудь причина, стало быть, есть же что-нибудь, что-нибудь, видно, скрывается под этим. Что ж такое скрывается, что ж может скрываться, для чего же, почему, из каких причин скрывается, чорт побери? [Вместо “Что ж такое ~ чорт побери”: стало быть не даром...] Словом, это повело толки, толки, и весь город заговорил [город только заговорил] про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова. В другое время, при других обстоятельствах подобные слухи, может

быть, не обратили бы внимания и никогда бы не сделались бы предметом долгих и общих разговоров. Но нужно войти в положение, в котором тогда находился город. В городе N уже в продолжение трех месяцев [Вместо “про Чичикова ~ месяцев”: Чичикова и мертвые души. Конечно, в другое время, при других обстоятельствах подобные слухи не обратили бы никакого внимания, их бы назвали вздором и нелепицей, и никогда бы не сделались предметом слишком долгого разговора, но, действительно, дела и ход вещей был именно такого рода, и читатель никак не должен винить счастливых обитателей страны, нами описываемой, не рассмотревши прежде, как говорится, сущности дела...

В самом деле нужно войти сурьезно в положение города. Действительно, в городе N в продолжение трех месяцев [слишком] не происходило ничего такого, что называют в столицах комеражами, а это, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов, без которого никакой город, ни губернский, ни столичный не может

жить, [а это как известно то же самое для города, что хлеб, без которого нельзя жить] и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы, ниспошли бог так жирно разговеться! [Дурак разве только] Кто же не бросится на такую еду. [да на голодные зубы такая жирная масляница! Конечно, кто не бросится с открытою пастью, а да на голодные зубы ниспошли бог такую масляницу. Дурак разве только не бросится на это с заостренными зубами.] Всеобщая толковня разделилась на два мнения, и это образовало две сильные партии: [и каждое из них образовало свою сильную партию] мужская, на которую преимущественно подействовали мертвые души, но в которой не было никакого порядка и никто не мог добраться настоящего толку. Женская, которая занялась исключительно похищением губернаторской дочки. Здесь, к чести дам нужно сказать, было несравненно более порядка и осмотрительности. Так уже, видно, самое назначение их быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Всё у них весьма скоро представилось в самом ясном виде, облеклось [Всё у

них облакалось] в пластические и очевидные формы, всё объяснилось, очистилось и, словом, вышла [как следует] просто картинка: [объяснилось, очистилось и предстало в самых ярких слепках:] что Чичиков давно уже был влюблен и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы не причиною этого была жена его, которую он бросил (уж откуда они узнали, что Чичиков женат — известно богу), и что жена, которая страдает от безнадежной любви, написала письмо к губернатору самое трогательное, и что Чичиков, видя, что отец и мать никогда не согласятся, решился на похищение... В других домах рассказывалось это несколько иначе: что Чичиков, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял с тем, чтобы получить руку дочери, начать дело с матерью и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию на счет руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступление, противное религии, и чувствуя в душе угрызение совести, отказала наотрез, и что вот по-

чему Чичиков решился на похищение. Ко всему этому присоединялись многие другие объяснения и поправки по мере того, как слухи проникали, наконец, в самые глухие переулки. И так как у нас на Руси общества низших особенно любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, то очень ясно, что явились такие прибавления, которых совсем не думали те, которые распустили прежде. [“И так как ~ прежде” вписано на полях.] Сюжет, как читатель видит, становился чрезвычайно занимателен, принимал мало-помалу совершенно окончательные формы и, наконец, так, как он есть, т. е. во всей своей окончательности, доставлен был в собственные уши губернаторши. Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама и, наконец, как дама, никогда не подозревавшая ничего подобного, была, как всякий может представить себе, очень оскорблена подобными историями и ощутила в себе негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка выдержала самый неприятнейший tkte-a-tkte, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девуш-

ке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, угроз, упреков, увещаний, так что бедная девушка бросилась в слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова. Швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова. [На отдельном листе, вшитом в рукопись, набросок: Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама и, наконец, как дама, никогда не подозревавшая ничего подобного, [была] [весьма естественно выведена] была, как можно себе легко представить, [оскорблена] очень оскорбилась подобными <З нрзб.> больше и ощутила в себе негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка [бы] выдержала самый неприятнейший tkte-a-tkte, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, [увещаний,] угроз, упреков, увещаний. Так что бедная девушка рыдала и решительно не могла понять ни одного слова, к чему и зачем это. Швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни под каким видом Чичикова ни в ка-

кое время.]

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы употребили всевозможные усилия, чтобы склонить на свою сторону мужскую партию, утверждая, что мертвые души [Вместо “Сделавши ~ души”: Партия дамская утверждала, что мертвые души] решительная выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее совершить похищение. Чтобы представить это осязательней и очевидней, они употребили какие-то особенные средства, им одним известные, против которых многие мужья никак не могли устоять, и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям со стороны своих же товарищей, обругавших их бабами и назвавших юбками, название, как известно, очень обидное для мужского пола. [Вместо “и успешнее ~ пола”: дабы успешнее совершить свое похищение. Дамы стали наступать очень решительно на мужей своих и, чтобы представить это осязательней и очевидней, употребили какие-то средства, им одним известные, так

что некоторые мужья пристали тоже к их партии. Какие это средства, автор, сколько ни старался, никак не мог узнать, и убедился только в том, в чем давно уже убежден почти весь свет, т. е. что эта сторона человеческого рода — совершенная задача. И ему случилось видеть не мало мужчин очень не глупых и даже весьма бойких насчет проницательности и осмотрительности, но которые, однако ж, в этом случае пожимали только плечами и на лицах их выказывалось самое глупейшее выражение, какое когда-либо было видимо на человеческом лице.]

В толковне мужской партии, которая, однако ж, была не многочисленна, ибо немного нашлось мужей, которые могли устоять против убеждений и разных средств, употребленных их супругами, в толковне мужской партии не было заметно той окончательности, стройности и отчетливости, как у дам; напротив, всё у них было в каком-то тумане и самых неопределенных формах. Похищение губернаторской дочери они называли явной выдумкой, вымышленной только для при-

крытия какого-нибудь дела важнейшего; утверждали, что невозможно, чтобы Чичиков отважился на такое рискованное дело, неприличное ни чину, ни званию, дело более военное, нежели штатское. Что именно мертвые души хоть совершенная глупость и недостойная просвещения, но именно это должно обратить внимание. [Вместо “утверждали ~ внимание”: что невозможно, чтобы Чичиков, будучи так осмотрителен и приобретши такую наружность и солидность, свойственную средним летам, отважился бы на такое рискованное дело, что это неприлично ни чину его, ни званию, и вообще дело вовсе не штатское.] Нужно знать, что в это время все обитатели города, и в особенности те, которые находились на службе и занимали почетные места, находились в каком-то чутком и нервическом состоянии. В их губернию назначен был новый генерал-губернатор, событие, как известно, приводящее губернию несколько в тревожное состояние. Совершенная неизвестность, каков-то будет новый начальник, будет ли он благонамерен к гг. чиновникам, и как он примет и каким образом возьмется — сло-

вом, редко кто в это время бывает совершенно покоен. И потому эти слухи, [И потому одни эти слухи] уже единственно потому только, что просто слухи, многих потревожили при мысли, что скажет новый генерал-губернатор, что в городе их носятся вот-де какие глупые слухи. [Вместо “что просто ~ слухи”: что слухи, должны были многих встревожить при одной мысли, что как покажется новому начальнику, что у них-де вот что в городе, вот какие слухи.] Инспектор врачебной управы, неизвестно отчего, вдруг побледнел; ему представилось бог знает что, что под словом: мертвые души не разумеются ли больные, умершие в значительном количестве в лазаретах и других местах от повальной горячки, против которой не было взято надлежащих мер, и что Чичиков не есть ли нарочно подосланный чиновник из канцелярии генерал-губернатора для произведения тайного следствия. Он сообщил об этом председателю. Председатель отвечал, что это вздор и не может быть, но побледнел тоже при мысли, которая пришла внезапно сама собою в голову и выразилась таким вопросом: [а. побледнел то-

же при мысли, которая пришла ему совершенно внезапно и мысль эта была такого рода:] “Ну, что, если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые, а он допустил совершить на них крепость, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда?” Председатель крепко задумался. Слово мертвые души так раздалось неясно и неопределенно, что некоторые из занимавших правительственные места тоже задумались, подозревая, что нет ли здесь какого намека на скоропостижно погибшие и несколько поспешно погребенные найденные тела вследствие двух не так давно случившихся событий. Первое событие было с какими-то сольвычегодскими что-ли купцами, [Вместо “что под словом ~ купцами”: что Чичиков должен быть чиновник канцелярии генерал-губернатора, присланный для подробного разведывания, от каких случаев умерло в лазаретах и городских больницах столько людей, и почему не были приняты надлежащие меры против оказавшейся в прошлом году повальной горячки. Он сообщил это председателю. Председатель отвечал, что это вздор и не может быть, но

побледнел тоже, вспомнив, что ведь он сам помогал в совершении: в его присутствии была совершена крепость на души, может быть, мертвые, и что если это дойдет до генерал-губернатора. Слово мертвые души так было неясно, что правительствующие особы стали опасаться, чтобы не дошли как-нибудь до сведения два кое-какие небольшие происшествия. Первое с сольвычегодскими купцами,] приехавшими в город на ярманку и задавшими после торгов пирушку приятелям своим устьсысольским купцам, пирушку на русскую ногу, с немецкими затеями: аршадами, [пирушку с аршадами] разными пуншами, бальзамом и пр., на которой пирушке, от удовольствия ли сердечного, или просто спьяна, уходили на смерть приятелей своих, устьсысольских купцов, хотя сии[несмотря на то, что сии] последние с своей стороны были также[были тоже] мужики дюжие и были одарены такими объемистыми кулаками, [мужики дюжие и имели такие объемистые кулаки] что устьсысольские приятели долго носили синяки на боках[на своих боках] и спинах. В деле своем купцы, впрочем, пови-

нились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, что будто бы при повинной голове они приложили каждый по пяти государственных; впрочем, дело слишком темное. Из учиненных следствий и выправок оказалось, что устьсысольские ребята умерли от угара, а потому так их и похоронили, как угоревших[оказалось, что умерли от угара, а потому похоронены, как угоревшие]. Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Задирайлова тож, уконтропошили будто земскую полицию в лице заседателя какого-то Дробяжкина, что будто земская полиция, т. е. заседатель Дробяжкин, повадился уж чересчур часто ездить в их деревню, что в иных случаях стоит повальной горячки, а причина-де та, что земская полиция имел кое-какие слабости со стороны сердечной и поглядывал будто бы очень пристально на их баб и деревенских девок, наверное, впрочем, неизвестно, хотя в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка и что уже не

раз они его оберегали и один раз даже выгнали нагишем из какой-то избы, куды он забрался. [слабости ~ стороны сердечной и подбирался, может быть, к женам и дочерям их, — наверное неизвестно, хотя в показаниях крестьян выражалось, что земская полиция был блудлив, как кошка.] Конечно, земская полиция достоин был наказания за сердечные слабости, [за свои слабости] но мужиков как Вшивой-Спеси, так и Задирайлова тож нельзя было тоже оправдать за самоуправство, [но мужики как Вшивой-Спеси, так и Задирайлово тож достойны были также наказания за самоуправство] если только они действительно участвовали в убиении. Но дело было темно. Земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя. Дело ходило по судам и поступило, наконец, в палату, где было рассужено в таком смысле: так как неизвестно, кто из крестьян именно участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек мертвый, стало быть, ему немного было в том проку, если бы он и в самом деле выиграл это дело, а мужики

были еще живы, стало быть, для них весьма важно решение в их пользу, то вследствие того решено было так, что заседатель Дробяжкин был сам причиною, оказывая несправедливые притеснения мужикам сельца Вшивой-Спеси и Задирайлова тож, а умер-де он, возвращаясь в санях, от апоплексического удара. Оно, конечно, и просто, и очевидно; однако ж, неизвестно почему, чиновники начали думать, что не эти ли мертвые души разумеются в оных обоих происшествиях. Случись же так, что, как нарочно, в то время, когда гг. чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги. В одной из них содержалось, что, по дошедшим показаниям и донесениям, находится в их губернии делатель фальшивых ассигнаций, скрывающийся под разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разыскание. Другая бумага содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике, и что, буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявивший ника-

ких свидетельств, то задержать его. Эти две бумаги сбили с последнего толка гг. чиновников. Конечно, они не могли даже и подумать, чтобы что-нибудь из этого могло относиться к Чичикову; однако ж, всякий как поразмыслил с своей стороны внутренне об этом предмете, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле этот Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет своей личности, говорил, правда, что потерпел в службе за правду, да ведь всё это как-то темно. [А когда] вспомнили, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: стало быть, жизнь его была в опасности; стало быть, его преследовали, стало быть, он же сделал что-нибудь такое... Да кто же он, в самом деле, такой? Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более разбойник: наружность он имеет весьма благородную и благонамеренную; поступки тоже с весом и осмотрительностью, ведет себя совершенно солидно и прилично и в обращении человек приятный во всех отношениях. Кто же бы, однако

ж, он такой на самом деле? И вот, гг. чиновники задали себе теперь вопрос, который должны были задать вначале, т. е. в первой главе нашего романа. Они решились сделать еще несколько расспросов тем, у которых были куплены героем нашим души, чтобы хоть, по крайней мере, узнать, что это за покупка и что именно нужно разуместь под этими мертвыми душами, и не объяснил ли он кому, хоть, может быть, невзначай, хоть вскользь как-нибудь, настоящих своих намерений. [куплены героем нашим души, какого рода действительно была эта покупка, и не объяснил ли он как-нибудь каких-нибудь своих намерений.] Прежде всего отнесли к Коробочке, но тут почерпнули немного: купил-де за пятнадцать рублей, и птичьих перьев хочет тоже купить, [почерпнули немного: что купил-де за пятнадцать рублей, а что она сильно боится, не обманул ли он, потому что и птичьи перья хотел купить] и много всего накупить, и в казну сало ставит, и потому наверно плут, ибо уже был такой, который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех, у кого покупал, и протопо-

пшу. Всё, что ни говорила она далее, [в казну сало ставит, то уж верно плут, руку набил бойко и потому наверное обманул ее. Все, что далее ни говорила она] было повторение почти того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха. Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал всем своим имением, чтобы иметь сотую долю качеств Павла Ивановича, и отозвался вообще о нем в самых лестных выражениях, присовокупив несколько мыслей насчет дружбы и симпатии, уже с зажмуренными глазами. Мысли, конечно, удовлетворительно [в самых лестных выражениях, даже присовокупил к этому несколько мыслей ~ глазами, которые может быть очень удовлетворительно] объяснили нежное движение его сердца, но не объяснили чиновникам настоящего дела. Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что крестьян он ему продал на выбор, и народ во всех отношениях живой; [и народ совершенно здоров и жив] но что он не ручается за то, что будет вперед, что если они поумирают

во время трудностей переселения в дороге, то это не его воля, а в этом властен бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете не мало, и бывают примеры, что вымирают-де целые[вымирают целые] деревни. Чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма благородному и чистому, но которое, однако ж, иногда употребляется, т. е. стороною, посредством разных лакейских знакомств, расспросить людей Чичикова, не знают ли они каких подробностей на счет прежней жизни и обстоятельств барина, но услышали тоже немного. От Петрушки услышали только запах жилого покоя, а от Селифана, что сполнял-де службу государскую, да надворный советник, да служил по таможене. У этого класса людей есть весьма странный обычай: если его прямо спросить о чем-нибудь, то он никак не вспомнит и не приберет всего в голову и даже просто ответит, что не знает. А вот если[А вот так если] о чем-нибудь другом спросить, так он ни с того, ни с другого и приплетет и расскажет даже много таких подробностей, которых и знать не захочешь. Все поиски, произведенные чиновниками, по-

казали им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков должен что-нибудь да быть непременно. Они положили потолковать сурьезно и окончательно об этом предмете и решить, по крайней мере, что и как им делать и какие меры предпринять. И для этого, чтобы решить всё это, предположено было обратиться нарочно у полицмейстера, [положили, наконец, потолковать дельно и основательно и вместе с тем окончательно, что такое в самом деле Чичиков и как поступить в отношении к нему, и для этого положено было обратиться у полицмейстера] уже известного читателям отца и благодетеля города.

ГЛАВА X

Собравшись у полицмейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города, сановники имели случай заметить друг другу, что они даже похудели от этих забот и тревог. В самом деле, назначение нового генерал-губернатора, и эти полученные бумаги такого сурьезного содержания, и эти, бог знает какие, слухи, всё это оставило заметные следы в их лицах, и фраки на многих[а. на

них] сделались куды просторней. Всё удалось: и председатель похудел, и инспектор врачебной управы похудел, и прокурор похудел, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, но принимавший во всем живое участие и носивший на указательном пальце перстень, которой всякой раз давал рассматривать дамам, даже и тот похудел. Конечно, нашлись, как и везде бывает, люди не робкого десятка, которые не потеряли всегдашнего присутствия духа. Но их было всего один, два человека, да и здесь едва ли автор не обчелся. Почтмейстер один не терял почти никогда своего ровного и постоянного хладнокровного характера и в подобных случаях имел обыкновение говорить: “Знаем мы вас, генерал-губернаторов. Вас, может быть, три-четыре переменится. А я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте”. На это обыкновенно замечали чиновники: “Хорошо тебе, шпрехен зи дейч, Иван Андреевич, у тебя дело почтовое, хлопот немного: принял да отправил экспедицию. Только разве что надуешь, заперши присутствие полчасом раньше, да после возьмешь

с опоздавшего купца за прием письма не в указанное <время>, да перешлешь, может быть, иную посылку даром. Тут, конечно, всякой будет святой. А вот, как у нас, как поведется чорт всякой день подвертываться тебе под руку, [как начнет всякой день подвертываться тебе под руку чорт] да соблазнять всяким мирским соблазном, что вот и не хочешь, кажется, а он сам сует в руку. Тут поневоле подашься. Тебе, конечно, с полу горя: [Тебе хорошо говорить] у тебя один сынишка, да и тот, бог весть, проживет ли еще, а здесь Прасковью Федоровну сподобил бог такую благодатью, — что ни год, то несёт: либо [Далее начато: сына, либо] Ивана, либо Машутку. Тут, брат, другое скажешь”. Так говорили чиновники; а можно ли, в самом деле, устоять против соблазна и чорта, об этом судить не авторское дело. В собравшемся на этот раз совете очевидно было заметно отсутствие той безделицы, которую в простонародьи называют толком. Вообще мы, русские, сказать правду, совсем не созданы ни для каких представительных заседаний. Во всех наших совещаниях, начиная от крестьянской мирской сходки

до всех возможных ученых и других комитетов, пребывает препорядочная путаница, если только нет одного, который бы заправлял всем. [Право уж] Право, и сказать трудно отчего это, бог знает, может быть, уж народ такой. Только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие [куды как веселые] воксалы на немецкую ногу. А при всем том готовность есть всякую минуту, пожалуй, на всё. Мы составим вдруг общества благотворительные, поощрительные и ни-весть какие. Цель будет прекрасная, а чего-то нет. Может быть, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что всё сделано. Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных и пожертвовавши значительные суммы, мы тотчас, в ознаменование такого похвального поступка, делаем обед всем первым сановникам города, разумеется на половину пожертвованных сумм. [пожертвованных денег] На остальные нанимается тут же для комитета великолепная квартира с отоплением и сторожами, а затем и остается

всей суммы для бедных пять рублей с полтиною. Да и тут в распределении этой суммы еще не все члены согласны между собою, и всякой сует в получающие кандидаты какую-нибудь свою куму. [От начала главы до слов “свою куму” — автограф.] Впрочем, собравшееся [Впрочем в собравшемся] ныне совещание было совершенно другого рода: [во-первых] оно образовалось [уже] вследствие необходимости и дело касалось вовсе не каких-либо посторонних бедных и, напротив, лично особ каждого из членов. [а. Вместо “и дело касалось ~ членов” начато: и члены его должны были действовать согласно и с равным рвением, потому что дело в равной степени было общее и в равной степени касалось каждого, казалось бы более здесь должно сохраниться согласия, более сохраниться] Само собою разумеется, что участие сильнее. Но не говоря уже о разногласиях, свойственных вообще всем советам, во мнениях собравшихся обнаружилась какая-то особенная нерешительность. Один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: “а может быть и не де-

латель”, другой утверждал, что Чичиков чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял “а, впрочем, чорт его знает, на лбу ведь не прочитаешь этого”. Против догадки, [что] не переодетый ли он разбойник, вооружились все. Нашли, что сверх наружности, которая сама по себе была уже благонамеренна, [которая была совершенно благонамеренна] в разговорах его ничего не было такого, которое бы показывало человека с буйными поступками. Вдруг почтмейстер, который оставался несколько минут погруженный в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул вдруг совершенно неожиданно: “Знаете ли, господа, кто это?” Голос, которым он произнес это, заключал в себе что<-то> такое[Начало главы “Собравшись ~ в себе что-то такое” — автограф, заменивший не сохранившиеся листы предыдущей редакции. Здесь автограф прерывается и продолжается основной текст рукописи, начало которого не согласовано с окончанием автографа.] <твер?>дый и даже некоторым образом торжественный, произвел потрясение

электрическое и заставил всех вскрикнуть в одно слово: а кто?

“Это, господа, сударь мои, никто другой, как капитан Копейкин”. А когда все спросили, кто же такой этот капитан Копейкин, то почтмейстер выразился так: “Так вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?”

Все отвечали отрицательно. — “Капитан Копейкин”, сказал почтмейстер, открывши свою табакерку только в половину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туды своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил, и даже приговаривал: “Знаем, батюшка, вы с пальцами своими наведываетесь в разные места, а табак вещь, требующая чистоты”. — “Капитан Копейкин”, повторил он, уже понюхавши табаку, встряхнувши рукой и потом щелкнувши пальцем: [понюхавши табаку и встряхнувши пальцами с небольшим прищелком] “да вить это, если рассказывать вам, так это выдет т. е. презанимательная даже для писателя какого-нибудь эдакая, понимаете, поэма целая”.

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя целую поэму, и почтмейстер начал так. [Вместо “презанимательную ~ начал так”: для писателя целую поэму.]

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ

“После кампании 12-го года, сударь ты мой”, — так начал почтмейстер, несмотря на то, что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, “после кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Там под Красным, или под Лейпцигом что ли, только, сударь, вы можете себе представить, ему оторвало и руку и ногу. Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких знаете эдаких распоряжений. Этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете вообразить себе, гораздо после. Капитан Копейкин видит: нужно работать бы — только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу: отец говорит: “мне нечем тебя кормить; я, можете представить себе, сам едва достаю хлеб”. Вот

мой капитан Копейкин решился отправиться, сударь мой, в Петербург, чтобы просить государя, что не будет ли какой монаршей милости, что вот мол так и так, в некотором роде так сказать, жизнью жертвовал... [что вот мол проливал кровь, не щадил жизни...] Ну, там как-то знаете с обозами или фурами казенными, — словом, сударь мой, дотащился он кое-как [дотащился кое-как] до Петербурга. Ну, можете представить себе, эдакой, какой-нибудь, т. е., капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, [в эдакой столице] подобной которой, [которой подобной] так сказать, нет в мире. Вдруг перед ним свет, эдакое, так сказать, некоторое поле жизни, и при том в таком большущем колиберу. [Вместо “Вдруг ~ колиберу”: Свет, или поле жизни так сказать, некоторое вдруг перед ним такого большого колиберу.] Как сказочная Шахеразада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете себе представить, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная. Там шпиц эдакой какой-нибудь, понимаете, в воздухе; мосты там висят эда-

ким чортом, можете представить себе, без всякого т. е. прикосновения — словом, [“словом” вписано.] Семирамида, сударь мой, да и полно. Понатолкался было насчет квартиры, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, понимаете, ковры, Персия такая — ну просто, [Понатолкался было там, где попроще, чтобы, понимаете, нет ли эдакой какой квартирki — только всё это кусается, так сказать, страшно: зеркала, можете себе представить, вдвое выше росту человечья, ковры — Персия такая словом, сударь мой,] идешь т. е. по улице, а уж нос твой так вот и слышит, что пахнет тысячами. А у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь четырех синюх. [А у моего капитана Копейкина всего капиталу какие-нибудь четыре синюхи, понимаете.] Ну как-то там приютился в Ревельском трактире за рубль в сутки; обед — щи эдакие, кусок [обед там: какие-нибудь эдакие щи, да кусок] битой говядины. Ну, заживаться, видит, нечего, [Ну, заживаться нечего] на другой же день решил итти к министру. [итти к министру и просить лично] А государя, нужно вам

знать, в то время [можете представить себе] еще не было в столице. Войска, [понимаете] можете себе представить, еще не возвращались из-за границы. Копейкин мой еще с утра поскреб кое-как левой рукой бороду — платить цирюльнику, [понимаете] всё это составит в некотором роде счет, — натянул мундиришку свою, на деревьяжке [Войска-то, знаете, и там всё прочее — это было еще в Париже. Копейкин мой чуть утро, присел, поскреб там эдак как-нибудь, понимаете, себе бороду, как мог, левою рукою, царапнул щеткою мундир и на костылях как был или на деревьяжке] отправился, можете вообразить себе, к министру. Расспросил у будошника квартиру. “Вот”, говорит, указал ему дом [Расспросил квартиру. Дом там какой-нибудь эдакой] на Дворцовой набережной — избенка, понимаете, мужичья. Стеклыща в окнах, можете себе представить, [двух] полторасаженные зеркала, бронзы, галантереи металлические. [Стеклыща там в окнах, можете себе представить, оттопырились, всё это цельное, галантереи да бронзы.] Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно забежать прежде в мелочную лавочку,

да купить на грош мыла, да прежде часа два тереть руки, да потом уже разве решишься ухватиться за нее [рукою]. Гебены, лаки везде, сударь мой. Ну, в некотором роде, так сказать, просто ума помраченье. [разве решишься взяться за эту ручку. Гебены, лаки, можете вообразить себе, чорт возьми всё это такое; солнцы такие, сударь ты мой, что, просто, вот как сова т. е. похлопывает глазами.] Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, в лице графская физиономия, как откормленный [Вместо “Один ~ откормленный”: Швейцар это, чорт побери, генералиссимус какой-нибудь, булава-то у него вызолоченная, в добрый арбуз величиною. Физиономия эдакая графская как откормленный а. Швейцар это, чорт побери, генералиссимус какой-нибудь, булава-то у него вызолоченная, в добрый арбуз величиною, в физиономии у него идет целый граф, просто <?> откормленный] жирный мопс какой-нибудь, батистовые воротнички канальство... Копейкин мой встащился кое-как, можете вообразить себе, с своею деревяжкой в приемную, прижался [прижался, знаете] кое-как в

уголку; чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию, раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу [какую-нибудь]. Ну, можете представить сами, что он настоялся там вдоволь, [Над строкой надписано карандашом: разумеется, что он там настоялся некоторым образом вдоволь] потому что пришел в такое время, когда министр, в некотором роде, едва поднялся, так сказать, с постели, и камердинер может быть поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. [чтобы не толкнуть как-нибудь локтем какую-нибудь там Америку или Индию, эдакую, понимаете, раззолоченную фарфоровую вазу. Ну, он настоялся там себе вдоволь, потому что, может быть, пришел в такое время, что министр, можете представить себе, едва поднялся с постели, и камердинер еще, может быть, поднес только ему какую-нибудь серебряную лоханку.] Ждет мой Копейкин часа четыре, [Над строкой надписано карандашом: два] как вот входит, наконец, адъютант или там другой, понимаете, чиновник: “Министр”, говорит, “сейчас выйдет в прием-

ную”. А в приемной уж, понимаете, народу [битком набито] бездна, как бобов на тарелке, пятиклассные, а кое-где торчат даже и толстые золотые макароны, видны и эполеты. Генералитет. Наконец, министр выходит. Ну, подошел к одному, к другому: [как вот адъютант министра говорит: “Сейчас министр выйдет в приемную”, а в приемной уж народу: и пятиклассные, а у иных, понимаете, и эполеты с золотыми толстыми макаронами. Вот министр, наконец, выходит. К тому, к другому:] “зачем вы, что вам угодно”, наконец, к Копейкину. Копейкин, собравшись с силами: “так и так, ваше высокопревосходительство, проливал, в некотором роде, кровь, лишился, так сказать, руки и ноги, [проливал кровь, лишился руки и ноги] работать не могу, осмелился просить монаршей милости”. Министр видит, человек на деревяжке, и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. “Хорошо, говорит, понаведаетесь на днях”. Вот, сударь мой, не прошло четыре или пять дней, мой Копейкин является опять. “А”, говорит министр: “я вам ничего не могу другого сказать, как только то, что вам нужно ожидать приезда госу-

даря. Тогда без сомнения будут сделаны какие-нибудь распоряжения насчет раненых, а без монаршей я, так сказать, воли ничего не могу сделать”. Поклон, понимаете, и прощайте. Копейкин мой, [понимаете] можете вообразить себе, вышел в этаким в некотором роде в положении сомнительном. Не зная, так сказать, ожидать или не ожидать чего. Думает, хотя бы уж наверно что-нибудь. [Жить видит] Жить, можете представить, становится труднее, труднее. Ну, думает себе, что будет, то будет, пойду опять к министру: “Как хотите, ваше высокопревосходительство, последний кусок доедаю, не поможете, должен умереть в некотором роде с голода”. [“А, говорит министр ~ с голода” вписано на полях.] Говорят: “нельзя, приходите завтра; министр не принимает”. На другой день тоже, а швейцар на него просто и смотреть не хочет. У моего Копейкина всего на всего остается какой-нибудь полтинник; то бывало едал щи, да говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь эдакую селедку или огурец соленный, да хлеба на два гроша — словом, можете представить себе, голодает бедняк, [словом го-

лодает бедняк мой страшно] а между тем аппетит просто волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана, повар там, собака, можете себе представить, иностранец; белье на нем чистейшее голландское, [повар там, белье на нем, понимаете, эдакое чистое,] работает котлетки с трюфлями. Ну, [словом] разсупе деликасет такой, что вот просто себя, то есть, съел <бы> от аппетита. [котлетки с трюфлями всё эдакое это разсупе деликасет, как говорится...] Пройдет ли мимо Милютинских лавок, там из окна выглядывает какая-нибудь эдакая семга, вишенки по пяти рублей штучка, арбуз громадище, просто карета какая-нибудь эдакая лежит и, так сказать, ищет, нет ли где дурака, который бы заплатил сто рублей. Словом, на всяком шагу соблазны такие. У моего кап<итана> Копейкина текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Так вот представьте положение-то, понимаете, его какое: тут с одной стороны, можете вообразить, у него семга[арбуз там эдакой; у него только, можете себе представить, текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Тут, понимаете, семга; а. арбуз там эдакой страшилище, ка-

рета просто глядит из окна и в некотором роде как будто ищет, нет ли где дурака, который бы заплатил сто рублей. Словом, на всяком шагу это такие соблазны. У моего кап<итана> Копейкина текут слюнки, а он слышит между тем всё завтра. Так положение-то понимаете его какое. Тут понимаете семга] и арбуз, а ему подносят всё одно и то же блюдо — завтра. Наконец, сделалось бедняге, так сказать, в некотором роде не в терпеж. Решился: что-то будет, то будет, одним словом, итти еще раз к министру. Дождался у подъезда, не пройдет ли еще[Вместо “Наконец ~ не пройдет ли еще”: Копейкин мой решился итти на пролом. Дождался у подъезда, не будет ли еще] какой проситель и там с каким-то, понимаете, генералом проскользнул со своей деревяжкой в приемную. Министр-то уж его узнал вдруг. “Ну, говорит, для вас теперь ничего нельзя сделать. Нужно ожидать приезда государя; тогда, говорит, без сомнения, составится какой-нибудь комитет насчет раненных”. “Но, помилуйте, ваше высокопревосходительство, у меня нет куска хлеба; я проливал, можете себе представить, кровь, лишился руки

и ноги...” Только министр, сударь мой, или был занят, или уж он точно надоел ему: “Ступайте, говорит; вас много, говорит, есть таких; ищите средства помочь себе сами”. — “Помилуйте, говорит мой Копейкин, как же я могу помочь себе, не имея ни руки, ни ноги” он то хотел прибавить: “а носом и подавно ничего не сделаешь; только разве, что высморкаешься, да и для того нужно купить платок”. Только министр, сударь мой, начал, можете себе представить, сердиться. “Ступайте же, говорит, или вас выведут!” А мой Копейкин, голод-то, знаете, пришпорил его: “Как хотите, ваше высокопревосходительство, не сойду, говорит, с места до тех пор, покамест не дадите надлежащей резолюции”. И министр, сударь мой, вышел из себя <1 нрзб.>, можете себе представить, еще может быть <1 нрзб.> в летописях, так сказать, не было, чтобы какой-нибудь осмелился так говорить с министром; [вышел из себя. Противоречий он, знаете, почти не слышал никогда] чиновный там у него народ, можете себе представить, всё это на подобострастии. “Грубиян!” закричал он: “где фельдъегерь? позвать фельдъеге-

ря. Препроводить его, говорит, с фельдъегерем на место жительства”. [На полях запись карандашом: “Ну, говорит, ведь я вам сказал, что ожидать; зачем вы явились опять?” — “Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имея, так сказать, руки, некоторым <образом>, куска хлеба нет”. Ну министр <нрзб.> ему говорит <нрзб.> он говорит ступайте, ступайте. Я не могу для вас ничего сделать. Не имею на этот счет никакого указания. Ожидайте <нрзб.>, а покамест ищите сами себе пом

Но, ваше высокопревосходительство, можете представить себе в некотором роде сами, как мне помочь себе Дальше несколько строк не поддаются прочтению.] А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трех-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, понимаете, уж так натурой устроена для ямщиков, дантист эдакой. Вот его, раба божьего, схватили, сударь мой, да в тележку с фельдъегерем. Ну, Копейкин думает, по крайней мере, не нужно платить прогон, спасибо и за то. Вот он, сударь мой, едет на фельдъеге-

ре. Да едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: [“спасибо ~ сам себе” вписано карандашом на полях.] “Хорошо, говорит, когда ты сам, говорит, советывал [Над строкой карандашом: Министр сам наконец Далее не поддается прочтению.] поискать самому средств, хорошо, говорит, я, говорит, найду средства”. Ну уж как только его доставили на место и куды именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи об капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но только позвольте, господа, вот тут-то, можно сказать, и начинается, так сказать, нить романа. Итак, куда делся Копейкин неизвестно, но не прошло, [Вместо “Так, понимаете ~ не прошло”: Только, сударь мой, не прошло] можете представить себе, двух месяцев, как появилась в Рязанских лесах шайка разбойников и атаман-то этой шайки был, сударь мой, никто другой, как наш капитан Копейкин. Набрал там из разных беглых солдат, некоторым образом, [можно сказать] банду целую. [из разных беглых солдат шайку пристрашную.] Это было, може-

те себе представить, тотчас после войны: всё это привыкло, знаете, к распускнутой жизни, всякому жизнь — копейка, забубенная везде жизнь, хоть трава не расти; словом, сударь мой, у него просто армия [какая-нибудь]. [Вместо “копейка ~ [какая-нибудь]”: копейка — словом ~ просто полк целый] По дорогам никакого проезда нет, и всё это, понимаете, собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. [понимаете устремлено больше на казенное.] Если проезжающий по какой-нибудь, т. е. своей надобности — ну, спросит только, зачем — да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги, словом, [можете себе представить] всё, что носит, так сказать, имя казенное, спуску никакого. Ну, можете себе представить, казне изъян ужасный. Услышит ли, что в деревне какой-нибудь казенной близко уже платить [провиант или деньги, казна — спуску никакого. Словом, казне изъян ужасный. Это еще не всё: как только услышит, что в деревне какой-нибудь казенной мужикам близко уже платить] казенный оброк, он уж там. Требуется тот же час к себе, в

некотором роде, старосту: [Вместо “Требуется ~ старосту”: Где староста?] “Подавай, брат, казенные оброки и подати”. Ну, мужик видит, эдакой безногий чорт, на воротнике-то у него, понимаете: жар-птица, [на воротнике-то у него жар-птица] красное сукно — пахнет, [это пахнет] чорт возьми, оплеухой. “На, батюшка, вот тебе, отвяжись только”. Думает: уж верно какой-нибудь капитан-исправник, а может быть [еще] и того еще хуже. [Думает: уж какой-нибудь капитан-исправник.] Только, сударь мой, деньги он, понимаете, примет как следует и тут же крестьянину пишет расписку, чтоб некоторым образом их оправдать, чтобы крестьянину чего-нибудь не досталось, понимаете, что вот принял [пишет расписку, чтоб их оправдать, что вот принял] — мол все казенные подати сполна такой-то капитан Копейкин, и еще приложит и печать свою. Словом, сударь мой, где только есть какой-нибудь казенный профит, он грабит, т. е. на пропалую. Посланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует. [изловить его, только куды, батюшка, Копейкин мой ничего не боится.] Голодеры,

понимаете, собрались всё такие. [Голодеры, понимаете, всё такие с ним.] Но, наконец, может быть, испугавшись сам, видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку <?>, и что преследования ежеминутно усиливались, а, между <тем>, что деньжонок у него [испугавшись действительно усиленных преследований, а может быть, понимаете, и то, что денег у него] капиталец набрался порядочный, он, он сударь мой, за границу, и за границу прямо, [он вдруг ушел, сударь мой, за границу и прямо] можете представить себе, в Соединенные Штаты, и пишет оттуда, сударь мой, письмо к государю красноречивейшее, какое только можете вообразить; в древности Платоны [в древности и Платоны] и Демосфены какие-нибудь — всё это, можно сказать, тряпка, [всё это тряпка] дьячек в сравнении с ним. “Не подумай, государь, говорит, чтоб я того, и того, и того...” Круглоту периодов, понимаете, запустил такую... “Необходимость, говорит, была причиною моего поступка; проливал кровь, не щадил, некоторым образом, жизни, [Необходимость, говорит, причина; проливал кровь, жизни т. е. не щадил,] и хлеба, как бы

сказать для пропитания, нет теперь у меня. Не наказуй, говорит, моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно[ибо вовлечены собственно] мною. А скажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, т. е. если там[т. е. как там] попадутся раненые, так чтобы, примером, за ними эдакое, можете себе представить, смотрение”. [так чтобы за ними эдакое какое-нибудь смотрение.] Словом, красноречиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, был, так сказать, тронут. [Ну, государь, т. е. вы можете себе представить, был, так сказать, тронут] Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно, что человек, так сказать, точно был доведен <до> последней крайности. Он дал[было прискорбно. Он дал] немедленно же повеление, чтобы больше не преследовать виновных, а строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, т. е. раненых, и вот это именно была причина, сударь мой, что таким образом положено основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых со-

вершенно. [“совершенно” вписано.] Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю, что он в Соединенных Штатах денежки прожил, да вот и воротился к нам, чтобы, понимаете, еще каким-нибудь образом попробовать, что не удастся ли какое-нибудь в некотором роде новое[какое-нибудь, так сказать, новое] предприятие”.

“Только позволь, Иван Андреевич”, [Иван Григорьевич] сказал на это полицмейстер: “ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и без ноги, а у...”

Почтмейстер вскрикнул и хлопнул [Почтмейстер хлопнул себя] со всего размаху рукой по лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло к нему в начале [речи] повести, и сознался, что совершенно справедлива пословица, говорящая, что русский человек задним умом крепок. Однако ж, минуто спустя он тут же начал хитрить и пробовал вывернуться, говоря, что, впрочем, [Вместо “назвавши ~ впрочем”: и назвал себя при

всех телятиной, но однако ж после небольшо-го размышления прибавил, что] в Англии очень усовершенствован механизм и механика, что[и что] видно по газетам, как изобрел один деревянные ноги такого рода, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека бог знает в какие места.

Все, однако же, очень усумнились, чтобы Чичиков был никто другой, как капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже[Вместо “Все ~ уже”: Но во всем этом предположении, будто бы Чичиков был никто другой, как капитан Копейкин, чиновники очень усумнились, и нашли, что это уже было] слишком далеко. Впрочем, они с своей стороны тоже не ударили[Впрочем, нечего сказать, они с своей стороны не ударили] лицом в грязь и, наведенные остроумною догадкой почтмейстера, заехали едва ли не далее. [Вместо “заехали ~ далее”: хватили даже еще подальше.] Из числа многих в своем роде[в своем роде, конечно,] сметливых предположений было, наконец, одно, странно даже и ска-

зять, что не есть ли[было, наконец, одно такое, что, признаюсь, я думаю, не лучше ли будет не говорить о нем. Читатель без сомнения скажет, что автор солгал, но это было действительно так. Было предположение, что не есть ли] Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз и карикатуры выходили, где русский изображен разговаривающим с англичанином, а англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и что под этой собакой разумеется Наполеон. Смотри, мол, говорит, вот только что-нибудь не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку; и что вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены; так вот и пробрался теперь в Россию, представляя вид, [“представляя вид” вписано.] будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а впрочем, однако ж, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, [однако ж, так как будто бы и поза-

думались и как начали рассматривать это дело каждый про себя, то нашли] что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. Полицмейстер, который служил в кампании двенадцатого года и лично видел Наполеона, не мог тоже не сознаться, что ростом он никак не будет выше Чичикова и что окладом своей фигуры Наполеон тоже нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так, чтобы тонок. Автор должен обратиться к читателю: он, право, не знает, как ему быть, [он почти] и уверен, читатель назовет это невероятностью. Сказать откровенно, [Далее начато: ему это казалось тоже] он с своей стороны считает это невероятным, но, как нарочно, всё это была совершенная правда, и тем более еще изумительно, [Вместо “Автор ~ изумительно”]: Автор вновь обращается к читателю и не знает сам, как изъяснить ему затруднительность собственного положения, чувствуя внутренне, что подает все причины почитать это за ложь, но, действительно, всё это была совершенная правда, и еще тем более ему самому кажется это удивительным] что самый город

был не так далеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что это происходило не так давно после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, сидельцы, купцы и всякой грамотный и даже неграмотный народ сделались, по крайней мере, на целые восемь лет политиками заклятыми. Московские ведомости и Сын Отечества зачитывались немилосердно, доходя к последнему чтецу в кусочках, негодных ни на какое употребление. [и доходили к последнему чтецу в таких кусочках, что даже нельзя было ни на что употребить их.] И вместо вопросов: “Почем, батюшка, продали мерку овса? как воспользовались [воспользовались ли вы] вчерашнею порошей?” говорили: “А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова св. Елены?” Купцы особенно этого сильно опасались, ибо верили совершенно в предсказание одного пророка, уже три года сидевшего в остроге. Пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлою рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и что теперь держится на камен-

ной цепи, но после разорвет цепь [“и что теперь ~ цепь” вписано.] и должен, наконец, овладеть всем миром. Пророк за предсказанье попал, как следует, в острог, но, тем не менее, дело сделал и смутил совершенно купцов. Долго еще, во время самых даже прибыточных сделок, купцы, отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе. Многие из чиновников и благородного дворянства невольно подумывали тоже об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово Наполеон, какое-то особенное значение. Многие открыли даже в нем апокалипсические цифры. Итак, еще в этом не было слишком много удивительного, что чиновники задумались на время над этим пунктом. [“Пророк за предсказанье ~ пунктом” вписано на полях.] Впрочем, господа [Но господа] чиновники заметили скоро сами, что воображение их чересчур уже рысисто, что это уже слишком далеко, а нужно сурьезно подумать о том, что поближе. Думали, думали, толковали, толковали и, наконец, решили, что не ху-

до бы еще расспросить хорошенько Ноздрева, так как он первый вынес историю о мертвых душах, и притом, как видно из его слов, был в тесных отношениях с Чичиковым; может быть, даже знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

Странные люди эти господа чиновники, а вслед за ними вообще и все другие звания. Ведь очень хорошо знали, что Ноздрев лгун, что ему нельзя верить ни в одном слове, ни в самой безделице, а между тем, именно прибегнули к нему. Поди ты, сладь с человеком! Не верит в бога, а верит, что[а верит в то, что] если чешется переносье, то, верно, скоро умрет. Пропустит мимо создание поэта, ясное, стройное, всё проникнутое чудным согласием и высокою мудростию простоты, [Вместо “пропустит ~ простоты”: Стройное ж ясное совершившееся в младенческой простоте создание поэта он пропускает мимо,] а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, [напутает, нагородит, наплетет,] выломает, изломает природу — это ему

понравится, и он пойдет кричать: “Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!” Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится, наконец, к шарлатану или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декокт из нивесть какой дряни, которая, бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни. Конечно, можно отчасти извинить господ чиновников действительно затруднительным их положением. Утопающий говорят, и за маленькую щепку хватается, и у него нет в это время рассудка подумать, что ведь на щепке может разве только прокатиться верхом муха, а в нем весу, слава богу, без малого четыре пуда. [Далее над строкой запись: [так что куды-то ему поместить на щепке] вряд ли двух вершковая шестисаженная <?> доска <?>, однако ж хватается и за щепку.] Так и упомянутые нами господа ухватились, наконец, и за Ноздрева. [Вместо “Так ~ Ноздрева”: Ухватились и за Ноздрева.] Полицмейстер в ту ж минуту написал к нему записочку пожаловать на вечер, и квартальный в ботфортах, [и квартальный в бакенбардах] с привлекательным румянцем

на щеках, побежал в ту ж минуту, придерживая шпагу, в прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздрев был занят важным[занят в это время очень важным] делом: целые четыре дни уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал[не выходил из <комнаты> и получал] обед из маленького окошка, словом, даже исхудал. Дело требовало [точно] большой внимательности: оно состояло в подборании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую бы можно было понадеяться, как на вернейшего друга. Работы оставалось еще, по крайней мере, на две недели. Во всё продолжение этого времени Порфирий[Вместо “Дело ~ Порфирий”]: Это важное дело состояло в подборании карт из нескольких колод и должно было занять, по крайней мере, две недели, в продолжении которых Порфирий] должен был чистить пуп медевянскому щенку особенной[небольшой] щеточкой и мыть его беспрестанно три раза на день мылом. [и мыть его в каком-то рассоле.] Прежде всего Ноздрев отправил квартального к чорту, но когда начитал в записке городничего, что может

быть даже для него пожива, потому что на вечер ожидают еще одного какого-то новичка, то смягчился. Запер комнату[Вместо “то смягчился. Запер комнату”: Последнее так показалось ему заманчиво, что он комнату] ту же минуту на ключ и, одевшись как попало, отправился к ним. Показания и свидетельства Ноздрева оказались опять яркая противоположность пояснениям господ чиновников. Это был решительно человек, для которого не существовало сомнения вовсе, и сколько у них было шаткости, [и робости] нерешительности, столько у этого уверенности и решительности. Он отвечал на все пункты, даже и не заикнувшись. Объявил, [Показания и свидетельства Ноздрева не могли успокоить их уже потому, что сколько вообще с их стороны было нерешительности и сомнения, столько, напротив, у него уверенности и смелости. Он отвечал решительно на все совершенно пункты, ни один раз не заикнувшись. Он объявил] что и мертвых душ он ему продал на несколько тысяч даже рублей. На вопрос, не шпион ли он какой-нибудь[Над строкой вписано после слов: и мертвых душ: “он точно купил

Чичиков, несомненно, даже он ему точно продал, что он готов совершенно всё продать] и старается втайне кое-что разведывать, Ноздрев отвечал, что шпион, что и в школе, где он с ним вместе учился, его называли фискалом и что за это его товарищи, а в том числе и он, несколько его поизмяли, так что ему нужно было после того поставить около 400 пиявок к одним вискам, то есть, он хотел было сказать: около сорока, но уж четыреста как-то само собою. [“он хотел ~ само собою” вписано.] На вопрос, не делатель ли он фальшивых бумажек, он отвечал, что делатель, и при этом случае рассказал анекдот[и рассказал даже при этом случае анекдот] про необыкновенную ловкость Чичикова: как, узнавши, что в доме находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, опечатали и приставили караул на каждую дверь по два солдата и как он в одну ночь переменял их так, что на другой день, когда сняли печать, нашли, что все два миллиона были настоящие. [Вместо “как, узнавши ~ настоящие”: как опечатали дом его, узнавши, что в нем находилось на два миллиона фальшивых ассигна-

ций, и как он в одну ночь заменил их настоящими.] На вопрос: точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что он взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, помогал, и что не будь он, так ничего бы и не было. [Ноздрев и здесь отвечал утвердительно и даже, что не только помогал, но сам почти взял на себя распоряжение...] Тут было и спохватился он, видя, что солгал [спохватился он, что солгал] вовсе напрасно и мог таким образом сам накликать на себя беду, но языка уже никак не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была деревня, где была приходская церковь, в которой положили венчаться, деревня Трухмачевка, поп отец Сидор, за венчание 75 рублей, и то бы не согласился, что он припугнул его, обещаясь донести на него, что перевенчал поп лабазника с кумой и что он дал даже свою коляску и заготовил везде переменных лошадей. Подробности дошли даже до именямщиков. [не мог придержать, который тут-

то именно и почувствовал охоту погулять на свободном поле. Впрочем оно точно было трудно, ибо представились сами собою такие интересные подробности, что жаль было точно отказаться: в какой даже именно церкви положено быть венчанью, и какой поп, именно отец Сидор, за 75 рублей, и если бы он не предложил свою коляску и лошадей, то Чичиков никогда бы не успел сам и множество других при этом случае необходимых обстоятельств.] Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздрев понес такую околесину, в которой не только не было [Ноздрев начал, наконец, такое вранье, что не только не имело] никакого подобия на правду, но даже ни на что не было подобия, [но просто ни на что не имело подобия] так что чиновники, вздохнувши, отошли прочь. Один только полицмейстер, наклонивши голову, продолжал слушать, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь дальше, да, наконец, и рукой махнул, сказавши: “Чорт знает, что такое”.

Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно

по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора, до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг умер, как говорится, ни с того, ни с другого. Параличем ли его, или другим чем прихватило, только он так, как сидел, так и хлопнулся навзничь со стула. Вскрикнули, как водится: “Ах, боже мой”, всплеснули руками, послали за доктором, чтобы пустить ему кровь, но увидели, что прокурор уже был одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он, по скромности своей, никогда ее не показывал. Еще одна жизнь убежала из мира, и всё[Вместо “Еще ~ и всё”: Всё] совершилось в одну минуту. И тот, кто еще не так давно ходил, двигался, садился играть в вист, подписывал разные бумаги[разные решения] и был виден так часто между чиновников со своими густыми бровями и мигающим глазом, теперь лежал на столе. Левый глаз уже не мигал вовсе, но бровь одна всё еще была приподнята с каким-то вопросительным выражением. О чем[Уже о чем] покойник спрашивал: зачем он умер или зачем жил, об этом

один бог ведает. [зачем жил, — это бог знает.]

И всё это могло случиться вдруг так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, заехать в такую околесину, набредить, напутать сами себе такой вздор, когда ребенок даже видит, что это вздор — и всё это правда? И не выдумка это чересчур пересоленная? И много найдется умников, которые скажут: “нет, это невозможно”, и раздастся и отдастся в дальних [Начато: дальних закоулках: нет, это невозможно] рядах, невинно повторяющих чужие речи: “нет, это невозможно”. И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков, ибо люди от души щедры на слово дурак и готовы несколько раз на день прислужиться им своему ближнему. И будут довольны люди, что уничтожили несообразность и обличили автора, и похвалят за это себя — и поделом: хвала и честь [за это] их остроумию.

А разверните гремящую летопись человеческую, что в ней? Сколько предстоит в ней

очам столетий, которые бы всё уничтожил и вычеркнул как ненужные. Сколько раз видят очи, как отшатнулось человечество и пошло по косвенной, неверной дороге, тогда как истина сияла светлее солнца, и, кажется, весь открыт был широкий, прямой и светлый путь, по которому бы должно было потечь оно. Но отшатнулось ослепленное человечество, не замечая само и, раз попавши на ложную дорогу, пошло столетьями блуждать, теряясь далее[Но отшатнулось, не замечая само всё человечество и, раз попавши на ложную дорогу, блуждало, терялось далее] и далее и очутилось вдруг в неведомой глуши, вопрошая испуганными очами: “Где выход, где дорога?” И родились незаконные, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых бы не признали своими сами сотворившие их, от которых даже со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища, подкинутого ей на место сына. И видит всё это текущее поколение, и видит ясно, и дивится, как можно было подобным образом заблуждаться, и смеется над неразумием своих предков,

смеется, не видя, что огненными письменами начертаны сии страницы, что кричит в них всякая буква, что отсюда устремлен их пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение. Но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также посмеются потом потомки. [“И всё это ~ потомки” вписано на отдельном листе.]

Чичиков ничего обо всем этом не знал совершенно. Как нарочно, в это время он получил легкую простуду: флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов. Чтобы не прекратилась, боже сохрани, как-нибудь жизнь без потомков, он решил лучше посидеть денька три в комнате. В продолжении сих дней он беспрестанно полоскал горло молоком с фигой, которую потом съедал, и носил привязанную к щеке подушечку из ромашки и конфоры. Он уже всё сделал, что ему следовало, переписал список вновь всем крестьянам, сделал потом другой в миньютуре, пересмотрел даже и в ларце

своим разные находившиеся там предметы и записочки, кое-что перечел и в другой раз; изредка, ходя по комнате, посматривал в зеркало на свой совершенно круглый подбородок, и всё это, наконец, прискучило ему сильно, и потому обрадовался, как бог знает чему, когда почувствовал, наконец, возможность выйти из комнаты. Он не мог, однако же, понять, что бы это значило, что ни один из господ чиновников не приехал сделать ему никакого визита. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был очень радостен, точно праздник. Одевался он с удовольствием и еще с большим удовольствием расположился бриться, ибо очень любил это занятие. На этот раз, когда пощупал он свою бороду и посмотрел в зеркало, не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть: “Эк его! леса-то пошли писать какие!” И в самом деле, леса не леса, а по всей щеке и подбородку высыпался очень густой посев. Выбрившись, вымывшись, вытершись самым воскресным образом, надевши[вытершись, надевши] совершенно чистое белье, фрак, всё это опрятно, нигде ни пушинки, отправился он прежде всего сделать визит губернатору.

Идя дорогою, он невольно даже посмеивался, думая кое о чем приятном. Читатель может быть даже и догадывается, о чем. Но каково же было его изумление, когда швейцар встретил его весьма лаконическим ответом: “Не принимает”. Чичиков объяснил ему, что он не проситель и чтобы он доложил просто, что вот, мол, Павел Иванович пришел. Но швейцар ответил, что он это хорошо знает, но что именно его-то и не велено принимать. Это озадачило нашего героя. Он отправился в ту же минуту к председателю палаты, к полицмейстеру, к виц-губернатору, к сему, к другому, но все приняли его так странно, такой принужденный, такой непонятный вели разговор, так смутились и потерялись и такую понесли бестолковщину, что герой наш тоже с своей стороны чуть не потерял голову. Он попробовал еще зайти кое к кому, чтобы узнать по крайней мере причину этого, но не добрался никакого толка. Без цели бродил он по городу и в сумерки возвратился домой. От скуки или просто с горя, он приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай в трактирах запахом бывает несколько похож на табак. В за-

думчивости и в каком-то бессмысленном размышлении о странности положения своего, стал он разливать чай: хлебнул и чихнул вместе, потому что чай был чистейший табак. Вдруг в это время дверь его отворилась, и предстал Ноздрев, уж никак неожиданным образом.

“Здравствуй, брат, Чичиков”, вскрикнул он: “а я, признаюсь, не думал тебя застать. Проходя дорогою, думаю себе: дай-ка зайду навестить приятеля; смотрю: в окошках огонь... Ну, здравствуй, душа, как поживаешь?”

Чичиков отвечал на это довольно сухо и показал ясно, что вовсе не обрадовался его приходу. Но Ноздрев подобных обстоятельств никогда не примечал. [Но, впрочем, Ноздрев никогда этого не замечал.]

“Да что ты, право, так отделился от всех”, говорил Ноздрев: “нигде не бываешь. Конечно, я знаю, ты занят иногда учеными предметами, любишь читать...” Уж почему Ноздрев

заклучил, что герой наш занимается учеными предметами и охотник почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того еще менее. “Ах, брат Чичиков, т. е. если б ты только видел... вот уж, точно, можно сказать, была бы пицца твоему сатирическому уму”. Почему у Чичикова сатирический ум, это для нас тоже совершенно непонятно. “Вообрази, брат, у купца Лихачева мы играли в горку. [Вообрази, брат, были мы у купца Лихачева, дули в горку.] Карты, если бы ты увидел — просто блины; только, как говорит Кувшинников, шлепать ими крепостных людей по щекам. Ты себе не можешь представить, какая была умора. Перепендев, который был со мною: Вот, говорит, если б теперь Чичиков! уж вот бы ему точно...” Между тем Чичиков от роду не знал никакого Перепендева. “А ведь признайся, брат, ведь ты тогда, право, преподло поступил со мною, помнишь, в шашки. Ведь я было выиграл... Ну, да ведь я, черт меня знает, не могу никак долго сердиться. Намедни с председателем... Ах да, ведь я тебе должен сказать, что в городе все против тебя. Они думают, что ты делаешь

фальшивые бумажки; пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что вместе с тобой учился в школе и отца твоего знал, словом, чорт знает, чего наговорил[“и отца ~ наговорил” вписано.] и, сказать правду, пульку-таки им слил порядочную”.

“Я? делаю фальшивые бумажки!” вскрикнул Чичиков и вскочил со стула.

“Зачем ты, однако же, так напугал их?” продолжал Ноздрев: “Ведь они, чорт их знает, с ума сошли от страха. Уж думали было, что ты[Вместо “Уж думали ~ ты”: Ведь они чорт знает чего не передумали. Уж и Дальше осталось не согласованным.] разбойником тебя и шпионом... А прокурор от страха умер, завтра будет погребение. Они ведь, если сказать правду, сильно боятся нового генерал-губернатора, чтобы за тебя им не досталось от него. А я насчет нового генерал-губернатора такого мнения, что если он подымет нос и заважничает, то ничего не сделает с дворянством, решительно ничего. Дворянство требует ласкового обхождения и удовольствий. Конечно,

можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, да ведь этим любви не заслужишь. А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял увести губернаторскую дочку. Я ждал этого, ей-богу ждал. [“Я ждал этого, ей-богу ждал” вписано.] Я, признаюсь, в первый раз, как увидал вас на бале — ну, думаю себе, Чичиков недаром... Послушай, брат, [Вместо “Послушай, брат”: Я, брат, именно] признаюсь, с тем к тебе пришел, я готов, чтоб тебе доказать дружбу... Уж так и быть венца тебе подержу, и коляска моя будет готова и переменные лошади, только с уговором: ты должен мне дать займы [доказать дружбу... и коляска моя будет готова; я уж подержу тебе венца, только ты дай мне теперь займы] две тысячи денег. Нужны, брат, вот хоть зарежь”.

В продолжении всей болтовни Ноздрева Чичиков не знал, на яву ли или во сне он всё это слышит. Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы был он, проезд генерал-губернатора — всё это привело его в испуг не малый. Ну, уж коли пошло

на это, думал он сам в себе, так нечего здесь долее мешкать, нужно отсюда убираться поскорее.

Сбывши кое-как с рук Ноздрева, он призвал к себе Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, что [готовым на заре, что] завтра в шесть часов утра непременно выехать [непременно нужно выехать] из города и чтобы с вечера всё, что нужно, было приготовлено: бричка подмазана и пр. и пр. Селифан произнес: “Слушаю, Павел Иванович”, и остановился, однако же, на несколько времени у дверей, не двигаясь с места. Чичиков тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочною пылью, и вместе с ним принялся укладывать без большого разбора: чулки, рубашки, белье даже не мытое, платяные щетки, сапожные колодки, календарь. Всё это укладывалось как попало, потому что он положил непременно быть готовым с вечера, чтобы завтра не могло быть никакой задержки. Селифан, постоявши минуты две у дверей, вышел, наконец, чрезвычайно медленно, медленно, как

только можно себе вообразить, медленно спускался он с лестницы, [чрезвычайно медленно и до такой степени медленно, как только можно себе вообразить, спускался с лестницы] отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы по сходившим вниз избытым ступеням и почесывая долго рукою у себя в затылке. Что означало это почесывание? и что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась [что вот не выйдет] задуманная на завтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь в царевом кабаке. Или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять вечернее стояние у ворот и политичное держание за белые ручки, когда нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубахе бренчит на балалайке перед дворовой челядью и плетет тихие речи различный отработавшийся народ или, просто, жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ печи, да шей с городским мягким пирогом, с тем, чтобы вновь тащиться под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду. Бог весть, не угада-

ешь. Многое разное значит у русского народа почесывание в затылке. [На отдельном листе, вклеенном в ПБЛЗ, набросок рукой Гоголя: Герой [тут] наш тут выдвинул чемодан, покрывшийся уже [немалою] порядочною пылью и начал укладываться спешно: чулки, рубашки, белье, даже не мытое, платяные щетки, сапожные колодки, календарь, всё укладывал, как попало, потому что он [положил] решился [чтобы с вечера] быть готовым [и не было] с вечера, чтобы завтра не могло быть никакой задержки. Селифан, постоявши у порога минуту, [вышел мед<ленно>] отворил чрезвычайно [медле<нно>] лениво дверь и медленно, медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался с лестницы, [едва переступая как-то нерешительно по сходившим] чуть опустя <?> и напечатлев с большими [расстановками] толстыми своими сапогами мокрые следы по сходившим протертым ступеням и почесывая рукою долго в затылке. Что означало это почесывание, да и что означает это почесывание? Досада ли на то, что [может быть] вот не выйдет [условленный где-нибудь] задуманная на завтра сходка

его с своим собратом в неприглядном тулупе [с кушаком] опоясанном кушаком где-нибудь в царевом кабаке. Или уж завелась какая зазнобушка сердца в новом месте и жаль сильно оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки в то время, когда нахлобучиваются на город сумерки, и 18 семнадцатилетний [так в подлиннике] дитина в красной рубахе бренчит на балалайке пред дворовой челядью и плетет [деловые] тихие речи разночинной отработавший народ. Или просто жаль. оставлять отогретые уже места под тулупом близ печи на людской кухне, щей с белым <?> городским сдобным пирогом, с тем, чтобы вновь под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду. [Как сдаётся] Бог весть, не угадаешь; многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке.]

ГЛАВА XI

Ничего, однако ж, не случилось так, как располагалось. Чичиков проснулся гораздо позже, нежели думал — это была первая неприятность. Вставши, он ту же минуту послал узнать, заложена ли бричка и всё ли го-

тово; но донесли, что бричка была не заложена и не всё готово — это была вторая неприятность. Он приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана и, полный нетерпения, ожидал только, какую тот представит с своей стороны причину и оправдание. Скоро Селифан показался в дверях, и господин имел удовольствие услышать те же самые речи, какие обыкновенно слышатся всегда от прислуги, в таком случае, когда нужно скоро ехать.

“Да ведь, Павел Иванович, нужно будет лошадей ковать”.

“Ах, ты!..” Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого у нас на Руси делается дело как-то лениво. “Зачем же ты прежде об этом не вздумал сказать? Не было времени, что ли?”

“Да время-то было... Да и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем переменить, потому что оно теперь по милости вашей подгрязнило... А уж перед у брички со-

всем, Павел Иванович, расшатался, так что и двух станций не сделает”.

“Ах ты, подлец эдакой! Какой урод тебя, дурака эдакого, на свет пустил. Да где у тебя-то глаза были до этих пор. Ведь три недели сидели на месте — хоть бы заикнулся. А вот к последнему часу и пригнал, чушка ты проклятая; именно к последнему часу: тут бы вот садиться да ехать, а он вот тут-то именно и нагадил. Ведь ты ж знал это всё? Отвечай. (Здесь герой наш назвал его кажется, рылом.) Знал? А?”

“Знал”, отвечал Селифан, потупивши голову.

“Ну, так зачем же ты мне тогда не сказал?”

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, как будто бы безмолвно говорил сам себе: “Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да и не сказал”. [Вместо “Вишь ты ~ не сказал”: Вишь как оно случилось.]

“А вот теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобы в два часа всё было сделано! Слышишь?”

Селифан уже оборотился было к дверям, с тем, чтобы итти выполнять данное приказание, но остановился, и Чичиков услышал еще кое-какие извещения в прибавку к прежним. [Вместо “но остановился ~ прежним”: как вдруг остановился неожиданно, и Чичиков имел удовольствие еще услышать кое-какие речи.]

“Да еще, Павел Иванович, серого-то коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, подлец; право, только, можно сказать, помеха другим”.

“Да, как раз вот теперь его, небось, стану продавать”. [Да вот как раз я пойду теперь продавать его.]

“Ей-богу, Павел Иванович, т. е. он только что на вид, а на деле-то он самый лукавый

конь. Такого коня т. е. нигде не найдешь”.

“Об этом будет время в другом месте подумать; ступай за кузнецами”.

Герой наш сделался совершенно не в духе. Швырнул на пол саблю, которая ездил с ним в дороге для [страху] внушения надлежащего страху кому следует. [которая неизвестно для какой причины ездил с ним в дороге и лежала около него в бричке.] Около четверти часа [Четверть часа] слишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, как водится, были [потому что кузнецы были, как водится] отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро. Чичиков, как ни горячился, называл их и мошенниками, и разбойниками, грабящими проезжих, намекнул даже на страшный по смерти суд, [называл их и подлецами, и разбойниками, которые грабят проезжающих, намекнул даже им и на будущую жизнь и на страшный суд] но кузнецов ничем не пронял: они [и они] совершенно выдержали характер и не только не отступи-

лись от цены, но даже провозились около брички, вместо двух часов, целых пять. [про-возились, вместо двух часов, с небольшим пять.] В продолжении этого времени[в про-должении которого времени] Чичиков испы-тал приятные минуты, известные всякому пу-тешественнику, когда в чемодане всё уложе-но и в комнате валяются только веревочки, бумажки, [веревочки да бумажки] да разный сор, когда человек не принадлежит ни к доро-ге, ни к сидению на месте, видит из окна плетущиеся фигуры, толкующие об своих грив-нах и с каким-то глупым любопытством из-редка поднимающие глаза, чтобы, взглянувши на него, опять продолжать свою дорогу, и это равнодушие всякий раз[опять пойти своею дорогою, что всякий раз] как будто растравля-ет сильнее нерасположение духа. Всё, что ни есть, что ни видит он: и лавчонка[Всё: и лав-чонка] против его окон, и вывеска, и голова старухи, живущей в супротивном доме, и под-ходящей в это время к окну с коротенькими занавесками, — всё ему гадко, однако ж он не отходит от окна. Стоит то позабываясь, то об-ращая вновь какое-то противовольное вни-

мание на движущееся и недвижимое в улице и не думая и не не думая, а между тем с досады душит какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется о стекло. Но желанная минута наконец настала. [“Но желанная ~ настала” вписано.] Наконец всё было готово: и перед был как следует налажен, и колесо было обтянуто новою шиною, и кони приведены с кузницы, и разбойники-кузнецы отправились, считая полученные целковые и пожелавши всякого благополучия, и бричка, наконец, была заложена, и два горячие калачи, только что купленные, были внесены в бричку, и Селифан уже засунул кое-что для себя в карман, бывший у кучерских козел, и сам герой наш при взмахивании картузом, производимым беспрестанно половым в том же демикотонном сертуке и при желании его счастливой дороги, при трактирных и чужих кучерах и лакеях, собравшихся позевать на то, как выезжает чужой барин, и при других прочих, всегда сопровождающих выезд обстоятельствах, сел в экипаж, — и бричка, в которой ездят холостяки и помещики, имеющие около сотни душ крестьян, которая так дол-

го [В подлиннике описка: дорого] застоялась в городе и может быть так даже надоела читателю, наконец, выехала из ворот гостиницы. “Слава тебе, господи”, подумал Чичиков и перекрестился. [“Слава ~ перекрестился” вписано.] Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел сначала повисевший несколько времени на ступеньке Петрушка, и господин средних лет и благоприятной наружности, герой наш Чичиков, усевшись на грузинском коврике, покрывавшем поклажу, находившуюся в бричке, заложивши за спину себе кожаную подушку, притиснув совершенно два горячие калача, пошел опять подплясывать и покачиваться, потому что мостовая имела уже известную читателям подкидывающую силу. [потому что мостовая, как уже читатель знает, имела подкидывающую силу.] С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, заборы и улицы, которые тоже, с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад, и которых, бог знает, сулит ли ему участь увидеть еще когда-нибудь в продолжении своей жизни. При повороте в одну из улиц, бричка должна была остановиться, по-

тому что во всю длину улицы проходила бесконечная погребальная процессия. Чичиков высунулся, [Герой наш высунулся было из брички] чтобы рассмотреть, кого хоронят. Гроб был открыт и несен на траурном катафалке. С каким-то неизъяснимым, странным чувством и вместе с некоторого рода испугом узнал он прокурора, с теми же неподвижными чертами, какие всегда видны были на нем и при жизни; один нос только казался больше и острее; густые брови были также приподняты, хотя глаза уже давно смежились. Исполненный неприятных ощущений, он тот же час спрятался в угол, закрыл себя кожей и задернул занавески. В это время, когда экипаж был таким образом арестован, Селифан и Петрушка, набожно снявши шляпы, рассматривали, кто как, в чем и на чем ехал, и может быть внутренне считали, сколько числом шло пешком, а сколько ехало в карете. Он сам отчасти занялся рассматриванием в стеклышко, находившееся в кожаных занавесках. За гробом шли, снявши шляпы, все чиновники. Заметивши их, он начал побаиваться, чтобы не узнали его как-нибудь по экипажу. Но

им было не до того: они даже не занялись разными житейскими разговорами, которые обыкновенно в это время занимают провожающих покойника. Все мысли их были в это время сосредоточены в самих себе. Они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как он возьмется за дело, как примет всё. За чиновниками, шедшими пешком, следовали кареты, из которых выглядывали дамы в траурных чепцах. По движениям губ и рук их видно было, что они были заняты кое-каким живым разговором. Может быть они тоже говорили о приезде нового генерал-губернатора и делали предположения насчет балов, которые он без сомнения даст, и говорили о вечных своих фестончиках и нашивочках. Наконец, за каретами следовали пустые дрожки, вытянувшиеся гуськом. Наконец, и ничего уже не осталось, и герой наш мог уже ехать. Открывши кожаные занавески, он вздохнул и от души произнес: “Вот прокурор жил, жил, а потом и умер! И вот, я думаю, напечатают в газетах, что скончался к всеобщему прискорбию подчиненных и всего человечества почтенный гражданин, редкий отец, пример-

ный супруг... Много напишут всякой всячины; прибавят еще, что сопровождаем был плачем и рыданием вдов и сирот, а ведь если разобрать хорошенько дело, так у тебя, может быть, на поверку всего и было только, что густые брови”. Тут он закричал Селифану: “ехать поскорее” и подумал тем временем про себя: “Это однако ж хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастье, если встретишь покойника”.

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; наконец потянулись уже одни длинные деревянные заборы, предвещавшие приближавшийся конец города. Вот уже и мостовая кончилась; вот и шлахбаум; вот уже город назади, и вот уже ничего нет — и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути вновь пошли писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами, горшками, ребятишками. Мужик пешком в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем с деревянными лавчонками, мучными бочками, кала-

чами, лаптями и прочею мелюзгой, рябые шлахтаумы, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, рыдваны помещичьи, солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и надписью: “такого-то артиллерийского полку”, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, лентами мелькающие по степям, затянута вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий вдали колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца... Русь! Моя пустынно [необъятно] раздольная родная Русь. Святым крестом своим осени тебя святой, [забубенная] звенящая [Русь] моя Русь... Что слышится мне в тоскливой твоей песне, несущейся по тебе от моря до моря. Что слышится в ней и зовет и хватает меня за сердце [Почему всё поет в тебе] какие лобзающие звуки несутся мне в душу и вьются около моего сердца... чего ты хочешь от меня, какая непостижимая связь, что глядишь ты мне в очи, и всё, что ни есть в тебе, вперило на меня очи... Еще недоуменно смотрят чуткие очи и уже главу мою осенило грозное облако движущееся и благотворно освежит и онемела мысль

пред пространством, потерявшим конец и как <1 нрзб.> много дождя. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли в тебе не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца! Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему. Как грозно и мощно объемлет меня величавое пространство! и какой страшной силой отразилось в глубине моей, вмиг осветились [Далее текст (2 строки) не поддается прочтению; читаются лишь отдельные слова.] какую сверкающую чудную незнакомую земле даль. Русь! [Вместо “Русь! Моя пустынно ~ Русь!”: Эх ты Русь моя! Моя забубенная, разгульная, распривольная, расчудесная, расцелуй тебя бог святой, земля. Как не родиться в тебе беспредельной мысли, когда ты сама без конца! На твоём ли да на широком просторе не развернуться! Уж здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где пройтись ему. Где же развернулось столько божьего свету? Бездонная моя, глубина и ширина ты моя! Что же движет, что говорит во мне неслыханными речами, когда вонзаю очи в эти недвижимые, непоколебимые моря, в эти потерявшие ко-

нец степи? У! как грозно и мощно объемлет меня величавое пространство! Какая широкая сила и замашка заключилась во мне! Как несут меня могучие мысли. Силы святые, в какую даль, в какую сверкающую, чудную, незнакомую земле даль! Что же я?

Эх, Русь!..

На отдельном листе, вклеенном между лл. 124 и 126 рукописи ПБЛЗ, набросок: Русь! Русь! вижу, вижу тебя из моего [дальнего] чудного прекрасного [заключенья] далека тебя вижу. Бедно [однообразно], разбросанно и неприятно в тебе. Не повеселят, не испугают взора дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства города с многооконными высокими дворцами, выпирающие <?> [среди водных пропастей и гор, уходящих [улетающих] в небо, ущельев и громадных] вросшие в утесы. Картинные деревья и плющи, вросшие [среди] [орошаемые] покрываемые шумом и пылью водопадов. Не <1 нрзб.> и далеко уходящие над головой вверху каменной глыбой устремленных вдаль вечные ли-

нии гор, сияющих, несущихся [ясно и легко] в серебряные ясные небеса.

[Дорога среди стремнин в] Открыто-пустынно и ровно всё, как точки, как значки [поставленные для чего-то] неприметно торчат в равнинах невысокие твои города [и кажись куда отстали <2 нрзб.> от западных разнообразных <1 нрзб.>] Но что влечет меня, [какая тайная] непостижимая тайная сила. Почему мне слышится и слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая несущаяся по всей ширине [твоей] и длине твоей от моря до моря песня. Что в ней, в этой песне. Что <1 нрзб.> и зовет, и рыдает, и хватает за сердце. Какие звуки болезненно лобзают и стремятся мне в душу и вьются около моего Фраза не закончена. Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая [непостижимая тайная] необъятная непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня [очи] полные ожидания очи?]

“Держи, держи, дурак”, кричал Чичиков

Селифану. “Вот я тебя палашом”, кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин: “Не видишь, леший дери твою душу, [не видишь, дери чорт твою душу] казенный экипаж”. [Далее начато: С громом и пылью пронеслись оба экипажа, один мимо другого, в разные стороны. Облако пыли осталось после исчезнувшей как призрак вдали тройки]

Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога, и как она чудна сама эта дорога. Чистый ясный день, осенние листья, холодный воздух... Покрепче в дорожную шинель, [Покрепче в шинель и в шубу] шапку на уши! В последний раз пробежавшая дрожь прохватила тело, и уже сменила ее приятная теплота. [и сменила ее скоро приятная теплота; а. и скоро сменила ее приятная теплота.] Кони мчатся. Как соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся “Не белы снеги”, и сап лошадей, и быстрый шум колес, и уже храпишь, прижавши [прижавшись] совсем к углу соседа. Проснулся: пять [восемь] станций убежало назад; луна, неведомый город, ночь,

церкви с старинными деревянными куполами и тонкими чернеющими остроконечьями; [и тонкими остроконечьями] темные и белокаменные дома. Сиянье месяца там и там: как белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; [как белые полотняные платки разбросалось по ним] косяками пересекают их черные, как уголь, тени, как сверкающий металл блестят озаренные деревянные крыши, [блестят деревянные крыши] и нигде ни души: всё спит. Один одишенок разве где-нибудь в окошке брезжит огонек: мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке — что до них! А ночь! Небесные силы, какая ночь совершается в вышине! [А ночь! Какая ночь деется в вышине!] А воздух! А небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей раскинувшееся так необъятно, звучно-ясное... Но дышит свежо в самые очи холодное дыхание ночи и убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь [Вместо “раскинувшееся ~ дремлешь”: так необъятно раскинувшееся, так почти звучно-ясное!.. Свежо дышит в лицо тебе дыхание ночи и убаюкивает тебя, и

дремлешь ты] и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный прижавшийся в углу сосед. Проснулся — и уже опять [Проснулся — уже опять] перед тобою поля и степи; нигде ничего, везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне [на побледневшем небосклоне] золотая полоса. Свежее и хлеще становится ветер, [Свежее и хлеще ветер] покрепче в теплую шинель... Какой славный холод! Какой чудный обнимающий вновь тебя сон! Толчек — и опять проснулся: на вершине неба солнце. “Полегче, легче”, слышишь голос; телега спускается с кручи; внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед солнцем, деревня, избы рассыпались на косогорье, как звезда блестит крест [Вместо “как ~ крест”: блестящей звездою крест] сельской церкви в стороне, болтовня мужиков и желанный аппетит [и чертовский аппетит] в желудке. Боже, как ты хороша подчас далекая-далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий я хватался за тебя, и ты всякий раз меня

великодушно выносила и спасала. А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько переживалось дивных впечатлений... Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы. А посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал[ничего; он поглядывал] только изредка назад, желая увериться, точно ли выехал[назад, как бы желая увериться, действительно ли он выехал] из города; но, когда[но после, когда] увидел, что город уже давно скрылся, что ни шлахбаума, ни кузниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно, и даже белые[и белые] верхушки каменных церквей давно спрятались, он занялся только своей ездою, посматривал покойнее направо и налево, и город N как будто бы не был вовсе или он проезжал его бог знает в какое давнее время. [как будто бы не был, как будто бы бог знает в какое давнее время он проезжал его и видел.] Иногда только[Иногда только в самых беглых чертах] в необъемной картине, в сжатых рамках и в уменьшенном виде представлялись ему городское общество, губерна-

тор, бал, висты до петухов, осетрина, белуга, гостиница, странное смущение и конфузное свидание с чиновниками, но всё это становилось [всё] бледнее, бледнее, [губернатор и бал, остряк почтмейстер, медведь Собакевич, сахар Манилов [подлец], гостиница, вечные висты до петухов, осетрина, белуга, шампанское, Ноздрев, объятия и слова: почтеннейший Павел Иванович, но всё это отражалось в памяти его бледнее и бледнее] подобно последним оттискам какой-нибудь яркой гравюры. Или тем ярким пятнам, которые [долго беспрестанно носятся перед нашими глазами] мерещатся в глазах наших после того, как мы глядели пристально [и долго] на понизившееся и утонувшее в [великолепном блеске] невыносимом блистании солнце. Долго еще отпечатываются горячо и ярко эти пятна [Над строкой начато: Эти пятна носятся перед нами] на всем, что ни видит глаз наш: на полях, озарённых вечерним блеском, с проснувшимся шумом насекомых, с приподнявшимися тоненькими стебельками, увенчанными яркими искрами полевых тонких цветов, на красноватой пыльной дороге, на старенькой кры-

ше сельской лачуги, обросшей дикой полынью, на складывающейся скирде свежего сена, [издающего благоуханный запах на всё поле] и на мужиках, поднимающих его на вилы, словом, на всем круглятся и носятся эти пятна, сначала раскаленные и яркие, потом бледнее и бледнее и, наконец, уже потухнувшие они всё еще носятся перед глазами нашими, темнея, как свинцовые пули. Но и их уже нет и стоит один <2 нрзб.> только свежий воздух да тонкий чудесный запах [свежего сена] скошенной [высохшей] травы, несущийся по всему полю. Наконец Чичиков перестал вовсе думать, стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор признается, что этому даже отчасти рад, находя таким образом случай поговорить о своем герое, ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то Ноздрев, то дамы, то чиновники, то балы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей, которые кажутся только мелочами, когда <1 нрзб.> [А в свете] покамест обращаются в свете, почитаются за весьма важные дела. Итак, теперь всё, совершенно всё отложим в сторону и займем-

ся исключительно нашим героем.

Прежде всего автор должен сказать, что он весьма сомневается, чтобы избранный герой его понравился читателю. Дамам он не понравится, [а. Дамам не понравится наш герой] это можно сказать наверное, ибо дамы требуют, чтобы герой был совершенен во всех частях, чтоб это было такое совершенство, чтобы ни пятнышка, если только безделица какая-нибудь — как-нибудь нос не так [а. совершенен во всех частях, как только можно, что если только безделица какая-нибудь, как-нибудь нос не так, так уж беда] или что-нибудь не так хорошее к душевным качествам, так беда. Никакой цены не дастся автору, хоть как глубоко ни загляни он в душу, [а. хоть загляни глубоко, как только возможно] хоть отрази чище зеркала образ человека. Самая полнота и средние лета героя тоже очень не понравятся; герою полноты ни в каком случае не простят, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: “фи, такой гадкой”. Увы, всё это известно автору, [а. Увы, всё это известно ему вперед] но что же делать. До сих пор как-то

автору еще ничего не случилось произвести по внушению дамскому и даже он чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь, конечно, всё прошло, даже и смущения не чувствует он. Воспитанный уединением, суровой, внутренней жизнью, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только разве невольно сами собой останоятся изредка глаза только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была. [Итак, в герое своем один автор господин]. И если не найдут причины в самом творении, почему избран [герой] такой-то герой, а не другой, [то автор не обязан пояснять <2 нрзб.>] ибо автор ничего не пояснит и не прибавит [и не даст ответа]. Но почему не избрал он в герои совершенного и добродетельного человека, это другое дело, это и можно сказать. А по весьма законной причине не выбран добродетельный человек. Потому что хоть на время нужно дать какой-ни-

будь роздых бедному добродетельному человеку, потому что бедного добродетельного человека обратили в какую-то почтовую или ломовую, и нет писателя, который бы не ездил на нем, потому что, обративши его в лошадь, то и дело хлещут его кнутом, понукают да пришпоривают, не имея < 1 нрзб.> никакого и до того изморили, что теперь вышел он бог знает что, а не добродетельный человек. Одни только ребра да кожа видны на нем, а уж и тени нет никакой добродетели. [Вместо “Или тем ярким ~ добродетели”: или, лучше, было похоже на те пятна, которые мы видим, поглядевши пристально на солнце и потом зажмурив глаза. Сначала они круглятся горячо и ярко, потом понемногу темнеют и, наконец, становятся темными, как пули. Наконец, герой наш перестал думать и об этом, начал слегка закрывать глаза, наконец, склонил голову к подушке. Автор признается, что этому очень рад, ибо наконец может поговорить о своем герое, не опасаясь, чтобы ему помешали, как было доселе.

Прежде всего должно сказать, что он со-

мневаются сильно, чтобы избранный им герой понравился читателям, а особенно дамам, ибо дамы требуют непременно, чтобы герой был совершенен во всех частях и во всех отношениях, и физически и нравственно, как говорится, без пятнышка. Автор предвидит уже заранее, что и самая наружность его героя, полнота и средние лета будут им очень не по вкусу и они даже скажут, отворотившись: “Фи, какой гадкой!” Но как бы ни хотелось быть вежливым, но никаким образом не может он на этот раз взять в герою дородетельного человека. Что ж делать — он должен признаться, что он невежа, и до сих пор ничего еще, где только входит чернила и бумага, не произвел по внушению дамскому. Он признается даже, что если дама облокотится на письменное бюро его, он уже чувствует маленькую неловкость; а впрочем, сказать правду, он не имеет обыкновения смотреть по сторонам, когда пишет; если же и подымет глаза, то разве только на висящие перед ним на стене портреты: Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была,

а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была. Взять же в герои добродетельного человека нельзя, по весьма законной причине: в самом деле, нужно же ему, бедняжке, дать, наконец, отдых. Что ни говори, а ведь мы его запрягли, как какого-нибудь коня: “пошел да и пошел”, только помахиваем кнутом, да и похлестываем. Не мудрено, что наконец изморили его до того, что он похож теперь бог знает на что — ребра да кожа, а уж нет и тени в нем добродетельного человека.] Нет, пора, наконец, припречь и подлеца.

Ни об отдаленном происхождении героя, ни о прародителях, ни о чем не упомянем; родословная его темна. [Вместо “Ни об ~ темна”: Следовало бы с самого начала упомянуть об отдаленном происхождении нашего героя, его прародителях и, наконец, родителях, но родословная его немного темна] Говорят, родители были дворяне, но столбовые или личные — наверно неизвестно. [наверно никак нельзя сказать] Лицом на них он, кажется, не походил: по крайней мере, какая-то родствен-

ница, находившаяся в их доме по случаю его рождения, выразилась пословицею: родился-де[не походил, что подало повод какой-то родственнице его, находившейся в их ~ рождения выразиться известною пословицею, что родился-де] ни в мать, ни в отца, а в прозжего молодца. Никаких тоже подробностей детства не осталось в его воспоминании. [подробностей его детства и почти никакого воспоминания о нем не сохранилось] Он помнил только неясно, [только очень неясно] что отец его был какой-то высокой, худощавый и несколько чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, стоявшую в углу, глубоко вздыхал[“глубоко вздыхал” вписано.] и бил очень больно линейкою по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в писании вечно находившейся перед ним прописи: добродетель есть сама себе награда, всю пожелтевшую. [всю пожелтевшую и испачканную немилосердо пятнами] Как он учился в училище, об этом ничего неизвестно;[Вместо “Как он ~ неизвестно”: Потом находился он в уездном училище. Как он

там себя вел и как учился неизвестно] замечательно только то, что он[что между товарищами он] был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя в отношении к товарищам таким образом, что они его угощали, а не он их [и замечательно еще то, что] Особенно нужно заметить, что он был поведения очень хорошего. [Вместо “и вел себя ~ хорошего”: и вел себя таким образом, что другие его угощали, а не он других. Потом был он и в губернской гимназии и тут оказалась очень заметно приятная сторона его характера. Ничего не было в нем буйного или непокорного начальству; [всё было в нем тихо и скромно] всё отзывалось какой-то особенною похвальною тихостью и скромностью. Не замечено было в нем никаких] Вместо “всё отзывалось ~ никаких”: но все движения довольно кротки, ни в каких шалостях он не был никогда замешан, никаких] беспорядочных или неуместных движений, как-то: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке роман во время скучной лекции, [во время лекции несколько скучноватой] издержать без толку[издержать неумеренно] деньги в

театр, словом, ничего такого, к чему влекутся молодые, слишком живые[слишком необузданные] души; никогда не являлся он неряхой[не являлся неряхой] или растрепой, и баллы в поведении получал отличные. Но при всех этих похвальных качествах, он всё бы мог остаться не более как то, что называют в обширном смысле хороший человек, или весьма гладенько выточенный обыкновенный, опрятный человек, без всяких резких выпуклостей, если бы рано не обнаружилось в нем одно качество, выступавшее совершенно вперед из ряду других качеств и таким образом уничтожавшее видимую ровность его характера: это чувство мы назовем стремлением приобрести копейку, что, как известно, означает благоразумного и основательно-го человека. Еще в те годы, когда человек почти ребенок и думает только как <нрзб.> да устроить себе поуже талию в мундире или фраке, он уже питал влечение ко всякого рода движимым и недвижимым имениям; владение имуществом значительным доставляло просто какую-то негу его чувствам. [Вместо “Но при всех ~ чувствам”: Но при всех этих ка-

чествах, конечно, в своем роде похвальных, ничего не было в нем заметно особенного и необыкновенного и он бы мог остаться на всю жизнь свою тем, что в обширном всеобщем смысле называется хороший человек. Но так как автору позволяется иногда заглянуть несколько поглубже в душу, чем глядят другие люди, то он не может утаить, что в характере его, по-видимому совершенно ровном, было одно такое стремление, которое пересиливало всё прочее, — это было стремление приобретать копейку. Еще съизмала непонятно каким образом образовалось и существовало в нем это чувство. Он уже питал нежное влечение ко всякого рода движимым и особенно недвижимым имениям; владение имуществом обширным, великим доставляло ему такие радости, каких нельзя описать.] Из всего, что когда-либо случалось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная [случалось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная] историчка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за моло-

ко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшись свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сделавшись каждый с своей стороны опять свиньей, доставит столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу, а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее, [а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже доходивший до верхушки. В этом постепенном возрастании было для него что-то необыкновенно радостное. [Вместо “и потом ~ радостное”: Эта постепенная прогрессия имела для него что-то такое утешительное в самых еще ребяческих годах.] Зато он никак не мог слышать равнодушно окончания этой истории, то есть когда [истории, когда] молочница от радости прыгнула и разбила кувшин. Он бывал расстроган до слез и никогда, как он [потом] сам признавался, не трогала его так даже сама Герцогиня Лавальер, сочинение Жанлис. С такими чувствами, конечно, оставалось только

вступить в гражданскую службу. Он вступил в казенную палату какого-то губернского города. Надобно заметить, что до его вступления палата особенно не отличалась врачностью своих чиновников. Отчего и по каким причинам они <1 нрзб.> сюда все <далее нрзб.>.[а. Вместо “С такими чувствами, конечно ~ сюда все”: Конечно, с такими качествами ~ своих чиновников. Как-то неизвестно по каким причинам и т. д. как в тексте.] Тот глядел на всех волком и грубил и начальнику и подчиненному; другой и не грубил, но какое-нибудь лицо имел такой странной фигуры, как бывает точно один <?> дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, губа треснула, словом, совсем не так, как хлеб, который удался, а скорее тот, который раздулся в сторону каким-то пузырьем и в прибавку треснул. [а. который сам вылез из печи, вздувшийся, наконец, в нарост и потом еще треснул в прибавку.] Всё служащее сословие к тому же весьма плохо брилось, и подбородки в субботний день походили более на крупные железные напильники такого же самого железно-серого

цвета. [а. и подбородки их походили на крупные железные напильники, сохраняя даже [тот самый цвет] такой же серо-железный цвет.] Итак, среди таких товарищей немудрено, что новый чиновник много выиграл благообразием своей наружности и тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности. Посредством этой благосклонной искательности. [Вместо “Он бывал ~ искательности”: Это его тронуло до слез, и никогда, как он сам потом сознавался, ни одна чувствительная драма не трогала его, ни даже самая Герцогиня Лавальер, сочинение Жанлис, которое он прочитывал в скучное время. Такие сердечные увлечения, означавшие, впрочем, весьма основательного и благо разумного человека, побудили его, не отлагая времени, определить себе карьер или дорогу. Карьер, известное дело, один: государственная служба. Он вступил в казенную палату. Здесь скоро обратил он на себя внимание старанием, большою внимательностью к делу и благообразною наружностью, что, впрочем, было не мудрено, ибо в казенной па-

лате все чиновники были как-то чересчур тяжелы и невзрачны. Тот глядел на всех волком и грубил и начальнику и подчиненному; у другого лицо было похоже на дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло вдвое больше другой, подбородок покосило на сторону, нос в другую; тот издавал во всё время какой-то лошадиный сап или потчивал всех дыханием, проникнутым спиртом. Всё служащее сословие не всегда было опрятно и плохо брилось, так что подбородки их были почти всегда похожи на крупные железные напильники такого же серо-железного цвета. Итак, весьма естественно, что такой человек, как Чичиков, с некоторыми тогда уже начинавшими оказываться приятными поступками, приличием во всем и, наконец, тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности, он мог пробить себе дорогу.] Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и

не успели оглянуться невзрачные чиновники, как врачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже [Вместо “но и повытчик ~ в семействе, даже”: но, наконец, он так около него увивался, что повытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже] исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя. [“принимал ~ у себя” вписано.] Хозяин сам был вдовец, но имел [вдовец, впрочем имел] зрелую дочь, наследницу благоприобретенного имения. Повидимому, казалось, он прочил ее в невесты Чичикову, и Чичиков, казалось тоже был не прочь, обращался с ней как с невестой, [имения, собиравшегося по целковым. Повытчик готовил ее в невесты Чичикову, так была сильна его привязанность, и сам Чичиков был, как казалось, не прочь, обращался с ней как с будущей невестой] а повытчика называл папенькой и целовал в руку. Но как скоро получил место и сделался сам повытчи-

ком, то переехал на другую квартиру, повыт-
чика перестал звать папенькой и не целовал
больше в руку, а дело о невесте так и прошло,
как будто не бывало вовсе. [не целовал боль-
ше в руку и о невесте не заикался вовсе.] При
всем том, однако же, весьма приветливо с
ним раскланивался, когда встречался, просил
к себе[просил даже к себе] на чай, так что
престарелый чиновник, хотя очень силь-
но[чиновник сначала очень сильно] потом
почесывался в затылке, но не мог[но однако
же не мог] не убедиться, что Чичиков, точно,
приятный человек. С этих пор герой наш стал
думать сурьезно, как подобно всякому благо-
разумному человеку извлечь, как говорят, вы-
году из службы. С помощью ли увлекатель-
ных преимуществ наружности и обхождения
или чего иного, о котором знает[наружности
своей и обхождения, или чего другого, навер-
ное сказать не умею, но это знает] лучше вся-
кий находящийся на службе, только ему уда-
лось, наконец, получить то, что называют на-
живное местечко. Целые две недели [после]
вследствие этого получения видно было в ли-
це нашего героя самое праздничное выраже-

ние в лице. Он переменял даже беспрестанно чистые рубашки, и в глазах его было что<-то> такое веселое, как у жениха. Радость эта была несколько уменьшена принятыми строгими мерами со стороны правительства противу всяких взятков. Но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину: русской человек сметлив, и тогда-то именно и выкажет изобретательность, когда его хорошенько прижмут. Вскоре он из самого преследования извлек выгоды и возблагодарил даже бога за всякие меры, предпринимаемые противу взяток. [Вместо “только ему ~ взяток”: дело только в том, что, наконец, удалось ему получить то, что называют наживное местечко. Нельзя скрыть, что оно принесло ему радость, даже едва не вышедшую из границ. Но радость эта значительно уменьшилась, когда правительство приняло строгие меры противу всяких взятков. Но так как русской человек сметлив и показывает именно тогда изобретательность, когда его хорошенько прижмут, то в скором времени и герой наш так умел найтись, что извлек даже выгоду и внутренне возблагодарил бога за преследование взяток.]

Если являлся к нему проситель, он принимал его очень вежливо, с самым приятным [принимал его так вежливо, с таким приятным] и обворожительным обхождением, уверял, что всё будет сделано, что он не должен беспокоиться ни о чем, и если тот заикался как-нибудь о благодарности, то он обеими руками изъявлял совершенное отрицание. Следовали многие приятные слова и выражения: “помилюйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие. Позвольте узнать вашу квартиру, вам беспокоиться нечего самим, всё будет принесено к вам на дом”. Так что проситель, очарованный приятными поступками и учтивым обхождением, возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: “вот наконец, человек, каких бы надо побольше на подобных местах! Как приятно встретить такого благородного и бескорыстного человека!” Только ожидает проситель день — не приносят ниче-

го к нему на дом. “Ну, сегодня, верно, он занят, что-нибудь помешало”. Но на другой день нет никакого известия, на третий — тоже. Проситель решается итти сам в канцелярию, спрашивает писарей и разную мелюзгу и узнает, что дело и не начиналось. Он к начальнику: “Ах, извините”, говаривал Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив за руки просителя: “у нас было столько дел, но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё и принесено к вам прежде обеда”. И всё это выражалось с самыми обворожительными движениями. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту придерживала эту полу, словом, всё было в самом пристойнейшем виде. А между тем проситель у себя на дому ждал день, другой — известие не приносится на дом; он берется, наконец, за ум: “да полно, нет ли здесь чего?” Расспрашивать того, другого — говорят, нужно дать писарям. “Помилуйте, помилуйте, почему ж не дать: я готов, [Помилуйте, я готов] из пустяков да стал бы я длить дело, почему ж не дать секретарям четвертак, другой”. — “Нет, не четвер-

так, а беленькую”, отвечают. “Как беленькую писарям! Да ведь тут всего писанных три строки”. — “Да писарям-то”, отвечают, “четвертак и придется, а остальное пойдет начальнику”. — “Так вот что”, говорит проситель, скребя рукой у себя в голове и давши себе от души название дурака: “так зачем же, чорт возьми, я даром сидел две недели”. И ворчит он, полный нехорошего расположения духа, браня[бранит] на чем стоит свет изменившийся порядок вещей. Что прежде было, по крайней мере, известно, что принес-де правителю[Вместо “Что прежде ~ правителю”: Прежде ~ принес правителю] красную — да и дело в шляпе; а теперь беленькую, да еще провозишься две недели, чорт бы побрал все облагороженные[чорт бы побрал все эти благородные и облагороженные] обхождения и обращения чиновников. Впрочем, в этом нечего винить Чичикова, он поступал сообразно с веком; не один он выиграл[сообразно с веком; очень многие кроме <н>его не только не потерпели, но значительно выиграли] чрез преследование взятков, ибо выгод все-таки предстоит ничуть не меньше, может быть

даже и больше, а взяточником никто не назовет, напротив, всякой скажет: “О! он честнейший, благороднейший человек, но секретари мошенники”, почти то же, что Мироны. Мироны в стороне, как сказал Крылов. Скоро представилось герою нашему новое поле для извлечения выгод: [Вместо “ибо выгод ~ извлечения выгод”: ибо выгод-то настоящих не потеряли, а взяточниками их никто не назовет, напротив, они известны за честнейших и благороднейших людей, только что разве секретари мошенники, и выйдет: Мироны в стороне, как сказано Крыловым. Скоро судьба или, как говорится, счастье представила герою нашему новое гораздо обширнейшее поле и выгоднее и наживнее вместе. Именно] составила комиссия постройки храма божия. В эту комиссию пристроился и герой наш и оказался весьма скоро одним из самых деятельных членов. Комиссия, как водится, подвизаясь с ревностию и усердием, приступила к делу. Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною, [была тому причиною] только целые четыре года они ровняли всё еще одно только место[четыре

года ровняли они место] для фундамента, а всё еще ни один кирпич не был выведен, но зато явление случилось другого рода: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, весьма недурной гражданской архитектуры. Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был сменен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой. Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город. Тут же произведено следствие по всей строгости законов, члены попали под суд, красивые дома поступили в казну на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов, всё прочее чиновни-

чество было напугано, распугано, перепугано и распечено, выражаясь служебным слогом, на пропало. Многие, и в том числе наш герой, были отставлены с самыми запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу. Но так как начальник был военный и, стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу посредством благовидной наружности, умения угождать и приобретенной наружной правдивости начали входить осторожно к нему в милость секретари и прочие чиновники. И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостию, умением [прозорливостию и умением] различать людей и совершенным истреблением [и истреблением] всяких злоупотреблений. И на мысли его не входила тень подозрения, что может быть он невинно и без всякого намерения несравненно более

наделал злоупотреблений, чем все его предшественники. Чиновники, присмотревшись несколько к новому начальнику и [рассмотревши] узнавши дух и мнения его, начали несколько оправляться. В это время и Чичиков, несколько встряхнувшись после сильного удара, стал помышлять сильно сколько-нибудь поправить дело. Он [Вместо “И на мысли ~ Он”]: не подозревая, что невинно и без всякого намерения несравненно более наделал злоупотреблений, чем его предшественники. Чичиков] употребил все старания войти в близкие сношения с одним из ближайших секретарей к его превосходительству. Может быть сей последний имел чин другой и назывался иначе, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями. Итак Чичиков, с помощью кое-какой тысяченки, обратился к секретарю, чтобы обделать и поправить свое дело; но однако же как ни велика была привязанность генерала к своему секретарю, но он отказал наотрез. [отказал решительно и наотрез.] Всё, что мог сделать секретарь, это было уничтожение [было только уничтожение] замаранного послужного

списка, и на это умный секретарь подвинул начальника состраданием, изобразив ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него [которого однако же у него] не было.

И так, герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государственной, но уже не мог возвратить ни дома красивой гражданской архитектуры, ни прочих благоприобретенностей. За всеми надлежащими задабриваниями и подмасливаниями кого следует остался у него какой-то самый вздор. В продолжении сего печального времени он перестал совершенно заниматься своею наружностью, что случалось с ним всегда в обстоятельствах критических. [В продолжении сего печального времени, как случалось с ним всегда в обстоятельствах критических, он перестал вовсе заниматься своей физиономией и похудел необыкновенно] То уже было он совершенно начинал входить в те степенные, приличные формы, [формы тела] в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства в первой главе. И уже не раз,

заглядывая в зеркало, подумывал он о многом весьма приятном: [Вместо “И уже ~ и приятном”: Он чувствовал это сам и, взглядывая в зеркало, подумывал о многом очень приятном] о бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в доме, после чего долго сохранялась в лице его приятная усмешка. [Вместо “после чего ~ усмешка”: и в ожидании дальнейших более существенных ласк награждал себя слегка легким потрепыванием по щеке и всегда уходил от зеркала с небольшою усмешкой; а. и всегда небольшая приятная усмешка долго сохранялась после того в лице его.] Но после нами описанного печального события из него вышел совсем[из него сделался совершенно] другой человек: заботливое и грустное выражение означилось сильно на лице его, [и грустное выражение стало заметно вызначаться в чертах лица его] и когда нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтобы не сказать: “Какой[чтобы не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая, какой; а. чтобы не вскрикнуть: “Чорт знает что такое, какой] же я стал гадкий!” Нужно же однако ж было скрепиться духом и начать вновь

поприще жизни. Не без затруднений он пристроился при каких-то питейных [Вместо “Нужно ~ питейных”: Скрепившись духом и ободривши себя как мог, он решился вновь начать поприще жизни. Он определился не без затруднений при питейных] сборах, но скоро бросил по причине крайнего неблагородства службы. “Грязная должность, чорт побери”, выразился [так выразился] он, “ничего, для души нет”. Надобно заметить, что Чичиков любил службы благородные и был строгий блюститель всякого рода благопристойностей, чтобы не только были вежливы чиновники, но даже чтобы столы были непременно из [были из] красного дерева. Всякий хотя немного дурной запах уже оскорблял его. С этой стороны нервы [чувства и нервы] его были так же чувствительны, как у девушки: когда Петрушка одевал или раздевал его, он почти всякий раз клал к себе в нос гвоздичку. Читателям без сомнения приятно будет узнать, что герой наш всякие два дни переменил чистую рубашку, а в летнее жаркое время даже два раза на день. Итак, служба по питейным сборам ему совершенно не понра-

вилаась, тем более что и выгод [ему] представлялось в ней весьма немного. В откупщики, конечно, он бы пошел, да для этого именно нужно было то, что у него было в плохом состоянии, то есть деньги. [Вместо “Итак служба ~ деньги”]: Впрочем, может быть, и самая преобладавшая в нем страсть к приращениям быстрым, образующимся в непродолжительное время, была также одною из причин к увольнению от службы по питейным сборам. В откупщики, другое дело, он бы пошел, но другие не принимали его в собратья без предъявления по крайней мере пятидесяти тысяч наличных. Таким образом питейная часть, имеющая такое всеобщее у нас и важное значение, была оставлена; а. Итак служба по питейным сборам ему совершенно не понравилась. Впрочем и самая может быть страсть к приобретениям быстрым, а не тем, которых ожидают целые годы, была причиной, что он оставил ее.] Герой наш решился попытаться еще служить по таможне. Надобно знать, что сей род службы был издавна предметом тайных его желаний. Он видел, [Он видел не без особенного участия] какие

редкие вещицы, фарфор, бронзы, материи и батисты получали родственницы и кумушки служивших по таможене чиновников. И весьма часто, служа еще в палате и в комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты, произносил он почти со вздохом: “Вот бы куда определиться! Вот где настоящее местечко, и граница близка, и просвещенные люди”. [и граница близка; с просвещенными людьми можешь провести время.] Но что-нибудь всегда мешало удовлетворить тогда же такому побуждению: или представлявшиеся разные текущие тоже не вовсе ничтожные приращения, или благоразумная мысль, что таможня все-таки не более как журавль в небе, а комиссия уже синица в руках. Теперь же, когда ни палата, ни комиссия уже не останавливали, он предался совершенно одной мысли. С редкою аккуратностию и неслыханною отчетливостию он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс значительного приращения, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы,

можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже [о том, что] о тончайших голландских рубашках, которыми можно было запастись на всю жизнь и об [Далее текст остался несогласованным.] и один сорт французского мыла, которое сообщало свежесть щекам и нежность коже, которого имени автор, право, не припомнит. [Вместо “не говоря ~ не припомнит”: Надобно заметить, что при сем обстоятельстве представились даже ему тонкие голландские рубашки, которые он уже давно хотел иметь, так же как и один сорт мыла, название которого мне, право, неизвестно, но которое будто бы очень полезно было для щек, сообщая им свежесть и самую тонкую нежность коже; а Голландские рубашки самые тончайшие начали тоже представляться [в уме] в голове и один сорт французского мыла, которое он давно знал и которое сообщало свежесть щекам и нежность коже.] Новый чиновник едва успел определиться в должность, как уже был замечен с хорошей стороны начальством. Скоро увидели необыкновенные его способности. В самом деле, казалось, сама судьба

определила быть ему таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три недели не более он так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё, даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штучке аршин материи или сукна; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались сами даже товарищи, было у него просто собачье чутье. Нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения и деятельности, чтобы оцупать всякую пуговицу, и всё это производилось с самым убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности. И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его физиономию, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых своих поступках, приговаривал только: “Не угодно ли вам немножко побеспокоиться и привстать” или: “Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату;

там супруга одного из наших чиновников осмотрит вас” или: “Позвольте, вот я ножичком немножко пораспору подкладку вашей шинели”. И, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки так же хладнокровно, как будто бы из собственного сундука. Даже начальники изъяснялись, что это был чорт, а не человек, и что решительно ничего не могло от него укрыться. Он отыскивал в колесах, дышлах, в лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куды бы никакому автору не пришла мысль забраться, а куда позволено забираться только таможенными чиновникам, так что бедный, переехавший через таможду, всё еще в продолжении нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки, только крестился да приговаривал с изумлением: “Ну, ну, ну!”, и его положение очень похоже было на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное[Словом, в непродолжитель-

ное] время не было никакого житья[не было житья] контрабандистам. Это была решительная гроза и отчаяние всего польского жидовства. Распоряжаясь и служа таким образом, с помощью расторопности, разных конфискованных товаров и просто отобранных кое-каких вещей, не поступивших в казну во избежание излишней переписки прочего, и пр<очего>, словом, с помощью того и другого удалось ему составить опять капиталец, который мог доставить ему опять значение в обществе, если бы не попутал чорт, по выражению русского человека. [значение в обществе, и, вероятно, значение это увеличивалось бы потом и более, если бы не подвернулся старый друг человеческого рода, известный под именем чорта.] Приращение вышесказанным порядком показалось неизвестно почему несколько медленным. Говорят, что кто только начал немного входить во вкус в приобретениях, тому трудно остановиться, пока не съеден будет весь кусок. По этой самой причине герой наш решился войти[Говорят, кто отведал хотя немного истинного вкуса в приобретениях, тому трудно остановиться, пока

не съеден будет весь кусок. По этой самой причине герой наш решился войти] в секретные сношения с образовавшимся вновь обществом контрабандистов. Против соблазнов не устоял также и другой чиновник, его товарищ, несмотря на то, что волосом был сед. В самом деле, здесь представились такие выгоды в один год, каких в иной службе не представляются и в десять. Жида прыгали от радости, что, наконец, перетащили на свою сторону самого неутомимейшего из своих гонителей. Читатель, без всякого сомнения, слышал так часто у нас повторяемую историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, провезли под тулупчиками на несколько миллионов брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил при таможне. Если бы он не участвовал в сем деле, жидам никогда бы не удалось привести в исполнение подобное предприятие. После трех или четырех разов бараньего похода через границу у обоих чиновников очутилось едва ли не по сту тысяч капиталъцу. У

Чичикова, говорят, даже немного и более, потому что был молодцеватее. Бог знает, до какой бы еще благословенной цифры возрос этот капиталец, если бы тот же друг человеческого рода не подвернулся весьма некстати и не сбил с толку обоих чиновников. Чиновники, как говорится, просто перебесились, поспорились ни за что. Как-то в жарком разговоре, а может быть отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя, действительно, был попович, но, неизвестно почему, обиделся чрезвычайно и ответил ему очень резко и сильно, именно вот как: “Нет, врешь, я статский советник, а не попович; а вот ты так попович”. И потом еще прибавил: “Вот, мол, что!” Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обративши таким образом на него самого приданное название и хотя выражение “Вот, мол, что” могло иметь сильное значение, но, не удовольствуясь этим, он послал тот же час на него тайный донос. Впрочем, говорят, что и без того произошла у них сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, как выражались та-

моженные чиновники, что будто даже были подкуплены люди несколько поизбить нашего героя под вечер в темном переулке, но что будто бы крепкою бабенкой не воспользовался ни Чичиков, ни другой чиновник, а воспользовалось лицо совершенно постороннее, какой-то штабс-капитан Пономарев. Автор признается, что не охотник вмешиваться в семейные дела, ниже в те, которые имеют вид семейных, и потому не может сказать наверно, как было дело. Впрочем, во всяком случае настоящего толку было бы весьма трудно добраться и потому он оставляет досочинить тем из читателей или читательниц, которые чувствуют уже к этому особенное влечение. Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались открытыми. Статский советник, хотя и сам пропал, но рад был, что упек хоть своего товарища. Обоих, как водится, взяли под суд и отставили от службы. Статский советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял; он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, и так как люди слабы, а деньги хоть и мелкая вещица, но ве-

су довольно, то ему удалось, по крайней мере, обработать так, что его не оставили с таким бесчестием, как товарища. Но уж ни капиталу, ни разных заграничных вещей, словом, ничего не осталось нашему герою. На всё это нашлись другие охотники. Удержалось у него тысяченек десять кровных, которые он прятал на черный день в таком месте, куда не могли докопаться, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека, кучер Селифан и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему четыре или пять кусков мыла для сбережения свежести и белизны щек — вот и всё. Итак, вот какого рода было положение нашего героя. Это называл он “потерпеть по службе за правду”. Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после таких испытаний и превратностей судьбы, тревог и жизненного горя, он удалится в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишки и кое-как своими кровными десятью тысяченками будет наслаждаться небольшими удовольствиями жизни: напиться чаю с каким-ни-

будь капитан-исправником да выглянуть в ситцевом халате подчас из окна низенького деревянного домика на какого проезжающего, которого найдет бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю, и проведет таким образом век не шумный, но, в своем роде, может быть тоже не бесполезный. Но так не случилось. Надобно отдать справедливость, Чичиков был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые достаточно охладить всякого, страсть к приобретению в нем не угасла ни мало. Он был в досаде, в горе, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей, а всё, однако же, не мог никак оставить цели, к которой неслись его помышления. В этом отношении он был сущий немец и одарен щедро той добродетелью, которой недостает у русского человека, именно, терпением. Он рассуждал, и, в самом деле, в рассуждениях его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему же”, говорил он: “мне одному такое несчастье? Почему же другие, которые приобретают и наживаются тоже пополам с

грехом, а иногда и совсем с грехом, почему же другие приобретают и вес и значительность», [На этом слове обрывается текст рукописи, написанной переписчиком. Далее вшиты десять листов (автограф), заменившие несохранившиеся листы.] уважение, проводят остаток дней честно в кругу семейства, в совершенном изобилии и благополучии. Чем я хуже других, зачем же я несчастнее других, ведь я приобретал так же, как и другие, [конечно] может быть, разве только другими [средствами] способами. Но, однако ж, никому не причинил я вреда. Никого не сделал я несчастным, никто не пострадал от меня: я не ограбил вдову, я не пустил кого-либо по миру в одной рубашке, как делают весьма многие». (Герой наш пропустил кое-какие уроны, которые претерпела казна, но у нас, впрочем, составилось мнение, что казна богата.) “За что же я один должен пить горькую чашу, тогда как другие благоденствуют и наслаждаются всеми благами мира? И что же я теперь? Куда я гожусь теперь? На что может послужить жизнь моя, лишенная значения, приличного чину и летам и званию. Какими глазами я мо-

гу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением человеку? Как не чувствовать мне угрызения совести, чувствуя, что, так сказать, даром бремени землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец скотина, не оставил нам никакого состояния”. Читатели, я думаю, и прежде имели случай заметить, [а. Вместо “Читатели ~ заметить”: Нужно заметить] что герой наш чрезвычайно заботился о потомках. Так уж заведено на этом грешном свете. Это уже такая чувствительная струна. Иной бы может быть и не так глубоко запустил руку, если бы не вопрос, который, нивесть почему, приходит сам собою: “А что скажут дети?” И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом, не глядит ли откуда-нибудь хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло, свечи, кенарейка ли попалась под лапу — словом, не пропускает ничего. Так плакал герой наш, такими жалобами и стенаньями оглашалось всё внутри его, а деятельность не умирала и в голове всё что-то хотело строиться и, казалось, ожидало только как-нибудь смелого плана. В ожида-

нии [будущих] дальнейших видов, он решил-ся покамест заняться званием поверенного по частным, звание еще не приобретенное у нас права гражданства, которого пихают и толкают со всех сторон, смотрят свысока на него и мелкая приказная тварь и сами поверившие дела, звание определенное на [жизнь] совершенное пресмыкание в передних, на грубые слова из уст их и развитие всех достойных пройдох, на которых бывает так же способен всё тот же чудный русский человек. Среди разных поручений досталось ему, между прочим, похлопотать о заложении в Опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, прикащики и, наконец, плохое управление самого хозяина побудили владельца для поправления как самого[а. как собственного] имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых, натурально, не бывает никогда недостатка у русского человека, прибегнуть к залогу, который тогда был делом еще совершенно новым и на который решались не без страху. Чичиков, в качестве

поверенного, прежде расположивши всех, кого следует, потому что без надлежащего расположения не только не может итти никакое дело, [не может итти даже] но даже не может быть взята простая справка или выправка, все-таки хоть[а. потому что расположить нужно непременно: всё равно дело правое или неправое, важное или бездельное. По крайней мере хоть; б. Начато: потому что расположить нужно непременно: без этого ни одно] по бутылке мадеры влить во всякую глотку нужно непременно. Итак, расположивши всех, спросил не без боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид<ирки?>. “Да ведь они же в ревизской сказке числятся?” сказал секретарь. — “Числятся”, отвечал Чичиков. “Ну так что же вы?” сказал секретарь: “хоть бы и все вымерли. Один умер, другой родится, и всё в дело годится”. Секретарь, как видно, умел говорить и в рифму. А между тем, героя нашего осенила самая вдохновеннейшая мысль, какая когда-ли-

бо приходила в человеческую голову. “Эх я, Аким Плошина”, сказал он сам себе: “ищу рукавиц, а обе за поясом. Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, покамест не подавали еще новых ревизских сказок, да приобрети хоть, например, их тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по 250 на душу, вот уж у меня будет 250 капитала. Теперь, же время как нарочно удобное. Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики попроигрывались, закутились и прокутились, всё полезло в Петербург служить, имения брошены и управляются кем как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью всякой уступит уже потому только, чтобы не платить за них даром, а может быть и так случится, что с иного я еще зашибу копейку. [Далее начато: Копотливо, чорт возьми, да при этом] Вот беда, разве что без земли, но это не остановит: время теперь именно такое, какое в другой раз не случится. Теперь продаются земли от казны в Херсонской и Таврической губернии, говорят, по рублю десятину, туда их всех и переселю. А переселение мож-

но сделать законным порядком, как следует по судам, это уж мое дело, я это сделаю. Если захотят освидетельствовать крестьян, пожалуйста, я и тут не прочь, почему же нет. Я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревне, пожалуйста, можно дать имя, или пусть будет просто Чичикова слободка, или можно даже назвать ее по имени, данному мне при крещении, то есть какое-нибудь село Павловское”.

И вот каким образом образовался в голове нашего героя сей странный сюжет, отныне занявший исключитель<но> все помышления его, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж автор так благодарен, что и сказать нельзя. Как бы то ни было, но, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

Перекрестясь и благословясь по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного плана. Под видом избрания места для жительства, а иногда

и для собственного удовольствия и под разными другими предлогами он предпринял заглянуть в те и другие углы нашего обширного государства, и преимущественно в такие углы, которые особенно более других пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: неурожая, смертностей и прочего, прочего. Словом, где бы можно было и поудобнее и подешевле закупить потребного народу. Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал. Итак, читатели [никак] не должны негодовать на автора, если лица, доселе являвшиеся, не пришлись по их вкусу: автор совершенно в стороне, виноват Чичиков; автору[а. Вместо “автору”: а ему бы] очень хотелось бы избрать других, и он даже отчасти знает, какие характеры понравились[а. какие бы понравились] бы читателю, ну, да поди между прочим, сладь с Чичиковым: у него совершенно другие потребности. Здесь он[а. к тому же он] полный хозяин, куды ему вздумается[а. куды он захочет] по-

ехать, туда и мы должны тащиться. Автор, с своей стороны, если уж точно падет на него[а. точно будет у него] сильное обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину. Никогда вначале не видно всего мужества развития и широкого течения. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен, всё как-то сначала серо и однообразно: тянутся какие-нибудь бесконечные стены и заборы, да заводы, закопченные дымом, и потом уже выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, громадные перспективы улиц с городским блеском, шумом и громом и всё, что на диво произвела рука и мысль человека. По крайней мере, читатель уже видел, как произвел первые покупки Чичиков, как пойдет дело далее и какие пойдут удачи потом и что произведет всё это, увидят потом. Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки и кучера Селифана, с подведомственной ему, где красуется фаворит гнедой, подлец серый и обыкновенный пристяжной

конь. Итак, вот, наконец, весь на лицо герой наш, таков, как есть. Может быть еще потребуют заключительного определения одной чертою: кто же он относительно качеств нравственных? Это видно, что он не герой, исполненный всех совершенств и добродетелей, — разве подлец? Почему же подлец. Зачем же быть так строго? Теперь у нас подлеев не бывает; есть люди приятные, благонамеренные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уж говорят теперь о добродетели. Справедливее, полагаю, назвать героя нашего прожектором. У всякого есть свой прожект. Может быть, покажется только неприятным читателю, что этот прожект составил почти главное в характере. У кого же нет какого-нибудь одного стремления, оставляющего неотразимое свое выражение в характере и подобно холодному рассудительному деспоту, [и как холодный рассудительный деспот,] истребляющему мало-помалу все другие потребности души. И не только одна сильная или смелая страсть, но не

раз[но даже] не значущая страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в человеке и заставляла позабывать его высокие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть высокое и святое. Безумно слепы все влечемся к какой-нибудь одной страсти и слепо жертвуем для нее всем; и есть что-то упоительное, восторженное, вечно зовущее[упоительное, чудное] в сем влечении. И у автора, пишущего сии строки, есть страсть, — страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли и в оных чудесных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его и, полный благодарных слез за свой небесный удел, не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как любовник любит свою любовницу. Но читатель [и] сему не поверит, и в том он прав: всякой есть господин и властен верить и не верить. Разнообразны, бесчисленны возникают и образуются стремления в человеческих сердцах и чем они слепее, тем необходимо своеобраз-

ней и тем невероятней людям. Но почему не допустить Чичикову одной преобладающей страсти. Правда, в этом нельзя спорить, что в страсти к приобретениям есть что-то [такое] отталкивающее, то есть, конечно, если оно будет сообщено герою поэмы. В натуре — другое дело, в натуре ничего — и множество читателей оттолкнутся, и уже невольная грусть овладела душою автора. Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, что не понравится герой поэмы нашей, но потому грустно и тяжело, что живет в душе такая верная, неизменяющаяся уверенность, что тем самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели. Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает невидимо и прячется от света [а что прячется под маску], не обнаружь сокровеннейших его мыслей, которых никакому другу не поверяет человек, а покажи его таким, каким он казался всему городу NN, Манилову и многим другим помещикам, — и все были бы радышеньки и приняли бы его за интересного человека. Нет нужды, что ни лицо ни фигура не

остались отточенными в головах их, что он не мечется перед глазами, как живущий человек, зато по окончании чтения они не расстроены ничем, душа их была покойна и они могут обратиться вновь к мирным занятиям, то есть сесть за вист, побежать с неразвлеченным вниманием выбрать из принесенных магазинной девушкой коробов именно что гармонирует более всего с головным убором и цветом волос, и знает он вас много, мои почтенные читатели, вам бы хотелось чтоб вас убаюкивали <как> ребенка, вам бы не жалось, чтоб обнаруживали пред вами бедность жизни, ничтожные страстишки и много много того, чего так много на свете. Зачем, говорите вы, изображать всё это и обращать в неизгладимые строки, к чему это, разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни. И без того случается нам часто видеть то, что[а. видеть то, что бы не хотелось видеть] вовсе не утешительно видеть. Лучше нам представлять что-нибудь хорошее, [а. что-нибудь утешительное] пусть лучше мы позабудемся и вы похожи с вашим[а. похожи с рассуждениями вашими] стремле-

нием позабыться на помещика, которому пришел докладывать прикащик, что та и другая часть в хозяйстве идут совершенно плохо и что если он сам не обратит на это внимания и пожертвует на поправление хотя половину из принесенного оброка, так скоро и поправить нельзя будет. Да зачем, брат, ты говоришь мне это? — отвечает помещик, — ведь я и без тебя знаю, что всё идет дурно. Да дай мне по крайней мере позабыться, я по крайней мере тогда счастлив, я не слышу ничего этого. И вот те деньги, которые хоть сколько-нибудь поправили бы дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. А там вдруг неожиданным образом продают его именье с аукциона, и пошел помещик в одном леггом сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости. Еще будет на автора одно обвинение[а. Далее начато: и это обвинение бу<дет>] и найдутся так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские, хорошо ли выставлять их, а что скажут и подумают о нас иностранцы. Ну, против подобного мудрого обвинения автор признает-

ся, что даже не находится и отвечать. Видно придется ему вместо ответа привести двух обитателей одного незаметного уголка России Писта Пистовича и сына его Феописта Пистовича. Пист Пистович был характера самого кроткого, какой когда-либо был видыван в человеке. [Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявшую в непрерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном. Именно почему зверь рождается нагишем, а не так, как птица, т. е. не вылупливается так, как птица из яйца. Феопист Пистович был, напротив, то, что по-русски называется богатырь, и двадцатилетняя плечистая натура его поминутно оказывала расположение разгуляться. Как-то ничего не мог он сделать слегка, но всё или спина у кого-нибудь трещит или кто-нибудь появится с болдырем в лице. В доме всё, начиная от ключницы до дворовой собаки, бежало[а. бежали от него] прочь, еще издали его завидев, даже собственную кровать изломал он в куски. — “Да”, говаривал всегда Пист Пистович, когда дохо-

дили до[В подлиннике: на] него жалобы на его сына. — “Нужно бы, нужно пожурить Феописта Пистовича, да ведь сделать-то как это? Наедине ведь его не пристыдишь, уж я пробовал, а человек он честолюбивый; если бы укорить его при другом, а при другом-третьем скажем — весь город узнает. Пусть уж так его остается собакой, ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка”. И довольный таким умным решением отец отправлялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запросами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, положим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие. Так протекала жизнь сих двух[а. жизнь этих двух] обитателей одного скромного уголка России, жизнь, конечно, не бесконечная, потому что прислужилась теперь автору ответом на мудрое обвинение, которое, вероятно, будет со стороны так называемых

патриотов. Но нет, не патриотизм и не первое чувство[а. Далее начато: подвинуть] причиною ваших обвинений; знаю я вас, мои некоторые почтенные читатели. Другое скрывается под тем и другим. Всё скажу я вам, ибо кто же скажет вам правду, как не автор. Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор. Вы любите по всему скользнуть недумаящими глазами, вы посмеетесь может быть от души над Чичиковым, может быть даже, чего доброго, похвалите автора, скажете: а однако же плут кое-что верно схватил. И каждый из вас после этого с удвоившейся гордостью обратится к себе, самодовольная усмешка сохранится в лице его, и усмехнувшись он прибавит: а ведь в самом деле престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом не малые. А кто из вас святого христианского смирения углубит во внутрь собственной души сей тяжелый допрос: “А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?” Как бы не так, а вот попробуй, пройди только в это время мимо вас какой-нибудь ваш же знакомый сред-

него росту, имеющий чин ни очень большой, ни очень малый, вы в ту же минуту толкнете под руку соседа, сказав ему, чуть не фыркнувши от смеха: “Смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел”, и потом как ребенок, позабыв всякое приличие, [а. Далее начато: свойств<енное>] должное вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

Но мы стали, кажется, говорить довольно громко и позабыли, что герой наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть легко статья, может услышать так часто повторяемую его фамилию. Автор должен предупредить читателя, что герой наш человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен, если о нем изъяснятся как-нибудь неуважительно или просто скажут что-нибудь такое, которое может уронить вес и значение его в свете. Читателю, конечно, с полугоря, рассердится ли он на него или нет, но что до автора, то он никак не должен ссориться с

своим героем. Как бы то ни было, еще не мало пути и дороги нужно им пройти вместе рука об руку. Две части впереди, это не безделица.

“Эххе хе! Что ж ты?” сказал Чичиков Селифану. “Ты!”

“Что?” сказал Селифан медленным голосом.

“Как, что? гусь ты! как ты едешь? Ну же, потрогивай!”

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмурив[а. зажмуривая] глаза, изредка только потряхивал он с просонков вожжами по бокам тоже, казалось, дремавших лошадей, а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел с головы картуз, и он со своих козел опустился весь совершенно назад, уткнувши свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, несколько отшлепавши по спине серого коня, после чего тот пустился рысцей, да помахнувши сверху кнутом на всех,

примолвил тонким певучим голоском: “Не бойся”. Лошадки расшевелились и понесли, как пух легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: “Эх, эх, эх!”, плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслася духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся мягким чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду, и какой же русской не любит быстрой езды. Если душе, стремящейся закрутиться, загуляться и позабыться, не любить. Что восторженно-чудное[а. Что чудное] в ней слышится? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь и всё летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании всего, когда видишь, как не успевает означиться пропадающий предмет. Только

над головой небо, далекие тучи да продирающий месяц кажутся недвижимы. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета да и ступай считать версты, пока не зарядит тебе в очи. И не хитрой, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем отработал тебя с одного топора ярославский мужик не в немецких ботфортах. Ямщик только всего борода да тулуп да рукавицы и сидит чорт знает на чем, а привстал да замахнул рукой, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкой круг; только дрогнула дорога да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, и вот она понеслась, понеслась, понеслась. И вот уже вдали видно только, что пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстает и остается назад. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводя-

щее ужас движение и что за неведомая сила [заключена] в сих невиданных светом. Эх, кони, кони, что за кони, вихри ли сидят в ваших гривах, чуткое ухо горит в каждой мышце вашей и теле. Заслышали с вышины знакомую песню. Дружно напрягли разом медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и [а. и Русь] мчится вся вдохновенная богом... Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух. Летит мимо всё, что есть на земле и полях, постораниваются и дают тебе дорогу другие народы [а. чужие народы] и государства.

ПОВЕСТЬ О КАПИТАНЕ КОПЕЙКИНЕ **<Цензурная редакция>**

После кампании двенадцатого года, судырь ты мой, — так начал почтмейстер, несмотря на то, что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, — после кампании двенадцатого года, вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Пролетная голова, привередлив как чорт, побывал и на

гауптвахтах и под арестом, всего отведал. [а. Пролетная голова, привередлив как чорт. Побывал уж понимаете на веку своем и на гауптвахте и под арестом, уж давно бы его в некотором роде выключили от службы, но военное время, понимаете <2 стерто> эдакой сорванец; б. Пролетная ~ чорт, уж и на гауптвахте побыл, всего отведал.] Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить: ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не успели сделать [не сделано было (зач. ценз.)] насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; [никаких распоряжений] этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде после. [гораздо после (зач. ценз.)] Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу, — отец говорит: мне нечем тебя кормить, я, можете представить себе, сам едва достаю хлеб. Вот мой капитан Копейкин решил отправиться, судырь мой, в Петербург, чтобы хлопотать по начальству, не будет ли какого вспоможенья... [Далее зач. ценз.: что вот-де так и так, в

некотором роде так сказать, жизнью жертвовал, проливал кровь.] [Ну] как-то там, знаете, с обозами, или фурами казенными, словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе: эдакой, какой-нибудь то есть, капитан Копейкин, и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире, вдруг перед ним свет, относительно сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский прешпект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чортом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения — словом, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиру, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое понимаете, ковры — Персия, судырь мой, такая... словом, относительно так сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улице, а уж нос слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный

банк, понимаете, [понимаете, состоит] из каких-нибудь десяти синюх, да серебра мелочь. Ну, деревни на это не купишь, то есть и купишь может быть, если приложишь тысяч сорок, да сорок-то тысяч нужно занять у французского короля. Ну, как-то там приютился в Ревельском трактире за рубль в сутки; обед, щи, кусок битой говядины... Видит: заживаться нечего. Расспросил, куда обратиться. Что ж, куда обратиться? Говорят, высшего начальства нет теперь в столице. Всё это, понимаете, в Париже, войска не возвращались, [всё это, понимаете, не возвращалось еще из Парижа] а есть, говорят, временная комиссия. Попробуйте, может быть что-нибудь там могут. Пойду в комиссию, говорит Копейкин, [Вместо “могут ~ Копейкин”: могут сделать, по крайней мере в некотором роде получить осведомление эдакое насчет того, что как-то есть. Что ж, — думает капитан Копейкин, — пойду в комиссию] скажу: так и так, проливал в некотором роде кровь, относительно сказать, жизнью жертвовал... Вот, судырьмой, вставши поране, поскреб он себе левой рукой бороду, потому что платить цирюльни-

ку, — это составит в некотором роде счет, на-
тащил на себя мундиришка, и на деревяшке
своей, можете вообразить, отправился [отпра-
вился к самому начальнику (зач. ценз.)] в ко-
миссию. Расспросил, где живет начальник.
Вон, [Вот] говорят, дом на набережной: избен-
ка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах,
можете себе представить, полутора-саженные
зеркала, мраморы, лаки, судырь ты мой... сло-
вом, ума помраченье! Металлическая ручка
какая-нибудь у двери — комфорт первейшего
свойства, так что прежде, понимаете, нужно
забежать в лавочку, да купить на грош мыла,
да часа с два в некотором роде тереть им ру-
ки, да уж после разве можно взяться за нее.
Один швейцар на крыльце, [на крыльце, по-
нимаете] с булавой: графская эдакая физио-
номия, батистовые воротнички, как откорм-
ленный жирный мопс какой-нибудь... Копей-
кин мой встацился кое-как с своей деревяш-
кой в приемную, прижался там в уголку себе,
чтобы не толкнуть локтем, можете себе пред-
ставить, какую-нибудь Америку, или Ин-
дию — раззолоченную, относительно сказать,
фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что

он настоялся там вдоволь, потому что пришел еще в такое время, когда начальник в некотором роде едва поднялся [в некотором роде поднялся только что] с постели и камердинер [камердинер, может быть] поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит дежурный чиновник. Говорит: “сейчас начальник выдет”, а в комнате уж и эполет и эксельбант, народу, как бобов на тарелке. Наконец, судырь мой, выходит начальник. Ну... можете представить себе: начальник! в лице, так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с чинном... такое и выраженье, понимаете. Во всем столичный поведенц; подходит к одному, к другому: зачем вы, зачем вы, что вам угодно, какое ваше дело? Наконец, судырь мой, к Копейкину. Копейкин: так и так, говорит, проливал кровь, лишился в некотором роде руки и ноги, работать не могу. Осмеливаюсь просить, не будет ли какого вспомоществования, каких-нибудь эдаких распоряжений насчет относительно, так сказать, вознаграждения, пенсионна что ли, понимаете... На-

чальник видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру: “хорошо, говорит, понаведаетесь на-днях”. Копейкин мой в восторге: ну, думает, дело сделано. В духе, можете вообразить, таком подпрыгивает по тротуару. Зашел в Палкинской трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в “Лондоне”, приказал себе подать котлетку с каперсами, пулярку с разными финтерлеями, спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр, — одним словом, кутнул во всю лопатку, так сказать. На тротуаре видит: идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить, эдакой. Мой Копейкин, кровь-то, знаете разыгралась, [кровь-то, знаете, молодая] побежал было за ней на своей деревяшке: трюх-трюх следом, да нет, подумал, на время к чорту волокитство, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то слишком расходился. А промотал он между тем, прошу заметить, в один день чуть не половину денег! Дня через три-четыре [Дня через четыре] является он, судырь ты мой, в комиссию, к начальнику. “Пришел, говорит, узнать: так и так, по одер-

жимым болезням и за ранами... проливал в некотором роде кровь..." и тому подобное, понимаете, в должностном слого. "А что, говорит начальник, прежде всего я должен вам сказать, что по делу вашему без разрешения высшего начальства ничего не можем сделать. Вы сами видите, какое теперь время. Военные действия, относительно так сказать, еще не кончились совершенно. Обождите приезда господина министра, потерпите. Тогда будьте уверены, вы не будете оставлены. А если вам нечем жить, так вот вам, говорит, сколько могу"... Ну и, понимаете, дал ему, конечно, немного, но с умеренностью стало бы протянуться до дальнейших там, [до дальнейших там, понимаете] разрешений. Но Копейкину моему [Но Копейкину моему, можете вообразить себе] не того хотелось. Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут тысячный какой-нибудь эдакой куш: нб тебе, голубчик, пей да веселись; а вместо того жди. [Далее было: да и время не назначено (зач. ценз.)] А уж у него, понимаете, в голове и англичанка и суплеты и котлеты всякие. Вот он совой такой вышел с крыльца как пудель,

[как пудель, понимаете,] которого повар облил водой, и хвост у него между ног и уши повисли. [И уши повесил] Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего он уже и попробовал. А тут живи чорт знает как, сластей, понимаете, никаких. [А тут чорт знает как питайся, [щами какими-нибудь, да огурцом или селедкой из лавочки] не бог знает какими сладостями.] Ну, а человек-то свежий, живой, аппетит просто волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана: повар там, можете себе представить, [можете представить себе] иностранец, француз эдакой с открытой физиогномией, белье на нем голландское, фартук белизною равный в некотором роде снегам, работает фензерв какой-нибудь эдакой, котлетки с трюфелями, — словом, разсупе-деликасет такой, что просто себя, то есть, съел бы от аппетита. Пройдет мимо Милютинских лавок: там из окна выглядывает в некотором роде семга эдакая, вишенки по пяти рублей штука, арбуз-громадище, дилижанс эдакой высунулся из окна и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей, — словом, на всяком шагу со-

блазн, относительно так сказать слюнки текут, а он жди. Так представьте себе его положение: тут с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой стороны ему подносят горькое блюдо под названием: завтра. Ну уж, думает, как они там себе хотят, а я пойду, говорит, подыму всю комиссию, всех начальников, скажу: как хотите! И в самом деле: человек назойливый, наян эдакой, толку-то, понимаете, в голове нет, а рыси много. Приходит он в комиссию: ну что, говорят, зачем еще, ведь вам уж сказано. “Да что, говорит, я не могу, говорит, перебиваться кое-как. Мне нужно, говорит, съесть и котлетку, бутылку французского вина, поразвлечь тоже себя, в театр, понимаете”. — “Ну уж, говорит начальник, извините. На счет этот есть, так сказать, в некотором роде терпенье. Вам даны пока средства [Вам даны средства] для прокормления, покамест выйдет резолюция, и без сомнения вы будете вознаграждены как следует; [вознаграждены великодушно] ибо не было еще примера, чтобы у нас в России человек, приносивший, относительно так сказать, услуги отечеству, был оставлен без призрения. [Да-

лее было: в некотором роде] Но если вы хотите теперь же лакомить себя котлетками и в театр, понимаете, так уж тут извините. В таком случае ищите сами себе средств, старайтесь сами себе помочь”. Но Копейкин мой, можете вообразить себе, и в ус не дует. Слова-то ему эти как горох к стене. [в стену] Шум поднялся[поднял] такой, — всех распушил! всех там этих, секретарей, [этих правителей (зач. ценз.)] всех начал откалывать и гвоздить: да вы, говорит, то, говорит! да вы, говорит, это, говорит! да вы, говорит, обязанностей своих не знаете! да вы, говорит, законопродавцы, говорит! Всех отшлепал. Там какой-то чиновник, [Вместо “Там какой-то чиновник”: Генерал там (ценз. испр.)] понимаете, подвернулся из какого-то, даже вовсе постороннего ведомства — он судырь мой, и его! Бунт поднял такой. Что прикажешь делать с эдаким чортом? Начальник видит: нужно прибегнуть, относительно так сказать, к мерам строгости. “Хорошо, говорит, если вы не хотите довольствоваться тем, что дают вам, и ожидать спокойно в некотором роде здесь в столице решения вашей участи, так я вас препровожу на место

жительства. Позвать, говорит, фельдъегеря, препроводить его на место жительства!” А фельдъегерь уж там, понимаете, за дверью и стоит: трех-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом, дантист эдакой... Вот его раба божия в тележку, да с фельдъегерем. Ну, Копейкин думает, по крайней мере не нужно платить прогнотов, спасибо и за то. Едет он, судырь мой, на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: “Хорошо, говорит, вот[Хорошо, вот] ты мол говоришь, чтобы я сам себе поискал средств и помог бы, — хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!” Ну уж как там[как только] его доставили на место и куда именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно, но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в

рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, никто другой...

<ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ>

К ЧИТАТЕЛЮ ОТ СОЧИНТЕЛЯ

Кто бы ты ни был, мой читатель, на каком бы месте ни стоял, в каком бы звании ни находился, почтён ли ты высшим чином или человек простого сословия, но если тебя вразумил бог грамоте и попалась уже тебе в руки моя книга, я прошу тебя помочь мне.

В книге, которая перед тобой, которую, вероятно, ты уже прочел в ее первом издании, изображен человек, взятый из нашего же государства. Ездит он по нашей русской земле, встречается с людьми всяких сословий, от благородных до простых. Взят он больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши сла-

бости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях. В книге этой многое описано неверно, не так как есть, и как действительно происходит в русской земле, потому что я не мог узнать всего: мало жизни человека на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что делается в нашей земле. Притом, от моей собственной оплошности, незрелости и поспешности произошло множество всяких ошибок и промахов, так, что на всякой странице есть, что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги таким делом. Какого бы ни был ты сам высокого образования и жизни высокой, и какую бы ничтожною ни показалась в глазах твоих моя книга, и каким бы ни показалось тебе мелким делом ее исправлять и писать на нее замечания, — я прошу тебя это сделать. А ты, читатель невысокого образования и простого звания, не считай себя таким невежею, чтобы ты не мог меня чему-нибудь поучить. Всякой человек, кто жил и видел свет и встречался с людьми, заметил что-нибудь такое, чего другой не заметил, и узнал что-нибудь такое, чего другие не знают. А потому не лиши меня

твоих замечаний: не может быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь место во всей книге, если только внимательно прочтешь ее.

Как бы, например, хорошо было, если бы хотя один из тех, которые богаты опытом и познанием жизни и знают круг тех людей, которые мною описаны, сделал свои заметки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ее, и принялся бы читать ее не иначе, как взявши в руки перо и положивши перед собою лист почтовой бумаги, и после прочтения нескольких страниц припомнил бы себе всю жизнь свою и всех людей, с которыми встречался, и все происшествия, случившиеся перед его глазами, и всё, что видел сам или что слышал от других, подобного тому, что изображено в моей книге, или же противоположного тому, всё бы это описал в таком точно виде, в каком оно предстало его памяти, и посылал бы ко мне всякой лист по мере того, как он испишется, покуда таким образом не прочтется им вся книга. Какую бы кровную он оказал мне услугу! О слоге или

красоте выражений здесь нечего заботиться; дело в деле и в правде дела, а не в слоге. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотелось меня попрекнуть, или побранить, или указать мне вред, какой я произвел вместо пользы необдуманном и неверным изображеньем чего бы то ни было. За всё буду ему благодарен.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся из сословия высшего, отдаленный всем и самой жизнью и образованьем от того круга людей, который изображен в моей книге, но знающий зато жизнь того сословия, среди которого живет, и решился бы таким же самым образом прочесть съизнова мою книгу и мысленно припомнить себе всех людей сословия высшего, с которыми встречался на веку своем, и рассмотреть внимательно, нет ли какого сближения между этими сословиями и не повторяется ли иногда то же самое в круге высшем, что делается в низшем? и всё, что ни придет ему на ум по этому поводу, то есть всякое происшествие высшего круга, служащее в подтвержденье или в опровержение этого,

описал бы, как оно случилось перед его глазами, не пропуская ни людей с их нравами, склонностями и привычками, ни бездушных вещей, их окружающих, от одежд до мебели и стен домов, в которых живут они. Мне нужно знать это сословие, которое есть цвет народа. Я не могу выдать последних томов моего сочинения по тех пор, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всех ее сторон, хотя в такой мере, в какой мне нужно ее знать для моего сочинения.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать, или живо представлять себе различные положения людей и преследовать их мысленно на разных поприщах, словом, кто способен углубляться в мысль всякого читаемого им автора, или развивать ее, проследил бы пристально всякое лицо, выведенное в моей книге, и сказал бы мне, как оно должно поступить в таких и таких случаях, что с ним, судя по началу, должно случиться далее, какие могут ему представиться обстоятельства новые и что было бы хорошо прибавить к тому, что

уже мной описано: всё это желал бы я принять в соображение к тому времени, когда воспоследует издание новое этой книги, в другом и лучшем виде.

Об одном прошу крепко того, кто захотел бы наделить меня своими замечаньями: не думать в это время, как он будет писать, что пишет он их для человека ему равного по образованию, который одинаковых с ним вкусов и мыслей, и может уже многое смекнуть и сам без объяснения; но вместо того воображать себе, что перед ним стоит человек, несравненно его низший образованьем, ничему почти не учившийся. Лучше даже, если на место меня он себе представит какого-нибудь деревенского дикаря, которого вся жизнь прошла в глуши, с которым нужно входить в подробнейшее объяснение всякого обстоятельства и быть просту в речах, как с ребенком, опасаясь ежеминутно, чтоб не употребить в выражении свыше его понятия. Если это беспрерывно будет иметь в виду тот, кто станет делать замечанья на мою книгу, то его замечанья выйдут более значительны и любопыт-

ны, чем он думает сам, а мне принесут истинную пользу.

Итак, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы из них действительно такие добрые души, которые захотели бы сделать всё так, как я хочу, то вот каким образом они могут мне переслать свои замечания: сделавши сначала пакет на мое имя, завернуть его потом в другой пакет, или на имя ректора С.-Петербургского университета его превосходит[ельства] Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо в С.-Петербургский университет, или на имя профессора Московского университета его высокор[одия] Степана Петровича Шевырева, адресуя в Московский университет, смотря по тому, к кому какой город ближе.

А всех, как журналистов, так и вообще литераторов, благодаря искренно за все их прежние отзывы о моей книге, которые, несмотря на некоторую неумеренность и увлечения, свойственные человеку, принесли

однако ж пользу большую как голове, так и душе моей, прошу не оставить и на этот раз меня своими замечаниями. Уверяю искренно, что всё, что ни будет ими сказано на вразумление или поучение мое, будет принято мною с благодарностью.

СОХРАНИВШИЕСЯ РАЗРОЗНЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ ОТРЫВКИ К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

К ГЛАВЕ II

Уж более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая непрерывно на обеды, висты, вечера, вечеринки, словом, проводя, как говорится, чрезвычайно весело время. Наконец он вспомнил, что пора поехать и за город, сделать [кое-какие] обещанные визиты Собакевичу и Манилову, а между тем и распорядиться насчет кое-какого дельца, о котором читатель скоро получит совершенно сведение, если только будет иметь терпение слушать со всем вниманием [иметь терпение читать внимательно] нашу повесть. Он распорядился так, [Далее начато: чтобы взять] чтобы

ехать дня на два, на три, с собою взять только кучера, а лакея Петрушку оставить дома приберечь оставшиеся вещи. [Автор] виноват, что до сих пор о Петрушке сказал очень немного. Впрочем, кроме того, что уже читатель знает, о Петрушке остается немного сказать. Он ходил [Далее было: а. в весьма; б. в несколько] в широком барском сертуке, в котором не только ходил, но и спал. Разве можно только прибавить, что он носил всегда с собою какой-то [Далее было: всегда] особенный запах, отзывающийся жилым покоем, так что где он ни располагался и устанавливал свою кровать с каким-то потемневшим тюфяком, убитым, как твердая лепешка, то [Далее начато: в этой комнате] уж казалось, что в этой комнате лет сто жили люди.

К ГЛАВЕ II

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам, обедам и проводя таким образом, как говорится в свете, очень приятно время. Наконец, он решился перенести [он решился навестить] свои визиты за город, [именно], навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым, как чи-

татели видели, он дал уже слово. [Далее начато: а. В первый воскресный; б. Он с вечера приказал еще Селифану быть готовым ехать] Селифану отдан был приказ с раннего утра заложить лошадей в известный час и быть готовым ехать; [Далее начато: а лакея же Петрушку] Петрушке же приказал оставаться дома и смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателей будет нелишне познакомиться с этими [Вместо “Для читателя ~ этими”: Автор почитает нелишним для своей повести познакомить читателей с этими] двумя крепостными человеками нашего героя, хотя, конечно, они лица не замечательные, как говорится, второстепенные или даже третьестепенные, [Вместо “хотя, конечно, ~ третьестепенные”: хотя, конечно, они не только второстепенные, но даже может быть третьестепенные] но автор уж любит страх как быть обстоятельным в своей поэме, [Вместо “но автор ~ поэме”: а. но признаю, очень люб<лю>; б. но автор, сказать правду, очень любит обстоятельность во всем] и несмотря на то, что сам человек русской, но в этом отношении аккуратен, как немец. Это займет времени очень

немного, ибо очень немного можно прибавить к тому, что [Вместо “Это займет ~ к тому, что”: а. Притом же с ними на первый случай можно познакомиться мимоход<ом>; б. Впрочем, всё это займет немного времени, да притом читатель уже почти знает их] Петрушка в коричневом [барском] сертуке [Далее начато: разве только] с <барского> плеча и имел по обычаю людей своего звания крупные черты лица. [крупные губы и нос.] Характера он был более молчаливого, чем разговорчивого. Имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг какого бы ни было содержания. Сод<ержанием> их он <не> затруднялся: всё равно будь [какого бы ни было содержания для него всё равно, будь сон и [какой-нибудь] [четвертый] [третий].] похождения какого-нибудь героя или рукописный сон пресвятыя богородицы, или, наконец, просто букварь. — Он читал всё с равным вниманием. Даже если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему доставляло удовольствие то, что вот он читает, что из букв вечно выходит какое-нибудь слово. [Отдельная запись: Ему нравилось не

столько то, что он читал, но самое чтение или, лучше, механизм или процесс чтения.] Это совершалось всё лежа на кровати в передней. И кроме любви к чтению он еще имел одну черту, составлявшую, так сказать, его характерность, а именно, он был окружен всегда особенным воздухом, отзывавшимся жилым покоем. [а. [это] а именно он как-то лично [в своем] в себе заключал запах жилого покоя; б. а именно он носил вместе с собою всюду какой-то особенный; в. а именно он был окружен всегда особенным воздухом, имевшим запах жилого покоя; г. Как в тексте; д. Гоголь начал вновь исправлять, вписав между строк вместо “имел одну черту”: имел еще два обыковения и далее после слова “характерность”: спать всегда как есть в сертуке.] Так что достаточно было ему только [Далее начато: перебраться в какую-нибудь] пристроить свою кровать да перетащить шинель и пожитки, и уж казалось, [то уж казалось] в этой комнате жили несколько лет люди. Чичиков иной раз [Далее начато: прос<нувшись>] поутру, на свежий нос, потянувши к себе воздух, покачивал слегка головою [покачивал слегка

головой, произнося:] и говорил ему: “Ты, брат, жестоко потеешь, сходил бы ты хоть в баню”. [Далее начато: Селифан, но признаюсь] На что Петрушка ничего не отвечал, [ничего не говорил] а старался заняться тут же каким-нибудь делом: или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку или, просто, прибирал в комнате.] или просто убирал комнату. Далее начато: Что он в это время делал] Может быть, он что-нибудь думал в то время, когда молчал. Может быть, говорил: “и ты хорош, не надоело же тебе сорок раз твердить одно и то же”. Бог знает, трудно знать, что думает [Далее начато: в то время к] дворовый крепостной человек в то время, когда барин дает ему увещание. [Далее начато: Селифан] Итак, на первый раз вот что можно рассказать о Петрушке. Кучер Селифан... но, признаю, мне уж совестно. У нас читатели очень неохотно знакомятся с низшими сословиями, да и вообще у нас, [В рукописи: у нашего] русских, уж такая страсть: если знакомить, так непременно с высшими чинами. И когда приведет случай [Вместо И когда ~ случай”: Если доведется] познакомиться с генералом, так,

господи боже, какая радость, если с графом или князем, ну, тогда уж и рассказать нельзя, что такое...просто рай. [а. и рассказать нельзя. Рай просто; б. и рассказать нельзя что такое... рай, просто рай с ангелами и всем.] По этой-то самой[По этому-то самому] причине автор [сказать правду] очень опасается даже за своего героя, который всего только надворный советник. Конечно, коллежские асессоры, может быть, еще решатся познакомиться[а. коллежским асессором он; б. коллежские асессоры могут допустить его в свою беседу] что же касается до тех, которые находятся в генеральском чине, те, бог знает, может быть, бросят один из тех презрительных взглядов, которые гордо бросаются человеком на всё, что пресмыкается у него под ногами, или, еще хуже, может просто[еще хуже, пройдут его просто] пройдут с убийственным для автора невниманием, [Вместо “что же касается ~ невниманием”: а. но статские, действительные статские советники, может быть, даже не удостоят, даже не обратят внимания.... Может быть бросят ему взгляд, если не пройдут его [невниманье<ем>] убийственным для автора

невниманьем; б. Что же касается ~ бросят презрительнейший взгляд или пройдут его, что еще хуже, убийственным для автора невниманьем; в. Начато: а те же, которые находят;] как будто не было. Но возвратимся к нему. Давши приказание[Далее было: Петрушке] с вечера Селифану быть готову ехать, а Петрушке остаться, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног[с низу] до головы мокрою губкою, что делал он по воскресным дням, а тогда был воскресный день, выбрившись отличным образом, так что щеки его сделались гладки и блестящи, как атлас, надевши фрак брусничного цвета и потом шинель на волосатых и пушистых медведях, Чичиков сошел с лестницы, поддерживаемый то с одной, то с другой стороны бегавшим очень проворно трактирным слугою, [и] сел в экипаж.

К ГЛАВЕ II

Может быть к сему[к этому] побудила его и другая более существенная[другая какая для него очень существенная] причина... Слов<ом> дело такое, которое было несравненно ближе его сердцу. Но обо всем этом чи-

татель узнает постепенно и в свое время, если будет только иметь терпение прочесть [сию] предлагаемую повесть, очень длинную [Далее начато: а. и далеко; б. и не скоро; в. и имеющую] и раздвинущуюся [Так в подлиннике.] потом шире и просторней, по мере приближения к концу, венчающему [всякое] дело. [к концу своему, повесть.]

К ГЛАВЕ II

Чичиков иной раз, потянувши к себе воздух, особливо поутру на свежий нос, встряхивал головой и говорил ему: “Ты, брат, жестоко потеешь. Сходил бы ты в баню”. На что Петрушка ничего не говорил в ответ, а старался заняться каким-нибудь делом: он подходил с щеткой к висевшему барскому фраку и чистил его или снимал с окна [Далее начато: какую] что-нибудь, и никогда ничего не говорил. Думал ли он про себя: “Не надоело же тебе сто раз толочь одно и то же” [Вместо “Не надоело ~ то же”: вот уж опять пошел говорить, сто раз толчет] или ничего не думал, боги весть. [Очень] Трудно знать, что думает про себя дворовый крепостной человек в то время, когда барин делает ему увещание.

К ГЛАВЕ II

Здесь автор, будучи верным историком [своего героя], должен сказать, что после сих[а. после этих; б. после подобных] слов, произнесенных Маниловым, Чичиков почувствовал[он почувствовал] такую радость, которая даже была [как-то] неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному [оним] чину. Едва ли даже[Начато: он даже позабыв искусство] он не подскочил на своих креслах, [не подскочил на стуле] позабыв совершенно искусство хорошо держать себя, так что лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя[так что на подушке кресла лопнула шерстяная материя, прибитая плохо, кое-как гвоздями] и, сильно побуждаемый признательностью, сказал таких благодарностей Манилову, что тот опять [сконфузился] смешался, покраснел и весьма долго[смешался еще более и наконец весьма долго] делал какой-то жест головою и наконец уже сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел, точно, доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, но что умершие души,

в некотором роде, совершенная дрянь.

К ГЛАВЕ V

“Эх, какую баню задал!” [Далее начато: наконец, сказал он и] произнес он, наконец, всё еще [довольно <?>] тяжело переводя дыхание, [Далее было: Поневоле душа уйдет подальше] назвал Ноздрева совершенно справедливо разбойником, присовокупив к тому и другие названия, [разбойником и прочими отвечающими тому названиями] между которыми попались и нехорошие слова. Что ж делать? Русской человек, да еще [притом] и в сердцах — извинить нужно. [Далее начато: а. Да к тому ж; б. Да и как бы ни было] Притом, как бы ни было, положение такого рода, что шутить [точно] было неуместно. “[Ведь] Что ни говори, а не подоспей капитан-исправник, ведь мне бы может и на свет[и на мир] больше не удалось бы взглянуть. И вот пропал бы ни за что, ни про что, как глупая курица, не оставивши по себе потомков и не доставивши будущим детям ни состояния, ни честного имени”. Герой наш, да будет известно читателю, очень заботился о будущих своих потомках.

К ГЛАВЕ V

Как несметное множество церквей, монастырей, с блистающими главами и куполами, крестами, толпятся на святой Руси, [церквей, монастырей, крестов [блещет] святых мечутся в очи] так несметное множество разных народов и племен толпится и пестреет[а. племен пестрясь мелькает; б. племен мелькает и пестреет] по лицу земли. И всякой народ

Всякой народ, [Далее начато: кому] носящий в себе залог сил, [Далее было: дарованных богом, снабженный живыми способностями души] полный творящих[полный деятельных] способностей души [не мелких, не ничтожного] [цветистого] характера и других резко выказывающейся особенности даров бога, [и других божьих даров] отличился всяким <?> своим метким словом, которым, выразивши какой-нибудь предмет, в выражении отразил и себя, часть собственного своего характера.

Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзывается слово британца, легким щеголем блеснет и разлетится слово у фран-

цуза, затейливо выдумает свое не всякому доступное, умно-сухое слово немец. Но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, значительно, и [которое бы] вместе бы так кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.

К ГЛАВЕ VII

Проснувшись Чичиков и не вспомнил [Чичиков совсем не вспомнил] о помещиках. [Далее начато: Все эти] У него вылетели из головы все эти странные образы, которые постепенным появлением, может быть, навели грусть на читателя. В голове его [ворочались] мужики, то есть те самые фантастические души, которые он приобрел. Он так был доволен приобретеньем, что прежде чем надевать халат отхватал по всей комнате какой-то танец из мазурки и трепака на цыганской образец с пришлепкой себя самого пяткой собственной своей ноги. Скоро, однако ж, почувствовал он, что делает дурачество, неприличное человеку средних лет; [В голове его остались только приобретенные несуществующие мужики. Он почувствовал, что у него есть что-то в роде тысячи душ. Это придало

ему такую бодрость, что он вдруг вскочил с постели и еще прежде, чем надевать халат, проплясал босиком по всей комнате что-то вроде цыганского танца, весьма ловко при-шлеп<ывая> себя самого пяткой собственной своей ноги. Через минуту смекнул он, что ~ человеку, находящемуся в чине коллежского советника] надел тот же час халат, узорчатые сафьянные сапоги из множества кусочков всех цветов, которыми снабжает город Торжок всю Русь. Вынул из шкатулки списки всех приобретенных мужиков, [Вместо “Вынул ~ мужиков”: и приступил к известной читателю шкатулке с тем, чтобы переписать начисто все списки всех мужиков] купчие, словом, отработать всю канцелярскую часть, которую он знал и <1 нрзб. [он знал хорошо] >, чтобы [пришлось] поменьше платить в суде. Ему хотелось, не откладывая [дело] всё кончить в тот же<?> <день>: [повершить] совершить, занести, внести и потом вспрыснуть всю проделку[вспрыснуть всё это] шипучим под серебряной головой, без которой Фемида не обходится. [без чего Фемида не может обойтись.] Но как разложил он перед собою

списки, как стал рассматривать весь этот народ, который готовил укрепить за собой навсегда крепостями, чувство странное [на минуту] им овладело. Ему показалось на миг, как бы этот народ действительно, к довершению очарования, на списке, сделанном Собакевичем[На этом текст обрывается.]

Половой поднес ему чай, [весь] изворот<ясь> <с> подносом[а. чай, извивая<сь> несколько подряд и <с>подносом и звеня чашками; б. чай, ловко изворотясь под носом; в. несколько сделавши] под самым его носом звеня чашками. Чичиков стал пить чай[Далее начато: совершен<но>] надлежащим образом, как пьют по утрам: с кренделем и сливками, а всё думал о крепо<стных?> мужик<ах>. Стал потом бриться, но и подпирая языком <1 нрзб.> щеку, всё думал о крепостных мужиках.

Но не мешает уведомить читателя, [Но не мешает здесь дать знать читателю] что это размечтался не Чичиков. Сюда несколько впутался сам <автор?> и, как весьма часто

случается, вовсе некстати. Чичиков, напротив, думал вот что. Ну что, если бы эти мужики были, точно, живы. Безделица. Тогда можно навсегда остаться в деревне. При тысяче душ можно получить тысяч двадцать доходу, впрочем, какова губерния иногда. Можно усовершенствовать, завести мануфактурность. Можно получать и до пятидесяти, [Можно продать за миллион] быть в почтеньи у всего дворянства. [в почтеньи у всей губернии.] Пустить его в потомственное владение, в майорат, назвать его Павлушкино, Чичиково тож. Или же можно даже и так поступить: землю повыпродать, душ всех заложить в ломбард, а потом всё именьё пожертвовать на заведение кадетского корпуса и за великодушный поступок получить генеральский чин! От честолюбивых покушений он, впрочем, тут же отказался, спохватясь, что души [Вместо “От честолюбивых ~ души”: О честолюбие! что ж делать, мы все честолюбивы, почему ж и Чичикову не быть честолюбивым. Однако ж [он почувствовал] он сей же час опомнился, тем более, что души] были мертвые и что пора было отправляться [пора бы идти] в суд. Ина-

че дело могло бы и не кончиться в тот же день, ибо власти губерн<ского> города NN соразмеряли[Вместо “ибо ~ соразмеряли”: Губернские власти иногда соразмеряли] время сидения [больше] с требованьями желудка, который варил у всех скоро[варил у всех довольно] хорошо. Бумаги были собраны, и туда же, в карман, был засунут бумажник. [Вместо “Бумаги ~ бумажник”: Чичиков тотчас же бумаги, бумажник в карман] Набросил шинель на медведях, не затем, чтобы на дворе было холодно, но чтобы внушить должный страх канцелярской мелюзге. Едва только вышел он на улицу, как вдруг навстречу человек, тоже в медведях, картуз с ушами и назад откинут затыльник, как у женщин, деликатные перчатки на руках и улыбка на устах. [Далее начато: По мере приближения к Чичикову] Улыбка раздвигалась более, лицо засветилось, глаза [почти] исчезнули вовсе; раздалось восклицанье: “Павел Иванович!” Это был Манилов. Оба приятеля так крепко поцеловались, что у обоих болели весь <день> передние зубы. [На этом текст обрывается.]

В это время, когда происходила наша история, лакирова<нных> столов и паркетов еще не было в присутствиях: Фемида принимала гостей запросто, на распашку, чуть не в халате. В коридорах воняло сторожами, у которых рубахи мылись три раза в год. [мылись в три недели раз] Во внутренних чертогах было мало чем лучше. [а. было почти тоже; б. Начато: было очень] Стены приняла темноватый цвет снизу от спин канцелярских чиновников, сверху от [пауков] паутины, от пыли. Бумаги без коробок в связках одна на другой, как [старые] дрова <1 нрзб.>,[Далее начато: возвышалась стеной] служила только ширмой, куда заглядывал [чиновник за тем] чтобы на себе что-нибудь поправить, если развязалось; вместо чернильниц иногда торчало дно разбитой бутылки. У иных чиновников даже и табакерок не было [вместо ее] табак держался просто в бумажке и засовывался куда-то под мышку. Взгляды у всех были какие-то косые. [Далее начато: Худощавых] Поджарых было немного. Все были <большее?> частью из семинарии, народ дюжий, точно[Всё больше был народ дюжий из семинарии, иные точно]

Бруты <?> римских времен. И у иного была такая губа, что можно из нее выкроить шесть нынешних губ. Обхождение было простое, прежних времен; слово: “изволили” не употреблялось, [Далее начато: Манилов услышал, как] сотоварищ сотоварищу говорил: “куда ты <1 нрзб.>, “а чорт ее <знает?>” отвечал товарищ. Голос начальника тоже раздавался сурово: “Вот я прикажу с тебя сапоги снять”. Чичиков и Манилов прошли мимо в залу присутствия, [Над строкой надписано: Манилов как человек деликатный и военный <1 нрзб.>. Чичиков как человек штатский не думал что <2 нрзб.> достигнули] где было, по крайней мере, просторнее; стол, [Далее начато: перед ним четыре с<тула?>] на нем зеркало. В креслах председатель с доброй и простой наружностью и возле него плут Собакевич, совершенно закрывшийся зеркалом. [Собакевич, который сидел совершенно спрятавшись. Здесь текст обрывается.]

Потом засели в вист. Играли, играли. Потом принялись за пунш, потом опять за вист. Потом вновь пили, потом вновь играли. Пи-

ли, пили, пили, играли, играли, играли [и в семь часов утра только кончили дело]. Давно и петухи прокри<чали> и рынок отошел, нищие и салопницы возвращались от ранней обедни, народ успел вновь опохмелиться в кабаках. Низшие чины <1 нрзб.> по месту кругом и награждали носы паями березинского табака, [награждали носы табаком] а они всё играли. [а высшие всё еще подвизались] Еле-еле [около] осьми часов кончилось дело, и кучера развезли их по домам...

К ГЛАВЕ VIII

Вообще все чиновники были очень добры: и почтмейстер, и прокурор, и судья, и вице-губернатор и такие, как говорят, приятные люди и между собой в дружеских отношениях. “Любезный друг Фома Фомич. Послушай брат Илья Ильич, ты добрый человек. Ну, уж ты заврался, Иван Андреевич”. Словом, довольно фамилиарно и просто. Там люди даже были образованные: судья[Вместо “судья”: вице-губернатор] читал “Людмилу” и даже очень искусно произносил мастерски, как большой<?> одну строфу[и даже очень хорошо представлял и удивительно произносил] “Чу! бор за-

снул, долина спит”, так что в самом деле как будто бы долина спит; для большего сходства даже он в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер более напирал на философию и на Юнговы ночи, но был остряк, [Далее начато: а. и вместе с; б. и любил, как сам выражался.] речист [Далее начато: а. и овладе<вал>; б. и брал к себе] и любил привлекать всеобщее внимание красивым рассказом, только подправляя свою речь таким ужасным количеством разных вставочных: “понимаете, знаете, судырь мой, растаканье<?>, чорт и других: кажись на что хуже”, но он, мигнувши при этом бровью или прищуривши глаз, давал им значение. Прочие тоже были люди более или менее просвещенные: кто читал Карамзина, <?> Московские ведомости, кто даже и совсем ничего не читал. Что касается до благовидности, то и в этом нельзя было найти в них ничего, что бы было неприлично. [В подлиннике вероятно ошибочно: что бы не было неприлично. Над строкой написано: очень дурно] Известное дело, что очень дурно быть [невзрачну собою] худенькому или низенькому: никогда почти не получить важного ме-

ста, а толщина тоже, что чин. [а толщина у нас иногда занимает чин.] Толстому сейчас дадут место: надежный человек. [Далее начато: Влияние нашего героя]

Если герой наш произвел впечатление [произвел влияние] выгодное на них, то на почтенных и достойных супруг их и вообще на дам всего города едва ли еще не выгоднее. — Следовало бы, конечно, теперь сказать [Далее начато: о том] кое-что об обществе дам и описать, как говорится, живыми красками [как говорится, хорошими, отвечающими красками] их дам подушевнее; — но автор признается, что находится в величайшем затруднении: с одной стороны, останавливает неограниченное почтение, которое всегда чувствовал к супругам [городских] сановников всех решительно городов — и губернских и уездных.

К ГЛАВЕ VIII

уснастить речь и уснащивал он эту речь множеством разных частиц несклоняемых и склоняемых и вроде тех, как например: судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете,

понимаете, можете себе представить. Кроме [Далее было: это <го> большого уснащивания] этих, которых он сыпал мешками на всяком шагу, [а. сыпал количествами; б. сыпал точно из мешка] он уснащивал еще подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что всё очень помогало и придавало особое очень едкое выражение многим [выражение разным] его сатирическим намекам. [Далее начато: Прочие] Другие люди эти тоже были насчет благовидности уже нечего и говорить: читатель видел, что между ними никого не было какого худенького и чахоточного, [насчет благовидности, уже как мы имели случай заметить, они все были очень благовидны, никого не было между ними, чтобы был худенькой и чахоточный] а всё народ был взрачный и таки в теле... все слава богу, [был взрачный, довольно плотный] словом, такой, как нужно для занятия хороших и надежных мест. [для занятия солидных мест.]

К ГЛАВЕ VIII

Дамы находили, что Чичиков [именно] человек как следует. Точно в нем была какая-то середина. В нем было что-то и военное и

штатское. Временами [Далее начато: он был точно как будто военный, очень ловок] подлетал как-то этак, ловко подшаркнувши ножкой, встряхивался [живо, бойко] как военный, или, по крайней <мере>, такой человек, у которого чувству<ется>, что у него стройн<ые> ноги [человек, у которого красивые ноги] и штаны со штрипками. Временами же приятным наклоненьем головы на бок и мягкостью речей подоби́лся он штатскому хорошо воспитанному человеку. [Далее начато: Предметы разговоров его больше относились к 18] По образу и духу мыслей [Далее начато: является] почерпал он больше из 18 столетия, но образ выражения и <1 нрзб.> несколько к 19 столетию; выходило попури, которое губернским, особенно заму́жним, очень нравилось. [Притом] надобно сказать, что ни заносчивости, [Вместо “Притом ~ заносчивости”: а. Так что они после разговора с ним оставались довольны собой. Ни заносчивости; б. Начато: Надобно ни забыть также то, что] ни насмешливости не было совсем в речах Чичикова, они были совершенно безобидны и не могли [никак] поссорить. [они ~ безобидны, так что каза-

лось, что даже невозможно поссориться. Напротив была какая-то мягкость.] Известно, что мужчине придает больше бодрости[а. Известно, что очень бодрость придает; б. Известно, что придает человеку бодрости; в. Известно, что человеку придает больше бодрости; г. Как в тексте.] ободрительный отзыв дам на счет красоты. Это возводит в такое светлое настроение дух, что он действительно делается красавцем; как известно, утка турухтан [которая в пору], когда приходит время любви, расцветает вдруг такими яркими цветами, каких прежде не было. Мина у Чичикова сделалась гораздо прият<нее>, чем прежде, [Далее начато: Он сам несравненно манеры] обороты и повороты развязнее и самые воротнички[и даже воротнички] рубашки как-то белее на нем и тщательнее прилегали к щекам. Явилась новая цепочка [к часам. Словом,] Он стал соблазнителен. [Далее начато: На лбу его витал миллион]

“Кто что ни говори, а балы хорошая вещь”, думал Чичиков. “Холод ли, неурожай, или какой иной случай, от которых, [В рукописи

фраза не закончена.] а как соберешься вместе, позабудешь обо всем. Всем есть что-нибудь. Танцы для молодых. Карты для почтенных[для взрослых] людей. Можно и на танцующих поглядеть, и в вист наигратся, [Далее начато: и потом хорошо поужинать. Пестро, веселятся и как-то] и много значит этак общество, толпа. Всё это веселит<ся>, пестро. При том и ужин. Губернаторский повар, я думаю <1 нрзб.>. Будет майонез с рябчиками. Может быть, еще холодных две осетринки свежей с трюфелями, каперсами, кореньями и травкой <1 нрзб.> прочими?[Далее начато: Шипучкой зальем и <1 нрзб.> в розовом] Потом зальем шипучкой, выстоявшейся на льду. [Далее начато: Чичиков щелкнул от удовольствия рукой и принялся за туалет. Если только имеешь, заведешь у себя достатки.] Чорт возьми, как в жизни много есть всего. Люблю приятное, безобидное общество”.

Всё жуки он хотел подобрать к мотылькам. [Наконец] продвинувшись сквозь эту черную тучу врагов, он увидел перед собой вдруг такой сверкающий из мотыльков всех цветов,

что на время прижмурил глаза от этого блеска. [перед собой столько мотыльков] Точно как рисуют иногда на вывесках рог изобилия, из которого сыплются и башмаки, и подвязки, и конфеты, и драгоценные ка<мни>. Точно то же было и здесь. В то время мотыльки в губер<нии> не разнуздались, как в нынешнее разнуздавшееся время [В ту пору дамы еще не разнуздались так, как теперь] и только во время танцев мешались с жуками. Отработавши дело ногами, [Вместо “Отработавши дело ногами”: Отплясавши] каждый пол отходил на свою сторону, и дамы все строем лепились у одной [лепились около одной] стены. К ним подходил только изредка какой-нибудь служивший по особенным порученьям мужчина, блиставший благообразностью лица, и ловкой <1 нрзб.> кавалерист, сиявший победоносными эполетами, и то к такой [а. К ним подходил только изредка мужчина и то к некоторым из них, и то чиновник; б. К ним подходил только изредка какой-нибудь служивший по особенным поручениям мужчина или же именно военный [с золотыми лепешками на плечах], носивший военные украше-

ния, и сиял сам золотыми плечами, и то к такой; в. К ним подходил ~ мущина, или военный кавалерист, который сам сиял золотыми плечами и порхал не хуже мотылька, и то к такой] только, которая уже очень[уже совершенно] хорошо говорит по-французски. Прочее всё перешептывалось между собою и даже конфузилось, если приступал[если подходил] какой-нибудь жук. Жук тоже приступал не прежде, [Жук с своей стороны подходил тоже не прежде] как сочинивши [уже] и заготов<ивши> вперед фразу, которая бросала в пот бедную неприготовленную даму. [фразу, которую нужно, и бросал в пот дам.] [На полях запись: Ленты, цветы, платья, перья всех цветов и сортов. Духи всех запахов, начиная от резеды до гвоздики и свежего сена. Словом, всё что окружает женский пол] Ответа никак нельзя сочинить вперед, и потому всё почти краснело и потело, имея надобность непрерывную прохлаждаться морожеными и лимонадами. Которые были поблагоразумнее, те доложили себе вперед не отвечать ничего, а забирали только усердно конфекты к себе в ридикули. Чичиков раскланялся самым лов-

ким образом: близко[раскланялся ловко, очень близко] к тому, как раскланивается приехавший из Петербурга чиновник. [Далее было: Председатель<ша?>, почтмейстерша и даже прокурорша заговорили с ним тотчас <?> [они были развязнее прочих] [снисходительнее прочих] Сидели впереди всех.] Обменявшись[Далее начато: словами] приветствиями с хозяйкой, обрати<лся> к дамам, сидевшим впереди. Председательша, почтмей<стерша> и даже прокурорша с ним заговорили, а прочие молча обратили глаза. [Далее было: Все такие полные. Такое множество открывалось ему плеч и рук.] Он думал, как бы узнать, которая [из них] была сочинительница. Трудно. Глаза у всех так были выразительны. При этом ему открылось такое множество круглых[множество открытых] плечей и полненьких рук (на многих из них даже лопнули длинные перчатки), что почти невозможно было смотреть собственно в одни глаза. А глаза всех были, точно, загадочны. — Он оглянул еще раз весь цветник. Кажется, значительнее всех[Больше всех, кажется,] глядели председат<ельша>, почтмей-

стерша и даже прокурорша, а впрочем, бог
весть. Пахнет сильно резедой, фиалками и да-
же гвоздикой. Чичиков, поворотив, отправил-
ся было к жукам, чтобы засесть [за так назы-
ваемый ломберный стол] за вист, как вдруг
перед ним [сама хозяйка] губернаторша и с
ней стройная девица, лет шестнадцати,
стройная, как молодой тростник. “Павел Ива-
нович!” сказала губернаторша с приятным
потряхиваньем головы. “Вот вам моя дочь,
только что [вышла] из института и [сегодня]
в первый <раз> является в свет. Прошу при-
нять благосклонно”. Чичиков, разумеется,
уже хотел подшаркнуть ножкой и отпустить
ей самое поощрительное и ласковое привет-
ствие; но, взглянувши ей в лицо, вдруг оста-
новился. Пред ним стояла та самая девченка.
[губернаторша и [держит] ведет за руку моло-
денькую, стройную девицу лет шестнадцати.
Он услышал слова: Павел Иванович, вы еще
не знаете мою [институтку дочь] единствен-
ную дочь, только что на днях вышедшую из
института. Он, разумеется, уже хотел под-
шаркнуть ножкой, отпустить ей самое ласко-
вое приветствие, но вдруг остановился. Пред

ним стояла та самая девушка, которую он встретил, светловолосая] Опять то же странное чувство. Матовое белое платье тончайшее воздушно обнимало один ее стан: руки же, грудь, не взволнованная ни одним вздохом, и голубиная шейка, которую обнимало простое тюлевое белое ожерелье, — всё было открыто и составляло что-то единое с платьем. Он оторопел и позабыл всё и остался несколько минут совершенно неподвижен. Было ли это чувство любви? Кажется, он до сих пор насчет любви был не очень податлив. Имел, по мере надобности, обращение с женщиною, но влюбиться не влюблялся. [а. но влюбиться ему не случилось; б. но влюбиться еще никогда ему не случилось.] Было что-то раз когда-то, в давней юности, что-то вроде мгновенья с какой-то [в роде встречи с какой-то] крепостной служанкой; но влюблять<ся> он не влюблял<ся>: это была игра лет молодой крови. Но теперь он коллежский советник. Ему почти за сорок. Два раза он уже наживался, два раза всё про <1 нрзб.>, два раза был под судом, два раза пострадал за правду; испытано и узнано им почти всё. Всё под-

вергал он благоразумному[Фраза не закончена. Вместо “Но теперь ~ благоразумному”: Что ж теперь? Итак, это не любовь. Зачем же он остановился и позабыл на один миг всё.] Что ж это такое? Почему же он стал впервые[стал в первый раз] истуканом? Или есть что в чистом, ясном девичестве еще не развившейся женщины[в чистой ясной девической прелести] что-то такое, что мимо ума и мимо искусства, мимо всех качеств, [Далее было: Или есть что-то обворожительное для всех в той женщине, которая еще не знает, что она обворожительна и] действует на всех, даже инвалидов, вооруженных холодом бесстрастия, которых никакая и <1 нрзб.> не своротит и не расшевелит. И больше всего обворожительна та [женщина], которая не знает, что она обворожительна, и сокрушительней всех красавиц та, которая еще не знает, что она красавица. Что бы то ни было, но герой наш [не видел ничего] почти так же был поражен, как юноша.

Он видел, что ее умчал кавалерийский фланг, пере<тянутый>, как оса, [Над строкой

вписано: с усиками;] с тонкими золотыми лепешками на плечах и рядом пуговиц на круто выгнутой <груди> с усами и гладко-<?> прочесанными[и ловко прочесанными] волосами. Он видел, как она, чуть упираясь атласным башмачком, летала, и белый пух ее эфирной одежды летал вокруг, как бы кружилась она в каком-то тонком облаке[Вместо “Он видел, как ~ облаке”: а. Смотрел, как она летала чуть дотрагиваясь ножкой; б. Он видел ~ башмачком, кружилась, выказывая] показывая всю себя, как выточенную игрушку, в которой ни малейшего недостатка[Далее начато: Белая, как снег, кисея индийская] во всем теле. Ножка, ручка, шея, всякая часть в такой соразмерности одна к другой и ко всему телу, что, казалось, ее фигурка чуть не пела от согласия стройности. [Вместо “Ножка ~ стройности”: а. Всё соразмерно: рука, нога, всё рассчитано мастером. Всякая часть тела в такой ~ телу, что, казалось, порхало перед ним олицетворение стройности; б. Ножка ~ телу, что, казалось, пела от согласия.] Гармония летала в виду всех. [Как вдруг] Все женщины <1 нрзб.> коровницы. [Вместо “Как вдруг ~ коровницы”:

Все женщины сделались вдруг перед нею какие-то коровницы. Ноги у всех стали ножищи] Взглянул он нечаянно на других женщин. На место ног и рук повсюду оказались ножищи, ручищи, плечища[Далее начато. Корсеты] [талии <?>] у одних дам стали точно толстые, выгнутые без толку круто подушки, у других неуклюжие доски, и почтмейстер понял это. Даже все и старые и толстые чиновники остановили глаза и глядели, не только почтмейстер, который был волокита, но деликатный прокурор пришел поглядеть и моргал только бровью. [Вместо “и почтмейстер ~ бровью”: а. даже и прокурор сказал, что председательша не так хороша, как в прежние дни; б. и почтмейстер, который был волокита, нашел, что прокурорша не так хороша, как в прочие дни. Некоторые мужья, уверенные Фраза не закончена.] Даже многие женатые и почтенные люди, которые были доселе уверены, что красивей их жен ничего не может быть на свете, [красивее их жен нет на свете] стали находить, что жены их как-то не так сложены, как следует. С <ее> появлением женщинам еще более стало заметно бревно в

глазу. И редкая не сказала: Какие у нас уроды в губернии, себя, разумеется, выключила. Всякой показалось, что только <у> одной губернаторской дочки да у нее порядочные руки и ноги, а у всех ручищи <1 нрзб.> Точно как будто бы затем пролетела по залу, чтобы все почувствовали, что такое стройность и кра<сота>.

Через несколько минут, однако ж, чувство зависти стало входить в сердца всех, особенно когда увидали [именно][когда заметили] что всё молодое, военное и что ни было лучшего, поворотилось к [молоденькой] шестнадцатилетней девченке, и весь дамский цветник остался без всякого нюханья. Почтмейстерша показала необыкновенное искусство в танцах и, наклонив голову на бок, стар<алась> выразить <1 нрзб.> неземного чувства, [Далее начато: и всякой танц] но никто это не замечал. Всяк, кто был получше, танцевал с своей дамой, точно с подуш<кой>, и глазами, как подсолнечник к солнцу, обращался к той стороне, где танцевала[где была] та, которая даже и не думала[Далее начато:

совершенно и очень даже] о том, что она хорошо танцует [Далее начато: и только потому танцевала] и кружилась так потому, что ей было приятно кружиться, как стрекозе по-верх <?>.

Он поскорей тот же час занял стул и поместился около нее. Но, странное дело, [никак] не мог завязать разговора; говорил много, [говорил, но чувствовал сам] но как-то [Далее было: не в такт] не впал в настоящую ноту: [в настоящую середину] или выше, или ниже. Сначала заговорил [Вначале заговорил] было о том, что Россия очень большое государство, что даже больше древней Римской Империи; но, заметивши, что девченка шестнадцатилетняя начинает зевать, спустился на такой разговор, который годен для тех, которые только начали играть в куклы. Известно, что человек [Видно человек] средних лет [Далее начато: годен более на разговор с дамами, чем с девицами] и умеющий занимать с приятностью <дам> не находится, что говорить с девицами. [Далее начато: “Что он меня за дитя] “Что это, в самом деле я как будто стал ду-

раковат”, подумал Чичиков: “с дамами[Далее начато: лет в тридцать и даже можно] могу говорить, даже с приятностью и даже за словом не схожу в карман, а теперь вот и голову ломаю[Далее начато: а всё как-то не так] и обдумываю [даже], а всё что-то выходит похожее на глупость”. Он не знал, что люди благонамеренных лет и благоразумного возраста не всегда бывают годны на разговоры с девицами и что на этом поле берут <1 нрзб.>люди безумных лет и бестолковых образов мыслей. [благонамеренных лет, которые уселись на местах, то есть лет, когда [человек] чиновник садится плотно на место и не виляет по особнным порученьям, уже не годится для девиц, а может услаждать одних только дам.]

Дамы на Чичикова рассердились. Надулась председательша, почтмейстерша и даже прокурорша. Он взглянул на весь цветник. Весь цветник глядит на их обоих, но уже в глазах что-то похожее на негодование и нерасположение. “Вот еще боже сохрани”, подумал со страхом Чичиков: “еще рассердятся, пожалуй. Это будет очень неприятно! Я точно

в рассеянности поступил совсем неучтиво. [поступил грубо] Вот что значит на один миг только увлечься и все [священные] первейшие обязанности человека, отношения, всё позабудешь. [Вот как можно преступать отношения и обязанности] Действительно, на меня сердиты, это я вижу". Только что он сказал себе эти слова, как вдруг видит, навстречу валит к нему Ноздрев. Сердце его точно предчувствовало, что не быть добру. Он хотел было ускользнуть, но тот уже увидал.

В этот вечер все дамские приготовления, все вкусы, тонкие умения одеваться, всё встряхнуто было на воздух; все [пропало] обдуманное [намерения, приятные] фразы [затейливые намерения], духи, помада, фиалка, гвоздика, резеда — всё пахнуло даром. В выигрыше остались одни только те дамы, которые, не думая ни о чем, набивали себе конфетами ридикули. Им досталось в этот вечер больше обыкновенного, [больше конфет, потому что] от досады у многих первоклассных дам пропал аппетит?>.

К ГЛАВЕ VIII

Герой наш однако же совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему в подобных случаях в разных местах. Именно в Симбирской губернии у Софрона Ивановича Беспечного, где были на ту пору дочери его [“дочери его” вписано.] Аделаида Софроновна с двумя золовками Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной. [Вместо “с двумя ~ Адельгейдой Гавриловной”: и [Аглая] Нимфодора Софроновна, вышедшая потом за Платона Ивановича Карчевского] У Федора Федоровича Перекроева в Рязанской губернии, у Флора Васильевича Победоносного в Пензенской губернии и у брата Петра Васильевича, где были на ту пору свояченица его Катерина Михайловна и внучатые сестры ее Роза Федоровна и Эмилия Федоровна. [где были сестры жены его Александра, Марья и Елисавета Михайловна] В Вятской губернии у Петра Варсановьевича, где была [родная] сестра [его тет<ки>] его невестки Пелагея Тривоновна с племянницами Надеждой Ростиславною, Верой Ростиславной и Софи Ростиславной, да две сводные ее сестры Софья

Ив<ановна>.[где была внучатая сестра его Адельгейда Гавриловна с дочерьми Розой Федоровной, Эмилией Федоровной, Верой Федоровной, Надеждой Федоровной и Любовью Федоровной.] За обедом[“За обедом” вписано.] у Александра Михайловича в Белебеевском уезде[Далее начато: где невестка его] в то время, когда там была сестра[тетка] его Анна Михайловна с племянницами[Анна Михайловна и две сводные сестры] Катериной Григорьевной и Настасией Григорьевной и двумя сводными сестрами Прасковьей Максимовной и Севериадой Николаевной; у Мавры Антоновны, где были золовка ее Ольга Сергеевна[Ольга Николаевна] и обе мужнины невестки Катерина Ростиславовна и Надежда Ростиславна, у Григория Григорьевича Стромила, где была свояченица[а. где была сестра жены; б. где была Анна Михайловна, сестра жены] его Анна Михаловна с двумя дочерьми Софией Ивановной и Маклатурой Ивановной.

К ГЛАВЕ IX

Глава

А следствие было вот какое: одна из чинов-

ниц, — я всё боюсь назвать именно какая, от страха и из почтения. Она очень поспешно села в коляску с лакеем сзади в ливрее, несколько похожей на военную, и покати-лась по городу раньше обыкновения делать визит тоже одной довольно значительной и весьма почтенной чиновнице. [Всю дорогу] Сидя в коляске, всё ее внимание устремлено было на то, чтобы удержать [Сидя в коляске, она не могла удержать] язык свой, который такое чувствовал желание, такой мучитель-ный аппетит рассказать один секрет, что да-же несколько раз начинал сам собою расска-зывать, хотя слушать было решительно неко-му, кроме бутылочной <?> мебели. [На полях запись: во всё время, пока коляска поворачи-вала из переулка в переулок и лакей трясся на запятках]

К ГЛАВЕ IX

По утру довольно рано, [Очень рано по утру] даже раньше положенного часа, в кото-рый делаются визиты, из дверей [довольно ра-но перед дверью] одного дома, деревянного с мезонином, [Далее начато: выпорхнула одна довольно почт<енная> дама и впорхнула в са-

лопе] только что выкрашенного голубою краскою, выпорхнула в приятном манто одна дама, сопровождаемая лакеем в шинели с шитым воротником и золотым галуном на шляпе, и впорхнула тот же час с легкостью даже по откинутым ступенькам в стоявшую [Далее начато: перед] у подъезда коляску. Лакей тут же закрыл дверцами даму и закидал ступеньками и, ухватившись, затем закричал: “пошел!”

К ГЛАВЕ IX

Наконец коляска остановилась у ворот прокурорши... Виноват, [виноват,] совершенно позабыл у ворот [Далее начато: чинов<ницы>] хотел сказать некоторой чиновницы. Чтобы нам, однако ж, не сбиться, то мы будем называть ее чиновницей Гм. Гм... а приехавшая пусть будет Ихм. Ихм.

К ГЛАВЕ IX

Уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, какой-нибудь носящий это <имя> и непременно рассердится не на жизнь, а на смерть. Скажете, что ничего. [На полях написано: что автор нарочно приезжал [выведать] секретно и вы-

ведал, что он живет на свете.] По чинам называть и того хуже; [По чинам называть тоже плохо] скажи только автор: прокурорша, то непременно все прокурорши, сколько их ни есть, всех губернских городов обидятся. Что же делать: такое уж обидчивое у нас государство. И потому, в избежание всяких личностей и разных могущих произойти тех и других [произойти <1 нрзб.> дурных] следствий, мы станем [мы будем] называть приехавшую даму просто: почтенная дама, а ту, к которой почтенная дама <приехала>, пусть будет... пусть будет: тоже почтенная дама. Последняя не замедлила скоро выйти на встречу гостье в переднюю [Далее начато: разгон<я>] в восклицанья и распростертые объятия, что не помешало <?> ей, однако ж, отгонять мосек платком. Обе дамы, заключивши друг друга в объятия, поцеловались довольно звонко, так что моськи залаяли снова, за что были хлопнуты вновь платком.

К ГЛАВЕ IX

“Ах, Прасковья Петровна, сколько лет я вас не видала. А я думаю: кто такой приехал? Машка мне говорит: “вице-губернаторша”. Я

думаю себе: вот приехала опять дура надо-
едать, и уж хотела было сказать, что меня до-
ма <нет> — Ну, как же я рада, что вас вижу.
Садитесь. Ну, здоровы ли? [Что] Каков ваш
Антип Антипович?”

“Слава богу, здоров. Я бы к вам давно при-
ехала”, [Далее начато: а. давно не могла; б. го-
ворила садясь чиновница едва дыша; в. гово-
рила чиновница едва дыша; г. говорила чи-
новница, у которой] говорила чиновница, ед-
ва переводя дыхание, потому что ее дергало
как в лихорадке, а сердце билось так, что
слышно было в углах комнаты: так было ве-
лико желание ее сообщить новость. “Я бы
давно к вам приехала, Анна Григорьевна, но
вы не можете представить...” Тут, еще не до-
кончивши фразы, она хотела разом перейти к
делу, которое приехала рассказать, но на по-
ловине слова [на половине вопроса] была пе-
ребита совершенно неожиданным восклица-
нием Анны Григорьевны, решительно дав-
шим другое [неожиданным замечанием Анны
Григорьевны, которое решительно перебило
ее речь и дало другое] направление всего раз-

говора.

К ГЛАВЕ IX

“Сестра привезла тоже ситец очаровательный, право, полоски узкие и через клеточку всё глазки и лапки, глазки и лапки. Да так премило, то есть вы себе ничего вообразить не можете, Анна Петровна. Деликатный, деликатный, и издали это такое восхищение. Вечеру так это просто очарованье. [Вместо “Деликатный ~ очарованье”: Бесподобный, бесподобный] То есть уж можно сказать решительно, что еще никогда не было подобно-го на свете”.

“Только я не могу себе вообразить: глазки и лапки; а цвету, а цвету какого?”

] Перед этим начато: Цвету] “Глазки и лапки, Анна Андреевна, а цвету немножко темного, называется кака-де-дофен”.

К ГЛАВЕ IX

“И оборки, Анна Ивановна. Всё фестончики: и сзади фестончики и на рукавах фестончики”.

“[Как, я уж тут не могу ничего придумать: всё фестончики, где ж тут может быть] Но только фестончики к кисейному платью!..”

“Да, А<нна Ивановна>, всё фестончики. Очень деликатно и там еще что-то такое трюсидо <?> или шуше, я уж не умею хорошо называть, а только[Далее начато: очень] нашивается еще”. [На полях: “Как же нашивочки?” — “Да, Анна Григорьевна, нашивочки”]

“Ну, нашивается, тут уж я ничего не могу видеть хорошего”.

“И талии уж совсем сделались низки, на поясе, почти как у мужчин”.

“Как же, будто тальи так низки? Это ничего?”

“Низки, низки, совсем низки и сзади всё собирается так вот, как бывали фижмы, и даже подматывается вата, что теперь выходит совершенно, как говорят, *belle femme*”. [что так было совершенно, как говорят, бель фам.]

]

“Ну уж это, уж как вы хотите себе, Анна <!>, уж я никак не стану подражать”.

“Да и мне самой, признаюсь, тоже[Вместо “Да и мне ~ тоже”: Я, признаюсь сама, тоже] мне не очень нравится. Я взяла, однако ж, выкройку только для курьезу. Посмотрю нарочно, как выйдет. Меланья уж моя принялась шить”.

“Так у вас разве есть выкройка?”

“Как же, сестра привезла тоже и выкройку”.

“Ну уж вы, пожалуйста, Анна, одолжите ее мне, сделайте милость”.

“С большим удовольствием; только прежде я обещала Прасковье Федоровне, и уж после ее тотчас”.

“Нет, уж как хотите, а мне прежде, не то

вы меня чувствительно... Мы же с вами в родстве”.

“Да и она тоже в родстве, да при...”.

“Вы ей с мужниной стороны родня, а мы ведь с вами только что не родные сестры. [родня, а мне по прямой.] Нет, уж это только с вашей стороны будет грех совершенно”.

При этом прокурорша пришла в такое положение, что и сама не знала, как ей быть. Вот тебе и похвасталась. Она бы даже готова была наspiговать иголками свой глупый язык: и с той стороны и с другой стороны родня, и та рассердится, и другая тоже почти наплюет в глаза.

К ГЛАВЕ IX

“Ах, боже мой, Анна Григорьевна, если бы вы знали, как я потревожилась сегодня поутру!” говорила почтенная чиновница, схвативши [руки] обеими руками руку тоже почтенной чиновницы... “Вот уж

“Ах, боже мой, я приехала именно с тем,

чтобы вам рассказать...” говорила почтенная чиновница, встревоженная необыкновенным образом. Дыхание в ней одну минуту сперлось; слова стали погонять, наезжать одно на другое, и язык который всякую минуту хотел высунуться на свободу. [Далее было: получил даже небольшие судороги На полях запись: а бедной язык уж [с та<кой>], что с ним было, так не приведи бог] Нужно же до такой степени быть хладнокровной, безжалостной, каковою оказалась действительно тоже почтенная чиновница, чтобы решиться прервать ее.

“Как вы ни выхваляйте и ни превозносите, я скажу прямо и ему в глаза даже скажу это прямо, что он негодный человек, мерзкой человек, не знающий ни обращения, ни приличия!”...

“Да послушайте, Анна Григорьевна. Вам я... с тем, чтобы вам открыть...” говорила почтенная чиновница, от избытка нетерпения пришедши в такое [Далее было: нетерпение] положение, [Далее было: а. что автору даже неприлично о нем помянуть; б. которому да-

ют название неусидения на месте] что для нее конечно было вредно, потому что она была дама совершенно нервическая.

Но тоже почтенная была безжалостна, как палач и решилась даже и тут прервать и продолжала с прежнею силою и негодованием: “Распустили, что он хорош собою, а я в нем ничего не нахожу; просто даже урод: толст, как шкаф, нос картофель...”

“Позвольте, позвольте, только рассказать [происшествие], душенька Анна Григорьевна. Вы увидите <2 нрзб.>”, говорила бедная почтенная дама почти с выражением отчаяния и совершенно умоляющим голосом.

“Я потревожилася таки.... Голубушка барыня, говорит мне Машка, посмотритесь в зеркало: вы очень бледны. — Не до зеркала, говорю, мне. Я должна непременно ехать рассказать Анне Григорьевне. Ту ж минуту Гришке говорю: заложить мне коляску. Кучер Андрюшка спрашивает меня: “Куда, барыня, прикажете!” а я ничего ему не могу говорить.

Гляжу просто ему в глаза как дура. Я думаю, он просто подумал, что я сумасшедшая!.. Ах, боже мой, Анна Григорьевна, вы не можете себе представить, [Анна Григорьевна, если бы вы знали] как я потревожилась. Так сердце, право, и до сих пор колотится. Ах, я потревожилась. Но представьте себе, Анна Григорьевна, каково же мое было положение, когда я слышала это. [положение, когда мне рассказала это протопопша]

И теперь Коробочка говорит протопопше: [А Коробочка, вообразите, говорит протопопше] “Я, говорит, не знаю, что делать: он дал мне пятнадцать рублей ассигнациями — может быть здесь обман. Я, говорит, одна, вдова беспомощная”. Так вот какое происшествие! Я, признаюсь, потревожилась, как вы не можете себе представить”.

На это почтенная чиновница никак не нашлась, что сказать, ибо она [Далее начато: в подобных] только тревожилась в этих случаях, а чтобы составить какого-нибудь сметливого предположения никак не могла <1 нрзб.>

и потому более, чем всякая другая имела совершенную необходимость в дружбе и в советах. [Но почтенная чиновница только тревожилась ~ никак не могла и потому имела совершенную необходимость в дружбе и в советах.]

К ГЛАВЕ IX

[— “Однако ж, по ва<шему>]

— “Только я всё полагаю, что здесь что-нибудь другое кроется под именем мертвых душ”.

— “Я признаюсь, Анна Григорьевна, сама то же думаю”.

— “А что б вы, однако ж, думали?” — спросила.

— “Однако ж, как по вашему?”

— “Право, Анна Григорьевна... Это превосходит мое воображение. Конечно, можно бы предполагать, что он хотел Коробочку, понимаете... силою мужчины... но [ведь] она стара,

около 60 лет и совсем, говорят, не хороша...”

— “Поверьте мне, Софья Ивановна, что и мертвые души и Коробочка, это всё больше[это всё только] так, для примера, а настоящее его намерение — он хочет увезти губернаторскую дочку и перевенчаться с нею в первой церкви”. Последние слова были произнесены тоже почтенною чиновницею очень тихо и почти таинственно.

— “Ах, боже мой! — вскрикнула, всплеснув руками, почтенная чиновница и вся побледнела, как мел. Автор должен, и действительно нужно, сказать, что она при этом случае чрезвычайно как потревожилась. [как мел и она потревожилась действительно.]

— “Будьте уверены, Софья Ивановна, что это так”, — сказала тоже почтенная чиновница.

— “Вот уж точно никак неожиданное раскрытие!” — продолжала чиновница: “это, точно, превосходящее всякое описание!” [Здесь]

Нужно также<?> еще <1 нрзб.> заметить, что почтенная чиновница кроме того, что тревожилась и чувствовала разные нервические волнения и была помешана[Над строкой написано: необыкновенный аппетит к] на всяких чрезвычайных происшествиях. Она совершенно <1 нрзб.> потерялась и только проносила: “Я бы этого уж никак не могла предположить”.

— “А я, Софья Ивановна, всегда это предполагала!”

— “Но представьте себе, Анна Григорьевна, каково после <этого?>[каково же теперь] воспитание в институтах: ведь [шестнадцатилетняя девочка, кажется] невинность!”

— “Какая невинность! Я слышала собственными <ушами> такие речи, что, признаюсь, не имею духу произнести”.

— “И мужчины от нее без ума. Я, признаюсь, совсем не нахожу ее красавицей”.

— “Манерна[Далее начато: чрезвы<чай-но>.] нестерпимо”.

— “Напротив, Анна Григорьевна, напротив...”

— “Вся вертится, как юла”.

— “Напротив, Анна Григорьевна, она совершенная статуя, в лице никакого выражения”.

— “Юла, юла. Всё жеманство! в каждом пальчике жеманство”.

— “Статуя, [статуя,] Анна Григорьевна”.

— “Юла, юла. Всё вертится и румянится к тому же”.

— “Ах, Анна Григорьевна, напротив, она бледна совершенно; лицо бледно, как у мертв<еца”>.

— “Румянится; я сидела возле нее, румянец

в палец, так и отваливается кусками, как щекатурка, и ей вовсе не 16 лет, а целых двадцать. Мать скрадывает, чтобы самой молодиться”. [В рукописи часть текста утрачена. На отдельном листе наброски: <1>. Манерна страшно

“Напротив, Анна Григорьевна, напротив...”

“Вся вертится как юла”.

“Напротив, Анна Григорьевна, она как деревянная статуя. Уж совершенно без выражения”.

<2> “Ну, знаете, Анна Григорьевна”, сказала тоже почтенная чиновница: “это в ней уж я полагаю наследственно: ведь мать ее <6 нрзб.>. Этак вот как простая девушка Машка, которая сидит теперь за пальцами”.

<3> “Только я не знаю: а лицо ее очень неприлично [манерна уж страшно]”.

“Ничего нет. Уж очень румянится страш-

но”.

“Ну, румянец пускай у ней и природный: ведь ей всего шест<надцать> лет”.

“Румянится, говорят, Анна Васильевна, на диво всем, и румянец в палец толщиною, как щекатурка, так и отваливается кусками. Ей лет вовсе не шестнадцать, а двадцать три. Мать скрывает, чтобы самой быть молодой.”]

— “Но, Анна Григорьевна, позвольте мне сказать, что она бледна. Еще именно я говорю на бале Манилову: Ах, как, — так говорю, — что она бледна; но я не понимаю это. Нужно быть просто круглому дураку, <как?> наш прелестник (здесь разумелся друг наш <Чичиков>) чтобы влюбиться. Да уж за это и он какая противная физиогномия. А ведь нашлись же даже дамы”.

— “Однако ж, и вы, Софья Ивановна, признайтесь, были немножко неравнодушны”.

— “Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда

вы не можете сказать этого. Никогда. Никогда”.

— “Полно, Софья Ивановна, а кто прежде взял...”

— “Никогда, никогда, Анна Григорьевна, позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю. А вот с вашей стороны так может как-нибудь там было”. [А вот вы, так оно может быть]

— “Уж извините, Софья Ивановна. Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда не водится. [Далее было: Да, позвольте мне вам это заметить “Однако ж, [Софья Ивановна] Анна Григорьевна] За кем другим разве, а уж за мной нет”.

“Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей”.

Ну тут уж после этого натурально не без грома разговор нечаянно сделался [Вместо “Однако ж ~ сделался”: “А кто прежде всех за-

хватил стул у двери?” напомним<нила?> тоже почтенная чиновница просто. Разговор, как читатель увидел, начал становиться] несколько жарким.

Обе чиновницы не на шутку стали [Далее начато: прек] пикироваться и может быть даже вспыхнула ссора, но дело, однако ж, окончилось довольно мирно: тоже почтенная чиновница вспомнила, что может не получить выкройки для модного платья, а почтенная чиновница тоже смекнула со своей стороны, <что> есть вещи, которых без Анны Григорьевны одной никак нельзя состряпать, и при том новое, чрезвычайное открытие, которое она сообщила ей, тоже действительно было [уж] очень чрезвычайно и она еще не выведала совершенно никаких подробностей. [чрезвычайное открытие она совершенно еще не знала в его главных подробностях.]

К ГЛАВЕ IX

Ну, уж после этих слов, произнесенных чиновницей, как и сам читатель может естественно заключить, что никак нельзя миновать было бури, [а. заключить, долженствова-

да грянуть буря совсем; б. заключить, должна была грянуть буря] но, к величайшему изумлению, [В подлиннике: изумленному] совершенно неожиданно для самого автора обе дамы [приутихли] и остановились и потом приутихли.

“Но, признаюсь”, сказала тоже почтенная чиновница после нескольких минут молчания, в продолжение которых [Далее начато: волнение груди] их волнение почти совершенно утишилось. Нужно заметить, что обе дамы вообще никогда не думали друг друга обидеть, но так иногда нечаянно случилось им уколоть очень сильно дружка дружку, но так была иногда какая-то невинная страстишка кольнуть друг друга. Признаюсь, бывали подобные скандалы [подобные истории] вот хоть и с женой управляющего казенной пал<атой>, но уж такого, как Чичиков, этого уж ниг<де?>

К ГЛАВЕ IX

Почтенная чиновница хотела бы очень выведать все дальнейшие подробности на счет похищения, то есть в котором часу [Далее

начато: и когда еще б) и проч. Но просто почтенная чиновница сказала, что этого не знает. К чести почтенной чиновницы нужно сказать, что она вовсе не умела лгать и [лгать или <?>] прибавлять; предполагать — другое дело. И если уж в том было у ней [есть у ней] внутреннее убеждение, то так, убеждена как [Фраза не закончена.] Убеждалась она до такой степени сильно, что уж тут решительно никто не мог ее переспорить... И потому обе дамы убедились [убедились совершенно] до такой степени Но и то [Далее начато: тогда] в таком случае, когда это предположение основывалось на внутреннем убеждении, а уж если почувствовала внутри, так уж тогда точно, она умела постоять за себя. Автор очень бы желал, чтобы нашелся какой-нибудь дока-адвокат, владеющий даром убеждать и побеждать мнения, и пусть-ка он попробует устоять хоть, например, против тоже почтенной <чиновницы>, увидит он, что значат его [внутренние] убеждения против внутреннего убеждения. Что обе дамы вскоре <?> совершенно убедились в том, что они предложили прежде только как предположение, в этом, по

нашему мнению, ничего нет необыкновенного, когда наша братья, народ умный, как мы любим называться, [как любим выражаться] совершенно неизвестно почему и по какой причине, поступаем иногда почти так, и в доказательство все наши ученые рассуждения. Сначала ученый подъезжает необыкновенным подлецом, [Сначала ученый делает себя] почти робко начинает запросом: не оттуда ли, не с того ли, например, угла [Далее начато: проист<екает>] получила название Русь? или не принадлежит <ли> этот документ к другому времени позднейшему? или не нужно ли под этим городом разуместь вот какой город? И иногда [И берет] ту же минуту цитует тех и тех писателей, и чуть только видит намек или показалось ему только намеком, уже он смелый и бодрится и [а. и заставляет; б. и задает уже вопросы древним и отвечает за них] входит в такой вкус и разговаривает с древними писателями запросто и задает им вопросы и сам даже отвечает за них. Наконец, позабывает вовсе о том, что он предположил, а ему кажется, [предположил только, а уж кажется ему] что он это видит, и рассуждение

закljučается словами: [это видит и он заключает, наконец, рассужденъе] так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь под этим, так вот с какой точки нужно смотреть на этот предмет. При этом, разумеется, и прихвастнет, а иногда, чего доброго, шлепнет это во всеуслышанье с кафедры. Мигом сформируется ранг последователей, и мнение пошло гулять по свету.

К ГЛАВЕ IX

так что все[Далее было: а. одурели; б. город<ские>] головы губернского города в первую минуту совершенно одурели[Далее было: и глядели] и были очень похожи на вскочившего с постели заспавшегося школьника, которому сонному его товарищи, [похожи на заспавшегося школьника, которому товарищи] вставши поранеe утром, подсунули в нос целую горсть табаку. Потянувши ее вприсонках к себе всю со всем усердием спящего, он[Потянувши к себе в нос всю эту горсть, он] пробуждается, вскакивает, глядит, как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, что это с ним было и что это значит. И потом уже[Далее начато: а. мало; б. перед ним

яснеет; в. он уже] он различает яркий смех товарищей, скрывшихся по углам, и[Далее начато: золотое] глядит на свет, наступающее <утро?> с проснувшимся лесом, [Далее начато: кипя<щим?>] звучащим всеми голосами[Над строкой вписаны неразборчиво два слова.] птиц и с освещенной речкой, зовущей на купанье, где [с отразившимися] как в зеркале отразились обступившие ее нагие ребятишки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заспавшихся на дне карасей, [а. где глядят как в зеркало тростники и нагие ребятишки уже пугают криком заснувших карасей и; б. где как в зеркале точно отражаются] и потом уже он, наконец, чувствует, что в носу его сидит табак. Таково совершенно было в первую минуту состояние городских голов. Потом уже, несколько очнувшись после первого одурения, они начали, наконец, требовать отчет и[Далее начато: напря<гать>] стали негодую делать запросы самим себе: Да что же это [всё], как же это и почему это?

К ГЛАВЕ IX

Бедная блондинка была призвана и выдержала такой тягостный tkte-a-tkte, какой ко-

гда-либо выдерживали 16-летние девушки. Посыпалось такое количество <?> выговоров, упреков, угроз, увещаний, допросов, расспросов, что бедная девчонка бросилась в слезы и рыдала, не будучи в состоянии отвечать что-либо, а тем менее что-либо понять. [Блондинку призвали, и посыпалось такое количество выговоров, упреков, допросов, расспросов, что бедная девчонка рыдала, не будучи в состоянии решительно ничего понять.]

К ГЛАВЕ IX-X

Но чиновница Гм, почитая это дело решенным, начала так разговор: [Но чиновница Гм начала вдруг такой разговор] “Что, каких вы мыслей, Анна Григорьевна, об приезжем-то нашем? Я думаю, вы туда ж за другими от него без ума”.

“О, насчет этого я признаю, я просто не знаю даже, как он мог кому-либо понравиться”.

“Я, признаюсь, тоже! Кричали, кричали; вот, говорят, хороший мужчина. И наши дамы все пошли наряжаться. Я в нем решитель-

но не нахожу. Толст, как шкаф, нос картофель и этакое бог знает что, [и чорт знает что] просто самый пребезобразнейший”.

] Перед этим начато: В это] Покамест это говорила чиновница Хм, Хм, язык у чиновницы Ихм Ихм, как юла или бойкая ящерица, [как проворная ящерица,] несколько раз выплескивался изо рта и три раза по полуслову слетало[выплескивался изо рта и по полслова уже слетали] из уст ее.

“Вот уж, подлинно, [Вместо “Вот уж подлинно”: Я вам, я вам расскажу, постойте, я вам расскажу. Так это уж подлинно] история... Уж вот, точно, раскрытие, как говорится, необыкновенно превосходящее границы. Вообразите: протопопша... вот протопопша, отца Гаврилы жена. Ко мне приходит утром рано, почти что не запыхавшись, и рассказывает, что бы вы думали? Наш-то смиренник-то приезжий каков-то? а?”[приезжий каков]

“Как неужли он и протопопше[Так, он уж

и протопопше] строил куры?”

“Ах, боже мой, душенька Анна Григорьевна! Какое куры. Еще бы ничего куры. Послушайте, что рассказывала мне протопопша. Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, вся, говорит, перепуганная и вся бледная, как полотно, рассказывает, что к ней, [Вместо “Послушайте ~ что к ней”: а. а то вообразите: протопопша, я говорю, прибежала ко мне и говорит, что к ней приехала помещица Коробочка; рассказывает, что перепуганная, что к ней] говорит, приехал, говорит, как этот престник-то ночью, вообразите в 12 часов, с пистолетами в руках. Скандальезу наделал ужасного и кричит, говорит, чтобы продала ему мертвых душ; заставил, говорит, подписать ее фальшивую бумагу...”

“Представьте, какая история”, — продолжала тоже почтенная чиновница.

“Ах, боже мой! но странно, что мертвые...[заставил, говорит, написать какую-то бумагу.

“Ах, боже! Полно, точно. Да полно. Ах, боже. Ах, боже мой, опять мертвые.] Вот муж говорит, что Ноздрев с пьяна выдумал. Только воля ваша, Прасковья Петровна, здесь что-нибудь другое, а не мертвые души”.

“Я сама тоже думаю. Я думаю, что он просто хотел Коробочку изнасиловать, а так как у нее водятся душонки и деревенька, так хотел, чтобы она ему отказала в завещании...”[изнасиловать и заставить ее отказаться ему в завещании.]

“Нет, нет, Анна Григорьевна. Я знаю настоящую причину: не Коробочку хотел, это так только, для прикрытия. А настоящий его предмет[А настоящая его цель, знаете] это губернаторская дочка. У него в уме есть желание увезти ночью губернаторскую дочку и в первой, я думаю, церкви перевенчаться с нею”.

“Как губернаторскую дочку”, вскричала чиновница Ихм, выпучив от изумления гла-

за, которая хотя была тоже с своей стороны довольно быстра на догадки, но уж этого никак не предполагала.

] Перед этим начато: Тем более что] “Будьте уверены, я совершенно проникла, что всё, что он делает, это всё только, чтобы отвлечь внимание, а у них уж всё приготовлено: и лошади и коляска...”

“Ах, боже мой. Вот уж, точно, никак неожиданное, [Вот уж точно открытие] чрезвычайное обстоятельство, раскрытие, превосходящее всякое описание”, вскрикнула [и вся загорелась, совершенно как охотник] чиновница Гм, которая от чрезвычайных происшествий была совершенно помешана, и потому также [была просто без ума и загорелась так вся] вспыхнула, загорелась, как охотник, завидевший вдали зайца.

“Только [как] неужели он отважится увезти. Ведь нужна помощь, а он человек заезжий!”

“О, есть, есть такие люди. У него есть приятели; вот хоть и Ноздрев, например”.

“Неужели и Ноздрев[Ах, боже мой, так и Ноздрев] в заговоре?”

“Что ж тут удивительного. Ведь он на всё готов. Это сорвиголова[на все готов. Он сорвиголова] известный; ему двадцать раз на дню сломать шею ничего не значит”.

“Ах, боже. Вот происшествия случаются на свете!” повторила чиновница.

И вот таким образом из покупки мертвых душ, к величайшему изумлению, составилась увоз губернаторской дочери со всеми обстоятельствами и даже впутался сюда Ноздрев.

<1 нрзб.> в это самое время, когда дамы[когда чиновницы] были в экстазе, приехали дрожки прокурора, который не замедлил скоро явиться с своею неподвижною физиогномией, густыми бровями и слегка[бровями и только] мигающим[Далее начато: прав<ым>]

ЛЕВЫМ ГЛАЗОМ.

Дамы натурально наперерыв принялись сообщать [натурально в ту же минуту сообщили] ему все эти события, рассказали ему об покупке мертвых душ, и [потом] о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что он [Далее начато: стоял решительно не в силах будучи произнести] сколько ни продолжал стоять на одном месте и мигать еще сильнее левым глазом, но ничего решительно не мог понять. Так на этом и оставили его обе дамы и отправились, каждая в свою сторону, бунтовать город. Это предприятие им удалось произвести с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован. [Вместо “Это предприятие ~ взбунтован”: а. И точно, в продолжении одного дня им совершенно удалось взбунтовать город; б. И точно, в продолжении нескольких часов им совершенно удалось взбунтовать город] Чиновники [решительно] ничего не могли понять, но тем не меньше были напуганы. Мертвые души, покупать мертвые души, для какой причины? Это так казалось странно,

что никто не мог верить. С другой стороны, предполагаемое похищение губернаторской дочки. Пусть бы это каким-нибудь прапорщиком, но человек такой [степенный] солидный, как Чичиков, уже в летах, получивший и надлежащую толщину и совершенную благонамеренность в мыслях и всё, не отважился бы на такое бойкое, рискованное, совершенно военное дело. Это казалось им почти невероятным. Зато дамы очень скоро признали это и убедились <?>, и удивлялись только, как не замечали этого прежде. [Далее начато: а. Впрочем они; б. Хотя]

Конечно, в другое время и при других обстоятельствах, может быть, всё это называли бы просто вздором, не поверили бы [Вместо “Конечно ~ не поверили бы”: Может быть не поверили бы] этому так скоро в другое время, но в то время, точно, им нельзя было никак не признать это за справедливое и не схватиться за него <с> жаром. В этом нельзя и винить их, [На отдельном листе запись: Но читатель должен, в самом деле, войти совершенно в положение города и тогда, может

быть, увидит, что никак нельзя было вин<ить?>] а нужно лучше рассмотреть их положение, ибо в самом <деле> в городе уже около трех месяцев не происходило никаких слухов, ни сплетней, ни историй, [На отдельном листе запись, зачеркнутая: без которых, если уж столицы не могут обойтись, то как губернской, где известно, что хоть просто хлеб, пища и благословение господне] и ни всего того, что называют в столицах комеражами вещь [почти] неслыханная в губернском городе, но именно было так. И вдруг после этого на голодные зубы подобная новость. Это был такой лакомый кусок, [Далее начато: Словом в несколько часов весь город знал] лучше которого. натурально ничего нельзя выдумать, чем бы можно было подарить обществу. Итак, [Словом] в несколько часов знал решительно весь город. Многие из дам, которые прежде пикировались, а иные даже давно не ездили друг к другу, в это время как-то сблизились. Губернатор тоже, как легко можно вообразить, решительно не знал, что думать. [Далее было: тем более, что он и без того, вообще не охотник был много думать.]

Натурально, что всё это с надлежащими прибавками, переменами и комментариями было доставлено в собственные уши губернаторши. <Она> как мать и первая дама в городе, была приведена в негодование. Ту же минуту был дан приказ швейцару не принимать никаким образом Чичикова, если [Далее начато: появ<ит>ся] вздумает явиться. [Далее начато: а. Чиновники несли; б. Дамская половина, чтобы уверить в этом]

Чтобы совершенно уверить мужей и сделать им, так сказать, осязательнее, дамская половина употребила какие-то средства, им одним известные, которых автор, [а. автор, признаюсь; б. автор сначала старался. На отдельном листе запись: <в> которое, конечно, автор очень старался [узнать] проникнуть и напрягал много внимания, чтобы проникнуть именно, в чем состоит то и то средство, но никак не <мог?>.] как ни старался, никогда не мог узнать и убедился в том, в чем уже издавна убежден почти весь свет, эта сторона человеческого рода совершенная задача. Ему случалось не мало видеть на свете мужчин

кажется <?> и глубоких и довольно бойких на
проницательность [Вместо “Ему ~ проница-
тельность”: И сколько уж было на свете муж-
чин и весьма, кажется, бойких [и усмотри-
тельных] и проницательных <?>] и осмотри-
тельность, которые, однако ж, в этом случае
только пожимали плечами, и в лице их та-
кое [Далее начато: ставалось] означалось пре-
глупейшее [означалось выражение такое глу-
пое] выражение, какое только когда-либо бы-
ло видано на человеческом лице. Чиновни-
кам, конечно, [Чиновникам, впрочем] мало
было нужды до похищения, и губернаторская
дочка [Далее начато: мало их интер<есовала>]
немного могла их занимать. Но покупка мерт-
вых душ это дело, как казалось, решительно
невозможно; что здесь что-нибудь да не так,
что, верно, скрывается. Председатель
несколько потревожился, что купчая совер-
шена. Капитан-исправник даже испугался
[вначале], что в самом деле не другой ли кто
этот приезжий и, как обыкновенно, прежде
всего спохватились, не подосланный ли от ге-
нерал-губернатора. Нужно знать, что в это
время получили известие сделать строгое

разыскание, что показался делатель фальшивых ассигнаций. Это опять сбило с толку, впрочем, весьма почтенных чиновников. И когда, чтобы хорошенько подумать, все собрались [Вместо “И когда ~ собрались”: и по поводу этого все собрались] в доме господина полицмейстера, вовсе не было похоже на те очень веселые и приятные компании, которые бывали, когда [бывало] почтмейстер, щелкнув, говорил председателю: “А что, брат Петруша, как бы того, понимаешь, что ноги не моет, чорт побери”. [Далее начато: Теперь] На этот раз [Далее начато: а. совершенно иное; б. другое] беспокойство довольно натуральное, так что приличные и полные лица те, которые всегда цвели каким-то довольством, как хорошие зрелые фрукты, сделались отчасти похожи [на лимон] на сушеные фиги. Все почти уверены были, [Всех занимало теперь] что Чичиков [не Чичиков] должен быть не то, чем показывал; но кто он таков действительно, в этом произошла такая разность мнений, какие, я думаю, еще ни в каких конференциях <1 нрзб.> советах не существовало даже [во время самых] запутанных обстоя-

тельстввах всемирной истории. [советах во время самых запутанных обстоятельствах не существовало в мире.] Одни говорили, что делатель фальшивых ассигнаций. Другие, что не чиновник ли губернаторской канцелярии; иные, бывшие более материалисты, что просто Чичиков, но, вероятно, он в уме немножко тронулся. Иной даже изъяснил догадки, [Иной даже надумал] не скрывающийся ли разбойник. Как вдруг почтмейстер, [Далее начато: который двинулся] которого как бы осенило каким-то откровеньем свыше, <сказал?>

“Знаете ли, господа, кто это?”

Голос, которым он произнес, твердый и даже некоторым образом торжественный, произвел на всех потрясение электрическое, заставил всех в одно слово вскрикнуть: кто?

“Это, господа, сударь мой, не кто другой, как капитан Копейкин”.

А когда [судари] все в один голос спросили, а кто же такой этот капитан Копейкин:

“Да, вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?” сказал почтмейстер.

Все отвечали отрицательно.

“Капитан Копейкин”, сказал почтмейстер и при этом, открывши свою [Далее начато: вполонину] табакерку только на половину, потому что боялся, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туды своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил [он обыкновенно не верил] и даже приговаривал: “Знаем, батюшка, куда вы ими наведывались!” “Капитан Копейкин!”, повторил он, захвативши пальцами [повторил он, растирая пальцами] табак и потом встряхнувши с небольшим прищелком и удовлетворивши им нос свой с обеих подъездов: “Капитан Копейкин, да ведь это, если рассказать вам, так это выдет то есть презанимательная даже для писателя како-го-нибудь эдакая, понимаете, поэма целая”.

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почт-

мейстер, для писателя целую поэму. —

К ГЛАВЕ IX

Судили, судили и решили на том, чтобы расспросить покупателей, [чтобы отправиться лично к покупателям] у которых Чичиков торговал и купил эти загадочные мертвые души. [Далее начато: Двое из них, как уже знает читатель,] Прокурору выпал жребий [идти] переговорить к Собакевичу, а председатель вызвался сам итти к Коробочке. А потому отправимся и мы вослед за ними[за ними, сначала к Собакевичу] и посмотрим, что такое там разузнали.

Глава

Собакевич квартировал с супругой в доме несколько поодаль от шумных мест. Дом[в доме купца Колотыркина, и дом] выбрал этакой крепкой, чтобы потолок не проломился и можно бы в нем жить благополучно. [Далее начато: и перед окнами] Хозяин был купец Колотыркин, человек тоже прочный. [“Хозяин ~ прочный” вписано.] Собакевич был с супругой; детей при нем не было. Он начинал

уже скучать и помышлял[и думал] об отъезде, ожидал только[Далее начато: чтобы] оброка за землю, которую нанимали под репу[под огород] трое городских мещан, да окончанья какого-то модного капота на вате, который вздумала заказать городскому портному [его] супруга. Он уже, сидя на кресле, начинал побранивать и мошенничеством, и прихоть, а сам всё глядел на угол. [Вместо “а сам ~ угол”: не глядя на жену, а на угол печки. Слова: “на жену ~ печки” остались не зачеркнуты.] В это время вошел прокурор. Собакевич сказал: “Прошу”, и, приподнявшись, [и, показавши себя во весь рост] сел опять на стул. Прокурор подошел к ручке Феодулии Ивановны и, приложившись к ней, сел также на стул. Феодулия Ивановна, получивши себе на руку поцелуй, села[Феодулия Ивановна, приподнявшись, по окончании этой проделки села] также на стул. Все три стула[Все кресла] были выкрашены зеленой масляной краской[Далее начато: с какими] с малеванными кувшинчиками по уголкам.

“Пришел с вами переговорить об деле”,

сказал прокурор.

“Душенька, ступай в свою комнату. Там тебя, верно, ждет портниха”.

Феодулия пошла[Супруга пошла] в свою комнату.

Прокурор начал так: “Позвольте вас спросить: какого <рода?> людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?”

“Как какого рода”, сказал Собакевич. [Далее начато: Да ведь это вы бы могли узнать] “На это крепость есть; там означено, какого рода: один каретник”.

“По городу, однако ж”, [Вместо “По городу однако ж”: Странно, однако ж] сказал прокурор, несколько замявшись: “по городу разнеслись [такие] [странные] слухи”.

“Много в городе дураков, оттого и слухи”, сказал спокойно Собакевич. [Вместо “Много ~ Собакевич”: а. “Да ведь слух на то, чтоб дурак

ему верил”, сказал Собакевич спокойно; б. “Слухи для дураков”, сказал Собакевич; в. Начато: “Да ведь слухи ходят для дураков”; г Как в тексте.]

“Однако ж, Михаил Семеныч, такие слухи, что просто голова кружится: что души не души, что цель совсем не та, чтобы переселить, и что сам Чичиков загадочный человек. Оказываются такие подозрения. По городу пошли такие пересуды”[сам Чичиков фальшивый и совсем не то, чем кажется. В городе такие подозрения:]

“Да позвольте спросить вас: вы сами баба, что ли?” спросил Собакевич.

Этот вопрос озадачил[а. несколько озадачил; б. совсем озадачил; в. Как в тексте.] прокурора. Он сам у себя никогда еще не спрашивал, баба ли он, или что другое. [Вместо “он ~ другое”: тем более, что он сам себя ~ баба или нет.]

“Вы бы с такими запросами посовети-

лись даже и приходиться ко мне”, сказал Собакевич.

Прокурор начал извиняться.

“Вы бы пошли к каким-нибудь пряхам, что по вечерам говорят[Вы бы уж там себе и пристали к каким-нибудь пряхам, что по вечерам тратят время на рассказы] об ведьмах. [Далее начато: а. а к порядочному; б. Знали бы и уж их да ребят; в. или к ребятам; г. Дела своего как видно не делаете, уж играли бы с ребятами в бабки.] Уж если бог не дал о чем поумней завести[Над строкой: чем речь, божий дар, на такие слова] разговор, играли бы в бабки с малыми ребятами. Что вы в самом деле пришли смущать честного человека? Что я вам, в насмешку, что ли?[Вместо “Что вы в самом ~ что ли?”: Вот так бывает всегда с людьми, которые делом не занимаются. Отечеству как следует не служат. Расположенья людей благоразумных не ищут. Так себе весь век и останется чорт знает что, собакой живет, собакой и про<падет>. Прокурор совершенно потерялся после такого красноречиво-

го поученья Над строками вписано: что ж пришли ко мне в дом, да меня же дура<чите?> Прокурор приподнялся со стула. “Помилуйте, Михал Семенович, что я вам? Разве <1 нрзб.> я вам баба <2 нрзб.>] В службе[Вместо “В службе”: Службой] своей, как следует, не упражняетесь. Чтобы отечеству как-нибудь послужить и на пользу ближнему, храня товарищей, о том не думаете. А вот только, чтобы быть подальше других. Куда дураки подтолкнут, туда и плететесь. Так себе за ничто и пропадаете, и доброго следа после вас не останется”.

Прокурор совсем не нашелся, что отвечать на такое неожиданное поучение. Разбитый в прах и уничтоженный пошел он от Собакевича. А Собакевич ему вслед: “Убирайся себе, собака!”[Вместо “А Собакевич ему ~ собака”: А Собакевич [так ему], сидя на том же стуле, говорил между тем так по его выходе: Вот и старой человек и волос седой в голове, пора бы уж и о грехах подумать, а всё чорт знает чем за<нят?>]

В это время вошла Феодулия. “Что это от тебя прокурор так скоро вышел?” сказала она.

“Угрызенья совести ощутил, так и вышел”, сказал Собакевич. “Вот тебе, душа моя, в глазах пример. Какой старой человек, уж и волос седой в голове, а я знаю, что он до сих пор по чужим женам ходит. [в голове, а ведь до сих пор греховодничает] У них уж обычай у всех; собаки все. [У них уж такой обычай: друг другу [роги] ставить роги. Всяк из них <1 нрзб.>] Мало того, что даром бременят землю, да еще дела такие делают, что скоту бы и [творят] такие грехи-> творят, что их всех бы в один мешок да в воду. [бременят землю да еще... Гомора их бы всех огнем погубить. — Собаке собачья и смерть.] Весь город разбойничий вертеп. Незачем нам здесь оставаться больше, уедем!” [Далее было: из этого разбойничьего вертепа и мы]

Супруга хотела было представить, что еще не готов капот и нужно купить для праздника какие[-то] ленты на чепцы. [и нужно кое-что купить для праздничных украшений на

голову] Но Собакевич сказал: “Это, душа моя, всё модные выдумки, они тебя к добру не доведут”. Велел собирать всё в дорогу, сам пошел, [Вместо “сам пошел”: отправился сам] вместе с квартальным, к мещанам и взял с них оброк за репу. Потом зашел к портнихе и взял капот недошитый, так, как был в работе, с воткнутой иглой и ниткой, с тем, чтобы дошить его в деревне, и выехал из города, приговаривая, что опасно даже заезжать в этот <город>, [а. приговаривая, что нечего больше и заезжать сюда; б. Начато: приговаривая, что в другой раз незачем; в. Как в тексте.] потому что мошенник сидит на мошеннике и можно легко самому погрязнуть вместе с ними во всяких пороках.

Прокурор между тем так был озадачен приемом Собакевича, что недоумевал, [что не знал даже] как и рассказать об этом председателю.

Но и председатель тоже немного успел в объяснениях. Начать <с> того, что, поехавши на дрожках, попал он в такой грязный и уз-

кой переулочек, что [Далее начато: а. одно колесо на целой; б. одно колесо стало неизмеримо выше; в. на одной стороне было выше; г. временами на левой] во всю дорогу то правое колесо выше левого, то левое выше правого. [Над строкой: От этого весь корпус его <1 нрзб.>] От этого ударил он <1 нрзб.> самого себя весьма <сильно?> палкой в подбородок, потом затылком вылетел <?> и в заключение [езде] забрызгался грязью. Въехал он во двор к протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пешком позади всяких [Въехал он среди чавканья и шлепанья грязи, среди свиного хрюканья и куриного кудахтанья и оставивши дрожки пробрался пешком между вс<яких>] клетухов и вступил, наконец, в сени. Здесь он прежде спросил полотенец и вытер лицо. Коробочка встретила его так же, и как Чичикова, с тем же меланхолическим <видом?>. [и как Чичикова с видом несколько меланхолическим.] На шее у ней было что-то наверхено, вроде фланели. В комнате было бесчисленное множество мух и какое<-то> отвратительное для них блюдо, к которому они,

казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Председатель, начавши сначала тем, что знал некогда ее мужа, потом вдруг перешел к такому вопросу: “Скажите пожалуйста, точно ли к вам, в ночное время, [к вам ночью] с пистолетом в руке приезжал один человек, покушавшийся вас убить, если вы не отдадите[вы не продадите] каких-то душ? И не можете ли объяснить нам, какое было его намерение?”

“Да уж как не могу![Вместо “Да уж ~ могу”: “Как же”. Коробочка вдруг оживилась.] Возьмите ведь мое положение: двадцать пять рублей бумажками! Ведь я не знаю, право. Я вдова, я человек неопытный. Меня не трудно обмануть в [таком] деле, в котором я, признаться вам сказать, батюшка, ничего не знаю. Пеньке-то я знаю цену. Сало тоже продала третье...”

“Да расскажите прежде пообстоятельнее: [Да расскажите, что он говорил] как это? Пи-

столеты при нем были?”

“Нет, батюшка, пистолетов, оборони бог, я не видала. [pistoлетов я не видала никаких, оборони бог от пистолетов.] А мое дело вдвое. Я не могу знать, почему ходят мертвые души. Уж, батюшка, не оставьте, [Уж, батюшка, вы поясните мне это] поясните, по крайней мере, чтобы я знала цену-то настоящую”.

“Какую цену? Что цена, матушка? Какая цена?”

“Да мертвая-то душа почему теперь ходит?”

“Да она дура от роду или рехнулась”, подумал председатель, глядя ей в глаза. [“Да помилуйте ж, матушка, кому нужны мертвые души”, сказал председатель и подумал он: “Она совсем [дура], кажется, дура”.]

“Что ж, двадцать пять рублей? Ведь я не знаю, может быть они пятьдесят, [сто] или больше”.

“А покажите бумажку”, сказал председатель и посмотрел ее против света, не фальшивая <ли>. Но бумажка была, как бумажка.

“Да расскажите же вы, как он у вас купил, что купил. Я в голову ничего не могу сообразить”.

“Купил”, сказала Коробочка. “Да вы-то, батюшка, что ж вы-то не хотите мне сказать, почему ходит мертвая душа, чтоб я знала настоящую цену мертвых душ?”

“Да помилуйте [полно мату<шка>] что это вы говорите, где ж видано, чтобы мертвых продавали?” [Вместо “Да расскажите же ~ продавали”: “Да как, что он у вас купил?” — “[Так] Да ведь я уж сказала вам. Да вы то что так допрашиваете. Уж вы не изволите ли сами покупать, батюшка. Право, грех вам будет, если меня обманете”. — “Да что ж вас обманывать”.]

“Да что ж вы цены не хотите сказать?”

“Да что ж цены. Помилуйте, какая цена. Скажите мне сурьезно, как было дело. Угрожал он вам чем, хотел обольстить [что ли]?”

“Нет, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу [сама], что вы тоже покушцик”. И посмотрела подозрительно в глаза.

“Да я председатель, матушка, здешней палаты”.

“Нет, батюшка, как хотите, вы это уж того изволите так, хотите сами меня обмануть. Да ведь что ж вам из того, ведь вам же хуже. Я бы вам продала и птичьих <перьев>: у меня о рождестве и птичьи перья будут”.

“Матушка, говорю вам, что я председатель. Что мне ваши птичьи перья. Не покупаю ничего”. [Далее было: Да нет, отец, уж ты, пожалуйста, не обидь меня. Ведь у меня третьего года... Что ж это в самом деле, если мы эдак обижать будем друг друга да обманывать.]

“Да ведь торг честное дело”, продолжала

Коробочка. “Сегодня я тебе, завтра ты мне продашь. Что ж, если мы станем этак друг друга обманывать, да где ж и правда тогда? Ведь это [правда-то] перед богом грех”.

“Матушка, я не покупатель, я председатель!”

“Да бог знает. Может быть, вы и председаете; ведь я не знаю. Что ж? Я вдова. [и председаете уж видно] Да что ж вы так спрашиваете? Нет, батюшка, я вижу, что вы сами, того, хотите купить их...”

“Матушка, я вам советую полечиться”, сказал председатель, рассердившись. “У вас вот недостает...” сказал он, постучавши себя пальцем по лбу, и вышел [в сердца<х>] от Коробочки.

Коробочка так на этом и осталась, что это был откупщик, [Далее начато: а. Председатель изломал; б. Председатель; в. Из всей этой неудачной экспедиции представи<тель> <sic!> [увидел] извлек для себя то, что] и удив-

лялась только тому, какой сердитый стал народ на белом свете и как трудно бедной вдове. Председатель изломал колесо в дрожках и забрызгался вонючею грязью. Вот всё, что приобрел он в этой неудачной экспедиции, включая сюда [также и] разбитый палкою подбородок. Подъезжая к дому, встретил он прокурора, который тоже ехал на дрожках не в духе, повесивши [голову?]

“Ну, что [Далее начато: сказал] узнали от Собакевича?”

Прокурор повесил голову и сказал: [только что] “Во всю жизнь не был трактован...”

“А что?”

“[А что?] Оплевал совсем [всего]”, сказал прокурор с огорченным видом.

“Как?”

“Говорит, что на службе от меня проку нет: [Говорит, что и в службе не упражняюсь [и

нет] За что ж. Чем же я так проступился.] ни одного доноса не подал на товарищей. [не подал ни на кого] В других местах прокурор, что [ни] неделя, [то и] посылает донос; я выстав- лял[Я подписываю всегда читал] “чел” на вся- ком листке, даже и тогда, когда иной раз сле- довало бы подать доносом, не задерживал ни одной бумаги”.

Прокурор истинно сокрушался. [Прокурор совершенно огорчен.]

“Так что ж он <об> Чичикове говорит?” сказал п<редседатель>.

“Что говорит? Бабами назвал всех, обругал [всех] дураками [и сплетниками]”.

Председатель задумался. В это время подъ- ехали третьи дрожки; на них сидел вице-гу- бернатор.

“Господа, я должен вас известить, что нуж- но быть осторожну. Говорят, действительно в нашу губернию назначается генерал-губерна-

тор”. И председатель и прокурор разинули рот. Председатель подумал про себя: “Вот кстати приедет на расхлебки. Заварили суп такой, что чорт и вкус в нем какой отыщет. Увидит, какая бестолочь в городе”.

“Одно за другим”, подумал огорченный прокурор. [Вместо: “Господа! ~ подумал огорченный прокурор”: “Господа, я должен вас известить, что [получено] губернатор получил отношение из соседственной губернии, уведомляющее, что появился делатель фальшивых ассигнаций. Нужно быть осторожну”. — “Ну, если это Чичиков”, подумал вдруг председатель, но замолчал [сделать догадку при кучерах]. — “Но известно. Оно бы в другое время ничего, но”, сказал, “говорят, действительно в нашу губернию назначается генерал-губернатор, а потому теперь...” — “Вправду?” сказал председатель и подумал про себя: “Ну что ж, как раз кстати. Тут заварилась в городе кутерьма и бестолочь. Одурели и без того все в городе”. Огорченный прокурор даже и не слышал этого.]

“Не знаете о том ничего, кто назначен в генерал-губернаторы, какого нрава, какого свойства?”

“Ничего еще неизвестно”, сказал <вице-губернатор>.

В это время подъехал на дрожках почтмейстер.

“Господа, могу вас поздравить с [новым] генерал-губернатором”.

“Слышали, да ведь еще неизвестно”, сказал вице-губернатор. [Вместо “Слышали ~ вице-губернатор”: “Узнали, да не знаем еще к<то?>”]

“Известно даже и кто”, сказал почтмейстер: “князь Однорозовский-Цементинский”.

“Что ж говорят?”

“Строжайший человек, судырь мой”, сказал почтмейстер. “Дальновиднейший и кру-

тейшего нрава. Был он прежде в каком-то эдаком, понимаете, казенном большом построении. Завелись там кое-какие грехи. Всех, судырь, распушил, стер в прах, так что, понимаете, и подметать было нечего”.

“А здесь в городе <нет> никакой надобности строгих мер”. [“Всех, судырь, распушил, растрепал, как говор<ят>, так что...” — “Что вы”, сказал [представитель] вице-губернатор, который сам был склонностей мирных и не понимал никакой надобности строгих мер.]

“Палата, судырь мой, сведений; человек размера, понимаете колоссального!” продолжал почтмейстер. “Случилось один раз...”

“Однако ж”, сказал почтмейстер: “мы говорим на улице, при кучерах. Лучше ж заедем”.

Все опомнились. А уж на улице собрались наблюдатели и глядели, разинув рты, на разговаривающих с <1 нрзб.> дрожек. [с четырех дрожек.] Кучера [хлыснули] закричали, и четверо дрожек потянулись [на двор] к пред-

седателю. [Далее начато: Слух о генерал-губернаторе всех смутил. Особенно слова почтмейстера: “Дальновиднейший, сведений палата объема колоссального и крутейшего нрава” поразили даже прокурора. Он очнулся от мойки, заданной ему Собакевичем. “Признаюсь, вот весело”, сказал председатель. “Ну, в хорошую же минуту приедет генерал-губернатор. Увидит, что одурел весь город. [Я не знаю] Признаюсь вам, у меня голова кружится. Кто такой этот Чичиков я, хоть убей, не]

“Кстати чорт принес этого Чичикова”, думал председатель, снимая с себя в передней забрызганную грязью шубу.

“Я всё не могу разобрать этого дела”, сказал вице-губернатор, скидая шубу.

Почтмейстер ничего не сказал, сбросил просто.

Вошли в комнату, где вдруг явилась закуска. Губернские власти <не обходятся?> без закуски, и если в губернии хоть два чиновника

сойдется, сам-третей является закуска.

Председатель подошел и налил себе самой горькой полынной водки, сказавши: “Я, хоть убей, не знаю, кто таков этот Чичиков”.

“Я и подавно”, сказал прокурор. “Этакого запутанного дела я и в бумагах не читывал, и не имею духу приступить...”

“А как человек между тем светского лоску”, сказал почтмейстер, наливая сначала темной и розовой [и желтой] и составив себе смесь из разных водок: “очевидно был в Париже. Я думаю, что едва ли не дипломатом служил”. [“Этакого запутанного дела отродясь не слыхивал”. — “Тем более что того”, сказал <почтмейстер>, “человек светского лоску, [как видно, имел обращение] судя по поступкам, должно быть имел обращение с [высшим] политесом общества.]

“Ну, господа!” сказал в это время, входя, полицеймейстер, известный благотворитель города [и] любимец купечества и чудотворец в

угощениях: [и чудотворец относительно угощений] “Господа! О Чичикове я ничего не мог узнать. В собственных бумагах его порыться [никак] не мог. Из комнаты не выходит. На беду чем-то заболел. Расспрашивал людей. Лакей пришел Петрушка, кучер Селифан. Первый был не в трезвом состоянии, да и всегда быв<ает?> таков”. При этом полицеймейстер подошел к водке и составил смесь из трех водок. “Петрушка говорит, что барин как барин, водился[Вместо “водился”: знаком] с людьми, кажется, хорошими: с Перекроевым. Назвал много помещиков, всё коллежские и статские советники [иные даже и повыше]. Кучер Селифан: неглупым человеком показывался всеми[Вместо “Кучер Селифан ~ всеми”: Селифан говорит, что уважался всеми] за то, что службу хорошо исполнил. Был [говорит] в таможене, при каких-то казенных постройках, а в каких именно, не мог сказать. [а в каких именно, толку не мог добиться.] Лошади три: одна куплена, говорит, три года назад тому. Серая, говорит, выменена на серую, третий куплен. А сам Чичиков действительно называется Павел Иванович и точно коллежский

советник”.

Все чиновники задумались.

“Порядочный человек, и коллежский советник”, подумал прокурор: “и решиться на такое дело, как увозить губернаторскую дочку, или возыметь безумие покупать мертвые <души>. Пугать по ночам спокойных престарелых помещиц, это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому советнику”. [Далее начато: а. Что-то то, да не то. Нет, господа, позвольте сказать, тут что-то да не то; б. Тут что-то да не то”, подумал прокурор.]

“Если коллежский советник, как же пуститься в такое уголовное преступление, как делать бумажки”, подумал [Вместо “подумал”: сказал] вице-губернатор, который был сам коллежский <советник>, любил играть на флейте и душу [скорей] имел склонную к искусствам изящным, а не к преступлению. [и душу имел [чув<ствительную>] склонную к ощущениям нежным, а не законопреступле-

нию]

“Воля ваша, господа, а это дело как-нибудь нужно кончить: придет генерал-губернатор, увидит, что у нас, просто, чорт знает что”.

“Как же вы думаете поступить?”

Полицмейстер: “Я думаю, надобно поступить решительно”.

“Как же решительно?” сказал председатель.

“Задержать его, как подозрительного человека”.

“А если[Вместо “Воля ваша ~ А если”:

“Да что[-то] не то”, сказал председатель.

“Поступить нужно решительно”, сказал, наконец, полицмейстер. “Задержать его как подозрительного человека”.

“Да, а бог весть”, сказал председатель, “а если] он нас задержит, как подозрительных людей?”

“Как так?”

“Ну, а если он подослан? Вместо “Ну ~ подослан”: А бог его знает, может быть он подослан] Ну, что если он с тайными порученьями? Мертвые души! А бог знает, гм! Будто купить мертвые души, [А бог знает, что это за мертвые души] а может быть, это розыскание обо всех [душах] тех умерших, о которых было подано от неизвестных случаев.

Эти слова погрузили всех в молчание. [Эти слова навели облако задумчивости.] Прокурора эти слова поразили. Председатель тоже, сказавши их, задумался. Обоим прийти...[Вместо “Прокурора ~ прийти”: а. Председатель задумался и прокурор задумался, полицеймейстер. Вице-губернатор, увидя, что все задумались, почел нужным задуматься и себе, хотя не знал о чем. Почтмейстер покрыл нижнею губою верхнюю и остался в размышляющем

положении; б. Начато: Председатель задумался и прокурор задумался. Им обоим пришло на ум]

“Что ж, как поступить [вы полагаете] господа?” сказал полицеймейстер, благотворитель г<орода> и благодетель купечества, и, произведши смешение водки сладкой, горькой, выпил, закусивши.

Человек подал бутылку мадеры и рюмки. “Я, право, не знаю, как поступить”, [сказал председатель].

“Господа”, сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, “я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете”. [досконально утвердить до <1 нрзб.> там, понимаете]

“Что ж, соберемся”, сказал полицеймейстер. “Да”, сказал председатель, “собраться и решить вкупе, [и решить сообща] что такое Чичиков”.

“Это благоразумнее всего решить, что такое Чичиков”. “Да, отберем мненья у всех и решим, что такое Чичиков”.

Сказавши это, в одно время все пожелали [Сказавши это, потребовали в одно время] выпить шампанского и разошлись довольные [по крайней мере] тем, что комитет этот всё объяснит и покажет ясно и досконально, что такое Чичиков.

К ГЛАВЕ X

От скуки или так уж с горя, [Далее было: Чичиков] герой наш приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай в трактирах вообще очень похож [Далее было: на табак] бывает запахом и даже вкусом на табак. В задумчивости и в каком-то странном положении стал он разливать, хлебнул и чихнул вместе, потому чай был чистейший табак.

К ГЛАВЕ XI

Ничего, однако ж, не случилось так, как располагалось. Чичиков проснулся гораздо позже, нежели думал, это уже была первая неприятность. Вставши, он ту же минуту послал узнать, заложена ли бричка и всё ли готово, но донесли, что бричка не заложена и не всё готово. [Далее начато: В дверях] Это была вторая неприятность. Он приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана [Далее начато: и как только] и, полный нетерпенья, ожидал там только услышать, какой предлог тот приведет в оправданье, [Вместо “и полный ~ оправданье”: и с нетерпением желал знать, какое тот приведет оправданье] как, наконец, и сам Селифан показался в дверях и начал тот же самый разговор, который всегда с их стороны предполагается, особливо, когда нужно скоро ехать. [и начал почти так]

“Да что, Павел Иванович, ведь нужно будет лошадей ковать. Оно теперь больно подгрязнило”.

“Ах ты...” Тут было вставлено[вставлено было] в важных случаях необходимое кое-какое словцо, [Над строкой вписано: употребляющееся в важных случаях] без которого на Руси дела делаются как-то не так живо. “Зачем же ты мне прежде об этом не сказал? Не было времени что ли? а?”

“Да время-то было, да я не хотел вашу милость беспокоить. Да и перед-то у брички весь расшатался, уж круг нужно будет новый делать, потому она если оставить так, то она и двух станций не сделает, потому перед-то больно не надежен”.

— “Подлец эдакой. Какой урод тебя дурака на свет пустил. Три бы дни бы за это <1 нрзб.> ему ждать. Да где[“Вместо Подлец ~ где”: Ах ты скотина, скотина. Что ж ты прежде не поза<ботился>] у тебя прежде глаза были? Нет, вот именно к последнему часу притянул, мерзавец. Когда бы вот ехать, так вот тут-то он именно и подвернулся. Что не видал что ли, рыло ты глупое”.

“Да оно видел; да думал, что ничего”.

“А вот теперь ступай, приведи кузнеца, и чтобы в 2 часа было всё сделано”.

Селифан уже оборотился было к дверям с тем, чтобы идти выполнить приказание, но оборотился. [Селифан готов был идти выполнить приказание, но еще раз оборотился.]

“Да еще, Павел Иванович. Ведь серого-то коня, право, продать бы хоть бы, потому что он, Павел Иванович, подлец, право. Такое, что никуда, то есть можно сказать, только помеха другим”.

“Да вот как раз стану я теперь продавать”. [Вместо “Да вот ~ продавать”: Ну, куда ж теперь продать. Ты разве этого не видел]

“Ей-богу, Павел Иванович, то есть он только что на вид... а на деле-то он такой лукавый конь. Такого коня то есть нигде нет”.

“Довезет. Об этом подумаем в другом горо-

де, ступай за кузнецом”. [Далее текст этого отрывка, кончающийся словами: “Опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути” полностью совпадает с текстом ПБЛЗ (см. стр. 544–547).]

К ГЛАВЕ XI

И пошли писать вновь широкие, рябые, как сороки, дорожные версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, деревни с самоварами, бабами, горшками, ребятишками. Мужик-бородач с рукавицами за поясом и сапогами на плечах, городишки с двумя лавчонками, баранками, мылом и пряниками, [Над строкой вписано: на живую нитку выстроенные городишки с лавчонками, сбитенщиком, лаптями

На отдельном листе записи к этому же тексту: [Солдат верхом] Городишки выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, с сбитнем и кожей, лаптями и прочей мелюзгой, мучными бочками, калачами, лаптями, лентами мелькали по степям;

Солдат верхом на лошади, везущий зеле-

ный ящик с свинцовым порохом и надписью: такого-то артиллерийского полка] шлахбаумы, поля неоглядные и по ту — другую сторону зеленые, желтые и черные свежесозрытые полосы, вороны, как мухи, и горизонт без[Фраза не закончена.] Эх, ты, Русь моя! Моя забубенная, разгульная, расчудесная, расцелуй, [Эх ты, Русь моя матушка, что за привольная] люби тебя бог, святая земля. Как не родиться в тебе разгульной, беспредельной мысли, когда ты сама без конца. Как не развернуться на таком широком[Над строкой начато: На твоём ли да на широком просторе] просторе и не быть в тебе богатырю, когда есть где пройтись ему. — Дрожу и чую с слезами в очах, слышу[Дрожу и забываюсь и [слушаю] и слышу] широкую силу и замашку, когда гляжу на эти потерявшие конец [морья] степи, на движущиеся, не колышущиеся моря. У, в какую в даль несет меня могучая мысль и какие чудные грезы мчатся передо мною. Засияет, сверкает [у меня] в оке. Эх, Русь!

Чуд<ная>

Эх, Русь, ты[Сбоку листа запись: рыдваны с помещиками, зятянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий в <нрзб.>. Сверху надписано: зятянутая бог знает в какой]

К ГЛАВЕ XI

“Держи, держи левее, дурак”,[а. Держи, держи прямее, окаянный; б. Держи, держи левее, гляди<?>] кричал Селифану, который тоже с своей стороны

Вот я тебя палашом, кричал скакавший навстречу верхом с аршинными <усами> [чорт] бери чорт твою душу... Казенный экипаж, не видишь”.

К ГЛАВЕ XI

Где ж, скажите, где в ином, другом месте столько божьего свету развернулось во все концы. [Где столько земли и свету божьего развернулось.] Бездонная моя! [беспредельная] Глубина и ширина ты моя![Далее начато: а. Какую силу, какую широкою силу и замашку я слышу когда; б. Что я чую, глядя на; в. Где ж возьму я слово сказать “Моя”, где] Найдись

где-нибудь бог или человек, Расскажи мне, что я чую, вперивши очи на эти [что я чую, глядя на эти] недвижные, неколеблемые моря, на эти потерявшие конец степи? Что за сила и замашка. —

Что же движется? [Далее начато: Что говорит, лепечет] Что говорит во мне несслыханными речами? что запекает неведомой песнью во мне, когда... когда... когда вонзаю очи в эти недвижные, неколеблемые моря, в эти потерявшие конец степи?

У! как грозно, мощно объемлет величавое пространство. [объемлет меня всё это неоглядное пространство. И как чудна мне эта дорога.] Какая широкая сила и замашка [Далее начато: Могучим] заключилась во мне! У! как несут меня могучие мысли! Силы святые! в какую даль! [Что же я?] В какую сверкающую, чудную, незнакомую землю, даль? [незнакомую миру даль.] Что же я? человек ли я? Эх.

К ГЛАВЕ XI

А ночь! Какая ночь деется в вышине и си-

вет, а воздух, а небо далекое, высокое, там[Далее начато: необъятно раскинувшееся там в отдаленной глубине своей] на недоступной вышине, так необъятно раскинувшееся, так ясно в отдаленной глубине своей. Как чудно дышит в лицо тебе дыхание ночи и убаюкивает тебя, и дремлешь ты, и забываешься, и храпишь[Далее начато: с очень прият<ной> и не без]

К ГЛАВЕ XI

Наконец герой наш думал о том и о сем, начиная иногда и позабываться, закрывать иногда глаза, [Далее начато: с очень прият<ной> и не без] склонять голову свою на угол подушки. [Далее начато: Воспользовавшись] Автор очень рад, признается. Теперь, наконец, на свободе можно поговорить несколько обстоятельнее о нашем герое, [Далее начато: потому что автор] ибо до сих пор, нужно признаться, всё мешали. [ибо до сих пор как-то всегда мешали то городские были, то покупки.] Автор сомневается [душевно], чтобы избранный им герой[Далее начато: понравился большинству?>] мог понравиться читателям, а особенно дамам, потому что да-

мы <требуют?> чтобы герой был непременно совершенен, совершенен во всех частях: и физически и нравственно, — без пятнышка, как говорится. Автор даже предвидит уже заранее, что и самая наружность героя, [некто<рая>] полнота и средние лета будут очень не по вкусу им и они, отворотившись, даже скажут: фи, такой гадкой! Но как бы ни хотелось мне быть вежливым, на этот раз никак не могу взять в герои добродетельного человека. [Далее начато: а. Он и сам даже не знает почему, как; б. Автор точно должен признаться] Да если, впрочем, сказать правду, то всё, что относится к перу, бумаге и чернилу, он до сих пор еще ничего не производил по внушению дамскому, и даже если дама облокотится на письменное бюро, и то уж он чувствует какую<-то> маленькую неловкость. А впрочем, если сказать напрямик, то он не имеет обыкновения смотреть по сторонам, когда пишет. Если и подымет глаза, то разве только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не каковою угодно некоторым, чтобы

была.

Итак, добродетельного человека на этот раз взять нельзя, [добродетельного человека никак не могу взять] и по весьма законной причине: нужно ему, бедному, дать, наконец, отдых. Что ни говори, а ведь мы его запрягли, как коня какого-нибудь: [какого только] пошел, да пошел, только знай помахиваем кнутом да похлестываем. Немудрено, что, наконец, изморили его так, что он похож бог знает на что: ребра да кожа, и тени нет добродетельного человека. Нет, пора, наконец, припречь и подлеца.

К ГЛАВЕ XI

Я уж знаю вперед, дамы скажут: “фи, такой гадкой!” и отворотятся. Но как бы ни хотелось автору услужить дамам, но на этот раз никак не может, [Вместо “Но как бы ~ не может”: Но уж воля ваша, господа дамы, очень рад бы услужить вам в чем другом. Но уж в этом] — нет, извините. Что касается до того дела, к которому относятся перо и чернила, уж здесь позвольте мне быть хозяином. Уж тут я никак не намерен угождать дамским требованиям и

не пущу ни одну даму к себе в кабинет. На этот раз никак не могу взять добродетельного человека героем. И я имею на это совершенно справедливую причину: в самом деле, добродетельного человека запрягли, как коня какого-нибудь. Пошел<?> да и пошел. Только так и понукают и хлещут его по бокам. [Нужно ж, наконец, дать ему отдых] и в самом деле его так уж изморили, что теперь уж он бог знает что такое и не похож даже на добродетельного человека: инда ребра видны на боках, [Вместо “инда ~ боках”: [еле] на боках ребра] и еле движется; нужно, наконец, дать ему отдых; пора и подлеца припречь на пристяжку

К ГЛАВЕ XI

Я, признаюсь сам, не позволю даме облокотиться на мое письменное бюро. Да если бы и облокотилась, [Сверху надписано: Это как-то не вежливо с да<мой>] то, признаюсь, я бы этого не заметил: я не гляжу в это время по сторонам; [в это время и что делаю.] если я взгляну, то вверх, где висят передо мною стенные величавые портреты Шекспира, Пушкина, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина

К ГЛАВЕ XI

Какое странное и манящее и несущее отда-ленно чудесное[Какое чудесное] в слове доро-га. Как в ясный день[Вместо “Как в ясный день”]: Какая приятная дрожь] чуден запах осенних листьев. Покрепче в шубу, в шинель, шапку на уши. Ах, как хорошо. В последний раз пробежала прохватившая дрожь. Кони мчатся. Как соблазнительно, когда предашь-ся[Как приятно предаться] дремоте и смежа-ют очи и сквозь <сон> уж слышатся и: “Поди и поди” и “Не белы снеги”. Сап лошадей и быстрый шум колес и уж храпишь, прижав-ши совсем к углу соседа. Проснешься: восемь <станций> убежало назад. Луна. Город. Ночь. Церкви с старинными грушеобразными купо-лами и тонкими остроконечными темными белокаменными домами. Сияние месяца там и там, как белые полотнянные платки, кося-ками пересекают их черные[пересекают их темные] тени, как уголь. Как сверкающий ме-талл, блестит крыша и ни души нигде; всё спит; один единешенек, разве где-нибудь в окошке[всё спит, кое-где в окошке уединен-ный] брежжит <?> огонек. Мещанин ли город-

ской кому тачает сапоги, пекарь ли возится в печурке, — что до них. А ночь, ночь. Свежий <2 нрзб.> воздух, чистое, ясное зеркало, небесное пространство. А луна, красавица моя старинная, моя верная любовница, боже мой <?> что глядишь ты на меня с такою думою, так любовно и умильно и нежишь меня, душа моя. Твои родственнее душе моей, чем все другие ласки. И прославим, прославим, господи, молодых. Какая невидимая толпа друзей, поцелуев, речей и пенья в твоём полном обнимающем сиянии. Музыка или песня колыбельная, песня убаюкивает меня, и вот уже позабылся вновь сном [убаюкивает меня и забывается вновь] и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный прижавшийся к углу сосед. [ворчит сердито к углу прижавшийся сосед.] Проснулся вновь, и уж опять перед тобою поля и степи без конца [поля, поля без конца] со всех <сторон?> Нигде, нигде ничего: всё открыто. Верста с цифрой летит тебе навстречу. Занимается утро: на побелевшем небосклоне золотая полоса. Свежее и жестче ветер. [Вместо “Свежее ~ ветер”: посвежевший ветер.] Покрепче

в шинель и шубу. Какой славный холод. Какой чудный, обнимающий вновь тебя сон. Толчёк, и проснулся. На вершине неба солнце. “Полегче, легче”, — слышен голос. Телега спускается с кручи. Внизу плотина широкая и широкий, ясный пруд, сияющий, как медное дно перед солнцем. Деревня, избы рассыпались на косогоре, [Далее начато: блестит золотом] блестящий звездою крест сельской церкви в стороне. Болтовня мужиков и чертовский ап^п<етит> в желудке. Боже, как ты хороша подчас далекая, далекая дорога. Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. А сколько родилось в тебе чудных замыслов, [чудных созданий] какие поэтические пережитые <?> и перечувствованные виделись грезы. Но и наш друг чувствовал в это время не прозаические грезы. Посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего; он только поглядывал назад, как бы уверяясь, точно ли [Далее начато: город скрылся] он уехал из города и действительно скрылся от него город. Потом, когда увидел, что уж город, точно, скрылся, что уж

даже ни шлахтаумов, ни кузниц и всего того, что находится вокруг губернских городов, не видно, когда уже и белые верхушки каменных церквей давно спрятались, [верхушки каменных церквей скрылись] он занялся только дорогою: посматривал гораздо покойнее направо и налево, и город N как будто бы не был, как будто бог знает, [Далее начато: [едва ли] чуть ли не в детстве он проезжал его. Иногда какою-то этакой] в какое давнее время проезжал и видел. Иногда вдруг в самых странных и беглых чертах, в небольшой картине и в тесных рамках представлялось ему городское общество: губернаторский бал, почтмейстер-остряк, Собакевич подлец, [Собакевич, Манилов] гостиница, вечерние висты[вечер, висты] до петухов, осетрина, белуга, Ноздрев, шампанское и поклоны с объятиями и слова: почтеннейший Павел Иванович. [На полях запись: полные [дамские талии] плотно зашнурованные талии чиновниц с жасминными и другими запахами, ясная фигурка блондинки.] Но всё в памяти его представлялось как бледное отражение, какой-нибудь 40 или 50 оттиск, что-то похожее на те

пятна, которые видим мы, [после того, как] поглядев пристально на солнце и потом зажмурив глаза: сначала они горят, круглятся ярко, потом мало-помалу темнеют и становятся, наконец, темными, как тучи.

К ГЛАВЕ XI

К сожалению, первоначальная история героя нашего очень темна. Родители его, говорят, были дворяне; но столбовые или личные, наверно никак нельзя сказать. По-видимому, кажется, герой наш не удержал в чертах лица своего фамильного сходства с своими родителями: по крайней мере одна какая-то родственница его [выразилась] по случаю его рождения выразилась известною пословицею, что родился ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца. Младенческ[их] никаких тоже воспоминаний не сохранилось из детского его возраста. Он помнил только весьма неясно, что отец его был какой<-то> высокой, худощавый и даже чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, находившуюся в углу комнаты, и бил очень больно линейками по рукам нашего героя за всякую ошибку, ко-

тору он делал, упражняясь в списании вечно находившейся перед ним прописи: “Добродетель есть сама себе награда”, совершенно пожелтевшую и испачканную немилосердно пятнами. Потом находился в уездном училище. Как он там учился, это тоже неизвестно. Замечательно только то, что он между товарищами своими был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя как-то так, что почти всегда другие его угощали, а не он других. Потом был он и в губернской гимназии, и тут характер его несколько яснее стал обозначаться, и он возымел, наконец, сильное стремление к тому, к чему, как казалось

К ГЛАВЕ XI

Никаких этаких движений беспорядочных: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке какой-нибудь роман во время лекции несколько скучноватой, издержать все деньги на театр, — ничего такого, к чему молодые души влекутся иногда неумеренно. В этом отношении он был так благоразумен, как старик.

И тут оказалась заметною в характере его весьма приятная сторона: ничего не было в нем буйного или непокорного начальству, но все движения довольно кротки, ни в каких шалостях он не был никогда замешан. [Очень хорошо сидел в классе] Никогда не являлся неряхой или растрепой, садился на первой скамейке, первый подавал шляпу своего учителя и баллы в поведении получал отличные. [Но в характере его, ровном решительно во всех отношениях, стало обнаруживаться одно довольно сильное направление] И всё, однако ж, в нем не было ничего, по-видимому, необыкновенного и он мог бы остаться всю жизнь свою так кое-что, что называется словом, получившим ныне необыкновенно обширный смысл, именно: хороший человек. Но так как автору позволяет иногда заглянуть несколько поглубже в душу, чем глядят другие люди, то он никак не может пройти, чтобы не сказать, что в характере его, по-видимому совершенно ровном, было одно кое-какое стремление, которое было очень сильно. Это стремление было, что называют, стремление приобрести копейку. С самого с

измалу непонятно каким образом, [уже] но у него образовалось и существовало это чувство. Он уже питал нежное этакое влечение к разным движимым и недвижимым имениям, приобрести [разные] солидные блага мира сего, сделаться совершенно основательным, почтенным человеком. Владение имуществом имело для него нельзя описать какие приятности. [Далее начато: Когда] Из всего того, что ему случалось читать, ему больше всего нравилась известная историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, что она купит на [это] деньги, вырученные за молоко, как купит сначала маленькую свинку, как выкормит [как эта свинка] ее и эта свинка делается свиньей, свинья наведет поросенков, как эти поросенки тоже каждый с своей стороны делается свиньей и доставят столько деньгами, что можно купить корову и кобылу, и как потом пойдет целый завод лошадей и коров, потом дом на эти купит деньги, потом деревню, там и пошло что далее, то еще лучше. Эта постепенная прогрессия имела для него что<-то> такое утешительное [прогрессия [ему] тешила необыкновенно] в са-

мых еще ребяческих летах. Но зато он никак равнодушно не мог читать окончания этой истории: когда молочница от радости прыгнула и разбила кувшин — это его тронуло до слез. И никогда, как сам он потом сознавался, ни одна чувствительная драма и трагедия не трогала его так, ни даже роман очень трогательный “Герцогиня Лавальер” Жанлис, который ему случилось прочитать в скучное время.

Всякой человек с порядочным капиталом и состоянием уже возбуждал в нем какое-то непостижимое, почти благоговение, которого он сам даже не мог понять, и всегда почти даже против собственной воли брался за шляпу, попадись ему таковой навстречу, хотя бы он вовсе не был с ним знаком. [брался за шляпу, если случалось с ним встретиться] Такие сердечные движения, означавшие, впрочем, весьма основательного и благоразумного человека, побудили его, не отлагая времени, определить себе карьер и дорогу. Карьер, известное дело, один: государственная служба, и потому он определился в казенную палату,

[и потому он решился оказывать услуги] присутственное место, казавшееся ему и приличною и вместе с тем не без выгоды. Определившись в казенную палату, он скоро обратил на себя внимание стараньем, большою внимательностью к делу. Ну, и надобно сказать [Ну и нужно сказать] притом, что и самая наружность была как-то благообразнее, потому что [Далее начато: сами они] нечего таить правды, в тогдашнее время в казенной палате точно было несколько грязно и уж решительно ничем облагорожено. Низшие чиновники бог знает на что были похожи: [а. потому что в казенной палате точно были чиновники как-то уж очень тяжеловаты; б. а в казенной палате в то время ничего <не> было ничем облагорожено. Чиновники, особливо низшие, были уж как-то очень тяжеловаты.] тот глядел волком на всех и грубил и начальнику и подчиненному, у того лицо было как дурно выпеченный хлеб: одну щеку [хлеб и вдруг которого покривило: щеку] раздуло ему вдвое больше другой [или] подбородок покосило в одну сторону, нос в другую, словом, как обыкновенно бывает неудавшийся хлеб, который

вместо того, чтобы подняться ровно, как прочие, перегнулся и вздулся как то болдырем с трещиной; тот издавал во всё время какой-то лошадиный сап и потчивал спиртом. Вообще как-то неопрятно было. Притом и в одежде служащее сословие было несколько неопрятно: очень плохо брилось, так что подбородки их были похожие на крупные железные напильники такого же серо-железного цвета, и потому весьма естественно, [нос в другую, словом, вообще, что-то плохо удавшееся. Всё это служебное сословие, нечего таить правды, и пьянствовало иногда и плохо брилось, так что подбородки очень были похожие на [дом] крупные железные напильники и так же, как и все почти без исключения серые, и потому натурально] что такой человек, как Чичиков, с некоторыми уже и тогда начинавшими оказываться приятными манерами, приличием во всем и, [Далее начато: тем, что называется искательностью] наконец, тою добродетелью, которую всякой отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности, весьма естественно, что он мог пробить себе дорогу. Он очень скоро подбил к

одному повытчику, что ли, наверное не помню, [к одному начальнику, повытчику, или может быть, даже повыше наверное не помню] человеку весьма неразговорчивому и даже не слишком расположенному оказывать кому-либо благосклонность. Но он так, наконец, обшел, что и этот не устоял, [Далее начато: взял Чичикова] подался и, наконец, уж как это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру [Далее начато: Хозяин] жить с ним [жить с ним и даже распоряжался его хозяйством] и исправлял даже должность домовода, разливал чай. [Далее начато: а. так что неразговорчивый чиновник при; б. Потом] Хозяин [же] сам был вдовец, впрочем, имел зрелую дочь, [Далее начато: а. которую даже он до такой степени; б. Эта дочь] единственную наследницу кое-какого благоприобретенного имения. Он даже готовил ее в невесты Чичикова. Из этого видно, до какой степени [готовился выдать за Чичикова, до такой степени] он <к> нему расположился, и сам Чичиков был, как казалось, [сам Чичиков по-видимому был] не прочь: обращался с ней, как с будущей невестой, а благо-

детеля называл папенькой и целовал в руку. [Далее начато: и о женитьбе даже не упоминал. Но зато пожимал руку очень очень приятно] Но как только получил место и сделался сам повытчиком, то [Далее начато: уж Чичиков] перестал звать папенькой и не целовал больше в руку, а очень однако ж приятно с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе на чашку чаю, потому что переехал тот же час на другую квартиру, [потому что он и на другую квартиру переехал] но о невесте не заговаривал ни слова, так что престарелый чиновник [так что седовласый чиновник] очень сильно потом почесывался в затылке, но потом, однако ж, не мог убедиться, [но потом, наконец, убедился] что Чичиков, точно, очень приятный человек.

В ожидании дальнейших видов, если только они представятся, Чичиков решился [герой решился] заняться на время званием повытчика по делам частных лиц, чтобы таким образом не даром, но хоть с какою-нибудь пользою для ближнего, как он выражался, и для себя провести время. [пользою для себя и для

других прожить] Среди разных поручений и хлопот досталось ему между прочим одно, [между прочим одни хлопоты] именно похлопотать о залоге в опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было очень расстроено: разные скотские падежи, прилипчивая болезнь, истребившая множество крестьян, приказчики и вообще плохое управление — всё принудило [всё заставило] владельца для поправления как самого имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, <в> которых, натурально, у русского человека недостатка никогда не бывает, [которых, натурально, у русского человека много] прибегнуть, наконец, к залогу, который вообще тогда еще был дело новое и, натурально, решались не без страху. — Чичиков, в качестве [осторожного] поверенного, расспросил очень осторожно, и, натурально, прежде расположивши в хорошую сторону [Далее начато: что вот, мол, по имению есть несколько умерших] председателя там или того-другого, положим, просто секретаря, так как мы уже положили прежде называть всех вообще двигающих делами, — итак, расположивши в хо-

рошую сторону секретаря, он расспросил, что вот, мол, случилась смертность: человек нескольких недостает на лицо. — “Да ведь они в ревижской сказке числятся?” — “Числятся”. — “Ну, так пусть их стоят до подачи новой сказки: [ведь] они идут за живых. Велика беда — умерли. Один умрет, другой родится, и всё в дело годится”. Секретарь, как видно, и в рифму умел говорить. А между тем героя нашего осенила самая вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову... “Эх я, Аким-плошина!” сказал он сам себе: “ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, пока не составилаь новая ревижская сказка, да приобрети я [да накупи и приобрети их я] хоть, например, тысячу, — опекунский совет дает по 250 рублей на душу — так вот уж у меня 250 тысяч капитала. А вот теперь время самое удобное. Недавно была война, в болезнях эпидемических недостатку не было, [война, были и болезни эпидемические] народу вымерло немало, а приобрести их-то уж, без сомнения, легко. Помещики попроигрывались почти все в карты. Закутились и прокутились

изрядно, а особливо молодые; подати уплачивать трудно, так мне всякой с радостью их сбудет, уж даже потому только, чтобы не платить за них подушного. [Далее начато: а. И мне даже еще, может быть; б. Так что, может, еще и я с них зашибу какую-нибудь деньгу.] Еще может даже так случиться, что я зашибу с них какую-нибудь копейку. Конечно, дурно то, что всё это в раздробь [Далее начато: чтобы не произошло] и что [крестьян] не будет некоторым образом видно, чтобы крестьяне составляли одну какую-нибудь деревню, да и без земли нельзя закладывать, — но и этому можно помочь. Теперь продаются земли от казны в Херсонской и Таврической губернии по рублю десятину, только заселяй, [Далее начато: а переселить] туда их всех и переселить, и переселение можно сделать законным порядком, как следует по судам. Это уж мое дело. Я знаю, как это сделать. [Над строкой вписано: а это берусь] Если захотят освидетельствовать крестьян, то и я здесь не прочь. Пожалуй я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитан-исправника, и всё как следует. Деревню же

можно назвать или просто Чичикова слободка, или по имени, данному мне при крещении: село какое-нибудь Павловское”.

И вот таким образом образовался в голове нашего героя сей странный[этот странный сюжет] проект, [Далее начато: который с этих пор [наполнил] может быть произвел уже некоторое изумление и] исключительно отныне занявший все его помышления, и за который [он не мог не благодарить судьбу, небо, и] не знаю, будут ли благодарны ему, а уж автор как благодарен, так и рассказать нельзя, потому <что>, что ни говори, не приди Чичикову в голову сия мысль, [в голову эта мысль] неизвестно <была> бы на свете и эта поэма. [и сия поэма.]

Автору, пожалуй, и весьма бы хотелось[Автору очень бы хотелось] выбрать другого, и он даже отчасти знает, какие характеры им бы понравились, ну да поди ты, между прочим, сладь с Чичиковым. У него совершенно другие[совершенно свои] потребности, и он здесь решительно хозяин, и куда он хочет по-

ехать, туда и автор должен тащиться. Если то, что здесь выражено бледновато, и не видно всего мужества, развитой силы <19 нрзб.> [Прочтению поддаются только отдельные слова.] сказать и то, что никогда [Вместо “Если ~ никогда”: Автор <1 нрзб.> впрочем в свое оправдание может сказать и то, что никогда] въезд в какой бы ни было [огромный] город, хотя даже в столицы, не бывает блестящ. Сначала всё как-то серо, однообразно и мелко; тянутся какие-то стены, кузницы, [мелко. Заборы, стены, кузницы] какие-нибудь [фабрики] заводы, закопченные дымом, а уже после [а потом уже] выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, [Далее было: широкие улицы] выглянут громадные улицы с городским блеском, шумом и громом, и все дива, произведенные мыслью и руками человека, монументы и все

К ГЛАВЕ XI

Здесь герой наш начал думать серьезно о том, чтобы, подобно всякому благоразумному человеку, извлечь, наконец, как говорят, выгоду из службы, и посредством разных увлекательных [разных приятных манеров и] пре-

имуществ своей наружности и обхождения или чего другого, наверное нельзя сказать, но это знает лучше всякой находящийся на службе, дело только в том, что, наконец, ему удалось получить то, что называют местечко наживное. [Далее начато: Вероятно радость его значительно] Нельзя скрыть [при этом], что он ощутил при получении его такую сердечную радость, что от удовольствия посмеивался [наедине] и тогда уже начал рассматривать в зеркало довольно часто свою наружность. Но радость его уменьшилась, когда правительство приняло чрезвычайно строгие меры против всяких взятков, но так как русской человек сметлив и тут-то именно [и тут-то наконец] и показывает изобретательность, когда его хорошенько прижмут, то в скором времени и герой наш [Далее начато: а. опять начал; б. умел] так умел найтись, что из этого извлек даже выгоду, и внутренне стал благодарить бога, что преследуют. Если являлся к нему проситель, то он принимал его так вежливо, с такими приятными, обворожительными манерами, [Далее начато: и если] уверял, что всё будет сделано, чтобы он не беспокоил-

ся ни о чем, и если тот заикался о какой-либо благодарности, то он [Далее начато: изъяснял даже очень] обеими руками изъяснял даже с криками совершенное отрицание: помилуйте, как можно. [Далее начато: Нет, мы знаем свою] Неужели вы думаете, [чтобы я стал брать взятки,] чтобы иметь в виду [благодарность или] корысть. Нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу. Это наш долг, наша обязанность. Будьте покойны совершенно: [Далее начато: завтра же] всё это будет сделано самым скорейшим образом. Завтра же поутру вы получите известие. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и беспокоиться нечего: всё это будет вам принесено на дом. Так что проситель, [решите<льно>] очарованный такими приятными поступками и учтивым обхождением, [“и учтивым обхождением” вписано.] возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: “Вот, наконец, случился таков, каких [таков, как должен быть, вот именно каких] бы надобно. Как приятно встретить такого благородного и бескорыстного человека”. Только ожидает он на другой день, не приносят никакого к нему на дом. Ну, сего-

дня, верно, занят, что-нибудь, верно, помешало. На другой день — нет известия, на третий — тоже. Проситель решается итти сам в канцелярию; расспрашивает писарей и разную мелюзгу и узнает, что еще не начиналось. Он к начальнику. “Ах, извините”, говаривал Чичиков, весьма приятно и дружелюбно схватив за руки просителя: “у нас было столько дел. Но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё, ожидайте, к вам на дом всё это принесут и не беспокойтесь ни о чем”. И всё это выражалось с такими обворожительными движениями. [обворожительными поступками.] Если при этом распахивалась как-нибудь пола его халата, то рука его в ту же минуту закутывала <?> и придерживала эту полу. Словом, всё [Вместо “Словом, всё”: Так всё] это пристойно. А между тем проситель у себя на дому ждет день, другой, [Далее начато: не приносят никакого] известия никакого не приносится на дом. Он берет, наконец, за ум: “да нет ли чего-нибудь здесь?” расспрашивать того-другого. “Писарям, говорят, нужно дать”. — “Помилуйте, я готов. Из таких пустяков, да почему ж не

дать четвертак-другой”. — “Нет, не четвертак, а двадцатипятирублевую”, — отвечают. — “Как двадцати<пяти>рублевую писарям, ведь тут всего писанья три строки”. — “Да писарям-то, — отвечают, — и будет четвертак, а остальное пойдет начальнику”. — “Эх, — говорит проситель, полезши рукою к себе в затылок и давши себе от души- дурака, — так зачем же, чорт возьми, я сидел две недели”, и ворчит <1 нрзб.> и, полный [дурного] нехорошего расположения духа бранит [как только], сколько есть слов, изменившийся порядок. Тогда, дескать, знал, [Вместо “Эх, говорит ~ знал”: Почесывается проситель и говорит: Так зачем же, чорт возьми, я сидел две недели <2 нрзб.> на преследование взятков. Тогда, по крайней мере, знал] что принеси к правителью красную да и концы в воду, а теперь двадцатипятирублевую, да еще и недели две повоозишься, чорт бы побрал все эти политичные и благородные манеры в обхождении и обращении чиновников. Впрочем, автор в этом не винит героя, [не винит Чичикова] он поступал, совершенно соображаясь с веком, а не может однако ж не согласиться, что вслед-

ствие[соображаясь с веком. Если рассмотрим преследование взятков, то вследствие] этого действительно выиграли многие правители и начальники, потому что выгод-то прежних не потеряли, а уж взяточниками их никто не зовет, а напротив, они известны за честнейших и благороднейших людей, а только что секретари мошенники. [людей, а вот, говорят, у них только секретари мошенники.] И выходит, что Мироны в стороне, как выразился Крылов. Весьма скоро открылось герою нашему еще местечко, тоже наживное и, кажется, немножко даже повыгоднее, именно, составила комиссия постройки храма божия. К этой комиссии пристроился и герой наш[Вместо “К этой ~ наш”: а. Одним из самых деятельных членов ее очутился друг наш Чичиков; б. к которой он пристроился очень скоро в самые деятельные члены; в. Как в тексте.] и оказался одним из самых деятельных членов. Комиссия, как водится, подвизаясь, <с> ревностью и усердием, принялась немедленно за производство. [немедленно за дело.] Но климат что ли мешал, или огромность храма была такого рода, только целые четыре года ров-

няла она все места для фундамента [Далее начато: такое] и всё еще [Далее начато: никак не могли вывести] не был выведен как следует. Зато произошло другое явление, точно удивительное: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, очень недурной архитектуры. Но нужно же так, что в это время [Далее начато: переменялся] прислан был другой начальник, человек военный, прямой и в душе своей, действительно, враг всякого интереса, взятков и всего того, что зовется неправдой. Новый начальник принялся за всё как следует, со всею надлежащей строгостью. Потребовал отчеты, увидал недочеты, недостающие разные суммы и запутанности и не мог при этом не остановить внимания на действительно приятной архитектуре новых домов, украсивших город. Произведено тут же строжайшее следствие, по всей строгости законов. Члены отданы были под суд. Красивые дома поступили в казну, все прочие чиновники в городе были распуганы, напуганы, перепуганы и распечены, как выражаются [деловым] служебным

слогом, не <?> пропало... Некоторые, а в том числе и герой наш, был отставлен с самым запачканным аттестатом и предписанием не принимать ни в какую службу. Но так как начальник был военный и, [Далее начато: несмотря] стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу посредством разных приятных манеров и благовидной наружности, начали осторожно входить к нему в милость другие секретари, и прямодушный генерал очутился очень скоро в руках мошенников, еще хуже прежних, которых он ничуть не подозревал [ничуть не считал] мошенниками, а напротив, внутренне даже был доволен, думая, что вот, наконец, выбрал настоящих людей, и даже подчас хвастался прозорливостью и умением различать людей и истреблением многих злоупотреблений, не подозревая, что он невинно, уже совершенно без всякого намерения, наделал еще хуже, чем при его предшественнике. В это время и [друг] Чичиков, обратившись к одному из секретарей, может быть, он иначе назывался, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями, [Далее начато: а.

для избежания; б. потому что кто-нибудь непременно на свой счет; в. а то ведь назови какой-нибудь чин, буд; г. Как в тексте.] потому что автора как раз будут упрекать и в личности и в неуважении. Бог с ними совсем. Пусть лучше они будут все секретарями. Итак, Чичиков обратился с кое-какой тысячонкой к этому секретарю, чтобы обделать и поправить свое дело. Но, однако ж, как ни сильна была доверенность начальника к своему секретарю, но здесь он решительно отказал и [Далее начато: только уж по представлениям] секретарь успел [Далее начато: только всего сде<лать>] сделать только в этом, что [Далее начато: переменен был бесчестный] уничтожен был замаранный послужной список. Сказано было, что он так<?> отставлен по своей причине; на это умный секретарь подвинул начальника состраданием, представя ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него, однако ж, не было.

Итак, герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государствен-

ной, но уже не мог ни возвратить дома красивой гражданской архитектуры, ниже прочих благоприобретенностей. [не возвратил ни дома красивой архитектуры, ни кое-каких других благоприобретенностей.] За всеми надлежащими задабриваниями и подмасливаниями кого следует у него остался какой-то самой вздор. [Далее начато: [Не мешает] Нужно заметить, что в продолжении этого печального времени герой наш перестал, как и во всякие другие] В продолжении этого печального времени, как и во всякие другие обстоятельства критические своей <жизни>, он перестал все заниматься своей физиогномией и похудел необыкновенно. То было уже он совершенно вошел в те солидные, приличные формы тела, в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства. [Далее начато: Теперь же он в это-то время сделался более тонок, чем толст, и подумывал] И точно, [И точно редко] вряд ли кто в городе мог быть любезнее его в обращении и, взглянувши кое-когда в зеркало, подумывал о многом очень приятном. [Мало ли о чем не подумывал?] О бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в

доме, и в ожидании дальнейших, более существенных ласк, награждал себя слегка легким потрепываньем по щеке и всегда уж уходил от зеркала с небольшой усмешкой. [Далее начато: а. Теперь по платью и по всему он рад; б. но теперь он заметил, что очень походил на чемодан, в который вложили половину] И в это время из него[И в это время он] сделался совершенно другой человек: заботливое грустное выражение очень заметно стало выражаться в чертах лица его. Когда нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтоб не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая! Какой же я стал гадкой”. Скрепившись духом и ободривши себя, как мог, он решился вновь начать поприще жизни и определился не без [малых] затруднений, однако ж, при питейных сборах, но скоро бросил[питейных сборах, но не мог, однако ж, долго продолжать этой службы] по причине крайнего неблагородства службы. [Далее начато: слишком уж она была грязна, а герой наш] Нужно заметить, что Чичиков любил службы благородные. “Грязная должность, чорт победи”, наконец, сказал: “ничего для души нет”.

Герой, надобно заметить, очень любил благородство во всем, а особенно в службе; он любил, [Далее начато: и самые комнаты были] чтобы и поступки всех чиновников были вежливы, [Над строкой начато: и вообще был очень строгой блюститель благопристойности] чтобы и комнаты присутствия тоже отвечали этому: были бы украшены красивыми столами. [Над строкой написано: и ему очень нравилось, если в присутственных комнатах красивые столы и чистота.] Он также был [и вообще был] враг всякого хотя немножко дурного запаха. С этой стороны у него были нервы чувствительны, как у девушки; когда Петрушка одевал его, то он весьма часто клал себе в нос небольшую гвоздику, и в табакерке его тоже в запасе была какая-нибудь фиалка. Читателю, без сомнения, очень приятно узнать, что герой наш [через] каждые два дни переменял чистые рубашки, а летом даже всякой день. [Далее две зачеркнутые строки (нрзб.)] Впрочем, преобладала в нем сильнее всяких других страстей нежная страсть к всякого рода приращениям, [нежная привязанность к приращениям всяким и особенно] но

особливо быстрым. Может быть [Далее начато: он отчасти] по этой причине он оставил службу по питейным сборам. “По откупам, еще бы [Далее было: он говорил, — да нет для этого таких сумм] другое дело, он говорил, да для этого уж нужно приобрести значение”. Под именем значения он разумел капитал никак не меньше 70 т<ысяч>, [Далее начато: и потому он решился] а потому вследствие всего этого и для приобретения значенья в свете он решил попытаться еще по таможене. Нужно знать, что этот род службы [что таможня] издавна был предметом тайных его желаний.

Итак, вследствие всего этого, а отчасти и для приобретения значения в свете [Фраза не закончена.] Он видел очень часто, какие редкие вещицы: [Вместо “Он ~ вещицы”: Ему очень нравились разные вещицы] фарфор, бронзы и разные батисты и материи получали всякого рода лизуны <?> и родственницы от своих родственников, служивших по таможням. И весьма [И он очень] часто, устав от дел, забот и всякой дневной суеты, он приносил: “Вот бы куды [часто приносил в час

отдохновения от дел и городской всякой суеты: “Вот бы куды нужно”.] определиться, вот где настоящее местечко”. Но всегда[Но в то время На полях две записи: <I> приобрел любовь, развязность, чувствовал расположение к себе и <1 нрзб.> какое-то крепкое, мужское, как говорится. <II> какая-то сухая <1нрзб.> грустная забота сообщилась всем чертам, но что-то чертовски] почти что-нибудь мешало ему удовлетворить это побуждение: или представлявшиеся разные текущие, тоже в своем роде не вовсе ничтожные приращения, или, наконец, и самая благоразумная мысль, что ведь то как бы то ни было, все-таки журавль[что ведь то еще все-таки журавль] в небе, которого еще нужно поймать, а здесь синица в руках уже есть. Теперь же он совершенно предался этой мысли. Он начислил с [великою] редкою аккуратностью и отчетливостью, как может совершиться процесс приращения. [отчетливостью, что можно приобрести] Он увидел, что можно, допустивши[что можно, приняв в уважение] одни так называемые законные, т. е. позволенные доходы, в 10 лет с небольшим получить весь-

ма порядочное значение в свете. При этом нельзя пропустить, что ему представлялись тонкие голландские рубашки, которые он уже давно хотел иметь, так же, как и один род мыла, которое, автор признается, не знает как, под каким именем, и которое будто бы очень хорошо было для щек и сообщало им особенную свежесть и [белизну]. Новый чиновник едва успел определиться в должность, как уже был отличен начальством, увидевшим очень скоро необыкновенные его способности. В самом деле, казалось, сама судьба определила быть ему таможенным чиновником: подобной расторопности, [деятельности] проницательности и тонкой прозорливости [еще никогда не было видано в таможенном чиновнике, но все даже в один голос выразились, что у него было собачье чутье, все даже товарищи сознава<лись>]. В две-три недели он так уже набил руку в таможенном деле, что знал всё: даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в такой-то штуке аршин материи или сукна, взявши только в руку какой-нибудь сверток, он[он узнавал] мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. По-

добной прозорливости, сметливости и бойкости еще не видывано в таможенном чиновнике. Что же касается до обысков, то в этом отношении у него было точно, как выражались даже его товарищи, было собачье чутье. [Далее начато: а уж подобной деятельности не нужно было] Нельзя было не изумиться, как у него, точно, могло достать столько деятельности и терпения, чтобы ощупать [чтобы обшарить] всякую пуговичку, развернуть всякую безделицу и, главное, что всё это делалось с каким-то хладнокровием, вежливым до невероятности. [Далее начато: Не угодно ли вам немножко побеспокоиться и привстать] И в то время, когда обыскиваемые бесились и выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его физиогномию, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых своих поступках, приговаривал только: “Не угодно <ли> вам немножко побеспокоиться и привстать”, или “Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату. Там жена одного из наших чиновников осмотрит вас”, или “Позвольте, вот я ножичком немножко пораспорою подкладку ва-

шей шинели”, и, говоря это, он вытаскивал там платки хладнокровно, как будто из собственного сундука. [Далее начато: нигде не могли спрятать] Это был чорт, а не человек, ничто решительно не могло укрыться от него: он отыскивал в колесах, в дышлах, в лошадиных ушах и чорт знает где, в таких местах, куда автору не могло бы прийти в ум и куда позволено забираться [позволено рыться] только таможенными чиновниками, так что переехавший через таможню всё еще не мог несколько минут опомниться и, обтирая пот, [Далее начато: выступивший ручьями] выступивший от этой проделки на подобие мелкой сыпи по телу, только крестился да приговаривал: “Ну, ну, ну!” И всё его положение очень похоже на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы [Далее начато: поговорить обы] дать кое-какое наставление, а вместо того высек совершенно неожиданным образом. Словом, в непродолжительное время [Далее начато: а. Чичиков; б. новый друг наш] от чиновника не было житья контрабандистам. Это был просто гроза и отчаяние

всего польского жидовства. Распоряжаясь таким образом с помощью расторопности, разных конфискованных товаров и просто разных отобранных кое-каких вещей, но не поступивших в казну для избежания излишней переписки и прочего, и прочего, словом, с помощью того-сего разного удалось ему, наконец, составить кое-какой опять капиталец, такой, что он мог даже опять [капиталец, который мог бы даже опять] дать ему значение в обществе и, вероятно, увеличивать это значение понемногу. Но старый друг человеческого рода, известный под именем чорта, подвернулся опять. [Далее начато: а. Постепенное приращение: б. Герою нашему показалось вдруг, что старое приращение как-то идет] Герою нашему показалось приращение законным порядком как-то уж очень медленным. [Далее начато: а. Душевное влечение его как-то увеличилось; б. Нужно знать, что сердечное влечение к разным приобретениям у него увеличивалось по мере успехов более и более] Говорят, что кто чувствует сердечное влечение к приобретениям, то ему довольно только лизнуть этого блюда языком, [лиз-

нуть, как говорят, языком] и уж его и палкой потом не отгонишь, и [Далее начато: он спокойствия не знает, всё будет норовить, как бы проглотить весь кусок, потому что какая-то невидимая им] он хоть подавится им, а все-таки съест. И по этой-то самой причине герой наш решился войти в секретные сношения с образовавшимся вновь обществом контрабандистов. Против соблазнов не устоял то <же> и другой чиновник, его товарищ, несмотря на то, что седой волос давно уже засел ему в голову. В самом деле, здесь представились ему вдруг такие выгоды, какие бы в службе, верно, им не представились и в 10 лет. Жида прыгали от радости, что, наконец, преклонили на свою сторону неутомимейшего из своих гонителей. [неутомимейшего из всех их гонителей] Читатель, без сомнения, [несколько раз уже] слышал так часто повторяемую у нас историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершивши переход [совершивши поход] через границу в двойных тулупчиках, провезли под этими тулупчиками [провезли таким образом] на несколько миллионов бра-

бантских кружев... Это происшествие случилось именно тогда, когда наш Друг Чичиков служил при таможне. Если бы он не участвовал в этом деле, то жидам никогда бы не удалось привести в исполнение подобное предприятие. [привести его в действие.] — Когда три или четыре раза сделали бараны такой поход, [Три или четыре раза сделавши такой поход, бараны] то у обоих чиновников очутилось по двести[по 20] тысяч капиталъцу. У Чичикова даже, говорят, немножко более, потому что был молодцеватей. И бог знает, до какой бы еще благословенной цифры[а. и бог знает, сколько бы еще приобрели они впредь; б. и бог знает, до какого бы количества] возрос этот капиталец, если бы старый друг человеческого рода, известный под именем чорта, не подсунулся весьма некстати, что он делает, [некстати, как он делает] впрочем, всегда, и не сбил с толку обоих чиновников. Чиновники, как говорится, просто перебесились, другими словами, поссорились бог знает из чего. Как-то там в жарком разговоре, а может быть, и выпив немного, друг наш Чичиков назвал другого чиновника поповичем. А тот,

хотя действительно был попович, но, неизвестно почему, обиделся этим чрезвычайно [обиделся этим необыкновенно] и ответил ему чрезвычайно резко и сильно, и вот именно как: “Нет, врешь, я статский советник, а не попович, а вот ты так попович”, и потом еще прибавил: “вот мол что!” Хотя он и срезал его совершенно, обративши таким образом на него же приданное название и хотя слово: “вот мол что!” могло, конечно, иметь очень сильное значение, но, не удовольствовавшись этим, он послал на него донос. Впрочем, говорят, что и без того у них уже произошла сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, по выражению тамошних чиновников, [На полях запись: что будто даже подкуплены были люди несколько поизбить нашего героя под темный вечер на улице.] которою, впрочем, воспользовалось совершенно стороннее лицо — какой-то штабс-капитан Чепраков... Автор признается, что не охотник вмешиваться в семейственные дела да и никогда [дела и к тому же никогда] не мог в них добаться никакого <толку>, и поэтому остав-

ляет их докончить или досочинить тем из читателей, которые чувствуют уж к этому особенное влечение. [а. которые охотники до подобных дел; б. которые чувствуют нежную склонность к подобным делам] Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались, наконец, явными и открытыми. Статский советник, хоть сам пропал, да рад был, что упек-таки своего товарища. Обоих, как водится, под суд и отставили от службы. Статский советник, по нашему русскому обычаю, с горя запил, но надворный устоял, он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, а так как люди слабы, а деньги хоть и мелкий народ, но силишка, слава богу, есть, то ему удалось, по крайней мере, сделать то, что его отставили не так бесчестно, как товарища; но уж ни капиталцу, ни разных красивых заграничных вещиц, словом, ничего не осталось нашему герою: на всё это нашлись другие охотники. Осталось у него только тысячонок десять кровных, как он называл, которые он прятал [Далее начато: в платок] на черный день в таком месте, куды никто не мог доко-

пать, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в которой ездят холо-
стяки, да два крепостных человека: кучер Се-
лифан и лакей Петрушка да некоторые тамо-
женные чиновники, движимые сердечною
добротою, оставили ему [чиновники оставили
ему из сердечного добродушия] четыре или
пять кусков мыла для сбережения свежести и
белизны щек, [Далее начато: Вот и больше] и
всё. Итак, вот какое обстоятельство. Это герой
наш, впрочем, называл: потерпеть по службе
за правду. — Читатель, может быть, подумает,
что после таких испытаний и превратностей
судьбы и тревог, и жизненного горя Чичиков
нарочно удалится [Далее начато: в какой-ни-
будь город] в какое-нибудь мирное захолустье
в уездном городишке и кое-как с своими
кровными десятью тысячками будет насла-
ждаться небольшими удовольствиями жиз-
ни: [Далее начато: а. смотреть в окно; б. смот-
реть скоро ли соседка] выглянуть из окна ни-
зенького деревянного домика на какого-ни-
будь приезжего, которого бог пошлет раз в
год для доставления разнообразия уездным
жителям, да напиться чаю с уездным земле-

мером и капитаном-исправником и дожить таким образом философски в каком-нибудь тулупчике или, может, и ситцевом халате век нешумный, [век без шума] но, конечно, в своем роде тоже отчасти не бесполезный. [Далее начато: а. Но что страсть к приобре<тениям>; б. Но автор сам должен признаться] Но так не случилось. Надобно признаться, что герой наш был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые бы могли охладить всякого, страсть к приобретению не угасла в нем ни мало. Он и в досаде был, и в горе, и роптал на весь свет, и сердился на несправедливость судьбы и негодовал на несправедливость людей, а всё, однако ж, не мог никак оставить цели, к которой неслись [все] его помышления. С этой стороны он был решительно немец и щедро одарен тою добродетелью, которой недостает у русского народа, именно терпением. Он рассуждал и, в самом деле, его рассуждения были с некоторой стороны справедливы. “Почему же”, говорил он: “одному мне такое несчастье? Почему же другие, которые [Далее начато: приобретают вес и значительность, нажи-

вают и приобретают, бог знает, чем] наживаются и приобретают тоже пополам с [другом] грехом, а иногда [еще хуже] и совершенно с грехом, почему же другие приобретают [другие получают и удачно приобретают] и вес и значительность, уважение и проводят остаток дней честно в кругу семейства, в совершенном изобилии и благополучии? Чем я хуже других? За что же я несчастнее других? Ведь я приобретал тоже, как и другие, конечно, другими только способами, но, однако ж, никому не причинял я вреда. Никого не сделал я несчастным, никто не пострадал от меня. Я не ограбил вдову, я не пустил кого-либо по миру в одной рубашке, как делают весьма многие. За что же я один должен испытать горькую чашу, тогда как другие благоденствуют и наслаждаются всеми благами [всеми дарами] мира. И что же я теперь? Куда я гожусь теперь? На что может послужить жизнь моя, лишенная значения и весу и должного уважения, так сказать, в отношении моего чина и лет [Далее начато: На какую пользу] и самого даже звания? [в рассуждении к моему чину и летам и самого даже звания] Какими глазами

я могу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением чело- веку, и как мне не чувствовать угрызения со- вести, что я даром бремению землю. И что ска- жут мои дети и потомки? Вот, скажут, отец был скотина, мерзавец, не оставил нам ника- кого состояния”. Нужно заметить, что ге- рой[Далее начато: подобно весьма] наш чрез- вычайно заботился о потомках, [Далее нача- то: хотя, как читатель видел] несмотря на то, что <их?> еще не было. Эту заботу очень часто задают себе чиновники, преимущественно за- нимающиеся приобретением. Так уж заведе- но на этом грешном свете, это такая уже чув- ствительная статья. Иной бы, может быть, и не так глубоко запустил руку[Далее начато: да мысль] если бы не вопрос, который, бог знает почему, но приходит сам собою: Что скажут дети? И будущий родоначальник, [а. И почтенный будущий родоначальник неудо- мимо работает направо, налево; б. И почтен- ный будущий родоначальник, поймав, как рыболов ловит направо и налево, всё, что можно только поймать руками.] как остро- рожный кот, покося только один глаз назад,

не глядит ли из угла хозяин, хватает поспешно, что [Далее начато: ни попало: масло] на столе поближе: масло ли, свечи ли, канарейка ли попалась под лапу, [свечи и птичку какую-нибудь схватит лапою] словом, не пропускает ничего. [В конце страницы текст: Тут герой наш, конечно, [пропустил] выпустил из виду кое-какие уроки, которые потерпел при этом разе Ну, да у нас, впрочем, составилось мнение, что Этот текст отмечен знаком (X), но куда эта вставка, не ясно.]

К ГЛАВЕ XI

Перекрестясь и благословясь [Далее начато: герой наш] по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного им: под видом избрания места для жительства и для собственного удовольствия и для разных других предлогов, как читатель потом увидит, он [Далее начато: вознамерился] предпринял заглянуть в те другие углы обширного нашего государства, и преимущественно в такие углы, которые [Далее начато: вследствие] особенно более других пострадали от каких-либо несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего,

словом, где бы можно было и удобнее и подешевле закупить потребного народу. Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а напротив, избирал по своему вкусу таких, с которыми бы можно было делать и которых он уже [Далее начато: совершенно] сколько-нибудь узнал. Итак, читатели никак не должны негодовать на автора, [не должны сердиться на автора] если лица и характеры, [Далее начато: с которыми он должен] доселе явившиеся [доселе являвшиеся] в нашей повести, не пришлись [не придутся] по их вкусу. Автор здесь совершенно не виноват ни телом, ни душою. Виноват Чичиков. В начале этом по крайней мере ясно видны приступ и начало, и первые покупки читатели уже видели; как пойдет дело далее и какие будут удачи потом, увидят. [Вместо “В начале ~ увидят”: Как сделан был приступ ~ уже видели, что будет потом увидят.] Еще много пути предстоит сделать всему нашему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в какой ездят холостяки, лакея Петрушки и кучера Селифана с подведомственной ему тройкой: фаворита гнедого, почти

бесхарактерного пристяжного, подлеца серого. [Селифана и тройки четвероногих благородных животных, наших знакомцев: подлеца серого, фаворита гнедого и тоже порядочного пристяжного коня] Итак, вот весь герой на лицо таков, каков он есть.

Потребуют, может быть, заключительного определения [заключительного изъяснения] одною чертою, кто он, дескать, в отношении [а. чертою всего героя, характеризующую кто он; б. чертою в нашем герое кто он таков в отношении] качеств нравственных. Что он не герой, исполненный всех совершенств и добродетелей, — это видно и так. Кто же он? Подлец? Почему ж подлец? Зачем же быть так строгу. Подлецов теперь у нас нет: есть люди приятные, благонамеренные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется, может быть, всего на все разве каких-нибудь два-три человека, [оплеуху, если отыщется, то разве каких-нибудь два-три человека всего на все] да и те уж говорят о добродетели. [Далее начато: и <1 нрзб.> печатают

пожалуй даже об этом] Справедливее, я полагаю, назвать нашего героя прожектор. [Далее начато: Всякой] Конечно, прожектор, может быть, не очень чист и весьма многим не понравится, что он составляет главное в нашем герое. Что ж делать? Зато есть много других качеств в нашем герое: опрятность, чистота, приятность в обращении и поступках, завидная ровность в характере. [На полях страницы запись: изобретенных весьма недурно предлогов] А что, конечно, есть в нем одна преобладающая страсть над всеми прочими, то здесь ничего нет удивительного: у всякого из нас есть какая-нибудь страсть, к которой мы влечемся почти безумно и слепо и жертвуем для нее всем. И у автора, пишущего сии [пишущего эти] строки, есть [тоже] страсть, страсть заключать [страсть к тем чудным мгновеньям, когда вперивши очи в свой иной мир, он заключает] в ясные образы приходящие к нему явления, в чудные минуты, вперивши очи в свой мир, несется мимо всего, что на земле. [Далее было: и всё это дееся в бедном, неприглядном для других чердаке] И в оных чудных мгновеньях, нисходящих к

нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь, [а. И в оных чудных мгновеньях заключена вся жизнь; б. И в оных чудных мгновеньях, посещающих его бедный неприглядный для других чердак, заключена вся жизнь] и полный благодарных слез [Далее начато: а. за свой чудный; б. за всё благословляет он свой удел] он не ищет ничего в мире, благословляет он чудесный свой удел, любит он свою бедность, как любовник любовницу. Но читатель и этому не поверит, и он, впрочем, совершенно прав. [он прав] Всякой [Далее начато: властен] есть господин и властен верить и не верить. [Далее начато: а. Но почему посыпятся упреки за избранного; б. Вследствие таких причин посыпятся на автора упреки за избранного героя; в. Вследствие таких причин уже недовольные автором за то, что он избрал такого героя, и это ему тоже известно; г. Но почему может не нравиться вдруг герой автору; д. Итак, вам не нравится герой?] Но почему не нравится герой? Будто потому, что...потому что автор не удовольствовался его наружностью, может быть, не скользнул по его качествам, являющимся на

показ в свете, [а. не скользнул, а заглянул несколько глубже в его душу; б. На полях за-пись: а шевельнул кое-что в глубине, всё, что кроется от неострого взгляда и что может в существе своем изрядно; в. а шевельнул кое-что в глубине, всё что кроется от неострого взгляда и прячется от света доверяя <1 нрзб.> не был таким же безмолвным <1 нрзб.>] и, может быть, обнажил[обнажил то, что не всякому хочется видеть] кое-что кроющееся от не острого взгляда, что пробрался он и в комна-ту, где он одевается и бреется, не загляни только он поглубже в его душу и обнаружь всенародно сокровенные его мысли, которые привыкли таиться от света, [Далее начато: и доверяет] а покажи он его таким, каким он показал себя всему городу N. N, Манилову и многим другим помещикам, и все бы были радехоньки[Далее начато: Дамы были бы до-вольны, мужчины прочли бы без негодова-ния] и приняли бы его [совершенно] за добро-детельного человека; дамы были бы удовле-творены, мужчины прочли бы <без> негодо-вания. Нет нужды, что ни лицо, ни фигура не остались означенные в их головах, но зато

они не растревоженные, не взволнованные могут обратиться опять к мирным занятиям, то есть сесть за вист, [опять] и пошла опять по-прежнему влечься жизнь <1 нрзб.> Никакого благодетельного приращения на душу и даже упрека. Право, вам бы хотелось, [Вместо “но зато ~ хотелось”: да и то не почувствовали никакого приятного чувства. Знаю я вас, мои почтенные читатели, не годилось бы вам показывать кое-какие раны людские. Вам бы хотелось] чтобы вас убаюкивали, как ребенка, вам бы очень не желалось, чтобы обнаруживали перед вами то, где ярко выражается бедность, чтобы как можно подальше от вас всё, что можно: ничтожные страстишки, [а. не желалось, чтобы показывали вам яркие человеческие ничтожные; б. не желалось, чтобы показывали то, что не имеет яркого и человеческого все страстишки] и много, много того, чего так много на свете и от чего отвращаются глаза ваши.

К чему это, — вы говорите, — разве мы не знаем сами, что много есть презренного и глупого в жизни. Пусть же нам представляют

одно хорошее; пусть мы забудемся. [Между строк неразборчиво начат новый текст, прочтению поддаются только отдельные слова.] Вы похожи на помещика, которому докладывает [на помещика, к которому пришел помещик<!>] прикащик, что плоха <?> и та и другая часть в хозяйстве, дело идет плохо, и что если барин [Далее начато: не воздержится] теперь-де [Далее начато: а. не пож<ертвует>; б. не оставит] не удержит хотя части денег из принесенного оброка, так будет и совсем плохо. — “Да зачем ты, брат, мне говоришь это? Я без тебя знаю [всё это], что идет дурно, да дай мне, по крайней мере, позабыться, я гораздо более счастлив тогда”. И вот те деньги, которые, может быть, немного поправили бы дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. А там вдруг, неожиданным образом, всё имение хлоп с аукциона и помещик потом отправится в плохой шинелишке [отправится чуть не босиком] по миру позабываться. Не правда ли, чего доброго, еще меж вами, пожалуй, найдутся и так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские. Хорошо

ли выставлять это? Что скажут иностранцы? Это [Далее начато: а. напоминает очень добро-го; б. доброго одного философа] напоминает даже двух обитателей одного уголка России: [Далее начато: одного в своем роде] одного — отца, человека доброго [одного — отца, добро-го человека, всегда в халате с трубкой] по характеру, решительно мирного, который весь век провел в куреньи трубки; другого — сына, тоже не злого человека, но характера [совершенно] воинственного, который никого не оставлял в покое во всем околотке. [На обороте листа запись: Силы двадцать лет кипели в нем слишком, только он никак не мог минуты оставаться без какого-нибудь гимнастического] — “Побранил бы сына больше, — говорил отец, [Далее начато: да ведь сейчас узнают люди. Пусть уж его так остается собакой, а то <З нрзб.> не без пользы] — да наедине-то его не пристыдишь, [а так, чтобы] заговоришь громко, все люди узнают; пусть уж его так остается собакой”.

И после этого отец [по своему обычаю] закуривал трубку, вновь отправлялся ходить по

комнате. [Над строкой вписано: насчет рождения зверя. На обороте листа ряд записей к этому тексту: 1) а. Ходя по комнате и беспрестанно размышляя об одном вопросе, с давнего времени остановившем его внимание: почему-де зверь рождается нагишом, а не так, как птица в яйце; б. Ходя по комнате и беспрестанно размышляя об одном вопросе, который один умел останавливать его внимание: почему-де зверь рождается нагишом, а не так вместе с яйцом, как птица. 2) желательно знать, как толста была бы скорлупа, если бы зверь выходил из яйца. Ведь я думаю, потолще, чем в палец. 3) а. а ведь однако ж скорлупа для зверя должна быть куда потолще, <чем> на гусином яйце; б. а ведь однако ж скорлупа для звериного яйца должна быть очень толста, в палец толщиной по крайней мере.] Я просто говорю вам, читатель, что на душе, и не в силах польстить вам и сказать неправду. Кто же вам должен говорить правду, как не автор? Вы боитесь глубоко устремленного взора. Вы робеете сами устремить на что-нибудь глубокий взор; вы любите по всему скользнуть [Далее начато: и пройти и не]

недумающими глазами. [На обороте листа запись: не думающими глазами поглядеть на божий мир, по всему скользнуть, по всему пробежать слегка] Вы посмеетесь, может быть, от души над [моим] Чичиковым, может быть, чего доброго, похвалите статью и автора, и каждый из вас с удвоившеюся гордостью подумает о себе, самодовольная усмешка долго сохранится в устах ваших. [подумает о себе, и ни один из нов<?>] Скажете: в самом деле, престранные [Скажете: ведь такие странные] и смешные бывают люди, да и подлецы при этом не малые. А огорчит вас полный смирения, с которым познакомило мир [чуждое] святое, божественное христианство, ни один из вас не устремит в глубину собственной души, не углубит мысленно сей тяжелый вопрос: [ни один из вас не обратит к себе [сказавши] не углубит мысленно вопрос] а нет ли во мне самом какой-нибудь части Чичикова? Как бы не так. Напротив, если в это время по улице пройдет какой-нибудь человек, чину нельзя сказать, чтобы большого, однако ж не так, чтобы малого, он толкнет в ту же минуту соседа и скажет, [Напротив, если в это время

по улице мимо вас пройдет какой ваш знакомый, вы толкнете тут же под руку соседа. Над строкой записано: Попробуй, пройди только в это время по улице] чуть не фыркнувши от смеха: Смотри, смотри, вот Чичиков, Чичиков пошел! [Далее начато: Уж куда <3 нрзб.>] и потом, как ребенок, позабывши [собственный чин, может быть тоже] всякое приличие, надлежащее его собственному чину, побежит за ним вслед, поддразнивая его сзади и произнесши несколько раз [так, чтобы тот даже несколько услышал] <1 нрзб.>: Чичиков, Чичиков, Чичиков!

Но мы стали говорить довольно громко, а между тем позабыли, что герой [Вместо “Но мы стали ~ герой”: а. Но лучше прекратить нам наше толки, потому что герой; б. Но мы заговорились неосторожно немного позабыли, что герой; в. Как в тексте.] наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть, очень легко может услышать так часто повторяемое его имя, [легко может статься, что даже что-нибудь услышал] а обязанность наша

предуведомить, что он человек очень обидчивый и всегда сердится, если о нем скажут что-нибудь [такое], которое может уронить вес и значение его в свете. [уронить благоприятные о нем мнения] Читателю, конечно, с полугоря, сердится ли он или нет, [с полугоря с ним поссориться] но что касается до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем. Что ни говори, [Далее начато: а дороге] а ведь им вместе придется [Далее начато: не малую совместную] отхватить не малую дорогу. Две части еще впереди, это не безделица.

“Эхе, хе, хе! Что ж ты”, сказал герой наш Селифану. “Ты!>[Ты задремал?]”

“Что?” сказал Селифан как-то медленным голосом.

“Как что? Ты, гусь ты, как ты едешь? Ну ж потрогивай”.

И в самом <деле>, Селифан давно уже ехал, зажмуривая по вр^еменам глаза и изредка

только потряхивая вожжами по бокам тоже, казалось, с своей стороны, дремавших лошадей; а с Петрушки уже давно слетел где-то с головы картуз, и он, покачиваясь во все стороны с своих козел, [покачиваясь с козел во все стороны] наконец, почти опрокинул свою голову совершенно назад на колени к Чичикову, так что тот дал[так что он дал] ей щелчка. Селифан прибодрился и семнадцать раз сряду отшлепал кнутом по спине серого коня, после чего тот почувствовал, что наконец точно больно, и пустился рысцей. Потом Селифан, слегка приподнявшись, [Затем возница приподнявшись] помахивал только[Далее начато: коренного] над головою гнедого, да примолвил тонким певучим голосом: “Не бойся”, да прихлыснул для уровня пристяжного, и лошадки, расшевелившись, понесли как пух легонькую[Фраза не закончена.] Селифан только помахивал да покрикивал: “эх, эх”. Так<?> тройка[Далее начато: поднима-лась на] то взлетала, то неслась духом с пригорков, которыми была испорчена столбовая дорога, стремившаяся легким накатом вниз. Чичиков только улыбался слегка [покачива-

ясь], приятно подлетывая на своей кожаной подушке, ибо очень любил [потому что любил] быструю езду. Да и какой же русской не любит быстрой езды, [Далее начато: а. его ли чудной натуре, стремящейся загуляться и забыться; б. слышишь, несет тебя как] если бог наградил его натурой, что <1 нрзб.> в ней сильно. Неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе. [подхватила и несет тебя.] И сам летишь, и летит всё: летят версты, летят купцы на облучках своих кибиток, летит лес с обеих сторон с густыми своими темными стройными елями и соснами, как копья, как стрелы, с топорным стуком и вороньим криком. Летят все дороги, как стрелы в пропадающую даль. И что-то чудесное в этих моргнувших и неуспевших означиться предметах и как-то не хочешь взглянуть. Эх, тройка [Текст “с обеих сторон ~ тройка” зачеркнут и между строк вписан очень неразборчиво новый текст. Прочтению поддаются только отдельные слова и окончание: Что-то чудесное сладкое заключено в сем быстром мелькании. Весело смотреть <1 нрзб.> не успеет означиться пропадающий предмет. Только вверху над го-

ловою одно небо, да легкие тучи, да месяц, продирающийся сквозь них, <1 нрзб.> недвижно. Эх, тройка. Птица тройка]

К ГЛАВЕ XI

У всякого есть одно какое-нибудь стремление, которое деспотствует в душе[а. которое движется и беспокоит в нем; б. которое на счет всех других] и мало-помалу затирает всё прочее, все другие желания. И сколько раз[Далее начато: мелкая ничтожная] даже незначущая страстишка к чему-нибудь [совершенно] мелкому и ничтожному разрасталась в человеке, заставляла[Вместо “разрасталась ~ заставляла”: усиливалась в человеке и мало-помалу заставляла] позабывать важные и святые обязанности[Далее было: и видеть одни только побрякушки] и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое. [Далее начато: а. У всякого есть стремление; б. И у кого нет] Да, у всякого из нас есть страсть, к которой[Фраза не закончена.] и что-то есть дивно-упоительное в сем влечении.

К ГЛАВЕ XI

Разнообразны и бесчисленны возникают и образуются стремления в человеческих серд-

цах[Вместо “Разнообразны ~ сердцах”: Странные есть стремления, возникающие в человеческих сердцах] и чем они сильнее, тем своеобразнее и невероятней понять людям. [Далее было: а. и не могут постигнуть они, как можно жертвовать ему тем, что для них величайшее благо, тому, что не имеет почти никакой цены для них; б. Почему же герою не иметь одной страсти преобладающей? Конечно, страсть на приобретенья и имущества <?> имеет что отталкивающие стороны в тех только] Итак, не будут довольны [моим] Чичиковым, не понравится герой поэмы нашей большинству читателей. [Далее начато: а. Уж как-то болезно, грустно сказать автору, но он знает слишком хорошо и почему не будут довольны им и почему герой; б. Он знает] Грустно и болезненно для автора сказать следующее слово, что может быть тем же самым Чичиковым остался бы доволен читатель, не загляни только он поглубже ему в душу, не шевели он на дне ее того, что[Далее начато: прячется от] ускользнуло, не видно неострому взгляду[Далее начато: доверяя только кабинетно такому же <1 нрзб.>] и прячется от света, словом, по-

кажи подушевнее то, что не огорчило вас, [Далее начато: и вам приятно, зевнув после усадительного чтения, обратиться вновь к вашим заботам.] не потрясло ни одного вашего нерва.

К ГЛАВЕ XI

Почему ж не иметь герою нашему одной преобладающей страсти? Конечно, страсть к приобретениям имеет в себе что-то отталкивающее, [Далее начато: а. то есть натурально если она имеется<?> в героях романов, в натуре другое дело; б. то-есть натурально, если она будет сообщена какому] то есть натурально, когда она будет сообщена какому-нибудь герою романа. В натуре другое дело, в натуре ничего. <1 нрзб.> и героем особенно будут негодовать те, которые сами чувствуют к приобретениям[Фраза не закончена.]

Да, отталкивающие и оттолкнутся, — и невольная грусть уже овладевает автором сей поэмы. Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, что не понравится герой поэмы, но потому грустно и тяжело, что живет в душе его какое-то верное

внутреннее убеждение, что

К ГЛАВЕ XI

Начало и происхождение героя нашего слишком скромна и темно. Жизнь взглянула на него как-то пасмурно сквозь занесенное снегом окошко. Родители его были дворяне, но столбовые или личные, бог ведает. Лицом он на них, кажется, не походил. По крайней мере, близкая родственница, бывшая при рождении его, коротенькая женщина, которых называют пиголицами, взявши [Вместо “взявши”: когда взяла] в руки ребенка, вскрикнула: “Совсем вышел такой, как я думала. Ему бы больше всего следовало пойти в бабку с матерней стороны, оно бы и приличней; а он родился просто, как говорит пословица, ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца”. Жизнь вначале взглянула на него как-то кисло, неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: [сквозь занесенное] никакого друга [детства, ни даже] товарища. Маленькая горенка с тусклыми не отворявшимися никогда окнами — ни в зиму, ни в лето; отец, длинный, худой, больной человек в длинном сертуке, вздыхавший, ходя

по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу; вечное сидение на лавке [Далее начато: перед прописью] с пером, чернилом на пальцах и даже на губах. Вечная пропись перед глазами: занимайся [прилежно] слушай <?>, не лги... [Далее в рукописи пропуск.] Вечный стук [Далее начато: тех] однообразно раздававшихся шагов. Изредка только позади голос: “Опять задурил”, раздававшийся в то время, когда ребенок, наскучивший однообразием работы, приписывал к букве какой-нибудь свой хвост или другую закавыку, внушенную праздною фантазией, за что [Далее начато: весьма больно был] неожиданно и весьма больно был стискиваем обеими ногтями край его уха и закручиваем с варварским спокойствием за что [из глубины ду<ши>] ребенок произносил неприязненное <1 нрзб.> — вот вся бедная картина первоначального его детства, о котором едва осталась [Далее начато: слабая память] в голове его бледная память. Наконец, в один день с весенним солнцем и разлившимися потоками была заложена в повозку мухортая пегая лошадь, какие у лошадиных барышников из-

вестны под именем сорук. [Длинный] Отец поместился в тележке с 8-летним сыном и [Далее начато: выехали они из] согнувшийся весь в [Далее начато: спину куче<р>] такой <1 нрзб.> кучер встряхнул вожжами, и и они выехали из дому. На сороке ехали сутки с лишком, дорогой ночевали, переправлялись через реки, закусывали холодной бараниной да пирогом и добрались утром на третий день до города. [добрались до города под вечер.] Тощая сорока потащилась, как могла, по городским улицам, [Далее начато: а. показавшимся потом; б. блеснувшим великолепно на неопытные глаза] которые поразили ребенка, всё время не раскрывавшего рта, потом бультыхнула вместе с повозкой в яму и в узкий переулок, весь запруженный грязью, [Далее начато: Тут она долго работала и наконец] долго работала там всеми силами и месила ногами, [Далее начато: наконец] подстрекаемая и горбатым [низеньким горбатым] кучером и самим отцом героя, и наконец втащила их в небольшой дворик на косогоре с двумя цветущими баргамотами, садиком, наполненным бузиной, душистым травником, и

небольшой будочкой, крытой драньем. Тут жила какая-то далекая родственница героя, дряблая старушка, всё еще ходившая сама [ходившая сама пешком] ежедневно на городской рынок, несмотря на грязь. Тут должен был остаться наш ребенок, ходить ежед<невно?> в классы городского училища. Отец переночевал и на другой день отправился в дорогу, простившись с сыном [Над строкой: хотя, конечно, без денег] (кажется, без слез), давши ему на расходы и лакомства две гривны меди и, [Далее начато: произнести] что важнее всего, отцовское [отцовское мудрое] наставленье: “Смотри же, Павлуша, не дури и <не> повесничай, а больше всего угождай учителю. Коли будешь угождать начальникам, то хоть и не во всем будешь смышлен, [Далее начато: ничего не пропадет] всё пойдет в лад, [буде ему угождать во всем, то хоть и не успеешь в чем-либо, а всё ты будешь первым] станешь выше всех первых. Не водись с товарищами: они тебя добру не научат, только разве шалостям да повесничеству. А если пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы были тебе полезны. Не угощай и не потчевай

никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали и потчевали. А больше всего береги и копи копейку: это — вещь надежнее всего в мире. Товарищ и приятель тебя надует и при случае первый тебя выдаст; а копейка не надует, копейка не выдаст тебя, хоть бы в какой нужде пришлось тебе ни быть: всё сделаешь и пробьешь [копейкой] на свете”. Так говорил отец. Поцеловал Павлушу, сел в свою тележку, и сорока потащила его обратно. С тех пор уже никогда не видал его более герой наш; но слова и наставления, казалось, врезались далеко[врезались глубоко] ему в душу. [Далее начато: Ребенок] Мальчик стал ходить в классы. Способностей больших или острых[или слишком острых] к какой-нибудь науке в нем не оказалось. [Далее начато: но зато он отличался большим] Оказал себя он более всего прилежанием, опрятностью и тихостью. Но в мальчике оказался ум совершенно с другой стороны, ум совершенно практической. Он вдруг понял свое положение и повел себя в отношении к товарищам так, что его угощали, а не он их. Уж с самых ранних пор он умел себе отказать во многом; <даже> из данных

отцом денег он не издержал ни копейки, с тем <чтобы> кое-что скопить. Даже лакомства он не ел, а припрятывал и потом, под голодный час, менялся или продавал тем же самым, которые угостили его. В 9-м году оказались в нем такие таланты: он уже умел слепить <из> воску какого-то снегиря, выкрасил его и продал с выгодой. На рынке он покупал пряники [он пронюхивал, где бывали пряники] и хлеба и потом садился около товарищей своих, которые были побогаче, и ожидал очень терпеливо, пока товарищ, усталый классной тишиною, [усталый классами] выговорами и наказаньем, не почувствовал наконец волчий голод; в это время он искусно показывал ему из-под лавки хлеб или пряник [искусно высовывал из кармана угол пряника] и, возбуждая аппетит волчий, схватывал с него двойную деньгу. На вырученные деньги делались другие закупки. Около двух месяцев с лишком учил он мышь, посадивши ее в маленькую клеточку, и выучил ее стоять на задних лапках, пицать по желанью, и продал ее тоже очень выгодно. И зашил наглухо мешочек иголкою, когда в нем набралось более

двух рублей. В отношении к начальству он повел тоже себя очень умно: сидел в классе не сдвинувшись, тетрадки свои переписывал по два раза и всякой раз, как только оканчивало <!>, [Далее начато: бежал тот же час в угол и при<носил?>] схватывался в ту же минуту и подавал учителю треух и палку — учитель ходил в треухе. Учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения и терпеть не любил умных или острых мальчишков. Ему [по странному предубеждению] казалось всё, что острые мальчишки непременно над ним смеются. И достаточно было мальчику, [бедному мальчику] который попал у него на замечание со стороны остроумия, достаточно было шевельнуться на месте, он гонял и наказывал и гонял его немилосердно. “Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность. Я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь. [Далее начато: И бедный] Вот ты у меня постоишь на коленях, ты у меня поголодаешь”. И бедный мальчик, сам не зная за что, натирал себе колени и голодал по суткам. “Способности и дарованье — вздор; поведение [вот что] [Далее начато: У меня ничего

не знай, я ему поставлю первые баллы] Я поставлю первые баллы тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хоть он Солона заткни за пояс”. Так выражался учитель, как видно, совершенно противоположный мнению Крылова: “По мне уж лучше пей, да дело разумей”. В подтверждение своих слов он часто рассказывал ученикам, что в том месте, где он прежде учил, такой был заведен порядок, что в классе[в классе во все продолжение часов] была тишина такая, что было слышно, как муха пролетала, что даже ни один ученик даже не высморкался, не чихнул ни разу во всё время его службы, и до самого звонка нельзя бы было узнать, был ли кто в классе, или класс был просто пуст. [нельзя бы было сказать, жив ли кто в классе или умер.] Чичиков вдруг постигнул дух начальника и в чем должно состоять настоящее поведение. Он не шевелил ни глазом, ни бровью и всё смотрел ему прямо. [Далее начато: хотя даже] Он даже не поморщивался, если даже в это время его кто-нибудь ущипнул. Подавши учителю трех, он выходил прежде

всех из класса и старался ему попасться раза три на дороге, беспрестанно снимая шапку. Дело имело совершенный успех, и при выпуске он только один получил полные баллы [в науках] во всем, аттестат, книгу с золотыми буквами за прилежание и поведение. В это время умер отец его, какою смертью, бог ведает. [Далее начато: Ему] Он получил только от него в наследство <?> 2 овчинные тулупа, покрытые синим сукном, сертук с старыми обшлагами, фуфайку, [прислали фуфайку ношеную] ветхий <?> двор с ничтожной землишкой, которые он тут же продал за 500 рублей, и семью людей, которую он перевел в город к старухе, своей родственнице, располагаясь не выезжать из города и начать там поприще службой. В то же самое время был выгнан из училища и бедный учитель, любитель тишины и похвального поведения, за глупость или что другое, бог ведает.

Учитель с горя принялся по русскому обычаю пить. Наконец ему даже не осталось, на что и выпить. Холодный и больной исчезал он где-то на ветхой постеле. [Далее начато:

Остряки и при<шли?>] Бывшие ученики его, гонимые им умники и остряки, в которых, бог ведает почему, ему виделся непокорный дух и неповиновение, узнавши как-то об жалком его положении, и как ни были бедны сами [ибо остроумие большею частью удел небогатых] решились сложиться: иные продали даже новое платье, [Далее начато: щегольск<ое>] которое слишком дорого человеку, выступающему в свету <!>, и отправились сообщить об этом Чичикову, не сомневаясь, что он, как бывший любимец его и обязанный ему всем, будет одним из самых жарких дателей. Однако ж так не случилось. Хотя герой наш в душе и почувствовал соболезнование, но отказать и лишиться себя суммы, которая была у него уже разложена на мешочки и <1 нрзб.> в порядке, показалось ему так тяжело, что он отговорился неименем и предложил какую<-то> малость, гривенник или что-то подобное, что они ему тут же бросили, сказав: “Эх ты, скалдырник” и отправились к прежнему учителю. [Далее начато: Нашли они [его на соломе] изнуренный изможденный скелет на соломе, который] Едва отыска-

ли они в конуре: изможденный, высохший скелет, [Далее начато: предстал] валяющийся на соломе, предстал им вместо прежнего педагога. Как ни был он изнурен, но, видя их, невольно содрогнулся. “Не бойтесь, Фадей[Иван] Фадеич, мы никогда против вас не замыслили недоброго, хотя вы, неизвестно почему, нас <1 нрзб.>. Мы принесли вам всё, что могли собрать. Больше бы дали, но больше нет. Возьмите, вот вам. Одного вашего Павлуши нет между нами, [Далее начато: хоть он больше всех мог бы вам дать теперь] один он отказался помочь”. Закрыв лицо руками бедный педагог; слезы градом полились[градом потекли] из потухнувших его очей, как у бессильного ребенка. [Далее начато: И как в потрясенную минуту всякой красноречив, он] “Вот”, сказал он, едва собрав свой голос, [собрав силы] получивший даже[Далее начато: красноречие, как получает он его в потрясающую] выражение и чувство, как случается всегда в потрясающую минуту: “вот при смерти на одре довелось мне раз в жизни заплакать от радости”. И потом, зарывав и вздохнув, проговорил: “Эх, Павлуша. Вот

как переменяется человек. А ведь какой был. Ничего буйного, шелк! Надул, надул, сильно надул!”

Нельзя сказать однако же, чтобы[чтобы до такой степени жестокости было] так черства и сурова была природа нашего героя и так ожесточены [были] его чувства. Он чувствовал сам жалость и состраданье. Он хотел бы даже помочь, но только, если бы помощь не состояла из значительной <суммы?>. Словом, отцовское наставление: “копи и береги копейку”, засело глубоко ему в душу. Скоро после выпуска он вступил с аттестатом на службу в Казенную палату. Но местечко досталось[но место дали] ему самое ничтожное: жалованья 30 или 40 рублей;[Далее начато: словом] и в городских закоулках нужна протекция. Но всё решился победить и преодолеть. Самоотверженье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни духом, ни силами, писал, весь погрязнув в бумаги;[Далее начато: кроме того] не ходил даже домой, спал в канцелярских комнатах[спал в присут-

ствии] на столах, не издерживал копейки[копейки на себя] для какой-нибудь прихоти, обедал подчас с сторожами, но при всем том, однако ж, опрятно одевался и сохранял даже в лице какое-то выражение благородства. Нужно знать, что чиновники казенной палаты как-то были особенно неблагообразны; лица у многих были[Фраза не дописана.] Говорили как-то все сурово, таким голосом, как будто бы собирались прибить, и приносили частые[приносили весьма частые] жертвы Вакху, показав в славянском виде остатки языческого богослужения, и в иное время[и подчас] даже приходили и в присутствие уже налимонившиеся, по тамошнему выражению, и в канцелярии было чрез то и нехорошо[чрез то скверно] и воздух совсем не ароматический. Чичиков представлял собою совершенную противоположность: не брал в рот ни водки, ни вина; в голосе имел всегда почти ласковое и приветливое и потому неминуемо должен был произвести благоприятное впечатление в начальство <!>. Но[Далее начато: как на беду] здесь было трудно сделать. Начальник его, престарелый

повытчик, был [Далее начато: был лицо такое] образ какой-то каменной бесчувственности и непреклонности. Что-то страшное было даже в нем. Вечно тот же, равнодушный ко всему. Никогда не видал никто на лице его усмешки, [Далее начато: или сильного гнева или выражения] ни малейшего гнева или жадности или радости. Не слышали, чтобы он заговорил о чем. Никогда не видал никто, чтобы он изменился хоть раз в жизни, чтобы он хоть дома, хоть на улице, хоть раз был не тем, чем был всегда, чтобы хоть напился пьян, хоть в пьянстве бы засмеялся, хоть бы обуян был диким, грубым весельем, какому предается разбойник или его же братья в пьяную минуту. [Над строкой: чтобы был похож на своих же братьев] Ничего не было в нем ни доброго, ни злого. И зрелось что-то [Далее начато: страшное] в сем страшном отсутствии всего человеческого. Самое лицо его как <-то> поражало отсутствием всякого выражения. Даже не было в нем резкой неправильности, которая бы доставила [которая бы дала] ему сходство с каким-нибудь предметом: в суровой соразмерности между собою были все черты. [Далее

было: только всё оно было покрыто, вероятно, оспою] Одно только давало им — это род каких-то рябин[это рябины] или ухабин по всему лицу, [Вместо “по всему лицу”, разбросанные по всей его наружности] как будто бы, выражаясь русским народным слогом, чорт приходил по ночам молотить горох на его роже.

Казалось, не было сил человеческих сладить с таким человеком, но Чичиков нашел, что можно с ним сладить. Сначала он принялся во всем угождать, [Далее начато: готовлял ему] клал перед ним чиненные перья, сметал всякую пушинку на столе перед его приходом, отыскал где-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала в мире, и клал[Далее начато: возле] за минуту до окончания присутствия перед ним. Забегал на лестницу и чистил ему спину, запачканную мелом от стены. Всё оставалось без внимания. Наконец[Далее начато: стал проню<хивать>] втайне сделал обыски и пронюхал всю его домашнюю жизнь. Узнал, что[Далее начато: в его доме] у него есть[Да-

лее начато: дочь, тоже дово<льно>] зрелая дочь с лицом тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху. С этой стороны решил он произвести нападение, приступ. Стал бывать всякое воскресенье в ту церковь, куда она ходила слушать обедню, становился против них и, так как был отчасти недурен, то дело возымело успех. [Далее было: Наконец подался самый непреклонный повытчик] Пошатнулся непреклонный повытчик, стал приглашать к себе и, уж как это сделалось, никто не мог понять в целой канцелярии, только что [Вместо “только что”: как] Чичиков переехал к нему, стал даже распоряжаться, дочь звал невестой, повытчика называл папенькой и целовал в руку; о свадьбе говорили, как об решенном деле. И через несколько [И в непродолжительном] времени Чичиков сделался сам повытчиком. Как только получил он звание повытчика, в ту же <минуту> отправил сундук свой и весь багаж на другой [Пропуск в рукописи.] съехал совершенно внезапно на другую квартиру, повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше в руку, о невесте и свадьбе

и не заикался. Однако ж, встречаясь с ним, жал всегда руку и просил к себе на чай, так что старый повытчик, несмотря на вечную неподвижность своего лица, всякой раз встряхивал головой и произносил себе под нос: “Надул, надул, чортов сын”.

Это был самый трудный порог, через который переступил герой наш. С этих пор пошло легче и успешней. [С этих пор всё было легче и пошло успешней.] Все невольно обратили на него внимание. [Вместо “все ~ внимание”: Никак нельзя было, чтобы не обратить на него внимания. В самом деле] Такой искренности, [Далее начато: приятности в обращении, умения] знанья в обращении со всяким ни в ком не было видимо. Всё соединилось вместе — и приятность в лице и в поступках, и способность в деловых делах. В непродолжительное время [Далее начато: а. он выискал себе; б. достал] очутилось у него то, что называют наживное местечко, и воспользовался он им [местечко, которым он воспользовался] отличным образом. Нужно знать, что тогда объявлены, начались пресле-

дованья взятков. Но этого он ничуть не смутился, напротив, [напротив даже] поворотил тот же час их в свою пользу и выказал таким <образом> в полной форме русскую изобретательность, [Далее начато: во время прижимок оказывающуюся] которая и является именно во время всяких прижимок. [Далее начато: Если проситель] Являлся проситель и засовывал руку в карман с тем, чтобы вынуть оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются [остряки] на Руси. “Нет, нет”, говорил он ту же минуту, придерживая <1 нрзб.> ему и с приятной улыбкой: “Вы думаете, что я... Нет, нет, это наш долг, наша обязанность. Мы должны это сделать без всяких вознаграждений. [Далее начато: Ничего] В этом будьте покойны, завтра же всё будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно, всё будет принесено к вам на дом”. Очарованный проситель возвращался чуть не в восторге домой, думал в себе: “Вот наконец человек, каких нужно. Это просто драгоценный алмаз”. Но ждет он день, другой — не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в

канцелярию, — дело и не начиналось. “Ах, извините”, говорил Чичиков, учтиво ухватив его за обе руки: “у нас столько было дел, но завтра же всё будет сделано”. И всё это сопровождалось движеньями обворожительными. Если при этом распахива<лась> [Далее в рукописи пропуск.] Но ни завтра, ни послезавтра не несут дела. Проситель берется <1 нрзб.> узнать. Говорят: “Нужно дать писарям”. — “Почему ж не дать? Я готов четвертак, другой”. — “Нет, не четвертак, а по беленькой”. — “По беленькой писарям!” вскрикивает проситель. — “Да чего вы горячитесь?” отвечают: “оно так и выйдет: писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет по начальству”. Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит, на чем свет стоит, новый порядок, преследованье взятков и [Далее начато: благородный тон нынешн<их>] вежливый облагороженный тон нынешних чиновников. “Прежде было — знаешь: принес правителю дел красную, да и дело, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься. Чорт бы побрал вежливое и бескорыстное обращение Чичикова!” [Далее нача-

то: Так] Конечно проситель прав. Но зато теперь нет взяточников: все правители честнейшие и благороднейшие люди, секретари [только] мошенники. Скоро представилось Чичикову новое поле: образовалась комиссия для построения очень капитального казенного строения. В эту комиссию пристроился тот же час Чичиков и оказался одним из деятельных членов. Комиссия тот же час принялась за дело, возилась, возилась, шесть лет возилась; но климат ли мешал, или материал был такой, только никак казенное здание не пошло [только никаким образом не пошло казенное здание] дальше фундамента; а между тем у каждого из членов очутилось по красивому дому гражданской архитектуры в разных концах города; видно, [Далее начато: был там] грунт земли в тех местах был лучше. [Далее было: Многие из членов начали уже заводиться семействами.] Чичиков завелся рыскаками. Оказалось, [Далее начато: множество прихотей, оказалось, что любил и покушать] что он вовсе не чужд был наслаждений, что был охотник и покушать и даже покутить и поиграть, хоть от всего этого удержался в мо-

лодые годы, благодаря непостижимой власти [от всего этого удержался необыкновенной властью] характера и воли, решившись на жертвования и на ограничения, чтобы достигнуть вернее искомой возможности. [решившись на самоотвержение невозможное, с тем, чтобы верней и скорее достигнуть возможности.] Чиновники начинали уже благоденствовать и многие заводили семейство, как вдруг, будто снег на голову, прислан был новый начальник на место старого, которому дали название тьюфяка. [К этому тексту имеется еще один набросок на отдельном листке: Чиновники стали благоденствовать, и Чичиков <1 нрзб.> помалу стал, наконец, развертываться и свергать с себя иго поста и воздержания и ограничения в узах, которые он строго <1 нрзб.>. Оказалось, <далее нрзб.> наконец, мало-помалу, что он вовсе был не чужд разных маленьких наслаждений жизни и воздерживался только силою необыкновенного характера, умевшего отказывать себе в них в лета пылкие. Уж в доме его явились, хотя скромно, кое-какие излишества; уже завел он повара; уже тонкие рубашки голландские,

уже на фрак себе он купил сукно, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых цветов с искрой. Уже по утрам стал вытираться мокрою губкою, окунутою в воду, смешанную с одеколоном, и покупаюсь довольно недешево мыло для сообщения гладкости коже. Уже оказалось, что нервы в нем [сделались] были гораздо чувствительнее всякой институтки <?>. Уже проезжался он на паре добрых коней, и сам придерживал возжу, заставляя виться пристяжную кольцом, как вдруг] Новый начальник был человек военный, строгий, прямодушный в душе, враг взяточников и всего, что зовется на свете неправдой. Пугнул тот же час всех, потребовал отчеты, увидел недочеты, недостающие на всяком шагу, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. [Далее начато: Чиновники] Члены попали под суд; дома поступили в казну и обращены были на богоугодные заведения и школы для кантонистов. Над чиновниками тут же произведено было следствие по всей строгости законов; всё было распушено. Чиновники были отставлены

с предписанием не принимать ни в какую службу, и несчастье, почему, бог знает, обрушилось более всего на Чичикова. Не понравилась ли его физиогномия или что другое, бог ведает, словом, всё было страшно и всему задана была. <1 нрзб.>. Но вообще на всех был наведен страх необыкновенный, всё было распушено. Но так <как> начальник все-таки был военный, гражданских всех проделок не ведал, то в скором времени вошли [Над строкой надписано: стали] к нему в милость новые чиновники, в миг постигшие его характер. Всё, что ни было под его начальством, сделалось вдруг страшными гонителями неправды. Везде, во всех углах, преследовали, [Далее начато: они с рвением необыкновенным. До того преследовали, что у каждого] как рыбаки, они неправды и преследовали с таким успехом, что у иных оказалось по несколько десятков тысяч капиталу. Генерал радовался, что выбрал наконец чиновников, как следует, хвастался прозорливостью и тонким умением различать людей. В это время обратились на путь истины многие даже из прежних чиновников и были приняты в

службу. Но Чичиков никак не мог попасть, как ни старался за него умный и ловкий секретарь, постигший в миг[в одну минуту] водить за нос правдивого генерала, но ничего не мог сделать. У генерала были такие предметы, которые, как гвоздь, заседали, и уж никакими силами нельзя было оттуда их вытеребить. Всё, что можно было сделать для Чичикова при всех задабриваньях, было уничтожение замаранного послужного <списка>, и то уж было сделано как-то из уважения к несчастному семейству Чичикова, которого, к счастью, у него не было.

“Ну, что ж”, [Далее было: зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай.] сказал наш герой, встряхнувшись, как пудель, которого облили водою: “зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай. Не плакать же: этим рубля не добудешь, [Далее начато: нужно дело делать] этим горю не пособишь”. И вот он вновь начал с начала карьеры; [начал дело] вновь вооружился терпеньем [железным], вновь ограничил себя во всем, [Далее начато: облекся <1 нрзб.>] как ни распустился было прежде, но

как-то <1 нрзб.> неудачно клеилось дело. [Далее начато: Несколько мест уже переменял, видя, что] Вновь начал вести бедную жизнь, отказывая себе в малейшей безделице. С трудом определился куды<-то> и должен был опять переменить. Хотя, казалось, он был довольно тверд духом, но все однако ж эти несчастья имели на него влияние: он похудел. То было уже приобретал те полные и хорошие формы, в каких читатель его нашел ныне при заключении с ним знакомства, и не раз, поглядывая в зеркало, он уже подумывал бывало о многом приятном: о бабенке, о детской. Но теперь, как взглянул он на себя в зеркало, не вытерпел не сказать: “Пресвятая мать, какой же я стал гадкой!”. Но нужно было крепиться духом, и Чичиков бодро всё сносил, сносил сильно и перешел [Чичиков перенес бодро и перешел] наконец в таможенную службу. Нужно знать, что эта служба давно составляла тайный предмет его желаний. Он видел, какими заграничными [какими славными] вещицами заводились господа таможенные и какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам и сестрам. Не раз говорил он

со вздохом: “Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди. [Далее было: Кроме главных доходов, ему приходили очень часто на мысль тонкие голландские рубашки (он очень любил чистоту) и особенный сорт французского мыла, сообщавший необыкновенную белизну коже и свежесть щекам.] А какими тончайшими рубашками можно? [Фраза не дописана.] Надобно заметить, что герой наш — большой любитель чистоты и опрятности и высоко уважал особенный сорт французского мыла, [и давал большую цену особенному французскому мылу] названия которого не припомним, который сообщал необыкновенную белизну коже и свежесть и который на границе очень легко было достать. Итак, он давно бы перешел в таможню, но тогда [Далее начато: были другие] отвлекали выгоды по строительной комиссии, и он судил справедливо, что комиссия все-таки была уже синица в руках, а таможня — журавль в небе. Теперь же он решил, во что бы то ни стало, добраться до таможни, и добрался.

К ГЛАВЕ XI

Пист Пистович был характера самого кроткого, какой только когда-либо был видыван на свете: жизнь свою он провел в беспрестанном хождении по своей комнате в халате, [Над строкой записано: он вел большей частью <в> халате] курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, впрочем [несколько], именно: почему зверь [Далее начато: не так] родится зверем, нагишом, а не так, как птица, вылупливаясь из яйца. Феопист Пистович был, напротив, то что называется по-русски, богатырь и плечистая натура: поминутно оказывал расположение разгуляться: кого-нибудь да прибьет. [Над строкой записано несколько слов, не разобранных.] В доме всё, начиная от ключницы до собаки, бежало, издали завидев. Он даже собственную кровать изломал. [Он даже изломал в куски собственную кровать.] “Да”, говаривал [Далее начато: батюшка] всегда Пист Пистович, когда доходили до него жалобы на его сына: “Нужно бы, нужно бы пожурить Феописта Пистовича. Да ведь сделать-то как это? Наедине-то его не пристыдишь, а при другом-третьем человеке скажешь — весь город узнает.

Нет, уж пусть лучше [так его и] остается собакой; ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка”. И довольный тем отец отправлялся вновь по комнате рассуждать об рождении зверя, натурально с какими-нибудь новыми мнениями, например: а любопытно, что если бы слон, например, родился в яйце?[слон, например, вылезал из яйца] Какой толщины нужно, чтобы была скорлупа; должно быть, толста, пушкой вряд ее прошибешь. [Вместо “должно быть ~ прошибешь”: ведь, я думаю, пулей вряд ее можно будет прошибить.] Так протекала жизнь двух этих обитателей, конечно, полезная, потому что подслужилась[потому что прислужилась] теперь автору ответить на мудрое обвинение, которое, без сомнения, произнесут кое-какие патриоты. [На полях: у кого-нибудь трещит, или кто-нибудь с болдырем явится]

К ГЛАВЕ XI

Но эти упреки[Но эти вопросы] только наружны, не из души вашей они произошли. Другое под ними скрыто. [Другое кроется под ними.] Я скажу его вам. Кто же, как не автор должен сказать слово[сказать вам слово]

К ГЛАВЕ XI

Эх, тройка, птица-тройка, кто выдумал <тебя>?[Далее было: Бойкой народ мог только выдумать тебя] Ты могла родиться, знать, только в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась, [а ровнем раскинулась на сорок сороков] да и поди считай версты. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным винтом, а наскоро топором <2 нрзб.> Не в немецких ботфортах ямщик: борода да тулуп, да рукавицы, и сидит чорт знает на чем. А взмахнул кнутом, да затянул: “Эх ты, головушка победная”. Рванулись вихрем кони, спицы смешались в колесах в один гладкий круг, пыль пошла по обеим сторонам. Вон она вдали [ступай] понеслась, понеслась, понеслась. Батюшки мои... Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Вихрем[Далее начато: пыль только как птица, как мысль] дымится под тобою дорога, [Далее начато: Эх, кони, кони, что за кони] гремят мосты, всё отстаёт и остаётся п<озади?>. Эх, кони, кони, <что> за кони, какие вихри сидят в ваших гривах?[Вместо “ка-

кие ~ гривах”: каким вихрем взметнули
несплетенные гривы] Как будто чуют лихую
песню: напрягли дружно и разом медные гру-
ди, [Далее начато: прыщут] пустились, и бога-
тырский огонь летит из ноздрей — и понес-
ли... Что перед[Далее было: <1 нрзб.> верст.
Неслыхано] вами версты, <1 нрзб.> назад бе-
гут они. И вот она понеслась, и только
вскрикнул остановившийся по дороге пеше-
ход, поднявши шапку. Русь, куда несешься
ты? Не слышит, махнула рукой только

К ГЛАВЕ XI

Эх, тройка, птица-тройка, знать у бойкого
народа ты могла только родиться, в той зем-
ле, что <1 нрзб.>, а ровнем-гладнем разметну-
лась на полсвета, да и ступай считать версты,
пока не зарябит в очах. И не хитрый, кажись,
дорожный снаряд: не железным схвачен вин-
том, а наскоро, живьем отработал тебя с од-
ним топором в руках ярославской бойкой му-
жик. Не в немецких ботфортах ямщик: боро-
да, да тулуп, да рукав<ицы> и сидит чорт зна-
ет на чем, а привстал да замахнулся, да заты-
нул песню — кони вихрем, спицы в колесах
смешались в один круг. Только дрогнула до-

рога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход, и вот понеслась, понеслась, понеслась. Вот это она вдали пылит и сверлит воздух. Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобой дорога, гремят мосты, всё отстает и остается назади. Стоит<?> глядит со страхом пораженный божьим чудом пешеход, не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение и что это невиданное[Фраза не закончена.] Эх, кони, кони, что за кони. Вихри сидят в ваших гривах. Чуткое ухо слышит в каждом <2 нрзб.> слышали с вышины знакомой разом и дружно напряглися ваши медные груди и, почти не тронув копытами земли, летите, обратившись в одно мгновение. Вся мчится она, вдохновенная Русь <2 нрзб.> Дай же ответ, куда несешься. Не даешь

<РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕРОЯХ “МЕРТВЫХ ДУШ”>

Он даже и не задал[и не сделал] себе запроса, зачем эти люди попали ему на глаза, как вообще все мы никогда не спрашиваем себя, зачем нас окружили такие-то обстоятельства, а не другие, зачем вокруг нас стали такие-то люди, а не другие, тогда как ни малейшее событие в жизни[тогда как ничто в мире] не произошло даром, и всё вокруг в наше наученье и вразумление. Но слова, что свет есть[что есть свет] живая книга, повторяются нами уж как-то особенно бестолково и глупо, [повторяются бестолково и глупо нашими устами] так что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произносит. Он даже и не задумался над тем, от чего это так, что Манилов, по природе добрый, даже благородный, бесплодно прожил[без пользы прожил] в деревне, ни на грош никому не доставил пользы, [ни на грош не доставил пользы никому] опошлел, сделался приторным своею доб<ротою>, а плут Собакевич, уж во все не благородный по духу и чувствам, одна-

ко ж не разорил мужиков, не допустил их быть ни пьяницами, ни праздношатайками. И отчего коллежская регистраторша [коллежская секретарша] Коробочка, не читавшая и книг никаких, кроме часослова, да и то еще с грехом пополам, не выучась никаким изящным искусствам, кроме разве гадания на картах, умела, однако ж, наполнить рублевыми сундучки и коробочки [Далее начато: а. и сделаться; б. и сделать это без всяких отягощений мужикам, которые вносили ей все те же деньги] и сделать это <так>, что порядок, какой он там себе ни был, на деревне все-таки уцелел: души в ломбард не заложены, а церковь [на селе] хоть и не [очень] богатая была, [однако же] поддержана, и правились и заутрени и обедни исправно, — тогда как иные, живущие по столицам, даже и генералы по чину, [и] образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю <бывые?>, беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай, — и все крестьяне [и все души] заложены

в ломбард и перезаложены, и во все магазины до единого и всем ростовщикам до последнего в городе должны. Отчего это так, над этим Чичиков не задумался, так же, как и многие жители просвещенных городов, которые обыкновенно любят в этом случае повторить известное изречение: “Трудно даже и поверить, какие у нас живут оригиналы во многих губерниях и уездах...” [Все] помещики вылетели из головы Чичикова, даже и сам Ноздрев. Он позабыл то, что наступил ему тот роковой возраст жизни, [Он позабыл то, что приближался сам к [пятому] [лет] другой половине жизни] когда всё становится ленивей в человеке, когда нужно его будить, будить, чтоб не заснул навеки. Он не чувствовал того, что еще не так страшно <для?> молодого ретивый пыл юности, гибкость не успевшей застыть и окрепнуть природы, [Он даже и не знал того, что молодого еще кое-как спасет пылкое ретивое чувство юности, еще гибкая неуспевшая застыть природа] бурлят и не дают мельчать чувствам, — как начинающему стареть, которого нечувствительно обхватывают совсем почти незаметно пошлые при-

вычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, все<го> опутают и облекут человека, что и не останется в нем его самого, а куча только одних принадлежащих свету условий и привычек. [Далее начато: До души] А как попробуешь добраться до души, ее уж и нет. Окремевший кусок и весь [уже] превратившийся человек в страшного Плюшкина, у которого если и выпорхнет иногда что похужее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека.

<ЗАМЕТКИ> К 1-й ЧАСТИ

Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие. Сплетни, перешедшие пределы, как всё это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей.

Частности в разговорах дам. Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую. Как создаются соображения, как эти соображения вос-

ходят до верха смешного. Как все невольюно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юпки образуются.

Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. — Еще сильнее между тем должна представиться читателю мертвая бесчувственность жизни.

Проходит страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление? Жизнь бунтующая, праздная — не страшно ли великое она явленье. <Знрзб.> жизнь. Плечи при бальном с <1 нрзб.>, при фраках, [при] сплетнях и визитных билетах никто не признает <?> <1 нрзб.>.

Частности. Дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был тем-то, другой — тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идееми.

Явление других дам на сцену.

Дама приятная во всех отношениях имеет чувственные наклонности и любит рассказывать, как она иногда побеждала чувственные наклонности, и посредством ума своего, и чем умела не допустить до слишком коротких с нею изъяснений... Впрочем, это случилось само собою, очень невинным образом. До коротких объяснений никто не доходил уже [и] потому, что она и в молодости своей имела что-то похожее на будочника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества.

“Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить; удалить и потом приблизить”. Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым. У других тоже состроиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать, как можно дольше. Потом нашли, что совсем у Чичикова нет манер и восп<итания?> хороших.

Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания балов. Описание венского конгресса ее очень занимает. Туалет любила дама, то есть, замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо.

Сидя рассматривают входящих. “Н<адворная> совет<ница> не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет...” “Как хорошо одета губернаторская дочка <2 нрзб.>” — “Милая, она так гадко одета”. “Уж если и так [ну] <1 нрзб.>

— Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массу. Рожден бал и все соединения. Сторона главная и бальная общества.

Противуположное ему преобразование во II <части?>, занятой разорванным бездельем.

Как низвести все мира безделья во всех родах до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразова-

ния безделья мира?

Для <этого?> включить все сходства и внести постепенным ход.

ВАРИАНТЫ

РАЗДЕЛ 1

В ворота гостиницы губернского города NN въехала ~ господами средней руки.

КАБ1(п) — города М

В ворота гостиницы губернского города NN въехала ~ бричка, в какой ездят ~ господами средней руки. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — в коей

В ворота гостиницы губернского города NN въехала ~ бричка, в какой ездят холостяки: отставные ~ господами средней руки.

КАБ1 — обыкновенно ездят

Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем ~ к сидевшему в нем.

КАБ1(п) — не сделал совершенно никакого

шума в городе

Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только ~ к сидевшему в нем.

КАБ1(п) — никакими особенными обстоятельствами

Въезд его не произвел в городе ~ кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем.

КАБ1(п) — которые по обыкновению относились более к экипажу, нежели

Да еще когда бричка подъехала ~ с бронзовым пистолетом.

КАБ1(п) — Да когда еще

Да еще когда бричка подъехала к гостинице, встретился ~ с бронзовым пистолетом.

КАБ1 — подъезжала

Да еще когда бричка подъехала ~ панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями ~ пистолетом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в несколько узком фраке

Да еще когда бричка подъехала к гостинице, встретился ~ коротких, во фраке с покушениями на моду, из-под которого ~ пистолетом.

КАБ1(п) — с чрезвычайно узенькими фалдами

Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

КАБ1, ПБЛ4(п) — картуз свой

Когда экипаж въехал на двор, господин ~ у него было лицо.

КАБ1 — въехал

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен ~ в русских трактирах, живым ~ именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где ~ знать о всех подробностях проезжающего.

КАБ1(п) — Этот половой был что-то такое живое, что даже весьма трудно было в

первую минуту заметить лицо его. Он был весь длинен, как вьюн, и в таком же длинном демикотонном сертуке со спинкою чуть чуть не на шее. Он вышел с салфеткой на руке и, встряхнувши волосами, повел проворно господина наверх по так называемой деревянной галдарее показывать ему его апартамент. Гостиница была такого же самого рода, как

КАБ1 — а. Начато: существом до такой степени

Покой был известного рода; ибо гостиница была ~ с тараканами, выглядывающими, как ~ сосед, молчаливый ~ проезжающего.

КАБ1(п) — величиной в ржаной хлеб, какой солдаты носят на палках, и дверью в соседнюю комнату, заставленную комодом, за которую обыкновенно помещается сосед

Покой был известного рода; ибо гостиница была ~ заставленную комодом, где устраивается сосед, молчаливый ~ проезжающего.

КАБ1, ПБЛ4(п) — за которую всегда помещается

ПБЛ4 — где [почти всегда] и устраивается

Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен ~ и баранками.

КАБ1(п) — тоже не обещал очень много: он был довольно длинен, в два яруса

Наружный фасад гостиницы ~ кирпичиках, еще более ~ выкрашен вечною желтою краскою; внизу ~ и баранками.

КАБ1(п) — изрядно почерневших и грязноватых. Верх был покрыт

В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался ~ издали можно бы подумать, что ~ смоль, бородою.

КАБ1(п) — весьма можно было предполагать

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены ~ не в первый раз в дороге. ПБЛ4, РЦ, МД1;

КАБ1 — осматривал

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан ~ в дороге. КАБ1(п), МД1;

КАБ1 — эти слова зачеркнуты

ПБЛ4, РЦ — их нет

Пока приезжий господин осматривал ~ чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге.

КАБ1, ПБЛ4(п) — несколько поиздержанный

КАБ1(п) — впрочем довольно потемневший

Пока приезжий господин ~ поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге.

КАБ1(п) — что господин был

Чемодан внесли кучер Селифан, низенькой человек ~ и носом.

КАБ1 — кучер его

Чемодан внесли кучер Селифан, низенькой человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как ~ носом.

КАБ1(п) — просторном, но

Чемодан внесли кучер ~ с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом.

КАБ1(п) — несколько суровый

Чемодан внесли кучер ~ суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — весьма

Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева, с ~ березы, сапожные колодки ~ курица.

КАБ1(п) — портфель зеленого сафьяна

Когда всё это было внесено, кучер Селифан ~ уже успел притащить ~туалетом.

КАБ1(п) — принести свою шинель, имевшую какой-то странный и особенный свой запах и мешок с разным туалетом [имевший],

имевшим тот же запах, так что ему нечего было и надписывать, на них своего имени, ибо, вероятно, в случае пропажи всякий нашедший их принес бы прямо к нему в руки, потому что и в сертуке его был слышен тот же запах

В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ~ гостиницы.
МД1;

МД2 — треногую

В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим ~ вытребовать у хозяина гостиницы.

КАБ1(п) — какой-то потемневшей лепешкой, называемой тюфяком, [которую] который удалось ему выпросить

В этой конурке он приладил к стене ~ тюфяка, убитым и плоским, как ~ у хозяина гостиницы.

КАБ1 — нет

В этой конурке он приладил ~ плоским,

как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который ~ гостиницы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — со всеми прочими свойствами блина

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу.

КАБ1(п) — В то время, когда устраивались и хлопотали слуги, господин давно уже приказал себя проводить

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные ~ не видывал.

КАБ1(п) — очень хорошо знает

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий ~ дыма и залосненные снизу спинами разных ~ не видывал.

КАБ1(п) — залоснившиеся внизу от спин

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий ~ разных проезжающих, а еще более туземными купеческими, ибо купцы ~ не видывал.

КАБ1(п) — и туземных купеческих

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий ~ приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю; тот же закопченный потолок, та же ~ не видывал.

в немалом количестве пить чай;

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий ~ испивать свою известную пару чаю; тот же ~ не видывал.

КАБ1 — заповедную

Какие бывают эти общие залы — всякой проезжающий ~ пару чаю; тот же закопченный потолок, та же ~ не видывал.

КАБ1(п) — отчасти копченный

Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в ~ везших их курьеров.

КАБ1(п) — картинах, писанных масляными красками

Подобная игра природы, впрочем, случается ~ в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями ~ курьеров.

КАБ1, — может быть иногда и нашими же

Подобная игра природы, впрочем, случается ~ вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету везших их курьеров.

КАБ1 — купившими

Покамест ему подавались разные обычные ~ в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски ~ отвечал: “О, большой, сударь, мошенник”. МД1;

МД2 — недель

Покамест ему подавались ~ с капустой, пулярку жареную, огурец ~ отвечал: “О, большой, сударь, мошенник”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД2 — пулярка жареная

Покамест ему подавались ~ и просто холодное, он заставил слугу, или ~ отвечал: “О, большой, сударь, мошенник”.

КАБ1(п) — заставил между тем

Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые ~ над ним.

КАБ1(п) — Есть много

Как в просвещенной Европе, так ~ с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. КАБ1(п) — и пошутить

КАБ1, ПБЛ4(п) — а иногда даже весьма забавно пошутить

Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто ~ одно простое любопытство.

КАБ1 — расспросил весьма

Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он ~ горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы и тому подобно-го, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — каких-либо

Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; ~ и тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — так

Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — трубка

На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям.

КАБ1(п) — Надворный советник

Когда половой всё еще разбирал по складам ~ казалось удовлетворен, ибо ~ на деревянных.

КАБ1, ПБЛ4(п) — совершенно удовлетворен

Когда половой всё еще разбирал по скла-

дам ~желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.

КАБ1(п) — и серая

Местами эти дома казались ~ заметно более движения народа и живописи.

ПБЛ4 — движения, народа, живости

РЦ — движения народа, живости

КАБ1(п) — движения, живости и народу

Попадались почти смытые дождем вывески ~ надписью: “Иностранец Василий Федоров”; где ~ в последнем акте на сцену.

КАБ1(п) — Рохманов

Попадались почти смытые дождем вывески ~ билиярт с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — игравшими

Попадались почти смытые дождем ~ с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену.

КАБ1(п) — во фракках какого-то покроя, как

Игроки были изображены с ~ сделавшими на воздухе антраша.

КАБ1(п) — Они

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — игравшие

Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько ~ ногами, только что сделавшими на воздухе антраша.

КАБ1(п) — вывороченными руками и ногами

Игроки были изображены ~ руками и ко-сыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша.

КАБ1 — нет

Под всем этим были написано: “И вот заведение”.

КАБ1 — подписано

Кое-где просто на улице стояли столы ~ в нее вилкою.

КАБ1, ПБЛ4(п) — прямо

Кое-где просто на улице стояли столы ~ в нее вилкою.

КАБ1(п) — нет

Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где ~ в нее вилкою.

КАБ1(п) — имевшими вкус мыла

Чаще же всего заметно было потемневших ~ надписью: “Питейный дом”.

КАБ1 — заметил

Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь ~ надписью: “Питейный дом”.

КАБ1 — двуглавых государственных гербов

КАБ1(п) — государственных двуглавых гербов

Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: “Питейный дом”.

КАБ1(п) — нет

Мостовая везде была плоховата.

КАБ1(п) — была отчасти

Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них ~ к господину градоначальнику.

КАБ1(п) — несмотря на то, что они

Впрочем, хотя эти деревца ~ гражданского правителя, садом, состоящим ~ к господину градоначальнику.

КАБ1(п) — правителя губернии

Впрочем, хотя эти деревца ~ в знак признательности к господину градоначальнику.

КАБ1(п) — доброму начальнику

КАБ1 — [г. гражданскому] господину градоначальнику

Накушавшись чаю, он ~ стал читать, прищуря немного правый глаз.

КАБ1(п) — прищуря немного правый глаз, занялся чтением

Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла ~ складывать всё, что ни попадалось.

КАБ1(п) — Из афиши узнал он, что

Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма ~ складывать всё, что ни попадалось.

КАБ1 — было немного

Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. ~ складывать всё, что ни попадалось. МД1;

КАБ1, ПБЛ4 — Рола

РЦ — Роала

МД2 — Роллу

Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплёвин, Кору — девица Зяблова, прочие лица ~ складывать всё, что ни попадалось. КАБ1, ПБЛ4, РЦ;

МД1 — Повлевин

Впрочем, замечательного немного было ~ Зяблова, прочие лица ~ афиша была напечатана в типографии ~ складывать всё, что ни попадалось.

КАБ1(п) — Множество еще начитал он разных других лиц, впрочем, не очень интересных, и когда добрался до цены партера и разобрал внизу афиши, что

Впрочем, замечательного немного было ~ типографии губернского правления, потом переверотил на другую сторону узнать, нет ли ~ всё, что ни попадалось.

КАБ1(п) — переверотил

Впрочем, замечательного немного было ~ глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось.

КАБ1 — свернул ее

День, кажется, был заключен порцией ~ русского государства.

КАБ1(п) — Как был заключен этот день,

неизвестно. Холодная ли телятина его увенчала с бутылкою кислых щей, или целый ужин, только он, по крайней мере, заснул весьма крепко

День, кажется, был заключен порцией ~ всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

КАБ1 — [прихрапку] храпку

День, кажется, был заключен ~ местах обширного русского государства.

КАБ1 — обширного [российского] русского

Весь следующий день посвящен был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам.

КАБ1(п) — приезжий посвятил на обозрение внутренней стороны города, другими словами, отправился делать визиты всем сановникам

Весь следующий день посвящен был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам.

КАБ1 и ПБЛ4 — нет

Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ~ по тюлю.

КАБ1(п) — оказалось, так же как и Чичиков

Потом отправился к вице-губернатору, потом был ~ сильных мира сего; но довольно сказать, что ~ архитектору.

КАБ1(п) — довольно

Потом отправился к вице-губернатору, потом ~ довольно сказать, что ~ архитектору.

ПБЛ4(п), КАБ1 — сказать то

И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников.

КАБ1(п) — к кому бы еще заехать сделать визит

И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше

ше в городе не нашлось чиновников. ПБЛ4,
РЦ, МД1;

КАБ1 — чиновника

Губернатору намекнул как-то вскользь,
что ~ правительства, которые назначают муд-
рых сановников, достойны большой похвалы.

КАБ1(п) — выбирают

КАБ1 — выбирающие

Губернатору намекнул как-то вскользь,
что ~ сановников, достойны большой похва-
лы.

КАБ1(п) — всегда достойны

О себе приезжий, как казалось, избегал
много говорить; если же говорил, то каки-
ми-то ~ первым его сановникам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и говорил

О себе приезжий, как казалось, избегал
много говорить; если же говорил, то каки-
ми-то общими местами, с заметною ~ первым
его сановникам.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — как-то

О себе приезжий, как казалось, избегал ~ общими местами, с заметною скромностию, и разговор ~ первым его сановникам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и с заметною

О себе приезжий, как казалось, избегал ~ скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что ~ первым его сановникам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

О себе приезжий, как казалось, избегал ~ заботились, что испытал много ~ первым его сановникам.

КАБ1 — испытал он

О себе приезжий, как казалось, избегал ~ на веку своем, претерпел на службе за правду, имел ~ его сановникам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — по службе

Приготовление к этой вечеринке ~ не везде видывано.

КАБ1(п) — В небольшой комнате гостини-

цы происходили приготовления к этой вечеринке почти в продолжении трех часов и в приезде господине оказалась особенная внимательность к туалету.

Приготовление к этой вечеринке заняло слишком два часа времени, и здесь ~ не везде видывано.

КАБ1 — Приготовление к этой вечеринке заняли слишком три часа.

ПБЛ4(п) — Приготовление ~ слишком два часа

После небольшого послеобеденного сна ~ из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги.

КАБ1, ПБЛ4(п) — фыркнул

Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно ~ с искрой.

КАБ1, ПБЛ4(п) — волоса

Черные фраки мелькали ~ открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, сле-

дя ~ густыми кучами.

КАБ1 — дети все столпились

Насыщенные богатым летом, и без того ~ по сахарной куче, потереть одна о другую ~ эскадронами.

КАБ1 — потереть себе

Насыщенные богатым летом, и без того ~ над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами.

КАБ1(п) — взглянуть, повернуться

Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что бог послал в губернский город.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Дамы многие

Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни ~ так же весьма чисто, обдуманно и со вкусом ~ в Петербурге. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — весьма обдуманно

Мужчины здесь, как и везде, были ~ просто

благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же ~ в Петербурге.

КАБ1(п) — очень благовидные овалы

КАБ1 — благовидные, весьма гладко выбритые лица

Мужчины здесь, как и везде, были ~ смешали дам так же, как и в Петербурге.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — в Петербурге смешат; иные даже заказывали себе фраки в Петербурге

Лица у них были полные и круглые, на иных даже ~ рябоват; волос они на голове не носили ~ и крепкие.

КАБ1 — на голове они

Лица у них были полные ~ подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие. МД1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — или приглажены и прилизаны

Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся ~ совсем

ненадежно. МД1;

МД2 — особым поручениям

Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют ~ ненадежно.

КАБ1 — числятся только

Тоненькие служат больше ~ существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно.

КАБ1(п) — очень эфирно, как-то

Толстые же никогда не занимают ~ если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что ~ не слетят.

КАБ1(п) — сядут на нем, так сядут крепко

ПБЛ4, РЦ — сядут на нем, то сядут надежно и крепко

Толстые же никогда не занимают ~ место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят.

КАБ1(п) — нет

Наконец толстый, послуживши богу и ~ барином, хлебосолом, и живет, и хорошо живет.

КАБ1 — и, как выражаются у нас общим выражением,

Нельзя утаить, что почти такого рода размышления ~ левым глазом, так, как будто бы ~ что-то скажу”, — человека, впрочем, серьезного ~ не без приятности.

КАБ1 — нет

Нельзя утаить, что почти такого рода размышления ~ почтмейстера, низенького человека, но остряка ~ не без приятности.

КАБ1 — нет

Нельзя утаить, что почти такого рода размышления ~ философа; председателя палаты, весьма рассудительного и любезного человека, которые ~ не без приятности.

КАБ1(п) — председателя палаты

КАБ1 — председателя палаты очень рассудительного

Тут же познакомился он с весьма обходи-

тельным ~ на ногу, сказавши: “прошу прощения”.

КАБ1 — познакомился

Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному.

КАБ1(п) — принимаются за сурьезное дело
в КАБ1 намечено карандашом исправление: дело степенное

Хотя почтмейстер был очень речист, но ~ во всё время игры.

КАБ1(п) — Почтмейстер, который, казалось,

Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: “Пошла, старая попадья!”

КАБ1 — а если

А председатель приговаривал: “А я его по усам!”

КАБ1 — потом говорил

Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения:

КАБ1(п) — “А! была не была”: восклицания

“А! была не была, не с чего, так с бубен!”, или же просто восклицания: “черви! червоточина! пикенция!”, ~ в своем обществе.

КАБ1(п) — нет

“А! была не была, не с чего, так с бубен!”, или же просто восклицания: “черви! червоточина! пикенция!”, или ~ в своем обществе.

КАБ1 — черва

“А! была не была, не с чего, так с бубен!”, или ~ пичура!” и даже просто: “пичук!” ~ в своем обществе.

КАБ1(п) — даже

Приезжий наш гость также спорил, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил.

КАБ1(п) — спорил тоже

КАБ1, ПБЛ4 — тоже спорил

Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Скоро внимание

Несколько вопросов, им сделанных, показали ~ прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян ~ и отчество.

КАБ1 — расспросил он, сколько у них душ

ПБЛ4, РЦ — расспросил сколько у него душ

Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти.

КАБ1, ПБЛ4(п) — жмуривший

Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как

Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь ~ заставы.

КАБ1 — просил его очень

Он очень долго жал ему руку ~ приездом в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать верст от городской заставы.

КАБ1 — его деревню

Он очень долго жал ему руку ~ в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать верст от городской заставы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — всего только

На что Чичиков с весьма вежливым ~ даже почтет за священнейший долг.

почтет это за [самый] священнейший

Собакевич тоже сказал несколько лаконически: “и ко мне прошу”, шаркнувши ~ ногу, особенно в нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри.

КАБ1(п) — тем более, что богатырское время давно, как кажется, миновалось

Собакевич тоже сказал ~ и на Руси начинают уже выводиться богатыри.

КАБ1 — начинают уже

Словом, ни одного часу не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — засыпать

Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека.

КАБ1 — опытного и светского

О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать ~ судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком. КАБ1(п), МД1;

ПБЛ4, РЦ — будто бы и сам

О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать ~ сам был и чиновником и надсмотрщиком.

РЦ — чиновником

Но замечательно, что он всё это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо

держат себя.

КАБ1 — солидностью

Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и совершенно

Все чиновники были довольны приездом нового лица.

КАБ1 — чиновники города

Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор, что он дельный человек; жандармский полковник ~ человек.

КАБ1 — он очень дельный

Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши ~ познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: приятный человек!”

КАБ1 — надворным

Такое мнение, весьма лестное для гостя, со-

ставилось ~ в совершенное недоумение почти весь город. КАБ1, ПБЛ4, РЦ;

МД1 — всего города

Может быть, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьезное, близшее к сердцу...

КАБ1, ПБЛ4(п) — такое, которое было несравненно ближе к его сердцу

Но обо всем этом читатель узнает ~ длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело.

КАБ1(п) — и раздвинувшуюся потом

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — имеющую потом раздвинуться

Кучеру Селифану отдано было приказание рано поутру заложить лошадей ~ и чемоданом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — с раннего утра

Кучеру Селифану отдано было приказание ~ бричку; Петрушке приказано было ~ и чемо-

даном.

КАБ1(п) — Петрушке же

Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя.

КАБ1(п) — не лишнее

Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя.

КАБ1(п) — этими

Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя.

КАБ1, ПБЛ4(п) — крепостными человеками

Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют, второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы ~ аккуратен, как немец.

КАБ1(п) — если даже не третьестепенные

Хотя, конечно, они лица не так заметные,

и ~ пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где ~ немец.

КАБ1(п) — нашего романа на них не утверждены

Хотя, конечно, они лица не так заметные, и ~ обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что ~ немец.

КАБ1(п) — что ни есть в его поэме, и в этом отношении

Хотя, конечно, они лица не так заметные, и ~ с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец.

КАБ1(п) — сам он

Хотя, конечно, они лица ~ человек русский, хочет быть аккуратен, как немец.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он хочет

Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить ~ нос и губы.

КАБ1(п) — ибо не много останется

Характера он был больше молчаливого, чем ~ чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему ~ не отказался.

КАБ1(п) — которых он впрочем вовсе
КАБ1, ПБЛ4(п) — которых он впрочем

Характера он был больше молчаливого, чем ~ все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник — он всё читал ~ не отказался.

КАБ1(п) — похождение ли это какого-нибудь влюбленного героя, молитвенник или просто букварь

КАБ1, ПБЛ4(п) — похождение ли влюбленного героя, молитвенник или просто букварь

Это чтение совершалось более в лежащем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка.

КАБ1(п) — такого

Это чтение совершалось более в лежащем положении в передней, на кровати и на тю-

фяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка.

КАБ1(п), ПБЛ4 — убитым тоненьким

Это чтение совершалось более в лежащем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка.

КАБ1(п) — лепешка. Итак, оставаться ему где-нибудь одному вовсе не было скучно, напротив, даже поучительно.

Кроме страсти к чтению, он ~ характерические черты: спать не раздеваясь, так, как ~ лет десять жили люди.

КАБ1, ПБЛ4(п) — спать всегда

Кроме страсти к чтению, он ~ особенный воздух, своего собственного запаха, отзывавшийся ~ лет десять жили люди.

КАБ1(п) — особенного запаха

Кроме страсти к чтению, он ~ свой особенный воздух, своего собственного запаха, отзывавшийся несколько ~ лет десять жили люди.

КАБ1, ПБЛ4(п) — воздух ~ запаха, отзывавшегося

Кроме страсти к чтению, он ~ только пристроить где-нибудь свою кровать, хоть даже в необитаемой дотоле комнате, да перетащить ~ люди.

КАБ1(п) — пристроить свою кровать где-нибудь хоть в необитаемой дотоле комнате

Кроме страсти к чтению, он ~ перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что в этой комнате лет десять жили люди.

КАБ1(п) — свою шинель

Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался ~ знает, потешь, что ли.

КАБ1, ПБЛ4(п) — деликатный, иной раз поутру на свежий нос потянувши к себе воздух

Чичиков, будучи человек весьма щекотливый ~ встряхивал головою, приговаривая:

“ты, брат, чорт тебя знает, потеешь, что ли.

КАБ1(п) — и произносил

На что Петрушка ничего не отвечал и старался тут же заняться ~ что-нибудь.

КАБ1 — а старался

На что Петрушка ~ просто прибирал что-нибудь.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что-нибудь в комнате

Что думал он в то время, когда молчал, — может быть, он говорил ~ дает наставление.

КАБ1 — Может быть он что-нибудь и думал в это время

Что думал он в то время, когда ~ одно и то же”, — бог ведает, трудно знать, что ~ наставление.

КАБ1 — бог знает

Кучер Селифан был ~ человек: страсть сильная зазнаться ~ дружеских отношений.

КАБ1(п) — напротив

Но автор весьма совестится занимать так долго читателей ~ низкими условиями.

КАБ1(п) — Но, признаться, автор очень совестится

Но автор весьма совестится занимать так долго читателей ~ неохотно они знакомятся с низкими условиями.

КАБ1(п) — крепостными людьми; лучше Селифана оставить на после. У нас читатели очень неохотно знакомятся

Таков уже русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином ~ отношений.

КАБ1(п) — Да и вообще у русского человека небольшая страсть познакомиться с человеком, который хотя бы одним

Таков уже русский человек: страсть ~ по-выше, и шапошное знакомство ~ отношений. Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник.

КАБ1(п) — а уж никак не ниже. И приведи только ему судьба столкнуться где-нибудь с

графом или князем, и говорить нечего: там просто рай. По этой-то самой причине автор очень

Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник.

КАБ1(п) — надворный советник

Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чином генеральским, те, бог весть, может ~ невниманием.

КАБ1(п) — Конечно, коллежские асессоры еще, может быть, решатся познакомиться с ним, но те, которые подбираются к чином

Надворные советники, может быть, и ~ пресмыкается у ног его, или, что еще хуже, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием.

КАБ1(п) — у него под ногами, а может быть еще хуже

Но как ни прискорбно то и другое, а всё, однако ж, нужно возвратиться к герою.

КАБ1(п) — Как бы то ни было, но мы одна-
ко ж возвратимся

Итак, отдавши нужные приказания еще с
вечера, проснувшись поутру ~ сел в бричку.

КАБ1(п) — и проснувшись

Итак, отдавши нужные приказания ~ до го-
ловы мокрой губкой, что делалось только по
воскресным дням, а ~ сел в бричку.

КАБ1(п) — делал он всегда

Итак, отдавши нужные приказания ~ по
воскресным дням, а в тот день случись вос-
кресенье, выбрившись ~ сел в бричку.

КАБ1(п) — а тогда было

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — а в тот день случилось

Итак, отдавши нужные приказания ~ та-
ким образом, что щеки сделались ~ сел в
бричку.

ПБЛ4(п) — щеки его

Итак, отдавши нужные приказания ~ та-
ким образом, что щеки сделались настоящий

атлас в рассуждении гладкости и лоска, надевши ~ сел в бричку.

КАБ1(п) — щеки его сделались гладки, нежны и залоснились как атлас

Итак, отдавши нужные приказания ~ с искрой и потом шинель ~ сел в бричку.

КАБ1(п) — сверх его

Итак, отдавши нужные приказания ~ с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку.

КАБ1(п) — бегавшим очень проворно трактирным

С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу.

КАБ1(п) — бричка, которая с громом выехала из-под ворот

Не без радости был вдали узрет полосатый шлахбаум, дававший знать, что ~ по мягкой земле.

КАБ1(п) — увидел Чичиков

Не без радости был вдали узрет ~ в кузов,
Чичиков понесся наконец по мягкой земле.

КАБ1(п) — он

Едва только ушел назад город, как уже по-
шли писать ~ и тому подобный вздор.

КАБ1(п) — минул город

Едва только ушел назад город, как уже по-
шли писать ~ и тому подобный вздор.

КАБ1(п) — как пошла

КАБ1, ПБЛ4(п) — как уже пошла

Едва только ушел назад город, как ~ кусты
молодых сосен, обгорелые ~ вздор.

КАБ1 — сосен [и] смешанные со всяким ча-
пыжником

в ПБЛ4 эта вставка ошибочно переписана
так: “сплетенные со всяким” (слово “чапыж-
ник” переписчик не разобрал). Гоголь всё за-
черкнул.

Едва только ушел назад город, как уже ~
стволы старых, дикой вереск и тому подоб-
ный вздор.

КАБ1 — нет

Попадались вытянутые по шнурку деревни, постройкою похожие ~ в виде висячих, шитых узорами утиральников.

КАБ1 — висящих

Проехавши пятнадцатую версту, он ~ навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад.

КАБ1 — он бы был в немалом затруднении

На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал: “Маниловка, может быть, а не Заманиловка?”

КАБ1(п) — который был постарше и поумнее, а бороду носил клином

Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь, и не было”.

КАБ1 — Вот это то

ПБЛ4 — Вот те

Поехали отыскивать Маниловку.

КАБ1(п) — Мужика не слушали и поехали отыскивать Маниловку

Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно.

КАБ1(п) — четыре версты пронеслись

КАБ1, ПБЛ4(п) — четыре версты [опять] пронеслись вновь мимо

Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать.

КАБ1(п) — когда

Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. РЦ, МД1;

КАБ1(п), ПБЛ4 — то это значит

Тут Чичиков вспомнил, что если приятель

приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать.

КАБ1(п) — верных 25 или же целых тридцать

КАБ1 — верных 25 [или же целых тридцать] [если даже не больше] тридцать [если даже не слишком] [с излишком] (затем все зачеркнуто, кроме: тридцать)

Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. МД1;

МД2 — занимать

Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом ~ дерном.

КАБ1(п) — на возвышении

Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ~ по-дуть; покатошь ~ дерном.

КАБ1(п) — со всех сторон

На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы ~ жиденские вершины.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — по аглицки

На ней были разбросаны по-английски ~ небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденские вершины.

КАБ1(п) — группами

На ней были разбросаны по-английски ~ возносили свои мелколистные жиденские вершины.

КАБ1(п) — узколистные

Вид оживляли две бабы, ~ перебранивались.

КАБ1(п) — только разве три бабы, шлепавшие, стоя на деревянной жердочке, мокрым бельем по воде и перебранивавшиеся издали-ка между собою, да двое мальчишек, которые, поднявши рубашонки [Вместо “которые поднявши рубашонки”: с поднятыми рубахами КАБ1 намечено карандашом] брели по пруду, разбрызгивая ногами воду, с таким спокойным видом, как будто занимались делом

Вид оживляли две бабы, которые, картин-

но подобравши ~ и блестела попавшаяся ~ перебранивались.

КАБ1, ПБЛ4(п) — блестела лыстью

Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был ~ по воскресным дням.

КАБ1(п) — в это время очень

Даже самая погода весьма кстати ~ цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных ~ по воскресным дням.

КАБ1(п) — бывает на мундирах

Даже самая погода ~ солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням.

МД1 — нет

РЦ — зачерк. ценз.

Для пополнения картины ~ то, что голова продолблена была ~ тарые рогожки.

КАБ1(п), МД2 — голова его

Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зе-

леном ~ экипаж.

КАБ1(п) — заметил, что на крыльце стоял сам хозяин

Подъезжая ко двору, Чичиков ~ рассмотреть получше подъезжавший экипаж.

КАБ1(п) — хорошенько

Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но ~ дома.

КАБ1(п), ПБЛ4, РЦ — переднюю, столовую

Хотя время, в продолжение которого ~ коротковато, но попробуем, не успеем ли ~ дома.

КАБ1(п) — попытаемся

Хотя время, в продолжение которого ~ попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться ~ дома.

КАБ1(п) — каким-нибудь

Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно.

КАБ1(п) — это

Один бог разве мог сказать, какой был характер Манилова.

КАБ1, ПБЛ4(п) — может

Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан по словам пословицы.

КАБ1(п) — как говорит пословица

Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова.

КАБ1(п) — присоединить

На взгляд он был человек видный; черты лица ~ знакомства.

КАБ1(п) — Он был на взгляд

На взгляд он был человек видный; черты ~ что-то, заискивающее расположения и знакомства.

КАБ1(п) — в выражении лица его было что-то приятное, но уж слишком сладкое; во всех приемах его видно было что-то снискиваю-

щее

КАБ1, ПБЛ4(п) — в чертах лица его было [КАБ1 далее начато: видно] много приятного и т. д. как в тексте

На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было ~ и знакомства.

ПБЛ4(п) — всё это приятное

Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами.

КАБ1(п) — Он приятно улыбался

КАБ1(п), ПБЛ4(п) — Он хорошо улыбался

Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами.

КАБ1(п) — лицом был вовсе не дурен. Блондин

В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек!

КАБ1 (кар.) — нельзя было

В следующую за тем минуту ~ не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — то почувствуешь

От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое ~ предмета.

КАБ1(п) — ни даже

От него не дождешься никакого живого ~ слова, какое можешь услышать ~ предмета.

КАБ1, ПБЛ4(п) — которое

У всякого ~ пятый, с желанием более ограниченным, спит ~ у Манилова ничего не было.

КАБ1(п) — У всякого есть какое нибудь влечение. Один имеет влечение к борзым собакам; другой мастер лихо пообедать, третий охотник сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; четвертый с талантом

У всякого есть свой задор: у одного ~ более

ограниченным, спит и грезит о том, как бы
пройтись ~ у Манилова ничего не было.

КАБ1 (кар.) — грезит только

У всякого есть свой задор: у одного ~ с флигель-адъютантом, напоказ ~ желание сверхъестественное заломить угол ~ у Манилова ничего не было.

КАБ1(п) — и чтоб увидели это его знакомые; пятый имеет уже такую руку, которая чувствует влечение непреодолимое

У всякого есть свой задор: у одного ~ чувствует желание сверхъестественное заломить угол ~ у Манилова ничего не было.

ПБЛ4(п) — почти сверхъестественное

У всякого есть свой задор: у одного ~ рука седьмого так и лезет ~ у Манилова ничего не было.

КАБ1(п) — шестого

Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве богу было известно.

КАБ1(п) — только одному богу

Иногда, глядя с крыльца на двор ~ от дома
провести подземный ход ~ для крестьян.

МД2 — провели

При этом глаза его делались чрезвычайно
сладкими и лицо принимало самое доволь-
ное выражение, впрочем, все эти прожекты
так и оканчивались только одними словами.

КАБ1, ПБЛ4(п) — лицо его

При этом глаза его делались чрезвычайно
сладкими и лицо принимало самое доволь-
ное выражение, впрочем, все эти прожекты
так и оканчивались только одними словами.

КАБ1 — одними только

В доме его чего-нибудь вечно недоставало:
в гостиной стояла прекрасная мебель, обтяну-
тая ~ еще не готовы”.

КАБ1 — стояла у него

В доме его чего-нибудь вечно недоставало:
в гостиной ~ недешево; но на два кресла ~

нескольких лет всякий раз ~ еще не готовы”.

КАБ1(п) — но одно кресло было сломано и только для вида были приставлены к нему ручка и ножка, и хозяин

В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной ~ словами: “Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы”.

КАБ1(п) — на это кресло, оно худо”; а предостережение это делалось постоянно в продолжении шести лет, т. е. с того времени, как сломалось кресло

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя ~ мебель”.

КАБ1 (кар.) — комнате даже

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя ~ мебель”.

КАБ1(п) — совсем

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни ~ мебель”.

КАБ1(п) — он и говорил

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя ~ после женитьбы: “Душенька, нужно будет ~ мебель”.

ПБЛ4(п) — своей женитьбы

В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя ~ в эту комнату хоть на время поставить мебель”.

КАБ1(п) — хоть какую-нибудь мебель поставить

Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник ~ не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги.

КАБ1(п) — тоже очень

Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник ~ грациями, с перламутным щегольским щитом, и рядом ~ не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги.

КАБ1(п) — и перламутным

Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник ~ щегольским щитом, и рядом ~ не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни

слуги.

КАБ1, ПБЛ4(п) — зонтиком

И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно ~ она держалась на ту пору в руках, они ~ сигарку.

КАБ1(п) — в то время

И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно ~ в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку.

КАБ1(п) — можно было прочесть небольшой листок газеты

Зачем, например, глупо и бестолку готовится на кухне? ~ повесничает всё остальное время?

КАБ1 — не весьма опрятно

ПБЛ4(п) — [нивесть что делается]

Зачем, например, глупо и бестолку ~ повесничает всё остальное время? Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо.

КАБ1(п) — впрочем, как же им заниматься

такими низкими предметами

Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Манилова хорошо воспитана

А в пансионах, как известно, три главные предмета ~ и других сюрпризов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — кошелек

“Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после”, говорил Чичиков.

КАБ1 зач. карандашом

“Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после”, говорил Чичиков.

КАБ1(п) — потом

“Нет уж извините, не допущу пройти ~ с приятною улыбкою Манилов.

КАБ1(п) — “Нет, Павел Иванович, это обида. Вы хотите, чтобы я такому приятному гостю позволил пройти после себя”.

“Ах, боже мой... Мне, право, совестно. Проходите, сделайте милость, проходите, я после”, говорил Чичиков.

“Нет, никак нельзя”.

“Позвольте мне вам представить жену мою”, сказал Манилов.

КАБ1(п) — представить вам

Манилова проговорила, несколько даже картавя, что ~ дня, чтобы не вспоминал о нем.

КАБ1(п) — не вспоминал о нем. На что Чичиков ответствовал, поворотивши голову несколько на бок, с свойственной ему приятностью, что муж ее далеко простирает доброту свою к нему

“Вы всё имеете”, прервал Манилов с тою же приятною улыбкою: “всё имеете, даже еще более”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — с такою же

“Совершенная правда”, сказал Чичиков: “препочтеннейший человек.

КАБ1(п) — самый почтенный

“Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках”, присовокупил Манилов ~ за ушами пальцем.

КАБ1(п) — обворожить своим обращением

“Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках”, присовокупил Манилов ~ пальцем. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — деликатность

Засим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — самые достойные люди

“Конечно”, продолжал Манилов: “другое дело, если бы соседство ~ хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...”

КАБ1, ПБЛ4(п) — о какой-нибудь науке

Чичиков согласился с этим ~ ничего не может быть приятнее, как ~ какую-нибудь книгу...

РЦ — нет

Павел Иванович”, сказал Манилов, явя в лице своем ~ пациента: “тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение...

КАБ1(п) — сделавши такую сладкую мину, что уж даже было приторно, как натошак

Павел Иванович”, сказал Манилов, явя в лице своем ~ приторное, подобно той микстуре, которую ~ наслаждение...

ПБЛ4(п) — как та микстура

Павел Иванович”, сказал Манилов, явя в лице своем ~ засластил немилосердно, воображая ~ наслаждение...

ПБЛ4, РЦ — по милосердию

Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастье, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться при-

приятным вашим разговором...”

КАБ1(п) — редкое, которого я даже в некотором роде недостоин, то есть

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — редкое, образцовое

“Помилуйте, что ж за приятный разговор?..

КАБ1(п) — как можно, чтобы я льстил себя

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые ~ на высоких стульях.

КАБ1(п) — дети

При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою.

КАБ1(п) — который очень вежливо и с улыбкою поклонился

“Фемистоклюс!” сказал Манилов, обратившись ~ лакеем в салфетку.

КАБ1(п) — Менелай. То же исправление имени до конца главы

“Фемистоклюс!” сказал Манилов, обратившись ~ старался высвободить свой подборок

док, завязанный лакеем в салфетку. КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — освободить

Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти ~ окончание на юс, но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение.

КАБ1, ПБЛ4(п) — совершенно греческое и никак не ожидаемое имя

Здесь учитель, обратил всё внимание на Фемистоклюса и, казалось, хотел ему вскочить в глаза, но ~ сказал: “Париж”.

КАБ1 — вскочить ему

Учитель опять настроил внимание.

КАБ1 — насторожил

“Умница, душенька!” сказал на это Чичиков.

КАБ1(п) — прибавил с своей стороны Чичиков

“Скажите однако ж...” продолжал он, обратившись тут же с некоторым видом изумле-

ния к Маниловым.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Маниловым. В такие лета и уже такие сведения

Вот меньшей, Алкид, тот не так быстр, а этот ~ обратит внимание.

КАБ1(п) — Алкивиад

Учитель очень внимательно глядел ~ минуту открывал рот и смеялся с усердием.

КАБ1(п) — раздвигал

Учитель очень внимательно глядел ~ смеялся с усердием. Вероятно, он был ~ его приняло ~ детей.

КАБ1(п) — с величайшим усердием. Один раз только лицо его

Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилкою ~ его детей.

КАБ1(п) — стукнув

Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилкою по сто-

лу, устремив ~ детей. ПБЛЗ, КАБ1, ПБЛ4;
РЦ, МД1 — застучал

Один раз, впрочем, лицо его ~ по столу,
устремив глаза на сидевших насупротив его
детей.

КАБ1(п) — устремил взгляд

Это было у места, потому что Фемистоклюс
укусил за ухо Алкида, и ~ щеки лоснились
жиром.

КАБ1(п) — весьма у места

На что Чичиков отвечал всякий раз: “По-
корнейше благодарю, я сыт, приятный разгово-
р лучше всякого блюда”. МД1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

На что Чичиков отвечал всякий раз: “По-
корнейше благодарю, я сыт, приятный разгово-
р лучше всякого блюда”.

КАБ1 — благодарю, не беспокойтесь

Манилов был доволен чрезвычайно и, под-
держивая рукою ~ вдруг гость объявил ~ деле.

КАБ1(п) — Чичиков

“В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет”, сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес.

КАБ1(п) — повел Чичикова

“В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет”, сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес.

КАБ1 — небольшую боковую

“Приятная комнатка”, сказал Чичиков, окинувши ее глазами.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — комната

Комната была, точно, не без приятности: стены ~ больше всего было табаку.

КАБ1 — нет

На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками.

РЦ — горшки

“Здесь вам будет попокойнее”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — вам попокойнее

МД2 — вам будет покойнее

Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак.

ПБЛ4, РЦ — даже гораздо

Чичиков заметил, что это, точно, случается ~ для обширного ума.

КАБ1(п) — действительно, случается и что в натуре есть много вещей, которые даже неизъяснимы какому бы то ни было обширному уму

“Но позвольте прежде одну просьбу...” проговорил он ~ отчего, оглянувшись назад.

КАБ1(п) — при этом снова Чичиков огляделся вокруг, как бы желая знать, не глядит ли кто откуда-нибудь

“Но позвольте прежде одну просьбу...” проговорил он голосом, в котором ~ назад.

КАБ1 — голосом [до такой степени] в котором отдалось какое-то совершенно иное почти странное

Это был человек лет под сорок, бривший ~ желтоватый цвет кожи ~ и перины.

КАБ1(п) — цвет и мягкость

Это был человек лет под сорок, бривший ~ перины, можно было видеть тотчас, что ~ и перины.

КАБ1(п) — Видно было по всему

Это был человек лет под сорок, бривший ~ совершают его все господские ~ и перины.

КАБ1(п) — вообще все

Это был человек лет под сорок, бривший ~ приказчики: был прежде просто грамотным ~ и перины.

КАБ1(п) — сначала был

Можно было видеть тотчас, что он ~ на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной ~ и приказчиком.

КАБ1(п) — Акулине

Можно было видеть тотчас, что он ~ фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком.

КАБ1(п) — сам сделался

Можно было видеть тотчас, что он ~ сам ключником, а там и приказчиком.

КАБ1(п) — после

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился ~ и пил чай.

КАБ1(п) — натурально, поступал

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился ~ и пил чай.

КАБ1(п) — и все приказчики

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и курил с теми, которые ~ и пил чай.

КАБ1(п) — с теми мужиками

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился ~ на деревне были побогаче, подбавлял ~ и пил чай.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все ~ на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

КАБ1(п) — тем, которые победнее

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все ~ на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

КАБ1(п) ПБЛ4 — и проснувшись

А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все ~ и пил чай.

КАБ1, ПБЛ4(п) — пил чай, заедая белым калачем

“Послушай, любезный!

КАБ1 — любезный! сказал Манилов

Ведь неизвестно, сколько умирало: их никто не считал”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Число неизвестное; человек до 80-ти будет

“Да, именно”, сказал Манилов, обратясь к Чичикову: “я тоже предполагал, большая смертность: совсем неизвестно, сколько умерло”.

КАБ1 — нет

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чичиков; “и сделай подробный реестрик всех поименно”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чичиков; “и сделай подробный реестрик всех поименно”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — подробней

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чи-

чиков; “и сделай подробный реестрик всех поименно”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — по имени

“Ты, пожалуйста, их перечти”, сказал Чичиков; “и сделай подробный реестрик всех поименно”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

“Да, всех поименно”, сказал Манилов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Манилов Чичикова

Этот вопрос, казалось, затруднил ~ покорное словам.

КАБ1(п) — Чичиков минуты три оставался молча, не отвечая ни слова на сделанный ему запрос. Казалось, как будто ему необыкновенно тяжело было произнести какое-нибудь слово. В лице его выразилось такое затруднительное положение, и во всех чертах его выразилось что-то беспокойно-ищущее чего-то, что всякий, который бы в эту минуту поглядел на него, исполнился бы поневоле ожиданием чего-то не совсем обыкновенного и невольно отразил бы в лице своём почти то

же самое затруднение. Казалось, как будто дело было, точно, головоломное

И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слышали человеческие уши.

КАБ1(п) — каких без всякого сомнения никогда еще

КАБ1, ПБЛ4(п) — [которые] каких просто

“Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян...” сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

КАБ1(п) — “Я хотел вам предложить...не можете ли вы мне продать крестьян...” сказал Чичиков, да

“Но позвольте спросить вас”, сказал Манилов: “как желаете вы купить крестьян, с землею, или просто на вывод, то есть без земли?”

КАБ1(п) — “А вы разве покупаете крестьян?” сказал Манилов. “Но позвольте вас спросить, как и какого рода вы хотите купить

крестьян: с именем ли, то-есть с землею

“Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян”,
сказал Чичиков: я желаю иметь мертвых...”

КАБ1(п) — я понимаю не то

“Нет, я не то, чтобы совершенно крестьян”,
сказал Чичиков: я желаю ~ по ревизии, как
живые”, сказал Чичиков.

КАБ1(п) — а собственно, так сказать, мерт-
вых душ, т. е. таких, которые уже умерли и
только по ревизии считаются живыми

“Как-с? извините... я несколько туг на ухо,
мне слышалось престранное слово...” “Я по-
лагаю приобрести мертвых, которые, впро-
чем, значились бы по ревизии, как живые”,
сказал Чичиков.

КАБ1 — я, кажется, ослышался”. — “Я же-
лаю приобрести мертвых, которые бы, впро-
чем, числились по ревизии

“Как-с? извините... я несколько туг на ухо,
мне слышалось престранное слово...”

а. звук

б. Как в тексте ПБЛ4

“Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые”, сказал Чичиков.

ПБЛ3, РЦ — которые бы, впрочем, значились бы

Манилов выронил тут же чубук ~ нескольких минут.

КАБ1(п) — остолбенел, выронивши

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол, и как разинул ~ поднял трубку с чубуком ~ было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — и с минуту смотрел ему в лицо, выпучив глаза. Наконец, он подумал: “Да, полно, не шутит ли он?” и, поднявши

Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как ~ зеркала.

КАБ1 — недвижимы

Наконец Манилов поднял трубку с чубу-

ком ~ было прилично и в порядке.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он

Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ~ было прилично и в порядке.

КАБ1, ПБЛ4(п) — посмотрел

Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь ~ было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — в лицо, несколько в профиль, как бы

Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли ~ было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — приметить

Наконец Манилов поднял трубку ~ на губах его, не пошутил ли ~ невзначай с ума, и со страхом ~ было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — или, по крайней мере, небольшого движения, или желанья удержать

усмешку. Но в лице Чичикова, напротив, оказывалось такое сурьезное выражение, какое даже в нем редко было видно в обыкновенном положении. Он подумал, уж не сошел ли он как-нибудь вдруг и внезапно

Наконец Манилов поднял трубку ~ пристально; но глаза гостя были ~ было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — глаза его

Наконец Манилов поднял трубку ~ ничего не было ~ какой бегают в глазах ~ и в порядке.

КАБ1(п) — ничего в них не было заметно мутного, или дикого, или этого беспокойно-вращаемого беглого огня, который

Наконец Манилов поднял трубку ~ в глазах сумасшедшего человека, всё было прилично и в порядке.

КАБ1(п) — Напротив, всё в нем было как следует

КАБ1(п) — в порядке, как у всякого благонамеренного человека; и сидел он в креслах ничего, хорошо, как сидит всякий хороший

человек. Словом, ничего не было в нем необыкновенного. Правда, в лице только не замечалось того чистосердечно до простодушия <далее в рукописи оставлено место для одного слова> и приятной улыбки, производивших такое благоприятное впечатление на всех чиновников в городе. Вместо его было заметно что-то похожее на некоторую робость, на боязливое и даже заботливое ожидание, но всё прочее решительно было на своих местах, как было и прежде

Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего ~ тонкою струею.

КАБ1 — такое

Как ни придумывал Манилов, как ему быть ~ оставшийся дым очень тонкою струею.

КАБ1(п) — самую

“Итак, ~ лучше?”

КАБ1(п) — “Так как же вы...” спросил Чичи-

КОВ

“Итак, я бы желал знать, можете ли ~ формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — уступить или...

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

КАБ1(п) — на него и не в состоянии был пошевелить язык

“Мне кажется, вы затрудняетесь?..” заметил Чичиков.

КАБ1(п) — “Я как вижу, вы затрудняетесь...” робко заметил

“Я?.. нет, я не то”, сказал Манилов: “но ~ искусства выразаться...”

КАБ1 — нет, я не ... не то

“Я?.. нет, я не то”, сказал Манилов: “но я не могу ~ искусства выразаться...”

КАБ1 (кар.) — он наконец

“Я?.. нет, я не то”, сказал Манилов: “но я не

могу ~ движению; не имею высокого искусства выражаться

КАБ1(п) — не имею так сказать

Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

КАБ1(п) — Может быть, вы это

“Нет”, подхватил Чичиков: “нет, я понимаю предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли”.

КАБ1(п) — Нет, я в существе своем понимаю предмет так

“Нет”, подхватил Чичиков: “нет, я понимаю предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли”.

КАБ1(п) — умерли”, отвечал Чичиков

Манилов совершенно растерялся.

КАБ1(п) — Никак не нашелся на это ничего сказать Манилов и совершенно

Манилов совершенно растерялся.

КАБ1 (кар.) — растерялся, так совершенно,

как будто бы его кто в грязь посадил

Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — чорт его знает.

КАБ1 — нет

Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — чорт его знает.

КАБ1, ПБЛ4(п) — какой-нибудь

“Итак, если нет препятствий, то с богом, можно бы приступить к совершению купчей крепости”, сказал Чичиков.

КАБ1(п) — с вашей стороны препятствия никакого нет, то я бы мог

“А, нет!” сказал Чичиков, “Мы напишем, что они живые, так, как стоѣт действительно в ревизской сказке.

КАБ1(п) — так, как будто бы это была живые

“А, нет!” сказал Чичиков, “Мы напишем,

что они живые, так, как стоѣт действительно в ревизской сказке. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — живы

Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя ~ ответа принялся насасывать ~ хрипеть, как фагот.

КАБ1(п) — исполнение обязанности всегда было для меня священо. Хотя я за это и потерпел по службе, но у меня уж такой характер. Манилов в ответ

Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священо, закон — я немею пред законом”.

ПБЛ4, РЦ — я потерпел

Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священо, закон — я немею пред законом”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — по службе

Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом”. КАБ1 (авт.), МД1;

ПБЛ4, РЦ — но извините

РАЗДЕЛ 2

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа ~ фагот.

КАБ1 — не мог <взять?>

Последние слова понравились Манилову, но ~ сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — он начал

Казалось, как будто он хотел вытянуть ~ ничего.

КАБ1, КАБ1(п) — будто бы

Казалось, как будто он хотел ~ такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

КАБ1 (кар.) — еще неслыханного от сотворения мира

Казалось, как будто он хотел ~ чубук хрипел и больше ничего. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — храпел

Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть критическое предсуждение о вас.

КАБ1(п) — этого

Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб ~ не будет ли эта негодия не соответствующею ~ России”.

КАБ1(п) — эта, так сказать, негодия

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение ~ Чичикова, показав во всех чертах лица ~ дела.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — выразив

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение ~ и то в минуту самого головоломного ~ хорошо”. “А если хорошо, это ~ совершенно

успокоился.

КАБ1(п) — когда дело касалось решения участи миллионов людей. Но Чичиков однако ж постарался объяснить, что эта негоция никак не будет несоответствующею и что правительство даже в некотором отношении останется довольно и получит сполна все следуемые за совершение купчей пошлины

Но Чичиков сказал просто, что ~ получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — выгоды

“Я полагаю, что это будет хорошо”.

КАБ1(п) — будет довольно

“Теперь остается условиться в цене...”

КАБ1(п) — нам остается только

“Как в цене?”, сказал опять Манилов и остановился. “Неужели вы полагаете, что ~ существование?”

КАБ1(п) — Но неужели

“Как в цене?”, сказал опять Манилов и остановился.

КАБ1, ПБЛ4(п) — остановившись

“Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование?”

КАБ1 — Неужели впрочем

Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то, с своей стороны, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя”.

КАБ1(п) — я с большой охотой вам их всех уступаю

Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то, с своей стороны, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя”.

КАБ1(п) — принимаю на свой счет

Великий ~ сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении.

КАБ1(п) — Здесь автор, как верный исто-

рик, должен сказать, что после сих слов, произнесенных Маниловым, Чичиков показал такую радость, которая была даже отчасти неприлична его несколько степенной наружности, умеренным летам и соразмерному чину. Едва ли он даже, позабывши умение хорошо держать себя, не подскочил в креслах, при каком обстоятельстве лопнула обтягивавшая подушку шерстяная материя, так что

Великий упрек был бы историку предлагаемых событий, если бы он упустил сказать, что удовольствие одолело гостя после таких слов, произнесенных Маниловым.

а. обуяло

б. Как в тексте КАБ1

Как он ни был степенен и рассудителен, но ~ известно, производится только в самых сильных порывах радости.

КАБ1, КАБ1(п) — производится некоторыми людьми

Он повернулся так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая

подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — обтягивающая

Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении.

КАБ1(п) — совершенном

Побужденный признательностью, он наговорил тут же столько благодарностей, что ~ совершенная дрянь.

КАБ1(п) — наказал таких ему

КАБ1, ПБЛ4(п) — наговорил ему тут же столько

Побужденный признательностью, он наговорил тут же столько благодарностей, что ~ совершенная дрянь.

КАБ1(п) — благодарностей Манилову

Побужденный признательностью, он ~ покраснел, производил головою отрицательный жест ~ совершенная дрянь.

КАБ1(п) — очень долго производил голову какой-то отрицательный

Побужденный признательностью, он ~ наконец уже выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать ~ совершенная дрянь.

КАБ1(п) — сказал, что это решительно не стоит благодарности, что он бы хотел точно

Побужденный признательностью, он ~ души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

КАБ1(п) — но что умершие

“Очень не дрянь”, сказал Чичиков, пожав ему руку. Здесь был испущен очень глубокий вздох.

КАБ1(п) — пожавши руку Манилову и испустивши душевный вздох

КАБ1, ПБЛ4(п) — пожав ему руку. При таком обстоятельстве был и т. д. Как в тексте

Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произ-

нес он наконец следующие слова:

КАБ1(п) — он был в это время

Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произнес он наконец следующие слова:

КАБ1(п) — по крайней мере он произнес очень выразительно и с большим чувством

“Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду!

КАБ1(п) — какую этим

“Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду!

КАБ1 — и роду. И точно, что за жизнь моя, барка без паруса, барка, носимая по волнам (кар.)

Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн...

КАБ1 — Да, действительно

Да и действительно, чего не потерпел я?
как барка какая-нибудь среди свирепых
волн...

КАБ1 — нет

Да и действительно, чего не потерпел я?
как барка какая-нибудь среди свирепых
волн...

ПБЛ4 — свирепых волн [была жизнь моя]

Каких гонений, каких преследований ~ и
вдовице беспомощной и сироте горемыке!..”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — сиротине

Манилов никак не хотел выпустить руки
нашего героя и продолжал жать ее так горя-
чо, что тот уже не знал, как ее выручить.

КАБ1(п) — просто

Наконец, выдернувши ее потихоньку, он
сказал, что ~ поскорее и хорошо ~ стал откла-
ниваться.

КАБ1(п) — да для этого не мешало бы и ему
самому съездить в город. После чего, взявши

в руку шляпу, стал

“Потому что мы надоели Павлу Ивановичу”, отвечала Манилова.

РЦ — нет (ошибка переписчика)

“Сударыня! здесь”, сказал Чичиков, “здесь, вот где”, тут ~ с вами! И, поверьте, не было бы ~ соседстве”.

КАБ1(п) — “Поверьте, сударыня”, сказал Чичиков: “что приятность времени, проведенного с вами, пребудет в глубине моего сердца и что для меня не было бы большего блаженства

“А знаете, Павел Иванович”, сказал Манилов, которому ~ мысль: “как было бы в самом деле ~ о чем-нибудь, углубиться!..”

КАБ1 — как бы было

“Я с вами расстаюсь не более как на два дни”.

КАБ1(п) — не расстаюсь, как на две недели

“Прощайте, миленькие малютки!” сказал

Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые ~ ни руки, ни носа.

КАБ1(п) — Алкивиада и Менелая (далее те же исправления)

“Прощайте, миленькие малютки!” сказал ~ занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа.

КАБ1, ПБЛ4(п) — какими-то деревянными кусочками

Вы извините меня, что ~ даже, живете ли вы на свете; но теперь, как приеду, непременно привезу.

КАБ1, ПБЛ4 — есть ли

Вы извините меня, что ~ теперь, как приеду, непременно привезу.

КАБ1, КАБ1(п) — то непременно

“А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан?” продолжал он, наклонившись к Алкиду.

КАБ1, ПБЛ4 — Чичиков

“А тебе барабан; не правда ли, тебе бара-

бан?” продолжал он, наклонившись к Алкиду.

ПБЛ4, РЦ — поклонившись

Этак всё будет: турррр... ру... тра-та-та, та-та-та...

КАБ1, ПБЛ4(п) — этак только

Этак всё будет: турррр... ру... тра-та-та, та-та-та...

КАБ1, ПБЛ4(п) — бу, бу, бу

Прощай, душенька! Прощай!” ПБЛ4, РЦ, МД1;

КАБ1 — Прощай, душенька

ПБЛ4(п) — Прощай, душенька. Прощай, душенька.

“Об этом хочу спросить вас”.

КАБ1 — хотел

Кучер, услышав, что нужно пропустить ~ хозяев.

КАБ1 — услышавши

ПБЛ4 — услышал

Кучер, услышав, что нужно пропустить два поворота и поворотить на ~ хозяев.

КАБ1 (кар.) — свернуть

Кучер, услышав, что ~ приподымавшихся на цыпочках хозяев.

КАБ1 — цыпочки

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и ~ стоял, куря трубку.

КАБ1, ПБЛ4(п) — удалившуюся

Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись бог знает куда.

КАБ1 — перешли

ПБЛ4(п) — перенесли

Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись бог знает куда.

КАБ1, ПБЛ4(п) — занесли

Он думал о благополучии ~ видеть даже

Москву, и там пить ~ предметах.

КАБ1, ПБЛ4(п) — даже Петербург и Москву
вдруг

Потом, что они вместе с Чичиковым ~ об-
ращения, и что будто бы государь, узнавши о
такой их дружбе, пожаловал их генералами,
и ~ не мог разобрать. ПБЛ4, РЦ(п);

КАБ1 — будто бы сам государь ~ пожаловал
РЦ, МД1 — само высшее начальство пожа-
ловало (ценз. искаж.)

Потом, что они вместе с Чичиковым ~ бог
знает что такое, чего уже он и сам никак не
мог разобрать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что

Странная просьба Чичикова прервала
вдруг все его мечтания.

КАБ1, ПБЛ4(п) — часто прерывала

А Чичиков в довольном расположении ду-
ха сидел в своей бричке, катившейся давно ~
усмешки.

КАБ1(п) — давно катившейся по большой

дороге, в самом довольном расположении духа. Казалось, по-видимому, и нечем бы ему слишком обрадоваться и сделанное приобретение было не более, как пустяки, но он чувствовал какую-то особенную веселость. Самые приятные соображения и сметы, самые заманчивые какие-то предположения блуждали по лицу его и оставляли поминутно после себя приятную улыбку

а. Начато: давно катившейся по большой дороге. Никак не должно изумляться подобному расположен[ию], ибо трудно сойтись с человеком во вкусах. Из главы предыдущей уже видно из чего

б. набросок на полях: Из предыдущей главы Читатель уже видел, какой странный предмет склонностей и вкуса был у нашего героя. Скоро он погрузился весь в него и телом <далее часть текста не поддается прочтению и затем>: ибо долго после них на нем сохранились веселые следы усмешки

в. Как в тексте КАБ1

Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень

приятны, ибо ежеминутно оставляли после себя следы довольной усмешки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — означались на нем

Занятый ими, он не обращал никакого внимания на то, как его кучер, довольный приемом ~ с правой стороны.

КАБ1(п) — который, с своей стороны, был весьма доволен

Занятый ими, он не обращал ~ людей Манилова, делал ~ с правой стороны.

КАБ1, ПБЛ4 — Машкова (ошибка переписчика)

Занятый ими, он не обращал ~ Манилова, делал весьма дельные замечания ~ с правой стороны.

КАБ1(п) — очень

Занятый ими, он не обращал никакого внимания ~ дельные замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны.

КАБ1(п) — серому

Занятый ими, он не обращал никакого внимания ~ пристяжному коню, запряженному с правой стороны.

КАБ1 — находившемуся

ПБЛ4(п) — наложившемуся

Этот чубарый конь был сильно лукав ~ удовольствие.

КАБ1(п) — серый

Этот чубарый конь был сильно лукав ~ удовольствие.

КАБ1(п) — очень

Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как ~ удовольствие.

КАБ1(п) — что

Этот чубарый конь ~ коренной гнедой ~ заседателя, трудились от всего ~ удовольствие.

КАБ1(п) — гнедой масти с белой лысиной на лбу трудились совершенно

Этот чубарый конь ~ от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие.

КАБ1(п) — сердца и был охотник тянуть

КАБ1, ПБЛ4(п) — сердца и были охотники тянуть

Этот чубарый конь ~ даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие.

КАБ1(п) — его

Этот чубарый конь ~ получаемое ими от того удовольствие.

КАБ1(п) — им

Этот чубарый конь ~ получаемое ими от того удовольствие.

ПБЛ4, РЦ — довольствие

“Ты знай свое дело, панталонник ты немецкой! ПБЛ3, РЦ, МД1;

КАБ1, ПБЛ4 — пантолошек (ошибка переписчика КАБ1)

Гнедой почтенный конь, он сполняет свой долг, я ~ конь...

КАБ1, ПБЛ4(п) — исполняет

Гнедой почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему дам с охотою лишнюю ~ конь...
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — с охотою дам

Гнедой почтенный конь, он ~ конь, и Заседатель — тож хороший конь...

КАБ1 — нет

Бонапарт ты проклятой!..

РЦ, МД1 — нет (ценз. искаж.)

Потом прикрикнул на всех: “Эй вы, любезные!” и ~ доволен.

КАБ1(п) — Засим прикрикнул он

Потом прикрикнул на всех: “Эй вы, любезные!” и стегнул по всем по трем уже ~ доволен.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — по всем трем

Потом прикрикнул на всех: “Эй вы, любезные!” и ~ наказания, но чтобы показать, что был ими доволен.

КАБ1(п) — но единственно, чтобы поощрить их и показать

Потом прикрикнул ~ показать, что был ими доволен.

КАБ1(п) — он ими был довольный

Доставив такое удовольствие, он ~ поведение.

КАБ1(п) — Доставивши им

Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: “Ты думаешь, что ты скроешь свое поведение.

КАБ1(п) — пристяжному

Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: “Ты думаешь, что ты скроешь свое поведение.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД1 — что скроешь

Хорошему человеку всякой отдаст почте-

ние. МД1, ПБЛ4;

КАБ1, РЦ — отдает

Вот барина нашего всякой усажает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник...”

КАБ1(п) — и в том чине служил, да не захотел больше служить, потому что ему не понравилася таможня, он надворный советник...”

Так рассуждая, Селифан забрался наконец в самые отдаленные отвлеченности.

КАБ1(п) — Таким образом

Так рассуждая, Селифан забрался наконец в самые отдаленные отвлеченности.

КАБ1, — вошел, наконец, в чрезвычайные

Если бы Чичиков прислушался, то узнал бы много подробностей, относившихся ~ каплями дождя.

КАБ1(п) — прислушивался, то он бы узнал очень

Если бы Чичиков прислушался, то ~ так были заняты своим предметом, что один только сильный удар грома ~ каплями дождя.

КАБ1(п) — погрузились в разные приятные соображения, что только один

Сначала, принявши косо направление, хлестал ~ долетать ему в лицо.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в лицо нашему герою

Это заставило его задернуться кожаными занавесками с двумя ~ скорее.

КАБ1(п) — опустить сверху кожаные занавески

Это заставило его ~ окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов, и приказать Селифану ехать скорее.

КАБ1(п) — для рассматривания

Это заставило его ~ на рассматривание дорожных видов, и приказать Селифану ехать скорее.

КАБ1, КАБ1(п) — видов по дороге

Селифан, прерванный тоже на самой середине речи, смекнул, что, точно, не нужно ~ от поучительных речей.

КАБ1(п) — который тоже на самой середине речи был прерван громом и дождем, смекнул

Селифан, прерванный тоже на самой середине речи, смекнул, что, точно, не нужно ~ в рукава, схватил в руки ~ от поучительных речей.

КАБ1(п) — не нужно было мешкать. Он вытащил из-под козел, на которых сидел, какую-то дрянь из серого сукна, оделся в нее и схватил

Селифан, прерванный ~ тройку, которая чуть-чуть ~ речей.

КАБ1(п) — так была убаюкана и такое чувствовала приятное расслабление от его рассказов, что едва переступала ногами. Лошади пустились на рысях

Сообразив и припоминая несколько дорожку, он догадался, что много было поворотов,

которые все пропустил он мимо.

КАБ1(п) — Сообразивши все обстоятельство

Сообразив и припоминая несколько дорожку, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо.

КАБ1(п) — смекнул, что, кажется, много было поворотов, которые он все проехал мимо

Так как русской человек в решительные минуты найдется, что ~ он: “Эй вы, други почтенные!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — [всегда] найдет

Так как русской человек ~ рассуждения, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнул он: “Эй вы, други почтенные!”

КАБ1(п) — он тот же час поворотил свою бричку на первую перекрестную дорогу направо и

КАБ1, ПБЛ4(п) — поворотивши направо на первой перекрестной дороге

Так как русской человек ~ дороге, прикрикнул он: “Эй вы, други почтенные!” и ~ дороге.

КАБ1, ПБЛ4(п) — прикрикнувши
ПБЛ4, РЦ — прикрикнул

Так как русской человек ~ он: “Эй вы, други почтенные!” и пустился вскачь, мало ~ дороге.

КАБ1, ПБЛ4 — пустился

Так как русской человек ~ пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога.

КАБ1, КАБ1(п) — в галоп

Так как русской человек ~ приведет взятая дорога.

КАБ1(п) — взятая им

Дождь, однако же, казалось, зарядил надолго.

КАБ1, КАБ1(п) — зарядился

Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку.

КАБ1(п) — мгновенно замешалась

Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку.

КАБ1(п) — заметно

Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку.

КАБ1, КАБ1(п) — тяжелее

По расчету его, давно бы пора было приехать.

КАБ1(п) — По его расчету, ему давно бы было пора приехать

“Погляди-ка, не видно ли деревни?”

КАБ1(п) — Погляди

КАБ1 — Погляди-ка ты (“ты” кар.)

Туда всё вошло: все ободрительные ~ на

ЯЗЫК.

КАБ1, ПБЛ4 — Туды всё вышло

РЦ — Туда всё вышло

Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми ~ на язык. ПБЛ3, КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — побудительные

Туда всё вошло: все ободрительные ~ от одного конца до другого; прилагательные ~ на язык.

КАБ1(п) — бесконечного конца

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — конца ее

Туда всё вошло: все ободрительные ~ до другого; прилагательные ~ секретарями.

КАБ1(п) — Он называл их сердечными и почтенными и московскими обывателями, толоконными приятелями и много придавал всяких прилагательных без большого разбора, а что первое попадалось на язык. Таким образом дошел до того, что он начал, наконец, называть их секретарями

Туда всё вошло: все ободрительные ~ до другого; прилагательные всех родов и качеств без дальнейшего разбора, как что первое попало на язык. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — родов

Туда всё вошло: все ободрительные ~ разбора, как что первое попало на язык.

КАБ1, ПБЛ4(п) — а какие

ПБЛ4, РЦ — а как

Таким образом дошло до того, что он начал называть их наконец секретарями.

ПБЛ4, РЦ — нет

Между тем Чичиков стал примечать, что ~ толчками; это дало ~ полю.

КАБ1(п) — начал примечать, что бричка стала качаться на все стороны и наделять его препорядочными толчками

Между тем Чичиков стал примечать, что ~ и наделяла его пресильными толчками; это ~ полю.

КАБ1, ПБЛ4 — наделяла его препорядочны-

ми

РЦ — надеяла препорядочными

Селифан, казалось, сам смекнул, но не говорил ни слова.

КАБ1(п) — Сам Селифан, как казалось,

“Что, мошенник, по какой ты дороге едешь?” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — по какой дороге ты едешь

Сказавши это, он так покосил бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками.

КАБ1(п) — отвечал Селифан и вслед за сим хлыснул по всем по трем и покосил так бричку

Тут только заметил он, что Селифан подгулял.

КАБ1(п) — он заметил

Тут только заметил он, что Селифан подгулял.

КАБ1(п) — немножко подгулял

“Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул”, говорил Селифан.

КАБ1(п) — отвечал

Засим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно на бок. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Затем

Засим начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал, поворачивал и наконец выворотил ее совершенно на бок.

КАБ1(п) — переверотил ее совсем

Селифан лошадей, однако ж, остановил; впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены.

КАБ1(п) — это было ему и не трудно потому, что они бы сами остановились, так они были

Такой непредвиденный случай совершенно изумил его.

КАБ1(п) — Однако ж

Такой непредвиденный случай совершенно изумил его.

КАБ1 — непредвиденный им

Слезши с козел, он стал перед бричкой, подперся в бока ~ размышления: “Вишь ты, и перекинулась!”

КАБ1(п) — подпершись

Слезши с козел, он стал ~ в грязи, слясь ~ ты, и перекинулась!”

КАБ1(п) — и силился оттуда вылезть. “Ишь ты” сказал Селифан по некотором размышлении

“Ты пьян, как сапожник!”

КАБ1(п) — пьян, отвечал Селифан

С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — закусить

“А что я тебе сказал последний раз, когда

ты напился? а? забыл?” произнес Чичиков.

КАБ1(п) — напился пьян

“А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился? а? забыл?” произнес Чичиков.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — сказал

“Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком”.

КАБ1(п) — высеку хорошенько

“Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком”.

РЦ — высеку

“Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком”.

КАБ1(п) — сказал Чичиков

Коли за дело, то и посеки; почему ж не посечь?” МД1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — почему ж и не посечь

Русский возница ~ глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает.
МД1;

МД2 — катает

Свет мелькнул в одном окошке и достигнул туманную струю до забора, указавши нашим дорожным ворота.

КАБ1 — в окошке

Селифан принялся стучать, и скоро, отворив калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая ~ стучит?

КАБ1(п) — потревоженная

“Что ж делать, матушка: видишь, с дороги сбились. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — вишь

Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть.

КАБ1, ПБЛ4(п) — которого

Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — поставленную

Между тем псы заливались ~ и дребезжат стекла.

КАБ1, КАБ1(п) — Собаки

Между тем псы заливались ~ наскоро, как пономарь; промеж них ~ и дребезжат стекла.

МД1 — нет (ценз. искаж.)

Между тем псы ~ бас, может быть старик или просто наделенный дюжею ~ и дребезжат стекла. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ — старик [или] и наделенный

МД1 — старик, наделенный

Между тем псы ~ все, что ни есть, порывается кверху, закидывая ~ дребезжат стекла.

КАБ1(п) — подымает

Между тем псы ~ кверху, закидывая голо-

ву, а он ~ стекла.

КАБ1 — и закидывает

ПБЛ4(п) — и закидывают

Чичиков кинул вскользь ~ птицами; между окон старинные маленькие зеркала ~ заметить.

КАБ1, ПБЛ4(п) — окнами маленькие

Чичиков кинул вскользь ~ зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев, и за всяким зеркалом ~ заметить.

КАБ1 — нет

Чичиков кинул вскользь ~ в виде свернувшихся листьев, и ~ заметить.

ПБЛ4, РЦ — завитых

Чичиков кинул вскользь ~ листьев, и за всяким зеркалом ~ заметить. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — за всяким

Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их кто-нибудь вымазал медом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как будто бы

Минуту спустя вошла хозяйка, женщина ~ плачутся на неурожаи, убытки и держат ~ комо́дов.

КАБ1(п) — убытки, неурожаи

РЦ — неурожаи, убытки

В один мешочек отбирают ~ четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы ~ само собою.

КАБ1(п) — и кажется с виду

В один мешочек отбирают ~ белья, да ночных кофточек, да ~ само собою.

КАБ1(п) — разных ночных

В один мешочек отбирают ~ во время печения праздничных ~ хламом.

КАБ1(п) — куличей к пасхе или и просто поизотрется само собою

В один мешочек ~ со всякими пряженцами или поизотрется само собою.

КАБ1 — припеками

ПБЛ4, РЦ — прижками (ошибка переписчика)

Но не сторит платье ~ виде, а потом ~ сестры вместе со всяким другим хламом.

ПБЛ4, РЦ — и достаться потом в духовной внучатной сестре

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что ~ пришла охота бить. МД1; МД2 —страшным

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум ~ пришла охота бить.

КАБ1(п) — что Чичиков

КАБ1 — что гость

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум ~ пришла охота бить.

КАБ1 — испугался и посторонился

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум очень походил на то, как бы ~ пришла охота бить. ЛБ1;

ПБЛЗ, КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД1 — шум походил

За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и ~ налево.

КАБ1 — последовало тотчас

ПБЛ4, РЦ — тотчас последовало

За шипеньем тотчас же ~ пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил ~ налево.

КАБ1 — десять таким звуком

ПБЛ4, РЦ — десять таких звуков

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ~ не беспокоилась ни о чем, что, кроме ~ вовсе нет.

КАБ1 — нет

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ~ постели, он ничего не требует, и полюбопытствовал ~ вовсе нет.

КАБ1, РЦ — не хотел бы другого

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ~ далеко ли отсюда пути ~ вовсе нет.

КАБ1 — нет

“Нет, не слыхивала, нет такого помещика”.
КАБ1 — И эдакого помещика нет

Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване.

КАБ1 — расположитесь, отец мой

Какое-то время наслал бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — послал

“Еще слава богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломал совсем боков”.

КАБ1(п) — “Ух, матушка”, сказал Чичиков, испутивши продолжительный вздох: “слава те Христос, что всего только засалился, что не отломал себе боков”

“Слушаю, сударыня!” говорила Фетинья, постилая сверх перины простыню и кладя подушки.

КАБ1, КАБ1(п) — постилая

“Прощай, батюшка, желаю покойной ночи.
КАБ1, ПБЛ4 — Прощайте

Но гость отказался и от почесывания пяток.

КАБ1(п) — Чичиков

Хозяйка вышла, и он тот же час ~ также с своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспехи.

КАБ1(п) — Чичиков поспешил разоблачиться и отдал всю, как нижнюю, так и верхнюю свою арматуру Фетиинье, которая, пожелав ему

Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка.

КАБ1(п) — не без удовольствия взглянул он

Фетинья, как видно, была мастерица взбивать перины.

КАБ1, ПБЛ4(п) — казалось

Когда, подставивши стул, взобрался он ~ пола, и перья, вытесненные ~ свечу, он накрылся ~ в ту же минуту.

КАБ1(п) — только перья разлетелись во все стороны комнаты

КАБ1 — и перья, будучи вытеснены из пределов [такого] погрузившимся в них телом, разлетелись [вдруг] во все углы комнаты

Солнце сквозь окно блистало ~ причиною его пробуждения.

КАБ1 — сквозь окна

Солнце сквозь окно блистало ему прямо в глаза, и мухи, которые вчера спали ~ причиною его пробуждения.

КАБ1(п) — вчерась

Солнце сквозь окно блистало ~ спали покойно на стенах ~ его пробуждения.

КАБ1, ПБЛ4(п) — покойно

Солнце сквозь окно блистало ~ к носовой ноздре, он потянул ~ его пробуждения.

КАБ1 — ноздре его

Окинувши взглядом комнату, он ~ портрет Кутузова и писанный ~ при Павле Петровиче.

КАБ1 (кар.) — Кутузова и еще другой портрет

Он надел рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало подле него. ПБЛ4 (кар.);

РЦ, МД1 — возле

Подошедши к окну, он ~ дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью.

КАБ1, КАБ1(п) — птицей

Индейкам и курам не было числа; промежуток расхаживал петух мерным шагом, потряхивая ~ порядком. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — мерными шагами

Индейкам и курам ~ набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья ~ порядком.

КАБ1 — к чему

Этот небольшой дворик, или курятник, перегородал досчатый забор, за которым тянулись ~ овощем.

КАБ1 — за которым [был огород травник, примыкавший другим концом] к са<ду>

Этот небольшой дворик, или ~ и прочим хозяйственным овощем.

КАБ1, КАБ1(п) — прочей хозяйственной овощью

Для этой же самой причины ~ одном из них надет был чепец самой хозяйки.

КАБ1, КАБ1(п) — из которых

За огородами следовали крестьянские избы, которые хотя были выстроены ~ и две.

КАБ1(п) — были хорошо оснащены и

За огородами следовали крестьянские избы, которые ~ как следует: изветшавший тес на крышах везде был заменен новым; ворота ~ и две.

КАБ1(п) — прогнившее дерево заплатано было новым

За огородами следовали крестьянские избы, которые ~ везде был заменен новым; ворота ~ и две.

КАБ1 — сменен

За огородами следовали крестьянские избы, которые ~ не покосились; а в обращенных к нему ~ и две.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и в обращенных

“Да у ней деревушка не маленька”, сказал он и положил тут же разговориться и познакомиться с хозяйкой покороче.

КАБ1(п) — деревушка, впрочем

“Да у ней деревушка не маленька”, сказал он и положил тут же разговориться и познакомиться с хозяйкой покороче.

КАБ1(п) — положил с ней познакомиться получше и разговориться покороче

КАБ1, ПБЛ4(п) — положил себе тут же разговориться с хозяйкой покороче

Он заглянул в щелочку двери, из которой

она было высунула голову, и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

КАБ1(п) — Он тот же час

Он заглянул в щелочку двери, из которой она было высунула голову, и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

КАБ1(п) — выглянула хозяйка

Он заглянул в щелочку двери, из которой она было высунула голову, и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

КАБ1(п) — весьма ласковым

“Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?” сказала хозяйка, приподнимаясь с места.

КАБ1(п) — приподнявшись

Она была одета лучше, нежели вчера, — в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано. ЛБ1; ПБЛ3, КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД1 — все так же

Она была одета лучше, нежели вчера, — в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано.

КАБ1(п) — намотано

Все поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит”.

КАБ1 — пониже

Я то мазала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. ЛБ1;

ПБЛ3, КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД1 — смазывала

Во фляжке фруктовая.

КАБ1(п) — во фляжке-то

Надобно сказать, что ~ в умении обращаться.

КАБ1(п) — Должен признаться, что если у нас на Руси не угнались еще во всем за иностранцами, зато в умении обращаться далеко их оставили за собою

Француз или немец век не смекнет и не

поймет всех его особенностей и различий; он ~ перед первым.

КАБ1(п) — как-то вовсе не умеет взяться и никак не заметит различий и особенностей

Француз или немец век не смекнет и не поймет ~ перед первым.

КАБ1 — нет

Француз или немец ~ тем же языком станет говорить и с миллионщиком ~ перед первым.

КАБ1(п) — станет он

У нас не то: у нас есть ~ триста, а с тем, ~ существует канцелярия, не здесь, а ~ канцелярии.

КАБ1(п) — и так, пожалуй, хоть восходи до миллиона — всё найдутся оттенки. Положим, даже существует, например, какая-нибудь

У нас не то: у нас есть ~ их восемьсот; словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки.

КАБ1 — и так, пожалуй

КАБ1(п) — пожалуй

Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь!

КАБ1(п) — А не угодно ли

Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих ~ лицо его?

КАБ1(п) — сидит в своей канцелярии

Прошу посмотреть ~ не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его?

КАБ1(п) — вид такой: и гордость, и благородство, и ни весть чего в нем нет

В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей ~ в песчинку!

КАБ1(п) — то же самое: будь всё не очень далекого чина

В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а ~ в песчинку!

РЦ, МД2 — остается

“Эхе, хе!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Эхе, хе, хе

Чичиков, как уж мы видели, решился во-
все не церемониться ~ деревенька.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — мы уж

Чичиков, как уж мы видели, решился ~
вливши туда фруктовой, повел ~ деревенька.

КАБ1(п) — фруктовой водки

Чичиков, как уж мы видели, решился ~
фруктовой, повел такие речи: “У вас, матуш-
ка, хорошая деревенька.

КАБ1, ПБЛ4 — повел он

“Душ-то в ней, отец мой, без малого 80-т”,
сказала ~ боже храни”.

КАБ1, ПБЛ4 — упаси

“Однако ж мужички на вид дюжие, избен-
ки крепкие.

КАБ1(п) — и избенки всё крепкие

Я так рассеялся... приехал в ночное время...
КАБ1(п) — время и не успел

“Нет, матушка”, отвечал Чичиков усмехнувшись; “чай не заседатель, а так ездим по своим делишкам”.

КАБ1, ПБЛ4 — улыбнувшись
РЦ — нет этого слова

Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил”.

КАБ1, КАБ1(п) — теперь, верно

“Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?”

ПБЛ4, РЦ — скажите, скажите

“И умер такой всё славный народ, все работники.

КАБ1(п) — умер ведь

После того, правда, народилось, да что в них, всё такая мелюзга, а заседатель подье-

хал, подать, говорит, уплачивать с души.

КАБ1, КАБ1(п) — хоть, правда

После того, правда, народилось, да что в них, всё такая мелюзга, а заседатель подъехал, подать, говорит, уплачивать с души.

КАБ1 — что с них

“Бог приберег от такой беды, пожар бы еще хуже; сам сгорел, отец мой.

КАБ1, КАБ1(п) — от такого горя

Внутри у него как-то загорелось, чересчур ~ мне выехать не на чем, некому лошадей подковать”.

КАБ1, КАБ1(п) — не в чем

Я вам за них дам деньги”.

КАБ1, ПБЛ4 — деньгу

Чичиков увидел, что старухахватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, в чем дело.

КАБ1(п) — и что нужно прежде растолковать ей

Меня только то и затрудняет, что они уже мертвые”.

КАБ1(п) — Да ведь меня

“Ну, баба, кажется, крепколобая!”

КАБ1, КАБ1(п) — Эх ее, какая баба!

А теперь примите только в соображение то, что ~ повинности. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — примите в соображение только то

“Право, отец мой, никогда еще не случилось мне продавать покойников. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — продавать мне

Живых-то я уступила, вот и третьего года ~ ткнут”.

КАБ1(п) — продала

Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок ~ салфетки ткнут”. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — Протопову

МД2 — Протопопову

Я спрашиваю мертвых”.

КАБ1(п) — спрашиваю у вас

“Послушайте, матушка... эх какие вы! Да помилуйте, матушка КАБ1;

КАБ1(п) — Да пожалуйста, матушка

Вы возьмите всякую негодную, последнюю ~ фабрику, а ведь это ни на что не нужно.

КАБ1(п) — больше ничего. Старая тряпка, которая никуда не годится, и та больше стоит, потому что тряпку, по крайней мере, на бумажную фабрику купят

“Эк ее, дубинно-головая какая!”

КАБ1 — эк

Так зато же это мед. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — зато

Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания: на то ~ хозяйству.

КАБ1(п) — Вы здесь не прилагали с своей

стороны, так сказать, никакого труда

“Право”, отвечала помещица: “мое такое неопытное вдовье дело! лучше ж я маненько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — маленько

На что они им? КАБ1, ПБЛ4(п);
РЦ, МД1 — нет

“А может, в хозяйстве-то как-нибудь подслучай понадобятся...” возразила ~ на это скажет.

ПБЛ4(п), РЦ — понадобится

“А может, в хозяйстве-то как-нибудь подслучай понадобятся...” возразила ~ рот и смотрела на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет.

ПБЛ4, РЦ — да и смотрела

“А может, в хозяйстве-то как-нибудь ~ на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет.

КАБ1(п) — отчасти

Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его.

КАБ1 — “после молитвы загадать на картах

Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то бог и наслал его.

ПБЛ4, РЦ — послал

Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих”.

КАБ1 — роги-то

Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова ~ вашей деревней!”

КАБ1(п) — хотя бы

Из одного христианского человеколюбия ~ нужду... да пропади они и околей со всей вашей деревней!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — пропади

Я хотел было закупать у вас хозяйственные продукты ~ тоже веду...”

КАБ1(п) — покупать

Здесь он прилгнул, хоть и вскользь и без всякого дальнейшего размышления, но неожиданно-удачно.

КАБ1(п) — хоть и не с большим умыслом

“Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацией! ~ меня”.

КАБ1(п) — Да что с тобой делать

“Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацией! только смотри, отец мой, насчет ~ меня”.

КАБ1(п) — только, пожалуйста, уж

“Ну, да изволь, я готова отдать ~ муки брать ржаной, или ~ меня”.

КАБ1 — оржаной

“Нет, матушка, не обижу”, говорил он, а между тем отирал рукою пот, который в три

ручья катился по лицу его.

КАБ1, ПБЛ4(п) — герой наш

Чичиков попросил ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить.
КАБ1, ПБЛ4;

ПБЛ4, МД1 — избавить

Чичиков попросил ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить.
РЦ, МД1;

КАБ1 — сочинить его

ПБЛ4 — сочинить ее

“Хорошо бы было”, подумала между тем ~ его задобрить: теста ~ немного”.

КАБ1(п) — задобрить и употчивать получше

“Хорошо бы было”, подумала между тем ~ сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы ~ немного”. МД1;

МД2 — испекла

“Хорошо бы было”, подумала между тем ~ блинов; хорошо бы также загнуть ~ немного”.

ПБЛ4, РЦ — так

“Хорошо бы было”, подумала между тем ~ славно загибают, да и времени берет немного”.

КАБ1(п) — делают, а уж он был бы совсем кстати

Хозяйка вышла с тем, чтобы привести в исполнение ~ стряпни; а Чичиков вышел ~ шка-тулки.

КАБ1(п) — мысль в исполнение

Хозяйка вышла с тем, чтобы ~ Чичиков вышел тоже в гостиную, где провел ночь, с тем, чтобы вынуть нужные бумаги из своей шка-тулки. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — вышел

В гостиной давно уже было всё прибрано, роскошные перины вынесены вон, перед диваном стоял накрытый стол.

КАБ1(п) — тюфяки

В гостиной давно уже было всё прибрано, роскошные перины вынесены вон, перед диваном стоял накрытый стол. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — покрытый

Поставив на него шкатулку, он несколько отдохнул, ибо ~ мокро.

КАБ1(п) — Поставивши

Поставив на него шкатулку, он несколько отдохнул, ибо ~ мокро.

КАБ1(п) — он прежде чем отпереть ее

Поставив на него шкатулку, он несколько отдохнул, ибо чувствовал, что был весь в поту, как ~ мокро.

РЦ — что он был

Поставив на него шкатулку, он ~ в поту, как в реке: всё, что ~ мокро.

КАБ1(п) — в реке. В самом деле

Автор уверен, что есть читатели такие лю-

бопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение шкатулки.

КАБ1(п) — Я знаю

Автор уверен, что есть читатели такие любопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение шкатулки.

КАБ1(п) — до такой степени

Пожалуй, ~ всякие перегородки с крышечками ~ на память.

КАБ1(п) — пожалуй, вот оно: по середине металлическая мыльница: с одной стороны ее узенькие перегородки для бритв, с другой — для чернильниц с лоточком для перьев; потом опять

Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине ~ для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы ~ на память.

КАБ1, ПБЛ4(п) — четверугольные, уголки

Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине ~ с крышечками и без крышечек, для того, что ~ на память.

КАБ1, ПБЛ4, ПБЛ4 — крышек

Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине ~ без крышечек, для того, что ~ верхний ящик со всеми перегородками ~ шкатулки.

КАБ1(п) — наполненные кое-какими мелочами и большим количеством всяких билетов: похоронных, театральных и разных других, которые он имел привычку оставлять на память. Весь этот

Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине ~ покороче, наполненные билетами ~ на память.

КАБ1, КАБ1(п) — наполненные всякими

Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое ~ шкатулки.

КАБ1(п) — было

Весь верхний ящик ~ в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки.

КАБ1 — нет

Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать.

КАБ1 (кар.), ПБЛ4, РЦ — Он

Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — тут же ими занялся

Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать.

КАБ1(п) — взявши в руки

“Хорош у тебя ящичек, отец мой”, сказала она, подсевши к нему.

ПБЛ4, РЦ, МД1 — ящик

Ахти, сколько у тебя тут гербовой бумаги!”

КАБ1 — сколько-то

“Хоть бы мне листик подарил! КАБ1, ПБЛ4;

ПБЛ4, МД1 — листок

Оказалось, что помещица не вела ~ на-

изусть; он заставил ее тут же продиктовать их.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и тут же взялась ему продиктовать

Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями, а еще более ~ останавливался, а потом уже начинал писать.

КАБ1(п) — и особенно придомками, так что он иногда подымал бровь, слыша их, и прежде на минуту останавливался

Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями, а еще более прозвищами, так что он всякой раз, слыша их, прежде останавливался, а потом уже начинал писать.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — иногда

Особенно поразил его какой-то Петр Савельев Неуважай-корыто, так что он не мог не сказать: “экой длинный!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — остановил

Другой имел прицепленный к имени Коро-

вий кирпич, иной оказался просто: Колесо Иван.

КАБ1(п) — Потом какой-то другой с придомком

Другой имел прицепленный к имени Коро-вий кирпич, иной оказался просто: Колесо Иван.

КАБ1 — носил

Другой имел прицепленный к имени Коро-вий кирпич, иной оказался просто: Колесо Иван.

КАБ1(п) — а один

Другой имел прицепленный к имени Коро-вий кирпич, иной оказался просто: Колесо Иван.

КАБ1 — назывался просто Колесо

Оканчивая писать, он потянул несколько к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

КАБ1 (кар.) — услышавши запах чего-то горячего в масле, приятно пощекотавшего его

ноздри

“Прошу покорно закусить”, сказала хозяйка.

КАБ1 (кар.) — А прошу [покорно]

Чичиков оглянулся и увидел, что ~ нивесть чего не было.

КАБ1 (кар.) — он

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, ~ нивесть чего не было.

КАБ1, КАБ1(п) — грибки, блинки

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, ~ не было.

КАБ1(п) — и нивесть чего там не было

Чичиков оглянулся ~, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки ~ нивесть чего не было.

КАБ1 — скородумки, сочни

Чичиков оглянулся и увидел, что ~ с творогом, припёкой со сняточками, и нивесть чего не было.

КАБ1 — нет

“Пресный пирог с яйцом!”

КАБ1(п) — пирог уже

И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался еще вкуснее.

КАБ1(п) — всей этой

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой.

КАБ1(п) — и вытер губы и руки

Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинков.

КАБ1(п) — послала с этим

Настасья Петровна тут же послала Фети-

нью, приказавши в то же время принести еще горячих блинков.

КАБ1(п) — да с тем вместе приказала

Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинков. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — блинов

“У вас, матушка, блинцы очень вкусны”, сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.

КАБ1(п) — принимаясь за вновь принесенные

Да что же, батюшка, вы так спешите?” проговорила она, увидя, что Чичиков взял в руки картуз.

КАБ1, КАБ1(п) — вскрикнула

“Заложат, матушка, заложат.

КАБ1 — Заложит, матушка, заложит

“Может быть, понадобится еще птичьих перьев. ПБЛ3, КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья”.

КАБ1(п) — Петрову дню

“Рассказать-то мудрено, поворотов много; разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила.

КАБ1, ПБЛ4 — Рассказать

Чичиков уверил ее, что ~ было во дворе ее; вперила глаза ~ жизнь.

КАБ1(п) — во дворе у нее, и мало-помалу совершенно переселилась в хозяйственный мир свой; пристально

Чичиков уверил ее, что ~ на ключницу, выносившую ~ Точно ли так велика пропасть, отделяющая ~ модный католицизм.

КАБ1(п) — как будто бы хотела что-то сказать ей; обратила внимание на приближавшегося к крыльцу мужика, нетерпеливо желая знать, о чем донесет и что скажет мужик. А вот что скажет мужик... Но к чему знать нам, что скажет мужик, да и зачем так долго

заниматься Коробочкой? Манилова ли, Коробочка ли, к чему в них пристально всматриваться? Хозяйственная ли жизнь, или не хозяйственная, зачем их сравнивать, лучше мимо и быстрее проходить всё. Иначе веселое мигом обратится в грустное, если только долго остановиться перед ним, и бог знает, какие тогда набредут мысли; может быть наконец, даже станешь думать, да точно ли

Но зачем так долго заниматься Коробочкой?

КАБ1, ПБЛ4 — долго нам

Но зачем так долго заниматься Коробочкой?

КАБ1, ПБЛ4(п) — ею

Не то на свете дивно устроено: веселое мигом ~ в голову.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — странно

Может быть, станешь даже думать: да ~ лестнице человеческого совершенствования?

КАБ1(п) — человечества

Точно ли так велика пропасть, отделяющая ~ чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом ~ модный католицизм.

КАБ1(п) — лестницами с сияющей медью

Точно ли так велика пропасть, отделяющая ~ блеснуть умом и высказать вытверженные мысли, мысли, занимающие, по законам моды, на целую неделю ~ модный католицизм.

КАБ1(п) — и объявить вытверженные мнения и мысли

КАБ1 — умом ~ вытверженные мысли, занимающие

Точно ли так велика пропасть, отделяющая ~ поместьях, запутанных и расстроенных, благодаря незнанию хозяйственного дела, а о том, какой ~ модный католицизм.

КАБ1, ПБЛ4(п) — запутанных управителями, прикащиками и собственным незнанием дела (ПБЛ4(п) — ошибка переписчика незнакомым делом)

Точно ли так велика пропасть, отделяющая ~ о том, какой политический переворот ~ зачем же среди недумаящих, веселых, беспечных минут, сама собою, вдруг пронесется иная чудная струя?

КАБ1(п) — что делается во Франции... Но мимо, мимо! К чему наводить на то, что не пришло бы само собою?.. Но отчего же в середине

Но мимо, мимо! зачем говорить об этом?

КАБ1, ПБЛ4(п) — Но мимо такие мысли! Зачем сбивать людей с колеи, в которую они въехали, мало думая, прямо ли ведет колея, куда следует, или несется бог знает куды в сторону

Но мимо, мимо! зачем говорить об этом?

ПБЛ4 — Но мимо [прочь такой вздор.]

Но зачем же среди недумаящих, веселых, беспечных минут, сама собою, вдруг пронесется иная чудная струя?

КАБ1 — нет

Но зачем же среди недумаяющих, веселых, беспечных минут, сама собою, вдруг пронесется иная чудная струя?

КАБ1(п) — пронесется вдруг какая-то иная

Но зачем же среди недумаяющих, веселых, беспечных минут, сама собою, вдруг пронесется иная чудная струя?

КАБ1 — проносится

ПБЛ4(п) (ошибка переписчика) приносится

ПБЛ4, РЦ — принесется

Еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...

КАБ1(п) — а уже иное означает лоб, как будто видят что-то глаза, и уже стал

КАБ1 — иное означает лоб, в один миг окастал

Еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...

КАБ1(п) — и уже осветилось лицо

КАБ1 — и все осветилось лицо

КАБ1 (кар.) — другим светом уже озарилось лицо

Селифан помог взлезть девчонке на козлы, которая, ставши ~ поместилась возле него.

КАБ1, ПБЛ4(п) — девчонке взлезть

Вслед за нею и сам Чичиков ~ на правую сторону, потому что был тяжеленек, наконец поместился, сказавши: “А! теперь хорошо!

КАБ1, ПБЛ4(п) — был отчасти

Селифан был во всю дорогу суров и с тем вместе ~ был пьян.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сурьезен и

Селифан был во всю дорогу суров ~ всегда после того, когда либо в чем провинился, либо был пьян.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как

Во всю дорогу был он молчалив, только похлестывал ~ поверх спин.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он был очень

Во всю дорогу был он молчалив, только ~ к лошадям, хотя чубарому коню, конечно, хотелось бы ~ поверх спин.

КАБ1, ПБЛ4(п) — серому

Во всю дорогу был он молчалив, только ~ в руках словоохотного возницы, и кнут только для формы гулял поверх спин.

КАБ1, ПБЛ4(п) — его

Но из угрюмых уст слышны были на сей раз одни однообразно-неприятные восклицания: “Ну же, ну, ворона!

КАБ1, ПБЛ4(п) — уст угрюмого возницы

Но из угрюмых уст слышны были на сей раз одни однообразно-неприятные восклицания: “Ну же, ну, ворона!

КАБ1 — нет

Даже сам гнедой и Заседатель были недовольны, не услышавши ни разу ни любезные, ни почтенные.

КАБ1, ПБЛ4(п) — самый саврасой и пристяжной гнедой были несколько

Чубарый чувствовал пренеприятные удары по своим полным и широким частям.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Серый

“Нет, нет, я уж покажу”, отвечала девчонка.

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — девушка

“Нет, нет, я уж покажу”, отвечала девчонка.

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — девочка

“Вот куды”, отвечала девчонка, показавши рукою. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — показывая

“Эх ты!” сказал Селифан.

КАБ1, ПБЛ4(п) — отвечал

Хотя день был очень хорош, но земля ~ отяжелило экипаж; к тому же почва была глиниста и цепка необыкновенно.

КАБ1(п) — бричку

То и другое было причиною, что они не могли выбраться из проселков раньше полудня.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков не мог

Без девчонки было бы трудно сделать и это, потому что ~ не по своей вине.

КАБ1(п) — весьма трудно было бы

Без девчонки было бы трудно ~ их высыпят из мешка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей вине. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — высыплют

Без девчонки было бы трудно ~ Селифану довелось бы поколесить уже не по своей вине.

КАБ1(п) — может быть, опять пришлось бы поколесить

Он остановился и помог ей сойти, проговорив сквозь зубы: “Эх ты, черноногая!”

КАБ1(п) — девчонке

Он остановился и помог ей сойти, прогово-

рив сквозь зубы: “Эх ты, черноногая!”

КАБ1(п) — сказав ей

КАБ1 — сказав сквозь зубы

Подъехавши к трактиру, Чичиков ~
несколько закусить и подкрепиться.

КАБ1(п) — подкрепиться и закусить

Но господа средней руки, что ~, на третьей
ломоть осетра или какую-нибудь запеканную
колбасу ~ завидным даянием неба!

КАБ1 — нет

Но господа средней руки, что ~ время, и
стерляжья уха с налимами и молоками ши-
пит ~ завидным даянием неба!

КАБ1, ПБЛ4(п) — и горячие щи

Но господа средней руки, что ~ меж зуба-
ми, заедаемая расстегаем или кулебякой с со-
мовьим плёсом, так что ~ даянием неба!

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

Не один господин большой руки ~ у госпо-
дина средней руки.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — И не один

Не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян ~ у господина средней руки. МД1;

МД2 — половиною

Не один господин большой руки ~ деньги, ниже имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобрести такого желудка, какой бывает у господина средней руки.

КАБ1(п) — не приобретешь

Не один господин большой руки ~ такого желудка, какой бывает у господина средней руки.

КАБ1(п) — есть

Резные узорочные карнизы из свежего дерева вокруг окон и под крышей резко и живо пестрили ~ с цветами.

КАБ1(п) — несколько

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил ~

пожалуйте!”

КАБ1(п) — сени, озаренные светом, проходившим сквозь щели в стенах и досках

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил ~ пожалуйста!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков

Взобравшись узенькою деревянною лестницею ~ со скрипом дверь и вместе ~ пожалуйста!” КАБ1 — дверь и вместе с нею исходивший свет

ПБЛ4(п) — дверь и вместе с нею

В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся ~ и больше ничего.

КАБ1(п) — встретили

В комнате попались ~ трактирах, каких немало повыстроено ~ и больше ничего.

КАБ1(п) — которых

В комнате попались ~ немало повыстроено по дорогам, а ~ и больше ничего. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — выстроено (ошибка РЦ)

В комнате попались ~ лепешку; наконец натыканые ~ степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего.

КАБ1(п) — образа, убранные душистыми травами и гвоздиками, которые до такой степени все высохли

В комнате попались ~ лепешку; наконец натыканые пучками ~ и больше ничего.

КАБ1 — натыканые [за образами]

Старуха пошла копаться ~ до того, что дубилась, как ~ на стол.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — дубилась

Старуха пошла копаться ~ солонку, которую никак нельзя было поставить прямо на стол.

КАБ1(п) — трудно

Герой наш по обыкновению ~ не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе; словом, не пропустил ничего.

КАБ1, ПБЛ4(п) — немного

Само собою разумеется, что любопытствовал узнать, какие ~, Чепраков полковник, Собакевич.

КАБ1(п) — узнать заезжают ли помещики в трактир и

Само собою разумеется, что ~ помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков полковник, Собакевич.

ПБЛ4, РЦ — Чепраков, полковник Собакевич

“А! Собакевича знаешь?” спросил он и тут же услышал, что ~ подбавки потребует за ту же цену.

КАБ1(п) — спросил он с более живым участием

“А! Собакевича знаешь?” спросил он и тут же услышал, что ~ Манилов будет повеликательней ~ за ту же цену.

КАБ1(п) — куда

“А! Собакевича знаешь?” спросил он ~ и подбавки потребует за ту же цену.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — надбавки

Когда он таким образом разговаривал, кушая поросенка, которого оставался уже последний кусок, слышался стук колес подъехавшего экипажа.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков

Когда он таким образом разговаривал, кушая поросенка, которого оставался уже последний кусок, слышался стук колес подъехавшего экипажа.

КАБ1(п) — кушая в то же время поросенка, которого оставался уже один последний кусок

КАБ1 — продолжая в то же время заниматься поросенком, которого уже оставался один последний кусок, поднятый на вилку и омокнутый в хрен

Когда он таким образом разговаривал, кушая поросенка, которого оставался уже последний кусок, слышался стук колес подъе-

хавшего экипажа.

КАБ1, ПБЛ4(п) — какого-то подъехавшего дорожного

Выглянувши в окно, увидел он остановившуюся перед трактиром легонькую бричку, запряженную тройкою добрых лошадей.

КАБ1(п) — бричечку

Белокурый был в темносиней венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке.

зач. в КАБ1, но перешло в след. рукоп. (до конца абз. исправления КАБ1 не вошли в след. рукопись и оконч. текст совпадает с КАБ1(п))

Белокурый был в темносиней венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке.

КАБ1 — полосатом стеганом

Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней с изорванными хомутами и веревочной упряжью.

КАБ1, КАБ1(п) — поистертыми

Издали тащилась еще колясочка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней с изорванными хомутами и веревочной упряжью.

КАБ1 — нет

Белокурый тотчас же отправился по лестнице ~ со слугою и махая в то же время ехавшей за ними коляске.

КАБ1 — в то же время живо махая

Это был мужчина высокого роста, лицом худощавый, или, что называют, издержанный, с рыжими усиками.

КАБ1(п), ПБЛ4(п) — и несколько поиздержанный

КАБ1 — несколько поиздержанный

По загоревшему лицу его можно было заключить, что он знал, что такое дым, если не пороховой, то по крайней мере табачный.

КАБ1(п) — По загоревшей физиономии

Он вежливо поклонился Чичикову, на что

последний ответил тем же.

КАБ1(п) — Чичиков тоже ответил поклоном

В продолжение немногих минут они, вероятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сделано, и оба ~ волосы.

КАБ1 — познакомились, потому что начало

В продолжение немногих минут ~ дождем, и теперь ехать и прохладно и приятно, как ~ волосы.

КАБ1 — и ехать сделалось прохладно

В продолжение немногих минут ~ товарищ, сбросив с головы на стол картуз свой, молодежато взъерошив рукой свои черные густые волосы.

КАБ1 (кар.) — сбросил

В продолжение немногих минут ~ картуз свой, молодежато взъерошив рукой свои черные густые волосы.

КАБ1(п) — и взъерошив

Это был среднего роста, очень недурно сложенный ~ щеками, с белыми, как снег, зубами ~ смоль, бакенбардами.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

“Ба, ба, ба!” вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — руки

“Ба, ба, ба!” вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова.

КАБ1 — когда увидел

“Ба, ба, ба!” говорил Ноздрев и, не дождав-шись ответа, продолжал далее: “А я, брат, с яр-марки. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — продолжал

Поздравь: продулся в пух!

КАБ1(п) — Ну, братец, как продулся

Поздравь: продулся в пух!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — поздравь меня

Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку.

КАБ1(п) — несколько

“Видишь, какая дрянь! насилу дотащили проклятые; я уже пересел вот в его бричку”.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — перелез

Говоря это, Ноздрев указал пальцем на своего товарища.

КАБ1(п) — Здесь он указал на белокурого

Говоря это, Ноздрев указал пальцем на своего товарища. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — показал

Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — просто всё спустил. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — всё

Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — просто всё спустил.

КАБ1(п) — которых привел было с тем, что-

бы продать, но даже четверню собственную, на которой приехал, спустил

Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов...”

КАБ1(п) — Ей-богу! ведь на мне

КАБ1 — На мне

РАЗДЕЛ 3

“А ведь будь только двадцать рублей в кармане”, продолжал ~ двадцать, я отыграл бы всё, то есть, кроме того, что ~ в бумажник”.

КАБ1, ПБЛ4 — отыграл

“А ведь будь только двадцать рублей ~ честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник”.

КАБ1(п) — как ни в чем не бывало

“Ты, однако ж, и тогда так говорил”, отвечал белокурый: а ~ просадил их”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — однако

“Ты, однако ж, и тогда так говорил”, отвечал белокурый: а когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их”.

КАБ1(п) — тот же час проиграл

“Ты, однако ж, и тогда так говорил”, отвечал белокурый: а когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их”.

КАБ1(п) — И не просадил бы! ей-богу, не просадил бы!”: И тогда бы выиграл, ей богу, выиграл

Не сделай я сам глупость, право, не просадил бы. Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк”.

КАБ1(п) — ей богу, выиграл бы! Не ставь я девятку, а поставь даму, как было и хотел сделать

Не сделай я сам глупость, право, не просадил бы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — ей богу

“Не сорвал, потому что загнул утку не во время. А ты думаешь, майор твой хорошо играет?”

КАБ1(п) — я сам был виноват. Небось, ты

“Не сорвал, потому что загнул утку не во время.

КАБ1 — загнул утку [недождавшись]

Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни!

КАБ1(п) — Чичиков, сказал он, обратившись к нашему герою

Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни!

КАБ1(п) — дни, то есть так покутили, что разлюли только

Правда, ярмарка была отличнейшая.

КАБ1(п) — Правда, что

У меня все, что ни привезли из деревни, продали по самой выгоднейшей цене.

КАБ1(п) — цене, прекрасно, брат, словом, так никогда еще не продавали

Теперь даже, как вспомнишь... чорт возьми!

КАБ1(п) — Веришь, что даже теперь

Теперь даже, как вспомнишь... чорт возьми!

КАБ1 — так

“Принеси-ка, брат, говорит, бурдашки!”

КАБ1(п) — братец

Ах, братец, какой премилый человек! вот уж, можно сказать, во всей форме кутила.

КАБ1(п) — кутили, так можно сказать, что

Какого вина отпустил нам Пономарев!

КАБ1, КАБ1(п) — Каково вино

Нужно тебе знать, что он мошенник и в его лавке ничего нельзя брать: в вино мешают ~ в эмпиреях.

КАБ1 — в вино он

Нужно тебе знать, что он мошенник ~ бутылочку, ну просто, брат, находишься в эмпиреях.

КАБ1(п) — так просто, братец, только губки облизывай

Шампанское у нас было такое, — что пред ним губернаторское? просто квас. Вообрази, не клико, а какое-то клико матрадура; это значит двойное клико.

КАБ1(п) — какого у губернатора тебе не дадут

И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон.

КАБ1(п) — одну только

И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон.

КАБ1, ПБЛ4(п) — бутылочку какого-то

Запах? — розетка и все, что хочешь.

КАБ1(п) — Запах, братец, такой: и

Уж так покутили!..

КАБ1 — То-есть уж как

Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!"

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — семнадцати

Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!”

КАБ1, ПБЛ4 — что ты

“Ну, хочешь об заклад, что выпью?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — выпью, — сказал Ноздрев

Это не то, что прокурор и все губернские скряги в нашем городе, которые так и трясутся за каждую копейку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — карту

Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило ~ всё это en gros.

КАБ1(п) — Ну, зачем ты право, не был. Карет, веришь ли, какая гибель! и всё это такое ангро

Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать?

КАБ1, ПБЛ4(п) — Эх, Чичиков, [Чичиков], душа

Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой!

поцелуй меня, душа, смерть люблю тебя!

КАБ1 — Я тебя смерть люблю. Вот

А сколько, брат, было карет, и всё это en gros. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — было, брат

В фортунку крутнул, выиграл две банки ~ один раз и прокрутил, канальство, еще сверх шесть целковых. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — прокутил

В фортунку крутнул, выиграл ~ и прокрутил, канальство, еще сверх шесть целковых.

КАБ1, КАБ1(п) — своих

А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников!

КАБ1(п) — брат

Мы с ним были на всех почти балах.

КАБ1(п) — балах и в театре

Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и чорт знает чего не было... я думаю

себе только: “чорт возьми!”

КАБ1(п) — была, братец

Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и чорт знает чего не было... я думаю себе только: “чорт возьми!”

КАБ1, — перья на ней, газы и тюли разные

Поверишь ли, простых баб не пропустил.

КАБ1(п) — что даже простых

Это он называет: попользоваться насчет клубнички.

КАБ1 — пользоваться

“А я к человечку к одному”, сказал ~ только, к кому едешь?”

КАБ1(п) — “Теперь я еду... есть одно нужное дело”, отвечал Чичиков.

“Вздор, вздор, братец, что за дело. Едем ко мне”.

“Не могу, право, не могу”.

“Ей-богу, врешь”.

“Нет, не шутя говорю”.

“Т. е. я готов биться о чем угодно, что врешь. Ну, посмотрим нарочно: ну, скажи, куда едешь”.

“Да довольно тебе того, что нужно”.

“Ну, да к кому же?”

“Ну, что человечек, брось его! поедем ко мне!”

ПБЛ4, РЦ — едем

“Право, дело, да еще и нужное”.
нужное”.

“Ну вот же, право, врешь, не нужное”.

“Не шутя ПБЛ4; РЦ (только последняя строка): “Не шутя

Здесь Ноздрев захохотал тем звонким сме-

хом, каким ~ дал ему слово”, сказал Чичиков.

КАБ1(п) — начал хохотать во всё горло.

“Что ж тут смешного?” сказал Чичиков, несколько недовольный таким громким смехом.

“Если б я не знал твоего характера, так мог бы подумать еще, что правда... Ну, что вы с ним будете делать?”

“Как что? я обещал его посетить, дал слово”.

Здесь Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким ~ человек, у которого все ~ разобрало!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — у которого при том действии

Здесь Ноздрев захохотал ~ белые, как сахар, зубы, дрожат ~ разобрало!”

КАБ1, КАБ1(п) — снег

Здесь Ноздрев захохотал ~ комнате, вски-

дывается со сна, вытаращив очи и произнося:
“Эк его разобрало!”

КАБ1, КАБ1(п) — вздрагивает спросонья,
всхрапнувши на диване

Здесь Ноздрев захохотал ~ со сна, вытаращив очи и произнося: “Эк его разобрало!”

ПБЛ4 — нет

Здесь Ноздрев захохотал ~ со сна, вытаращив очи и произнося: “Эк его разобрало!”

РЦ — произносит: эк его рассмеялся

Но Ноздрев продолжал хохотать во все горло, приговаривая; “Ой, пощади!

КАБ1 — [во всю глотку]

“Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему, это просто жидомор!

КАБ1, КАБ1(п) — жид

Послушай, братец: ну к чорту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! каким балыком потчую! КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — поедем ко мне

Послушай, братец: ну к чорту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! каким балыком по-потчую!

КАБ1, ПБЛ4 — поподчиваю!

Послушай, братец: ну к чорту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! каким балыком по-потчую!

КАБ1(п) — поподчиваю! Так масло и каплет, сквозь четыре бумаги жир прошел

“Краденый, ни за самого ~ ни Хвостырева.

КАБ1(п) — брат! За миллион не отдавал хозяин. Я уже отдавал ему за него свою коляску и чалую кобылу, которую ты знаешь

Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть?

КАБ1(п) — Дай уж, чорт тебя побери

Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть?

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — дай

“Давай уж и мне рюмку!”

КАБ1 — дай уж

“В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка!

КАБ1(п) — канарейка, продолжал Ноздрев

“А, давай его сюда!”

КАБ1, ПБЛ4 — сюды

Порфирий был одет так же, как и барии, в каком-то архалуке, стеганом на вате, но несколько позамаслянней.

КАБ1 — нет

Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю.

КАБ1 — во все

ПБЛ4 — все

“Ты, однако ж, не сделал того, что я тебе говорил”, сказал Ноздрев, обратившись ~ вычесать его?”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — делал

Чичиков в угодность ему пощупал уши, примолвивши: “Да, хорошая будет собака”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — что хорошая

Не желая обидеть его, Чичиков взял и за нос, сказавши: “Хорошее чутье”.

КАБ1(п) — Чичиков, не желая обидеть его

Не желая обидеть его, Чичиков взял и за нос, сказавши: “Хорошее чутье”.

КАБ1(п) — также и сказал, что

“Настоящий мордаш”, продолжал Ноздрев.

КАБ1(п) — Чистый медеян

“Я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша.

КАБ1(п) — доброго медеяна

“Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне; пять верст ~ к Собакевичу”.

КАБ1(п) — Ведь пять

“Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне; пять верст всего, духом ~ к Собакевичу”.

КАБ1(п) — только

“А что ж” ~ дорого”.

КАБ1 — Чичиков подумал про себя таким образом: Ноздрев малый разбитной, к тому ж и помещик, да еще и проигрался, — из этого кое-что можно извлечь. “Ну, поедем”, сказал он: “чур не задержать только; мне время нужно”

“А что ж”, подумал про себя Чичиков: “заеду я в самом деле к Ноздреву.”

КАБ1 — поеду-ка я

ПБЛ4, РЦ — заеду-ка я

Горазд он, как видно, на всё: стало быть, у него даром можно кое-что выпросить”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Он горазд

Горазд он, как видно, на всё: стало быть, у него даром можно кое-что выпросить”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — горазд сбить с рук всё, что

хочешь

Горазд он, как видно, на всё: стало быть, у него даром можно кое-что выпросить”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Вот это хорошо!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Здесь Ноздрев и Чичиков поцеловались.

КАБ1, ПБЛ4(п) — крепко поцеловались

“И славно: втроем и покатим!”

КАБ1(п) — втроем так

Еще не успеешь открыть рта, как они уже ~ под чужую дудку, словом, начнут гладью, а кончат гадью.

КАБ1(п) — И часто видел в природе давний раздор между словами: “вблизи” и “вдали”, и много, очень много разницы великой между первым и вторым взглядом, обращенным на один и тот же предмет

“Вздор!” сказал Ноздрев в ответ на какое-то

представление белокурого, надел ему на голову картуз, и — белокурый отправился вслед за ними.

КАБ1(п) — и надел

“Да что, батюшка, двугривенник всего”, отвечала старуха.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — двугривенничек

“Да что, батюшка, двугривенник всего”, отвечала старуха. КАБ1;

КАБ1(п), ПБЛ4, РЦ, МД1 — сказала

Дай ей полтину, предовольно с нее”.

КАБ1 — полтину и

Бричка Чичикова ехала рядом с бричкой, в которой сидели Ноздрев и его зять, и потому ~ дороги.

КАБ1, ПБЛ4 — гость

Бричка Чичикова ехала рядом ~ все трое могли очень свободно ~ дороги. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — могли

Так как разговор, который ~ для читателя, то сделаем лучше, если ~ в нашей поэме.

КАБ1(п) — то мы сделаем

Так как разговор, который ~ лучше, если скажем что-нибудь ~ встречать не мало. Они называются разбитными малыими, слывут ~ поколачиваемы.

КАБ1(п) — займемся в это время характеристикою Ноздрева, лица, которое, как увидит впоследствии читатель, будет играть не маловажную роль в нашей поэме. Есть много на Руси людей, которых обыкновенно называют

Они называются разбитными малыими, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы.

КАБ1(п) — которые слывут

Они называются разбитными малыими, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы.

КАБ1(п) — но которых, однако ж весьма часто и даже довольно больно поколачивают

Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты.

КАБ1(п) — Они чрезвычайно

Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты.

ПБЛ4, РЦ — так

Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти ~ на дружеской пирушке.

КАБ1(п) — такую, как будто на столетие

Дружбу заведут, кажется, навек; но всегда почти так случается, что ~ на дружеской пирушке.

КАБ1(п) — всегда почти бывают

Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный.

КАБ1(п) — лихачи и народ видный из себя

Ноздрев в тридцать пять лет был гаков же

совершенно, каким был в осьмнадцать и в двадцать: охотник погулять. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — и двадцать

Ноздрев в тридцать пять лет был гаков же совершенно, каким был в осьмнадцать и в двадцать: охотник погулять.

КАБ1(п) — Веселый малый, охотник

Женитьба его ничуть не переменяла, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно были ему не нужны.

КАБ1(п) — оставивши ему

Женитьба его ничуть не переменяла, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно были ему не нужны. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — ему были

Дома ~ таковым, страстишку к картишкам.

КАБ1(п) — Будучи владельцем двух деревень, своей и жениной, он при всем том никогда не просиживал более одного дня дома.

Как только где была ярмарка или какой-нибудь модный съезд, вечеринка или бал, носли уж у него такой был чуткой, или сама судьба это так судила по пословице: “на ловца зверь бежит”, только не успеешь повернуться, смотришь, и Ноздрев уже стоит: или спорил довольно жарко, или бился об заклад, или заводил сумятицу за зеленым столом, потому что Ноздрев, как и все почти такого рода люди, имел

В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно ~ жидкой.

КАБ1(п) — у прокурора

В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно ~ оканчивалась другою игрою: или поколачивали ~ жидкой.

КАБ1(п) — чисто. Он знал очень много разных фокусов, передержек и множество других тонкостей. Но удивительнее всего, что, несмотря на ловкость и живость, всегда случалось каким-нибудь странным образом (или

уже такая судьба его была), что эти фокусы как-то обрывались, как будто бы сам сатана отдвигал вдруг ширмы, за которыми они творились и показывал присутствующим весь их механизм, и потому эти банчики всегда почти оканчивались

Но здоровые и полные щеки ~ силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежних.

КАБ1(п) — в непродолжительном времени бакенбарды

И, что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять ~ ничего.

КАБ1(п) — что чрез несколько времени он, глядь,

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек.

КАБ1(п) — Чтобы выразиться вернее, Ноздрев

Какая-нибудь история непременно проис-

ходила: или выведут его ~ свои же приятели.

КАБ1(п) — но непременно случалась

И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что ~ начал пули лить”.

КАБ1 — врет

КАБ1, РЦ — врал

И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него ~ начал пули лить”. КАБ1 — расскажет

ПБЛ4(п) — рассказать

Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины.

КАБ1(п) — Всякой знает, что есть много на свете людей, которые имеют страстишку кому-нибудь да нагадить, хотя бы в этом и не было большой нужды, но без этого уж как-то неловко. И люди такие встретятся не только в рядах пониже, но весьма часто между самыми просвещенными, самыми образованными людьми, даже занимающими почетные должности

Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины.

КАБ1 — нет

Иной, например, даже человек в чинах, с благородною ~ нагадит вам.

КАБ1(п) — человек уже

Иной, например, даже человек в чинах, с благородною ~ с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а ~ нагадит вам.

КАБ1(п) — материях высоких, предметах истинных, глубоких и призывающих

И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе ~ ничего более.

КАБ1(п) — и притом нагадит таким образом и в таком размере как

И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как ~ ничего более.

КАБ1(п) — не

И нагадит так, как простой ~ на груди, раз-

говаривающий о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление; так что ~ и ничего более. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — предметах, вызывающих

И нагадит так, как простой ~ да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более.

КАБ1, ПБЛ4(п) — разинув рот

Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал: распускал ~ вовсе не почитал себя ~ не заедешь”.

КАБ1(п) — наделивши обыкновенно его какою-нибудь такую небылицею, что просто уши вянули. Но так как истари замечено, что чем глупее и нелепее дичь, тем более на нее бывает стрелков, то подобная небылица всегда имела успех. Если он узнавал, что приятель его женится, то за день до свадьбы успевал родственникам невесты наболтать про жениха столько про его неспособности и разные небывалые связи, что те захлопывали дверь под нос изумленному искателю, никак не могшему постичь причины такой внезапной перемены. Если же узнавал, что приятель

его готов совершить выгодную покупку, то являлся, как снег на голову, набавлял цену, сам не покупал и расстраивал дело. И это вовсе не происходило от того, чтобы он был какой-нибудь демон и смотрел на всё черными глазами. Ничуть не бывало. Он смотрел на мир довольно веселыми глазами, и сделанная им пакость никак не доставляла ему радости, но просто было что-то необходимое, как хлеб, без которого нельзя жить. Сделавши такое дело, он вовсе

Чем кто ближе с ним сходил, тому ~ не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если ~ не заедешь”. МД1;

МД2 — нашим

Чем кто ближе с ним сходил, тому ~ ко мне не заедешь”.

КАБ1(п) — заедешь. В поступках его много было завоевательного. Начнет склонять так настойчиво, что, наконец, сам не зная каким образом, наконец, соглашаешься на его просьбу. И не только люди в существе слабые, похожие характером на белокурого его зятя,

но даже коротко знавшие его, называвшие его армейским, но удовлетворительным словом “черняк”, упорно отвергавшие все его просьбы, — эти же самые чрез несколько минут садились вновь играть с ним и потом чрез несколько минут, само собою разумеется, опять угощали его сапогами

Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки.

КАБ1(п) — или по-просту

КАБ1 — то есть в смысле

В ту же минуту он предлагал вам ~ предприятие, менять всё, что ни есть, на всё, что хотите.

КАБ1(п) — Познакомившись с вами, он вам предлагал всё, что угодно: ехать, куда желаете, и прежде всего

В ту же минуту он предлагал ~ света, войти в какое хотите предприятие, менять всё, что ни есть, на всё, что хотите.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — какое-нибудь

Ружье, собака, лошадь — все было предметом мены, но вовсе не с тем, чтобы выиграть, это ~ характера.

КАБ1(п) — выиграть что-нибудь

Ружье, собака, лошадь — все было предметом мены, но ~ неугомонной юркости и бойкости характера.

КАБ1(п) — деятельности и живости

Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал ~ хватало денег.

КАБ1(п) — иногда и он напал на такого молодца, которого мог обчистить кругом, оставивши ему одну только рубашку, тогда

Если ему на ярмарке посчастливилось ~ инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду — насколько хватало денег.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сапогов, поповских риз

Впрочем, ~ человеком.

КАБ1(п) — Две или три телеги едва вмеща-

ли всю его покупу. Однако ж редко, очень редко случалось, чтобы всё это довозил он в целости домой, но в тот же самый день спускал он их гораздо счастливейшему игроку, прибавив даже собственную трубку с кисетом и мундштуком, а иногда и всю четверку, на которой приехал, с хомутами, коляской, кучером, со всем, и отправлялся в коротеньком сертучке искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем и доехать с ним вместе. Вот каков был Ноздрев. Еще бы можно кое-что прибавить, но, впрочем, мы с ним встретимся еще не один раз

Впрочем, редко случалось, чтобы это было доведено ~ его экипажем.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — всё это

Впрочем, редко случалось, чтобы ~ спускалось оно всё другому, счастливейшему ~ его экипажем.

КАБ1 — всё

Впрочем, редко случалось, чтобы это было доведено ~ попользоваться его экипажем.

КАБ1, ПБЛ4(п) — экипажем и доехать с ним
вместе

Вот какой был Ноздрев!

КАБ1 — каков

Может быть, назовут его характером изби-
тым, станут говорить, что теперь нет уже
Ноздрева.

КАБ1 — уже нет Ноздревых

Увы! несправедливы будут те, которые ста-
нут говорить так.

КАБ1, ПБЛ4(п) — несправедливы читатели

Он везде между нами и, может быть, толь-
ко ходит ~ другим человеком.

КАБ1 — Он есть

ПБЛ4 — Он и то (ошибка переписчика).

Между тем три экипажа подкатили уже к
крыльцу дома Ноздрева.

КАБ1(п) — достигнули его деревни. Было
три часа, когда они вступили в господские
комнаты

В доме не было никакого приготовления к их принятию.

КАБ1(п) — В доме решительно

Посередине столовой стояли деревянные козлы, и ~ бесконечную песню; пол весь был обрызган белилами.

КАБ1(п) — песню, состоявшую из двух гласных: а и о

Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя ~ белилами.

КАБ1 — козлов

Гости слышали, как он заказывал повару обед; сообразив это, Чичиков, начинавший уже ~ за стол.

КАБ1(п) — Сообразивши все эти обстоятельства

КАБ1 — Сообразивши это

Гости слышали, как он заказывал ~ аппетит, увидел, что раньше пяти часов они не сядут за стол.

КАБ1(п) — увидел ясно

Гости слышали, как он заказывал ~ раньше пяти часов они не сядут за стол.

КАБ1(п) — он никак не мог обедать

Ноздрев, возвратившись, повел гостей ~ не осталось показывать.

КАБ1(п) — возвратившись, тот же час

Ноздрев, возвратившись, повел гостей осматривать всё, что ~ не осталось показывать.

КАБ1(п) — гостей своих

Прежде всего пошли они ~ в яблоках, другую каурую, потом ~ десять тысяч.

КАБ1(п) — чалую

“Он и одной не стоит”.

КАБ1(п) — одной тысячи

Об заклад зять не захотел биться.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — хотел

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже очень хорошие лошади.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — тоже хорошие

В этой же конюшне видели ~ под их брюхами, как у себя дома.

КАБ1(п) — как будто у себя

“Вот волчонок!” сказал он: “я его нарочно кормлю сырым мясом.

КАБ1(п) — сказал он своим гостям

Мне хочется, чтобы он был совершенным зверем!

КАБ1(п) — зверем. После этого повел он их в амбар показывать одеяло, сшитое из на-
травленных им зайцев. Осмотревши одеяло

“Я тебе, Чичиков”, сказал Ноздрев, “покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!” и повел ~ двором.

КАБ1(п) — покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы, — сказал Ноздрев

“Я тебе, Чичиков”, сказал Ноздрев, “покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!” и повел ~ двором.

КАБ1, ПБЛ4(п) — крепости в черных мясах непостижимой

“Я тебе, Чичиков”, сказал Ноздрев, “покажу ~ повел их к выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному ~ двором.

КАБ1(п) — низенькому домику

КАБ1 — выстроенному ~ низенькому домику.

Вошедши на двор, увидели там ~, попечительница.

КАБ1(п) — в этот двор

Вошедши на двор, увидели там всяких собак, ~ здороваться.

КАБ1(п) — Разбоя, Разора, Касатку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним навстречу и начали здороваться с ними

совершенно без всякой церемонии

Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов ~, обругай, порхай, пожар, ~, попечительница.

КАБ1 — нет

Обругай оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись ~ тут же выплюнул.

КАБ1(п) — Разбой

Осмотрели собак, наводивших изумление крепостью черных мясов, — хорошие были собаки.

КАБ1(п) — щенков

Осмотрели собак, наводивших изумление крепостью черных мясов, — хорошие были собаки.

КАБ1(п) — щенки

Потом пошли осматривать крымскую суку, которая ~ скоро издохнуть, но, года два тому назад, была очень хорошая сука.

КАБ1 — сдохнуть

Осмотрели и суку — сука, точно, была слепая.

КАБ1 — суку

Потом пошли осматривать водяную мельницу, где недоставало ~ русского мужика.

КАБ1(п) — с изломанным камнем, рассмотрели и мельницу

“Вот на этом поле”, сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле: “русаков такая гибель, что земли не видно; я сам ~ ноги”.

КАБ1(п) — зайцев такое множество, что просто земли

“Вот на этом поле”, сказал Ноздрев, указывая ~ своими руками поймал одного за задние ноги”.

КАБ1(п) — одного из них

“Ну, русака ты не поймаешь рукою!”

КАБ1(п) — Ну, зайца ты руками не поймаешь

“А вот же поймал, нарочно поймал!” отвечал Ноздрев.

КАБ1(п) — “Ей богу поймал”, отвечал Ноздрев. “Хочешь я тебе даже покажу, пришедши домой, с него шкурку

Сначала они было ~ меньшая грязь.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков, который ступал сначала осторожно, чтобы не загрязнить своих сапогов, наконец, увидел, что это ни к чему не служит, и брёл прямо

Сначала они было береглись и переступали ~ меньшая грязь.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Гости сначала

Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ~ где меньшая грязь.

КАБ1, КАБ1(п) — увидевши

“Вот граница!” сказал Ноздрев: “всё, что ~ лес, который вон синее, и всё, что за лесом,

все это мое”.

КАБ1(п) — видим мы там

“Вот граница!” сказал Ноздрев: “всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже ~ это мое”. КАБ1;

ПБЛ4,РЦ, МД1 — всё мое

“Эх ты ~ головою.

КАБ1(п) — Ну да без меня тут мой приказчик и купил

Разве нельзя быть в одно время и на ярмарке и купить землю?

КАБ1 (авт.) — ярманке

“Да, ну разве приказчик!” сказал зять, но и тут усумнился и покачал головою.

КАБ1 — качал

Ноздрев повел их в свой кабинет, в котором, впрочем, не было ~ два ружья, одно в триста, а другое в восемьсот рублей.

КАБ1(п) — и небольшую в соседстве с ним комнатку, где показал им ружья, тоже с виду

не очень казистые, но из которых одно стоило

Ноздрев повел их ~ или бумаги; висели только сабли и два ружья, одно в триста, а другое в восемьсот рублей.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сабли

Ноздрев повел их ~ сабли и два ружья, одно в триста, а другое в восемьсот рублей.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — ружья

Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков.

КАБ1, ПБЛ4(п) — показал

Вслед за тем показалась ~ не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то ~ вальсом.

КАБ1(п) — За сим показал Ноздрев своим гостям шарманку и проиграл тут же перед ними несколько разных штук. Шарманка эта играла очень хорошо и имела весьма приятный голос

Ноздрев, тут же, повертел пред ними кое-что.

КАБ1, КАБ1(п) — и тут же повертел пред ними Ноздрев

Шарманка играла не без приятности, но ~ вальсом.

КАБ1 — Шарманка [была]

Шарманка играла не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то случилось: ибо ма-зурка ~ вальсом.

КАБ1(п) — тоже случилось что-то особен-ное

Шарманка играла не без приятности, но ~; а “Мальбруг в поход поехал” неожиданно за-вершался каким-то давно знакомым вальсом.

КАБ1(п) — в свою очередь тоже оканчивал-ся

Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в ~ одна.

КАБ1(п) — окончил играть

Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая ~ одна.

КАБ1(п) — чрезвычайно

Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но ~ бойкая, никак не хотевшая утомониться, и долго еще потом свистела она одна.

КАБ1(п) — которая никак не хотела перестать

Потом показались трубки ~ точку совершенства.

КАБ1(п) — после того

Потом показались трубки ~ кисет, вышитый какою-то графинею, где-то ~ точку совершенства.

КАБ1(п) — гостям трубки, не так давно выигранный янтарный му<нд>штук, кисет вышитый ему

Потом показались трубки ~ выигранный, и кисет, вышитый ~ точку совершенства.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — кисет

Потом показали трубки ~ влюбившеюся в него по уши, у которой ~ точку совершенства.

КАБ1 — зачеркнуто

ПБЛ4 — восстановлено

Потом показали трубки ~ по уши, у которой ручки, по словам ~ точку совершенства.

КАБ1 — и у которой

Потом показали трубки ~ ручки, по словам его, были самой ~ совершенства.

КАБ1(п) — самый рассубтильный деликатес. Потом Ноздрев велел подать привезенного им балыка

Потом показали трубки ~ самой субтильной суперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — субдительной

Потом показались трубки ~ сюперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства.

КАБ1 — выражение

Потом показались трубки ~ сюперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Обед, ~ на вина: еще не подавали супа, он ~ сотерна.

КАБ1(п) — Блюда за столом не играли важной роли, и сам хозяин мало на них обращал внимания; зато очень заботился о винах

Обед, как видно, не составлял у Ноздрева ~ пригорело, кое-что и вовсе не сварилось.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — кое-что вовсе

Видно, что повар руководствовался более каким-то вдохновеньем и клал первое, что попадалось ~ вкус какой-нибудь, верно, выдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — представившимися на ту

пору обстоятельствами

Видно, что повар руководствовался ~ попалось под руку: стоял ли ~ вкус какой-нибудь, верно, выдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

Видно, что повар ~ перец — он сыпал перец, капуста ли ~ вкус какой-нибудь, верно, выдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сыпал перцу

Видно, что повар руководствовался ~ перец, капуста ли попалась — совал капусту, пичкал ~ вкус какой-нибудь, верно, выдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — попалась под руку

Видно, что повар руководствовался ~ капусту, пичкал молоко, ветчину, горох, словом, катай-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, выдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нет

Мадера, ~ желудки.

КАБ1(п) — Эта мадера была нестерпимо

крепка, ибо купцы, зная уже вкус обитателей того округа, заправляли ее нещадно ромом и крепкою водкой

Мадера, точно, даже горела во рту, ибо ~ беспощадно ромом, а иной ~ русские желудки.

КАБ1 — родной

ПБЛ4(п) — водкой (ошибка переп.)

ПБЛ4 — а. родной

б. Как в тексте

Он наливал очень усердно в оба стакана, и ~ прибавлял.

КАБ1(п) — подливал

Он наливал очень усердно ~ и Чичикову; Чичиков ~ быть осторожным, и как только ~ в тарелку.

КАБ1(п) — но сам показывал только для виду, будто наливает и пьет. Это Чичиков заметил и решился быть осторожным

В непродолжительном времени ~ Ноздрева, совершенный ~ во всей своей силе.

КАБ1(п) — Ноздрев велел подать еще какую-то рябиновку, которая, по словам его, имела

В непродолжительном времени ~ в которой, к изумлению, слышна была сивушица во всей своей силе.

КАБ1(п) — кроме сильного запаха водки ничего не было

Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, какое даже трудно ~ именем. КАБ1;

КАБ1(п) — которое

ПБЛ4, РЦ, МД1 — которое даже

Обед давно уже кончился, и вины были ~ ни-ни! не пуцу!” сказал Ноздрев.

КАБ1(п) — Хотя обед давно кончился, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков давно бы хотел заговорить с Ноздревым насчет предмета, о котором читатель уже знает, и разведать что и как у него и в каком числе. Но казалось ему как-то неловко заговорить [об этом] при зяте, который все-таки здесь посторонний человек, хотя он уже давно был в

таким положении, что только зевал да клал себе на локоть голову. Наконец, встали из-за стола. Зять почувствовал, что загулялся, и стал отпрашиваться домой, но так лениво и вяло, как будто бы надевал на лошадь хомут клещами.

“Не пуцу, не пуцу”, говорил Ноздрев, “право не пуцу!”

Обед давно уже кончился, и вины были перепробованы, но гости всё еще сидели за столом.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — перепробованы

Впрочем, зять вряд ли мог быть человеком опасным, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно клевался носом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — А впрочем

Впрочем, зять вряд ли мог быть человеком опасным, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно клевался носом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — вдоволь изрядно

Заметив и сам, что находился ~ домой, но таким ленивым и вялым голосом, как ~ хомут.

КАБ1, ПБЛ4(п) — так

Заметив и сам, что находился ~ русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут.

КАБ1, ПБЛ4(п) — на лошадь клещами

“Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду”, говорил зять: “ты меня очень обидишь”.

КАБ1(п) — поеду, мой друг

“Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду”, говорил зять: “ты меня очень обидишь”.

КАБ1(п) — говорил зять: “не обижай меня таким образом.”

“Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право; я должен ей рассказать о ярмарке.

КАБ1(п) — брат, ей богу

“Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право; я должен ей рассказать о ярмарке.

КАБ1(п) — право, будет в претензии

“Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право; я должен ей рассказать о ярмарке.

КАБ1(п) — Я ей должен еще

Нет, ты не держи меня!

КАБ1(п) — меня, право поеду, как честный человек поеду

“Ну ее, жену, к...! важное ~ вместе!” “Нет, брат! она ~ верная!

КАБ1(п) — Вздор, вздор! Важное дело вы с ней станете делать. — Нельзя, брат, право нельзя!

“Ну ее, жену, к...! важное в самом деле дело станете делать вместе!”

ПБЛ4, РЦ — станем

“Нет, брат! она такая почтенная и верная!
КАБ1, ПБЛ4, РЦ — она такая, право, добрая
жена, уж, точно, примерная

Услуги оказывает такие... поверишь, у ме-
ня слезы на глазах.

КАБ1(п) — такие... что даже поверишь

Я тебя в этом уверяю по истинной сове-
сти”. МД1;

МД2 — И тебя

“Пусть его едет: что в нем проку!” сказал
тихо Чичиков Ноздреву.

КАБ1(п) — Да отпусти его, — сказал Чичи-
ков, и потом прибавил Ноздреву на ухо: — что
в нем толку

“А и вправду!” сказал Ноздрев: “смерть не
люблю таких растепелей!” и прибавил вслух:
“Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою,
фетюк!”

КАБ1(п) — нюнь

“А и вправду!” сказал Ноздрев: “смерть не

люблю таких растепелей!” и прибавил вслух: “Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!”

КАБ1(п) — Я тебя не держу

“Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, отвечал зять: “я ей жизнью обязан.

КАБ1(п) — ты не говори так

“Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, отвечал зять: “я ей жизнью обязан.

КАБ1(п) — Я ей, можно сказать, жизнью своею

Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает, спросит, что видел на ярмарке, нужно всё рассказать, такая, право, милая”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — всё подробно

Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает, спросит, что видел на ярмарке, нужно всё рассказать, такая, право, милая”.

КАБ1(п) — рассказать, чтобы ее утешить

“Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться; этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая”.

КАБ1(п) — ты не отзывайся так о ней

Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что ~ пустые поля.

КАБ1(п) — сидя в бричке, и раскланивался, не замечая, что уже давно перед ним были одни пустые поля

Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что ~ за ворота и перед ним давно были одни пустые поля.

КАБ1 — и [что] перед

Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что ~ давно были одни пустые поля.

КАБ1 — были [уже]

Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмарке.

КАБ1(п) — услышала от него

“Вон как потащился! МД1, КАБ1;
КАБ1(п) — Вишь
ПБЛ4, РЦ — Вот

Да ведь такой... с ним нельзя никак сойтись. КАБ1;

КАБ1(п) — Да ведь такая жила
ПБЛ4, РЦ, МД1 — Да ведь с ним

“А что, брат”, говорил Ноздрев, прижавши бока колоды пальцами и несколько погнувши ее, так что треснула и отскочила бумажка.

КАБ1(п) — нагнувши

“Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!

КАБ1(п) — чорт возьми

Но Чичиков ~ просьба”.

КАБ1(п) — Но Чичиков вовсе не был расположен ни понтировать, ни держать банку. Ему хотелось скорее кончить дело, за которым приехал, и потому он тут же сказал: прежде позволь, у меня есть до тебя малень-

кая просьба”

Но Чичиков прикинулся, как будто и не слышал, о чем речь, и сказал, как бы вдруг припомнив: “А!

КАБ1 — вдруг как бы вспомнив
ПБЛ4, РЦ — как бы вспомнив

“Дай прежде слово, что исполнишь”. “Да какая просьба?”

КАБ1(п) — Дай мне слово, что сделаешь то, о чем тебя стану просить. Да, что ж ты хочешь просить?”

“Вот такая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?”

КАБ1(п) — Послушай, ведь у тебя, я чай, есть довольно умерших крестьян таких, которые

“Вот такая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?”

КАБ1, ПБЛ4 — у тебя

Сноска: Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от θ. Буквы, почитаемой неприличною буквою.

КАБ1 — вписано

Сноска: Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от θ. Буквы, почитаемой неприличною буквою.

КАБ1 — почитаемой [некоторыми весьма]
ПБЛ4, РЦ, МД1 — почитаемой некоторыми

“Ну, да уж нужно... уж это мое дело, словом нужно”.

КАБ1(п) — это мой секрет

“Ну, уж, верно, что-нибудь затеял.

КАБ1(п) — затеял. Ведь я знаю тебя

Признайся, что?

КАБ1(п) — Признайся, что такое затеял

“Да что ж ~ понюхать!”

КАБ1(п) — Вот уж и затеял! Совсем ничего

даже просто и не предполагал ничего, а так

“Да что ж затеял? из этакого пустяка и затеять ничего нельзя”.

КАБ1 — из [этакой дряни]

“Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!”

КАБ1 — любопытный. [Вот]

“Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!”

КАБ1 — нужно понюхать

ПБЛ4, ПБЛ4 — хотелось бы понюхать

Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так, пришла фантазия”.

КАБ1(п) — Да что ж тебе сказать? Здесь и сказать нечего

Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так, пришла фантазия”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — просто

“Ну вот видишь, вот уж и нечестно с твоей стороны: слово дал, да и на попятный двор”.

КАБ1(п) — душа, ну, вот уж и нечестно

КАБ1 — вот и нечестно

ПБЛ4, РЦ — и нечестно

“Что бы такое сказать ему?” подумал Чичиков и после минутного размышления объявил, что мертвые души ~ душонки.

КАБ1(п) — подумал про себя Чичиков и на несколько минут остановился. Он вообще затруднялся, если дело клонилось к тому, чтобы изъяснить причины сей, еще никем доселе не предпринимаемой покупки, тем более, что была, точно, несколько странна. Подумавши несколько, он сказал Ноздреву, что умершие

“Что бы такое сказать ему?” подумал Чичиков ~ до того времени хоть бы какие-нибудь душонки.

ПБЛ4, РЦ — нет

“Что бы такое сказать ему?” подумал Чи-

чиков ~ до того времени хоть бы какие-нибудь душонки.

КАБ1 — хоть

“Врешь, врешь!” сказал Ноздрев, не давши окончить ему. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — окончить

Чичиков и сам заметил, что придумал не очень ловко и предлог довольно слаб.

КАБ1(п) — ловко и что приведенный им

Чичиков и сам заметил, что придумал не очень ловко и предлог довольно слаб.

КАБ1(п) — отчасти

“Ну, так я ж тебе скажу, прямее”, сказал он, поправившись: “только, пожалуйста, не проговоришься никому.

КАБ1(п) — произнес

“Ну вот уж здесь”, сказал Чичиков: “ни вот на столько ~ ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе!

КАБ1(п) — “Ну, ей же ей, правда”, сказал

Чичиков: “уж здесь то ни на волос не солгал”.

“Ну, я просто голову свою ставлю, что врешь”, сказал Ноздрев.

“Ну, да почему ж тебе кажется, что я лгу?” сказал Чичиков.

“Ну, да уж так. Ведь я знаю хорошо тебя; ведь ты такой мошенник”.

“Езуит, езуит. КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве”. КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — Ежели

Чичиков оскорбился таким замечанием.
КАБ1 (кар.) — Чичиков совершенно

Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему неприятно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — оскорблявшее

Он даже не любил допускать ~ он совершенно обиделся.

КАБ1(п) — а тем более бранное слово и при том еще устремленное лично к нему. Он даже не любил ни в каком случае фамильярного с собою обращения, разве в таком только, когда особа была слишком высокого звания. И потому он оскорбился замечанием Ноздрева.

“Ей-богу, повесил бы”, повторил Ноздрев: “я тебе говорю это откровенно, не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — повторял

“Всему есть границы”, сказал Чичиков ~ присовокупил: “не хочешь подарить, так продай”.

КАБ1(п) — “Полно, оставь глупые шутки”, произнес Чичиков обиженным голосом

“Всему есть границы”, сказал Чичиков с чувством достоинства.

КАБ1 — сказал он

“Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай ~ продай”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — произносить подобные речи

“Эх, да ты ведь тоже хорош! Смотри ты! Что они у тебя, бриллиантовые, что ли?”

КАБ1(п) — “Еще бы! Как будто это брильянт какой-нибудь, что-ли”

“Помилуй, брат, что ж у тебя за жидовское побуждение!

КАБ1(п) — братец

Ты бы должен просто отдать мне их”.

КАБ1(п) — был подарить мне их

“Ну, послушай, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего.

КАБ1(п) — не такой, как ты

“Ну, купи каурую кобылу”.

КАБ1(п) — чалую

“За кобылу и за серого коня, которого ты у меня видел, возьму я с тебя только две тысячи”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — гнедого

Чичиков поблагодарил за расположение и напрямик отказался и от серого коня и от каурой кобылы.

КАБ1(п) — чалой

Я тебе продам такую пару, просто, мороз по коже подирает!

КАБ1(п) — таких собак, что

Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не зацепит! КАБ1;

ПБЛ4(п) — заделит

ПБЛ4, РЦ, МД1 — заденет

“Да зачем мне собаки? я не охотник”.

КАБ1(п) — “Зачем же мне собаки?”, сказал Чичиков, “я не охотник”.

Послушай, если уж не хочешь собак, так

купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи; тебе отдаю за 900 рублей”.

КАБ1(п) — тысячи рублей, а

Ведь я не немец, чтобы, тащась с ней по дорогам, выпрашивать деньги”.

КАБ1 — идти

“Эх, его неугомонный бес как обуял!” подумал про себя Чичиков и решился ~ комкость лап.

КАБ1(п) — сказал

“Эх, его неугомонный бес как обуял!” подумал про себя Чичиков и решился ~ комкость лап.

КАБ1(п) — и отказался решительно от брички

“Экой ты такой, право! С тобой, как я вижу нельзя, как водится между хорошими друзьями и товарищами, такой, право!..

КАБ1(п) — “Дрянъ же ты! С тобой нельзя, как я вижу, как водится

“Экой ты такой, право! КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — право, такой

“Да что же я, дурак, что ли? Ты посуди сам: зачем же мне приобретать вещь, решительно для меня ненужную?”

КАБ1(п) — И ты, однако ж, хорош! Зачем мне приобретать ненужную вещь?

Ты посуди сам: зачем же мне приобретать вещь, решительно для меня ненужную?”
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — зачем же

Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже”.

КАБ1(п) — все мертвые души на карту; если хочешь, то и живых еще к ним прибавлю. Метнем! Выиграешь — ведь ни по чем придутся

“Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности”, говорил Чичиков и между тем взглянул искоса на бывшие и руках у

него карты. КАБ1;

МД1, ПБЛ4, РЦ — взглянув

“Никакой ~ так и колотит!

КАБ1(п) — Ты можешь чорт знает сколько выиграть. Чорт возьми, какое счастье! — говорил он, начиная метать для возбуждения задора. — Эдакого просто я никогда не видел. Еще, еще! так и колотит.

Вон она!

КАБ1 — нет

Чорт возьми, какое счастье! говорил он, начиная метать для возбуждения задору.

КАБ1 — принявши

“Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил!

КАБ1(п) — просадил. Веришь ли? сам

Чувствовал, что продаст, да уже, зажмурив глаза, думаю себе: “Чорт тебя побери, продавай, проклятая!””

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — предаает

Чувствовал, что продаст, да уже, зажмуриив глаза, думаю себе: “Чорт тебя побери, продавай, проклятая!””

КАБ1(п) — каналья, ей богу, чувствовал! Что прикажешь делать: зажмуриив глаза, поставил; а! думаю себе: пропадай уж, чорт тебя возьми.

Чувствовал, что продаст, да уже, зажмуриив глаза, думаю себе: “Чорт тебя побери, продавай, проклятая!””

предавай КАБ1, ПБЛ4

“Что ж делать? так бог создал”. “Фетюк, просто! Я думал было прежде, что ты ~ обращения.

КАБ1(п) — Чичиков и здесь пожал плечами и сказал, что так уж его бог создал. — Колпак эдакой. Я думал, право,

Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения.

КАБ1(п) — а ты, как я вижу

С тобой никак нельзя говорить, как с человеком близким... никакого прямодушия, ни искренности!

КАБ1(п) — никогда

“Да за что же ты бранишь меня?

КАБ1, ПБЛ4(п) — Да что

“Да за что же ты бранишь меня? Виноват разве я, что не играю?

КАБ1(п) — ты, брат, тоже изрядный чудак. Что ж делать, если

Продай мне душ одних, если уж ты такой человек, что дрожишь из-за этакого вздору”.

КАБ1(п) — жалеешь подарить такую бездельцу

Продай мне душ одних, если уж ты такой человек, что дрожишь из-за этакого вздору”.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — этого

“Чорта лысого получишь! хотел было, даром хотел ~ гадкой!

КАБ1(п) — подарить, даром, без всего, право, хотел, но теперь ни за что не получишь! Хоть миллион давай — не продам! Такой печник гадкой!

“Чорта лысого получишь! хотел было, даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же!

КАБ1 — было [подарить] [отдать]

Порфирий, ступай, поди скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, пусть их едят одно сено”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — ступай

Последнего заключения Чичиков никак не ожидал.

КАБ1(п) — Ты себе волен делать, что хочешь, — сказал Чичиков

Несмотря, однако ж, на такую размолвку, гость и хозяин ~ именами.

КАБ1(п) — эту

Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским, которое было то, что называют кислятина во всех отношениях.

КАБ1(п) — до такой степени кислым, что они должны были не иначе пить его, как с водою

После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отведя его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель: “Вот тебе твоя постель! КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — тебе постель

Не хочу и доброй ночи желать тебе!

КАБ1(п) — И доброй ночи не хочу тебе желать

Чичиков остался по уходе Ноздрева в самом неприятном расположении духа.

КАБ1(п) — оставался несколько минут

Он внутренне досадовал на себя, бранил себя за то, что к нему заехал и потерял даром время.

КАБ1(п) — что заехал к нему

Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле ~ сплетни — не хорошо, не хорошо.

КАБ1(п) — Еще более раскаивался он в том

Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним ~ сплетни — не хорошо, не хорошо.

КАБ1 — заикнулся

Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле и поступил ~ себе.

КАБ1(п) — которое вовсе не было такого рода, чтоб быть разглашенным, а тем более сделаться предметом каких бы то ни было толков

Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле и поступил неосторожно, как ~ сплетни — не хорошо, не хорошо. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — поступил

Ночь спал он очень дурно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — весьма

Первым делом его было, надевши халат и сапоги, отправиться чрез двор в конюшню, чтобы приказать Селифану ~ бричку. КАБ1; ПБЛ4, РЦ, МД1 — приказать

Возвращаясь через двор, он встретился с Ноздревым, который был также в халате, с трубкою в зубах.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков

“А я, брат”, говорил Ноздрев: “такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал.

КАБ1(п) — вчерашнего совершенно

“А я, брат”, говорил Ноздрев: “такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — как будто

“А я, брат”, говорил Ноздрев: “такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать; и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал.

вать; и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал.

КАБ1, ПБЛ4(п) — ночевал

“Да”, подумал про себя Чичиков: “хорошо бы, если б тебя отодрали наяву”.

КАБ1(п) — на самом деле

“Да”, подумал про себя Чичиков: “хорошо бы, если б тебя отодрали наяву”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — наяву, это было б еще лучше

Нужно только ругнуть подлеца приказчика”.

КАБ1(п) — вместе позавтракаем. На минуту нужно

Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома.

КАБ1(п) — Когда он после вышел

В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притраги-

валась вообще.

КАБ1(п) — щетка вообще не притрагивалась, потому что

На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна была даже на скатерти.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — крохи хлеба

На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна была даже на скатерти. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — даже была

Сам хозяин, не замедливший скоро войти, ничего не имел у себя под халатом, кроме ~ борода.

КАБ1(п) — кажется ничего не имел под своим халатом

Держа в руке чубук ~ живописца, не любящего страх господ прилизанных ~ под гребенку.

КАБ1, КАБ1(п) — которые обыкновенно не любят

Держа в руке чубук ~ завитых, подобно ци-

рульным вывескам, или выстриженных под гребенку.

КАБ1(п) — как цирульная вывеска или об-
щипанных

А? Прокинем хоть талию!

КАБ1(п) — ведь одну только талию проки-
нем.

“Ну, послушай, сыграем в шашки; выигра-
ешь — твои все. Ведь у меня много таких, ко-
торых нужно вычеркнуть из ревизии.

КАБ1к — выиграл — будут твои души все,
сколько их ни есть. Ведь у меня душ семьде-
сят будет таких, что нужно вычеркнуть из ре-
визии

“Сем-ка я”, подумал про себя Чичиков:
“сыграю с ним и шашки.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — сыграю я

“Сем-ка я”, подумал про себя Чичиков:
“сыграю с ним и шашки.

КАБ1(п) — с ним в самом деле

В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — я игрывал

“Изволь, так и быть, в шашки сыграю”, сказал Чичиков., сказал Чичиков КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — сыграю

“Души идут в ста рублях!”

КАБ1(п) — рублях!”, сказал Ноздрев, — выиграешь — твои, проиграешь — мои сто рублей

Зачем же? довольно, если пойдут в пятидесяти”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Зачем же сто

“Я не плутовал, а ты отказаться не можешь, ты должен кончить партию!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и ты

“Я тебя заставлю играть!

КАБ1(п) — играть, сказал Чичиков

“Так ты не хочешь играть?”

КАБ1(п) — играть? сказал Ноздрев

“Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть”.

КАБ1(п) — нельзя

Услыша эти слова, Чичиков, чтобы ~ вместе с тем чувствуя, что ~ руки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — этим

В это же самое время вошел Порфирий ~ невыгодно. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — В это

В это же самое время вошел Порфирий и за ним Павлушка, парень ~ невыгодно. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — с ним

В это же самое время вошел Порфирий и за ним Павлушка, парень дюжий, с которым иметь дело было совсем невыгодно.

ПБЛ4(п) — очень

“Так ты не хочешь доканчивать партии?”

повторил Ноздрев с лицом, горевшим, как в огне.

КАБ1 — повторял

“Так ты не хочешь доканчивать партии?”
повторил Ноздрев с лицом, горевшим, как в огне.

КАБ1(п) — которого лицо горело

Чичиков стал бледен, как полотно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — бледнеть

Чичиков стал бледен, как полотно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — мел

Он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука.

КАБ1 — чувствовал сам

Он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука.

КАБ1(п) — звуков

“Бейте ~ таким же голосом, как во время ~ горячих дел.

ПБЛ4(п) — и таким же самым точно

“Бейте его!” кричал он таким же голосом, как во время великого приступа кричит своему взводу: “Ребята, вперед!” какой-нибудь ~ горячих дел.

ПБЛ4(п) — “ребята, вперед!” — своему взводу

“Ребята, вперед!” кричит он, порываясь, не помышляя, что вредит уже ~ его крикливую глотку.

КАБ1(п) — что безумно запальчивым поступком

“Ребята, вперед!” кричит он, порываясь, не помышляя, что ~ приступа, что миллионы ружейных дул ~ его крикливую глотку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — миллион

“Ребята, вперед!” кричит он, порываясь, не помышляя, что ~ уже свищет роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — свищет несясь роковая пуля

“Ребята, вперед!” кричит он, порываясь, не помышляя, что ~ захлопнуть его крикливую глотку.

КАБ1(п) — глотку, не слышит ничего раззадоренный поручик. Так и Ноздрев не видел и не слышал ничего пред собою

Но если Ноздрев выразил собою подступившего под крепость ~ на неприступную.

КАБ1, ПБЛ4(п) — подступающего

Напротив, крепость чувствовала такой страх, что душа ее спряталась в самые пятки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Крепость, напротив,

Уже стул, которым он вздумал было защищаться, был ~ спасти бока, плеча и все благовоспитанные части нашего героя.

КАБ1(п) — бока и плеча

Неожиданным образом звякнули вдруг как с облаков задрезжавшие звуки ~ тройки.

КАБ1(п) — никак неожиданным образом:

брякнули, задрезав вдруг как будто с неба
КАБ1(п), КАБ1, ПБЛ;(п) — никак неожиданным образом. Брякнули, вдруг задрезав как будто с неба

Уже стул, которым он вздумал было защищаться, был вырван ~ звуки колокольчика, раздался ясно стук колес ~ тройки.

КАБ1(п) — явственно

Осведомившись в передней, вошел он в ту самую минуту, когда Чичиков ~ смертный.

КАБ1 — он вошел

“Позвольте узнать, кто здесь г. Ноздрев?”
сказал ~ положения.

КАБ1 — господин

“Позвольте узнать, кто здесь г. Ноздрев?”
сказал незнакомец, посмотревши ~ положения.

КАБ1(п) — он

“Позвольте узнать, кто здесь г. Ноздрев?”
сказал ~ на Чичикова, который едва начинал

оправляться от своего невыгодного положения.

КАБ1 — начинал понемногу

ПБЛ4(п) — стал понемногу

ПБЛ4, РЦ — едва начал

“Я приехал вам объявить сообщенное мне извещение, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу”.

КАБ1(п) — мне от суда

Хотя бричка мчалась ~ из вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но он все еще поглядывал ~ погоня.

КАБ1(п) — и закрылась двойною и тройною оградой полей, отлогостей и пригорков

Хотя бричка мчалась ~ поглядывал назад со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня.

КАБ1(п) — с каким-то страхом

Хотя бричка мчалась ~ со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня.

КАБ1(п) — как бы ежеминутно

Хотя бричка мчалась ~ ожидая, что вот-вот налетит погоня.

КАБ1(п) — налетит на него

Дыхание его переводилось с трудом, и когда он попробовал приложить руку ~ в клетке.

КАБ1(п) — Почти с трудом переводил он дыхание и, попробовав

Дыхание его переводилось с трудом, и когда он попробовал приложить руку к сердцу, то почувствовал, что оно билось, как перепелка в клетке.

КАБ1(п) — просто бьется

“Эк, какую баню задал! смотри ты какой!” Тут много было ~ слова.

КАБ1(п) — произнес он, наконец, всё еще довольно тяжело переводя дух, и назвал Ноздрева совершенно справедливо разбойником, присоединив к тому и другие отвечающие названия, между которыми попались и нехоро-

шие слова

К тому ж дело было совсем нешуточное.

КАБ1(п) — извинить нужно. Притом, как бы то ни было, а положение его, точно, было такого рода, что всякая шутка была вовсе не у места. Дело было очень сурьезное

“Что ни говори”, сказал он сам в себе: “а не подоспей капитан-исправник, мне, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — далось

Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!”

КАБ1(п) — Ведь вот пропал бы, ни за что ни про что, как какая-нибудь курица глупая!

Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — всякого после себя

Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — не оставивши после себя

Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!”

КАБ1(п) — и не доставивши

КАБ1, ПБЛ4(п) — не доставивши

Герой наш очень заботился о своих потомках.

КАБ1(п) — да будет читателю известно, очень заботился о будущих

“Я еще никогда не видал такого барина.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Я еще

Это его продовольство: что примером нам

кошт, то для него овес, он его продовольство”.

КАБ1, ПБЛ;(п) — его то-есть

Кони тоже, казалось, думали невыгодно об Ноздреве: не только гнедой и Заседатель, но и сам чубарый был не в духе.

КАБ1(п) — думали очень

Кони тоже, казалось, думали невыгодно об Ноздреве: не только гнедой и Заседатель, но и сам чубарый был не в духе.

КАБ1(п) — саврасой, но даже сам серой

Хотя ему на часть и доставался всегда овес похуже, и Селифан ~ сено, он жевал его с удовольствием ~ недовольны.

КАБ1(п) — Всё ж таки он жевал

Хотя ему на часть и доставался ~ к товарищам, поотведать, какое у них было продовольство, особенно ~ недовольны.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — какое и у них

Хотя ему на часть и доставался ~ у них было продовольство, особенно ~ недовольны.

КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — продовольствие

Но скоро все недовольные были прерваны среди излияний своих внезапным и совсем неожиданным образом.

КАБ1(п) — все наши недовольные

Но скоро все недовольные были прерваны среди излияний своих внезапным и совсем неожиданным образом.

КАБ1(п) — самым

Все, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на них наскочила коляска ~ кричал в голос: “Сворачивай, ворона, направо!”

КАБ1(п) — прямо наскочила

Все, не исключая и самого кучера, опомнились ~ с шестериком коней, и почти ~ в голос: “Сворачивай, ворона, направо!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — лошадей

Все, не исключая и самого кучера, опомни-

лись ~ коней, и почти над головами их раздались крик сидевших в коляске дам, брань и угрозы чужого ~ в голос: “Сворачивай, ворона, направо!”

КАБ1(п) — в одно время раздался крик сидевших в ней дам и голос

Все, не исключая и самого кучера, опомнились ~ их раздались крик ~ в голос: “Сворачивай, ворона, направо!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — раздался

Все, не исключая и самого кучера, опомнились ~ кричал в голос: “Сворачивай, ворона, направо!”

КАБ1(п) — порядком

Селифан почувствовал свою оплошность, но ~ перед другим, что он виноват, то тут же вымолвил он, приосанясь: “А ты что так рас-скакался?”

КАБ1(п) — что он совершенно

Селифан почувствовал свою оплошность, но ~ он виноват, то тут же вымолвил он, при-

осанясь: “А ты что так расказакался?”

КАБ1(п) — он почел необходимым прибавить с своей стороны

КАБ1 — тут же вымолвил приосанясь

Вслед за сим он принялся осаживать назад бричку, чтобы ~ перепуталось. КАБ1;

КАБ1(п), ПБЛ4, РЦ, МД1 — отсаживать

Вслед за сим он принялся осаживать назад бричку, чтобы высвободиться таким образом ~ перепуталось.

КАБ1(п) — освободить

Вслед за сим он принялся ~ из чужой упряжи, но не тут-то было, всё перепуталось.

КАБ!(п) — объятий упряжи

Вслед за сим он принялся ~ не тут-то было, всё перепуталось. Чубарый с любопытством обнюхивал ~ сторонам его.

КАБ1(п) — лошади и упряжь обеих экипажей совершенно перемешались между собою. Серой

Вслед за сим он принялся осаживать назад бричку, чтобы высвободиться таким образом из чужой упряжи, но не тут-то было, всё перепуталось.

КАБ1, ПБЛ4(п) — перемешалось

Между тем сидевшие в коляске дамы глядели на всё это с выражением страха в глазах и во всем лице. КАБ1;

КАБ1(п) — страха и замешательства

ПБЛ4, РЦ, МД1 — страха в лицах

Одна была уже старуха, другая ~ головке.

ПБЛ4 (кар.) — Из них одна

Одна была уже старуха, другая ~ головке.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — была

Одна была уже старуха, другая ~ на небольшой головке.

КАБ1, ПБЛ4(п) — головке мадонной

Хорошенький овал лица ее круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ~ слезы — всё

это в ней было ~ и кучерами.

КАБ1 — и в нем была также почти та же прозрачная белизна, как в яичке, когда держат его против солнца. Ее ушки почти светились; при этом испуге слезы на глазах

Хорошенький овал лица ее ~ тоненькие ушки также сквозили, рдея проникавшим их теплым светом.

КАБ1, ПБЛ4 — тоже

Хорошенький овал лица ее ~ ушки также сквозили, рдея проникавшим их теплым светом.

КАБ1 — сквозившие и обнялись каким-то теплым

ПБЛ4(п) — сквозившие объятые каким-то теплым

Селифан потянул поводья назад, чужой кучер сделал то же, лошади несколько попятнулись назад и потом опять сшиблись, переступивши построшки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — то же с своей стороны

При этом обстоятельстве чубарому коню так понравилось ~ встряхивал ушами.

КАБ1(п) — серому

При этом обстоятельстве чубарому коню ~ из колеи, в которую попал непредвиденными судьбами, и, положивши ~ встряхивал ушами.

КАБ1(п) — попал такими

РАЗДЕЛ 4

Так как подобное зрелище для мужика сущая благодать, всё равно что для немца газеты ~ развели.

КАБ1(п) — благодать божья

Так как подобное зрелище для мужика сущая благодать, всё равно что для немца газеты ~ развели.

КАБ1(п) — нас

Так как подобное зрелище для мужика ~ накопилась их бездна, и в деревне ~ развели.

КАБ1(п) — столько, что

Так как подобное зрелище для мужика ~

тычков чубарому коню в морду заставили его попятиться; словом, их разрознили и развели.

КАБ1(п) — серому

Но досада ли, которую почувствовали ~ ни хлыстал их кучер, они не двигались и стояли как вкопанные.

КАБ1(п) — кучер и правою и левою рукою

Но досада ли, которую почувствовали ~ кучер, они не двигались и стояли как вкопанные.

КАБ1(п) — никак не хотели сдвинуться с места

Каждый наперерыв совался с советом: “Ступай.

ПБЛ4 — сулся

“Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжного, а на коренного пусть сядет дядя Миняй!”

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — на пристяжную, а на коренную

Дядя Миняй, широкоплечий мужик ~ брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором ~ до земли.

КАБ1(п) — только втрое больше того самовара

Дядя Миняй, широкоплечий мужик ~ для всего прозябнувшего рынка, с охотой сел ~ до земли.

КАБ1(п) — озябнувшего

Но, увидевши, что дело не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй ~ на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного

Сноска: Корамора — большой длинный, вялый комар; иногда залетает в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене.

КАБ1 — длинной и очень вялой комар, залетающий иногда в комнату и сидящий

ПБЛ4, РЦ — длинный вялый комар, залетающий иногда в комнату и сидящий

Сноска: К нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ.

КАБ1 — ноги

Сноска: К нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ.

КАБ1(п), ПБЛ4 — в ответ и он

Но, увидевши, что дело не шло ~ на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку.

КАБ1(п) — на пристяжного посадили

А между тем дамы уехали, хорошенькая головка ~ лошадей, Селифан, Чичиков, гладь и пустота окрестных полей.

КАБ1(п) — Селифан — кучер

Везде, где бы ни было в жизни, среди ли ~ видеть дотоле, которое ~ всю жизнь.

КАБ1, ПБЛ4(п) — дотоле явление

Везде, поперек каким бы ни было печалям,
из которых ~ дивный экипаж.

КАБ1(п) — в поперек

Везде, поперек каким бы ни было печалям,
из которых ~ дивный экипаж.

КАБ1(п) — горечам

КАБ1, ПБЛ4(п) — горям

Везде, поперек каким бы ни было печалям,
из которых плетется жизнь наша, весело про-
мчится ~ дивный экипаж.

КАБ1(п) — иногда жизнь

Везде, поперек каким бы ни было печалям,
из которых ~ открытыми ртами, не надевая
шапок, хотя давно уже унесся и пропал из ви-
ду дивный экипаж.

КАБ1(п) — не понадевая

Везде, поперек каким бы ни было печалям,
из которых ~ и пропал из виду дивный эки-
паж.

КАБ1(п) — вдали

Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний ~ боже!

КАБ1(п) — Чичикова при этом обстоятельстве

Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, ~ в мире.

КАБ1(п) — в пожирающую всё, что ни есть на земле, даль и властительно объятый пронесшимся явлением

Долго бы стоял он бесчувственно ~ все ожидающие впереди ~ в мире.

КАБ1 — имеющиеся

ПБЛ4(п) (ошибка) — имеющие

Долго бы стоял он бесчувственно ~ распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и всё, что ни есть в мире.

КАБ1 — промедленья [и просрочку]

Долго бы стоял он бесчувственно ~ за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и

всё, что ни есть в мире.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Долго бы стоял он бесчувственно ~ ни есть в мире.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — на свете

“Славная бабенка!” КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — бабешка

Она теперь как дитя, всё в ней просто: она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться.

КАБ1(п) (кар.) — захочется

Из нее всё можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь!

КАБ1(п) — И она непременно будет дрянь

В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает.

КАБ1(п) — бабьим вздором

В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает.

КАБ1(п) — что просто ни сам родной брат не узнает

В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает.

КАБ1 — не узнал

ПБЛ4(п) — не узнал бы

Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться ~ выйдет, просто, чорт знает что!”

КАБ1(п) — В ней

Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться ~ придумывать, с кем, и как, и сколько ~ выйдет, просто, чорт знает что!”

ПБЛ4(п) — она уже будет думать вытверженные наставления

Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться по вытверженным ~ выйдет, просто, чорт знает что!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — ворочать

Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться ~ говорить, как на кого смотреть; всякую минуту ~ выйдет, просто, черт знает что!”

КАБ1(п) — и как какую

Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станет ворочаться ~ будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно; запутается ~ выйдет, просто, черт знает что!”

ПБЛ4(п) — чтобы не сказать кому чего-нибудь лишнего

“А любопытно бы знать, чьих она? что, как ее отец? богатый ли ~ на службе?”

КАБ4(п) — находится ли на службе государственной, или живет помещиком в собственных поместьях

Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выдти очень, очень лакомый кусочек.

ПБЛ4(п) — Ведь это

Двести тысячонок так привлекательно ста-

ли рисоваться ~ были проезжающие.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — стали привлекательно

Двести тысячонок так привлекательно стали рисоваться в голове его, что он внутренне начал ~ хлопотни около экипажей ~ проезжающие.

КАБ1(п) — несколько раз досадовал на себя за то, что в продолжении того, как хлопотали

Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к своему постоянному предмету.

КАБ4(п) — к предмету постоянно их занимавшему

Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина.

ПБЛ4(п) — очень было

Было заметно, что при постройке его зодчий ~ только три.

КАБ1(п) — архитектор должен был беспрестанно бороться со вкусом хозяина. Портик состоял из четырех непомерно толстых ко-

лонн. Дверь, бывшая посередине между двумя средними колоннами, была заколочена, а на место <ее> была прорублена, по приказанию хозяина, другая сбоку. По одну сторону портика было шесть окон, по другую на такой же <стене> три, из которых одно маленькое, в виде отдушничка, на самом почти углу, потому что хозяину с этой стороны понадобился темный чуланчик

Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился ~ три.

КАБ1 — никак

Фронтон тоже никак не пришелся ~ очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три.

КАБ1 — не шесть колонн, как следовало, а только пять

ПБЛ4, РЦ — не шесть колонн, как было назначено, а только пять

Помещик, казалось, хлопотал много о прочности.

КАБ1(п) — Хозяин, сам будучи состроен

очень прочно, казалось, хотел, чтоб и в хозяйстве всё было прочно

На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные ~ спрятались.

КАБ1(п) — такие толстые бревна, что, казалось, не сгнуть им во веки. Деревенские избы, хозяйство — всё это было крепко, солидно и в порядке. Когда Чичиков подкатил к крыльцу, он заметил выглянувшие из окна разом два лица: одно женское в чепце, узкое и длинное, как огурец, другое мужское, круглое, широкое, несколько красноватое, как бывают хорошие молдаванские тыквы. Выглянувши, они тот же час вслед за тем спрятались

Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было ~ следует.

КАБ1, ПБЛ4(п) — срубленные

Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирпичных стен, резных узоров и прочих ~ следует.

КАБ1 — узоров

Деревенские избы мужиков ~ прочих за-
тей, но всё было пригнано плотно и как сле-
дует.

КАБ1 — затеев

Словом, всё, на что ни глядел он, было упо-
ристо, без пошатки, в каком-то крепком и
неуклюжем порядке.

КАБ1 — аляповатом, крепком

ПБЛ4(п) — аляповатом

Подъезжая к крыльцу, заметил он ~ бала-
лайки, двухструнные, легкие балалайки, кра-
су и потеху ~ треньканья.

КАБ1, ПБЛ4(п) — звонкие

Подъезжая к крыльцу, заметил он ~ и ще-
голя, и подмигивающего, и посвистывающего
на белогрудых ~ треньканья.

РЦ — подсвистывающего

Подъезжая к крыльцу, заметил он ~ на бе-
логрудых и белошейных девиц, собравшихся
послушать его тихострунного треньканья.
МД1;

МД2 — белошеих

Подъезжая к крыльцу, заметил он ~ и белошеих девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья.

КАБ1, ПБЛ4(п) — девиц, увешанных борками, гривнами, крестами и всякими прочими

Подъезжая к крыльцу, заметил он ~ послушать его тихострунного треньканья.

КАБ1, ПБЛ4(п) — тихого

На крыльцо вышел лакей в серой куртке ~ хозяин.

КАБ1(п) — какой-то необыкновенной

На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником ~ хозяин.

КАБ1(п) — военным

На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин.

КАБ1(п) — в которые

Увидев гостя, он сказал отрывисто: “Прошу!”

КАБ1(п) — Собакевич, увидевши гостя, не затруднился никакими вопросами о здоровье, а сказал только: “прошу покорнейше”

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя.

КАБ1(п) — очень

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя.

КАБ1(п) — среднего роста

Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава ~ Известно, что есть много на свете ~ на свет, сказавши: “живет!”

КАБ1(п) — а обшлага рукавов были так длинны, что он должен был их поднимать по минутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Панталоны на нем были тоже очень широки и страшно длинны; ступни его захватывали

такое большое пространство, что чужим ногам всегда становилось тесно. Цвет лица его был очень похож на цвет недавно выбитого медного пятака. Да и вообще всё лицо его несколько сдавало на эту монету: такое же было сдавленное, неуклюжее; только и разница, что вместо двуглавого орла были губы да нос. Я думаю, читателю не безызвестно

КАБ1 — а. а обшлага рукавов были так длинны, что он должен был их поднимать поминутно, когда хотел высунуть оттуда руку. Такого же цвета были панталоны, длинные и широкие и [не] в пример всяким другим, ступая широкими ступнями своими, он производил всякой раз сотрясение половых досок и захватывал так много пространства, что чужим ногам всегда почти было не выгодно относительно мозолей. Такого здорового цвета лица Чичиков еще и не видывал, это был совершенно цвет только что выбитого медного пятака. Впрочем, даже складом и уклочеством оно походило на эту монету, всей разницы только и было, что вместо штемпеля на нем помещались нос, губы и прочее, что бывает на человеческом лице. Всему свету из-

вестно, что есть на земле много таких

б. Как в тексте

Для довершения сходства фрак ~ беспре-
станно на чужие ноги.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — ноги

Цвет лица имел каленый, горячий, какой
бывает на медном пятаке.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он имел

Известно, что есть много на свете таких
лиц, над отделкою которых ~ на свет, сказав-
ши: “живет!”

КАБ1(п) — лиц и физиогномий

Такой же самый крепкий и на диво стачен-
ный образ ~ неповорота, редко глядел ~ на
дверь.

КАБ1(п) — Такое же самое лицо было у Со-
бакевича. Голову он держал более вниз, неже-
ли вверх; шея не ворочалась вовсе, от чего
случалось, что он

Такой же самый крепкий и на диво стачен-

ный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем ~ на дверь.

КАБ1(п) — Чичиков

Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: “Не побеспокоил ли я вас?”

КАБ1(п) — потому спросил Чичикова

Но Чичиков поблагодарил, сказав, что еще не произошло ~ опять: “Прошу!”

КАБ1(п) — Нет, покорнейше благодарю, — отвечал Чичиков: — хотя бы и случилось какое беспокойство, то это совершенно ничего не значит. — На это Собакевич ничего не отвечал и повел гостя далее. Когда вошли они в гостиную, Собакевич сказал гостю: — Прошу садиться.

Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины.

КАБ1(п)я — Садясь в кресла

Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины.

КАБ1(п) — глянул

КАБ1 — а. поглядел

б. Как в тексте

На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони.

КАБ1(п) — всё почти

Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу.

КАБ1(п) — что просто

Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках.

КАБ1(п) — Между этими

Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые напол-

няют нынешние гостиные.

КАБ1(п) — За ним

Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога ~ гостиные.

КАБ1(п) — такой богатырской величины и роста, что все эти господа, которые ходят по Невскому проспекту в узеньких сертучках и тросточках, казалось бы, не управились с ее пальцем

КАБ1 — а. одна нога которой казалась больше всего роста тех [франтов] людей, которые наполняют ныне модные гостиные

б. у которой одна нога казалась выше ростом и толще нежели всего щедушного корпуса [нынешних молодых] людей, наполняющих модные гостиные

ПБЛ4, РЦ — у которой одна нога казалась больше всего туловища щеголей, наполняющих нынешние гостиные

Хозяин, будучи сам человек здоровый ~ люди крепкие, и здоровые.

КАБ1(п) — Хозяин, кажется, будучи сам крепкий и здоровый человек, хотел, чтобы и

его комнату украшали люди

Гость и хозяин не успели помолчать ~ вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепце ~ краскою.

КАБ1(п) — хозяйка дома, очень высокая дама

Гость и хозяин не успели помолчать ~ с лентами перекрашенными домашнею краскою.

КАБ1(п) — вероятно, перекрашенными какою-то

Вошла она степенно, держа голову прямо, как пальма.

КАБ1(п), — необыкновенно важно и солидно и голову держала совершенно прямо, как бы боясь уронить ее

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти впихнула ему в губы, причем ~ огуречным рассолом.

КАБ1(п) — которую она ему почти всунула в губы

КАБ1 — которую последняя почти впихнула ему в губы

Феодулия ~ носом.

КАБ1(п) — Прошу покорнейше садиться, — сказала Феодулия Ивановна очень коротко и сделавши головою движение весьма похожее на то, какое делают актрисы, представляющие на сцене королев и принцесс. Сделавши такое предложение она села на диван довольно неуклюжий, который был обтянут материей домашней выделки, цвету очень неопределенного, да и узора тоже никак нельзя было разобрать. Севши на диван, она накрылась большим мериносовым платком с широкою пестрою каймою, очень умно, как рисуют на портретах, и не сдвинула во всё время ни глазом, ни бровью, ни носом

Феодулия Ивановна попросила садиться, сказавши ~ движение головою, подобно актрисам, представляющим королев.

КАБ1 — [как на театрах актрисы, представляющие]

Затем она уселась на диване, накрылась своим мериносовым платком ~ ни глазом, ни бровью, ни носом.

КАБ1, КАБ1(п) — накрылась вплоть

Затем она уселась на диване, накрылась своим мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью, ни носом.

КАБ1(п), ПБЛ4, РЦ, МД1 — ни бровью

Почти в течение целых пяти минут все хранили молчание: раздавался ~ хлебные зернышки.

КАБ1(п) — Все трое почти около шести минут хранили совершенное молчание

Почти в течение целых пяти минут ~ стук, производимый носом дрозда ~ хлебные зернышки. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — произведенный

Чичиков еще раз ~ на Собакевича!

КАБ1(п) — еще несколько взглядов бросил на комнату и на то, что в ней находилось. Всё, на что ни глядел он, было прочно и неуклю-

же, в величайшей степени. Широкое тяжелое бюро стояло в углу комнаты и занимало почти осьмую часть ее. Видно было, что хозяин тут же и занимался. Оно было наполнено множеством ящиков и покоилось пренелепым образом на четырех претолстых ногах, как медведь. Словом, казалось, как будто бы всякое кресло и стул говорили: “И я тоже Собакевич”, или по крайней мере: “И я тоже очень похож на Собакевича”. Видя, что никто из хозяев, как казалось, не располагал прервать молчание, он решился начать первый

Стол, креслы, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства; словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич!

КАБ1, ПБЛ4(п) — каждый из них как будто

“Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича”, сказал наконец Чичиков, видя, что никто не располагается начинать разговора: “в прошедший четверг.

КАБ1(п) — он, обращаясь к Собакевичу

Очень приятно провели там время”.
КАБ1(п), МД1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — приятно

“Ну, может быть, это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил”.

КАБ1(п) — это

Чичиков немного озадачился ~ не без слабостей, но зато губернатор, какой превосходный человек!”

КАБ1(п) — “А я, право, не предполагал, — сказал Чичиков, сначала несколько озадаченный такою отчасти резкою характеристикою; но потом, поправившись, продолжал

“Губернатор превосходный человек?”

КАБ1(п) — “Вы говорите, губернатор превосходный человек...” сказал Собакевич

“Первый разбойник в мире!”

КАБ1(п) — Это первый

“Как, губернатор разбойник?” сказал Чичи-

ков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники.

КАБ1(п) — который уж никак не мог предполагать, чтобы губернатор мог когда-либо

“Как, губернатор разбойник?” сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он

“Как, губернатор разбойник?” сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники.

КАБ1, ПБЛ4 — разбойники. “У! варвар. Вы поглядите ему в лицо: в лице видно разбойничье

“Признаюсь, ~ Тут он привел в доказательство даже кошельки, вышитые ~ лица его.

КАБ1(п) — “Помилуйте!” сказал Чичиков и напомнил, что поступки гражданского правителя совершенно мирные

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Но позвольте вам сказать: поступки и т. д. как в тексте

Тут он привел в доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался с похвалою об ласковом выражении лица его.

КАБ1(п) — даже, что самое лицо его необыкновенно ласковое

“Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу, зарежет, за копейку зарежет!

КАБ1(п) — ей-богу зарежет

“Нет, он ~ признаюсь, более всех нравится полицеймейстер.

КАБ1(п) — Чичиков вспомнил, что Собакевич чаще всего бывал у полицмейстера, и потому подумал, что если упомянет он о нем и похвалит его, то этим уж, верно, доставит ему удовольствие. “Что касается до меня”, сказал он: кто, признаюсь, мне

А вот заговорю я с ним о полицеймейстере? он, кажется, друг его”.

КАБ1 — друг его [потому что часто бывает у него]

“Мошенник!” сказал Собакевич очень хладнокровно: “продаст, обманет, еще и пообедает с вами!

КАБ1(п) — обманет да

После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий ~ отзываться.

КАБ1, ПБЛ4(п) — хотя и несколько

После таких похвальных, хотя ~ упоминать, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо отзываться.

КАБ1 — нет

“Что ж, душенька, пойдем обедать”, сказала Собакевичу его супруга.

КАБ1, ПБЛ4(п) — супруга Собакевича

“Прошу!”

КАБ1(п) — Прошу покорнейше

Засим, подошедши к столику, где была закуска, гость и хозяин ~ хозяйка.

КАБ1, ПБЛ4(п) — приблизившись

Засим, подошедши к столику, где была закуска, гость и хозяин ~ хозяйка. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — к столу

Засим, подошедши к столику, где была закуска, гость и хозяин выпили, как следует, по рюмке водки, закусили, ~ понеслась хозяйка.

КАБ1(п) — и закусив какой-то копченой рыбой, отправились в столовую, куда опять, как плавный гусь, поплыла вперед

На четвертое место явилась ~ или девица, родственница, домоводка ~ платке.

КАБ1(п) — девица, компаньонка или

На четвертое место явилась ~ без чепца, около тридцати лет, в пестром платке.

КАБ1(п) — лет тридцати пяти

На четвертое место явилась ~ тридцати лет, в пестром платке.

КАБ1(п) — платке, поклонилось очень скоро, уместилось на свое место и, казалось, больше ни до чего ему не было нужды

Есть лица, которые существуют на свете не как ~ ого-го!

КАБ1(п) — не так, как какой-нибудь предмет, а так, как посторонние крапинки или пятнышки на каком-нибудь предмете. На них, если и остановишь взгляд, то, верно, уж глупо и ненарочно, как иногда вдруг, неизвестно по какой причине, станешь глядеть пристально на муху, лазящую на стене. В их лицах одно и то же, никогда не исчезающее выражение; сидят они на том же месте, на том же стуле, тем же образом сложены у них руки, тот же всегда поворот головы. Их готов причислить к числу мебели в комнате, и только где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется, что у них есть и речи и даже кое-какие страстишки

Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти ~ просто: ого-го!

КАБ1 — Сидят они [вечно на одном и]

“Щи, моя душа, сегодня очень хороши!” сказал Собакевич, хлебнувши щей ~ подадут!”

КАБ1(п) — хлебнувши две ложки и засучив рукава своего фрака: “Вы эдаких щей не будете есть в городе”, сказал он, обращаясь к Чичикову: “там вам чорт знает чего подадут”

“Щи, моя душа, сегодня очень хороши!” сказал Собакевич, хлебнувши ~ из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом и ножками.

КАБ1, ПБЛ4(п) — баранья

“Щи, моя душа, сегодня очень хороши!” сказал Собакевич, хлебнувши ~ кусок няни, известного блюда, которое ~ ножками.

КАБ1 — а. няни, [сказал]

б. Как в тексте

“Эдакой няни”, продолжал он, обратившись к Чичикову: “вы не будете есть в городе, там вам чорт знает что подадут!”

КАБ1 — чего

“У губернатора, однако ж, недурен стол”, сказал Чичиков.

КАБ1(п) — впрочем

“Да знаете ли, из чего всё это готовится? вы есть не станете, когда узнаете”. КАБ1; ПБЛ4, РЦ, МД1 — это всё

“Да знаете ли, из чего всё это готовится? вы есть не станете, когда узнаете”.

КАБ1(п) — узнаете. Право, я вам всё это не шутя говорю

“Не знаю, как готовится, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны”.

ПБЛ4(п) — “Я не знаю, как они там приготовлены, но на вкус были очень хороши

“Не знаю, как готовится, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — дичь

Ведь я знаю, что они на рынке покупают.

КАБ1(п) — сказал Собакевич где быть им хорошим. Я

Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — французов

Всё, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп!

КАБ1, КАБ1(п) — всё в суп

Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа.

КАБ1(п) — что ты там себе ни говори

Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется!

КАБ1(п) — что может быть суток по три

Это всё ~ не то, это всё выдумки, это всё...”

КАБ1(п) — Я вам скажу, что это заговор, это секта такая; нарочно для того стоворились, чтобы переморить голодом. Вот и доктора, все эти французы и немцы, — я бы их всех пере-

вешал. Посмотрите, как едят все эти, что бывали в том Петербурге. Выдумали какой-то модный стол: налепят лепешку величиною с пуговицу, даст тебе одну на тарелку, да и ешь ее; а спрашивается: что есть? — нечем по губам помазать. Нет это всё

Это всё выдумали доктора немцы да французы; я бы их перевешал за это!

ПБЛ4 — вздумали

Это всё выдумали доктора немцы да французы; я бы их перевешал за это!

КАБ1, КАБ1(п) — за то

Здесь Собакевич даже сердито покачал головою.

КАБ1(п) — головою, что делал очень редко, потому что шея его, как уже читатель видел, почти никогда не двигалась

Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует”.

КАБ1(п) — столько, сколько душа желает

“Да”, подумал Чичиков: “у этого губа не дура”.

КАБ1(п) — этот себе на уме

“У меня не так”, говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки: “у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: 800 душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!” МД1;

лодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом”.

МД1 — руку

В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом”.

КАБ1 — нет

“Неужели как мухи?

КАБ1(п) — Скажите, как странно!

“В пяти верстах!” вскрикнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное биение. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — воскликнул

“В пяти верстах!” вскрикнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное бие-ние. “Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?”

КАБ1(п) — Здесь автор должен сказать, что у героя его забилось слегка сердечко. “Вот уж я никаким образом не могу понять такого рода жизни”. Когда сам не хочешь пользоваться состоянием, в таком случае доставь оним удовольствие ближним, дай бедным, чтобы за тебя молились и были вечно благодарны. Как же, например,

“Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?”

КАБ1(п) — нужно будет взять к нему

“Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — не советую дороги знать

“Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему”.

КАБ1(п) — Гораздо извинительнее

КАБ1 — а. Лучше

б. Как в тексте

“Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему”.

КАБ1(п) — нежели

“Нет, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест”, отвечал на это Чичиков.

КАБ1(п) — Чичиков извинился и сказал, что ему всё равно, а что ж о дороге спросил, только потому, что интересуется вообще

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом ~ в желудке.

КАБ1(п) — величиною

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом ~ другие блюдечки.

КАБ1(п) — Этим обед и кончился; но Чичиков, вставши из-за стола, почувствовал в своем животе тяжести на целый пуд. Пошли в гостиную, где было поставлено на столе варе-

ные двух сортов. Из чего состояло это варенье, нельзя было знать; с вида же оно было ни груша, ни слива, драло жестоким образом горло и приготавлилось руками самой хозяйки. Хозяйка на минуту вышла с тем, чтобы наложить еще и на третье блюдечко

Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою.

КАБ1, ПБЛ4(п) — этим отсутствием ее

Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою.

КАБ1(п) — обратился с такими словами

Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в

креслах, только побряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая помынутно его рукою.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сидя

Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в креслах, только побряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая помынутно его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами...

КАБ1(п) — после такого сытного обеда и издавал звуки вроде икотки, закрывал помынутно рот рукою.

КАБ1 — после такого <сытного обеда> издавая ртом какие <-то> невнятные звуки и в то же время крестясь и закрывая его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами;

ПБЛ4(п) — после такого (пропуск переписчика) издавал ртом какие-то невнятные звуки и в то же время крестясь и закрываясь рукою.

“Я хотел было поговорить с вами об одном дельце”.

ПБЛ4(п) — очень нужном для меня деле
КАБ1, ПБЛ4 — об одном деле

“Вот еще варенье!” сказала хозяйка, возвращаясь с блюдечком: “редька, вареная в меду!” “А вот мы его после!” сказал Собакевич. “Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленечко приотдохнем!”

КАБ1(п) — какою-то редькою в сахаре.

“Хорошо, поставь ее, душенька; мы съедим”, сказал Собакевич: “а теперь ступай себе в свою комнату; мы сейчас

“Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленечко приотдохнем!”

КАБ1(п) — Нужно немножко отдохнуть после обеда

“Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленеч-

ко приотдохнем!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — маленько

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяин сказал: “Ничего, мы отдохнем в креслах”, и хозяйка ушла. Собакевич слегка принагнул голову, приготавливаясь слышать, в чем было дельце.

КАБ1(п) — Хозяйка ушла. Собакевич, казалось, как будто изменил несколько свое положение в креслах, или, может быть, так только показалось, что изменил. Но в лице его не произошло никакого движения, а только слегка принагнул он голову, как будто приготавливаясь слушать, в чем состоит то дело, о котором гость с ним хотел поговорить

Собакевич слегка принагнул голову, приготавливаясь слышать, в чем было дельце. МД1;
МД2 — слушать

Собакевич слегка принагнул голову, приготавливаясь слышать, в чем было дельце.

КАБ1, ПБЛ4(п) — дело

И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончившие жизненное поприще...

КАБ1 — нет

И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончившие жизненное поприще... КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — окончивши

И что по существующим положениям ~ наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить...

После “живыми”: хотя взамен того и вновь родившиеся не вносятся в подушные списки РЦ, МД1 (вставка цензурная)

И что по существующим положениям ~ не увеличить сложность, и без того уже весьма... МД1;

МД2 — сложности

Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал душ умершими, а только несуществующими.
КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — души

Собакевич слушал, всё по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его.

КАБ1, ПБЛ4(п), РЦ — так же

Собакевич слушал, всё по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его.

КАБ1, ПБЛ4(п) — на движение или выражение

Собакевич слушал, всё по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — на лице

Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где

следует, а, как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что всё, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности или, лучше, она у него была вовсе не там КАБ1;

ПБЛ4, РЦ — или она у него была вовсе не там

“Итак?..” сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

КАБ1(п) — кое-какого волненьица

“Найдутся, почему не быть...” сказал Собакевич.

“А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?”

КАБ1(п) — сказал Собакевич таким же самым голосом, но однако же с некоторою расстановкою, как будто в это время кое-что смекал. Так вам

“А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?”

После “избавиться”: сказал Чичиков
КАБ1(п)

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя:
“этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!”

КАБ1(п) — Чорт бы тебя побрал

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя:
“этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!” и проговорил вслух: “А, например, как же цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...”

КАБ1(п) — “Со всего хочет содрать плевую!
А поскольку вы бы взяли?” спросил он с некоторою робостию

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя:
“этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — продает

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя:
“этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!” и проговорил вслух: “А, например, как же

цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...”

КАБ1, ПБЛ4(п) — произнес

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя: “этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!” и проговорил вслух: “А, например, как же цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — впрочем

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя: “этот уж продает еще прежде, чем я заикнулся!” и проговорил вслух: “А, например, как же цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...”

КАБ1 — нет

“Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку!”

КАБ1(п) — После “лишнего”: и напрасно не торговаться

“По сту!” вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам

ли он ослышался или язык Собакевича, по своей тяжелой натуре не так поворотившись, брякнул, вместо одного, другое слово.

КАБ1(п) — Чичиков, испугавшись и раскрывши рот, глядел пристально в самые глаза Собакевичу, не зная, он ли ослышался

“По сту!” вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался или язык Собакевича, по своей тяжелой натуре не так поворотившись, брякнул, вместо одного, другое слово. КАБ1;

ПБЛ4 — раскрыв

“Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ~ больше нельзя”.

КАБ1(п) — Чичиков выразился очень основательно и совершенно, как говорится, резонно, что он никак даже не предполагал слышать подобные слова, и что так как это вещь, вышедшая, можно сказать, из употребления и уже по самому существу совершенно ничтожная, то, с его стороны, он полагает, положая, как говорится, руку на сердце, что по восьми гривен за душу есть уже самая боль-

шая цена, какую можно дать

Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и забыли

Я полагаю с своей стороны, положив руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — на сердце, что

“Эк куда хватили, по восьми гривенок!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — гривен

“Ведь я продаю не лапти”.

“Однако ж, согласитесь сами: ведь это тоже и не люди”.

КАБ1(п) — не лапти, — сказал Собакевич. “Однако ж позвольте и мне тоже сказать”, произнес Чичиков: “рассмотрите и мое положение: с какой стати я стану платить бог знает какие деньги за людей, уже не существующих”.

“Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?”

КАБ1(п) — думаете, что

“Но позвольте: ~ больше не могу”.

КАБ1(п) — Чичиков изъяснил, что почему ж она ревизская душа, что она на бумаге только стоит ревизскою, а на самом деле только в разорение владельцу, но что однако же он, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части и кончить разом дело, готов дать круглым числом по полтора рубля за душу

“Не могу, Михаил Семенович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать”, говорил Чичиков, однако ж по полтинке еще прибавил.

КАБ1(п) — Да чего ж вам больше этого? Больше хоть бы и хотел не могу дать”, сказал Чичиков, однако ж по полтине прибавил

“Не могу, Михаил Семенович, поверьте мо-

ей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать”, говорил Чичиков, однако ж по полтинке еще прибавил.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что уж

“Не могу, Михаил Семенович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать”, говорил Чичиков, однако ж по полтинке еще прибавил.

ПБЛ4, РЦ — того никак невозможно

Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик.

КАБ1(п) — Ведь иной

Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик.

КАБ1(п) — у меня ведь

Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный

орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик.

КАБ1(п) — тоже

Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные.

КАБ1(п) — рассмотрите хорошенько. Каретник, например, Михеев

И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обошьет и лаком покроет!

КАБ1(п) — не то что

И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обошьет и лаком покроет!”

КАБ1(п) — а прочность

И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обошьет и лаком покроет!”

КАБ1 (кар.) — сам ведь

И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обобьет и лаком покроет!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — обьет

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова...

КАБ1(п) — теперь однако ж никакого нет толку в каретнике Михееве, и что он уже не существует на этом мире, но Собакевич вошел, как говорится, в роль и не замечая этого, продолжал

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова...

КАБ1, ПБЛ4(п) — силу слова и

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на

свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова...

КАБ1, ПБЛ4(п) — красноречие

“Да будто один Михеев! А Пробка Степан, плотник, Милушкин, кирпичник, Телятников Максим, сапожник, — ведь все пошли, всех продал!”

КАБ1(п) — “А Авдеев Толстое брюхо, как прозвали его мужики

“А Пробка Степан, плотник? Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силища была! Служи он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!”

После “плотник”: [продолжал он] КАБ1

Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — прозакладываю

Служи он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!”

КАБ1(п) — половиною

Чичиков опять хотел заметить, что и Пробки нет на свете; но Собакевича, как видно, пронесло; полились такие потоки речей, что только нужно было слушать: “Милушкин, кирпичник!

КАБ1(п) — его нет на свете, но Собакевич не слушал и продолжал: “А Парамон

А Еремей Сорокоплёхин!

КАБ1(п) — Минай Протрухин

“Но позвольте” ~ пословица”.

КАБ1(п) — “Да что ж из этого? ведь они мертвые”, сказал Чичиков

“Но позвольте”, сказал наконец Чичиков, изумленный таким обильным наводнением речей, которым, казалось, и конца не было: “зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это все народ мертвый.

КАБ1, ПБЛ4(п) — к чему вы мне всё это говорите, исчисляя

“Но позвольте”, сказал наконец Чичиков ~
ведь ~ мертвые”, сказал Собакевич...

КАБ1, ПБЛ4(п) — они мертвые

“Да, конечно, мертвые”, сказал Собакевич,
как бы одумавшись и припомнив, что они в
самом деле были уже мертвые, а потом при-
бавил: “впрочем, и то сказать: что из этих лю-
дей, которые числятся теперь живущими?”

КАБ1(п) — и на несколько времени остано-
вился так, как будто бы опомнился и припом-
нил, что они, точно, мертвые

Последние слова он уже сказал, обратив-
шись к висевшим по стене портретам Багра-
тиона... КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — на стене

Последние слова он ~ пришедшему третье-
му, даже вовсе незнакомому...

КАБ1(п) — третьему человеку

Последние слова он ~ незнакомому, от ко-
торого, знает, что не услышит...

После “от которого”: очень хорошо КАБ1(п)

Последние слова он ~ что не услышит ни ответа, ни мнения...

КАБ1(п) — не услышит на это

Последние слова он ~ минуту незнакомец не знает, отвечать ли ему на то дело, о котором ничего не слышал, или так постоять, соблюдши надлежащее приличие, и потом уже уйти прочь.

КАБ1(п) — третий не знает, нужно ли отвечать ему и сказать что-нибудь о деле, которого он и не знает и не слышал

Последние слова он ~ уйти прочь.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

“Что он, в самом деле”, подумал ~ Что ж он стучит? кому нужен?”

КАБ1(п) — “Послушайте”, сказал Чичиков, “к чему вы говорите такие суммы? Ведь вы сами очень хорошо знаете, что это тряпка и чорт знает что. Вы посудите только на что они? кому они нужны?”

КАБ1 — Что он ~ довольно-умный, и понимаете в чем дело, сами знаете, что предмет о котором идет речь, есть дрянцо. Ну на что? Кому они нужны?”

“Да, вот, вы же покупаете; стало быть, нужен”.

КАБ1(п) — вы же их

“Да, вот, вы же покупаете; стало быть, нужен”.

КАБ1(п) — стало быть они нужны

КАБ1, ПБЛ4(п) — стало быть нужно

Он стал было говорить про какие-то обстоятельства фамильные и семейственные, но Собакевич отвечал просто...

КАБ1(п) — начал

“Мне не нужно знать, какие у вас отношения: я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело.

КАБ1(п) — это ваше дело, а не мое

“Эк, право, затвердила сорока Якова одно

про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Эк его.

“Эк, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать.

КАБ1 — нет

Вы давайте настоящую цену!”

После “цену”: “Экой кулак”, сказал про себя Чичиков КАБ1

“Ну, уж чорт его побери!” подумал про себя Чичиков: “по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!” — “Извольте, по полтине прибавлю”.

КАБ1(п) — Чичиков по полтине решился еще прибавить

“Что он, в самом деле”, подумал про себя Чичиков: “по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!”

КАБ1 — нет

“Экой кулак!” сказал ~ не хотите продать; прощайте!”

КАБ1(п) — “Но, помилуйте, никто не станет и продавать его, а всякой, напротив, даже рад будет от него отделаться”.

“Однако ж, знаете, что покупка такого рода не всегда позволительна и если б этак рассказал кто-нибудь, положим я или кто другой, то эдакому человеку может даже неприятность случиться... и никакой не будет доверенности касательно заключения контрактов, ниже вступления в какие-нибудь выгодные обязательства”.

“Подлец!” проговорил про себя стиснув зубы Чичиков, однако ж не показал вида, чтобы слова Собакевича произвели на него какого-нибудь впечатления и отвечал равнодушно: “Как вы себе хотите, я этого ничего не боюсь... Я это покупал вовсе не для какой надобности, но единственно для удовольствия”.

Уж что он разумел здесь под именем этого удовольствия, автор признается, что он как-

то это не очень понимает. “Даю два с полтиною, не согласны — так прощайте”.

“Тридцать пять ассигнациями — и бог с вами, берите их себе”.

“Нет, вы не хотите, как я вижу, продать”, сказал Чичиков и взял в руки шляпу

КАБ1 — “Экой кулак!” сказал с досадою про себя Чичиков и потом продолжал: “Да что вы в самом деле... как будто точно сурьезное <дело>. Да я в другом месте нипочем куплю. Еще мне всякой заплатит с тем только, чтобы избавиться от них. [Охота держать их при себе и вносить за них подать] и т. д. как в тексте

Еще мне всякой с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — избавиться от них

“Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и рассказы я или кто иной, — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или

вступления в какие-нибудь выгодные обязательства”.

КАБ1 — знаете

“Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и рассказы я или кто иной, — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — покупка, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительна

“Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и рассказы я или кто иной, — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства”.

КАБ1 — После “обязательства”: [Медведь!] заметил на это Чичиков внутренне и вслед за этим заметил наружно]

“Вишь куды метит, подлец!” подумал Чичиков и тут же произнес с самым хладнокровным видом: “Как вы себе хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, как вы думаете, а так, по наклонности собственных мыслей.

КАБ1 — нет

“Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!”

КАБ1 — не хотите

“Позвольте, ~ сказал всё”. КАБ1;

КАБ1(п) — Позвольте ~ гостиную.

“Пожалуйста сюда, я вам что-то скажу”.

“Зачем же вам из пустого беспокоиться, я уже вам сказал мое последнее слово”;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

“Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, ибо герой наш позабыл побережься, в наказ-

нье за что должен был зашипеть и подско-
чить на одной ноге.

КАБ1(п) — потому что Чичиков

“Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич,
не выпуская его руки и наступив ему на ногу,
ибо герой наш позабыл побережься, в наказа-
нье за что должен был зашипеть и подско-
чить на одной ноге.

КАБ1(п) — Чичиков подскочил чуть не до
потолка, вскрикнув: ай! и показавши в лице
своем самое болезненное выражение

“Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич,
не выпуская его руки и наступив ему на ногу,
ибо герой наш позабыл побережься, в наказа-
нье за что должен был зашипеть и подско-
чить на одной ноге.

КАБ1 — а. и в награду;

б. и в наказание за то

“Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич,
не выпуская его руки и наступив ему на ногу,
ибо герой наш позабыл побережься, в наказа-
нье за что должен был зашипеть и подско-

читать на одной ноге.

КАБ1 — и [слегка] подскочить

“Прошу прощения! я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйста, садитесь сюда! Прошу!”

После “побеспокоил”: сказал Собакевич, заметивший свою неосторожность КАБ1(п);

Здесь он усадил его в кресла, с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться и делать разные штуки на вопросы: “А покажи, миша, как бабы парятся?”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — на кресло

Здесь он усадил его в кресла, с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал ~ крадут?”

КАБ1(п) — который уже бывал в искусных руках цыгана

КАБ1 — а. которого уже выучили, который умеет и перевертываться и делать разные штуки на вопрос: а покажи, Миша, как бабы парятся, или: а покажи, Миша, как малые ребята горох крадут;

б. Как в тексте

“Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить”.

КАБ1(п) — напрасно только время трачу, говорил Чичиков

“Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово”.

После “минуточку”: говорил Собакевич
КАБ1

Тут Собакевич подсел ~ не прибавлю”.

КАБ1(п) — он приблизился к нему ближе и начал говорить так тихо, как будто секрет. “Для вас по 20 рублей. Ей богу, из приязни. Пусть хоть сам потерплю, да вам, по крайней мере, докажу мое почтение”.

“Два с полтиною”, сказал Чичиков

Ни, ни, ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю”

КАБ1 — копейки не прибавлю больше

ПБЛ4 — копейки не прибавлю

Багратион с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку.

КАБ1(п) — казалось, глядел чрезвычайно внимательно на эту никогда невиданную ему покупку

“Какая ж будет ваша последняя цена?”
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — ваша будет

“Право, у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа.

КАБ1 — репа

Уж хоть по три рубли дайте!

КАБ1(п) — хоть полтину, по крайней мере, прибавьте, чтоб вышло ровно 3 рубли

КАБ1 — [Ну, да] уж и т. д. как в тексте

“Ну, нечего с вами делать, извольте!”
КАБ1(п), МД1;

КАБ1 — Ну что;

ПБЛ4, РЦ — Ну нечто (ошибка?)

“Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему.

КАБ1(п) — Извольте! извольте, так уж и быть”, сказал Собакевич: “убыток, ей богу, убыток! да что ж прикажешь делать, такой уже нрав: не могу, чтобы не доставить удовольствие ближнему

“Разумеется”.

КАБ1 — “Как же!” отвечал Чичиков

Так совершилось дело. Оба решили, чтобы завтра же быть в городе и управиться с купчей крепостью. Чичиков попросил списочка крестьян.

КАБ1(п) — Оба совершившие сделку условились во времени, когда свидеться в городе для заключения купчей, как водится, что именно назначено было после завтра. Чичиков попросил выписочку вкратце всех умерших, на что

КАБ1 — Таким образом дело совершилось и т. д. как в тексте

Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

КАБ1(п) — подошедши тут же

А Чичиков, от нечего делать, занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его оклада.

КАБ1(п) — В продолжении того времени, как он писал стоя за бюро, Чичиков, от нечего делать, занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его сзади оклада

Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: “Эк наградил-то тебя бог!

КАБ1 (кар.) — посмотрел

Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, кото-

рые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: “Эк наградил-то тебя бог!

КАБ1(п) — не мог никак

Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: “Эк наградил-то тебя бог!

КАБ1 — наградил-то тебя как

Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: “Эк наградил-то тебя бог!

КАБ1(п) — что

Родился ли ты уж так медведем или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посеы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак?

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — посеы и возня

Родился ли ты уж так медведем ~ мужика-

ми, и ты чрез ~ мужики: ты с ними в ладу...

КАБ1(п) — Нет, я думаю, уж так ты родился медведем! Конечно, если б тебя отшлифовали <в рукоп. далее не заполн. полстроки> француза, поучили бы тебя в школах тетрадкам, которые называют науками, да нравственности: сидеть смиренно на лавке да подличать перед учителем — конечно, ты бы был немного половчее на вид. Может быть, пошел бы по службе, попал бы в чины, в государственные люди, а всё остался бы в душе тот же Собакевич. Только и разницы, что вот теперь какой-нибудь приехавший из Питера франт посмеется над твоею фигурою, скажет, что ты медведь, как оно и точно, а тогда бы не сказал; да теперь ты уплетишь барана, закусивши ватрушкой в тарелку, а тогда бы ел котлетку в наперсток. А ведь куда бы ты больше зла наделал! Ты теперь копаешься с мужиками

КАБ1 — а. Нет, я думаю уж тебе суждено прежде рожденья быть тем, что называется: кулак. Хоть тебя и пошлифуй, хоть [выучить] был выучен ты и в школе;

б. И ты чрез них сделался то, что называют

человек кулак. [Лучше ли б ты был, если б тебя пошлифовали на модный образец, дали бы тебе в учителя француза, пустили в ход и жил бы] Бог ведает, если б тебя воспитали по моде, пустили в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустьи, [подъедая вместо] что толку? вся разница в том, что вместо четверти бараньего бока да ватрушки в тарелку <съедал бы?> котлетки не больше наперстка, да вот теперь [Вряд ли было бы лучше, ты теперь копаешься];

в. И ты [по тому только] чрез них сделался то, что называют человек-кулак. [Но нет, мне кажется, всё равно хоть] Но лучше ли было бы, если бы воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. Разница в том, что теперь съедаешь ты половину бараньего бока с кашей да ватрушку в тарелку, а тогда ел бы какие-нибудь котлетки с трюфелями. Теперь у тебя [мужики] под ведомством мужики;

г. Как в тексте

Но нет: я думаю, ты всё был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы

в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье.

КАБ1 — пустили

Да вот теперь у тебя под властью ~ уже; а тогда бы у тебя ~ точности: не только было обстоятельно прописано...

КАБ1(п) — а тогда, займи-ка ты какое-нибудь значительное место, да будь в твоих руках дела государственные или казенные — у, как бы ты с ними славно распорядился. Еще бы и крест за это получил. А уж дал бы ты себя знать всему тому, что не твое. Чиновников своих ты бы так пощелкивал, что только берегись; ты бы смекнул, что они не твои крепостные. Ты вот теперь ничему не учился, не станешь и говорить о том, чего не знаешь, разве только выбранишь, да даже и знать ничего не хочешь. Ты просто теперь ломоть цельный, как выпустила тебя мать-натура, из одного, как говорится, бревна, а пошлифуйся ты да попробуй какой-нибудь науки, ты бы дал знать всем тем, которые, в самом деле, узнали какую-нибудь науку, а потом, чего доброго, сказал бы: “дай-ка, я себя покажу!” да

такое бы выдумал мудрое постановление, что многим бы пришлось солоно... Ух, если бы все те Собакевичи, которых уж больше не называют Собакевичами и над которыми несмеются...” Здесь Чичиков сильно начал у себя почесывать за ухом.

“Готова записка — тут они все”, сказал в это время Собакевич оборотившись.

Чичиков молча принял записку и изъявил благодарность легким наклоном головы. Пробежав ее глазами, он удивился аккуратности и точности, с какою она была составлена

Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что ведь они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

Попробуй он слегка вершушек какой-ни-

будь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — вершков

Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку.

КАБ1 — потом знать

ПБЛ4 — знать

Да еще, пожалуй, скажет потом: “Дай-ка себя покажу!” Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно...”

ПБЛ4, МД1 (ценз. искаж.) — нет

Да, вот, десять рублей есть”.

КАБ1(п) — Десятирублевая, впрочем, есть

Чичиков стал было отговариваться, что нет; но Собакевич так сказал утвердительно, что у него есть деньги, что он вынул еще бумажку, сказавши...

КАБ1(п) — что больше нет у него с собой

денег

Чичиков стал было отговариваться, что нет; но Собакевич так сказал утвердительно, что у него есть деньги, что он вынул еще бумажку, сказавши:

КАБ1(п) — таким утвердительным тоном сказал, что у него есть деньги, что он, наконец,

“Пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписочку”.

КАБ1(п) — Ну, пожалуй

“Пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписочку”. КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — расписку

“Да на что ж вам расписка?”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — что

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и

накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскутке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — проданные

“Бумажка-то старенькая!” произнес он, рассматривая одну из них на свете: “немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть”.

КАБ1(п) — ну да уж ничего

“Бумажка-то старенькая!” произнес он, рассматривая одну из них на свете: “немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть”.

После “глядеть”: Очень рад, что случай мне предоставил такое приятное знакомство
КАБ1(п)

“Кулак, кулак!” подумал про себя Чичиков: “да еще и bestия в придачу!”

КАБ1(п) — нет

“Нет, благодарю”.

КАБ1(п) — Нет, покорнейше благодарю

“Нет, благодарю”.

“Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку”.

“Нет, в женском поле не нуждаюсь”.

КАБ1(п) — Нет, благодарю, в женском поле я не нуждаюсь

“Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами”, говорил Чичиков прощаясь.

КАБ1(п) — сказал Чичиков

Прощайте!

КАБ1(п) — Прощайте! прощайте!

Благодарю, что посетили; прошу и вперед не забывать: коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести.

КАБ1(п) — если

Благодарю, что посетили; прошу и вперед не забывать: коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — часок

“Да, как бы не так!” думал про себя Чичиков, садясь в бричку.

КАБ1(п) — севши

“По два с полтиною содрал за мертвую душу, чортов кулак!” ~ поедет.

КАБ1(п) — Поперхнулся бы ты осиновым клином! А ведь и в казенной палате не служил!

Он привстал несколько и оглянулся назад. Дом барский был еще виден и на крыльце стоял Собакевич, как казалось, приглядывавшийся, куда гость поедет

Он был недоволен поведением Собакевича.

КАБ1, ПБЛ4 — очень

Все-таки, как бы то ни было, человек зна-

комый, и у губернатора и у полицеймейстера
видались, а поступил как бы совершенно чужой,
за дрянь взял деньги!

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — и поступил

Все-таки, как бы то ни было, человек знакомый,
и у губернатора и у полицеймейстера
видались, а поступил как бы совершенно чужой,
за дрянь взял деньги!

КАБ1, ПБЛ4(п) — дрянь продал

“Подлец, до сих пор еще стоит!” проговорил он
сквозь зубы и велел Селифану, поворачившись к
крестьянским избам, отъехать таким образом,
чтобы нельзя было видеть экипажа со стороны
господского двора.

КАБ1(п) — он и велел

КАБ1 — а. сквозь зубы Чичиков и велел;

б. Как в тексте

Ему хотелось ~ на дороге претолстое бревно,
тащил его на плече, подобно неумимому муравью,
к себе в избу.

КАБ1(п) — Ему хотелось порасспросить о дороге к Плюшкину,
но не хотелось, чтобы об

этом догадался Собакевич. Он выглядывал, не попадетсЯ ли где мужик и, точно, скоро заметил мужика, который

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу. КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — была уже

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу. МД1;

МД2 — попавши

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как неутомимый муравей

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.

После “избу”: Он подозвал его к себе
КАБ1(п)

“Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так, чтоб не мимо господского дома?”

КАБ1(п) — Куда дорога к Плюшкину?

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — сим

“Что ж, не знаешь?”

КАБ1, ПБЛ4 — что ж ты? или Плюшкина не знаешь?

РЦ — вся фраза отсутствует

Эх ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?””

КАБ1(п) — Эх, ты борода. А еще седым воло-
сом подернуло. Скрягу-то Плюшкина не зна-
ешь, — того, что скуп?

Было им прибавлено и существительное к
слову заплатанной, очень удачное, но не упо-
требительное в светском разговоре, а потому
мы его пропустим

КАБ1(п) — несколько не употребительное

Выражается ~ потом, какой у тебя нос или
губы — одной чертой обрисован ты с ног до
головы!

КАБ1(п) — Должно признаться, что русской
народ мастер метко выражаться и если награ-
дит кого словцом, то очень бывает не рад по-
лучивший его. Да уж от словца нельзя отвя-
заться. Оно пойдет ему в род, прозвище и фа-
милию, и он утащит его с собою и в Петербург
и на край света. И как уж потом ни хитри и
ни облагораживай эту свою фамилию, как ни
вставляй в середину ерчики большие и ма-
лые, как ни прибавляй окончания на в и н —
ничто не поможет. Конечно, потом, если по-
счастливится выйти в люди, найдутся люди,

которые станут производить фамилию от древнего княжеского рода, печатать об этом брошюры и трактаты о старинном происхождении, как об деле решенном, — но всё это не поможет: роковая фамилия постоит сама за себя и скажет ясно из какого гнезда вылетела птица. Произнесенное метко всё равно, что писанное: не выскабливается скребком, не вырубляется топором; его не выкурить тоже никаким куревом. А уж куды бывает весовато и сильно словцо, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких племен, а всё сам самородок, живой и бойкой русской ум, что как вlepил тебе его, то и носи его на здоровье с собой, как паспорт, и уж нечего прибавлять

И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — поприще (ценз. искаж.)

И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. ПБЛ4, РЦ, МД1;

КАБ1 — кракнет (авт.)

ПБЛ4(п) — крикнет (ошибка переписчика)

И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — сама за себя фамилия

А уж куды бывает метко всё то, что вышло ~ потом, какой у тебя нос или губы — одной чертой обрисован ты с ног до головы!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — какой и у тебя

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — на святой

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли.

КАБ1(п) — народов рассыпано

Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца...

РЦ — отличается

Сердцеведением и мудрым познанием ~ слово немец; но нет слова, которое было бы...

РЦ — немца

Сердцеведением и мудрым познанием ~

бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

КАБ1(п) — сметливо бы вырвалось

Сердцеведением и мудрым познанием жизни ~ самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

После “сердца”: и вместе КАБ1, ПБЛ4, РЦ

Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело...

КАБ1(п) — Прежде, в лета моего детства

КАБ1, ПБЛ4(п) — Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно минувшего

Прежде, давно, в лета моей юности ~ месту: всё равно, ~ поражало.

КАБ1(п) — будь это просто бедный городишка или большое местечко, а уже в них являлась мне куча занимательного и нового. Всякое строение, всякая едва заметная особенность, словом, всё поражало и останавли-

вало меня.

Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: всё равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд.

КАБ1, ПБЛ4(п) — это

Каменный ли, казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских...

КАБ1(п) — торчавший один среди

Каменный ли, казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских, обывательских домиков...

КАБ1(п) — мещанских и обывательских

Каменный ли, казенный дом, известной ~ города, — ничто не ускользало от свежего, тонкого вниманья, и, высунувши нос...

КАБ1 — старая ли колымага, которой нематаннне колеса испускали визг и свист, всё раздражало мое свежее внимание

Каменный ли, казенный дом, известной ~ города, — ничто не ускользало от свежего...

КАБ1 — а. ничто не могло ускользнуть;
б. Как в тексте

Каменный ли, казенный дом...своей, я глядел ~ жизнь их.

КАБ1(п) — я следил глазами и невиданный дотолe покроей какогo-нибудь сюртука, и ящички с гвоздями, с желтевшeю вдали серою, изюмом и мылом, выставленные в дверях овощенных лавок и купеческих прикащиков, игравших в шашки

КАБ1 — я глядел и [Далее зачеркнуто: глазами] на невиданной ~ с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей мелкой овощенной лавки вместе с [двумя] банками высохших московских конфет и на шедшего в стороне

пехотного офицера-постояльца, занесенного бог знает из какой губернии на скуку и т. д. как в тексте;

ПБЛ4, РЦ — я глядел ~ из дверей мелкой овощной и т. д. как в тексте

Каменный ли, казенный дом, известной ~ на деревянные ящики с гвоздями...

РЦ — ящички

Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался: куда он идет..., на вечер ли к

КАБ1(п) — чиновник какой-нибудь

Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался: куда он идет..., на вечер ли к

КАБ1 — куды

Уездный чиновник пройди мимо — я уже ~ еще сгустились сумерки, сесть за ранний ужин...

КАБ1(п) — потемнели

Уездный чиновник пройди мимо — я уже ~ брату или прямо к себе домой...

КАБ1(п) — а может быть

Подъезжая ~ старался я угадать, кто таков сам помещик...

КАБ1(п) — Когда подъезжал я к какой-нибудь деревушке незнакомого помещика, я смотрел с любопытством на какую-нибудь немножко непохожую на обыкновенные ветряную мельницу, на узкую, высокую деревянную колокольню или широко разъехавшуюся почерневшую старую деревянную церковь. Мне заманчиво мелькали через деревья белые трубы и красная крыша помещичья дома: я ожидал нетерпеливо, пока сдвинется и отойдет на сторону, по мере приближения, скрывающая его густая зелень и он наконец предстанет весь с своею тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью и, осматривая его любопытно, я старался по нем

Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, краевая крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею,

тогда, увы!

КАБ1, ПБЛ4(п) — Мне издали мелькали заманчиво

Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, краевая крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы!

КАБ1 — а. пока он выглянет весь с;

б. пока уйдут

Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, краевая крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы!

КАБ1, ПБЛ4(п) — глянет весь своею

Заманчиво мелькали мне издали, сквозь ~ сам или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу.

КАБ1(п) — или нахмурен глядит да читает
один календарь

Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой
незнакомой деревне и равнодушно гляжу на
ее пошлую наружность...

КАБ1(п) — пошло гляжу

Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой
незнакомой деревне и равнодушно гляжу на
ее пошлую наружность; моему охлажденно-
му взору неприятно, мне не смешно... МД1,
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ (ошибка переписчика) — непри-
ятно

Скоро, однако же, дал заметить ему это
препорядочный толчок, произведенный бре-
венчатую мостовую, пред которою городская
каменная была ничто.

КАБ1(п) — происшедшей от местами попа-
давшейся бревенчатой мостовой;

КАБ1 — Как в тексте;

ПБЛ4, РЦ — произведенной от бревенчатой
мостовой

Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатую мостовую, пред которою городская каменная была ничто.

КАБ1(п) — была ничто каменная городская

Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и неберегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случилось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка.

КАБ1(п) — или же иногда случалось, своими же

Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и неберегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случилось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка.

КАБ1(п) — своего языка

Какую-то особенную ветхость заметил он

на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр.

КАБ1(п) — вообще на всех

Какую-то особенную ветхость заметил ~ старо; многие ~ справедливо, что в дождь избы...

КАБ1(п) — крыши на иных просвечивали как решето и воробьи пролетали целыми тучами их напролет: впрочем, дыры были так велики, что и вороны могли пробраться. Кажется, сами хозяева разобрали с них драницы и доски на разные потребности, рассуждая, и весьма справедливо

КАБ1 — [на многих] Многие крыши [Далее начато:

а. были вовсе с дырами;

б. сквозили;

в. дырявы] сквозили как решето; на иных [из них] оставался и т. д. как в тексте

Кажется, сами хозяева снесли с них дранье

и тѣс, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вѣдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке и на большой дороге: словом, где хочешь.

КАБ1 — хозяины

Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тѣс, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вѣдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке и на большой дороге: словом, где хочешь.

КАБ1(п) — к тому же, незачем в ней и бабиться;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — а бабиться в ней незачем

Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тѣс, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вѣдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке и на большой дороге: словом, где хочешь.

КАБ1 — словом, везде

Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно.

После “перилами”: и резными украшениями

Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно.

КАБ1 — для какой причины;

ПБЛ4(п) — как причина (ошибка переписчика)

Из-за изб тянулись ~ слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся.

КАБ1(п) — выходили во многих местах це-

лые длинные ряды скирд хлеба и сена, застоялые, как казалось, долго, ибо цветом походили более на старый, плохо выжженный кирпич, чем на сено, и на верхушках их росла всякая дрянь и даже прицепившийся кое-где с боку кустарник. Ясно, что сено было то, что называют экономическое: у мужиков оно бы, конечно, не залежалось так долго. Во всем селе было что-то похожее на выгоревшую деревню. Через избы, крыши и улицы мелькали то с левой, то с правой стороны

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — тянулись [В КАБ1 Далее начато: местами] во многих местах рядами огромные клады хлеба, застоявшиеся, как видно, долго, походившие цветом на старый плохо выжженный кирпич с поросшею на верхушке всякой дрянью и даже прицепившимся с боку кустарником и т. д. как в тексте

Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клады хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник.

КАБ1 — Из-за [Далее начато: кладей, крыш] хлебных кладей и ветхих избяных крыш;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Из-за хлебных кладей и ветхих крыш

РАЗДЕЛ 5

Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся.

КАБ1(п) — церкви, стоявшие

Из-за хлебных кладей ~ другой: опустевшая ~ дождей, вихрей и осенних перемен.

КАБ1(п) — деревянная, которая была очень стара, и каменная, казавшаяся очень старой, ибо желтые стены ее были все в пятнах, трещинах и местами обнажены до кирпичей. Через избы, крыши и улицы стал выказываться понемногу господский дом и на несколько минут показался весь в том месте, где цепь изб обрывалась и на место их оставался пустырем какой-нибудь огород, засаженный ка-

пустой, с тянувшимся вдали частоколом. Каким-то дряхлым инвалидом глядел господский дом: он был длинен, длинен непомерно; кое-где не достроенные над ним антресоли разнообразили однообразную длину его; высокая темная крыша не везде надежно укрывала и защищала его старость; вверху были видны два бельведера, один против другого, которые пошатнулись уже на сторону; обтесанные столбики, на которых опирались их старенькие крышки, давно уже потеряли когда-то покрывавшую их краску; дождь и время отвалили местами со стен дома штукатурку и произвели на них множество пятен, из которых одно походило даже видом на Европу; штукатурная решетка выглядывала довольно часто

Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся.

КАБ1 — желтыми;

ПБЛ4(п) — толстыми (ошибки переписчика)

Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и на место их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанного городьбою.

КАБ1, ПБЛ4(п) — прерывалась

Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и на место их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанного городьбою.

КАБ1, ПБЛ4(п) — огражденный

Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный збмок, длинный, длинный непомерно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он

Местами был он в один этаж, местами в два; на темной крыше, не везде надежно за-

щищавшей его старость, торчали два бельведера один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишенные когда-то покрывавшей их краски.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Где

Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен.

КАБ1 — нет;

ПБЛ4 — вихрей и [всяких] осенних перемен

Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками.

КАБ1 — двое

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. МД1;

МД2—засохлый

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропа-
давший в поле, заросший и заглохлый, каза-
лось, один освежал эту обширную деревню и
один был вполне живописен в своем картин-
ном опустении.

КАБ1(п) — оживлял

Зелеными облаками и неправильными,
трепетолистными куполами лежали на
небесном горизонте соединенные вершины
разросшихся на свободе деревьев.

КАБ1 — трепетнолистными

Белый колоссальный ствол ~ темнел на
снежной белизне его, как шапка или черная
птица.

РЦ — по снежной

Хмель, глушивший внизу кусты бузины,
рябины и лесного орешника и пробежавший
потом по верхушке всего частокола, взбегал
наконец вверх и обвивал до половины слом-

ленную березу.

КАБ1 — наверх

Местами ~ темноте.

КАБ1(п) — Там, где расходились зелено-облачные массы, двухсотлетние липы выказывали свои седые искривленные, в обхват трем человекам, дуплистые стволы, и не освещенная солнцем виднелась промеж них дорожка, заросшая зеленью, и на ней краснели изредка красноватые, почти кровавые пятна, свидетельствовавшие, что она когда-то была убита вся мелким кирпичом или усыпана песком. С обеих сторон ее вытыкались густой щетиною седые иссохшие, вероятно, от страшной глушины, сучья кустарников; ветвь клена протягивала откуда-нибудь сбоку, из-за пней свои тонкие распланные листья, подобно лапам, и солнце, проскользнувши бог весть откуда и забравшись под какой-нибудь лист, превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В других концах сада выглядывали из зелени деревья где деревянная крышка какой-нибудь старенькой беседки, где полуобрушенные пери-

ла почерневшего мостика;

КАБ1 — а. По освещенной зеленой стене садов, где темнели ушедшие в тень уступы, местами шли темные узоры, сообщавшие ей рыхлость, где обращались они в зияющую темную пасть, всю окинутую тенью и чуть-чуть [были видны в ней] бежавшая узкая дорожка ~ вытыкавший из-за него иссохшие от страшной глушины, листья и сучья ~ солнце превращало в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте;

б. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем [и между ними] и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть, вся окинутая тенью, и чуть-чуть заметны были в самой черной глубине [углубленья] бежавшая ~ вытыкавший из-за него иссохшие от страшной глушины листья и сучья ~ солнце превращало в прозрачный и огненный чудно сиявший в этой густой темноте

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные

свои вершины.

КАБ1 — нет

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины.

ПБЛ4, РЦ — других

В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины.

КАБ1, ПБЛ4(п) — на трепетные вершины свои огромные вороньи гнезда

У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями.

КАБ1(п) — отстегнутые, но не вполне;

КАБ1 — отдернутые и вполне;

ПБЛ4(п) — поддернутые и вполне.

У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссох-

ШИМИ ЛИСТЬЯМИ.

КАБ1 — листьями

Словом, всё было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству...
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — хорошо

Словом, всё было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе...

КАБ1 — искусство и природа

Словом, всё было как-то ~ план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

КАБ1 — всему даст свою;

ПБЛ4(п) — вам даст свою

Словом, всё было как-то ~ план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности. МД1;

МД2 — дает

Сделав один или ~ замок-исполин.

КАБ1(п) — еще один поворот в переулок, где видны были какие-то длинные хозяйственные строения, фабрики или запасные магазины, герой наш очутился в широкой улице, в конце которой предстал прямо в лицо ему уже описанный господский дом. Казалось, по мере приближения к нему, он становился еще печальнее. Деревянная высокая решетчатая ограда, окружавшая двор, потемнела совершенно. Время, как будто видя, что никто не старался выкрасить и поновить ее, покрыло ее во многих местах зеленою плесенью, которою любит покрывать старое дерево. Двор был наполнен множеством амбаров и кладовых, флигелями для кухни, для людских, для бани, для погребов. Под боком находился другой двор, куда вели особые ворота, и который, казалось, назначен служить рабочим двором. Всё показывало, что здесь когда-то текло хозяйство в обширном размере, но всё отзывалось теперь чем-то заглохлым. Трава и дикой бурьян росли по широкому двору, и вместо когда-то бывших прочищенных и обделанных дорог, приводивших в со-

общение все строения, видны были другие, узенькие протоптанные ногами пешеходов. В середине двора, верно, был когда-то или цветник, или круглый палисадник, потому что местами еще торчали низенькие столбики маленькой деревянной решеткой, обносившей его овальную окружность, да два-три изуверченные кустарника, еще не вовсе съеденные скотом; все строения глядели как-то необыкновенно пасмурно. Нигде не видно было отворявшихся дверей, что оживляет картину, ни выходивших людей, ни живых хлопот и забот дома. Ворота одни были только растворены и то потому, что въезжала телега с грузом, покрытым рогожею; в другое время они запирались наглухо, ибо висел огромный железный замок. Возле одного из хозяйственных строений

Зеленая плеснь уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах.

КАБ1 — дерево

Ничего не заметно было оживляющего картину, ни отворявшихся дверей, ни выходивших людей, ни живых хлопот и забот дома.

дивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома!

ПБЛ4, РЦ — отворяющихся

Ничего не заметно было оживляющего картину, ни отворявшихся дверей, ни выходящих откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и никаких

Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытую рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления этого вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ворота однако ж были растворены потому

Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытую рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления этого вымершего места: в другое время и они бы-

ли заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — полною

Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин.

КАБ1 — нет

Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин.

ПБЛ4(п) — в другое казалось

У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге.

КАБ1 — нет

Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Он долго

Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик.

ПБЛ4(п) — рода

Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот; на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы; только один голос показался ему несколько сирым для женщины.

КАБ1, ПБЛ4(п) — самое

Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот; на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы; только один голос показался ему несколько сирым для женщины.

КАБ1, ПБЛ4(п) — какой иногда

Казалось, гость был для нее в диковинку,

потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана и лошадей, начиная с хвоста и до морды.

КАБ1(п) — ибо

Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана и лошадей, начиная с хвоста и до морды.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — рассмотрела

“Послушай, матушка”, сказал он, выходя из брочки: “что барин?..”

ПБЛ4 (пропуск переписчика), РЦ — нет

Из сеней ~ тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие как в чухотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

КАБ1(п) — Свет проходил узенькой тонкой струйкою сквозь ставни, закрывавшие окна, и едва давал заметить наваленные кучи какого-то хлама. Из сеней прошел он в узенькую переднюю, в которой ставни были тоже за-

крыты, и она освещалась несколько светом, выходящим из-под дверей другой комнаты, внизу которых оставалось большое отверстие. Вышед из нее, отворив эту дверь, он очутился, наконец, в светлой комнате, которая, однако же, его несколько поразила. Ему на несколько минут показалось, что он пришел на аукцион или в магазин каких-нибудь старинных вещей и мебели, всегда странно поражающих взоры своею темною наружностью и темным беспорядком среди светлых, сияющих чистотою и убранством магазинов. Всё было в ней скорее нагромождено, чем расставлено. Казалось, будто в доме происходило или мытье полов или уборка комнат и сюда снесли на время как ни попало все мебели. У стены стоял стол, пред ним другой; на том и на другом часы с остановившимися маятниками, к которым пауки приладили уже свои паутины. Против дверей было бюро темного дерева, выложенное перламутровой мозаикой, которая местами выпала, и в замену ее желтели узенькие желобки, наполненные клеем. На бюро лежало несколько узеньких записочек и всяких бумажных лоскутков, на-

крытых пожелтелым каменным прессом с таким же яичком, колокольчик с отломленной ручкой и счеты. К самому бюро придвинут был шкаф, в котором за стеклами были видны потемневшие серебряные стаканы, старинные бокалы и подносы, хрустальные графинчики, связки каких-то бумаг, облитых кофеем, китайские фарфоровые чашки, отломленная ручка кресел, молитвенник и лимон, высохший до такой степени, что казался похожим более на лесной орех, чем на лимон. На окне, которого половина была заставлена этим шкафом, валялось несколько книг в старом кожаном переплете с красным обрезом и календарь в бумажной обертке, похожей на те обои, которыми обклеивается на станциях перегородка, назначенная для скрытия жены станционного смотрителя от взоров проезжающих. Тут же на окне стояла рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом. Тут же лежали: небольшой кусочек сургучика

Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходяв-

шим из-под широкой щели, находившейся
внизу двери.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — попал он

На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало ~ до нашествия на Москву французов.

КАБ1 (авт.) — желтевшие

На бюро, выложенном перламутною мозаикой, которая ~ лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек ~ Москву французов.

КАБ1 — высохнувший

На бюро, выложенном ~ чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и зубочистка

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр ~ бронзовыми же кружками по углам.

КАБ1(п) — На стульях и креслах были холстяные чехлы, совершенно потемневшие. Несколько картин были развешаны на стене без толка и довольно тесно

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший ~ бронзовыми же кружками по углам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — очень бестолково

По стенам навешано было ~ конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам.

КАБ1(п) — висел без стекла в рамках

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный, пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдата-

ми в трехугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам.

КАБ1 — в рамы

В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку.

КАБ1(п) — и рядом с ним;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — В ряд с ним занимала полстены

В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк.

КАБ1(п) — Среди комнаты

С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — холстинном

В углу комнаты была навалена на полу куча того, что поглубе и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога.

КАБ1(п) — заметил Чичиков нагроможденную кучу, но чего, трудно было решить

Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный

кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога.

КАБ1(п) — замечен был угол какой-то рамы, что-то похожее на большую вазу, старая подошва сапога и даже

КАБ1 — [Перед этим начато: а. Резче б. Виднее прочего высывало [угол] черепок вазы] Заметнее прочего [впрочем] высывался оттуда

Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога.

КАБ1 — нет

Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе.

КАБ1(п) — нельзя узнать, что в этой комнате обитало живое существо, если бы не ста-

рый поношенный и полинялый колпак

Пока он рассматривал всё странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе.

КАБ1(п) — убранство этой комнаты;
КАБ1, ПБЛ4(п) — убранство комнаты;
ПБЛ4, РЦ — ее убранство

Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ~ лошадей.

КАБ1(п) — нежели ключница, ибо ключница бороды не бреет, а этот, напротив того, брил и притон довольно редко, ибо весь подбородок и вся нижняя часть щеки были очень похожи на густую скребницу из железной проволоки, которою чистят лошадей

Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпением, что хочет сказать ему ключник.

КАБ1(п) — сказать ему этот ключник

А вить хозяин-то я!”

КАБ1 — ведь

Ему случалось видеть не мало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидеть; но такого он еще не видывал.

КАБ1 — эдакого

Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякой ~ нюхают подозрительно самый воздух.

КАБ1(п) — В лице его, конечно, ничего не было особенного: оно было такое же, как у всех почти сухеньких стариков

Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так ~ нюхают подозрительно самый воздух.

КАБ1(п) — уж несколько далеко;

КАБ1 — [только] очень далеко

Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякой раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие ~ подзрительно самый воздух.

КАБ1(п) — дабы

Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякой раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко ~ самый воздух.

КАБ1(п) — а прочее всё было решительно так же: рот с тонкими цепко сжатыми губами несколько провалился в середину, ибо изнутри нечем было подпереть его; оба ряда зубов, верхний и нижний, давно убрались, оставив на место себя, в виде гарнизона, по одному зубу и то плохому. Какой-то беспокой-

ный огонь бродил в его еще не вовсе потухнувших маленьких глазах: они бежали

Гораздо замечательнее ~ болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага.

КАБ1(п) — Замечательнее всего был костюм его: конечно можно было догадываться, что на нем был халат, но из чего состряпан был халат, этого уже нельзя было догадаться: еще на спине и боках видны было приметы бумажной материи, но обшлага, отвороты на груди и полы вверху до того были замаслены и залоснились, что походили на юфть, из которой шьют матросам сапоги, да и весь халат имел такое странное устройство, что сзади едва ли не висели

Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы ~ хлопчатая бумага.

КАБ1, ПБЛ4(п) — халат его

Словом, если бы Чичиков встретил его, так

принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош.

КАБ1(п) — одним словом

Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош.

КАБ1(п) — приодетого

Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош.

КАБ1 — он;

ПБЛ4 — то он

Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша.

КАБ1, ПБЛ4(п) — отказаться

Ибо к чести героя нашего нужно сказать,

что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша.

КАБ1, ПБЛ4(п) — медный грош

У этого помещики была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто ~ овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной.

КАБ1(п) — почти тысяча

У этого помещики была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько ~ всякой овощью, или губиной.

КАБ1(п) — кто-нибудь

У этого помещики была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба, зерном, ~ Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладыны, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков

заметил в углу комнаты.

КАБ1(п) — сена, столько сукон, шерсти, холста и всех домашних произведений, которыми были завалены его кладовые. Заглянул бы кто-нибудь на рабочий двор, где под крышами, сараями лежали целые сотни поделанных на запас колес, бочек, ведер, которые никогда еще не употреблялись, ему бы показалось, что он пришел в ту широкую часть Москвы, где в воскресный день, начиная от Плюшихи до Смоленского рынка, всё занято торгом деревянной посуды, навезенной мужиками окрестных деревень, где крашеное и не крашеное дерево темнеет и желтеет вплоть до самого Дорогомиловского моста, и еще долго выказывается потом урывками по всей дороге до заставы, желтея издалека между мужичьими зимними шапками, сухопарыми, бородатыми клячонками, пока, наконец, не кончится город и не покажется одна необъятная снежная равнина, вся сверкающая тонкими искрами, вся перерезанная скрипучей цепью обозов, то нагоняющей, то отстающей, и мужики подбегают вслед за телегами, похлопывая в рукавицы, замахиваясь

кулаком на лошадок. Как тонкий дымок, струится пар дыхания их в морозном воздухе, а в голове грезится расчет, почем и как продать, и где в каком месте стать со своим деревом, приехавши на многолюдный московский рынок. Всех этих произведений стало бы слишком на пять таких имений, какое было у Плюшкина, но человека трудно чем-нибудь насытить. Не довольствуясь этим

У этого помещики была тысяча ~ амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной.

КАБ1(п) — сушильни

Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас...

КАБ1 — нет

Заглянул бы кто-нибудь к нему ~ двор, куда ежедневно отправляются... КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — куда ежедневно

Заглянул бы кто-нибудь ~ мочки и прочий дрязг, коробья из тонкой гнутой осины, бураки из плетеной берестки и много всего, что идет на потребу богатой и бедной Руси.

КАБ1, ПБЛ4(п) — всякой

На что бы, казалось, нужна ~ их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало.

ПБЛ4 (ошибка переписчика), РЦ — употреблять

Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладины, и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Не довольствуясь

“Вон, уже рыболов пошел на охоту!” говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — завидели

И в самом деле, после него незачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправилась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабывала ведро, он утаскивал и ведро.

КАБ1(п) — Какой-то проезжий офицер потерял шпору, шпора эта тот же час отправлялась;

КАБ1 — случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправлялась

Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда всё кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то или досталась от деда.

КАБ1(п) — тут же уличал его

Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похи-

ценную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда всё кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то или досталась от деда.

КАБ1(п) — но как только

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — пообедать

Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. ПБЛ3;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД — валильни

В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и был большой стре-

лок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел.

КАБ1(п) — уток или тетерек

На антресолях жила также его компаньонка, наставница двух девиц. МД1;

МД2 — компаньонка

На старшую дочь Александру Степановну ~ полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки.

КАБ1(п) — перевенчалась

На старшую дочь ~ где-то наскоро, в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки.

После “наскоро”: в какой-то КАБ1(п)

На старшую дочь ~ церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеж-

дению, будто бы все военные картежники и мотишки.

КАБ1(п) — ибо Александра Степановна знала

Отец послал ей на дорогу проклятие, а преследовать не заботился.

КАБ1(п) — и уже не заботился о ней больше

В доме стало еще пустее.

КАБ1, ПБЛ4 — пуще

Во владельце стала заметнее ~ определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш.

КАБ1, ПБЛ4(п) — прося у него

Наконец последняя дочь, остававшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился один сторожем, хранителем и владельцем своих богатств.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — остался

С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались только два, из которых...

КАБ1, ПБЛ4 — осталось

С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались только два, из которых...

КАБ1 — двое

С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались только два, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою; с каждым годом уходили из вида, более и более...

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — уходили из вида его

С каждым годом притворялись ~ неуступчивее становился он к покупателям, которые...

КАБ1 — становился

С каждым годом притворялись окна ~ гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз, хоть разводи на них капусту, мука в под-

валах превратилась в камень...

КАБ1(п) — и на скирдах и копнах смело можно было разводить капусту, потому что это был чистый навоз

С каждым годом притворялись окна ~ хоть разводи на них капусту, мука в подвалах...

КАБ1 — разводи

С каждым годом притворялись ~ подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль.

КАБ1, ПБЛ4(п) — обратилась

С каждым годом притворялись окна ~ камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль.

КАБ1(п) — ее нужно было

С каждым годом притворялись окна ~ к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались

В ПЫЛЬ.

КАБ1(п) — полотнам

С каждым годом притворялись окна ~ они
обращались в ПЫЛЬ.

КАБ1 — обратились

Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкалу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом ее не выпил, да где лежало перышко или сургучик. КАБ1(п);

КАБ1(п) — дабы никто воровским образом его;

КАБ1 — чтобы никто воровским образом его

А между тем в хозяйстве доход собирался по-прежнему: столько же оброку...

КАБ1, ПБЛ4(п) — собирался всё

А между тем в хозяйстве ~ мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая

баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха, — всё это сваливалось в кладовые, и всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве.

КАБ1(п) — такое же количество ниток должна была напрясть баба, столько же полотна выткать ткачиха; — всё это сваливалось в кладовые и гнило. Всё, что ни было у него, становилось;

КАБ1 — Таким же ~ всякая баба, такое же количество поставов ~ в кладовые и гнило. Всё, что ни было у него, становилось;

ПБЛ4(п) — Таким же ~ в кладовые и часто всё, что ни было у них, становилось

Плюшкин приласкал обоих внучков и, посадивши их к себе одного на правое колено, а другого на левое, покачал их совершенно таким образом, как будто они ехали на лошадях, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал; с тем и уехала Александра Степановна. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — внуков

Должно сказать, что подобное явление редко попадает на Руси, где всё любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем разительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь.

КАБ1(п) — Должно однако же сказать, что подобное явление попадает редко

Должно сказать, что ~ съежиться, и тем разительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь.

КАБ1(п) — и оно бывает тем и чувствительней

КАБ1 — тем диче бывает оно;

ПБЛ4 — тем разительнее бывает оно;

РЦ, МД1 — тем поразительнее бывает оно

Должно сказать, что подобное ~ и тем разительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий,

как говорится, насквозь жизнь. ПБЛ4 (авт.);
РЦ, МД1 — поразительнее

Должно сказать, что ~ в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь.

КАБ1(п) — найдется помещик, черпающий наслаждение широкою чашей, сколько захватила богатырская рука, и веселящийся во всю ширину русской удали и барства

Небывалый проезжий остановится ~ принц очутился внезапно среди маленьких, темных владельцев: дворцами глядят его белые каменные дома с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные стадом флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей.

КАБ1 — очутился

Небывалый проезжий остановится ~ флюгеров, окруженные стадом флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей.

КАБ1, ПБЛ4(п) — окруженные целым

Небывалый проезжий остановится ~ флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей.

КАБ1(п) — и домиков для приезжающих гостей;

КАБ1 — и всякими помещеньями для приезжающих гостей

Чего нет ~ грозящее в сем насильственном освещении...

КАБ1(п) — великолепные аллеи тополей приводят их в сообщение; легкий непрерывный стук по укатанным дорогам приезжающих экипажей возвещает вечный, незаходимый праздник, с домашними театрами, балами; сияет всю ночь освещенный площадками сад, и гром музыки оглашает до зари безвременно пробужденную рощу; толпа гуляющих мелькает и веселится с радостью ребенка, видя, как прогнана так волшебно темная ночь, и только тому, кто младенческой душой любит девственную чистоту природы и дрожит за ее нежные тайны — тому одному только является что-то дикое

Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашенный громом музыки сад.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и оглашенный

Полгубернии разодето ~ когда театрально выскакивает из древесной гущи озаренная поддельным светом ветвь, лишенная своей яркой зелени...

КАБ1(п) — выскакивает перед ним из гущи освещенная ветвь

Полгубернии разодето ~ небо, и далеко ~ дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни.

КАБ1(п) — и угрюнее облакаются в непробудный плащ мрака вершины деревьев, негодующих с вышины;

КАБ1 — Негодуют, трепеща в вышине листьями и уходя глубже в непробудный мрак, суровые вершины деревьев.

Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких

свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком.

КАБ1 — наслышась-де

Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком.

КАБ1(п) — он почел

Искося бросив еще один взгляд ~ потому, преобразивши таким образом речь, он сказал, что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение.

КАБ1(п) — оборотивши

Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на ум.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — причину

Но так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: “Прошу покорнейше садиться!” МД1; МД2 — что скряга

Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — низкая прескверная

Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь”.

Над словами “начнешь ~ наделаешь” записано в КАБ1 (кар.): попробуй затопить не в пору, того и гляди пож<ар>

“Хорошо же, что я у Собакевича перехва-

тил ватрушку да ломоть бараньего бока”.

После “Собакевича”: подкрепил себя бараньим боком да

“Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... того и гляди, пойдешь на старости лет по миру!”

КАБ1(п) — того и гляди, что

“Мне, однако же, сказывали”, скромно заметил Чичиков: “что у вас более тысячи душ”.

КАБ1(п) — тысяча

“Мне, однако же, сказывали”, скромно заметил Чичиков: “что у вас более тысячи душ”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — тысяча душ

Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — большой

“Скажите! и много выморила?” воскликнул Чичиков с участием.

КАБ1(п) — И не на шутку выморила? вос-

кликнул Чичиков, даже при этом почувствовав небольшое сердечное движение;

КАБ1 — а. И много ~ даже [небольшое] легкое биение сердца;

б. Как в тексте

“Да, снесли многих”.

КАБ1 — Да-с

Он, казалось, обиделся таким, почти радостным, восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнает.

КАБ1(п) — казалось, обидевшийся таким довольно живым восклицанием, Чичиков заметил, что с его стороны, в самом деле, неприлично такое безучастие к чужому горю, и потому скоро поправил всё дело, постарался вздохнуть поглубже и присовокупил, что он совершенно душевно соболезнает

Верно, опустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнает!”

КАБ1(п) — Служа в офицерах, спустил, верно, в картишки, да театральная актерка;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — верно, опустил денежки, служа в офицерах, или театральная актерка

Чичиков постарался ~ его, и, не откладывая дела далее, без всяких обвиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями.

КАБ1(п) — не откладывая далее, готов принять;

КАБ1 — не откладывая далее, тут изъявил готовность принять;

ПБЛ4(п) (ошибка переписчика) — не откладывая более, тут и т. д. как в тексте

Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина.

КАБ1(п) — Такое предложение

Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил: “Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?” КАБ1(п);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — вытаращив

“Нет”, отвечал Чичиков довольно лукаво:
“служил по статской”.

КАБ1(п) — Но Чичиков отвечал, что

Ведь это вам-то самим в убыток?” ПБЛ4;

КАБ1 — вам то же самим;

РЦ, МД1 — вам самим-то

“Для удовольствия вашего готов и на убыток”.

КАБ1(п) — Но Чичиков отвечал, что для удовольствия его готов и на убыток

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!”
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ — благодетель мой

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!”
вскрикнул ~ что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофея, и полы халата раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья.

КАБ1(п) — из носа у него весьма некартин-

НО ВЫГЛЯНУЛ

КАБ1 — из носа у него очень некартинно
выглянул

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!”
вскрикнул ~ табак, на образец густого кофея,
и полы халата раскрывшись, показали платье,
не весьма приличное для рассматриванья.

КАБ1(п) — в виде

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!”
вскрикнул ~ раскрывшись, показали платье,
не весьма приличное для рассматриванья.

КАБ1 — показали тоже не весьма приличное
для рассматриванья платье

Ах, господи ты мой! ах, святители вы
мой!..”

КАБ1, ПБЛ4(п) — “Ах, господи. Ах... ах!..”

Но не прошло и минуты, как эта радость,
так мгновенно показавшаяся на деревянном
лице его, так же мгновенно и пропала, будто
ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло

заботливое выражение. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — прошла

Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

КАБ1(п) — стал он долго возить им;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — стал им долго возить себя

Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

МД1;

МД2 — водить

“Как же, ~ всё издержки.

КАБ1(п) — “Да ведь на всё это издержки”, сказал он: и купчую нужно...

КАБ1 — Как же ~ вы за один год беретесь платить за них что ли? и деньги то мне и т. д. как в тексте

Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь”. КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — Я не знаю, как никто другой не обратит на это внимание. Ну сказал бы ему как-нибудь душеспасительное слово! Ведь словом хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а против душеспасительного слова не устоишь (ценз. иск.)

Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь”.

КАБ1(п) — как это священники

Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание, сказал бы какое-нибудь поучение, ведь что ни говори, а против слова-то божия не устоишь”.

КАБ1(п) — да ведь что

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками.

КАБ1, ПБЛ4(п) — гость его должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служит

При всем том он, однако ж, не мог скрыть своей радости и пожелал всяких утешений не только ему, но даже и деткам его, не спросив, были ли они у него или нет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — спросивши

При всем том он, однако ж, не мог скрыть своей радости и пожелал всяких утешений не только ему, но даже и деткам его, не спросив, были ли они у него или нет.

После “у него”: в самом деле КАБ1, ПБЛ4(п)

Подошед к окну, постучал он пальцами в стекло и закричал: “Эй, Прошка!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Он подошел к окну и постучал пальцами в стекло, закричавши тут же

Чрез минуту было слышно, кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел

Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — слышно, что кто-то

Через минуту было слышно, кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги.

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — тридцати

Через минуту было слышно, кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги.

КАБ1, ПБЛ4(п) — ноги своей

Если бы кто взглянул на это из окошка в осеннее время и особенно когда по утрам начинаются маленькие изморози, то бы увидел, что вся дворня делала такие высокие скачки,

какие вряд ли удастся выделатъ на театрах са-
мому бойкому танцовщику. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — взглянул

Если бы кто взглянул на это из окошка в
осеннее время и особенно когда по утрам на-
чинаются маленькие изморози, то бы увидел,
что вся дворня делала такие высокие скачки,
какие вряд ли удастся выделатъ на театрах са-
мому бойкому танцовщику.

КАБ1, ПБЛ4(п) — то он бы увидел

Если бы кто взглянул на это из окошка в
осеннее время и особенно когда по утрам на-
чинаются маленькие изморози, то бы увидел,
что вся дворня делала такие высокие скачки,
какие вряд ли удастся выделатъ на театрах са-
мому бойкому танцовщику. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — такие скачки

Если бы кто взглянул на это из окошка в
осеннее время и особенно когда по утрам на-
чинаются маленькие изморози, то бы увидел,
что вся дворня делала такие высокие скачки,
какие вряд ли удастся выделатъ на театрах са-

мому бойкому танцовщику.

КАБ1(п) — высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделять самому бойкому балетному танцовщику

КАБ1 — высокие скачки, какие вряд ли когда-нибудь удавалось выделять и т. д. как в тексте

Тут он произвел небольшое молчание, на которое Прошка отвечал тоже молчанием.

КАБ1(п) — Здесь он сделал паузу, на которую

Тут он произвел небольшое молчание, на которое Прошка отвечал тоже молчанием.

После “молчанием”: После этого Плюшкин прибавил КАБ1(п)

Вот у тебя теперь славный аппетит, так чтобы еще был лучше!

КАБ1(п) — сделался еще

Им ни в чем нельзя доверять”, продолжал он, обратившись к Чичикову, после того как Прошка убрался вместе с своими сапогами.

КАБ1(п) — Плюшкин

Им ни в чем нельзя доверять”, продолжал он, обратившись к Чичикову, после того как Прошка убрался вместе с своими сапогами.

КАБ1(п) — убрался из комнаты

Вслед за тем он начал и на Чичикова по-сматривать подозрительно.

КАБ1(п) — Засим

И потому из предосторожности, и вместе желая несколько поиспытать его, сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и бог весть. КАБ1(п);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — А потому

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списочка всем крестьянам.

КАБ1(п) — Но Чичиков

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только

списочка всем крестьянам. КАБ1;

ПБЛ4(п) — совершить и;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — совершить.

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списочка всем крестьянам. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — списка

Это успокоило Плюшкина.

КАБ1(п) — Это совершенно успокоило

Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: “Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили!

КАБ1, ПБЛ4(п) — хотел

Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: “Ведь вот не сыщешь, а у меня был слав-

ный ликерчик, если только не выпили!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — рылся

Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: “Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! МД1;

МД2 — сливный

Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес: “Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили!

КАБ1, ПБЛ4(п) — выпил кто

А вот разве не это ли он?”

КАБ1(п) — А разве не вот ли он где?

“Еще покойница делала”, продолжал Плюшкин: “мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, кана-

ля! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку”.

КАБ1(п) — напададо было

Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — чистенькая

“Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он и не ест, а сыт; а как эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Ведь вот капитан: приедет: “Дядюшка, говорит, дайте чего-нибудь поесть!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — он не ест

Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — вытащил он эту

Крестьянские имена усыпали ее тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех

было сто двадцать с лишком.

КАБ1(п) — и подал Чичикову. Чичиков увидел целую густую кучу крестьянских имен, всяких решительно: были там

Крестьянские имена усыпали ее тесно, как мошки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — густо унизывали ее

Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех было сто двадцать с лишком.

КАБ1(п) — всех их было

Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности.

КАБ1(п) — Он даже

“В город? Да как же?.. а дом-то как оставить? МД1;

МД2 — оставишь

Все мои знакомые перемерли или разнакомились.

КАБ1 — Все или перемерли

“Да кого же знакомого? Все мои ~ имею!”
вскрикнул он. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — вскричал

“И конечно, к нему”.

КАБ1(п) — Чичиков отвечал, что это будет
лучше всего

И на этом деревянном ~ утопающего, произведшему ~ пошлее.

КАБ1(п) — вынырнувшего в последний раз. Напрасно столпившиеся у берега сестры и братья с глазами, полными испуга, и дрожащими открытыми устами, отчаянно бросают ему веревку и ждут, не мелькнет ли опять спина, или утомившиеся борением руки, что вдруг и разом нанесло бы радость, острым ударом хлынувшую к сердцу, и дрогнул бы ярким криком воскреснувший берег — напрасно! появление было последнее: безответная жестокая, равнодушная стихия, и после того еще становится пустынее, еще страшнее ее недвижная поверхность. Так и лицо Плюш-

кина, вслед за появлением этого мгновенно озарившего его чувства, стало еще бесчувственной и еще неподвижной;

КАБ1 — а. Вскрикнула радостным криком вся выбежавшая на берег толпа испуганных братьев и сестер, кидающих трепеща [сердцем] ему спасительную веревку. Но не поднимаются более на поверхность воды ни спина, ни утомившиеся борением руки. Глухо всё, и еще страшнее и вдвое пустынное становится поверхность безответной стихии. Вмиг исчезло скользнувшее выраж^{ен}ие на Плюшкина лице и оно стало еще бесчувственной, еще пошлей;

б. произведшему ~ и ждут. Появление было последнее. Глухо всё, и еще страшнее и пустынное становится после того поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина после скользнувшего на нем выражения стало еще бесчувственной, еще пошлее.

Тут стал он заглядывать и под стол и на стол, шарил везде и наконец закричал: “Мавра! а Мавра!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — засматривать

Тут стал он заглядывать и под стол и на стол, шарил везде и наконец закричал: “Мавра! а Мавра!”

ПБЛ4, РЦ — и на столе шарил везде

Уж скорее в другой какой бабьей слабости, а воровством меня еще никто не попрекал”.
КАБ1;

ПБЛ4 — В другой какой бабьей слабостью;
РЦ, МД1 — другой какой бабьей слабостью

Да вон она лежит на столе.

РЦ — он

Плюшкин увидел, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевал губами и произнес: “Ну, что ж ты расходилась так?”

КАБ1 — чего ж

Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: сторит — да и нет, только убыток; а ты принеси-ка мне лучинку!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — и ничего нет

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла и взявши в руку перо... МД1;

МД2 — в руки

Мавра ушла, а Плюшкин, севши ~ нельзя; всунул перо в чернильницу...

КАБ1, ПБЛ4(п) — обмакнул

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла ~ множеством мух на дне и стал писать...

КАБ1(п) — на дне мух

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла ~ еще останется много чистого пробела.

КАБ1, ПБЛ4(п) — остается

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!

КАБ1, ПБЛ4(п) — мелочного

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек!

КАБ1(п) — И мог он

И похоже ~ старости.

КАБ1(п) — И это всё похоже на правду? И это возможно? — Всё возможно, всё может стать с человеком. Ужасно, страшно может измениться он, и не один ныне пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы кто-нибудь показал ему его же портрет его старости. Спешите же, спасайте же душу в жестокие годы мужества, отвердевающего всё чистое и нечистое, ожесточающего все чувства; спешите, унесите человеческие движения — идет, идет она, нерасцепимыми когтями уже вас объемлет она, как гроб, как могила, ничего не отдает назад и обратно, и еще немилосердней, сокрушительней могилы: на могиле хоть напишется: “здесь погребен человек”, но ничего не прочтешь в хладных, бесчувственных морщинах бесчеловечной старости

КАБ1 — И похоже это на правду? ~ забирайте же с собою, выходя из юношеских лет, все человеческие движения, не оставляйте их на дороге — не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость. Могила и т. д. как е тексте

“А у вас ~ простыл, но ведь он человек во-

енный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...”

КАБ1(п) — Как? Так у вас есть и беглые? — и прибавил мысленно про себя: “А это тоже недурно”

“Как же, есть. Зять мой делал было выправки; говорит, будто бы нет и слуху о них, а другие умерли

Зять делал выправки: говорит, будто и след простыл, но ведь он человек военный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...”

КАБ1(п) — мастер только

“А сколько их будет числом?”

После “числом”: прервал Чичиков КАБ1(п)

Ведь у меня что год, то бегут. КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — бегают

Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего...

КАБ1(п) — негодный

“Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим”, сказал про себя Чичиков и потом объяснил, что такого приятеля...

КАБ1(п) — Ну этим мы и сами воспользуемся, — подумал про себя Чичиков и затем истолковал Плюшкину

“Нет, этого мы приятелю ~ будут стоять более; ибо от судов нужно отрезать полы...

КАБ1(п) — стоять почти то же, что самые крестьяне, что уже самые хлопоты устрашат всякого, ибо от судов всякий, как известно, готов;

КАБ1 — больше; ибо от судов нужно

“Нет, этого мы приятелю ~ так стиснут, то, будучи подвигнут участием, он готов дать... но что это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить”.

КАБ1(п) — стиснут обстоятельствами, то, с своей стороны, будучи истинно подвигнут участием, он бы предложил безделицу, но это впрочем

“Нет, этого мы приятелю ~ подвигнут уча-
стием, он готов дать... но что это такая безде-
лица, о которой даже не стоит и говорить”.

КАБ1 — нет

“А сколько бы вы дали?” спросил Плюш-
кин и сам ожидовел; руки его задрожали, как
ртуть.

КАБ1, ПБЛ4(п) — спросил, однако ж

“А сколько бы вы дали?” спросил Плюш-
кин и сам ожидовел; руки его задрожали, как
ртуть.

КАБ1 — нет

“Я бы дал по двадцати пяти копеек за ду-
шу”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — на душу

“А как вы покупаете, на чистые?”

После “чистые”: спросил Плюшкин КАБ1,
ПБЛ4(п)

“Только, батюшка, ради нищеты-то моей,

уже дали бы по сорока копеек”.

КАБ1(п) — хоть по полтине

“Почтеннейший! ~ извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась таким образом в тридцать копеек”.

КАБ1(п) — На это Чичиков отозвался, что он не только по полтине, но даже заплатил бы настоящую цену, то есть по 500 рублей, и с удовольствием бы, с наслаждением бы заплатил, — до такой степени подвинут он к нему участием, но жаль: состояния не хватает; а по 5 копеек он для него

КАБ1 — Да за кого ж вы меня почитаете, — сказал Чичиков. — Да [не только] ~ старик терпит [можно сказать] по причине ~ свесив голову и слегка покачав ее.

— Да так почему ж не дать мне по 500 рублей на душу и т. д. как в тексте;

ПБЛ4, РЦ — Послушайте, почтеннейший! сказал Чичиков ~ по 500 рублей на душу и т. д. как в тексте

“Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копе-

ечки пристегните”.

“По две копеечки пристегну, извольте.

КАБ1(п) — уж хоть по две копеечки прибавьте еще

— По две копеечки извольте, готов, — сказал Чичиков

“Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копеечки пристегните”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — копейки

“Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет...” здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: “это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — 30 копеек на душу

Он был ~ расхлестать ее.

КАБ1(п) — сказал Чичиков вдруг и не заикнувшись. Нужно отдать ему полную спрavedливoсть: он был мастер сводить счeты и всегда имел побуждение к арифметике. Плюш-

кин поверял и два, и три раза на счетах, а всё выходило так. [В ПБЛЗ на полях л. 52 арифметические подсчеты (умножение) — вычисление цены мертвых душ Плюшкина.] Заставивши его написать расписку, герой наш тут же отсчитал ему деньги, которые хозяин принял в обе руки так же бережливо, как набожная старуха принимает просфору

Тут же заставил он Плюшкина ~ жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее.

КАБ1, ПБЛ4(п) — боясь ежеминутно пролить

Подошедши к бюро, он переглядел ~ капитана, приписавшегося ему в родню.

КАБ1, ПБЛ4 — приписывающегося;

ПБЛ4 — причитывающегося

Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная.

КАБ1 — чаю

Засим это странное явление, этот съезжив-

шийся старичишка проводил его со двора, после чего велел...

КАБ1 — нет

Засим это странное явление, этот ~ хорошо ли едят люди, наелся...

КАБ1, ПБЛ4(п) — едят его

Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспремерное великодушие. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — как бы ему

Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая нажива, но такой прибыточной никак не ожидал. ПБЛ4 (кар);

РЦ, МД1 — пожива

Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая нажива, но такой прибыточной никак не ожидал.

КАБ1 — прибыточной он;

ПБЛ4 — прибытной он

Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши...

ПБЛ3, ПБЛ4(п) — насвистывал и

Всю дорогу он был весел необыкновенно...потом, покачав слегка головой, сказал: “Вишь ты, как барин поет!”

КАБ1 — покрутив;

ПБЛ4, РЦ — покружив

Тень со светом перемешалась совершенно, и, казалось, самые предметы перемешались тоже. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — перемешивались

Фонари еще не зажигались, кое-где только начинались освещаться окна ~ по перекресткам.

КАБ1 — начинали

Изредка доходили до слуха его какие-то, казалось, женские восклицания: “Врешь, пья-

ница! я никогда не позволяла ему такого грубиянства!” или: “Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу!..”

КАБ1 — позволила

Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, ~ в гости — и вдруг раздаются ~ перед ним жизнь.

КАБ1(п) — когда мчится он возвратными улицами в санках к себе домой; он полон одного только звучного впечатления, произведенного блистательным сценическим представлением или мерещится в голове его дева за чайным столиком, с невинно-простодушными речами, открытыми плечами, тонкими пальцами и смеющимися устами, — он в небесах, закутанный в свою шубу

К этому месту относится набросок (ПБЛЗ): как варом, замечтавшегося 20-летнего <1 нрзб.> возвращается утром рано домой, позабыв <1 нрзб.> мороз и вьюгу, метущую вьюгу, только полон <2 нрзб.> из театра или [вечера] весел [и чист] очаровательная <1 нрзб.> полон только одних звуков и впечатлений, про-

изведенных блистательным [звучным] сценическим представлением произведения поэта или мерещится в голове его дева с невинно-простодушными речами <1 нрзб.> девица с прекраснейшими тонкими сияющими устами. [Вместо “как варом ~ устами”: которого вдруг обольют холодом в то время, когда вечером мчится, закутавшись в шубу, позабывши как мороз, так и вьюгу, метущую в очи. Полный только прекрасного создания поэта, унесенных в душе впечатлений или очаровательного образа, обворожительно блиставшей невинно простодушными речами, как ангел, девицы [чистой шестнадца<тилетней>] семнадцати<летней> и чистой, как ангел, которой усмешка и тонкие руки и пальцы в чудные руки <не дописано>]

Он в небесах, и вдруг раздавшиеся над ним, как гром, [вышеозначенные] вышесказанные слова пробуждают его вдруг, и видит он вдруг, что он на земле и даже на Сенной и даже близ кабака и вновь пошла по-буднишному щеголять пред ним жизнь, которую [так редко] так часто приходится [позабывать че-

ловеку] видеть нашим<?>

Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чудными кудрями.

КАБ1 — женский

Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чудными кудрями. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — и кудрями

Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости — и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и ~ жизнь.

КАБ1(п) — и видит он, что он на земле и даже на Сенной и даже близ кабака ~ жизнь, которую так часто приходится видеть нам

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и видит он, что на земле и на Сенной и даже и т. д. как в тексте

Половой тоже выбежал, со ~ барина, неизвестно, по крайней мере, они ~ прояснилась.

КАБ1 — и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка

“Неизвестно какой, из Рязани, гнедые лошади”.

КАБ1 — Неизвестно какой-то

Впрочем, барин и сам знал, что он соврал, но уж не хотел ничего возражать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — да уж не хотел

Счастливы ~ речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить всё печальное из памяти.

КАБ1 — Хорошо после скучной длинной дороги со всеми неотлучными ее спутниками: холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бря-

каньями колокольчиков, подчинками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами, хорошо, когда после всего этого мелькнет, наконец, знакомая крыша при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками и те же знакомые комнаты предстанут, [Далее начато: и те же люди, выбежавшие] радостный крик выбежавших навстречу [Далее начато: шум и] людей, шум и беготня детей и тихие успокоительные речи, в один миг изгнавшие из памяти всю черствую дорогу. Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша; горе холостяку.

Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальной действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, навстречу которых летишь [почти] с радостным криком, как будто к родным, как будто душа уже где-то встретила в минуты святых отлучении своих от тела. Завиден удел его: сокрыв печальное жизни, он показал человекам [почти] прекрасного чело-

века, он пробудил почти народный восторг; толпою влекутся молодые, пылкие души вслед за его торжественной колесницей; его имя произносится с огнем в очах; ему нет равного в силе — он бог. Но иная судьба и другой удел писателя, посягнувшего обнажить до глубины страшную мелочь в жизни, дерзнувшего выставить в очи весь длинный ряд холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь! Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением. Ему не позабыться и, [не скрыться] уйдя в свои создания от [то<го>, что желал бы позабыть он] того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать оклеветанному [и опозоренному] молвою от [площадного позорного] лицемерного и бесчувственного всеобщего суда, отнимающего от него и сердце и душу, повергнувшего его в ряд [позорящих] оскорбляющих человечество писателей, придающего ему качества

им же изображенных героев. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

Но всему черед и время! Одно сеется с тем, чтоб быть пожату ныне, другое сеется с тем, чтоб быть пожату после. И, может быть, потом, когда [несколько] много лет промчится над миром, когда истлеет и самый прах писавшего сии страницы, те же люди заговорят иначе, признают и утверждают, что равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движения незамеченных насекомых; что много нужно глубины душевной, [чтобы] дабы озарить картину, взятую из мелкой презренной жизни, и возвести ее в перл создания; что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем души, и что есть разница великая между ним и кривляньем балаганного скомоороха. Почему знать, может быть сии же низкие страницы предстанут потом в незамеченном ныне свете и, может быть, будущий поэт (о, какая чудная награда!) смятенный остановится перед ними; грозная вьюга вдохнове-

нья обовьет главу его, и [неслышные] потекут одетые в блистанье песни. Еще раз освежат мир...

Перед началом гл. VII вшита верхняя часть отрезанного листа желтоватой бумаги, переписанного той же рукой, что и ПБЛ4, с исправлениями Гоголя. Текст:

[Хорошо] Счастлив ездок, который после скучной длинной дороги со всеми неотлучными ее спутниками: холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бряканьями колокольчиков, подчинками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами [хорошо, когда после всего этого] <Далее пропуск> [наконец знакомая крыша] видит наконец знакомую крышу при потемневшем воздухе с несущимися навстречу огоньками <2 нрзб.> [и те же] и вдруг [предстала пред ним] примут гостеприимно его те же знакомые комнаты [предстанут], радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей <над незачеркнутой строкой: и обнявшие его за шею прекрасные> и такие успо-

коительные речи, [в один миг изгнавшие из памяти всю] прерываемые новыми лобзаниями, при которых всё позабыто, что ни было. Есть у него угол, где [может он всё] может позабыть он черствую дорогу. Счастлив тот, кто семьянин и кого целью родная крыша. Горе холостяку. На обороте этой страницы текст без всяких исправлений, зачеркнутый: раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша презрительно-гор<ько>обыкновенная жизнь. Ему не собрать рукоплесканий, не видеть благодарных слез и признательного восторга взволнованных им душ, к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлечением. Ему не позабыться, <уйдя> в свои создания от того, что ежеминутно пред очами, ему не убежать оклеветанному молвою от лицемерного и бесчувственного общего суда, отнимущего от него сердце и душу, повергнувшего его в ряд оскорбляющих человечество писателей, придающего ему качеств им же изображенных героев. Сурово его поприще и горько чувствует он свое одиночество.

К началу гл. VII относятся также несколько набросков (автографов) на отдельных листках, подшитых к КАБ1:

Счастлив писатель, который мимо характеров противных, [противных, ничтожных] поражающих своею печальною действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека [Далее пропуск в рукописи.] из огромного мирского омута и ежедневно вращающихся образов <1 нрзб.> нашу жизнь <1 нрзб.>, избрал одни немногие, редкие исключения, уносящие далеко человека из его бедной жизни; [человека от ежедневной жизни] кто не изменил ни разу возвышенный строй своей лиры [своей кисти] и [Далее начато: не опусти<лся>] не ниспускался с вышины к бедным, ничтожным братьям своим [Далее начато: вечно впроч<ем>] и в одних звуках его <1 нрзб.>, отдаленный от жизни. Велика толпа поклонников и всеобщий почти народный восторг ему рукоплещет, ибо он окурил чудным небесным куревом земные их очи, ибо он прекрас-

но польстил им, сокрыв печальное жизни и показав им прекрасного. Всё рукоплеща, несется за ним и мчится вслед за победною его колесницей. Огонь загорается [Над строкой начато: Всеобщий горит] в очах при произнесенном его <имени>. Дрожат и бьются молодые пылкие сердца и души, слезы признательного восторга, неподдельного и живого, [Далее начато: орошают] блещут на всех очах. Ему нет равного в силах, он бог. — Но и<ная>

[ему не зреть признательного восторга]. Дерзнувшая взглянуть <1 нрзб.> оком на весь божий <мир>, не исключивши, дерзнувшая вызвать вперед ежедневно вращающийся омут, всю страшную потрясающую тину, [ничтожную] мелочь, опутавшую жизнь нашу, [опутавшую мир] всю глубину холодных, повседневных раздробленных характеров, выпукло выставить их на всенародные очи. Ему не собрать народных рукоплесканий; ему не зреть признательных слез и единогодушного восторга взволнованных им душ. К нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя де-

вушка с огн [Не дописано.] Ему не позабыть-ся в сладком [Далее начато: чаду] обоняньи им же исторгнутых [им же созданных] звуков, ему не убежать от лицемерного, бесчувственного современного суда, называющего ничтожными и низкими им взлелеянные в душе создания, отведущего ему презренный угол среди писателей, оскорбляющих человеческое, придающего ему качества им же изображаемых героев, отнимающего от него и сердце и душу, и божественную искру таланта, ибо не признает его.

который, пропустив весь огромный омут мира, все ежедневно вращающиеся образы, избрал одни прекрасные исключения, унесшие далеко от земли. Завиден удел: всё за ним увлечено, [Далее начато: он окурил] люди сладким куревом окурены. Он польстил человеку, сокрыв печальное в жизни и показав ему прекрасного человека; и зато завиден удел: он <1нрзб.> народный восторг; он пробудил<?> народный всеобщий восторг, всё стремится за ним и несется за победной его колесницей; одно имя его родит огонь в очах и при-

знательность; [Вместо “одно ~ признательность”: его имя произносится с огнем и признательностью в очах] кипят молодые пылкие души. Ему нет равного в силе — он бог. Но не таков удел и другая судьба писателя, дерзнувшего выставить весь вращающийся ежедневный мир, всю ничтожную [всю презренную] мелочь, опутавшую жизнь, и весь длинный ряд холодных, раздробленных характеров, и наградить их живой или горькой усмешкой, и выпукло и ярко выставить их. Ему не собрать народных рукоплесканий, не зреть [не видеть] единодушного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит [Не дописано.] Ему не позабыться и не избежать лицемерного бесчувственного современного суда, называющего его ничтожным и низким, отнимающего от него божественную искру таланта, [Далее начато: отнимающего от него сердце и душу, повергнувшего его] отведующего ему угол [ему место] в ряду писателей, оскорбляющих человечество, отымающего от него и сердце и душу и придающего ему качества им же изображенных героев. Ибо не признает лицемерный современный суд, что

[Далее начато: можно стекла] равно чудны
стекла, озирающие солнцы и передающие
движения незамеченных насекомых. Не при-
знает суд, всё обратит в укоризну [обратит в
упрек] и позор непризнанному писателю; су-
рово его поприще и горько [Далее пропуск.]
когда грозная вьюга вдохновенья подымет
из обмущей [из окинутой] блеском

И долго еще определено мне чудной вла-
стью итти об руку с моими странными геро-
ями [Далее начато: и зреть и приходить]
сквозь смех и мгновенные неведомые миру
слезы <?>, [Далее начато: зреть] всю пронося-
щуюся мимо текущую жизнь озирать сквозь
яркий <1 нрзб.> и искренние неведомые ми-
ром слезы. Далеко еще то время, когда иным
ключем грозная вьюга вдохновенья подымет-
ся из облистанной [из озаренной светом] бли-
станьем главы и почуют в смятенном трепете

Счастлив путник, который после длинной,
сучной дороги, с ~ лобзаниями, властными
истребить всё печальное из памяти.

ПБЛ4 — всё истребить

Счастлив семьянин, у кого есть такой угол,
но горе холостяку!

ПБЛ4 — семьянин и у кого

Счастлив писатель, который мимо характеров ~ земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы.

ПБЛ4 — а. весь был занят своими отторгнутыми

б. весь повергнулся

в. Как в тексте

Нет равного ему в силе — он бог! ПБЛ4;
РЦ, МД1 — нет (ценз. иск.)

Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть ~ восторга взволнованных им
душ; к нему не полетит ~ таланта.

ПБЛ4, РЦ — взволнованных ими

Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть ~ суда, который назовет ничтож-
ными ~ таланта.

ПБЛ4, РЦ — называющего

Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть ~ созданья, отведет ему ~ талан-
та.

ПБЛ4, РЦ — отведущего

Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть ~ человечество, придаст ему ка-
чества ~ таланта.

ПБЛ4, РЦ — придадущего

Ему не собрать народных рукоплесканий,
ему не зреть ~ героев, отнимет от него и серд-
це, и душу, и божественное пламя таланта.

ПБЛ4, РЦ — отымущего

Ибо не признаёт современный суд, что ~
движеньем и что целая пропасть между ним
и кривляньем балаганного скомороха!

ПБЛ4, РЦ — и целая пропасть

И долго еще определено мне чудной вла-
стью итти об руку с моими странными героя-
ми, озирать всю громадно-несущуюся жизнь,
озирать ее сквозь видный миру смех и незри-

мые, неведомые ему слезы!

ПБЛ4, РЦ — неведомые им

И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подыметса из облеченной в святой ужас и в блистанье главы, и почуют в смущенном трепете величайший гром других речей...

ПБЛ4 — в священный ужас и блистанье

В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь, со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотрим, что делает Чичиков.

КАБ1, ПБЛ4 — и что-то похожее на слезу. Окунемся вдруг и вновь разом в жизнь и свет

Полежав минуты две на спине, он щелкнул рукою и вспомнил с просиявшим лицом, что у него теперь без малого четыреста душ.

КАБ1, ПБЛ4 — им приобретено

Тут же вскочил он с постели, не посмотрел даже на свое лицо, которое любил искренно и

в котором, как кажется, привлекательнее всего находил подбородок, ибо весьма часто хвалялся им пред кем-нибудь из приятелей, особенно если это происходило во время бритья.

КАБ1, ПБЛ4 — В ту же минуту

Тут же вскочил он с постели, не посмотрел даже на свое лицо, которое любил искренно и в котором, как кажется, привлекательнее всего находил подбородок, ибо весьма часто хвалялся им пред кем-нибудь из приятелей, особенно если это происходило во время бритья.

КАБ1(п) — Он

КАБ1, ПБЛ4 — так что

Но теперь ~ на мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им.

КАБ1(п) — Но теперь он не занялся ни подбородком, ни туалетом; в уме его сидели му-

жики; ими была занята голова его. Он вытащил со дна шкатулки свои бумаги, между которыми скоро отыскал листочки, исписанные их именами. Когда разложил он эти листочки перед собой, когда взглянул на имена всех этих мужиков

КАБ1 — а. Но теперь он не занялся ни подбродком, ни туалетом, ни одеванием; мысли его были заняты мужичками. Он положил себе [немедленно] не затягивая дело совершить на них как можно скорее купчие крепости и по тому, вытащивши из шкатулки все реестрики, [он] занялся в ту же <минуту?> рассмотрением их

б. Но теперь он не взглянул ~ в одной короткой рубашке произвел по комнате, что-то в роде пляски, слегка пошлепывая себя пяткой ноги. Потом в ту же минуту приступил к делу. Подошел к шкатулке, потерши сперва пред нею руки, как потирает их выехавший на следствие неподкупный земский, подходящий [Вместо как ~ подходящий: с таким же удовольствием, как выехавший на следствие неподкупный земский суд потирает их, подходя] к закуске, и занялся разбором [своих]

бумаг. Ему хотелось никак не откладывать дела в долгий ящик и заняться [сейчас же] самому писаньем крепостей, чтоб не платить [за переписку] ничего подьячим, ибо не любил даром тратить копейку. Оказалось, что форма крепостей была совершенно ему известна. Бойко и красиво выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует. В полтора часа с небольшим были готовы все крепости. Потом переписал он набело все списки мужичков отдельно каждый.

Когда разложил он эти листочки перед собой, когда взглянул на имена мужиков

Но теперь он не взглянул ни на подбородок, ни ~ натуры, и, по-шотландски, в одной короткой рубашке, позабыв свою степенность и приличные средние лета, произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Потом в ту же минуту приступил к делу: перед шкатулкой потер руки с таким же удовольствием, как потирает их выехавший на следствие неподкупный земский суд, подходящий к закуске, и тот же час вынул из нее бумаги.

ПБЛ4 — а. подошел к шкатулке и потер перед нею руки с таким же удовольствием
б. Как в тексте

Потом в ту же минуту приступил к делу: перед шкатулкой ~ к закуске, и тот же час ~ бойко выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует.

ПБЛ4 — Ему хотелось тотчас же заняться разбором бумаг, никак не откладывая в долгий ящик. Он решился сам сочинить и написать крепости, чтоб не платить ничего подьячим, ибо не любил даром тратить копейку. Оказалось, что форма крепости была совершенно ему известна. Бойко и красиво

Форменный порядок был ему совершенно

известен; бойко выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — помещик

В два часа готово было всё. Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые, точно, были когда-то ~ чувство овладело им.

ПБЛ4 — В полтора часа с небольшим были готовы все крепости, потом переписал он на бело все списки мужиков отдельно каждый [Он положил себе, не затягивая дело, совершить на них как можно скорее купчие крепости и по тому, вытащивши <из?> шкатулки все реестрики, занялся в ту же минуту рассмотрением их. Когда, разложив листочки перед собой, когда взглянул] Когда, переписавши, взглянул он на эти листики

Когда взглянул он потом на эти листики, на ~ странное, непонятное ему самому чувство овладело им.

КАБ1 (кар.) — овладело им. Он глядел на

них долго, не будучи в состоянии предаться никакой [вдохновенной] определенной мысли

Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и чрез то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер.

КАБ1, КАБ1(п) — Каждая из этих

Мужики, принадлежавшие Коробочке, все почти были с придатками и прозвищами.

КАБ1, ПБЛ4(п) — придомками

Записка Плюшкина отличалась краткостью в слог: часто были выставлены только начальные слова имен и отчеств, и потом две точки.

КАБ1 — выставлены одни только

РАЗДЕЛ 6

Реестр Собакевича поражал ~ из похвальных качеств мужика не было пропущено: об одном было сказано “хороший столяр”, к другому приписано было “смыслит и хмельного не берет”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — качеств

Реестр Собакевича поражал ~ сказано “хороший столяр”, к другому приписано было “смыслит и хмельного не берет”.

КАБ1 — приписано

Реестр Собакевича поражал ~ приписано было “смыслит и хмельного не берет”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — дело смыслит

Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики еще вчера были живы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — эти

Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики еще вчера были живы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как будто эти

Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики еще вчера были живы.

КАБ1(п) — живы, как будто даже были во-

все не смертны

Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: “Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано!

КАБ1(п) — он, наконец

Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: “Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, подельвали на веку своем? как перебивались?”

КАБ1 — числом!

Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: “Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, подельвали на веку своем? как перебивались?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Что-то вы

И глаза его невольно остановились на одной фамилии, это был известный Петр Савельев Неуважай-корыто, принадлежавший когда-то помещице Коробочке.

КАБ1 — нет

Он опять не утерпел, чтоб не сказать: “Эх какой длинный, во всю строку разъехался!

КАБ1(п) — сказать опять

Мастер ли ты был или просто мужик, и какою смертью тебя прибрало? в кабаке ли или среди дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз?

КАБ1, ПБЛ4(п) — Просто ли в кабаке

ПБЛ4, РЦ — в кабаке

Пробка Степан, плотник, трезвости примерной. А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы!

КАБ1(п) — Авдеев Толстое-Брюхо. А, вот, он, Авдеев Толстое-Брюхо! Вот он тот

Пробка Степан, плотник, трезвости примерной.

КАБ1, ПБЛ4 — искусства и трезвости

А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы!

КАБ1 — силач

А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы!

КАБ1, ПБЛ4 — годился бы! Плотник. Да! Верно был добрый плотник!

Чай, все губернии исходил ~ может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог, — где тебя прибрало? КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — ассигнацию (ценз. иск.)

Взмогился ли ты для большого прибытку под церковный купол, я может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись оттуда ~ на твое место. КАБ1, ПБЛ4;

ПБЛ4, МД1 — на колокольню (ценз иск.)

Взмогился ли ты для большого прибытку ~ рукою в затылке, примолвил: “Эх, Ваня, угораздило тебя!”, а сам, подвязавшись веревкой, полез на твое место.

ПБЛ4, РЦ — в затылок

Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю ~ всех вместе, бил по спине ремнем за неаккуратность ~ с камрадом. КАБ1; ПБЛ4, РЦ, МД1 — ремнем по спине

Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. МД1; МД2 — приписана

Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. КАБ1 — принять

Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. КАБ1, ПБЛ4(п) — не оканчивалось на букву

“а”

Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ.

КАБ1, ПБЛ4(п) — то есть было написано

Однако же он это не принял в уважение и тут же ее вычеркнул.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков однако же этого не уважил

“Григорий Доезжай-не-доедешь!

КАБ1, ПБЛ4 — Доезжай-не-доедешь! А, вот он и Доезжай-не доедешь! тут

Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку.

КАБ1, ПБЛ4 — и родной

На дороге ли ты отдал душу богу, или ~

коньков, или, может быть, и сам, лежа ~ поминай, как звали. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — может

А вы что, мои голубчики?” продолжал он, переводя глаза на бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина: “вы хоть и в живых еще, а что в вас толку!

КАБ1, ПБЛ4(п) — на ту бумажку

Еремей Карякин, Никита Волокита, сын его Антон Волокита — эти, и по прозвищу видно, что хорошие бегуны.

КАБ1 — Миняй

“Такого-то и такого-то помещика”, отвечаешь ты бойко.

КАБ1 — такого помещика

“Нет, не давал он мне никакого пашпорта”.

КАБ1 — не давал

“А солдатскую шинель”, говорит капитан-исправник, загвоздивши тебе опять в придачу кое-какое крепкое словцо: “зачем

стацил? и у священника тоже сундук с медными деньгами?”

КАБ1, ПБЛ4 — сундук

И пишет суд: препроводить тебя из Царевкокшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь Весьегонск, и ты переезжаешь ~ больше!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Усть-Сысольск

ПБЛ4 — Волоколамск

РЦ — [Волоколамск] Весьегонск

И пишет суд: препроводить тебя ~ обиталище: “Нет, вот весьегонская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так есть место, да и общества больше!” РЦ, МД1;

КАБ1, ПБЛ4 — усть-сысольская

“Абакум Фыров! ты, брат, что? где, в каких местах ~ вскрикнул, это был Манилов.

КАБ1(п) — Ефрем Петякин. “Ты что за птица?..” Но здесь Чичиков взглянул на часы и увидел, что было уже несколько поздно. Собрав свои бумаги, он поспешил одеться, не

желая никак откладывать дела в долгий ящик и располагая совершить хоть половину купчих крепостей того же утра. Хотя в приятельском расположении председателя он был совершенно уверен, хотя был уверен, что если дело потребует долее времени, назначенного для присутствия, то председатель прикажет продлить самое присутствие, как он захочет, подобно как у Гомера боги могли всегда приказать продлиться дню на столько, сколько нужно для драки любезных их героев, но все-таки он захотел отправиться пораньше в палату, уже единственно потому, чтоб быть как-то покойнее, окончив дело, и притом же он был, как уже читатель знает, аккуратен во всем, от большого до малого. На улице он услышал позади себя произнесенное свое имя, оглянулся — пред ним стоял Манилов, очутившийся вдруг и неожиданно, будто с облаков

Над чем он задумался?

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Почему

Задумался ли он над участью Абакума Фы-

рова или задумался так, сам собою, как задумывается всякой русской, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни.

КАБ1, ПБЛ4 — слышит

Задумался ли он над участью Абакума Фырова или задумался так, сам собою, как задумывается всякой русской, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни.

ПБЛ4 — разгуле [вольной]

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах ~ бесконечный флот.

КАБ1 — любовницами, женами

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~ и понуканьях, зацепляя крючком ~ бесконечный флот. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нацепляя

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~

на спину, с шумом сыплют горох ~ бесконечный флот. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — сыплют

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~ наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает ~ бесконечный флот.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как ядра в пирамиду

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~ громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот.

КАБ1 — выглядывает

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~ арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — не перегрузится

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится ~ в глубокие суда-суряки и не понесется гусем

вместе с весенними льдами бесконечный флот.

КАБ1, ПБЛ4(п) — гусями понесется

Сказавши это, он переменял свой шотландский костюм ~ и с бумагами подмышкой отправился в гражданскую палату совершать купчую. КАБ1;

ПБЛ4(п) — бумаги подмышкой отправился

ПБЛ4, РЦ, МД1 — бумаги подмышку и отправился

Он спешил не потому, что боялся опоздать, опоздать он не боялся, ибо председатель ~ поскорее с плеч.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — потому что

Он спешил не потому, что боялся опоздать, опоздать он не боялся, ибо ~ дни и насылавшему быстрые ночи, когда ~ поскорее с плеч. МД1;

МД2 — посылавшему

Он спешил не потому, что боялся ~ дать им средство додраться; но он сам ~ поскорее с

плеч.

КАБ1, ПБЛ4(п) — случай

Он спешил не потому, что боялся ~ привести дела к концу; до тех пор ~ поскорее с плеч.

ПБЛ4, РЦ — дело

Он спешил не потому, что боялся ~ казалось всё беспокойно и неловко; все-таки приходила мысль: что души не совсем настоящие и что в подобных случаях такую обузу всегда нужно поскорее с плеч.

КАБ1, ПБЛ4(п) — всё как-то

Он спешил не потому, что боялся ~ неловко; все-таки ~ поскорее с плеч.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал, что души как-то не настоящие, и не такие, как следует, и потому скорее бы эту обузу с плеч

ПБЛ4 — как бы то ни было, он все-таки отчасти чувствовал, что души и т. д. как в тексте

Не успел он выйти на улицу, размышляя

обо всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся с господином тоже в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — медведи крытые

Не успел он выйти на улицу, размышляя обо всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся с господином тоже в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — тоже с господином

Они заключили тут же друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — минут с пять

У Манилова от радости остались только нос да губы на лице, глаза совершенно исчезли. С четверть часа держал он обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно.

КАБ1(п) — Манилов был решительно вне себя, от удовольствия зажмурил глаза совершенно и на лице оставались только нос да губы. Почти с четверть часа он держал

У Манилова от радости остались только нос да губы на лице, глаза совершенно исчезли.

КАБ1 — радости [совершенно исчезли на лице]

В оборотах самых тонких и приятных ~ поклонился с признательностью.

КАБ1(п) — В самых вежливых и приятных словах рассказал он, что приехал в город только поутру и никак не мог отказать себе в удовольствии увидеть и обнять Павла Ивановича. Ко всему этому был прибавлен такой комплимент, какой разве только в воскресный день где-нибудь на вечере какой-нибудь молодой помощник столоначальника скажет девице, с которою готовится танцевать. Чичиков уж никак не нашелся ему на это ответить: всё, что ни прибирал он, всё в сравнении с ним было мало

В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича; речь была заключена таким комплиментом, какой разве только приличен одной девице, с которой идут танцевать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что летел

В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича; речь была заключена таким комплиментом, какой разве только приличен одной девице, с которой идут танцевать.

КАБ1, ПБЛ4, — Павла Ивановича и сердился на медленность лошадей

Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — что отвечать

Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-

под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовой ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

КАБ1, ПБЛ4, — белую бумагу

Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовой ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

КАБ1 — трубочку связанную

Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовой ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет (пропуск переписчика ПБЛ4)

Он тут же развернул ее, пробежал глазами и подивился чистоте и красоте почерка: “Славно написано”, сказал он: “не нужно и переписывать.

КАБ1, ПБЛ4 — и пробежал

Он тут же развернул ее, пробежал глазами и подивился чистоте и красоте почерка: “Славно написано”, сказал он: “не нужно и переписывать. Еще и каемка вокруг!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Да как хорошо написано, — сказал он [по прочтении], не нужно и переписывать, да еще

“Ну, уж не спрашивайте”, сказал Манилов.
КАБ1, ПБЛ4(п) (ошибка) — Ноздрев

Узнавши, что он шел в палату за совершенным купчей, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать.

КАБ1(п) — за каким делом шел герой наш в палату

Прятели взялись под руку и пошли вместе.

КАБ1 — под руки

При всяком небольшом возвышении, или горке, или ступеньке Манилов поддерживал Чичикова и почти приподнимал его рукою,

присовокупляя с приятною улыбкою, что он не допустит никак Павла Ивановича зашибить свои ножки.

КАБ1 — маленьком

При всяком небольшом возвышении, или горке, или ступеньке Манилов поддерживал Чичикова и почти приподнимал его рукою, присовокупляя с приятною улыбкою, что он не допустит никак Павла Ивановича зашибить свои ножки.

КАБ1 — приподнимал

Чичиков совестился, не зная, как благодарить, ибо чувствовал, что несколько был тяжеленок.

КАБ1(п) — Весьма естественно, что последний не находился как благодарить, и очень совестился, ибо чувствовал сам, что немножко тяжеленок

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков совестился, не знал как благодарить, ибо чувствовал, что в телесном устройстве частей своих несколько тяжеленок

В подобных взаимных услугах они дошли наконец до площади, где находились ~ каменному дому. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Во взаимных услугах

КАБ1(п) — В подобных взаимных услугах и изъяснениях

В подобных взаимных услугах они дошли ~ белый, как мел, вероятно для изображения ~ были: караульная будка, у которой стоял солдат ~ площади.

КАБ1(п) — для того, чтобы были заметнее пятна и пачканья, которыми был покрыт нижний этаж его. Кроме трехэтажного дома украшали площадь

В подобных взаимных услугах они дошли ~ для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей; прочие здания на площади не отвечали огромностию каменному дому.

КАБ1 — чистоты и невинности [душ] — <1 нрзб.> обитавших

Это были: караульная будка, у которой ~

заборы с известными ~ ничего на сей уединенной, или, как у нас выражаются, красивой площади.

КАБ1(п) — кое-какими необходимыми заборными надписями, нацарапанными школьниками и уличными шалунами, посеченными за это, без сомнения, в свое время порядочно, если только дали себя поймать на месте злодеяния, — вот всё, что находилось на этой

Это были: караульная будка, у которой ~ углем и мелом; более не находилось ничего на сей уединенной, или, как у нас выражаются, красивой площади.

КАБ1 — мелом [не показывавшими однако же большого дарования ни в письме, ни в живописи]

Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — высовывались

Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник.

КАБ1(п) — крепкие головы жрецов Фемиды, но очень скоро прятались опять, потому что

Из окон второго и третьего этажа иногда высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту ж минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — нет

Приятеля не взошли, а взбежали по лестнице, потому что Чичиков, стараясь избежать поддерживанья ~ в темный коридор.

КАБ1(п) — Оба приятеля должны были не идти, а бежать по лестнице, ибо

Приятеля не взошли, а взбежали ~ не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили в тем-

ный коридор.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Павлу Ивановичу устать и утрудиться

Приятели не вошли, а взбежали ~ оба запыхались весьма сильно, когда вступили в темный коридор. Ни в коридорах, ни в комнатах взор их не был поражен чистотою.

КАБ1(п) — очень сильно, когда, наконец, вступили в коридор. И на коридоре, и на лестнице ощутительно был слышен несколько сжатый воздух, всегда бывающий в тех местах, где пребывают сторожа. Комнаты, стены, двери, — всё было несколько чернильно

Ни в коридорах, ни в комнатах взор их не был поражен чистотою.

КАБ1 — взор

Тогда еще не заботились о ней; и то, что было грязно, так и оставалось грязным, не принимая привлекательной наружности. Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей.

КАБ1(п) — не заботились о чистоте, и то,

что было грязно, в самом деле оставалось грязным, не принимая никакой привлекательной наружности. Фемида просто, какова у нас есть

Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей.

КАБ1 (кар.) — какова она есть

Следовало бы описать канцелярские, комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам.

КАБ1(п) — Следуя порядку вещей, должно было бы заняться описанием канцелярий и комнат

КАБ1 — Следовало бы описать канцелярии и комнаты

Следовало бы описать канцелярские, комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам.

КАБ1(п) — автор должен признаться, что от рождения

Следовало бы описать канцелярские, комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам.

КАБ1, КАБ1(п) — относительно всякого рода присутственных мест

Если ~ не знает, как там всё благоденствует и процветает.

КАБ1(п) — и всегда боялся правосудия, может быть, даже потому, что чувствует в сокрушенной душе своей, что весьма грешен. Если же и случилось ему проходить подобные места, даже в облагороженном виде, с лакированными полами и столами красного дерева, он всегда потуплял глаза в землю и старался пробежать их как можно скорее; по этой-то причине никогда не мог порядочно заметить

Если и случалось ему проходить ~ не знает, как там всё благоденствует и процветает.

КАБ1 — Если

Если и случалось ему проходить их даже в

блистательном и облагороженном виде, с лакированными полами ~ и процветает.

ПБЛ4 — блистательном и облагороженном их

КАБ1 — облагороженном

Если и случилось ему проходить их ~ полами и столами, он старался пробежать ~ и процветает.

КАБ1 — столами [и тогда даже]

Если и случилось ему проходить их ~ старался пробежать как можно скорее, смиренно опустив и потупив глаза в землю, а потому совершенно не знает, как там всё благоденствует и процветает.

КАБ1, ПБЛ4 — пробежать их

Если и случилось ему проходить их ~ глаза в землю, а потому совершенно не знает, как там всё благоденствует и процветает.

КАБ1(п) — КАБ1 — потому он

Герои наши видели ~ какую-то светлосерую куртку, отделившуюся ~ за № 368!”

видели только мельком чернильницы, бумаги, затылки, сюртуки, фраки, и даже просто какую-то серую

Герои наши видели много бумаги и черновой и белой, наклонившиеся головы, широкие ~ за № 368!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — наклоненные

Герои наши видели много бумаги ~ набор и положив ее почти ~ за № 368!”

КАБ1 — положив

Герои наши видели много бумаги ~ замашисто какой-нибудь ~ голосом: “Одолжите, Федосей Федосеевич, дельцо за № 368!”

КАБ1(п) — вероятно какое-нибудь не бездельное отношение. Да слышались урывками небольшие фразы, как-то

КАБ1 — [может быть] какой-нибудь и т. д. как в тексте

Герои наши видели много бумаги ~ под судом, нажившим себе и детей и внуков под его

покрывом, да слышались урывками короткие выражения, произносимые хриплым голосом: “Одолжите, Федосей Федосеевич, дельцо за № 368!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — нажившего

Герои наши видели много бумаги ~ внуков под его покрывом, да слышались урывками короткие выражения, произносимые хриплым голосом: “Одолжите, Федосей Федосеевич, дельцо за № 368!”

КАБ1, КАБ1(п) — и ожидающего только, авось бог пошлет правнучат

Иногда голос более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: “На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не евши”.

КАБ1 — Иногда же

Иногда голос более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: “На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не

евши”.

КАБ1(п) — сорок дней

Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

КАБ1(п) — Шум от перьев был страшный и походил на то, как будто бы несколько телег в глубокую осень проезжали по лесу, заваленному

Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

КАБ1(п) — листьями. Один из священнодействующих, тут же находившихся, который с таким усердием приносил жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое

“А мне нужно подать просьбу”.

КАБ1 — нет

Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны, подобно всем молодым чиновникам, и хотели придать более весу и значения себе и своим занятиям.

КАБ1, КАБ1(п) — хотели по свойственной человеку гордости

“Послушайте, любезные”, сказал он: “я очень хорошо знаю, что все дела по крепостям, в какую бы ни было цену, находятся в одном месте, а потому прошу вас показать нам стол, а если вы не знаете, что у вас делается, так мы спросим у других”.

ПБЛ4, РЦ — Чичиков

Иван Антонович как будто бы и не слышал и углубился совершенно в бумаги, не отвечая ничего.

КАБ1 — так, как

Иван Антонович как будто бы и не слышал и углубился совершенно в бумаги, не отвечая ничего.

КАБ1 — слышал

Видно было вдруг, что это был уже человек
благоразумных лет, не то что молодой болтун
и вертопляс.

ПБЛ4 — человек уже

Видно было вдруг, что это был уже человек
благоразумных лет, не то что молодой болтун
и вертопляс.

КАБ1, ПБЛ4(п) — шарамыжка

Иван Антонович, казалось, имел уже дале-
ко за сорок лет; волос на нем был черный, гу-
стой; вся середина лица выступала у него впе-
ред и пошла в нос, словом, это было то лицо,
которое называют в общежитии кувшинным
рылом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нижнюю часть лица имел
он совершенно выступившуюся вперед вме-
сте с носом, губами и бородою, словом то, что
называют кувшинное рыло

Иван Антонович, казалось, имел уже дале-
ко за сорок лет; волос на нем был черный, гу-
стой; вся середина лица выступала у него впе-

ред и пошла в нос, словом, это было то лицо, которое называют в общежитии кувшинным рылом.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

“Здесь”, сказал Иван Антонович, повернул свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

КАБ1 — нет

“А у меня дело вот какое: куплены мною у разных владельцев здешнего уезда крестьяне на вывод: купчая есть, остается совершить”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — А мне вот

“Некоторые здесь, а от других доверенность”.

КАБ1 — от других

“Да ведь Иван Григорьевич ~ сказал: “Другие тоже ~ к Ивану Григорьевичу”, сказал Иван Антонович ~ дело не постоит”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — а другие, конечно, не останутся...Ну, теперь идите

Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою.

КАБ1 — тотчас же

Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — он

“Вот, он вас проведет в присутствие!” сказал Иван Антонович, кивнув головою, и один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший ~ один, как солнце, председатель.

МД1 (ценз. иск.) — нет

“Вот, он вас проведет в присутствие!” сказал Иван Антонович, кивнув ~ подкладка, за что и получил в свое время ~ один, как солнце, председатель. ПБЛ4;

РЦ — получивший за службу (ценз. иск.)

МД1 — получивший за ту службу

Председатель принял Чичикова в объятия, и комната присутствия огласилась поцелуями; спросили друг друга о здоровье; оказалось, что у обоих побаливает поясница, что тут же было отнесено к сидячей жизни.

КАБ1, ПБЛ4(п) — схватил

Председатель принял Чичикова в объятия, и комната присутствия огласилась поцелуями; спросили друг друга о здоровье; оказалось, что у обоих побаливает поясница, что тут же было отнесено к сидячей жизни.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и изъяснено было обоюдное сожаление и

Председатель, казалось, уже был уведомлен Собакевичем о покупке, потому что ~ друг к другу.

КАБ1 — был уведомлен о покупке

ПБЛ4, РЦ — был уведомлен о покупке уже Собакевичем

Председатель, казалось, уже был уведомлен ~ сначала несколько было смешало ~ друг к другу. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — несколько

Председатель, казалось, уже был уведомлен ~ стояли вместе лицом друг к другу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — лицом в лицо друг другу

Однако же он поблагодарил председателя и, обратившись тут же к Собакевичу, спросил: “А ваше как здоровье?”

КАБ1, ПБЛ4 — сказал

И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформованный помещик.

РЦ — сформированный

“Да вы всегда славились здоровьем”, сказал председатель: “и покойный ваш батюшка был также крепкий человек”.

КАБ1 — тоже

“Мне кажется, однако ж”, сказал председатель: “вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него”.

КАБ1 — если

“Вы посудите, Иван Григорьевич: пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело, веред или чирей выскочил...

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — болен, хоть бы какая-нибудь болезнь

“Теперь”, сказал Чичиков: “я буду просить даже вас, если можно, сегодня; потому что мне завтра хотелось бы выехать из города: я принес и крепости и просьбу”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — хотелось бы даже

“Теперь”, сказал Чичиков: “я буду просить даже вас, если можно, сегодня; потому что мне завтра хотелось бы выехать из города: я принес и крепости и просьбу”.

ПБЛ4(п) — крепости, приложите их

ПБЛ4 — крепости [приложите] их

РЦ, МД1 — крепости их.

“Да не позабудьте, Иван Григорьевич”, подхватил Собакевич: “нужно будет свидетелей, хотя по два с каждой стороны.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Да, вот

“Да не позабудьте, Иван Григорьевич”, подхватил Собакевич: “нужно будет свидетелей, хотя по два с каждой стороны.

КАБ1 — нет

“Еще я попрошу вас”, сказал Чичиков: “пошлите ~ видно, ему не понравившееся.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ай, да кулак, — подумал про себя Чичиков

Несколько минут он смотрел в глаза Чичикову с выраженьем большого удовольствия и наконец сказал: “Так вот как!

КАБ1, ПБЛ4(п) — с большим удовольствием

Тут он весьма кстати выбранил за либерализм, и поделом, всех молодых людей.

КАБ1, ПБЛ4(п) — либерализм и поделом выбранил

Но замечательно, что в словах его была всё какая-то нетвердость, как будто бы тут же сказал он сам себе: “Эх, брат, врешь ты, да еще и сильно!”

КАБ1 — нет

“Да что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу”, отозвался Собакевич: “что такое именно вы приобрели; а вы, Иван Григорьевич, что вы не спросите, какое приобретение они сделали? Ведь какой народ!

КАБ1 — нет

А когда председатель спросил, зачем же ~ нашла дурь: дай, говорю, продам, да и продал сдуру!”

КАБ1 — говорит

“О, там отличные земли, не заселено только”, сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет (пропуск переписчика ПБЛ4)

“А земли в достаточном количестве?”

КАБ1 — И в достаточном

Сказав это, Чичиков взглянул ненароком

на Собакевича, и хотя Собакевич был по-прежнему неподвижен, но ему казалось, будто бы было написано на лице его: “Ой, врешь ты!”

КАБ1, ПБЛ4 — сказал это и взглянул

Сказав это, Чичиков взглянул ненароком на Собакевича, и хотя Собакевич был по-прежнему неподвижен, но ему казалось, будто бы было написано на лице его: “Ой, врешь ты!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — он

Сказав это, Чичиков взглянул ненароком на Собакевича, и хотя Собакевич был по-прежнему неподвижен, но ему казалось, будто бы было написано на лице его: “Ой, врешь ты!”

КАБ1 — О

Пока продолжались разговоры, начали мало-помалу появляться свидетели: знакомый читателю прокурор-моргун, инспектор ~ бременящие землю.

КАБ1, ПБЛ4(п) — с моргающим глазом

Привели также не только сына протопопа отца Кирилы, но даже и самого протопопа.

КАБ1 — нет

Известный Иван Антонович управился весьма проворно, крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентовых и за припечатку в Ведомостях, и Чичикову пришлось заплатить самую малость.

РЦ — а Чичикову

Известный Иван Антонович управился весьма проворно, крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентовых и за припечатку в Ведомостях, и Чичикову пришлось заплатить самую малость.

КАБ1, ПБЛ4(п) — заплатить какую-то

Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая неизвестно каким образом отнесена была на счет какого-то другого просителя.

КАБ1 — нет

Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая неизвестно каким образом отнесена была на счет какого-то другого просителя.

КАБ1 — просителя. [Как это делается, неизвестно, но известно то, что для дружбы много делается на этом свете]

“Итак”, сказал председатель, когда всё было кончено: “остается теперь только вспрыснуть покупочку”.

КАБ1(п) — Ну

“Нет, вы не так приняли дело: шипучего мы сами поставим”, сказал председатель: “это наша обязанность, наш долг.”

КАБ1(п) — зачем вам тратиться

Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так, как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, знаете ли, как закусим!

КАБ1, ПБЛ4 — вчетвером

Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так, как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, знаете ли, как закусим! КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — чудный человек (ценз. иск.)

Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так, как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, знаете ли, как закусим!

КАБ1, ПБЛ4 — винного погреба

От такого предложения никто ~ добрались наконец гурьбой к дому полицеймейстера.

КАБ1, ПБЛ4 — Гости совершенно согласились с председателем; тут же все четверо отправились к полицеймейстеру, и присутствие кончилось целым часом ранее положенного времени, на что, однако же, ни один из чиновников не рассердился: ни начальни-

ки ни подчиненные

К этому месту относится набросок (автограф) на отдельном листе, подшитом к КАБ1:

От такого предложения никто не мог отказать<ся>. Многие из свидетелей уже при одном наименовании рыбного ряда [при одном имени рыбный ряд] почувствовали аппетит [невыносимый] и все тот же час взялись [все взялись очень скоро] за шапки, и присутствие окончилось часом ранее. Когда проходили канцелярские комнаты, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: “Ведь крепостей [Ведь крестьян] на сто тысяч совершили, а дали одну только беленькую”.

[только бумажку] — “Да ведь какие [Да ведь дрянь] крестьяне”, сказал: “ведь вы не знаете — самый ничтожный народ, и половины не стоит”. [народ, чорт знает что, половины не стоит] Иван Антонович понял, что от этого [Фраза не закончена.] “А почем купили душу у Плюшкина?” — шепнул ему с другой стороны на другое ухо Собакевич. [сказал Со-

бакевич] — “А Воробья зачем приписали?” [зачем продали?] сказал ему в ответ на это Чичиков. — “Какого Воробья?”, сказал Собакевич. — “Да бабу — Елисавету Воробья; и ъ поставили на конце”. — “Нет, никакого Воробья не приписывал я”, сказал Собакевич и отошел тот же час к другим

Свидетели уже при одном наименовании рыбного ряда почувствовали аппетит; взялись все тот же час за картузы и шапки, и присутствие кончилось.

ПБЛ4 — кончилось [часом раньше обыкновенного]

Когда проходили они канцелярию, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: “Крестьян накупили на сто тысяч, а за труды дали только одну беленькую”.

ПБЛ4 — одну только

Иван Антонович понял, что посетитель был характера твердого и больше не даст.

ПБЛ4 — а. от этого больше ничего не полу-

ЧИТЬ

б. Как в тексте

Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту ж минуту ~ рыбного ряда. КАБ1, ПБЛ4;

ПБЛ4, МД1 — чудный человек (ценз. иск.)

Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту ж минуту ~ на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, это всё было со стороны рыбного ряда.

КАБ1 — белуги

Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только ~ белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, это всё было со стороны рыбного ряда.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — семги

Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только ~, севрюжки, сыры, ~ Полицеймей-

стер был некоторым образом отец и благотворитель в городе.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и бог знает сколько всякой всячины. Полицеймейстер

Вообще ~ противу всех своих предшественников, а между тем заслужил любовь всего города.

КАБ1(п) — Он повел дело как-то умно, — получал вдвое более доходов противу

Купцы первые его очень любили, именно за то, что ~ хоть драл подчас с них сильно, но ~ и как.

КАБ1(п) — бесчеловечно

КАБ1, ПБЛ4(п) — подчас изрядно

Если узнает, что детёныш как-нибудь прихворнул, и лекарство присоветует; словом, молодец!

КАБ1 (кар.) — молодец, как выражались купцы

Поедет на дрожках, даст порядок, а между тем и словцо промолвит тому-другому: “Что,

Михеич! нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку”.

КАБ1 — и порядок даст

ПБЛ4(п) — порядок дает

Купец, который на рысаке был помешан, улыбался на это с особенною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил: “Попробуем, Алексей Иванович!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — был почти

Словом, он успел приобрести совершенную народность, и мнение купцов было такое, что Алексей Иванович “хоть оно и возьмет, но зато уж никак тебя не выдаст”.

КАБ1, ПБЛ4, — некоторую

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил ~ гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде.

КАБ1(п) — Собакевич, несмотря на свою неподвижную и неуклюжую наружность, весьма часто заглядывал в дверь

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер ~ гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде.

КАБ1 (авт.) — куды

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер ~ в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде.

КАБ1(п) — уже оттуда

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер ~ осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — в стороне

Гости, выпивши по рюмке ~ каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр.

КАБ1(п) — не без удовольствия по рюмке водки, стали каждый, как говорится, обнаруживать

Собакевич, оставив без всякого внимания ~ в четверть часа с небольшим доехал его всего, так что, когда ~ сушеную маленькую рыбку. МД1;

МД2 — доедал

Собакевич, оставив без всякого внимания ~ всего, так что, когда полицеймейстер ~ рыбку.

КАБ1(п) — гости вспомнили об осетре и подошли было к нему с вилками, увидели, что на блюде лежали только голова да хвост

Собакевич, оставив без всякого внимания ~ в какую-то сушеную маленькую рыбку.

КАБ1, ПБЛ4 — севрюшку

Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его ~ героя.

КАБ1(п) — здоровье

КАБ1 — благоденствие [земель и]

Приступили к нему со всех сторон и ~ в

третий раз чокаться, перечокались и в третий раз.

КАБ1 — нет

Приступили к нему со всех сторон и стали упрашивать убедительно остаться хоть на две недели ~ время с нами!

ПБЛ4 — упрашивать [его]

Вот мы вас женим: не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

“Будет и невеста, как не быть? всё будет, всё, что хотите!..”

ПБЛ4 — а. Как не быть невесте, был бы жених

б. Как в тексте

Об висте решительно позабыли; спорили, кричали, говорили ~ на которое тот хлопал только глазами, сидя в креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну.

КАБ1(п) — не слушая один другого. Герой

наш никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении. Вообразив себя уже почти настоящим херсонским помещиком, говорил обо всем, приглашал к себе и даже начал читать Собакевичу какие-то любовные стихи, на которые

В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно.

КАБ1 — нет

Об висте решительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всем, об политике, об военном даже деле, излагали вольные мысли, за которые в другое время сами бы высекли своих детей.

КАБ1, ПБЛ4(п) — детей и весьма больно

Решили тут же множество самых затруднительных вопросов.

КАБ1 — множество [всяких дел, вопросов, над которыми весь век иной ломает голову]

Чичиков никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал ~ в

креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну.

КАБ1(п) — потому что вина хоть и не пил, но после осетра чувствовал большой позыв ко сну

Чичиков смекнул и сам, что начал уже слишком развязываться, попросил экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — сам

Чичиков смекнул и сам, что начал уже слишком развязываться, попросил экипажа и воспользовался ~ доехал он к себе в гостиницу, где ~ деревни, капиталы.

КАБ1(п) — и на прокурорских уже дрожках доехал

Прокурорский кучер, как оказалось в дороге, был малый опытный, потому что правил одной только рукой, а другую засунув назад, придерживал ею барина.

КАБ1, ПБЛ4(п) — у которого

Таким образом уже на прокурорских дрож-

как доехал он к себе в гостиницу, где долго еще у него вертелся на языке всякой вздор: белокурая невеста ~мужиков, чтобы сделать всем лично поголовную перекличку.

КАБ1(п) — и какие-то херсонские деревни, даже дано было приказание Селифану собрать всех мужиков

КАБ1 — белокурая невеста, белая как снег, с самым свежим румянцем и т. д. как в тексте

Селифан молча слушал очень долго и потом вышел из комнаты, сказавши Петрушке: “Ступай раздевать барина!”

КАБ1(п) — Селифан слушал, слушал долго и молча вышел

КАБ1 — Селифан молча слушал очень долго и молча вышел

Петрушка принялся снимать с него сапоги и чуть не стащил вместе с ними на пол и самого барина.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Петрушка тот же час

Петрушка принялся снимать с него сапоги и чуть не стащил вместе с ними на пол и са-

мого барина.

КАБ1(п) — стаскивать

Но наконец сапоги были сняты, барин разделся как следует и, поворочавшись несколько времени на постеле, которая скрипела немилосердно, заснул решительно херсонским помещиком.

КАБ1(п) — скрипела и рыпела

Готовясь уже снять их, он взглянул с галле-рей вниз и увидел Селифана, возвращавшегося из конюшни.

КАБ1(п) — его

Готовясь уже снять их, он взглянул с галле-рей вниз и увидел Селифана, возвращавшегося из конюшни.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — который возвращался

Они встретились взглядами и чутьем поняли друг друга: барин-де завалился спать, можно и заглянуть кое-куда.

КАБ1(п) — как будто чутьем

Они встретились взглядами и чутьем поняли друг друга: барин-де завалился спать, можно и заглянуть кое-куда.

КАБ1(п) — завалился так спать, что

Тот же час, отнеся в комнату фрак и панталоны, Петрушка сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ничего о цели путешествия и балагурия дорогою совершенно о постороннем.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — он

Тот же час, отнеся в комнату фрак и панталоны, Петрушка сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ничего о цели путешествия и балагурия дорогою совершенно о постороннем.

КАБ1 — болтая

Прогулку сделали они недалекую: именно перешли ~ вошли в низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую ~ шинели.

КАБ1 — потемневшую стеклянную

Прогулку сделали они недалекую: именно перешли ~ дверь, приводившую почти в подвал, где ~ шинели.

КАБ1, ПБЛ4 — ведущую

РЦ — ведущую

Оба заснули в ту же минуту, поднявши храп неслыханной густоты, на который барин из другой комнаты отвечал тонким, носовым свистом.

КАБ1(п) — и подняли храп неслыханный

Оба заснули в ту же минуту, поднявши храп неслыханной густоты, на который барин из другой комнаты отвечал тонким, носовым свистом.

КАБ1(п) — особенным

Скоро вслед за ними всё угомонилось, и гостиница объялась ~ примеривал пятую.

КАБ1(п) — угомонилось всё и вся почти гостиница

Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не

мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

КАБ1, ПБЛ4(п) — были очень

Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

КАБ1, ПБЛ4(п) — весьма тщательно

Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

КАБ1(п) — мастерски

Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

КАБ1(п) — каблук. Наконец и там погасла

свечка — и всё уснуло

Покупки ~ климату.

КАБ1(п) — Совершенные Чичиковым покупки крестьян сделались на несколько дней предметом разговоров в городе. Все занялись вопросом, точно ли выгодно покупать на вывод крестьян. Это произвело множество мнений, из которых многие были дельны и основывались на совершенном знании предмета. Одни говорили, что в южных губерниях земли весьма плодородны и удобны для поселения; другие — что воды мало и крестьяне Чичикова непременно потерпят большой недостаток; утверждали, что переселения — ненадежная вещь, что мужики Чичикова разбегутся, ибо известно, что такое мужик: на новой земле, да занятия еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни забора, убежит, как дважды два. На это возражали многие довольно основательно, что мужику русскому решительно всё равно и что он весьма скоро привыкает ко всему, что

Покупки Чичикова сделались предметом

разговоров в городе. Пошли толки, мнения, рассуждения о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян. КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — разговоров. В городе пошли

Пошли толки, мнения, рассуждения о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян.

КАБ1 — прения

Пошли его хоть в Камчатку да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить себе новую избу”.

КАБ1(п) — рядить

“Но, Иван Григорьевич, ~ будут теперь два сильные врага.

КАБ1(п) — Многие беспокоились сильно и не без причины за нравственность крестьян, говорили, что несбыточное дело, чтобы кто-нибудь решился продать порядочных крестьян без земли, что мужики Чичикова непременно должны быть пьяницы, воры и весьма буйного поведения. На это возразил кто-то, и едва ли не председатель палаты, что

хотя действительно мужики Чичикова не могут быть хорошей нравственности, но, поселившись на новой земле, они могут сделаться хорошими подданными, чему уже бывало не мало всяких примеров, что всё зависит от хорошего управления и благоразумно принятых мер. Управляющий казенными фабриками заметил, что это однако же весьма сомнительно, тем более, что у крестьян Чичикова окажутся

“Но, Иван Григорьевич, ты упустил из виду важное дело: ты не спросил, каков еще мужик у Чичикова. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — еще каков

Я вас уверяю: в две недели они изопьются и будут стельки. Другой враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами во время переселения.

КАБ1(п) — второй враг

Нужно ~ для мужиков Чичикова!”

КАБ1(п) — и что нужно, чтобы Чичиков

оставался бы и жил среди их сам, иначе они все будут прегорькие пьяницы и никогда не заведутся тем, что нужно для хозяйства. На это председатель отвечал, что Чичикову никакой нет надобности жить самому среди мужиков своих, что он может найти хорошего управителя. Кто-то отозвался, что все управители мошенники; но управляющий заметил, что управители потому мошенники, что господа не занимаются своим делом. С этим согласился и председатель, прибавив, что управителя очень можно найти хорошего, что для этого нужно только уметь различать людей и быть сведущим хоть сколько-нибудь самому. Но управляющий сказал, что меньше, как за пять тысяч в год нельзя сыскать хорошего управителя; но председатель сказал, что можно и за три тысячи, что он знает одного хорошего человека, именно Петра Петровича Самойлова, который совершенно такой управитель, как нужно для крестьян

КАБ1 — Нужно разве ~ гонял их за всякой вздор и не пропускал бы лично, где следует дал и зуботычину и подзатыльника... Зачем же Чичикову возиться самому и давать им зу-

ботычины. Можно найти управителя

Многие сильно входили в положение Чичикова, и ~ устрасала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова.

КАБ1(п) — особенно когда они принимали в соображение то, что жизнь их должна совершенно перемениться, и скольких трудов будет стоить сбыть с меньшим убытком крестьянских лошадей, чтобы на место их закупить быков, ибо земли в южных местах, как известно, пахутся волами и что весьма можно

Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность переселения такого огромного количества крестьян их чрезвычайно устрасала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — каковые

На это полицеймейстер заметил, что ~ капитан-исправника, что капитан-исправник, хоть ~ места их жительства.

КАБ1(п) — и земской полиции и что Чичиков, как человек основательный, вероятно примет заблаговременно все нужные меры

На это полицеймейстер заметил, что ~ пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства.

КАБ1 — вместо

На это полицеймейстер заметил, что ~ погонит крестьян до самого места их жительства.

КАБ1(п) — крестьян так сказать

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, общали ~ до места жительства. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — побеждаемые

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, со-

общали даже ~ места жительства. КАБ1, ПБЛ4;
РЦ, МД1 — сообщили

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, сообщали даже Чичикову лично некоторые из сих советов, предлагали ~ ни более ни менее как миллионщик.

КАБ1(п) — за которые он очень благодарил, примолвив, что не преминет при первом случае ими воспользоваться, насчет же изъявленных опасений при переселении крестьян изъяснился, что хотя действительно оно сопряжено с затруднениями, но он надеется, что с божьей помощью совершится благополучно, по крайней мере без бунта. Следствие или заключение всех этих толков было весьма полезно для нашего героя: оно утвердило за ним одно из выгоднейших мнений, какое только может приобрести на этом свете человек — именно, что он должен быть очень богат. Пропустили даже слухи, что он миллионщик. Все

За советы Чичиков благодарил, говоря, что

~ смирного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению и что бунта ни в каком случае между ними быть не может.

КАБ1, ПБЛ4(п) — характера и

Все эти ~ душевнее.

К тексту “Все эти ~ душевнее” относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к КАБ1:

Чичиков, как видели в первой главе, умел совершенно очаровать всех и привязать к себе. А теперь посторонние открывались в нем достоинства, и закупки на тысячные укрепили [совершенно наглухо] связи

Все эти толки и рассуждения произвели, однако ж, самые благоприятные следствия, каких только мог ожидать Чичиков.

КАБ1, ПБЛ4(п) — какие

Жители города и без того, как уже мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, после таких слухов, полюби-

ли еще душевнее.

КАБ1(п) — само собою разумеется, полюбили его еще

Впрочем, если сказать правду, они всё были народ добрый, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенно простодушия и короткости: “Любезный друг, Илья Ильич!

КАБ1 — нет

Впрочем, если сказать правду, они всё были народ добрый, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенно простодушия и короткости: “Любезный друг, Илья Ильич!

КАБ1(п) — добрые люди

Впрочем, если сказать правду, они всё были народ добрый, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенно простодушия и короткости: “Любезный

друг, Илья Ильич!

КАБ1(п) — патриархальности

МД2 — кротости

Словом, всё было очень семейственно. Многие были не без образования: председатель палаты ~ зажмуривал глаза.

КАБ1 — дружественно и семейственно. Все они были люди

Многие были не без образования: председатель палаты ~ читал многие места, особенно: “Бор заснул, долина спит” и ~ зажмуривал глаза.

ПБЛ3, КАБ1, ПБЛ4 — Чу! Бор заснул

Почтмейстер вдался более в философию ~ длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — выписки, но какого рода

Кто был ~ изъяснить, следовало бы сказать многое о самих дамах, об их обществе, ~ для автора это очень трудно.

КАБ1(п) — Насчет благовидности нечего и говорить. Читатель уже сам видел, что они были люди такие, как нужно для занятия степенных и надежных мест, то есть люди полные и здоровые — чахоточного или молокосо-са между ними никого не было. Итак, расположение их к Чичикову было совершенно искреннее. Но если на них герой наш подействовал сильно, то надо признаться, что на супруг и вообще на дам подействовал еще сильнее. Впечатление это тем было удивительнее, что совершилось вдруг, едва только распространилось мнение по городу, о котором уже сказано выше. Чтобы понять, почему оно случилось вдруг

КАБ1 — а. Уже известно, что они все были люди надежные, чахоточного между ними никого не было. Словом, всё был добрый народ, пока, натурально, их не опутывал чорт, что, как известно, разрушает всегда согласие, [где только ни есть] где обитает человек. Стало быть расположение их к Чичикову могло быть совершенно искреннее. Но несравненно замечательнее то впечатление и т. д. как в тексте

б. Кто был то ~ чернушки, Бобо ~ качествами и оборотами, знавший в самом деле великую тайну нравиться. Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел даже средств, как вырваться из города. Одним словом, он был носим, как говорится, на руках. Но несравненно замечательнее то впечатление и т. д. как в тексте

ПБЛ4, РЦ — Кто был то ~ Они так полюбили его, что он даже был не рад, потому что не видел и т. д. как в тексте.

К этому месту относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к КАБ1:

Черта добродушия и гостеприимства была у всех какою-то общею чертою, что, может быть, заключается уже в самой славянской природе: человек, с которым вкусили они хлеба-соли, провели несколько вечеров за картами и бутылкою, делался уже чем-то почти родным. Любовь дошла до того, что не слышали души. Сам Чичиков отчасти даже не рад был, ибо чувствовал, [потому что чувствовал] что трудно было ему расставаться. [что

расстаться будет всё <1 нрзб.>] Все уже заблаговременно [Вместо Все уже заблаговременно: Уже теперь, за несколько дней вперед, со всех сторон] и на перерыв просили беспрестанно об отсрочке предполагаемого отъезда, который в угодность им он уж просрочил и без того.

Чтоб это сколько-нибудь изъяснить, следовало бы сказать многое о самих дамах, об их ~ качества; но для автора ~ с другой стороны... с другой стороны, просто трудно.

КАБ1(п) — но здесь автор должен признаться, что это очень трудно. С одной стороны останавливает его неограниченное почтение, которое он всегда чувствовал к супругам сановников всех вообще городов, как губернских, так и уездных; с другой стороны и то, что эта сторона человеческого рода так образована непонятно, что весьма трудно найти слов, которые бы совершенно определили ее

Дамы города N. были... нет, никаким образом не могу; чувствуется точно робость.

КАБ1(п) — право

Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем.

КАБ1(п) — нет, прошу великодушно извинения у читателя: просто не подымается никак перо

КАБ1, ПБЛ4(п) — Даже перо, как будто свинец, или сорокафунтовое ядро в нем засело

Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем. КАБ1, ПБЛ4, МД1;

РЦ — страшно

Так и быть: о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у которого поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней.

КАБ1, ПБЛ4(п) — у которого точно

Так и быть: о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у которого поживее краски и побольше их на палитре, а нам

придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней.

КАБ1(п) — разве слегка

Дамы города N. были то, что называют, презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим.

КАБ1(п) — очень, как говорится

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских.

КАБ1(п) — Что касается до того ~ держать себя

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и множество

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских.

КАБ1(п) — которых даже приметить нельзя простым глазом, то в этом, надобно признаться

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — а особенно

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских.

КАБ1 — они даже опередили дам и петербургских

ПБЛ4(п) — они еще опередили дам и петер-

бургских

И уж как ~ визита.

КАБ1(п) — и так сильно перессорились, что уж никак не могли потом примирить их; как ни старались мужья и родственники загладить как-нибудь дело, но нашли, что рана была совершенно неизлечима

КАБ1, ПБЛ4 — Ссора была так сильна, что уж никак не могли потом примирить их, как ни старались мужья и родственники загладить дело, но увидали, что рана была совершенно неизлечима

Так обе дамы и остались во взаимном нерасположении, по выражению городского света. ~ исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости.

КАБ1(п) — жители города. В нравах своих дамы города N, подобно многим петербургским, были очень строги, исполнены

Дуэли, конечно, между ними не происхо-

дило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли.

КАБ1 — нет

Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли.

КАБ1, ПБЛ4(п) — нагадить

В нравах своих дамы города N. были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — в нравах

В нравах своих дамы города N. были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости.

КАБ1(п) — немилосердно и не прощали со-

вершенно никаких слабостей

Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называют другое-третье, то ~ с кумом сидела. КАБ1, ПБЛ4;
РЦ, МД1 — ими

Если же между ними и происходило ~ происходило; сохранялось всё достоинство, и ~ с кумом сидела.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сохранялось бы

Если же между ними и происходило ~ всё достоинство, и самый муж ~ с кумом сидела.

КАБ1(п) — достоинство, строгость самая суровая и даже

Если же между ними и происходило ~ достоинство, и самый муж так был приготовлен, что ~ с кумом сидела.

КАБ1 — муж

Еще нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и

приличием в словах и выражениях. РЦ, МД1;
КАБ1, ПБЛ4 — NN

И даже ~ этого.

КАБ1 — а. И даже ничего такого, что бы могло подать хотя какую-нибудь идею об этом, а вместо того старались [обратить] заменить разговор [на другое] чем-нибудь другим: я почитала книгу или тому подобное, поехала прогуливаться и [прочее] тому подобное

б. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало идею об этом и т. д. как в тексте

Чтоб еще более облагородить русский язык, половина ~ уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых.

КАБ1 — по-французски там

Итак, ограничась поверхностью, будем продолжать.

КАБ1 — а. ограничимся поверхностью и будем

б. Как в тексте

До сих пор все дамы как-то мало говорили ~ обращения; но с тех пор, ~ которое действует и на людей подлецов, и на людей ни сё ни то, и на людей хороших, словом на всех действует.

КАБ1(п) — но они ничего не находили в нем слишком необыкновенного. Теперь же, после того, как разнеслись по городу слухи, что он миллионщик, начали находить в нем что-то не совсем обыкновенное, не потому, чтобы были сами интересанки, а потому, что уже миллионщик заключает в одном звуке этого слова, именно в звуке слова, а не в денежном мешке, что-то такое, которое действует и на хороших людей, и на людей ни сё, ни то, и на людей мерзавцев, — словом на всех людей действует

Впрочем, дамы были вовсе не интересанки; виною всему ~ на людей ни сё ни то, и на людей хороших, словом на всех действует.
МД1;

МД2 — ни то, ни сё

Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить ~ не хорошо.

КАБ1(п) — но во многих гостиных однако же

Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение ~ стали говорить явно, что, конечно, Чичиков ~ не хорошо. КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — говорить

Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение ~ не первый красавец, но зато таков, как следует быть ~ не хорошо.

КАБ1(п) — несравненно лучше, нежели красавец, потому что именно

При этом ~ увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими ~ были раскуплены нарасхват.

КАБ1(п) — Сказано было даже, что мужчина тоненький есть что-то странное, более как-кая-то зубочистка, а не мужчина. В дамских

нарядах показались многие кое-какие прибавления. Купцы радостно изумились, увидя, как в гостиный двор начало съезжаться премоножество экипажей, образовавших почти гулянье, и как

В дамских нарядах оказались многие разные прибавления.

КАБ1, ПБЛ4(п) — оказались вдруг

В гостином дворе сделалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье, до такой степени наехало экипажей.

КАБ1, ПБЛ4(п) — оказалась

Купцы изумились, увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими с ярмарки и не сходивших с рук по причине цены, показавшейся высокою, пошли вдруг в ход и были раскуплены нарасхват.

КАБ1 — увидя

Купцы изумились, увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими с ярмарки и не сходивших с рук по причине цены, пока-

завшейся высокою, пошли вдруг в ход и были раскуплены нарасхват.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и дотоле не могших продаться

Купцы изумились, увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими с ярмарки и не сходивших с рук по причине цены, показавшейся высокою, пошли вдруг в ход и были раскуплены нарасхват.

КАБ1(п) — теперь были совершенно расхватаны

Во время обедни у одной из дам заметили ~ к паперти, чтоб как-нибудь не измялся туалет ее высокоблагородия.

КАБ1, ПБЛ4 — поизмялся

Сам даже Чичиков не мог отчасти не заметить такого необыкновенного внимания.

КАБ1(п) — стал замечать, что внимание к нему как будто бы увеличилось

Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо: откуда и кто при-

нес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велели сказывать, от кого.

КАБ1(п) — нашел даже

Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо: откуда и кто принес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велели сказывать, от кого.

КАБ1(п) — он ничего не мог узнать об этом; слуга объявил только

Письмо начиналось очень решительно, именно так: “Нет, я должна к тебе писать!”

КАБ1 — я должна писать

ПБЛ4(п) — я должна была писать (ошибка переписчика)

Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина ~ выписать: “Что жизнь наша?”

КАБ1(п) — что всегда есть

Потом говорено было о том, что есть тай-

ное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки; потом ~ выписать: “Что жизнь наша?”

КАБ1(п) — была скреплена целым рядом точек

Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие ~ по своей справедливости, так что считаем почти необходимым их выписать: “Что жизнь наша?”

КАБ1 — мы почитаем

ПБЛ4, РЦ — мы считаем

Затем писавшая упоминала, что омочает слезами строки ~ стихами:

КАБ1(п) — весьма часто омочает

Затем писавшая упоминала, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует ~ стихами:

КАБ1, ПБЛ4(п) — которой

Затем писавшая упоминала, что омочает

слезами ~ лет, как уже не существует ~ стихами:

КАБ1 — как

Затем писавшая упоминала, что омочает слезами ~ не пользуются воздухом; окончание письма ~ стихами:

КАБ1, ПБЛ4(п) — воздухом и следовало что-то весьма похожее на объяснение в сердечных чувствах

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени.

КАБ1 — да это

КАБ1(п) — до этого (ошибка переписчика)

Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа.

КАБ1(п) — и никакой подписи

В postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам

оригинал.

КАБ1 — постскрипте

Это очень его заинтересовало.

КАБ1(п) — его чрезвычайно заинтересовало

КАБ1, ПБЛ4 — очень заинтересовало Чичикова

В анониме было так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он перечел ~ писавшая!” Словом, дело, как видно, сделалось ~ кудряво написано!”

КАБ1(п) — он перечел вновь письмо, прочитал его потом и в третий раз и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. Дело

КАБ1, ПБЛ4 — что он перечел ~ письмо и всё никак не мог утвердить в голове своей ни одного предположения насчет того, кто бы такая могла быть писавшая. А любопытно бы однако ж [было] знать, кто такая, — сказал он сам в себе. — Чертовски [Вместо Чертовски: Право ПБЛ4] любопытно, я бы, признаюсь,

много дал, чтобы узнать. Словом, дело

Словом, дело, как видно, сделалось сурьезно; более часу он всё думал ~ кудряво написано!”

КАБ1(п) — ибо более часу

Словом, дело, как видно, сделалось сурьезно; более часу он всё думал об этом, наконец, расставив руки и наклоня голову, сказал: “А письмо очень, очень кудряво написано!”

КАБ1(п) — он расставил руки и наклоня голову несколько на сторону

Словом, дело, как видно, сделалось сурьезно; более часу он всё думал об этом, наконец, расставив руки и наклоня голову, сказал: “А письмо очень, очень кудряво написано!”

КАБ1 — нет

Потом, ~ месте.

КАБ1(п) — Затем свернул он письмо и положил его в ларчик. Уложенное очень аккуратно, оно поместилось там между афишкой и каким-то пригласительным билетом на сва-

дбу, покоившимся несколько уже лет на одном и том же месте

КАБ1, ПБЛ4(п), КАБ1(п) — Потом письмо было свернуто ~ билетом, уже с давних пор лежавшем на одном и том же месте

ПБЛ4 (кар.) — Вслед за тем оно, разумеется, было свернуто и т. д. как в тексте

Всё ~ туалет.

КАБ1(п) — Чичиков немедленно исключительно занялся приготовлением к балу; нельзя утаить, что никогда еще не было употреблено им на это столько времени, как в этот раз

КАБ1 — Что всё постороннее было оставлено в минуту и всё было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякой, потому что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. На туалет еще никогда доселе не было употреблено столько времени. Почти

ПБЛ4 а, РЦ(п) — Что всё постороннее было в ту же минуту оставлено и отстранено прочь и всё было устремлено на приготовление к балу, это может заключить всякий, потому

что еще никогда не было таких побудительных и задирающих причин. За то может быть еще никогда не было употреблено столько времени на туалет. Почти

ПБЛ4 — б. Начато: Всё постороннее в ту же минуту было отстранено прочь. На столе вмиг водрузилось зеркало и начался [туалет самый] пред ним туалет самый подробнейший, какой когда-либо было

Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале.

КАБ1, ПБЛ4(п) — употреблен

Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале.

КАБ1(п) — физиогномии

Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное ~ не знал вовсе.

КАБ1(п) — лицу

Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то ~ Чичиков не знал вовсе.

КАБ1, ПБЛ4(п), РЦ(п) — иногда

Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то ~ не знал вовсе.

КАБ1(п) — сурьезное выражение, иногда сурьезное и почтительное

КАБ1, ПБЛ4(п), РЦ(п) — степенное выражение, иногда степенное и почтительное

ПБЛ4 (кар.), РЦ — Как в тексте

Пробовалось сообщить ему множество ~ несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал во-все.

и произнесено даже несколько КАБ1(п), ПБЛ4(п), РЦ(п);

ПБЛ4 (кар.), РЦ — Как в тексте

Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли ~ в щелку.

Он сделал ~ сюрпризов, каким-нибудь новым положением лица, какое и сам до того не выдывал КАБ1, ПБЛ4(п), РЦц;

ПБЛ4 (кар.) — Даже были некоторые движения и губами и бровями, отчасти и языком

Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул ~ один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку.

ПБЛ4 (кар.) — внутренне

Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: “Ах ты, мордашка эдакой!”, и стал одеваться.

КАБ1(п) — Наконец, полюбовавшись еще несколько минут своим, действительно, в своем роде недурным лицом

Но что такое отвечает земский суд, уж это он бросил в сторону и спешил с приветствием к нашему герою.

КАБ1, ПБЛ4 — бросал

Любезнейший Павел Иванович! КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Любезный

Чичиков разом почувствовал себя в нескольких объятиях.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — И герой наш

Не успел совершенно выкарабкаться из объятий председателя, как очутился ~, откупщик — архитектору...

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Не успел он

Губернатор, который в то время стоял возле дам и держал в одной руке конфетный билет и болонку, увидя его, бросил на пол и билет и болонку, — только завизжала собачонка; словом, распространил он радость и веселье необыкновенное.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — а в другой болонку

Не было лица, на котором бы не выразилось удовольствие или по крайней мере отражение всеобщего удовольствия.

КАБ1, ПБЛ4 — Может быть не было ни одного лица

Так бывает на лицах чиновников во время осмотра ~ несколько слов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Таковую радость можно видеть только

Так бывает на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником вверенных управлению их мест: после того, как ~ несколько слов.

КАБ1, ПБЛ4, — их управлению

Смеются вдвое в ответ на это ~ от души те, которые от него подалее и которые, впрочем, несколько плохо слышали ~ крепкого табаку. КАБ1, ПБЛ4(п);

РЦ, МД1 — те, которые, впрочем

Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные ~ плохо слышали произнесенные им слова, и наконец ~ крепкого табаку.

ПБЛ4, РЦ, МД1 — услышали

Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные ~ собирался чихнуть по-

сле крепкого табаку.

КАБ1(п) — понюхавши крепкого табаку, и хотя малейший шум или беспорядок вмиг возвращают на лицо его прежнюю суровую власть и прежний неотразимый вид

Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость ~ очаровал всех.

КАБ1, ПБЛ4(п) — каждому весьма бегло и приятно

Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему, несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех.

КАБ1, ПБЛ4(п) — чувствовал сам

Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему, несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех.

КАБ1, ПБЛ4(п) — очаровал совершенно

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал.

КАБ1, ПБЛ4(п) — блистающею очаровательною

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал.

КАБ1 — нанесли

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал.

хал.

КАБ1(п) — облака и потока

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал.

КАБ1 — веяла

КАБ1(п) — взяла (ошибка переписчика)

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал. МД1;

МД2 — другого

Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала роза-

ми, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал.

После “резедой”: так что Чичиков купался и плавал по уши в жасминных и прочих запахах КАБ1(п)

Дамы тут же обступили его ~ резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал. В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были ~ прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса).

КАБ1, ПБЛ4 — словом, Чичикову была роскошь, он купался во всяких запахах по горло, [По горло нет КАБ1] как в ванне. Казалось, в нарядах их не было пропущено ничего того, что споспешествует к решительной гибели сердец наших

В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, ~ красавицу!”

КАБ1(п) — атлас, кисея совсем неопределенно-бледных модных цветов блистали в сильном свете, оттененные и озаренные вме-

сте кусками сверкающих лент и цветами. Легкий головной убор из блонды и цветов держался и сидел только на одних ушах, на подобие воздушных мотыльков

В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса).

КАБ1, ПБЛ4 — нет

В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — бледных

В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса).

ПБЛ4 (кар.) — цветов, таких тонких цветов

Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилась много порядочная голова.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сверкали и метались в сильном свете блеском невыносимым. [Вместо невыносимым: необыкновенным ПБЛ4(п)] Их легко озаряли, набрасывая на них тонкий ослепительный свет, ленточные банты и цветочные букеты, которые, казалось, совершенно невзначай и без всякого умысла прильнули там и там в разных местах платья — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова

ПБЛ4, РЦ(п) — сверкали блеском необыкновенным. Их легко озаряли ленточные банты и цветочные букеты, прильнувшие как будто невзначай без умысла там и там в разных местах платья — беспорядок, над которым много трудилась порядочная голова

Легкий головной убор держался только на одних ушах и, казалось, говорил: “Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красави-

цу!”

ПБЛ4 — Это были просто воздушные мотыльки, севшие на уши и расправившие крылья, чтобы унести в неизвестные человеку страны

Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы (нужно заметить, что ~ приметить).

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — обтянуты, выгнуты

Всё было у них придумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностью; шея, плечи были открыты ~ под именем скромностей.

КАБ1(п) — обдуманно

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ обнажила свои владения до тех пор, пока ~ под именем скромностей.

КАБ1(п) — свое добро

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ было припрятано с необыкновенным вкусом: или какой-нибудь ~ под именем

скромностей.

КАБ1(п) — обдуманым

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ легонький галстучек из ленты ~ под именем скромностей. МД1;

МД2 — галстук

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ галстучек из ленты или шарф легче ~ под именем скромностей. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — из ленты

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ поцалуя, эфирно обнимал и обвивал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — обнимал

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей.

КАБ1(п) — из тонкого холста или батиста

стенки

Эти скромности скрывали наперед и создали то, что уже не могло ~ погибель.

КАБ1(п) — не было так заманчиво, а между тем заставляли думать, что оно было еще заманчивей

Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук ~ сам Париж!”

КАБ1(п) — аппетитные

КАБ1 — [как самые] возбудительные

Длинные перчатки были надеты ~ завидною свежестью и полнотою; у иных ~ сам Париж!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — полнотою

Длинные перчатки были надеты ~ перчатки, побужденные надвинуться далее, словом, кажется, как будто на всем было написано: “Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — подвинуться

Длинные перчатки были надеты ~ надвинуться далее, словом, кажется, как будто ~ в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели и прежде всего читатели высшего общества: от них ~ физиономии.

КАБ1(п) — Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенно-му выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. Почти в лице каждой из них он замечал такое неопределенно значительное, с таким чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо-тонкое, — у! какое тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам, а нам никакими словами нельзя передать тех намеков и необъясненных выра-

жений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что уж такое делается в глазах их — ну, там такое бесконечное государство, которому просто конца нет. Уже чтоб изобразить один блеск их со всеми изменениями, не наберешь слов ни в каком лексиконе; поди-тка, пересчитай, каков бывает этот блеск! Влажный, бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, весь совершенно без неги — и у каждого, не приведи бог, какое значение, — здесь просто станешь втупик, и только после долгого и вместе очень глупого молчания, наконец, скажешь: “Да, очень галантерейная половина человеческого рода!” Сюда, кажется, вошло слово не весьма приличное и отчасти подмеченное на улице — в этом автор просит извинения у читателя: его положение бывает иногда так затруднительно, что нельзя обойтись без словца, несколько дерущего уши. Впрочем, если сказать правду, не все слова, произнесенные на улице, достойны быть пораженными всеобщим презрением; что ни говори, они сказаны нашим православным народом, а православный народ скажет иной раз и весьма определитель-

ное слово. В том же, что автор употребил его, виноваты сами читатели и особенно

КАБ1 — Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в совершенстве. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенно-му выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма. Но никаким образом нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая из них была сочинительница таинственного письма. В лице каждой из них он замечал такое неопределенно значительное, с таким чуть заметным лукавством, вскользь обнаруженное выражение, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое! Уж пусть за это бог простит женщинам, а нам чрезвычайно трудно передать все те излучины намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что до глаз — там, говорят, такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов и в которые человек заехав [Фраза не дописана.] Уж для того, что<бы>

изобразить один блеск их, не хватит слов ни в каком [лексико<не>] словаре. [Прошу только перечесть их] Одни названия [этого блеска]: [Далее начато: И в самом деле трудно кому-либо перечислить только] во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженство нездешних необыкновенных миров, потом — но нет, [нельзя, не в силах, просто нет выражения и после долгого молчания <2 нрзб.> сказать, что] других [Далее начато карандашом: иной раз стоишь как дурак час целый, да тем дело и кончится, что скажешь: галантёрная] — нельзя рассказать да и ничего нельзя сказать, только и можно сказать: галантёрная половина человеческого рода! Виноват! кажется вошло [сюда] словцо, подмеченное на улице. Что ж делать, таково на Руси положение писателя. Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, в этом виноват не автор, виноваты читатели и прежде всего

ПБЛ4 — Словом, ни что не ушло от внимательного вкуса, которым тонко одарен прекрасный пол; всё было предусмотрено в со-

вершенстве. [Вместо Словом ~ совершенстве начато карандашом: Словом на всем <1 нрзб.> было: это столица, а не губерния [просто] это сам Париж.] Только местами ~ вкусу, или платье составленное из двух платьев, еще блиставших в прошлых веках и покорившихся весьма плохо модной картинке. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города, где-нибудь уж он непременно оборвется. Чичиков, стоя перед ними, пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выражению в глазах или в лице узнать, которая из них была сочинительница таинственного письма, но никак нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни в глазах, которая из них была сочинительницей письма. [Вместо Чичиков стоя ~ письма начато карандашом: Он было хотел, посматривая на ту и на другую даму, узнать, которая была сочинительница письма, но помешал галопу: целая вереница пронеслась мимо, задев его рукавом по носу [Это был вихорь, а не галопад] Тут было] В лице каждой из них он замечал такое неопределенно-значительное, с таким чуть заметным лукавством вскользь обнаружен-

ное выражение, такое неуловимо тонкое, у! какое тонкое! уже пусть за это бог простит женщинам, [Далее начато карандашом: Ну [уж] женщины. Поди ж расскажи, передай всё, что на их лицах, словом, просто не] а нам чрезвычайно трудно передать все те излучины намеков и необъясненных выражений, которые исчезают и появляются в их лицах. А что до глаз [Далее начато карандашом: А уж что касается до глаз, так и говорить нечего. Там, говорят,] — там такое бесконечное государство, которому нет совершенно никаких пределов [Далее начато карандашом: Да тут <1 нрзб.> как хочешь, а попробуй один только блеск этих глаз, так] и в которое человек заехав, пропадает без вести, один блеск их, во-первых, влажный, потом бархатный, острый, мягкий, томный, весь совершенно в неге, потом без неги, но пророчащий блаженства нездешних миров, потом — но нет, не прибе- решь сказать далее совершенно ничего, только разве после долгого размышления скажешь сглупу что-то в роде подобной фразы. Галантёрная половина человеческого рода!

К этому же месту относятся наброски на отдельном листке, вшитом в ПБЛ4:

розы, жасмины, словом [сухая] душистая ванна. Чичиков поднимал только кверху нос, да вбирал в себя. В нарядах [дамских платьях<?>] тоже вкусу было пропасть. Ленточные банты и цветочные букеты, казалось, порхали по платьям, прильнувши в разных <не дописано> и в этом картинном беспорядке, над которым [долго] трудилась до поту порядочная голова. Легкой головной убор держался только на одних ушах: казалось, говорил: “Ей, улечу. Жаль только, что не подниму с собой красавицы”.

Конечно, местами вдруг, среди этой модной кучи выказывался невиданный землею чепец или какое-нибудь перо, вроде павлин<ьего?>

Чичиков поглядывал [на них и] на тех, которые были к нему поближе, и на тех, которые стояли подальше, и пытался, нельзя ли как-нибудь по глазам узнать, которая была сочи-

нительница письма; но только что он высунул немного нос вперед, как вдруг дернула по самому носу пролетевшая вереница [неумолимый голопад]. Он попятился и дал дорогу [почтенная сторона, каким сокровищем] которые летели во всю пропалую. Всё сорвалось. Дама с голубым пером, дама с белым пером, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, грузинский <князь> Чипхайхилидзе, француз Куку, Перхуновский, Перебендовский, всё понеслось, поднялось. “Вона! пошла писать губерния!” проговорил Чичиков. А [сочинительницу всё же] между тем, ему все-таки хотелось непременно отыскать сочинительницу, и как только [увидел] разгоряченные дамы были усажены весьма ловко на места, он, подошедши ближе, устремил испытующий взгляд. В некот<орых> лицах он заметил с таким лукавство<м> обнаруженное выражение, такое тонкое! у какое тонкое! “Нет”, сказал, наконец, сам себе [<1 нрзб.>], несколько махнув рукой: “прошу, изъясни, растолкуй, что такое женщины, это просто чорт [возьми; это ни] знает, что это женщина [попробуй, обрисуй] поди ты расскажи, что

значит всё то, что делается у них. Ну, как расскажешь всё, что не <пропуск>. Ну, вот глаза, например, их. Ведь это просто такое государство, куда заехавши, уже никак оттуда не выедет человек. Просто служи по нем панихиду. Ну, один блеск их, ну, попробуй назвать один только блеск! [глаза] сначала бархатные, потом влажные, потом острый<?>, томный<?>, потом, что говорится, глаза в неге, потом без неги, но пророчат [больше] и уж [тогда блаженство, и уж даже не разберешь, но даже]. Стало быть знать, что какая, так что вот зацепит [за сердце], да и поволочет по всей душе... Потом опять так, как была, потом другая как бы... Но, нет, чорт возьми.

какой-то армейский офицер трудился и душой, и телом, и руками, и ногами и выделял такие па, какие и не снились никому

Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели ~ и не захочешь, и наделят даже с сохранением ~ птичьей физиономии.

КАБ1(п) — притом

А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — разве только

А между тем какая взыскательность!

КАБ1, ПБЛ4(п) — требовательность

Хотят непременно, чтобы всё было написано языком ~ сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный, как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его. МД1;

МД2 — спустился

Хотят непременно, чтобы всё было написано языком ~ прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его.

КАБ1(п) — им бы только

РАЗДЕЛ 7

Хотят непременно, чтобы всё было написано ~ разинуть рот да выставить его. КАБ1;

ПБЛ4 — роты
РЦ, МД1 — рты

А Чичиков ~ угадать!”

КАБ1(п) — Чем более Чичиков рассматривал дам, тем приходил в большее затруднение разрешить, которая из них была действительно сочинительница письма, исполненного душевных и сердечных излияний. Попробовавши устремить еще внимательнее взор, он увидел, что и с их стороны все неопределенные выражения обнаруживались яснее и становились значительнее; выражалось что-то такое, подающее вместе и надежду и в то же время наполняющее сладкими муками сердце бедного смертного, что он просто не знал, что придумать. Впрочем, он находил, что дамы были уже несколько слишком толсты, и вообразил себе неизвестно почему, [Вместо неизвестно почему: основываясь неизвестно на чем КАБ1(п)] что писавшая таинственное письмо должна быть непременно тонее

ПБЛ4 — А Чичиков между тем приходил в совершенное недоумение, разрешить, кото-

рая была сочинительница письма. Попробовавши устремить немножко внимательнее взор, он увидел, что с дамской стороны тоже обнаруживалось что-то такое посылающее вместе и т. д. как в тексте

Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил, к той и другой ~ около дам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — разменялся [разменивался ПБЛ4(п) (ошибка переписчика)] словами с дамами с непринужденной ловкостью

Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил, к той и другой дробным, ~ ножкой, в виде коротенького хвостика или наподобие запятой.

КАБ1(п) — и, переменяя вдруг разговор или обращаясь на другую сторону, он произвел не один раз что-то вроде прыжка, подшаркнувши тут же ногой

КАБ1 — а. дробным мелким ~ жеребчиками [увивающиеся около дам и поправляющие галстух и воротнички манишек и] забегаю-

щие весьма проворно. Чичиков кроме того шаркнул даже раза два ногою

б. Как в тексте

Дамы были очень довольны и не только отыскивали в нем кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам.

КАБ1(п) — Дамы им были

Дамы были очень довольны и не только отыскивали в нем кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам.

КАБ1(п) — которое

Дамы были очень довольны и не только отыскивали в нем кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится

женщинам.

КАБ1(п) — весьма

Даже из-за него уже начинали несколько ссориться: заметивши, что он ~ когда одной посчастливилось ~ подобная наглость.

КАБ1, ПБЛ4 — одной из дам

Даже из-за него уже начинали несколько ссориться: заметивши, что ~ пренеприятная история, и многим, желавшим себе сделать то же, показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость.

многим желавшим и себе

Вспомнил он об этом уже тогда, когда услышал голос самой губернаторши, стоявшей перед ним уже несколько минут.

ПБЛ4 — об этом он

Губернаторша произнесла ласковым и несколько даже лукавым голосом с приятным потряхиванием головы: “А, Павел Иванович, так вот как вы!..” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — несколько ласковым и лу-

В точности не могу передать слов губернаторши, но было сказано что-то, исполненное ~ позабытых вами.

ПБЛ4 (кар.) — уж нельзя

В точности не могу передать слов губернаторши, но было сказано что-то, исполненное ~ позабытых вами.

КАБ1, ПБЛ4(п) — слова

В точности не могу передать слов губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, в том духе, в котором ~ позабытых вами.

КАБ1 — светской

В точности не могу передать слов губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, в том духе, в котором изъясняются ~ позабытых вами.

КАБ1 — в духе, которым

В точности не могу передать слов губерна-

торши, но ~ писателей, охотников описывать
~ позабытых вами.

КАБ1(п) — любящих

В точности не могу передать слов губерна-
торши, но ~ писателей, охотников описывать
гостиные и похвалиться знанием высшего то-
на, в духе того, что ~ позабытых вами.

ПБЛ4 (кар.) — похвастаться знанием гости-
ных и

Герой наш поворотился в ту ж минуту к гу-
бернаторше и уже готов был отпустить ей от-
вет, вероятно, ничем не хуже тех, какие ~
оглушенный ударом.

КАБ1(п) — тоже ничем

Герой наш поворотился в ту ж минуту к гу-
бернаторше ~ повестях Звонские, Линские,
Лидины, Гремины и всякие ловкие военные
люди, как, невзначай поднявши глаза, оста-
новился вдруг, будто оглушенный ударом.

КАБ1 — нет

Герой наш поворотился в ту ж минуту к гу-

бернаторше ~ и всякие ловкие военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто оглушенный ударом.

КАБ1(п) — другие

Герой наш поворотился в ту ж минуту к губернаторше ~ военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто оглушенный ударом.

КАБ1(п) — поднявши глаза, остановился вдруг будто пораженный электрическим ударом

КАБ1 — поднявши глаза, он остановился и т. д. как в тексте

ПБЛ4 (кар.) — поднял глаза, он заикнулся и совершенно оторопел

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку ~ распутывать дело.

КАБ1(п) — Он увидел, что губернаторша стояла перед ним не одна

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую ~ распуты-

вать дело. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — девушку

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую блондинку, с тоненькими, стройными чертами ~ распутывать дело. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — тоненькими и стройными

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала ~ в образец для мадонны и какое ~ распутывать дело.

КАБ1 — мадонны

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала ~ какое только редким случаем попадает на Руси, где ~ распутывать дело.

КАБ1(п) — иногда только попадает на нашей Руси

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала ~ на Руси, где любит всё оказать в широком размере, всё, что ~ распутывать дело.

КАБ1 — любит оказаться

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала ~ столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй с дядею Миняем взялись распутывать дело.

КАБ1, ПБЛ4(п) — упряжьми

Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова и пробормотал чорт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин.

КАБ1(п) — ответа, приготовленного, вероятно, удачно

Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова и пробормотал чорт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин.

КАБ1 — нет

Он отвечал, что уже имел счастье нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что прибавить, но кое-что совсем не вышло.

КАБ1(п) — Герой наш сказал

Он отвечал, что уже имел счастье нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что прибавить, но кое-что совсем не вышло.

КАБ1(п) — познакомиться или встретиться и еще попробовал кое-что прибавить к этому; оно не склеилось как нужно и самые движения его сделались как-то не так развязны

Губернаторша, сказав два-три слова, наконец отошла ~ позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека; вмиг ~ он позабыл что-то.

КАБ1 — нет

ПБЛ4 — и уж тогда ~ быть этого бедного человека

Губернаторша, сказав два-три слова, наконец отошла ~ беззаботное выражение слетает с лица его; он силится ~ он позабыл что-то.

ПБЛ4 (кар.) — слетело

Губернаторша, сказав два-три слова, нако-

нец отошла ~ платок в кармане; не деньги ли, но деньги тоже в кармане; всё, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то.

КАБ1 — деньги

И вот уже глядит он растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску, и ничего хорошо не видит.

ПБЛ4 (кар.) — И вот ~ растерянно. И он стоит, хлопая глазами, как сова

И вот уже глядит он растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску, и ничего хорошо не видит.

КАБ1(п) — на вывеску, на будку перед самыми глазами

И вот уже глядит он растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящие

го полка, на вывеску, и ничего хорошо не видит.

ПБЛ4 (кар.) — вывеску и, как сова, хлопает глазами

Так и Чичиков вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него.

КАБ1(п) — и всё стоит он неподвижно на одном и том же месте, весь исполненный полузабывшегося размышления, весь преданный бестолково-заботному ожиданию. Таким самым образом

КАБ1 — [чуждый всему, что не движется в круге] Так

Так и Чичиков вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п) — Чичиков остановился вдруг, будто прикованный и вдруг

В это время из дамских благовоющих уст к нему устремилось ~ долину задумчивости?”

ПБЛ4 (кар.) — В это время относились несколько раз к нему дамы

В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество намеков и вопросов, проникнутых насквозь тонкостью ~ долину задумчивости?”

КАБ1(п) — отличавшихся

Но он отвечал на всё решительным невниманием, и приятные фразы канули, как в воду.

КАБ1(п) — это

Но он отвечал на всё решительным невниманием, и приятные фразы канули, как в воду.

КАБ1 — все приятные

Он даже до того был неучтив, что скоро ушел от них в другую сторону, желая посмотреть, куда ушла губернаторша с своей дочкой.

КАБ1(п) — так

Он даже до того был неучтив, что скоро ушел от них в другую сторону, желая посмотреть, куда ушла губернаторша с своей

дочкой.

КАБ1(п) — совершенно в другую сторону

Но дамы, кажется, не хотели оставить его так скоро; каждая внутренне решилась употребить все возможные орудия, столь опасные для сердец наших, и пустить в ход всё, что было лучшего.

КАБ1(п) — и внутренне решились

Но дамы, кажется, не хотели оставить его так скоро; каждая внутренне решилась употребить все возможные орудия, столь опасные для сердец наших, и пустить в ход всё, что было лучшего.

КАБ1(п) — весьма

КАБ1, ПБЛ4(п) — так

Но дамы, кажется, не хотели оставить его так скоро; каждая внутренне решилась употребить все возможные орудия, столь опасные для сердец наших, и пустить в ход всё, что было лучшего.

КАБ1(п) — чтобы совершенно поразить его. Каждая втайне решила пустить в дело то, что

у нее было

КАБ1 — пустить в ход всё, что было

Нужно заметить, что у некоторых дам, я говорю, у некоторых, это не то, что у всех, есть ~ думают, что лучшая часть лица их так первая и бросится всем в глаза, и все вдруг ~ лоб!”

КАБ1(п) — это прежде всего нам всем и бросится в глаза, что, как только она явится

У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что ~ у этой плечи!”, а на лицо, волосы, нос, лоб даже не взглянут, если же и взглянут, то как на что-то постороннее.

КАБ1 — а на прочее, то есть на лицо, волосы, нос и лоб

У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что ~ и взглянут, то как на что-то постороннее. Таким образом думают иные дамы. Каждая дама дала себе ~ превосходного.

КАБ1(п) — то разве как на что-то прибавочное и постороннее. Каждая из дам

КАБ1 — то разве как на что-то прибавоч-

ное и постороннее. Вот каким образом думают [дамы] иные дамы, [в каком деле автор впрочем ничуть не виноват] Каждая из дам

Одна очень любезная дама, — которая приехала ~ плисовые сапоги, — не вытерпела, однако же, и сделала несколько кругов ~ в голову.

КАБ1, ПБЛ4 — но и та однако же не вытерпела

Одна очень любезная дама, — которая приехала ~ почтмейстерша не забрала в самом деле слишком много себе в голову.

КАБ1, ПБЛ4 — не забрала уж

Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать ~ чалма с пером.

КАБ1(п) — на все те круги, которые производили дамы, а то и дело подымался

КАБ1, ПБЛ4 — на круги, производимые ими, а то и дело подымался

Он даже не смотрел на круги, производи-

мые дамами, но беспрестанно подымался на цыпочки ~ плечей и спин, наконец доискался и увидел ее, сидящую вместе с матерью, над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером.

КАБ1, ПБЛ4(п) — по-за спинами

Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно ~ спин, наконец доискался и увидел ее, сидящую вместе с матерью, над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером.

КАБ1(п) — и наконец-таки

Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно ~ вместе с матерью, над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером.

КАБ1 — нет

ПБЛ4 — над которою величаво колебалась восточная чалма с пером

Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение подействовало на него или толкал его кто сзади,

только он протеснялся решительно ~ по паркету.

КАБ1, ПБЛ4(п) — выпирался

Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение ~ на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией, но он на них не поглядел; он видел ~ по паркету.

КАБ1 — изумлением, но он на них и не поглядел

ПБЛ4 (кар.) — изумлением, отчасти смешанным даже с тонкой [сатирой], иронией, но он не замечал

Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение ~ он на них не поглядел; он видел только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, без сомнения, сторавшую желанием пуститься летать по паркету.

КАБ1(п) — и видел

Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение ~ видел

только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, без сомнения, сторавшую желанием пуститься летать по паркету.

КАБ1, ПБЛ4 — только

А уж там ~ дочкой.

КАБ1 — нет

ПБЛ4 — А уж там в стороне четыре пары откальвали мазурку [Он видел только] Ему видно было, как один армейский офицер [которого] работал и душою и телом, и руками и ногами и отделявал такие па, какие даже и не снились никому. Он прошмыгнул мимо мазурки, [и прямо к блондинке и очутился] зацепивши ногою каблуки армейского офицера

РЦ — А уж там ~ пол, и какой-то армейский офицер работал и руками и ногами и душою и телом

А уж там в стороне четыре пары откальвали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками и ногами, отвертывая такие па, какие и во сне никому не случалось отверты-

вать. МД1;

МД2 — каких

Однако ж он подступил к ним очень робко, не семеня так бойко и франтовски ногами, даже несколько замялся, и во всех движениях оказалась какая-то неловкость.

КАБ1(п) — Не без некоторого однако же чувства робости он подступил к ним

ПБЛ4 (кар.) — Однако же подступил он к ним весьма робко, не семеня уже так бойко и т. д. как в тексте

Нельзя сказать наверно, точно ~ на картине.

КАБ1(п) — точно ли пробудилась в нашем герое что-то вроде любви; даже почти сомнительно, ~ способны были влюбляться. Впрочем он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и которого он даже сам не мог бы себе объяснить, симпатия ли или просто влечение, только весь бал, как он сам потом признавался, со всем своим говором и шумом ему показался на несколько минут как будто бы был где-то вдали и поддер-

нулся чем-то вроде тумана или сделался похожим на какое-то небрежно замалеванное поле на картине

КАБ1, ПБЛ4 — точно ли пробудилось в нашем герое что-то вроде любви; даже почти сомнительно, чтобы господа такого рода, — способны были влюбляться, но при всем том он чувствовал что-то такое, которое несколько трудно рассказать и чего он далее как в КАБ1(п)

ПБЛ4 (кар.) — точно ли чувство любви в нем пробудилось, но, как он выразился потом, было здесь что-то странное, по крайней мере, ему показалось, что весь бал был где-то вдали. Скрышки и трубы нарезывали бог знает где-то за горами, всё подернулось туманом, похожим на небрежно замалеванное поле на картине.

И из этого мглистого, кое-как набросанного поля выходили ясно ~ чистых линиях.

КАБ1, ПБЛ4 — и кое-как

И из этого мглистого, кое-как набросанного поля ~ после выпуска, ее белое, почти про-

стое платье, легко и ловко обхватившее во всех местах молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях.

КАБ1(п) — выпуска из института

И из этого мглистого, кое-как набросанного поля ~ белое, почти простое платье, легко и ловко обхватившее во всех местах молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях.

КАБ1, ПБЛ4(п) — простенькое платье, небрежно, легко и ловко обхватившее везде ее молоденькие

И из этого мглистого, кое-как набросанного поля ~ члены, которые означались в каких-то чистых линиях.

ПБЛ4 (кар.) — означавшиеся

Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости; она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — одна только

Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости; она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы.

КАБ1, ПБЛ4 — казалась прозрачною среди мутной толпы

Видно, так уж бывает на свете, видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, обращаются в поэтов; но слово поэт будет уже слишком.

КАБ1, ПБЛ4 — Бог знает, видно на несколько минут в жизни и Чичиковы обращаются в поэтов; но слово поэт в самом деле будет уже слишком

По крайней мере, он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром.

КАБ1(п) — Вернее то, что

Увидевши возле них пустой стул, он тот

же час его занял. КАБ1;
ПБЛ4, РЦ, МД1 — тотчас

Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он начал даже получать форс, но... здесь, к величайшему прискорбию, надобно заметить, что ~ капитанских чинов.

ПБЛ4 (кар.) — сначала совсем

Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он начал даже получать форс, но... здесь, к величайшему прискорбию, надобно заметить, что ~ капитанских чинов.

КАБ1, ПБЛ4(п), РЦ(п) — даже начал входить в роль. Но здесь надобно заметить

Разговор сначала не клеился, но после ~ немного тяжеловаты в разговорах с дамами; на это мастера господа поручики, и никак не далее капитанских чинов.

КАБ1, ПБЛ4 — в разговоре

Разговор сначала не клеился, но после ~ никак не далее капитанских чинов.

КАБ1(п) — капитанского чина

Как они делают, бог их ведает: кажется, и не очень мудреные вещи говорят, а девица ~ его слушает.

КАБ1(п) — не мудреные

Как они делают, бог их ведает: кажется, и не очень мудреные вещи ~ от него ужасно пахнет книгою; если же скажет что-нибудь смешное, то сам несравненно больше смеется, чем та, которая его слушает.

КАБ1 — сильно

Здесь это замечено для того, чтобы читатели видели, почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя.

КАБ1, ПБЛ4(п) — читатели видели яснее

ПБЛ4 (кар.) — читатель видел

Здесь это замечено для того, чтобы читатели видели, почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя.

КАБ1 — сильно зевать

ПБЛ4(п), РЦ(п) — много зевать

Герой, однако же, ~ обхождение Чичикова.

КАБ1(п) — который, впрочем, не замечал и приправлял их приятными выражениями лица, помещая кое-где одну из тех действительно заманчивых улыбок, подмеченных предварительно в зеркале. Всем дамам, бывшим на бале, совершенно не понравилось такое обхождение

Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая ~ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатные сестры ее ~ и Маклатурой Александровной.

КАБ1 — Михаловна

Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая ~ была сестра невестки его Пелагея Егоровна с племянницей Софией Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софией Александровной и Маклатурой Александровной.

ПБЛ4 (кар.) — золовка

Одна из них нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это заметить, и ~ порхал во-

круг плеч ее, распорядилась так, что ~ замечание.

КАБ1, ПБЛ4(п) — плечей

Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свете.

КАБ1(п) — всего, что ни есть на свете, и тогда мужчина со своим рассчитанным благоразумием и поддельною твердостью духа становится пред нею не более, как ребенок. Всех можно умолить, самого бесчувственного, холодного в своих жестокостях, прикрывающего свои жестокости личиною долга, — и того можно умолить, но нельзя умолить женщины, хотя в характере ее нет жестокости и хотя сердце ее дрогнет произвести холодное, обдуманное злодейство

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю гибели после наглого завладения стулом.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиковым, может быть даже

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю гибели после наглого завладения стулом.

КАБ1 — совсем

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю гибели после наглого завладения стулом. КАБ1;

КАБ1(п) — некоторое согласие

ПБЛ4, РЦ, МД1 — даже согласие

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю гибели после наглого завладения стулом.

КАБ1 — угрожавшее было разрушиться после наглого завладения

В произнесенных ~ образом; а бедная институтка была уничтожена совершенно, и приговор ее уже был подписан.

КАБ1(п) — Теперь они стали говорить о нем между собою со стороны такой невыгодной, что не дай бог никому

Эти стихи были приписаны тут же Чичикову.

КАБ1, ПБЛ4(п) — приписаны были

А между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность: в то время, когда блондинка зевала, а он рассказывал ~ Ноздрев.

КАБ1(п) — готовился неожиданно пренеприятнейший сюрприз

А между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность: в то время, когда ~ греческого философа Диогена, показался из последней комнаты Ноздрев.

КАБ1(п) — Диогена, очень остроумно ответившего Александру Македонскому

А между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность: в то время, когда ~ из последней комнаты Ноздрев.

КАБ1 — соседней

“Что? много наторговал мертвых?

КАБ1(п) — мертвых душ накупил

Ведь вы не знаете, ваше превосходительство”, горланил он тут же, обратившись к губернатору: “он торгует мертвыми душами! Ей-богу! Послушай, Чичиков!

КАБ1(п) — что он покупает мертвые души! Послушай, душа Чичиков!

Позволь, ~ не слушали больше; но всё же слова его о покупке мертвых душ были произнесены ~ комнаты.

КАБ1(п) — Ноздрев продолжал врать; его, разумеется, не слушали и отошли подальше

Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!”

КАБ1 — нет

Ноздрев был так оттолкнут со своими безе, что чуть не полетел на землю: от него все отступились ~ углах комнаты.

КАБ1, ПБЛ4 — полетел

Ноздрев был так оттолкнут со своими безе, что чуть не полетел на землю: от него все отступились и не слушали больше; но всё же слова его ~ углах комнаты.

КАБ1 — его

Эта новость так показалась странною, что все остановились с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением.

КАБ1(п) — выражением в лице, какое только видится на карнавальных масках в ту пору, когда скрывшаяся под ними молодежь хочет безотчетно завеселиться, закружиться, потеряться в безотчетном веселии, страшась и убегая всякого вопроса, а маски со своими благообразными картонными чертами, неподвижно несясь на лицах, проникнутых движением, несут какой-то восклицательный

знак и как бы спрашивают: “к чему это, на что это?” Почти такое же бесчувственное вопросительное и недоумевающее выражение отразилось на всех лицах — и вдруг во всех концах залы, по крайней мере

Минуты на две настала какая-то непонятная тишина, Чичиков заметил, что многие дамы ~ увеличило это смущение. КАБ1; ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

Минуты на две настала какая-то непонятная тишина, Чичиков заметил, что ~ более увеличило это смущение. КАБ1 — его

И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стучит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить. КАБ1(п) — непременно это

И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся

непременно досыта и потом признают, что это не стуйт внимания и не достойно, чтобы о нем говорить.

КАБ1(п) — сколько их ни есть там наговораются досыта и потом единоголасно признают, что это решительно не стуйт никакого внимания и не достойно того, чтобы о нем говорить

Это вздорное, по-видимому, происшествие заметно расстроило нашего героя.

КАБ1(п) — Это однако ж вздорное

Как ни глупы слова дурака, а иногда бывают они достаточны, чтобы смутить умного человека.

КАБ1 — Как ни пуста болтовня

Он стал ~ колесо: два раза сходил он в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдурную свою же.

КАБ1(п) — Чичиков стал чувствовать себя совсем неловко. Как он ни старался не думать об этом и рассеяться, но в голове его сидел

как будто какой гвоздь и как будто сам чорт мелькал перед ним поперек всем мыслям. Он попробовал было сесть в вист, но и тут дело шло не очень удачно

КАБ1 — Он стал чувствовать себя как-то неловко, гадко, словно как будто [он] прекрасно и т. д. как в тексте

ПБЛ4 — Он стал чувствовать себя неловко, неладно как будто и т. д. как в тексте

Он пробовал об этом не думать, старался рассеяться, развлечься, присел в вист, но всё пошло, как кривое колесо: два раза сходил он в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдурю свою же.

КАБ1, ПБЛ4 — пошел

Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух его пикового короля, на которого он, по собственному выражению, надеялся, как на бога. КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — на каменную стену (ценз. иск.)

Конечно, почтмейстер, и председатель, и даже сам полицеймейстер, как водится, подшучивали ~ у Павла Ивановича сердчишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено; но всё это никак его не утешало, как он ни пробовал усмехаться и отшучиваться. МД1;

МД2 — сердчишко

За ужином тоже он никак не был в состоянии развернуться, несмотря на то, что общество за столом было приятное и что Ноздрева давно уже вывели; ибо сами даже дамы наконец заметили, что поведение его чересчур становилось скандалёзно.

КАБ1 — сами

Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что уже было ни на что не похоже, по выражению дам. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — было уже

Даже не дождался он окончания ужина и уехал к себе несравненно раньше, чем имел

обыкновение уезжать. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — ранее

Там, в этой комнатке, так знакомой читателю, с дверью, заставленной комодом, и выглядывавшими иногда из углов тараканами, положение мыслей и духа его было так же беспокойно, как беспокойны те кресла, в которых он сидел.

КАБ1, ПБЛ4(п) — с особенным запахом и наведывавшимися иногда

Неприятно, смутно ~ был отчасти сам.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Взглянувши оком благоразумия на свое положение, он видел, что всё это вздор, глупое слово ничего не значит, дело же по милости божией обделано как следует, но неудовольствие, которое он заметил во взорах дамских, кажется, огорчало его сильнее всего, тем более, что он отчасти был сам этому причиною

К этому месту относится также вставка на отдельном листке:

Выдумали балы! Чорт бы их побрал — тех, кто выдумал. На три часа сойдутся вместе, а на три года [Вместо На три часа ~ года: Вечер один посидят вместе, а полгода] пойдет потом сплетней. [Далее начато: а. Ведь только и будет разговоров потом, как кто ступил, да какое платье на нем было. Я уверен, что шесть месяцев б. Чорт побери, ведь] Никто <1 нрзб.> дела не делает, во всем: муж дурак [сидит] в присутствии, только греет стул или дует в карты до петухов, а баба дура [сидит] зевает перед окном весь день. Ну, шила бы рубахи! по крайней мере ткала бы ковры! всё бы не пришла дурь в голову! Натурально, от безделья придут в голову балы! Чорт побери!” [Вместо Натурально ~ побери: а то ведь ничего никто не делает <нрзб.> сидит на безделье, ну, и балы! Всё от безделья! ну, чорт, подумашь, что за веселость в том, что дряг, дряг ногой. Человек разумное созданье, а так проводит время.] Так думал Чичиков, [Далее начато: конечно, от] говоря с сердца, точно как бы и сам никогда не играл до петухов.

“Балы! Ну, что... Балы!.. сколько на платье

да тряпки денег усадят! [Вместо Балы ~ усадят: Делать нечего, ну и и давай балы. Денег-то сколько на платья усадят] Сколько мужни делает канальства, бездельничества и мерзостей из-за того, чтоб жене достать денег на наряд, а жена рядится затем, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы! [Вместо Сколько ~ Балы: Известное дело, из чего наш брат берет взятки. Балы, чорт побери. В губернии голод, а тут балы. Оттого, что жене <нрзб.>, а там оттого, что Подстега Сидоровна нарядится, чтоб всем в соблазн, да мужу же на лоб рога насадит. Балы, чорт побери. <В> губернии голод, а тут балы.] Чорт побери, так перепутались все, что не знаешь теперь, кто с кем живет... Всё стало родня! Балы! Подумаешь, человек разумное животное, и этак проводит время! Оденется, как прилично взрослому человеку во фрак, а ногою дряг, дряг. Видно, что весельчак. [Вместо Всё стало ~ весельчак: Балы, чорт побери, балы. В губернии голод, а тут балы. Веселье большое.] Народ, по крайней мере, если веселится, так и вскрикивает и приседает, и приседает, видно, что веселится. А здесь [точно идет в присутствии], выступает мелоч-

но<?>. Дурак, глядит сова-совою, а ногою дряг, [Далее начато: говорит сам] точно как будто блохи кусают [блоха укусила] его за ногу. Говорят друг с другом о сурьезном, а ногою дряг, дряг... [Вместо Говорит ~ дряг: Говорит “я был сегодня...” а ногою тут же дряг, дряг. Что это в самом деле, ведь это просто насмешка] Разве это веселость... Балы. [На место того, чтоб сидеть по деревням, заботиться о крестьянах, об обрабатывании <не дописано>, разводить лес для внуков, сад, воспитывать крестьян, учить, поучать народ — они вон соберутся все в городе] [как бы то ни у кого дела нет] Балы! В губернии голод, а они балы. Ведь именья, небось ведь, или закладывает и<ли> продает! Всяк лезет в чиновники, чтобы на счет всех жить, а не на свой. Чтобы кутить да пьянствовать”. Так говорил Чичиков, как будто сам был вовсе не охотник кутить и как будто тоже не хотел пожить на счет других.

Всё балы, балы. Мужиков общипают, затем взятки берут, затем, чтобы балы или съездить на бал. <1 нрзб.> кот<орый?> крадет, затем, чтобы давать балы. Балы затем, чтобы подо-

браться <1 нрзб.> всё балы, балы <1 нрзб.> [точно как будто] тысячи три-четыре бросить в один вечер — это считается как будто нужное, как будто деньги были, для этого есть лишние, а ведь [говорит, что то] кругом всё жалуется на день<ги> и видишь, что алтынным гвоздем всякая копейка приби<та>. Набрались добра из чужого края. Умели самое лучшее перенять, как перевести последнюю копейку”. Так бранил Чичиков с досады [несколько справедливо] балы.

Иной даже, стоя в паре, переговаривается с другим об важном деле, а ногами в то же самое время, как козленок, вензеля направо и налево... ПБЛ4;

РЦ, МД1 — переговаривает

В голове, просто, ничего, как после разговора с светским человеком: всего он наговорит, всего ~ с простым купцом, знающим одно свое дело, но знающим его твердо и опытно, лучше всех этих побрякушек.

ПБЛ4 — знающим [сильно]

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Ноздрева ~ нашего героя.

КАБ1 — и угощая

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и перед ним теплилась сальная свечка, которой ~ нашего героя.

КАБ1 — топилась

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями ~ шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядела ~ нашего героя.

КАБ1(п) — и пламя раздваивалось под черной шапкой ежеминутно грозя погаснуть

КАБ1 (кар.) — вяло [обнимавшею] объятаю тонким раздвоенным пламенем, ежеминутно грозившим погаснуть

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мысля-

ми ~ где-нибудь фризловая шинель, горемыка
неизвестно какого класса ~ нашего героя.

КАБ1 — одна фризловая

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями ~ на другом конце города происходило событие, которое готовилось увеличить неприятность положения нашего героя.

КАБ1 (кар.) — происходило событие, заготовлено <?> подобно надвигающемся на небосклонный край тучам

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями ~ происходило событие, которое готовилось увеличить неприятность положения нашего героя.

КАБ1 — готовившееся

Именно в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, наводивший ~ именем малого.

КАБ1(п) — какой вряд ли где можно увидеть, кроме как разве в обширной русской

империи. Он не был похож на бричку или коляску; справедливее сказать, он ни на что не был похож, зато был наполнен перинами, подушками и узелками с провизией пирогов и хлебов и увешан вязанками каких-то трехугольных домашних кренделей [Последние слова и узелками ~ кренделей, ошибочно не зачеркнутые в КАБ1, перенесены переписчиком в ПБЛ4, где Гоголь их зачеркнул.]

КАБ1 — наводивший ~ ни коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса, [Щеки этого арбуза] носившие следы желтой краски, [Далее начато: не затворялись, ручки и замки были, кажется, в плохом состоянии] затворялись очень плохо, [потому] что по причине плохого состояния ручек и замков и кое-как связаны веревками. Арбуз был наполнен ситцевыми подушками [всяких сортов и фигур в виде] в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и [пирогам] кренделями ~ наверх. На запятках было утверждено лицо лакейского происхождения в куртке из дом<аш>ней пеструшки, с небри-

той бородой, известное под именем малого [Окончание вставки, написанное на полях: Арбуз был наполнен ~ малого ошибочно было переписано в ПБЛ4 не на указанное Гоголем место. При исправлении ПБЛ4 Гоголь вновь вписал его в несколько измененном виде — как в тексте.]

Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв ~ своего рыцарства.

КАБ1, ПБЛ4(п) — разбудил

Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили ~ дребезжанье, поймал ~ ногте, после чего, отставивши алебарду, опять заснул, по уставам своего рыцарства.

КАБ1(п) — странного экипажа, достал из сапога тавлинку и потянул из нее табаку, имевшего цвет и запах сгнившей кожи

Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили ~ алебарду, опять заснул, по уставам своего рыцарства.

КАБ1(п) — заснул вновь, как стоял, на том же месте

Лошади то и дело падали на передние коленки, потому что не были подкованы, и при том, как видно, покойная городская мостовая была им мало знакома.

КАБ1 — Лошади, запряженные в это четвероколесие

Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычках и остановилась пред воротами дома протопопши.

КАБ1 — воротами

Из брички вылезла девка с платком на голове, в телогрейке, ихватила обоими кулаками в ворота так сильно, хоть бы и мужчине (малый в куртке из пеструшки был уже потом стащен за ноги, ибо спал мертвецки).

КАБ1 — телогрейке

Экипаж въехал в тесный двор, заваленный

дровами, курятниками и всякими клетухами; из экипажа вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка.

КАБ1, ПБЛ4(п) — разными свинушниками

Поутру, ранее даже того времени, которое назначено в городе N. для визитов, из дверей ~ на круглой лощеной шляпе.

КАБ1, ПБЛ4(п) — довольно рано, ранее

Поутру, ранее даже того времени, которое назначено в городе N. для визитов, из дверей оранжевого деревянного дома с мезонином ~ на круглой лощеной шляпе.

КАБ1(п) — дома, выкрашенного оранжевою краскою

Дама вспорхнула в тот же час с необыкновенною поспешностью по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску.

КАБ1, ПБЛ4 — тот же час

Дама ~ полдороги.

КАБ1(п) — Сидевшая в коляске дама во всю

дорогу не знала как сладить с собственным языком, чувствовавшим побуждение неодолимое сообщить только что полученную новость. Она поминутно выглядывала из окна и видела, что всё еще остается почти полдороги

КАБ1 — Сидевшая в коляске дама чувствовала побуждение неодолимое сообщить только что полученную новость и не знала как сладить с своим языком, который уже несколько раз начинал заговаривать сам собою. Поминутно выглядывала она из окна и видела, что всё еще остается почти полдороги

Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она наконец не вытерпела не сказать: “Проклятое строение, и конца нет!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — дом, в котором было не более осьми окон в ряд

Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так

что она наконец не вытерпела не сказать:
“Проклятое строение, и конца нет!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — ослепительной белизны

Ты сегодня несносно долго едешь!

КАБ1(п) — бог знает как

Наконец цель была достигнута.

КАБ1(п) — цель ее

Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом темносерого цвета, с белыми деревянными барельефчиками ~ городской пыли. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ МД1 — белыми

Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом ~ палисадником, за решеткою которого находившиеся тоненькие деревца побелели от никогда не сходявшей с них городской пыли.

КАБ1 — нет

Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом ~ тоненькие деревца

побелели от никогда не сходявшей с них городской пыли.

КАБ1(п) — были покрыты

В окнах мелькали горшки с цветами, попугай, качавшийся в клетке, уцепясь носом за кольцо, и две собачонки, спавшие перед солнцем.

КАБ1(п) — висевший

В окнах мелькали горшки с цветами, попугай, качавшийся в клетке, уцепясь носом за кольцо, и две собачонки, спавшие перед солнцем.

КАБ1(п) — моськи

Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него, как серживались встарь.

КАБ1(п) — встарь, во времена прежние, за “Ревизора” и множество других старых грехов и не укорили бы даже его в помещении каких-либо личностей

КАБ1 — и не укорили бы в помещении ка-

ких-либо личностей

Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу ~ не на живот, а на смерть, станет говорить, что ~ любит покушать.

КАБ1, ПБЛ4(п) — жизнь

Назови ~ этого, будем называть даму, к которой приехала гостя, так, как она называлась почти единогласно в городе N., именно дамою приятною во всех отношениях.

КАБ1(п) — Назвать по чинам — и того хуже. Скажи только автор: прокурорша — и непременно все прокурорши всех губернских городов, сколько их ни есть на свете, разобидятся ужасным образом. Такое уж обидчивое государство. И потому во избежание тех и других личностей и разных могущих произойти тех и других следствий, мы станем

КАБ1, ПБЛ4(п) — Назови же по чинам, то есть скажи только: какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком губернских городов и в каждом городе сидит по одной прокурорше, [а] личности же у нас,

как известно, совсем не то, что в других государствах. [Далее начато: У нас всё личность: скажи только автор, что] У нас достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек — это уже и личность. [Как ни скажите] Вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит: Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп, словом, вмиг смекнет, в чем дело. А потому для избежания всего этого будем

ПБЛ4 — Назови же по чинам, то есть скажи только: какая-нибудь прокурорша — и того опасней. В России 50 с лишком губернских городов и в каждом городе сидит по одной прокурорше, личности же у нас, как известно, совсем не то, что в другой земле. Достаточно ~ вдруг выхватится господин почтенной наружности и закричит и т. д. как в тексте

ПБЛ4 (кар.) — Назови же по чинам, боже сохрани. Теперь все чины и сословия [у нас раздражительны] так раздражены страшно. Таково, видно, уж расположение в воздухе. Стоит только сказать, что есть в одном городе глупый человек, и в ту же минуту вдруг дальше исправлений карандашом нет

Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность: вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: “Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп”; словом, вмиг смекнет, в чем дело.

ПБЛ4, РЦ — выхватится

Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность: вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: “Ведь я тоже человек, стало быть я тоже глуп”; словом, вмиг смекнет, в чем дело. МД1;

МД2 — заключит

А потому, для избежания всего этого, будем называть даму, к которой приехала гостья, так, как она называлась почти единогласно в городе N., именно дамою приятною во всех отношениях.

КАБ1, ПБЛ4(п) — таким же образом

Это название она приобрела законным об-

разом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени.

КАБ1(п) — Ибо, в самом деле, она употребляла всё, чтобы сделаться самою светскою и самою любезною в обществе дамою, и в том совершенно успела: сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке

КАБ1 — Это название она приобрела совершенно законным образом, ибо в самом деле употребила всё, чтобы сделаться в [высочайшей] достойной степени любезною в обществе [дамою], любезнее чего уже нельзя было достигнуть [никакими человеческими средствами]; сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке

ПБЛ4 — Это название она приобрела законным образом, ибо употребила всё, чтобы сделаться до такой степени любезною в обществе, любезнее чего уже нельзя было достигнуть. Сами дамы невольно чувствовали ее превосходство, мужчины подходили к ручке

Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ~ чем-нибудь в первые.

ПБЛ4 (кар.) — конечно иногда

Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая ~ булавка! а уж не приведи бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые.

КАБ1(п) — часто сильная стремительность женского характера, и в иных случаях едкостью нескрывтою вооружались ее приятные речи

КАБ1 — иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не сдержала никакая уздечка в мире и хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало [по небольшой] по [маленькой] булавке и

ПБЛ4 — иногда такая юркая прыть женского характера, которой бы не сдержала никакая уздечка в мире, [хотя подчас в каждом слове ее приятной речи торчало по булаве<!>] и хотя в приятном слове торчала ух, какая булавка! а

Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ~ не приведи бог, что кипело в сердце

це против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые.

ПБЛ4 (кар.) — было

Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ~ кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые.

КАБ1, ПБЛ4 — в сердце ее

Но всё это было облечено ~ точно, дама приятная во всех отношениях.

КАБ1(п) — прикрыто светскою любезностью, тою же добротой и лаской, какую кста-ти умеют показать высшего общества дамы; и она достигла своей цели: все чиновники в городе и даже не чиновники, а просто люди, наслаждавшиеся приятностью жизни и визитами, словом, всё то, что называется мужчинами или кавалерами, все не могли не согласиться, что Анна Григорьевна есть

КАБ1, ПБЛ4(п), РЦ — [Перед этим начато в КАБ1: наброшено необыкновенно и] весьма искусно одето необыкновенною обходительностью и [Далее начато: любезностью КАБ1]

светскостью. Всякой поступок и движение в обществе производимо было с необыкновенным вкусом. Даже [Далее начато: томность] чувство появлялось в глазах и она достигла своей цели: все чиновники в городе и люди просто наслаждавшиеся визитами не могли не согласиться что Анна Григорьевна

ПБЛ4 — облечено ~ городе. Всё производилось со вкусом, даже самое малейшее движение <3 нрзб.> и мечтала и все согласились и т. д. как в тексте

Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама.

КАБ1(п) — приехавшая, хотя, конечно, была тоже не без достоинств, но

Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама.

КАБ1 — а потому

Приезд гостыи разбудил собачонок, спавших на солнце: мохнатую Адель, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненьких ножках.

КАБ1 — на солнце: [мохнатую Эсперанс]

Приезд гостыи разбудил собачонок, спавших на солнце: мохнатую Адель, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненьких ножках.

КАБ1 — путавшуюся

Тот и другая с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостыя освобождалась от своего клокa и очутилась в платье модного узора в цвета и в длинных хвостах на шее; жасмины понеслись по всей комнате.

КАБ1 — которые

ПБЛ4 — а. И кобелек и Адель

б. Как в тексте

Тот и другая с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостыя освобождалась от своего клокa и очутилась в платье модного узора в цвета и в длинных хвостах

на шее; жасмины понесли по всей комнате.

КАБ1(п) — ситцевом платье модного цвета и узора, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую как латы, и заключившую в себе полную грудь ее, как в большом сундуке

КАБ1, ПБЛ4(п) — в ситцевой платье модного узора и цвета, натянутом без малейшей морщинки на роскошную шнуровку, выгнутую, как медный [В ПБЛ4 далее: [пузырь]] панцырь и заключившую в себе как в большом сундуке полную грудь ее.

Едва только во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, как уже выбежала в переднюю. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — вбежала

Дамы ухватились за руки, поцеловались и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, нежели у другой.

КАБ1 — Обе дамы

ПБЛ4(п) — где дамы

Дамы ухватились за руки, поцеловались и вскрикнули, ~ потому что собачонки залаяли снова, за что были ~ Попури на тоненьких ножках.

КАБ1(п) — вскрикнувши с таким же радостным криком, как молодые институтки, встретившиеся между собою спустя несколько недель после выпуска, когда еще маменьки не успели объяснить им, что неприлично кричать и слишком сильно радоваться при встречах с теми, которых отец еще неизвестно какого чина и состояния посредственного. Обе дамы, назвавши одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо

КАБ1, ПБЛ4(п) — вскрикнувши так, как вскрикивают молодые институтки, встретившиеся между собою в свете, когда еще маменьки не успели объяснить им, что неприлично слишком радоваться при встрече с теми, которых отцы еще неизвестно [какого состояния] имеют ли вес в свете. [и какое-нибудь состояние ПБЛ4(п)] Обе дамы, назвавши

одна другую по имени, поцеловались еще раз и, как казалось, довольно звонко, ибо

Дамы ухватились за руки, поцеловались и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, нежели у другой.

ПБЛ4 — как [молодые институтки]

Дамы ухватились за руки, поцеловались и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, нежели у другой.

ПБЛ4 — одной [из них]

Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты ~ Попури на тоненьких ножках.

КАБ1(п) — собачонки, которые, было, приутихли

Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платком, и обе дамы отправились ~ Попури на тоненьких ножках.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Обе

Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки ~ плющом; вслед за ними побежали ворча мохнатая Адель и высокий Попури на тоненьких ножках.

КАБ1 — за ними

“Сюда, сюда, вот в этот уголочек!” говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ну, как же я рада, что вы приехали, говорила во всех отношениях приятная дама

“Сюда, сюда, вот в этот уголочек!” говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана.

ПБЛ4 — [покойный] угол

“Вот так! ~ четверугольником. Как же я рада, что вы...”

КАБ1 — нет

“Вот так! ~ лестницею, а губы четвероугольником.

ПБЛ4 — где лежали две шитые шерстью подушки. На одной из них был рыцарь, у которого нос вышел лестницею [так произошло от канвы]

Я слышу, кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так рано.

КАБ1, ПБЛ4 — Я слышу, что

Гостья уже хотела было приступить к делу и сообщить новость.

— Ах, если бы вы знали, жизнь моя, Анна Григорьевна, как я к вам спешила, — сказала просто приятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыханье от нетерпенья скорее приступить к делу КАБ1;

— Возьмите, вот вам моя подушка, подложите ее под себя.

— Благодарю вас, благодарю, Анна Григорьевна, вы так добры... Мне очень хорошо и так: диван у вас самой... Ах, Анна Григорьев-

на, если б вы только знали, с чем я к вам приехала... [Сказавши это] Выговоривши это просто приятная дама почувствовала, что у ней захватилось дыханье от нетерпенья скорее приступить к делу. ПБЛ4

Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, вдруг дало другое направление разговору.

КАБ1(п) — дало вдруг другой поворот направлению, какое готовился принять было разговор

“Да, очень ~ словами; вообразите себе: полосочки узенькие, узенькие, какие ~ и лапки...

— Но представьте же, Анна Григорьевна, что бы вы теперь сказали, если бы увидели матерчатое, которое привезла мне сестра. Я заранее представляю себе, каково должно быть ваше восхищение КАБ1(п)

— Странно, — сказала просто приятная дама: — Прасковья Федоровна находит, что лучше если бы клеточки были помельче и что бы вместо лиловых крапинок были бы голубые

крапинки. Сестре ее [привезли] прислали материйку — это такое очарованье, какого нельзя представить КАБ1

— Да [очень] не правда ли что веселенький, а Прасковья Федоровна [однако же] находит и т. д. как в тексте ПБЛ4

Сестре ее прислали материйку: это такое очарованье, которого, просто, нельзя выразить ~ и лапки... КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Сестре я (ошибка переписчика ПБЛ4)

Сестре ее прислали материйку: это такое ~ через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки...

КАБ1(п) — клеточка

Словом, бесподобно!

КАБ1, ПБЛ4(п) — при свечах такое волшебство! бесподобно, бесподобно

“Милая, это пестро”. “Ах, нет, не пестро!”
“Ах, пестро!”

— И всё глазки и лапки?

— Всё глазки и лапки; но так распрямило, что сказать нельзя.

Только мне кажется, что это уж чересчур пестро; я, по край ней мере, не могу себе представить здесь ничего особенного КАБ1(п)

— А глазки и лапки лилового цвета?

— Нет, [цвету какого-то какб] глазки пунцовые, а лапки цвету какого-то какб, я уже позабыла, как его называют, но так распрямило, что рассказать невозможно.

— Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. [Если бы лапки были лилового цвета, а глазки какб или глазки лилового цвета, а лапки какие-нибудь другие, тогда бы было лучше] Если бы глазки и лапки были одного цвету, это было бы лучше или если уж так, то пусть лапки будут пунцового цвета, глазки то, что вы говорите КАБ1

а. Глазки и лапки лилового цвета?

— Нет, глазки пунцового, а лапки цвету ка-

кого-то, какого я уже забыла, как его называют, но так распрямило, что сказать невозможно.

— Но мне кажется, что это уж чересчур пестро. Так уж лучше, чтобы [и] глазки и лапки были обое лилового цвета, а так, воля ваша, это будет совсем пестро, это нехорошо

б. Но это однако ж [выйдет однако ж] мне кажется чересчур пестро. Не будет, [как выражаются этакой тонкости] понимаете, такого благородства ПБЛ4

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонная к отрицанию и сомнению, и отвергала весьма многое в жизни. ПБЛ4 (кар.);

РЦ, МД1 — склонна

Здесь просто приятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро, и вскрикнула...

ПБЛ4(п), КАБ1 — Ах, нет Анна Григорьевна, это просто надобно видеть...

ПБЛ4 — Но здесь приятная дама объяснила, что совсем не пестро и потом воскликнула

“Ах, это нехорошо, фестончики!”

КАБ1 — Как фестончики?

ПБЛ4, РЦ — Ах это нехорошо, если фестончики

“Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики”.

КАБ1 — нет

“Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики”.

КАБ1(п) — и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики и внизу

КАБ1, ПБЛ4(п) — и на рукавах фестончики, и на плечах эполетцы из фестончиков и внизу

“Нехорошо, Софья Ивановна, если всё фестончики”.

КАБ1(п) — Да это ж выйдет прескверно, ес-

ли всё фестончики

КАБ1, ПБЛ4(п) — Но это выйдет нехорошо, если всё фестончики

ПБЛ4 — Нехорошо, Софья Ивановна, [что вы ни говорите] если фестончики

“Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху...

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ах, вы не можете представить себе, как мило

“Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху...

ПБЛ4 — Анна Григорьевна, страх мило

Но вот, вот ~ вокруг, как бывало в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бель-фам”.

нашивочка.

— Зачем же нашивочка?

— Нашивочка, Анна Григорьевна, необхо-

дима: от этого происходит такое очарование, что просто изобразить себе не можно. Ах, ведь прежде, вам нужно еще сказать... Уж вот когда, Анна Григорьевна, испустите вы длинный “ах!” Я воображаю заранее, какой длинный “ах!” Вообразите себе только то, что лифчики теперь кроются совершенно как у мужчин, и даже еще длиннее.

— Что вы говорите?

— Длинные, длинные и юбка собирается вокруг совсем так КАБ1(п) нашивочка.

— Зачем же нашивочка?

— Нашивочка, Анна Григорьевна, необходима: от этого всё происходит. Но уж если хотите, чтобы я вас точно изумила, так вот вам — изумляйтесь. Вообразите себе только то, что лифчики теперь чуть не длиннее мужских и сделаны мыском.

— Что вы?

— С одной стороны, это хорошо, потому что талия кажется никак нетолще стакана, но вообразите, что юбка вся собирается вокруг
КАБ1

“Ну уж это ~ приятная дама.

КАБ1 — нет

[—Но... это уж бог знает что.

— Очень странно]

— Ну уж это, признаюсь, — сказала дама <приятная> во всех отношениях, сделавши жест руками ПБЛ4

“Уж как вы хотите, я ни за что не стану подражать этому”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ну, уж ~ но я ни за что

“Я сама ~ шить”.

Я сама тоже. Право, странно даже, как вообразишь, до чего иногда доходит мода. Иной раз такие глупости выдумают, что уж, точно, никакого подобия... Я однако же выпросила у

сестры выкройку, посмотрю так только, для смеху, как оно выйдет. Меланья моя принялась уже шить КАБ1(п)

— Я сама тоже... Право странно даже, как вообразишь до чего иногда доходит мода... такие глупости выдумают, ни на что не похоже. Я выпросила у сестры выкройку, посмотрю нарочно, для смеху только. Меланья моя принялась шить. Посмотрю как будет КАБ1, ПБЛ4(п)

— Я сама... право, как ~ шить.

При этих словах в лице дамы приятной во всех отношениях изобразилась необыкновенная живость ПБЛ4 [При этих ~ живость вписано в ПБЛ4 карандашом. В РЦ переписчик не переписал.]

“Душа моя, дайте ее мне, ради всего святого”. “Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне. Разве после нее”.

поскорей, я попробую себе тоже, именно, не больше, как ради смеха.

— Только после Прасковьи Федоровны: я

уж ей обещала КАБ1(п)

“Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне.
КАБ1, ПБЛ4 — Жизнь моя, я обещала

“Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне.
ПБЛ4 (кар.) — Прасковье Федоровне <1
нрзб.> Софья Ивановна

Это уже слишком странно будет с вашей стороны, если вы чужих предпочтете своим”.

КАБ1(п) — Нет, я думать не хочу, чтобы вы нанесли мне такую обиду; кажется, что мы с вами в таком отношении, что просто будет с вашей стороны бессовестно

КАБ1 — [Неужели вы решитесь нанести мне такое оскорбление!] Это уже ~ если вы [предпочтете ее мне, кажется] и т. д. как в тексте

“Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы ~ знакомство”. [В ПБЛ4 над этими словами запись карандашом: если вы хотите]

РЦ — а я слышать не хочу

“Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление... Видно, я вам наскучила ~ знакомство”.

КАБ1(п) — иначе всякое знакомство между нами кончено

“Она вам тетка еще бог ~ хотите нанести такое оскорбление... Видно, я вам наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — смертельную обиду

“Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление... Видно, я вам наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство”.

КАБ1 — нет

“Она вам тетка еще бог знает какая: с муж-

ниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходит: вы мне хотите нанести такое оскорбление... Видно, я вам наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство”.

ПБЛ4 — видно, вы [уже]

“Она вам тетка еще бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это ~ со мною всякое знакомство”.

КАБ1(п) — приятная дама

Она бы готова была исколоть за это иголками глупый язык свой. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — язык (ошибка переписчика)

“Ну, что ж наш прелестник?”

КАБ1, ПБЛ4 — что

что ж я так сижу перед вами!

КАБ1, ПБЛ4(п) — что ж я в самом деле

Ведь вы не знаете, Анна Григорьевна, с

чем я приехала к вам?” КАБ1, ПБЛ4;
РЦ, МД1 — Ведь вы знаете

Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ~
остановить ее.

КАБ1(п) — вскрикнула просто приятная да-
ма вся в волнении; дыханье ее сперлось и

КАБ1 — Тут дыханье [приятной] гостьи [всё
пришло в волненье] сперлось

Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ~
быть бесчеловечной, какова была искренняя
приятельница, чтобы решиться остановить
ее.

КАБ1, ПБЛ4(п) — безжалостною

Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ~
бесчеловечной, какова была искренняя прия-
тельница, чтобы решиться остановить ее.

КАБ1(п) — как во всех отношениях прият-
ная дама

Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ~
искренняя приятельница, чтобы решиться
остановить ее.

КАБ1, ПБЛ4(п) — приятельница ее

“Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его”, говорила она с живостью, более нежели обыкновенною, “а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный”.

КАБ1(п) — даже в глаза скажу это

“Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его”, говорила она с живостью, более нежели обыкновенною, “а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный”.

КАБ1(п) — человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличий... гадкой, гадкой, гадкой человек. — Так говорила во всех отношениях приятная дама и еще раз повторила: гадкий человек, — когда уже просто приятная дама издала было какой-то начальный звук, желая произнести от себя слово

КАБ1, ПБЛ4(п) — человек негодный, мерзкий человек, не знающий ни обращения, ни приличий... гадкой, гадкой, гадкой человек

“Да послушайте только, что я вам открою...”

КАБ1 — что я открою

“Да послушайте только, что я вам открою...”

КАБ1(п) — открою...” говорила просто приятная дама, от нетерпенья едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было ей очень вредно: она была нервическая дама. Но во всех отношениях приятная дама была просто бесчеловечна. И тут даже она решилась прервать ее, продолжая с прежнею силою и негодованием

КАБ1, ПБЛ4(п) — говорила бедная [Далее начато в КАБ1: гостья от] приятная дама, от нетерпения едва могшая сидеть на месте, хотя всякое волнение было ей очень вредно: она была нервическая дама. Но приятельница [Вместо “приятельница”: Дама приятная во всех отношениях ПБЛ4] была просто бесчеловечна: и тут даже она решилась прервать ее, продолжая с прежнею силою и негодованием

“Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос...”

КАБ1(п) — а он даже на урода не похож! Бог знает, что такое: толст, как шкаф, нос — картофель

КАБ1, ПБЛ4(п) — а он даже на урода не похож! Бог знает что такое: толст, как шкаф, нос... уж это такой нос, какого еще и не видно, самой неприятный

“Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать!

КАБ1, ПБЛ4 — рассказать мне

“Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать!

ПБЛ4 (кар.) — душенька моя

Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар”, говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляю-

ЩИМ ГОЛОСОМ.

КАБ1(п) — бедная приятная дама

Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — почти половина разговора между дамами происходила на французском языке

Но как ни исполнен автор ~ никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму.

КАБ1(п) — впустить

“Какая же история?”

КАБ1(п) — история?” спросила, наконец, дама, приятная во всех отношениях

“Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, если бы вы могли только представить то положение, в котором я находилась!

КАБ1(п) — если бы когда-либо человеческое воображение могло

“Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, если бы вы могли только представить то положение, в котором я находилась!

КАБ1(п) — находилась! Если бы вы только знали, как я перетревожилась. Уж вот, точно происшествие, которого никаким пером нельзя описать!

Вообразите: приходит ко мне сегодня протопоща, протопоща, отца Кирилы жена, и что бы вы думали: наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?”

КАБ1(п) — протопоща, уж вот точно!..

Приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная и бледная, как смерть, и рассказывает, и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман: вдруг в глухую ~ ворота...” Каково вам это покажется?

КАБ1(п) — говорит

КАБ1 — и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман;

ПБЛ4 — и рассказывает, и как еще [Слово еще вписано в ПБЛ4 карандашом.] рассказы-

вает и т. д. как в тексте

“Ах, прелести!

КАБ1(п) — Ах, боже мой

В ту ж минуту приказываю заложить коляску; кучер Андрюшка спрашивает меня, куда ехать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему в глаза, как дура; я думаю, что он подумал, что я сумасшедшая.

КАБ1(п) — и говорить не могу

“Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положение, когда я услышала это.

КАБ1(п) — каково же

“Ну, а как вы думаете?” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — Ну, как

“Как я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потрясена”.

КАБ1(п) — спросила в свою очередь во всех отношениях приятная дама.

— Я, право, Анна Григорьевна... я не знаю...
это превышает воображение человеческое

Я, признаюсь, совершенно потрясена”.

КАБ1 — признаюсь [нахожусь в]

Я, признаюсь, совершенно потрясена”.

КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — потеряна

Но приятная дама ничего не нашлась ска-
зать.

КАБ1(п) — Но просто приятная

Она умела только тревожиться, но чтобы
составить какое-нибудь сметливое предполо-
жение, для этого никак ее не ставало, и отто-
го, более нежели всякая другая, она имела по-
требность в нежной дружбе и советах.

КАБ1(п) — тревожиться в подобных случа-
ях

“Ну, слушайте же, что такое эти мертвые
души”, сказала дама приятная во всех отно-
шениях, и гостья при таких словах вся обра-

тилась в слух: ушки ~ дуновенья.

КАБ1(п) — при этих <словах> просто приятная дама вдруг обратилась, как говорится, в один слух

“Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души”, сказала ~ она приподнялась, почти не сидя и не держась на диване, и, несмотря ~ воздух от дуновенья.

КАБ1(п) — и почти не сидела

“Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души”, сказала ~ сделалась вдруг тонее, стала похожа на легкий пух, который вот так и полетит на воздух от дуновенья.

КАБ1(п) — как будто тоже стала похожею на какой-то легкий пух, который так вот вдруг и полетит на воздух от малейшего дуновенья

Так русский барин, собачей и нора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порошок, к

которому вот-вот поднесут огонь. КАБ1, ПБЛ4;
РЦ, МД1 — ценз. пропуск.

Так русский барин, собачей и нора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь.

КАБ1(п) — знает, что вот сию минуту выскочит заяц

Так русский барин, собачей и нора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — превращается

Так русский барин, собачей и нора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к

которому вот-вот поднесут огонь.

ПБЛ4 (кар.) — огонь. Попал он в свою сферу

Весь впился он очами в мутный воздух и уж настигнет зверя, уж допечет его неотбойный, как ни воздымайся против него вся мятущая снеговая степь, пускающая серебряные звезды ему в уста, в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

КАБ1(п) — Недвижно стоит он с дышущими очами, но сам без дыхания, стоит один среди блистающей снежной равнины, сливающейся с горизонтом, а зимний упругий, как девичьи перси, холод дразнит и колет его молодую кровь, а ветер, поднявшись из лесу, метет ему вихри снежного пуха

КАБ1 — а. Оставив далеко позади себя стрелянных, недвижно стоит он, дыша очами, без дыханья. Готовый полететь на добычу своими Крушилами, Грумилами, Махурами, Черкезами, Допекаями, Распекаями, которые уже млеют и <1 нрзб.> места под собой не чувт. [Далее начато: а. Дышут и горят его очи и видно в них, как б. Настигнет он зверя, несмотря на то, что поднялась против него] Напрасно

поднимается против него [Далее начато: вся метущая снеговая степь, упругий холод только] вся метущая снеговая степь, пуская [Далее начато: только ярит его <1 нрзб.>] [острые] колючие серебряные звезды ему;

б. Сам не дыша, но с дышущими глазами [весь] впился он весь в мутный воздух и уж его настигнет зверь, уж допечет и т. д. как в тексте.

Весь впился он очами в мутный воздух и уж настигнет зверя, уж допечет его неотбойный, как ни воздымайся против него вся мятущая снеговая степь, пускающая серебряные звезды ему в уста, в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — допекет

“Мертвые души...” произнесла во всех отношениях приятная дама.

КАБ1(п) — дама: “есть больше ничего, как выдумка только для прикрытия, а настоящее дело вот в чем

“Что, что?” подхватила гостя, вся в волне-

НЬИ.

ПБЛ4 (кар.) — Гостья произнесла только: что? и вся перешла в глаза к ней [Над строкой начато: перенеслась к ней]

“Мертвые души!..”

“Ах, говорите ради бога!”

КАБ1, ПБЛ4 — нет

“Это, просто, выдуманно только для прикрытья, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку”.

КАБ1 — Это выдумка

Это заключение, точно, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно.

КАБ1(п) — неожиданно и уж во всех

вскрикнула она, всплеснув руками: “уж этого я бы никак не могла предполагать”.

КАБ1(п) — руками: “Вот раскрытие необыкновенное!”

“Знаете, Анна Григорьевна, ведь это, просто, раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность”.

КАБ1 — нет

“Знаете, Анна Григорьевна, ведь это, просто, раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность”.

КАБ1(п) — Анна Григорьевна, помилуйте

Боже, как манерна! Кто выучил ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства”.

КАБ1(п) — Уж я не знаю, кто

“Душенька! она статуя и бледна, как смерть”.

КАБ1 — Но я вас могу уверить, Анна Григорьевна, что она статуя и к тому же еще

“Душенька!

ПБЛ4 (кар.) — Пощадите.

“Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно”.

КАБ1(п) — Не говорите, не говорите, Софья Ивановна, и уж этого никак не говорите, чтобы она была бледна, потому что;

КАБ1, ПБЛ4(п) — Ах, не говорите, Софья Ивановна, и уж этого никак не говорите, чтобы она была бледна, потому что

ПБЛ4 (кар.) — Вот уж чего вы никогда не можете сказать, Софья Ивановна, потому что

“Ах, что это вы, Анна Григорьевна: она мел, мел, чистейший мел”.

КАБ1(п) — Ах, Анна Григорьевна, помилуйте: это, совершенный мел

КАБ1, ПБЛ4 — Жизнь моя, Анна Григорьевна, она

“Милая, я сидела возле нее: румянец в па-лец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками.

КАБ1(п) — Не спорьте, моя милая, румянится нестерпимо

КАБ1, ПБЛ4(п) — Не спорьте, милая

“Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же час лишиться детей, мужа, всего имения, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!”

КАБ1(п) — Душенька, жизнь моя, Анна Григорьевна, она бледна! Клянусь вам всем, что только есть священного в мире, какую угодно выдумайте клятву, я готова сию минуту лишиться детей, имения и всего, что хотите, если есть у ней

КАБ1, ПБЛ4(п) — Душенька, Анна Григорьевна. Клянусь и т. д. как в тексте КАБ1(п)

“Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же час лишиться детей, мужа, всего имения, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!”

ПБЛ4 (кар.) — согласны вы, чтобы я сей же

“Ах, что это вы говорите, Софья ~ брусника.

КАБ1(п) — Милая, вы в заблуждении; я очень хорошо это знаю, что она бледна, потому что видела собственными своими глазами.

— Ах, Анна Григорьевна, какие вы. Ведь я видела тоже собственными глазами. Вот как теперь сижу, вот как теперь гляжу. Вот и вижу, клянусь, вот и вижу сию минуту, что она бледна, как чистейший мел.

Может быть, читателю покажется странным, что две дамы были так несогласны между собою в том, что обе видели почти в одно и то же время. Может быть, он даже подумает, что они нарочно так говорили из охоты поспорить или просто из упрямства. Но нужно защитить дам. Нет, они говорили потому, что уверены были обе в справедливости своих слов, а это уже нужно отнести более к феноменам в натуре: иногда точно бывает так, что дама глядит на вещь и видит, что она белая как снег, а другая дама на ту же самую вещь, но взглянет с такой стороны, что она выйдет совершенно красная, красная, красная как брусника — и видишь потом, что обе правы

КАБ1, ПБЛ4(п) —

— Милая, это вам так показалось, я видела

собственными своими глазами.

— Ах, Анна Григорьевна, какие вы, я видела <далее как КАБ1(п)> две дамы были несогласны <далее как КАБ1(п)> слов, а это нужно отнести более к феноменам природы. Иногда точно <далее как КАБ1(п)> совершенно красная, красная, как брусника — и видишь потом, что обе правы

Есть, точно, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство: если на них взглянет одна дама, они выйдут совершенно белые, а взглянет другая, выйдут красные, красные, как брусника.

ПБЛ4 — а. посмотрит;

б. Как в тексте.

Есть, точно, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство: если на них взглянет одна дама, они выйдут совершенно белые, а взглянет другая, выйдут красные, красные, как брусника.

ПБЛ4, РЦ — красные, красные, красные

“Ну, вот вам еще доказательство, что она бледна”, продолжала приятная дама: “я помню, как теперь, что я сижу возле Манилова и говорю ему: “Посмотрите, какая она бледная!”

КАБ1(п) — Как же не бледная?

“Ну, вот вам еще доказательство, что она бледна”, продолжала приятная дама: “я помню, как теперь, что я сижу возле Манилова и говорю ему: “Посмотрите, какая она бледная!”

КАБ1(п) — когда я сижу еще

Право, нужно быть до такой степени беспечными, как наши мужчины, чтобы восхищаться ею.

КАБ1(п) — И право

Право, нужно быть до такой степени беспечными, как наши мужчины, чтобы восхищаться ею.

КАБ1(п) — только так

“Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были равнодушны к нему”.

КАБ1(п) — Однако ж, Софья Ивановна, при-

знайтесь, вы были немножко

“Да я не говорю об вас, как будто, кроме вас, никого нет”.

КАБ1(п) — Полно, Софья Ивановна, немножко было

Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю; а разве со стороны каких-нибудь иных дам, которые играют роль недоступных”.

КАБ1(п) — с вашей стороны что-нибудь было

Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда еще не водилось.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — позвольте мне

“Отчего же вы обиделись? ведь там были и другие дамы, были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе”.

КАБ1(п) — Однако ж, Анна Григорьевна, ведь вы первая захватили стул у дверей

ведь там были и другие дамы, были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — захватили первые

Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря; но, к величайшему, изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало.

КАБ1(п) — После подобных

Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря; но, к величайшему, изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало.

КАБ1(п) — неминуемо должна была

Во всех отношениях приятная дама вспомнила, что выкройка для модного платья еще не находится в ее руках, а просто приятная дама смекнула, что она еще не успела вывести никаких подробностей насчет открытия,

сделанного ее искреннею приятельницею, и потому мир последовал очень скоро.

КАБ1(п) — чрезвычайного

Во всех отношениях приятная ~ открытия, сделанного ее искреннею приятельницею, и потому мир последовал очень скоро.

КАБ1(п) — во всех отношениях приятною дамою

Впрочем, обе дамы, нельзя сказать, чтобы имели в своей натуре потребность наносить неприятность, и вообще в характерах их ничего не было злого, а так, нечувствительно, в разговоре рождалось само собою маленькое желание кольнуть друг друга; просто, одна другой из небольшого наслаждения при случае всунет иное живое словцо: вот, мол, тебе!

КАБ1(п) — в разговоре, нечувствительно вдруг, само собою, родится

Впрочем, обе дамы, нельзя ~ всунет иное живое словцо: вот, мол, тебе! на, возьми! съешь! Разного рода бывают потребности в сердцах как мужеского, так и женского пола.

КАБ1(п) — Так вот же, мол, тебе! возьми, вот тебе, на! съешь!” — Да, разного

“Я не могу, однако же, понять только того”, сказала просто приятная дама: “как Чичиков, будучи человек заезжий, мог решиться на такой отважный пассаж.

КАБ1(п) — и мог бы

Не может быть, чтобы тут не было участников”.

“А вы думаете, нет их?”

КАБ1(п) — Верно, нашлись же такие, которые взялись помогать.

— Как не найтись? Эдакие молодцы найдутся всегда, — сказала дама, приятная во всех отношениях

“Ну да хоть и Ноздрев”.

КАБ1(п) — Да хоть бы

Вы знаете: он родного отца готов продать или, еще лучше, проиграть в карты”.

КАБ1 — какой он сорви голова

Вы знаете: он родного отца готов продать или, еще лучше, проиграть в карты”. КАБ1; ПБЛ4, РЦ МД1 — хотел

“Ах, боже мой, какие интересные новости я узнаю от вас!

КАБ1 — узнаю

Я бы никак не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю!”

КАБ1(п) — никак, признаюсь

“Как подумаешь, право, чего ни происходит на свете: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете.

КАБ1(п) — Ах, боже мой! Вот уж, точно, непредвиденное... Но скажите, однако ж, по совести, Анна Григорьевна, ну, можно ли было, например, предполагать прежде

КАБ1 — Как подумаешь, право, чего не происходит [в этом мире] на свете. Ну, можно ли

было предполагать, Анна Григорьевна, например, прежде

“Как подумаешь, право, чего ни происходит на свете: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете.

КАБ1(п) — можно ли было предполагать, что произведет он подобную скандальозную историю

Ах, Анна Григорьевна, если бы вы знали, как я перетревожилась!

КАБ1, ПБЛ4(п) — какое это на меня произвело действие! Клянусь вам, я никогда еще в жизни не была так потревожена!

Если бы не ваша благосклонность и дружба... вот уже, точно, на краю гибели... куда ж?

КАБ1(п) — Если бы вот

Если бы не ваша благосклонность и дружба... вот уже, точно, на краю гибели... куда

ж?

КАБ1(п) — я бы, признаюсь... я, просто не знаю, чтобы со мною было: куда ж?..

КАБ1, ПБЛ4(п) — я бы вот уж, точно, была бы, как говорится, на краю гибели. До сих пор не помню, что со мною было: куда ж?..

Машка моя видит, что я бледна, как смерть: “Душечка барыня”, говорит мне, “вы бледны, как смерть”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — как мел

Так вот какой случай!

КАБ1(п) — случай! Вот уж, точно раскрытие, превосходящее всякое описание; это уж, точно, можно сказать, что никаким пером нельзя описать

Она не умела лгать: предположить ~ убеждение.

КАБ1(п) — Надобно сказать правду, она

Она не умела лгать: предположить ~ убеждение, тогда умела она постоять за себя, и попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, сла-

вящийся даром побеждать чужие мнения, по-пробовал бы он состязаться здесь: увидел бы он, что значит внутреннее убеждение.

КАБ1(п) — тогда, конечно

Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или, просто, показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями ~ на предмет!

КАБ1(п) — разговаривает с тем и другим

Цитует немедленно тех ~ на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно — и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и позабывает

Потом во всеуслышанье с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников.

КАБ1(п) — себе кучи

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижной своей физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом

КАБ1 — отчасти

ПБЛ4(п) — отлично (ошибка переписчика)

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижной своей физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом.

КАБ1(п) — мигающим

Дамы наперерыв принялись ~ том же месте, хлопать левым глазом и бить себя платком по бороде, сметая оттуда табак, но ничего решительно не мог понять.

КАБ1(п) — и мигать левым глазом

Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломлен-

НЫМИ.

КАБ1, ПБЛ4 — и особенно

Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными.

КАБ1, ПБЛ4 — минут

Положение их в первую минуту было похоже на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие поранее, засунули в нос гусара, то есть бумажку, наполненную табаком. КАБ1 — положение их очень

ПБЛ4(п) — и положение их так

Положение их в первую минуту было похоже на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие поранее, засунули в нос гусара, то есть бумажку, наполненную табаком. Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается ~ гусар.

КАБ1(п) — поднесли к носу целую горсть табаку. Потянувши ее в просонках всю к себе

Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит как ~ гусар.

КАБ1 — табак

Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, где он, что он, что с ним ~ сидит гусар. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — где он

Потянувши впросонках ~ лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно ~ сидит гусар.

КАБ1(п) — стены комнаты

Потянувши впросонках ~ в окно наступившее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих ~ сидит гусар.

КАБ1 — наступающее

Потянувши впросонках ~ звучащим тысячами птичьих голосов, и с осветившеюся реч-

кою, там и там пропадающею ~ сидит гусар.

КАБ1(п) — тысячью

Потянувши впросонках ~ птичьих голосов, и с осветившеюся речкою, там и там пропадающею блестящими загогулинами между тонких тростников, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потом уже наконец чувствует, что в носу у него сидит гусар.

КАБ1(п) — с освещенною речкой, зовущей на купанье, где, как а зеркале, тонко отразились обступившие ее тростники, и нагие ребятишки, с криком плеща руками по звонкой воде, пугают заснувших на дне ее карасей, — и потом уже он, наконец, чувствует;

КАБ1 — а. с освещенною речкой, пропадающей между тонких тростников, всю выхватывающей <?> там и там сверкающими загогулинами и нагими ребятишками, манящими на купанье звонкими криками, потрясающими свежий утренний воздух и потом уже, наконец, чувствует он;

б. и с осветившеюся речкою, там, там пропадающею и т. д. как в тексте.

Потянувши впросонках ~ него сидит гусар.
КАБ1(п) — табак

Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, где он, что он, что с ним было, ~ минуту положение обитателей и чиновников города.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — в первую минуту было

Что ж ~ каша.

КАБ1(п) — Что ж это, в самом деле? что ж это толкуют нам, что за притча такая? что же значат, чорт побори их, эти мертвые души, почему же, для чего, зачем, зачем же, — опять во второй раз кричат, — мертвые дуни. К чему ж такие непонятные для человеческого ума вещи? как же можно покупать мертвые души? на какой конец могут послужить эти мертвые души? статочное ли дело, чтобы нашелся кто-нибудь тратить деньги на мертвые души, когда и на живых не всегда сыщешь покупщика? да и к чему тут, с какого бо-

ку-припеку приплелась губернаторская дочка? зачем, для каких нужд? и зачем же, решаешь покупать мертвые души, увозить губернаторскую дочку? Если ж он хотел, точно, увезти губернаторскую дочку, то какая же надобность покупать мертвые души? Неужели он не мог увезти ее без мертвых душ? Хотел ли он подарить ей, что ли, эти мертвые души? И что же, в самом деле, какая связь может быть между губернаторской дочкой и мертвыми душами? Не очевидный ли это вздор, нелепость, недостойная просвещения, мерзость, гнусность, подлость, гадость? Как можно выдумывать и распускать это? Но почему ж однако ж распущено? стало быть была же какая-нибудь причина, стало быть есть же что-нибудь, что-нибудь, вероятно, скрывается под этим? Что ж такое скрывается, что ж может скрываться? для чего же, почему, из каких причин, чорт побери все эти души... Словом, это повело толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова

КАБ1 — Что ж за притча ~ и на какой ко-

нец мертвые души, на какое житейское назначение могут послужить они; и зачем вмешалась ~ по городу. Не совестно ли разносить эдакое, пусть бы еще хоть какой-нибудь смысл был. Однако ж разнесли, стало быть была какая-нибудь причина. ~ Андроны едут, это билиберда, это поношение человечеству, это просто даже чорт побери... ~ Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знали только с Завалишиным да Полежаевым (собственные имена России, произведенные от глаголов полежать и завалиться, которые в таком же у нас ходу, как заехать к Сопикову и Храповицкому, выражение, означающее всякие мертвецкие сны и на боку, и на спине, и во всех иных положениях со всеми храпеньями, носовыми свистами и прочими принадлежностями), которых нельзя было выманить из дому пятисотрублевою ухую с аршинной стерлядью, ниже всеми тающими во рту кулебяками, словом, оказалось ~ Макдональд Карлович; и в гостинных заторчал какой-то длинный с простреленною рукою такого высокого роста, какого даже и не видано было на свете. На улицах показались крытые

дрожки, неведомые линейки ~ и заварилась каша; ПБЛ4 — Что ж за притча ~ Макдональд Карлович, и в гостинных заторчал какой-то длинный с простреленной рукою ~ неведомые линейки ~ и заварилась каша;

ПБЛ4 — Что ж за притча ~ и хоть какой-нибудь и т. д. как в тексте.

К этому же месту относится набросок (автограф) на отдельном листке, подшитом к КАБ1:

которых нельзя даже выманить было тем, против чего никаким <образом> не устоит славянская, а именно даже ухой пятисотрублевой из аршинных стерлядей и всеми тающими во рту кулебяками с головизною или с [пудовой белугой] маленькой пятипудовой белугой, против чего уж, известно, никак не устоит <1 нрзб.> славянская натура. Всё вылезло.

Все те, которые прекратили ~ спине и во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими ~ что город и люден,

и велик, и населен как следует.

РЦ — всяких

Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда; в гостиных заторчал какой-то длинный, длинный с простреленною рукою, такого высокого роста, какого даже и не видано было.

КАБ1 — и не видано было на свете

В другое время и при других обстоятельствах подобные слухи, может быть, не обратили бы на себя никакого внимания; но город N.

КАБ1(п) — внимания, не сделались бы предметом таких долгих и общих разговоров. Но нужно войти в положение, в котором тогда находился город

В другое время и при других обстоятельствах подобные слухи, может быть, не обратили бы на себя никакого внимания; но город N. уже давно не получал никаких совершенно вестей. Даже не происходило в продолжение

трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов.

КАБ1(п) — В городе N, уже в продолжении целых трех месяцев не происходило ничего такого, что называют в столицах комеражами, а это, как известно

Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов.

КАБ1, ПБЛ4 — того

Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов.

КАБ1 — номерами

Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах

цах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов.

КАБ1(п) — припасов, без которых никакой город не может существовать ~ и вдруг после такого продолжительного поста, да на голодные зубы, ниспошли бог так жирно разговеться ~ дурак разве не бросится на такую лакомую еду

В городской толковне оказалось вдруг два совершенно противоположных мнения и образовались вдруг две противоположные партии: мужская и женская.

КАБ1(п), МД1: КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД2 — оказались

В городской толковне оказалось вдруг два совершенно противоположных мнения и образовались вдруг две противоположные партии: мужская и женская.

КАБ1(п) — весьма заметно

В городской толковне оказалось вдруг два совершенно противоположных мнения и об-

разовались вдруг две противоположные партии: мужская и женская. Мужская партия, самая бестолковая, обратила внимание на мертвые души. Женская занялась исключительно похищением губернаторской дочки.

КАБ1(п) — которые образовали две противоположные партии: мужскую, которая налегла особенно на мертвые души, самую бестолковейшую, не представлявшую решительно никакого порядка, и женскую, занявшуюся

К этому же месту относятся наброски (ПБЛЗ):

В толковне города оказалось весьма заметно два совершенно противоположных [одно другому] мнения, которые образовали две противоположных партии: мужскую и женскую. [Далее начато: Первая, то есть мужская, отличалась необыкновенным, особенным бестолковьем] Мужская, [Далее начато: партия было] самая бестолковейшая, [Далее начато: какую только можно представить] как<ая> только когда-либо существовала, налегла особенно на мертвых и предоставила

[Далее начато: столько беспорядков] такой страшный беспорядок и хаос в мыслях, подобный которому мог только разве быть прежде сотворения мира. Партия женская, которая [занялась] <1 нрзб.> исключительно похищением губернаторской

В мнениях <1 нрзб.> мужская партия [Вместо “В мнениях ~ партия”: Мужская партия, несмотря на малочисленность и отпадение многих] упорствовала сильно и во всем совершенно [Далее начато: а. было; б. совсем не было] и точно не было подобной стройности и окончательности, всё было хаосом <?>, безобразно, в неопределенных сбивчивых непостижимых формах, [Далее начато: туман и беспорядок страшный, только заметно] что было заметно одно только упрямство и какое-то мужское дуботольство

Всё у них скоро приняло самый определенный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картинка. КАБ1;
КАБ1(п) — самый ясный;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — живой, определенный

Всё у них скоро приняло самый определительный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картинка.

КАБ1(п) — пластические

Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду ~ мать никогда не согласится, решился на похищение.

КАБ1, ПБЛ4(п) — именно

ПБЛ4, РЦ — именно вышло

Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись ~ мать никогда не согласится, решился на похищение. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ МД1 — даже

Оказалось, что Чичиков давно уже был ~ бросил (откуда они узнали, что Чичиков женат, — это никому не было ведомо), и что жена, которая страдает ~ мать никогда не согласится, решился на похищение.

КАБ1(п) — известно одному богу

В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял ~ Чичиков решился на похищение.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что Чичиков

В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял с тем, чтобы получить руку дочери, начать дело с матери и имел с нею сердечную тайную ~ решился на похищение. КАБ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — с матерью

В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова ~ дело с матери и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию насчет руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы ~ Чичиков решился на похищение.

КАБ1 (кар.) — имел уже

На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому начали обо всем этом говорить в таких домишках, где даже в глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавления и еще бульшие пояснения.

КАБ1(п) — и так как у нас на Руси общества низкие особенно

На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому начали обо всем этом говорить в таких домишках, где даже в глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавления и еще бульшие пояснения.

КАБ1 — в обществе

На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому ~ более окончательные формы и наконец так, как есть, во всей своей окончательности, доставлен был в собственные уши губернаторши.

КАБ1(п) — то нет ничего удивительного, что появились, наконец, такие прибавления,

которые изумили даже первых, распустивших слух прежде всех. Сюжет, как читатель видит, становился чрезвычайно занимателен, принимал мало-помалу совершенно

На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому начали обо всем этом говорить в таких домишках, где даже в глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавления и еще бульшие пояснения.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и никогда не знали

Бедная блондинка выдержала самый неприятный tkte-a-tkte, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке.

КАБ1 — неприятнейший;

ПБЛ4, РЦ — неприятельский

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы надели было на мужскую партию, пытаясь склонить их на свою сторону и утверждая, что мертвые души выдумка и упо-

треблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее произвести похищение.

КАБ1(п) — употребили всевозможные усилия, чтобы склонить на свою сторону мужчин, утверждая

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы насели было на мужскую партию, пытаясь склонить их на свою сторону и утверждая, что мертвые души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее произвести похищение.

КАБ1(п) — решительная выдумка

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы насели было на мужскую партию, пытаясь склонить их на свою сторону и утверждая, что мертвые души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее произвести похищение.

КАБ1(п) — чтобы успешнее отвлечь

Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками, именами, как известно, очень обидными для мужеского пола.

КАБ1(п) — Чтобы представить это осязательнее и очевидней, они употребили какие-то особенные средства, им одним известные, против которых многие мужья никак не могли устоять

РАЗДЕЛ 8

Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками, именами, как известно, очень обидными для мужеского пола.

КАБ1(п) — со стороны своих

Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их партии, несмотря на то, что подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками, именами, как известно, очень обид-

ными для мужского пола.

КАБ1(п) — их обругавших бабами и юбка-ми ~ имена, как известно, обидны<е>

Но как ~ узнаем:

КАБ1(п) — Уцелевшая мужская партия, несмотря на то, что упорствовала сильно, не представляла в своих толках той окончательности и стройности; всё было как-то хаосно, безобразно, в самых неопределенных, сбивчивых видах; похищение губернаторской дочери они называли явной выдумкой; утверждали, что невозможно, чтобы Чичиков отважился на такое рискованное дело, неприличное ни чину, ни званию, дело более военное, гусарское, нежели штатское; что в мертвых-то душах именно должно заключаться что-то, несмотря на всю нелепость подобной истории. Нужно знать, что все обитатели города, и в особенности те, которые находились на службе и занимали почетные места, были в каком-то чутком и нервическом состоянии

КАБ1 — Но как ~ неотесанно, непригожо, неладно, нестройно, одним словом, нехорошо, в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость,

неопрятность в мыслях, — словом ~ что положат, то несет [выражаясь словами пословицы], что главный предмет, на который нужно обратить <внимание>, это — мертвые, которые впрочем, чорт его знает, что значат, но в них заключено однако ж весьма скверное, нехорошее, такое даже, что заставляет опасаться. Почему это казалось так мужчинам, сию минуту узнаем;

ПБЛ4, РЦ — Но как ~ а который нужно и обратить <внимание>, это — мертвые, которые впрочем ~ нехорошее, такое даже, что заставляет опасаться. Почему казалось мужчинам, что в них заключалось нехорошее и скверное, сию минуту узнаем

Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был новый генерал-губернатор, событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут переборки, распеканья, взбутетиванья и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных!

КАБ1(п) — В их губернию

Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был новый генерал-губернатор, событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное ~ подчиненных!

КАБ1(п) — приводящее губернию несколько

Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был новый генерал-губернатор, событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут ~ смерть”.

КАБ1(п) — совершенная неизвестность, каков-то будет новый начальник, будет ли он благонамерен к господам чиновникам, и как он примет, и каким образом возьмется — словом, редко кто в это время бывает покоен, и потому эти слухи, уже единственно потому только, что просто слухи, многих потревожили при мысли, что скажет новый генерал-гу-

бернатор, когда в городе их носятся вот-де какие глупые слухи

“Ну что”, думали чиновники, “если он узнает только, просто, что в городе их вот-де какие глупые слухи, да за это одно может вскипятить не на жизнь, а на самую смерть”.

КАБ1 — вскипятить и взъерепенить, выражаясь должностным слогом

Инспектор врачебной управы вдруг побледнел: ему представилось бог знает что, что под словом мертвые души ~ произведения тайного следствия.

КАБ1(п) — управы неизвестно от чего

Инспектор врачебной управы вдруг побледнел: ему представилось бог знает что, что под словом мертвые души не разумеются ли больные, умершие ~ произведения тайного следствия.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — под словом мертвые души не разумеются ли

Председатель отвечал, что это вздор, и по-

том вдруг побледнел сам, задав себе вопрос: а что, если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые?

КАБ1(п) — и не может быть, но побледнел тоже при мысли, которая пришла внезапно сама собою и голову и выразилась таким вопросом: “Ну что,

а он допустил совершить на них крепость, да еще сам сыграл роль поверенного Плюшкина, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда?

КАБ1(п) — и он

а он допустил совершить на них крепость, да еще сам сыграл роль поверенного Плюшкина, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда? МД1;

МД2 — допускает

Он об этом ~ нет ли здесь какого намека на скоропостижно погребенные тела, вследствие двух не так давно случившихся событий.

КАБ1(п) — Председатель крепко задумался. Слово “мертвые души” так раздавалось неяс-

но и неопределенно, что некоторые из занимавших правительственные места тоже задумались, подозревая, что нет ли здесь

КАБ1 — а. [Потом вдруг побледнели вслед за ним] Все прочие затем тоже стали раздумывать, отыскивали в себе множество таких грехов, каких даже никогда и не было. Всё по-вырастало и показалось в увеличительном виде. Слово: мертвые души так раздалось неясно и неопределенно, что стали подозревать, нет ли здесь;

б. Он об этом больше ничего как только сказал тому и другому [Далее начато: а уж те в одну минуту побледнели, губы посинели и затряслись] и вдруг ~ каких даже и не было и т. д. как в тексте

Слово мертвые души так раздалось неопределенно, что стали подозревать даже, нет ли здесь какого намека на скоропостижно погребенные тела, вследствие двух не так давно случившихся событий.

КАБ1(п) — погибшие и несколько поспешно погребенные найденные тела

Пирушка, ~ полпальца.

КАБ1(п) — на которой пирушке, от удовольствия ли сердечного, или просто спьяна, уходили на смерть приятелей своих устьсы- сольских купцов, хотя сии последние, с своей стороны, были тоже мужики дюжие и были одарены такими объемистыми кулаками, что сольвычегодские приятели долго носили синяки на боках и спинах

Сольвычегодские уходили на смерть усть- сы- сольских, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочель- ник, свидетельствовавшую о непомерной ве- личине кулаков, которыми были снабжены покойники.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — осаду

У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот носос, по выражению бойцов, то есть весь размозжен нос, так что не оставалось его на лице и на полпальца.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — вплоть был

В деле своем купцы повинились, изъясня-

ясь, что немного пошалили; носились слухи, будто при повинной голове они приложили по четыре ~ как угоревших.

КАБ1(п) — купцы, впрочем

Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с такими же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию, в лице заседателя, какого-то Дробяжкина; что ~ баб и деревенских девок.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Задирайволо

Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с такими же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию, в лице заседателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская позиция, то ~ баб и деревенских девок.

КАБ1(п) — уконтропошили, по губернскому выражению

Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись ~ полиция, имея кое-какие слабости со стороны сердечной, приглядывался на баб и деревенских девок.

КАБ1(п) — имел

Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись ~ стороны сердечной, приглядывался на баб и деревенских девок.

КАБ1(п) — и приглядывался

Наверное, впрочем, неизвестно, хотя в показаниях крестьяне выразились прямо, что земская полиция был-де блудлив, как кошка, и что уже не раз они его оберегали и один раз даже выгнали нагишом из какой-то избы, куда он было забрался.

КАБ1(п) — и выразились

Конечно, земская полиция достоин был на-

казания за сердечные слабости, но мужиков как Вшивой-спеси, так и Задирайлова-тож нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только действительно участвовали в убиении.

КАБ1 — оправдать

Дело ходило по судам и поступило наконец в палату, где было рассужено сначала наедине в таком смысле: так как неизвестно, кто из крестьян именно участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек ~ от апоплексического удара. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — сначала наедине рассужено

Дело ~ теперь дело.

КАБ1(п) — Оно, конечно, и просто и очевидно; однако ж, неизвестно почему, чиновники начали думать, что не сии ли мертвые души разумеются в оных обоих происшествиях

КАБ1 — Дело, конечно, [В ПБЛ4(п) ошибочно переписчик переписал: нарочно] обделано было кругло. Но чиновники, однако ж, неиз-

вестно, почему стали думать, что верно [Далее начато: это были настоящие] об этих мертвых душах завязалась история [Здесь же в КАБ1 на полях запись карандашом: [припомнили] как на беду, память у всех очистилась необыкновенно и припомнили множество таких происшествий, [случ] бог знает каких происшествий, случавшихся нивесть в какие давние времена. Все они ожили и стали пугать. В глазах их больше казаться человеком в лечебнице <4 нрзб.> и в это самое время, когда течение сбилось в корнях <?>, в головах <1 нрзб.> и пошли гулять на новых просторах отправа <не закончено> страхом в это самое время]

Дело, казалось бы, обделано было кругло, но чиновники, однако ж, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — чиновники

Эти две ~ стороны, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что ~ что-нибудь такое...

КАБ1(п) — Эти две бумаги сбили с последнего толка господ чиновников. Конечно, они не могли даже и подумать, чтобы могло что-нибудь из этого относиться к Чичикову; однако ж всякой, как поразмыслил с своей стороны, что внутренно об этом предмете

Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь ~ что-нибудь такое...

КАБ1 — и подумать

Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь ~ потерпел по службе за правду, да ведь всё это как-то темно, и когда ~ что-нибудь такое...

КАБ1 — в службе

Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь ~ всё это как-то темно, и когда ~ что-нибудь такое...
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — неясно

Конечно, нельзя думать, чтобы он мог де-

лать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником, наружность благонамеренна; но при всем том, кто же бы, однако ж, он был такой на самом деле?

КАБ1(п) — имея совершенно благонамеренную наружность и мысли

И вот господа чиновники задали себе теперь вопрос, который должны были задать себе вначале, то есть в первой главе нашей поэмы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — вначале себе

Решено было еще сделать несколько вопросов тем, у которых ~ кому-нибудь о том, кто он такой.

КАБ1 ПБЛ4 — кто же он такой

Прежде всего отнеслись к Коробочке, но тут почерпнули не много: купил-де ~ сало тоже ставит, и потому ~ более чем на сто рублей.

КАБ1 — ставит

Всё, что ни говорила она далее, было по-

вторение почти одного и того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха.

КАБ1 — почти того же

ПБЛ4 — этого же почти

Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как за самого себя, что ~ с зажмуренными глазами. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — готов он

Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как ~ мыслей насчет дружбы и симпатии уже с зажмуренными глазами. КАБ1;

ПБЛ4(п) — дружбы и немногие (ошибка переписчика)

МД1 — дружбы

Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что ~ переселения в дороге, то не его вина, и в том властен бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете не мало, и бывают примеры, что вымирают-де целые деревни.

КАБ1(п) — дороге, то это

Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что ~ не его вина, и в том властен бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете не мало, и бывают примеры, что вымирают-де целые деревни.

КАБ1 — а в этом

ПБЛ4 — во всем

Если его спросить прямо о чем-нибудь, он никогда не вспомнит, не приберет всего в голову и даже, просто, ответит, что не знает, а если спросить о чем другом, тут-то он и приплетет его, и расскажет с такими подробностями, которых и знать не захочешь.

КАБ1, ПБЛ4(п) — никак не вспомнит и не приберет

ПБЛ4 — никак не вспомнит, не приберет

Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков что-нибудь да должен быть

непременно.

КАБ1 — показали

ПБЛ4, РЦ — сказали

Они положили наконец потолковать окончательно об этом предмете и решить по крайней мере, что и как им делать, и какие меры предпринять, и что такое ~ неблагонамеренных.

КАБ1 — нет

Всё подалось: и председатель похудел, и инспектор врачебной управы похудел, и прокурор похудел, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, носивший на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам, даже и тот похудел.

КАБ1 — фамилии, но принимавший во всем живое участие, и

Конечно, нашлись, как и везде бывает, кое-кто неробкого десятка, которые не потеряли присутствия духа, но их было весьма немного: почтмейстер один только. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — не теряли

Конечно, нашлись, как и везде бывает, кое-кто неробкого десятка, которые не потеряли присутствия духа, но их было весьма немного: почтмейстер ~ в подобных случаях имел обыкновение говорить: “Знаем мы вас, генерал-губернаторов!

КАБ1(п) — Почтмейстер один, может быть, не терял никогда своего ровного и постоянно-го хладнокровного характера и в подобных

КАБ1, ПБЛ4(п) — Почтмейстер один никогда не изменялся в своем постоянно ровном характере и в подобных

На это обыкновенно замечали другие чиновники: “Хорошо тебе, шпрехен зи дейч Иван Андрейч; у тебя ~ присутствие получасом раньше, да возьмешь ~ святой. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — часом

А вот пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — пусть-ко тебе

А вот пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует.

КАБ1(п) — да соблазнять всяким мирским соблазном: что вот и не хочешь брать, а он сам сует в руку тут поневоле подашься

А вот пусть к тебе повадится чорт подвертываться всякой день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует.

КАБ1 — сует [в руку]

Тебе, разумеется, с пола-горя: у тебя один сынишка; а тут, брат, Прасковью Федоровну наделил бог такую благодатию — что год, то несет: либо Праскушку, либо Петрушу; тут, брат, другое запоешь”.

КАБ1(п) — здесь

Тебе, разумеется, с пола-горя: у тебя один сынишка; а тут, брат, Прасковью Федоровну наделил бог такую благодатию — что год, то несет: либо Праскушку, либо Петрушу; тут, брат, другое запоешь”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Петрушку

Так говорили чиновники, а можно ли в самом деле устоять против чорта, об этом судить не авторское дело.

КАБ1(п) — против соблазна и чорта

В собравшемся на сей раз совете очень заметно было отсутствие той необходимой вещи, которую в простонародьи называют толком.

КАБ1(п) — на этот раз

В собравшемся на сей раз совете очень заметно было отсутствие той необходимой вещи, которую в простонародьи называют толком.

КАБ1(п) — было заметно

Вообще мы как-то не создались для представительных заседаний.

КАБ1(п) — мы, русские,

Во всех наших собраниях, начиная от крестьянской мирской сходки до всяких возмож-

ных ученых и прочих комитетов, если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница.

КАБ1, ПБЛ4(п) — присутствует препорядочная путаница, если только нет одной слишком умной головы, которая бы заправляла всем

Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу.

КАБ1(п) — видно, просто

Мы вдруг, как ветер повеет, заведем общества благотворительные, поощрительные и нивесть какие.

КАБ1(п) — мы составим вдруг общество благотворительное, поощрительное и нивесть какое

КАБ1, ПБЛ4(п) — Мы вдруг словно как ветер и т. д. как в тексте

Цель будет прекрасна, а при всем том ни-

чего не выйдет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — прекрасная

Впрочем, собравшееся ныне совещание было совершенно другого рода: оно образовалось вследствие необходимости.

КАБ1(п) — совершенно в другом роде

КАБ1, ПБЛ4(п) — в другом роде

Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело, дело касалось всякого чиновника лично, дело касалось беды, всем равно грозившей, стало быть поневоле тут должно быть единодушное, теснее.

КАБ1, ПБЛ4(п) — бедных людях, посторонних

Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело, ~ что такое.

КАБ1(п) — но о собственной личности каждого из членов; тут по необходимости всеобщее участие сильнее

КАБ1 — шло дело, дело касалось всякого члена лично ~ стало быть всё должно было быть необходимо единодушнее и т. д. как в

тексте

Не говоря уже о разногласиях, свойственных всем советам, во мнении собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерешительность: одни говорили, что ~ не прочтешь.

КАБ1(п) — особенная

Вдруг почтмейстер, остававшийся несколько минут погруженным в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул неожиданно: “Знаете ли, господа, кто это?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — погруженный

Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно слово: “А кто?” КАБ1; ПБЛ4, РЦ, МД1 — время

А когда все тут же в один голос спросили: “Кто таков этот капитан Копейкин?”

КАБ1(п) — так же

А когда все тут же в один голос спросили:
“Кто таков этот капитан Копейкин?”

КАБ1(п) — таков этот

“Капитан Копейкин”, сказал почтмейстер, открывший свою табакерку только вполонину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туда своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил и даже имел обыкновение ~ чистоты”.

МД1 — нет (вычеркн. ценз.)

“Капитан Копейкин”, сказал почтмейстер, открывший свою табакерку ~ приговаривать: “Знаем, батюшка: вы пальцами своими, может быть, нивесть в какие места наведываетесь, а табак — вещь, требующая чистоты”.

КАБ1(п) — с своими пальцами

— “Капитан Копейкин”, повторил он, уже понюхавши табак “да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, целая поэма”. КАБ1, ПБЛ4, РЦ;

МД1 — сказал почтмейстер

— “Капитан Копейкин”, повторил он, уже понюхавши табаку “да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, целая поэма”.

КАБ1(п) — табаку, встряхнувши рукой и потом щелкнувши пальцем

— “Капитан Копейкин”, повторил он, уже понюхавши табаку “да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя, в некотором роде, целая поэма”.

КАБ1(п) — если рассказывать вам, так это выйдет даже презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде так сказать целая поэма

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — если рассказывать, выйдет даже презанимательная и т. д. как в тексте

Под Красным ли или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и

ногу.

КАБ1(п) — только, сударь мой, вы можете себе представить

Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после.

КАБ1(п) — можете вообразить

Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада.

КАБ1(п) — как сказочная

Понатолкался было нанять квартиры, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персия целиком: ногой, так сказать, попираешь капиталы.

КАБ1(п) — гардины там, шторы

Понатолкался было нанять квартиры, только всё это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ков-

ры — Персия целиком: ногой, так сказать, попираешь капиталы.

КАБ1 — ковры, Персия такая, целиком съели сотней, можете представить, без счету

Ну, просто, то есть, идешь по улице, а ужнос твой так и слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх.

КАБ1 — четырех синеньких

Ну, как-то там приютился в Ревельском трактире, за рубль в сутки; обед — щи, кусок битой говядины...

КАБ1(п) — щи эдакие

Видит, заживаться нечего.

КАБ1(п) — Ну, заживаться, видит, нечего

Расспросил, куда обратиться. Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правление, понимаете, эдакое, и начальником генерал-аншеф такой-то.

КАБ1, ПБЛ4(п) — На другой же день, сударь

мой, решил идти к министру

А государя, нужно вам знать, в то время не было еще в столице; войска, можете себе представить, еще не возвращались из Парижа, всё было за границей.

КАБ1(п) — не возвращались из-за границы

КАБ1 — не возвращались из Парижа (следующие слова: за границы ошибочно остались не зачеркнутыми и в ПБЛ4 Гоголь после слова: Парижа вставил всё было, не согласовав окончание следующего).

Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду, — потому что платить цырюльнику — это составит, в некотором роде, счет, — натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе.

КАБ1(п) — всё это составит

Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду, — потому что платить цырюльнику — это составит, в некото-

ром роде, счет, — натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе.

КАБ1(п) — натянул свою

КАБ1 — подергал метелкой

Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду, — потому что платить цырюльнику — это составит, в некотором роде, счет, — натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе.

КАБ1, ПБЛ4(п) — отправился к министру

Расспросил квартиру. “Вон”, говорят, указав ему дом на Дворцовой набережной.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Расспросил у будочника квартиру. “Вот, говорит, указал

Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах, можете себе представить, полуторасаженные зеркала, так что ~ на стенах, металлические галантереи, какая-нибудь ~ ума по-

мрачение.

КАБ1(п) — всё это мрамор везде

Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки ~ за нее — словом: лаки на всем такие — в некотором роде ума помрачение.

КАБ1(п) — словом, сударь мой, гебены, лаки такие, что просто

Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь, потому что, можете представить себе, пришел еще в такое время, когда генерал, в некотором роде, едва поднялся ~ эдаких.

КАБ1, ПБЛ4(п) — когда министр

“Генерал”, говорит, “сейчас выйдет в приемную”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр

А в приемной ~ говорит: “понаведайтесь на днях”.

КАБ1(п) — А в приемной уж, понимаете, народу, как бобов на тарелке. Всё это четвертого класса, полковники, а кое-где и толстые золотые макароны блестят на эполетах — ге-

нералитет, словом, такой... Наконец, министр выходит. Ну, подошел к одному, к другому: “Зачем вы, зачем вы, что вам угодно”. Наконец, к Копейкину. Копейкин собравшись с духом: “Так и так, ваше превосходительство: проливал в некотором роде кровь, лишился, так сказать, руки и ноги, работать не могу — осмелился просить монаршей милости. Министр видит: человек на деревьяжке, и правый рукав пустой пристегнут к мундиру. “Хорошо”, говорит, “понаведайтесь на днях”. Вот, сударь мой, не прошло четырех или пяти дней, мой Копейкин является опять. Министр, понимаете, тотчас его узнал. “А, говорит

А в приемной уж народу, как бобов на тарелке.

КАБ1, ПБЛ4(п) — уж, понимаете, народу
ПБЛ4 — уж народу как

Вельможа входит.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр входит
ПБЛ4 — Генерал входит

Всё, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Всё разумеется

Всё, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы.

КАБ1, ПБЛ4 — и в некотором роде

Министр или вельможа подходит к одному, к другому: “Зачем вы?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр

ПБЛ4 — Генерал или Вельможа

Копейкин, собравшись с духом: “Так и так, ваше превосходительство: проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги, работать не могу, осмеливаюсь просить монаршей милости”.

КАБ1, ПБЛ4 — высокопревосходительство

Министр видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру.

ПБЛ4 — Генерал видит

Копейкин мой выходит чуть не в восторге: одно то, что удостоился аудиенции, так сказать, с первостатейным вельможею; а другое то, что вот теперь наконец решится, в некотором роде, насчет пенсионна.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Копейкин мой чуть

Копейкин мой выходит чуть не в восторге: одно то, что удостоился аудиенции, так сказать, с первостатейным вельможею; а другое то, что вот теперь наконец решится, в некотором роде, насчет пенсионна.

КАБ1, ПБЛ4(п) — относительно, так сказать, с министром

ПБЛ4 — а. так сказать с генерал-аншефом
б. Как в тексте

В духе, понимаете, таком, подпрыгивает по тротуару.

КАБ1, ПБЛ4(п) — В духе он, понимаете

Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в “Лондоне”, приказал подать себе котлетку с каперса-

ми, пулярку спросил с разными финтерлеями; спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр, одним словом, понимаете, кутнул.

КАБ1, ПБЛ4(п) — пулярку спросил, чорт побери

Мой Копейкин, кровь-то, знаете, разыгралась в нем, побежал было за ней на своей деревяшке, трюх-трюх следом; “да нет”, подумал, “пусть после, когда получу пенсион; теперь уж я что-то расходился слишком”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — после

“Так и так”, говорит, “пришел”, говорит, “услышать приказ вашего высокопревосходительства по одержимым болезням и за ранами...” и тому подобное, понимаете, в должностном слогe.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Пришел, говорит, услышать

Вельможа, можете вообразить, тотчас его узнал: “А”, говорит, “хорошо”, говорит: “на этот раз ~ не могу сделать”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр понимаете

ПБЛ4 — Генерал, можете вообразить

Вельможа, можете вообразить, тотчас его узнал: “А”, говорит, “хорошо”, говорит: “на этот раз ничего не могу сказать вам более, как только то, что ~ не могу сделать”.

КАБ1, ПБЛ4 — вам сказать

Копейкин, можете вообразить себе, вышел в положении ~ объясню, что последний кусок доедаю — не поможете, должен умереть, в некотором роде, с голода”.

КАБ1(п) — в положении, в некотором роде, сомнительном, не получивши, так сказать, ни да, ни нет, а между тем можете вообразить себе столичная жизнь становится для него с каждым часом затруднительнее. Думает себе: пойду опять к министру: как хотите, ваше высокопревосходительство

Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут деньги: “На тебе, голубчик, пей да веселись”; а вместо того ему приказано ждать, да и время не назначено.

КАБ1, ПБЛ4(п) — гуляй да веселись

Словом, приходит он, судырь мой, опять на Дворцовую набережную, говорят: “Нельзя, не принимает, приходите завтра”.

КАБ1(п) — Приходит, — говорят: нельзя, министр не принимает

КАБ1, ПБЛ4(п) — Словом, приходит он, судырь мой, опять, — говорят: нельзя: министр не принимает

А между тем у него из синюх-то, понимаете, уж остается только одна в кармане.

КАБ1(п) — У моего Копейкина всего на все<го> остается какой-нибудь полтинник

Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана — повар там, можете ~ снегам, работает там фензерв какой-нибудь, котлетки с трюфелями, — словом, рассупе деликатес такой, что, просто, себя, то есть, съел бы от аппетита.

КАБ1(п) — повар там, собака, можете себе представить, иностранец, белье на нем чистейшее голландское

Так, можете вообразить себе, каково его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой-то ему подносят всё одно и то же блюдо: “завтра”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — а ему подносят

Наконец сделалось бедняге, в некотором роде, невтерпеж, решился во что бы то ни стало пролезть штурмом, понимаете.

КАБ1, ПБЛ4(п) — пролезть к министру

Вельможа, по обыкновению, выходит: “Зачем вы?”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр

“Но”, говорит сановник: “согласитесь: я не могу вас ~ я вас вышлю на казенный счет.

КАБ1(п) — Он-то хотел прибавить: “а носом и подавно ничего не сделаешь, только разве высморкаешься, да и для того нужно купить платок”. Только министр, сударь мой, или уж он ему надоел так, или в самом деле, он может, занят был делами государственными, начал, можете себе представить, сердиться: “Ступайте же”, говорит: “у меня много таких,

как вы; ожидайте спокойно”. А мой Копейкин, голод, знаете, пришпорил его: “Как хотите, говорит: ваше высокопревосходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции”. И, сударь мой! Можете себе представить, министр вышел из себя. В самом деле, до тех пор, может быть, еще не было в летописях мира, так сказать, чтобы какой-нибудь Копейкин осмелился так говорить с министром. Можете себе представить, каков должен быть рассерженный министр, так сказать, государственный человек, в некотором роде. “Грубьян”, закричал он: где фельдъегерь?

КАБ1 — а. Начато: Ну, министр в самом деле был занят государственными делами и б. Видит: со всех сторон его [ждут] ожидают дела, может быть, что судьба человечества, а тут еще вертится такой докучайный, сказал ст<рого>: “Ступайте же, говорит: у меня много таких как вы; ожидайте спокойно”. А мой Копейкин, голод, знаете, пришпорил его: “Как хотите, говорит: ваше высокопревосходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции”. Но, сударь

мой, вы можете себе <представить>, что отвечать таким образом министру неприлично. Это нашему даже брату если бы подведомственный чиновник скажет таким образом, так и то уж грубость. Ну, а тут какой-нибудь Копейкин. Министр больше ничего, как только взглянул, [а взгляд] а глаз-то, понимаете, огнестрельное оружие, ядро пушечное: душа ушла не туды, куды следует, а в пятки. Но видя, что Копейкин не сдвинется, говорит, и еще довольно милостиво — иной бы, понимаете, такую дал отстрастку, что дни [ворочалось] три ходило бы в голове всё вверх ногами: — Если вы говорите, что вы точно здесь проживаетесь и вам [здесь] нельзя ожидать, то я вас препровожу на казенный счет. Позвать фельдъегеря — препроводить его на место жительства.

— “Но”, говорит сановник: “согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право...”

КАБ1, ПБЛ4(п) — министр

— “Но”, говорит сановник: “согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право...

КАБ1 — а. вы сами примите, относительно так сказать, в соображение

б. Как в тексте

— “Но”, говорит сановник: “согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право...

КАБ1 — а. они тоже имеют

б. Как в тексте

— “Но”, говорит сановник: “согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право... Вооружитесь терпением. КАБ1 КАБ1 — а. Погодите, вооружитесь

б. Как в тексте

Вельможе, понимаете, сделалось уже досадно.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министру

В самом деле: тут со всех сторон генералы ожидают решений, приказаний; дела, так сказать, важные, государственные, требующие самоскорейшего исполнения, — минута упущения может быть важна, — а тут еще привязался сбоку неотвязчивый чорт.

КАБ1 — а. этот неотвязчивый
б. Как в тексте

“Извините”, говорит: “мне некогда... меня ждут дела важнее ваших”.

КАБ1, ПБЛ4(п) — говорит министр

Напоминает способом, в некотором роде, тонким, что пора, наконец, и выйти.

КАБ1(п) — в некотором политичном роде
б. Как в тексте

Ну... можете представить: отвечать таким образом вельможе, которому стоит только слово, так вот уж и полетел вверх тарашки, так что и чорт тебя не отыщет...

КАБ1, ПБЛ4(п) — министру, вельможе [человеку облеченному в сан]

Тут если нашему брату скажет чиновник, одним чином поменьше, подобное, так уж и грубость.

КАБ1 — а. так вот уж
б. Как в тексте

Ну, а там размер-то, размер каков: генерал-аншеф и какой-нибудь капитан Копейкин!

КАБ1, КАБ1(п) — министр

90 рублей и нуль!

ПБЛ4 — а. 90 рублей, понимаете
б. Как в тексте

Генерал, понимаете, больше ничего, как только взглянул, а взгляд — огнестрельное оружие: души уж нет — уж она ушла в пятки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Министр

Впрочем, сказать правду, обошелся он еще довольно милостиво: иной бы ~ на казенный счет.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Впрочем

Впрочем, сказать правду, обошелся он еще довольно милостиво: иной бы пугнул так, что дня три вертелась бы после того улица вверх ногами, а ~на казенный счет.

КАБ1 — а. вся улица
б. Как в тексте

Впрочем, сказать правду, обошелся он ~ ожидать решенья вашей участи, так я вас вышлю на казенный счет.

КАБ1 — а. решения дела
б. Как в тексте

Позвать фельдъегеря! препроводить его на место жительства!”

КАБ1 — препроводить его, говорит, с фельдъегерем на место жительства

Вот он, судырь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: “Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, — хорошо”, говорит, “я”, говорит, “найду средства!”

КАБ1(п) — министр, говорит, сам сказал, чтобы я поискал средств

Вот он, судырь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: “Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, — хорошо”, говорит, “я”, говорит, “найду средства!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — министр

Итак, куда делся Копейкин, неизвестно: но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...”

КАБ1(п) — другой... как наш капитан Копейкин; набрал он из разных беглых солдат, некоторым образом, банду целую. Это было, можете себе представить, тотчас после войны: всё привыкло, знаете, к распускнутой жизни, всякому жизнь — копейка, забубень везде такой хоть трава не расти; словом, судырь мой, у него просто армия. По дорогам никакого проезда нет, и всё это собственно, так ска-

зять, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности — ну, спросят только, зачем — да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги — словом, всё, что носит, так сказать, имя казны — спуска никакого! Ну, можете себе представить, казенный карман опустошался ужасно. Услышит ли, что в деревне приходит срок платить казенный оброк, он уж там. Тот же час требует к себе старосту: “подавай, брат, казенные оброки и подати!” Ну, мужик видит, эдакой безногой чорт, на воротнике-то у него, понимаете, жар-птица, красное сукно — пахнет, чорт возьми, оплеухой. “На, батюшка, вот тебе, отвяжись только”; думает уж верно какой-нибудь капитан-исправник, а может еще и хуже. Только, сударь мой, деньги, понимаете, примет он как следует и тут же крестьянам пишет расписку, чтобы некоторым образом оправдать их, что деньги, точно, мол, взяты, и подати сполна все выплачены, и принял вот такой-то капитан Копейкин; еще даже и печать свою приложит — словом, сударь мой, грабит да и полно. Посы-

ланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует. Голоде-ры, понимаете, собрались все такие... Но, на-конец, может быть испугавшись сам, видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку, и что преследования ежеминутно усиливались, а между тем, деньжонок у него набрался ка-питалец порядочный, он, сударь мой, за гра-ницу, и за границу-то, сударь мой, понимаете, в Соединенные Штаты, — и пишет оттуда, су-дарь мой, письмо к государю красноречивей-шее, какое только можете вообразить. В древ-ности Платоны и Демосфены какие-нибудь, всё это, можно сказать, тряпка, дьячек в срав-нении с ним. “Не подумай, государь”, говорит: “чтобы я того и того...” Круглоту периодов за-пустил такую... “Необходимость”, говорит: “была причиною моего поступка; проливал кровь, не щадил, некоторым образом, жизни, и хлеба, как бы сказать, для пропитания нет теперь у меня. Не наказуй, говорит, моих со-товарищей, потому что они невинны, ибо во-влечены, так сказать, собственно мною, а ока-жи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые,

так чтобы, примером, за ними эдакое, можете себе представить, смотрение...” Словом, красноречиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, был тронут. Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно, хотя он, точно, был преступник и достоин, в некотором роде, смертельного наказания, но, видя, так сказать, как может, невинный иногда произойти — подобное упущение; да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время всё было можно вдруг устроить; один бог, можно сказать, только разве без проступков. Словом, сударь мой, государь изволил на этот раз оказать беспремерное великодушие: повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть, раненых — и вот, сударь мой, это была, так сказать, причина, в силу которой положено было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения, действительно, ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах

не имеется. Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю вот что: в Соединенных Штатах денежки он, без сомнения, прожил, да вот и воротился к нам, чтобы еще как-нибудь попробовать, не удастся ли, так сказать, в некотором роде, новое предприятие.

“Только позволь, Иван Андреевич”, сказал вдруг, прервав его, полицеймейстер: “ведь капитан Копейкин, ты сам оказал, без руки и ноги, а у Чичикова...”

КАБ1, ПБЛ4(п) — на это

“Только позволь, Иван Андреевич”, сказал вдруг, прервав его, полицеймейстер: “ведь капитан Копейкин, ты сам оказал, без руки и ноги, а у Чичикова...”

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — без руки и без ноги

Здесь почтмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвав себя публично при всех телятиной.

КАБ1, ПБЛ4 — по лбу

Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: русский человек задним умом крепок.

КАБ1, ПБЛ4 — к нему

Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: русский человек задним умом крепок. ПБЛ4, РЦ — пословица

КАБ1, ПБЛ4(п) — пословица, говорящая что

Однако ж, минуточку спустя, он тут же стал хитрить и попробовал было вывернуться, говоря, что, впрочем, в Англии ~ его нельзя было.

КАБ1 — пробовал

Однако ж, минуточку спустя, он тут же стал хитрить и попробовал было вывернуться, говоря, что, впрочем, в Англии очень усовершенствована механика, что видно по газетам, как один изобрел деревянные ноги ~ нельзя

было.

КАБ1(п) — изобрел один

Однако ж, минутой спустя, он тут же стал хитрить ~ после нигде и отыскать его нельзя было.

КАБ1, ПБЛ4 — отыскать

Но все очень усумнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Все однако же

Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что ~ с англичанином. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ МД1 — было наконец одно

Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон.

КАБ1, ПБЛ4 — и что под

“Смотри, мол”, говорит, “если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!”

КАБ1 — вот только что-нибудь не так

И вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и что вот

И вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

КАБ1 — так вот он и пробрался теперь в Россию, представляя вид, будто Чичиков

ПБЛ4 — а. Будто так вот он теперь и т. д. как в тексте

б. РЦ — и что вот он теперь и т. д. как в тексте

Может быть, некоторые читатели назовут ~ так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц.

КАБ1(п) — Здесь автор должен обратиться к читателю: он, право, не знает, как ему быть,

и почти уверен, что назовут всё это невероятностью; сказать правду, он, с своей стороны, считает также это почти невероятным, но, как нарочно, всё это была совершенная правда

Может быть, некоторые читатели назовут всё это невероятным, автор ~ от обеих столиц.
КАБ1, ПБЛ4, РЦ — всё это

Может быть, некоторые читатели назовут всё это невероятным, автор ~ произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц.

МД1 — нет (вычеркн. ценз.)

Может быть, некоторые читатели назовут всё это невероятным, автор ~ изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц.

КАБ1(п) — что самый город был не так далеко

КАБ1 — что город был не в глуши [какой-нибудь], а напротив и т. д. как в тексте

Впрочем, нужно помнить, что всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Нужно помнить, что всё происходило скоро

Впрочем, нужно помнить, что всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов.

КАБ1 — скоро

Вместо вопросов: “Почем, батюшка, продали мерку овса? КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — меру

Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего ~ всем миром.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — предвещателя (ценз. иск.)

Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк

пришел ~ всем миром.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — предвещатель (ценз. иск.)

Многие из чиновников и благородного дворянства тоже невольно подумывали об этом и, зараженные ~ апокалипсические цифры.

КАБ1, ПБЛ4(п) — невольно подумывали тоже

Многие из чиновников и благородного дворянства ~ особенное значение; многие открыли даже в нем апокалипсические цифры.

КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — даже открыли

Итак, ничего нет удивительного, что чиновники невольно задумались на этом пункте; скоро, однако же, спохватились, заметив, что воображение их уже чересчур рысисто и что все это не то.

КАБ1, ПБЛ4(п) — схватились

Так как он первый вынес историю о мерт-

вых душах и был, как говорится, в каких-то тесных отношениях с Чичиковым, стало быть, без сомнения, знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

КАБ1 — и притом как видно из слов его, был, кажется,

ПБЛ4, РЦ — был, как говорится,

Так как он первый вынес историю о мертвых душах и был, как говорится, в каких-то тесных отношениях с Чичиковым, стало быть, без сомнения, знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

ПБЛ4(п) — может быть

Поди ты, сладь с человеком! не верит в бога, а верит, что ~ напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: “Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — выломает и изломает

Поди ты, сладь с человеком! не верит в бо-

га, а верит, что ~ напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: “Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!” МД1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — нет

Поди ты, сладь с человеком! не верит в бога, а верит, что ~ ему оно понравится, и он станет кричать: “Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!”

КАБ1(п) — это

Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает ~ против его болезни.

КАБ1(п) — шарлатану

Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из нивесть какой дряни, которая, бог знает почему, вообразится ему именно

средством против его болезни.

КАБ1 — в то время

ПБЛ4, РЦ, МД1 — в это время

Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится ~ против его болезни.

КАБ1(п) — что ведь

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него ~ весу чуть не четыре пуда, если даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку.

КАБ1(п) — слава богу, без малого

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в то время рассудка подумать, что на щепке может разве прокатиться верхом муха, а в нем весу чуть не четыре пуда, если даже ~ за щепку.

КАБ1(п) — и едва ли не затрещит под ним четырехсаженная доска, но, однако ж, он хватается и за щепку

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него ~ даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку. РЦ, МД1;

КАБ1, ПБЛ4 — нет

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него ~ целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку.

КАБ1 — не приходит

Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел.

КАБ1(п) — был в то время

Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел.

КАБ1 — не выходил

Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел.

КАБ1, ПБЛ4(п) — из маленького окошка

Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; прежде всего он отправил квартального к чорту; но когда прочитал в записке городничего, что ~ к ним.

КАБ1 — начитал

Ноздрев был очень рассержен за то, что ~ какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту, запер комнату наскоро ключом, оделся как попало и отправился к ним.

КАБ1, ПБЛ4(п) — несколько смягчился

Ноздрев был очень рассержен за то, что ~ наскоро ключом, оделся как попало и отправился к ним.

КАБ1, ПБЛ4(п) — на ключ

Ноздрев был очень рассержен за то, что ~ наскоро ключом, оделся как попало и отпра-

вился к ним.

КАБ1 — одевшись как попало

Это был решительно человек, для которого не существовало сомнений вовсе; и сколько у них заметно было шаткости и робости в предположениях, столько у него твердости и уверенности.

КАБ1 — уверенности

ПБЛ4 — верности (ошибка переписчика)

Он отвечал на все пункты, даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков накупил мертвых душ на несколько тысяч ~ как-то само собою.

КАБ1 — накупил точно

ПБЛ4, РЦ — накупил много

Он отвечал на все пункты, даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков накупил мертвых душ ~ шпион, что еще в школе, где он с ним вместе учился, его называли фискалом ~ само собою.

КАБ1 — что и

Он отвечал на все пункты, даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков закупил мертвых душ ~к одним вискам 240 пьявок, то есть он хотел было сказать 40, но 200 сказалоь как-то само собою.

КАБ1, ПБЛ4 — 400

Он отвечал на все пункты, даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков закупил мертвых душ ~ хотел было сказать 40, но 200 сказалоь как-то само собою.

КАБ1, ПБЛ4 — 400

На вопрос, не делатель ли он фальшивых бумажек, он отвечал, что делатель, и при этом случае ~ фальшивых ассигнаций, опечатали дом его и приставили караул, на каждую дверь по два солдата, и как Чичиков переменял их все в одну ночь, так что ~ настоящие.

КАБ1 — его ~ переменял

На вопрос, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку и правда ли, что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, что помогал и

что если бы не он, то не вышло бы ничего.

КАБ1, ПБЛ4(п) — правда ли

Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, где находилась та приходская церковь, в которой ~ переменных лошадей. КАБ1, ПБЛ4, РЦ, МД2;

МД1 — находились (опечатка)

Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но ~ даже, просто, ни на что не имела подобия, так что ~ рукой махнул, сказавши: “Чорт знает, что такое!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — не имела никакого

Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но ~ чиновники, вздохнувши, все отошли прочь; один только полицеймейстер долго еще слушал, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь далее; но наконец и рукой махнул, сказавши: “Чорт знает, что такое!”

ПБЛ3 — отошли

Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но ~ полицеймейстер долго еще слушал, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь далее; но наконец и рукой махнул, сказавши: “Чорт знает, что такое!”

КАБ1 — наклонивши голову, продолжал еще слушать

Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но ~ чиновники, вздохнувши, все ~ в том, что как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться.

КАБ1(п) — решили чиновники

И все согласились в том, что как с быком ни биться, а всё молока от него не добиться.

КАБ1 — нет

И оказалось ясно, какого рода создание человек: мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что такое

ПБЛ4, РЦ — что за создание

И оказалось ясно, какого рода создание человек: мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя.

КАБ1(п) — как бывает он и мудр и

Какими осмотрительными, твердыми советами снабдит он в трудных случаях жизни!

КАБ1(п) — и мудрыми

А между тем появление смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке: тот, кто еще ~ с каким-то вопросительным выражением.

КАБ1(п) — Еще одна жизнь убежала из мира, и всё совершилось в одну минуту. И

КАБ1, ПБЛ4(п) — И появление смерти ~ страшно оно и в большом мире

А между тем появление смерти так же было страшно ~ был так часто виден между чиновников с своими густыми бровями ~ выражением.

КАБ1, ПБЛ4(п) — часто между чиновниками

“Но это, ~ заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что ~ посмеются потомки.

КАБ1(п) — И все это могло случиться так быстро? И могли так спутаться, сбиться с толку и растеряться чиновники, могли так отдалиться от прямого дела, заехать в такую околесину, сами так напугать себя, напутать такой вздор, что и ребенок даже видит, что это вздор — и всё это правда? И не выдумка это чересчур пересоленная? И много найдется умников, которые скажут: “нет, это невозможно!” — и раздастся, и отдастся во всех прочих рядах, невинно повторяющих чужие речи: “нет, это невозможно!” И произведут бедных чиновников моих в пошлейших дураков, ибо люди от души щедры на слово “дурак” и готовы несколько раз на день прислужиться им своему ближнему. И будут довольны они, что уничтожили несообразность и обличили в ней автора, и похвалят себя — и поделом: хвала и честь остроумию!

А разверните гремящую летопись мира, что в ней? Сколько в ней предстанет очам

столетий, которые бы все уничтожил и изгладил, как ненужные; видишь, как не один раз отшатнулось человечество и пошло по косвенной, неверной дороге, тогда как истина сияла яснее солнца, и, кажется, весь открыт был прямой путь, по которому должно бы было потечь оно; но отшатнулось ослепленное, не замечая, и, раз попавши на ложную дорогу, пошло столетиями блуждать и теряться, пока не очутилось вдруг в неведомой глуши, вопрошая испуганными очами: “Где выход? где дорога?” И родились, как посыпавшиеся листья, как черви в дождь, неслыханные следствия от незаконных причин, и произошли дела, которых не признали бы своими сами сотворившие их, а от которых бы со страхом отвратились отдаленные отцы их, как отвращается мать от чудовища, подкинутого на место сына. И видит всё это текущее поколение, и видит ясно, и дивится как можно было подобным образом заблуждаться, и

К этому месту относится набросок на отдельном листке (КАБ1): означенных непостижимыми заблуждениями ясных ныне мла-

денцу, которые ныне видят все, когда видит слепой, и бессмысленно вращалось часто челове<чество>, не зря вещей, [не видя вещей] доступных младенцу. Какими дальними искривленными дорогами, [Далее начато: заглохшими дорогами, противоположными] беспутными и туманными дорогами стремилось оно к <истине>, тогда как в виду был к ней широкий, великий, прямой, открытый путь, подобный тому пути, который ведет к великолепным царским палатам, [подобный просторному, широкому, озаренному блеском сияющих фонарей пути] ведущий к [храмине] блистающей чистотой, к великолепному чуду зодчества, [Далее начато: громадной] согласно воздвигнутому громадой из бесчисленных колонн, куполов, статуй, резьбы и [всяких] украшений, назначенному быть жилищем семейства царя. Всех других шире путей и дорог, шире и и роскошнее, [Далее начато: просторнее [осеняемый] весь освещенный солнцем] он огражден и сияющий всю ночь искусственными огнями, фонарями, [Далее начато: и мутно] и сколько раз мимо его по искривленным закоулкам текло человечество мимо

прямого пути, струились люди в вечные проселки и закоулки, не зря, не видя света, прямую дорогу, умели и тут <?> И сколько раз наведенные выше рожденным [умели] они с него, с прямого пути отшатнуться с широкого и свернуть почти в переулки и среди света, среди бела дня, сбиться с дороги искусства, [Далее было: туман в глаза другого напустить] создать туман и потом блуждать и теряться, забившись, наконец, в безысходную глушь, со всех <сторон> окруженные тоскуют, со страхом и ужасом [Далее начато: спрашивая] вопрошая друг друга: “Где выход? где дорога?” И тяжело становится душе высокой, болезнью объемлется, видя <З нрзб.>, и слезы готовы хлынуть и пробегаемые [Далее следует текст, не поддающийся прочтению; можно разобрать лишь отдельные слова.]

Не смущается текущее поколение, не боится болезнью, напротив посмеется над неразумием, видя так ярко и живо их заблужденья, легкомыслие, дивится, как можно было не зреть того, что было отвсюду зримо, не слышать того, что было слышно.

“Но это, однако ж, несообразно!

КАБ1, ПБЛ4(п) — однако

Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти других хороших. [КАБ1 — а. других сторон б. Как в тексте.] КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — девяти

Читателям легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на всё, что делается внизу, где человеку виден только близкий предмет.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — делалось

Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо его, в глухой темноте, текли люди.

КАБ1, ПБЛ4(п) — ночью

И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они ~ спросить друг друга: “Где выход, где дорога?”

КАБ1 — где дорога? [и родились, посыпались грозные следствия бесчисленно, как черви в дожди, как рождаются [черные наросты] в ненастное время черные наросты, зовомые спорыньем, которыми вся покрывается нива, страшные предвестники глада. Отвратились бы содрогнувшись от таких следствий отдаленные творцы их, как отвращается мать от чудовища, рожденного на место сына. И видит теперь ясно всё текущее поколение, дивится заблужденьям

Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем ~ посмеются потомки.

КАБ1(п) — смеется не видя

КАБ1, ПБЛ4(п) — не видя

Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что ~ посмеются потомки.

КАБ1(п) — огненными письменами начер-

таны сии страницы, что кричит в них

Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отвсюду устремлен пронзительный ~ посмеются потомки.

КАБ1(п) — устремлен из нее

Как нарочно, в то время он получил легкую простуду, флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в это

Желая чем-нибудь занять время, он сделал несколько новых и подробных списков ~ прискучило ему сильно.

КАБ1(п) — как-нибудь

Желая чем-нибудь занять время, он сделал несколько новых и подробных списков всем накупленным крестьянам, прочитал даже какой-то том герцогини Лавальер, отыскавший-

ся в чемодане, пересмотрел ~ прискучило ему сильно.

КАБ1(п) — Герцогиню Лавальер, отыскавшуюся

Желая чем-нибудь занять время, он сделал ~ в чемодане, пересмотрел в ларце разные находившиеся там предметы и записочки, кое-что перечел и в другой раз, и все это прискучило ему сильно.

КАБ1(п) — даже и в ларце своем

Никак не мог он понять, что бы значило, что ни один из городских чиновников не приехал к нему хоть бы раз навеститься о здоровье, тогда как еще недавно то и дело стояли перед гостиницей дрожки — то почтмейстерские, то прокурорские, то председательские.

КАБ1(п) — Никаким образом

Никак не мог он понять, что бы значило, что ни один из городских чиновников не приехал к нему хоть бы раз навеститься о здоровье, тогда как еще недавно то и дело стояли перед гостиницей дрожки — то почтмейстер-

ские, то прокурорские, то председательские.

КАБ1, ПБЛ4(п) — что бы это

Никак не мог он понять, что бы значило, что ни один из городских чиновников не приехал ~ произнес: “Эк его какие пошли писать леса!”

КАБ1(п) — не приезжает навестить его, тогда как прежде случалось это так часто. Наконец, он обрадовался, как бог знает чему, когда почувствовал, что можно выдти из комнаты. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был радостен, точно праздник; одевался он с удовольствием, еще с большим удовольствием расположился бриться, ибо любил это занятие. На сей раз пощупавши свою бороду и посмотревши в зеркало, он не мог удержаться, чтобы не сказать

Он дивился этому немало и пожимал только плечами, ходя по комнате. КАБ1;

ПБЛ4(п) — Он и пожимал

ПБЛ4, РЦ МД1 — Он пожимал

Наконец почувствовал он себя лучше и об-

радовался бог знает как, когда увидел возможность выйти на свежий воздух.

КАБ1 — выдти и на

ПБЛ4(п) — быть и на

Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер свою шкатулку, налил ~ писать леса!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — Не откладывая времени принялся

Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер свою шкатулку, налил в стакан горячей воды, вынул щетку и мыло и расположился ~ писать леса!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — начал возить щеткой по мылу

Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер ~ и время, потому что, пощупав бороду рукою и взглянув в зеркало, он уже произнес: “Эк его какие пошли писать леса!” КАБ1 — потому что уже раз

ПБЛ4(п) — потому что раз

Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер ~ взглянув в зеркало, он уже произнес: “Эк его какие пошли писать леса!”

КАБ1 — он

Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер ~ произнес: “Эк его какие пошли писать леса!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — эк

И в самом деле, леса не леса, а по всей щеке и подбородку высыпал довольно густой посев.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — высыпался

Выбрившись, принялся ~ отправился тут же к председателю палаты, но председатель палаты так смутился, увидя его, что не мог связать двух слов и наговорил ему такую дрянь, что даже им обоим сделалось совестно.

КАБ1(п) — вымывшись, вытершись самым воскресным порядком, надев чистое белье, а потом панталоны, фрак и вычистившись со всех сторон и метлой и щеткой, отправился он прежде всего сделать визит губернатору.

Идя дорогою, он несколько раз улыбался, думая кое о чем приятном, читатель, может быть, даже догадывается кое о чем; но изумление Чичикова превзошло всякие меры, когда швейцар встретил его весьма лаконическим ответом: “не принимает”. Он натурально заметил ему, что не ошибся ли он как-нибудь и не принял ли его за кого-нибудь другого, и чтобы-де доложил просто, что вот-де Павел Иванович пришел; но швейцар ответил, что он-то хорошо знает и что его-то именно и не ведено пускать. Это совершенно озадачило его. Он отправился в ту же минуту

КАБ1 — принялся он ~ блондинка и воображение, уже занялось даже некоторыми шалостями, так что он уже сам начинал над собою подсмеиваться слегка. В таком духе очутился перед губернаторским подъездом и уж стал он было в сенях сбрасывать ~ — Как не узнать, я вас узнал, — сказал швейцар ~ с каким прежде бежал снимать с него шинель. Казалось, он думал, глядя на него: уж коли теб-бя, брат, даже гоняют от крыльца, так ты видно так себе, что ни попало, шушера какой-нибудь. И т. д. как в тексте

В таком духе очутился он перед губерна-
торским подъездом.

ПБЛ4 — В таком духе [был он, когда]

“Эге! уж коли тебя бары гоняют с крыльца,
так ты, видно, так себе, что ни попало, шуше-
ра какой-нибудь!” КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — нет

“Непонятно!” подумал про себя Чичиков и
отправился ~ слов и наговорил ~ к другим: к
полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почт-
мейстеру, но все ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1(п) — что-то сказал ему такое, что Чи-
чиков усумнился даже в здоровьи его головы.
Оставив его, зашел

“Непонятно!” подумал про себя Чичиков и
отправился тут же к председателю палаты, но
председатель палаты так смутился, увидя его,
что не мог связать двух слов и наговорил ему
такую дрянь, что даже им обоим сделалось со-
вестно. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — наговорил

Уходя от него, как ни старался Чичиков изъяснить дорогою и добратся, что такое разумел председатель и насчет чего могли относиться слова его, ничего не мог понять.

КАБ1, ПБЛ4(п) — и Чичиков уходя

Уходя от него, как ни старался Чичиков изъяснить дорогою и добратся, что такое разумел председатель и насчет чего могли относиться слова его, ничего не мог понять.

КАБ1, ПБЛ4(п) — дорогою изъяснить

Уходя от него, как ни старался Чичиков изъяснить дорогою и добратся, что такое разумел председатель и насчет чего могли относиться слова его, ничего не мог понять. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — слова, но

Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Он

Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1, ПБЛ4(п) — сему-другому

Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли так странно, такой ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1(п) — приняли его

Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли так странно, такой принужденный и непонятный вели разговор, так ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1(п) — такой непонятный

Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли так странно, такой ~ в здоровьи их мозга.

КАБ1(п) — так смутились и

Потом зашел к другим: к полицеймейсте-

ру, к виц-губернатору, к почтмейстеру, но все ~ изо всего, что он усумнился в здоровьи их мозга. Попробовал было еще зайти кое к кому, чтобы узнать, по крайней мере, причину, и не добрался никакой причины.

КАБ1(п) — этого, что герой наш, с своей стороны, чуть не потерял тоже голову. Он по-пробовал

Попробовал было еще зайти кое к кому, чтобы узнать, по крайней мере, причину, и не добрался никакой причины.

КАБ1(п) — но не

Попробовал было еще зайти кое к кому, чтобы узнать, по крайней мере, причину, и не добрался никакой причины.

КАБ1(п) — никакого толку

Как полусонный, ~ чаю.

КАБ1 — Без цели бродил он по городу и в сумерки возвратился домой. От скуки или просто с горя он приказал подать себе чаю, хотя знал, что чай во многих губернских трактирах запахом бывает похож несколько

на табак

Как полусонный, бродил он без цели по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли всё это делается или наяву заварилась дурь почище сна.

КАБ1, ПБЛ4(п) — полуумный

Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел себе подать чаю.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в таком духе

Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел себе подать чаю. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — подать себе

В задумчивости и в каком-то бессмысленном рассуждении о странности положения своего стал он разливать чай, как вдруг отворилась дверь его комнаты и предстал Ноздрев

никак не ожидаемым образом.

КАБ1(п) — хлебнул и чихнул вместе, потому что чай был чистейший табак. Вдруг

“Вот говорит ~ не бываешь?”

— Здравствуй, брат Чичиков, прокричал он, а я, признаюсь, не думал тебя застать; проходя дорогой, думаю себе: дай-ка, зайду навещать приятеля; смотрю — в окошках огонь... Здравствуй, душа, как поживаешь?

Чичиков отвечал очень сухо и даже показал ясно, что совсем не обрадовался его приходу, но подобных обстоятельств Ноздрев не примечал.

— Да что ты, право, так отдалился от всех? — говорил Ноздрев КАБ1(п)

Конечно, я знаю, что ты занят иногда учеными предметами, любишь читать (уж почему Ноздрев заключил, что герой наш занимается учеными предметами и любит почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того менее).

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — и охотник

Ах, брат Чичиков, если бы ты только увидал... вот уж, точно, была бы пицца твоему сатирическому уму (почему у Чичикова был сатирический ум, это тоже неизвестно).

КАБ1(п) — нам тоже никак не понятно

Вообрази, брат, у купца Лихачева играли в горку, вот уж где смех был!

КАБ1(п) — Карты, если бы ты увидал, просто блины; только, как говорит Кувшинников, шлепать крепостных людей по щекам; и можешь себе представить, какая была умора

КАБ1 — а. Я бы уж обыграл всех непременно, потому что все игравшие были тюфяки, но мешал просто смех, вообрази, карты совершенные блины

б. Как в тексте

А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки, ведь я выиграл...

КАБ1(п) — ведь ты тогда

Да, брат, ты, просто, поддедюлил меня.
КАБ1(п) — Зажилил, душа, право, зажилил

Да, брат, ты, просто, поддедюлил меня.
КАБ1, ПБЛ4 — просто ты

Да, брат, ты, просто, поддедюлил меня.
КАБ1, ПБЛ4 — у меня

Но ведь я, чорт меня знает, никак не могу сердиться.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — Ну

Ах да! я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя; они думают, что ~ знал; ну, и, уж нечего говорить, слил им пулю порядочную”.

КАБ1(п) — слил пулю порядочную

“Я делаю фальшивые бумажки?” вскрикнул Чичиков, приподнявшись со стула.

КАБ1(п) — вскочив

“Зачем ты, однако ж, так напугал их?”

КАБ1(п) — Зачем же ты, однако

“Они, черт знает, с ума сошли со страха: нарядили тебя и зря в разбойники и в шпионы... КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — тебя в разбойники

“Они, черт знает, с ума сошли со страха: нарядили тебя и зря в разбойники и в шпионы... А прокурор с испугу умер, завтра будет погребение.

КАБ1 — Прокурор

Они, сказать правду, боятся нового генерал-губернатора, чтобы ~ не выиграешь.

МД1 — нет (вычерк. иенз.)

“Какое ~ будут мои, только с уговором: ты должен мне дать займы три тысячи.

КАБ1(п) — увезти губернаторскую дочку: я ждал этого, ей богу, ждал. В первый раз, как увидел я вас на бале вместе. Ну, думаю, Чичиков не даром... Послушай, брат, уж так и быть, я венца тебе подержу, и коляска будет моя, и переменные лошади

Впрочем, напрасно ты сделал такой выбор, я ничего в ней не нахожу хорошего... А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, так вот уж девушка! можно сказать: чудо коленкор!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — только, только что развернулась, так уж это точно можно сказать: чудо

“Ну, полно, брат: экой скрытный человек!

КАБ1, ПБЛ4(п) — что за

Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать займы три тысячи.

КАБ1 — нет

Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать займы три тысячи.

КАБ1, ПБЛ4 — венца

Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с угово-

вором: ты должен мне дать займы три тысячи. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — три тысячи займы

В продолжение всей болтовни Ноздрева Чичиков протирал несколько раз себе глаза, желая увериться, не во сне ли он всё это слышит.

КАБ1, ПБЛ4(п) — не знал, наяву ли, или во сне

“Ну, уж коли пошло на то”, подумал он сам в себе: “так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей”.

КАБ1 — далее

ПБЛ4(п) — далее

Он постарался сбить поскорее с рук Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в 6 часов утра выехать из города непременно, чтобы всё было пересмотрено, бричка подмазана и прочее и прочее.

КАБ1(п) — Сбывши кое-как с рук Ноздрева, он призвал к себе

Он постарался сбыть поскорее с рук Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в 6 часов утра выехать из города непременно, чтобы всё было пересмотрено, бричка подмазана и прочее и прочее. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — сбыть поскорее

Он постарался сбыть поскорее с рук Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в 6 часов утра выехать из города непременно, чтобы всё было пересмотрено, бричка подмазана и прочее и прочее.

КАБ1 — чтобы с вечера всё, что нужно, было приготовлено, всё пересмотрено

ПБЛ4(п) — всё пересмотрено

Барин тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочною пылью, и принялся ~ колодки, календарь... КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — порядочно

Всё это укладывалось как попало; он хотел непременно быть готовым с вечера, чтобы на-завтра не могло случиться никакой задерж-ки.

КАБ1, ПБЛ4(п) — не могла случиться ника-кая задержка

Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он с лестницы, от-печатывая своими толстыми сапогами мок-рые следы по сходившим вниз избитым сту-пеням, и долго почесывал у себя рукою в за-тылке. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — мокрыми сапогами следы

Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь во царевом кабаке, или ~ народ?

КАБ1, ПБЛ4(п) — с опоясанным

Ничего, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — Ничто

Ничего, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. Во-первых, проснулся он позже, нежели думал, — это была первая неприятность.

КАБ1(п) — предполагалось. Чичиков проснулся гораздо

Во-первых, проснулся он позже, нежели думал, — это была первая неприятность. Вставши, он послал тот же час узнать, заложена ли бричка и всё ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово.

КАБ1(п) — в ту же минуту послал он

Он рассердился, приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану и ожидал только с нетерпением, какую тот с своей стороны приведет причину в оправдание.

КАБ1(п) — приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана и, полный нетерпения

“Ах ты, чушка! чурбан! а прежде зачем об

этом не сказал? Не было разве времени?”

КАБ1(п) — Здесь было вставлено выражение, в важных случаях необходимое, без которого, как замечают, на Руси дело идет вяло как-то и лениво. “Зачем же ты прежде не вздумал об этом сказать. Не было времени что ли?”

“Да время-то было... Да вот и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем перетянуть, потому что теперь ~ знал это, а? а?”

КАБ1(п) — оно теперь подгрязнило, да и перед, Павел Иванович, у брички совсем расшатался, так что и двух станций не сделает”. Герою нашему, как читатель мог видеть, становилось час от часу не легче. “Ах ты, подлец эдакой!” сказал он, подвинутый совершенно досадным состоянием души: “Какой урод тебя, дурака эдакого, на свет пустил. Да где-то у тебя глаза были до этих пор! Ведь три недели сидели на месте — хоть бы заикнулся, а вот к последнему часу и пригнал, чушка ты проклятая! Именно к последнему часу: тут бы вот садиться да и ехать, а он тут-то именно и на-

гадил! Ведь ты ж знал всё это?

КАБ1 — теперь дорога ~ перед совсем расшатался ~ Подлец ты эдакой, убийца ты [мой], — вскрикнул Чичиков, вспыхнув и подошедши к нему с кулаками так, что Селифан даже несколько попятился назад и посторонился. ~ чушка ты проклятая, страшилище мирское! [Иуда ты проклятой] ~ а ты вот тут и нагадил и т. д. как в тексте

ПБЛ4 — теперь дорога ~ Подлец ты, убийца ты! — вскрикнул Чичиков ~ страшилище морское и т. д. как в тексте

РЦ — теперь дорога ~ Подлец ты, убийца ты! вскричал Чичиков ~ страшилище мирское и т. д. как в тексте

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, говорил сам себе: “Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал!”

КАБ1(п) — казалось как будто безмолвно

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, говорил сам себе: “Вишь ты, как оно мудрено случилось: и

знал ведь, да не сказал!”

КАБ1(п) — да и не сказал

Слышишь? непременно в два часа; а если не будет, так я тебя, я тебя... в рог согну и узлом завяжу!” Герой наш был сильно рассержен.

КАБ1(п) — Сказавши эти слова, Чичиков начал откапывать всякие, какие знал, выражения, уже направленные собственно не на Селифана, но неизвестно на кого, и откопал их против ожидания такое множество, как и сам не мог предполагать

Слышишь? непременно в два часа; а если не будет, так я тебя, я тебя... в рог согну и узлом завяжу!”

КАБ1 — я тебя не обвостря вколочу в землю!

Селифан оборотился было к дверям с тем, чтоб итти выполнить приказание, но остановился ~ помеха”.

КАБ1(п) — Селифан уже

Селифан оборотился было к дверям с тем, чтоб итти выполнить приказание, но остановился ~ помеха”.

КАБ1(п); КАБ1, ПБЛ4 — выполнять — выполнять данное

Селифан оборотился было к дверям с тем, чтоб итти выполнить приказание, но остановился и сказал: “Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что ~ помеха”.

КАБ1(п) — Чичиков услышал в прибавку к прежним еще кое-какие извещения

“Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, что просто не приведи бог, только помеха”.

КАБ1(п) — Павел Иванович, серого-то

“Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, что просто не приведи бог, только помеха”. “Да! вот пойду, побегу на рынок продавать!”

КАБ1(п) — только, можно сказать, помеха другим. — Да, как раз, вот теперь, небось, пойдут продавать!

“Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, что просто не приведи бог, только помеха”. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — просто

“Ей-богу, Павел Иванович, он только что на вид казистый, а на деле самый лукавый конь; такого коня нигде...”

КАБ1(п) — а на деле он

“Ей-богу, Павел Иванович, он только что на вид казистый, а на деле самый лукавый конь; такого коня нигде...” ~ вышел.

КАБ1(п) — то есть нигде не найдешь” — “Будет время подумать об этом к другом месте; ступай за кузнецами”

Вот посмотрю я: если ты мне не приведешь сейчас кузнецов, да в два часа не будет всё готово, так я тебе такую дам потасовку...

сам на себе лица не увидишь!

КАБ1, ПБЛ4(п) — дерку

Как он ни горячился, называл их мошенниками, разбойниками, грабителями проезжающих, намекнул даже ~ пять с половиною.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Чичиков как

Как он ни горячился, называл их мошенниками, разбойниками, грабителями ~ провозились за работой вместо двух часов целых пять с половиною.

КАБ1(п) — работой около брички

Как он ~ испытать приятные минуты, известные всякому путешественнику, когда ~ неедущего путешественника.

КАБ1(п) — Чичиков испытал

В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать ~ проходящих, плетущихся людей, толкующих об своих гривнах ~ неедущего путешественника.

КАБ1(п) — плетущиеся фигуры, толкующие

В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать ~ и с каким-то глупым любопытством ~ неедущего путешественника.

КАБ1, ПБЛ4 — с каким

В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать ~ глупым любопытством поднимающих глаза, чтобы, взглянув на него, опять продолжать свою дорогу, что еще более растравляет нерасположение духа бедного неедущего путешественника.

КАБ1(п) — изредка подымающие

В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать ~ глаза, чтобы, взглянув на него, опять продолжать свою дорогу, что еще более растравляет нерасположение духа бедного неедущего путешественника.

КАБ1(п) — взглянувши

Все, что ни есть, всё, что ни видит он: и лавчонка против его окон, и голова старухи, живущей в супротивном доме, подходящей к окну с коротенькими занавесками, — всё ему

гадко, однако же он не отходит от окна.

КАБ1(п) — окон, и надоевшая вывеска

Все, что ни есть, всё, что ни видит он: и лавчонка против его окон, и голова старухи, живущей в супротивном доме, подходящей к окну с коротенькими занавесками, — всё ему гадко, однако же он не отходит от окна.

КАБ1(п) — подходящей в это время

Стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на всё, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется об стекло под его пальцем.

КАБ1(п) — противувольное

Стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на всё, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется об стекло под его пальцем.

КАБ1(п) — нельзя сказать, чтобы думая,

нельзя сказать, чтобы не думая, и только с до-
сады душист

Но всему бывает конец, и желанная мину-
та настала: всё было готово, перед у брички ~
отправились, пересчитав полученные целко-
вые и пожелав благополучия.

КАБ1(п) — считая

Но всему бывает конец, и желанная мину-
та ~ целковые и пожелав благополучия.

КАБ1(п) — пожелавши всякого

Наконец и бричка была заложена, и два го-
рячие калача, только что купленные, положе-
ны ~ из ворот гостиницы.

КАБ1(п) — Бричка наконец

Наконец и бричка была заложена, и два го-
рячие калача, только что купленные, положе-
ны ~ из ворот гостиницы.

КАБ1 — калачи

Наконец и бричка была заложена, и два го-
рячие калача, только что купленные, положе-

ны туда, и Селифан ~ из ворот гостиницы.

КАБ1(п) — были положены в бричку

Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены ~ герой наконец при взмахивании картузом ~ из ворот гостиницы.

КАБ1(п) — наш

Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены ~ в том же демикотоновом сюртуке, при трактирных ~ из ворот гостиницы.

КАБ1 — демикотонном

Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены ~ при всяких других обстоятельствах, сопровождающих выезд, сел ~ из ворот гостиницы.

КАБ1(п) — разных других сопровождающих выезд обстоятельствах

КАБ1 — при всяких также обстоятельствах, сопровождающих выезд

Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены ~ в городе и так, может быть, даже надоела читателю, наконец выехала из ворот гостиницы. КАБ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — может быть

Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел сперва повисевший несколько времени на подножке Петрушка, и герой наш, усевшись получше ~ подкидывающую силу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — уселся

Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел сперва повисевший несколько времени на подножке Петрушка, и герой наш, усевшись получше на грузинском коврике, заложил за спину себе ~ подкидывающую силу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — заложив

Селифан хлыснул кнутом, к нему подсел ~ калача, и экипаж пошел опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, как известно, имела подкидывающую силу.

КАБ1, ПБЛ4(п) — пошел опять экипаж

С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, заборы и улицы, которые также с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад и которые, бог знает, судила ли ему участь увидеть еще когда-либо в продолжение своей жизни.

ПБЛ4, РЦ — забор

С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, заборы и улицы, которые также с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад и которые, бог знает, судила ли ему участь увидеть еще когда-либо в продолжение своей жизни.

КАБ1, ПБЛ4(п) — тоже

При повороте в одну из улиц бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ее проходила бесконечная погребальная процессия.

КАБ1(п) — длину улицы

Чичиков, высунувшись, велел Петрушке спросить, кого хоронят, и узнал, что хоронят

прокурора.

КАБ1(п) — высунулся, чтоб рассмотреть

Чичиков, высунувшись, велел Петрушке спросить, кого хоронят, и узнал, что хоронят прокурора.

КАБ1(п) — гроб был открыт и несен на траурном катафалке. С каким-то неизъяснимо странным чувством и почти даже с испугом узнал он прокурора: те же неподвижные черты, какие видны были на нем и при жизни; один нос только, казалось, сделался больше и острее. Густые брови были также приподняты над закрытыми глазами

В это время, когда экипаж был таким образом остановлен, Селифан и Петрушка, набожно ~ чиновники.

КАБ1(п) — арестован

В это время, когда экипаж был таким образом остановлен, Селифан ~ всех и пеших ~ стеклышка, находившиеся в кожаных занавесках: за гробом шли, снявши шляпы, все чиновники.

КАБ1(п) — и пешком и в каретах. Он сам отчасти занялся рассматриванием в стеклышко, находившееся

КАБ1 — и пеших и ехавших, он приказал им ~ лакеев, и сам принялся рассматривать робко сквозь стеклышко, находившееся

ПБЛ4, РЦ — и пеших и ехавших, барин, приказав им ~ стеклышко, находивше<е>ся

Он начал было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа, но им было не до того.

КАБ1, ПБЛ4(п) — Заметив их, он начал

Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какие обыкновенно ведут между собою провожающие покойника.

КАБ1(п) — которые обыкновенно плетут

По движениям губ и рук их видно было, что они были заняты ~ он даст, и хлопотали о вечных своих фестончиках и нашивочках.

КАБ1, ПБЛ4(п) — говорили

Открывши кожаные занавески, он вздохнул, произнеши от души: “Вот, прокурор!”

КАБ1, ПБЛ4(п) — от души произнес

И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных ~ густые брови”.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — к всеобщему прискорбию

И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий ~ густые брови”.

КАБ1(п) — всего, может быть

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — поворотила

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города.

КАБ1(п) — приближавшийся конец

Вот уже и мостовая кончилась, и шлаг-

баум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге.

КАБ1(п) — ничего уже

И опять по обеим сторонам столбового пути ~ с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке, пешеход ~ горизонт без конца...

КАБ1(п) — мужиком, несущим в руке овес, ребятишками, горшками

КАБ1, ПБЛ4(п) — хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке

И опять по обеим сторонам столбового пути ~ шлагбаумы, чинимые мосты, поля ~ горизонт без конца...

КАБ1 — подчиняемый мост

И опять по обеим сторонам столбового пути ~ ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то ~ горизонт без конца...

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — порохом

И опять по обеим сторонам столбового пути ~ горохом и подписью: такой-то ~ горизонт

без конца...

КАБ1 — надписью

И опять по обеим сторонам столбового пути ~ черные полосы, мелькающие по степям, зятанутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца...

КАБ1(п) — лентами мелькающие

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные ~ в серебряные, ясные небеса. КАБ1, ПБЛ4, РЦ;

МД1 — бедна природа в тебе ~ дерзкие ее дива (ценз. искаж.)

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека ~ в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется ~ в серебряные, ясные небеса.

КАБ1(п) — покрытые вечным шумом и пылью водопадов

КАБ1, ПБЛ4(п) — среди шума и в вечной пыли водопадов

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека ~ посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине ~ в серебряные, ясные небеса.

КАБ1(п) — далеко пропадающие на дне

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека ~ каменные глыбы; не блеснут ~ сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса.

КАБ1(п) — и сквозь наброшенные с плющами и тысячью растений громадные арки не блеснут

КАБ1 — Не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки [опутанные мхами, плющами] поросшие виноградными сучьями [дикими] плющем, розами и маком, не блеснут сквозь них

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека ~ сучьями, плющом и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь

них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса. КАБ1 (авт.);

ПБЛ4, РЦ, МД1 — плющами

Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора.

КАБ1(п) — не прельстит и не очарует в тебе

КАБ1, ПБЛ4 — не обольстит и не очарует

Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — от моря, до моря

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное ~ и уютней прижмешься к углу! КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — прижмемся

В последний раз пробежавшая дрожь про-

хватила члены, и уже сменила ее приятная теплота.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — тело

Кони мчатся...как соблазнительно крадет-ся дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся: и “Не белы снеги”, и сап лошадей, и шум колес, и уже храпишь, прижавши к углу своего соседа.

ПБЛ4, РЦ — слышится

Проснулся: пять станций убежало назад, луна, неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями, темные бревенчатые и белые каменные дома.

КАБ1 — темные и белые каменные

Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались ~ нигде ни души — всё спит.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — как

Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небоскло-

не золотая бледная полоса; свежее и жестче становится ветер: покрепче в теплую шинель!.

КАБ1, ПБЛ4(п) — летит к тебе

“Полегче! легче!” слышишь голос; телега спускается ~ аппетит в желудке... КАБ1;

ПБЛ4 — слышит (ошибка переписчика)

ПБЛ4, МД1 — слышится

“Полегче! легче!” слышишь голос; телега спускается ~ мужиков, и невыносимый аппетит в желудке...

КАБ1(п) — чертовский

Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!

КАБ1 — погибающий, тонущий

Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только изредка назад, желая увериться, точно ли выехал ~ когда-нибудь давно, в детстве. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ МД1 — только

Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только изредка назад, желая увериться, точно ли выехал ~ давно скрылся, ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что ~ когда-нибудь давно, в детстве.

КАБ1(п) — скрылся, что ни шлагбаума

Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал ~ церковей давно ушли в землю, он занялся ~ когда-нибудь давно, в детстве.

КАБ1(п) — давно спрятались и ушли

Сначала он не чувствовал ничего ~ одной дорогою, посматривал только направо и налево, и город N. как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его когда-нибудь давно, в детстве.

КАБ1 — посматривал покойно

Сначала он не чувствовал ничего ~ проезжал он его когда-нибудь давно, в детстве.

КАБ1 — когда-нибудь давно

Сначала он не чувствовал ничего ~ в его

памяти, как будто проезжал он его когда-нибудь давно, в детстве. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — проезжал он его давно

Наконец и дорога перестала занимать его, и он стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке.

КАБ1(п) — Иногда только в необъемной картине, в сжатых рамках и уменьшенном виде носились перед ним городское общество, губернатор, бал, вист до петухов, осетрина, белуга, гостиница, странное смущение и последнее конфузное свидание с чиновниками, но и это становилось бледнее, бледнее, подобно последним оттискам какой-нибудь яркой гравюры или тем пятнам, которые мерещатся в глазах наших после того, как мы пристально глядели на понизившееся солнце. Долго еще эти пятна носятся перед нами, горячо и ярко отпечатываясь на всем, что ни видит глаз: на полях, озаренных вечерним блеском, с пробудившимся шумом насекомых и яркими звездами полевых цветов, приподнявшихся на тонких стеблях, на красноватой пыльной дороге, на старенькой крыше сель-

ской лачуги, обросшей дикой полынью, на складываемых скирдах свежего сена, на му-
жиках, подымающих его на вилы, — словом,
на всем круглятся и носятся эти пятна, сначала
раскаленные и яркие, потом бледнее и на-
конец, уже потухнувши, они всё еще видятся
перед глазами, как темные свинцовые пули.
Наконец Чичиков перестал вовсе думать

КАБ1 — между строк отдельные исправле-
ния.

Автор признается, этому даже рад, находя
таким образом случай ~ за весьма важные де-
ла.

КАБ1(п) — признается, что

Очень сомнительно, чтобы избранный на-
ми герой понравился читателям.

КАБ1(п) — Автор должен сказать, что он
весьма сомневается, чтобы избранный герой
его понравился

КАБ1 — а. Очень сомнительно, чтобы герой
наш понравился читателю

б. Как в тексте

Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда!

КАБ1(п) — наверное

Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное ~ цены.

КАБ1(п) — чудом во всех частях, чтоб это было такое совершенство, чтобы ни душевного, ни телесного пятнышка в нем не было бы видно, и если какая-нибудь безделица — нос как-нибудь не так или иное не хорошо — тогда беда. Никакой цены не дастся автору, как глубоко ни загляни он ему в душу, хотя отрази чище зеркала его образ

Как глубоко ни загляни автор ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в душу своему герою

Самая полнота и средние лета Чичикова

много повредят ему: полноты ни в каком случае не простят герою, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: “Фи, такой гадкой!”

КАБ1(п) — героя

Увы! всё это известно автору, и при всем ~ не уважают добродетельного человека.

КАБ1(п) — он признается, что до сих пор еще не произвел ничего по внушению дамскому и даже чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь кончено всё; даже и смущение не забирается в его душу. Воспитанный уединением, суровой внутренней жизнью, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только невольно разве сами собою остановятся глаза на висящих по стенам портретах Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было, чтобы она была. На упреки, почему не избран в герои добродетельный человек, можно отвечать одно только: потому, что нужно хоть на время дать роздых бедному добродетельному человеку; по-

тому что добродетельного человека обратили в почтовую лошадь, и нет писателя, который бы не изъездил на нем, понукая ежеминутно кнутом и шпорами; потому что до того изморили его, что вышло теперь из него бог знает что: одни ребра да кожа, а уже и тени в нем нет никакой добродетели

На полях набросок карандашом, трудно поддающийся прочтению.

Но... может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство ~ стремления и самоотвержения.

КАБ1 — и грянет

ПБЛ4(п) — грянет и

Но... может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или ~ стремления и самоотвержения.

КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — божественными (ценз. искаж.)

Неприлично автору, будучи давно уже мужем, воспитанному суровой внутренней жизнью и свежительной трезвостью уединения, забываться подобно юноше.

КАБ1, ПБЛ4(п) — живую

А добродетельный человек всё-таки не взят в герои.

КАБ1, ПБЛ4(п) — все-таки покамест

А добродетельный человек всё-таки не взят в герои.

КАБ1, ПБЛ4(п) — в герои романа

Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздну возвращается ~ не уважают добродетельного человека.

КАБ1 — нет

Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздну возвращается на устах слово: добродетельный человек; потому что обратили в ра-

бочую лошадь добродетельного человека, и нет ~ не уважают добродетельного человека.
КАБ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — лошадь

Потому что пора наконец дать отдых ~ и кнутом и всем, чем попало; потому что ~ не уважают добродетельного человека.

КАБ1, ПБЛ4(п) — кнутом его

Потому что пора наконец дать отдых ~ и всем, чем попало; потому что ~ не уважают добродетельного человека. КАБ1;

ПБЛ4, РЦ МД1 — чем ни попало

Потому что пора наконец дать отдых ~ лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека.

КАБ1, ПБЛ4 — прозывают

Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!

КАБ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — припрячь и плутоватого. И так

припряжем его, плутоватого человека (ценз. искаж.)

Далее вместо разночтений с КАБ1 приводятся разночтения окончательного текста с ПБЛ1. Дальнейший текст КАБ1 анализирован в разночтениях с ПБЛ3.

Лицом он на них не походил: по крайней мере, родственница, бывшая при его рождении, низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пиголицами, взявши в руки ребенка, вскрикнула: “Совсем вышел не такой, как я думала!

ПБЛ1 — близкая родственница

Лицом он на них не походил: по крайней мере, родственница, бывшая при его рождении, низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пиголицами, взявши в руки ребенка, вскрикнула: “Совсем вышел не такой, как я думала!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — при рождении

Ему бы следовало пойти в бабку с матер-

ней стороны, что было бы и лучше, а он родился, просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца”.

ПБЛ4(п) — нашей

Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ~ в руках, чернилами на пальцах ~ бледную память.

ПБЛ1(п) — и чернилом

Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ~ хлопанцев, знакомый, но всегда ~ бледную память.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — и знакомый

Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ~ суровый голос: “опять задурил!”, отзывавшийся в то время, когда ~ бледную память.

ПБЛ1(п) — раздававшийся

Но в жизни всё меняется быстро и живо: и в один день с первым весенним солнцем и разлившимися потоками отец, взявши сына, выехал ~ все должности в доме.

ПБЛ1(п) — реками

На сороке тащились они полтора дни с лишком; на дороге ночевали, переправлялись через реку, закусывали холодным пирогом и жареною бараниною, и только на третий день утром добрались до города.

ПБЛ1(п) — добрались они

Перед мальчиком блеснули неожиданным великолепием городские улицы, заставившие его на несколько минут разинуть рот.

ПБЛ1(п) — героем нашим

Потом сорока бултыхнула вместе с тележкой в яму, которою начинался узкий переулочек, весь стремившийся вниз ~ матовым окошечком.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — и в

Потом сорока бултыхнула вместе с тележкой в яму, которою начинался узкий переулочек, весь стремившийся вниз и запруженный ~ матовым окошечком.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — весь

Потом сорока бултыхнула ~ на косогоре с двумя расцветшими яблонями ~ матовым окошечком.

ПБЛ1 — расцветшими

Потом сорока бултыхнула ~ домиком и садиком позади его, низеньким, маленьким, состоявшим только из рябины, бузины и скрывавшейся во глубине ее деревянной будочки, крытой драньем, с узеньким матовым окошечком.

ПБЛ1(п) — садиком позади

Тут жила родственница их, дряблая старушонка, всё еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и полюбовалась его полнотою.

ПБЛ1(п) — всякой день

Тут жила родственница их, дряблая старушонка, всё еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и

полюбовалась его полнотою.

ПБЛ1(п) — мальчика тут же по щеке, полюбавшись

ПБЛ1 — мальчика полюбавшись

Отец, переночевавши, на другой же день выбрался в дорогу.

ПБЛ1 — собрался

При расставании слез не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: “Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам.

ПБЛ1(п) — видно

При расставании слез не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: “Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам.

ПБЛ1(п) — но, что гораздо важнее, дано было

При расставании слез не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: “Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам.

ПБЛ1 — расходы

Давши такое наставление, отец расстался с сыном и потащился вновь домой на своей сороке, и с тех пор уже никогда он больше его не видел, но слова и наставления заронились глубоко ему в душу.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — домой

Павлуша с другого же дни принялся ходить в классы.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — всё

Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же.

ПБЛ1(п) — повел себя точно таким

Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же.

ПБЛ1(п) — что больше они

Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же.

ПБЛ1(п) — никогда ни в каком случае, даже подчас приберегши то, что досталось ему на долю, продавал его потом тем же самым, которые его угощали

Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем.

ПБЛ4, РЦ — ребенок

Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно.

ПБЛ1(п) — данной ему отцем на расставаньи полтины меди он не издержал ни копейки, напротив, тот же час сделал

Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — [Перед этим начато: а. [Слепил] б. Еще ребенок, он уже показал в. показав уже в юные лета] показав таким образом большую оборотливость

Из данной отцом полтины не издержал ни

копейки, напротив, в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно.

ПБЛ1(п) — какого-то снегиря

Потом в продолжение некоторого времени пустился на другие спекуляции, именно вот какие: накупивши на рынке съестного, садился ~ с аппетитом.

ПБЛ1(п) — Потом пустился на другие спекуляции: накупивши на рынке [хлебов и пряников] [кое чего] съестного он

Потом в продолжение некоторого времени ~ товарища начинало тошнить, — признак подступающего голода, — он высовывал ~ с аппетитом.

ПБЛ1(п) — начинало слегка тошнить

Потом в продолжение некоторого времени ~ из-под скамьи будто невзначай угол пряника или булки и, раззадоривши его, брал деньги, соображаясь с аппетитом.

ПБЛ1 — как будто

Потом в продолжение некоторого времени ~ и, раззадоривши его, брал деньги, соображаясь с аппетитом.

ПБЛ1(п) — брал с него

Два месяца он провозился у себя на квартире без отдыха около мыши, которую засадил в маленькую деревянную клеточку, и добился наконец до того, что мышь становилась на задние лапки, ложилась и вставала по приказу, и продал потом ее тоже очень выгодно.

ПБЛ1 — провозился он

Два месяца он провозился у себя на квартире без отдыха около мыши, которую засадил в маленькую деревянную клеточку, и добился наконец до того, что мышь становилась на задние лапки, ложилась и вставала по приказу, и продал потом ее тоже очень выгодно.

ПБЛ1(п) — мышь наконец становилась

Когда набралось денег до пяти рублей, он

мешочек зашил и стал копить в другой.

ПБЛ1(п) — набралось у него

Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой.

ПБЛ1(п) — мешок

Сидеть на лавке никто не умел так смиренно.

ПБЛ1(п) — смиренно как он, и как только раздавался колокольчик, он мигом схватывался с места и подавал учителю треух прежде всех (учитель ходил в треухе)

Достаточно было тому, который уже попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелинуться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под гнев. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — который

Достаточно было тому, который уже попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелинуться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под гнев. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — пошевелиться

Он его гнал и наказывал немилосердно.

ПБЛ1(п) — Гоним и наказываем он был

Так говорил учитель, не любивший на смерть Крылова ~ нельзя было узнать, был ли кто там или нет.

ПБЛ1(п) — в классе

Не шевельнул он ни глазом, ни бровью во всё время класса, как ни щипали его сзади; как только раздавался звонок, он ~ снимая шапку.

ПБЛ4, РЦ — и как только

Во всё время пребывания в училище был он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоверение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами за примерное прилежание, и благонадежное поведение.

ПБЛ1(п) — при выпуске он получил

ПБЛ1 — при выпуске получил

Во всё время пребывания в училище был

он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоверение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами за примерное прилежание, и благонадежное поведение.

ПБЛ1, ПБЛ4 — за прилежание и поведение

Вышед из училища, он очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, с подбородком, потребовавшим бритвы.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — юношей

В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сертука, подбитых мерлушками, и незначительная сумма денег.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — оказалось

Чичиков продал тут же ветхой дворишка с ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевел в город, располагаясь основаться в нем и заняться службой.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — землишкой

В это же время был выгнан из училища за глупость или другую вину бедный учитель,

любитель тишины и похвального поведения.

ПБЛ1(п) — другое дело

Бывшие ученики его, умники и остряки, в которых ему мерещилась беспрестанно непокорность ~ бросили, сказавши: “Эх ты, жила!”

ПБЛ4 — мерещилось

Бывшие ученики его, умники и остряки, в которых ему мерещилась ~ поведение, узнавши об жалком его положении, собрали ~ бросили, сказавши: “Эх ты, жила!”

ПБЛ1 — узнали как-то

ПБЛ4(п) — узнавши как-то

Бывшие ученики его, умники и остряки, в которых ему мерещилась беспрестанно непокорность и заносчивое поведение, узнавши об жалком его положении, собрали ~ прибавя тут же: “Эх, Павлуша!

ПБЛ1(п), ПБЛ4(п) — Тут же собрали они деньги какие могли, иные даже продали только что сделанное платье и отправились к Чичикову в твердой уверенности получить от него более чем от других как от человека,

больше всего обязанного учителю и притом имеющему в наличности тысячу рублей, о которой пронюхали вдруг, но обманулись однако же в надежде: Чичиков отговорился неимением и предложил самую малость: пятак серебра или что-то в этом роде; товарищи бросили ему в глаза, сказавши: “Эх ты”, и отправились к бедному педагогу, [Вместо бедному педагогу: [учителю] [оставленному] педагогу ПБЛ1(п)] которого нашли на соломе, высушенного, страшного, судорожно встрепенувшегося при их виде и отворотившего голову. “Вот вам, сказали они, всё, что могли собрать! Дали бы больше, но больше нет у нас. Один из нас только не дал ничего [После ничего: [вам] ПБЛ1(п)] и отказался прийти навестить вас: ваш Павлуша”. Закрыв лицо руками бедный учитель, слезы градом полились из потухнувших очей как у бессильного дитяти. Собрав [Вместо Собрав: Собрал он ПБЛ1(п)] всю силу голоса, приобревшего потрясающее выражение, он произнес: “При смерти на одре довелось заплакать от радости!” Потом тяжело вздохнул и прибавил тихим умирающим голосом

Закрыл лицо руками бедный учитель, когда услышал о таком поступке бывших учеников своих: слезы градом полились из погасивших очей, как у бессильного дитяти.

ПБЛ4 — а. болезненных

б. Как в тексте

Нельзя, однако же, сказать, чтобы природа героя нашего была так сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни ~ впрок.

ПБЛ1(п) — не почувствовал

Нельзя, однако же, сказать, чтобы ~ это в значительной сумме, чтобы ~ впрок.

ПБЛ1(п) — чтобы помощь не заключалась

Но в нем не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не владели скряжничество и скупость.

ПБЛ1(п) — Он не имел даже

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Впрочем в нем [однако же] не было

Нет, не они двигали им, ему мерещилась впереди жизнь во всех удовольствиях, со всякими недостатками, экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды, вот что ~ захолустьях нужна протекция!

ПБЛ1(п) — и для достижения сих роскошных благ скупое прятал копейку, готовый отказать во всем как другим, так и себе самому. Несмотря на похвальные аттестаты, он с трудом однако же определился в казенную палату: и в отдаленном захолустьи

Чтобы наконец, потом, со временем, вкусить непременно всё это, вот для чего береглась копейка, скупое отказываемая до времени и себе и другому.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — но вкусить

Вышед из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него желанье скорее приняться за дело и службу.

ПБЛ1 — отдохнуть [Не мог успокоиться]

Вышед из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него желанье ско-

рее приняться за дело и службу.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — хотелось ему скорее начать дело службою

С раннего утра до позднего вечера, не уставая ~ с сторожами и при всем том умел сохранить опрятность, порядочно одеться, сообщить лицу приятное выражение и даже что-то благородное в движениях.

ПБЛ1(п) — при всем том он еще умел

Надобно сказать, что палатские чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразием.

ПБЛ1(п) — невзрачностью лиц

У иных были лица точно дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхнюю губу взнесло пузырем, которая в прибавку к тому еще и треснула; словом, совсем некрасиво.

ПБЛ1(п) — вздуло

Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались ~ даже подчас в

присутствие, как говорится, нализавшись, отчего в присутствии было нехорошо, и воздух был вовсе не ароматический.

ПБЛ1 — подчас и в присутствие уже налимонившись

ПБЛ4(п) — подчас в присутствие уже налимонившись

Между такими чиновниками не мог не быть замечен и отличен Чичиков, представляя во всем совершенную противоположность и взрачностью лица, и приветливостью голоса, и совершенным неупотреблением никаких крепких напитков.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — противоположность другим

Но при всем том трудна была его дорога: он попал ~, никогда в жизни не явивший на лице своем усмешки, не приветствовавший ни разу никого даже запросом о здоровье.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — жизнь

Но при всем том трудна была его дорога: он попал ~ на лице своем усмешки, не при-

ветствовавший ни разу никого даже запросом о здоровье.

ПБЛ1(п) — усмешки и

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть на улице, хоть у себя ~ ничего такого.

ПБЛ1(п) — ни на улице

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть на улице, хоть у себя дома; хоть бы раз показал он в чем-нибудь участие, хоть бы напился ~ ничего такого.

ПБЛ1(п) — обрадовался чему-нибудь

ПБЛ1 — показал [к чему-нибудь] участие

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть ~ участие, хоть бы напился пьян ~ ничего такого.

ПБЛ1(п) — хоть бы раз напился

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть ~ предался дикому, искаженному веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту, но даже тени не было в

нем ничего такого. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — дикому

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть ~ разбойник в пьяную минуту, но даже тени не было в нем ничего такого. Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего.

ПБЛ1 — Но, казалось, в нем ничего не было, ничего ровно

Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего.

ПБЛ1(п) — словом, даже

Черство-мраморное лицо его, без всякой резкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; в суровой соразмерности между собою были черты его.

ПБЛ1(п) — Лицо его походило на мраморное, никакой резкой неправильности, [или] особенности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — Черство-мраморное лицо его не имело даже никакой резкой неправильности, дававшей бы ему с чем-нибудь сходство

Черство-мраморное лицо его, без всякой резкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; в суровой соразмерности между собою были черты его.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — были все черты

Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их, причисляли его к числу тех лиц, на которых, по народному выражению, чорт приходил по ночам молотить горох.

ПБЛ1(п) — Набрасывали на него черствый характер только какие-то частые рябины и ухабины, как будто бы

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Одни только частые рябины и ухабины густо истыкали его, как будто бы

Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их, причисляли его к числу тех лиц, на которых, по народному выражению,

чорт приходил по ночам молотить горюх.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — молотить на нем

Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку и привлечь его расположение, но Чичиков попробовал.

ПБЛ1(п) — чем-нибудь привлечь

Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку и привлечь его расположение, но Чичиков попробовал.

ПБЛ1(п) — попробовал и около него

Сначала он принялся угождать во всяких ~ не было и делано.

ПБЛ1(п) — принялся во всем

Сначала он принялся угождать ~ новую тряпку для его чернильницы, отыскал где-то ~ не было и делано.

ПБЛ1(п) — у его чернильницы

Сначала он принялся угождать ~ в мире, и всякой раз клал ее возле него ~ не было и делано.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — клал

Наконец он пронюхал его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь с лицом, тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху.

ПБЛ1(п) — домашнюю и семейственную

Наконец он пронюхал его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь с лицом, тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху.

ПБЛ1 — дочь, на которой тоже

С этой-то стороны придумал он навести приступ.

ПБЛ1(п) — сделать

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — произвести

Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякой раз на-супротив ее чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, и дело возымело успех: по-

шатнулся суровый повытчик и зазвал его на чай! МД1;

МД2 — Узнав

Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякой раз на-супротив ее чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, и дело возымело успех: пошатнулся суровый повытчик и зазвал его на чай!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — воскресеньям

Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякой раз на-супротив ее чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, и дело возымело успех: пошатнулся суровый повытчик и зазвал его на чай!

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — и накрахмаливши

Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякой раз на-супротив ее чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, и дело возымело успех: пошатнулся суровый повытчик и зазвал его на

чай!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — стал зазывать

И в канцелярии не успели оглянуться, как устроилось дело так, что Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным ~ свадьба.

ПБЛ1 — на дом

Суровый ~ отправил секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартире.

ПБЛ1(п) — Чичиков вдруг пошел и получил сам место

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Чичиков получил давно искомое и желанное место повытчика. Как только получил он повытчика, сундук был в ту же почти минуту отправлен

В этом, казалось и заключалась главная цель связей его с старым повытчиком; потому что тут же сундук свой он отправил секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартире.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — на другой же день очутился он

Повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше его руки, а о свадьбе так дело и замялось, как будто вовсе ничего не происходило.

ПБЛ1(п) — его совсем не было

Однако же, встречаясь с ним, он всякой раз ласково жал ему руку и приглашал к себе на чай, так что ~ себе под нос: “Надул, надул, чортов сын!” ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — приглашал его

С этих пор всё пошло легче и успешнее. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — пошло

Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах.

ПБЛ1(п) — Искательность и умение обращаться оказались в нем во всей силе. В одно и то же время он соединил в себе

ПБЛ1 — а. Искательностью и умением обращаться он овладел

б. Всё оказалось в нем, что нужно в этом мире

Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах.

ПБЛ1(п) — в оборотах и уме, поступках и способность в деловых делах

Всё оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках и бойкость в деловых делах.

ПБЛ1(п) — а. — делах. Словом, оказался человеком

б. — делах и наконец искательность, способность чудная, которая не всякому дается

С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко, и воспользовался им отличным образом.

ПБЛ1(п) — он добыл себе

ПБЛ1 — добыл он себе в непродолжительное время

ПБЛ4, РЦ — добыл он себе в непродолжи-

тельное время

С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко, и воспользовался им отличным образом.

ПБЛ1(п) — наживное

Нужно знать, что в то же самое время начались строжайшие преследования всяких взяток; преследований он не испугался и обратил их тот же час в свою пользу, показав таким образом прямо русскую изобретательность, являющуюся только во время прижимок.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Но он этого не испугался ничуть и тот же час обратил все преследования

Дело устроено было вот как: как только приходил проситель и засовывал руку в карман с тем, чтобы вытащить ~ думаете, что я... нет, нет.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — чтобы

Дело устроено было вот как: как только приходил проситель ~ у нас на Руси, “нет, нет”, говорил он с улыбкой, удерживая его руки: “вы думаете, что я... нет, нет.

ПБЛ1(п) — нет, нет. Мы ничего не берем

Это наш долг, наша обязанность, без всяких возмездий мы должны сделать!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — мы должны это

Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту старалась дело поправить и придержать полу.

ПБЛ1 (ошибка переписчика) — нет

Выведывает, говорят: нужно дать писарям.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — выведывать

“Да чего вы так горячитесь”, отвечают ему: “оно так и выйдет: писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет по начальству”. ПБЛ1, ПБЛ4;

ПБЛ4, МД1 — к начальству

Бьет себя по лбу недогадливый проситель

и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — новые обычаи (ценз. искаж.)

Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников.

ПБЛ1, ПБЛ4(п), ПБЛ4 (кар.) — нынешних чиновников

“Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе; а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; чорт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!”

ПБЛ1(п) — чиновную вежливость

Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространный: образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — пространное поле

В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов.

ПБЛ1(п) — Чичиков

Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал, или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента.

ПБЛ4 (ошибка переписчика) — с зданием

Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал, или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента.

ПБЛ1(п) — мешал грунт земли

Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал, или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — дальше

Члены ~ вдруг: на место прежнего тюфяка

был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой.

ПБЛ1(п) — Чичиков завелся рысаками, отличным экипажем. Оказалось, что он был вовсе не чужд земных наслаждений и отказывался от них только силою необыкновенной власти над собою и непостижимой настойчивостью характера, [и непостижимо-настойчивого характера] готового на все жертвы, чтобы достигнуть своего. Оказалось множество разных прихотей, которых прежде вовсе не было видно. [Он был никак не прочь от хорош<его?>] завел повара, купил на фрак такого сукна, какой не носила вся губерния, и стал с этих пор держаться больше коричневых цветов с искрой, <1 нрзб.> сделался очень неравнодушен к физиогномии своей, выписывал какое-то дорогое мыло для гладкости кожи и прочего, вытирался по утрам мокрой губкою, напитанной водою, разведенной одеколоном. Нервы и чутье сделались в нем так раздражительны, что всякой сколько-нибудь неприятной запах уже оскорблял его. По этой причине он всегда, когда Петрушка снимал с

него сапоги, клал себе в нос гвоздичку. Словом, чиновники начинали уже благоденствовать и многие заводились семействами, как вдруг

ПБЛ1 — Члены уже начинали благоденствовать [многие уже] и стали заводиться семейством. [Далее начато: Чичиков понемногу нач<ал>] С этих пор и Чичиков начал понемногу выпутываться из-под суровых жестких законов воздержанья и неумолимого себя ограничиванья. Тут только долговременный пост наконец был смягчен, и оказалось, что он вовсе не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться [непостижимой [силой воли] настойчивостью и силой воли, умевшей отказать себе в них] в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою. Оказались [Далее начато: хотя сначала он тоже очень скромно] кое-какие излишества: он завел довольно хорошего повара, [очень] тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже [Далее начато: а. поку-

пал б. начал покупать он [недешево] за дорогую цену мыла] завел он отличную пару и сам держал одну возжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воду, смешанн<ую> с одеколоном; уже покупал он весьма <не?> дешево какое-то мыло для сообщения гладкости коже. На месте

Но вдруг: на место прежнего тюфяка был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой.

ПБЛ1(п) — строгий прямодушный

На другой же день пугнул он всех до одного, потребовал отчеты, увидел недочеты, на каждом шагу недостающие суммы, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка.

ПБЛ1(п) — Вдруг и неожиданно

Чиновники были отставлены от должности; дома гражданской архитектуры поступили в казну и обращены были на разные бого-

удобные заведения и школы для кантонистов; всё распушено было в пух, и Чичиков ~ на смерть.

ПБЛ1(п) — и больше всех прочих потерпел Чичиков. Лицо его вдруг неизвестно почему, несмотря на приятность выражения, не [Далее начато: понр<авился>] показалось начальнику и возненавидел он его до того, что даже слышать не мог о нем

ПБЛ1 — и Чичиков [Далее начато: более достав] более других. Лицо его [как то] вдруг [неизвестно почему] несмотря ~ бог ведает, иногда у начальников не бывает причин, [Далее начато: всё было <1 нрзб.>] — возненавидел он его на смерть. И грозен был сильно начальник

ПБЛ4, РЦ — и Чичиков более ~ не бывает причин и он возненавидел его на смерть. И грозен был сильно для всех неумолимый начальник

Но, так как все же он был человек военный, стало быть не знал ~ другие чиновники, и генерал скоро очутился ~ способности. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — новый правдивый начальник
(ценз. искаж.)

Но, так как все же он был человек военный, стало быть не знал ~ мошенников, которых он вовсе не почитал такими; даже был доволен, что выбрал наконец людей как следует, и хвастался не в шутку тонким уменьем различать способности.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — вовсе

Но, так как все же он был человек военный, стало быть ~ тонким уменьем различать способности.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — людей

Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя Хованского первый генеральский секретарь, постигнувший совершенно управление генеральским носом, но тут он ничего решительно не мог сделать.

ПБЛ1(п) — него первый секретарь

Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя Хованского первый генеральский секретарь, постигнувший совершенно управление генеральским носом, но тут он ничего решительно не мог сделать. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — первый (ценз. искаж.)

Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно, что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеревить. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — Начальник (ценз. искаж.)

Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно, что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеревить.

ПБЛ1(п) — что если хоть и водили его

Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно, что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеревить.

ПБЛ1(п) — в голову его засело что-нибудь, то, что

Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно, что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеревить.

ПБЛ1(п) — выколотить

Всё, что мог сделать умный секретарь, было ~ подвинул начальника не иначе, как со страданием, изобразив ~ не было.

ПБЛ1(п) — генерала

“Ну, что ж!” сказал Чичиков: “зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать”. И вот

решился он сызнава начать ~ прежде.

ПБЛ1(п) — Ну что ж? сказал Чичиков, — зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Не расшибить же лба [не жаловаться], плачь и жалуясь, этим ничего не достанешь. Нужно дело делать. — И начал это

Плачем горю не пособить, нужно дело делать”.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — пособишь

И вот решился он сызнава начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольна и ни хорошо было развернулся прежде.

ПБЛ1 — ограничить себя

И вот решился он сызнава начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольна и ни хорошо было развернулся прежде.

ПБЛ1(п) — сладко он было прежде развернулся

Нужно было переехать в другой город, там

еще приводить себя в известность.

ПБЛ1(п) — известность. В два года он

Нужно знать, что Чичиков был самый благопристойный человек, какой когда-либо существовал в свете.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — существовал когда-либо

Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и всё было благородно.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — с грязным обществом

Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и всё было благородно.

ПБЛ1(п) — чистоту и очень любил, что в присутствии канцелярии были чистые столы

Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, ес-

ли в словах других видел отсутствие должного уважения к чину или званию.

ПБЛ1(п) — недостаток

Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменял на себе белье, а летом во время жаров даже и всякой день: всякой сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — всякий день

Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменял на себе белье, а летом во время жаров даже и всякой день: всякой сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — рубашку

Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменял на себе белье, а летом во время жаров даже и всякой день: всякой сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его.

ПБЛ1 — по [три] два раза на день

ПБЛ4(п) — по три раза на день

Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что ~ всякой день: всякой сколько-нибудь ~ у девушки; и потому ~ в поступках.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

По этой причине он всякой раз, когда Петрушка приходил раздевать его и скидывать сапоги, клал ~ в поступках.

ПБЛ4, РЦ — скидать

По этой причине он всякой раз, когда Петрушка ~ были щекотливые, как у девушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь в тех рядах, где всё отзывалось пенником и неприличьем в поступках.

ПБЛ4, РЦ — щекотливы

По этой причине он всякой раз, когда Петрушка ~ потому тяжело ему было очутиться вновь в тех рядах, где всё отзывалось пенником и неприличьем в поступках. МД1;

МД2 — тяжеле

Как ни крепился он духом, однако же по-

худел и даже позеленел во время таких невзгод.

ПБЛ1(а) — но даже

ПБЛ1(б), ПБЛ4 — но однако же

Уже начинал было он полнеть и приходить в те круглые и приличные формы, в каких ~ не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая!

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — То было уже начинал

Уже начинал было он полнеть ~ теперь, когда он взглянул на себя как-то ненароком в зеркало, не мог не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая!

ПБЛ1(п) — взглянул как-то

И после долго не хотел смотреться.

ПБЛ1(п) — И после того

И после долго не хотел смотреться. смотреть в зеркало ПБЛ1;

ПБЛ4(п) — смотреться в зеркало.

Но переносил всё герой наш, переносил сильно, терпеливо переносил, и — перешел

наконец в службу по таможне.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — терпеливо

Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предмет его помышлений.

ПБЛ1(п) — желаний

Он видел, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам, тетушкам и сестрам.

ПБЛ1, ПБЛ4 — заграничными щегольскими

Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам; как оно называлось, бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе.

ПБЛ1(п) — нужно отметить

Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белиз-

ну коже и свежесть щекам; как оно называлось, бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе.

ПБЛ1(п) — бог его ведал

Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам; как оно называлось, бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе.

ПБЛ1(п) — его непременно можно

Что же касается до обысков, то здесь, как выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения, чтобы ощупать всякую пуговку, и всё это производилось с убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности.

МД1;

МД2 — Что касается

И в то время, когда обыскиваемые ~ избить целчками приятную его наружность, он, не

изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: “Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?”

ПБЛ1 — щелками

И в то время, когда обыскиваемые ~ наружность, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: “Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?” ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — не изменяясь

“Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами”, или: “Позвольте, вот ~ сундука.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — осмотрит вас

“Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? там ~ немного пораспорю подкладку вашей шинели”, и говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука. ПБЛ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — распоряю

Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — неподкупность

Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому.

ПБЛ1(п) — средств, чтобы ему

Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Ему тот же час вручена была команда и неограниченное право производить всякие поиски.

ПБЛ1, ПБЛ4 — команда, неограниченное право

В то время образовалось сильное общество

контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило выгод дерзкое предприятие.

ПБЛ1(п) — В это

В то время образовалось сильное общество контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило выгод дерзкое предприятие.

ПБЛ1, ПБЛ4 — самым правильным

Получив же в свое распоряжение всё, в ту же минуту дал знать обществу, сказавши: “Теперь пора”.

ПБЛ1(п) — он в одну минуту дал

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — в ту же минуту дал он

Тут ~ против соблазна, несмотря на то, что волосом был сед.

ПБЛ1(п) — тогда бы немного мог он выиграть, будучи все-таки еще простой пешкой, но теперь, имея [в своей власти] неограниченную власть, он мог предложить какие угодно условия. Он тут же расчел, что в этом деле в один год он мог получить то, чего бы

не выиграл в двадцать лет самой ревностной службы. Против соблазна не устоял [Далее начато: и товар<ищ?>] и другой чиновник, его товарищ

ПБЛ1 — Тут в один год он мог получить столько того, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы. Прежде он [Далее начато: если бы и вступил] не хотел вступать ни в какие сношения с ними, потом<у> был [все-таки] не более как простая пешка и т. д. как в тексте

Тут в один год он мог получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ;

РЦ, МД1 — нет (ценз. искаж.)

Действия начались блистательно: читатель, без всякого сомнения, слышал ~ на миллион брабантских кружев.

ПБЛ1(п) — Начались они

Действия начались блистательно: читатель, без всякого сомнения, слышал ~ на миллион брабантских кружев. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — без сомнения

Действия начались блистательно: читатель, без всякого сомнения, слышал ~ на миллион брабантских кружев. ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ(п);

РЦ, МД1 — повторяемую давнишнюю историю (ценз. искаж.)

Не участвуя он сам в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — в этом

Не участвуя он сам в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела.

ПБЛ1, ПБЛ4 — подобное дело

ПБЛ1(п) — подобное предприятие

После трех или четырех бараньих походов через границу у обоих чиновников очутилось по четыреста тысяч капитала.

походов ПБЛ1, ПБЛ4(п)

Бог знает, до какой бы громадной цифры

не возросли благодатные суммы, если бы какой-то нелегкий зверь не перебежал поперек всему.

ПБЛ1(п) — черный

И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: “Да вот, мол, что!”

ПБЛ1(п) — Для большего задору. Вот

Впрочем, говорят, что и без того была у них ссора за какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядерная репа, по выражению таможенных чиновников; что были даже подкуплены ~ Шамшарев.

ПБЛ1(п) — чтобы были даже люди

Как было дело в самом деле, бог их ведает; пусть лучше читатель-охотник досочинит сам.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — досочинит его

Главное в том, что тайные сношения с контрабандистами сделались явными.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Дело

Статский советник, хоть и сам пропал, но таки упек своего товарища, Чиновников взяли под суд, конфисковали, описали все, что у них ни было, и все это разрешилось вдруг, как гром, над головами их.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — головами

Как после чаду опомнились они и увидели с ужасом, что наделали.

ПБЛ1 — [Тогда только] как

Как после чаду опомнились они и увидели с ужасом, что наделали.

ПБЛ1(п) — что такое

Статский советник, по русскому обычаю, с горя запил, но коллежский устоял. ПБЛ1, ПБЛ4(п) РЦ;

РЦ, МД1 — не устоял против судьбы и где-то погиб в глуши (ценз. искаж.)

Он умел затаить часть деньжонок, как ни чутко было обоняние наехавшего на следствии начальства.

ПБЛ1(п) — Он умел-таки

Употребил все тонкие извороты ума, уже слишком опытного, слишком ~ из-под уголовного суда.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — Употребил все происки

Употребил все тонкие извороты ума, уже слишком опытного, слишком ~ деньжонку, — словом, обработал дело, по крайней мере, так, что отставлен был не с таким бесчестьем, как товарищ, и увернулся из-под уголовного суда.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — обработал

Теперь можно бы заключить, что после ~ десятью тысячками в какое-нибудь ~ небесполезный век. ПБЛ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — тысячками

Теперь можно бы заключить, что после таких бурь, испытаний, превратностей ~ таким образом нешумный, но в своем роде тоже бесполезный век.

ПБЛ1 — век не шумный, во в своем роде тоже не бесполезный

Надобно отдать справедливость неодолимой силе его характера. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — непреодолимой

Словом, он показал терпенье, пред которым ничто деревянное терпенье немца, заключенное уже в медленном, ленивом обращении крови его.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — которое уже заключается

Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтоб набросить узду на всё то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — на воле

Он рассуждал, и в рассужденьях его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему ж я? ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — рассуждению

Кто ж зеваает теперь на должности? МД1;

МД2 — по должности

За что же другие благоденствуют, и поче-

му должен я пропасть червем?

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — я должен

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попала под лапу, — словом, не пропускает ничего.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — глазом

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попала под лапу, — словом, не пропускает ничего.

РЦ — нет

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попала под лапу, — словом, не пропускает ничего.

ПБЛ1 — откуда-нибудь

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом вбок, не глядя ли откуда хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попалась под лапу, — словом, не пропускает ничего. ПБЛ1, ПБЛ4;

РЦ, МД1 — мыло

Вновь съежился он, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничил себя во всем, вновь из чистоты и приличного положения опустился в грязь и низменную жизнь.

ПБЛ1(п) — до последней безделицы

И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретшим у нас гражданства, толкаемым ~ решиться на всё.

ПБЛ1(п) — права

И в ожидании лучшего принужден был даже заняться ~ даже самими доверителями,

осужденным на пресмыканье в передних, грубости и прочее, но нужда заставила решиться на всё.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — самими поверявшими им дела свои

Имение было расстроено в последней степени.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Имение по русскому обычаю

Имение было расстроено в последней степени.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — было по обыкновению

По этой-то причине понадобилось наконец заложить последнее оставшееся имение.

ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — оставшееся

Чичиков в качестве поверенного, прежде ~ выправка, всё же хоть ~ привязок...

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — все-таки

Чичиков в качестве поверенного, прежде

расположивши ~ чтобы не было каких-нибудь потом привязок...

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — каких-нибудь не было

“Ну, так чего же вы оробели?” сказал секретарь: “один умер, другой родится, а всё в дело годится”.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — и всё

А между тем героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову.

ПБЛ1(п) — самая вдохновенная

Да купи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — 250

Да купи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей

на душу: вот уж двести тысяч капиталу!

ПБЛ1, ПБЛ4 — 250000

ПБЛ4 — 200000

А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, славу богу, не мало.

ПБЛ1(п) — не мало, подати уплачиваются с каждым годом труднее — так мне с радостью уступит

Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; всё полезло в Петербург служить: имения ~ за это копейку.

ПБЛ4 (ошибка переписчика), РЦ — Петербурге

Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; всё ~ денег; может, в другой раз так случится, что с иного и я еще зашибу за это копейку.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — а может, в другой

ПБЛ4 — а может, в другой раз

Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались ~ с иного и я еще зашибу за это копейку.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — зашибу

Конечно, ~ вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории.

ПБЛ4 — чтобы иной раз и над

А главное, то хорошо, что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит. ПБЛ4 (авт.);

РЦ, МД1 — всем

Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй.

ПБЛ1 — А земли в Херсонской в Тавриче-

ской губернии

Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй.

ПБЛ1(п) — переселяй

Туда я их всех и переселю!

ПБЛ1 — Туды

Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут!

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма. ПБЛ1, МД1;

ПБЛ4, РЦ — свете (ошибка переписчика)

Под видом избрания места для жительства и под другими предложениями предпринял он взглянуть ~ закупить потребного народа.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — предпринял

Под видом избрания места для жительства

~ от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего, словом — где бы можно удобнее и дешевле закупить потребного народа.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — случаев или неурожаев

Под видом избрания места для жительства ~ закупить потребного народа.

ПБЛ1 — народу

Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доньше являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — вздумалось

С нашей стороны, если, уж точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого течения и объема дела. ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ, МД1 — если

Въезд в какой бы ни было город, хоть даже

в столицу, всегда как-то бледен, сначала все серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы ~ человека.

ПБЛ1(п) — бесконечные [заборы да фабрики]

Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда ~, колоннах, статуях, башнях, с городским блеском, шумом и громом и всем, что на диво произвела рука и мысль человека.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Как произвелись первые покупки, читатель уже видел; как пойдет дело далее, какие ~ увидит потом.

ПБЛ1 — и какие будут удачи потом — увидит

ПБЛ4 — какие будут [потом] удачи ~ как двинутся все рычаги широкой повести, раздастся далече горизонт, как вся повесть примет и т. д. как в тексте

Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из госпо-

дина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже известных поимянно, от Заседателя до подлеца чубарого.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Петрушки и кучера Селифана с тройкой

Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — подставили

Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — просто приобретатель

Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых. МД1;

МД2 — названия

Правда, в таком характере есть уже что-то

отталкивающее, и тот же читатель, который на жизненной своей дороге будет дружен ~ героем драмы или поэмы.

ПБЛ1(п) — даже

Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее, и ~ человеком, будет водить с ним хлеб-соль и проводить приятно время, станет глядеть на него косо, если он очутится героем драмы или поэмы.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — водить

Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — соки и жизнь

И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое.

ПБЛ1(п) — в человеке, рожденном

Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. ПБЛ1;

КАБ1, ПБЛ4, РЦ — вначале

Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятирится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души.

ПБЛ1(п) — лучшую

Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет, и не дано ему сил отклониться от них.

ПБЛ1, ПБЛ4 — в нем в самую минуту

Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет, и не дано ему сил отклониться от них.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — мир

Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Для высших начертаний, ему непостижимых, обречены они

Земное ~ свет поэме.

ПБЛ1(п) — И у пишущего сии страницы есть страсть, страсть заключать в ясные образы приходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется он мимо земли. И в оных чудных минутах, нисходящих к нему в его бедный чердак, заключена вся жизнь его, и полный благодарных слез за свой небесный удел не ищет он ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как южный любовник [свою] любит любовницу

ПБЛ1 — Великое земное поприще суждено совершить им всё равно [Далее начато: в виде ли] в [Далее начато: мрачном ли] образе ли злодейства [или в сиянии небесной добродетели] или явления возрадующего мир. — Одинаково вызваны они для неведомого человеком блага и [почему знать] может быть в сем

самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него [для иного дела] и в холодном его существовании [есть] заключено то, что [заставит потом повергнуть] в прах и на колени повергнуть перед [дивной] мудростью небес[ного промысла]. [И еще [может быть] заключена тайна в появлении сего образа в ныне предстающей на свет поэме]. Еще [заключена великая] тайна [в том] почему сей образ предстал в ныне являющейся [поэме] на свет поэме.

Земное великое поприще суждено совершить им: всё равно, в мрачном ли образе или пронестись светлым явлением, возрадующим мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. МД1;

МД2 — пронеслись

Земное великое поприще суждено совершить им: всё равно, в мрачном ли образе или пронестись светлым явлением, возрадующим мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага.

ПБЛ4 — а. светлым чудесным

б. Как в тексте

“Я, брат, это знаю без тебя, да у тебя речей разве нет других, что ли?”

ПБЛ1(п) — что ли? не можешь об иных заговорить

И вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье.

ПБЛ1 — поправили бы

Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру, с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде.

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — обревший

Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру, с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде.

ПБЛ1(п) — он сам

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют ~ об этом?

ПБЛ1(п) — другими

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые ~ хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?

ПБЛ1(п) — ведь это

Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?” На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ.

ПБЛ1 — Они без то<го> о нас не [совсем] хорошего мнения, [а] что же скажут [они] теперь, когда увидят, что свой заговорил вот как. [Далее начато: а. На счет такого мудрого б. В ответ на такое мудрое] Да и будто в самом деле уж мы одни такие — ведь и похуже нас

есть. На такое мудрое замечание

ПБЛ4 — а. Они далее тот же текст, что и ПБЛ1 похуже нас есть и прочее. На такое мудрое замечание б. Как в тексте

На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибавить в ответ. А разве вот что: жили в одном отдаленном уголке России два обитателя.

ПБЛ1, КАБ1(п) — [Перед этим начато ПБЛ1 — а. и прочего б. ничего] другого [Далее ПБЛ1 начато: нельзя] не остается сделать, как разве только привести жизнь двух [отдаленных] обитателей одного отдаленного уголка России

Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нрава необыкновенно кроткого

Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, прово-

дивший жизнь халатным образом.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — более халатным

Семейством своим он не занимался; существование его было обращено более в умозрительную сторону ~ нагишом.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — Вся жизнь его была обращена

Семейством своим он не занимался; существование ~ сторону и занято следующим, как ~ нагишом.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — и именно занята была

Семейством своим он не занимался; существование ~ следующим, как он называл, философическим вопросом: “Вот, например, зверь”, говорил он, ходя по комнате: “зверь родится нагишом.

ПБЛ1, РЦ — нет

Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!”

ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ — Как, право, непостижимо

Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич. Но не в этом еще главное дело.

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

Ни за что не умел он взяться слегка: всё или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу.

ПБЛ1(п) — Как-то ни за что

Ни за что не умел он взяться слегка: всё или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу.

ПБЛ1 — а. покажется у кого-нибудь б., ПБЛ4 — выскочит

В доме и в соседстве всё, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски.

ПБЛ1(п) — В доме всё

В доме и в соседстве всё, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски.

ПБЛ1(п) — в своей спальне

Таков был Мокий Кифович, а впрочем, он был доброй души. Но не в этом еще главное дело. А главное дело вот в чем: “Помилуй, батюшка ~ за Мокий Кифович?”

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — нет

ПБЛ4 (кар.) — А впрочем он был добрая душа [но по глуп<ости?>] Таков был Мокий Кифович, но не в этом еще главное дело, а главное дело вот в чем

РЦ — а впрочем был он доброй души, но не в этом главное дело, а главное дело вот в чем

А главное дело вот в чем: “Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич”, говорила отцу и своя и чужая дворня: “что это у тебя за Мокий Кифович? ПБЛ1;

ПБЛ4, РЦ — что

— “Да, шаловлив, ~ их побери, отец.

— Да, говорил обыкновенно Кифа Мокиевич, я и сам вижу, что Мокий Кифович шаловлив. Не знаю, право, как мне быть. Наедине его не проймешь, а человек он честолюби-

вый: укори его при другом, третьем, он уйметя, да ведь то беда, скажи при двух — весь город узнает, он и без того об нем нехорошего мнения, а [Мокий Кифович] теперь заговорит пуще. А Мокий Кифович все-таки моя кровь. Что они думают, право: я не отец. Нет, я отец ПБЛ1(п)

— Да, Мокий Кифович шаловлив, говорил обыкновенно на это отец. Да ведь как быть: разве пристыдить его? Конечно, человек он честолюбивый, укори его при другом, он уйметя, [а] да вот город-то, город что скажет. Уж теперь он его назовет совсем собакой, [он ведь] и без того [дурно толкует о нем] колют мне глаза. Что, право, в самом деле они думают, что я вот занимаюсь философией — да у меня нет времени. Так уж я и не отец. Нет я отец ПБЛ1

— “Да, шаловлив, шаловлив”, говорил обыкновенно на это отец: “да ведь ~ собакой.

ПБЛ4 — а. да ведь город-то что заговорит. Уж теперь он его назовет совсем собакой

б. (кар.) — да ведь гласность-то, вот беда, ведь город потом, а узнает, так и

РЦ — Да ведь город-то что заговорит? Теперь он его назовет совсем собакой и

Тут Кифа Мокиевич бил себя весьма сильно в грудь кулаком и приходил в совершенный азарт.

ПБЛ4 (кар.) — Здесь он ударял себя весьма сильно в грудь

Тут Кифа Мокиевич бил себя весьма сильно в грудь кулаком и приходил в совершенный азарт.

ПБЛ1(п) — При этом отец всегда бил себя очень сильно в грудь

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — При этом Кифа Мокиевич воспаменялся и бил себя очень сильно в грудь

— “Уж если он и останется собакой, так пусть же не от меня об этом узнают, пусть не я выдал его”. И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать ~ выдумать”.

ПБЛ1 — так я по крайней мере его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает. —

Да [что если говорить правду, ведь] впрочем есть и похуже его [есть], у первого Степана Прохорыча похуже сынишка. — Так говорил [нежный, истинный] истинный [редкий] отец и, оставивши

ПБЛ4 — а. так я, по крайней мере, его не выдам, уж от меня-то этого никто не узнает. Да, вероятно, есть и похуже его, у первого Степана Прохоровича похуже сынишка. Так говорил истинный отец и, полный такого примерного чадолюбия, отец [и] оставивши

б. так пусть ~ выдам его. И полный такого примерного чадолюбия, показавши таким образом отеческое чувство <1 нрзб.> он; [Последние слова “показавши таким образом свое отеческое чувство <1 нрзб.> он” вписаны в ПБЛ4 (кар.).]

РЦ — так пусть ~ выдал его. И полный такого примерного чадолюбия, оставивши

И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать богатырские свои подвиги, а сам обращался ~ орудие выдумать”.

ПБЛ1 — нет

ПБЛ4 — [Кифа Мокиевич] он

РЦ — он

Так проводили ~ делают дурное.

ПБЛ1 — протекала жизнь двух обитателей, уже полезная потому, что прислужилась ответом на обвиненье, которое, вероятно, будет со стороны [так называемых патриотов] некоторых горячих патриотов до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращеньями на счет сумм нежно любимого ими отечества

ПБЛ4 — протекала жизнь двух обитателей [Далее начато: теперь чем-то в роде] [одного] мирного уголка [которые вдруг], которые нежданно [будто] как из окошка [выглянувшие] выглянули в конце нашей поэмы [выглянувшие скромно] выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, которые до времени [весьма] покойно занимаются кое-какими приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, [которые думают] думающих и т. д. как в тексте

Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними.

ПБЛ1(п) — таится

Кто же, как не автор, должен сказать святую правду?

ПБЛ1(п) — сказать его

Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора, скажете: “Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!”

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — верно

А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: “Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!”

ПБЛ1 — и не слишком

И потом, как ребенок, позабыв всякое при-

личие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: “Чичиков!”

ПБЛ1, ПБЛ4(п) — его званию

Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию.

ПБЛ4(п) — как рассказывалось

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмуря глаза, изредка только ~ месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка.

ПБЛ4(п) — слетел с головы

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмуря глаза, изредка ~ он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. ПБЛ4(п) — опрокинувшись головою

ПБЛ4 — а. опрокинувшись на спину с ко-

зел

б. Как в тексте

Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: “Не бойся!” МД1;

МД2 — помахавши

Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “чорт побери всё!”

ПБЛ4, РЦ — нет

Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?

ПБЛ4, РЦ — что-то восторженно чудное слышится

ВАРИАНТЫ К ГЛАВЕ XI

(РАЗНОЧТЕНИЯ МЕЖДУ ПБЛЗ И КАБ1)

Ни об отдаленном происхождении героя, ни о прародителях, ни о чем не упомянем; ро-

дословная его темна.

КАБ1 — Об отдаленном происхождении героя ничего не

Ни об отдаленном происхождении героя, ни о прародителях, ни о чем не упомянем; родословная его темна.

КАБ1 — темная

Лицом на них он, кажется, не походил: по крайней мере, какая-то родственница, находившаяся ~ в проезжего молодца.

КАБ1(п) — кажется совсем

Никаких ~ человек, который ходил по комнате в весьма длинном сертуке, плевал в песочницу, стоявшую в углу, глубоко вздыхал [“глубоко вздыхал” вписано.]

КАБ1 — О детстве своем он мало помнил. Помнил только слегка худощавого человека

Он помнил только неясно, [только очень неясно] что отец его был какой-то высокой, худощавый и несколько чахоточный человек, который ходил по комнате в весьма длинном

сертуке, плевал в песочницу, стоявшую в углу, глубоко вздыхал [“глубоко вздыхал” вписано.]

КАБ1 — в длинном

и бил очень больно линейкою по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в писании вечно находившейся перед ним прописи: добродетель есть сама себе награда, всю пожелтевшую.

КАБ1 — больно его линейкою по рукам

и бил очень больно линейкою по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в писании вечно находившейся перед ним прописи: добродетель ~ отличные.

КАБ1 — [никогда] не лги, послушествоуй старшим и носи добродетель в сердце. В училище он отличался больше повеленьем, чем науками, [опрятность и тихость составляли две главные черты его характера] ничего не было в нем замечено буйного или непокорного начальству

и бил очень больно линейкою по рукам нашего героя за всякую ошибку, которую он делал, упражняясь в писании вечно находившейся перед ним прописи: добродетель есть сама себе награда, всю пожелтевшую.

КАБ1 — нет

Как он там себя вел и как учился неизвестно] замечательно только то, что он [что между товарищами он] был один из тех, которых несколько трудно было надуть, и вел себя в отношении к товарищам таким образом, что они его угощали, а не он их [и замечательно еще то, что]

КАБ1(п) — замечательно то

Особенно нужно заметить, что он был поведения очень хорошего.

КАБ1(п) — Поведения он был

Ничего не было в нем буйного или непокорного начальству; [всё было в нем тихо и скромно] всё отзывалось ~ как-то: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке роман во время скучной лекции, [во

время лекции несколько скучноватой] издержать без толку [издержать неумеренно] деньги в театр, словом, ничего такого, к чему влекутся молодые, слишком живые [слишком необузданные] души; никогда не являлся он неряхой [не являлся неряхой] или растрепой, и баллы в поведении получал отличные.

КАБ1(п) — напротив, всё отзывалось самую похвальной тихостью; никаких беспорядочных движений

Не замечено было в нем никаких] Вместо “всё отзывалось ~ никаких”: но все движения довольно кротки, ни в каких шалостях он не был никогда замешан, никаких] беспорядочных или неуместных движений, как-то: перелезть на диво всем через забор, прочитать в скамейке роман во время скучной лекции, [во время лекции несколько скучноватой] издержать без толку [издержать неумеренно] деньги в театр, словом, ничего такого, к чему влекутся молодые, слишком живые [слишком необузданные] души; никогда не являлся он неряхой [не являлся неряхой] или растрепой, и баллы в поведении получал отличные.

КАБ1(п) — молодые души

Но при всех этих ~ таким образом уничтожавшее видимую ровность его характера: это чувство мы назовем стремлением приобрести копейку, что, как известно, означает благоразумного и основательного человека.

КАБ1(п) — таких похвальных качествах, он бы мог остаться, как и все другие, наделенные и ими, тем, что ~ если бы не обнаружилось в нем рано одно чувство, внутренне

КАБ1 — сих качествах из него вышел бы не более как просто [обыкновенный] хороший человек, то есть умеющий весьма гладко выбриться и заниматься кое-какими письменными делами без всяких иных резких умственных выпуклостей, если бы не обнаружилось в нем рано одно чувство, внутренне

Но при всех этих похвальных качествах, он всё бы мог остаться ~ чувство мы назовем стремлением приобрести копейку, что, как известно, означает благоразумного и основательного человека.

КАБ1(п), КАБ1 — было маленькое стремле-

ние приобретать копейку, означающее, как известно

Еще в те годы, когда человек почти ребенок и думает только как <нрзб.> да устроить себе поуже талию в мундире или фраке, он уже питал влечение ко всякого рода движимым и недвижимым имениям; владение имуществом значительным доставляло просто какую-то негу его чувствам.

КАБ1(п), КАБ1 — имуществам

Изо всего, что когда-либо случилось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная [случилось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная] историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за молоко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшись свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сделавшись каждый с своей стороны опять свиньей, доставит столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу,

а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее, [а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже доходивший до верхушки.

КАБ1(п), КАБ1 — читать ему на веку, ему более всего нравилась затвердившаяся еще в детстве историйка о молочнице

Изо всего, что когда-либо случалось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная [случалось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная] историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится ~ и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее, [а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже доходивший до верхушки.

КАБ1(кар.) — продавши его, купит яиц, из

яиц пойдут куры; продавши кур, купит теленка; как теленок вырастет и будет корова; от коровы [Далее начато: а. родятся б. продавши корову] потом пойдут целый завод коров, потом завод лошадей

Изо всего, что когда-либо случилось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная [случалось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная] историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за молоко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшись свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сделавшись каждый с своей стороны опять свиньей, доставит столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу, а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее, [а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже до-

ходивший до верхушки.

КАБ1(п), КАБ1 — а потом

Изо всего, что когда-либо случалось ему читать на веку своем, нравилась ему более всего читанная еще в детстве известная [случалось читать ему в жизни, нравилась ему более всего известная] историйка молочницы, несшей кувшин и замечтавшейся о том, как она распорядится с деньгами, вырученными за молоко, как сначала заведет она маленькую свинку, как эта свинка, сделавшись свиньей, наведет поросенков, как эти поросенки, сделавшись каждый с своей стороны опять свиньей, доставит столько денег, что можно будет купить корову, а потом кобылу, а потом пойдет целый завод лошадей и коров, а потом и дом с огородами, а там сады, деревни и прочее, [а потом целый дом с огородами и прочее, а там и пошло] что далее, то лучше, как говаривал один помещик, начинавший есть спаржу с другого конца, и потом уже доходящий до верхушки.

КАБ1(п), КАБ1 — имевший обыкновение начинать

Зато он никак ~ Жанлис.

КАБ1(п), КАБ1 — никак не мог он слушать равнодушно окончание истории, когда молочница разбила кувшин. Никогда, как сам он сознавался, не был он потом растроган так даже самой “Герцогинею Лавальер” — романом г-жи Жанлис

С такими чувствами, конечно, оставалось только вступить в гражданскую службу.

КАБ1(п), КАБ1 — оставалось ему

Он вступил в казенную ~ как бывает точно один <?>

КАБ1(п) — в казенную палату какого-то губернского города. Нужно заметить, что палата ~ чиновников: тот ~ не грубил, но лицо имел престранное

КАБ1 — в надворный суд; надворный суд отличался неблагообразием чиновни<ков>: у многих были лица точно

Тот глядел на всех волком и грубил и начальнику и подчиненному; у другого лицо

было похоже на дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, губа треснула, словом, совсем не так, как хлеб, который удался, а скорее тот, который раздулся в сторону каким-то пузырем и в прибавку треснул.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, губа треснула, словом, совсем не так, как хлеб, который удался, а скорее тот, который раздулся в сторону каким-то пузырем и в прибавку треснул.

КАБ1(п) — словом ~ который сам вылез из печи, вспучился на сторону каким-то пузырем и сверх того в прибавку еще треснул

КАБ1 (начато исправление карандашом) — верхняя губа вздулась пузырем и в прибавку треснула совсем некрасиво

Всё служащее сословие к тому же весьма плохо брилось, и подбородки в субботний день походили более на крупные железные напильники такого же самого железно-серого

цвета.

КАБ1(п), КАБ1 — плохо

Всё служащее сословие к тому же весьма плохо брилось, и подбородки в субботний день походили более на крупные железные напильники такого же самого железно-серого цвета.

КАБ1(п), КАБ1 — были похожи на железные напильники такого же серожелезного

Итак, среди таких товарищей немудрено, что новый чиновник много выиграл благообразием своей наружности и тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Итак, среди таких товарищей немудрено, что новый чиновник много выиграл благообразием своей наружности и тою добродетелью, которую всякий отец рекомендует своему сыну и которая известна под именем искательности.

КАБ1 (кар.) — называется искательность

Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже [Вместо “но и повытчик ~ в семействе, даже”: но, наконец, он так около него увивался, что повытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже] исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.

КАБ1(п), КАБ1 — скоро

Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчи-

вому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже [Вместо “но и повытчик ~ в семействе, даже”: но, наконец, он так около него увивался, что повытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже] исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.

КАБ1(п), КАБ1 — суровому

Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с

ним, совершенно как в семействе, даже [Вместо “но и повытчик ~ в семействе, даже”: но, наконец, он так около него увивался, что по-вытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже] исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.

КАБ1(п), КАБ1 — кому-нибудь свою

Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже ~ исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.

КАБ1(п), КАБ1 — исправлял

Он очень скоро пробился к непосредственному начальнику своему, какому-то повытчику, человеку весьма суровому, неразговорчивому и вовсе нерасположенному оказывать кому-либо благосклонность; но и повытчик не устоял, подался — и не успели оглянуться невзрачные чиновники, как взрачный уже переехал к нему на квартиру, стал жить с ним, совершенно как в семействе, даже [Вместо “но и повытчик ~ в семействе, даже”: но, наконец, он так около него увивался, что повытчик не устоял, подался, и наконец, как уж это случилось, только герой наш переехал к нему на квартиру жить с ним и даже] исправлял иногда должность домоводки, разливал [и разливал] чай, принимал просителей и даже сек кухаркина сына, словом, совершенно, как у себя.

КАБ1(п), КАБ1 — сек сына кухарки

Хозяин сам был вдовец, но имел [вдовец, впрочем имел] зрелую дочь, наследницу благоприобретенного имения.

КАБ1(п), КАБ1 — Хозяин был

При всем том, однако же, весьма приветливо с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе [просил даже к себе] на чай, так что престарелый чиновник, хотя очень сильно [чиновник сначала очень сильно] потом почесывался в затылке, но не мог [но однако же не мог] не убедиться, что Чичиков, точно, приятный человек.

КАБ1(п), КАБ1 — приятно

При всем том, однако же, весьма приветливо с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе [просил даже к себе] на чай, так что престарелый чиновник, хотя очень сильно [чиновник сначала очень сильно] потом почесывался в затылке, но не мог [но однако же не мог] не убедиться, что Чичиков, точно, приятный человек.

КАБ1(п), КАБ1 — запрашивал

При всем том, однако же, весьма приветливо с ним раскланивался, когда встречался, просил к себе [просил даже к себе] на чай, так

что престарелый чиновник, хотя очень сильно [чиновник сначала очень сильно] потом почесывался в затылке, но не мог [но однако же не мог] не убедиться, что Чичиков, точно, приятный человек.

КАБ1(п), КАБ1 — хотя и

С этих пор герой наш стал думать серьезно, как подобно всякому благоразумному человеку извлечь, как говорят, выгоду из службы.

КАБ1(п), КАБ1 — что называется

С помощью ли увлекательных ~ лучше всякий находящийся на службе, только ему удалось, наконец, получить то, что называют наживное местечко.

КАБ1(п), КАБ1 — увлекательной наружности или чего другого, о котором лучше знает

С помощью ли увлекательных преимуществ наружности и обхождения или чего иного, о котором знает [наружности своей и обхождения, или чего другого, наверное сказать не умею, но это знает] лучше всякий на-

ходящийся на службе, только ему удалось, наконец, получить то, что называют наживное местечко.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Целые две недели [после] вследствие этого получения видно было в лице нашего героя самое праздничное выражение в лице.

КАБ1(п), КАБ1 — после этого присутствовало в лице его самое праздничное выражение

Радость эта была несколько уменьшена принятыми строгими мерами со стороны правительства противу всяких взятков.

КАБ1(п), КАБ1 — Радость однако была

Радость эта была несколько уменьшена принятыми строгими мерами со стороны правительства противу всяких взятков.

КАБ1(п), КАБ1 — мерами правительства против

Но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину: русской человек сметлив, и тогда-то именно и выкажет изобретательность,

когда его хорошенько прижмут.

КАБ1(п), КАБ1 — что русской

Но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину: русской человек сметлив, и тогда-то именно и выкажет изобретательность, когда его хорошенько прижмут.

КАБ1(п), КАБ1 — в таком случае

Но Чичиков и здесь нашелся и доказал старую истину: русской человек сметлив, и тогда-то именно и выкажет изобретательность, когда его хорошенько прижмут.

КАБ1(п), КАБ1 — свою изобретательность

Вскоре он из самого преследования извлек выгоды и возблагодарил даже бога за всякие меры, предпринимаемые противу взяток.

КАБ1(п), КАБ1 — Скоро

Если являлся к нему проситель, он принимал его очень вежливо, с самым приятным [принимал его так вежливо, с таким приятным] и обворожительным обхождением, уверял, что всё будет сделано, что он не должен

беспокоиться ни о чем, и если тот заикался как-нибудь о благодарности, то он обеими руками изъявлял совершенное отрицание.

КАБ1(п), КАБ1 — даже обворожительно

Следовали многие приятные слова и выражения: “помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие.

КАБ1(п), КАБ1 — сопровождали

Следовали многие приятные слова и выражения: “помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие.

КАБ1(п), КАБ1 — выражения

Следовали многие приятные слова и выражения: “помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие.

КАБ1(п), КАБ1 — какую-нибудь

Следовали многие приятные слова и выражения: “помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие.

КАБ1(п), КАБ1 — покойны

Следовали многие приятные слова и выражения: “помилуйте, как можно, неужели вы думаете, чтоб я имел в виду какую корысть; нет, сделайте милость, ничего, ничего не хочу; это наш долг, наша обязанность, будьте

покойны совершенно, всё будет сделано самым скорейшим образом и завтра же поутру вы получите известие.

в КАБ1 зачеркнуто

Позвольте узнать вашу квартиру, вам беспокоиться нечего самим, всё будет принесено к вам на дом”.

КАБ1(п), КАБ1 — вам и беспокоиться незачем

Так что проситель, очарованный приятными поступками и учтивым обхождением, возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: “вот наконец, человек, каких бы надо побольше на подобных местах!

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Так что проситель, очарованный приятными поступками и учтивым обхождением, возвращался домой чуть не в восторге, приговаривая: ~ тоже.

КАБ1(п), КАБ1 — но ожидает он день — ничего не приносят к нему на дом. — Ну, думает: сегодня он, верно, занят. — Но на другой день

тоже, на третий — тоже

Проситель решается идти сам в канцелярию, спрашивает писарей и разную мелюзгу и узнает, что дело и не начиналось.

КАБ1(п), КАБ1 — расспросить

Он к начальнику: “Ах, извините”, говорил Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив за руки просителя: “у нас было столько дел, но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё и принесено к вам прежде обеда”.

КАБ1 — Он к Чичикову

Он к начальнику: “Ах, извините”, говорил Чичиков, весьма приятно и дружественно схватив за руки просителя: “у нас было столько дел, но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё и принесено к вам прежде обеда”.

КАБ1(п), КАБ1 — просителя за руки

Он к начальнику: “Ах, извините”, говорил Чичиков, весьма приятно и дружественно

но схватив за руки просителя: “у нас было столько дел, но будьте покойны совершенно, завтра же будет сделано всё и принесено к вам прежде обеда”.

КАБ1(п), КАБ1 — покойны

И всё это выражалось с самыми обворожительными движениями.

КАБ1(п), КАБ1 — сопровождалось

Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту придерживала эту полу, словом, всё было в самом пристойнейшем виде.

КАБ1(п), КАБ1 — распахивалась какая-нибудь

Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту придерживала эту полу, словом, всё было в самом пристойнейшем виде.

КАБ1(п), КАБ1 — поспешно придерживала ее

Если при этом распахивалась как-нибудь

пола халата, то рука в ту же минуту придер-
живала эту полу, словом, всё было в самом
пристойнейшем виде.

КАБ1(п), КАБ1 — всё

А между тем проситель у себя на дому
ждал день, другой — известие не приносится
на дом; он берется, наконец, за ум: “да полно,
нет ли здесь чего?”

КАБ1(п), КАБ1 — ждет у себя на дому

А между тем проситель у себя на дому
ждал день, другой — известие не приносится
на дом; он берется, наконец, за ум: “да полно,
нет ли здесь чего?”

КАБ1(п), КАБ1 — не приносится дело

А между тем проситель у себя на дому
ждал день, другой — известие не приносится
на дом; он берется, наконец, за ум: “да полно,
нет ли здесь чего?”

КАБ1(п), КАБ1 — берется

“Помилуйте, помилуйте, почему ж не дать:
я готов, [Помилуйте, я готов] из пустяков да

стал бы я длить дело, почему ж не дать секретарям четвертак, другой”.

КАБ1(п), КАБ1 — Помилуйте

“Помилуйте, помилуйте, почему ж не дать: я готов, [Помилуйте, я готов] из пустяков да стал бы я длить дело, почему ж не дать секретарям четвертак, другой”.

КАБ1(п), КАБ1 — я давно готов, четвертак другой

— “Нет, не четвертак, а беленькую”, отвечают.

КАБ1(п), КАБ1 — по беленькой

Да ведь тут всего писанных три строки”.

КАБ1(п), КАБ1 — За три писанных строки!

— “Так вот что”, говорит проситель, скребя рукой у себя в голове и давши себе от души название дурака: “так зачем же, чорт возьми, я даром сидел две недели”.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

И ворчит он, полный нехорошего располо-

жения духа, браня [бранит] на чем стоит свет изменившийся порядок вещей.

КАБ1(п), КАБ1 — свет стоит

Что прежде было, по крайней мере, известно, что принес-де правителю [Вместо “Что прежде ~ правителю”: Прежде ~ принес правителю] красную — да и дело в шляпе; а теперь беленькую, да еще провозишься две недели, чорт бы побрал все облагороженные [чорт бы побрал все эти благородные и облагороженные] обхождения и обращения чиновников.

КАБ1(п), КАБ1 — принеси

Что прежде было, по крайней мере, известно, что принес-де правителю [Вместо “Что прежде ~ правителю”: Прежде ~ принес правителю] красную — да и дело в шляпе; а теперь беленькую, да еще провозишься две недели, чорт бы побрал все облагороженные [чорт бы побрал все эти благородные и облагороженные] обхождения и обращения чиновников.

КАБ1(п), КАБ1 — провозился

Что прежде было, по крайней мере, известно, что принес-де правителю [Вместо “Что прежде ~ правителю”: Прежде ~ принес правителю] красную — да и дело в шляпе; а теперь беленькую, да еще провозишься две недели, чорт бы побрал все облагороженные [чорт бы побрал все эти благородные и облагороженные] обхождения и обращения чиновников.

КАБ1(п), КАБ1 — облагороженное обращение

Впрочем, в этом ~ Крылов.

КАБ1(п) — в этом ~ сообразно с мнениями других; не один ~ ибо оказались две выгоды: доходов ничуть не меньше, если не больше, но взяточником уже никто не назовет, а, напротив, всякой скажет: “О! он известный добряк, честнейшая душа, но секретари мошенники”

КАБ1 — Чичиков был не виноват, [Чичиков не совсем был виноват] многие так [многие с тех пор также] действовали и [Далее начато: получили движ<имое?>] утвердили за

собой даже отличное мнение: “О, он добряк, честнейшая душа! но секретари мошенники!”, говорит обыкновенно народный слух.

В эту комиссию пристроился и герой наш и оказался весьма скоро одним из самых деятельных членов.

в КАБ1 карандашом начато: и он

В эту комиссию пристроился и герой наш и оказался весьма скоро одним из самых деятельных членов.

КАБ1 — одним из деятельных

Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною, [была тому причиною] только целые четыре года они ровняли всё еще одно только место [четыре года ровняли они место] для фундамента, а всё еще ни один кирпич не был выведен, но зато явление случилось другого рода: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, весьма недурной гражданской архитектуры.

КАБ1(п) — божия храма

КАБ1 — храма

Но климат что ли мешал или огромность храма была причиною, [была тому причиною] только целые четыре года они ровняли всё еще одно только место [четыре года ровняли они место] для фундамента, а всё еще ни один кирпич не был выведен, но зато явление случилось другого рода: фундамента не вывели, а в других частях города очутилось у каждого члена комиссии по каменному дому в три этажа, весьма недурной гражданской архитектуры.

КАБ1(п), КАБ1 — место для фундамента и никак его не вывели

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был смещен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взяток и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

КАБ1(п), КАБ1 — начинали

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был смещен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

КАБ1 — многие уже заводились

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был смещен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был сме-

нен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

КАБ1 — истинный

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был смещен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Чиновники уже начинали благоденствовать и многие заводиться семейством, как вдруг внезапно прежний начальник был смещен, а на место его прислан другой, человек военный, прямой и в душе, точно, [в душе своей действительно] враг всякого интереса, взятки и всего, что называется в обширном смысле неправдой.

в КАБ1 зачеркнуто

Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город.

в КАБ1 зачеркнуто

Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город.

КАБ1(п), КАБ1 — строгостию

Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город.

мания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город.

ПБЛ4(п) — не остановить при этом

КАБ1 — не остановить:

Новый начальник принялся за всё, как водится, со всею надлежащею строгостию, потребовал отчеты, увидел запутанность, на каждом шагу недочеты, везде недостающие суммы, и не мог при этом не остановить внимания на новые здания приятной гражданской архитектуры, украшавшие город.

КАБ1(п), КАБ1 — новых зданиях ~ украсивших

Многие, и в том числе наш герой, были отставлены с самыми запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу.

КАБ1(п), КАБ1 — герой наш

Многие, и в том числе наш герой, были отставлены с самыми запачканными аттестатами и предписаниями не принимать ни в какую службу.

в КАБ1 зачеркнуто

Но так как начальник был военный и, стало быть, не знал всех гражданских проделок, то мало-помалу посредством благовидной наружности, умения угождать и приобретенной наружной правдивости начали входить осторожно к нему в милость секретари и прочие чиновники.

КАБ1(п), КАБ1 — начали входить осторожно к нему в милость, посредством умения угождать и правдивой наружности

И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостию, умением [прозорливостию и умением] различать людей и совершенным истреблением [и истреблением] всяких злоупотреблений.

КАБ1(п), КАБ1 — скоро очутился

И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостью, умением [прозорливостью и умением] различать людей и совершенным истреблением [и истреблением] всяких злоупотреблений.

КАБ1(п), КАБ1 — никак не подозревал

И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостью, умением [прозорливостью и умением] различать людей и совершенным истреблением [и истреблением] всяких злоупотреблений.

КАБ1(п), КАБ1 — но еще

И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостию, умением [прозорливостию и умением] различать людей и совершенным истреблением [и истреблением] всяких злоупотреблений.

КАБ1 — хвалясь не в шутку [подчас]

КАБ1(п) — хвастаясь не на шутку

И генерал очутился скоро в руках мошенников еще хуже прежних, которых впрочем он [которых он однако же] не подозревал никак мошенниками, напротив, даже радовался, [а напротив, внутренне еще радовался] что выбрал [выбрал, наконец,] людей, как следует, и подчас [и даже подчас] хвастался не на шутку прозорливостию, умением [прозорливостию и умением] различать людей и совер-

шенным ~ войти в близкие сношения с одним из ближайших секретарей к его превосходительству.

КАБ1(п) — и совершенным истреблением всяких злоупотреблений. И не подозревал добрый генерал, что он неумышленно наделал их более, чем все предшественники. В три или четыре недели все чиновники совершенно применились к нему и все без исключения сделались жестокими гонителями неправды. В это время и Чичиков, несколько оправившись, употребил все старания войти

КАБ1 — В три или четыре недели все чиновники применились к нему и всё, что ни было под его начальством, сделалось преследователями неправды, накапливая капиталы. Многие из выгнанных чиновников обратились тоже на путь истины и были вновь приняты в службу. В это время и Чичиков умел войти

Может быть ~ состраданием, изобразив ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него [которого однако же у него] не было.

КАБ1 — употребив, может быть, то, что называют рекомендательными письмами за подписью князя Хованского. Но однако ж при [Далее начато: своем влиянии] всем сильном влиянии своего секретаря достиг только [Далее начато: того, что] уничтожения замаранного послужного списка, и на это уже подвинул он начальника не иначе, как

Может быть сей последний имел чин другой и назывался иначе, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями.

КАБ1(п) — он имел какой другой чин

Может быть сей последний имел чин другой и назывался иначе, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями.

КАБ1(п) — станем

Может быть сей последний имел чин другой и назывался иначе, но мы лучше будем называть всех подчиненных чиновников секретарями.

КАБ1(п) — чиновников прямо

Итак Чичиков, с помощью кое-какой тысяченки, обратился к секретарю, чтобы обделать и поправить свое дело; но однако же как ни велика была привязанность генерала к своему секретарю, но он отказал наотрез.

КАБ1(п) — дело; но как

Всё, что мог сделать секретарь, это было уничтожение [было только уничтожение] замаранного послужного списка, и на это умный секретарь подвинул начальника состраданием, изобразив ему трогательную картину несчастного положения семейства Чичикова, которого у него [которого однако же у него] не было.

КАБ1(п) — уже состраданием

И так, герой наш возвратил только право подвизаться вновь на службе государственной, но уже не мог возвратить ни дома красивой гражданской архитектуры, ни прочих благоприобретенностей. За всеми надлежащими задабриваниями и подмасливаниями

кого следует остался у него какой-то самый вздор.

КАБ1(п) — ни прочего. За всеми задабриваниями и угощениями, кого следует, остался у него

КАБ1 — ни мест. Остался у него

В продолжении ~ входить в те степенные, приличные формы, [формы тела] в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства в первой главе.

КАБ1 — В это время он даже похудел и упал духом; то было начинал он [Далее начато: приходить] полнеть и входить

РАЗДЕЛ 9

В продолжении сего печального времени он перестал совершенно заниматься своею наружностью, что случилось с ним всегда в обстоятельствах критических.

КАБ1(п) — периода своей жизни

В продолжении сего печального времени он перестал совершенно заниматься своею наружностью, что случилось с ним всегда в обстоятельствах критических.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

В продолжении сего печального времени, как случилось с ним всегда в обстоятельствах критических, он перестал вовсе заниматься своей физиономией и похудел необыкновенно] То уже было он совершенно начинал входить в те степенные, приличные формы, [формы тела] в каких читатель нашел его при заключении с ним знакомства в первой главе. И уже не раз, заглядывая в зеркало, подумывал он о многом весьма приятном: [Вместо “И уже ~ и приятном”: Он чувствовал это сам и, взглядывая в зеркало, подумывал о многом очень приятном] о бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в доме, после чего долго сохранялась в лице его приятная усмешка.

КАБ1(п) — то есть в первой главе поэмы, и уже

КАБ1 — Уже

И уже не раз, заглядывая в зеркало, подумывал он о многом весьма приятном: [Вместо “И уже ~ и приятном”: Он чувствовал это сам и, взглядывая в зеркало, подумывал о многом

очень приятном] о бабенке, о детской, о кое-каких изменениях в доме, после чего долго сохранялась в лице его приятная усмешка.

в КАБ1 зачеркнуто

И уже не раз, заглядывая в зеркало, подумывал он о многом весьма приятном: [Вместо “И уже ~ и приятном”: Он чувствовал это сам и, взглядывая в зеркало, подумывал о многом очень приятном] о бабенке, о детской, о кое-каких ~ сильно на лице его, [и грустное выражение стало заметно вызначаться в чертах лица его] и когда нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтобы не сказать: “Какой [чтобы не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая, какой; а. чтобы не вскрикнуть: “Чорт знает что такое, какой] же я стал гадкий!”

КАБ1(п) — о кое-каких изменениях в доме, причем всегда долго сохранялась приятная усмешка в лице. Но после описанного нами печального события из него вышел совершенно другой: заботное и грустное выражение означилось сильно

КАБ1 — но теперь это был совершенно дру-

гой человек: грустное выражение означилось

Но после нами описанного печального события из него вышел совсем [из него сделался совершенно] другой человек: заботливое и грустное выражение означилось сильно на лице его, [и грустное выражение стало заметно вызначаться в чертах лица его] и когда нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтобы не сказать: “Какой [чтобы не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая, какой; а. чтобы не вскрикнуть: “Чорт знает что такое, какой] же я стал гадкий!”

КАБ1(п) — взглянул он как-то в зеркало, то никак не вытерпел

КАБ1 — взглянул он как-то в зеркало, не вытерпел

Но после нами описанного печального события из него вышел совсем [из него сделался совершенно] другой человек: заботливое и грустное выражение означилось сильно на лице его, [и грустное выражение стало заметно вызначаться в чертах лица его] и когда

нечаянно случилось ему взглянуть в зеркало, он не утерпел, чтобы не сказать: “Какой [чтобы не вскрикнуть: “Мать ты моя пресвятая, какой; а. чтобы не вскрикнуть: “Чорт знает что такое, какой] же я стал гадкий!”

КАБ1(п), КАБ1 — сказать: “Мать ты моя пресвятая

Нужно же однако ж было скрепиться духом и начать вновь поприще жизни.

КАБ1(п), КАБ1 — Но нужно было однако же

Не без затруднений он пристроился при каких-то питейных [Вместо “Нужно ~ питейных”: Скрепившись духом и ободривши себя как мог, он решился вновь начать поприще жизни.

КАБ1(п), КАБ1 — пристроился он

Он определился не без затруднений при питейных] сборах, но скоро бросил по причине крайнего неблагородства службы. “Грязная должность, чорт побери”, выразился [так выразился] он, “ничего, для души нет”.

КАБ1(п), КАБ1 — неблагородства службы,

сказавши: “Грязная должность, чорт побери; ничего не вынесешь для души”

Надобно заметить, что Чичиков любил службы благородные и был строгий блюститель всякого рода благопристойностей, чтобы не только были вежливы чиновники, но даже чтобы столы были непременно из [были из] красного дерева.

КАБ1(п), КАБ1 — все чиновники были вежливы

Надобно заметить, что Чичиков любил службы благородные и был строгий блюститель всякого рода благопристойностей, чтобы не только были вежливы чиновники, но даже чтобы столы были непременно из [были из] красного дерева.

КАБ1(п), КАБ1 — были

С этой стороны нервы [чувства и нервы] его были так же чувствительны, как у девушки: когда Петрушка одевал или раздевал его, он почти всякий раз клал к себе в нос гвоздичку.

КАБ1(п), КАБ1 — нервы у него

С этой стороны нервы [чувства и нервы] его были так же чувствительны, как у девушки: когда Петрушка одевал или раздевал его, он почти всякий раз клал к себе в нос гвоздичку.

КАБ1(п), КАБ1 — себе

Читателям без сомнения приятно будет узнать, что герой наш всякие два дни переменил чистую рубашку, а в летнее жаркое время даже два раза на день.

КАБ1(п), КАБ1 — Читателю

Читателям без сомнения приятно будет узнать, что герой наш всякие два дни переменил чистую рубашку, а в летнее жаркое время даже два раза на день.

КАБ1(п), КАБ1 — приятно

Итак, служба по питейным сборам ему совершенно не понравилась, тем более что и выгод [ему] представлялось в ней весьма немного.

КАБ1(п), КАБ1 — по питейной части

Итак, служба по питейным сборам ему совершенно не понравилась, тем более что и выгод [ему] представлялось в ней весьма немного.

КАБ1(п) — не понравилась

КАБ1 — не могла не понравиться

В откупщики, конечно, ~ сей род службы был издавна предметом тайных его желаний.

КАБ1(п), КАБ1 — другое дело, можно бы попытаться, но надобны деньги и залого, и потому он решился попытаться еще [КАБ1(п) — попытаться послужить] по таможенной части. Нельзя утаить, что этот род

И весьма часто, служа еще в палате и в комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты, произносил он почти со вздохом: “Вот бы куда определиться!

КАБ1(п) — находясь еще в палате

КАБ1 — находясь еще в надворном суде

И весьма часто, служа еще в палате и в комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты, произносил он почти со вздохом: “Вот бы куда определиться!

КАБ1(п), КАБ1 — а иногда просто и от виста, ибо бывают такие неслыханные случаи, что устают даже и от виста, итак, устав от подобной суеты, он произносил бывало со вздохом

И весьма часто, служа еще в палате и в комиссии построения храма, устав от дел и забот, а иной раз, может быть, и от виста или другой вседневной суеты, произносил он почти со вздохом: “Вот бы куда определиться!

КАБ1(п) — Вот куда бы

КАБ1 как ПБЛЗ

Но что-нибудь всегда мешало удовлетворить тогда же такому побуждению: или представлявшиеся разные текущие тоже не вовсе ничтожные приращения, или благоразумная мысль, что таможня все-таки не более как журавль в небе, а комиссия уже синица в руках.

КАБ1(п) — текущие тоже не ничтожные
КАБ1 — текущие тоже хорошие

Теперь же, когда ни палата, ни комиссия уже не останавливали, он предался совершенно одной мысли.

КАБ1(п), КАБ1 — не останавливала его более

С редкою аккуратностию и неслыханною отчетливостию он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс значительного приращения, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы, можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже [о том, что] о тончайших голландских рубашках, которыми можно было запастись на всю жизнь и об [Далее текст остался несогласованным.]

КАБ1 — приращения

С редкою аккуратностию и неслыханною отчетливостию он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс

значительного приращения, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы, можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже [о том, что] о тончайших голландских рубашках, которыми можно было запастись на всю жизнь и об [Далее текст остался несогласованным.]

КАБ1(п), КАБ1 — доходы по таможене

С редкою аккуратностию и неслыханною отчетливостию он тут же расчислил, во сколько времени можно совершить процесс значительного приращения, и нашел, что, допустивши одни так называемые законные или позволенные доходы, можно в десять лет с небольшим получить порядочное значение в свете, не говоря уже [о том, что] о тончайших голландских рубашках, которыми можно было запастись на всю жизнь и об [Далее текст остался несогласованным.] и один сорт французского мыла, которое сообщало свежесть щекам и нежность коже, которого имени автор, право, не припомнит.

КАБ1(п) — тонких голландских рубашках и

об особенном сорте французского мыла, которое Чичиков очень уважал за то, что оно сообщало

КАБ1 — тонких ~ <далее как КАБ1(п)> которое очень уважал он за то, что сообщало

и один сорт французского мыла, которое сообщало свежесть щекам и нежность коже, которого имени автор, право, не припомнит.

КАБ1(п), КАБ1 — и которого названия мы, право, не припомним

Новый чиновник едва успел определиться в должность, как уже был замечен с хорошей стороны начальством.

КАБ1(п), КАБ1 — вступил

Скоро увидели необыкновенные его способности. В самом деле, казалось, сама судьба определила быть ему таможенным чиновником.

КАБ1(п), КАБ1 — И в самом

В три недели не более он так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё,

даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин материи или сукна; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов.

КАБ1(п), КАБ1 — Не более как в три — четыре недели он набил так руку

В три недели не более он так набил руку в таможенном деле, что знал решительно всё, даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин материи или сукна; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов.

КАБ1(п), КАБ1 — сукна или иной материи

Что же касается до обысков, то здесь, как выражались сами даже товарищи, было у него просто собачье чутье.

КАБ1(п), КАБ1 — даже сами

Нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения и деятельности, чтобы ощупать всякую пуговицу, и всё это производилось с самым убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности.

КАБ1(п), КАБ1 — с убийственным

И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя ~ в вежливых своих поступках, приговаривал ~ шинели”.

КАБ1(п), КАБ1 — поступках

И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя ~ только: “Не угодно ли вам немножко ~ вашей шинели”.

КАБ1(п), КАБ1 — будет вам

И, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки так же хладнокровно, как будто бы из собственного сундука.

КАБ1(п), КАБ1 — как из

Даже начальники изъяснялись, что это был чорт, а не человек, и что решительно ничего не могло от него укрыться.

КАБ1(п) — и от него решительно ничто не может укрыться

КАБ1 — всё это окончание фразы зачеркнуто

Он отыскивал в колесах, дышлах, в лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куды бы никакому автору не пришла мысль забратъся, а куда позволено забиратъся только таможенным чиновникам, так что бедный, переехавший через таможду, всё еще в продолжении нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки, только крестился да приговаривал с изумлением: “Ну, ну, ну!”

КАБ1(п), КАБ1 — и куда [Далее начато: могут] позволено только забиратъся одним таможенным

Он отыскивал в колесах, дышлах, в лошадиных ушах и нивесть в каких местах, куды бы никакому автору не пришла мысль забратъся, а куда позволено забиратъся только таможенным чиновникам, так что бедный, переехавший через таможду, всё еще в продолжении нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки, только крестился да приговаривал с изумле-

нием: “Ну, ну, ну!”,

КАБ1(п), КАБ1 — бедный путешественник

Он отыскивал в колесах, дышлах, в лошадиных ушах и нивесьть в каких местах, куды бы никакому автору не пришла мысль забратсья, а куда позволено забиратсья только таможенным чиновникам, так что бедный, переехавший через таможду, всё ещя в продолжении нескольких минут не мог опомнитсья и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу после таковой проделки, только крестилсь да приговаривал с изумлением: “Ну, ну, ну!”,

КАБ1(п), КАБ1 — границу

и его положение очень похоже было на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его с тем, чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом.

КАБ1(п), КАБ1 — И всё положение его весьма походило

Это была решительная гроза и отчаяние всего польского жидовства.

КАБ1(п), КАБ1 — гроза

Распоряжаясь ~ контрабандистов.

КАБ1 — Неподкупность и честность его были непреодолимы и почти неестественны. Даже не составил он себе никакого капитала из разных конфискованных товаров и отбираемых кое-каких вещиц, но не поступающих в казну во избежание лишней переписки. Такое рвение и бескорыстная служба не могла не быть предметом общего удивления и [вместе] не могла не заслужить внима<ния> начальства. Он получил чин и повышение и [Далее начато: вслед за тем] как только получил он чин и повышение, представил проект изловить всех контрабандистов и просил только средств [Далее начато: изловить] исполнить ему самому. Ему тот же час вручена была команда и неограниченная власть. Этого только ему хотелось. В то время образовалось сильное общество контрабандистов, на миллионы обещало выгод дерзкое, но верное предприятие. Он давно уже слышал обо всем

этом и даже отказал подосланному стороною <?> подкупить его, [Далее начато: Теперь в ту же минуту] сказавши сухо, что [Далее начато: теперь еще] не пора, он [Далее начато: и в самом деле] и отказался. Он слишком верно действовал. Теперь же в одну минуту дал он знать обществу, что [Далее начато: могут войти в сношения] теперь пора. Расчет был слишком верен, он видел, что тут в один год получить можно то, что нельзя выиграть в двадцать лет самой ревностной службы

Распоряжаясь и служа таким образом, с помощью расторопности, разных конфискованных товаров и просто отобранных кое-каких вещей, не поступивших в казну во избежание излишней переписки прочего, и пр<очего>, словом, с помощью того и другого удалось ему составить опять капиталец, который мог доставить ему опять значение в обществе, если бы не попутал чорт, по выражению русского человека.

КАБ1(п) — мог бы ему доставить

Распоряжаясь и служа таким образом, с по-

мощию расторопности, разных конфискованных товаров и просто отобранных кое-каких вещей, не поступивших в казну во избежание излишней переписки прочего, и пр<очего>, словом, с помощью того и другого удалось ему составить опять капиталец, который мог доставить ему опять значение в обществе, если бы не попутал чорт, по выражению русского человека.

КАБ1(п) — в свете

Приращение вышесказанным порядком показалось неизвестно почему несколько медленным.

КАБ1(п) — означенным порядком показалось Чичикову

Говорят, что кто только начал немного входить во вкус в приобретениях, тому трудно остановиться, пока не съеден будет весь кусок. По этой самой причине герой наш решился войти [Говорят, кто отведал хотя немного истинного вкуса в приобретениях, тому трудно остановиться, пока не съеден будет весь кусок.

КАБ1(п) — Говорят, кто попробовал только, что такое приобретение, то уже не успокоится до тех пор, пока или проглотит весь кус, или подавится им. Поэтому решился, не пропуская случая, войти

Против соблазнов не устоял также и другой чиновник, его товарищ, несмотря на то, что волосом был сед.

КАБ1(п), КАБ1 — не устоял

В самом деле, ~ гонителей.

КАБ1 — и оба заключили тайные условия с обществом, которое немедленно приступило к действиям и начало их, точно, блистательным образом

В самом деле, здесь представились такие выгоды в один год, каких в иной службе не представляются и в десять.

КАБ1(п) — И точно

В самом деле, здесь представились такие выгоды в один год, каких в иной службе не представляются и в десять.

КАБ1(п) — год, каких по службе не представилось бы

Жиды прыгали от радости, что, наконец, перетащили на свою сторону самого неутомимейшего из своих гонителей.

КАБ1(п) — когда

Читатель, без всякого сомнения, слышал так часто у нас повторяемую историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, провезли под тулупчиками на несколько миллионов брабантских кружев.

КАБ1(п), КАБ1 — часто

Читатель, без всякого сомнения, слышал так часто у нас повторяемую историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, провезли под тулупчиками на несколько миллионов брабантских кружев.

КАБ1(п), КАБ1 — пронесли

Читатель, без всякого сомнения, слышал так часто у нас повторяемую историю об остроумно придуманном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, провезли под тулупчиками на несколько миллионов брабантских кружев.

КАБ1(п) — на полмиллиона

КАБ1 — на миллионы

Если бы он не участвовал в сем деле, жидам никогда бы не удалось привести в исполнение подобное предприятие.

КАБ1 — Не участвуя он в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы

После трех или четырех разов бараньего похода через границу у обоих чиновников очутилось едва ли не по сту тысяч капитальцу.

КАБ1(п), КАБ1 — четырех бараньих походов

После трех или четырех разов бараньего

похода через границу у обоих чиновников
очутилось едва ли не по сту тысяч капита-
лу.

КАБ1(п) — едва ли не по двести тысяч ка-
питалу

КАБ1 — почти по пятисот тысяч капиталу

У Чичикова, говорят, даже немного и бо-
лее, потому что был молодцеватее.

КАБ1(п), КАБ1 — оказалось и поболее, пото-
му что он был побойчее

Бог знает, до какой бы еще благословенной
цифры возрос этот капиталец, если бы тот же
друг человеческого рода не подвернулся весь-
ма некстати и не сбил с толку обоих чиновни-
ков.

КАБ1 — страшной и ужасающей громадно-
стью цифры не возрос бы, если бы вдруг впо-
перек <?> всему не пробежала какая-то чер-
ная кошка

Бог знает, до какой бы еще благословенной
цифры возрос этот капиталец, если бы тот же
друг человеческого рода не подвернулся весь-

ма некстати и не сбил с толку обоих чиновников.

КАБ1(п), КАБ1 — если бы чорт не сбил

Чиновники, как говорится, просто перебе-
сились, поссорились ни за что.

КАБ1(п), КАБ1 — говоря попросту, перебе-
сились и поссорились

Как-то в жарком разговоре, а может быть
отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого
чиновника поповичем, а тот, хотя, действи-
тельно, был попович, но, неизвестно почему,
обиделся чрезвычайно и ответил ему очень
резко и сильно, именно вот как: “Нет, врешь,
я статский советник, а не попович; а вот ты
так попович”.

КАБ1(п), КАБ1 — несколько

Как-то в жарком разговоре, а может быть
отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого
чиновника поповичем, а тот, хотя, действи-
тельно, был попович, но, неизвестно почему,
обиделся чрезвычайно и ответил ему очень
резко и сильно, именно вот как: “Нет, врешь,

я статский советник, а не попович; а вот ты так попович”.

КАБ1 — неизвестно

Как-то в жарком разговоре, а может быть отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя, действительно, был попович, но, неизвестно почему, обиделся чрезвычайно и ответил ему очень резко и сильно, именно вот как: “Нет, врешь, я статский советник, а не попович; а вот ты так попович”.

КАБ1 — жестоко

Как-то в жарком разговоре, а может быть отчасти и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя, действительно, был попович, но, неизвестно почему, обиделся чрезвычайно и ответил ему очень резко и сильно, именно вот как: “Нет, врешь, я статский советник, а не попович; а вот ты так попович”.

КАБ1 — тут же сильным и необыкновенно-резким образом

И потом еще прибавил: “Вот, мол, что!”

КАБ1 — да еще прибавил [для] потом ему в пику слова

Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обративши таким образом на него самого приданное название и хотя выражение “Вот, мол, что” могло иметь сильное значение, но, не удовлетворяясь этим, он послал тот же час на него тайный донос.

КАБ1 — отбрил таким образом его кругом, обратив на него же

Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обративши таким образом на него самого приданное название и хотя выражение “Вот, мол, что” могло иметь сильное значение, но, не удовлетворяясь этим, он послал тот же час на него тайный донос.

КАБ1(п), КАБ1 — сим

Хотя он срезал и уничтожил его совершенно, обративши таким образом на него самого приданное название и хотя выражение “Вот, мол, что” могло иметь сильное значение, но,

не удовлетворяясь этим, он послал тот же час на него тайный донос.

КАБ1(п), КАБ1 — еще

Впрочем, говорят, что и без того произошла у них сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, как ~ штабс-капитан Пономарев.

КАБ1 — была у них же ссора за какую-то

Впрочем, говорят, что и без того произошла у них сильная ссора за какую-то крепостную душу женского пола, крепкую бабенку с свежими щеками, как выражались таможенные чиновники, что будто ~ штабс-капитан Пономарев.

КАБ1 — по выражению таможенных чиновник<ов>

Впрочем, говорят, что и без того произошла ~ героя под вечер в темном переулке, но ~ штабс-капитан Пономарев.

КАБ1(п) — под темный вечерок

КАБ1 как ПБЛЗ

Впрочем, говорят, что и без того произошла ~ в темном переулке, но что будто ~ Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались открытыми.

КАБ1 — что оба-де были в дурачках, потому что бабенкой попользовался какой-то штабс-капитан Шамшарев. Как было дело в самом деле, бог их ведает, пусть лучше читатель охотник досочинит сам. Дело только в том, что

Впрочем, говорят, что и без того произошла ~ чиновник, а воспользовалось лицо совершенно постороннее, какой-то штабс-капитан Пономарев.

КАБ1(п) — лицо

Автор признается, что не охотник вмешиваться в семейные дела, ниже в те, которые имеют вид семейных, и потому не может сказать наверно, как было дело.

КАБ1(п) — семейственных

Впрочем, во всяком случае настоящего тол-

ку было бы весьма трудно добраться и потому он оставляет досочинить тем из читателей или читательниц, которые чувствуют уже к этому особенное влечение.

КАБ1(п) — а оставляет на волю читателям досочинить, как кому лучше нравится сообразно с собственным <фраза не дописана>

Таким образом тайные сношения с контрабандистами сделались открытыми.

КАБ1(п), КАБ1 — явными

Статский советник, хотя и сам пропал, но рад был, что упек хоть своего товарища.

КАБ1(п) — но рад был, что упек товарища

КАБ1 — но таки упек своего товарища

Обоих, как водится, взяли под суд и отставили от службы.

КАБ1 — Чиновников взяли под суд, конфисковали <1 нрзб.> и всё это разрешилось, как гром над головами, и чиновники, как после чаду и хмеля, вдруг опомнились и увидели с ужасом, что наделали

Статский советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял; он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, и так как люди слабы, а деньги хоть и мелкая вещь, но весу довольно, то ему удалось, по крайней мере, обработать так, что его не отставили с таким бесчестием, как товарища.

КАБ1 — коллежский

Статский советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял; он пустил ~ с таким бесчестием, как товарища.

КАБ1 — Он [Далее начато: употребил все деньги, какие не успели отобрать] умел затаить часть денежек. Все происки, все тонкие извороты ума, уже сильно напрактикованного [Далее начато: словом, подействовал на всех, производивших следствие и приятностью [поступков] оборотов и раскаянием, трогательными речами, известными письмами князя Хованского и пока, словом, он обработал дело, по крайней мере] опытного, знающего слишком хорошо людей, где подействовал просто приятностью оборотов, где трога-

тельною речью, где всунул денежку кстати и [Далее начато: где следует подкупил] где кстати покурил лестью, которую, как известно, очень любят [которую любят] всякие начальники. Словом, умел подействовать и обработать по крайней мере дело так, что оставили не с таким

Статский советник по русскому обычаю с горя запил, но надворный устоял; он пустил опять в ход оборотливость своего ума, ловкость и кое-какие запасные тысяченки, и так как люди слабы, а деньги хоть и мелкая вещь, но весу довольно, то ему удалось, по крайней мере, обработать так, что его не оставили с таким бесчестием, как товарища.

КАБ1(п) — сильны, хоть и мелкая вещь по весу

Но уж ни капиталу, ни разных заграничных вещей, словом, ничего не осталось нашему герою.

зачеркнуто в КАБ1

Но уж ни капиталу, ни разных заграничных

ных вещей, словом, ничего не осталось нашему герою.

КАБ1 — ему

Удержалось у него тысячонок десять кровных, которые он прятал на черный день в таком месте, куда не могли докопаться, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека, кучер Селифан и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему четыре или пять кусков мыла для сбережения свежести и белизны щек — вот и всё.

КАБ1 — а. Удержались у него только уже секретные десять тысячонок, которые были запрятаны таким образом, что никакой прохода в мире не нашел бы их

б. Удержались у него тысячонок десять всего, припрятанных про черный день

Удержалось у него тысячонок десять кровных, которые он прятал на черный день в таком месте, куда не могли докопаться, да дюжины две голландских рубашек, да неболь-

шая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека, кучер Селифан и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему четыре или пять кусков мыла для сбережения свежести и белизны щек — вот и всё.

КАБ1(п) — десять, которые он скрывал про

Итак, вот какого рода было положение нашего героя.

КАБ1 — каково

Итак, вот какого рода было положение нашего героя.

КАБ1 — героя. Вот какая гроза несчастья обрушилась ему на голову

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после таких испытаний и превратностей ~ не бесполезный.

КАБ1 — Теперь можно бы заключить

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после таких испытаний и превратностей судьбы, тревог ~ не бесполезный.

КАБ1 — [стольких] испытаний, бурь, превратностей

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после таких испытаний и превратностей судьбы, тревог и жизненного горя, он удалится в какое-нибудь ~ не бесполезный.

КАБ1 — удалится с оставшимися кровными десятью тысячками

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после ~ городишки и кое-как ~ из окна низенького деревянного домика на какого проезжающего, которого найдет бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю, и проведет таким образом век не шумный, но, в своем роде, может быть тоже не бесполезный.

КАБ1 — и там заклевет навеки в ситцевом халате у окна

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, ~ выглянуть в ситцевом халате подчас из окна ~ не бесполезный.

КАБ1(п) — подчас в ситцевом халате

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после ~ домика на какого проезжающего, которого найдет бог раз в год для доставления разнообразия уездному жителю, и проведет таким образом век не шумный, но, в своем роде, может быть тоже не бесполезный.

КАБ1 — [Перед этим начато: заглядываясь иногда] разбирая [Далее начато: а. по дер<евне?> б. происшедшую] по воскресеньям подчас драку мужиков, происшедшую перед окном, и, для освежения пройдясь в курятник пощупать [несущуюся] курицу, назначенную в суп

Читатель мог бы, конечно, подумать, что, после ~ век не шумный, но, в своем роде, может быть тоже не бесполезный.

КАБ1(п), КАБ1 — также

Надобно отдать справедливость, Чичиков был, точно, человек с характером. После всех этих неудач и неприятностей, которые достаточны охладить всякого, страсть к приобретению в нем не угасла ни мало.

КАБ1 — непреклонной силе его характера. После всего того, что бы достаточно было, если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, не потухла в нем душевная жажда и неизъяснимая страсть к приобретениям

Он был в досаде, в горе, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей, а всё, однако же, не мог никак оставить цели, к которой неслись его помышления.

КАБ1(п), КАБ1 — в горе, в досаде

Он был в досаде, в горе, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей, а всё, однако же, не мог ~ в самом деле, в рассуждениях его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему же”, говорил он: “мне одному такое несчастье?”

КАБ1 — не мог [угомониться и] отказаться от попыток. Словом, он показал терпенье, перед которым было [перед таким терпением] ничто дубинное [бесчувственное] терпенье немца, которое [уже] всё заключается в мед-

ленной крови его. Кровь его, напротив, играла сильно, и много нужно было силы воли набросить узду на всё то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на воле [тут были не немецкие бледные страстишки, которыми ничего не не стоит править]

Он рассуждал, и, в самом деле, в рассуждениях его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему же” ~ званию.

КАБ1 — почему ж я, зачем на меня обрушилась беда? Кто же зевает теперь на должности, все только приобретают. [Далее начато: Ведь я никому] Несчастливым я не сделал никого, я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру в одной рубашке. Никто не пострадал через меня. Пользовался [брал] я только с богатых, от избытков. Брал я там, где всякой брал бы. [Далее было: не я — другой, верно бы, попользовался] Не воспользуйся я, другой воспользуется. Зачем же другие благоденствуют и почему должен пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь?

Чем я хуже других, зачем же я несчастнее

других, ведь я приобретал так же, как и другие, [конечно] может быть, разве только другими [средствами] способами. Но, однако ж, никому не причинил я вреда.

КАБ1(п) — иногда только иными средствами. Но я

(Герой наш пропустил кое-какие уроны, которые претерпела казна, но у нас, впрочем, составилось мнение, что казна богата.)

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Какими глазами я могу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением человеку?

КАБ1(п), КАБ1 — я стану

Какими глазами я могу смотреть теперь в глаза всякому почтенному, пользующемуся уважением человеку?

КАБ1 — отцу семейства

Как не чувствовать мне угрызения совести, чувствуя, что, так сказать, даром бремению землю, и что скажут потом мои дети?

КАБ1 — зная, что даром

Читатели, ~ струна.

КАБ1(п) — Читатель ~ имел <и т. д. как ПБЛЗ>

КАБ1 — Уже известно читателю, что Чичиков заботился сильно о потомках. <1 нрзб.> такой чувствительный предмет [на этом свете]

Иной бы может быть и не так глубоко запустил руку, если бы не вопрос, который, неизвестно почему, приходит сам собою: “А что скажут дети?”

КАБ1 — неизвестно

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосившись только одним глазом, не глядит ли откуда-нибудь хозяин, хватается поспешно всё, что к нему поближе: масло, свечи, кенарейка ли попала под лапу — словом, не пропускает ничего.

КАБ1 — масло ли стоит, свечи ли, сало

Так плакал герой наш, такими жалобами и

стенаньями оглашалось всё внутри его, а деятельность не умирала и в голове всё что-то хотело строиться и, казалось, ожидало только как-нибудь смелого плана.

КАБ1(п), КАБ1 — Таким-то образом жаловался и плакал герой наш, а деятельность, между тем, никак не умирала в голове: там всё хотело что-то

Так плакал герой наш, такими жалобами и стенаньями оглашалось всё внутри его, а деятельность не умирала и в голове всё что-то хотело строиться и, казалось, ожидало только как-нибудь смелого плана.

КАБ1(п) — ожидало только нового плана

КАБ1 — ждало только плана

В ожидании ~ русский человек.

КАБ1(п) — В ожидании ~ не приобретшее право гражданское, толкаемое со всех сторон, дурно уважаемое мелкою приказною тварью и даже самими поверившими им дела свои, осужденное на беспрестанное пресмыкание в передних, грубые слова и прочее; но нужда заставила решиться на всё

КАБ1 — Вновь съежился, вновь принялся вести трудную жизнь, ограничивая себя во всем до последней безделицы и [Далее начато: покамест могли относиться иначе, чтобы<?> в ожиданьи другого] из чистоты и благопристойности положения опустился в грязь и низменно<сть?> и в ожиданьи лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретшим гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими поверившими им дела свои, осужденное на пресмыкание в передних, грубости и прочее; но нужда заставила решиться на всё

Среди разных поручений досталось ему, между прочим, похлопотать о заложении в Опекунский совет нескольких сот крестьян.

КАБ1 — Из

Среди разных поручений досталось ему, между прочим, похлопотать о заложении в Опекунский совет нескольких сот крестьян.

КАБ1 — между прочим, одно

Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, прикащики и, наконец, плохое управление самого хозяина побудили владельца для поправления как самого [а.

КАБ1 — Имение по русскому обычаю

Имение было расстроено: разные ~ страху.

КАБ1 — в последней степени: расстроено скотскими падежами плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болезнями и совершенным бестолковьем в хозяйственных делах помещика, убравшего в Москве дом в последнем вкусе, на который употребил он всё, что ни было у него: так <что> не осталось рубашки [на нем]. <2 нрзб.> понадобилось, наконец, заложить последнее оставшееся у него. Заклад в казну было тогда еще дело новое, на которое решались не без страху

Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, прикащики и, наконец, плохое управление самого хозяина побудили

владельца для поправления как самого [а. как собственного] имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых, натурально, не бывает никогда недостатка у русского человека, прибегнуть к залогу, который тогда был делом еще совершенно новым и на который решались не без страху.

КАБ1(п) — у русского человека никогда не бывает недостатка

Имение было расстроено: разные скотские падежи, повальная болезнь, истребившая лучших работников, прикащики и, наконец, плохое управление самого хозяина побудили владельца для поправления как самого [а. как собственного] имения, так и для удовлетворения кое-каких своих надобностей, в которых, натурально, не бывает никогда недостатка у русского человека, прибегнуть к залогу, который тогда был делом еще совершенно новым и на который решались не без страху.

КАБ1(п) — бывшему тогда еще делом

Чичиков, в качестве поверенного, прежде расположивши всех, кого следует, потому что

без надлежащего расположения не только не может итти никакое дело, [не может итти даже] но даже не может быть взята простая справка или выправка, все-таки хоть

КАБ1(п) — ибо без надлежащего расположения не может быть даже взята

КАБ1 — без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята

Чичиков, в качестве поверенного, прежде расположивши всех, кого следует, потому что без надлежащего расположения не только не может итти никакое дело, [не может итти даже] но даже не может быть взята простая справка или выправка, все-таки хоть [а. потому что расположить нужно непременно: всё равно дело правое или неправое, важное или бездельное. По крайней мере хоть; б. Начато: потому что расположить нужно непременно: без этого ни одно] по бутылке мадеры влить во всякую глотку нужно непременно.

КАБ1(п), КАБ1 — придется влить во всякую глотку

Итак, расположивши всех, спросил не без

боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид<ирки?>.

КАБ1(п), КАБ1 — всех кого следует

Итак, расположивши всех, спросил не без боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид<ирки?>.

КАБ1(п) — спросил он

КАБ1 — объяснил он

Итак, расположивши всех, спросил не без боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид<ирки?>.

КАБ1(п) — не без боязни, что вот-де какое обстоятельство между прочим, что половина крестьян почти вымерла

КАБ1 — что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла

Итак, расположивши всех, спросил не без боязни, что вот-де какая история случилась, что больше половины крестьян вымерло, так [нельзя ли так загладить, они де могут умереть и после] пожалуйста [дескать] чтобы какой-нибудь прид<ирки?>.

КАБ1(п) — как-нибудь не сделали привязки

КАБ1 — каких-нибудь привязок

“Да ведь они же в ревизской сказке числятся?”

КАБ1(п), КАБ1 — они по ревизской

“Ну так что же вы?” сказал секретарь: “хоть бы и все вымерли.

КАБ1(п) — что же вы оробели?

КАБ1 —чего же вы оробели

“Ну так что же вы?” сказал секретарь: сказал секретарь: “хоть бы и все вымерли.

КАБ1(п), КАБ1 — не велика важность, хоть

А между тем, героя нашего осенила самая вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову.

КАБ1(п), КАБ1 — вдохновенная

Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, покамест не подавали еще новых ревизских сказок, да приобрети хоть, например, их тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по 250 на душу, вот уж у меня будет 250 капитала.

КАБ1 (кар.) — вон этих всех

Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, покамест не подавали еще новых ревизских сказок, да приобрети хоть, например, их тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по 250 на душу, вот уж у меня будет 250 капитала.

КАБ1(п), КАБ1 — приобрети их, положим, тысячу

Да накупи я всех этих душ, которые вымерли, покамест не подавали еще новых ревиз-

ских сказок, да приобрести хоть, например, их тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по 250 на душу, вот уж у меня будет 250 капитала.

КАБ1(п), КАБ1 — 250 тысяч

Теперь, же время как нарочно удобное.

КАБ1(п), КАБ1 — А теперь же время для того самое

Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики попроигрывались, закутились и прокутились, всё полезло в Петербург служить, имения брошены и управляются кем как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью всякой уступит уже потому только, чтобы не платить за них даром, а может быть и так случится, что с иного я еще зашибу копейку.

КАБ1(п), КАБ1 — была

Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики попроигрывались, закутились и прокутились,

всё полезло ~ копейку.

КАБ1(п) — закутили и прокутились

КАБ1 — закутили и промотались, как следует

Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики попроигрывались, закутились и прокутились, всё полезло в Петербург служить, имения брошены и управляются кем как ни попало, подати ~ копейку.

КАБ1(п), КАБ1 — как

Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики ~ с радостью всякой уступит уже потому только, чтобы не платить за них даром, а может быть и так случится, что с иного я еще зашибу копейку.

КАБ1(п), КАБ1 — уступит их всякой

Не так давно еще была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало, помещики ~ за них даром, а может быть и так случится, что с иного я еще зашибу копейку.

КАБ1(п), КАБ1 — подушных денег

] Далее начато: Копотливо, чорт возьми, да при этом] Вот беда, ~ переселю.

КАБ1(п) — Теперь, как нарочно, продаются ~ губернии по рублю ~ переселю я

КАБ1 — а земли в Херсонской и Таврической губернии продают даром, только засе-ляй, я их туда всех и переселю

А переселение можно сделать законным порядком, как следует по судам, это уж мое дело, я это сделаю.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Деревне, ~ Павловское”.

КАБ1(п), КАБ1 — Деревню назвать можно Чичикова Слободка или именем, данным мне при крещении: какое-нибудь сельцо Павловское

И вот каким образом образовался в голове нашего героя сей странный сюжет, отныне за-нявший исключитель<но> все помышления его, за который, не знаю, будут ли благодарны

ему читатели, а уж автор так благодарен, что и сказать нельзя.

КАБ1(п), КАБ1 — проект

И вот каким образом образовался в голове нашего героя сей странный сюжет, отныне занявший исключитель<но> все помышления его, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж автор так благодарен, что и сказать нельзя.

КАБ1(п), КАБ1 — помышления

И вот каким образом образовался в голове нашего героя сей странный сюжет, отныне занявший исключитель<но> все помышления его, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж автор так благодарен, что и сказать нельзя. Как бы то ни было, но, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

КАБ1(п), КАБ1 — как и выразить трудно, ибо что ни говори, не приди

Как бы то ни было, но, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет

сия поэма.

КАБ1 — После “поэма” набросок карандашом: плод неутомимого [далекого] уединения, строгих размышлений, [горемычного скитания по свету] многого самоотвержения и <2 нрзб.> странствия по свету и любви <1 нрзб.> [предметом любви к близким, неотразимым, родным] неотразимой к тому, чего не ведает влекомый предметом, составляющим любовь его сердца Далее на полях: любви неотразимо, той любви [к тому] [которой нет имени и на земле] которой не знает свет, любви к тому, для чего призван в мир писавший сии строки. Ее же имени нет на свете. Ею же объята душа писавшего сии строки

Перекрестясь и благословясь по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного плана.

КАБ1(п), КАБ1 — Перекрестясь

Перекрестясь и благословясь по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного плана.

КАБ1 — он приступил к исполнению плана

Перекрестясь и благословясь по русскому обычаю, герой наш принялся очень ревностно за исполнение задуманного плана.

КАБ1(п) — весьма

Под видом избрания места для жительства, а иногда и для собственного удовольствия и под разными другими предлогами ~ и прочего, прочего.

КАБ1(п) — просто из удовольствия

КАБ1 зачеркнуто

Под видом избрания места для жительства, а иногда и для собственного удовольствия и под разными другими предлогами ~ и прочего, прочего.

КАБ1 — другими

Под видом избрания места для жительства, а иногда ~ углы нашего обширного государства, и преимущественно в такие углы, которые особенно более других пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: неурожая-

ев, смертностей и прочего, прочего.

КАБ1(п), КАБ1 — государства

Под видом избрания места для жительства, а иногда ~ преимущественно в такие углы, которые особенно более других пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: неурожаев, смертностей и прочего, прочего.

КАБ1(п) — в такие

КАБ1 — в те

Под видом избрания места для жительства, а иногда ~ углы, которые особенно более других пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: неурожаев, смертностей и прочего, прочего.

КАБ1(п), КАБ1 — которые

Под видом избрания места для жительства, а иногда ~ пострадали от каких-нибудь несчастных случаев: неурожаев, смертностей и прочего, прочего.

зачеркнуто КАБ1

Словом, где бы можно было и поудобнее и

подешевле закупить потребного народу.

КАБ1(п), КАБ1 — можно и удобнее и дешевле

Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал.

КАБ1 — не обращался

Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал.

КАБ1 — но

Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал.

КАБ1(п), КАБ1 — или таких

Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал.

КАБ1(п), КАБ1 — можно было с меньшими затруднениями

Он никак не адресовался наобум ко всякому помещику, а, напротив, избирал людей более по своему вкусу, таких, с которыми бы можно было делать подобные сделки, которых уже он сколько-нибудь узнал.

КАБ1(п) — которых уже он заблаговременно несколько узнал

КАБ1 — [и всегда] стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы [посредством этого] если можно дружбою, а не покупкою приобрести мужиков, [потому что был бережлив и не любил тратить даром копейку]

Итак, читатели [никак] не должны негодовать на автора, если лица, доселе являвшиеся, не пришлись по их вкусу: автор совершенно в

стороне, виноват Чичиков;
КАБ1(п), КАБ1 — доньне

Итак, читатели [никак] не должны негодовать на автора, если лица, доселе являвшиеся, не пришлись по их вкусу: автор ~ хозяин, куда ему вздумается

КАБ1 — а. Начато: Здесь он

б. Начато: Всему виноват

в. Это вина Чичикова [а ему] Здесь он полный хозяин, [а не автор] и

а ему бы] очень хотелось бы избрать других, и он даже отчасти знает, какие характеры понравились

КАБ1(п) — выбрать

Итак, читатели [никак] не должны негодовать на автора, если лица, доселе являвшиеся, не пришлись по их вкусу: автор совершенно в стороне, виноват Чичиков; автору [а. Вместо “автору”: а ему бы] очень хотелось бы избрать других, и он даже отчасти знает, какие характеры понравились [а. какие бы понравились] бы читателю, ну, да поди между прочим,

сладь с Чичиковым: у него совершенно другие потребности.

КАБ1(п) — ну, да прошу сладить с Чичиковым

к тому же он] полный хозяин, куды ему вздумается [а. куды он захочет] поехать, туда и мы должны тащиться.

КАБ1(п), КАБ1 — ему вздумалось

Автор, с своей стороны, если уж точно падет на него [а.

КАБ1(п), КАБ1 — С нашей стороны

Автор, с своей стороны, если уж точно падет на него [а. точно будет у него] сильное обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину.

КАБ1(п) — на нас

КАБ1 зачеркнуто

точно будет у него] сильное обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину.

КАБ1(п), КАБ1 — за бледность и невзрач-

НОСТЬ

точно будет у него] сильное обвинение за невзрачность лиц и характеров, может привести одну причину. Никогда вначале не видно всего мужества развития и широкого течения.

КАБ1(п) — можно привести только, что никогда вначале не видно широкого течения

КАБ1 — [приведем] скажем только то, что никогда вначале не увидишь дела во всем его объеме. Никогда <1 нрзб.> да не заметишь вначале широкого течения

Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен, всё как-то сначала серо и однообразно: тянутся ~ человека.

КАБ1 — сначала всё серо

Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен, всё как-то сначала серо и однообразно: тянутся какие-нибудь бесконечные стены и заборы, да заводы, закопченные ~ человека.

КАБ1 — бесконечные заборы

Въезд в какой бы ни было город, хоть даже ~ заборы, да заводы, закопченные ~ человека.

КАБ1(п), КАБ1 — заводы и фабрики

Въезд в какой бы ни было город, хоть ~ перспективы улиц с городским блеском, шумом и громом и всё, что на диво произвела рука и мысль человека.

КАБ1 — улиц, все в колокольнях, [фронта-нах] колоннах, башнях со всем своим городским

Въезд в какой бы ни было город, хоть ~ блеском, шумом и громом и всё, что на диво произвела рука и мысль человека.

КАБ1 — шумом [трескотней]

Въезд в какой бы ни было город, хоть ~ и громом и всё, что на диво произвела рука и мысль человека.

КАБ1 — и всем

По крайней мере, читатель уже видел, как

произвел первые покупки Чичиков, как пойдет дело далее и какие пойдут удачи потом и что произведет всё это, увидят потом.

КАБ1 — Как произвелись первые покупки, читатель уже видел

РАЗДЕЛ 10

По крайней мере, читатель уже видел, как произвел первые покупки Чичиков, как пойдет дело далее и какие пойдут удачи потом и что произведет всё это, увидят потом.

КАБ1(п) — будут удачи ~ потом увидит

КАБ1 — будут удачи ~ увидит

К окончанию биографии Чичикова относится набросок на отдельном листе, вшитом в ПБЛЗ: встряхнувшись немного, как добрый пудель, которого облили водой, [Далее начато: Чичико<в>] герой наш увидел, что нужно отправиться и поискать такого места, где было бы можно высушиться. Лучше всего высушиться ему казалось около таможни. Он уже давно слышал рассказы о том, какими редкими вещами и капиталами заводятся господа чиновники и какие богатые сервисы, [Далее начато: посылают] тонкий и голландский

холст посылают в подарок своим зятьям, шуринам и даже самым дальним родственникам. Словом, он сделался таможенным. [Далее начато: И не прошло] Как это дело было сделано, автор об этом ничего не знает, но только на нем уже был мундир с зеленым воротником и шпага. [Далее начато: В этом звании он оказал просто чудеса] В три месяца он успел так примениться и войти, как говорится, в должность, что все контрабандисты, аматеры запрещенных брабантских кружев, пришли в совершенное отчаяние. [Далее начато: Герой н<аш>] Он так набил руку в таможенном деле, что [Далее начато: по одному виду, по фактуре] даже не мерил, не весил, но по фактуре узнавал, сколько-то в такой штуке аршин сукна или материи, [Далее начато: сколько] взявши в руку сверток, [он] уже узнавал, сколько в ней <!> фунтов, [Далее начато: и, кажется, слышал носом всё, что есть запрещенное] а запрещенный товар слышал обонянием. [Далее начато: Здесь говорите] “Не угодно ли вам немного привстать, или побеспокоиться, или маленько поотстегнуть ваше исподнее” говорил он и вытаскивал очень

хладнокровно руками шали так, как будто бы из собственного сундука. Нигде не могло укрыться. Отыскивал он в дышлах, оглоблях, в колесах, в подкладке плащей и, наконец, в таких местах, куда даже автору на бумаге неприлично забраться. Так как тогда еще не было наставления, чтобы [Далее начато: а. товары б. контрабанду делить] половина контрабанды принадлежала нашедшему, то чиновники распоряжались таким образом, чтобы оставлять при себе всё, тем более, что зачем же утруждать казну излишней перепиской. Это доставляло изрядный доход, и, [Далее начато: уже посредством] продолжая таким образом выгодно службу, Чичиков мог составить в течение 10 лет изрядный капиталец, сотняшки две-три тысячи по крайности. Но здесь нужно сказать, что у героя нашего было неопределенное и самое неутомное желание разбогатеть сколько возможно скорее и ускорить [таким образом] медленность обыкновенного и протяжного хода вещей. Он решился войти в половину с контрабандистами, [войти в общество контрабандистов] пригласивши для лучшего успеха друго-

го таможенного чиновника. Все польские жи- ды слышали об этом по секрету и обрадова- лись страшным образом. Весь Бердичев, Кра- ков и все, кто носил ермолку и [Далее начато: узенько] бороду [Далее начато: составили] со- единились в одно, и в том же году перешло через границу штук [Очевидно, пропущена цифра, но места для нее не оставлено.] бара- нов. Это бы еще ничего, потому что пошлина за барана была заплачена, но главное то, что на каждом баране была двойная шкура, а под шкурой [Далее начато: кружева] переехало на полмиллиона кружев да на столько же шел- ковых платков [и материй]. Когда [Далее на- чато: или два и<ли>] три раза случилась эта перегонка баранов, у таможенных чиновни- ков по полтора ста тысяч очутилось в карма- не, [Далее начато: На Руси] только дивились, как подешевели [Далее начато: русские тов<ары>] заграничные товары. [Далее нача- то: Бараны] Весьма может быть, что в непро- должительное время возросла бы эта сумма и до пятисот тысяч, если бы чиновники сами себе не нагадили. Как-то Чичиков неосторож- но, или с умыслом, или рассердясь, я, право,

не могу наверно сказать, [Далее начато: до меня так дошло неясно и бе<столково?>] назвал другого таможенного чиновника [Далее начато: который] поповичем (NB этот чиновник уже был статский советник). А так как всякий [Далее начато: стат<ский>] попович, который перевалил уже за статского советника, уже не называет себя поповичем и всегда умалчивает о своем отце, то это название попович было для него то же, что оплеуха, [Далее начато: и он ре<шил?>] и с этого будто бы началась у них ссора. Другие рассказывают, что ссора произошла за дворовую девку Акульку, которую будто бы очень интересовался Чичиков и в то же время означенный таможенный чиновник, а что будто бы ею больше всех пользовался Чепраков, уланский ротмистр. Я, признаюсь, не люблю мешаться в семейственные дела и потому не могу сказать наверно, как это было. Дело только в том, что Чичиков и Никитенков поссорились на смерть, и чиновник донес на Чичикова [Далее начато: что] всю историю об баранах. Хотя он сам и попал в эту историю, но был доволен тем, что нагадил своему сослуживцу.

Оба были взяты под суд, и пошло производство дела, и всё то, что ни удалось накопить обоим чиновникам расторопностью и умением, всё пошло [Далее начато: к] в воду. Их собратья же [другие] таможенные чиновники помогли облегчить их со всех сторон от всяких тяжестей, так что они выбежали из суда [Далее начато: как общипанные петушки, которые] на под<обие?> тех петушков, которые <1 нрзб.> зудимые романической страстью, [Далее начато: забрались было] понаведались было в другие курятники, [Далее было: да встретили петушьи носы посильнее] да попались под такие сильные клювы других петухов, что только и унесли с собою одни перья и, сопровождаемые куриным хохотом, улепетывали куда глаза глядят. Чичикову удалось всего-навсего унести с собою тысячонок десять рублей и запачканный послужной список, в котором прописано, что он отставлен с чином, но вместе с тем, чтобы не злоупотреблять ни у каких дел... Такое несчастье испытал герой наш. Это герой наш называл обыкновенно пострадать за правду, [за отечество] по службе. [Далее начато: Однако же, чорт

возьми] Но на этом дело не могло остановиться, как без сомнения знает и сам читатель. Подумал он: неужели нет уже совершенно никаких средств разбогатеть, [Далее начато: а. В это самое время. б. В слу<жбе> <1 нрзб.> нет, туды нет, все пути] пути, конечно, заперты в службу. В это самое время пришла ему та мысль, которая внушила автору этот роман. [внушила это-то автору] Мысль эта состояла вот в чем. Так как [Далее начато: в ревизии числятся] из ревизии не исключаются умирающие крестьяне до самой перемены новых списков, что продолжается несколько лет, и души считаются как бы живые, так закупить таковых душ и заложить их в ломбард. За это само<е> можно взять сто — двести тысяч. Этого капитала будет достаточно, чтобы прожить порядочно весь век, как прилично доброму [и] гражданину. От этого ближним вреда никакого, а казна — богатый человек, ей [Далее начато: что] убыли немного, ведь ее и без того общипают разные подрядные начальники благотельных заведений, патриоты, подрядчики и прочие. Таким образом думал Чичиков и считал, что он думал совершенно

справедливо. И принялся за дело. [Далее начато: а. ему казалось лучше б. Он выбирал нарочно где-нибудь в глуши, в темном закоулке] Он вовсе не наезжал на помещиков без всякого разбора и говорил им: продайте мне вымерших крестьян. [Далее начато: Нет, он] Совсем нет, он очень знал, к какого рода владетелям нужно обращаться. [Далее начато: Как мы уже видели] Он искал по темным закоулкам и, как мы уже видели, искал или скряг или промотавшихся и, как Мефистофель или тот [самый] искуситель вечный, который был еще недавно в моде в Европе, как и то таинственное лицо, [он] посещал тюрьмы, жилища нищеты и где люди были более готовы решиться на грех. [Далее начато: Так и чорт] Подобно и ему герой наш решился исходить менее освещенные закоулки [а. менее заметные углы б. менее освещенные углы] нашего грешного света. Каковы были его первые подвиги, читатель уже видел.

Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят хо-

лостяки, лакея Петрушки и кучера Селифана, с подведомственной ему, где красуется фаворит гнедой, подлец серый и обыкновенный пристяжной конь.

КАБ1(п) — которых уже всех читатель знает поименно: фаворита гнедого, подлеца серого и пристяжного

КАБ1 — уже знакомой читателю и связанных уже навсегда Заседателя, гнедого, подлеца Чубарого

Итак, вот, наконец, весь на лицо герой наш, таков, как есть.

КАБ1(п), КАБ1 — вот

Итак, вот, наконец, весь на лицо герой наш, таков, как есть.

КАБ1(п), КАБ1 — каков есть

Может быть еще потребуют заключительного определения одной чертою: кто же он относительно качеств нравственных?

КАБ1(п) — Может быть

КАБ1 — Но

Это видно, что он не герой, исполненный всех совершенств и добродетелей, — разве подлец?

КАБ1(п), КАБ1 — Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Стало быть, он подлец?

Теперь у нас подлецов не бывает; есть люди приятные, благонамеренные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два-три человека, да и те уж говорят теперь о добродетели.

КАБ1(п), КАБ1 — но и те

Может быть, ~ души.

неприятно, конечно, покажется только иному читателю, что проект составляет главное в характере его; но у кого же нет одного какого-нибудь стремления, резко оставляющего впечатление на всем характере и обдуманно, подобно холодному, бесчувственному деспоту, истребляющему и т. д. как в тексте КАБ1(п)

в КАБ1 этот текст зачеркнут и карандашом вписано на полях: [Перед этим начато: который] конечно, прожект, страстно увлекающий прожект. Страсть к приобретению виною все<го> того, что, может быть, он произвел некоторые дела не совсем чистые. Конечно, в этой страсти есть уже что-то <что> отталкивает, — читатель винить рад; встретив такого человека, и когда даже сам знает, что он не очень чистый человек, и подружится с ним, а в книге не любит встречать. Так странно на свете. Но мудр тот, который не чуждается никаких характеров, но следит глубоко-мысленно, нисходя до первоначальных причин. Как часто нечувствительно не успел оглянуться человек и уже поселился внутри и стал великаном ужасный червь, обратив к себе все жизненные его соки. [Далее начато: Все они приобретаются сначала произвольно] Прекрасное приобретается сначала произвольно, по желанию и там уже становится [страшным] деспотом и властителем, и счастлив тот, чей разум и воля изберут прекраснее и выше всех других. [Далее начато: глубже и глубже будет он входить] Но есть страсти, ко-

горые даются свыше, и не властен человек ни приобрести, ни отказаться от ней <!>, и есть что-то восторжен<ное>, вечно зовущее в сем влечении

Сюда же относится набросок на отдельном листе: Да у каждого из нас есть страсть, и что-то есть дивно-упоительное в сем влечении. Уже родились они с ним в [самую] минуту рождения его [в мир] в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаниями они ведутся [Вместо Высшими ~ ведутся: Для высших начертаний, ему непостижимых — обречены они] и есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь. Земное [ли] великое [ли] поприще суждено совершить — всё равно, в мрачном ли образе или [чудесным] прелестно-светлым явлением, возрадующим мир [всё равно в образе ли злодейства или явления, возрадующего мир]

И не только одна сильная или смелая страсть, но не раз [но даже] не значущая страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в человеке и заставляла позабывать его высо-

кие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть высокое и святое.

КАБ1(п), КАБ1 — широкая

И не только одна сильная или смелая страсть, но не раз [но даже] не значущая страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в человеке и заставляла позабывать его высокие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть высокое и святое.

КАБ1 — в человеке, и в человеке, казалось бы рожденном на великие дела

Безумно ~ влечении.

КАБ1 (кар.) — Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все непохожи одна на другую

И у автора, пишущего сии строки, есть страсть, — страсть заключать в ясные образы проходящие к нему мечты и явления в те чудные минуты, когда, вперивши очи в свой иной мир, несется ~ свою любовницу.

КАБ1(п), КАБ1 — очи свои в иной

И у автора, пишущего сии строки, есть страсть, — страсть заключать ~ в оных чудесных минутах, нисходящих ~ свою любовницу.

КАБ1(п), КАБ1 — чудных

И у автора, пишущего сии строки, есть страсть, — страсть заключать ~ ничего в сем мире, но любит свою бедность сильно, пламенно, как любовник любит свою любовницу.

КАБ1 — в земном мире

Но читатель ~ в душе такая верная, неизменяющаяся уверенность, что тем самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели.

Но читатель и сему ~ и не верить. Лучше поверит читатель одной страсти, преобладающей всеми, не чувствуя, что она просто мода, деспотски разлетевшаяся и в то же время для того же читателя будет вечно что-то отталкивающее в страсти к приобретениям, то есть, конечно, если эта страсть будет сообщена герою поэмы; в натуре другое дело: в натуре ничего. Множество читателей оттолкнутся

от нашего героя ~ недовольны Чичиковым, но потому и т. д. как в тексте КАБ1(п)

КАБ1 начато исправление предыдущего текста: а. Скорее поверит читатель тому, что общее всем, что просто одна только мода, разлетевшаяся над миром, а не страсть б. Но не то тяжело [автору], что читатели будут недовольны [его] героем, тяжело то, что живет в душе

Не потому грустно, не потому тяжело, что будут недовольны Чичиковым, что не понравится герой поэмы нашей, но потому грустно и тяжело, что живет в душе такая верная, неизменяющаяся уверенность, что тем самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели.

КАБ1(п), КАБ1 — неотразимая

Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает невидимо и прячется от света [а что прячется под маску], не обнаружь сокровеннейших его мыслей, которых никакому другу не поверяет человек, а покажи его таким, каким он пока-

зался всему городу NN, Манилову и многим другим помещикам, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека.

КАБ1 — на дне

Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает невидимо и прячется от света ~ человека.

КАБ1(п) — и невидимо прячется

КАБ1 — и прячется

Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни ~ показался всему городу NN, Манилову и многим другим помещикам, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека.

КАБ1(п), КАБ1 — городу

Не загляни автор поглубже в его душу, не шевельни ~ городу NN, Манилову и многим другим помещикам, — и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека.

КАБ1(п), КАБ1 — другим

Нет нужды, что ни лицо ни фигура не остались отточенными ~ так много на свете.

КАБ1 — ни [весь] образ его

Нет нужды, что ни лицо ни фигура не остались отточенными в головах их, что он не мечется перед глазами, как ~ так много на свете.

КАБ1(п) — бы надолго в их памяти, что он

КАБ1 — в памяти, и он

Нет нужды, что ни лицо ни фигура не остались отточенными в головах их, что он не мечется перед глазами, как живущий человек, зато по окончании ~ так много на свете.

КАБ1(п) — не метался бы вечно пред ними, как живой человек

КАБ1 — не метался бы [он], как живой перед глазами

Нет нужды, что ни лицо ни фигура не остались отточенными в головах их, что он не мечется перед глазами, как живущий человек, зато по окончании чтения они не растревожены ~ много на свете.

не встревожена ничем душа, не возмущена, и покойно они могут, совершенно покойно обратиться [Далее вписано и зачеркнуто: вновь] к мирным занятиям, то есть обратиться к вечному карточному столу, тешащему всю Россию, или неразвлекаемо заняться тонким разбором, что из принесенной кучи необходимого добра будет гармонировать более с цветом волос.] Над строками с текстом “неразвлекаемо ~ волос” вписано: показать тонкий <вкус?> в разборе дрязга, созданного великою модою, мудрым делом девятнадцатого века, развившего ее в полном совершенстве, счастье великое, подаренное им человечеству в награду, за трудные и бедственные его странствия] И знает вас много, мои добрые читатели, сей неведомый вами автор и т. д. как в тексте КАБ1(п)

КАБ1 — душа не встревожена и можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию. Да. Вам бы не хотелось, добрые читатели мои, видеть обнаруженную пред [Далее начато: вами бедность людской] собой человеческую бедность

Зачем, говорите вы, изображать всё это и
обращать в неизгладимые строки, к чему это,
разве мы не знаем сами, что есть много пре-
зренного и глупого в жизни.

КАБ1(п) — выводить всё это внаружу и об-
ращать <и т. д. как в ПБЛЗ>

КАБ1 зачеркнуто

И без того случается нам часто видеть то,
что [а. видеть то, что бы не хотелось видеть]
вовсе не утешительно видеть.

КАБ1 — не утешительно

Лучше нам представлять что-нибудь хоро-
шее,

КАБ1(п), КАБ1 — Лучше же представляйте
нам прекрасное, увлекательное

что-нибудь утешительное] пусть лучше
мы позабудемся и вы похожи с вашим

КАБ1 — позабудемся мы

что-нибудь утешительное] пусть лучше
мы позабудемся и вы похожи с вашим

КАБ1(п) — позабудемся хоть на малое вре-

что-нибудь утешительное] пусть лучше мы позабудемся и вы похожи ~ именье с аукциона, и пошел помещик в одном леггом сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости.

КАБ1 — Что ты, брат, говоришь мне, [Над строкой: Зачем ты, брат, говоришь это<?>] что дело в хозяйстве идет скверно? — говорит помещик приказчику: — я, брат, знаю это без тебя. Дай мне, по крайней мере, позабыть<ся>. [Далее было: я тогда счастлив, я не слышу ничего этого] Да у тебя разве язык не поворотится сказать что-нибудь иное? что зачем <1 нрзб.> ты о другом деле? Я хочу не знать это, хочу позабыться: я тогда счастлив. — И вот те деньги, которые поправили бы сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвение. Спит ум, может быть обревший бы внезапный родник великих средств, а там бух имение

К этому же отрывку относится набросок на отдельном листке, подшитом к КАБ1, почти

полностью совпадающий с приведенным текстом.

похожи с рассуждениями вашими] стремлением позабыться на помещика, которому пришел докладывать прикащик, что та и другая часть в хозяйстве идут совершенно плохо и что если он сам не обратит на это внимания и пожертвует на поправление хотя половину из принесенного оброка, так скоро и поправить нельзя будет.

КАБ1(п) — он не обратит, наконец

похожи с рассуждениями вашими] стремлением позабыться на помещика, которому пришел докладывать прикащик, что та и другая часть в хозяйстве идут совершенно плохо и что если он сам не обратит на это внимания и пожертвует на поправление хотя половину из принесенного оброка, так скоро и поправить нельзя будет.

КАБ1(п) — поправление хотя часть времени и

похожи с рассуждениями вашими] стрем-

лением позабыться на помещика, которому пришел докладывать прикащик, что та и другая часть в хозяйстве идут совершенно плохо и что если он сам не обратит на это внимания и пожертвует на поправление хотя половину из принесенного оброка, так скоро и поправить нельзя будет.

КАБ1(п) — будет ничем

Да зачем, брат, ты говоришь мне это? — отвечает помещик, — ведь я и без тебя знаю, что всё идет дурно.

КАБ1(п) — я без

А там вдруг неожиданным образом продают его именье с аукциона, и пошел помещик в одном леггом сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости.

КАБ1(п) — всё имение

А там вдруг неожиданным образом продают его именье с аукциона, и пошел помещик в одном леггом сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости.

сти.

КАБ1(п) — в одном сертучке позабываться

КАБ1 — позабываться

А там вдруг неожиданным образом продают его именье с аукциона, и пошел помещик в одном леггом сертучке забываться по миру с душою, готовой от крайности на все низости.

КАБ1(п) — от крайности готовою на все низости

КАБ1 — от крайности готовою на низости

Еще будет на автора одно обвинение [а. Далее начато: и это обвинение бу<дет>] и найдутся так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские, хорошо ли выставлять их, а что скажут и подумают о нас иностранцы.

КАБ1(п) — Автор предчувствует, что еще с одной стороны упадет на него обвинение

КАБ1 — Еще с одной стороны будет обвинение на автора

Еще будет на автора одно обвинение [а. Да-

лее начато: и это обвинение бу<дет>] и найдутся так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские, хорошо ли выставлять их, а что скажут и подумают о нас иностранцы.

КАБ1(п), КАБ1 — да ведь это, всё, что ни помещено здесь

Еще будет на автора одно обвинение [а. Далее начато: и это обвинение бу<дет>] и найдутся так называемые патриоты, которые скажут: да ведь это всё наше, ведь это всё грехи русские, хорошо ли выставлять их, а что скажут и подумают о нас иностранцы.

КАБ1(п), КАБ1 — Что же

Ну, против подобного мудрого обвинения автор признается, что даже не находится и отвечать.

КАБ1(п), КАБ1 — против такого

Ну, против подобного мудрого обвинения автор признается, что даже не находится и отвечать. Видно придется ему вместо ответа привести двух обитателей одного незаметно-

го уголка России Писта Пистовича и сына его Феописта Пистовича.

КАБ1(п), КАБ1 — трудно даже найти, как отвечать. Ничего другого нельзя сделать, как разве привести только вместо ответа жизнь

[Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявщую в непрерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном.

КАБ1(п), КАБ1 — то есть

[Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявщую в непрерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном.

КАБ1(п), КАБ1 — с трубкою в зубах

[Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявщую в бес-

прерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном.

КАБ1(п), КАБ1 — конечно

[Всю] жизнь свою он провел то, что называется халатным образом, состоявшую в непрерывном хождении по комнате, в курении трубки и в постоянном размышлении об одном предмете, хотя, конечно, несколько странном.

КАБ1(п), КАБ1 — называют

Феопист Пистович был, напротив, то, что по-русски называется богатырь, и двадцатилетняя плечистая натура его поминутно оказывала расположение разгуляться.

КАБ1(п), КАБ1 — его натура

Как-то ничего не мог он сделать слегка, но всё или спина у кого-нибудь трещит или кто-нибудь появится с болдырем в лице.

КАБ1(п), КАБ1 — Ничего он не мог

В доме всё, начиная от ключницы до дворовой собаки, бежало [а. бежали от него] прочь, еще издали его завидев, даже собственную кровать изломал он в куски.

КАБ1(п), КАБ1 — даже в своей комнате

— “Да”, говаривал всегда Пист Пистович, когда доходили до [В подлиннике: на] него жалобы на его сына.

КАБ1(п), КАБ1 — на Феописта Пистовича

— “Нужно бы, нужно пожурить Феописта Пистовича, да ведь сделать-то как это?”

КАБ1(п), КАБ1 — как это сделать

Наедине ведь его не пристыдишь, уж я пробовал, а человек он честолюбивый; если бы укорить его при другом, а при другом-третьем скажем — весь город узнает.

КАБ1(п), КАБ1 — Наедине-то

Наедине ведь его не пристыдишь, уж я пробовал, а человек он честолюбивый; если бы укорить его при другом, а при другом-третьем скажем — весь город узнает.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Наедине ведь его не пристыдишь, уж я пробовал, а человек он честолюбивый; если бы укорить его при другом, а при другом-третьем скажем — весь город узнает. Пусть уж так его остается собакой, ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка”.

КАБ1(п), КАБ1 — при другом-третьем, он бы унялся; да то беда, скажешь при одном-третьем, а уж весь город узнает и упреками глаза выедят. Пусть уж нелегкая не возьми

Пусть уж так его остается собакой, ведь не он же один: у Степана Прохорыча похуже сынишка”.

КАБ1(п), КАБ1 — будет похуже

И довольный таким умным решением отец отправлялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запросами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, поло-

жим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие.

КАБ1(п), КАБ1 — Пист Пистович

И довольный таким умным решением отец отправлялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запросами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, положим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие.

КАБ1(п), КАБ1 — предаваясь беспрестанно остроумным новым догадкам

И довольный таким умным решением отец отправлялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запро-

сами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, положим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие.

КАБ1(п), КАБ1 — скорлупа

И довольный таким умным решением отец отпраплялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими на ум сметливыми замечаниями и запросами, например: а любопытно бы знать, как бы толста была скорлупа яйца, если бы, положим, слон родился в яйце; ведь должна быть очень толста, пушкой не прошибешь; а лучше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое огнестрельное орудие.

КАБ1(п), КАБ1 — я чай

И довольный таким умным решением отец отпраплялся вновь по комнате рассуждать о странности рождения зверя, разнообразя свои рассуждения разными приходящими

ми на ум сметливыми замечаниями и запрое-
сами, например: а любопытно бы знать, как
бы толста была скорлупа яйца, если бы, поло-
жим, слон родился в яйце; ведь должна быть
очень толста, пушкой не прошибешь; а луч-
ше, я полагаю, выдумать какое-нибудь новое
огнестрельное орудие.

КАБ1(п), КАБ1 —а нужно будет изобрести

Так протекала жизнь сих двух [а. жизнь
этих двух] обитателей одного скромного угол-
ка России, жизнь, конечно, не бесконечная,
потому что прислужилась теперь автору от-
ветом на мудрое обвинение, которое, вероят-
но, будет со стороны так называемых патриот-
тов.

двух КАБ1(п), КАБ1

К этой части главы относятся следующие
наброски на отдельных листках:

<1> Разве весело слышать дурное мнение о
себе? Думают: “Разве это не больно, разве мы
не патриоты!” [Вместо Разве ~ патриоты: Нет,
и без того о нас нехорошего мнения. Что же

скажут теперь, когда увидят, что свой заговорил вот как! Да и будто в самом деле мы одни такие: ведь и похуже нас есть! и прочее.] На такие мудрые замечания, [Над строкой написано: и мне не надо их] особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибавить в ответ. А разве вот что: жили в одном отдаленном городке России два обитателя; [ничего другого не остается сделать, как разве только привести жизнь двух обитателей одного отдаленного уголка России] <2> (вшит в КАБ1): Еще будет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов. Есть род патриотов, которые спокойно себе сидят по углам, занимаясь коплением капиталца, и спокойно занимаются упрочением собственной судьбы насчет других. Но если что-нибудь произойдет, по мнению их, оскорбительное для отечества, они выбегут вдруг на свет как пауки, завидевшие, что шевелится муха, вдруг окажутся и будут говорить: “Помилуйте, [Далее начато: ведь это] зачем всё это выводить на свет и провозглашать это? Ведь что написано <в> этой книге, всё наше. Хорошо ли это? А что скажут ино-

странцы? Ведь они и без этого о нас нехорошего мнения, а [Далее начато: тут] что ж они подумают теперь, когда свои да еще вот как заговорили?” Ну, признаюсь, против такого мудрого обвинения не найдешь, как и отвечать. Придется, видно, вместо всякого ответа, привести в пример жизнь двух обитателей одного отдаленного уголка.

Один был отец Мокий Иванович, [Мокий Павлович] человек довольно кроткий, [человек весьма кроткий] проводивший жизнь более халатным образом. На хозяйственные дела он немного обращал [Фраза не дописана.] Вся жизнь обращена была в умозрительную сторону. Ходя по комнате, он задавал себе вопрос: [Над строкой: и занят был следующим] “Вот, например, зверь”, говорил он сам себе: [Далее начато: Странно, почему] “зверь рождается нагишом. Почему ж он [он рождается] нагишом? Почему не так, как птица? не из яйца? [Далее было: Ведь яйцо может быть и большое. Любопытный вопрос, право. Ну, вот, найдется много в природе вещей, совершенно непостижимых. Право, в природе вещи совсем,

совсем непостижимы; вот просто непостижимы] Как, право, непостижимо! Совсем не поймешь натуры, как больше в нее углубишься!” Другой, Иван Мокиевич, был то, что называют на Руси богатырь. И в то время, когда отец занимался [Далее начато: вопросом о рождении] рождением зверя, двадцатилетняя плечистая натура так и стремилась развернуться, и он ни за что не мог [не умел] взяться легко: всё или рука у кого-нибудь, или волдырь. В доме всё, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало, его завидев; в спальне своей он даже собственную кровать изломал. “Помилуй, батюшка, Мокий Иванович”, говорила вся дворня, его и соседняя: “что это у тебя Иван Мокиевич? Никому покоя нет, такой притерпень”. — “Да”, говорил <Мокий> Иванович, выведенный из своего дельного размышления: “[Хорошо] Я и сам вижу, что Иван Мокиевич шаловлив. Не знаю, право, как с ним быть. Наедине [меня] он не слушает; а есть средство: человек он честолубивый, укори его при другом, третьем, он уймется. Да ведь как же это сделать? Нельзя. Скажи я, а весь город-то что заговорит? Ведь он и так уж

нехорошего об нем мнения, [Далее начато: А [все таки] ведь это мое дет<ище?>, [мне] моя] а Иван Мокиевич все-таки моя кровь. [Далее начато: Уж лучше, говорит, что узна<ют>] Если я сам заговорю о нем худо, так что ж другие? Они подумают еще хуже. Нет уж <пусть> его так остается, авось выйдет не совсем собака. Да и” [Фраза не дописана.] И довольный таким решением, отец говорил: “Ну, если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, очень бы толста, пушкой не прошибешь, нужно другое выдумать огнестрельное орудие”. Так протекала [На этом текст наброска обрывается.]

“Что, видно, они думают, что я не отец. Я отец. [Далее начато: у меня вот тут] Даром, что я занят и тем и другим, и самому некогда, [Даром, что я занимаюсь предметом умозрительным] но у меня Иван Мокиевич сидит вон тут, в сердце”. И оставался Иван Мокиевич продолжать свои богатырские подвиги. Обращик Мокиевича — <Еруслан?> Лазаревич [Далее текст (несколько слов) не поддается прочтению.]

При этом Потап Мокиевич бил себя весьма сильно кулаком в грудь. “Нет, уж по крайней мере из моих-то уст об этом никто не услышит. Уж пусть лучше остается собакой, да остается тихомолком. [пусть лучше он себе тихомолком остается собакой] Да будто нет хуже, что ли? У Степана Прохорыча похуже сынишка

Так протекала жизнь сих двух [а. жизнь этих двух] обитателей одного скромного уголка России, жизнь, конечно, не бесконечная, потому что прислужилась теперь автору ответом на мудрое обвинение, которое, вероятно, будет со стороны так называемых патриотов.

КАБ1(п), КАБ1 — будет сделано

Но нет, не патриотизм и не первое чувство [а. Далее начато: подвинуть] причиною ~ автор.

КАБ1(п) — суть причины подобного обвинения: другое скрывается под ними. К чему таить слово? Я вам прямо говорю, мои читатели-

ли, ибо кто же, как не автор, должен сказать вам святую правду

КАБ1 — суть причины подобного обвинения: другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать его святую правду

Вы любите по всему скользнуть недумающими глазами, вы посмеетесь может быть от души над Чичиковым, может быть даже, чего доброго, похвалите автора, скажете: а однако же плут кое-что верно схватил.

КАБ1(п), КАБ1 — скользнуть по всему

Вы любите по всему скользнуть недумающими глазами, вы посмеетесь может быть от души над Чичиковым, может быть даже, чего доброго, похвалите автора, скажете: а однако же плут кое-что верно схватил.

КАБ1(п) — плут ~ подметил

КАБ1 — этот плут кое-что верно подметил, должно быть веселый человек

И каждый из вас после этого с удвоившейся гордостью обратится к себе, самодовольная

усмешка сохранится в лице его, и усмехнувшись он прибавит: а ведь в самом деле престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом не малые.

КАБ1(п), КАБ1 — таких слов

И каждый из вас после этого с удвоившейся гордостью обратится к себе, самодовольная усмешка сохранится в лице его, и усмехнувшись он прибавит: а ведь в самом деле престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом не малые.

КАБ1(п), КАБ1 — улыбка покажется на лице его, и с усмешкой

А кто из вас святого христианского смирения углубит во внутрь собственной души сей тяжелый допрос: “А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?”

КАБ1(п), КАБ1 — запрос

А кто из вас святого христианского смирения углубит во внутрь собственной души сей

тяжелый допрос: “А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?”

КАБ1(п), КАБ1 — и во мне самом

А кто из вас святого христианского смирения углубит во внутрь собственной души сей тяжелый допрос: “А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?”

КАБ1(п), КАБ1 — его

Как бы не так, а вот попробуй, пройди только в это время мимо вас какой-нибудь ваш же знакомый среднего росту, имеющий чин ни очень большой, ни очень малый, вы в ту же минуту толкнете под руку соседа, сказав ему, чуть не фыркнувши от смеха: “Смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел”, и потом как ребенок, позабыв всякое приличие, [а. Далее начато: свойств<енное>] должно вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

КАБ1(п), КАБ1 — его же

Как бы не так, а вот попробуй, пройди только в это время мимо вас какой-нибудь ваш же знакомый среднего роста, имеющий чин ни очень большой, ни очень малый, вы в ту же минуту толкнете под руку соседа, сказав ему, чуть не фыркнувши от смеха: “Смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел”, и потом как ребенок, позабыв всякое приличие, [а. Далее начато: свойств<енное>] должно вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

КАБ1(п), КАБ1 — ни слишком большой, ни слишком малый, он

Как бы не так, а вот попробуй, пройди только в это время мимо вас какой-нибудь ваш же знакомый среднего роста, имеющий чин ни очень большой, ни очень малый, вы в ту же минуту толкнете под руку соседа, сказав ему, чуть не фыркнувши от смеха: “Смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел”, и потом как ребенок, позабыв всякое приличие, [а. Далее начато: свойств<енное>] должно вашим

летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

КАБ1(п), КАБ1 — своего соседа и, чуть не фыркнув от смеха, скажет: “Смотри, смотри

Далее начато: свойств<енное>] должное вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

КАБ1(п), КАБ1 — его

Далее начато: свойств<енное>] должное вашим летам и званию, побежите за ним следом, поддразнивая его сзади как ребенок и произнося в полголоса: Чичиков, Чичиков, Чичиков.

КАБ1(п), КАБ1 — сзади и приговаривая

Но мы стали, кажется, говорить довольно громко и позабыли, что герой наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть

легко статья, может услышать так часто повторяемую его фамилию.

КАБ1(п), КАБ1 — позабыв о том

Но мы стали, кажется, говорить довольно громко и позабыли, что герой наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть легко статья, может услышать так часто повторяемую его фамилию.

КАБ1(п) — который спал ~ легко может статья, как-нибудь услышит

КАБ1 — спавший во время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать

Но мы стали, кажется, говорить довольно громко и позабыли, что герой наш, который спал во всё то время, как рассказывалась его повесть, уже давно проснулся и, стало быть легко статья, может услышать так часто повторяемую его фамилию.

КАБ1(п), КАБ1 — свою

Автор должен предупредить читателя,

что герой наш человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен, если о нем изъяснятся как-нибудь неуважительно или просто скажут что-нибудь такое, которое может уронить вес и значение его в свете.

КАБ1(п) — а он, не мешает еще раз предупредить

КАБ1 — Он же [как читателю известно]

Автор должен предупредить читателя, что герой наш человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен, если о нем изъяснятся как-нибудь неуважительно или просто скажут что-нибудь такое, которое может уронить вес и значение его в свете.

КАБ1 — обидчивый и недоволен

Автор должен предупредить читателя, что герой наш человек очень обидчивый и всегда бывает недоволен, если о нем изъяснятся как-нибудь неуважительно или просто скажут что-нибудь такое, которое может уронить вес и значение его в свете.

КАБ1(п) — неуважительно, или просто даже скажут что-нибудь роняющее вес или зна-

чение в свете

КАБ1 — неуважительно

Читателю, конечно, с полугоря, рассердится ли он на него или нет, но что до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем.

КАБ1 — Читателю

Читателю, конечно, с полугоря, рассердится ли он на него или нет, но что до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем.

КАБ1(п), КАБ1 — на него Чичиков

Читателю, конечно, с полугоря, рассердится ли он на него или нет, но что до автора, то он никак не должен ссориться с своим героем.

КАБ1(п) — ни в каком случае

Как бы то ни было, еще не мало пути и дороги нужно им пройти вместе рука об руку. Две части впереди, это не безделица.

КАБ1(п) — Что ни говори, пути и дорога

немало еще придется им пройти вдвоем рука в руку, две части еще впереди

КАБ1 — Еще не мало пути — дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две части впереди

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмурив [а. зажмуривая] глаза, изредка только потряхивал он с просонков вожжами по бокам тоже, казалось, дремавших лошадей, а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел с головы картуз, и он со своих козел опустился весь совершенно назад, уткнувши свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка.

КАБ1(п), КАБ1 — потряхивая в просонках

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмурив [а. зажмуривая] глаза, изредка только потряхивал он ~ назад, уткнувши свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка.

КАБ1(п) — он сам опрокинулся с козел своих совершенно назад

КАБ1 — он сам опрокинулся с козел назад

И в самом деле Селифан давно уже ехал, зажмурив [а. зажмуривая] глаза, изредка только потряхивал он с просонков вожжами по бокам тоже, казалось, дремавших лошадей, а с Петрушки уже давно нивесть в каком месте слетел с головы картуз, и он со своих козел опустил весь совершенно назад, уткнувши свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка.

КАБ1(п), КАБ1 — голову

Селифан приободрился и, несколько отшлепавши по спине серого коня, после чего тот пустился рысцей, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: “Не бойся”.

КАБ1 — Чубарого

Селифан только помахивал да покрикивал: “Эх, эх, эх!”, плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслася духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся мягким чуть заметным накатом

ВНИЗ.

КАБ1(п), КАБ1 — чуть заметным

Его ли душе, стремящейся закрутиться, загуляться и позабыться, не любить.

КАБ1 (кар.) — сказать иногда: чорт побери всё

Его ли душе, стремящейся закрутиться, загуляться и позабыться, не любить. Что восторженно-чудное [а.

КАБ1(п) — не любить ее, когда что-то

КАБ1 — не любить ее! Не любить ее, когда что-то

Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь и всё летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога нивесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мелькании всего, когда видишь, как не успевает означиться пропадающий предмет.

КАБ1(п), КАБ1 — мелькании, где не успева-
ет

Только над головой небо, далекие тучи да
продирающийся месяц кажутся недвижимы.

КАБ1(п), КАБ1 — небо над головою

И не хитрой, кажись, дорожный снаряд, не
железным схвачен винтом, а наскоро живьем
отработал тебя с одного топора ярославский
мужик не в немецких ботфортах.

КАБ1(п) (кар.) — ярославский расторопный

Ямщик только всего борода да тулуп да ру-
кавицы и сидит ~ понеслась, понеслась, по-
неслась.

КАБ1(п), КАБ1 — нет

Ямщик только всего борода да тулуп да ру-
кавицы и сидит чорт знает на чем, а привстал
да замахнул рукой, да затянул ~ понеслась,
понеслась, понеслась.

КАБ1(п), КАБ1 — замахнулся

И вот уже вдали видно только, что пылит

и сверлит воздух.

КАБ1(п), КАБ1 — видно вдали

Далее до конца КАБ1(п) и КАБ1 совпадает с окончательным текстом.

ИСПРАВЛЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В ПЕРВОПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ ПО РУКОПИСЯМ

[В качестве варианта приводится текст первого издания “Мертвых душ”, исправленный позднее по указанным источникам]

Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто ~ горячек, убийственных каких-нибудь лихорадок, оспы ~ одно простое любопытство. КАБ1;

каких-либо лихорадок

Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию ~ тому подобного, и всё так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. КАБ1;

всё так и с такою точностию

Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни ~ так же весьма чисто, обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды, или ~ и в Петербурге. КАБ1;
весьма обдуманно

Собакевич тоже сказал несколько лаконически: “и ко мне прошу”, шаркнувши ~ в нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри. КАБ1;
и на Руси начинают выводиться богатыри

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось ~ в совершенное недоумение почти весь город. КАБ1, ПБЛ4, РЦ;
почти всего города

“Вы всё имеете”, прервал Манилов с тою же приятною улыбкою: “всё имеете, даже еще более”. КАБ1;
такою же приятною улыбкою

“Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатес в своих поступках”,

присовокупил Манилов ~ за ушами пальцем.
КАБ1(авт.);

наблюсти деликатность в своих поступках

Слово деликатес, характерное в устах Манилова, встречается и дальше.

“Фемистоклюс!” сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. КАБ1(авт.);

старался освободить свой подбородок

Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал вилокю по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. ПБЛЗ, КАБ1, ПБЛ4;

строго застучал по столу

“А, нет!” сказал Чичиков, “Мы напишем, что они живые, так, как стоът действительно в ревизской сказке. КАБ1(авт.);

Мы напишем, что они живы

Но Чичиков сказал просто, что подобное

предприятие, или ~ прибавил, что казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины. КАБ1(авт.);

казна получит даже выгоды

Гнедой почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему дам с охотою лишнюю меру, потому что он почтенный конь, и Заседатель — тож хороший конь... КАБ1;

Я ему с охотою дам лишнюю меру

Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: “Ты думаешь, что ты скроешь свое поведение. КАБ1;

Ты думаешь, что скроешь свое поведение

Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми потчевают лошадей ~ попало на язык. ПБЛЗ, КАБ1;

все ободрительные и побудительные крики

Туда всё вошло: все ободрительные и понудительные крики, которыми ~ до другого; прилагательные всех родов и качеств без

дальнейшего разбора, как что первое попало
лось на язык. КАБ1(авт.);

прилагательные всех родов

“Что, мошенник, по какой ты дороге
едешь?” КАБ1;

по какой дороге ты едешь.

Засим начал он слегка поворачивать бричку,
поворачивал, поворачивал и наконец выворотил
ее совершенно на бок. КАБ1;

Затем начал он

“А что я тебе сказал последний раз, когда
ты напился? а? забыл?” произнес Чичиков.
КАБ1;

сказал Чичиков

“Что ж делать, матушка: видишь, с дороги
сбились. КАБ1;

Вишь, с дороги сбились

Переписчик, вероятно, по инерции написал
только что встретившееся ему выше слово:
вишь. (“Вишь ты какой востроногой”)

Между тем псы заливались ~ бас, может быть старик или просто наделенный дюжею собачьей натурой, потому что ~ дребезжат стекла. КАБ1;

может быть старик, наделенный дюжею собачьей натурой

Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана ~ листьев, и за всяким зеркалом заложены были или письмо, или ~ ничего более заметить. КАБ1, ПБЛ4;

за всяким зеркалом

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум очень походил на то, как бы вся комната ~ охота бить. ЛБ1;

шум походил

Какое-то время наслал бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом. КАБ1;

Какое-то время послал бог

Солнце сквозь окно блистало ему прямо в глаза, и мухи, которые ~ в самый нос, что заставило его очень крепко чихнуть — обстоятельство, бывшее причиною его пробуждения. ЛБ1;

заставило его крепко чихнуть

Индейкам и курам не было числа; промежуток расхаживал петух мерным шагом, потряхивая гребнем ~ своим порядком. КАБ1;
расхаживал петух мерными шагами

Этот небольшой дворик, или курятник, перегородал досчатый забор, за которым тянулись просторные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочим хозяйственным овощем. КАБ1;

тянулись пространные огороды

Она была одета лучше, нежели вчера, — в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано. ЛБ1;
но на шее всё также было что-то навязано

Я то мазала свиным салом и скипидаром

тоже смачивала. ЛБ1;

смазывала свиным салом

А теперь примите только в соображение то, что заседателя вам подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за них, я, а не вы; я принимаю на себя все повинности. КАБ1;

А теперь примите в соображение только то

“Право, отец мой, никогда еще не случилось мне продавать покойников. КАБ1;

не случилось продавать мне покойников

— Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок по сту рублей каждую, и очень благодарил, такие вышли славные работницы: сами салфетки ткут”. КАБ1;

Живых-то я уступила, вот и третьего года Протопопову двух девок по сту рублей каждую

Происхождение этой ошибки: в КАБ1 написано — Протопопу; в ПБЛ4 переписано пра-

вильно: Протопопу; переписчик РЦ искажил: Протопову; так и напечатано в первом издании. Во втором издании, очевидно, исправили на обычную фамилию: Протопопову. Восстанавливаем первоначальное слово: протопоп; оно не один раз упоминается при Коробочке, тогда как случайно появившийся Протопопов нигде не встречается.

Так зато же это мед. КАБ1;
Так зато это мед

Кто ж станет покупать их! На что они им?
КАБ1, ПБЛ4;

Кто ж станет покупать их!

Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади они и околей со всей вашей деревней!.." КАБ1;
да пропади и околей

Чичиков попросил ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить.

КАБ1, ПБЛ4;

чтобы избавить лишних затруднений

Хозяйка вышла с тем, чтобы привести в исполнение мысль насчет загнутия пирога ~ истряпни; а Чичиков вышел тоже в гостиную, где провел ночь, с тем, чтобы вынуть нужные бумаги из своей шкатулки. КАБ1;

Чичиков вышел в гостиную

В гостиной давно уже было всё прибрано, роскошные перины вынесены вон, перед диваном стоял накрытый стол. КАБ1;

стоял накрытый стол

“Хорош у тебя ящичек, отец мой”, сказала она, подсевши к нему. КАБ1;

Хорош у тебя ящик

“Хоть бы мне листик подарил! КАБ1;

Хоть бы мне листок подарил

Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинков. КАБ1, ПБЛ4;

горячих блинов

“Может быть, понадобится еще птичьих перьев. КАБ1;

понадобится птичьих перьев

“Вот куды”, отвечала девчонка, показавши рукою. КАБ1;

отвечала девчонка, показывая рукою

Без девчонки было бы трудно сделать и это, потому что дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыпят из мешка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей вине. КАБ1;

когда их высыпают

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил отворившуюся со скрипом дверь и вместе с нею исходивший свет и толстую старуху в пестрых ситцах, проговорившую: “Сюда пожалуйте!” КАБ1;

он встретил отворившуюся со скрипом дверь и толстую старуху

В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало повыстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко ~ и больше ничего. КАБ1, ПБЛ4;

в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам

“Куда ездил?” говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал далее: “А я, брат, с ярмарки. КАБ1;

не дождавшись ответа, продолжал

“Видишь, какая дрянь! насилу дотащили проклятые; я уже пересел вот в его бричку”. Говоря это, Ноздрев указал пальцем на своего товарища. КАБ1;

Я уже перелез вот в его бричку”. Говоря это, Ноздрев показал пальцем

Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — просто всё спустил. КАБ1(авт.);

не только убухал четырех рысаков — всё спустил

“Ты, однако ж, и тогда так говорил”, отвечал белокурый: а когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их”. КАБ1(авт.);

Ты однако и тогда

А сколько, брат, было карет, и всё это en gros. КАБ1(авт.);

А сколько было, брат, карет

В фортунку крутнул, выиграл две банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потом опять поставил один раз и прокрутил, канальство, еще сверх шесть целковых. КАБ1;

опять поставил один раз и прокутил, канальство,

Ноздрев в фортунку крутнул и прокрутил, а о кутеже в данном случае речи нет.

Послушай, братец: ну к чорту Собакевича, поедем-ка сейчас ко мне! КАБ1;

поедем ко мне

“Анисовая”, отвечала старуха. КАБ1;
сказала старуха

Бричка Чичикова ехала рядом с бричкой, в которой сидели Ноздрев и его зять, и потому они все трое могли очень свободно между собою разговаривать в продолжение дороги. КАБ1;

могли свободно

Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и в двадцать: охотник погулять. КАБ1;

каким был в осьмнадцать и двадцать

Женитьба его ничуть не переменяла, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно были ему не нужны. КАБ1;

решительно ему были не нужны

И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как челочек со звездой на груди, разговаривающий о предметах

высоких и предметах, вызывающих на размышление; так что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более. КАБ1;

разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление

Переписчик механически после встретившегося в первом случае слова: предметах перескочил к продолжению текста после второго упоминания этого же слова, пропустив таким образом текст: высоких и предметах.

Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он купил кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных смолок, ситцев, свечей, платков ~ хватало денег. ПБЛЗ;

хомутов, курительных свечек

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже очень хорошие лошади. КАБ1;

тоже хорошие лошади

“Вот граница!” сказал Ноздрев: “всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синееет, и всё, что за лесом, все это мое”. КАБ1;
всё мое

Потом показались трубки деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные ~ выигранный, и кiset, вышитый какою-то графинею, где-то на почтовой станции ~ высочайшую точку совершенства. КАБ1;
кiset, вышитый

Потом показались трубки деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные ~ ручки, по словам его, были самой subtilной суперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. КАБ1(авт.);
самой субдительной суперфлю

Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, какое даже трудно было припомнить, да и сам хозяин в другой раз назвал его уже другим именем. КАБ1(авт.);

носивший такое имя, которое даже

Да ведь такой... с ним нельзя никак сойтись. КАБ1;

Да ведь с ним нельзя ни как сойтись

Фетюк слово обидное для мужчины, происходит от θ , буквы, почитаемой неприличною буквою. КАБ1;

почитаемой некоторыми неприличною буквою

Переписчик, не заметив, что слово некоторыми зачеркнуто автором, переписал его в следующую рукопись.

“Врешь, врешь!” сказал Ноздрев, не давши окончить ему. КАБ1;

не давши окончить

“Езуит, езуит. Голову ставлю, что врешь!” КАБ1(авт.);

Голову ставлю, что врешь

Если бы я был твоим начальником, я бы

тебя повесил на первом дереве”. КАБ1;

Ежели бы я был

Бочковатость ребр уму непостижимая,
лапа вся в комке, земли не зацепит!”

КАБ1(авт.);

земли не заденет

“Экой ты такой, право! КАБ1(авт.);

Экой ты, право, такой!

Ты посуди сам: зачем же мне приобретать
вещь, решительно для меня ненужную?”

КАБ1(авт.);

зачем же приобретать

Продай мне душ одних, если уж ты такой
человек, что дрожишь из-за этакого вздору”.

КАБ1(авт.);

дрожишь из-за этого вздору

Порфирий, ступай, поди скажи конюху,
чтобы не давал овса лошадям его, пусть их
едят одно сено”. КАБ1;

ступай, скажи конюху

После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отведя его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель: “Вот тебе твоя постель! КАБ1;

Вот тебе постель

Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле и поступил неосторожно, как ребенок, как дурак: ибо дело ~ сплетни — не хорошо, не хорошо. КАБ1(авт.);

поступил неосторожно

Первым делом его было, надевши халат и сапоги, отправиться чрез двор в конюшню, чтобы приказать Селифану сей же час закладывать бричку. КАБ1;

приказать Селифану

На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна была даже на скатерти. КАБ1;

табачная зола видна даже была на скатерти

“Изволь, так и быть, в шашки сыграю”,

сказал Чичиков. КАБ1;

“Изволь, так и быть, в шашки сыграю”.

В это же самое время вошел Порфирий и за ним Павлушка, парень дюжий, с которым иметь дело было совсем невыгодно. КАБ1 и ПБЛ4;

В это самое время вошел Порфирий и с ним Павлушка

Восстановлены: первая ошибка (пропуск частицы же) по КАБ1 (ошибка переписчика ПБЛ4); вторая (предлог за вместо с) — по КАБ1 и ПБЛ4 (ошибка переписчика РЦ).

“Экой скверной барин!” думал про себя Селифан: “Я еще никогда не видал такого барина. КАБ1;

я еще не видал

Хотя ему на часть и доставался всегда овес похуже, и Селифан ~ к товарищам, поотведать, какое у них было продовольство, особенно когда ~ были недовольны. КАБ1, ПБЛ4;

поотведать, какое у них было продоволь-

ствие

Переписчик написал общеупотребительное слово, вместо характерного в устах Селифана слова: продовольство.

Вслед за сим он принялся осаживать назад бричку, чтобы высвободиться таким образом из чужой упряжи, но не тут-то было, всё перепуталось. ПБЛ4;

он принялся отсаживать назад бричку

Между тем сидевшие в коляске дамы глядели на всё это с выражением страха в глазах и во всем лице. КАБ1 (авт.);

с выражением страха в лицах

Одна была уже старуха, другая молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. КАБ1;

Одна была старуха

“Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжного, а на коренного пусть сядет дядя Миняй!”

КАБ1;

на пристяжную, а на коренную

Во всем тексте пристяжной и коренной, так же, как и здесь, приведены в мужском роде.

Но, увидевши, что дело не шло и ~ посадили Андрюшку. КАБ1;

Но, увидевши, что дело не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку

“Славная бабенка!” КАБ1, ПБЛ4;

Славная бабешка

На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. ПБЛ3;

Миауля, Канари

Затем она уселась на диване, накрылась

своим мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью, ни носом. КАБ1(авт.);

не двигнула более ни глазом, ни бровью

Засим, подошедши к столику, где была закуска, гость и хозяин выпили, как следует, по рюмке водки, закусили, как ~ гусь, понеслась хозяйка. КАБ1;

к столу, где была закуска

“Да знаете ли, из чего всё это готовится? КАБ1;

из чего это всё готовится

“В пяти верстах!” вскрикнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное бие-ние. КАБ1(авт.);

воскрикнул Чичиков

“Я вам даже не советую и дороги знать к этой собаке!” КАБ1;

не советую дороги знать

“Ты ступай теперь в свою комнату, мы с

Павлом Ивановичем скинем фракки, маленечко приотдохнем!” КАБ1(авт.);
маленько приотдохнем

И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончившие жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи ~ механизма... КАБ1, ПБЛ4;

ревизские души, окончивши жизненное поприще

Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими. КАБ1, ПБЛ4;

не назвал души умершими

Собакевич слушал, всё по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его. КАБ1;
показалось на лице его

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя: “этот уж продает еще прежде, чем я заикнул-

ся!” КАБ1(авт.);

продает прежде

“Чорт возьми”, подумал Чичиков про себя: “этот уж продает ~ цена, хотя, впрочем, конечно, это такой предмет... что о цене даже странно...” КАБ1(авт.);

хотя впрочем это такой предмет

Последние слова он уже сказал, обратившись к висевшим по стене портретам Багратиона и Колокотрони, как обыкновенно случается ~ уйти прочь. КАБ1;

обратившись к висевшим на стене портретам

“Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!” “Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич, взявши его за руку ~ подскочить на одной ноге. КАБ1(авт.);

“Нет, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!” “Позвольте, позвольте!” сказал Собакевич, не выпуская его руки

Переписчик машинально перескочил че-

рез два абзаца на следующий, тоже начинающийся словами: Позвольте, позвольте. Из-за этого пропуска в напечатанном тексте было логически неоправданное выражение не выпуская его руки, так как в пропущенном абзаце предварительно сказано: взявши его за руку.

“Какая ж будет ваша последняя цена?”
КАБ1;

Какая ж ваша будет последняя цена

Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их ~ пощелкивал, смекнувши, что ведь они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! КАБ1(авт.);

смекнувши, что они не твои же крепостные

Пожалуйста только расписочку”. КАБ1;
Пожалуйста только расписку

“Всё, знаете, лучше расписочку. КАБ1;
лучше расписку

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу ~ ассигнациями за проданные ревижские души получил сполна. КАБ1, ПБЛ4;

за проданные души получил

Когда бричка уже была на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, поднявши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу. КАБ1(авт.);

Когда бричка была уже на конце деревни

Мужик, казалось, затруднился таким вопросом. КАБ1;

затруднился сим вопросом

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано по святой благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. КАБ1;

рассыпано на святой благочестивой Руси

Из-за хлебных кладей и ветхих избяных крыш возносились и мелькали ~ стенами, испятнанная, истрескавшаяся. КАБ1;

ветхих крыш

Словом, всё было как-то пустынно-хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда ~ опрятности. КАБ1;

Словом, всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству

С середины потолка висела люстра в холстяном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. КАБ1;

люстра в холстинном мешке

Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас ~ на щепной двор, куда ежедневно отправляются расторопные тещи ~ на потребу богатой и бедной Руси. КАБ1(авт.);

куда ежедневно отправляются

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему сытно пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. КАБ1;

сосед заезжал к нему пообедать

Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во всё входил ~ паутины. ПБЛЗ;

двигались мельницы, валильни

Плюшкин приласкал обоих внучков и, посадивши их к себе одного на правое колено, а другого на левое, покачал ~ уехала Александра Степановна. КАБ1;

приласкал обоих внуков

Должно сказать, что подобное явление редко попадает на Руси, где всё любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем разительнее бывает оно, что тут же ~ жизнь. ПБЛ4(авт.);

тем паразитальнее бывает оно

Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь”. КАБ1;

а кухня у меня низкая, прескверная

Он вытаращил глаза, долго смотрел на него и наконец спросил: “Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?” КАБ1;

Он, вытаращив глаза, долго смотрел

Ведь это вам-то самим в убыток?” ПБЛ4;

Ведь это вам самим-то в убыток

“Ах, батюшка! ах, благодетель ты мой!” вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что ~ для рассматриванья. КАБ1;

ах, благодетель мой

Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и пропала, будто ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло

заботливое выражение. КАБ1;
так же мгновенно и прошла

“Как же, с позволения вашего, чтобы не
рассердить вас, вы за всякой год беретесь пла-
тить за них, что ли? КАБ1(авт.);
платить за них подать

Если бы кто взглянул на это из окошка в
осеннее время и особенно когда по утрам на-
чинаются маленькие изморози, то бы увидел,
что ~ танцовщику. КАБ1;
взглянул из окошка

Если бы кто взглянул на это из окошка в
осеннее ~ делала такие высокие скачки, ка-
кие вряд ли удастся выделывать на театрах са-
мому бойкому танцовщику. КАБ1;
такие скачки

Эхва, дурачина! О, какой же ты дурачина!..
чего улепетываешь? Бес у тебя в ногах, что
ли, чешется?.. ЛБ1;
эхва, дурачина! Бес у тебя в ногах

И потому из предосторожности, и вместе желая несколько поиспытать его, сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и бог весть. КАБ1;

А потому

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списочка всем крестьянам. КАБ1;
совершить хоть сию же минуту

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списочка всем крестьянам. КАБ1;
списка всем крестьянам

Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькой я вам налью рюмочку”. КАБ1;
и теперь вот чистенькая, я вам налью

“Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он и не ест, а сыт; а как эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни

корми... КАБ1;
он не ест, а сыт

Ах, батюшки! как не иметь, имею!” вскрикнул он. КАБ1;
вскричал он

Уж скорее в другой какой бабьей слабости, а воровством меня еще никто не попрекал”. КАБ1;
другой какой бабьей слабостью

Ведь у меня что год, то бегут. КАБ1;
у меня что год, то бегают

“Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копейки пристегните”. КАБ1;
хоть по две копейки пристегните

Оставшись один, он даже подумал о том, как бы и чем возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие. КАБ1;
подумал о том, как бы ему

Словом, те слова, которые вдруг обдадут как варом какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чудными кудрями. КАБ1;

с гитарой и кудрями

Форменный порядок был ему совершенно известен; бойко выставил он большими буквами: тысяча восемьсот такого-то года, потом вслед за тем мелкими: я, помещик такой-то, и всё, что следует. КАБ1(авт.);

помещик такой-то

Реестр Собакевича поражал необыкновенною полнотою и обстоятельностью: ни одно из похвальных качеств мужика не было пропущено: об одном было сказано “хороший столяр”, к другому приписано было “смыслит и хмельного не берет”. КАБ1;

одно из качеств

Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю ~ вместе, бил по спине ремнем

за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец, говоря с женой или с камрадом. КАБ1;

бил ремнем по спине

На дороге ли ты отдал душу богу, или уходи тебя ~ коньков, или, может быть, и сам, лежа на полатах, думал, думал, да ни с того, ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай, как звали. КАБ1;

может и сам

Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь ~ и понуканьях, зацепляя крючком по девяти пудов ~ бесконечный флот. КАБ1(авт.);

нацепляя крючком

Сказавши это, он переменял свой шотландский костюм на европейский, стянул покрепче пряжкой свой полный живот, впрыснул себя одеколоном, взял в руки теплый картуз и с бумагами подмышкой отправился в гражданскую палату совершать купчую.

КАБ1;

и бумаги под мышку и отправился

Не успел он выйти на улицу, размышляя обо всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся с господином тоже в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами.

КАБ1;

столкнулся тоже с господином в медведях

Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами. КАБ1(авт.);

связанную розовою ленточкой

В подобных взаимных услугах они дошли наконец до площади, где находились присутственные места; большой ~ дому. КАБ1;

Во взаимных услугах они дошли

Председатель, казалось, уже был уведом-

лен Собакевичем о покупке, потому что принялся поздравлять, что сначала несколько было смешало нашего героя, особенно ~ друг к другу. КАБ1;

сначала несколько смешало нашего героя

“Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости...” ПБЛ4;

“Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости их...”

Происхождение ошибки: текст ПБЛ4 (эта часть текста КАБ1 не сохранилась): все эти крепости, приложите их. При просмотре ПБЛ4 Гоголь зачеркнул слово: приложите, а местоимение их осталось случайно незачеркнутым и перешло в следующую рукопись РЦ, а затем и в первопечатный текст.

“О, там отличные земли, не заселено только”, сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав. КАБ1;

отличные земли!

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил гостям ~ в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в сторонке на большом блюде. КАБ1;

осетра, лежавшего в стороне

Покупки Чичикова сделались предметом разговоров в городе. Пошли толки, мнения, рассуждения о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян. КАБ1(авт.);

Покупки Чичикова сделались предметом разговоров. В городе пошли толки

— “Но, Иван Григорьевич, ты упустил из виду важное дело: ты не спросил, каков еще мужик у Чичикова. КАБ1;

ты не спросил еще, каков мужик у Чичикова

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, общали даже Чичикову лично некоторые из сих советов, предлагали даже конвой для безопасного препровожденья крестьян до места жительства. КАБ1, ПБЛ4;

многие, побеждаемые участием, сообщили даже Чичикову

Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы “Ночи” и “Ключ к тайнствам природы” Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки по целым листам, и в чем состояли эти выписки и какого рода они были, это никому не было известно. КАБ1;

выписки, но какого рода

Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, и особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских. КАБ1(авт.);

а особенно наблюсти моду

В нравах своих дамы города N. были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости. КАБ1(авт.);

В нравах дамы

Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называют другое-третье, то оно происходило ~ сидела. КАБ1, ПБЛ4;

Между ими

Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить явно, что, конечно, Чичиков ~ было бы не хорошо. КАБ1(авт.);

стали говорить

Любезнейший Павел Иванович! ПБЛЗ,
КАБ1;

Любезный Павел Иванович

Ср. ниже следующее обращение тоже в превосходной степени: Почтеннейший

Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются ~ слова, и наконец стоящий ~ табаку. ПБЛЗ, КАБ1, ПБЛ4;

смеются от души те, которые, впрочем, несколько плохо услышали произнесенные им слова

В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных, бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). КАБ1(авт.);

таких бледных модных цветов

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ или какой-нибудь легонький галстучек из ленты или шарф легче пирожного, известного ~ скромностей. КАБ1;

какой-нибудь легонький галстучек из ленты легче пирожного

Всё было у них придумано и предусмотрено ~ под именем поцалуя, эфирно обнимал и обвивал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем скромностей. КАБ1;

эфирно обнимал шею

Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но ~ у многих дышали завидною свежестью и полнотою; у иных ~ сам Париж!”

КАБ1;

дышали завидною полнотою

Хотят непременно, чтобы всё было написано языком самым строгим, очищенным ~ больше ничего, как только разинуть рот да выставить его. КАБ1;

только разинуть рты да выставить его

Происхождение ошибки: переписчик ПБЛ4 вместо: рот написал: роты (ъ принял за ы); переписчик следующей рукописи (РЦ) исправил грамматическую ошибку, написал: рты. Построение всей фразы требует единственного числа.

Губернаторша произнесла ласковым и несколько даже лукавым голосом с приятным потряхиванием головы: “А, Павел Иванович, так вот как вы!..” КАБ1;

произнесла несколько ласковым и лука-

ВЫМ ГОЛОСОМ

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девицу, свеженькую блондинку, с тоненькими, стройными чертами лица, с остреньким ~ распутывать дело. ПБЛЗ, КАБ1; шестнадцатилетнюю девушку, свеженькую блондинку с тоненькими и стройными чертами

Увидевши возле них пустой стул, он тот же час его занял. КАБ1; он тотчас его занял

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее было на краю гибели после наглого завладения стулом. КАБ1; даже согласие

Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже некоторое согласие, бывшее бы-

ло на краю гибели после наглого завладения стулом. КАБ1;

по случаю завладения стулом

Минуты на две настала какая-то непонятная тишина, Чичиков заметил, что многие дамы перемигнулись между собою с какою-то злобною, едкою усмешкою, и в выражении некоторых лиц показалось что-то такое двусмысленное, которое еще более увеличило это смущение. КАБ1;

Чичиков заметил

Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что уже было ни на что не похоже, по выражению дам. КАБ1;

что было уже

Даже не дождался он окончания ужина и уехал к себе несравненно раньше, чем имел обыкновение уезжать. КАБ1;

несравненно ранее

Иной даже, стоя в паре, переговаривается с другим об важном деле, а ногами в то же са-

мое время, как козленок, вензеля направо и
налево... ПБЛ4(авт.);

переговаривает с другим

Коляска остановилась перед деревянным
же одноэтажным домом темносерого цвета, с
белыми деревянными барельефчиками над
окнами, с высокою ~ пыли. КАБ1(авт.);

с белыми барельефчиками

Едва только во всех отношениях приятная
дама узнала о приезде просто приятной дамы,
как уже выбежала в переднюю. КАБ1;

вбежала в переднюю

Сестре ее прислали материйку: это такое
очарованье, которого, просто, нельзя выра-
зить ~ и лапки... КАБ1;

Сестре я прислала материйку

Она бы готова была исколоть за это игол-
ками глупый язык свой. КАБ1;

готова была исколоть за это иголками глу-
пый язык

Ведь вы не знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам?” КАБ1, ПБЛ4;

Ведь вы знаете

“Ну, а как вы думаете?” КАБ1;

Ну, как вы думаете

Я, признаюсь, совершенно потрясена”.
КАБ1(авт.);

Я, признаюсь, совершенно потеряна

Так русский барин, собачей и нора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, обращается весь с своим конем ~ поднесут огонь. КАБ1;

превращается весь

Вы знаете: он родного отца готов продать или, еще лучше, проиграть в карты”.
КАБ1(авт.);

он родного отца хотел продать

Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается,

вскакивает, глядит как дурак, выпучив глаза во все стороны, и не может понять, где он, что он, что с ним было, и потом уже ~ гусар. КАБ1; где он

Всё у них скоро приняло самый определительный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картинка. КАБ1;

Приняло живой, определенный вид

Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков ~ на похищение. КАБ1;

губернатор даже бы отдал за него дочку

Дело ходило по судам и поступило наконец в палату, где было рассужено сначала наедине в таком смысле: так как неизвестно, кто ~ апоплексического удара. КАБ1;

сначала наедине рассужено

Дело, казалось бы, обделано было кругло,

но чиновники, однако ж, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело. КАБ1;

чиновники неизвестно почему стали думать

Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь к Чичикову, однако ж все, как поразмыслили ~ ведь всё это как-то темно, и когда ~ что-нибудь такое... КАБ1;

всё это как-то неясно

Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал ~ с зажмуренными глазами. КАБ1;

всегда готов он ручаться

Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда он готов ручаться, как ~ несколько мыслей насчет дружбы и симпатии уже с зажмуренными глазами. КАБ1;

насчет дружбы

Конечно, нашлись, как и везде бывает, кое-кто неробкого десятка, которые не потеряли присутствия духа, но их было весьма немно-го: почтмейстер один только. КАБ1;
не теряли присутствия духа

На это обыкновенно замечали другие чиновники: “Хорошо тебе, шпрехен зи дейч Иван Андрейч; у тебя ~ надуешь, заперши присутствие получасом раньше, да возьмешь ~ святой. КАБ1;
заперши присутствие часом раньше

Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно слово: “А кто?” КАБ1;
заставил вскрикнуть всех в одно время

Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков ~ с англичанином. КАБ1;
было наконец одно

Вместо вопросов: “Почем, батюшка, прода-

ли мерку овса? КАБ1;
продали меру овса

Многие из чиновников и благородного дворянства ~ особенное значение; многие открыли даже в нем апокалипсические цифры. КАБ1;

многие даже открыли в нем

Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в то время рассудка подумать, что на щепке ~ за щепку. КАБ1;

в это время

Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти других хороших. КАБ1(авт.);

мимо девяти хороших

Он дивился этому немало и пожимал только плечами, ходя по комнате. КАБ1(авт.);

Он пожимал только плечами

Не откладывая, принялся он немедленно

за туалет, отпер ~ произнес: “Эк его какие по-
шли писать леса!” КАБ1;

эк какие пошли

“Эге! уж коли тебя бары гоняют с крыльца,
так ты, видно, так себе, что ни попало, шуше-
ра какой-нибудь!” КАБ1(авт.);

ты, видно, так себе, шушера какой-нибудь

“Непонятно!” подумал про себя Чичиков и
отправился тут же к председателю палаты, но
~ двух слов и наговорил ему такую дрянь,
что даже им обоим сделалось совестно.
КАБ1(авт.);

наговорил такую дрянь

Уходя от него, как ни старался Чичиков
изъяснить дорогою и добратся, что такое ра-
зумел председатель и насчет чего могли от-
носиться слова его, ничего не мог понять.
КАБ1(авт.);

могли относиться слова, но ничего не мог
понять

Поздно уже, почти в сумерки, возвратился

он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел себе подать чаю. КАБ1(авт.);
велел подать себе чаю

“Они, черт знает, с ума сошли со страху: нарядили тебя и зря в разбойники и в шпионы... [В основном тексте ошибочно напечатано вместо и в разбойники: и зря в разбойники.] КАБ1;
нарядили тебя в разбойники

Так и быть: поддержку венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать займы три тысячи. КАБ1;
дать три тысячи займы

Он постарался сбыть поскорее с рук Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана ~ и прочее и прочее. КАБ1;
сбыть поскорее Ноздрева

Барин тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже

порядочною пылью, и принялся укладывать ~ колодки, календарь... КАБ1;

покрывшийся уже порядочно пылью

Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он с лестницы, отпечатывая своими толстыми сапогами мокрые следы по сходившим вниз избитым ступеням, и долго почесывал у себя рукою в затылке. КАБ1;

отпечатывая своими мокрыми сапогами следы

Ничего, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. ПБЛ4;

Ничто однако же

“Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, что просто не приведи бог, только помеха”. КАБ1;

он такой конь, просто не приведи бог

Смазанное чернилами слово что переписчик счел за зачеркнутое.

Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены ~ застоялась в городе и так, может быть, даже надоела читателю, наконец выехала из ворот гостиницы. ПБЛ4;

может быть, надоела читателю

Бричка между тем поворачивала в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. ПБЛ3, КАБ1;

Бричка между тем поворотила

Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека ~ темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами ~ небеса. КАБ1(авт.);

опутанные виноградными сучьями, плющами

Переписчик, видимо, машинально написал после сучьями тоже во множественном числе — плющами.

Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? КАБ1;

несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмешься к углу! КАБ1;

тесней и уютней прижмемся к углу!

Ср. ниже: и уже храпишь, прижавши к углу своего соседа.

“Полегче! легче!” слышишь голос; телега спускается с кручи: внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед ~ аппетит в желудке... КАБ1; слышится голос

Сначала он не чувствовал ничего и погля-

дывал только изредка назад, желая уверить-
ся, точно ли выехал из города; но ~ когда-ни-
будь давно, в детстве. КАБ1;

и поглядывал только назад

Сначала он не чувствовал ничего и погля-
дывал только изредка назад, желая уверить-
ся, точно ли выехал из города; но ~ в его памя-
ти, как будто проезжал он его когда-нибудь
давно, в детстве. КАБ1;

проезжал он его давно

Потому что пора наконец дать отдых бед-
ному добродетельному человеку; потому что
праздно возвращается на устах слово: доброе-
дельный человек; потому что обратили в ра-
бочую лошадь добродетельного человека, и
нет ~ не уважают добродетельного человека.
КАБ1(авт.);

обратили в лошадь

Потому что пора наконец дать отдых бед-
ному добродетельному человеку; потому что
~ на нем, понукая и кнутом и всем, чем попа-
ло; потому что ~ не уважают добродетельного

человека. КАБ1;

понукая и кнутом и всем, чем ни попало

Ошибка переписчика ПБЛ4, видимо машинально добавившего обычное в таких выражениях ни.

Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что ~ и тени добродетели, и остались только ребра да кожа ~ добродетельного человека. КАБ1(авт.), ПБЛ3;

а остались

Достаточно было тому, который уже попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелинуться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под гнев. ПБЛ1;

который попал на замечание

Достаточно было тому, который уже попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелинуться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, что-

бы подпасть вдруг под гнев. ПБЛ1;
только пошевелиться

Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть ~ даже предался дикому, искаженному веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту, но даже тени не было в нем ничего такого. ПБЛ1;
предался дикому веселью

Однако же, встречаясь с ним, он всякой раз ласково жал ему руку и приглашал к себе на чай, так что старый повытчик, несмотря на вечную неподвижность ~ под нос: “Надул, надул, чортов сын!” ПБЛ1;
приглашал его на чай

С этих пор всё пошло легче и успешнее. ПБЛ1;

С этих пор пошло легче и успешнее

“Да чего вы так горячитесь”, отвечают ему: “оно так и выйдет: писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет по начальству”. ПБЛ1, ПБЛ4;

остальное пойдет к начальству

И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя ~ наружность, он, не изменяясь ни мало ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал ~ привстать?” ПБЛ1; не изменяясь ни в лице

“Позвольте, вот я ножичком немного распорю подкладку вашей шинели”, и говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука. ПБЛ1, ПБЛ4;

вот я ножичком немного распорю

Действия начались блистательно: читатель, без всякого сомнения, слышал так часто повторяемую историю ~ на миллион брабантских кружев. ПБЛ1;

без сомнения

Не участвуй он сам в сем предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела. ПБЛ1;

Не участвуй он сам в этом предприятии

Надобно отдать справедливость неодолимой силе его характера. ПБЛ1;

отдать справедливость непреодолимой силе

Он рассуждал, и в рассужденьях его видна была некоторая сторона справедливости: “Почему ж я? ПБЛ1;

Он рассуждал и в рассуждении его

И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покосся только одним глазом ~ к нему поближе: масло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли ~ ничего. ПБЛ4;

мыло ли стоит, свечи ли, сало

По этой-то причине понадобилось наконец заложить последнее остававшееся имение. ПБЛ1;

последнее оставшееся имение

А главное, то хорошо, что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит. ПБЛ1 (авт.);

покажется всем невероятным

С нашей стороны, если, уж точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого течения и объема дела. ПБЛ1;

если точно падет

Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, все вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. ПБЛ1;

все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку

А главное дело вот в чем: “Помилуй, ба-
тюшка барин, Кифа Мокиевич”, говорила от-
цу и своя и чужая дворня: “что это у тебя за
Мокий Кифович? ПБЛ1;

что у тебя за Мокий Кифович?

КОММЕНТАРИИ

I

Печатается по первому изданию поэмы 1842 г., с поправками по всем рукописям.

“Повесть о капитане Копейкине”. Запрещенный цензурой текст (четыре листа, вырезанные из рукописи РЦ). Копия с поправками Гоголя. Главное архивное управление в Москве.

Отрывки. Из бумаг А. А. Иванова. Черновые наброски к главам II, V, VI VIII–XI и неполный текст гл. VIII. Автографы. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

Отрывки. Черновые наброски к главам VII–VIII, IX, размышления о героях “Мертвых душ”, заметки к 1-й части. Автографы. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Отрывок. Черновой набросок к главе VIII.

Автограф. Областной архив в г. Горьком.

Отрывок. Черновой набросок к главе IX. Автограф. Библиотека Академии наук УССР в Киеве (среди рукописей “Тараса Бульбы”).

II

Работа над “Мертвыми душами” была начата осенью 1835 г. Рукописи первоначальной стадии работы не сохранились. Хронологически наиболее ранняя из дошедших до нас рукописей (ЛБ1) находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (из собрания А. А. Иванова; шифр 10-го издания: [Томы I–V десятого издания, под редакцией Н. С. Тихонравова, вышли в 1889 г., а томы VI и VII, под редакцией В. И. Шенрока, в 1896 г.] ИМ). Она содержит часть поэмы от половины второй главы по шестую. После текста шестой главы написан карандашом заголовок: “Глава 7”. Это тетрадь формата почтовой бумаги, без переплета, в сероватой обложке. Первые семнадцать листов вырваны и текст начинается со слов: “... крепко головою в кузов”. Всего в рукописи 130 страниц. Она относится к 1836–1839 гг. В “Воспоминаниях” Анненкова

имеется указание, что осенью 1839 г. Гоголь читал в Петербурге первые четыре главы по “тетради почтовой бумаги в осьмушку, мелко-на-мелко исписанную”. [П. В. Анненков, “Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года” (последнее издание в книге: П. В. Анненков, “Литературные воспоминания”. Л., 1928, стр. 28).] Очевидно эту рукопись он и имел в виду. Затем весной 1840 г. автор читал “Мертвые души” в Москве. По свидетельству С. Т. Аксакова, Гоголь прочитал в этот раз уже и пятую и шестую главы. [С. Т. Аксаков, “История моего знакомства с Гоголем”, М., 1890, стр. 34.] Именно шестой главой заканчивается рукопись Ивановского собрания. В ней не сохранились ни первая глава, ни начало второй, нет последних пяти глав. Но можно предположить, что к началу работы над следующей рукописью были написаны еще какие-то не дошедшие до нас главы. Подтверждается это двумя соображениями. Первое: большая часть следующей рукописи является копией с предшествующей, т. е. копией с Ивановской рукописи, причем в эту копию вошел текст не только сохранившегося автографа, но и других

глав поэмы. Второе: среди отрывков, находящихся в том же собрании, имеется восьмая глава (неполная), написанная на такой же бумаге того же формата, как и ЛБ1, и разрозненные листы, часть которых имеет пагинацию, связанную с пагинацией тетради.

Эта рукопись дает текст первой известной нам редакции “Мертвых душ”; она печатается полностью, вместе с восьмой главой, в разделе “Другие редакции”. Воспроизводится последний слой рукописи, а первоначальный слой — в вариантах под строкой.

Дальнейшая работа Гоголя над “Мертвыми душами” протекала значительно интенсивнее. Непосредственно вслед за окончанием первой сохранившейся редакции (ЛБ1) поэма стала переписываться начисто переписчиками. Создалась следующая по времени рукопись ПБЛЗ (шифр 10-го изд.:ИБ), хранящаяся в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукопись размером в четверть листа в переплете с кожаным красноватым корешком. На

нем тиснение золотом: “Н. В. Гоголь. Мертвые души. т. 1”; марка библиотеки: И. Б. На обороте переплета шифр: XV Q 46. Всего в рукописи нумерованных 154 листа, в действительности же листов 16б, так как двенадцать листов занумерованы дважды одной цифрой (вторая с литерой). Книга открывается двумя вшитыми листами (автографами), относящимися к первой главе; 1-й лист начинается: “Между тем, как приезжий господин осматривал...”, 2-й лист: “Вошедши, Чичиков зажмурил глаза...” Основной текст рукописи обозначен по первоначальной пагинации л. 13, следовательно, первые двенадцать листов начала поэмы в этой рукописи не сохранились. Первые слова ее: “<весе>лыми разговорами расположил к себе почти всех”. Дальше текст сохранился до конца, лишь с несколькими пропусками. Окончание рукописи, начиная с л. 106, — автограф. В рукопись вшиты в разных местах листы с отдельными набросками (тоже автографы).

Текст ПБЛЗ, соответствующий шести первым главам поэмы, является в основном ко-

пией ЛБ1. Следует, однако, учесть, что между этими двумя рукописями встречаются разночтения; иногда они незначительны и их можно объяснить обычными ошибками переписчика; иногда же разночтения существенные и дают основание предположить, что ПБЛЗ переписывалась в какой-то мере при участии автора, в процессе создания копии изменявшего текст (быть может, он частично диктовал, а возможно, делал предварительные наброски на отдельных листках, впоследствии утраченных). Общий объем разночтений настолько невелик, что ставить вопрос о существовании полной промежуточной рукописи едва ли имеется основание. Рукопись ПБЛЗ начата в 1840 г., закончена в начале 1841 г. Она является почти полной редакцией “Мертвых душ”. Гоголь подверг всю рукопись серьезнейшей правке. Во время этой работы он писал: “Я здоров, чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками”. “Я теперь приготавливаю к совершенной очистке первый том “Мертвых душ”. Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без

моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет”. [Письма М. П. Погодину и С. Т. Аксакову от 28 декабря 1840 г.]

Творческая работа отразилась на всем тексте; рукопись испещрена “большим количеством собственноручных исправлений, записей на полях, переработками на отдельных листах, подшитых к этой книге. На протяжении всей рукописи появился второй слой текста — новая редакция поэмы.

Наиболее значительной переделке подверглась вторая глава: расширено описание комнат Манилова, введен новый текст об отношениях Манилова с женой; краткий диалог Чичикова с Маниловым о покупке мертвых душ переработан, и, наконец, более по-

дробно описано впечатление, которое произвела на Манилова необычная просьба Чичикова. В главе пятой окончание сильно изменено и дополнено размышлениями автора о том, что “русский народ мастер метко выражаться” и “нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так сметливо бы вырывалось и вместе так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово”. Совершенно заново написано начало шестой главы. Первые страницы текста этой главы утрачены. Сохранившаяся часть начинается с описания усадьбы Плюшкина. Вся глава подверглась большой правке, особенно в местах, посвященных описанию внешности Плюшкина и его комнаты. Для контраста со скупостью Плюшкина введен образ помещика, который “веселится во всю ширину русской удали и барства”. Этот последний отрывок несколько раз” перерабатывался Гоголем на отдельном листе (вшит в ПБЛЗ).

Главы седьмая, девятая — одиннадцатая появляются в ПБЛЗ впервые. Начало седьмой главы характеризуется большим количе-

ством исправлении; текст восьмой главы сильно отличается от первоначального текста сохранившейся части этой главы, примыкавшего, очевидно, к ЛБ1. Промежуточный вариант, по-видимому, утрачен, и установить последовательность правки не представляется возможным; однако видно, что некоторые выражения первоначального текста полностью перешли в ПБЛЗ. Много работал Гоголь над описанием бала у губернатора; отдельные места этого текста переделывались несколько раз. Глава девятая вся подверглась чрезвычайно большим исправлениям; кроме вписанного между строк нового текста, в рукописи есть записи на полях, наброски на отдельных листах. Написано новое начало десятой главы; этот автограф заменил не сохранившиеся листы с предыдущим текстом. Довольно много исправлений внесено в “Повесть о капитане Копейкине”; в конце десятой главы на отдельном, вклеенном в тетрадь, листе рукой Гоголя написан несколько измененный текст окончания этой главы, но предыдущий остался незачеркнутым. Приводим его в вариантах под строкой.

В последней, одиннадцатой, главе большое внимание уделил Гоголь лирическому обращению к Руси: “Русь! Моя пустынно раздольная родная Русь... Что слышится мне в тоскливой твоей песне, несущейся по тебе от моря до моря. Что слышится в ней и зовет и хватает меня за сердце, какие лобзающие звуки несутся мне в душу и вьются около моего сердца... Чего ты хочешь от меня, какая непостижимая связь, что глядишь ты мне в очи, и всё, что ни есть в тебе, вперило на меня очи”. Этот отрывок, кроме исправленного вписанного между строк текста, сохранился в автографе на отдельном листе, вклеенном в ПБЛЗ. Много исправлений внесено в первоначальную историю Чичикова, а также в текст объяснений автора с читателями о том, почему “не избрал он в герои совершенного и добродетельного человека”.

Текст ПБЛЗ печатается полностью. Под строкой приведены зачеркнутые места, т. е. первый слой, являющийся в основном копией ЛБ1, и все авторские исправления, сделан-

ные в процессе работы над ПБЛЗ и тогда же отвергнутые.

Зачеркнутый первоначальный слой (необходимый в данном случае для восстановления всего творческого процесса) печатается без особого обозначения. Чтобы не дублировать в подстрочных вариантах больших отрывков первого слоя, совпадающих с публикуемой в этом же томе рукописью ЛБ1, вместо полного текста этих отрывков приводятся только их начальные и последние слова со ссылкой на соответствующие страницы. Исправления, сделанные в процессе создания ПБЛЗ, приводятся с литерой а; если же к одному месту имеется несколько вариантов, то последовательно с литерами: а, б, в и т. д.

Переработанная рукопись, по мысли автора представлявшая законченный текст произведения, потребовала переписки набело, и в марте 1841 г. стала создаваться следующая рукопись КАБ1 (шифр 10-го изд.: НР), законченная в августе того же года (даты указаны в воспоминаниях Анненкова).

Эта рукопись находится в Библиотеке Украинской Академии наук в Киеве (до 1934 г. принадлежала Нежинскому историко-филологическому институту). Она представляет собою тетрадь в синем кожаном переплете с золотым тиснением: “Рукопись Гоголя. Мертвые души. 1”. На форзаце круглая печать Гоголевского музея при Историко-филологическом институте кн. Безбородко и печать Библиотеки Историко-филологического института кн. Безбородко. В правом верхнем углу наклеен ярлык: “Библиотека И.-Ф. института кн. Безбородко. Рукописн. отд. 59”.

Первые три листа чистые и нумерованные, но один из них в общий счет страниц вошел. С четвертого начинается первая глава “Мертвых душ” (заглавия нет; начало рукописи: “Глава 1”). Всего в рукописи 406 страниц (занумеровано 383). Первые 154 написаны рукою В. А. Панова, следующие рукою П. В. Анненкова. Стр. 197–202, нумер. стр. после 300 и стр. 359–383 — автограф. Несколько стр. рукою неизвестного. В нескольких случаях вши-

ты листы с переработанным текстом. Рукопись содержит полный текст поэмы, не хватает лишь нескольких страниц. В конце подшиты 16 листов разного формата. Это разрозненные черновики, появившиеся в результате переделки отдельных мест.

Третья по счету рукопись “Мертвых душ” в первоначальном своем виде является уже не механической копией предыдущей, а новой редакцией произведения: переписчик писал под диктовку Гоголя, значительно изменявшего текст в процессе этой работы. Сначала Гоголь диктовал Панову. Вскоре Панова сменил приехавший в Рим Анненков, который продолжал писать под диктовку автора. Анненков вспоминает: “<Ежедневно после завтрака> отправлялись мы в разные стороны до условного часа, когда положено было сходиться домой для переписки поэмы. Тогда Гоголь крепче притворял внутренние ставни окон от неотразимого южного солнца, я садился за круглый стол, а Николай Васильевич, разложив перед собой тетрадку на том же столе подалее, весь уходил в нее и начи-

нал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома “Мертвых душ” приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменен.... Случалось, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте”. Далее Анненков вспоминает, как он при некоторых сценах раздражался хохотом. Гоголь обычно останавливал его, хотя иногда и сам не выдерживал и вторил Анненкову “сдержанным полусмехом”. “Когда по окончании повести <о капитане Копейкине> я отдался неудержимому порыву весело-

сти, — пишет Анненков, — Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?”... Еще гораздо сильнее выразилось чувство авторского самодовольствия в главе, где описывается сад Плюшкина. Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной VI главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: “Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью”. Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: “Поверьте, что и другие не хуже ее””. [П. В. Анненков, “Литературные воспоминания”, стр. 80–82.]

Прямые указания о переписке под диктовку имеются только со стороны Анненкова.

Есть данные утверждать, что и Панову Гоголь диктовал (смысловые расхождения между ПБЛЗ и КАБ1 убеждают в этом), но в то же время следует заметить, что часть текста Панов переписывал механически с ПБЛЗ; доказательством служит то обстоятельство, что в нескольких местах Панов, не разбирая текста, оставлял пробелы. Большая часть текста КАБ1 создана под диктовку, и таким образом прямого перехода из ПБЛЗ в КАБ1, т. е. такого перехода, при котором первый слой новой рукописи соответствует последнему слою предыдущей, — нет. Создалась следующая редакция “Мертвых душ” в процессе диктовки ее Панову и Анненкову.

На протяжении всей творческой работы над “Мертвыми душами”, отразившейся в рукописях, внимание автора было сосредоточено главным образом на зарисовках дополнительных эпизодов и характеристик, а также на стилистической отделке. Особенно существенны были эти дополнения в рукописи КАБ1, не механически переписывавшейся, а создававшейся при участии автора. В этой ру-

кописи впервые появляется начало первой главы, которого нет ни в ЛБ1, ни в ПБЛЗ и ранний текст которого неизвестен. В КАБ1 впервые встречаем характеристики Петрушки и Селифана, приказчика Манилова, родственницы Собакевича, отступление о воспитании во II главе, “размышления” Чичикова в главе V, картину сада Плюшкина и т. п. Появляются размышления Чичикова о Собакевиче в то время, пока Собакевич составлял список проданных душ (в ПБЛЗ в соответствующем месте Гоголем проставлен знак, отсылавший, по-видимому, к утраченной вставке на отдельном листе). Впервые в КАБ1 находим начало шестой главы, утраченное в двух предыдущих рукописях. Значительно отличается от текста ПБЛЗ описание комнаты Плюшкина; введен новый текст — сравнение рабочего двора Плюшкина с видом торгового двора в Москве от Плющихи до Смоленского рынка. Много разночтений с ПБЛЗ в описании бала у губернатора, в начале “Повести о капитане Копейкине”, в описании состояния Чичикова, не подозревавшего о толках в городе, и в эпизоде, рассказывающем о приходе

Ноздрева к Чичикову. Лирическое отступление в главе одиннадцатой, обращение автора к Руси, дважды переделывавшееся в предыдущей рукописи, вновь расширено и стилистически отделано при диктовке. Рассуждение автора о причинах выбора в герои несовершенного и недобродетельного человека Гоголь опять сильно изменил. Много исправлений, главным образом стилистических, внесено в описание детства Чичикова.

Творческая работа Гоголя не закончилась на обработке рукописи ПБЛЗ, она продолжалась и при диктовке КАБ1 и позднее. Множеством различных поправок, дополнительных мелких, а иногда и больших вставок изменил и дополнил Гоголь продиктованную редакцию поэмы. Перерабатывались преимущественно последние главы. В седьмой главе переделано начало, расширен эпизод встречи Чичикова с Маниловым в городе; в восьмой главе введена дополнительная характеристика городских дам. Много исправлений сделано в главе девятой: в характеристиках дамы приятной во всех отношениях и просто при-

ятной дамы, а также в их диалоге. Этот текст неоднократно переделывался Гоголем и в самой рукописи и на отдельных листах, один из которых находится среди рукописей “Тараса Бульбы”. Отдельные места, относящиеся к выросшим в городе толкам о Чичикове, Гоголь переделывал несколько раз, стараясь ярче показать, как “всё повырастало и показалось в увеличительном виде”.

Совершенно переработаны в конце десятой главы размышления автора о заблуждениях в жизни и в истории. Всё это место в КАБ1 зачеркнуто и вписан новый текст, вошедший в окончательную редакцию. Много переделок в первоначальной истории героя (глава одиннадцатая). К этой части относится сохранившийся в бумагах Н. В. Гербеля фрагмент-рассказ о детстве и жизни Чичикова, — поступивший в Публичную библиотеку в Ленинграде (шифр: ПБЛ1). В ней восемнадцать сшитых писчих листов без водяных знаков; заполнены только первые пятнадцать. По инвентарю поступлений рукописей 1902 г. № 127. Начало рукописи: “Темно и скромно

происхождение...” Конец: “... Но мы стали говорить довольно громко”.

Эта рукопись заполняет пробел между КАБ1 и следующей рукописью (ПБЛ4). Но всё же прямого перехода из ПБЛ1 в следующую рукопись нет. Можно предположить, что по окончании работы над КАБ1 биография Чичикова переделывалась, но черновые рукописи этого этапа работы не сохранились, и имеется лишь начисто переписанный автором текст ПБЛ1. Разночтения между этой рукописью и окончательным текстом введены в “Варианты”, а соответствующий текст КАБ1 приведен в вариантах не к окончательному тексту, а к предыдущему, т. е. к ПБЛ3.

Над этой главой Гоголь думал и много лет спустя. 16 мая 1849 г. он писал одесскому книгоиздателю В. И. Белому в ответ на его замечания о “Мертвых душах”: “О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая наперетъ особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании”. [О. А. Назаревський, “З епістолярно спадщини Гоголя”. Радянське

Рукопись КАБ1 была приведена в такой вид, что пришлось заново переписывать ее. Появилась следующая рукопись, обозначенная нами ПБЛ4 (шифр 10-го изд.: ДП). Начало ее относится к октябрю 1841 г., окончание — к началу 1842 г.

ПБЛ4 хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это — книга размера f°, в желтом переплете с кожаным корешком и золотым тиснением на нем: “Н. В. Гоголь. Мертвые души. Из Древлехранилища Погодина”. В верхнем правом углу двусторонняя пагинация карандашом, а также имеется архивная пагинация внизу (не сквозная, а с обозначениями карандашом через каждые десять листов и чернилами через пятьдесят листов). Между стр. 200–201, 248–249 и 268—269 вшиты добавленные к рукописи листы, первые два — автографы. В этой рукописи имеется полностью весь текст поэмы. Рукопись переписана двумя писцами. Почти на каждой странице имеется авторская правка,

но ее значительно меньше, чем в КАБ1. Начиная с главы седьмой, количество исправлений резко увеличивается, причем в некоторых местах появляются два слоя: набросок (иногда не законченный) карандашом и вариант, твердо вписанный чернилами. По большей части карандашные наброски в следующую рукопись не вошли. Наиболее значительные исправления коснулись начала и конца седьмой главы, середины и конца восьмой, начала и середины девятой, “Повести о капитане Копейкине” и отдельных мест одиннадцатой главы.

Кем переписана эта рукопись, неизвестно. С. Т. Аксаков рекомендовал своего знакомого, бывшего воспитанника Межевого института. [С Т. Аксаков, “История моего знакомства с Гоголем”, стр. 52–53] но Гоголь поручил работу, по-видимому, недостаточно грамотным и неопытным переписчикам, которые плохо разобрались в трудной рукописи КАБ1 и при копировании ее допустили большое количество искажений, пропусков, перестановок слов. Некоторые из них автор замечал и ис-

правлял, а в тех случаях, когда переписчик, не разобрав, оставлял место, он вписывал текст, иногда уже в измененной редакции. Но в то же время, не корректируя, а творчески просматривая рукопись и останавливаясь только на тех местах, которые его, как автора, занимали, он часто не видел этих искажений. Качество текста “Мертвых душ”, созданного в КАБ1, в некоторых своих частях снизилось в ПБЛ4 из-за ошибок переписчика, а в тех частях, которые не подверглись большой авторской переработке, эти ошибки вошли в печатный текст.

Вслед за ПБЛ4 Гоголь заказал переписку нового экземпляра, предназначенного для цензуры (РЦ). Законченная для печати рукопись была передана в Московский цензурный комитет. Заседание комитета состоялось 12 декабря 1841 г. Комитет постановил передать “Мертвые души” цензору И. М. Снегиреву. Цензор сначала нашел произведение “совершенно благонамеренным” и потребовал только самых незначительных изменений, но, смущенный кем-то, не решился самостоя-

тельно разрешить к печати и передал рукопись на рассмотрение цензурного комитета. О мытарствах в комитете подробно рассказывает Гоголь в письме к П. А. Плетневу. “Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название “Мертвые души”, — закричал голосом древнего римлянина: “Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья”” [Письмо П. А. Плетневу от 7 января 1842 г. Следующие цитаты из этого же письма.] Разъяснение, что речь идет о ревизских душах, не успокоило цензоров. “Это значит против крепостного права”, — заявляли они. Возражение, что поэма — “ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных”, тоже не помогло: “цензоры-азиатцы” боялись, что пример Чичикова может других толкнуть на уголовное преступление. “Цензоры-европейцы” тоже восставали. “Цена два с полтиною, которую Чичиков дает за душу, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого. Хотя, конечно, эта цена дается толь-

ко за одно имя, написанное на бумаге, но всё же это имя душа, душа человеческая; она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не приедет”. Кончилось тем, что рукопись объявили запрещенною, хотя комитет “прочел три или четыре места”.

Узнав об этом. Гоголь взял рукопись из Московского цензурного комитета и через В. Г. Белинского послал ее князю В. Ф. Одоевскому с просьбой хлопотать о ней в Петербурге. В середине февраля он получил от Плетнева первое известие о благоприятном повороте дела в цензуре. 9 марта 1842 г. цензор А. В. Никитенко сделал разрешительную надпись. Кроме отдельных искажений текста, цензура изменила заглавие “Мертвые души” на “Похождение Чичикова или Мертвые души”, а главное, вовсе запретила “Повесть о капитане Копейкине”. Сам Никитенко писал Гоголю 1 апреля: “Сочинение это, как видите, прошло цензуру благополучно; путь ее узок и тесен и потому неудивительно, что на нем осталось

несколько царапин и его нежная и роскошная кожа кой-где поистерлась... Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить его от его гибели”. [“Русская старина”, 1889, № 8, стр. 384–385.] 5 апреля Гоголь получил рукопись из цензуры. Запрещение “Повести” он пережил очень тяжело. Этот эпизод “для меня очень нужный, более даже, нежели думают они”, — жаловался Гоголь Н. Я. Прокоповичу. [Письмо от 9 апреля 1842 г.] Он решил отстоять “Повесть” и переделал ее так, что “никакая цензура не может придраться: генералов и всё выбросил”. [Из того же письма.] Посылая новый вариант, Гоголь 10 апреля написал лично Никитенко, убеждая его разрешить “Повесть о капитане Копейкине” в переделанном виде. Разрешение было получено.

Листы с запрещенной “Повестью” были вырваны из рукописи и вместо них вшиты другие с новым вариантом. Никитенко подписал эти листы, после чего рукопись поступила в набор. Ныне она хранится в Научной библиотеке Московского государственного

университета. Рукопись в переплете с кожаным корешком, на котором вытиснено: “Тоголя Мертвые души”. Форзац чистый. На первой странице — рукой Гоголя: “Мертвые души. Поэма Н. Гоголя”. Внизу его же рукой: “Печатать на моей бумаге, 2400. Деньги сто рублей в задаток положил. Н. Гоголь”. На этой же странице пометки канцелярии цензурного комитета: “№ 109. 3 марта 1842 г., по жур. п. № 101”. Над заглавием Никитенко вставил красными чернилами добавление, искажившее заглавие поэмы: “Похождения Чичикова или”. На обороте этого листа печать и разрешительная надпись цензора. Рядом с его печатью поставленная позднее печать Московского университета. Шифр МГУ в конце книги: 1 R/y 399B. Подпись Никитенко имеется на каждом листе. Рукопись написана двумя переписчиками. Все цензурные пометки сделаны красными чернилами. [Неполная сводка их дана в статье О. М. Бодянского, напечатанной в “Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете”, 1866, кн. 3. Отдел: Смесь, стр. 240—246, и в томе VII 10-го издания

Собрания сочинений Гоголя.] С конца страницы 311 зачеркнут запрещенный цензурой текст, относящийся к “Повести о капитане Копейкине”. оборот этого листа тоже зачеркнут и заклеен бумагой (впоследствии почти полностью отклеенной). Следующие четыре листа с текстом “Повести” были вырезаны и сравнительно недавно обнаружены в Красноярске. Весь текст “Повести” Гоголь исправил карандашом, дав на тех же листах новую, смягченную для цензуры редакцию “Повести о капитане Копейкине”. Новый текст был на чисто переписан на четырех листах другого формата, вшитых затем в РЦ взамен вырезанных. Доцензурная редакция “Повести” опубликована в третьем томе десятого издания Сочинений Гоголя по копии, так как местонахождение подлинника не было известно. Расхождения с текстом найденного теперь подлинника незначительны.

Цензурная рукопись является механической копией предыдущей, но искажений текста, вызванных ошибками переписчиков, в ней значительно меньше, чем в ПБЛ4. К тому

же, особенности цензурной рукописи позволяют выставить предположение, что некоторые части ее, преимущественно во второй половине, если не диктовались, то переписывались под наблюдением автора. Так, например, некоторые поправки ПБЛ4 (большей частью карандашные) не перенесены в РЦ. Ряд смысловых отличий между ПБЛ4 и РЦ тоже может свидетельствовать об авторском вмешательстве во время переписки.

С цензурного экземпляра “Мертвые души” были набраны. Корректуры держал сам автор. Они не сохранились, но разночтения с последней (цензурной) рукописью свидетельствуют, что в процессе печатания творческая работа не прекращалась. Это подтверждает и С. Т. Аксаков, вспоминая день 1 мая 1842 г.: “Гоголь у нас обедал, после обеда часа два сидел у меня в кабинете и занимался поправкою корректур, в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз”. [С. Т. Аксаков, “История моего знакомства с Гоголем”, стр. 61.]

Издание проходило без задержек. В то время как книга набиралась, Гоголь сам рисовал обложку для нее, — с этой обложкой она и вышла из печати 21 мая 1842 г.

Отличия второго прижизненного издания “Мертвых душ” (1845 г.) от первого незначительны: они введены в варианты с следующим обозначением: текст МД1; МД2 — текст. Предисловие Гоголя ко второму изданию печатаем вслед за текстом других редакций. Оно перепечатывается со второго издания “Мертвых душ”; местонахождение автографа неизвестно.

Кроме основных шести рукописей первого тома “Мертвых душ”, имеется большое количество черновых набросков почти ко всем главам на отдельных листах, написанных, очевидно, в разное время. Небольшая часть листов подшита к переплетенным рукописям ПБЛЗ, КАБ1 и ПБЛ4. Остальные сохранились в двух собраниях. В собрании А. А. Иванова (шифр Государственной библиотеки СССР им.

В. И. Ленина: № 2205) — 30 листов разных размеров, исписанные большей частью с обеих сторон неразборчивым почерком. Они относятся к главам II, V, VI, VIII–XI. Некоторые из них трудны для прочтения, так как очень обрывочны, содержат несколько слоев правки и не всегда дают связный текст. Второе собрание было обнаружено среди бумаг Гоголя, находившихся в распоряжении родственников. Эти автографы, (28 листов, из них 13 чистых) хранятся тоже в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр: № 3212). Среди них отрывки к главам VII–IX, размышления автора о героях “Мертвых душ” и заметки “К 1-й части”.

Особо следует остановиться на отрывках из второго собрания. Вскоре после обнаружения два из них были опубликованы как неожиданная находка: Заметки — в “Сочинениях и письмах Н. В. Гоголя”, изд. Кулиша, СПб., 1857, т. IV, стр. 546—548, вариант IX главы — в “Русском вестнике”, 1856, кн. I. Размышления о героях “Мертвых душ” и остальные отрывки опубликованы в 10 издании Со-

Отрывки не датированы; делались различные попытки их датировки. М. Н. Катков, опубликовавший вариант девятой главы, утверждал, что автограф найден среди первоначальных рукописей и относится к раннему периоду работы. Н. Г. Чернышевский в своей рецензии на эту книжку “Русского вестника” высказал такое же утверждение, мотивировав его тем, что “сами по себе страницы этого отрывка своим достоинством не совершенно соответствуют другим страницам поэмы, и Гоголь, с своим тонким вкусом, вероятно, заметил, что довольно подробные сцены, первоначально им написанные, содержат как бы повторение тех положений и описаний, которые уже даны читателю в предыдущих главах, и потому значительно сократил этот эпизод в окончательной редакции, отбросив все черты, уже достаточно раскрытые в других сценах. Сравнение отброшенного автором и напечатанного ныне отрывка с соответствующими местами “Мертвых душ” интересно для того, кто хочет удостовериться, как строг сде-

лался Гоголь к себе после издания “Ревизора”. [Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 631.] Наоборот, Н. П. Трушковский, перепечатавший этот отрывок во втором издании “Сочинений” Гоголя, впервые выдвинул предположение, что, “судя по почерку”, отрывок написан после первого издания “Мертвых душ”. На эту позицию стали и редакторы десятого издания (тт. 3 и 7) Тихонравов и Шенрок, уже в отношении всех отрывков второго собрания. Они припомнили высказывавшееся Гоголем недовольство изданными “Мертвыми душами”, его мысли о какой-то переработке поэмы в духе его новых настроений, и тематическая изолированность найденных отрывков дала им повод предположить, что это-то и есть новая стадия работы над “Мертвыми душами”. Они пытались датировать каждый отрывок и привели пространные доводы в пользу своих утверждений, оговорившись, что точных доказательств нет.

Можно признать правильным предположение Тихонравова в отношении заметок “К

1-й части” (“Идея города — возникшая до высшей степени пустота...”), которые он относит к 1846 г., периоду работы над вторым томом. Касаясь в наибольшей своей части не второго, а первого тома поэмы (предназначавшегося тогда, как видно из письма к Жуковскому от 16 марта 1846г., к переизданию в исправленном виде), отрывок, однако, в его заключительной части от первого тома переходит ко второму: “Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массу... Противуположное ему преобразование во II части, занятой разорванным бездельем”. В том же письме Гоголь высказывает мысль о возобновлении работы над обоими томами сразу (“первая часть мне потребна при писании второй и притом нужно ее самое значительно выправить”).

В отношении же других отрывков их аргументация не убедительна. Если бы эти отрывки относились к новой стадии работы — к коренной переработке поэмы в новом плане, то это должно бы было отразиться и на содержании самих отрывков. Однако новых веяний в

них незаметно; наоборот, как указал еще Чернышевский, в этих текстах видно несовершенство формы первоначальных набросков. Нельзя также не заметить странности создавшегося положения: Гоголь приступает к радикальной перестройке всего произведения, а в его рукописном наследстве обнаруживается лишь несколько листочков из разных частей поэмы, к тому же, не из тех, которые по своему идейному содержанию могли в первую очередь остановить на себе внимание автора.

Нам думается, что причины всех этих построений чисто внешние. Если бы наброски оказались среди других отрывков или были бы подшиты к рукописи и не привлекли бы особого внимания как неожиданная находка, то, может быть, и не возникло бы вопроса об их позднейшем происхождении. Если бы, наконец, найдены они были в наше время, то едва ли возникли бы такие же заключения о необычности этих черновиков. На этом вопросе и в таком разрезе приходится останавливаться только в порядке обзора и критики возникших ранее гипотез.

Отметим, что в недавно обнаруженном и цитированном выше письме Гоголя к Белому говорится о третьем (исправленном) издании как о далеком, неопределенном предположении и никаких намеков в нем на проводимую работу нет. Построение Тихонравова и Шенрока отпадает как недоказанное, но указать точное хронологическое место этих вариантов среди известных нам рукописей очень трудно. С немалой долей вероятности можно предположить, что они написаны в период до создания ПБЛ4, когда естественнее всего было набрасывать план и в процессе исканий делать попытки отхода в сторону от выработавшейся фабулы. Приурочить эти отрывки к последующим рукописям, где поэма не столько перерабатывалась, сколько подвергалась отделке, оснований еще меньше, — тем более нет их для подтверждений гипотезы Тихонравова и Шенрока: она слишком бездоказательна для выводов настолько же важных, насколько и неожиданных.

Недавно был обнаружен в Горьковском об-

ластном архиве небольшой отрывок (набросок), относящийся к главе VIII. Отрывки, кроме указанных выше публикаций, напечатаны в томах III и VII 10-го издания Сочинений Н. В. Гоголя.

В настоящем издании черновые наброски, подшитые к рукописям, публикуются в вариантах — подстрочных к соответствующим рукописям или же в разделе “Варианты”. Только один из подшитых в КАБ1 отрывков, содержащий историю Чичикова, публикуется в разделе “Другие редакции”. Наброски на разрозненных листах публикуются главным образом в разделе “Другие редакции” (отрывки из собрания А. А. Иванова — стр. 591–597, 600—602, 611—628, 640—675, отрывки, обнаруженные позднее в бумагах Гоголя, — стр. 597—600, 602—609, 628—639, 690—693; один из них — часть “Повести о капитане Копейкине” — почти полностью совпадающий с окончательным (доцензурным) текстом, не публикуется; отрывок из Областного архива в г. Горьком — стр. 610 (публикуется впервые).

Все отрывки расположены последовательно по ходу произведения. Отрывок, находящийся среди рукописей “Тараса Бульбы”, и еще несколько небольших отрывков на разрозненных листах приведены в вариантах.

III

В настоящем издании внесено большое количество исправлений в текст первого прижизненного издания, положенного в основу. Кроме восстановления по РЦ цензурных искажений, совершенно ясных и бесспорных, восстанавливается подлинный авторский текст и по другим рукописям, ошибочно измененный в процессе многократной переписки. После первой рукописи (ЛБ1) началось копирование текста переписчиками. Каждая копия исправлялась автором и вновь переписывалась. И с первой же копии начались невольные искажения текста переписчиками: они пропускали слова, целые фразы, неправильно копировали их. Приводим два примера. Первый — эпизод с часами в главе третьей. Текст ЛБ1: “Взглянувши в угол, он тот же час успокоился, смекнувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением

последовало скоро хрипение и наконец, нату- жась всеми силами, пробили они три таким звуком, как будто бы кто колотил палкой по глиняному горшку”. Переписчик ПБЛЗ пропу- стил несколько слов, и у него получилась та- кая бессмыслица: “Взглянувши, что стенным часам пришла охота бить. За шипением по- следовало скоро хрипение. И наконец, зву- ком, как будто бы кто колотил палкой по гли- няному горшку”. Обработывая рукопись ПБЛЗ, Гоголь не обратил внимания на это ме- сто и не внес никаких исправлений. Только уже диктуя текст КАБ1, он заметил это иска- жение и дал новый текст, близкий к оконча- тельному. Второй пример из той же главы: разговор Чичикова с Коробочкой. Коробочка говорит: “Живых-то я уступила, вот и третье- го года Протопопову двух девок по сту рублей каждую:). Так печаталось на протяжении ста лет, а это явная ошибка. Уже то обстоятель- ство, что Протопопов нигде больше не фигу- рирует, а вместе с Коробочкой неоднократно упоминается протопоп, должно поставить под сомнение эту фамилию, анализ же руко- писей бесспорно доказывает ошибку. Проис-

хождение ее: в КАБ1 написано: Протопопу, так же переписано в ПБЛ4; переписчик РЦ искажил: Протопову, так напечатано в первом издании; во втором издании появилось: Протопопову.

Ошибки переписчиков в какой-то мере повлияли на выработку окончательного текста. Гоголю навязывался новый искаженный текст, и автор не замечал ошибки, если она не была разительной или данный отрывок не попадал в орбиту творческой переработки. Даже при напряженной работе, которая отразилась в рукописи ПБЛ3, искажения переписчика этой рукописи часто не замечались Гоголем, и те места, которые остались без изменений в ПБЛ3, вошли и в следующую рукопись с искажениями. Диктуя текст поэмы по рукописи ПБЛ3, Гоголь также не обнаруживал иногда ошибок переписчика. Но поскольку эта рукопись (КАБ1) не является копией в буквальном смысле, а имеет характер авторской рукописи, текст которой в большей части продиктован Гоголем, мы считаем возможным возвращаться к автографу ЛБ1 и

ПБЛЗ только в случаях совершенно бесспорных искажений. Совершенно иначе обстоит дело со следующей рукописью, ПБЛ4. Она представляет собою механическую копию, сделанную малограмотными и мало опытными переписчиками. Копируя испещренную поправками предыдущую рукопись — КАБ1, они допустили большое количество ошибок, а многих слов совсем не разобрали и оставляли для них пробелы в тексте.

Отношение Гоголя к ошибкам переписчиков во всех рукописях было трех видов. В одних случаях он замечал искажение и, дословно помня текст, восстанавливал его; есть несколько примеров, когда Гоголь, пропуская сначала ошибку, в следующей рукописи или в корректуре ее замечал и восстанавливал опять-таки дословно. В других случаях, исправляя ошибку или заполняя оставленное место, Гоголь вписывал новый текст, более или менее отличающийся от предыдущего, и таким образом ошибка переписчика вызывала новую редакцию этого места. В-третьих, ошибка переписчика не замечалась автором.

Текст, появившийся в результате исправления ошибок второго типа, сохраняется нами в окончательной редакции, а предыдущая редакция этого текста (до ошибки переписчика) отражена в вариантах. Не замеченные автором ошибки в настоящем издании исправлены.

Приводим несколько примеров видоизменений текста, когда переписчик, не разбирая слов, оставлял место, в которое Гоголь вписывал новые слова.

В КАБ1 читаем: “Чичиков был встречен Петрушкою и половым, который выбежал со свечою в руке и салфеткой на плече и обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли обрадовался Петрушка”. Переписчик ПБЛ4 пропустил: “половым, который”, а также: “обрадовался ему необыкновенно. Неизвестно, много ли”. Гоголь, не заполняя оставленных переписчиком мест, заново переделал эти фразы: “Половой тоже выбежал со свечою в руке и салфеткою на плече. Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно”.

Второй пример. В КАБ1 было написано: “Степан Пробка, вот тот силач”. Переписчик не разобрал слова “силач” и в оставленное им место Гоголь вписал “богатырь”.

Другой, более сложный, случай. Текст КАБ1: “Тут он весьма кстати выбранил либерализм и поделом выбранил молодых людей”. Переписчик ПБЛ4 не разобрал слова “либерализм”, и Гоголь в оставленное место вписал “за либерализм”, а вторично упоминающееся “выбранил” заменил словом “всех”. Изменился смысл фразы: до пропуска переписчика Чичиков выбранил и либерализм и молодых людей, а в новой редакции — выбранил молодых людей за либерализм: “Тут он весьма кстати выбранил за либерализм, и поделом, всех молодых людей”.

Еще пример, свидетельствующий об изменении текста, вызванном такой же причиной. В окончательном тексте читаем: “чтобы всё было пересмотрено”. Первоначально же, до переписки, т. е. в КАБ1, было: “чтобы с ве-

вчера всё, что нужно, было приготовлено, всё пересмотрено”. Произошло это изменение потому, что переписчик внес в свою копию только последние два слова: “всё пересмотрено”, и Гоголь не восстановил пропущенное, а лишь связал вписанные переписчиком слова со всей фразой, и получился новый текст.

Последний пример из рукописи ПБЛ1. В ПБЛ1: “И после долго не хотел смотреть в зеркало”. Переписчик ПБЛ4 написал: “смотреться в зеркало”. Исправляя, Гоголь вычеркнул “зеркало” и осталось навязанное переписчиком “смотреться”.

Кроме изменений текста, вызванных пропусками не разобранных слов, имеются изменения, причина которых заключается в искажении переписчиком текста предыдущей рукописи. Они тоже относятся в подавляющем большинстве к ПБЛ4, т. е. к искажению текста КАБ1. Их можно разделить на несколько категорий. Самая распространенная: искаженное переписчиком слово автор заменяет совершенно новым или только видоизмененным.

Примеры: “с желтыми стенами” (КАБ1). Переписчик ошибся: “с толстыми стенами”. Гоголь вернул прежнее, но несколько измененное: “с желтенькими стенами”. “Обе дамы так удачно и остроумно решили отчасти запутанное обстоятельство” (КАБ1). Переписчик вместо “отчасти” написал “отлично” (“отлично запутанное”) и Гоголь исправил “отлично” на “такое”: “обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство”. “Дело, конечно, обделано было кругло” (КАБ1). Переписчик вместо “конечно” написал “нарочно” (“Дело нарочно обделано было кругло”). Гоголь исправил по-новому: “Дело, казалось бы, обделано было кругло”.

В других местах в процессе авторской правки искаженных мест исчезли отдельные слова и целые детали. Например, в КАБ1 читаем: “<постель> опустилась под ним почти до самого пола, и перья, будучи вытеснены из пределов погружившимся в них телом, разлетелись”. Переписчик не разобрал слов “будучи ~ телом”, оставил для первых четырех

место, а дальше переписал: “погрузившись вниз телом”. Гоголь зачеркнул эти слова, а в оставленное место вписал: “вытесненные им из пределов” и получилась уже измененная фраза: “опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись”.

Совсем иначе следует рассматривать те искажения переписчиков, которые бесспорно не были замечены Гоголем. То, что это именно ошибки, а не исправления, сделанные по указаниям автора, — совершенно очевидно. Нигде в первоначальном тексте ПБЛ4 (т. е. в копии КАБ1) не видно вмешательства Гоголя; огромное количество неразобранных слов свидетельствует, что этот экземпляр переписывался механически, а не создавался под диктовку; искажения таковы, что их можно отнести только к неграмотности или рассеянности переписчика. Логически отсюда вытекает, что пропуски отдельных слов и даже полых фраз произошли исключительно по вине переписчика. Один только факт просмотра копии автором недостаточен для того, чтобы

прививать текст копии авторизованным. В тех случаях, когда нет следов авторской работы, когда очевидно, что автор, хорошо помня текст, не намечал ошибок копии, необходимо восстановить именно созданный автором текст. Исходной авторитетной рукописью является рукопись КАБ1, продиктованная и внимательно просмотренная Гоголем. Допущенные ПБЛ4 ошибки третьей категории (т. е. не замеченные автором), восстанавливаются по тексту КАБ1. В ряде случаев для подтверждения того, что восстанавливаемые слова не случайны, а твердо введены Гоголем, делаются ссылки на предыдущие рукописи ЛБ1 и ПБЛ3, где они сохранялись неприкосновенными.

Разночтения между ПБЛ1 и ПБЛ4 введены по тому же принципу. В данном случае ПБЛ1 выполняет роль КАБ1. Есть искажения и в РЦ, но их гораздо меньше, так как копировать ПБЛ4 было значительно легче; они тоже исправлены.

В конце статьи приведен полный список

тех исправлений, которые внесены в первое издание “Мертвых душ” по рукописям КАБ1, ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ и в нескольких случаях по ЛБ1 и ПБЛ3. В этом списке учтены только искажения переписчиков, а цензурные искажения отмечены в вариантах ссылкой (ценз.). В левой колонке списка дан восстановленный, т. е. подлинный текст “Мертвых душ”, в правой — текст первого издания. При исправленном тексте указан шифр рукописи, по которой текст восстановлен. Если нет особой оговорки, то это означает, что дошедшая до первопечатного текста ошибка допущена переписчиком в рукописи, следующей за указанной (когда проставлен шифр КАБ1 или ПБЛ1 — значит ошибка в ПБЛ4; при указании шифра ПБЛ4 — ошибка в РЦ). В нескольких случаях текст восстановлен по первоначальным рукописям ЛБ1 и ПБЛ3. Пропущенные или искаженные слова, исправленные в настоящем издании, печатаются в списке курсивом. В ряде случаев вслед за шифром поставлено (авт.); это указывает на то, что в данной рукописи спорное место написано Гоголем собственноручно, чем еще больше подтвер-

ждается правильность наших исправлений.

“Повесть о капитане Копейкине” печатается по цензурной рукописи — доцензурный ее вариант (в рукописи РЦ сохранилось только начало “Повести”, а продолжение — в найденных в Красноярске вырезанных из РЦ листах). Написанный же Гоголем специально для цензуры новый вариант “Повести” печатается в разделе “Другие редакции”.

В вариантах приведены разночтения окончательного текста с текстом рукописей ПБЛЗ, ПБЛ1, ПБЛ4, РЦ, а также со вторым изданием. “Мертвых душ”. Поскольку КАБ1 в основе своей не является механической копией ПБЛЗ, в вариантах приведены разночтения и с первоначальным текстом (т. е. еще не исправленным автором) этой рукописи с шифром КАБ1(п).

В вариантах приводятся часто шифры рукописей с прибавлением буквы (п), т. е. первоначально: ПБЛ4(п), РЦ(п). Так сделано в тех случаях, когда необходимо обозначить пра-

вильный переход текста из одной рукописи в другую; например, если у текста даны обозначения: КАБ1, ПБЛ4 — это значит, что данное место без искажения перешло из КАБ1 в ПБЛ4 и исправлено автором в ПБЛ4. В ряде случаев есть добавление к шифру (кар.). Оно относится к карандашным наброскам, сделанным Гоголем в данной рукописи, но не использованным в окончательном тексте ее. Если в рукописи имеется несколько слоев правки, они отмечаются последовательно литерами а, б и т. д.

IV

[Для данной части комментария (раздел IV) в значительной мере использована работа В. В. Гиппиуса, написанная в 1940 г. для настоящего издания.]

Письмо Гоголя к Пушкину от 7 октября 1835 г. из Петербурга в Михайловское — самое раннее свидетельство о работе Гоголя над “Мертвыми душами”. В начале письма Гоголь просит Пушкина вернуть ему рукопись “Женитьбы” с замечаниями; в конце письма просит у Пушкина сюжета для новой комедии.

Между этими двумя просьбами и заключено сообщение о “Мертвых душах”. “Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно хорошо сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь”. Письмо в целом говорит об очень интенсивном литературном общении двух писателей. Строки Гоголя имеют характер продолжения какого-то недавнего разговора (если так, то разговор этот мог произойти между 1 и 7 сентября 1835 г., когда и Пушкин и Гоголь были в Петербурге).

Содержание этого разговора изложено самим Гоголем в его “Авторской исповеди” (1847). Вслед за объяснением веселости своих первых произведений Гоголь продолжал: “Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но кото-

рое однако ж поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение, — это просто грех!” Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принял за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключение всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет “Мертвых душ”. (Мысль “Ревизора” принадлежит также ему.)”

Гоголь переходит затем к вопросу о новом качестве своего смеха, который в “Ревизоре” проникся общественно-значительным содержанием, и, возвращаясь к “Мертвым душам”,

пишет далее: “После “Ревизора” я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. Пушкин находил, что сюжет “Мертвых душ” хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров”. Вслед за этим Гоголь говорит об эволюции первоначального замысла “Мертвых душ”.

Первые главы нового произведения в их первоначальном виде Гоголь еще успел прочитать Пушкину, и поэт, привыкший смеяться при чтении Гоголя, “начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: “Боже, как грустна наша Россия!”” [“Выбранные места из переписки с друзьями” (Четыре письма о “Мертвых душах” — письмо 3е).] Пушкину не пришлось услышать продолжения. Под впечатлением известия о смерти Пушкина Гоголь писал М. П. Погодину 30 мар-

та 1837 г.: “Моя Жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты коей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина... мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою”. Он утверждал тогда же, что труд этот он рассматривает как “священное завещание” Пушкина. [Письмо к В. А. Жуковскому от 6/18 апреля 1837 г. Ср. также письмо к П. А. Плетневу от 16 марта 1837 г.]

В основе гоголевского, а первоначально пушкинского, замысла “Мертвых душ” были действительные случаи спекуляции мертвыми душами. Непосредственным источником мог быть случай, переданный П. И. Бартене-

вым в примечании к воспоминаниям В. А. Сологуба: “В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. “Из этого можно было бы сделать роман”, сказал он между прочим. Это было еще до 1828 г.”. [Русский Архив, 1865, стр. 745.]

Случай, рассказанный Бартеневым, был далеко не единичным; не одиноким был и литературный отклик Гоголя на это бытовое явление. Аналогичный эпизод встречается в повести Даля “Вакх Сидоров Чайкин”, напечатанной, правда, позже “Мертвых душ” (в “Библиотеке для чтения”, 1843 г., № 3). Отмечено несколько подобных спекуляций на Украине (см. “Обоз к потомству”, из записок Н. В. Сушкова, в сборнике “Раут”, 1854 г., кн. III, стр. 382 и сообщение в журнале “Киевская старина”, 1902, № 3, стр. 155). Любопытно, что один из подобных же рассказов исходит от дальней родственницы Гоголя, М. Г. Анисимо-Янов-

ской, [В. А. Гиляровский, “На родине Гоголя”, М., 1902, стр. 47–49.] причем, по ее словам, самую мысль “Мертвых душ” дал Гоголю ее дядя, Харлампий Петрович Пивийский, накупавший мертвых душ, чтобы приобрести ценз для винокурения (с той же целью приобретал мертвые души владелец незаселенной земли, о котором рассказано в воспоминаниях Сушкова). По словам Анисимо-Яновской, Гоголь бывал в имении Пивинских, “да кроме того и вся Миргородчина знала про мертвые души Пивинского”. Сам по себе этот поздний рассказ, в котором вовсе отсутствует хронология, не обязывает нас к радикальному пересмотру творческой истории “Мертвых душ”, но вполне, конечно, возможно, что на первоначальную пушкинскую мысль могли наслиться и собственные воспоминания Гоголя. Однако в замысле Гоголя предприятие Чичикова изображалось не как заурядный, а, напротив, как необычайный случай. Это видно из самого развития сюжета, из таинственности, которою замысел Чичикова окружен, а также из нежелания Гоголя заранее оповещать, “в чем состоит сюжет” (письмо к Жу-

ковскому от 12 ноября 1836 г.).

В общем идейно-художественном замысле “Мертвых душ” мотив предприятия Чичикова не имел решающего значения; как сказано в “Авторской исповеди”, этот мотив (“сюжет”) и по мнению Пушкина был хорош для Гоголя тем, что давал ему “полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров”. На эту же основную творческую мысль Гоголя есть указание и в письмах его к литературным друзьям, написанных в 1835—1836 гг., т. е. в начале работы над “Мертвыми душами”. В приведенном письме к Пушкину от 7 октября 1835 г. сказано: “Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь”. А в письме В. А. Жуковскому через год (12 ноября 1836 г.) уже нет оговорки “хотя с одного боку”, там сказано решительнее: “Вся Русь явится в нем”. [В том же письме Гоголь признавался: “Мне совершенно кажется как будто я в России: передо мною всё наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словом, вся пра-

вославная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу “Мертвых душ” в Париже”.

В письме к М. П. Погодину от 28 ноября 1836 г. Гоголь тоже утверждал: “Вся Русь отзовется в нем”.] Там же он называет свой сюжет “огромным” и ясно намекает на его общественно-обличительное содержание: “Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками”. “Новые сословия”, по сравнению с “чиновниками”, “купцами” и “литераторами”, враждовавшими с Гоголем после “Ревизора” (см. письмо к Щепкину от 29 апреля 1836 г.), — это, конечно, помещики-душеладельцы, сравнительно мало затронутые в прежних произведениях Гоголя, но занявшие центральное место в новом его широком обличительном замысле.

Решение этой художественной задачи методом углубленного реализма, методом, к которому Гоголь все больше подходил в своей творческой эволюции, требовало, конечно,

знания русской жизни — в тех ее чертах, которые стали предметом изображения и обобщения.

Творческие тенденции Гоголя, несомненно, эволюционировали на протяжении семилетней работы над первым томом “Мертвых душ” и именно в направлении усиления бытовой конкретности. Об этом свидетельствует также записная книжка Гоголя 1841–1842 гг., материал которой отразился на переработке текста. В эту записную книжку включены данные народного быта и языка: материал по сельскому и домашнему хозяйству, ремеслам, промыслам, по губернской административной системе и чиновничьему быту, бытовые сценки и анекдоты, охотничьи и карточные термины, названия животных и растений. Социально-бытовой материал записных книжек Гоголя широк и разнообразен, и отражение материала этих записей в “Мертвых душах” несомненно.

Переписка Гоголя с С. Т. Аксаковым показывает, что на последних этапах работы Го-

Гоголь пользовался его указаниями для устранения фактических неточностей и что по выходе книги он интересовался отзывами “людей бывалых” в этом именно отношении; об этом же, о намерении исправить фактические недочеты первого тома и, главное, избежать их в работе над вторым, говорят предисловие Гоголя ко второму изданию первого тома и многочисленные данные его переписки.

Общий характер гоголевского замысла определился, по-видимому, в течение первого года работы, хотя и не без некоторых колебаний. Об этих колебаниях говорят показания самого Гоголя, причем позднейшие свидетельства “Авторской исповеди” (1847) в общем согласны с данными гоголевских писем, относящихся ко времени самой работы над поэмой. В “Авторской исповеди” Гоголь писал: “Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, чту такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет

меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был переметать с трогательными”. Далее следует: “Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выражать собою такое-то явление?” И дальше: “Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана”. К какому этапу работы относятся эти оговорки, мы точно не знаем; соответствия им в гоголевских письмах появляются уже после отъезда Гоголя за границу. Показание же о работе без плана, над “смешным” сюжетом, подтверждается письмом к Пушкину от 7 октября 1835 г.

О дальнейшей эволюции замысла говорит письмо к Жуковскому из Парижа от 12 ноября 1836 г.: “Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись”. Существенно меняется и общий тон Гоголя в отношении к своему труду: “Если совершу это творение так, как нуж-

но его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь”. И далее: “Огромно велико мое творение, и не скоро конец его”. О том же можно заключить и из “Авторской исповеди” (появление “плана”, углубление самого замысла), но дальнейшими показаниями “Авторской исповеди” пользоваться трудно, так как о разных творческих моментах, вплоть до замысла второго тома, в них часто говорится суммарно; кроме того, необходимо учитывать и полемический характер исповеди. Есть и еще одно свидетельство Гоголя, правда, также позднейшее, в котором изменение первоначального замысла изложено с некоторыми дополнительными данными. Это — третье письмо из цикла “Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”” (гоголевская дата третьего письма — 1843). Здесь рассказано о чтении первых глав “Мертвых душ” (в первой, не известной нам редакции) Пушкину. Эту раннюю редакцию Гоголь характеризует так: “Если бы кто видел те чудовища, которые выхо-

дили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся”.

Изменение замысла, по словам Гоголя, сводилось к тому, чтобы смягчить тягостное впечатление от первоначальных “чудовищ” и “карикатур”: “Я увидел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их...” В процессе дальнейшей работы над “Мертвыми душами” сатирическая резкость не дошедшей до нас первоначальной редакции уступила место юмору: пафос злобы сменился пафосом разоблачения ничтожности. Следов этой работы Гоголя нет ни в одной из сохранившихся редакций. Рукописи показывают, что ни в общий план, ни в развитие сюжета, ни в характеристики существенных изменений внесено не было. Работа велась очень значительная, но это была работа преимущественно над стилем, а также над дополнительными эпизодами и характеристиками.

В конце 1839 г. в Петербурге, в доме своего товарища по Нежинскому лицее Н. Я. Проко-

повича, Гоголь впервые прочитал несколько глав своего произведения в уже измененной редакции. Присутствовавший на этом чтении П. В. Анненков вспоминает: “Мы уже узнали, что он собирался прочесть нам новое свое произведение, но приступить к делу было не легко. Гоголь, как ни в чем не бывало, ходил по комнате, добродушно подсмеивался над некоторыми общими знакомыми, а об чтении и помину не было. Даже раз он намекнул, что можно отложить заседание, но Н. Я. Прокопович, хорошо знавший его привычки, вывел всех из затруднения. Он подошел к Гоголю сзади, ощупал карманы его фрака, вытащил оттуда тетрадь почтовой бумаги в осьмушку, мелко-намелко исписанную, и сказал по-малороссийски, кажется, так: “А що се таке у вас, пане?” Гоголь сердито выхватил тетрадку, сел мрачно на диван и тотчас же начал читать, при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы “Мертвых душ”. Общий смех, мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое

видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло”. [П. В. Анненков, “Литературные воспоминания”, стр. 28.]

Несколько месяцев спустя, в марте 1840 г., чтение было в Москве, у С. Т. Аксакова и у других знакомых Гоголя. Везде, где читал Гоголь, “все слушатели приходили в совершенный восторг, но были люди, которые возненавидели Гоголя с самого появления “Ревизора”. “Мертвые души” только усилили эту ненависть”. [С. Т. Аксаков, “История моего знакомства с Гоголем”, стр. 38; И. И. Панаев, “Литературные воспоминания”, Л., 1928, стр. 283–284.]

Гоголь читал свою поэму по рукописи, первая половина которой почти полностью дошла до нашего времени (ЛБ1). Копию с нее автор творчески переработал, внося огромное количество исправлений и вставок. “Вижу, что предмет становится глубже и глубже”, — писал он тогда. [Письмо М. П. Погодину, 28 декабря 1840 г.]

Объем гоголевского романа в течение пер-

вого же года работы: вся Русь. Значительность замысла в собственном сознании отражена в одновременных и позднейших письмах. Содержание его Гоголь так определил в “Авторской исповеди”: “Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которых не доверял дотоле перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни”.

Задания Гоголя не могли найти полного выражения в форме романа. Нужно было создать особый жанр — большую эпическую форму, более широкую, чем роман. Гоголь и называет “Мертвые души” поэмой. Не случайно на обложке “Мертвых душ”, рисованной самим Гоголем, слово “поэма” выделено крупными буквами.

Определение “Мертвых душ” как поэмы появилось у Гоголя рано. В письме от 7 октября 1835 г. к Пушкину еще говорится: “Сюжет

растянулся на предлинный роман”. Но в заграничных письмах 1836 г. уже появляется слово “поэма”. Жуковскому Гоголь пишет 12 ноября 1836 г.: “Каждое утро... вписывал я по три страницы в мою поэму”. В письме к Погодину от 28 ноября 1836 г. Гоголь особо останавливается на вопросе о жанре “Мертвых душ”: “Вещь, над которой сижу и тружусь теперь..., не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов... Если бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем”.

Гоголь не ошибался, придавая своему труду исключительное значение и выделяя его из всего написанного им раньше. Художественный метод поэмы Гоголя был неотделим от ее общественно-обличительного замысла; тем самым полемика вокруг “Мертвых душ” приобретала характер идеологической борьбы, наглядно вскрывшей в русском обществе различные, враждебные друг другу направления. Борьба вокруг “Мертвых душ” была еще интенсивнее, чем вокруг “Ревизора”, —

прежде всего потому, что с ростом общественных противоречий обострился идейный антагонизм в обществе и в литературе. “Беспре-
рывные толки и споры” вокруг “Мертвых душ” — это, по словам Белинского, “вопрос столько же литературный, сколько и общественный”.

Гоголь предвидел нападения реакционеров, лжепатриотов, обывательского “лицемерно-бесчувственного современного суда”, и он не ошибся.

Устные суждения современников о “Мертвых душах” пытались систематизировать С. Т. Аксаков и А. И. Герцен. Аксаков разделил читателей Гоголя на три части: 1) “образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя” — они приняли книгу с восторгом; 2) люди “озадаченные”, смущенные “карикатурой” и “неправдоподобием”; 3) явные враги: “Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России”. [“Исто-

рия моего знакомства с Гоголем”, стр. 66—67.] Четкую дифференциацию общественных направлений дал Герцен в дневнике (запись 29 июля 1842 г.): “Славянофилы и антиславянисты разделились на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это апофеоз Руси, “Илиада” наша и хвалят след[ственно]; другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратно тоже раздвоились антиславянисты. Велико достоинство художественного произведения, когда оно может ускользать от всякого одностороннего взгляда. Видеть апофеоз — смешно, видеть одну анафему несправедливо”.

Еще до появления “Мертвых душ” в печати, когда главы их были известны только из чтений Гоголя (в Петербурге — у Прокоповича, в Москве — у Аксакова и др.), граф Ф. И. Толстой (“Американец”) говорил в обществе, что Гоголь “враг России, и что его следует в кандалах отправить в Сибирь”. Вспоминая об этом, Аксаков прибавлял: “В Петербурге было гораздо более таких особ, которые разделяли мнение гр. Толстого” [Там же, стр. 38.]

Несколько аналогичных мнений привел Н. Я. Прокопович в письме к Гоголю от 21 октября 1842 г. [См. “Материалы для биографии Гоголя” В. И. Шенрока, М., 1898, т. IV, стр. 54–55.] Из сравнительно близких Гоголю людей на этой позиции стоял Ф. В. Чижов; он писал Гоголю 4 марта 1847 г.: “Я восхищался талантом, но как русский был оскорблен до глубины сердца”. [“Русская старина”, 1889, № 8, стр. 279.]

В печати эта реакционная точка зрения была выражена в статьях Н. Полевого (в “Русском Вестнике”, 1842 г., № 6), К. Масальского (в “Сыне Отечества”, 1842 г., № 6), Н. Греча (в “Северной Пчеле”, 1842 г., № 137) и О. Сенковского (в “Библиотеке для чтения”, 1842 г., № 8). Из этих четырех враждебных Гоголю критиков Полевой был самым непримиримым. Масальский и Греч, повторяя нападки Полевого, делали оговорки о верности, живости и комизме отдельных мест; [Журнал Министерства народного просвещения (1842, т. XXXVI, отд. VI, стр. 31 и 248–249), резюмируя полемику, выделил критику Масальского из числа враждебных отзывов, заметив, что

Масальский “излагает свои мнения эклектически”.] Сенковский ограничился вышучиванием Гоголя в обычном своем издевательском тоне не брезгуя даже подтасовками в цитатах. [Рукописную редакцию статьи Сенковского, еще более издевательскую, и комментарий к ней см. в сборнике “Н. В. Гоголь. Материалы и исследования”, т. 1, изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 226—242.]

На защиту Гоголя от нападков враждебной критики выступил критик “СПб. Ведомостей” М. Сорокин (1842, №№ 163—165). Признавая и сам в поэме Гоголя “промахи распаленной фантазии”, Сорокин всё же сумел ответить на упреки в “утрировке” и в “грязных” картинах указанием на особенности гоголевского метода типизации и на характер самой изображаемой им действительности. Общественное значение поэмы не было им раскрыто.

Сочувственной Гоголю была и статья Плетнева, скрывшегося под инициалами С. Ш. и под маской корреспондента “Современника” из Житомира. Плетнев сделал много тонких

наблюдений над особенностями реалистической эстетики Гоголя. Но смысл поэмы он видел в развитии чисто психологической идеи, делая при этом оговорки о незавершенности поэмы: “На книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно действующими” в мелком кругу общества”. [“Современник”, 1842, т. 27.]

В выступлениях славянофильской критики (Шевырев в “Москвитяине” и К. Аксаков в отдельной брошюре [“Несколько слов о поэме Н. В. Гоголя “Похождения Чичикова или Мертвые души”“, М., 1842.]) борьба вокруг Гоголя переходила уже в борьбу за Гоголя; смысл статей Шевырева и особенно К. Аксакова был в тенденциозном переосмыслении “Мертвых душ”. Делая верные наблюдения над одними сторонами поэмы, они замалчивали другие и, не находя всего им нужного, пытались дополнить и поправить Гоголя. Так, Шевырев, сказав немало верного о жизненности и типичности гоголевских характеров и

об эстетической роли автора в поэме, упрекает Гоголя в том, что “комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме”. [“Москвитянин”, 1842, № 7 и 8.] В толковании К. Аксакова “Мертвые души” полностью утрачивали свой обличительный характер.

Совершенно иначе подошли к поэме Гоголя Белинский и Герцен. “Мертвые души”, по Белинскому, “творение чисто-русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни; творение необъятно-художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, — и, в то же время, глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое”. [“Отечественные записки”, 1842, № 7.] Белинский первый понял самое существенное в поэме Гоголя: ее общественно-историческое значение, неотде-

лимое от значения художественного. Белинский первый оценил и обличительное содержание поэмы (“беспощадность”), неотделимое от любви к родине.

Оценка Белинского была им развита и углублена в том же году в его полемике с К. Аксаковым. [См. “Отечественные записки”, 1842, №№ 8 и 11.] Белинский говорит прямо, что пафос поэмы “состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциальным началом”, или в другом месте: “Мы именно в том-то и видим великость и гениальность в Гоголе, что он своим артистическим инстинктом верен действительности, и лучше хочет ограничиться, впрочем, великою задачею — объективировать современную действительность, внеся свет в мрак ее, чем... изображать русскую действительность такую, какой она никогда не бывала”. “Тем-то и велико создание “Мертвых душ”, — говорит Белинский, — что в нем сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей и мелочам этим придано общее значение”. [Обличительное значение и “глубоко-нацио-

нальный пафос” поэмы отмечал рецензент Н. Мазко (“Голос из провинции о поэме Гоголя “Отечественные записки”, 1843, № 4). Комиссионной была позиция анонимного критика “Литературной газеты”, 1842, № 23: сочувственно оценивая общественное содержание поэмы, критик не одобрял ее “грязных шуточек”.]

Близок Белинскому в своей оценке “Мертвых душ” был и Герцен. Под непосредственным впечатлением гоголевской поэмы он записал в дневнике 11 июня 1842 г.: “Удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный”. С этой точки зрения оценивал он и споры о “Мертвых душах” в приведенной выше записи от 29 июля 1842 г. “Есть слова примирения, — писал он там же, — есть предчувствия. и надежды будущего, полного и торжественного, но это не мешает настоящему отражаться во всей своей отвратительной действительности”. Это обличительное значение “Мертвых душ” было раскрыто Герценом позднее в брошюре “О развитии революционных идей в России”.

Резкими чертами характеризует Герцен “Россию дворянчиков”: “Благодаря Гоголю мы наконец увидели, как они вышли из своих жилищ, из своих барских домов, без масок, без прикрас, вечно пьяные и ненасытные: рабы власти без достоинства и безжалостные тираны своих крепостных, сосущие жизнь и кровь народа с невинностью и простодушием ребенка, сосущего грудь матери. “Мертвые души потрясли всю Россию. Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой”. Выписки из книги Герцена, в том числе и приведенная здесь, были сообщены Гоголю в подлиннике, в письме М. С. Скуридина от 13 сентября 1851 г., т. е. за несколько месяцев до смерти Гоголя. [См. “Н. В. Гоголь. Материалы и исследования”, т. 1, стр. 133–138 и 145–149.]

6 октября 1843 г. Гоголь поручил Шевыреву приступить ко второму изданию “Мертвых душ”, причем от переработки написанного отказывался. “Поправок не нужно, — писал он, — кроме разве в языке и слоге, что ты мо-

жешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней”.

Новым письмом к Шевыреву от 2 февраля 1844 г. Гоголь приостановил печатание. Как видно из письма к Плетневу от 20 марта 1846 г., он еще рассчитывал подготовить второе переработанное издание первого тома. В связи с теми настроениями, которыми были вызваны “Выбранные места из переписки с друзьями”, замысел этот приобретает новую форму: переработка откладывается, но выпускается в свет второе издание с прежним текстом и в сопровождении предисловия — обращения к читателям всех званий и сословий, с признанием своих недостатков (“в книге этой многое описано неверно”) и с просьбой о “поправках” и других замечаниях. Сам Гоголь указывал на тесную связь предисловия с “Выбранными местами” и даже пытался — в письме к Шевыреву от 20 января 1847 г. приостановить издание до выхода в свет “Вы-

бранных мест” (“потому что предисловие может быть понятно читателям только по прочтении моей “Переписки”, а без этого всё это будет дико...”). Еще до получения этого письма второе издание “Мертвых душ” вышло в свет — одновременно с “Выбранными местами”. Второе издание вызвало рецензию Белинского, отмеченную глубокой тревогой за новое направление Гоголя. [“Современник”, 1847, № 1.]

Переработка первого тома не была Гоголем осуществлена, и первый том при жизни Гоголя больше не переиздавался.

Том 2 ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

<РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ> (ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ СЛОЙ АВТОГРАФА)

Поворотах. За лугами пески, [а. Как в тексте; б. за лугами золотые пески] за песками меловые отлогие [Далее начато: рядом] горы, отдаленным рядом лежавшие [а. Как в тексте; б. Исправления над строкой карандашом: за песками в одиноком удале<нии> меловые отлогие горы, лежавшие гребнем; в. Начато исправление чернилами: за песками у вала меловых гипсовых гор] на отдаленном небо-склоне, нестерпимо блиставшие [а. Как в тексте; б. После “блиставшие” над строкой начато: свое<й>] ослепительной белизной даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. Кое-где дымились по ним легкие туманно-сизые пятна. [а. Как в тексте; б. Вместо “Кое-где ~ пятна” над строкой начато карандашом: По белизне их так <1 нрзб.>; в. Над

строкой начато чернилами: На многих местах их] Это были отдаленные деревни; но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая, подобно искре, [вспыхивавшая как искра] золотая церковная маковка давала знать, [давала заметить] что это было людное, большое [было даже большое] селенье. Всё это облечено было [всё это было облечено] в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов, наполнявших воздух. Словом, не мог равнодушно выстоять на балконе никакой гость и посетитель, [никакой посетитель] и после какого-нибудь двухчасового созерцания издавал он то же самое [а. Как в тексте; б. Словом гость и посетитель и после ~ издавал то же самое и т. д. как в тексте.] восклицание, как и в первую минуту: “Силы небес, как здесь просторно!”

Кто ж был жилец этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны, полями, хлебами и, нако-

нец, редкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самых изб и господского дома. Кто был жилец, господин и владелец этой деревни? Какому счастливцу принадлежал этот закоулок?

А помещику Тремалаханского уезда Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому человеку.

Что же за человек такой, какого нрава, каких свойств и какого характера был помещик Андрей Иванович Тентетников? Разумеется, следует расспросить у соседей. Сосед, принадлежавший к фамилии отставных штаб-офицеров, брандеров, выражался о нем [Далее начато: естественнейший] лаконическим выраженьем: “Естественнейший скотина!” Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: “Молодой человек не глупый, но много забрал себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня и в Петербурге, и даже при...” Генерал речи не оканчивал. Капи-

тан-исправник замечал: “Да ведь чинишка на нем — дрянъ; а вот я завтра же к нему за недоимкой!” Мужик его деревни, на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Словом, общественное мнение о нем было скорей неблагоприятное, чем благоприятное.

А, между тем, в существе своем Андрей Иванович был не то доброе, не то дурное существо, а просто [а. Как в тексте; б. но просто] — коптитель неба. [а. Как в тексте; б. А в самом деле, в существе своем ~ существо, а так себе, коптитель неба.] Так как уже не мало есть на белом свете людей, копящих небо, то почему ж и Тентетникову не копить его. Впрочем, вот, в немногих словах, весь журнал его дня, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер.

Поутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидел на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, как на беду, были [довольно] маленькие, и потому протиранье их производилось необыкновенно долго. Во всё это время стоял у дверей человек

Михаиле, с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михаиле час, другой, [Далее начато: а барин всё еще протирал глаза] отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил, — барин всё еще протирал глаза и сидел на кровати. Наконец, подымался он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофий, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, крошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золой бессовестно. Два часа просиживал он за чаем; этого мало, он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор. У окна же происходила всякий день следующая сцена.

Прежде всего ревел небритой буфетчик Григорий, относившийся к Перфильевне, ключнице, в сих выражениях: “Душонка ты мелкопоместная, ничтожность этакая. Тебе бы, гнусной бабе, молчать да и только”. “Уж тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло!” выкрикивала ничтожность, или Перфильевна. “Да ведь с тобой никто не уживется: ведь

ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная”, ревел Григорий. “Да и прикащик вор такой же, как и ты”, выкрикивала ничтожность, так что было на деревне слышно. “Вы оба пьющие, губители господского, бездонные бочки. Ты думаешь, барин не знает вас, ведь он здесь, ведь он всё слышит”.

“Где барин?”

“Да вот он сидит [Да вот он глядит] у окна; он всё видит”.

И, точно, барин сидел у окна и всё видел.

К довершению этого, кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину; визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, всё голосило и верещало невыносимо. Барин всё видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени невыносимо, что даже мешало барину ничем не заниматься, высылал он сказать, чтобы

шумели потише... За два часа до обеда Андрей Иванович уходил к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезно и действительно. Занятие было, точно, сурьезное. Оно состояло в обдумывании сочинения, которое уже издавна [Далее начато: обд<умывалось>] и постоянно обдумывалось. Сочинение это долженствовало обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи [Далее начато: зад<анные>] и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность. Словом, большого объема. Но покуда всё оканчивалось одним обдумыванием. Изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом всё это отодвигалось на сторону, бралась на место того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе нетронутыми. Потом следовала прихлебка чашки кофия с трубкой, потом игра в шахматы с самим собой. Что же делалось потом до самого ужина, право, уже и сказать трудно.

Кажется, просто ничего не делалось.

И этак проводил время один-одинешенек в целом <мире> молодой тридцатидвухлетний человек, сидень сиднем, в халате, без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх — взглянуть на отдаленности и виды, не хотелось даже растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату, и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина. Из этого журнала читатель может видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобные.

Родятся ли уже сами собою такие характеры, или [Над строкой начато карандашом: после] создаются потом, это еще вопрос. [создаются потом, как отвечать на это?] Я думаю, что лучше, вместо ответа, рассказать историю детства и воспитания Андрея Ивановича.

В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то живой, то задумчивый. [а. Как в тексте; б. мальчик временами живой, временами задумчивый и молчаливый] Счастливым или несчастным случаем попал он в такое училище, где был директором человек в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды. Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека и знал язык, [имел способность слышать русского человека, знал язык] которым нужно говорить с ним. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом; напротив, даже после строжайшего выговора, чувствовал он какую-то бодрость и желанье загладить произведенную пакость и проступок. [а. Как в тексте; б. напротив, даже получивший выговор [желал] шел от него с каким-то бодрым желаньем загладить сделанную пакость и проступок] Толпа воспитанников его [Толпа его воспитанников] была с виду так шаловлива, [а. Как в тексте; б. с виду казалась так шаловлива] развязна и жива, что иной принял бы ее за [что можно было принять ее и за] беспорядочную необузданную вольницу. Но

он обманулся бы: власть одного слишком была сильна [а. Как в тексте; б. слишком была слышна] в этой вольнице. Не было проказника и шалуна, который бы не пришел к нему сам и не рассказал всего, что ни напроказил. Малейшее движение их помышлений было ему известно. Во всем поступал он необыкновенно. Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбье, — он называл честолюбье силою, толкающею вперед человека, — без которого не подвигнешь его на деятельность. [без которого его не подвигнешь на деятельность] Многих резвостей и шалостей он не удерживал, [Вместо “Многих ~ не удерживал” было начато: а. Он не удерживал многих резвостей и шалостей; б. Многих резвостей ~ не удерживал вовсе, они е<му>] в первоначальных резвостях видел он развивающиеся свойства душевные. [а. Как в тексте; б. видел он начало развития и свойства душевные.] Они были ему нужны затем, чтобы видеть, что такое именно таится в ребенке. Так умный врач глядит спокойно на появляющиеся временные припадки и сыпи, показывающиеся на теле, не истребляет их,

но всматривается внимательно, желая узнать [а. Как в тексте; б. дабы узнать] досто<верно> [На этом первоначальный текст прерывается. Утрачено два <?> листа.]

нельзя попасть не приобретя прежде порядочного хорошего почерка. А Тентетников писал тем самым письмом, о котором [Далее начато: выра<жаются>] говорят: “Писала сорока лапой, а не человек”. [а. Как в тексте; б. Нечего делать, нужно было облагораживать свой почерк, который был похож на то, как писала сорока лапой, а не человек; в. Начато: У бедного Андрея Ивановича] С большим трудом и с помощью дядиных протекций, проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он, наконец, место списывателя бумаг в каком-то департаменте. Когда вошел он в светлый зал, где [а. Как в тексте; б. где повсюду] за письменными лакированными столами сидели пишущие господа, шумя перьями и наклоня голову на бок, и когда посадили его самого, предложив ему тут же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы

он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний. Сидевшие вокруг его господа показались ему так похожими на учеников. Иные из них читали роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, [на учеников, одни даже вздрагивали при мгновенном появлении начальника, другие читали роман, засунув его в разбираемое дело.] как бы занимались они самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появлении начальника. Ему вдруг представилось, как невозвратно-потерянный рай, школьное время его. Так высокими сделались вдруг занятия ученьем перед этим мелким письменным занятием. Как это учебное приготовление к службе казалось ему теперь выше самой службы. И вдруг предстал в его мыслях, как живой, его ни с кем несравненный, чудесный воспитатель, никем незаменимый Александр Петрович, — и в три ручья потекли вдруг слезы из глаз его. [Далее начато: Потемнели столы, перемешались] Комната закружилась, задвигались столы, [Закружилась комната, потемне-

ли столы] перемешались чиновники, и чуть не упал он от мгновенного потемнения. “Нет”, сказал он в себе, очнувшись: “примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким”. Крепясь духом и сердцем, решился он слушать по примеру прочих.

Где не бывает наслаждений? Живут они и в Петербурге, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз, визжит отчаянным бесом ведьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шуб и шинелей, пудря усы людей и морды скотов, но приветливо светит вверху окошко где-нибудь, даже и в четвертом этаже: в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечках, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце, и душу разговор, читается вдохновенная, светлая страница поэта, какими наградил бог свою Россию, и так возвышенно-пылко [пылко-возвышенно] трепещет молодое сердце юноши, как не случается нигде в других землях и под полуденным роскошным небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему лучшим распределением времени, заставив его более дорожить остававшими<ся> минутами. Дядя, действительный статский [действительный тайный] советник, начинал было думать, что в племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. Надобно сказать, что в числе друзей Андрея Ивановича попало два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые по началу, но беспорядочные сами в своих действиях, они исполнены нетерпимости к другим. Пылкая речь их и благородный образ негодованья подействовали на него сильно. [Далее начато: Они разбудили в нем] Разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание. Фе-

дор Федорович [Федор Николаич] Леницын, начальник того отделения, [Далее начато: к которому он был пр<ичислен>] в котором он числился, человек наиприятнейшей наружности, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков и возненавидел его за то, будто бы он выражал в лице своем чересчур много сахара, когда говорил с высшим, и тут же, оборотившись к низшему, становился весь уксус. “Я бы ему простил”, говорил Тентетников: “если бы эта перемена происходила не так скоро в его лице; но как тут же, при моих глазах, и сахар, и уксус в одно и то же время”. С этих пор он стал замечать всякой шаг. Ему казалось, что и важничал Федор Федорович уже чересчур, что имел даже все замашки мелких начальников как-то: брать на замечанье тех, которые не являлись к нему с поздравленьем в праздники, даже мстить всем тем, которых имена не находились у швейцара на листе, и множество разных тех грешных принадлежностей, без которых не обходится ни добрый, ни злой человек. Он чувствовал к нему отвращенье нервическое. Какой-то злой дух толкал его сде-

лать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он наискивался на это с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до такой степени крупно, что ему объявлено было от начальства — или просить извинения, или выходить в отставку. Он подал в отставку. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему перепуганный и умоляющий. “Ради самого Христа! помилуй, Андрей Иванович! Что это ты делаешь? Оставляй так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался начальник не того... Что ж это? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься, образумься, еще есть время! Отринь гордость и самолюбье, поезжай и объяснись с ним!”

“Не в том дело, дядюшка”, сказал племянник. “Мне не трудно попросить у него извиненья, тем более, что я, точно, виноват: он мне начальник, и мне ни в каком случае не следовало так говорить с ним. Но дело вот в чем: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душ крестьян, именье в рас-

стройстве, а управляющий-дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Я помещик: званье это также не бездельно. Если я позабочусь о сохранении, сбереженья, и улучшеньи вверенных мне людей и представлю государству триста трезвых, работающих подданных, чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения Леницына?”

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумленья. Такого потока слов он не ожидал. [Он не ожидал такого потока слов] Немного подумавши, начал он было в таком роде: “Но все же таки... но как же таки?.. как же запропастить себя в деревне? Какое же общество может быть между мужичьем? Здесь все-таки на улице пройдет мимо тебя генерал, или князь. Захочешь — и сам пройдешь мимо каких-нибудь публичных красивых зданий; на Неву пойдешь взглянуть; а ведь там, что ни попадетса, всё это или мужик, или баба. За что ж себя осудить

на невежество на всю жизнь свою?”

Так говорил дядя, действительный статский советник. Сам же он во всю жизнь свою не ходил по другой улице кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий; не замечал никого из встречных, был ли он генерал, или князь; в глаза не знал прихотей, [Вместо “в глаза ~ прихотей”: не ведал никаких прихотей] какие дразнят в столицах людей, падких на невоздержанье, и даже от роду не был в театре. Всё это он говорил единственно затем, чтобы затеребить честолюбье и подействовать на воображенье молодого человека. В этом, однако же, не успел: Тентетников стоял на своем упрямо. Департаменты и столица стали ему надоедать. Деревня начинала представляться каким-то привольным приютом, воспоительницею дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Через недели две после этого разговора был он уже вблизи тех мест, где протекло его детство. Как стало всё припоминаться, как забилось его сердце, когда почувствовал, что он

уже вблизи отцовской деревни. Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичок, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного загложнувшего леса и он увидел сверху, внизу, над собой и под собой, трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, в пережку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: “чей лес?” ему сказали: “Тентетникова”; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и перелетела мостами в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос: “чьи луга и поемные места?” отвечали ему: “Тентетникова”; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, с одной стороны мимо неснятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вдруг и разом показались в картинном отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких разви-

листных деревьев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирпичные избы мужиков и крытые красными крышами господские строения; когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куды приехало, — ощущение и мысли, непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись, наконец, почти такими словами: “Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть владельцем земного рая, принцем, а я закабалил себя в канцелярию писцом. Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какие требуются [которые] для управления людьми, улучшения целой области, для исполнения многообразных обязанностей помещика, являющегося и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, вверить это место невеже-управителю! И выбрать вместо этого что же? — переписыванье бумаг, что может несравненно лучше производить [а. что мог бы сделать; б. что может вместо <него>; в. Как в тексте.] ничему не учившийся кантонист”. И еще раз дал себе названье дурака Андрей Иванович Тентетников.

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, население всей деревни собралось к крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремели: “Кормилец, дождались мы тебя”. Бабы заголосили: “Золото, серебро ты сердечное!” Стоявшие подале даже подрались от усердья продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: “Соплюнчик ты наш, [Далее начато: измо<рила>] да какой же ты жиденькой! изморила тебя окаянная немчура!” — “Пошла ты, баба”, закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. “Ишь куды полезла! корявая!” Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русской мужик мог не засмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее он тронут был глубоко в душе своей. “Столько любви! и за что?” думал он в себе. “За то, что я никогда не видал их,

никогда не занимался ими. Отныне же даю слово разделить с вами труды и занятия ваши. Употреблю всё, чтобы помочь вам сделаться тем, чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, в вас [внутри вас] же самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!”

И действительно, Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Он увидел на месте, что приказчик был, точно, баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть, вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а, в прибавленье ко всему, подозревал всех мужиков в покушеньи на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, на место его выбрал другого, бойкого; оставил мелочи, обратил вниманье на главные части, уменьшил барщину, убавил дни работ на себя, прибавил времени мужикам работать на них самих и думал, что теперь дела пойдут найотличнейшим порядком. Сам стал входить во всё, пока-

зываются на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов. “Да он, вишь ты, востроногой!” стали говорить мужики и даже почесывать в затылках, потому что от долговременного бабьего управления они все изрядно поизленились. Но это продолжалось не долго. Русской мужик сметлив и умен: он понял скоро, что барин хоть и прыток, и есть в нем охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не смыслит, говорит как-то чресчур грамотно и затейливо, мужику не в долбеж и не в науку. Вышло то, что барин и мужик как-то не то, чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле всё выходило как-то хуже, чем на мужичьей. Сеялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо; он сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес и кустилось просо, а у него едва начал только идти хлеб в трубку, пятка колоса

еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: “Как можно, барин, чтобы мы о господской, то есть, выгоде не радели? Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли — по чапорухе водки приказали подать”. Что было на это возражать? — “Да отчего ж теперь вышло скверно?” допрашивал барин. — “Кто его знает, видно, червь подъял снизу. Да и лето, вишь ты, какое: совсем дождей не было”. Но барин видел, что у мужиков червь не подъял снизу, да и дождь шел как-то странно, полосую: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил. Но еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело. Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, на половину сбавил с них других работ, думая, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, общьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было. Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись [Вместо “Праздность ~

завелись” начато: завелись праздность ~ ссоры до того] между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: “Барин, уйми беса-бабу. Точно чорт какой: житья нет от ней”. Несколько раз, скрепя свое сердце, хотел он приняться за строгость. Но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хвора, больная, таких скверных, гадких наворачивала на себя тряпок; уж откуда она их набирала, бог ее весть. “Ступай, ступай себе только с глаз моих подальше!” — говорил бедный Тентетников и во след за тем имел удовольствие видеть, как баба тут же, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и, несмотря на свою хворость, так отламывала ей бока, как не сумеет [как не сумел бы] и здоровый мужик. Вздумал он было какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил, — лучше было и не задумывать. Всё это значительно охладило его рвенье и к хозяйству, и к разбирательному судейскому делу, и вообще к деятельности. При работах он уже присутствовал почти без вни-

манья: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонние предметы. Во время покосов не глядел он на быстрое подыманье шестидесяти разом кос и мерное с легким шумом паденье под ними рядами высокой травы; он глядел вместо того на какой-нибудь в стороне извив реки, по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын, разумеется, птица, а не человек; он глядел, как этот мартын, поймав рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, и до того глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдалении виден был другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Во время уборки хлебов не глядел он на то, как складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишом. Ему не было дела до того, [Вместо “Ему ~ того”: Не было ему дела, как] лениво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподняв голову кверху, к пространствам небесным, представлял он обонянью впивать запах полей, а слуху — поражаться голосами воздушного певучего населенья, когда оно отовсюду, от

небес и от земли, соединяется в один хор, не переча друг другу. Бьет перепел, дергает в траве дергун, урчат — и чиликают перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков, и турлыканье журавлей, несущихся в стороне вереницею, — точный звон серебряных труб, — слышится в пустоте звонко сотрясающей<ся> пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа — он был вдали от нее; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что́ было поближе. И был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в то же время видит и фигу, подставленную ему товарищем. Наконец, и совсем [Наконец и вовсе] перестал он ходить на работы, бросил совершенно и суды, и всякие расправы, засел в комнаты и перестал принимать к себе даже с докладами приказчика. Временами из соседей завернет к нему, бывало, отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандер-полковник, мастер и охотник на разговоры обо всем. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали ему казаться как-то поверхностными; живое,

ловкое обращение, потрепки по колену и прочие развязности начали ему казаться уже чересчур прямыми и открытыми. Он решился с ними раззнакомиться и произвел это даже довольно резко. Именно, когда представитель всех полковников-брандеров, наимприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем, Варвар Николаич Вишнепокромов приехал к нему затем именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состоянья финансов в Англии, он выслал сказать, что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами. Один, разумеется, проворчал сквозь зубы: “скотина!”, другой послал ему тоже нечто вроде свиньи. Так и кончилось знакомство. С тех пор не заезжал к нему никто. Уединенье полное [Далее начато: воца<рилось>] водворилось в доме. Хозяин залез в халат безвыходно, предавши тело бездействию, а мысль — обдумыванью большого сочиненья о России. Как обдумывалось это сочинение, читатель уже видел. День приходил и уходил однообразный и бесцветный. Нельзя

сказать, однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы [газеты и жу<р>налы] и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевавшего [уже подвизавше<го>ся] на видном поприще государственной службы или приносившего посильную дань наукам и образованию всемирному, тайная тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная, безмерно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась неволью. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силой воскресало пред ним школьное минувшее время и представал вдруг, как живой, Александр Петрович... Градом лились из глаз его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни? что не успел образовать<ся> и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, неиспытанный заранее в борьбе с неудачами, не достиг-

нул он до высокого состоянья возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и теперь, без упругости, бессильна его воля; что слишком для него рано умер чудный необыкновенный наставник и что нет теперь никого во всем свете, кто бы был в силах воздвигнуть и поднять шатаемые вечными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, [лишенную упругости или слабую немощную волю] кто бы крикнул живым, пробуждающим голосом, — крикнул душе пробуждающее слово: вперед, [Далее начато: всемогущее слово, отовсюду] которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов, русской человек.

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед? Кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем может устремить на высокую жизнь русского человека?

Какими слезами, какой любовью заплатил бы он ему. Но веки проходят за веками, — полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однако же, не разбудило Тентетникова и чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то вроде любви, но и тут дело как-то свелось на ничего. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, [Далее начато: который, как уже видели мы] отзывавшийся, как мы уже видели, не совсем благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтение, сам, разумеется, визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо невиданное, странное, [существо странное, невиданное] которую скорей можно было почтить [можно было назвать] каким-то фантастическим видением, чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою гре-

зит этим сновиденьем, действительность для него пропадает навсегда и он решительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портрет ее. Это было что-то живое, как сама жизнь. Она была миловидней, чем красавица; лучше, чем ум; стройней, воздушней классической женщины. Никак бы нельзя было сказать, какая страна положила на нее свой отпечаток, потому что подобного [Далее начато: очерт<анья>] профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камнях. Как в ребенке, воспитанном на свободе, в ней было всё своенравно. Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко — с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее созданье. Но гнев бывал у нее только тогда, когда она слышала, о какой бы то ни

было несправедливости или жестоком поступке с кем бы то ни было. Но как вдруг исчезнул бы этот гнев, если бы она увидела того самого, на кого гневалась, в несчастии, как бы вдруг бросила она ему свой кошелек, не размышляя, умно ли это или глупо, [а. Как в тексте; б. не размышляя, прилично ли это; в. если бы он нуждался] и разорвала на себе платье для перевязки, если б он был ранен. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы летели в ту же сторону, и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными ее словами. Ничего не было в ней утаенного. Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что всё ей уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел, а добрый, даже самый застенчивый, мог разговориться

с нею вдруг, как с сестрой, и [Далее начато: ему казалось] — странный обман — с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы, и надолго после того становился ему [Вместо “и надолго ~ становился ему”]: и становился ему после того как-то] скучным разумный возраст человека.

Андрей Иванович Тентетников не мог бы никак рассказать, как это случилось, что с первого же дни он стал с ней так, как; бы знаком был вечно. Неизъяснимое, новое чувство вошло к нему в душу. Его жизнь на мгновение озарилась. Халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михаило с рукомойником в руках. Растворялись окна в комнатах, и часто владелец картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада [Далее начато: не чуждый] и останавливался по часам перед пленительными видами на отдаленья.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись между собою они не могли. Разговоры у них всегда оканчивались спором и каким-то неприятным ощущением с обеих сторон. Генерал не совсем любил противуречья и возраженья, хотя в то же время поговорить любил даже и о том, чего не знал вовсе. [Вместо “хотя ~ вовсе”: хотя в то же время любил поговорить о том, чего не знал] Тентетников, с своей стороны, тоже был человек щекотливый. Впрочем, ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался до тех пор, покуда не приехали гостить к генералу родственницы, графиня Глузтырева и княжна Юзякина: одна — вдова, другая — старая девка, обе фрейлины прежних времен, [обе фрейлины времен Екатерины] отчасти болтунии, отчасти сплетницы, [а. Как в тексте; б. обе болтунии, обе сплетницы] не весьма обворожительные любезностью своей, [Вместо “любезностью своей” исправлено карандашом: своим обращением] но, однако же, имевшие значительные связи в Петербурге, и перед которыми генерал немножко даже подличал. Тен-

тетникову показалось, что, с самого дни приезда их, генерал стал к нему как-то холоднее, почти не замечал его и обращался как с лицом бессловесным или с чиновником, [употребляемым для переписки], самым мелким. Он говорил ему то братец, то любезнейший, и один раз сказал ему даже ты. Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему в голову. Скрепя сердце и стиснув зубы, он однако же имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и всё внутри его кипело: “Я должен благодарить вас, генерал, за ваше расположение. Вы приглашаете и вызываете меня словом ты на самую тесную дружбу, обязывая и меня также говорить вам ты. Но позвольте вам заметить, что я помню различие наше в летах, совершенно препятствующее такому фамильярному между нами обращению”. Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово ты было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволено сказать молодому человеку ты (о чине своем он не упомянул ни слова). Разумеется, с

этих пор знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было перед ним блеснувший, и следовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Байбак сизнова залез в халат свой. Всё поворотило сизнова на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась по целому дню посреди комнаты вместе с сором. Панталоны заходили даже в гостиную; на щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали куры. Бессильно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки или же выписывал Милостивый Государь с восклицательным знаком всеми почерками и характерами. А иногда же всё позабывши, перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими, острыми чертами, с приподнятой легкой прядью волос, упавшей из-под гребня [Далее начато: тонки<ми>] длинными, тонкими кудрями,

молодыми обнаженными руками, [Далее начато: как бы летеvшую стрем<ительно>] — и в изумленьи видел хозяин, что выходил портрет той, с которой портрета не мог бы написать никакой живописец. И еще грустнее становилось ему потом, и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он на целый день скучным и безответным.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тентетникова. Вдруг в один день, подходя к окну обычным порядком, с трубкой и чашкой в руках, заметил он во дворе движение и некоторую суету. Поварченок и поломойка бежали отворять ворота, и в воротах показались кони, точь-в-точь, как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда по середине. Свыше их, на козлах кучер и лакей в широком сертуке, подвязанный носовым платком; за ними господин в картузе и шинели, закутаный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как рессорная легкая бричка. Господин необыкновенно при-

личной наружности [Господин приличной наружности и умеренной толщины корпуса] соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека.

Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело. Какие-то философы из гусар, да недоучившийся студент, [Какие-то философы, да недоучившийся студент] да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута, и масона, и карточного игрока, пьяницы и красноречивейшего человека. Общество было устроено с необыкновенно-обширной целью — доставить счастье всему человечеству. Касса денег потребовалась огромная, пожертвованья собирались с великодушных членов невероятные. Куды это всё пошло, знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это втянули его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, [а. втянули его огорченные; б. втянули его два добрые че-

ловека, огорченные; в. втянули его два приятеля добрых; г. Как в тексте.] добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещения и прогресса сделались потом горькими пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других [Далее начато: даже не совершен <но>] действиях, даже не совсем приличных дворянину, так что потом завязались дела и с полицией... А потому не мудрено, что хотя и вышедши, и разорвавши всякие сношения с благодетелем человечества, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. И теперь не без страха глядел он на долженствовавшую раствориться дверь. [глядел он на дверь, долженствовавшую раствориться]

Страх его, однако же, прошел вдруг, когда гость раскланялся с ловкостью невероятной, сохраняя почтительное положение головы несколько на бок. В коротких, но определенных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребно-

стями, и любознательностью; что государство наше преизобилует предметами замечательными, не говоря уже об красоте мест, обилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинностью местоположенья его деревни; что, несмотря, однако же, на картинность местоположенья, он не дерзнул бы никак беспокоить его неуместным заездом своим, если б не случилось что-то в бричке его, [в его бричке] требующее искусной руки помощи со стороны кузнецов и мастеров. Что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему лично свое почтение. Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ножкой [Далее начато: отступивши несколько назад с легкостью резинового мячика] и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинового мячика.

Андрей Иванович подумал, что это должен быть какой-нибудь любознательный ученый профессор, который ездит по России затем,

чтобы собирать какие-нибудь растения или даже предметы ископаемые. Он изъявил ему всякую готовность споспешествовать; предложил ему своих мастеров, колесников и кузнецов для поправки брички; просил расположиться у него как в собственном доме; усадил обходительного гостя в большие вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ, без сомнения, об ученых предметах и естественных. [В подлиннике: естественным]

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира. Заговорил о превратностях судьбы; уподобил жизнь свою судну среди морей, гонимому отовсюду ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много мест и должностей, что много потерпел за правду, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал он такого, из чего Тентетников мог видеть, что гость его был скорее практической человек. В заключение всего, он высморкался в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слышал. Подчас попадаетея в оркестре такая

пройдоха-труба, которая когда хватит, то кажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе. Точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дремавшего дома, и немедленно вослед за ним воспоследовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловким встряхнутием носового батистового платка.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время. Казалось, как бы и самый фрак “на нем немножко поустарел, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади, и упряжь [Далее начато: всё] как бы поистерлись и поизносились. Казалось, как бы и самые финансы не были в завидном состоянии. Но выражение лица, приличье, обхожденье остались те же. Даже, казалось, как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку ножку, когда садился в кресла; еще более было мягкости в выговоре речей, осто-

рожной умеренности в словах и выраженьях, более уменья держать себя и более такту во всем. Белей и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то, что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, — хоть на именинный обед. Щеки и подбородок выбриты были так ровно и гладко, что один разве только слепой мог не полюбоваться приятной выпуклостью и круглостью их.

В доме произошло преобразование. Половина его, дотоле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Из брочки стали выносить поклажу; всё начало размещаться в осветившихся комнатах, и скоро всё приняло такой вид: комната, определенная быть спальней, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета; комната, определенная быть кабинетом... Но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола: один письменный — перед диваном, другой ломберный — между окнами у стены, третий угольный — в углу, между дверью в спальню и дверью в необита-

емый зал с инвалидной мебелью. [и дверью в вестибюльную комнату] На этом угольном столе поместилось вынуженное из чемодана платье, а именно: панталоны под фрак, [панталоны старые и новые] панталоны под сертук, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сертук и два фрака. (Жилеты же белого пике и летние брюки отошли к белью в комод.) Всё это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху носовым шелковым платком. В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядком сапоги: сапоги не совсем новые, сапоги совсем новые, сапоги с новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком так, как бы их там вовсе не было. На столе перед двумя окнами поместилась шкатулка. На письменном столе перед диваном — портфель, банка с одеколоном, сургуч, зубные щетки, новый календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье всё поместилось в комод, [Далее начато: в том числе] уже находившемся в спальне; белье же, которое [то же белье, которое] следовало прачке,

завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростаньи его, был тоже подсунут под кровать. Сабля поместилась также в спальне, повиснувши на гвозде, недалеко от кровати. Та и другая комната приняли вид чистоты и опрятности необыкновенной; нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился: в нем утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням. В вестибюльной комнате покушался было утвердиться на время запах слугителя Петрушки. Но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь измененьями в образе жизни, и не разрушился бы порядок дня его, так удачно заведенный, — но спасенья были напрасны. Гость показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрил философи-

ческую неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединении тоже выразился весьма счастливо, именно, что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой [Далее начато: и похваля вообще] о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Словом, выронил слов не много, но значительных. В поступках же своих — поступал еще более кста-ти. Вóвремя являлся, вóвремя уходил; не затруднял хозяина запросами в часы неразговорчивости его; с удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда первый пускал кудреватыми облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал соответствовавшее тому занятие: вынимал, например, из кармана серебряную с чернью табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, в подобье того, как земная сфера обращается около своей оси, или же просто барабанил по ней пальцами, на-свистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словом, он не мешал хозяину никак. “Я в первый раз

вижу человека, с которым можно жить”, говорил про себя Тентетников. “Вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть [Далее начато: мно<го>] довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но постоянно приятных, людей постоянно ровного характера, людей, с которыми можно прожить век и не поссориться, — я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей. Вот первый, единственный человек, которого я вижу”. Так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смирного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, [Далее начато: а. хотя на несколько; б. среди полей; в. в такой деревне] хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморроидальном отношении. Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна убрала его красотой несказанной. [Далее начато: Что зелени во всем, что птичьего крику в садах, что упоительной свежести в воздухе] Что яркости в зелени! Что све-

жести в воздухе! Что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пела, как будто новорожденная. Чичиков ходил много. То [Далее начато: держал устре<мление>] направлял он прогулку свою по плоской вершине возвышений, [Далее было: держась краев] в виду расстилавшихся внизу долин, [расстилавшихся вдали долин] по которым везде оставались еще большие озера от разлития воды, [от водных разлитии] или же вступал в овраги едва начинавших убираться листьями лесов; усеянные вороньими гнездами дерева и узкая просинь чернели густыми стаями [чернели от перекрестного летания густыми стаями] ворон, — оглушаемые карканьем ворон, разговорами галок и гра<я>ньями грачей, перекрестными летаньями помрачавшими небо; [Начата правка карандашом: перекрестными своими летаньями помрачавших небо] или же спускался вниз [Начата правка карандашом: Чичиков опускался] к поемным местам и разорванным плотинам — глядеть, как с оглушительным шумом неслась повергаться вода на мельничные колеса; или же пробирался дале к при-

стани, откуда неслись, вместе с течением воды, первые суда, нагруженные горохом, овсом, ячменем и пшеницей; или отправлялся в поля на первые весенние работы глядеть, как свежая орань черной полосой проходила по зелени, или же как ловкий сеятель бросал из горсти семена ровно, метко, ни зернышко не передавши на ту или другую сторону. Толковал и говорил с приказчиком и с мужиком, и мельником — и что и как, и каковых урожаев нужно ожидать, и на какой лад идет у них запашка, и по сколько хлеба продается, и что выбирают весной и осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову, и чем кормит свинью, словом — всё. Узнал и то, сколько перемерло мужиков. Оказалось, немного. Как умный человек, заметил он вдруг, что незavidно идет хозяйство у Андрея Ивановича: [хозяйство у Тентетникова] повсюду упущенья, нераденье, воровство, немало и пьянства. И мысленно говорил он сам в себе: “Какая, однако же, скотина Тентетников: Запустить имение, которое могло бы приносить, по малой мере, пятьдесят тысяч годового доходу!” И, не

будучи в силах удержать справедливого негодованья, повторял он: “Решительно скотина!” Не раз, посреди таких прогулок, приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, т. е., разумеется, не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, сделаться самому мирным владельцем [мирным помещиком] подобного поместья. Тут обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свежая, белолицая бабенка, может быть, даже из купеческого сословия, впрочем, однако же, образованная и воспитанная так, как и дворянка, чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже так заведено, зачем же идти противу общего мнения? Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было [чтобы оказалось] всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то, что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком, — чтобы не было стыдно и перед отечеством. Пред-

ставлялось ему даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление; статский советник, например, чин почтенный и уважительный... И много приходило ему в голову того, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теребит, дразнит, шевелит его и бывает ему любо даже и тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется.

Людям Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве; Григорий же осадил его сразу [осадил его разом] Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться и выехать на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал, но Григорий назвал ему [но Григорий ему назвал] такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч слишком верст, так что Петрушка осовел, ра-

зинул рот и был поднят на смех тут же всею дворней. Впрочем, дело кончилось между ними самой тесной дружбой: дядя лысый Пимен держал в конце деревни знаменитый кабак, которому имя было “Акулька”; в этом заведении видели их все часы дня. Там стали они свои друзья, или то, что называют в народе: кабацкие завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые стройные девки, каких трудно было найти в другом месте, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе или же выходил на них стеной, в ряду других парней, и погасал горячо рдеющий вечер, и тихо померкала вокруг окольность, и далеко за рекой отдавался верный отголосок неизменно грустного напева, — не знал он и сам

тогда, что с ним делалось. Долго потом во сне и наяву, утром и в сумерки, всё мерещилось ему, что в обеих руках его белые руки и движется он с ними в хороводе. Махнув рукой, говорил он: “Проклятые лезли девки!”

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Заседателем, и самый чубарый, о котором выражался Селифан: “подлец-лошадь”, нашли пребыванье у Тентетникова [Далее начато: очень] совсем нескучным, овес отличным, а расположение конюшен необыкновенно удобным: у всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей; так что, если бы пришла [Далее начато: охота] кому-нибудь из них, даже самому дальнему, фантазия вдруг заржать, то можно было ему ответить тем же тот же час.

Словом, все обжились, как дома. Читатель, может быть, изумляется, что Чичиков доселе не заикнулся по части известных душ. Как бы не так. Павел Иванович стал очень осторожен

насчет этого предмета. Если бы даже пришлось [пришлось об этом] вести дело с дураками круглыми, он бы и тут не вдруг его начал. [он бы и тут нескоро отважился] Тентетников же, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего: и отчего, и почему? “Нет, черт его возьми! разве начать с другого конца?” — так думал Чичиков. Разговаривая по часту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведдал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером всё рисовал какие-то головки, одна на другую похожие. Один раз скоро после обеда, оборачивая, по обыкновенью, пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так: “У вас всё есть, Андрей Иванович, одного только недостает”. — “Чего?” спросил тот, выпуская кудреватый дым. “Подруги жизни”, сказал Чичиков. Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился. Чичиков

не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг: “А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться”. Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна. Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время уже после ужина, и сказал так: “А все-таки, как ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию”. Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа у Андрея Ивановича было как-то особенно настроено к откровенности, он вздохнул и сказал, пустивши кверху трубочный дым: “На всё нужно родиться счастливецом, Павел Иванович”, и рассказал всё, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва.

Когда услышал Чичиков, от слова до слова, всё дело и увидел, что из-за одного слова ты произошла такая история, он оторопел. Несколько минут смотрел пристально [Далее начато: а. ему; б. Андр<ею Ивановичу>] в глаза Тентетникова и заключил: “Да он, просто,

круглый дурак”.

“Андрей Иванович! помилуйте”, сказал он, взявши его за обе руки: “какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове ты?”

“В самом слове нет ничего оскорбительного”, сказал Тентетников: “не в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. Ты! — это значит: “помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше, а приехала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое место, стой у порога”. Вот что это значит”. Говоря это, смирный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами, в голосе его слышалось раздраженье оскорбленного чувства.

“Да хоть бы даже и в этом смысле, [Далее начато: так] что ж тут такого?” сказал Чичиков.

“Как?” сказал Тентетников, смотря пристально в глаза Чичикову: “вы хотите, чтобы <я> продолжал бывать у него после такого по-

ступка!”

“Да какой же это поступок! это даже не поступок!” сказал Чичиков.

“Какой странный человек этот Чичиков!” подумал про себя Тентетников.

“Какой странный человек этот Тентетников!” подумал про себя Чичиков.

“Это не поступок, Андрей Иванович. Это просто генеральская привычка: они всем говорят ты. Да, впрочем, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?”

“Это другое дело”, сказал Тентетников. “Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне ты и принял бы даже почтительно”.

“Он совсем дурак”, подумал про себя Чичиков: “Оборвышу позволить, а генералу не позволить!” И, вслед за таким размышленьем,

так возразил ему вслух: “Хорошо! положим, он вас оскорбил, за то [Далее начато: и вы ему отве<тили>] вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему. Но расставаться навсегда из пустяка, — помилуйте, на что же это похоже? Как же оставлять дело, которое только что началось? Если уже избрана цель, так тут уже нужно идти напролом. Что тут глядеть на то, что человек плюется. Человек всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человека в свете, который бы не плевался”.

Тентетников совершенно озадачился этими словами, оторопел, глядел в глаза Павлу Ивановичу и думал про себя: “Престранный, однако ж, человек этот Чичиков!”

“Какой, однако же, чудак этот Тентетников!” думал между тем Чичиков. “Позвольте мне как-нибудь обделать это дело”, сказал он вслух. “Я могу съездить к его превосходительству и объясню, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанию людей и света”.

“Подличать перед ним я не намерен”, сказал сильно Тентетников.

“Сохрани бог подличать!” сказал Чичиков и перекрестился. “Подействовать словом увещанья, как благоразумный посредник, но подличать [а. Как в тексте; б. но подличать... Чичиков обиделся] ... Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидал, чтобы слова принимали вы в таком обидном смысле”.

“Простите, Павел Иванович, я виноват”, сказал тронутый Тентетников, схвативши признательно обе его руки. “Ваше доброе участие мне дорого, клянусь. Но оставим этот разговор, не будем больше никогда об этом говорить”.

“В таком случае я поеду просто к генералу без причины”, сказал Чичиков.

“Зачем?” спросил Тентетников, в недоумении смотря на Чичикова. [а. Как в тексте; б. смотря на него]

“Засвидетельствовать почтенье”, сказал Чичиков.

“Какой странный человек этот Чичиков!” подумал Тентетников.

“Какой странный человек этот Тентетников!” подумал Чичиков.

“Так как моя бричка”, сказал Чичиков: “не пришла еще в надлежащее состояние, то позвольте мне взять у вас коляску. Я бы завтра же, эдак около 10 часов, к нему съездил”. [около 10 часов утра к нему бы и съездил]

“Помилуйте, что за просьба. Вы — полный господин, выбирайте какой хотите экипаж: всё в вашем распоряжении”.

Они простились и разошлись [Далее начато: не без рассу<ждения>] спать, не без рассуждения о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь: на другой день,

когда подали Чичикову лошади и вскочил он в коляску, с легкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтенье генералу, Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился он ни диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить. Безуспешное хотенье! Мысль не лезла к нему в голову. То старался ни о чем не мыслить. Безуспешное старание! Отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклеывались к нему в голову. “Странное состоянье!” сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой еще [Далее начато: не успело.] курилась не успевшая улечься пыль, поднятая уехавшей коляской. Но оставим Тентетникова и последуем за Чичиковым.

ГЛАВА II

В полчаса с небольшим кони пронесли Чичикова чрез десятиверстное пространство: сначала дубовую, [сначала мимо раскидистой ду<бровы>] потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и наконец аллею широких раскидистых лип внесли его в генеральскую деревню. Аллея лип превратилась в аллею тополей, [а. Как в тексте; б. в аллею молодых тополей] огороженных снизу плетеными коробками, и уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво-великолепный резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь колонн с коринфскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою непрерывно обновлялося всё, ничему не давая состариться. Двор чистотой подобен был паркету. Подкативши к подъезду, Чичиков с почтением соскочил на крыльцо, приказал о себе доложить и был введен прямо в кабинет к генералу.

Генерал поразил его величественной на-

ружностью. Он был на ту пору в атласном малиновом халате. Открытый взгляд, лицо мужественное, бакенбарды и большие усы с проседью, стрижка низкая, а на затылке даже под гребенку, шея толстая, широкая, так называемая, в три этажа: в три складки с трещиной поперек, голос — бас с некоторою охрипью, движенья генеральские. Генерал Бетрищев, как и все мы грешные, был одарен многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, как случается в русском человеке, было набросано в нем в каком-то картинном беспорядке. Самопожертвованье, великодушье, в решительные минуты храбрость, ум — и ко всему этому изрядная подмесь себялюбья, честолюбья, самолюбия, мелочной щекотливости личной и многого того, без чего уже не обходится человек. Всех, которые ушли вперед его по службе, он не любил, выражался о них едко, в сардонических, колких эпиграммах. Всего больше доставалось от него его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом, и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, в одной

из которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку, язвил он его при всяком случае, критиковал всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. Несмотря на доброе сердце, генерал был насмешлив. Вообще говоря, он любил первенствовать, любил фимиам, любил блеснуть и похвастаться умом, любил знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. С такой неровностью в характере, с такими крупными, яркими противоположностями, он должен был неминуемо встретить по службе кучу неприятностей, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную, величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате — он был всё тот же. От голоса до малейшего телодвиженья в нем всё было властительное, повелевающее, внушавшее в низ-

ших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уважение, и робость. Наклоня почтительно голову на бок, начал он так: “Счел долгом представиться [счел долгом засвидетельствовать] вашему превосходительству. Питая уважение к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству”.

Генералу, как видно, не понравился такой приступ. Сделавши весьма милостивое движенье Головою, он сказал: “Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?”

“Поприще службы моей”, сказал Чичиков, садясь в кресла не в середине, но наискось и ухватившись рукою за ручку кресел, “началось в казенной палате, ваше превосходительство; дальнейшее же течение оной продолжал в разных местах: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможне.

Жизнь мою можно уподобить судну среди волн, ваше превосходительство. На терпенье, можно сказать, вырос, терпением воспоен, терпением спеленат, и сам, так сказать, не что другое, как одно терпенье. А уж сколько претерпел от врагов, так ни слова, ни кисти, ни краски не сумеют передать. Теперь же, на вечере, так сказать, жизни своей, ищу уголка, где бы провести остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства...”

“У кого это?”

“У Тентетникова, ваше превосходительство”.

Генерал поморщился.

“Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уваженья...”

“К чему уваженья?”

“К заслугам вашего превосходительства”, сказал Чичиков. “Не находит слов, не знает, как загладить проступок. Говорит: “Если бы я только мог перед его превосходительством чему-нибудь... потому что, точно”, говорит, “умею ценить мужей, спасавших отечество”, говорит”.

“Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь!” сказал смягчившийся генерал. “В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек”.

“Преполезный”, подхватил Чичиков: “обладает даром слова и владеет пером”.

“Но пишет, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?”

“Нет, ваше превосходительство, не пустяки...”

“Что ж такое?”

“Он пишет... историю, ваше превосходитель-

тельство”.

“Историю? о чем историю?”

“Историю...” тут Чичиков остановился, и оттого ли, что перед ним сидел генерал, или, просто, чтобы придать более важности предмету, прибавил: “историю о генералах, ваше превосходительство”.

“Как о генералах? о каких генералах?”

“Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности. То-есть, говоря собственно, об отечественных генералах”, сказал Чичиков и сам подумал: “что [Далее начато: я та<кое>] за вздор такой несус”.

“Извините, я не очень понимаю... что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии, и притом всех ли, или только участвовавших в 12-м году?”

“Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году”, сказал Чичиков.

“Так что ж он ко мне не придет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов”.

“Не смеет, ваше превосходительство”.

“Какой вздор! Из какого-нибудь пустого слова... Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать”.

“Он к тому не допустит, он сам придет”, сказал Чичиков, и в то же время подумал он в себе: “Генералы пришли, однако же, кстати, между тем как язык [Далее начато: а. с како<й>; б. совершенно] болтнул сдуру”.

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою. На обратной половине растворенной двери, ухватившись чудесной рукой [чудесной ручкой] за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сзади лампами, она бы не поразила так, как эта сияв-

шая жизнью фигурка, [так, как фигурка эта] которая точно предстала затем, чтобы осветить комнату. Казалось, как бы вместе с нею влетел солнечный луч в комнату, озаривший вдруг потолок, карниз и темные углы ее. Она казалась блистающего роста. Это было обольщение; происходило это от необыкновенной стройности и гармонического соотношения между собою всех частей тела, от головы до пальчиков. Одноцветное платье, на ней брошенное, было брошено с таким <вкусом>, что, казалось, швеи столиц <должны были> делать совецанье между собой, как бы лучше убрать ее. Это был обман. Одевалась она кое-как, сама собой; в двух, трех местах схватила неизрезанный кусок ткани, и он прильнул и расположился вокруг нее в таких складках, что ваятель перенес бы их тотчас же на мрамор, [а. Как в тексте; б. перенес бы их, как драгоценность, на мрамор] и барышни, одетые по моде, все казались перед ней какими-то пеструшками. Несмотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ее по рисункам Андрея Ивановича, он смотрел [В подлиннике: он осмотрел] на нее, как оторопе-

лый. И потом уже [Вместо “И потом уже” над строкой исправлено: И после уже очнувшись] заметил, что у нее [заметил, что он] был существенный недостаток, именно — недостаток толщины. [Вместо “Несмотря на то ~ толщины” над строкой исправлено: Одно было нехорошо: она была чересчур уж тонка и худа]

“Рекомендую вам мою баловницу!” сказал генерал, обратиться к Чичикову. “Однако ж, я вашего имени и отчества до сих пор не знаю”.

“Впрочем, должно ли быть известно имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями?” сказал Чичиков.

“Всё же, однако ж, нужно знать...”

“Павел Иванович, ваше превосходительство”, проговорил Чичиков, с легким наклоном головы на бок.

“Улинька! Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость. Сосед наш Тентетни-

ков совсем не такой глупой человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года”.

Улинька вдруг как бы вспыхнула и оживилась.

“Да кто же думал, что он глупый человек?” проговорила она быстро. [“Да кто же думал”, проговорила она быстро, “что он глупый человек”.] “Это мог думать разве один только Вишнепокромов, которому ты веришь, папа, который и пустой, и низкой человек”.

“Зачем же низкой? Он пустоват, это правда”, сказал генерал.

“Он подловат и гадковат, не только что пустоват”, подхватила живо Улинька. “Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкой человек”.

“Да ведь это рассказывают только”.

“Рассказывать не будут напрасно. У тебя, отец, добрейшая душа и редкое сердце, но ты поступаешь, так, что иной подумает о тебе совсем другое. Ты будешь принимать человека, о котором сам знаешь, что он дурен, потому что он только краснобай и мастер перед тобой увиваться”. [краснобай и мастер говорить]

“Душа моя! ведь мне ж не прогнать его”, сказал генерал.

“Зачем прогонять, зачем и любить?”

“А вот и нет, ваше превосходительство”, сказал Чичиков Улиньке, с легким наклоном головы на бок, с приятной улыбкой: “По христианству, именно таких мы должны любить”. И тут же, обратясь к генералу, сказал с улыбкой, уже несколько плутоватой: “Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое: полюби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбит?”

“Нет, не слыхал”.

“А это преказусный анекдот”, [а. Как в тексте; б. Прекуръезный анекдот, ваше превосходительство; в. Симпатической анекдот, ваше превосходительство] сказал Чичиков с плутоватой улыбкой. “В имении, ваше превосходительство, у князя Гукзовского, которого, без сомнения, ваше превосходительство, изволите знать...”

“Не знаю”.

“Был управитель, ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут [Вместо “По случаю ~ рекрут” над строкой начато: Так немец-то этот по делам имения] и прочего, имел он надобность приезжать в город и, разумеется, подмазывать суд. [Вместо: “и разумеется ~суд”: водиться с судейскими ну и... сами изволите знать... подмазывать. [Тут] Чичиков, прищуря глаз, выразил в лице своем, как подмазывают судейских.] Впрочем, и они тоже полюбили, угощали. Вот как-то один раз у них на обеде

говорит он: [Вместо “Впрочем ~ говорит он”]: Впрочем и они тоже угощали его, так что один раз обедая у них он говорит:] “Что ж, господа, когда-нибудь и ко мне! в именье князю”. Говорят: [Те говорят] “Приедем!” Скоро после того случилось [Вместо “Скоро ~ случилось”]: а. Вот, ваше превосходительство, случилось; б. Случилось, ваше превосходительство, в непродолжительном времени] выехать суду на следствие по делу, случившемуся [по делу, происшедшему] во владениях графа Трехметьева, которого, ваше превосходительство, без сомнения, тоже изволите знать”.

“Не знаю”.

“Самого-то следствия они не делали, а всем судом заворотили на экономический двор, к старику, графскому эконому. Да три дни и три ночи без просыпу в карты. Самовар и пунш, разумеется, со стола не сходят. Старику-то они уж и надоели. [Вместо “а всем судом — надоели”]: заворотили телеги на экономический двор к эконому. Да три дни и три ночи

не переводя духу и прокозыряли в карты: самовар и пунш, ваше превосходительство, со стола не сходят. Старику-то графскому эконому уж они засели, так сказать, в горле”. Чичиков показал себе на горло.] Чтобы как бы как-нибудь от них отделаться, он и говорит: “Вы бы, господа, заехали к княжому управителю немцу: он недалеко отсюда”. [недалеко отсюда и вас ждет] “А, и в самом деле”, говорят; и с полупьяна, небритые и заспанные, как были, на телеги [Вместо “и с полупьяна ~ на телеги”]: Он же нас и звал. И всё это, как было — заспанное и небритое, на телеги] да к немцу... А немец, ваше превосходительство, надобно знать, в это время [“надобно знать, в это время” зачеркнуто.] только что женился. Женился на институтке, молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Сидят они двое за чаем, ни о чем не думая, [Вместо “Сидят ~ не думая”]: Находясь так сказать в медовом месяце, сидят они вроде двух ангелончиков за чаем] вдруг отворяются двери и ввалилось сонмище”.

“Воображаю, хороши!” сказал генерал.

“Управитель так и оторопел, [Далее было: Не нашелся.] говорит: “Что вам угодно?” — “А, — говорят, — так вот ты как!” И вдруг, с этим словом, перемена лиц и физиогномии: [Вместо “Управитель ~ физиогномии”: Немца так это поразило, ваше превосходительство, что потерялся совсем. Подходит к ним и говорит: “Что вам угодно?” — “А, так вот ты как!” Перемена декораций, другой оборот, другая речь.] “За делом. Сколько вина выкуривается по именью? Покажите книги!” Тот сюды-туда. “Эй, понятых!” Взяли, связали, да в город. Да полтора года и просидел немец в тюрьме”.

[“Вот на!” сказал генерал]

Улинька всплеснула руками.

“Жена хлопотать!” продолжал Чичиков. “Ну что ж может какая-нибудь неопытная молодая женщина. Спасибо, что случились добрые люди, которые посоветовали пойти на мировую. Отделался он двумя тысячами да угостительным обедом. И на обеде, когда все

уже развеселились, и он также, [и он и она] вот и говорят они ему: “Не стыдно ли тебе так поступить с нами? Ты всё бы хотел нас видеть прибранными, да выбритыми, да во фраках. [Вместо “Жена ~ во фраках”: Жена, ваше превосходительство, хлопотать! Ну что ж может какая-нибудь молодая женщина неисконная, так сказать, горнилом опыта. Спасибо, что случились добрые люди, которые научили пойти на мировую. Отделался немец, ваше превосходительство, двумя тысячами да угостительным обедом. Да уж за обедом, когда уж все того и он также, [немного того налимонились] говоря просто, налимонились, они и говорят ему: “Вот видишь — погнушался [ты] нами! ты всё бы хотел видеть выбритых] Нет, ты люби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбит”.

Генерал расхохотался; болезненно застонала Улинька.

“Я не понимаю, папа, как ты можешь смеяться”, сказала она быстро. Гнев отемнил [Вместо “отемнил” было начато: выразился

на] прекрасный лоб ее... “Бесчестнейший поступок, за который я не знаю, куда бы их следовало всех услать...”

“Друг мой, я их ничуть не оправдываю”, сказал генерал: “но что ж делать, если смешно? Как бишь: полюби нас белинькими?..”

“Чернинькими, ваше превосходительство”, подхватил Чичиков.

“Полюби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбит. Ха, ха, ха, ха!” И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междуметием смеха, но, из уважения к генералу, пустил его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться от смеха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густых эполет.

“Воображаю, хорош был небритый суд!” го-

ворил генерал, продолжая смеяться.

“Да, ваше превосходительство, как бы то ни было, без просыпу”, [а. Как в тексте; б. как бы то ни было, трехдневное бдение — тот же пост. Поизнурились, поизнурились.] говорил Чичиков, продолжая смеяться.

Улинька опустила в кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; как бы досадуя на то, что не с кем поделиться негодованьем, [а. Как в тексте; б. опустила в кресла. Закрыв рукой прекрасные глаза, как бы досадуя на то, что не с кем было поделиться негодованьем] сказала она: “Я не знаю, меня только берет одна досада”.

В самом деле, необыкновенно странны были своею противоположностью те чувства, которые родились [а. которые были; б. которые происхо<дили>] в сердцах троих беседовавших людей. [в сердцах люден беседовавших] Одному была смешна неповоротливая ненаходчивость немца. Другому смешно было оттого, что смешно изворотились плуты.

Третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступок. Не было только четвертого, который бы задумался именно над этими словами, произведшими смех в одном и грусть в другом. Что́ значит, однако же, что и в паденьи своем гибнущий грязный человек требует любви к себе? Животный ли инстинкт это? Или слабый крик души, заглушенной тяжелым гнетом [Заглушенной жизненным гнетом] подлых страстей, еще пробивающийся сквозь деревянеющую кору мерзостей, еще вопиющий: “Брат, спаси”. Не было четвертого, которому бы тяжелей всего была погибающая душа его брата.

“Я не знаю”, говорила Улинька, отнимая от лица руку: “меня одна только досада берет”.

“Только, пожалуйста, не гневайся на нас”, сказал генерал. “Мы тут ни в чем не виноваты. Поцелуй меня и уходи к себе, потому что я сейчас буду одеваться к обеду. Ведь ты”, сказал генерал, вдруг обратясь к Чичикову, “обедаешь у меня?” [“Ведь ты обедаешь у меня?”

сказал генерал, вдруг обратясь к Чичикову.]

“Если только ваше превосходительство...”

“Без церемонии. Щи есть”.

Чичиков приятно наклонил голову, и когда приподнял потом ее вверх, он уже не увидел Улиньки. Она исчезнула. На место ее предстал, в густых усах [в усах] и бакенбардах, великан-камердинер, с серебряной лаханкой и рукомошкой в руках.

“Ты мне позволишь одеваться при себе?” сказал генерал, скидая халат и засучивая рукава рубашки на богатырских руках.

“Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при; мне всё, что угодно вашему превосходительству”, сказал Чичиков.

Генерал стал умываться, брызгаясь и фыркающая, как утка. Вода с мылом летела во все стороны.

“Как бишь?” сказал он, вытирая со всех сторон свою толстую шею: “полюби нас белинькими... а чернинькими...”

“Чернинькими, ваше превосходительство”.

“Полюби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбят. Очень, очень хорошо!”

Чичиков был в духе необыкновенном, он чувствовал какое-то вдохновенье. “Ваше превосходительство!” сказал он.

“Что?” сказал генерал.

“Есть еще одна история”.

“Какая?”

“История тоже смешная, но мне-то от ней не смешно”. [Далее начато: Даже так, что если ваше превосходительство]

“Как так?”

“Да вот, ваше превосходительство, как”. Тут Чичиков осмотрелся и, увидя, что камердинер с лаханкою вышел, начал так: “Есть у меня дядя, дряхлый старик. У него триста душ и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: “Я”, говорит, “племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек, пусть приобретет прежде сам собой триста душ, тогда я ему отдам и свои триста душ”.

“Какой дурак!”

“Справедливо изволили заметить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положение”. Тут Чичиков, понизивши голос, стал говорить [Вместо “Тут ~ говорить” было: и понизив голос, стал он говорить.] как бы по секрету. “У него в доме, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дети. Того и смотри, всё перейдет им”.

“Выжил глупый старик из ума и больше ничего”, сказал генерал. “Только я не вижу, чем тут я могу пособить”.

“Я придумал вот что. Теперь, покуда новые ревижские сказки не поданы, у помещиков больших имений наберется не мало, на ряду с душами живыми, отбывших и умерших. Так, если, например, ваше превосходительство передадите мне их в таком; виде, как бы они были живые, с совершеньем купчей крепости я бы тогда эту крепость представил старику и он, как ни вертись, а наследство бы мне отдал”.

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся человек. Как был, так и повалился он в кресла. Голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер. Дочь прибежала в испуге.

“Папа, что с тобой случилось?”

“Ничего, друг мой. Ха, ха, ха! Ступай к себе, мы сейчас явимся обедать. Ха, ха, ха!”

И, несколько раз задохнувшись, вырывался с новою силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты, в высоких, звонких генеральских покоях.

Чичиков с беспокойством ожидал конца этому необыкновенному смеху.

“Ну, брат, извини: тебя сам чорт угораздил на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунув ему мертвых. Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! В каких дураках дядя! Ха, ха, ха, ха!”

Чичиков находился несколько даже в конфузном положении: тут же стоял камердинер, разинувши рот и выпуча глаза.

“Ваше превосходительство! Ведь смех этот выдумали слезы”, сказал он.

“Извини, брат! Ну, уморил. Да я бы пятьсот

тысяч дал за то только, чтобы посмотреть на твоего дядю в то время, как ты поднесешь ему купчую на мертвые души. Да что, он слишком стар? Сколько ему лет?”

“Восемьдесят лет, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы...” Чичиков посмотрел значительно в лицо генерала и в то же время искоса на камердинера.

“Поди вон, братец. Придешь после”, сказал генерал камердинеру. Усач удалился.

“Да, ваше превосходительство, — это, ваше превосходительство, дело такое, что я бы хотел его подержать в секрете”.

“Разумеется, я это очень понимаю. Экой дурак старик! Ведь придет же в 80 лет этакая дурь в голову. Да что он с виду как? бодр? держится еще на ногах?”

“Держится, но с трудом”.

“Экой дурак! И зубы есть?”

“Два зуба всего, ваше превосходительство”.

“Экой осел! Ты, братец, не сердись... а ведь он осел”.

“Точно так, ваше превосходительство. Хоть он мне и родственник и тяжело сознаваться в этом, но действительно — осел”. Впрочем, как читатель может смекнуть и вам, Чичикову не тяжело было в этом сознаться, тем более что вряд ли у него был когда-либо какой дядя.

“Так если, ваше превосходительство, будете уже так добры...”

“Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе всё кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках! Ха, ха, ха, ха!..”

И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям.

ГЛАВА III

“Нет, я не так”, говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств: “нет, я не так распоряджусь. Как только, даст бог, всё покончу благополучно и сделаюсь действительно состоятельным, зажиточным человеком, я поступлю тогда совсем иначе: будет у меня тогда и повар, и дом, как полная чаша, но будет и хозяйственная часть в порядке. Концы сведутся с концами. Да понемножку всякой год будет откладываться сумма и для потомства, если только бог пошлет жене плодородье. Эй ты, дурачина!”

Селифан и Петрушка оглянулись оба с козел.

“А куда ты едешь?”

“Да так изволили приказывать, Павел Иванович, — к полковнику Кошкареву”, сказал Селифан.

“А дорогу расспросил?”

“Я, Павел Иванович, извольте видеть, так как всё хлопотал около коляски, так оно-с... генеральского конюха только видел... А Петрушка расспрашивал у кучера”.

“Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка-бревно”.

“Ведь тут не мудрость какая”, сказал Петрушка, глядя искоса: “окроме того, что, спустясь с горы, взять попрямей, ничего больше и нет”.

“А ты кроме сивухи ничего больше, чай, и в рот не брал. Чай, и теперь налимонился?”

Увидя, что речь повернула вона в какую сторону, Петрушка закрутил только носом. Хотел он было сказать, что даже и не пробовал, да уж как-то и самому стало стыдно.

“В коляске-с хорошо-с ехать”, сказал Селифан, оборотившись.

“Что?”

“Говорю, Павел Иванович, что в коляске де вашей милости хорошо-с ехать, получше-с как в бричке, не трясет”.

“Пошел, пошел! Тебя ведь не спрашивают об этом”.

Селифан хлыснул слегка бичом по крутым бокам лошадей и поворотил речь к Петрушке: [Далее начато: Слышь, полковник мужика] “Слышь, мужика Кошкарев барин одел, говорят, как немца; поодаль и не распознаешь: выступает по журавлиному, как немец. И на бабе не то, чтобы платок как: бывает [а. Как в тексте; б. платок повязуют] пирогом или кокошник на голове, а немецкой капор такой, как немки ходят, знашь, [немки, знашь, ходят] в капорах, — так капор [теперь] называется, знашь, капор. Немецкой такой капор”.

“А тебя как бы нарядить немцем да в капор”, сказал Петрушка, острясь над [Далее начато: смыслом] Селифаном и ухмыльнув-

шись. Но что за рожа вышла от этой усмешки! И подобья не было на усмешку, а точно как бы человек, доставши себе в нос насморк и сляясь при насморке чихнуть, не чихнул, но так и остался в положенья человека, собирающегося чихнуть.

Чичиков заглянул из-под низа ему в рожу, желая знать, что там делается, и сказал: “Хорош! а еще воображает, что красавец!” Надобно сказать, что Павел Иванович был сурьезно уверен в том, что Петрушка влюблен в красоту свою, тогда как последний временами позабывал, есть ли у него даже вовсе рожа.

“Вот как бы догадались было, Павел Иванович”, сказал Селифан, оборотившись с козел: “чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, в обмен на чубарого; он бы, по дружественному расположению к вам, не отказал бы, а это конь-с, [а. Как в тексте; б. это конь] право, подлец-лошадь и помеха”.

“Пошел, пошел, не болтай”, сказал Чичиков и про себя подумал: “в самом деле, на-

прасно я не догадался”.

Легким ходом неслась тем временем легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверх, хотя подчас и неровна была дорога; легко опускалась и под гору, хотя и без конца были спуски проселочных дорог. С горы спустились [Вместо “Легким ходом ~ спустились” между строк карандашом исправлено: Коляска тем временем спускалась с горы.]. Дорога шла лугами через извивы реки, мимо мельниц. Вдали [Далее начато: осиновые рощи] выступали картинно одна, из-за другой осиновые рощи. Вблизи же пролетали быстро кусты лоз, тонкие ольхи и серебристые тополи, ударявшие ветвями:] сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель <со>скакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, всё надеясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: [а. Как в тексте; б. становились чаще и выше] к осинам и ольхам начала присоеди-

няться береза, и скоро образовалась вокруг лесная гущина. Свет солнца сокрылся. Затемнели сосны и ели. Непробудный мрак бесконечного леса сгущался и, казалось, готовился превратиться в ночь. [Вместо “Непробудный ~ в ночь”: а. Всё, казалось, готовилось превратиться в ночь; б. Начато: Лес] И вдруг промеж деревьев свет. Там и там промеж ветвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лес стал освещаться, деревья редеть, слышались крики — и вдруг перед ними озеро. Водная равнина версты [Далее начато: в окружно<сти>] четыре в поперечнике, вокруг дерева, позади их избы. Человек 20, по пояс, по плеча и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Посреди их плавал проворно, кричал и хлопотал за всех человек, почти такой же меры в вышину, как и в толщину, круглый кругом, точный арбуз. [хлопотал за всех почти круглый человек похожий на арбуз] По причине толщины, он уже не мог ни в каком случае потонуть и как бы ни кувыр-кался, желая нырнуть, вода бы его всё выносила наверх; и если бы село к нему на спину еще двое человек, он бы, как упрямый пу-

зырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только [воды, и только бы слегка] под ними покряхтывая да пуская носом и ртом пузыри.

“Этот, Павел Иванович”, сказал Селифан, оборотясь с козел: “должен быть барин, полковник Кошкарев”.

“Отчего?”

“Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почти-тельное, как у барина”.

Крики между тем становились явственней.

Скороговоркой и звонко выкрикивал барин-арбуз: “Передавай, передавай, Денис, Козьме. Козьма, бери хвост у Дениса! Фома большой, напирай туды жа, где и Фома меньшей. Заходи справа, справа заходи. Стой, стой, чорт вас побери обоих. Запутали меня самого в невод! Зацепили, говорю, проклятые,

зацепили за пуп!”

Влачители правого крыла остановились, увидя, что действительно случилась непредвиденная оказия: и барин запутался в сети.

“Вишь ты”, сказал Селифан Петрушке: “птащили барина, как рыбу”.

Барин барахтался [а. Как в тексте; б. Арбуз барахтался] и, желая выпутаться, перевернулся на спину, [перевернулся на другую сторону] брюхом вверх, [Далее начато: что и запутыва<ло>] запутавшись еще в сетку, как в летнее жаркое время в сквозную тюлевую перчатку на дамской ручке. [как дамская ручка в сквозную тюлевую перчатку] Боясь оборвать сеть, плыл он вместе с пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только впоперек веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конец ее на берег. Человек с двадцать рыбаков, стоявших на берегу, подхватили конец и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкого места, барин стал на ноги, покрытый клетками сети, как в летнее

время дамская ручка под сквозною перчаткой, и взглянул вверх [и взглянул на берег] и увидел гостя, в коляске въезжавшего на плотину. [Увидя гостя], кивнул он головой. Чичиков снял картуз и учтиво раскланялся с коляски.

“Обедали?” закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же — пониже на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани.

“Нет”, сказал Чичиков.

“Ну, так благодарите же бога”.

“А что?” спросил Чичиков любопытно, держа над головою картуз.

“А вот что!” сказал барин, очутившийся на берегу вместе — с коропами и карасями, которые бились у ног его [а. Как в тексте; б. “А вот что!” сказал барин, вышел совсем на берег; коропы и караси бились у ног его] и прыгали

на аршин от земли. “Это ничего, на это не смотрите; а вон штука вон где! [А вот штука] А покажите-ка, Фома большой, осетра”. Два здоровых мужика вытащили из кадучки какое-то чудовище. “Каков князек! из реки зашел...”

“Да это целый князь!” сказал Чичиков.

“Вот то-то же. Поезжайте-ка вы теперь вперед, а я за вами. Кучер, ты, братец, возьми дорогу пониже, через огород. Побеги, телепень Фома меньшей, снять перегородку. А я за вами [Я за вами буду] — как тут, прежде чем успеете оглянуться”.

“Полковник чудаковат”, подумал <Чичиков>, проехавши, наконец, бесконечную плотину и подъезжая к избам, из которых одни, подобно стаду уток, рассыпались по косогору возвышенья, а другие стояли внизу на сваях, как цапли. Сети, невода, бредни [После “бредни” в рукописи оставлен пробел для одного слова.] развешаны были повсюду. Фома меньшей снял перегородку, коляска проехала огородом и очутилась на площади возле уста-

ревшей деревянной церкви. За церковью по-
дальше видны были крыши господских строе-
ний.

“А вот я и здесь”, раздался голос сбоку. Чи-
чиков оглянулся и увидел, что барин уже
ехал возле него на дрожках; травяно-зеленый
нанковый сертук, желтые штаны и шея без
галстука, на манер купидона. Боком сидел он
на дрожках, занявши собою все дрожки. Чи-
чиков хотел было что-то сказать ему, но тол-
стяк уже исчез. Дрожки показались на другой
стороне, и только слышался голос: “Щуку и
семь карасей отнесите повару — телепню. А
осетра подавай сюда: я его свезу сам на дро-
жках”. Раздались снова голоса: “Фома большой
да Фома меньшей! Козьма да Денис!” Когда
же подъехал он к крыльцу дома, к величай-
шему изумленью его, толстый барин был уже
на крыльце и принял его в свои объятия. Как
он успел так слетать, было непостижимо.
[успел так слетать, бог его вестъ] Они поцело-
вались троекратно навкрест.

“Я привез вам поклон от его превосходи-

тельство”, сказал Чичиков.

“От какого превосходительства?”

“От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича”.

“Кто это Александр Дмитриевич?”

“Генерал Бетрищев”, отвечал Чичиков с некоторым изумленьем.

“Не знаю-с, незнаком”.

Чичиков пришел еще в большее изумление...

“Как же это?.. Я надеюсь, по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?”

“Петр Петрович Петух, Петух Петр Петрович”, подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел. “Вот тебе на! Как же

вы, дураки”, сказал он, оборотившись к Селифану и Петрушке, которые оба разинули рот и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дверец коляски: “как же вы, дураки? Ведь вам сказано — к полковнику Кошкареву... А ведь это Петр Петрович Петух...”

“Ребята сделали отлично!” сказал Петр Петрович. “За это вам по чапорухе водки и кулебяка в придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же час в людскую”.

“Я совецусь”, говорил Чичиков, раскланиваясь: “такая нежданная ошибка...”

“Не ошибка”, живо проговорил Петр Петрович Петух: “Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу”, сказал, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние покои. Чичиков, чинясь, проходил в дверь боком, чтоб дать и хозяину пройти с ним вместе; но это было напрасно: хозяин бы не прошел, да его уже и не было. Слышно было только, как раздавались его речи по двору: “Да что

ж Фома большой? Зачем он до сих пор не здесь? Ротозей Емельян, беги к повару — тепленьку, чтобы потрошил поскорей осетра. Молоки, икру, потроха и лещей в уху, а карасей — в соус. Да раки, раки. Ротозей Фома меньшей, где же раки? раки, говорю, раки?” И долго раздавались всё — раки да раки.

“Ну хозяин захлопотался”, сказал Чичиков, садясь в кресла и осматривая углы и стены.

“А вот я и здесь”, сказал входя хозяин и ведя за собой двух юношей, в летних сертуках. Тонкие, точно ивовые хлысты, выгнало их вверх почти на целый аршин выше Петра Петровича. [а. Как в тексте; б. “А вот я и здесь”, сказал взошедши хозяин. С ним вошли двое юношей ~ хлысты, целым аршином выгнало их вверх выше отца.]

“Сыны мои, гимназисты. Приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем, а ты, Алексаша, ступай за мною”.

И снова исчезнул Петр Петрович Петух.

Чичиков занялся с Николашей. Николаша был говорлив. Он рассказал, что у них в гимназии не очень хорошо учат, что больше благоволят к тем, которых маменьки шлют побогаче подарки; что в городе стоит Ингерманландский гусарский полк; что у ротмистра Ветвицкого лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручик Взъемцев ездит гораздо его почище.

“А что, в каком состояньи имение вашего батюшки?” спросил Чичиков. [“в каком состояньи”, спросил Чичиков, “имение вашего батюшки?”]

“Заложено”, сказал на это сам батюшка, снова очутившийся в гостиной: “заложено”.

Чичикову осталось сделать то же самое движенье губами, которое делает [а. Как в тексте; б. сделать губами то же самое движение, которое производит] человек, как дело идет на нуль и оканчивает ничем.

“Зачем же вы заложили?” спросил он.

“Да так. Все пошли закладывать, так зачем же отставать от других? Говорят, выгодно. Притом же всё жил здесь, дай-ка еще попробую прожить в Москве”.

“Дурак, дурак!” думал Чичиков: “промотает всё, да и детей сделает мотишками. Остался бы себе, кулебяка, в деревне”.

“А ведь я знаю, что вы думаете”, сказал Петух.

“Что?” спросил Чичиков, смутившись.

“Вы думаете: дурак, дурак этот Петух, зазвал обедать, а обеда до сих пор нет. Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженная девка косы заплесть, как он поспеет”.

“Батюшка! Платон Михалыч едет!” сказал Алексаша, глядя в окно.

“Верхом на гнедой лошади”, подхватил Ни-

колаша, нагибаясь к окну. “Ты думаешь, Алексаша, наш чагравый хуже его?”

“Хуже не хуже, но выstupка не такая”.

Между ними завязался спор о гнедом и чагравом. Между тем вошел в комнату красавец — [высокого] стройного роста, светлорусые блестящие кудри и темные глаза. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, вошел во след за ним.

“Обедали?” спросил Петр Петрович Петух.

“Обедал”, сказал гость.

“Что ж, вы смеяться что ли надо мной приехали?” сказал сердясь Петух. “Что мне в вас после обеда?”

“Впрочем, Петр Петрович”, сказал гость, усмехнувшись: “могу вас утешить тем, что ничего не ел за обедом: совсем нет аппетита”.

“А каков был улов, если б вы видели. Ка-

кой осетрище пожаловал. Карасей и не считали”.

“Даже завидно вас слушать”, сказал гость. “Научите меня быть так же веселым, как вы”.

“Да от<чего> же скучать? помилуйте!” сказал хозяин.

“Как отчего скучать? оттого, что скучно”.

“Мало едите, вот и всё. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал”.

“Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?”

“Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься, ведь нужно пить чай, а тут ведь приказчик, а тут и на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, а тут и ужин, а после пришел повар, заказывать нужно на завтра

обед. Когда же скучать?”

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя.

Платон Михалыч Платонов был Ахиллес и Парис вместе: стройное сложенье, картинный рост, свежесть — всё было собрано в нем. Приятная усмешка, с легким выраженьем иронии, как бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на всё это, было в нем что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясения не навели морщины [не прорезали морщины] на девственное, свежее его лицо, но с тем вместе и не оживили его.

“Признаюсь, я тоже”, произнес Чичиков: “не могу понять, если позволите — так заметить, не могу понять, как при такой наружности, как ваша, скучать. Конечно, могут быть причины другие: недостача денег, притеснения от каких-нибудь злоумышленников, как есть иногда такие, которые готовы покусь^т даже на самую жизнь”.

“В том-то <и дело>, что ничего этого нет”, сказал Платонов. “Поверите ли, что иной раз я бы хотел, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волнение. Ну, хоть бы просто рассердил меня кто-нибудь. Но нет. Скучно, да и только. Вот и всё”.

“Не понимаю. Но, может быть, именье у вас недостаточное, малое количество душ?”

“Ничуть, у нас с братом земли на десять [на 1000 тысяч] тысяч десятин и при них тысяча душ крестьян”.

“И при этом скучать! Непонятно. Но, может быть, именья в беспорядке? Были неурожай, много людей вымерло?”

“Напротив, всё в [Далее начато: отлич<ном>] наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин”.

“Не понимаю”, сказал Чичиков и пожал плечами.

“А вот мы скуку сейчас прогоним”, сказал хозяин. “Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам растегайчиков. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?”

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов [Далее начато: образ<о-валось>] обстановилось ожерелье тарелок — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новые приносы из кухни чего-то в закрытых тарелках, [Далее начато: чтоб] сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка был народ хороший и расторопный. Названья эти хозяин давал только потому, что без прозвищ всё как-то выходило пресно, а он пресного не любил. [Вместо “потому, что ~ не любил”: потому что не любил ничего пресного] Сам был добр душой, но словцо любил прянное. Впрочем, и люди за этим не сердились. [а. Как в тексте; б. любил пряное, да и люди, зная доброту, за это

не сердились.]

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: “Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете”. [Далее начато: Когда съе<дал>] Съедал гость два, подваливал ему третий, приговаривая: “Что ж за число два? Бог любит троицу”. Съедал гость три, он ему: [Далее начато: Да <где ж?>] “Где ж бывает телега о трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах”? На четыре у него была опять поговорка, на пять — тоже.

Чичиков съел [Чичиков уж съел] чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: “Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин”. Не тут-то было. Хозяин, не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть телянка, жареного на вертеле, лучшую часть, [Далее начато: и какого <теленка?>] какая ни была, с почками, да и какого телянка!

“Два года воспитывал на молоке”, сказал хозяин: “ухаживал, как за сыном”.

“Не могу”, сказал Чичиков.

“Да вы попробуйте, да потом скажите: не могу”.

“Не взойдет. [Нет. Не взойдет.] Нет места”.

“Да ведь и в церкви не было места. Взошел городничий — нашлось. А ведь была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий”.

Попробовал Чичиков — действительно, кусок был в роде городничего. Нашлось ему место, а казалось, уж нельзя было поместить.

С винами была тоже история. Получивши деньги из ломбарда, Петр Петрович запасся провизией на десять лет вперед. Он то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, ко-

торые так и хлопали рюмка за рюмкой, а встали из-за стола, как бы ни в чем не бывало, [В подлиннике: не бывали] точно выпили по стакану воды. С гостями было не то: в-силу, в-силу перетащились они на балкон и в-силу поместились! в креслах. Хозяин, как сел в свое, какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная собственность его превратилась в кузнечий мех. Через открытый рот и носовые ноздри начала она издавать какие-то звуки, какие не бывают и в новой музыке. Тут было всё — и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый звук, точно собачий лай.

“Эк его насвистывает!” сказал Платонов.

Чичиков рассмеялся.

“Разумеется, если этак пообедать”, заговорил Платонов: “как тут придти скуке, тут сон придет”.

“Да”, говорил Чичиков лениво. Глазки стали у него необыкновенно маленькие. “А все-

таки, однако ж, извините, не мог понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств”.

“Какие же?”

“Да мало ли для молодого человека? Можно танцевать, играть на каком-нибудь инструменте... а не то жениться”.

“На ком? скажите”.

“Да будто в округности нет хороших и богатых невест?”

“Да, нет”.

“Ну, поискать в других местах, поездить”. Тут богатая мысль сверкнула в голове Чичикова. Глаза его стали побольше. “Да вот прекрасное средство!” сказал он, глядя в глаза Платонову.

“Какое?”

“Путешествие”.

“Куда ж ехать?”

“Да если вам свободно, так поедем со мной”, сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: “А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополам, а подчинку коляски отнести вовсе на его счет”.

“А вы куда едете?”

“Да как сказать — куда? Еду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо видеть свет, коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая: книга, вторая наука”.

Платонов задумался.

Чичиков [Далее начато: тоже] между тем

так помышлял: “Право, было <бы> хорошо. Можно даже и так, что все издержки будут на его счет. Можно даже сделать и так, чтобы отправиться на его лошадях, а мои покормятся у него в деревне. Для сбереженья можно и коляску оставить у него в деревне, а в дорогу взять его коляску”.

“Что ж? почему ж не проездиться?” думал между тем Платонов. “Авось либо будет повеселее. Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж, в самом деле, не проездиться?” — “А согласны ли вы”, сказал он вслух: “погостить у брата денька два? Без этого он меня не отпустит”.

“С большим удовольствием. Хоть три”.

“Ну, если так — по рукам! Едем!” сказал, оживясь, Платонов.

“Браво!” сказал Чичиков, хлопнув по руке его. “Едем!”

“Куда! куда?” сказал хозяин, проснувшись [сказал проснувшись хозяин] и выпуча на них глаза. “Нет, государи, и колеса приказано <снять> с вашей коляски, а ваш [Далее начато: батюш<ка>] жеребец, Платон Михайлыч, отсюда теперь за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе”.

“Вот тебе на!” подумал Чичиков. Платонов ничего на это не сказал, зная, что Петух держался обычаев своих крепко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были [Далее начато: а. прекраснейшим ве<чером>; б. чу<десным>] удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями, понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они пронеслись в реку, беспредельную, с пологими берегами на обе стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катере они пили с калачами чай, подходя ежеминутно под протянутые впоперек реки канаты для

ловли рыбы снастью. Еще до чаю <хозяин> успел раздеться и выпрыгнуть в реку, где барахтался [в реку, там барахтался] и шумел с полчаса с рыбаками, покрикивая на Фому большого и К<узьму>, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись в воде, очутился на катере с аппетитом и так пил чай, что было завидно. Тем временем солнце зашло. Румяный вечер разливался в чистом небе. Осталась небесная ясность. Крики отдавались звонче. На место рыбаков показались повсюду у берегов группы купающихся ребятишек. Хлопанье по воде, смех отдавались далеко. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх, и катер сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свежий как девка детина, третий от руля, запевал звонко один, выработ<ыв>ая чистым голосом: пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась беспредельная, как Русь, песня; и, закрыв ухо рукой, терялись сами певцы в ее беспредельности. [и заслонивши ухо рукой, как бы хотели в ней потеряться] Становилось как-то льготно, и

думал Чичиков: “Эх, право, заведу себе когда-нибудь деревеньку”. — “Ну, что тут хорошего”, думал Платонов, “в этой заунывной песне? от ней еще бóльшая тоска находит на душу”.

Возвращались назад уже сумерками. Весла ударяли в потьмах по водам, уже не отражавшим неба. Едва видны были по берегам озера огоньки. Берегов не было. Месяц подымался, когда они пристали [Вместо “Месяц ~ пристали”: Когда пристали они, месяц подымался] к берегу. Повсюду на треногах варили рыбаки уху из ершей да из животрепещущей рыбы. Всё уже было дома. Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль от них уже давно улеглась, [Далее начато а. и озарившийся свод небес; б. и пригна<вшие>] и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая крынки молока и приглашенья к ухе. Там и там слышались говор и гомон людской, громкое лаянье собак своей деревни и отдаленное — чужих деревень. Месяц подымался, стали озаряться потемки, и всё наконец озарилось — и озеро, и избы; побледнели огни, стал

виден дым из труб, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, в обгонку друг друга. Пыль за ними поднялась, как от стада баранов. “Эх, право, заведу себе когда-нибудь деревеньку”, думал Чичиков. Бабенка и маленькие Чичонки начали ему снова представляться. Кого ж не разогреет такой вечер?

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, [Далее начато: раздевшись] ложась в постель, пощупал животик свой: “Барабан!” сказал: “никакой городничий не взойдет!” Надобно же было такому стеченью обстоятельств: за стеной был кабинет хозяина, стена была тонкая, и слышалось всё, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака, на завтрашний день, решительный обед. И как заказывал. [Далее начато: Только у мертвого] У мертвого родился бы аппетит. И губами подсасывал, и причвокивал. Раздавалось только: “Да поджарь, да дай взопреть хорошенько!” А повар пригова-

ривал тоненькой фистулой: “Слушаю-с. Можно-с. Можно-с и такой”.

“Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щеки осетра да ви-зигу, в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молоко сладких, да мозгов, [да мозгов сладких] да еще чего знаешь там этакого...”

“Слушаю-с. Можно будет и так”.

“Да чтобы с одного боку она, понимаешь, зарумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку-то, понимаешь, пропеки так, [понимаешь, так пропеки] чтобы рассыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, соком, чтобы и не услышал ее во рту — как снег бы растаяла”.

“Чорт побери”, думал Чичиков, ворочаясь: “просто, не даст спать”.

“Да сделай ты мне свиной сычуг. Положи в середку кусочек льду, чтобы он взбухнул хо-

рошенько. Да чтобы к осетру обкладка, гарнир-то, гарнир-то чтобы был побогаче. Обложи его раками да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршем из сняточков, да подбавь мелкой сечки, хренку, да груздочков, да репушки, да морковки, да бобков, да нет ли еще там какого коренья?”

“Можно будет подпустить брюкву или свеклу звездочкой”, сказал повар.

“Подпусти и брюкву, и свеклу. А к жаркому ты сделай мне вот какую обкладку...”

“Пропал совершенно сон”, сказал Чичиков, переворачиваясь на другую сторону, закутал голову в подушки [Далее начато: чтобы совсем] и закрыл себя всего одеялом, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одеяло слышалось беспрестанно: “Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько”. Заснул он уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. Жеребец

был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

“Нет, это уже слишком”, сказал Чичиков, когда выехали они со двора. “Это даже [Это уже даже] по-свински. Не беспокойно ли вам, Платон Михалыч? Препокойная была коляска, и вдруг стала беспокойно. Петрушка! ты, верно, по глупости, стал перекладывать? отовсюду торчат какие-то коробки”.

Платонов усмехнулся. [усмехнулся и сказал] “Это, я вам объясню”, сказал он: “Петр Петрович насовал в дорогу”.

“Точно так”, сказал Петрушка, оборотясь с козел: “приказано было всё поставить в коляску, пашкеты и пироги”.

“Точно-с, Павел Иванович”, сказал Селифан, оборотясь с козел, веселый: “очень почтенный барин, угостительный помещик. По рюмке шампанского выслал, точно-с, и приказал от стола отпустить блюда, — оченно-хо-

рошего блюда, деликатного скусу. Такого почитительного господина еще и не было”.

“Видите ли, он всех удовлетворил”: сказал Платонов; “Однако же, скажите просто: есть ли у вас время, чтобы заехать [Далее начато: за 12 вер<ст>] в одну деревню, отсюда верст 10? Мне бы хотелось проститься с сестрой и зятем”.

“С большим удовольствием”, сказал Чичиков.

“От этого вы не будете в накладе: зять мой — весьма замечательный человек”.

“По какой части?” спросил Чичиков.

“Это первый хозяин, какой когда-либо бывал на Руси. Он в десять лет с небольшим, купивши расстроенное имение, едва дававшее 20 тысяч, возвел его до того, что [Далее начато: оно дает] теперь он получает 200 тысяч”.

“А, почтенный человек! Вот такого чело-

века жизнь стоит того, чтобы быть переданной в поученье людям. Очень, очень будет приятно [а. Как в тексте; б. Весьма приятно] познакомиться. [Далее начато: И стал] А как по фамилии?”

“Скудронжогло”.

“А имя и отчество?”

“Константин Федорович”.

“Константин Федорович Скудронжогло! Очень приятно познакомиться. Поучительно узнать такого человека”. И Чичиков пустился в расспросы о Скудронжогле [а. Как в тексте; б. расспросы о нем] и всё, что он узнал [Далее начато: его] о нем от Платонова, было [Далее начато: это что<-то>] точно, изумительно.

“Вот смотрите, в этом месте [Вот смотрите, здесь] уже начинаются его земли”, говорил Платонов, указывая на поля. “Вы увидите тотчас отличие от других. Кучер, здесь возьмешь

дорогу налево. Видите ли этот молодник-лес? Это сеянный. У другого в пятнадцать лет не поднялся <бы> так, а у него в восемь вырос. Смотрите, вот лес и кончился. Начались уже хлеба; а через пятьдесят десятин опять будет лес, тоже сеянный, а там опять. Смотрите на хлеба, во сколько раз они гуще, чем у другого”.

“Вижу. Да как же он это делает?”

“Ну, расспросите у него. Вы увидите, что ни <1 нрзб.> Эта всезнай, такой всезнай, какого вы нигде не найдете. Он мало того, что знает, какую почву что любит, знает, какое соседство; для кого не нужно, по близости какого леса нужно сеять какой хлеб. У нас у всех земля трескается от засух, а у него нет. Он [Уж он] рассчитает, насколько нужно влажности, столько и дерева разведет; у него всё играет две-три роли: лес лесом, а полю удобренье ют листьев да от тени. И это во всем так”.

“Изумительный человек”, сказал Чичиков и с любопытством посматривал на поля.

Всё было в порядке необ<ыкновенном>. Леса были загороженные; повсюду попадались скотные дворы, тоже не без причины обстроенные, завидно содержимые; хлебные кладовые росли великанского. Обильно и хлебно было повсюду. Вдруг видно было, [Видно было вдруг] что живет туз-хозяин. Поднявшись на небольшую возвышенность, <увидели> на противоположной стороне большую деревню, рассыпавшуюся на трех горных возвышениях. [Над строкой начато: Две каменные церкви] Всё тут было богато: торные улицы, крепкие избы; стояла где телега — телега была крепкая и новешенькая; попадался ли конь — конь был откормленный и добрый; рогатый скот — как на отбор, даже мужичья свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой. Не было тут аглицких парков, беседок и мостов с затеями и разных проспектов перед домом. От изб до господского двора потянулись хозяйственные рабочие дворы. На крыше большой фонарь, не для видов, но для рассматриванья, где, и в каком ме-

сте, и как производились работы. Они подъехали к дому. Хозяина не было; встретила их жена, родная сестра Платонова, весьма миленькая на взгляд, белокурая, белоликая, с выраженьем в лице прямо русским, но так же [сестра Платонова, белокурая, белоликая, с прямо русским выраженьем лица, так же красавица, но так же] полусонная, как он. Кажется, как будто ее мало заботило то, о чем заботятся, или оттого, что всепоглощающая деятельность мужа ничего не оставила на ее долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложению своему, к тому философическому разряду людей, которые, имея и чувства, и мысли, и ум, живут как-то в половину, на жизнь глядят в полглаза и, видя возмутительные тревоги и борьбы, говорят: “<Пусть?> их, дураки бесятся, им же хуже”.

“Здравствуй, сестра”, сказал Платонов. “Где ж Константин?”

“Не знаю. Ему уже следовало быть давно здесь. Верно, захлопотался”.

Чичиков на хозяйку не обратил <внимания>. Ему было интересно рассмотреть жилище этого необыкновенного человека. Он оглянул в комнате всё; думал он отыскать в нем [Далее начато: след существ<ования>] свойства самого хозяина, как по раковине можно судить, какого рода сидела в ней устрица или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были бесхарактерны совершенно-просторны, и ничего больше. Ни фресков, ни картин по стенам, ни бронзы по столам, ни этажерок с фарфором или с чашками, ни ваз, ни цветов, ни статуек, словом, как-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоял в стороне, и тот покрыт был пылью. Как видно, хозяйка редко за него садилась. Из гостиной отворена <была дверь в кабинет хозяина>; но и там было так же просто и голо. [так же голо] Видно было, что хозяин приходил в дом только отдохнуть, а не то, чтобы жить в нем; что для обдумывания своих планов и мыслей ему <не> надобно было [что ему не было надобно для обдумывания своих планов и мыслей] кабинета с пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась

[жизнь его была] не в приятных [а. Начато: не в обольсти <тельных>; б. не в очаровательных] грезах у пылающего камина, но прямо в деле. Мысль исходила вдруг из самых обстоятельств, в ту минуту, как они представлялись, и обращались вдруг в дело, [а. Как в тексте; б. но прямо на месте самого исполнения дела. Там и мысль исходила, там же [и в де<ло>] претворялась и в дело.] не имея никакой надобности в том, чтобы быть записанной.

“А! вот он! Идет! идет!” сказал Платонов. Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет 40 человек, живой, смуглой наружности. На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли двое нижнего сословия, [Далее начато: О<ди>н, казалось, простой мужик] — шли, разговаривая и о чем-то с <ним> толкуя. Один, казалось, был простой мужик; другой, какой-то заезжий кулак и пройдоха в синей сибирке. [другой в синей сибирке какой-то заезжий кулак и пройдоха]

“Так уж прикажите, батюшка, принять!”

говорил мужик кланяясь.

“Да нет, братец, я уж двадцать раз вам повторял: не возите больше. У меня материалу столько накопилось, что девать некуда”.

“Да у вас, батюшка Константин Федорович, весь пойдет в дело. Уж этакого умного человека во всем свете нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь в место поставит. Так уж прикажите принять”.

“Мне, братец, руки нужны; мне работников доставляй, а не материал”.

“Да уж в работниках не будете иметь недостатку. У нас целые деревни пойдут в работы: бесхлебье такое, что и не запомним. Уж вот беда-то, что не хотите нас совсем взять, а отслужили бы верою вам, ей богу, отслужили. У вас всякому уму научишься, Константин Федорович. Так прикажите принять в последний раз”.

“Да ведь ты и тогда говорил в последний

раз. А ведь вот опять привез”.

“Уж в последний раз, Константин Федорович. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьмет. Так уж прикажите, батюшка, принять”.

“Ну, слушай, этот раз возьму, и то из сожаления только, чтобы не провозился напрасно. Но если ты привезешь в другой раз, хоть три недели канючь, — не возьму”.

“Слушаю-с, Константин Федорович; уж будьте покойны, в другой раз уж никак не привезу. Покорнейше благодарю”. Мужик отошел, довольный. Врет, однако же. Привезет: авось — великое словцо.

“Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... посбавьте...”, говорил шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке.

“Ведь я тебе на первых порах объявил. Торговаться я не охотник. Я тебе говорю опять: я

не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь [Далее начато: ведь у вас, я знаю, есть] я вас знаю всех. У вас есть списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит, он тебе и отдаст за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи. Мне в ломбард не нужно уплачивать”.

“Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь [Да вот] я того-с, оттого только, чтобы и впредь иметь с вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять”. Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций. Скудронжогло прехладнокровно взял их и, не считая, [не считая их] сунул в задний карман своего сертука.

“Гм”, подумал Чичиков: “точно как бы носовой платок”. Минуту спустя Скудронжогло показался в дверях гостиной.

“Ба, брат, ты здесь!” сказал он, увидев Пла-

тонова. Они обнялись и поцеловались. Платонов рекомендовал Чичикова. Чичиков благоговейно подступил к хозяину, с почтеньем лобызнул его в щеку, [Далее начато: получ<ивши>] принявши и от него впечатленье поцелуя. Лицо Скудронжогла было очень замечательно. В нем было заметно южное происхождение. Волосы на голове и на бровях [Вместо “Волосы ~ на бровях” начато: Волосы и брови] темны и густы, глаза говорящие, блеску сильного. Ум сверкал во всяком выраженьи лица, и уж ничего не было в нем сонного. [Над строкой приписано: Было что-то слишком живое] Но заметна, однако же, была также примесь чего-то желчного и озлобленного. [Далее начато: Какой собственно был он нации] Он был не совсем русского происхождения. Есть много на Руси русских не русского происхождения, [русских, происхожденья не русского] в душе, однако же, русские. [а. Как в тексте; б. Над строкой начато исправление: Есть много на Руси русских, которые, несмотря на не рус<ское>] Скудронжогло не занимался своим происхождением, [а. Как в тексте; б. Над строкой начато: Как же вышло, он

и сам не знал] находя, что это нейдет в дело. [что это нейдет в строку] Притом, не знал и. другого языка, кроме русского.

“Знаешь ли, Константин, что я выдумал?”
сказал Платонов.

“А что?”

“Выдумал я проездиться по разным губерниям; авось-ли это вылечит от хандры”.

“Что ж, это очень может быть”.

“Вот вместе с Павлом Ивановичем”.

“Прекрасно. В какие же места”, спросил Скудронжогло, приветливо обращаясь к Чичикову: “предполагаете теперь ехать?”

“Признаюсь”, сказал Чичиков, наклоня голову на бок и взявшись рукою за ручку кресел: “еду я покамест не столько по своей нужде, сколько по нужде другого: генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, бла-

готворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя, потому что, точно, не говоря уже о пользе, которая может быть в геморроидальном отношении, одно уже то, чтоб увидеть свет, колдовращенье людей... кто что ни говори, есть, так сказать, живая книга, та же наука”.

“Да, заглянуть в иные уголки не мешает”.

“Превосходно изволили заметить”, отнесся Чичиков. “Точно, не мешает. Видишь вещи, которых бы не видел, встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с иным тот же червонец. Научите, почтеннейший Константин Федорович, научите, к вам прибегаю. Жду, как манны, сладких слов ваших”.

Скудронжогло смутился. “Чему же, однако?..чему научить? Я и сам учился на медные деньги”.

“Мудрости, почтеннейший, мудрости! Мудрости управлять хозяйством, подобно вам; по-

добно вам уметь извлекать из него существенные доходы; приобрести, подобно вам, имущество не воображаемое, но существенное, действительное, и тем исполнить долг гражданина, заслужить уважение соотечественников”.

“Знаете ли что”, сказал Скудронжогло: “останьтесь денек у меня. Я покажу вам всё управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет”.

“Брат, оставайся этот день”, сказала хозяйка обра<таясь к> Платонову.

“Пожалуй. Мне всё равно”, произнес тот равнодушно: “Как Павел Иванович”.

“Я с большим удовольствием... Но вот обстоятельство, нужно посетить родственника генерала Бетрищева. Есть некто полковник Кошкарев...”

“Да ведь он... знаете ли вы это? Ведь он дурак и помешан”.

“Об этом я уже слышал. Мне к нему и дела нет. Но так как генерал Бетрищев, который близкий мне, уже отчасти близкий приятель и, даже так сказать, благодетель... так уже как-то и неловко”.

“В таком случае знаете ли что”, сказал <Скудронжогло>, “поезжайте к нему теперь же. У меня стоят готовые пролетки. К нему и десяти верст <нет>, так вы слетаете духом. Вы даже раньше ужина [Вы раньше чая даже] возвратитесь назад”.

Чичиков с радостью воспользовался предложением. Пролетки были поданы, и он поехал тот же час к полковнику, который изумил его так, как еще никогда ему не случилось изумляться. Всё было у полковника необыкновенно. Вся деревня была в разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроенны были какие-то дома, вроде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: Депо земледельческих орудий; на

другом: Главная счетная экспедиция; на третьем: Комитет сельских дел; Школа нормального просвещения поселян; словом, чорт знает, чего не было! Он думал, не въехал ли в губернский город. Всего непонятней то, что сам полковник вовсе не походил на сумасшедшего человека. Он был на вид пределикатный и преобходительный человек. [Вместо “Всего непонятней ~ преобходительный человек” было: Сам полковник был какой-то чопорный; лицо какое-то чинное, в виде треугольника; бакенбарды по щекам его были протянуты <в> струнку; волосы, прическа, нос, губы, подбородок, всё как бы лежало дотоле под прессом. Манеры и обхождение деликатное как бы <1 нрзб.>. Начал он говорить как бы идельный человек. С первых начал начал он ему жаловаться на необразованность окружающих помещиков, на великие труды, которые ему предстоят] Принял он Чичикова отменно ласково и радушно, ввел его [Перед этим вместо: и радушно было начато: и рассказа<л>] совершенно в доверенность и рассказал с самоуслаждением, скольких и скольких стоило ему <трудо> возвесть именье до

нынешнего благосостояния; как трудно было дать понять простому мужику, что существуют высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться с невежеством русского мужика, чтобы одеть его в немецкие штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человека; что баб, несмотря на все усилия, он до сих <пор> не мог заставить надеть корсет, [не мог заставить <надеть> уродливый костюм и надеть шнуровку] тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано, говорила даже по-французски и делала книксен. С соболезнованием рассказывал он, как велика необразованность соседей помещиков; как мало думают они о своих подвластных; [а. Как в тексте; б. о благосостоянии своих подвластных] как они даже смеялись, когда он старался изъяснить, как необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, контор комиссии и даже комитетов, чтобы тем предохранить <от> всякой кражи и всякая вещь была бы известна, чтобы писарь, упра-

витель и бухгалтер образовались бы не как-нибудь, но оканчивали бы, университетское воспитанье; что, [Далее начато: как одна] несмотря на все убеждения, он не мог убедить помещиков в том, что какая бы выгода была их именьям, если бы каждый крестьянин был воспитан так, чтобы, идя за плугом, мог читать в то же время книгу о громовых отводах. [а. Как в тексте; б. о громовых отводах или тому <подобное?>]

На это Чичиков <подумал>: “Ну, вряд ли выберется такое время. Вот я выучился грамоте, а “Графиня Лавальер” до сих пор еще не прочитана”.

“Ужасное невежество!” сказал в заключенье полковник Кошкарев: “Тьма средних веков, и нет средств помочь. Поверьте, нет. А я бы мог всему помочь; я знаю одно средство, вернейшее средство”.

“Какое?”

“Одеть всех до одного в России, как ходят в

Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что всё пойдет, как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России”.

Чичиков глядел на него пристально и думал: “Что ж? с этим, кажется, чиниться нечего”. [с этим нечего чиниться] Не отлагая дела в дальний ящик, он объяснил [он изъяснил] полковнику тут же, что так и так: имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем таких-то крепостей и всех обрядов.

“Сколько могу видеть из слов ваших, это просьба, не так ли?”

“Так точно”.

“В таком случае изложите ее письменно. Она пойдет в комиссию всяких прошений. Комиссия всяких прошений, пометивши, препроводит ее ко мне. [Далее начато: я дам] От меня поступит она в комитет сельских дел, там сделают всякие справки и выправки [там сделают выправки] по этому делу. Главно-

управляющий вместе с конторою в самоскорейшем времени положит свою резолюцию, и дело будет сделано”.

Чичиков оторопел. “Позвольте”, сказал: “этак дело затянется”.

“А!” сказал с улыбкой полковник: “вот тут-то и выгода бумажного производства. Оно, точно, несколько затянется, но зато уже ничто не ускользнет: всякая мелочь будет видна”.

“Но позвольте... Как же трактовать об этом письменно? Ведь это такого рода дело. Души ведь некоторым образом... мертвые”.

“Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые”.

“Но ведь как же мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казались, как бы были живые”.

“Хорошо. Вы так и напишите: но нужно,

или требуется, чтобы казалось, как бы живые”.

Что было делать с полковником? Чичиков решил отправиться сам поглядеть, что это за комиссии и комитеты; и что нашел он там, то было не только изумительно, но превышало решительно всякое понятие. Комиссия всяких прошений существовала только на вывеске. Председатель ее, прежний камердинер, был переведен во вновь образовавшийся комитет сельских построек. Место его [Вместо “Место его” начато: На место его] заступил конторщик Тимошка, откомандированный на следствие [а. Как в тексте; б. Начато: на следствие и дело между; в. на следствие в другую деревню] разбирать пьяницу прикащика с старостой, мошенником и плутом. Чиновника нигде.

“Да где ж тут, да как добиться какого-нибудь <толку>?” сказал Чичиков своему спутнику, чиновнику по особенным поручениям, которого полковник дал ему в проводники.

“Да никакого толку не добьетесь”, сказал проводник: “у нас бестолковщина. [Далее начато: а. У нас; б. Только и выгодно в комиссии построенья] У нас всем, изволите видеть, распоряжается комиссия построения, отрывает всех от дела, посылает, куды угодно. Только и выгодно у нас, что в комиссии построения (он, как видно, был недоволен на комиссию построенья). У нас так заведено, что все водят за нос [У нас все водят за нос] барина. Он думает, что всё-с как следует, а ведь это названье только одно”.

“Это, однако же, нужно ему сказать”, подумал Чичиков и, пришедши к полковнику, объявил, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссия построений вооружена напропалую.

Как воскипел благородным негодованьем полковник. Тут же написал восемь да строжайших запросов: [Далее начато: Почему нет ныне комиссии прошений] на каком основании, комиссия построений самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чи-

новниками, как мог допустить главноуправляющий, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на следствие, и как мог видеть равнодушно комитет сельских дел, что даже не существует комиссии прошений?

“Ну, пойдет кутерьма”, подумал Чичиков и начал раскланиваться.

“Нет, я вас не отпущу. В два часа, не более, вы будете удовлетворены во всем. Ваше дело поручу теперь особенному человеку, который только-что окончил университетский курс. Посидите у меня в библиотеке. Тут всё, что для вас нужно: книги, бумага, перья, карандаши — всё. Пользуйтесь, пользуйтесь всем, вы — господин”. Так говорил Кошкарев, отворяя дверь в книгохранилище. Это был огромный зал, с низу до верху уставленный книгами. Были там даже и чучела животных. Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всяких журналов, руководств и множество журналов, представлявших самые поздней-

шие развития и усовершенствования и по коннозаводству и естественным наукам. Были и такие названья: “Свиноводство, как наука”. Видя, что здесь всё вещи неприятного препровождения, он обратился к другому шкафу. Из огня — в поломя! Тут были всё книги философии. На одной было заглавие: “Философия, в смысле науки”; шесть томов в ряд, под названием: “Предуготовительное вступление к теории мышления в их общности, совокупности и в применении к уразумению органических начал общества обоюдного раздвоенья”. Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице: проявленье, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость, и чорт знает, чего там не было. “Нет, это всё не по мне”, сказал Чичиков и оборотился к третьему, где были книги всё по части искусств. Тут вытащил какую-то огромную книгу [Далее начато: с. каким-то] с нескромными мифологическими картинками и начал их рассматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>. Говорят, что в последнее время стали они нравиться даже и старичкам, изощрившим

вкус на балетах. Что ж делать, человечество нашего века пряные коренья любит. [Что ж делать, пряные коренья любит человек.] Окончивши рассматриванье этой книги, Чичиков вытащил уже было и другую, в том же роде, как вдруг появился полковник Кошкарев, с сияющим видом и бумагою.

“Всё сделано и сделано отлично. Человек этот решительно понимает один за всех. За это я его — выше всех: заведу особенное, высшее управление и поставлю его президентом. Вот что он пишет...”

“Ну слава те, господи!” подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

“Приступая к обдумыванью возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное. 1-е. В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже некоторое недоразумение: в изъясненьи того, что требуются ревижские души, постиг-

нутые всякими внезапностями, вставлены и умершие. Под сим, вероятно, они изволили разуметь близкие к смерти, а не умершие, ибо умершие не приобретаются. Что ж и приобретать, если ничего нет. Об этом говорит и самая логика. Да и в словесных науках они, как видно, не далеко уходили...” Тут на минутку Кошкарев остановился и сказал: “В этом месте, плут... он немножко кольнул вас. Но судите, однако же, какое бойкое перо, статс-секретарский слог; а ведь всего три года побыл в университете, даже не кончил курса”. Кошкарев продолжал: “в словесных науках, как видно, не далеко... ибо выразились о душах умершие [Далее было: тогда как душа бессмертна], тогда как всякому изучавшему курс познаний человеческих известно заподлинно, что душа бессмертна. 2-е. Оных упомянутых ревижских душ, пришлых, или прибывших, или, как они неправильно изволили выразиться, умерших, нет на-лицо таковых, которые бы не были в залоге, ибо все в совокупности не токмо заложены без изъятья, но и перезаложены, с прибавкой по полутора ста рублей на душу, кроме небольшой деревни

Гурмайловка, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Предищевым и потому ни в продажу ни под залог поступить не может”.

“Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали?” сказал с сердцем Чичиков.

“Да ведь как же я мог знать об этом сначала [а. Как в тексте; б. об этом сначала. Это узнается после.]. В этом-то и выгода бумажного производства, что вот теперь всё, как на ладони, оказалось ясно”.

“Дурак ты, глупая скотина”, думал про себя Чичиков. “В книгах копался, а чему выучился?” Мимо всяких учтивств и приличий, схватил он шапку — из дома. Кучер стоял <с> пролетками наготове и лошадей не откладывал: о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция — выдать овес лошадям — вышла бы только на другой день. Как ни был Чичиков [Как ни был он] груб и неучтив, но Кошкарёв, несмотря на всё, был с ним необычно-

венно учтив и деликатен. Он насильно пожал ему руку и прижал ее к сердцу [Далее начато: уже в то время, когда тот садился] и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства, что передрыгу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно всё задремать и пружины сельского управленья заржавеют и ослабеют; что, вследствие этого события, пришла ему счастливая мысль устроить новую комиссию, которая будет называться комиссией наблюдения за комиссией построения, так что уже тогда никто не осмелится украсть.

“Осел, дурак”, думал Чичиков, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ехал он уже при звездах. Ночь [Далее начато: обвол<окла>] была на небе. В деревнях были огни. Подъезжая к крыльцу, он увидел в окнах, что уже стол был накрыт для ужина.

“Что это вы так запоздали?” сказал Скудронжогло, когда он показался в дверях.

“О чем вы это так долго с ним толковали?”

сказал Платонов.

“Уморил”, сказал Чичиков. “Этакого дурака я еще от роду не видывал”.

“Это еще ничего!” сказал Скудронжогло. “Кошкарев — утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно [что в нем как в карикатуре] и видней глупости умных людей. [а. Как в тексте; б. глупости умников] Завели конторы и присутствия, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссию, и чорт их знает что такое. Точно как будто бы у них государство какое. Как вам это нравится, я спрашиваю. Помещик, у которого пахотные земли и не достает крестьян обрабатывать, а он завел свечной завод, из Лондона мастеров выписал свечных, торгашом сделался. Вон другой дурак еще лучше: фабрику шелковых материй завел”.

“Да ведь и у тебя же есть фабрики”, заметил Платонов.

“А кто их заводил? Сами завелись: накопи-

лось шерсти, сбыть некуда — я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые; по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают.

Рыбью шелуху, например, сбрасывали на мой берег шесть лет сряду; ну, куда ее девать? — я начал с нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так”.

“Экой чорт”, думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: “загребистая какая лапа”.

“Да я и строений для этого не строю; у меня нет зданий с колоннами да фронтонами. Мастеров я не выписываю из-за границы. А уж крестьян от хлебопашества ни за что не оторву; на фабриках у меня работают только в голодный год, всё пришлые, из-за куска хлеба. Этаких фабрик наберется много. Рассмотрю только попристальнее свое хозяйство, ты увидишь, всякая тряпка пойдет в дело, всякая дрянь даст доход, так что после отталкиваешь только да говоришь: не нужно!”

“Это изумительно”, сказал Чичиков, исполнившись участья: “изумительно, изумительно! Изумительнее же всего то, что всякая дрянь дает доход!”

“Гм. Да не только это”. Речи Скудронжогло не кончил... желчь в нем пробудилась, и ему хотелось побранить соседей помещиков. “Вон опять один умник, что, вы думаете, у себя завел? Богоугодные заведения, каменное строение в деревне! Христоролюбивое дело!.. Уж хочешь помогать, так ты помогай всякому мужику исполнить этот долг, а не отрывай его от христианского долга. Помоги сыну пригреть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его с плеч своих. Дай лучше ему возможность [а. Как в тексте; б. Дай лучше ему средство] приютить у себя в дому ближнего и брата, дай ему на это денег, помоги всеми силами, а не отлучай его: он совсем отстанет от всяких христианских обязанностей. Дон Кишоты просто по всем частям... Двести рублей выходит на человека в год в богоугодном заведении! Да я на эти деньги буду у себя в деревне 10 человек содержать”.

Скудронжогло рассердился и плюнул.

Чичиков не интересовался богоугодным заведением: он хотел повести речь о том, как всякая дрянь дает доход. Но Скудронжогло уже рассердился, желчь в нем закипела, и слова полились.] а. Как в тексте; б. Чичикову хотелось очень расспросить его о том, как всякая дрянь дает доход. Но трудно было [ему] вставить слово, потому что хозяина уже забрал задор и желчь уже поднялась в нем и ему хотелось всех выбранить. На полях написано карандашом: Впрочем, это, так сказать, их дело, а не помещика, а я бы хотел знать, чем выгоднее заняться, чтобы [исполнить долг] приобрести имущество, исполнив долг гражданина]

“А вот другой Дон Кишот просвещения: завел школы! Ну, что, например, полезнее человеку, как знанье грамоты? А ведь как распорядился? Ведь ко мне приходят мужики из его деревни. “Что это, говорят, батюшка, такое? сыновья наши совсем от рук отбились, помогать в работах не хотят, все в писаря хо-

тят, а ведь писарь нужен один”. Ведь вот что вышло!” [Далее карандашом приписано: <одна строка не поддается прочтению> будет время, тогда он сам выучится, а с палкой в руке нельзя. [Развели теперь пьяниц сколько, пойди с ними возись. Никто не в силах обрабатывать землю. Скудронжогло рассердился и плюнул] Дурачье. Ослы. Рассердившись, Кондрожогло плюнул]

Чичикову тоже не было надобности до школ, но Платонов подхватил этот предмет: “Да ведь этим останавливаться не нужно, [а. Как в тексте; б. Да ведь этим нечего останавливаться.] что теперь не надобны писаря. После будет надобность, работать нужно для потомства”.

“Да будь, братец, хоть ты умен! Ну, что вам это потомство? [а. Как в тексте; б. Ну что вам далось это потомство?] Все думают что-то, что они какие-то Петры Великие. Да ты смотри себе под ноги, а не гляди в потомство; хлопочи о том, чтобы мужика сделать достаточным да богатым, да чтобы было у него время

учиться по охоте своей, а не то, что с палкой в руке говорить: учись! Чорт знает, с которого конца начинают... Ну, послушайте, ну, вот я вам на суд”. Тут Скудронжогло подвинулся ближе к Чичикову и, чтобы заставить его лучше вникнуть в дело, взял его на abordаж, другими словами, засунул палец в петлю его <1 нрзб.> фрака. “Ну, что может быть яснее? У тебя крестьяне затем, чтобы ты им покровительствовал в их крестьянском быту. В чем же быт? в чем же занятия крестьянина? В хлебопашестве? Так старайся, чтобы он был хорошим хлебопашцем. Ясно? Нет, нашлись умники, говорят: [а. Как в тексте; б. Над строкой начато: А тут завелись умники, кто<рые>] “Из этого состоянья его нужно вывести. Он ведет слишком грубую, простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши”. Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких понабрались, и уж нет ни одного осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, — так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хотя одно

еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да, хлебопашцы для меня всех почтеннее. Дай бог, чтобы все были хлебопашцы”.

“Так вы полагаете, что хлебопашеством всего выгоднее заниматься?” спросил Чичиков.

“Законнее, а не то, что выгоднее. Возделывай землю в поте лица своего. Это нам всем сказано: это не даром сказано. Опытом веков уж это доказано, что в земледельческом звании человек чище нравами. Где хлебопашество легло в основание быта общественного, там изобилье и довольство; бедности нет, роскоши нет, а есть довольство. Возделывай землю, сказано человеку, трудись, что тут хитрить. Я говорю мужику: “Кому бы ты ни трудился, мне ли, себе ли, соседу ли, только трудись. В деятельности я твой первый помощник. Нет у тебя скотины, вот тебе лошадь, вот тебе корова, вот тебе телега. Всем, что нужно, [что хочешь] готов тебя снабдить, но трудись.

Для меня смерть, если хозяйство у тебя не в устройстве и вижу у тебя беспорядок и бедность. Не потерплю праздности. [Далее над строкой вписано: Неустройства не могу видеть, беспорядок для меня нож] Я затем над тобой, чтобы ты трудился”. Гм! Думают увеличить доходы заведеньями да фабриками. Да ты подумай прежде о том, чтобы всякий мужик был у тебя богат, так тогда ты и сам будешь богат без фабрик: и без заводов, и без глупых <затей>”.

“Чем больше слушаешь вас, почтеннейший Константин Федорович”, сказал Чичиков: “тем большее получаешь желание слушать. Скажите, досточтимый мною, если бы, например, я возымел намерение сделаться помещиком, положим, здешней губернии, на что именно [а. Как в тексте; б. на что преимущественно] следует обратить внимание, как быть, как поступить, чтобы в непродолжительное <время> разбогатеться, тем исполнивши, так сказать, ввиду отечества обязанность гражданина, то во сколько времени?”

“Как поступить, чтобы разбогатеть? А вот как...” сказал Скудронжогло.

“Пойдем ужинать!” сказала хозяйка, поднявшись с дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая в шаль молодые продрогнувшие свои члены.

Чичиков схватился со стула с ловкостью почти военного человека, подлетел к хозяйке с мягким выраженьем в улыбке деликатного штатского человека, коромыслом подставил ей руку и повел ее парадно через две комнаты в столовую, сохраняя во всё время приятное наклоненье головы несколько на бок. Служитель снял крышку с суповой чашки. Все со стульями придвинулись ближе к столу, [а. Как в тексте; б. Все со стульями придвинулись дружно к столу; в. Со стульями придвинулись все к столу] и началось хлебанье супа. [Далее начато: Как только же отхлебал Чичиков]

Отделавши суп [а. Как в тексте; б. Опроставши тарелку супу (суп был отличный)] и

запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), [рюмкой наливки отличнейшей] Чичиков сказал так Скудронжоглу:

“Позвольте, почтеннейший, вновь обратиться к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...” [В рукописи далее недостает одного листа.]

“Именье, за которое, если бы он запросил и 40 тысяч, я бы ему тут же отсчитал”.

“Гм”, Чичиков задумался. “А отчего же вы сами”, проговорил он с некоторою робостью: “не покупаете его?”

“Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. Притом, у нас дворяне и без того уже кричат на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями, скупаю земли за бесценок. Это мне уж, наконец, надоело”.

“Дворянство способно к злословию!” ска-

зал Чичиков.

“А уж у нас, в нашей губернии... Вы не можете себе представить, что они говорят обо мне. Они меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупердяем первой степени. Себя они во всем извиняют. “Я”, говорит, “конечно, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни. Мне нужны книги, я должен жить роскошно, чтобы промышленность поощрять; а этак, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньей, как Скудронжогло”. Ведь вот как!

“Желал бы я быть этакой свиньей!” сказал Чичиков.

“И ведь это всё оттого, что не задаю обедов, да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, — милости просим... Не даю денег взаимно — это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими день-

гами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов. Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Он затевает какой-нибудь обед своей любовнице или на сумасшедшую ногу убирает мебелиями дом, а ему давай деньги займы...”

Здесь Скудронжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной ипохондрии омрачила его живое лицо. Вдоль лба и впоперек его собрались морщины, обличители гневного движенья взволнованной желчи.

Чичиков выпил рюмку малиновки и сказал так: “Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора. [Далее начато: Во сколько времени] Если бы; положим, я приобрел то самое! имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени...”

“Если вы хотите”, подхватил сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенья духа: “разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о времени, то разбогатеете скоро”.

“Вот оно как!” сказал Чичиков.

“Да”, сказал Скудронжогло отрывисто, точно как бы он сердился на самого Чичикова. “Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска — да я бы умер от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они. Хозяину нет времени скучать. В жизни его нет пустоты, всё полнота. Нужно только рассмотреть весь этот многообразный круг годовых занятий — и каких занятий, занятий, истинно возвышающих дух, не говоря уже б разнообразии. Тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всему, что со-

вершается в твореньи. Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы: подвозы и дров, и всего на время распутицы; подготовка семян; переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установление новых тягол. Прошли снега и реки, — работы так вдруг и закипят: там нагрузки на суда, здесь расчистка дерев по лесам, пересадка дерев по садам, и пошли взрывать повсюду землю. В огородах работает заступ, в полях — соха и борона. И начинаются посевы. Безделица! Грядущий урожаем сеют. Наступило лето, — покосы, первейший праздник хлебопашца. Безделица! Пойдут жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменем овес, а тут и дерганье конопли. Мечут стога, кладут клады. А тут и август перевалил за половину — пошла свозка всего на гумны. Наступила осень — запашки и посевы озимых хлебов, чинка амбаров, риг, скотных дворов, хлебный опыт и первый умолот. Наступит зима — и тут не дремлют работы: первые подвозы в город, молотба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары, по лесам рубка и пиление дров, подвоз кирпичу и материалу для весенних по-

строек. Да, просто, я и обнять всего не в состоянии. Какое разнообразие работ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочий двор, и на фабрики, и в поле, и на гумны. [и на фабрики, и на гумны] Идешь и к мужику взглянуть, как он на тебя работает, — бездельца. Да для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, с какой целью всё это творится, как вокруг тебя всё [как всё вокруг тебя] множится да множится, принося плод да доход.

Да и я рассказать вам не могу, какое удовольствие. И не потому, что растут деньги. Деньги деньгами. Но потому, что всё это — дело рук твоих, потому, что видишь, как ты всему причина и творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, [как от мага] сыплется изобилье и добро на всё. Да где вы найдете мне равное наслаждение?” сказал Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, все морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчанья своего, сиял он. “Да в це-

лом мире не отыщете вы подобного наслаждения. Здесь, именно здесь подражает богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее наслаждение, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел. [творцом благоденствия и стройности!] И это называют скучным делом!”

Как пеня райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и всё бы он слушал.

“Константин! пора вставать”, сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платонов приподнялся; Скудронжогло приподнялся; Чичиков приподнялся, хотя хотелось ему всё сидеть да слушать. Подставив руку коромыслом, повел Чичиков обратно хозяйку. Но голова его не была склонена приветливо на бок, не доставало ловкости в оборотах движеньям. Его мысли были, заняты существенными оборотами и соображеньями.

“Что ни рассказывай, а всё, однако же, скучно”, говорил, идя позади их, Платонов.

“Гость, кажется, очень неглупой человек”, думал хозяин: “степенен в словах и не щелкопер”. И, подумавши так, сделался он еще веселее, точно как бы сам разогрелся от своего разговора, точно как празднуя, что нашел человека, готового слушать умные советы.

Когда потом поместились они все [Когда потом все поместились они] в маленькой, уютной комнатке, озаренной свечками, насупротив большой стеклянной двери в сад, [двери на месте <1 нрзб.>] Чичикову сделалось так приятно, как не бывало давно. Точно как бы после долгих странствований приняла его родная крыша, и, по совершеньи всего, получил он желаемое и; бросил скитальческий посох, сказавши: [бросил скитальческий посох и сказал] “довольно!” Такое обаятельное расположение навел ему на душу разумный разговор хозяина. Есть для всякого сердца такие речи, [речи такие] которые как бы; ближе и родственней ему [которые ему как бы ближе

и родственней] других речей. И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдьи безлюдном встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и бесприютность ночлегов, [Далее начато: а. и бестол<ковость>; б. и глупость све<та>] и современный свет, полный глупостей людских, обманов, обманывающих человека. И живо потом навсегда останется проведенный таким образом вечер, и всё, что тогда случилось и было, удержит верная память: и кто соприисутствовал, и кто на каком месте стоял, и что [Далее начато: дер<жал>] было в руках его, стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось всё в тот вечер: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, [Далее начато: в лице рад<остного хозяина>] воцарившееся в лице хозяина, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смех миловидной хозяйки, прерываемый словами: “Полно, не

мучь его”, и веселые свечи, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттоле на них глядела, облокотясь на вершины дерев, из чащи которых высвистывали весенние соловьи.

“Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович”, произнес Чичиков. “Могу сказать, что [Далее начато: по уму] не встречал во всей России человека, подобного вам по уму”.

Скудронжогло улыбнулся. “Нет, Павел Иванович”, сказал он: “уж если хотите знать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать: “умный человек”, которого я и подметки не стою”.

“Кто это?” с изумленьем спросил Чичиков.

“Это наш откупщик Муразов”.

“В другой уже раз про него слышу!” вскрикнул Чичиков.

“Это человек, который не то, что именем помещика, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов”.

“Слышал. Говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил”.

“Какое десять! перевалило за сорок! Скоро половина России будет в его руках”.

“Что вы говорите!” вскрикнул Чичиков, оторопев.

“Всенепременно. У него теперь приращенье [а. Как в тексте; б. Приращенье у него] должно идти с быстротой невероятной. Это ясно. Медленно богатеет только тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого себя. [Далее начато: Горизонт] Поле-то, поприще слишком просторно. Тут уж и соперников нет. С ним неко-

му тягаться. Какую цену чему ни назначит, такая и останется: некому перебить”.

Вытаращив глаза и разинувши рот, как вкопанный, смотрел Чичиков в глаза Скудронжогло. [Далее начато: В груди его заняло] Захватило дух в груди ему.

“Уму непостижимо!” сказал он, приходя немного в себя: “каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматриваньи букашки; [Изумляются в рассматриваньи букашки мудрости] для меня более изумительно, когда в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте предложить вам вопрос насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, в начале приобретено не без греха?”

“Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами”.

“Не поверю, почтеннейший, извините, не поверю. Если бы это были тысячи, еще бы так, но миллионы... извините, не поверю”.

“Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой-таки дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам”.

“Уму непостижимо. И что всего непостижимей, это то, что дело ведь началось из копейки”.

“Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей”, сказал Скудронжогло. “Кто воспитался на тысячах, тот уже не приобретет: у того уже завелось и прихоти, и мало ли чего нет. Начинать нужно с начала, а не с середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебя умудрит и вышколит <так>, что уж не дашь промаха ни в каком

предприятия и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: “Дайте мне 100 тысяч, я сейчас разбогатею”, я тому не поверю: он бьет на удачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать”.

“В таком случае я разбогатею”, сказал Чичиков: “потому что начинаю почти, так сказать, с ничего”. Он разумел мертвые души.

“Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать”, сказала хозяйка: “а ты всё болтаешь”.

“И непременно разбогатеете”, сказал Скудронжогло, не слушая хозяйки. “К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать куды девать доходы”.

Как очарованный, сидел Павел Иванович, и в золотой области возрастающих грез и мечтаний закружились его мысли.

“Право, Константин, Павлу Ивановичу по-

ра спать”.

“Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось”, сказал хозяин и остановился, потому что громко, [и остановился. Громко] по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярб захрапел еще громче. Уже давно слышался отдаленный стук в чугунные доски. Дело потянуло за полночь. Скудронжогло заметил, что в самом деле пора на покой. Все разбрелись, пожелав спокойного сна друг другу, и не замедлили им воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком подобным Скудронжогло. После разговора с хозяином всё становилось так ясно. Возможность разбогатеть [Далее начато: ст<ановилась>] казалась так очевидной. Трудное дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре, что начал помышлять он сурьезно о приобретении не воображаемого, но действительного поместья; [Да-

лее начато: о том, как на полученные деньги] он определил [Далее начато: тут же приобрести] тут же на деньги, которые будут выданы ему из ломбарда за фантастические души, приобрести поместье уже не фантастическое. Уже он [Он уже] видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого, всё высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется стройный порядок и бойким ходом двинутся все пружины хозяйства, деятельно толкая друг друга. Труд закипит, и подобно тому, <как> в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе уважал он человека или за хороший чин, или за

большие недостатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Скудронжогло был первый. Чичиков понял и то, что с таким нечего толковать о мертвых душах и самая речь об этом будет неуместна. Его занимал теперь другой прожект: купить именье Хлобуева. Десять тысяч у него было. Другие десять тысяч предполагал он призанять у Скудронжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому, желающему разбогатеть, [Далее начато: и употребить] и заняться хозяйством. Остальные десять тысяч можно было обязаться потом, по заложении душ. Заложить все накупленные души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которые следовало переселить их. Хотя у<верял> он, что в Херсонской губернии есть у него земли, но они существовали больше в предположеньи. Предполагалось еще [Далее начато: прик<упить>] и скупить их [Далее начато: за бесценок по причине] в Херсонской губернии, потому что они там продавались за бесценок и даже отдавались даром, лишь бы только на них селились. [Далее начато: Видел] Думал он также и о том, что надобно то-

ропиться закупать у кого какие остались беглецы и мертвецы, ибо помещики друг перед другом спешат закладывать имения и скоро во всей России [Далее начато: не оста<нется>] может не остаться и угла, не заложенного в казну. Все эти мысли попеременно наполняли его голову и мешали ему. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в своих объятиях, принял в объятия и Чичикова. Он заснул крепко.

ГЛАВА IV

На другой день всё обделалось, как нельзя лучше. Скудронжогло дал с радостью 10 тысяч без процентов, без поручительства, — просто под одну расписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью. Этого мало: он сам взялся сопровождать Чичикова к Хлобуеву с тем, чтобы осмотреть вместе с ним имение. После сытного завтрака все они сели в коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина следовали за ними порожняком. Ярб бежал впереди! сгоняя с дороги птиц. В полтора часа с небольшим сделали они 18 верст и увидели деревушку с двумя домами. Один большой и новый, недостроен-

ный и остававшийся вчерне несколько лет; другой маленькой и старенькой. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося; на сертуке у него была заплатка, а на сапоге дырка.] недавно проснувшегося, в изношенном сертуке и на сапоге дырка]

Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему. Точно как бы увидел он братьев, с которыми надолго расставался. “Константин Федорович! Платон Михайлович!” вскрикнул он: “отцы родные! вот одолжили приездом! Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегает меня как чумы, думает — попрошу взаймы. Ох, трудно, трудно, Константин Федорович. Вижу — сам всему виной. Что делать? свинья свиньей зажил. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде. Сапоги, как видите, с дырами. Да чем вас потчевать, скажите”.

“Пожалуйста без околичностей. Мы к вам приехали за делом”, сказал Скудронжогло. “Вот вам покупатель, Павел Иванович Чичиков”.

“Душевно рад познакомиться. [Далее начал: сказал] Дайте прижать мне вашу руку”.

Чичиков дал ему обе.

“Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания. Да что, господа, позвольте спросить, вы обедали?”

“Обедали, обедали”, сказал Скудронжогло, желая отделаться... “Не будем мешкать и пойдем теперь же”.

“В таком случае пойдем”.

Хлобуев взял в руки картуз. Гости надели на головы картузы, и все отправились пешком осматривать деревню.

“Пойдем осматривать беспорядки и беспутство мое”, говорил Хлобуев. “Конечно, вы сделали хорошо, что пообедали. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме, —

до того дожил... Свиньей себя веду, просто свиньей!”

Глубоко вздохнув и как бы чувствуя, что мало будет [Далее начато: ответного <?>] участия со стороны Константина Федоровича и жестковато его сердце, подхватил под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей. Скудронжогло и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

“Трудно, Платон Михалыч, трудно!” говорил Хлобуев Платонову. “Не можете вообразить, как трудно! Безденежье, бесхлебье, беспасожье! Трын-трава бы это было всё, если бы был молод и один. [если бы был один и молод] Но когда все эти невзгоды станут тебя ломать под старость, а под боком жена, пятеро детей, — сгрустнется, по неволе сгрустнется...”

Платонову стало жалко. “Ну, а если вы продадите деревню — это вас поправит?” спросил он.

“Какое поправит!” сказал Хлобуев, махнув-
ши рукой. “Всё пойдет на уплату необходи-
мых долгов, а затем для себя не останется
и тысячи”.

“Что ж вы будете делать?”

“А бог знает”, говорил Хлобуев, пожимая
плечами.

Платонов удивился.

“Как же вы ничего не предпринимаете,
чтобы выпутаться из таких обстоятельств?”

“Что ж предпринять”.

“Будто нет уже средств?”

“Никаких”.

“Ну, ищите должности, возьмите какое-ни-
будь место”.

“Ведь я губернской секретарь. Какое ж мне могут дать выгодное место? Жалованье дадут ничтожное, а ведь у меня жена, пятеро детей”.

“Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите в управляющие”.

“Да кто ж мне поверит имение: я промотал свое”.

“Ну, да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не может ли брат мой [Вместо “Я спрошу ~ брат мой” было начато: Брат мой имеет знакомых в городе] через кого-либо в городе выхлопотать какую-нибудь должность”.

“Нет, Платон Михайлович”, сказал Хлобуев, вздохнувши и сжавши крепко его руку: “не гожусь я теперь никуда. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от [Далее начато: стра<шных>] прежних грехов, и ревматизм в плече. Куды мне! Что разорять казну? И без того теперь завелось много служа-

щих ради доходных мест. Храни бог, чтобы из-за доставки мне жалованья [чтобы из-за меня] прибавлены были подати на бедное состояние: и без того ему трудно при этом множестве сосущих. Нет, Платон Михайлович, бог с ним”.

“Вот положение!” думал Платонов. “Это хуже моей спячки”.

Тем временем Скудронжогло и Чичиков, идя позади их на порядочном расстоянии, так между собою говорили:

“Вон запустил как всё!” говорил Скудронжогло, указывая пальцем. “Довел мужика до какой бедности! Когда случится падеж, так уж тут нечего глядеть на свое добро. Тут всё свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу. А ведь теперь [работу. Теперь] и годами не поправишь: и мужик уже изленился, и загулял, и стал пьяница”.

“Так, стало быть, теперь не совсем выгодно

и покупать эдакое имение?” спросил Чичиков.

Тут Скудронжогло взглянул на него [взглянул на Чичикова] так, как бы хотел ему сказать: “Ты что за невежа! с азбуки, что ли, нужно с тобой начинать?” — “Невыгодно! да через три года я буду получать двадцать тысяч годового дохода с этого имения. Вот оно как невыгодно! В пятнадцати верстах — безделица! А земля-то какова? разглядите землю! Всё поемные места. Да я заведу лен, [Да я засею льну] да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею — на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите по косогору рожь поднялась, [смотрите, рожь поднялась] ведь это всё падаль. Он хлеба не сеял, я это знаю. Да этому имению полтораста тысяч, а не сорок”.

Чичиков стал опасаться, чтобы Хлобуев не услышал [Над строкой начато карандашом: “В самом деле”, сказал Хлобуев] и потому отстал еще подальше.

“Вон сколько земли оставил впусе!” гово-

рил, начиная сердиться, Скудронжогло. “Хоть бы повестил вперед, так набрели бы охотники. Ну, уж если нечем пахать, так копай под огород. Огородом бы взял. Мужика заставил пробыть четыре года без труда — безделица! Да ведь этим одним ты уже его развратил и навеки погубил. Уж он успел привыкнуть к лохмотью и бродяжничеству! Это стало уже жизнью его”. И, сказавши это, [привыкнуть к лохмотью и бродяжничеству. Сказавши это] плюнул Скудронжогло, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело.

“Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть глядеть на этот беспорядок и запустенье! Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее. [Далее начато: именъ<е>] Он только бесчестит божий дар”. И сказавши это, Скудронжогло простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться.

“Помилуйте, Константин Федорович”, говорил удивленный хозяин: “только-что приехали — и назад”.

“Не могу. Мне крайняя надобность быть дома”, сказал Скудронжогло. Простился, сел и уехал на своих пролетках.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину его отъезда.

“Не выдержал Константин Федорович”, сказал он. “Чувствую, что не весело такому хозяину, каков он, глядеть на эдакое беспутное управление. Верите ли, что не могу, не могу, Павел Иванович, — что почти вовсе не сеял хлеба в этом году. Как честный человек. Семян не было, не говоря уж о том, что нечем пахать. — Ваш братец, Платон Михайлович, говорят, необыкновенный хозяин. О Константине Федоровиче, что уж говорить! это Наполеон своего рода. Часто, право, думаю: “Ну, зачем [Ну что] столько ума дается в одну голову? ну, что бы хоть каплю его в мою глупую. Хоть бы на то, чтобы съумел дом свой держать! Ничего не умею, ничего не могу”. Ах, Павел Иванович, <возьмите> в свое распоряжение. Жаль больше всего мне мужичков

бедных. Чувствую, что не умел быть отцом <?>, не могу быть взыскательным и строгим. Да и как приучить их к порядку, когда сам беспорядочен! Я бы их отпустил сейчас же [сей же час] на волю всех, да как-то устроен русской человек, как-то не может без понукателя... Так и задремлет, так и заплеснет”.

“Ведь это, точно, странно”, сказал Платонов: “отчего это у нас так, что если не смотришь во все глаза за простым человеком, делается и пьяницей, и негодяем?”

“От недостатка просвещения”, заметил Чичиков.

“Ну, бог весть от чего. Вот мы и просветились, [Далее было: а ведь как живем!] а как-то того. Я и в университете был, и слушал лекции по всем частям, а искусству и порядку жить не только не выучился, а еще как бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да комфорта, больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги.

Оттого ли, что я бестолково учился. Только нет: ведь так и другие товарищи. Может быть два, три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, может быть, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье да и выманивает деньги. Ей богу. Ведь приходили только затем, чтобы аплодировать профессорам, [В автографе — профессору] раздавать им награды, а не самим от них получать. Так из просвещения-то мы все-таки выберем то, что погаже; наружность его схватим, а его самого <не> возьмем. Нет, Павел Иванович, не умеем мы жить от чего-то другого, а от чего, ей богу, я не знаю”.

“Причины должны быть”, сказал Чичиков.

Вздыхнул глубоко бедный Хлобуев и сказал так: “Иной раз, право, мне кажется, что будто русской человек — какой-то пропащий человек. Нет силы воли, нет отваги на постоянство. Хочешь всё сделать — и ничего не можешь. Всё думаешь: с завтрашнего дни начнешь новую жизнь, с завтрашнего дни при-

мешься за всё, как следует; с завтрашнего дни сядешь на диету; [с завтрашнего дни станешь есть умеренней] ничуть не бывало: к вечеру того же дни так объешься, что только хлопашь глазами и язык не ворочается; как сова сидишь, глядя на всех, право и эдак все”.

“Нужно в запасе держать благоразумие”, сказал Чичиков: “ежеминутно совещаешься с благоразумием, вести с ним дру<жескую> беседу”.

“Да что!” сказал Хлобуев. “Право, мне кажется, мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас был кто-нибудь благоразумным. Если я вижу, что иной даже и порядочно живет, собирает и копит деньги, — не верю я и тому. На старости и его чорт попутает: спустит потом всё вдруг. И все у нас так: и благородные, и мужики, и просвещенные, и непросвещенные. Вон какой был умный мужик: из ничего нажил сто тысяч, а как нажил 100 тысяч, пришла в голову дурь сделать ванну из шампанского, и выкупался в шампанском. Но вот мы, кажется, и всё об-

смотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу? Впрочем, в ней нет колеса, да и строенье никуда не годится”.

“Что ж и рассматривать ее”, сказал Чичиков.

“В таком случае пойдём домой”. И они все направили шаги к дому.

На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Всё было опущено и запущено. [Над строкой написано: Прибавилась только новая лужа посреди улицы] Сердитая баба, в замазляной дерюге, прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Какая-то философическая борода глядела с равнодушием стоическим из окошка на гнев пьяной бабы; Другая борода зевала. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал. Зевота видна была на строениях; [на строениях и на всем] крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. “Мое-то будущее достоянье — мужики”,

подумал Чичиков. “Дыра на дыре и заплатата на заплате!” И точно, на одной избе, [Вместо “Дыра на дыре ~ на одной избе” начато исправление: “Дыра она дыре [и] заплатата на заплате”, думал Чичиков, [глядя] увидевши, как на одной избе] вместо крыши, лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, стащенными с господского амбара. Словом, в хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли в комнаты. Чичикова несколько поразило смешенье нищеты с некоторыми блестящими безделушками позднейшей роскоши. [а. Как в тексте; б. Вошедши в комнаты дома, они были поражены смешеньем нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши.] Посреди изорванной утвари и мебели — новенькие бронзы. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала какая-то ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины. Хлобуев отрекомендовал им хозяйку жену. [Хлобуев вывел к ним молодую жену.] Она была хоть куда. В Москве не

ударилась бы лицом в <грязь>. Платье на ней было со вкусом, по моде. Говорить любила больше о городе да о театре, который там завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чем муж, и что зевала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась детьми, прелестными девочками и мальчиками. Их было пятеро. Шестое принеслось на руках. Все были прекрасны. Мальчики и девочки — загляденье. Они были одеты мило и со вкусом, были резвы и веселы. И от этого самого было [а. Как в тексте; б. от этого было] еще грустнее глядеть на них. Лучше бы одеты они были уже дурно, в простых пестрядевых юбках и рубашках, бегали себе по двору и ничем не отличались от простых крестьянских детей! К хозяйке приехала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

Чичиков приступил к покупке. По обычаю всех покупателей, сначала он охаял покупаемое имение. И охаявши его со всех сторон, сказал: “Какая же будет ваша цена?”

“Видите ли что”, сказал Хлобуев. “Запрашивать с вас дорого не буду, да и не люблю: это было бы с моей стороны и бессовестно. Я от вас не скрою также и того, что в деревне моей из ста душ, числящихся по ревизии, и пятидесяти нет на лицо: прочие или померли от эпидемической болезни, или [Далее начато: в бегах] отлучились беспашпортно. Так что вы [Далее начато: будете] почитайте их как бы умершими. Поэтому-то я и прошу с вас всего только тридцать тысяч”.

“Ну, вот тридцать тысяч! Именье запущено, люди мертвы, и тридцать тысяч! Возьмите 25 тысяч”.

“Павел Иванович! [а. Как в тексте; б. Не могу, Павел Иванович] Я могу его заложить в ломбард в 25 тысяч; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысяч и имение при мне. Продаю я единственно затем, что мне нужны скоро деньги, а при закладке была бы проволочка, надобно платить приказным, а платить нечем”.

“Ну, да все-таки возьмите 25 тысяч”.

Платонову сделалось совестно за Чичикова. “Покупайте, Павел Иванович”, сказал он. “За именье можно всегда дать эту <цену>. Если вы не дадите за него тридцати тысяч, мы с братом складываемся и покупаем”.

Чичиков испугался. “Хорошо!” сказал он: “даю 30 тысяч. Вот две тысячи задатку дам вам теперь, 8 тысяч через неделю, а остальные 20 тысяч через месяц”.

“Нет, Павел Иванович, только на том условии, чтобы деньги, как можно скорее. Теперь вы мне дайте 15 тысяч по крайней мере, а остальные никак не дальше, как через две недели”.

“Да нет пятнадцати тысяч! Десять тысяч у меня всего теперь. Дайте соберу”. То есть, Чичиков лгал: у него было двадцать.

“Нет, пожалуйста, Павел Иванович. Я гово-

рю, что необходимо нужны пятнадцать тысяч”.

“Да, право, недостает пяти тысяч. Не знаю сам, откуда взять”.

“Я вам займу”, подхватил <Платонов>. [В рукописи: Михайлов]

“Разве эдак”, сказал Чичиков и подумал про себя: “А это, однако же, кстати, что он даст займы. В таком случае [Далее начато: я могу ему завтра] завтра можно будет привезти”. Из коляски была принесена шкатулка и тут же было из нее вынута 10 000 Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему завтра; то есть обещано; предполагалось же привезти три; другие потом, денька через два или три; а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук деньги. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, он поступал, как все мы: ведь нам приятно же поводить

просителя. Пусть его натрет [Пусть его пона-
трет] себе спину в передней! Будто уж и нель-
зя подождать ему! Какое нам дело до того, что
может быть всякой час ему дорог и терпят от-
того дела его! “Приходи, братец, завтра, а сего-
дня мне как-то некогда”.

“Где ж вы после этого будете жить?” спро-
сил Платонов Хлобуева. “Есть у вас другая де-
ревушка?”

“Деревушки нет, а я перееду в город. Всё же
равно это было нужно сделать не для себя, а
для детей. Им нужны будут учителя закону
божью, музыке, танцованью. Ведь этого в де-
ревне нельзя достать!”

“Куска хлеба нет, а детей хочет учить тан-
цованью!” подумал Чичиков.

“Странно!” подумал Платонов.

“Что ж, нужно нам чем-нибудь вспрыснуть
делку”, сказал Хлобуев. “Эй, Кирюшка, при-
неси, брат, бутылку шампанского”.

“Куска хлеба нет, а шампанское есть”, подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался, стал умен и мил. Остроты и анекдоты сыпались у него беспрерывно. В речах его оказалось столько познания людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи! Так метко [Так верно] и ловко очерчивал в немногих словах соседей-помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех, так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились; так оригинально и метко умел передавать малейшие их привычки, — что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

“Послушайте”, сказал Платонов, схвативши его за руку: “как вам, при таком уме, опытности и познаниях житейских, не найти

средств выпутаться из вашего затруднительного положения?”

“Средства-то есть”, сказал Хлобуев, и вслед за тем выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познания людей и света, что оставалось только пожимать плечами да говорить: “Господи боже, какое необъятное расстояние между знанием света и умением пользоваться этим знанием!” Почти все прожекты основывались на потребности вдруг достать откуда-нибудь сто или двести тысяч. Тогда, казалось ему, всё бы устроилось, как следует, и хозяйство бы пошло, и прорехи все [Далее начато: были б] бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. [можно учетверить и долг потом выплатить] И оканчивал он речь свою: “Но что прикажете делать? Нет, да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч займы. Видно, уж бог не хочет”.

“Да”, подумал Чичиков: “этакому дураку

послал бог двести тысяч”.

“Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка”, сказал Хлобуев: “старушка богомольная; на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замечательная. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре. Моськи и приживалки, и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет 60, хоть она и зовет его: “Эй, малой!” Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут, право”.

Платонов усмехнулся.

“А как ее фамилия и где она проживает?” спросил Чичиков.

“Живет она у нас же в городе, Александра Ивановна Ханасарова”.

“Отчего ж вы не обратитесь к ней?” сказал с участием Платонов. “Мне кажется, если бы

она только поближе вошла в положенье вашего семейства, она бы не в силах была отказать вам, как бы ни была туга”.

“Ну, нет, в силах. У тетушки натура крепковата. Это старушка-ремень, Платон Михайлыч! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около нее увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы; приплелся ей в родню. Бог с ним, может быть, и успеет. Бог с ними со всеми. Я подъезжать и прежде не умел, а теперь и подавно: спина уж не гнется”.

“Дурак!” подумал Чичиков. “Да я бы за этой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком”.

“Что ж, ведь этак разговаривать сухо”, сказал Хлобуев. “Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанского”.

“Нет, нет, я больше не буду пить”, сказал Платонов.

“Я также”, сказал Чичиков. И оба отказались они решительно.

“Ну, так, по крайней мере, дайте мне слово [Далее начато: отоб<едать>] побывать у меня в городе. 8-го июня я даю маленькой обед нашим городским сановникам”.

“Помилуйте”, вскрикнул Платонов. “В таком состоянии, разорившись совершенно — и еще обед?”

“Что ж делать? нельзя. Это долг”, сказал Хлобуев. “Они меня также угощали”.

“Что с ним делать?” подумал Платонов. Он еще не знал того, что на Руси, на Москве и других городах, водятся такие мудрецы, которых жизнь необъяснимая загадка. Всё, кажется, прожил, кругом в долгах, ни откуда никаких средств, и обед, [кругом в долгах и обед] который задается, кажется, последний; и думают обедающие, что завтра же хозяина потащат в тюрьму. Проходит после того 10 лет. Мудрец всё еще держится на свете, еще боль-

ше прежнего кругом в долгах и также задает обед, и все думают, что он последний, и все уверены, что завтра же потащат хозяина в тюрьму. Такой же [Почти такой же] мудрец был Хлобуев. Только на одной Руси можно было существовать таким образом. Не имея ничего, он угощал и хлебосольничал, и даже оказывал покровительство, поощрял всяких артистов, приезжавших в город, давал им у себя приют и квартиру. Если <бы> кто заглянул [Далее начато: к нему] в дом его, находившийся в городе, он бы никак не узнал, кто в нем хозяин. Сего дни поп в ризах служил там молебен. Завтра давали репетицию французские актеры. В иной день какой-нибудь, неизвестный никому почти в дому, [какой-нибудь почти неизвестный никому в дому] поселялся в самой гостиной с бумагами и заводил там кабинет, и это не смущало и не беспокоило никого в доме, [заводил там кабинет, и никого в доме это не смущало и не беспокоило] как бы было житейское дело. Иногда по целым дням” не бывало крохи в доме. Иногда же задавали в нем такой обед, который удовлетворил бы вкусу утонченнейшего гастро-

нома. Хозяин [И хозяин] являлся праздничный, веселый, с осанкой богатого барина, [с осанкой барина] с походкой человека, которого жизнь протекает в избытке и довольстве. Зато временами бывали такие тяжелые минуты, что другой давно бы, на его месте, повесился или застрелился. Но его спасало религиозное настроение, которое странным образом [Далее начато: соеди<нялось>] совмещалось в нем вместе с беспутною его жизнью. В эти горькие, тяжелые минуты развертывал он книгу и читал жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше страданий и несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух и слезами исполнялись глаза его. И, странное дело! — почти всегда приходила к нему в то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь [Далее начато: христю<бивая>] проезжая незнакомая барыня, христюлюбивая, великодушная душа, нечаянно услышав о нем историю и тронувшись, с стремительным великодушьем женского сердца присылала ему бога-

тую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно, благодарно признавал он в это время необъятное милосердие провиденья, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою.

“Жалок он мне, право, жалок”, сказал Чичикову Платонов, когда они выехали от него. [выехали из двора.]

“Блудный сын!” сказал Чичиков. “О таких людях и жалеть нечего”.

И скоро они оба перестали о нем думать: Платонов — потому, что лениво и полусонно смотрел на положенья людей, [смотрел на мир] так же, как и на всё в мире. Сердце его страдало и щемило при виде страданий других, но впечатленья не впечатлевались глубоко в его душе. Он потому не думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что все мысли были заняты приобретенною покупкою. Он исчислял, рассчитывал и соображал все выго-

ды купленного имения. И как ни рассматривал, на какую сторону ни оборачивал дело, видел, что во всяком случае покупка была выгодна. Можно было поступить и так, чтобы заложить имение в ломбард. Можно было поступить и так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком, по образцу Попонжогла, пользуясь его советами, как [Далее начато: прият <еля>] соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, [поступить и так даже] чтобы перепродать [чтобы продать] в частные <руки> имение (разумеется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Скудронжогле денег, взятых у него взаймы. Словом, всячески, как ни оборачивал он это дело, видел, что во всяком случае покупка была выгодна. Он почувствовал удовольствие, — удоволь-

ствие от того, что стал теперь помещиком; помещиком не фантастическим, но действительным помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди. Люди не мечтательные, [люди не воображаемые] не в воображении пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подпевать, и приговаривать, и вытрубил на кулаке, приставивши его себе ко рту, как бы на трубе, какой-то марш. И даже выговорил вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому, вроде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнивши, что он не один, притихнул вдруг, постарался [вдруг, и постарался] кое-как замять неумеренный порыв восторговенья, и когда Платонов, принявши кое-какие из этих звуков за обращенную к нему речь, спросил у него: “Что?” он отвечал: “Ничего”.

Тут только, оглянувшись вокруг себя, он заметил, [он увидел] что они, ехали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева. В ст<ороне> дерев мелькала белая каменная церковь. [Вме-

сто “мелькала ~ церковь” начато: показалась на одной стороне белая каменная церковь, по другую] В конце улицы показался господин, шедший к ним навстречу, в картузе, с суковатой палкой в руке. [Далее начато: “Стой”, сказал] Облизанной аглицкой пес, на высоких ножках, бежал перед ним.

“Стой!” сказал Платонов кучеру и выскочил из коляски. Чичиков вышел вслед за ним также из коляски. Они пошли пешком навстречу господина. Ярб уже успел облобызаться с аглицким псом, с которым, как видно, был знаком уже давно, потому что принял равнодушно в свою толстую морду живое лобызанье Азора. Так назывался аглицкой пес. Проворный пес, именем Азор, облобызавши Ярба, подбежал к Платонову, лизнул проворным языком ему руки, вскочил на грудь Чичи<кову> с намереньем лизнуть его в губы, но не достал и оттолкнутый им побежал снова к Платонову, пробуя лизнуть его хоть в ухо. [подбежал к Платонову, вскочил к нему с намереньем лизнуть его в губы, но не достал и оттолкнутый им [лизнул его] вскочил на Чи-

чикова и лизнул его в ухо.]

Платонов и господин, шедший навстречу, в это время сошлись и обнялись.

“Помилуй, брат Платон! что это ты со мною делаешь?” живо спросил господин.

“Как, что?” равнодушно отвечал Платонов.

“Да как же в самом деле: три дни от тебя ни слуху, ни духу. Конюх от Петуха привел твоего жеребца. “Поехал”, говорит, “с каким-то барином”. Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно этак поступать? А я, бог знает, чего не передумал в эти дни”.

“Ну, что ж делать? позабыл”, сказал Платонов. “Мы заехали к Константину Федоровичу. Он тебе кланяется, сестра также. Рекомендую тебе Павла Ивановича Чичикова. Павел Иванович, — брат Василий. Прошу полюбить его так же, как и меня”.

Брат Василий и Чичиков, снявши картузы, поцеловались.

“Кто бы такой был этот Чичиков?” думал брат Василий. “Брат Платон на знакомства неразборчив и, верно, не узнал, что он за человек”. И оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие. Чичиков стоял, несколько наклонивши голову и сохранив приятное выражение в лице.

С своей стороны, Чичиков [С своей стороны и тот] оглянул также, насколько позволяло приличие, брата Василия. Он был ростом пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив; но в чертах его лица было много жизни и одушевления. Видно было, что он не пребывал в дремоте и спячке.

“Знаешь ли, Василий, что я придумал?” сказал брат Платон.

“Что?” спросил Василий.

“Проездитья по святой Руси. Вот именно с

Павлом Ивановичем. Авось-либо это размычет и растеребит хандру мою”.

“Как же так вдруг решился?” начал было говорить Василий, озадаченный не на шутку таким решением, и чуть было не прибавил: “И еще замыслил ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и чорт знает что”. И, полный недоверия, стал он рассматривать искоса Чичикова и увидел, что он держался необыкновенно прилично, сохраняя всё то же приятное наклоненье головы несколько на бок и почти-тительно-приветное выражение в лице. Так что никак нельзя было узнать, какого роду был Чичиков.

В молчаньи они пошли все трое по дороге, по <левую> [В рукописи: по правую] руку которой [Далее начато: мелькала] находилась мелькавшая промеж дерев белая каменная церковь, по правую начинавшие показываться, также [Далее начато: строенья] промеж дерев, [Далее начато: господские] строения господского двора. Нако-

нец показались и ворота. Они вступили на двор, где был старинный господский дом под высокой крышей. Две огромные липы, росшие посреди двора, покрывали почти половину его своей тенью. Сквозь опущенные вниз развесистые их ветви едва сквозили стены дома, находившегося позади их. Под липами стояло несколько длинных скамеек. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Чичиков сел, и Платонов сел. По всему двору разливалось благоухание цветущих сиреней и черемух, которые, нависши отовсюду из сада в двор через милостивую березовую ограду, кругом его обходившую, казались цветущею цепью или бисерным ожерельем, [или нежным ожерельем] его короновавшим.

Ухватливый и ловкий детина лет 17, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с водой и разноцветными квасами всех сортов, шипевшими, как газовые лимонады. Поставивши перед ними графины, он подошел к дереву и, взявши прислоненный к нему заступ, отправился в сад. У братьев Платоновых вся дворня рабо-

тала в саду, все слуги были садовники, или, лучше сказать, слуг не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Брат Василий всё утверждал, [Брат Василий говорил] что без слуг можно даже и вовсе обойтись. Подать что-нибудь может всякой, и для этого не стоит заводить особого сословья; что будто русской человек по тех пор только хорош и расторопен, и красив, и развязен, и много работает, покуда он ходит в рубашке и зипуне; но что, как только заберется в немецкой сертук, станет и неуклюж, и некрасив, и нерасторопен, и лентяй. Он утверждал, что и чистоплотность у него содержится по тех пор, покуда он еще носит рубашку и зипун, и что, как только заберется в немецкой сертук — и рубашки не переменяет, и в баню не ходит, и спит в сертуке, и заведутся у него под сертуком и клопы, и блохи, и чорт знает что. В этом, может быть, он; был и прав. В деревнях народ одевался как-то особенно щеголевато и опрятно, и таких красивых рубашек и зипунов нужно было далеко поискать.

“Не угодно ли вам прохладиться?” сказал

брат Василий Чичикову, указывая на графины. “Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится дом наш”.

Чичиков налил стакан из первого графина — точно липец, [В автографе — липецк] который он некогда пивал в Польше: игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным кручком изо рта в нос. “Нектар!”! сказал Чичиков. Выпил стакан от другого графина — еще лучше.!

“В какую же сторону и в какие места предполагаете преимущественно ехать?” спросил брат Василий.

“Еду я”, сказал Чичиков, потирая себя рукой по колену, в сопровожденьи легкого покачиванья всего туловища и наклоненья [покачиванья всего туловища и приятного наклона] головы на бок: “не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкой приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, род-

ственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя; ибо, не говоря уже о пользе в геоморроидальном отношении, видеть свет и коловращенье людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука”.

Брат Василий задумался. “Говорит этот человек несколько витиевато, но в словах его есть правда”, думал <он>. [Далее начато: Познания света и жизни действительно недостает моему] “Брату моему Платону недостает познания людей, света и жизни”. Несколько помолчав, сказал так вслух: “Знаешь ли что, брат Платон, — что путешествие может, точно, расшевелить тебя. [Далее было: Ты просто заснул] У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснул. И заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу всё, что ни случается”.

“Вольно ж принимать всё близко к сердцу”, сказал Платон. “Ты выискиваешь себе

беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги”.

“Как сочинять, когда и без того на всяком шагу неприятность?” сказал Василий. “Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын? — Захватил пустошь нашу, где красная горка”.

“Не знает, потому и захватил”, сказал Платон: “человек новой, только что приехал из Петербурга, — ему нужно объяснить, растолковать”.

“Знает, очень знает. Я посылал ему сказать, но он отвечал грубостью”.

“Тебе нужно было съездить самому растолковать. Переговори с ним сам”.

“Ну, нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Поезжай, если хочешь, ты”.

“Я бы поехал, [Перед “Я бы” было начато: Да ведь] но ведь я не мешаюсь. Он может меня и провести, и обмануть”.

“Да если угодно, так я поеду”, сказал Чичиков.

Василий взглянул на него и подумал: “Экой охотник ездить”.

“Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек”, сказал Чичиков: “и в чем дело”.

“Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию, потому что одно изъяснение с таким человеком для меня уже неприятная комиссия. Надобно вам сказать, что он из простых, мелкопоместных дворян нашей губернии, выслужился в Петербурге, вышел кое-как в люди, женившись там на чьей-то побочной дочери, [на чьей-то дочери] и заважничал. Задает здесь тону. Да у нас в губернии, слава богу, народ живет не глупый. Мода нам не указ, а Петербург не церковь”.

“Конечно”, [Перед “Конечно” было начато: А дело-то в чем] сказал Чичиков: “а дело в

чем?”

“А дело, по-настоящему, вздор. У него нет достаточно земли, ну, он и захватил чужую пустошь; то есть он рассчитывал, что она не нужна, и о ней хозяева <забыли>. А у нас, как нарочно, уже испокон века собираются крестьяне праздновать там красную горку. По этому-то поводу я готов пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чем отдать ее. Обычай для меня святыня”.

“Стало быть, вы готовы уступить ему другие земли?”

“То есть, если бы он не так со мной поступил; но он хочет, как я вижу, знаться судом. Пожалуй, посмотрим, кто выиграет. Хоть на плане и не так ясно, но свидетели-старики еще живы и помнят”. [но есть свидетели-старики]

“Гм!” подумал Чичиков. “Оба-то, как вижу, с душком”. И сказал вслух: “А мне кажется, что это дело обделать можно миролюбно. Всё

зависит от посредника. Письмен [Продолжение в рукописи утрачено.]

] Начало фразы в рукописи утрачено.] “что и для вас самих будет очень выгодно пере-
весть, например, на мое имя всех умерших
душ, какие по сказкам последней ревизии
числятся [какие окажутся в последней реви-
зии] в имениях ваших, так чтобы я за них
платил подати. А чтобы не подать какого со-
блазна, то передачу эту вы совершите посред-
ством купчей крепости, как бы эти души бы-
ли живые”.

“Вот тебе”, подумал Леницын: “это что-то
престранное”, и несколько даже отодвинулся
со стулом назад, потому что совершенно оза-
дачился.

“Я никак в том не сомневаюсь, что вы на
это дело совершенно будете согласны”, сказал
Чичиков: “потому что это дело совершенно в
том роде, как мы сейчас говорили. Совершенно
оно будет между солидными людьми втайне
[Совершенно оно будет втайне] и соблазна ни-

кому”.

Что тут делать? Леницын очутился в затруднительном положении. Он никак не мог предвидеть, чтобы мнение, им незадолго изъясненное, привело его к такому быстрому осуществленью на деле. Предложение было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоносного ни для кого не могло быть в этом поступке. Помещики, всё равно, заложили бы также эти души наравне с живыми; стало быть, казне убытку не может быть никакого. Разница в том, что они были бы в одних руках, а тогда были бы в розных. Но тем не менее он затруднился. Он был законник и делец, [Далее начато: Человек весь<ма>] и делец в хорошую сторону. Неправо не решил бы он дела ни за какие подкупы. Но тут он остановился, не зная, какое имя дать этому действию. Правое ли оно, или неправое. [Далее начато: Конечно, можно бы] Если бы кто-нибудь другой обратился к нему с таким предложением, он мог бы сказать: “Это вздор, пустяки. Я не хочу играть в куклы, или дурачиться”. Но гость уже так ему понравился, так они

сошлись во многом насчет успехов просвещения и наук, — как отказать? Леницын находился в презатруднительном положении.

Но в это время, точно как будто затем, чтобы помочь горю, вошла в комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Леницына, и бледная, и худенькая, [Далее начато: как все петербургские дамы] и низенькая, и одетая со вкусом, как все петербургские дамы. За нею был внесен мамкой на руках ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. [Над строкой приписано: тоже довольно жиденькой] Чичиков, разумеется, подошел [Чичиков подошел, разумеется] тот же час к даме и, не говоря уже о приличном приветствии, одним приятным наклоном головы на бок много расположил ее в свою пользу. Затем подбежал к ребенку. Тот было разревелся; — но, однако же, Чичикову [Далее начато: словами] удалось словами: агу, агу, душенька, пощелкиваньем [прищелкиваньем] пальцев и сердоликовой печаткой от часов переманить его на руки к себе. Взявши его к себе на руки, начал он приподымать его

кверху и тем возбудил в ребенке приятную усмешку, которая очень обрадовала обоих родителей.

Но от удовольствия ли, или от чего-нибудь другого, ребенок вдруг повел себя нехорошо. Жена Леницына закричала: “Ах, боже мой! он вам испортил весь фрак!”

Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака был весь испорчен. “Пострел бы тебя побрал, чертенок проклятой!” пробормотал он всердцах про себя.

Хозяин, и хозяйка, и мамка, все побежали за одеколоном; со всех сторон принялись его вытирать.

“Ничего, ничего, совершенно ничего”, говорил Чичиков. “Может ли что-нибудь невинный ребенок?” И в то же время думал про себя. “Да ведь как метко обделал, канальченок проклятой”.

“Золотой возраст!” сказал он, когда уже его

совершенно вытерли, и приятное выражение возвратилось на его лицо.

“А ведь точно”, сказал хозяин, обратившись к Чичикову, тоже с приятной улыбкой: “что может быть завидней ребяческого возраста: никаких забот, никаких мыслей о будущем...”

“Состоянье, на которое можно сей же час поменяться”, сказал Чичиков.

“Заглаза”, сказал Леницын.

Но, кажется, оба соврали. Предложи им такой обмен, они бы тут же на попятный двор. Да и что и за радость сидеть у мамки на руках да портить фраки.

Молодая хозяйка и первенец с мамкой [удалились], потому что и на нем требовалось кое-что поправить: наградив Чичикова, он и себя не позабыл. Это, повидимому, незначительное обстоятельство [Далее начато: а. склон<ило>; б. много] преклонило еще более

хозяина к удовлетворенью [хозяина на сторону] Чичикова. Как в самом деле отказать такому приятному, обходительному гостю, который [Далее начато: поплатился так велико <душно>] столько ласк оказал его малютке и так великодушно поплатился за то собственным фраком? Леницын думал так: “Почему ж, в самом деле, не исполнить его просьбы, если уж такое его желание”.

<ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА В ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ РЕДАКЦИИ>

В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой термамлы, [В подлиннике: термамлы] развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом-купцом жидовского происхождения и немецкого выговора, и [Далее начато: немецкого] перед ними уже лежали купленная штука первейшего голландского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостатейнейшего свойства (это мыло было [это было мыло] то именно, [то самое] которое он некогда приобретал [некогда покупал] на радзи<ви>ловской таможне, [Над строкой вписано: Он как знаток

<2 нрзб.>] оно имело, действительно, свойство сообщать [а. Начато: Оно было действительно перво; б. Оно имело действительно непостижимое свойство сообщать] непостижимую нежность и белизну щекам изумительную) в то время, когда он, как знаток, покупал эти необходимые для воспитанного человека [для человека воспитанного] продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожаньем комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Леницын.

“На суд вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашнего дни купленная вещица”. При этом Чичиков надел на голову ермолку, вышитую золотом и бусами, и очутился, как персидский шах, исполненный достоинства и величия.

Но его превосходительство, не отвечая на вопрос, сказал с озабоченным видом:

“Мне нужно с вами поговорить об деле”. В

лице его заметно было расстройство. [В лице его была видна озабоченность и расстройство] Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан, и они остались <одни>.

“Знаете ли вы, какая неприятность? Отыскалось другое завещание старухи, сделанное назад тому пять <лет>. Половина имения отдается на монастырь, а другая — обеим воспитанницам пополам, и ничего больше никому”.

Чичиков оторопел.

“Но это завещанье — вздор. Оно ничего не значит. Оно уничтожено вторым”.

“Но ведь это не сказано в последнем завещании, что им уничтожается первое”.

“Это самое собою разумеется. Последнее уничтожается первым. Это вздор. Это первое завещанье никуда не годится. [Далее начато: кто его по<дписал>] Самая нелепость распоря-

женья уже это доказывает. Я знаю хорошо волю покойницы. Я был при ней. Кто его подписал? кто были свидетели?”

“Засвидетельствовано оно, как следует, в суде. Свидетелем был бывший совестный судья Бурмилов и Хаванов”.

“Худо”, подумал Чичиков: “Хаванов, говорят, честен, Бурмилов — старый ханжа, читает по праздникам апостола в церквах”. — “Но вздор, вздор”, сказал он вслух и тут же почувствовал решимость на всё идти. “Я знаю это лучше: я участвовал при последних минутах покойницы. Мне это лучше всех известно. Я готов присягнуть самолично...”

Слова эти и решимость на минуту успокоили Леницына. Он был очень взволнован и уже начинал было подозревать, [взволнован и начинал уже было опасаться] не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикации относительно завещания. Теперь укорил себя [какой-нибудь фальши в завещании, хотя он [не] и представить себе не мог, чтобы дело

бы<ло>, как оно было действительно, и укорил себя] в подозрении. Готовность присягнуть была явным доказательством, что Чичиков <невинен>. Не знаем мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича [духа у Чичикова] присягнуть на святом, но сказать это достало духа.

“Будьте покойны, я переговорю [Будьте покойны и не заботьтесь ни о чем, я отправлюсь и переговорю] об этом деле с некоторыми юрисконсультами. С вашей стороны тут ничего не должно прилагать, вы должны быть совершенно в стороне. Я же теперь могу жить в городе, сколько мне угодно”.

Чичиков тот же час приказал подать экипаж и отправился к юрисконсульту. Этот юрисконсульт был опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лет, как он находился под судом, [Далее начато: и никак нельзя было отрешить от] и так умел распорядиться, что никаким <образом?> нельзя было отрешить от должности. Все знали, что его за продвиги его шесть раз следовало послать [а. Все

знали, что его следует за подвиги его; б. Все знали, что его за подвиги его следовало было шесть раз уже послать] на поселенье. Кругом и со всех сторон был он в подозрениях, но никаких нельзя было возвести явных и доказанных улик. Тут было действительно что-то таинственное, и его бы можно было смело признать колдуном, если бы история, нами описанная, принадлежала [к] временам невежества. [Далее начато: Чичиков объяснил затруднительные пункты]

Юрисконсульт поразил холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшего совершенную противоположность хорошим [противоположность весьма хорошим] мебелиям красного дерева, золотым часам под стеклянным колпаком, люстре, [колпаком и люстре] сквозившей сквозь кисейный чехол, ее сохранявший, и вообще всему, что было вокруг и носило на себе яркую печать европейского просвещения. [Далее начато: а. носило на себе всеобщ <ую>; б. носило на себе яркую печать всеобщего; в. носило на себе яркую печать европейского прогресса.]

Не останавливаясь, однако ж, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиков объяснил затруднительные пункты дела и в заманчивой перспективе изобразил необходимо последующую благодарность за добрый совет и участие.

Юрисконсульт отвечал на это изображением неверности всего земного [всего живого] и дал тоже искусно заметить, что журавль в небе ничего не значит, а нужно синицу в руку. [что синицы нечего сулить в небе, а нужно просто дать журавля в руку]

Нечего делать: нужно было дать синицу [дать журавля] в руку. Скептическая холодность философа вдруг исчезла. Оказалось, что это был найдобродушнейший человек, найразговорчивый и найприятнейший в разговорах, не уступавший ловкостью оборотов самому Чичикову.

“Позвольте [Вместо “Позвольте” было начато: Прежде всего] вам вместо того, чтобы

заводить длинное дело, вы, верно, не хорошо рассмотрели самое завещание: [В подлиннике: замечание] там, верно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время к себе. [Далее было: вам его отпустят] Хотя, конечно, подобных вещей на дом брать запрещено, но если хорошенько попросить некоторых чиновников... Я с своей стороны употребляю мое участие”.

“Понимаю”, подумал Чичиков и сказал: “В самом деле, я, точно, хорошо не помню, есть ли там приписочка, или нет”. Точно как будто и не сам писал это завещание.

“Лучше всего вы это посмотрите. Впрочем, во всяком случае”, продолжал он весьма добродушно: “будьте всегда покойны и не смущайтесь ничем, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни в чем не отчаивайтесь: нет дела неисправимого. Смотрите на меня: я всегда покоен. Какие бы ни были возводимы на меня казусы, [на меня казусы, я спокоен] спокойствие мое непоколебимо”. Лицо юриста-консультанта-философа пребывало действитель-

но в необыкновенном спокойствии, так что Чичиков много [Не дописано.]

“Конечно, это первая вещь”, сказал <он>. “Но согласитесь, однако ж, что могут быть такие случаи и дела, такие дела и такие поклепы со стороны врагов, и такие затруднительные положения, что отлетит всякое спокойствие”.

“Поверьте мне, это малодушие”, отвечал очень покойно [отвечал он покойно] и добродушно философ-юрист. “Старайтесь только, чтобы производство дела было всё основано на бумагах, чтобы на словах ничего не было, И как только увидите, что дело идет к развязке и удобно к решению, старайтесь не то, чтобы оправдывать и защищать себя, — нет, просто спутать новыми вводными и, так <сказать>, посторонними статьями”.

“То есть, чтобы...”

“Спутать, спутать — и ничего больше”, [Далее начато: в простом] отвечал философ: “вве-

сти в это дело посторонние, другие [посторонние и другие] обстоятельства, которые запутали <бы> сюда и других, [Далее начато: прив<ести>] сделать сложным, и ничего больше. И там пусть после наряженный из Петербурга чиновник разбирает. [а. И там пусть приезжий петербургский чиновник наряжает; б. И там пусть приезжий петербургский чиновник разбирает.] Пусть разбирает, пусть его разбирает”, повторил он, смотря с необыкновенным удовольствием в глаза Чичикову, как смотрит учитель ученику, когда объясняет ему заманчивое место из русской грамматики.

“Да, [Вместо “Да” было начато: Так] хорошо, если подберешь такие обстоятельства, которые способны пустить в глаза мглу”, сказал Чичиков, смотря тоже с удовольствием в глаза философа, как ученик, который понял заманчивое место, объясняемое учителем.

“Подберутся обстоятельства, подберутся. Поверьте, от частого упражнения и голова делается находчивою. [Далее начато: Помни

<те>] Прежде всего помните, что вам будут помогать. [Далее было: потому что, как только дело станет сложно, тут многие выигрывают] В сложности дела выигрыш многим: и чиновников нужно больше, и жалованья им больше. Словом, втянуть в дело побольше лиц. Нет [большой?] нужды, что иные напрасно попадут: да ведь им же оправдаться <легко>, им нужно отвечать на бумаги, им нужно о<т>купиться. Вот уж и хлеб. Первое дело спутать. [В сложности дела выигрыш многим. В мутной воде только и ловятся раки. Словом, вы здесь даже [сделаете благодеяние <1 нрзб.>] облагодетельствуете многих беспомощных. Поверьте мне, что, как только обстоятельства становятся критические, первое дело спутать.] Так можно спутать, так всё перепутать, что никто ничего не поймет. Я почему спокоен? Потому что знаю: пусть только дела мои пойдут похуже, да я всех впутаю в свое, и губернатора, и виц-губернатора, и полицеймейстера, и казначея, — всех запутаю. [Далее начато: положим, на иного и нелепо.] Я знаю все их обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочет упечь.

Там, пожалуй, пусть их выпутываются. Да покуда они выпутаются, другие успеют нажать-ся. Ведь только в мутной воде и ловятся раки. Все только ждут, чтобы запутать”. Здесь юрист-философ посмотрел Чичикову в глаза опять с тем наслаждением, [в глаза с таким наслаждением] с каким учитель объясняет [Далее начато: еще более] ученику еще заманчивейшее место из русской грамматики.

“Нет, этот человек, точно, мудрец”, подумал про себя Чичиков и расстался с юрисконсультom в наиприятнейшем и в наилучшем расположении духа.

Совершенно успокоившись и укрепившись, [успокоившись, так сказать, укрепившись] он с небрежною ловкостью бросился на эластические подушки [бросился на пуховик] коляски, приказал Селифану откинуть кузов назад (к юрисконсульту он ехал с поднятым кузовом и даже застегнутой кожей) и расположился точь в точь, как отставной гусарский полковник, или сам Вишнепокромов, — ловко подвернувши одну ножку под другую,

обратя с приятностью ко встречным лицо, сившее из <под> шелковой новой шляпы, на-
двинутой несколько на ухо. Селифану было
приказано держать направленье [ловко под-
вернувши одну ножку под другую, и повелел
Селифану держать направленье] к гостиному
двору. Купцы, и приезжие, и туземные, стоя у
дверей лавок, почтительно снимали шляпы,
и Чичиков не без достоинства приподнимал
им в ответ свою. Многие из них уже были ему
знакомы, другие были хоть приезжие, но очарованные ловким видом умеющего держать
себя господина, [держать себя барина] при-
ветствовали его, как знакомые. Ярманка в го-
роде Тьфуславле не прекращалась. Отошла
конная и земледельческая, началась с крас-
ными товарами для господ просвещенья выс-
шего. Купцы, приехавшие на колесах, распо-
лагали назад не иначе возвращаться, как на
санях.

“Пожалуйте-с, пожалуйста-с!” говорил у су-
конной лавки, учтиво рисуясь, с открытой го-
ловой и шляпой в руке на отлете, картинно
двумя пальцами держал бритой круглой под-

бородок, с выраженьем тонкости просвещения в лице. [Между строк абзаца “Пожалуйста-с ~ в лице” наброски исправлений: над зачеркнутым словом “шляпой”: немецкой сертук московского шитья Над словами: “[держал] картинно”: только чуть державший Исправления, видимо, не закончены и связного стройного текста не дают.]

Чичиков вошел в лавку. “Покажите-ка мне, любезнейший, суконца”.

Благоприятный купец тотчас приподнял вверх открывавшуюся доску стола и, сделавши таким образом себе проход, очутился в лавке, спиною к товару и лицом к покупателю. Ставши спиной к товарам и лицом к покупателю, купец, с обнаженной головою и шляпой на отлете, еще раз приветствовал Чичикова. [купец еще раз приветствовал Чичикова] Потом надел шляпу и, приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

“Какого рода сукон-с, английских мануфак-

тур или отечественной фабрикации предпочитаете?”

“Отечественной фабрикации”, сказал Чичиков: “но только лучшего [Над строкой начато: имен<но?>] сорта, который называется аглицким”.

“Каких цветов пожелаете иметь?” спросил купец, всё так <же> приятно колеблясь на двух упершихся в стол руках.

“Цветов темных, оливковых или бутылочных с искрою, приближающих, так сказать, к бруснике”, сказал Чичиков.

“Могу сказать, что получите первейшего сорта, [Далее начато: Какое-с можете в обеих] лучше которого не можете в обеих столицах”, говорил купец, <1 нрзб.> доставать сверху штуку. Бросил ее ловко на стол, разворотил с другого конца и поднес к свету и погладил рукой. “Каков отлив-с. Самого модного, последнего вкуса”. Сукно блистало, как шелковое. Купец чутьем пронюхал, что пред ним стоит

знаток сукон, и не захотел начинать с десятирублевого.

“Порядочное”, сказал Чичиков, слегка погладивши. “Но знаете ли, почтеннейший, покажите мне сразу то, что вы напоследи показываете, да и цвету больше того... больше искрасно, больше чтобы искры было”. [покажите мне еще лучше и моднее <?> [у вас я зн<аю>] которого, знаете, не всякому показываете, да и цвету-то немножко больше искрасно, больше чтобы в нем искры было.]

“Понимаю-с, вы истинно желаете такого цвета, какой нонче [Далее начато: только что в высших] в Пе<тербурге> входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Предупреждаю, что высокой цены, но и высокого достоинства”.

“Давайте. О цене <ни> слова”.

Штука упала сверху. Купец ее развернул еще с бóльшим искусством, поймал другой конец и развернул точно шолкову материю,

поднес ее Чичикову так, что <тот> имел возможность не только рассмотреть ее, [В подлиннике: его] но даже понюхать, сказавши только: “Вот-с сукно-с. Цвету наваринского дыму с пламенем”.

О цене условились. [Далее начато: Тут же отхватил железный аршин, подобный жезлу чародея] Железный аршин, подобный жезлу чародея, отхватил тут же Чичикову на фрак, на панталоны [Далее начато: Купец ловко взял в зубы конец надрезанного ножницами края и разодрал сукно во всю его двухаршинную]. Сделавши ножницами нарезку, купец произвел обеими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончаньи которого поклонился Чичикову [а. Начато: поклонился Чичикову наиприятнейшим; б. поклонился Чичикову благовоспитаннейшим образом] с наибольшительнейшею приятностью. Сукно тут же было свернуто и ловко заверчено в бумагу, сверток завертелся под легкой бичевкой. Чичиков хотел было лезть в карман, но почувствовал приятное окружение своей поясницы чьей-то весьма деликатной

рукой, и уши его слышали: “Что вы здесь покупаете, почтеннейший?”

“А! приятнейше-неожиданная встреча”, сказал Чичиков.

“Приятное столкновение”, сказал [Далее начато: тот голос] голос то<го> же самого, который окружил его поясницу. Это был Вишнепокромов. “Готовился было пройти лавку без вниманья, вдруг вижу знакомое лицо, как отказать от приятного удовольствия. Нечего сказать, сукна в этом году несравненно лучше. Ведь это стыд, срам. Я никак не мог было отыскать. Я готов тридцать рублей, сорок рублей, возьми пятьдесят даже, но дай хорошего. По мне, или иметь вещь, которая бы, точно, была уже отличнейшая, или уж лучше вовсе не иметь. Не так ли?”

“Совершенно так”, сказал Чичиков. “Зачем же трудишься, как не затем, чтобы, точно, иметь хорошую вещь?”

“Покажите мне сукна средних цен”, раз-

дался позади голос, показавшийся Чичикову знакомым. Он оборотился: это был Хлобуев. По всему видно было, что он покупал сукно не для прихоти, [это был Хлобуев. Сукно ему, как видно, действительно нужно] потому что сертучек был больно протерт.

“Ах, Павел Иванович, позвольте мне с вами наконец поговорить. Вас нигде не встретишь. Я был несколько раз, всё вас нет и нет”.

“Почтеннейший, я так был занят, что, ей, ей, нет времени”. Он [Далее начато: огляну<лся>] поглядел по сторонам, как бы от объяснения улизнуть, и увидел входящего в лавку Муразова. “Афанасий Васильевич. Ах, боже мой”; сказал Чичиков: “вот приятное столк<новение>”. И вслед за ним повторил Вишнепокромов: “Афанасий Васильевич”, повторил <Хлобуев>: “Афанасий Васильевич”. И, наконец, благовоспитанной купец, отнеся шляпу от головы настолько, сколько могла рука, и, всем <телом?> подавшись вперед, произнес: “Афанасию Васильевичу наше нижайшее почтенье”. [Далее начато: а. У всех на

лицах оказалась та собачья услужливость, какую оказывает люд ми<ллионщикам>; б. У всех на лицах оказалась та собачья услужливость, какую оказывает грешный люд вся<кому>] На лицах напечатлелась та услужливость, какую оказывает миллионщикам собачье отродье людей.

Старик раскланялся со всеми и обратился прямо к Хлобуеву: [Далее начато: Я, увидевши, что вы] “Извините меня, я, увидевши издали, как вы вошли в лавку, решился вас беспокоить. Если вам будет через <1 нрзб.> свободно и по дороге мимо моего дома, так сделайте милость, зайдите на малость времени. Мне с вами нужно будет переговорить”.

Хлобуев [Перед “Хлобуев” было начато: Как же, очень свободно] сказал: “Очень хорошо, Афанасий Васильевна”. [Далее было: и старик, раскланявшись [вновь] со всеми, вышел.]

“Какая прекрасная погода у нас, Афанасий Васильевич”, сказал Чичиков.

“Не правда ли, Афанасий Васильевич”, подхватил [Далее начато: Мура<зов>] Вишнепокромов. “Ведь это необыкновенно”.

“Да-с, благодаря бога, не дурно. Но нужно бы дождичка для посева”.

“Очень, очень бы нужно”, сказал Вишнепокромов, “даже и для охоты хорошо”.

“Да дождика бы очень не мешало”, сказал Чичиков, которому совсем не нужно было дождика, но как уже приятно согласиться с тем, у кого миллион. [“Какая прекрасная погода ~ у кого миллион” вписано.]

“У меня просто голова кружится”, сказал Чичиков: “как подумаешь, что у этого человека 10 миллионов. Это, просто, даже невероятно”.

“Противузаконная, однако ж, вещь”, сказал Вишнепокромов: “капиталы не должны быть в одних <руках>. Это теперь предмет

трактатов во всей Европе. Имеешь деньги, ну, сообщай <?> другим. Угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам”.

“Это я не могу понять”, сказал Чичиков. “Десять миллионов, и живет как простой мужик. Ведь это с десятью милльонами чорт знает что можно сделать. Ведь это можно так завести, что и общества другого у тебя не будет, как генералы да князья”.

“Да-с”, прибавил купец: “у Афанасия Васильевича при всех почтенных качествах непросветительности много. [прибавил купец, “действительно это непросветительность”] Если купец, почетной, так уж он не купец: он некоторым образом есть уже негоциант. Я уж тогда должен себе взять и ложу-с в театре. [Я уж должен себе и ложу-с взять в театре.] И дочь уж я за простого полковника, нет-с, не выдам; [Далее начато: я за негоцианта.] я за генерала, иначе я ее не выдам. Что мне полковник? Обед мне уж не кухарка, мне кондитер. [Обед мне уж должен кондитер по-

ставлять, а не то что кухарка.] И не то-то <?> у меня простой <дом?>, [Далее было: а библиотека] а кабинет московской <1 нрзб.>.”

“Да что говорить, помилуйте”, сказал Вишнепокромов: [Далее начато: чего не] “с десятью миллионами чего не сделать? Дайте мне десять миллионов, вы посмотрите, что я сделаю”.

“Нет”, подумал Чичиков: “ты-то не много сделаешь толку с десятью миллионами. А вот если б мне десять миллионов [Далее начато: я бы конечно сделал кое-что] я бы, точно, кое-что сделал”.

“Нет, если бы мне теперь, после этих страшных опытов, десять миллионов”, подумал Хлобуев: “[После такого страшного] опыта [Вместо “Нет, если бы ~ опыта”]: а. Начато: “Да если бы мне десять миллионов”, подумал Хлобуев: “я бы не так теперь поступил, как прежде. После такого страшного; б. “Да если бы мне десять миллионов”, подумал Хлобуев: “не прожил бы так безумно. После такого

страшного] узнаешь цену [узнаешь цену денег.] всякой копейки. Э, теперь бы я не так". И потом, подумавши, [И несколько минут подумавши] спросил себя внутрененно: "точно ли бы теперь умней распорядился", и, махнувши рукой, прибавил: "Кой чорт, я думаю также бы растратил, как и прежде", и, вышед из лавки, сгорал, желая знать, [и вышедши из лавки, отправился к Муразову, желая знать] что объявит ему Муразов.

"Вас жду, [Вместо "Вас жду" было: Ну что] Петр Петрович", сказал Муразов, увидевши входящего Хлобуева: "Пожалуйте ко мне в комнатку", и он повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти [неприхотливее которой не было] и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

"Скажите, пожалуйста, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши лучше? После те-тушки все-таки вам досталось, кое-что".

"Да как вам сказать, Афанасий Василье-

вич. Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пятьдесят душ крестьян и тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, и у меня [Далее начато: ровно ничего] вновь ровно ничего. [Далее начато: Тут А<фанасий Васильевич>] А главное дело, что дело по этому завещанью самое нечистое. Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества. Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается... Этот Чичиков...”

“Позвольте, Петр Петрович, прежде чем говорить об этом Чичикове, позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне, сколько, по вашему заключению, было <бы> для вас удовлетворительно и достаточно затем, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?” [Далее начато: Хлобуев]

“Мои обстоятельства трудные”, сказал Хлобуев. “Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в возможности жить самым умеренным образом, мне нужно, по крайней мере, 100 тысяч, если не больше,

СЛОВОМ МНЕ ЭТО НЕВОЗМОЖНО”.

“Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?”

“Ну, я бы тогда нанял себе квартирку, занялся бы воспитаньем детей, о себе нечего уже думать, карьер мой кончен [Вместо “о себе ~ кончен”: потому что мне самому уже не служить] — я уж никуда не гожусь”.

“А почему ж вы никуда не годитесь?”

“Да куды ж мне, сами посудите. Мне нельзя начинать с канцелярского писца. Вы не забывайте, [Вы позабыли] что у меня семейство. Мне сорок, у меня уж и поясница болит, я обленился. А должности мне поважнее не дадут, [Мне не дадут поважнее] я ведь не на хорошем счету. Я признаюсь вам, я бы и сам не взял наживной должности. Я человек хоть и дрянной, и картежник, и всё, что хотите, но взятков брать я не стану. Мне не ужиться с Красноносковым да Самосвистовым”.

“Но всё, извините-с, я не могу понять, как же быть без дороги, как идти не по дороге, как ехать, когда нет земли под ногами, как плыть, когда челн не на воде. [Далее начато: А ведь жизнь путешествовать] А ведь жизнь — путешествие. Извините, Петр Петрович, те господа ведь, про которых вы говорите, всё же они на какой-нибудь дороге, всё же они трудятся. Ну, положим, как-нибудь своротили, как случается со всяким грешным, да есть надежда, что опять набредут. [своротили, да есть надежда, что возвратятся.] Всё же не один он работает, [Вместо: “Всё же не один он работает” было: Кто идет, нельзя чтоб не пришел] есть надежда, что и набредет. [Далее начато: найти] Но как тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Ведь дорога не придет ко мне.

Как жить на свете не прикрепленну ни к чему, [как не иметь] [когда всяк] какой-нибудь да должен исполнять долг. Поденщик ведь и тот служит [и счастлив]. Он ест грошевой хлеб, да ведь он его добывает и чувствует интерес своего занятия”. [“Как жить ~ своего

занятия” вписано на полях.]

“Поверьте мне, Афанасий Васильевич, я чувствую совер<шенно> справедливость, но говорю вам, что во мне решительно погибла, умерла всякая деятельность — не вижу я, что могу сделать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свете. Я чувствую, что я решительно бесполезное бревно. Прежде, покамест был помоложе, так мне казалось, что всё дело в деньгах, что если бы мне в руки сотни тысяч, я бы осчастливил множество. [Далее начато: Я имею вкус] Помог бы бедным художникам, [Далее начато: выстро<ил>] завел бы библиотеки, полезные заведения, собрал бы коллекции. Я человек не без вкуса и, знаю, во многом мог бы гораздо лучше распорядиться тех наших богачей, которые всё это делают бес-толково. А теперь вижу, что и это суета, и в этом не много толку. Нет, Афанасий Васильевич, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вам. На малейшее дело неспособен”.

“Послушайте, Петр <Петрович>, но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускае-

те, я знаю, ни утрени ни вечерни. Но вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете и идете, идете в четыре часа утра, когда никто не подымается”.

“Это другое дело, Афанасий Васильевич. Я это делаю для спасения души, потому что убежден, что этим хоть сколько-нибудь выкуплю [сколько-нибудь заглажу] праздную жизнь, что как я ни дурен, [как я ни скверен самому себе] но смиренные молитвы [Далее начато: и некоторое насилие себя для] все-таки что-нибудь значат у бога. Скажу вам, что я молюсь, даже и без веры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть господин, от которого всё зависит, как лошадь и скотина, которою пашем, знает чутьем того, <кто> запрягает”. [а. как лошадь и скотина домашняя слышит, что есть господин, кото<рый>; б. как лошадь и скотина, которою пашем, знает чутьем своего господина, имеющего право]

“Стало быть, вы молитесь затем, чтобы угодить тому, которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это дает вам силы и застав-

ляет вас подыматься рано с постели. Поверьте, что если вы взяли<сь> за должность свою таким образом, как бы вы ею служили тому, кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вас никто из людей не в силах охладить”.

“Афанасий Васильевич, вновь скажу вам, это другое. В первом случае я вижу, что я все-таки делаю. Говорю вам, что я готов пойти в монастырь и самые тяжкие, какие на меня ни наложат, труды и подвиги я буду исполнять там, потому что не мое дело рассуждать там, я уверен, [я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я [исполняю] делаю. Там я уверен] что взыщется <с тех>, которые заставили меня делать; там я повинуюсь и знаю, что богу повинуюсь”.

“А зачем же так вы не рассуждаете и в делах света? [Далее было: Разве способности и различные, которыми нас бог наделил, не есть те же орудия, которыми мы должны молиться] Ведь и в свете мы должны служить богу. Если и другому кому служим, мы потому

только служим, будучи уверены, что так бог велит, а без того мы бы и не служили. Что ж другое все способности и дары, которые разные у всякого? Ведь это орудия моления нашего. [мы должны служить богу, а не кому иному, кто одарил, ведь об <этом> никто даже и не спорит. Способности и дары, которые у нас у всякого разные, у всякого ведь это орудия моления нашего.] То — словами, а это делом. Ведь вам же в монастырь нельзя идти: вы прикреплены к миру, у вас семейство”.

Здесь Муразов замолчал. Хлобуев тоже замолчал.

“Так вы полагаете, что если бы, например, у <вас> было двести тысяч, так вы <бы> могли упрочить жизнь и повести отныне жизнь расчетлив<ее>?”

“То есть, по крайней мере, я займусь тем, что можно будет сделать, [Далее было, начато: Буду воспи<тывать>] — займусь воспитанием детей, буду иметь в возможности доставить им хороших учителей”.

“А сказать ли вам на это, Петр Петрович, что чрез два года будете опять кругом в долгах, как <в> шнурках?”

Хлобуев несколько помолчал и начал с расстановкою: “Однако ж, после этаких опытов”... [Хлобуев задумался и сказал: “Ну, нет, после этаких опытов”]

“Да что ж опыты”, [Да что ж тут толковать] сказал Муразов <1 нрзб.>: “Ведь я вас знаю. Вы человек <с> доброй душой: к вам придет приятель, попросит взаймы, вы ему дадите; увидите бедного человека [вы ему дадите; придет бедный человек] — вы захотите помочь; [Вместо “увидите ~ помочь” начато исправление: человек представит в<ам>] приятный гость придет к вам — захотите [Вместо “приятный гость ~ захотите”: получите угощение — гостя захотите] лучше угостить, [Далее начато: а расчет-то!] да и покоритесь первому доброму движенью, а расчет и позабываете. И позвольте вам, наконец, сказать по искренности, что детей-то своих вы не в состоянии воспи-

тать. Детей своих воспитать может только тот отец, который уж сам выполнил долг свой. Да и супруга ваша, она и доброй души” она совсем не так воспитана, чтобы детей воспитать. Я даже думаю — извините меня, Петр Петрович, — не во вред ли детям будет даже и быть с вами!”

Хлобуев призадумался; он начал себя мысленно осматривать со всех сторон и наконец почувствовал, что Муразов был прав отчасти. [Хлобуев сильно задумался. Он чувствовал, что Муразов прав]

“Знаете ли, Петр Петрович, отдайте мне на руки это — детей, дела, оставьте и семью вашу, и детей: я их приберегу. Ведь обстоятельства ваши таковы, что вы в моих руках; ведь дело идет к тому, чтобы умирать с голоду. Тут уже на всё нужно решаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?”

“И очень уважаю, даже несмотря на то, что он ходит в сибирке”, сказ<ал Хлобуев>.

“Иван Потапыч был миллионщик. Выдал дочерей своих за чиновников, жил как царь; а как обанкрутился, что ж делать, пошел в прикащики... Не весело-то было ему с серебряного блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки к чему, ни к чему не подымались. Теперь Иван Потапыч мог бы хлебать с серебряного блюда, да уж не хочет. [Далее начато: Он] У него уж набралось бы опять, да он говорит: “Нет, Афанасий Иванович, служу я теперь уж не себе, и <не> для себя, а [Далее начато: бог<у>] потому, что бог так <судил>. По своей воле не хочу ничего делать. [Далее начато: Вас, Афанасий Васильевич] Слушаю вас, потому что бога хочу слушаться, а не людей, и так как бог [Далее начато: иначе не говорит, как (эти слова остались незачеркнутыми)] устами лучших людей [устами умных людей] только говорит. Вы умнее меня, а потому не я отвечаю, а вы”. [Далее начато: отв<ечаете>] Вот что говорит Иван Потапыч; а он, если сказать по правде, в несколько раз умнее меня”.

“Афанасий Васильевич, вашу власть и я го-

тов над собою <признать>, ваш слуга и что хотите, отдаюсь вам. Но не давайте [Но молю вас, не давайте] работы свыше сил, я не Потапыч и [Далее начато: ровно] говорю вам, что ни на что доброе не гожусь”.

“Не я-с, Петр Петрович, наложу-с <на> вас, а так как вы хотели бы послужить, как говорите сами, так <вот> вам богоугодное дело. Строится в одном месте церковь доброхотным дательством благочестивых людей. Денег нестает, нужен сбор. [Далее начато: Поезжайте [на простой] в простой тележке [собрать приношенья] с книгой] Наденьте простую [Наденьте даже простую] сибирку, ведь вы теперь простой человек, разорившийся дворянин и тот же нищий, что ж тут чиниться, да с книгой в руках, на простой тележке и отправляйтесь по городам и деревням. От архиерея вы получите благословенье и шнурованную книгу, да и с богом”.

Петр Петрович был изумлен [Петр Петрович остановился, он был изумлен] этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дво-

рянину некогда древнего рода, отправиться с книгой в руках просить на церковь! Ему с его хворостью трястись [просить на церковь! притом трястись] на телеге... А между тем вывернуться [А вывернуться] и уклониться нельзя: дело богоугодное. [Вместо “А между ~ нельзя” начато исправление: Но в то же время и дум<ать> Над строкой начато: Но в чем же подвиги? Какая же любовь к богу, когда Далее начато: он с д<осады?>]

“Призадумались?” сказал Муразов. “Вы здесь [“Этим вы здесь] две службы сослужите: одну службу богу, а другую мне”.

“Какую же вам?”

“А вот какую. Так как вы отправитесь [Вы так как отправитесь] по тем местам, где я еще не был, так вы узнаете-с на месте всё: как там живут мужички, где побогаче, где терпят нужду [где побогаче, где победнее] и в каком состояньи все. [Скажу вам, что мужичков люблю оттого, может быть, что я и сам из мужиков. Но дело в том, что завелось меж ними

много всякой мерзости.] Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их, восстанавливают их против властей и порядков, [смущают их. Иные и против властей их восстанавливают. Дело в то<м>] а если человек притеснен, так он легко восстает. Что ж, будто трудно подстрекнуть человека, который, точно, терпит. Да дело в том, что не снизу должна начинаться расправа. Уж тогда, плохо, [Вместо “Уж тогда плохо”: “Дело плохо] когда пойдут на кулаки: уж тут никакого толку не будет, только ворам пожива. Вы человек умный, вы рассмотрите, узнаете, где действительно терпит человек от других, а где от собственного беспокойного нрава, [беспокойного характера] да и расскажите мне потом всё это. [Далее начато: а сами возьмите с собой на раздачу тем, которые чрез<вычайно> бедны] Я вам на всякой случай небольшую сумму дам на раздачу тем, которые уже и действительно терпят безвинно. С вашей стороны будет также полезно утешить их словом и получше [Далее начато: объяснить, что бо<г>] истолковать им то, что бог велел переносить [Далее начато: а не рас<правляться?>] безропотно, и молиться в

это время, когда несчастлив, а не буйствовать и расправляться самому. Словом, говорите им, никого, не возбуждая ни против кого, а всех примиряя. Если увидите в ком противу кого бы то ни было ненависть, употребите всё усилие”.

“Афанасий Васильевич, дело, которое вы мне поручаете”, сказал Хлобуев: “святое дело; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человеку почти святой жизни, который бы и сам уже <умел> прощать другим”.

“Да я и не говорю, чтобы всё это вы исполнили, а по возможности, что можно. [что можно-с] Дело-то в том, что вы всё-таки придете с большими познаниями тех мест, и будете иметь понятие, в каком положении находится тот край. Чиновник [Какой-нибудь чиновник] никогда не столкнется [Вместо “никогда не столкнется” над строкой начато: не имеет возможности] с лицом, да и мужик-то с ним не будет откровенен. А вы, прося на церковь, загляните ко всякому и к ме-

щанину, и к купцу, и будете иметь случай расспросить всякого. Говорю-с вам это [Далее начато: а. потому; б. зная] по той причине, что генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях; и вы [и если вы] мимо всяких канцелярских повышений получите такое место, [Далее начато: на котором точно] где не бесполезна будет ваша жизнь”.

“Попробую, [Далее начато: употреблю всё старанье, сказал] приложу старанья, сколько хватит сил”, [Далее начато: не взыщите] сказал Хлобуев, и в голосе его было заметно ободрение, спина распрямилась, [спина несколько распрямилась] и голова приподнялась, как у человека, которому светит надежда. “Вижу, что вас бог наградил разуменьем, и вы знаете иное лучше нас, близоруких людей”. [сказал Хлобуев “[что] вижу, что вас бог наградил разуменьем и вы много знаете лучше нас, людей близоруких]

“Теперь позвольте вас спросить”, сказал Муразов: “что ж Чичиков и какого роду <дело>?”

“А <про> Чичикова я вам [Далее начато: то расскажу, что] расскажу вещи неслыханные. Делает он такие дела... Знаете ли, Афанасий Васильевич, что завещание ведь ложное. Отыскалось настоящее, где [Далее начато: говор<ят>] всё именье принадлежит воспитанницам”.

“Что вы говорите? Да ложное-то завещание кто смастерил?”

“В том-то и дело, что премерзейшее дело. Говорят: Чичиков. И что подписано завещание уже после смерти. Нарядили какую-то бабу на место покойницы, и она уже подписала. Словом, дело соблазнительнейшее. [Далее было: подозревают в участии и чиновников. Уж говорят, и генерал-губернатор знает] Говорят, тысячи просьб поступило с разных сторон. К Марье Еремеевне теперь подъезжают женихи. Двое уж чиновных лиц из-за нее дерутся. Вот какого роду дело, Афанасий Васильевич!”

“Не слышал [Перед “Не слышал” было на-

чато: Изво<льте?>] об этом я ничего, а дело, точно, не без греха. [точно дело, как вижу, не совсем чистовато] Павел Иванович Чичиков, признаюсь, для меня презагадочный <человек>”, сказал Муразов. [Далее было: а. и задумался; б. и призадумался]

“Я подал от себя также просьбу, затем, чтобы напомнить, что существует ближайший наследник”.

“А мне пусть их все передерутся”, [Далее начато: ска<зал>] думал Хлобуев, выходя. “Афанасий Васильевич не глуп. [Далее начато: Его порученье, как вижу, не без смыслу] Он дал мне это порученье, верно, обдумавши. Исполнить его, вот и всё”. И он стал думать о дороге, в то время, когда Муразов всё еще повторял в себе: “Презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков. Ведь если бы с такой волей и настойчивостью да на доброе дело!” [Далее начато: чего бы нельзя]

А между тем, [Далее начато: заварилось] в самом деле по судам шли просьбы за прось-

бой. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы [Как вороны] слетаются на мертвечину, [Далее начато: а. так всё по<днялось>; б. так всё закружилось] так всё налетело на несметное имущество, оставшееся после старухи: [Далее начато: оказ<ались>] доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. [в покраже сумм] Явились даже [Далее начато: биографии] улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможне. Выкопали всё, разузнали его прежнюю историю. Бог весть, откуда всё это пронюхали и знали. Только были улики даже и в таких делах, об которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен, никто не знал. Покамест всё это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юрисконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: “Спешу вас уведомить, что по делу [что по делу нашему] будет возня, но помните, что

тревожиться никак [тревожиться ничем] не следует. Главное дело — спокойствие. Обделаем всё”. Записка эта успокоила совершенно его. “[Этот человек] точно гений”, сказал Чичиков. [успокоила решительно Чичикова. “Этот человек решительный гений”, сказал он по прочтении записки]

В довершенье хорошего, портной в это время принес [платье]. [Вместо “В довершенье ~ платье: “Петрушка, ты ступай за портным, что он, бездельник, не несет мне платье”.] <Чичиков> получил [Вместо “получил” было начато: и захоте<лось>] желанье сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского пламени с дымом. Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон, так что хоть рисуй. Ляжки так славно обтянуло, икры тоже, [Ляжки такие, молодец, икры полные] сукно обхватило все малос<ти>, [Далее начато: и дало еще] сообщаем еще бóльшую упругость. Как затянул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут [тут же себя] щеткой, прибавив: “Ведь какой дурак, а в целом

он составляет картину!” Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянул, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. [ни морщинки, так и обтянул все бока, на перехвате показав его ловкой перегиб] На замечанье Чичикова, <что> под правой мышкой немного жало, портной только улыбался: [от] этого еще лучше прихватывало на талии. “Будьте покойны, будьте покойны насчет работы”, повторял он с нескрытым торжеством. [Вместо “На замечанье ~ торжеством” было начато: Под правой мышкой только немного жало, но от этого еще лучше прихватывало на талии. Портной, который стоял в полном торжестве и говорил только: будьте] “Кроме Петербурга, нигде так не сошьют”. Портной был сам из Петербурга и на вывеске [на вывеске своей] выставил: Иностранец из Лондона [Далее начато: из Петер<бурга>] и Парижа. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь Карлсеру или Копенгара.

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, [Далее начато: начал друж<ески?>] стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист, с эстетическим чувством [Текст “как артист с эстетическим чувством” автор начал исправлять: с эстетическим чувством, как” и затем вернулся к первоначальному.] и соn amore. [Далее начато: Всё б<ыло>] Оказалось, что всё как-то было еще лучше, чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам. Новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный <жилет> давал <тон> манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, блистая, как шелк, давал тон всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налево — еще лучше! Перегиб такой, как у каммергера [Далее было: или у чиновника, служащего в иностранной коллегии] или у такого господина, который так чешет по-французски, [Далее было: а. что перед ним сам француз — ничего, [который и] который даже и рассердясь не

срамит себя русским словом, а выругает по-французски; б. который даже и рассердясь не срамит себя непристойным русским словом; в. который даже и рассердясь [даже и] выбраться не умеет на русском языке, а распечат деликатным французским словом; г. который даже и рассердясь выбраться не умеет на русском языке, а распечат отличнейшим французским диалектом] который, даже и рассердясь выбраться не умеет на русском языке, а распечат французским диалектом. Деликатность такая! Он попробовал, склоня голову несколько на бок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения: выходила, просто, картина. Художник, бери кисть и пиши. В удовольствии, он совершил тут же легкой прыжок, вроде антраша. Вздогнул комод и [Далее начато: упала скля<нка>] шлепнула на землю склянка с одеколоном; но это не причинило никакого помешательства; он назвал, как и следовало, глупую склянку дурой и подумал: “к кому теперь прежде всего явиться. Всего лучше...” Как вдруг в передней — вроде некоторого бряканья сапогов с шпорами и жан-

дарм [Далее начато: сей же час с ружьем] в полном вооружении, [Далее начато: чуть] как <будто> в лице его было целое войско. “Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору”. [Далее начато: Вот тебе на! Перед] Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиной хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаш [Далее начато: с правой] привешен к боку. Ему показалось, что при другом [что и с другого] боку висело и ружье, и чорт знает что. Целое войско в одном только. Он начал бы<ло> возражать, [страшило] грубо заговорило: “Приказано сей же час”. [Далее начато: взглян<ув>] Сквозь дверь в переднюю он увидел, что там мелькало и другое страшило, взглянул в окошко, и экипаж. Что тут делать? Так, как был во фраке наваринского пламени с дымом, [Далее начато: отправился] должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним. В передней не дали даже и опомнить<ся> ему. “Ступайте, вас князь уже ждет”, сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с ку-

рьерами, принимавшими пакеты, потом зала, через которую он прошел, думая только: “вот как схватит, да без суда, [да прямо без суда] без всего, прямо в Сибирь”. Сердце его забилося с такой силою, с какой не бьется [не бьется оно] даже у наиревнивейшего [даже у наибешеннейшего] любовника. Наконец, растворилась роковая дверь, [растворилась перед ним дверь] предстал кабинет, с портфелями, шкафами и книгами, и князь гневный, как сам гнев.

“Губитель, губитель!” сказал Чичиков: [Далее было: он мою душу погубит] “Погубит он мою душу. [Далее было: а. и чуть, не упал в обморок; б. Начато: Как зверь на хищную добычу] Зарежет, как волк агнца!”

“Я вас пощадил, я позволил вам остаться в городе, тогда как вам следовало бы в острог. А вы запятнали себя вновь бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек”. Губы князя дрожали от гнева.

“Каким же, ваше сиятельство, бесчестней-

шим поступком и мошенничеством?” [и мошенническим поступком] спросил Чичиков, дрожа всем телом. [Далее начато: Князь устремил]

“Женщина”, произнес князь, подступая несколько ближе и смотря [Далее начато: прогла <тывая? >] прямо в глаза Чичикову: “женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку”:

Чичиков стал бледен, [Чичиков сделался] как полотно. “Ваше сиятельство, скажу [Я скажу] всю истину дела. Я виноват; точно, виноват, но не так виноват: меня обнесли враги”.

“Вас не может никто обнести, потому что вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. [Далее начато: Вы в жизни не делали] Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестнейшим образом >, есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь.

Нет, теперь полно. С сей же минуты будешь отведен в острог, и там, [Далее начато: должен] наряду с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешения участи своей. И это милостиво еще, [Далее начато: ты ху<же>] потому что <ты> хуже их в несколько <раз>: они в армяке и тулупе, а ты...” Он взглянул на фрак наваринского пламени с дымом и, взявшись за шнурок, позвонил.

“Ваше сиятельство”, вскрикнул Чичиков: [Далее начато: <1 нрзб.> повалился на землю] “умилосердитесь. Вы отец семейства. Не меня пощадите, [Далее начато: врешь] старуха мать”.

“Врешь”, вскрикнул гневно князь. “Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матерью”.

“Ваше сиятельство, я мерзавец и последний негодяй”, сказал Чичиков голосом [Не дописано.] “Я действительно лгал, я не имел ни

детей, ни семейства; но, вот бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, чтобы действительно потом заслужить уважение граждан и начальства. Но что за бедственные стечения обстоятельств. [Далее начато: Потом] Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добыть насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушенья... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн по воле ветров. [точно судно среди волн морских] Я человек, ваше сиятельство”.

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю так, как был: во фраке наваринского пламени с дымом, в бархатном жилете, атласном галстуке, чудесно сшитых штанах и [Далее начато: ударился лбом] головной прическе, изливавшей ток сладкого дыханья первейшего одеколона. [а. в бархатном жилете с атласным <галстуком>, новых штанах и причесанных волосах, изливавших чистый запах одеколона; б. в бархатном жилете с атласным <галстуком>, новых

штанах и причесанных волосах, изливавших сладкое дыханье первейшего одеколона]

“Поди прочь от [Далее начато: взять в] меня. Позвать, чтобы его взяли, солдат”, сказал князь взошедшим.

“Ваше сиятельство!” [Далее начато: сказал] кричал <Чичиков> и обхватил обеими руками сапог князя. [Далее было: Не сойду я с места, покуда не получу милость]

Чувство содроганья пробежало по всем жилам <князя>. “Подите прочь, говорю вам”, сказал он, усиливаясь вырвать свою ногу из объятия Чичикова.

“Ваше сиятельство, [Далее начато: ради суп<руги>] не сойду с места, покуда не получу милости”, говорил <Чичиков>, не выпуская, сжимая сапог князя к груди и проехавшись, вместе с ногой, по полу во фраке [вместе с ним по полу вместе с фракком] наваринского пламени и дыма. [Далее начато: Прочь]

“Подите, говорю вам”, говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращения, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но не выпустил [удар сапога в щеку, приятно округленный подбородок и зубы. Но он не выпустил] сапога и еще <с> большей силой держал <его> [В подлиннике: ee] в своих объятиях. [Далее начато: Жан<дармы>] Два дюжих жандарма в силах оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий [Далее начато: неизбеж<ную>] перед собою черную, неотвратимую смерть, это [Далее начато: а. противное человеку; б. противное естеству нашему страшилище] страшилище, противное естеству нашему, В самых дверях [Перед “В самых дверях” было начато: Вдруг] на лестницу на встречу Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг, с силой неестественной, вырвался он из рук обоих жандармов и бросился

в ноги изумленному старику. [Далее начато: Павел Иванович]

“Батюшка, Павел Иванович, что с вами?”

“Спасите, ведут в острог, на смерть”. Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чулан с запахом сапогов и онуч [Далее начато: который] гарнизонных солдат, некрашенный стол, два скверных стула, с железной решеткой окно, [Далее начато: дымившая холодная] дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало, [дряхлая печь, сквозь щели которой шел дым и не давало тепла] вот [Далее начато: а. к<аково>; б. было; в. обиталище Чичикова] обиталище, где помещен был наш <герой>, [Далее начато: схваченный так, как был во фраке нава<ринского>] уже было [Далее начато: вкусивш<ий>] начинавший вкушать сладость жизни и [Далее начато: а. и приобретший красоту оборо<тов> [созд<анных>]; б. и долженствовавший обворозить

общество красотой оборотов и] привлечь вниманье соотечественников, в тонком новом фраке наваринского пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги, [Далее начато: Чемодан, заключающий гардероб] быть может достаточные. Бумаги, крепости на мертвые <души>, всё было теперь у чиновников. [у генерала] Он повалился на землю, [Далее начато: а. Плотоядный червь безнадежной грусти; б. Плотоядный червь грусти страшной безнадежной обвился вокруг его; в. Плотоядный червь грусти страшной безнадежной обвился ядовитой змеей около его сердца] и безнадежная грусть плотоядным червем обвилась около его сердца. С возрастающей быстротой стала точить она это сердце, [точить она его сердце] ничем не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым [Далее начато: еще] не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя [И час спустя после этого страшного состояния] двери тюрьмы растворились; вошел [и вошел] старик Муразов.

Если бы терзаемому палящей жаждой влил кто в засохнувшее горло струю ключевой воды, то он бы не оживился так, как оживился бедный [Чичиков]. [Если бы издыхающему от жару упала капля росы в засохнувшее и палящие внутренности, то он бы так воспрянул, как воспрянул вдруг Чичиков]

“Спаситель мой!” сказал Чичиков, вдруг схватившись с полу, на который бросился в разрывающей его печали, [сказал Чичиков, схвативши вдруг его руку, поцел<овал>] вдруг его руку быстро поцеловал и прижал к груди. [Далее начато: Если бы даже вы и ничего [не] для меня не сделали, но уж за то, что посетили меня, бог да наградит вас... Ручьи слез хлынули вдруг и оросили его ру<ку>] “Бог да наградит вас за то, что посетили несчастного”. Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только: “Ах, Павел, Павел Иванович, Павел Иванович, что вы сделали?”

“Я подлец. Виноват. Я преступил. [Вместо “Я подлец ~ преступил”: Сделал всё, что свойственно подлейшему человеку] Но посудите, посудите, разве можно так поступать? Я дворянин. Без суда, без следствия, бросить в тюрьму, отобрать всё от меня: вещи, шкатулка, там деньги, там всё имущество, там всё мое имущество, Афанасий Васильевич, имущество, которое кровавым потом приобрел”. И, не в силах будучи удержать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщу стен [проникнувшим самые стены] острога и [Далее начато: дал<еко?>] глухо отозвавшимся в отдалении, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою [схвативши себя рукою] около воротника, разорвал на себе фрак наваринского пламени с дымом.

“Павел Иванович, всё равно, и с имуществом, и со всем, что ни есть на свете, вы должны проститься. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека”.

“Сам погубил самого себя, чувствую, что погубил. Не умел во-время остановиться. Но за что же такая страшная <кара>. Афанасий Васильевич. Я разве разбойник? От меня разве пострадал кто-нибудь? Разве я сделал несчастным [человека]? Трудом и потом, кровавым потом добывал копейку. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы в довольстве остаток дней прожить [в довольстве прожить остаток дней] оставить что-нибудь детям, [а. оставить детям и жене; б. оставить жене, детям] которых намеревался приобрести для блага, для службы отечеству. Покривил, не спорю, покривил, что ж делать, но ведь покривил, [Далее начато: потому что] увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямик. [Далее начато: чем]. Но ведь я трудился, я изощрялся, а эти мерзавцы, которые по судам, берут тысячи с казны, не богатых людей грабят, [берут тысячи и не то чтобы с казны или богатых людей, грабят] последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего. Афанасий Васильевич, я не блудничал, я не пьянствовал. [Далее начато: я

разве не выкупил ведь] Да ведь сколько трудов, сколько железного терпенья. Да я, можно сказать, выкупил всякую добытую копейку страданиями, страданиями. Пусть их кто-нибудь выстрадает то, что я. Ведь что вся жизнь моя: лютая борьба, судно среди волн. И [Далее начато: а. вдруг; б. лишиться вдруг всего, что выработал] потерять, Афанасий Васильевич, то, что приобрел такой борьбой...”

Он не договорил и зарыдал громко от нестерпимой боли сердца, и упал на стул, и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запустивши обе руки себе в волосы, [Далее начато: те, кот<орые>] об укрепленьи которых прежде старался, [прежде так старался] безжалостно рвал их, [рвал их безжалостно] услаждаясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца. [заглушить нестерпимую боль сердца]

“Ах, Павел Иванович, Павел Иванович”, говорил <Муразов>, скорбно смотря на него и качая <головой>. “Я всё думаю о том, какой

бы из вас был человек, [из вас прекрасный человек] если бы так же, и силою и терпением, да подвизались бы на доброй тр<уд> и для лучшей <цели>. Если бы хоть кто-нибудь из тех людей, которые [Далее начато: а. ду<мают>; б. называют себя благородными и действи<тельно>] любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки... да сумели бы так пожертвовать для добра и собст<венным> самолюбием, и честолюбием, не жалея себя, как вы не жалели для добыванья своей копейки”.

“Афанасий Васильевич”, сказал бедный Чичиков и схватил его обеими руками за руки. “О, если бы удалось мне освободиться, возвратить мое имущество. Клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь. Спасите, благодетель! [Далее начато: весь век молиться о вас] спасите”.

“Что ж могу я сделать? [Далее было: вы видите сами. Ведь это будет значить итти против закона] Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это, но

ведь князь справедлив, — он ни за что не отступит”.

“Благодетель, вы всё можете сделать. Не закон меня утратит, я перед законом найду средства, но то, что [Далее начато: я брошен] неповинно я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите”. Он обнял ноги старика, облил их слезами.

“Ах, Павел Иванович, Павел Иванович”, говорил старик Муразов, качая головой: “как вас ослепило это имущество. Из-за него вы и бедной души своей не слышите”.

“Подумаю и о душе, но спасите”.

“Павел Иванович”, сказал старик Муразов и остановился... “Спаси вас [Вместо “Спаси вас”: а. Оправдать вас; б. Помочь вам совершенно] не в моей власти, вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Ес-

ли же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, я попрошу у вас награды за труды: бросьте все эти поползновенья на эти приобретенья. Говорю вам по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, а у меня его больше, чем у вас, я бы не заплакал. Ей, ей, <дело> не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, [у меня отнять] а в том, которого никто не может украсть и отнять. Вы уж прожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судном среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям, [Далее начато: Если] или, если знобит сильное желанье [или если у вас уже такое сильное желанье] оставить по себе потомков, женитесь на небогатой, доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. [Далее начато: а. и право вы не; б. Вы право не пожалеете потом] Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти. Пусть и он вас забудет. В нем нет успокоенья. Вы видите: всё в нем враг, искуситель, или предатель”.

Чичиков задумался. Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, неизвестные чувства, ему необъяснимые, [ему самому необъяснимые] пришли к нему. Как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынно-стью родного жилища, бессемейным одиночеством, [Далее начато: бедностью] нищетой и бедностью первоначальных впечатлений, и как будто то, что <было подавлено> суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотело вырваться на волю.

“Спасите только, Афанасий Васильевич”, вскричал он: “поведу другую жизнь, последую вашему совету. Вот вам мое слово”.

“Смотрите же, Павел Иванович, от слова не отступитесь”, сказал Муразов, держа его руку.

“Отступился бы, может быть, если бы не такой страшной урок”, сказал вздохнувши

бедный Чичиков и прибавил: “Но урок тяжел. Тяжел, тяжел урок, Афанасий Васильевич!”

“Хорошо, что тяжел. Благодарите за это бога. Ну, теперь... помолитесь. Я пойду стараться”. Сказавши это, старик вышел.

Чичиков уже не плакал, не рвал на себе фрак и волос. Он успокоился.

“Нет, полно”, сказал он наконец: “другую, другую жизнь! Пора в самом деле сделаться [Далее было: что за шатанье] порядочным. О, если бы мне как-нибудь только выпутаться и уехать хоть с небольшим капиталом, поселюсь вдали от [Не дописано. Далее начато: Если однако ж получу назад бумаги] А купчие?..” Он подумал: “Что ж? зачем оставить это дело, стольким трудом приобретенное? Больше не стану покупать, но заложить те нужно. Ведь приобретение это стоило трудов. Это я заложу, заложу с тем, чтобы купить на деньги поместье. Сделаюсь помещиком, потому что тут можно сделать много хорошего”. И в мыслях его пробудились те чувства, кото-

рые овладели им, когда он был <у> Гобророгло, и милая, при греющем свете вечернем, умная беседа хозяина о том, как плодотворно [Далее начато: для] и полезно занятие помещением. Деревня так вдруг представилась ему прекрасною, точно как бы он в силах был почувствовать все прелести деревни.

“Глупы мы, за суетой гоняемся!” сказал он наконец. “Право, от безделья. Всё близко, всё под рукой, а мы бежим за тридевять <земель>. Чем не жизнь, если займешься хоть бы и в глуши? [а. Как в тексте; б. Над строкой начато исправление: “Труд, всё что ни случилось, всё оттого, что не был труд<олюбив>] Ведь удовольствие, [Далее начато: толь<ко>] действительно, в труде. Гобророгло прав. И ничего нет слаще, [Далее начато: точно] как плод собственных трудов... Нет, займись трудом, поселись в деревне, и займись честно, не то что широмыжничая, так чтобы иметь доброе влияние и на других. Что ж, в самом деле, будто я уже совсем негодный? У меня есть способности к хозяйству; [способности заниматься хозяйством] я имею качества и береж-

ливости, и расторопности, и благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться. [Далее начато: Чувствую что есть] Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, не отрываясь от того места и угла, на котором он постановлен". [Далее начато: И жизнь] И трудолюбивая [Далее начато: удаленная] жизнь, удаленная от шума городов и [всех] тех соблазнов, которые от праздности выдумал, позабывши труд, человек, [выдумал человек] так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл весь ужас своего положения и, может быть, готов был даже возблагодарить провиденье за этот тяжелый <урок>, если только выпустят его и отдадут хотя часть... Но... [дверь отворилась] одностворчатая [дверь] его нечистого чулана растворилась, вошла чиновная особа Самосви<с>тов, эпикуреец, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес. Его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места,

украсть [Далее начато: в виду са<мого>] перед носом у самого неприятеля пушку, — это его бы дело. Но за неимением военного поприща, [Далее начато: а. подвизался на; б. вместо штатском; в. и на место дел, которыми бы; г. и на место подвигов, за которые был недаром украшен] на котором бы, может быть, он был честным человеком, он пакостил и гадил. Непостижимое дело! С товарищами он был хорош, никого не продавал [Далее начато: никому] и, давши слово, держал. Но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упущением...

“Знаем всё об вашем положении, всё услышали”, сказал он, когда увидел, что дверь за ним плотно затворилась. “Ничего, ничего. Не робейте: всё будет поправлено. Все станем [Все будем] работать за вас и — ваши слуги. Тридцать тысяч на всех — и ничего больше”. [Далее начато: “Как”, вскрикнул Чичиков: “думает<е>”]

“Будто”, вскрикнул Чичиков: “и я буду совершенно оправдан?”

“Кругом! Еще и вознаграждение получите за убытки”.

“И за труд...”

“Тридцать тысяч. Тут уже всё вместе — и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю”.

“Но позвольте, как же я могу? Мои все вещи, шкатулка, всё это теперь запечатано, [теперь описано] под присмотром”.

“Через час получите всё. По рукам, что ли?”

Чичиков дал руку. Сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно.

“Пока прощайте. Поручил вам <сказать> наш общий приятель, что главное дело — спокойствие и присутствие духа”.

“Гм”, подумал Чичиков: “понимаю — юрисконсульт!”

Самосвистов скрылся... Чичиков, оставшись, всё еще не доверял словам, как не прошло часа [не прошло еще часа] после этого разговора, как была принесена шкатулка, бумаги, деньги — всё [Далее начато: что] в наилучшем порядке. Самосви<с>тов явился в качестве распорядителя, выбрал поставленных часовых за то, что небдительно смотрели, [Далее начато: приказал приставить еще покрепче] потребовал еще лишних солдат для усиления присмотра, [Далее начато: взошел] взял не только шкатулку, [Далее начато: не только] но отобрал даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова; связал всё это вместе, запечатал и повелел самому солдату отнести немедленно к самому Чичикову в виде необходимых [Далее начато: для зак<люченных?>] ночных и спальных вещей. Так что Чичиков, вместе с бумагами, получил даже и всё теплое, что нужно было для покрытия брэнного

его тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: [кое-какие вещи] вечером театр, плясунья, за которую он волочился. Деревня и [Далее было: мирная жизнь] тишина стали казаться бледней, город и [Далее начато: шумная] шум — опять ярче, ясней. О, жизнь!

А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов, и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь как художники крючко<ва>той строкой. [Вместо “трудились ~ строкой” было начато: трудились казусные головы. С чувством художника любуясь собственны<м>] Юрисконсулт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом. Всех опутал решительно, прежде, чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью [Далее начато: распоряджен<ий>] и дерзостью неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная женщина, он явился прямо и во-

шел таким молодцом и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку. “Давно ты здесь стоишь?” — “С утра, [Вместо “С утра” было: Четыре часа] ваше благородие”. — “Долго до смены?” — “Три часа, ваше благородие”. — “Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы на место тебя отрядил другого”. — “Слушаю, ваше благородие”. И, уехав домой, [Далее начато: а. и уехал второпях; б. и уехав домой ни минуты не медля, сам нарядился жандармом] чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, [Далее начато: прицепил усы, ба<кенбарды>] оказался в усах и бакенбардах, сам чорт бы не узнал. Явился в доме, где был Чичиков, схватил [Вместо “схватил” было: и схвативши] первую бабу, какая попалась, и сдал ее двум чиновным молодцам, докам тоже, а сам прямо явился в усах и с ружьем, как следует, к часовым: “Ступай <1 нрзб.>, меня прислал командир выстоять, наместо тебя, смену”. Обменялся и стал сам с ружьем. [Обменялся с часовым ружьем] Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не

понимавшая. [Далее начато: и непонимавшую] Прежнюю запрятали куды-то так, что и потом не узнали, куда она делась. В то время, когда Самосвистов подвизался [Вместо “подвизался” было: а. работал; б. подвизался; в. воинствовал] в лице воина, юрисконсульт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донос; жандармскому чиновнику дал знать, <что> секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживавшего чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, и всех привел в такое положение, что к нему должны все были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: [Далее было: Пошли в самом деле доносы на доносы] донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало и даже такие, которых и не было. Всё пошло в работу и в дело: и кто [Далее начато: не рассу<ждал?>] незаконнорожденный сын, и какого рода и званья, у кого любовница, и чья жена за кем волочится. [Далее начато: Такая скандаль<ная>] Скандалы, соблазны

и всё так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел было главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. [Далее начато: Бедный князь Однозор<ов?>] Когда стали, [Когда начали] наконец, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный [Далее начато: Однозор<ов?>] князь ничего не мог понять. [Далее начато: Чиновник] Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, [сделать извлечение] чуть не сошел с ума. Никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В [Далее начато: губернии] одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие<-то> мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, ужокошили не-антихристов. [Далее

начато: Мужики] В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, [что мужики должны <быть> помещики, а помещики мужиками] и целая волость, не размыслив того, что [Далее начато: а. если слишком; б. не над кем тогда быть помещиками, капитан-исправниками, если все станут капитан-исправники] слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать: нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был в самом расстроенном состоянии духа. В это время [Далее начато: вошел к нему старик] доложили ему, что пришел откупщик. [Далее начато: Он приказал] “Пусть войдет”, сказал князь. Старик вошел.

“Вот вам Чичиков. Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится”.

“Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело”. [это дело, в котором он попался]

“Подлог завещания, и еще какой... Публичное наказание плетьюми за этакое дело”.

“Ваше сиятельство, скажу не с тем, чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное. Следствие еще не сделано”.

“Улика. Женщина, которая была наряжена на место умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас”. Князь позвонил и дал приказ позвать ту женщину. [Князь позвонил: “Позвать ту женщину, которая взята”, сказал он вошед<шему>]

Муразов замолчал.

“Бесчестнейшее дело, и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. [Далее было: Ваше сиятельство, губернатор ведь наследник. Он в праве также иметь

притязанье] Но он не должен быть там, где воры и бездельники!” сказал князь с жаром.

“Ведь губернатор — наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так это-с, ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая, распорядженья [Далее начато: хорошего] умного и справедливого не сделала. Слетелись со всех сторон охотники поживиться — человеческое дело...”

“Но ведь мерзости зачем же делать? Подлецы!” сказал князь с чувством негодованья. “Ни одного чиновника нет у меня хорошего: все мерзавцы”.

“Ваше сиятельство, да кто ж из нас, как следует, хорош? Все чиновники нашего города — люди, имеют достоинства [имеют свои достоинства] и многие очень знающие в деле, а от греха всяк близок”.

“Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного чело-

века, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?”

“Ваше сиятельство”, сказал Муразов: “кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаешь, что он [защищать человека, если он] половину зол делает от грубости и неведения? Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу [Далее начато: Ваше сиятельство] даже и не с дурным намереньем и всякую минуту бываем причиной несчастья другого. [“и всякую ~ другого” вписано.] Ведь ваше сиятельство сделали также большую несправедливость”.

“Как!” воскликнул [“Как!” вскрикнул] в изумлении князь, совершенно пораженный таким неожиданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, и наконец сказал: “Да вот хоть бы по делу Дерпенникова”. [Далее было: Как, разве я несправедлив?]

“Афанасий Васильевич, преступление против коренных государственных законов, равное измене земле своей”.

“Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла равная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а ведь преступления их не равны”.

“Ради бога”, сказал князь с заметным волнением: “вы что-нибудь знаете об этом? Скажите. Я именно недавно послал еще прямо в Петербург об смягчении его участи”.

“Нет, ваше сиятельство, я не насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому <что> через это пострадал бы другой. А я думаю только то, что не изволили <ли> вы тогда

слишком поспешить. Извините, ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз [Далее начато: давали] приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников и дурных и хороших. [Следовало бы тоже принять во вниманье] [Извините, мне кажется по моему слабому разуму, следовало бы тоже принять во вниманье] и прежнюю жизнь человека, потому что, если не рассмотришь всё хладнокровно, а накричишь с первого раза, запугаешь только его, да и признанья настоящего не добьешься; а как с участием его расспросишь, как брат брата, сам всё выскажет и даже не просит о смягченьи, и ожесточенья ни против кого нет, потому что ясно видит, что не я его наказываю, а закон”.

Князь задумался. В это время вошел молодой чиновник и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его молодом и еще свежем лице. Видно было, что он не даром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, [тех

немногих людей] который занимался делом производством son amoge. Не сторя ни честолюбьем, ни желаньем прибытков, ни подражаньем другим, он занимался только потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что [и что] для этого дана ему жизнь. Следить, [Далее было: разъяснить] разобрать по частям и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его, [Далее было: разобрать по частям] это было его дело. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело наконец начинало пред ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его всё в немногих словах, отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая <-нибудь> труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело. Зато [Далее в рукописи пробел.]

“[Начало фразы в рукописи отсутствует.] хлебом в местах, где голод, я эту часть [я это дело] лучше знаю чиновников: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сиятельство, так я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговорятся. Так, бог весть, может быть, помогу уладить с ними миролюбно. [миролюбно дело] А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут”.

“Вас может только наградить один бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я [Далее начато: вас не хо<чу?>] вам не скажу ни одного слова, потому что, вы сами можете чувствовать, всякое слово тут бессильно... Но позвольте мне одно сказать [одно слово сказать] насчет той просьбы. Скажите сами, имею ли я право оставить это дело без внимания, и [Далее начато: честно] справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить,

мерзавцев”.

“Ваше сиятельство, ей богу, этак нельзя назвать, тем более, что из <них> есть многие весьма достойные. Затруднительны положения человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что кажется кругом виноват человек, а как войдешь, даже и не он”.

“Но что скажут они сами, [что они скажут] если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше подымут нос и будут даже говорить, [даже уверять] что они напугали. Они первые будут не уважать”.

“Ваше сиятельство, позвольте мне вам дать свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам всё известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы его изволили изобразить сейчас передо мной, и спросите у них совета: что <бы> из них каждый сделал на вашем положении?”

“Да, вы думаете, им будут доступны [Далее начато: бла<городнейшие>] движенья благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются”. [надо мною же будут смеяться]

“Не думаю-с, ваше сиятельство. У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русской. [а. Начато: Разве это уж такой; б. Разве уж и не русской, а жид какой-нибудь] Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили передо <мною>. Ведь они вас поносят, как человека [Далее начато: который из честолюбия да из желанья] честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж вам? [Что ж вам их бояться?] Ведь ваше дело правое. Скажите им [Далее начато: не так, как] так, как бы вы не пред нами, а пред самим богом принесли свою исповедь”.

“Афанасий Васильевич”, сказал князь в

раздумьи: “я об этом подумаю, а покуда благодарю вас очень за совет”.

“А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить”.

“Скажите этому Чичикову, чтобы он убрался отсюда как можно поскорей, и чем дальше, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил”.

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юрисконсульта.

“Послушайте-с, Павел Иванович”, сказал он: “я привез вам свободу на таком условии,

чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои, да и с богом, не откладывая ни минуту, потому что дело еще хуже. [“потому что дело еще хуже” вписано.] Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут этого. Он, конечно, рад других топить, чтобы не скучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположеньи хорошем, лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с не в шутку. [Далее начато: что] Ей-<ей>, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди, и режут друг друга. [из-за которого режут друг друга люди. Если <б> только и всего было, что здешняя жизнь. Тогда что бы за охота <из-за> всякого хлопотать] Точно, как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. [в здешней, не думая о небесной] Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, [Далее начато: не помы<слят?>] брося всё, что из-за чего грызут и едят друг друга на земле не подумают о благоустройстве душевного, имущества, [о благоустройстве собственного душевного имущества.] не

установится [Далее начато: и земное] благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как [Далее начато: в обществе или нации] во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело. [ведь душа прежде тела] Как же хотеть, чтобы <шло> как следует. Подумайте не о мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с богом на другую дорогу. Я тож выезжаю завтрашний день. [я тож выезжаю сегодня по делам] Поторопитесь. Не то без меня беда будет”. Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажным. “Муразов прав!” сказал он: [Далее начато: а. Нет, в самой деле пора на другую; б. Пора вслед за Муразовым на другую] “пора на другую дорогу”. Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку, другой — тюфяк <?>, белье. Селифан и Петрушка обрадовались, как бог знает чему, освобожденью барина. [барскому освобожденью] “Ну, любезные”, сказал Чичиков, обратившись милостиво: “нужно укладываться, да ехать”.

“Покатим, Павел Иванович”, сказал Селифан. “Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. [Далее начато: Ступай к каретнику] Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы”.

“Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки”, сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни <к> кому не хотел заходить отдавать прощальных визитов. После всего этого события было и неловко, тем более, что о нем множество ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал [избегал даже] всяких встреч и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукно наваринского пламени с дымом, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную <цену> мастер решился усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами и зубами, и фрак на другой день был готов, хотя и немножко поздно... [поздно доставл<ен>] Лошади все были запряжены. Чичиков, однако

ж, фрак примерил. Он был хорош, [хорош, как следует] точь в точь как прежний. Но, увы, он заметил, что в голове уже белело [белело заметно] что-то гладкое, и примолвил грустно: “И зачем было предаваться так сильно сокрушенью? А рвать волос [Далее начато: уж вов<се>] не следовало бы и подавно”. Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно [Далее начато: сказать, что внутри его] было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строеньем, [Далее начато: а. которое; б. из которого еще новое еще не начало строиться] которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора [Далее было: ясный] определительный план, и работники остались в недоумении. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова пошло приказание, что князь, по случаю отъезда в Петербург, желает видеть всех чиновников до

едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: [до секретаря и титулярного советника] правители канцелярий и дел, советники, ассессоры Кислоедов, Красноносов, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие [Далее начато: полук<ривившие>] душой, полукривившие и вовсе не кривившие, [Далее начато: а. всё ожидало с любопытством; б. всё ожидало с некоторым; в. Все не совсем спокойным <?> ожидали генер<альского> выхода] — все не без волнения и беспокойства ожидали выхода генерал-губернатора. Князь вышел [Далее начато: покойный, ни сумрачный] ни мрачный, ни ясный. Взор его был тверд так же, как и шаг. [Вместо “взор ~ шаг”: Спокойной твердостью был вооружен его [шаг] взор] Всё чиновное собрание поклонилось, многие в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

“Уезжая в Петербург, я почел приличным

повидаться с вами [с вами повидаться] со всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих [из присутствующих] знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже, наконец, и такие люди, которых я доселе почитал честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком. Знаю даже, и кто главная [пружина] и чьим сокровенным [Не дописано.] хотя он и очень [он и весьма] искусно [Далее начато: окружил] скрыл, свое участие. Но дело в том, что я намерен это следить не формальным следованием по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>, и надеюсь, что государь мне даст это право, когда я изложу всё это дело. [Далее начато: Когд<a>] В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят — шкафы с <бумагами> и, наконец, [Далее начато: посторон<ними>] излишеством лживых посторон-

них показаний и ложными доносами [и подлыми доносами] стараются затемнить и без того довольно темное дело, я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше!”

Князь остановился, как <бы> ожидая ответа.

Всё стояло, потупив глаза в землю. Многие были бледны.

“Известно мне также еще одно дело, [Далее начато: хотя оно еще и не поступило] хотя производившие его [В рукописи: их Далее начато: уверены, что кроме их самих и четырех стен] в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его уже пойдет не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства”.

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания; некоторые из боязливейших тоже смутились.

“Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишение чинов и имущества, прочим отрешенье от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. [Далее начато: но в таком случ<ае>] Что ж делать? дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотоле [которые прежде] были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на всё это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудье. Знаю, что будут меня обвинять в суровой жестокости; но знаю, что те будут еще [Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.] те же обвинят [Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.] Я должен обратиться та<м образом> только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы <виновных>”. [вопиет правосудие. Итак, вы все должны на меня гля-

деть как на бесчувственное орудие правосудия]

Содроганье невольно пробежало по всем лицам.

Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного [ни возмущенья души] не выражало его лицо.

“Теперь тот самый, у которого в руках участь [в руках судьба] многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, [умолить прежде] тот самый бросается теперь к ногам вашим, вас всех просит. Всё будет позабыто, изглажено, прощено; [Далее начато: если вы дадите мне слово] я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. [Далее было: Просьба моя вот в чем] Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды; [наказаньями неправды нельзя искоренить] она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и по-

требностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, [Далее начато: сделать клич сп<асать?>] когда приходится спасать свое отечество, когда всякой гражданин несет всё и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце, и <которым> понятно [и знакомо] сколько-нибудь слово благородство. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват. Я, может быть, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале; [Далее начато: я оттолкнул своею подозрительностью из вас многих] может быть, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я с своей стороны мог бы также сделать. Если они уже действительно любили справедливость [любили честь] и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться ни надменностью моего обращения, [Далее начато: не следовало бы им собственные струны собственного честолю-

бия] следовало бы им подавить в себе собственное честолюбие и пожертвовать своею личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья и высокой любви к добру [Далее начато: и не получил бы от них] и не принял бы, наконец, от них полезных и умных советов. Все-таки скорей подчиненному следует применяться к нраву начальника, [Далее начато: а не начальнику] чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней, по крайней мере, и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотня подчиненных. Но оставим теперь в сторону, кто [Далее начато: виноват] кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от [Далее начато: нас самих, а от нашествия] нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах по-

править зла, как <ни> ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. [Далее начато: а. По тех пор, покуда всякой из нас; б. По тех пор, покуда всяк из нас не почувствует, что] Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, [он точно так же] как в эпоху восстанья [в эпоху всеобщего восстанья] народ вооружался против <врагов?>, так должен восстать против неправды. Как русской, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь <к> вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто [Далее начато: действител<ьно>] имеет понятие какое-нибудь о том, что [Далее начато: возвышен<ность> мыслей?>] такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это [Далее начато: мы все<?>] уже нам всем темно представляется, и мы едва [На этом рукопись обрывается.]

ВАРИАНТЫ

Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства?

а. выставлять на показ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство;

б. изображать ~ нашей жизни и выставлять на показ наше грустное несовершенство

Что ж делать, если уже такого свойства сочинитель и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать он ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства.

если такого свойства сочинитель и так уже заболел он сам своим несовершенством и так уже устроен [Над строкой карандашом: и дан уже ему такого устройства] талант его, чтобы изображать ему [Вместо “изображать ему” над строкой вписано: выставлять ему на показ] бедность нашей жизни

Как бы ~ покрытыми, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то, наконец, темными гущами леса, каким-то чудом еще уцелевшими от топора.

На тысячу с лишком верст неслись, извиваясь, горные возвышенья. Точно как бы исполинской вал какой-то бесконечной крепости возвышались они над равнинами то желтоватым отломом [Сверху приписано: а. высились они горным желтым песчаноглинистым отломом; б. крепости с наугольниками и бойницами. Высились они над песчано-глинистыми отломами; в. крепости с наугольниками и бойницами. Высились они над равнинами то известковато-глинистым отломом] в виде стены, с промоинами и рывинами, то зеленой кругловидной выпуклиной, [то лазоревая зеленой выпуклиной] покрытой

Великолепно возносились они над бесконечными пространствами равнин, то отломами, в виде отвесных стен, известковато-глинистого свойства, исчерченных проточинами

и рытвинами, то милостиво круглившимися зелеными выпуклинами, покрытыми, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то, наконец, темными гущами леса, каким-то чудом еще уцелевшими от топора.

а. темным лесом, еще уцелевшим;

б. темнея темным лесом, еще уцелевшим;

в. густо темнея темным лесом, еще уцелевшим

Река, то верная своим берегам, давала вместе с ними колена и повороты, то отлучалась прочь в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонящихся за нею на всяком повороте.

а. Река, верная своим высоким берегам, давала вместе с ними углы и колена по всему пространству, но иногда уходила от них;

б. Река, верная своим берегам, эти возвышения были ее берега, давала вместе с ними колена. Иногда вдруг от них отлучалась

В одном месте ~ вечное солнце.

В одном месте крутой бок возвышений воздымался выше прочих и весь от низу до верху убирался в зелень [в зеленые кудри] столпившихся густо дерев. Тут было всё вместе: [На полях карандашом: неровность положенья гористого оврага. Тут собрались вместе дуб, клен] в клен, и груша, и низкорослый ракитник, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелем. Тут же вместе мелькали красные крышки господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб и верхняя надстройка господского дома, а над всей этой кучей дерев и крыш старинная церковь возносила своих пять играющих верхушек. На всех их были золотые прорезные кресты, золотыми прорезными цепями прикрепленные [Сверху приписано: прутьями <?>] к куполам, так что издали сверкало как бы на воздухе ни к чему не прикрепленное, висевшее [издали как бы висело на воздухе сверкавшее] золото. И вся эта куча дерев, крыш, вместе с церковью, опрокинувшись верхушками вниз, отдавалась в реке, где картинно-безобразные ста-

рые ивы, одни, стоя у берегов, другие совсем в воде, [Далее было: казалось, как бы рассматривали] опустивши туда и ветви, и листья, точно как бы рассматривали это изображение, которым не могли налюбоваться во всё продолжение своей многолетней жизни. [а. опустивши туда и ветви и листья, точно как бы рассматривали это изображение, которым не могли налюбоваться, только [им] мешала им склизкая бодяга с плававшими ярко-зелеными и желтыми кувшинчиками; б. опустивши туда и ветви и листья, опутанные склизкой бодягой, плававшей по воде вместе с желтыми кувшинчиками, точно как рассматривали это чудное изображение.]

Вид был очень недурен, но вид сверху вниз, с надстройки дома на равнины и отдаленья, был еще лучше.

Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. У него захватывало в груди, и он мог только произнести: “Господи, как здесь просторно!” Пространства открывались без конца. За лугами, усеянными-

ми рощами и водяными мельницами, зелене-
ли и синели густые леса, как моря или туман,
далеко разливавшийся. За лесами, сквозь
мглистый воздух, желтели пески. За песками
уже на отдаленном небосклоне лежали греб-
нем меловые горы, блиставшие ослепитель-
ной белизной даже и в ненастное время, как
бы освещало их вечное солнце.

По ослепительной белизне их у подошв их
местами мелькали как бы дымившиеся ту-
манно-сизые пятна.

вид<нелись>

Кто ж был жилец и владелец этой дерев-
ни, к которой, как к неприступной крепости,
нельзя было и подъехать отсюда, а нужно бы-
ло подъезжать с другой стороны, где враспы-
ску дубы встречали приветливо гостя, расстав-
ляя широко распростертые ветви, как друже-
ские объятья...

встречали приветливо подъезжавшего го-
стя, распростирая развесистые ветви

Кто ж был жилец и владелец этой ~ цер-

ковь, блиставшую золотом крестов и золотыми прорезными узорами висевших в воздухе цепей?

После “блиставшую золотом” начато: звонном <?>

Кто ж он, что ж он, каких качеств, каких свойств человек?

Приписано карандашом: Что ж он такое, какого роду человек, каких качеств

Беспристрастно же сказать — он не был дурной человек, — он просто копититель неба.

После “он не был” начато: существо

Впрочем, вот на выдержку день из его жизни, совершенно похожий на все другие, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер и как его жизнь соответствовала окружавшим его красотам.

и как эта жизнь

Родятся ли уже такие характеры, или потом образуются, как порождение печальных обстоятельств, сурово обстанавливающих че-

ловека?

а. Начато карандашом: после;

б. уже образуются потом

Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства.

Вот лучше вместо этого рассказать

Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства.

После “и детства” начато: и пусть читатель выводит

Казалось, ~ внутри человека.

Директором училища, в которое попал он, был человек, [Далее начато: необыкновенный] несмотря на всякие странности и причуды, далеко не глупой. [Далее начато: а. Сам, что знает; б. Вот в училище] Александр Петрович имел чутье слышать природу человека. Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел к нему сам и не повинился во всем. Этого мало. Шалун уходил от него не повесивши нос, но подняв его с бодрым желанием загладить тяжкий свой поступок. В са-

мом упреке Александра Петровича было что-то ободряющее; [ободряющее и неволившее честолюбие, которого] честолюбие он называл силою, толкающею вперед способности человека, и потому особенно старался возбудить. О поведении у Александра Петровича не было и речи. Он обыкновенно говорил: я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить; шалость должна исчезнуть сама собою. Его упрекали в том, что он уже слишком много дал [что он уже дал слишком много] воли умникам, позволяя им насмеяться и даже оскорблять малоспособных. На это он отвечал: что ж делать, я пристрастен к умникам и хочу, чтоб все это видели. [Далее начато: Прежде] Многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны как сыпи врачу затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Идол юношей, диво воспитателей, несравненный Александр Петрович одарен был чу-

тьем слышать природу человека.

Вот [чудный наставник] единственный

Как знал он детей!

Как знал он натуру детей

Презрению товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>.

а. (карандашом) Каким презрением, какими неистощимыми <?> насмешками товарищей (далее карандашный текст не поддается прочтению);

б. Каким насмешкам, какому презрению

Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем.

Всё, что не старалось быть умным и успевать в учении, называлось у него дурачьем и было предметом неистощимых насмешек и оскорблений. Умники не только [не только не] трунили над ослами, но могли даже их бить, и те не смели поднять на них и пальца и должны были терпеть даже и тогда, когда были кругом правы.

Его малейшее ~ образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действии, и он сам делал с ними непрерывные пробы.

а. Учителей у него было немного: большую часть наук читал он сам. И надо сказать правду, что без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора, он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно ему нужна наука. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, что, узнав ее, он узнает тогда сам, [Далее начато: на что именно] чем он должен заняться преимущественнее. [чем он более и преимущественнее и должен заняться]

Эту-то науку жизни сделал он предметом отдельного курса воспитания, в который поступали только одни самые отличные. Малоспособных выпускал он на службу из первого курса, утверждая, что их не нужно много мучить: довольно с них, если приучились быть

терпеливыми, работающими исполнителями, не приобретя заносчивости и всяких видов вдаль. “Но с умниками, но с даровитыми мне нужно долго повозиться”, обыкновенно говорил он. И становился в этом курсе совершенно другой Александр Петрович. И с первых же раз возвещал, что доселе он требовал от них простого ума, теперь потребует ума высшего, не того ума, который умеет подтрунить над дураком и посмеяться, но умеющего вынести всякое оскорбление, [Вместо “Но с умниками ~ оскорбление”: Но с умниками, но с одаренными талантами считал он необходимым заняться несравненно больше того, как занимаются в других заведениях. Он проходил двойной курс противу того, как бывает в других заведениях. И в этом последнем курсе он уже являлся совершенно другим человеком. Он требовал тоже ума от своих воспитанников, но ума [уже] того высшего ума [которого неблагоприятно иногда требуют иные наставники от детей. Как умеет вынести обиду], с которым побеждает человек свои страсти После “оскорбление” начато: Здесь-то стал он требовать того, что другие требуют] спустить

дураку, не раздражиться. Здесь-то стал он требовать того, что другие требуют от детей. Это называл он высшей степенью ума. Сохранить посреди каких бы то ни было огорчений [огорчений и беспокойств] высокой покой, в котором вечно должен пребывать человек, вот что называл он умом. В этом-то курсе Александр Петрович показал, что знает точно науку жизни. Из наук были избраны те, которые способны образовать из человека;

б. Его малейшее ободренье уже бросало его в радостный трепет и толкало честолюбивое желание всех превзойти. Как завидовал он всем тем, которые находились в высшем и пользовались возможностью быть с ним неразлуч<но>. Этот высший курс завел Александр Петрович только для самых способностей превысших. Он находил, что малоспособных, так же как и детей, не следует томить долгим сиден<ием>. Он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна. Множество всяких сведений и предметов он считал даже излишним и мешающим самобытному [мешающим свобод-

но<му>] развитию ума. У него больше было отдано для занятия в саду [для] ручных ремесл, укрепляющих тело. [Далее начато: Глуп<ых?>] [Бессмысленных глупейших гимнастических каверз <?>, которые завели французы, у него не было]. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, и эту-то науку умел он сделать главным предметом ученья и, кажется, как бы он и не глядел, но как сокрытый маг из недоступной сокров<енной> сени он следил все шаги <?> и способности их и [Далее начато: потому только] многие резвости не удерживал вовсе, [Далее начато: Затем, чтобы видеть] признавая в них развиваю<щиеся> способности и силы и говоря, что они ему нужны и т. д. [“и т. д.” означает, что продолжением этого исправленного текста является дальнейший текст первоначальной редакции (см. выше).] Отличнейших он не выпускал из своей школы вместе с другими, но оставлял их на другой курс и удерживал с ними двойное учение. Тут-то уже он требовал от них всего того, что иногда неблагоразумно требуют иные воспитатели от детей. Малоспособных он не держал и т. д.

Но способные должны были у него выдерживать двойное ученье.

Но все способные

Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей, того высшего ума, который умеет...

требовал от воспитанника того высшего ума

Тут только он требовал от воспитанника ~ человека твердого мужа, тут было употреблено в действие, и он сам делал с ними непрерывные пробы.

После “твердого мужа” начато:

а. и гражданина своей;

б. Науки читались только те, которые способны были образ<овать>

Без педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов, умел он передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна.

он умел

Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает юношу ~ не скрывал: все огорченья и...

а. ожидает впереди человека на всех поприщах и ступенях занятий и должностей;

б. ожидает впереди человека на всех поприщах государственной службы и частных занятий.

Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбие, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед!

Словом, чертил он пред ними вовсе не радужную будущность. Странное дело, оттого ли что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено,

Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбие, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед!

что уже в самых

Оттого ли, что сильно уже ~ вперед! — это словцо, знакомое русскому человеку, производящее такие чудеса над его чуткой природой, — но юноша с самого начала...

а. Начато: Это чудное так;

б. Начато: Это чудное словцо, так знакомое русск<ому>;

в. Это чудное словцо, производящее такие чудеса над русским человеком. То ли, или другое ли, но юноша

Оттого ли, что сильно уже ~ трудно, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души.

“где больше препятствий” вписано.

Немногие выходили из этого курса; но зато это были обкуренные порохом люди.

Было что-то трезвое в их жизни. Александр Петрович делал с ними всякие опыты и пробы, наносил им сам чувствительные оскорбления, то посредством их же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожней. Из этого курса вышло немного. Но

эти немногие были крепыши, были обкуренные

В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, и умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или же, осовев, обленяясь, обезумев и опустившись, очутились в руках взяточников и плутов.

“В службе” вписано.

В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, и умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или же, осовев, обленяясь, обезумев и опустившись, очутились в руках взяточников и плутов.

многие гораздо их умнейшие, не вытерпев, бросили службу.

В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, и умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или же, осовев, обленяясь, обезумев и опустившись, очутились в

руках взяточников и плутов.

или же, неведая ничего, очутились

Но они не пошатнулись и, зная и жизнь и человека, и умудренные мудростью, возымели сильное влияние даже на дурных людей.

Но воспитанные Александром Петровичем не только не пошатнулись, но [Далее начато: возымели] умудренные познанием человека и души возымели высокое нравственное влияние даже на взяточников и дурных людей.

Пылкое сердце ~ казалось, как бы

а. Но этого ученья не удалось попробовать бедному Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс, как один из самых лучших, — вдруг несчастье. Необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкой трепет, скоропостижно заболел и умер. [Над строкой начато: как приуныл, как ему талантом]

б. Начато: Только что было пробуждено честолюбие в молодом Тентетникове, только что он был переведен в этот высший курс,

всех выпередивши своих сверстников, он и сам тому не верил;

в. Начато: Как поразил этот чудный наставник еще в отрочестве Андрея Ивановича. Но только что всех выпередивши сверстников перешел в этот второй курс шестнадцатилетний Тентетников и сам тому не верил, честолюб<ивое>

Пылкое сердце честолюбивого мальчишки долго билось при одной мысли о том, что он попадет наконец в это отделение.

После “отделение” начато: доступное для немногих избранных. Но вдруг необыкновен<ный>

Налег он ~ словом, всё пошло навыворот. человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. В свободной развязности детей первого курса почудилось ему что-то необузданное. Начал он заводить между ними какие-то внешние [Вместо “Начал ~ внешние”: Стал он требовать от них того, что можно требовать только от взрослых. Налег больше всего на какие-то внешние] по-

рядки, требовал, чтобы молодой народ пребывал в какой-то безмолвной тишине, чтобы ни в каком случае иначе все не ходили, как попарно; начал даже сам аршином измерять расстоянье от пары до пары. За столом, для лучшего вида, рассадил всех по росту, а не по уму, так что ослам доставались лучшие куски, умным — оглодки. Всё это произвело ропот, особенно, когда новый начальник, точно как наперекор своему предместнику, объявил, что для него ум и хорошие успехи в науках ничего не значат, что он смотрит только на поведенье, что если человек и плохо учится, но хорошо ведет себя, он предпочтет его умнику. Но именно того-то и не получил Федор Иванович, чего добивался. Завелись шалости потаенные, которые как известно хуже открытых. Всё было в струнку днем, а по ночам кутежи. В образе преподаванья наук он всё [В [большом] высшем курсе он тоже все] переверотил вверх дном. С самыми благими намерениями, завел он всякие нововведения, и всё невпопад. Выписал новых преподавателей, с новыми взглядами и новыми точками воззрений. Читали они учено, забросали слу-

шателей множеством новых терминов и слов. Видна была и логическая связь [Вместо “Видна ~ связь”: Была и ученость] и следованье за новыми открытиями, но увы, не было только жизни в самой науке. Мертвечиной стало всё это казаться в глазах уже начинавших понимать слушателей. Всё пошло

Одним словом, всё пошло наыворот.

После “наыворот” было: Но хуже всего было то, что потерялось

Разврат ~ возбуждено, а деятельности и прища ему не было.

а. Начато: Открылись даже такие дела, что;

б. Завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать. Андрей Иванович был нрава тихого. Его не занимали ни ночные оргии товарищей, которые, несмотря на строжайший присмотр, завели на стороне любовницу, одну на восемь человек, — его не увлекали также другие шалости, доходившие [Вместо “Его не занимали ~ доходившие”: Он не участвовал в ночных оргиях товарищей, которые ~ человек, ни также в других шало-

стях, доходивших] до кощунства и насмешек над самою религиею из-за того только, что директор требовал частого хождения в церковь и попался плохой священник. Но он повесил нос. Честолюбье было возбуждено в нем сильно

Каких предметов, каких курсов он не слушал: медицину, химию, философию, и даже право, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение, да развитие общин каких-то немецких городов, — и бог знает, чего он не слушал!

а. Он слушал и химию, и философию прав и профессорские углубления во все тонкости политических наук и всеобщую;

б. Он слушал все <1 нрзб.> науки: Медицину и т. д. как в тексте.

Каких предметов, каких курсов он не слушал: медицину, химию, философию, и даже право, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение, да разви-

тие общин каких-то немецких городов, — и бог знает, чего он не слушал!

“и бог знает, чего он не слушал” вписано.

Каких предметов, каких курсов он ~ не так должно преподаваться, а как — не знал. он чувствовал только, что всё не так

И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться от тоски.

и ему бывало так грустно

Но молодость счастлива тем, что у ней есть будущее.

Но у молодости есть будущее

По мере того, как приближалось время к выпуску, сердце его билось.

сердце у него билось

И, не взглянувши на прекрасный уголок, так поражавший всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев, понесся он...

И по обычаю

Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья.

а. в хорошем почерке, а не в чем-либо другом. Что без этого не попадешь ни в министры ни в государственные люди;

б. Приписано карандашом: Может быть в ином и справедливо, всё так, но этого не любит слушать пылкая <2 нрзб.>. Вот он вырвался сразу на поприще. Вот он столоначальник <?> решит и строит дела, 20-летний [юноша] бойко сочиняет [бойко чертит] уже проект всеобщего благоденствия. Засел подписывать <2 нрзб.> Пылкий студент хочет принести благо, пользу государству

Когда ввели его в великолепный ~ государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих...

и увидел он целые легионы

Когда ввели его в великолепный ~ нарочно

несколько мелкого содержания — переписка шла...

довольно <мелкого>

Когда ввели его в великолепный ~ полгода, — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытного юношу, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний.

странное чувство его проникнуло. Не только не показалось это ему похожим на существенные подвиги, ему на время показалось, как бы за проступок.

Сидевшие вокруг его господ показались ему так похожими на учеников.

Над текстом “Сидевшие ~ на учеников” начато исправление: В сообществе так похожем на учеников

С большим трудом ~ из верхнего класса в нижний.

На полях у текста “С большим трудом ~ из верхнего класса в нижний” приписано карандашом: Слава богу ослеплен не до того. Слу-

чай привел увидеть, в каком виде исполняется на деле то, что красно на словах, и дыбом поднялся у него на голове <волос>. С ужасом увидел, сколько может наделать вреда [всякой] даже и стремящийся приносить пользу. Как безумны столоначальники, думающие, что они могут заглазно управлять и заочно решать. Оно охладило вдруг честолюбивое стремление. И посадили его самого, и стал он, по примеру других столоначальников, решать на бумаге дела людей, [решать дела людей на бумаге] [за] живущих за три тысячи мест, чуть не предписывать законы <1 нрзб.>. Чувство самолюбивой гордости в нем сильно зашевелилось. Но честолюбие продолжало [Не дописано.] Вот он перешагнул первую трудн<ость>. Вот он и не служит и круглый уж день [и круглый день уж] читает или днями [?] [Текст не закончен.]

К довершению сходства, иные из них читали глупый пе<реводный> роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, как бы занимались самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появлении начальни-

ка.

После “начальника” приписано: Чувство странное его обняло. Ему показалось, как бы сидел между детьми и школьниками, как бы в наказание из высшего класса перевели его в низший

Так это всё ему показалось странно, так занятия прежние значительнее нынешних, приуготовление к службе лучше самой службы. Ему стало жалко по школе.

а. Всё это показалось ему так детским, а прежние занятия ученьем так значительными и высшими, приуготовленья к службе так значительнее самой службы, что ему вдруг захотелось съизнова в школу;

б. Начато: Жизнь в школе так ему показалась значительнее в сравнении с жизнью<ю>;

в. Ему так стало жалко по школе, так занятия тамо<шные?> прежние значительнее нынешних, приуготовление к службе значительнее самой службы

И вдруг, как живой, предстал пред ним

Александр Петрович — и чуть-чуть он не заплакал.

После “он не заплакал” начато: Но скрепись, собравшись с силами на <1 нрзб.>

“Нет”, подумал он в себе, очнувшись: “примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким”.

После “вначале мелким” над строкой начато карандашом: Но несмотря на то, помня твердость

Трецит по улицам сердитый, тридцатиградусный ~ глаза, пудря меховые воротники, усы людей...

пудря бобровые воротники

Трецит по улицам сердитый, тридцатиградусный ~ воротники, усы людей и морды...

виски, усы

Ему показалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался в какой-то приторный сахар, и — в уксус, когда обращался...

Исправлено карандашом: в совершенный

сахар

Если я ~ начальника отделения Леницына?”

На полях у текста “Если я ~ начальника отделения Леницына” запись карандашом: Дичь!

Но убедительные представления дяди на его племянника не произвели действия.

Но убедительные слова эти на

Новое чувство [в нем] встрепенулось. В его душе стали просыпаться прежние, давно не выходившие внаружу впечатления.

а. Как забилося в нем сердце, когда почувствовал, что скоро скоро покажется отцовская деревня;

б. Начато: Как забилося в нем сердце перед тем, когда должна была;

в. Начато: По мере;

г. Начато: И вот неизвестно от чего стало

И вот, неизвестно отчего, вдруг забилося у него сердце.

После “И вот” начато: вдруг

Когда же дорога понеслась узким ~ каменных господских строений, большой дом...

После “господских строений” над строкой карандашом: Большой дом с далее надпись стерта и не поддается прочтению.

Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг.

После “обладателем земного рая” было: благодетельным принцем

Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг.

закабалил себя жалким кропателем мертвых бумаг

Учась, воспитавшись, просветясь, сделав запас сведений, нужных для распространения добра между подвластными, для улучшения целой...

между людьми вокруг себя, передать это

место невеже управителю

Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом.

Сороки, кички, повязки, повойники, зипуны

И стал он хозяйничать, распоряжаться.

Начато: И стал он распоряжаться. Выгнав дурака управителя

[Сам стал входить во всё, показываться] на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок, так что ленивые начинали даже почесываться.

“Да он, вишь ты, востроногой”, стали говорить мужики и даже обленившиеся почесывать в затылках

Мужик сметлив и он понял скоро, что барин хоть и прыток, и есть в нем тоже охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не смыслит, говорит

грамотейно и не вдолбеж.

Мужик сметлив: он понял

И времени никому не было: мальчик с 10 лет уже был помощником во всех работах и там воспитывался.

После “и там воспитывался” запись карандашом на полях: И почувствовал, что это разнообразие работ мужика, который сам своим трудом может и накормить, и одеть, и обстроить, земледелец, ткач и сукновал, и молотит, — одним уже разнообразием этих работ, что был умнее

И видел ~ рвение помещика [охладело].

Он видел только, что всего нужней тут было познание человека, а не знание тонкостей юридических. Всё это значительно охладило его рвенье

Шумели ли тихо косы ~ вблизи ль ладилось ~ извив [реки], по берегам которой ходил...

Была ли вблизи работа — он был вдали от нее, вдали ль она была — его глаза отыскива-

ли <предметы поближе> или смотрели в сторону на какой-нибудь извив [реки]

Они смотрели любопытно, как [этот мартын], поймав у берега рыбу, держал...

Он следил пристально

Или же, зажмурив вовсе глаза и приподняв голову...

Или же, бросив обоих мартынов вместе с извивом реки

Во ржи бьет перепел, в траве ~ воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая...

После “барашек” начато: И оттуда и отсюда и от

Творец! как еще прекрасен твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых больших дорог и городов.

как упоительно твое лето в отдаленной деревушке, вдали

Прежде из соседей завернет к нему бывало отставной гусар-поручик, прокуренный на-

сквозь трубочный куряка, или же резкого направления недоучившийся студент, набравший мудрости из современных брошюр и газет.

студент, почерпавший мудрости

Он решился с ними совсем раззнакомиться и произвел это даже довольно резко.

с ними раззнакомиться совсем

Обнаруживала ли ими болеющая душа ~ свете, кто бы был в силах воздвигнуть шатаемые вечными колебаниями силы и лишённую упругости, немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: вперед, которого жаждет...

кто бы мог крикнуть душе пробуждающим криком это бодрящее слово: вперед

Где же тот, кто бы на родном ~ мог бы устремить нас на высокую жизнь?

устремить нас <от> позорной жизни

Но никогда не гневалась и никогда не споривала она за себя самоё и не оправдывала се-

бя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастьи того самого, на кого гневалась.

не оправдывала себя и гнев этот

При первой просьбе о подаении кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты.

Карандашом на полях: При первой просьбе о подаении кого бы то ни было она бросала всё, что имела, еще прежде, чем успевал опомниться, не думая о том, что бросать неприлично <?> весь кошелек, в котором было

Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым.

После “случилось с нею и с Тентетниковым” начато карандашом: Ему казалось, что он

И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его

дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры.

После “домашние куры” начато: Бессмысленно

Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха вора́м, поместилась повиснувши тоже в спальне на гвозде, невдалеке от кровати.

Начато исправление: Сабля, повиснувши тоже в спальне

В то время, когда один пускал ~ или же так по ней барабанил пальцем, в присвистку.

барабанил по табакерке

Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду.

жизнь заиграла вдруг повсюду

Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик; лилово-розовый анемон наклонил нежную головку.

Посреди вдруг зазеленевших полей уже го-

лубели пролески

Рои мошек и кучи насекомых показались на болотах; за ними в догон бегал уж водяной паук; а за ними всякая птица в сухие тростники собралась отсюда.

Рои мошек и насекомых

Рои мошек и кучи насекомых показались на болотах; за ними в догон бегал уж водяной паук; а за ними всякая птица в сухие тростники собралась отсюда.

а. а для него утки в тростники собрались;

б. а для него в тростники собралась отовсюду налетевшая дичь: кулики всех сортов

Вдруг населилась земля, проснулись леса, луга.

Населилась вдруг земля, леса зазвучали миллионами поющих птиц

То направлял прогулку свою ~ водополия, и островами на них темнели еще...

После “островами на них” начато:

а. рас<стилались?>;

б. еще белели

То направлял прогулку свою ~ еще безлистные леса; или же вступал...

После “безлистные леса” начато:

а. усаженные воронами сквозили;

б. усаженные черными воронами и их гнездами

То направлял прогулку свою по плоской ~ летаньями помрачавших небо.

После “помрачавших небо” начато карандашом: и наконец в глубины самых

Ходил <он> наблюдать первые весенние работы, глядеть, как свежая орань черной полосой проходила по зелени, и засеиватель, постукивая рукою о сито, висевшее у него на груди, горстью разбрасывал семена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Всюду ходил Чичиков. И с ружьем наблюдать за куликами и просто без ружья ходил он наблюдать первые весенние работы

Перетолковал и <пере>говорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником.

Перетолковал он

Добрые кони в полчаса с небольшим пронесли ~ открывались виды на отдаленья; потом широкою аллеєю лип, едва начинавших развиваться, внесли его в самую середину деревни.

После “виды на отдаленья” начато карандашом:

а. Сквозь липы уже начали сквозить издали;

б. Аллея давала далее текст не поддается прочтению.

Тут аллея лип своротила направо ~ сквозь которые глядел кудряво богатый резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь коринфских колонн.

Посреди деревни аллея лип повернула направо

Тут аллея лип своротила направо ~ тополя, огороженных снизу плетеными коробками

ми, уперлась...

После “огороженных снизу” начато:
уст<ланных?>

Тут аллея лип своротила направо ~ которые глядел кудряво богатый резной фронтоном генеральского дома, опирающийся на восемь коринфских колонн.

глядел кудряво резной богатой фронтоном

Генерал Бетрищев, как и многие из нас, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков.

Генерал Бетрищев, как и многие из нас, при куче достоинств имел кучу недостатков

В решительные минуты — великодушье, храбрость, безграничная щедрость, ум во всем и, в примесь к этому, капризы, честолюбье, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русский, когда он сидит без дела.

в примесь всякие <1 нрзб.> капризы

В решительные минуты — великодушье,

храбрость, безграничная щедрость, ум во всем и, в примесь к этому, капризы, честолюбье, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русский, когда он сидит без дела.

После “без дела” начато: и нет решительно ничего

Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: “Счел долгом представиться вашему превосходительству.

После “готовился” начато: приподняться он

Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: ~ ободрился и подумал он в себе: “Экая оказия, как генералы пришлись кстати, а ведь язык взболтнул сдуру”.

сказал Чичиков, оправившись и совершен-

но обрадовавшись

Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, одна она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату.

не поразила Чичикова внезапностью

Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, одна она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату.

На полях у текста “представшая ~ комнату” начато:

а. Чичиков схватился <?>;

б. Видно было, что вошла с тем, чтобы что-то сказать, но увидя незнакомого человека

Прямая и легкая, как стрелка, она как бы возвышалась над всеми своим ростом.

Тонкая как стрелка

Оделась как сама собой; в двух-трех местах ~ на картину, все барышни, одетые по моде, казались бы перед ней какими-то пеструшками, изделием лоскутного ряда.

барышни одетые по моде все бы показались

“Все требуют к себе любви, сударыня”, сказал Чичиков. “Что ж делать. И скотинка любит, чтобы ее погладили. Сквозь хлев просунет для этого морду: на, погладь”.

Генерал рассмеялся.

А вот такие-то и требуют к себе любви, сказал он с приятной улыбкой Улиньке и, подмешав к улыбке несколько плутоватости, сказал генералу [Далее следовал анекдот “полюби нас чернинькими, а белинькими нас всякой полюбит”, затем весь зачеркнутый.]

Именно просунет морду: погладь, погладь его.

Именно просунет рыло, на погладь, сказал

генерал, возьми погладь его

“Именно просунет морду: погладь, погладь его. Ха, ха, ха! У него не только что рыло, весь, весь до жил в саже, а ведь тоже требует, как говорится, поощренья... Ха, ха, ха, ха!”

а. Начато: Весь;

б. Иной скотина весь до жил

“Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!”

каналья, наград<ите?> ха, ха, ха.

“Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!”

Нельзя, ведь я трудился

Я ведь еще, слава богу, могу накормить.

Я не совсем разорившийся человек

Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно наклонил голову книзу, так что на время скрылись из его

взоров все предметы в комнате, и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек.

а. С легким наклоном головы на бок и держа обе руки на отлет, как бы хотел <З нрзб.> Чичиков безмолвно наклонил голову;

б. Бросив ловко обе руки на отлет, нагнулся всей полнотой своего корпуса;

в. Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно опустил глаза книзу

Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно наклонил голову книзу, так что на время скрылись из его взоров все предметы в комнате, и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек.

видны были

Когда же, пробыв несколько времени в таком почтительном расположении, приподнял он голову снова кверху, он уже не увидел Улиньки.

Когда же потом приподнял он голову квер-

ху, отскочивши несколько назад с легкостью резинового мячика

Чичиков осмотрелся ~ старичишка дядя.

Есть у меня дядя, дряхлый старик, сказал Чичиков, оглянувшись [“сказал Чичиков оглянувшись” приписано карандашом на полях.]

“Да что же [он], выходит, совсем дурак?” спросил <генерал>.

Да что ж он совсем дурак, что ли?

“Дядя-то, дядя! в каких дураках будет старик. Ха, ха, ха! Мертвецов вместо живых получит. Ха, ха!”

а. Обмани его, дурака, обмани, так его, и угораздил же тебя чорт выкинуть такую штуку, подсунуть ему мертвых. Ха, ха, ха! Дядя-то, дядя в каких дураках старик! хохотал громко генерал и снова смех;

б. Как в тексте. Далее было: Положенье Чичикова было конфузное. “Опять пошел”, думал про себя <Чичиков>

Ведь придет же в ум требование: “пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ”.

в ум этакое требование

Но крепок однако ж?

Но крепкой однако ж старик?

“Так, ~ мне некогда было; а Петрушка расспрашивал у кучера”.

Так уж будьте <добры>, ваше превосходительство, я буду надеяться на вас

“Если полковник Кошкарев точно сумасшедший, то это недурно”, говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств, когда всё исчезло и только остался один небесный свод, да два облака в стороне.

После “полей и пространств” начато карандашом: <2 нрзб.> да одни леса. Один только небесный свод

“Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?”

дорога к Кошкареву

“А ты, кроме ~ лакейской физиогномией”.

Между строк абзаца “А ты, кроме ~ лакейской физиогномией” намечено карандашом: А ты хорош, а еще думает, что красавец! Хорош красавец! Хорош красавец! Здесь Чичиков, погладив свой подбородок, подумал: “Какая разница между <2 нрзб.> дворянином и грубой лакейской физиогномией”.

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно [спускаться] незаметным косогором покойный экипаж и, наконец, понесся лугами, мимо мельниц, с легким громом по мостам, с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли.

Начато: продолжал бережно [и лег<ко>] спускаться незаметным косогором экипаж и наконец

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно [спускаться] незаметным косогором покойный экипаж и, наконец, понесся лугами, мимо мельниц, с легким гро-

мом по мостам, с небольшой покачкой по
тряскому мякишу низменной земли.

тихо понесся

Тихо вздрагивая на упругих пружинах,
продолжал бережно [спускаться] незаметным
косогором покойный экипаж и, наконец, по-
несся лугами, мимо мельниц, с легким гро-
мом по мостам, с небольшой покачкой по
тряскому мякишу низменной земли.

то с легким громом по мостам, то с неболь-
шой покачкой

И хоть бы один бугорок или кочка дали се-
бя почувствовать бокам.

И хоть бы один толчок

Вдали мелькали пески.

Вдали мелькали пески и выступали кар-
тинно одна из-за другой осиновые рощи

У корней гущина; трава — синяя ирь и
желтый лесной тюльпан.

Между деревьями синяя ирь

Но вдруг отовсюду сверкнули проблески света, как бы сияющие зеркала. Деревья заредел, блески становились больше и вот перед ними озеро.

Но вдруг проблески. Там и там позади ветвей и пней сверкнули точно сияющие зеркала. Блески <2 нрзб.> больше и заредело деревья и прекратились. И вдруг перед ними озеро.

На супротивном берегу, над озером, высипалась серыми бревенчатыми избами деревня.

вокруг ряд ив и за ними избы. На полях карандашом: Вот где живет полковник Кошкарев [подумал] <Чичиков> [Славное местоположение] Хорошо поместился

Человек 20, по пояс, по плеча и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Случилась оказия. Вместе с рыбою запутался как-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или бо-чонок.

невод, в который на беду вместе с рыбою

Но он боялся крепко, чтобы не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили его еще накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

его тащили

Почувствовав, что может достать ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускавшуюся с плотины коляску и в ней сидящего Чичикова

После “коляску” начато: вместе

“Ну так благодарите же бога. Фома Меньшой, покажи осетра. Брось ты, телепень Тришка, сеть”, громко кричал <барин>, “да помоги припод<нять> осетра из лоханки.

благодарите же бога.

“А что?” спросил Чичиков, любопытно держа над головой картуз.

“А вот что! Брось, Фома Меньшой, сеть да приподыми осетра [приподыми нали<ма>] из лоханки

Двое рыбаков приподняли из лоханки голову какого-то чудовища.

Двое из рыбаков

За церковью, подальше видны были крыши господских строений.

После “крыши” начато: де<ревянных>

Они поцеловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрест: барин был старого покроя.

потому что барин был старого покроя

“Нет, не надейтесь. Вы приехали не к нему, а ко мне. Петр Петрович Петух. Петух Петр Петрович”, подхватил хозяин.

Нет не надейтесь. Ошиблись. Слава богу, вы приехали не к нему

“Ребята сделали отлично! Ступай на кухню: там вам дадут по чапорухе водки”, сказал Петр Петрович Петух.

там вам будет по чапорухе

Из покоев вышли им навстречу двое юно-

шей, в летних сертуках, — тонкие, точно ивовые хлысты; целым аршином выгнало их вверх [выше] отцовского роста.

Набросок карандашом: На встречу им вышли

Николаша, ~ Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому <что> провинция не стоит того, чтобы в ней жить...

Николаша был говорлив и притом критик. Он рассказал ему

“Понимаю”, подумал Чичиков: “кончится дело кондитерскими да бульварами...” — “А что”, спросил он вслух: “в каком состоянии именье вашего батюшки?”

“А что, в каком состояньи”, спросил он вслух: “именье вашего батюшки?”

— “Напрасно однако же”, сказал он с видом соболезнованья, “поспешили заложить”.
вы поспешили

“Нет, ничего”, сказал Петух. “Говорят, выгодно. Все закладывают: как же отставать от других?..

а. набросок карандашом: Как напрасно, когда все закладывают;

б. Нет ничего. Говорят выгодно. Зачем же отставать

“Говорят, выгодно. Все закладывают: как ~ Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещения столичного”.

Набросок карандашом:

а. Вот сыновья тянут тоже в Москву;

б. Вот сыновья в Москву тоже тянут, хотят там получить просвещения

Поглядишь — и мужикам хорошо, и им недурно.

Как погляжу и мужикам не дурно

Поглядишь — и мужикам хорошо, и им недурно.

и им было бы недурно

А как просветятся там у ресторанов да по

театрам, — всё пойдет к чорту.

А как просветятся там всякими затеями у ресторанов да в театрах и сами останутся без хлеба и мужиков пустят по миру

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица.

Начато: всё собралось в нем вместе: необыкновенно правильные черты лица

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица.

Начато: неистраченной мол<одости>

Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волнение и беспокойство не дерзнули коснуться его девственного лица и поло-

жить на нем морщину, но с тем вместе и не оживили его.

Казалось ни страсти

Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую усмешку, временами его оживлявшую.

Набросок карандашом: Было в словах что-то сонное, несмотря на ироническую усмешку, временами оживлявшую

“Поверьте”, прервал красавец гость: “что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто рассердил меня — и того нет.

Набросок карандашом: Поверьте, что я этого хотел бы хоть для разнообразия какую-нибудь тревогу

“Поверьте”, прервал красавец гость: “что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто рассердил меня — и того нет.

ну хоть бы кто рассердил меня сильно. Но нет

Но, может быть, неурожай, болезни?
Намечено карандашом: болезни какие-ни-
будь

Названья эти были им даны так только
для поощренья.

Набросок карандашом: За что им были эти
названья, не могли сказать ни они, ни он

Барин был вовсе не охотник браниться, он
был добряк. Но русской человек, уж любит
прянное слово, как рюмку водки для сваренья
в желудке.

а. Набросок карандашом: Барин далее не
поддается прочтению. Он был добряк и вовсе
не способен <браниться>. Но любое прянное
<слово> как-то уже в чести на Руси. Любо
[Приятно] и дать его, любо и получить, точно
перец или рюмка водки, без которой не сва-
ривает в желудке;

б. Начато: Барин был добряк и вовсе не
охотник браниться;

в. Барин ~ добряк. Но уж русской человек
как-то без прянного слова не может. [не

об<ойдется>] Оно ему нужно как рюмка водки для сварення желудка

Ну, как ~ в три месяца всё.

а. Намечено карандашом между строк: Невольно подумал Чичиков: “Ну, как эдакому человеку ехать в Петербург или в Москву — далее не поддается прочтению;

б. Ну, как ~ не знал того, что теперь завелись такие на Руси <1 нрзб.> и художники, что без хлебосольства в три месяца могут всё <спустить>

Что было делать с Петухом?

Начато карандашом: Что было делать

Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними, один за другим, виды, и роца за роцей тешила взоры разнообразным размещением дерев.

После “роца за роцей” начато: острова, купая<сь>

Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними, один

за другим, виды, и роща за рощей тешила взоры разнообразным размещением дерев.

Начато: разнообразным размещением дерев тешила

Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла <?> начинальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь.

починал чистым звонким голосом начинальные запевы песни один

Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла <?> начинальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь.

и разливалась она беспредельная как государство наше, и терялись сами певцы в ее беспредельности, не знали сами уж где они выпевают<?>, так что невольно становилось льготно на душе

И Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русской.

После “что он русской” начато на полях карандашом: Как можно иметь в другом месте, как не в деревне

Один только Платонов [думал:] “Что хорошего в этой заунывной песне?

Начато карандашом на строкой: “Что хорошего в этой песне”, говорил Платонов

В сумерках слышался тихий гомон людской, бреханье собак, где-то отдававшееся из чужих деревень.

После “гомон людской” начато: блеяние

Чудные картины. ~ и Чичонки.

На полях у текста “Чудные картины ~ и Чичонки”: имеется набросок карандашом, но прочтению поддаются лишь отдельные слова.

Когда вошел Павел Иванович в отведен-

ную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: “Барабан!”

Над строкой намечено карандашом: Пощупал Чичиков <животик свой> это был точной <барабан>

“Да кулебяку сделай на четыре угла”, говорил он с присасываньем и забирая к себе дух. с присасываньем и причвокиваньем

Только и раздавалось: “Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько”.

После “и раздавалось” над строкой карандашом: <1 нрзб.> всё поддай, да в обкладку к осетру

“Что, вам ничего захватить? Мне бы хотелось проститься с сестрой и с зятем”.

Карандашом начато: Скажите, вам ничего

“Если вы охотник ~ двести тысяч”.

От этого вы не будете в накладе, потому что зять мой весьма замечательный человек.

“По какой части?”

“Это первый у нас хозяин. Он, судырь мой, получает 200 тысяч годового доходу с такого имения, которое лет 8 назад и двадцати не давало”.

Это землевед такой, у него ничего нет даром. Мало, что он почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие деревья.

- а. Почву он так знает;
- б. А почву он так знает

Мало, что он почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие деревья.

- а. Как в тексте;
- б. какие [у него] деревья

Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте настолько-то влаги прибавить полям, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени.

- а. Начато: Лес у него затем;

б. Как в тексте;

в. Начато: Уже если л<ес>

Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки.
не умею вам рассказать

Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки. Его называют колдуном”.

На полях у текста “не умею ~ колдуном”:
Много, много у него всяк<их штук>, а всё однако же скучно...

Наконец показалась деревня.

Перед “Наконец показалась деревня” начато: С нетерпением ожидая ув<идеть>

Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквями, переграждённая повсюду исполинскими скирдами и кладами.
множество изб рассыпались

Не было тут английских парков и газонов

со всякими затеями; но, по-старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы всё было видно барину, что ни делается вокруг его; и в довершение поверх дома фонарь обозревал на пятнадцать верст кругом всю окольность.

на высокой <?> крыше дома возвышался большой высокой фонарь, не для красоты или для видов, но для наблюдения за работающими в отдаленных полях <?>

У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хоть на них и не было фраков, а козацкие чекмени синего домашнего сукна.

Начато:

а. Расторопные, ловкие слуги;

б. Расторопные ловкие совсем не похожие на пьяницу слуги

У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хоть на них и не было фраков, а козацкие чекмени синего домашнего сукна.

а. козацкие чекмени синего домашнего

сукна, схваченные голубыми поясами на перехвате в талии;

б. Начато: Несмотря на то, что это были На полях начато:

а. (карандашом): видно было, что <1 нрзб.>;

б. Уже по самой развязности телодвижений можно

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал 200 тысяч, думая по нем отыскать свойства самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей свое впечатление.

который имел 200 тысяч

Словом, всё показывало, ~ не стыдно ли тебе, сестра?

Между строк и на полях у текста “Словом, всё показывало, ~ не стыдно ли тебе, сестра” вписан карандашом набросок, не поддающийся полностью прочтению; поверх его написан окончательный текст этого отрывка.

Словом, всё показывало, что главная жизнь существа, здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и самые мысли не обдумывались заблаговременно сибаритским образом у огня, пред камином, в покойных креслах, но там же, на месте дела, приходили в голову, и там же, где приходили, там и претворялись в дело.

не в кабинете и стенах

Словом, всё показывало, что главная жизнь существа, здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и самые мысли ~ претворялись в дело.

Что даже и мысли его не обдумывались заранее в покойных креслах у огня перед камином, но приходили к нему на ум там же в минуту самого дела, там же и приходили, там и приводились в исп<олнение>

“Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?”

Что это у тебя, право

“Ну, уж извини, ~ не сделаю”.

Мне некогда, брат, ведь у меня завелась теперь дочь. Ведь учить ее [гораздо важнее для матери, чем играть на фортепьяно] На моих руках всё женское хозяйство, я не могу браться на фортепьяно далее текст не поддается прочтению.

Целовальники такие завели теперь настойки, что с одной рюмки так те живот станут драть, что воды ведро бы выпил.

а. так станет задирать в животе;

б. в животе так станет задирать

Много соблазну. Лукавый, что ли, миром ворочает, ей богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку мужиков: и табак, и всякие такие <...>

Перед богом, Константин Федорович. И всё стали заводить

Человек — не удержишься”.

Начато: Человек пред богом

Это правда, что с первого разу всё получишь — и корову, и лошадь; да ведь дело в

том, что я так требую с мужиков, как нигде.

После “и корову, и лошадь” было: и всё это так

Я и сам работаю как вол, и мужики у меня, потому что испытал, брат: вся дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь.

После “как вол” начато: хочу

Он сам не знал, откуда вышли его предки.

Начато: Он сам не знал какого Над строкой карандашом наброски:

а. Костанжогло сам не знал, какого происхождения, это и черты лица его показывали;

б. Он был несовершенно русской

Он даже был совершенно уверен, что он русской, да и не знал другого языка, кроме русского.

Он думал, что он русской

“Вот решился проездиться по разным губерниям”, сказал Платонов: “размыкать хандру”.

Я, чтобы вылечиться от хандры, придумал, Константин, проездиться по разным губерниям, сказал Платонов: и вот Павел Иванович предложил ехать с ним

К вам прибегаю, почтеннейший Константин Федорович, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьем истины.

После “оросите жажду мою” начато: познать

Мудрости управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобрести имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тем долг гражданина, заслужа уважение соотечественников”.

извлекать не мечтательные, но существенные доходы

“Конечно, останьтесь”, сказала хозяйка и, обратясь к брату, прибавила: “Брат, оставайся: куды тебе торопиться?”

обратясь к Платону

“Это так, сумасшедший. Я бы к нему и не ехал, но генерал Бетрищев, близкий приятель и, так сказать, благодетель...”

Да, рассказывают. Но по порученности [Далее было начато: должен] хотел бы посетить его, так как генерал Бетрищев

“Превосходная мысль!”

Начато: Предложение это было совершен-
но

По виду он был предобрейший, преобходимый ~ роскошь, искусство и художество; что баб он до...

После “искусство и художество” было: Сколько усилий ему стоило, чтобы хотя часть из них одеть <в немецкие штаны>

Посмотревши на него пристально, Чичиков подумал “С этим, кажется, чиниться нечего”; и тут же объявил, что имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем таких-то крепостей и всех обрядов.

Чичиков слушал, слушал, глядя ему пристально в глаза, и наконец сказал:

Просьба пойдет в контору принятия рапортов и донесений.

в контору подачи просьб

[Контора], пометивши, препроводит ее ко мне; от меня поступит она в комитет сельских дел, оттоле, по сделании выправок, к управляющему. Управляющий совокупно с секретарем...”

а. там сделают всякие справки и управляющий снесясь с конто<рок>;

б. оттоле ~ к управляющему. Управляющий совокупно с канцелярией

Пример Англия и сам даже Наполеон.
и сам можно сказать Наполеон

Я вам отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам”.

Начато: с которым вы сами

“Секретарь! Позвать ко мне комиссионера”.

После “Позвать ко мне комиссионера” на-

чато: Что было делать с полковником. Ради курьезу, как говорят до сих пор иные люди. Чичиков решился [Далее начато: сделать] пойти с комиссионером посмотреть все эти комиссии и комитеты

Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были заперты.

Контора подачи просьб

Толкнулись они в департамент сельских дел — там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку.

пьяного чиновника

Далее Чичиков не хотел и смотреть, но, пришедши, рассказал полковнику, что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии подачи рапортов и во-все нет.

Чичиков пришедши

Тут же, схвативши бумагу и перо, написал ~ существует контора подачи рапортов и до-

несений?

контора подачи просьб

Я докажу, что значит органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит всех: окончил университетский курс.

а. Дело ваше я поручу теперь такому человеку, который один стоит всех;

б. Над строкой карандашом начато: Я вам потому <?> всё далее не поддается прочтению.

Вот каковы у меня крепостные люди... Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше <прошу> посидеть у меня в библиотеке”, сказал полковник, отворяя боковую дверь.

милости <прошу>

“Тут книги, бумага, перья, карандаши, всё. Пользуйтесь, пользуйтесь всем, вы — господин. Просвещение должно быть открыто всем”.

Тут всё, что нужно для души. Книги

Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы по всем частям, которые только рассылаются с обязанностью подписок, но никто <их> не читает.

журналы по всем частям, с обязанностью неременной подписки

Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>, а иногда и тем старикашкам, которые подзадоривают себя балетами и прочими пряностями.

говорят, что в последнее время стали они нравиться даже и некоторым старичишкам, подзадаривающим себя балетами и прочими пряностями

Окончивши рассматриванье этой книги, Чичиков вытащил уже было и другую в том же роде, как появился полковник Кошкарев, с сияющим видом и бумагою.

После “Окончивши” над строкой начато: одну

“Приступая к обдумыванию возложенного на меня вашим высочородием поручения, честь имею сим донести на оное.

После “поручения” над строкой карандашом начато: Ну, тут

В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумение, ибо неосмотрительным образом ревизские души названы умершими.

После “советника” над строкой карандашом начато: без

Да и самое таковое название уже показывает изучение наук [более] эмпирическое, вероятно, ограничившееся приходским училищем, ибо душа бессмертна”.

После “уже показывает” начато:

- а. небольшое углубление;
- б. не сильное углубление

Да и самое таковое название уже показывает изучение наук [более] эмпирическое, вероятно, ограничившееся приходским учили-

щем, ибо душа бессмертна”.

Начато: изученье эмпирических наук

“Плут!” сказал, остановившись, Кошкарев с самодовольствием: “Тут он немножко кольнул вас. После “Кошкарев” начато:

а. Но с;

б. Тут он

Да ведь нужно было, чтобы всё это <вы> увидели сквозь форму бумажного производства.

Над строкой набросок карандашом: “А я хотел, чтоб всё это прошло сквозь форму бумажного производства. Во всем нужен порядок”, сказал Кошкарев.

“Что это вы так запоздали?” сказал <Костанжогло>, когда он показался в дверях.

Здесь и далее фамилия Костанжогло заключена в скобки <>

ЛБ1 — Скундронжогло

Вон каковы ~ хороший помещик”.

а. Каковы помещики теперь наступили,

побывшие в чужих краях. Завели в поместьях мануфактуры, и школы, и комиссию и чорт их знает что. Поправились было после французов и т. д. как в тексте;

б. На полях к этому тексту набросок карандашом: Все именья расстроили, всё вверх <дном>. После французов <прошло> целые шесть лет, именье до 20 году. В <1 нрзб.> ездит в чужие краи. Всё давал <1 нрзб.> [Развелись фраки] В ломбард. И вот вышло, что теперь помещик <?> Петух какой-нибудь <3 нрзб.>

Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, — ну, куды ее девать — я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял.

После “сорок тысяч и взял” над строкой начато карандашом: и после

Да и то потому ~ выбросков.

Начато:

а. Этаких фабрик у меня, брат, наберется много. Да и то потому только;

б. Этаких фабрик у меня, брат, наберется много. Да я ими занялся только потому, что

набрело много работников, которые умерли бы с голоду: голодный год

“Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду.

После “что” начато: голодный

“Да помилуйте. ~ из-за границы”.

На полях у текста “Да помилуйте ~ из-за границы” набросок карандашом: Да помилуйте. Если бы только попросту брали дело, как есть, а то ведь всякой — механик. Всякой ларчик хочет с инструментом <открыть?> не просто. Дураки! И всякой как нарочно тот, кто побывал за границей [кто побывал в Париже] глупее <4 нрзб.> Всё, что ни введут, всё глупо, всё перевероты. Вот бого<угодное> заведение всё хорошая вещь<?>

Просвещенье придет ему в ум — сделается Дон-Кишотом просвещенья, заведет такие школы, что дураку в ум не войдет.

После “просвещенья” начато:

а. (карандашом) <одна строка не поддается прочтению> вообразите: дурак сидит на дура-

ке. Конечно, в грамоте ничего нет дурного, скорее хорошее;

б. И [так] как стали все глупы, так вы себе не можете представить — дурак на дураке сидит и дураком погоняет

В человеколюбье пойдет ~ рублей бестолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье”.

а. богоугодных заведений;

б. бестолковейших человеколюбивых заведений

“Думают, ~ щелкоперы!

Начато:

а. Ведь как теперь весь свет огл<упел>;

б. Ведь как теперь в это время весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь. И чорт их знает, откуда мнений стали набирать

Пустит какой-нибудь молокосос <?>

Пустит щелкопер какой-нибудь

Вот что стали говорить: “Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомиться его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья”.

На полях у текста “Вот что стали ~ свыше состоянья” наброски карандашом:

а. Дураки эти старые сидят и как шестьдесят лет уже <1 нрзб.>;

б. И чорт их знает, откуда они набрались далее не поддается прочтению если что ни каркнет, то скажет глупо;

в. Чорт их знает, откуда и как мнений набрались. Да ведь право же <?> дураки

Тут нечего мудрить.

Набросок карандашом: Что тут мудренного, ничего

Не говорю ~ высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион.

На полях у текста “Не говорю ~ высшие потребности” набросок карандашом: ведь заведут, наделают всего этого сверх меры, да потом и давай упот<реблять>

Не эти фабрики, что потом, для поддержки и для сбыту, употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ.

употребляют все гнусные меры, как бы заставить покупать

“Слушая вас, почтеннейший Константин Федорович, вникаешь, так сказать, в смысл жизни, щупаешь самое ядро дела.

После “Слушая вас” начато: сказал

Слуги ~ когда он <ест>.

На полях намечен текст, из которого подается прочтению только часть: Поставивши все блюда на стол, все лакеи оставили их одних: Костанжогло не любил, чтобы люди зева-ли

“Я”, говорит, “конечно промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, мошенников то есть, которые <1 нрзб.>, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло”.

а. Как в тексте;

б. поощрял промышленников, то есть мошенников, которые <1 нрзб.>

“И всё это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книги хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится картами да пьянст<вом>.

Видал я всех этих и человеколюбцев и <1 нрзб.>. Рвенья такие благородные ко всему, а потом таки съедут тоже <?> на взяточник<ов> и станут просто праздно

Весь [год] ~ в начале.

На полях у текста “Весь [год] ~ в начале” набросок карандашом: Весь год уж обсматривается вперед и рассчитывается далее не поддается прочтению.

А как отпразднуется всё, да пойдет свозиться на гумны, складываться в клады, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабьи <работы>, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, — да ведь это...

После “складываться в клады” начато: да

чинки на зиму все<го?>

А как отпразднуется всё, да пойдёт свозиться на гумны, складываться в клади, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабьи <работы>, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, — да ведь это... А зима!

а. Начато: Наступит зима. Да это самое;

б. Наступит зима — опять работающее время.

“Гость не глупый человек”, думал хозяин: <1 нрзб.>, степенен в словах и не щелкопер”.

внимателен, степенен в словах

Когда потом поместились они все в уютной комнатке, озаренной свечками, насупротив балкона и стеклянной двери в сад, и глядели к ним оттоле звезды, блиставшие [над] вершинами заснувшего сада, Чичикову сделалось так уютно, как не бывало давно.

и глядела к ним оттоле луна, остановившаяся над темными вершинами заснувшего сада. У этого текста наброски карандашных ис-

правлений — над словом “луна”: полная; после “сада”: темнота, синевшая над <1 нрзб. >

И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдьи безлюдном встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприятность ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека.

а. Текст карандашом, не поддающийся прочтению;

б. и глупость дел людских;

в. и бестолковые дела <1 нрзб.>;

г. и тороплив<ость>

И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдьи безлюдном встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприятность ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека.

После “современного” начато: много

Так и Чичикову заметилось всё ~ облокотиться на вершины деревьев, осыпанная звездами, оглашённая соловьями, громкопевно высвистывавшими из глубины зеленолиственных чащей.

После “вершины деревьев” начато: откуда

Так и Чичикову заметилось ~ соловьями, громкопевно высвистывавшими из глубины зеленолиственных чащей.

сладкопевно

“Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы...”

Слова “Невероятно. Если бы” написаны поверх карандашного текста: Говорите <?>, а как-то невероятно

Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников. Радиус велик, говорю: что ни захватит — вдвое или втрое противу <самого себя>. А с тысячи что? Десятый, двадцатый процент”.

Текст “нет соперников ~ процент” написан поверх карандашного текста, не поддающего-

ся прочтению.

Заметив, что в самом деле пора на ночлег, он растолкал Платонова, сказавши: “полно тебе храпеть”, и пожелал Чичикову спокойной ночи.

“Полно тебе храпеть”, сказал он, растолкав его; тот проснувшись глядел на него в оба глаза

Десять тысяч у него было; пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть; остальные — как-нибудь, или заложивши в ломбард, или так просто, заставивши ждать. Ведь и это можно: ступай, возись по судам, если есть охота.

Текст “остальные ~ возись” написан поверх карандашного наброска, не поддающегося прочтению.

Всё было просто и так умно.
Всё было просто умно

Всё было так устроено, что шло само собой.

Вероятно, после текста “шло само собой” намечена вставка карандашом (на обороте листа рукописи): Скотные дворы и загоны так были устроены в разных местах, что земля <?> унавоживалась сама, собой <2 нрзб.>

Ни минуты времени не терялось даром, ни малейшей неисправности не случалось у помещика.

После “не терялось даром” начато: Ничто не оборва<лось>

Ни минуты времени не терялось даром, ни малейшей неисправности не случалось у помещика.

у мужика

Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек ти<хо>, без шума, не сочиняя проектов и трактатов о доставлении благополучия всему чело<вечеству>, и как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркат<еля> по паркетам и любезника гостиных или прожектера, в сво-

ем закутке диктующего предписания в от-
да<ленном> углу государст<ва>.

трактатов о сча<стии>

Не могло не поразить даже и Чичикова,
как много наделал этот человек ти<хо>, без
шуму, не сочиняя проектов и трактатов о до-
ставлении благополучия всему чело<вече-
ству>, и как пропадает без плодов жизнь сто-
личного жителя, шаркат<еля> по паркетам и
любезника гостиных или прожектера, в сво-
ем закутке диктующего предписания в от-
да<ленном> углу государст<ва>.

а. и как безве<стный?>;

б. и как жит<ель>;

в. и как мимо жизнь горожанина

Не могло не поразить даже и Чичикова,
как много наделал этот человек ти<хо>, без
шуму, не сочиняя проектов и трактатов о до-
ставлении благополучия всему чело<вече-
ству>, и как пропадает без плодов жизнь сто-
личного жителя, шаркат<еля> по паркетам и
любезника гостиных или прожектера, в сво-
ем закутке диктующего предписания в от-

да<ленном> углу государст<ва>.

После “жизнь” начато: городская

Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек ти<хо>, без шуму, не сочиняя проектов и трактатов о доставлении благополучия всему челов<ечеству>, и как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркат<еля> по паркетам и любезника гостиных или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в от<да<ленном> углу государст<ва>.

шаркателя по гостиным

Чичиков совершенно пришел в восторг, и мысль сделаться помещиком утверждалась в нем всё более и более.

И всё, чем далее укреплялся он в желании сделаться помещиком

Всё провожали леса в смешении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, всё как в божьем мире, всё казалось садом.

Всё провожали леса в смешении с лугами, точно сад

Всё провожали ~ бог весть чему.

Как только они прекратились, всё пошло иначе: хлеб жиденькой <2 нрзб.>, на место лесов пни. Деревенька, несмотря на красивое местоположение, показывала издали запущенность. Новый каменный дом, необитаемый, оставшийся вчерне, в проекте <?>, выглянул прежде всего, за ним другой, обитаемый; хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося. Ему было лет сорок; галстук у него был повязан на сторону; на сертуке была заплатка, на сапоге дырка. Приезду гостей он обрадовался, как бог весть чему

Но <1 нрзб.> невольно, когда началась земля Хлобуева: скотом объединенные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушенная куколем [рожь].

тощая едва <1 нрзб.> подымавшаяся рожь

Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их вчерне каменный необитаемый дом.

выглянула [Далее зачеркнуты 2 слова, не

поддающиеся прочтению.] старая серая деревенька

Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их вчерне каменный необитаемый дом.

новый каменный

Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел.

После “почернел” начато: Хозяин вышел

Хозяин жил в другом доме одноэтажном...
низком

Он вздохнул и, как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича, подхв<атил> под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей.

После “подхв<атил> под руку Платонова” начато карандашом: который едва

“Вот плоды беспутного поведенья”, подумал <Платонов>.

После “подумал” было: невольно

“Это хуже моей спячки”.

После “Это” начато карандашом: человек

“Вот смотрите”, сказал Костанжогло, указывая пальцем: “довел мужика до какой бедности.

После “сказал Костанжогло” начато: взяв

И мужик уже изленился, загулял, сделался пьяница.

После “сделался пьяница” начато: Экой

Да этим только, что один год дал ему пробыть без работы, ты уж его развратил навеки: уж привык к лохмотью и бродяжничеству.

После “бродяжничеству” начато карандашом: Ведь вот бранят дурных помещиков, которых

Он хлеба не сеял — я это знаю.

После “я это знаю” начато карандашом: Этакое именье по-моему <?> — Скудронжогло плюнул “Верите ли, не могу

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником, и вдали блеснул извив реки...

поросшей

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником, и вдали блеснул извив реки и темный отрог, и в перспективе ближе...

и бесконечный <?>

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником, и вдали блеснул извив реки и темный отрог, и в перспективе ближе показалась часть скрывавшегося в рощах дома...

После “показалась часть” начато: знакомых

В сторону [красоту], смотрите на потребности”.

В сторону, в сторону красоту, только смотрите

“Жалко то, что долго нужно дожидаться.
Жалко только, что

Так бы хоть раз<?> увидеть всё в том виде,
как хочется”.
всё увидеть

“Да что вы 25-летний разве юноша? Вер-
тун, петербургский чиновник.
юноша или петербургский чиновник

Чудно!

После “Чудно!” начато: дурного в том нет

Но зато потом, как расшевелите хорошень-
ко землю, да станет она помогать вам сама, —
так это не то, что какой-нибудь мил<лион>;
нет, батюшка, у вас, сверх ваших каких-ни-
будь 70-ти рук, будут работать 700 невиди-
мых.

После “мил<лион>” начато: а в десять [бы]
точно

“Помилуйте, Константин Федорович”, гово-
рил удивленный хозяин: “только что приеха-

ли — и назад”.

На полях начато карандашом: Это поразило бедного Хлобуева

Доски весною приказывал поправить.

После “поправить” начато карандашом: Возьмите, Павел Иванович, в свое распоряжение

Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толка.

да как отпустить их в таком <состоянии>. Им нужен

Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толка.

После “толка” начато:

а. Нужно;

б. Ведь не может

Ведь вот мы просветились, слушали в университете, а на что годимся?

например, просветились

Ведь вот мы просветились, слушали в уни-

верситете, а на что годимся? Ну, чему я выучился?

а что в нас. Ну что из того, что я был в университете и слушал лекции по всем частям

“Да”, сказал Чичиков, усмехнувшись: “эта история бывает”.

После “бывает” начато карандашом: И опять поворотили они в деревню. Опять предстали плохие <1 нрзб.> Еще вот сюда поворотим, осмотрим крестьянское поле. Да это-то, право, думаю еще хуже. Нечего и ходить <?>

Нет, чего-то другого недостает, а чего, и сам не знаю”.

После “не знаю” начато: Теперь, если хотите, поедем, объедем в экипаже. Тут есть еще луга

Места ~ на всех строениях; крыши также зевали.

Карандашом между строк начато исправление: Места были хороши, но обнажено кругом. Одно деревцо, и был бы уже вид. Всё было опущено и запущено, как у мужиков, так и

у барина. Сердита баба в замасленной дерюге прибила до полусмерти бедную девчонку и ругала кого-то в третьем лице, призывая всех чертей и употребляя такие побранки, как бы она была мужского пола. Подальше два мужика глядели с равнодушием стоическим на гнев пьяной бабы. Встретился мужик, который только еще что выехал с сохой, когда повсюду уж посеяли и заборонили. Зевал он неуклонно <?> идя неохотно на работу. Что<-то> было вроде изорванного платья <?> ни русского ни немецкого покроя, не своего, но фабричного изделия купленного, свои только заплаты. Мужик в изорванном [зипуне] рубахе, вышед из лачуги, зевал, почесывая пониже спины, и всё как<-то> зевало

Открылись виды; в стороне засинел бок возвыш<енностей> тех самых, где еще недавно был Чичиков.

После “Открылись виды” начато:

а. на те самые возвышенности;

б. Явились

Обсмотревши, не вставая с коляски, они

воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостиных индейек.

рукою позади

В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывать обшлага и фалды на заплату локтей.

В хозяйстве как видно введена была система

В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывать обшлага и фалды на заплату локтей.

После “локтей” начато: “Незавидное у вас хозяйство, сказал <Чичиков>, когда они [Далее начато: подъе<хали>], осмотрев, подъехали. Как бы

“Вот оно как у меня”, сказал Хлобуев.

После “сказал Хлобуев” было: вводя гостей в св<ой> дом

“Теперь посмотрим дом”, и повел их в жи-

лые покои дома.

После “посмотрим дом” начато: сказал

Встретила их хозяйка, одетая со вкусом по последней моде. Четверо детей, также одетых хорошо, и при них даже гувернантка; они были все миловидны, но лучше бы оделись в пестрядевые юбки, простые рубашки и бегали себе по двору и не отличались ничем от крестьянских детей.

а. Хозяйка была одета по моде. Говорила о городе да о театре, который там завелся. Дети были резвы и веселы. Мальчики и девочки были прекрасно [Далее начато: и] одеты [очень] мило и со вкусом;

б. Начато: В гостиной их встретила хозяйка. Она была еще молода. Одетая она была совершенно по моде

“Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье в худшем положеньи, чем ожидал”.

Спрашиваю только потому, чтобы услышать

“Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье в худшем положении, чем ожидал”.

поместье нахожу в худшем

И это еще не всё.

После “еще не всё” начато: и еще хуже

“Очень хорошо, согласен”, сказал Чичиков, испугавшись.

Это заставило Чичикова решиться

“Нет, Павел Иванович, это-то уж никак не могу. Половину мне дайте теперь же, а остальные через 15 дней. Ведь мне эти же самые деньги выдаст ломбард.

Текст “это-то уж ~ ломбард” написан поверх карандашного текста; прочтению поддаются только отдельные его слова: Мне говорю вам прямо далее текст нрзб. через 15 дней дайте мне

Было бы только чем пьавок кормить”.

а. Только не хочется этих пьавок кормить;

б. Было бы только чем накормить пьавок

“Как же, право? я уж не знаю, у меня всего-навсего теперь десять тысяч”, сказал Чичиков, — сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжоголо; но как-то жалко так много дать за одним разом.

После “уж не знаю” было: сказал Чичиков

“Как же, право? я уж не знаю, у меня всего-навсего теперь десять тысяч”, сказал Чичиков, — сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжоголо; но как-то жалко так много дать за одним разом.

Текст “у меня всего-навсего ~ двадцать” написан поверх карандашного: теперь-то <у> меня 10 тысяч всего”. Павел Иванович врал, у него было всех 25 тысяч

“Как же, право? я уж не знаю, у меня всего-навсего теперь десять тысяч”, сказал Чичиков, — сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжоголо; но как-то жалко так много дать за одним

разом.

После “десять тысяч” начато: денег

“Я вам займу 5 тысяч”, подхватил <Платонов>.

В рукописи ошибочно: Михайлов

Из коляски была принесена шкатулка, и тут же было из нее вынуто 10 000 Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему завтра; то есть, обещано, предполагалось же привезти три, другие — потом, денька через два или три, а если можно, то и еще несколько просрочить.

Над строкой начато исправление: Ударили по рукам. Чичиков обещал привезти на другой день и вручить из них вперед в виде задатка тысячу

Пожалуй, здесь еще можно достать учителя закону божию; музыке, танцованью ни за какие деньги [нельзя] достать.

На полях у текста “Пожалуй ~ закону божию” карандашом начато: вы не забывайте, что здесь в деревне еще закону божию

Он послал в город: что делать? в лавочке не дают квасу в долг без денег, а пить хочется. А француз, который недавно приехал с винами из Петербурга, всем давал в долг.

Что делать ~ пить хочется. Он к французу за шампанским. А француз

Так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились; так оригинально и смешно умел передавать малейшие их привычки, — что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

Начато карандашом над строкой: что нужно было

Он еще не знал того, что на Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь совершенно необъяснимая загадка.

На Руси водятся

Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что, в самом деле, его все мысли были заняты не

на шутку приобретенную покупкою.

Чичиков потому, что в самом деле был занят совершенно приобретением

“Как <бы> то ни было, но, очутившись вдруг, после фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического имения, он стал задумчив, и предположенья и мысли стали степенней и давали невольно значительное выражение лицу.

После “задумчив” начато: и мысли

Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских.

После “нетрудная” начато: их

Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских.

После “так сказать” начато: с д<етства?>

Мне они не в новость.

не в диков<ину>

Как бы то ни было, ~ не заплатив даже и Костанжогло”.

И как ни рассматривал, на какую сторону ни оборачивал приобретенную покупку, покупка была выгодна. Можно было поступить и так, чтобы заложить имение в ломбард, прежде выпродав по кускам лучшие земли. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образцу Попонжогла, пользуясь его советами как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные <руки> имение (разумеется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Скудронжогле денег, взятых у него займы.

Как бы то ни было, он думал о том, как последуют <?> посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье именья; как весело потом глядеть и на детей.

с каждым распорядится

Как бы то ни было, он думал о том, как последуют <?> посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье именья; как весело потом глядеть и на детей.

процветанье деревни

“Стой”, закричал вдруг кучеру его со товарищ. Слово это заставило его очнуться и осмотреться вокруг себя: они уже давно ехали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева.

Стой, закричал кучеру Платонов. Чичиков оглянулся вокруг себя и увидел, что они

Белые <стволы> лесных берез и осин, блестя [как] снежный частокол, стройно и легко возносились на нежной зелени недавно развившихся листьев.

на нежной молодой зелени

Он не мог себе дать отчета, как он успел

очутиться в этом прекрасном месте, когда еще недавно были открытые поля.

После “отчета” начато: как после открытых гладких

Между дерев мелькала белая каменная церковь, а на другой стороне выказалась из рощи решетка.

После “решетка” карандашом: На тонких ножках аглицкой пес <1 нрзб.> и со всех ног бросился на встречу Ярбу. Оба пса облобызались.

Псы уже успели облобызаться.

После “облобызаться” начато: еще прежде чем

Но на эту часть Павел Иванович мало обращал вниманья.

Карандашные наброски:

а. Но это Павел Иванович не замечал;

б. Если бы Павел Иванович был <1 нрзб.>

Но Чичиков б<ыл>

Полный недоверия, он оглянул искоса Чи-

чикова и увидел благоприличие изумительное.

и увидел, что он держался необыкновенно прилично, сохраняя самое приятное наклоненье головы несколько на бок и самое приветное выражение в лице. Так что никак нельзя было узнать, какого роду был Чичиков.

Они повернули направо в ворота.

а. В молчаньи они пошли все трое по дороге, с одной стороны мелькала промеж деревьев белая каменная церковь, с другой стала показываться вдали решетка господского двора тоже с деревьями;

б. В молчаньи они пошли все трое по дороге и скоро своротили;

в. В молчаньи они пошли все трое по дороге и насупротив <стала> всё мелькать промеж деревьев белая каменная церковь; своротили на двор, огражденный со всех сторон нависнувшими <деревьями?> Три развесистые липы стояли среди двора. Двор весь был под тенью. Дом был тоже

Господский дом был совершенно закрыт,

только одни двери и окна милостиво глядели
сквозь их ветви.

После “сквозь их ветви” начато: Прочие
строения внизу

Сквозь прямые, как стрелы, лесины дерев
белели, сквозили кухни, кладовые и погреба.

а. Сквозь лес сквозили;

б. Сквозь пряные как стрелы лесины лип

Сквозь прямые, как стрелы, лесины дерев
белели, сквозили кухни, кладовые и погреба.

После “белели” начато: приютились про-
чие домики

Так и отзывалось всё теми беззаботными
временами, когда жилось всем добродушно и
всё было просто и несложно.

После “добродушно” было: без затей

Захватил пустошь.

После “Захватил пустошь” было: где у нас
празднуется Красная горка

и наблюдая особенно, чтоб это было втай-

не”, сказал Чичиков: “ибо не столько самое преступление, сколько соблазн вредоносен”.

и соблюдая

и наблюдая ~ Вам нужна земля, не так ли?

а. что и для вас самих будет выгодно перевести, например, на мое имя всех умерших душ, какие по сказкам последней ревизии числятся в имениях ваших, так чтобы я за них платил подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредством купчей крепости, как бы эти души были живые, а чтобы вас это не смущало, то как человеку, к [Угол листа оторван и недостающие слова восстанавливаются по смыслу.] <которому> я же почувствовал иск<реннее> уважение, открою всё под секретом: хочу вступить в откупы. Нужны залоги. Конечно, я бы мог заплатить помещикам по два рубля по душу, представить живых, но по доброте сердца не хочу никого вводить в ответственность и в риск. В случае если лопну, конфискованы будут, так сказать, не существующие, а не то чтобы действительные души.

“Вот тебе!” подумал Леницын. “Это что-то престранное”, и он отодвинулся со стулом назад.

“Я никак в том не сомневаюсь, что вы на это дело совершенно будете согласны”, сказал Чичиков: “потому что это дело совершенно в том роде, как мы сейчас говорили. Совершенно оно будет между солидными людьми втайне и соблазна никому”.

Леницын очутился в затруднительном положении. Он никак не мог предвидеть такого быстрого применения [Далее начато: к делу] оказанной мысли к делу. Он недоумевал, как определить этот поступок. [Он недоумевал, к какого рода действиям причислить это действие.] Вредоносного в нем не могло быть ни для кого. Помещики всё равно заложили бы также эти души наравне с живыми, стало быть казне нет убытку. Разница только та, что они придут теперь в одни руки, а тогда были бы в равных. Не тем не менее он затруднился, к какому роду действий причислить подобное действие, что оно правое или

неправое или же смешанное. Он был правове-
вед и делец.

В это время точно как будто затем, чтобы
помочь горю, вошла в комнату молодая кур-
носинькая хозяйка, супруга Леницына, и
бледная, и худинькая, и низенькая, и одетая
по Петербургскому. За нею был вынесен мам-
кой на руках ребенок первенец, плод нежной
любви недавно бракосочетавшихся супругов
тоже довольно жиденькой. Приветливым
подходом с подскочкой и ловким наклоне-
нием головы на бок Чичиков совершенно об-
ворожил Петербургскую даму, а вслед за нею
и ребенка. Сначала тот было разревелся, но
словами: агу, агу, душенька, и пощелкива-
нием пальцев и сердоликовой печаткой от
часов он переманил его на руки к себе. Стал
он приподымать его кверху и тем возбудил в
ребенке приятную усмешку, которая очень
обрадовала обоих родителей.

Но надобно же этаким случаем. От удоволь-
ствия ли или от чего-нибудь другого ребенок
вдруг повел себя нехорошо. Жена Леницына

закричала: “Боже мой! он вам испортил весь фрак”.

Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака был весь испорчен. “Пострел бы тебя побрал, чертенок проклятой!” пробормотал он в сердцах про себя.

Хозяин, и хозяйка, и мамка все побежали за одеколоном; со всех сторон принялись его вытирать.

“Ничего, ничего, совершенно ничего”, говорил Чичиков. “Может ли что-нибудь невинный ребенок?”, а про себя думал: “Да ведь как метко обделал канальчонок проклятый”.

“Золотой возраст!” сказал он после того, как уже его совершенно вытерли и приятное выражение возвратилось на его лице.

“А ведь точно”, сказал хозяин, обратившись к Чичикову тоже с приятной улыбкой: “что может быть завидней ребяческого возраста: никаких забот, никаких мыслей о буду-

Щем...”

“Состоянье, на которое можно сей же час поменяться”, сказал Чичиков.

“За глаза”, сказал Леницын.

Но кажется оба соврали. Предложи им такой обмен, они бы тут же на попятный двор. Да и что и за радость сидеть у мамки на руках да портить фраки.

Молодая хозяйка и первенец с мамкой удалились, потому что на ребенке требовалось тоже многое поправить. Наградив Чичикова, он и себя не позабыл.

Это по-видимому незначительное обстоятельство совсем преклонило хозяина. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно оплатился за то собственным фракком.

б. Вот например <1 нрзб.> я тоже имею одно дело: [Далее было: желаю вас избавить от платежа подати за умерших крестьян] На вид

оно как бы не того, а в существе между тем ничего... [Между строк намечено карандашом: Дело на вид и неск<олько> как бы того] Ревижские души именно которые давно у вас умерли и вместе с тем они вам в тягость, а я эту тягость с вас сниму <?>; и чтобы не подать какого соблазна другим [На полях у этого текста начаты наброски: а. “Но соблазну действительно не будет”, сказал Чичиков. “Но побудительные причины; б. Но соблазну не будет, потому что в тишине] совершить посредствен купчей крепости как бы эти души были живые.

“Как это однако же”, сказал Леницын. “Но побудительные причины?” [Предварительные карандашные наброски исправлений к этому тексту: а. Это да однако нескол<ько> престранное; б. Как это странно. Однако же. Однако же. Однако же... сказал <Леницын> да и запутался. Если бы по кр<айней> мере мне были известны побудитель<ные причины>]

“Доброта сердца, [желаю вступить в откупы]”, сказал Чичиков. “Я бы мог, вступая в за-

логи, представить живых, [Далее начато: заплатить] давши помещикам на душу. Но я не хочу входить. Ну случится лопну [Далее начато: буд<ут> тогда они] <?> Ничего не потеряю. Души будут конфискованы не живые, но как бы мертвые, не конфискуют <3 нрзб.??>”. И с видом благородства и чувством достоинства он см<отрел> пря<мо> в гл<аза>. “Словом, это действительно [Далее начато: можно] именно то, [Над строкой начато: Я бы сказал много, но между благород<ными>. Вы сами сознае<те>] о котором мы говорили, что между людьми степенными могущее быть допущено, но только так чтобы не было соблазна”.

Леницын почувствовал, что он как-то странным образом попал так сказать в собственные сети. Остановись <?> он больше недоумевал, к какому роду действий причислить подобное действие, что оно правое или неправое или смешанное. Он был правовед и делец и долго сидел он молча, не зная, как решить, какое это было действие. Но судьба и обстоятельства нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно затем, чтобы решить дело,

вошла в комнату молодая хозяйка, супруга Леницына, курносенькая, и бледная, и низенькая, и одетая по Петербургскому, большая охотница далее карандашных исправлений нет, идет тот же текст, что и в варианте а. Затем:

“Ничего, ничего, совершенно ничего”, говорил Чичиков, “можно ли что-нибудь в это золотое время <2 нрзб.>, а про себя думал: “Да ведь как метко обделал канальчонок проклятый”. Это по-видимому незначительное обстоятельство преклонило хозяина. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно заплатился за то собственным фракком. Решил дело скрыть, чтобы не падать дурного примера, ибо больше всего соблазн вредоносен

“Как приятно ~ как на живые”.

“Как приятно встретить единомыслие”, сказал Чичиков, глядя с чувством полного доверья ему в лицо. Вот у меня тоже одно не то чтобы незаконное, но только долженствующее быть в тайне. Хочу воспользоваться [вся-

кими] беглыми и мертвыми душами, которые записаны в ревизии. Вам, например, как владельцу они в тягость, а мне пригодятся. Мы только между собой сделаем формальным [а. Как в тексте; б. сделаем формальным законным] образом крепость как бы они живые

“Есть и у меня дело, и законное, и незаконное вместе: с виду незаконное, в существе законное. Да дело-то ~ начал <он>.

а. Начато: Это однако же что-то того;

б. Однако же... сказал он было вслух и ничего не прибрав сказать

“Да все-таки ~ Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину, и притом втайне”, и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

Как это однако же все-таки <?> как-то. [Далее начато: сказал] Верно вы имеете какую-нибудь особенную побудительную причину.

“Есть побудительная причина, есть”.

“Какая?”

“Доброта сердца. Я бы мог предоставить в залоги живых, положив помещикам по 2 рубля на душу. Не хочу вводить [Не хочу входить] никого в риск. Ну случится лопну. Пусть же потерплю один”, сказал Чичиков и посмотрел с чувством открытого благородства в лицо Леницына. “Дело, видите, [Далее начато: какого рода] чисто и притом такого рода

“А соблазну не будет, потому что втайне”, отвечал Чичиков: “и притом между благонамеренными людьми”.

После “благонамеренными” начато: хор<ошего чину>

“Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину, и притом втайне”, и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

и хорошего чину втайне, стало быть со-

блазну никакого

“Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину, и при том втайне”, и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

“ему в глаза” вписано.

Как ни был изворотлив Леницын, как ни был сведущ вообще в делопроизводствах, но тут он как-то совершенно пришел в недоуменье, тем более, что каким-то странным образом он как бы запутался в собственные сети.

Как бы ни был искусен вообще [Далее начато: в письменных производ<ствах>] в делопроизводствах

Вот тебе и задача!”

После “Вот тебе и задача!” было: думал он

Но судьба и обстоятельства как бы нарочно благоприятствовали Чичикову.

точно как бы нарочно благоприятствовали

Чичиков не то, чтобы украл, но попользовался.

После “попользовался” начато: Один крадет в казне

Что ж делать, если завелось так много всяких заманок на свете?

После “если завелось” начато: таких

И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, плясанья с цыганками.

После “рестораны” начато: французы

И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, плясанья с цыганками.

маскарады с танцовщицами, актриса<ми>

Ведь трудно ~ вон из города, но дороги испортились.

изволь удержатъ себя. Чичикову следовало бы уже и выехать

Так и Чичиков, подобно размножившему-

ся количеству людей, любящих всякой комфорт, поворотил дело в свою пользу.

большому

В городе между тем готова была начаться другая ярманка — собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками.

А тем временем началась другая ярманка, собственно дворянская, потому что прежняя была

Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками.

После “кулаками” начато:

а. Купцы только;

б. Купцы ловкие были <?>

Теперь же всё, что куплено на Нижегородской ярманке краснопродавцами панских товаров, привезено сюда.

русскими краснопродавцами

Наехали истребители русских кошелев, французы с помадами и француженки с шляпками, истребители добытых кровью и трудами денег — эта египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая, мало того, что всё сожрет, да еще и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

наехали французики

Наехали истребители русских кошелев, французы с помадами и француженки с шляпками, истребители добытых кровью и трудами денег — эта египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая, мало того, что всё сожрет, да еще и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

После “шляпками” начато: опустошатели

Только неурожай да несчастный в самом <...> удержали многих помещиков по деревням.

После “Только” начато: половина

Этого было достаточно, чтобы <не только> столоначальники, но даже и все канцеляр-

ские, в надежде на будущие взятки с просителей

начальни<ки>

Этого было достаточно, чтобы <не только> столоначальники, но даже и все канцелярские, в надежде на будущие взятки с просителей

на будущее поколе<ние?>

Уж это столкновение сословий для увеселения!..

а. Беда, если люди ста<лквиваются>;

б. Уж это столкновение людей для забав;

в. Уж это столкновение сословий с тем, чтобы

Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольские коляски пролетали взад и вперед. пролетали щегольские коляски

Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барыш.

После “барыш” начато: Не было уж

Всё было европейского вида с бритыми подбородками, всё исчахл<ое> <?>, и с гнилыми зубами.

всё было с бритыми подбородками

Опершись ловко обеими руками и слегка покачиваясь на них всем корпусом, произнес: “Каких сукон пожелаете?”

слегка на них покачиваясь

Вот суконцо”.

После “Вот суконцо” начато: Извольте

Развернул он ее с искусством прежних времен, даже на время позабыв, что он принадлежит уже к позднему поколению, и поднес к свету, даже вышедши из лавки, и там его показал, прищурясь <?> к свету и сказавши: “Отличный цвет.

После “вышедши из лавки” начато: и погла<дил>

Заворочено оно было в бумагу, по-русски, с быстротой невероятной.

После “Заворочено оно” начато: было по

русско<му обычаю>

Купец приподымал картуз.
приподымал только картуз

“Вот, чорт побери, Хлобуев”, сказал про себя Чичиков и повернулся, чтобы не видать его, находя неблагоразумным с своей <стороны> заводить с ним какое-либо объяснение насчет наследства.

повернулся спиной <?>

“Почтеннейший, почтеннейший”, сказал Чичиков, пожимая ему руки: “поверьте, что всё хочу с вами побеседовать, да времени совсем нет”.

После “побеседовать” начато: да и пол<учаса>

Уж от того ли, что мало движения”.

После “мало движения” начато: или

Но Муразов, вместо того, <чтобы углубиться> в причину припадков Чичикова, обратился к Хлобуеву: “А я, Семен Семенович, увидав-

ши, что вы взошли в лавку, — за вами.

После “Но Муразов” начато:

а. не об<ратив?>;

б. не углубись в припад<ки>

“О чем бы у них разговоры?” подумал <Чичиков>.

После “подумал <Чичиков>” было: Да ведь он именье у него купил

“Афанасий Васильевич — почтенный и умный человек”, сказал купец: “и дело свое знает, но просветительности нет.

После “сказал купец” начато: но просветительности

Ведь купец есть негоциант, а не то, что купец.

После “Ведь купец есть” начато: по крайней <мере>

“Вас жду, <Семен Семенович>”, сказал Муразов, увидевши входящего Хлобуева: “Пожалуйте ко мне в комнатку”, и он повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю,

неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

Здесь и далее имя Семен Семенович заключено в скобки <> в тех случаях, когда в рукописи осталось от первого слоя имя Петр Петрович

“И все-таки жизнь останется праздная, а в праздности приходят искушения, о которых бы и не подумал человек, занявшись работою”.

все искушенья

Даже камень, и тот затем, чтобы употреблять на дело, а человек, разумнейшее существо, чтобы оставался без пользы.

чтобы человек

А ваша жизнь годится им в пример?

А что ваша жизнь

Ну, как мне поступить?

После “Ну, как мне” начато: что делать

Неужели определить <ся> мне в службе?
После “Неужели” начато: мн<е>

Нет, Афанасий Васильч, думал, пробовал,
перебирал все места, везде буду неспособен.

После “Нет” начато:

а. никакую должность <1 нрзб.>;

б. никакой труд

“Богадельня <тем>, которые трудились; а
тем, которые веселились всё время в молодости,
отвечают, как муравей стрекозе: “Поди,
попляши”.

После “которые трудились” начато: и перестали трудиться, а не праздно <1 нрзб.>

“Богадельня <тем>, которые трудились; а
тем, которые веселились всё время в молодости,
отвечают, как муравей стрекозе: “Поди,
попляши”.

После “в молодости” начато: готовы

Я знаю, что это я делаю не для человека, но
для того, кто приказал нам быть всем на свете.

Я это делаю для

Я знаю, что это я делаю не для человека, но для того, кто приказал нам быть всем на свете.

кто милостивее людей

Старик прослезился ~ Бедный Хлобуев задумался.

Муразов минуту помолчал, как бы с тем, чтобы дать ему прийти в прежнее положение. [прийти в себя] Стало быть деятельность [Далее было начато: если только вы убеждены, что] у вас есть, зачем же не возьмете вы и должность [и должность и деятельность] с мыслью, что взяли ее не для человека и не для угождения обществу, а служите ею тому, кто повелел вам быть на свете [Далее было начато: в уверенности, что и вы]

Да как увидел во всем прибыток — и распустился, пока он и изде<ржал> свое <2 нрзб.>.

развернулся

Сына по-французски стал учить, дочь за генерала.

сына стал воспи<тывать> обуч<ать>

И уже не в лавке или в биржевой улице, а всё как бы встретить приятеля да затащить в трактир пить чай.

После “трактир” начато: Ну и обанкрутился. А тут бог несчастье

Пил целые дни чай, ну и обанкрутился.

После “обанкрутился” было: А тут сынишка обокрал

А тут бог несчастье сыну пос<лал?> Теперь он, видите ли, приказчиком у меня.

После “сыну пос<лал?>” было: Он сызнова в приказчики, а ему тоже лет за 50 <?>

А уж помогает он бедным так, как никто из нас не помогает; а другой рад бы помочь, да деньги свои прожил”.

После “не помогает” начато: узнает, где голод или что другое

Человек этот большого ума — такого ума, что я не знаю.

такого-с ума

Человек этот большого ума — такого ума, что я не знаю.

После “я не знаю” было: Он не говорит

Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или купцов, по воспитанней других, смотрел бы на <то>, как на спасение свое?

смотрел бы на такой

Переходя с книгой от помещика к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается.

он узнает и быт

Так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах...

После “местность” начато: получше

Так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах...

После “которые” начато: знаю<т>

Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника который бы знал не по бумагам дело, а так, как они сейчас, на деле, потому что из бумаг, говорят, ничего уж не видать, так всё запуталось”.

который бы знал не бумажное дело, а точно узнал как они на деле

“Вы меня совершенно смутили, сбили, Афанасий Васильевич”, сказал Хлобуев, в изумлении смотря <на него>.

смотря в изумлении

“О супруге и детях не заботьтесь.
О же<не>

Я возьму их на свое попечение, и учителя будут у детей.

После “будут у детей” начато: поверьте, не будут

Вы уж не ошибетесь, а кому дадите, тот точно будет стоять. Эдаким образом ездя, вы точно узнаете всех, кто и как.

потому что эдаким образом ездя, вы узнаете

Об этом не нужно и помышлять долго; это нужно просто принять за повеленье божие.

С богом!

Ведь с терпеньем, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают.

После “трусами, трудами” было: лишал себя всего

А ведь я три раза сызнава начинал; всё потерявши, начинал вновь с копейки, тогда как иной давно бы с отчаянья запил и сгнил в ка-

баке.

После “с копейки” начато: Ведь тут

А несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с развязной <?> ловкостью светского или военного человека, метался теперь в растрепанном, непристойном <виде>, в разорванном фраке и расстегнутых шароварах <?>, <с> окровавленным разбитым кулаком, изливая хулу на враждебные силы, перечащие человеку.

с ловкостью военного человека

Не то жаль, что виноваты вы стали перед другими, а то жаль, что перед собой стали виноваты — перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам.

После “стали виноваты” начато:

а. Перед богатыми силами;

б. что провинил<ись>

Не то жаль, что виноваты вы стали перед другими, а то жаль, что перед собой стали виноваты — перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам.

которые уже получили от природы

Не то жаль, что виноваты вы стали пред другими, а то жаль, что пред собой стали виноваты — перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам.

После “в удел вам” начато: Великой человек был бы из вас, а вы сами

Назначенье ваше — быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили”.

После “Назначенье ваше” начато: было

Как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердо в своей совращенной жизни; но если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренными, в нем <всё> поколеблется невольно, и весь он потрясется.

После “безвозвратный преступник” начато: но если его попрекнешь им же

“И познание людей, и опытность не помог-

ли на незаконном основаньи.

После “не помогли” начато: потому что не б<ЫЛО>

А если бы к этому да основанье законное...

После “основанье” было: Оттого и [пользы] ничего не принесли

“Нет, поздно, поздно”, застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце.

голосом, прошед<шим> Муразову в душу

“Нет, поздно, поздно”, застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце.

После “сердце” начато:

а. Вижу истину;

б. Вижу что

Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращения от порока: огрубела натура, нет любви к добру, этой прекрасной склонности к делам богоугодным, обращающейся в нату-

ру, в привычку.

После “но нет” начато: отвращенья

Нет такой охоты подвизаться для добра,
какова есть для получения имущества.

После “имущества” начато: Что ж

Ведь теперь люди без воли все, слабые”.
теперь все люди

Ведь теперь люди без воли все, слабые”.

После “слабые” начато: Хотят не сильно
<?>

“Афанасий Васильевич”, сказал он твердо:
“если только вымолите мне избавленье и
средства уехать отсюда с каким-нибудь иму-
ществом, я даю вам слово начать другую
<жизнь>: куплю деревеньку, сделаюсь хозяи-
ном, буду копить деньги не для себя, но для
того, чтобы помогать другим, буду делать доб-
ро, сколько будет сил.

маленькую деревеньку

“Афанасий Васильевич”, сказал он твердо:

“если только вымолите мне избавление и средства уехать отсюда с каким-нибудь имуществом, я даю вам слово начать другую <жизнь>: куплю деревеньку, сделаюсь хозяином, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другим, буду делать добро, сколько будет сил.

После “буду” начато: стараться сколько можно

Позабуду себя и всякие городские объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь”.

После “всякие” начато: еды

Как вы меня, право, обрадовали!

После “обрадовали” было: Ах, господи мой боже

Вся природа его потряслась и размягчилась.

После “размягчилась” начато: Расто<плется>

Расплавляется и платина, твердейший из

металлов, всех долее противящийся огню: когда усилит<ся> в горниле огонь, дуют мехи и восходит нестерпимый жар огня до<верху> — белеет упорный металл и превращается также в жидкость; подается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда, усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отвердевшую природу.

После “огонь” начато: белеет упорный металл

Расплавляется и платина, твердейший из металлов, всех долее противящийся огню: когда усилит<ся> в горниле огонь, дуют мехи и восходит нестерпимый жар огня до<верху> — белеет упорный металл и превращается также в жидкость; подается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда, усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отвердевшую природу.

После “в горниле несчастий” начато: когда дуют

Так думал Чичиков и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал.

полупробужденными чувствами

<ОТРЫВКИ>

<ОТРЫВКИ ГЛАВЫ III>

1

..... [Текст
•отрывка сохранился лишь частично (лист
оборван).]

2

Почему нужно хозяйство? Потому, что от
это<го> зависит благосостояние всего госу-
дарства. Потому что устроится лучше соб-
стве<нная> жизнь всякого челов.<ека>. [Вме-
сто “собственная ~ человека”: наша жизнь.]
Потому что занятия и беспрестанное движе-
нье укрепляет тело и здоровье. Потому что от
этого самые умственные способности в свеже-
сти. [Над строкой вписано: <3 нрзб.> дремали
или бездействовали.] Потому, наконец, что
этим исполняет человек свой долг и назначе-
нье, данн<ое> от бога, в поте лица снискивать
хлеб.

Что происходит от пренебреженья хозяй-
ства? От пренебреженья хозяйства происхо-

дят несчастья всей земли, конечное обеднение ее и расстройство. Засухи, безвременное расстройство.

Чем разорили именья поме<щики>?

Тем, что бросили именья. [Вместо “Чем ~ поме<щики>?” над строкой начато: Каким образом. Ибо, не занимаясь сам тот] Отдали земли в руки управ<ителей> и наемников, которые заботятся только о своих выгодах, о доставлении временных доходов, не обращая вниманья на будущее, всё [Далее начато: всё истреб<ляя>] выводя и ничего не насаждая, как уже и случилось в России, что вырубili множество лесов. От этого обмелели реки и меньше стали давать нужной влаги. Земля стала суше и бесплоднее. [Далее начато: Облака, не встречая дерев, проходят] Перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лесистым местом. [Вместо “которые ~ местом”: которые плохие блюстители земли. Пристрастились к занятиям не свойствен<ным>, к роскоши и прихотям, и сделали то, что вся жизнь стала гор<одской >.]

На что преимущественно нужно обращать в хозяйстве внимание?

На то, чтобы не упущено [Вместо “На что ~ не упущено”: Отчего дурно хозяйство? Оттого, что упущено] <было> время. Поэтому нужно знать время, когда что делать.

Что нужно делать весной?

<НАБРОСКИ К НЕСОХРАНИВШИМСЯ ГЛАВАМ>

1

Вот оно, вот оно, что значит, а не то, что нынешнее просвещенье?, которое превратило человека в машину, что весь век свой вытаскивает одну <1 нрзб.>. Какой тесный круг, какое <1 нрзб.> дело.

Учитель бесился, не зная, что сказать. Он говорил: как де незачем ненужное. Человек <должен> всё делать.

Хорошо, так вы хотите отнять свободу у человека. Сами [Далее начато: говори<те>] про-

поведу<ете> хорошо.

Учитель выходил <из себя>.

Что они так грызу<тся> из-за этого, спросил себя внутренне Чичиков. То или <другое>, ну лучше, да что же так спорить, что ж так выходить из себя, что за странная мода такая, что из всего, что услы<шат>, выводят какие-то все следствия. [Далее начато: Нич<его>] Разговор-то, <по правде> говоря, о дряни, о посторо<ннем>, а горяча<тся>, как бы дело шло [Далее было: о тыся<чах>] о кото<рых> ста тыся<чах>.

2

<...> со всех сторон к концу балу Чагравину насчет поведения жены его, называя его и роносом и мужем-телепнем. Ему чуть не в глаза стали говорить: дур<ак>. Всё это ему не нравилось сильно, особенно что губерния подня<ла> его на зубки, тогда как ему хотелось дать всем им [Далее начато: в себе] почувствовать, <что> он петерб<ургский> ари-

стократ. [И] когда разъехалось всё это, и в доме остались [Далее начато: изорванные] пустота <?> и следы битвы: разбитые плошки, изорванные транспаранты и обгорелые фейервер<ки> и [Далее начато: раздалась перебранка слуг за разбитые] показались повсюду [Далее начато: заспавшие<ся>] лакеи будто бы <?> заспавшиеся, а между тем плохо выспавшиеся, наконец перебранки и споры слуг за разбитую посуду. Ему сделалось так же неприятно [как и всем] умным людям после балов. [Далее начато: Последние сцены предстали во всей живости] Колкие намеки и насмешки губернии предстали ему во всей живости. Самолюбие зашевелилось в нем сильно. Он решил [Далее начато: немедленно идти по<требовать>] тот же час идти к жене потребовать от ней прямо объяснения во всем и дать что-то вроде нагоняя.

Вошедши к ней в комнату он после нескольких весьма несвязных предисловий, которых она не совсем поняла, начал та<к>.

Помещики, они позабыли свою обязанность. Зачем ты вместо того, чтобы им напоминать весь долг и приводить в знание и себя самого в чувс<тво>, стал ограничивать их мелочными чиновник<ами> и ограниченьями. Завел новую сложность дел, так что и у них самих закружилось и всё перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг<оды>. Или нельзя было на них подействовать, или они не лучше других воспитали [понятье о чести]? Или [Далее начато: не восприимчива душа] не восприимчивее была их душа, чем необразованного человека? Или на голос отчизны не откликнулось дело их? Или не из [Далее начато: них] среды их мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героев самоотверженья, которых не уместит на страницах своих подробнейшая летопись.

Нет, власть, действуй прямо. Укажи нам всем долг наш, [наш долг] но не связывай в то же время и рук наших и не бесчесть нас обидным подозреньем. Говори с нами благород-

НЫМ ГОЛОСОМ, и будет благороден ответ.

<НАБРОСКИ К ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ГЛАВЕ>

1

У исповеди собрать все сословия, все как равные между собою. Все дело имеют с богом.

2

“Зачем же ты не вспомнил обо мне, что я на тебя гляжу, что я [Далее начато: тебя] твой? Зачем же ты от людей, а не от меня ожидал награды и вниманья, и поощренья? [Далее начато: а. Зачем ты, не смущаясь; б. Зачем не шел ты до конца, закрывши глаза на людей и смотря только] Какое бы тогда было тебе дело обра<щать внимание?>, как [В рукописи: какое] издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя небесный помещик? [Далее начато: Если бы] Кто знает, чем бы кончилось, если бы <ты> до конца дошел, не устранившись? Ты бы удивил величием характ<ера>, [Далее начато: ты бы оставил] ты бы наконец взял верх и заставил изумиться;

ты бы оставил имя, как вечный памятник доблести [Далее начато: а. чтобы; б. и долго<?> рыдали потом] и роняли бы ручьи слез, потоки слезные о тебе [Далее начато: и чувствовали] и как вихорь ты бы развевал в сердцах пламень добра”.

Потупил голову, устыдившись управитель, и не знал, куды ему деться.

И много вслед за ним [Далее начато: понурили головы] чиновников и благородных, прекрасных людей, [Далее начато: понурили] начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы.

3

“Хуже всего то, что будешь судить самого себя, будешь сам судьей своим”.

“Да разве это страшно?” “О, как страшно! Не позабудь, что взгляд исполнится пронизательности орлиной, а ум полного понятия, справедливого, что ты будешь другим че-

ловеком, будешь судить мудро, справедливо и горячо, со всею любовью к добру, со всем благодатным гневом и ненавистью ко злу, и только что произнесешь ты беспристрастное слово суда, тебе скажут: “это всё ты, справедливый судья, ты это наделал”. А?”

“Почему ж никто не является подвижником правды, почему не стоит за добро общее, как за свое, почему не влюбился в это добро. Потому что руки отнимаются, видя, что все раскрадывают то добро, из-за которого он хлопчет, что всё накопленное им достанется в жалованье первому дураку”.

4

Всем жить на счет казны, [на счет государства] сделать себе доходные места из службы, [Далее начато: а. обратить правительство; б. из государства сделать какую] государство обратить в богадельню, [Далее начато: ведь это судите сами, наконец] долженствующую их всех кормить. Это устремленье всех в ряды чиновников и правителей. [Вместо “Это

устремление ~ правителей”: нельзя же всем обратиться в чиновников и правителей. Ведь это ж, наконец, позвольте] Рассмотрим же, кто же тогда останется в рядах управляемых, и станет ли средств, сил управляемы<м> содер<жать> громаду своих управляющих? [Далее было: И теперь ежеминутно почти старается всякой пробираться в ряды служащих. Об этом следует нам самим подумать, как удержать нам набегии нас самих] Край лишается работающих рук. Земля не возделывается. Россия до сих пор остается [Россия остается до сих пор в дико<м>] в первоначальном пустынном виде. [Далее начато: а. Никаких сил нет человеческих, никакому гению нельзя придумать тут ничего, если мы сами не захотим. Нужна жертва. Нельзя ду<мать>; б. Над строкой карандашом: Разводятся прихотливые люди <?> Торговля, получают <?> планы <?> зарождаются на бумаге] Нет, не возможно [Далее начато: это уженье] обратиться в рыба-рей и удить рыбу. Следует оставить заботу о частной и личной <жизни> и нужно вспомнить о бедной России. [Далее начато: Если мы сами не поднимаем, то никаких сил] Если мы

сами не вспомним, если мы сами дружным усилием не подыдем, то никакие гениальные соображенья свыше, никакие средства и силы [Не дописано.] Нет, следует обратить внимание на то, откуда всему начало зло... Нет, следует, наконец, не шутя подумать о том, как повести [Далее начато: другу<ю>] простую жизнь, которая [Не дописано.] Все видят, даже и слепые, что взятки из желанья жить [Далее начато: по примеру] получше сколько-нибудь сообразно, пользоваться всеми удобствами и просвещенными прихотями нынешних [Не дописано.] Из-за этого и кражи, из этого [Далее начато: и умножение мест будто бы необходи<мых> из этого беспрестанные попытки] и все побуждения установить места, будто бы необходимые, будто обмануть не мудрено. И мне были представлены проекты об установлении новых мест и так была ощутительно показана их необходимость, что и я их утвердил и представил на утверждение, и после уже нескоро увидел, что обманул своего [Над незначеркнутой строкой “увидел ~ своего” надписано: и я употребил во зло доверие] [благодетеля] государя, и я стал обманщиком.

Сколько этаких явлений на всяком шагу.

Нет нельзя. Нужно положить, наконец, это <му> конец, нужно бросить этакую жизнь, пото<му> что, наконец, с кражами и со взятками не могут дойти до того, чтобы исполнять все эти прихоти и условия, положенье света. Ради несчастных своих детей и особенно дочерей и со взятками и с кражами вы теперь едва имеете силы доставить это глупое несчастное воспитанье, которого требуют условия этой глупой жизни, которой никому из нас не хочется бросить.

Прежде всего обращаюсь к богатым и состоятельным. Вам следует <показать> пример. Уничтожьте мебели и все прихоти. Заведите простые, хоть на некоторое время, покуда не поправятся обстоятельства все. Вы будете в барышах; у вас денег останется столько, что вы мог<ли бы> помогать и [помогать и неимущим] благотворить, чего вы теперь, я знаю, не в состоянии, ни доброго дела не можете сделать, потому что всё пошло на себя.

Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на самом парадном гулянье не буду иначе являться, как на извозчике, и жена не наденет другого, кроме самого обыкновенного, [В подлиннике: необыкновенного] и на дочерях моих не будет никогда платья свыше десяти рублей ассигнациями и будет ими носиться до сносу, какие бы ни являлись нов<ые> картинки, хоть бы мода [Далее начато: вышла та<кая>] выворотила всё навыворот. А вам, Петр Николаевич, поручаю завести клуб вовсе другого [клуб совсем другого] рода [Далее начато: Об этом посоветуйтесь] такой, чтобы всем можно было в нем быть не разорившись. Об этом посоветуйтесь с Муразовым. Он найдет честного рестора<тор>а. Стыд, в провинции, [Стыд, из провинции] где припасы продаются на рынок за бесценок, возвели обеды по рублю со стола. [возвели обед, чтобы не свыше рубля ассигнациями] Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда из свежей провизии из этого, что́ под рукой, без выписных приправ. А француза прошу выгнать вон. Это для него еще благоденье: если он пожи-

вет, он дурак [Вместо “Если ~ дурак”: иначе он дурак] обнакру<тится>. Ему никто долгов не заплатит. Сам виноват, брать десятерную цену! Мне нет дела до того, что ему нужно составить капитал, [Далее начато: для] на который можно ему будет потом хорошо в Париже. Он может подкупать полицию..., но, как начальник, я этого не позволю, чтоб это было на счет несчастной невоздержн<ости>. [“чтоб это ~ невоздержн<ости>” вписано.] Да и вообще прошу вас употреб<ить> все силы, чтобы дать возможность всем мастеров<ым> производить работы дешевле. Об этом прошу вас переговорить с Муразовым. Он теперь особенно занят классом мещан и ремесленников, и многих уже образовал. Я уверен, что если только уничтожить кое-какие сборы, [кое-какие непозволенные сборы] которые платят в полицию, то всё будет гораздо <лучше>. Но лучше, если полицейские сами, [а. если все полицейские; б. если сами полицейские] не дожидая<сь>, [Далее начато: прекрат<ят>] ограничат свои поборы, потому что и к ним теперь взываю, как русским <по> сердцу, которым, полагаю-таки, близка [полагаю, сколь-

ко-нибудь близка] Россия. Жертва нужна общая от всех нас, а не от одного кого-либо. [Далее начато: Да притом это] Притом цены и дороговизна неминуемо д<олжны> упасть, стало быть содержание каждого станет дешевле.

Наконец, я умоляю [Наконец, я прошу всех] прекращать все тяжбы между [собою миром] не вмести<ва>ть правительства в ссоры и <1 нрзб.> и не давать пищи ябеде, размножению дел и вместе с ними новых должностей и нов<ых> чиновников, [размножению дел и размножению чиновников] которые, бедные, против воли должны быть чуждыми растениями. Лучше прибегать, по старому русскому обычаю, к простому третейскому суду и, выбрав из себя людей, известных честностью и справедливостью [Вместо “и выбрав ~ справедливостью”: выбравши из себя самых известных честностью и справедливостью людей] предоставить на их суд, как они решат, так тому <и быть>. Во всяком случае даже и тот, кто проиграет, будет в барышах, в сравнении с тем, что он издержит по

судам и всяким мытарс<твам>, которые могут проволочить его [Далее начато: на всю жизнь] до глубокой старости и отравить [Далее начато: на вечно] всю его жизнь. Но я надеюсь, что суд будет безобиден. Если же в затруднительном деле, то я вам советую предоставить на суд [предоставить дело на суд] человека, которого я не назову, но вы его угадаете, чья безукоризненная жизнь и деятельность, полная добрых подвигов, скажет сама. Очень может быть, что мы этим нечувствительно достигнем до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрейшими распоряжениями правительства, то есть до уничтожения всех этих временных комиссий и комитетов, которые мы вся<кими> происками, ссорами постарались обратить в непременные. По крайней мере, это долг наш; мы должны об <этом> все стараться до единого, как сыны земли, как преданные и присягнувшие именем бога служить верно земле. Очень может быть, что и теперь, после твердой нашей решимости, уменьшится количество дел и всяких бумажных производств. Но тем не менее я прошу всех исполнить в точности: в свое

время быть в присутствии и в свое время выходить из присутствия. [Далее начато: Прошу только всех начальников] Только прошу всех правителей канцелярии не заводить [В подлиннике: не заводиться] этого педантства, этого наружного лицемерства, то есть, чтобы каждый казался занимающимся делом. Нет, достаточно, если он присутству<ет>. Нет, если нет дела, он может читать полезную книгу и пусть это будет его ученый кабинет. [читать полезную книгу и обратит свое себе присутствие в ученый кабинет] Пусть хоть здесь прочтутся те книги, которые делают человека степенным, рассудительным, [рассудительным человеком] приготавливают из него будущего государственно<го> мужа и сына земли своей. С завтрашне<го> же дни будет доставлено от меня во все отделения присутствия по экземпляру библ<ии>, по экземпляру русских летописей и [Далее начато: четыре писателя] три-четыре классика, [Далее начато: а. за которыми; б. уже упрочивших за собою славу всемирную как] первых всемирных поэт<ов>, верных летописцев человеческой жизни. Я рад, что имею сделать это пожертво-

ванье от себя насчет некоторых ограничен<ий>. Чувствую, что это важно. В последнее <время> головы всех так выветрились от этих мод<ных> водевилей, от это<го> пустого чте- нья минутных [ежеминутных] романов, из- вращаю<щих> на изнанку жизнь, мысли, мненья и понятия, что, право, [Далее начато: наконец] пора прочесть то, что прежде всего сле<дует>. К стыду, у нас, может быть, едва отыщется чело<век>, который бы прочел библию, тогда как эта книга затем, чтобы читаться вечно, не в каком-либо религиозном отно- шении, нет, из любопыт<ства>, как памятник народа, всех превзошедшего в мудрости, поэ- зии, законодательстве, котор<ую> и неверую- щие, и [Далее начато: защит<ники>] язычни- ки считают высш<им> созданием ума, учите- лем жизни и мудрости. Как же нам [Далее на- чато: хотеть] требовать еще, чтобы из нас вы- ходили мужи, [выходили люди] способные [Далее начато: предаваться] действ<овать> и поступать обдуманно. Как удивляются, что [Далее начато: воспитываются опрометчивые ново<вводители>] беспрестанно выходят ско- роспелки, выскочки, непостоянные, легкие

люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, [Далее было: пылкие разрушатели, бессильные создатели] бессильные владельцы страстей. И вот этаким-то людям начальство и правительство <доверяет>. Где ж их взять лучше? Нет, я обращаюсь к вам. Не о себе пожалею, но пожалею о детях, которых мы бросили в <чужие> руки и которых знать не хотим, тогда как кто лучшим бы мог быть воспитателем сына, как не отец? Да, ничего более, кроме только разумного чтения с [только одного чтения] ними этих книг, [одной из этих книг] образующих [Далее начато: степенных руко<водителей>] уже измлада степенный, сильный характер, познание жизни, познание земли своей. Уже было <бы> в несколько раз полезней всей этой истрачиваемой кучи денег на учителей с ра<з>ными взглядами, разными понятиями<ми>, со всех сторон загружающими до того голову, что он, наконец, не узнает до поздней старости, было ли в нем какое-нибудь собственное мнение или мысль, и готов, как послушная овца, последов<ать> за первым крикуном, за первой необдуманной брошюр<ой>. И будто бы уже

отец, который сам учился и в [Далее начато: корпусе] университет<ете>, не мог сам приготовить своего сына в заведение, когда и программа [Далее начато: и все] напечатана повсюду в известность. Времени нет? Но ведь для карт есть у нас время. Да в два вечера среди своей семьи без книги можно дать <1 нрзб.> всю науку, [можно рассказать всю науку] то есть всё содерж<ание>, в чем она состоит и для чего нам нужна, словом, дать ее почувствовать, так что и жена и дочери выслушают, а в сыне возродится желание и любопытство прочесть и пополнить самому... [Далее начато: Нет, дадим мы все] И ничего собствен<но> кроме собственного удовольствия и собственного на<шего> вразумленья не доставили бы нам такие вечера. [Далее начато: Нет мы все] Страшным оскорбительным упреком и праведным гнев<ом> пораз<ит> [упреком оскорбит нас] нас негодующее потомство, [Далее начато: что мы питомцы века просвещенья] что еще, [Далее начато: дерзали] играя, как игрушкой, святым словом просвещенья, правились швеями, парикмахера<ми>, модами, дерзали поставлять <себя>

выше [простых] мужественных [предков <1 нрзб.>]. Я это говорю потому, что так чувствую и считаю долгом сказать вам всё, что чувствую<ю>. В минуту прощания, которая все-таки торжественна, может быть, увидимся, может быть, и не увидим<ся>, не следует говорить пустых вещей. Может над моими словами и надо мной посмеются, у кого дост<анет> духу посмеяться. Но я знаю, что те, которы<м> дорого счастье земли, которые еще русское во глуб<ине> и не успело выветриться, те согласятся со мной и с тем, что я говорю. Повторяю еще раз: я буду о всех хлопотать и всем до единого буду старать<ся> испросить прощенье, стало быть, я имею некоторое право потребовать от вас взвесить их хорошенько и подумать об это<м>.

КОММЕНТАРИИ

I. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Рукописные

Автограф пяти глав, найденный после смерти Гоголя С. П. Шевыревым, ныне хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (№ 1412).

Отрывки к главе III. 1. Отрывок редакции, предшествующей тексту сохранившейся рукописи (обрывок листа). 2. набросок речи Костанжогло (“Почему нужно хозяйство?..”) (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, №№ 3212/8 и 3222/2).

Наброски к несохранившимся главам: 1. “Вот оно, вот оно, что значит...” (Центральный государственный литературный архив в Москве); 2. “...со всех сторон к концу балу Чагравину...” (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3213/16); 3. “Помещики, они позабыли...” (там же, № 3213/14).

Наброски к заключительной главе: 1. “У

исповеди...”; 2. “Зачем же ты не вспомнил обо мне...”; 3. “Хуже всего то...”; 4. “Всем жить на счет казны...” (там же, №№ 3213/1, 3213/14, 3213/11, 3212/6).

Печатается по автографу. За окончательный текст принят последний слой этой рукописи. (Первоначальный слой и отрывки печатаются в отделе “Другие редакции”.)

II

Единственный дошедший до нас автограф пяти уцелевших глав второго тома “Мертвых душ” представляет собой пять отдельных тетрадей, из которых первые четыре резко отличаются от последней чернилами и бумагой. Эти первые четыре тетради состоят из перегнутых пополам листов плотной, шероховатой, без водяных знаков, белой бумаги, причем каждая тетрадь первоначально состояла из восьми таких вложенных друг в друга листов. Часть их в процессе переработки текста вовсе исчезла, часть заменена новыми листами с исправленным текстом. Всего в четырех тетрадях С. П. Шевыревым занумеровано 100 страниц.

Первая тетрадь (стр. рукописи 1—35) содержит текст первой главы. Первые две страницы представляют собою позднейшую, чем сами тетради, вставку (от слов: “Зачем же изображать” до слов “освещало их венное солнце”), заменившую первоначальный текст этого отрывка. Окончание вставки согласовано с началом смежной третьей страницы, но применительно к ее позднейшей исправленной редакции, а не к первоначальному слою. Точно так же и страницы 7—10 из той же первой тетради, содержащие рассказ о воспитании Тентетникова (от слов: “Учителей у него было немного” до слов “в министры или в государственные люди”), своим началом и концом увязаны только с последним слоем смежных страниц, а с их первоначальным текстом прямой связи не имеют и, следовательно, также представляют собою позднейшую вставку в тетрадь.

Вторая тетрадь, содержащая конец главы первой и всю вторую (стр. рукописи 36—45), тоже состояла первоначально из восьми вло-

женных друг в друга листов, но налицо из них теперь только первые половины согнутых листов (стр. 36–41) и полностью только тот, который когда-то составлял середину — тетради (стр. 42–45); последние же полулисты из тетради вырваны и утрачены. Таким образом, нынешние заключительные слова второй главы: “И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям” — не являются на самом деле заключительными, так как на утраченных дальнейших полулистах тетради, несомненно, имелось продолжение главы.

Третья тетрадь (стр. 46–71), содержащая бóльшую часть главы третьей, из своего первоначального состава утратила три заключительных полулиста, но заменивший их текст от слов “и слова полились” (стр. рукописи 72), в отличие от других вставок, с текстом предшествующим (“желчь в нем закипела”, стр. 71) согласован вполне.

Из первоначального состава тетради четвертой (стр. 72—100), содержащей текст окон-

чания главы третьей и всю четвертую, утрачен лишь один лист, но утрачен целиком, т. е. весь развернутый лист был вынут из расширенной тетради без разрыва на половинки, отчего пробелы оказались в двух разных местах содержащегося в этой тетради текста: в главе третьей, после слов (на стр. рукописи 73, см. выше, стр. 70 и 201): “как лучше приняться” — пробел в две страницы от утраты первого полулиста, а в главе четвертой, после слов (на стр. рукописи 96, см. выше, стр. 94 и 226): “[Всё зависит от посредника. Письмен] говорить с таким человеком” — тоже пробел в две страницы от утраты второго полулиста. Был ли этот лист вынут автором при исправлении текста и заменен другим, впоследствии утраченным, или же этот лист утрачен, независимо от авторской правки, установить нельзя. Следующий за последним пробелом эпизод о Леницыне сохранился в его первоначальной редакции на листе из основного состава тетради (стр. рукописи 99—100) и в новой редакции, представляющей авторскую копию исправленной первоначальной редакции. Лист с новым текстом приложен к рукописи и за-

нумерован Шевыревым как страницы 97–98 той же четвертой тетради.

Три позднейшие вставки (стр. рукописи 1–2, 7—10, 97–98) вполне сходны между собою почерком и чернилами; написаны они на такой же плотной, шероховатой бумаге, как и самые тетради. Можно утверждать, что все эти вставки возникли приблизительно на одном и том же этапе в результате первой переработки ранней редакции дошедшего до нас автографа. Текст тетради четвертой, обрываясь на полуфразе, предполагает непосредственное продолжение в следующей тетради, не сохранившейся.

Пятая тетрадь, как сказано, к четвертой не примыкает вовсе ни по чернилам (в основном тексте), ни по бумаге — тонкой, желтого цвета, с глянцем, — не говоря уже о содержании: содержащаяся в нем глава, условно называемая “заключительной”, с первыми четырьмя разъединена не только пропуском в конце четвертой, но и прямыми тематическими противоречиями. Резко разнится в перво-

начальном тексте пятой тетради и в первоначальном тексте четырех первых тетрадей также почерк.

За вычетом указанных выше трех вставок, в основе всех четырех первых тетрадей лежит один и тот же довольно четкий и тщательный почерк гоголевского беловика; напротив, крупный и небрежный, с частыми пропусками, описками и поправками на ходу письма, почерк в первом слое пятой тетради характерен для гоголевских черновиков более раннего периода.

Первый слой текста первых четырех тетрадей в основном безусловно является белой копией с несохранившейся редакции; вместе с тем это авторская копия: в процессе создания беловика автор вносил в него на ходу поправки. Впоследствии бывший некогда белым текст в четырех первых тетрадях покрыт несколькими слоями заменяющих друг друга приписок. Поверх основного текста различаются последовательно: 1) ранний карандашный слой исправлений, причем некоторые из

них отброшены автором, многие же обведены черными чернилами; 2) слой, вписанный теми же чернилами мелким и четким почерком; 3) исправления карандашом, большинство которых обведено рыжими чернилами; 4) слой, вписанный теми же чернилами; 5) поздний карандашный слой в виде четких и мелких приписок на полях. Хронологическая последовательность исправлений в ряде случаев видна наглядно.

Что касается пятой тетради, то в ней имеется только один слой поправок, вносившихся поверх основного текста, но далеко не везде и не до конца (последние семь страниц их не имеют вовсе), причем все эти новые вставки и приписки сделаны тем же самым четким и мелким почерком, черными чернилами, что и слой исправлений, почти сплошь покрывающий первоначальный текст первых четырех тетрадей. Таким образом, при полной разнохарактерности и разновременности первоначального текста пятой тетради и четырех первых, ранняя правка (черными чернилами) первых четырех тетрадей совпа-

ла по времени с единственной правкой в тетради пятой.

Сохранившаяся рукопись своим внешним видом свидетельствует в общем о пяти этапах работы: 1) первоначальный слой пятой тетради; 2) первоначальный слой четырех первых тетрадей; 3) поправки во всех пяти тетрадях черными чернилами и одновременно вставки, рассмотренные выше; 4) правка рыжими чернилами в первых четырех тетрадях; 5) карандашные записи на полях.

III

Замысел второго тома “Мертвых душ” созрел у Гоголя исподволь, по мере движения работы над первым томом. Так, уже в письме к Жуковскому из Парижа от 12 ноября 1836 г., где речь идет о веселящих самого Гоголя, ежедневно вписываемых им страницах будущей первой части, есть несколько отдаленных намеков и на вторую, хотя бы только в отношении предполагаемого размера поэмы: “Огромно велико мое творение и не скоро конец его...” и т. д. Такое признание, при всей его туманности, едва ли предполагает только

первую часть. Что поэма должна быть “длинной”, “в несколько томов”, сказано еще раз в письме от 28 ноября 1836 г. к М. П. Погодину.

Более ясные очертания приобрел замысел второй части значительно позже, в период завершительной работы над первой частью. Извещая С. Т. Аксакова о приготовлении первого тома “к совершенной очистке”, Гоголь 28 декабря 1840 г. писал ему из Рима: “Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, не многие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначущий сюжет, которого первые невинные и скромные главы Вы уже знаете”. В одновременно отправленном письме к М. П. Погодину (тоже от 28 декабря 1840 г.) к тому, что сказано Аксакову, добавлено: “занимаюсь... даже продолжением “Мертвых душ””, т. е. будто бы прямой работой над второй частью. Достоверность этого признания, однако, сомнительна,

как показано будет ниже.

Как бы то ни было, чем ближе к завершению труд Гоголя над первой частью, тем чаще, подробнее и увереннее говорит он в своих письмах к друзьям о предполагаемой второй. В письме к П. А. Плетневу из Москвы от 17 марта 1842 г., среди деловых запросов о судьбе долго не пропускавшейся цензурой рукописи, читаем несколько многозначительных слов о предстоящем продолжении: “Ничем другим не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствованию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится”.

Эта мысль повторяется почти дословно несколько месяцев спустя, при отсылке уже вышедшей первой части, в письмах к Данилевскому и к Жуковскому. Последнему Гоголь писал 26 июня 1842 г.: “Это первая часть... Я

переделал ее много с того времени, как читал Вам первые главы, но всё, однако же, не могу не видеть ее малозначительности, в сравнении с другими, имеющими последовать ей, частями. Она, в отношении к ним, всё мне кажется похожею на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах”.

Эти и подобные им авторские признания Гоголя в момент выхода первой части поэмы, т. е. в период необычайного внимания к Гоголю со стороны всего русского общества, повели к тому, что распространился слух о скором появлении второй части. “Нам уже почти несомненно известно теперь, — передавал много лет спустя Анненков отголоски этого слуха, — что вторая часть в первоначальном очерке была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)”. [П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 140–141.] “Но все ждут второго тома, — вскоре после выхода

первого, 2 января 1843 г., писал Н. М. Языкову Сербеев, — друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говоря: посмотрим, как-то он тут вывернется”. [В. И. Шенрок. “Материалы для биографии Гоголя”, IV, стр. 104.] Прямых свидетельств самого Гоголя ни о замысле, ни о писательской работе над замыслом за 1840–1842 гг. нет ни одного, кроме приведенной обмолвки в письме к Погодину, которую тот воспользовался по-своему: он анонсировал в “Москвитяине” скорое появление в печати продолжения “Мертвых душ”. [Во 2-м выпуске “Москвитянина” за 1841 г., в отделе “Литературные новости” (стр. 616) читаем: “Гоголь написал уже два тома своего романа “Мертвые души”. Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году”.] Гоголь, забыв, конечно, что сам этому анонсу дал повод, прямо заявил потом, в письме к Шевыреву от 28 февраля 1843 г.: “никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в “Москвитяине” извещение, что два тома уже написаны..., тогда не была даже

кончена первая часть”.

Было ли хоть что-нибудь из второй части написано в годы, предшествовавшие выходу первой части, уясняется, кроме того, из текста этой последней. Лирические упоминания о будущем продолжении поэмы начинаются в первой части, как известно, с VII главы, встречаясь затем также в главе XI.

Но и в VII и в XI главах они появились не сразу. В рукописи первой части “Мертвых душ”, создававшейся весной и летом 1841 г. (РК), в лирическом вступлении к VII главе на продолжение поэмы нет даже намека. Нет его и в первой копии с названной рукописи, снятой Гоголем тотчас по приезде в Москву, в октябре 1841 г. (РП). И только в дополнительных приписках к РП, перед снятием новой копии для цензуры (РЦ), впервые появляется знаменитое авторское признание о второй части поэмы: “И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями” в ожидании, “когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подыметя” из его

“главы”.

То же можно сказать об авторских признаниях по поводу продолжения поэмы, выраженные в главе XI. В РК нет ни отрывка: “Но... может быть в сей же самой повести почувются иные, еще доселе небранные струны”, ни отрывка: “как предстанут колоссальные образы, как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт”, ни, наконец, третьего отрывка: “И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть его влекущая уже не от него”. Там всё ограничивается заявлением (как в окончательной редакции): “две части еще впереди — это не безделица!” — и обещанием более “широкого”, чем в первой части, “течения” рассказа. Уточнения же в перечисленных отрывках: “предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божественными доблестями, или чудная русская девица”, повесть “примет величавое лирическое течение” и другие вносятся только при работе над двумя последними рукописями (РП и РЦ), т. е. впервые вводятся в текст поэмы всё в тот же, московский

период, в октябре—декабре 1841 г.

Сам Гоголь вспоминал позже именно свой переезд из Рима в Москву как тот период, когда “внутри” него случилось “что-то особенное”, что “произвело значительный переворот в деле творчества” и отчего “сочинение... может произойти слишком значительным”. [Письмо к М. П. Погодину от 8 июля 1847 г.] В самом деле, в промежуток времени от отъезда Гоголя из Рима (август 1841 г.) до прибытия его в Москву (18 октября 1841 г.) мысль о второй части “Мертвых душ” претерпела, как видно, крупную перемену: из безотчетно-расплывчатой она становится конкретной, как художественный замысел в точном смысле этого слова. Только теперь в нем выступили присущие ему персонажи (“муж, одаренный доблестями” и “чудная русская девица”), только теперь наметилась тема нравственного обновления “низких” героев, в первую очередь Чичикова, а потом и других. [“Воззови, — обращается Гоголь к Языкову в статье “Предметы для лирического поэта в нынешнее время” (в “Выбранных местах из переписки с друзьями-

ми”)), — в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку... О, если б ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертвых душ”!]”]

Этим, однако, внимание Гоголя к новому замыслу в тот период и ограничилось. Погруженный в завершительную работу над первым томом, Гоголь видит пока и очертания второго лишь в неразрывной связи с первым, высказывая это в лирических отступлениях. О том же говорит лаконическая запись в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг., которую он начал заполнять как раз в интересующий нас период, при отъезде в сентябре 1841 г., вместе с П. М. Языковым, из Германии в Россию. Внесенная сюда в указанный момент запись: “Развить статью о воспитании во 2-й части” — предусматривает, кроме впервые тут зафиксированного эпизода второй части о воспитании Тентетникова, также и сходный эпизод, главы XI первой части о воспитании Чичикова. Отмеченное еще В. И. Шенроком сходство второго из учителей Тентетнико-

ва — Федора Ивановича — с таким же, как он, “любителем порядка”, учителем Чичикова, разъясняет смысл приведенной записи, как авторского задания: перенести из только что законченной перед тем последней главы первой части тему о воспитании, расширив ее (отсюда выражение “развить”), в задуманную вторую часть. Не столько, значит, эта последняя сама по себе, сколько опять всё та же первая часть интересовала Гоголя и в момент занесения записи в карманную книжку. Вопреки мнению Н. С. Тихонравова, относившего к 1841–1842 гг. все пять уцелевших тетрадей второй части поэмы (см. 10-е изд., III, стр. 586–598) к этим годам, вплоть до обратного отъезда Гоголя за границу после выигранной им тяжбы с цензурой о первом томе, нельзя относить не только появление уцелевшего беловика, но и какую бы то ни было планомерную работу над вторым томом.

Не сразу приступил Гоголь к работе и после выхода первого тома. Остаток 1842 г. весь ушел на пересмотр и исправления старых произведений (“Тараса Бульбы”, “Вия”, “Ревизи-

зора”) перед сдачей их в печать для первого “Собрания сочинений”. Медлил Гоголь с продолжением “Мертвых душ” и умышленно, желая извлечь побольше для себя пользы из разноречивых отзывов критики о вышедшем первом томе. Даже год спустя после выхода первого тома на нетерпеливые вопросы московских друзей, скоро ли новый труд будет окончен, Гоголь отвечал: “Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей, я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений”. [Письмо к С. П. Шевыреву от 28 февраля 1843 г.] Замысел всё еще, как видно, оставался замыслом. 28 марта 1843 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому, мечтая поселиться с ним в Дюссельдорфе: “Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой — вы “Одиссеей”, а я “Мертвыми душами””. А спустя два месяца, 18 мая он сообщал Н. Н. Шереметевой о предстоящей ему вскоре усиленной работе. Однако из письма к С. Т. Аксакову от 24 июля видно, что к работе Гоголь, еще не

приступал: “Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового, — писал он. — Но увы! ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову”. Встретившись в Дюссельдорфе с Жуковским в августе, Гоголь остается там до ноября и только тут наконец приступает к работе. По его отъезде оттуда (в ноябре) в Ниццу Жуковский извещал Шереметеву 6/18 ноября: “Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу и думаю, что много напишет в Ницце”. [См. соч. Жуковского, изд. 7, т. VI, стр. 504.] Начатый, наконец, труд действительно не прерывался и в Ницце. 2 декабря Гоголь, писал оттуда Жуковскому: “Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание “Мертвых душ””. Это набрасывание на бумагу “хаоса” было, конечно, всё тем же начальным фазисом работы. Не умея согласовать этот бесспорно напрашивающийся вывод с прочно укоренившимся у современников Гоголя убеждением, будто вторая часть поэмы начата еще в 1841 г., мемуаристы (Ан-

ненков), а по их следам и исследователи (Тихонравов) примирили это противоречие как могли: легендой о трех (вместо двух) сожжениях поэмы, приурочив самое раннее к 1843 г. [П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 144–145.]

Месяц спустя (8 января 1844 г.) Гоголь опять пишет Жуковскому: “Я, по мере сил, продолжаю работать..., хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось”. В июле он отвечает на запросы Языкова: “Ты спрашиваешь, пишутся ли “Мертвые души”? И пишутся, и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел”. [Письмо к Н. М. Языкову от 14 июля 1844 г.] Однако Гоголь не теряет еще надежды на успех дела: в письме к Жуковскому от 1 сентября выражается намерение “засесть во Франкфурте солидным образом за работу”. Поселившись во Франкфурте осенью 1844 г., Гоголь трудился там над “Мертвыми душами” до середины января следующего, 1845 г. Отлучившись на месяц в Париж, где работа сразу пресеклась, Гоголь в марте возвращается во

Франкфурт, где тоже, однако, из-за быстро ухудшавшегося здоровья работа сколько-нибудь успешно уже не шла. “Занятия не идут никакие, — пишет Гоголь оттуда Языкову 15 марта. — Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние”. В письме к Смирновой от 2 апреля делается еще более горестное признание: “Я мучил себя, насилывал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие свое, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно”. При таком положении дела возврат на родину представлялся Гоголю невозможным: “приезд мой мне был бы не в радость: один упрек только себе видел бы я на всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками”. Те же жалобы на упадок творческих сил слышатся и в дальнейших письмах 1845 г., приближая нас шаг за шагом к первой из двух действительных катастроф в судьбе гоголевской поэмы.

Ее сожжение, возвещенное потом самим Гоголем в статье “Четыре письма к разным

лицам по поводу “Мертвых душ”” (“Выбранные места из переписки с друзьями”), а также разъясненное им вторично в “Авторской исповеди”, справедливо приурочивается (Тихо-нравовым и другими) к июлю 1845 г., к одному из самых острых пароксизмов тогдашней болезни Гоголя. В письме к Смирновой от 25 июля он говорит о продолжении “Мертвых душ” уже в прошедшем времени, как о чем-то решительно не удавшемся и оставленном.

Сожжение в 1845 г. того, что было написано за два предшествующих года, завершает первый период творческой истории второй части поэмы, естественно возбуждая вопрос: что же именно сжег тогда Гоголь и в каком отношении к этой первой сожженной редакции стоят дошедшие до нас тексты? За ответом следует прежде всего обратиться к пятой из уцелевших тетрадей в основной ее части (т. е. без позднейших приписок).

Сохранившийся от раннего этапа работы Гоголя текст пятой тетради тесно связан по содержанию с первой из пяти карманных за-

писных книжек Гоголя. Ее заключительные заметки, озаглавленные “Дела, предстоящ<ие> губерна<тору>”, “Места, не подведомственные губернатору, но на которые он может иметь влияние”, “Откупа”, “Взятки прокурора”, “Взятки губернатора”, “Маски, надеваемые губернаторами” и, наконец, “Чем губернатор стеснен при генерал<-губернаторе>”, — не оставляют сомнения в том, что они вписывались Гоголем с прямым расчетом положить их потом в основу главы, дошедшей до нас в пятой тетради и возникшей, следовательно, позже, чем эти заготовленные для нее заметки. Но заметки внесены в записную книжку летом 1844 г., со слов графа А. П. Толстого. Следовательно, не раньше лета 1844 г. могла быть написана и глава, содержащаяся в пятой тетради. С другой стороны, не могла она быть написана и много позже. Тихонравов в свое время отметил теснейшую связь этой главы с некоторыми статьями “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Связь эта, действительно, такова, что не оставляет сомнения в использовании Гоголем одного своего труда для другого. В статье XIV “О театре, об одно-

стороннем взгляде на театр и вообще об односторонности” имеется очень близкий к рассматриваемой главе выпад против бюрократической системы, с бесчисленными секретарями, этой “незримой молью, подтачивающей все должности, сбивающей и спутывающей отношения подчиненных к начальникам и, обратно, начальников к подчиненным” (ср. в главе из пятой тетради последствия канцелярской волокиты). Попутно сделана прямая ссылка на те самые беседы о государственных должностях с графом Толстым, которые внесены, как сказано, в записную книжку в качестве материала для “Мертвых душ”: “Мы с вами еще не так давно рассуждали о всех должностях, какие ни есть в нашем государстве”, — обращается к тому же Толстому (письмо “О театре...” адресовано ему) в этой статье Гоголь. Столь же близки к этой главе рассеянные в статье упреки Толстому в односторонности: “Хорошо, что покуда вы вне всякой должности, и вам не вверено никакого управления, иначе вы, которого я знаю, как неиспособнейшего к отправлению самых трудных и сложных должностей,

могли бы наделать больше зла и беспорядков, нежели самый неспособный из неспособнейших... Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя”. Генерал-губернатор из рассматриваемой главы, в отброшенном варианте названный не князем просто, а князем Однозоровым, как раз и восстанавливает против себя всех подчиненных своей чрезмерной прямолинейностью. Еще большая близость к князю и Муразову в наставлениях тому же графу Толстому из статьи XX: “Нужно проездиться по России”. В дидактической форме здесь намечен тот же образцовый администратор, набравшийся “прямых и положительных сведений о делах, внутри происходящих”, каким в рассматриваемой главе выставлен другой своей стороной всё тот же князь. Превозносимое в письме к Толстому его “умение выбрать самих чиновников”, рвущихся “изо всех сил”, так что “один записался до того, что нажил чахотку и умер”, перекликается с тем местом главы, где с портфелем в руках появляется чиновник при князе для особых поручений, на лице ко-

того выражались “забота и труд”. Призыв в письме к Толстому, при вступлении на должность губернатора, ближе знакомиться с “всяким сословием” через тех, “которые составляют соль каждого города”, с точностью отражает взаимоотношения князя с Муразовым; самоутешение взяточника в письме: “взятку я беру только с богатого”, есть буквальное повторение слов, сказанных Чичиковым в разговоре с Муразовым; самый, наконец, призыв “проездитья по России” есть только парафраз такого же совета Хлобуеву. Не менее близка к рассматриваемой главе третья статья из “Выбранных мест”, озаглавленная: “Занимающему важное место”, и обращенная к тому же Толстому. В этой статье особое внимание уделено должности генерал-губернатора; в заключительной главе в этой роли выступает князь, который так же точно призван упорядочить расшатанный лихоимством “организм губернии”, как и в статье.

Из этих сближений можно сделать вывод, что отдельные статьи “Выбранных мест”, высланные, начиная с 30 июня 1846 г., для

печати Плетневу, вырабатывались в тот самый год, который отделяет приведенную дату от даты уничтожения рукописи “Мертвых душ” и в течение которого если и была сделана попытка вернуться к “Мертвым душам” (см. ниже), то не ей, во всяком случае, обязана своим возникновением глава из пятой тетради. Эта глава, как увидим, предполагает наличие многих других глав, т. е. является завершением работы за гораздо более длительный период. Следовательно, об одновременном возникновении этой главы и “писем” к Толстому из “Выбранных мест” говорить не приходится. Нельзя, с другой стороны, допустить, чтоб эта глава возникла позже. Тематическую связь главы из пятой тетради со статьями “Выбранных мест” можно поэтому объяснить только обратным заимствованием материала в эти статьи из написанной уже к тому времени рассматриваемой главы. Эта глава, следовательно, возникла в период между пребыванием Гоголя вместе с Толстым в Бадене — летом 1844 г. — и прекращением работы над “Мертвыми душами” летом 1845 г., т. е. в тот самый франкфуртский период работы над

второй частью поэмы (сентябрь 1844 г. — 15 января 1845 г.), который, как уже установлено, не был совершенно бесплоден. От сожжения эту главу, кроме простой случайности, могла уберечь как раз ее близость к задумывавшемуся тогда циклу дидактических писем: Гоголь мог ее пощадить как пригодный для нового замысла материал.

Признав главу из пятой тетради уцелевшим от сожжения фрагментом первой редакции, можно попытаться хотя бы в общих чертах восстановить на основании ее и остальные главы этой редакции, подвергшиеся сожжению. Текст уцелевшей главы обрывается на полуфразе, и лист остался недописанным. Следовательно, можно думать, что сгоревшая редакция доведена была не дальше, чем эта глава. Ряд признаков подтверждает предположение, что этой как раз главой должна была тогда (в 1845 г.) оканчиваться вторая часть “Мертвых душ”.

Бросается в глаза строго выдержанный на протяжении всей этой главы тематический

параллелизм с последней, XI главой первого тома. С первых уже слов уцелевшая от сожжения глава лишь варьирует те подробности биографии Чичикова, которые хорошо знакомы из указанной главы первой части: связи с пограничными контрабандистами, пристрастие к голландскому полотну, к мылу, сообщающему гладкость коже, и к сукнам “с искрой”; поговорку Чичикова из главы XI о журавле и синице повторяет в уцелевшей главе второй части поучающий Чичикова юрисконсульт. Служебная невзгода, постигшая Чичикова в главе XI от строгого начальника, “гонителя неправды” и “человека военного”, является точно таким же тематическим прототипом для центрального эпизода рассматриваемой главы с арестом и высылкой Чичикова по распоряжению генерал-губернатора.

“Ваше сиятельство”, вскрикнул Чичиков: “умилосердитесь. Вы отец семейства. Не меня пощадите, старуха мать”. — “Врешь”, вскрикнул гневно князь. “Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матерью”. Эта реплика

князя из уцелевшей главы ранней редакции второй части прямо отсылает читателя к указанному эпизоду главы XI первой части: “Всё, что мог сделать умный секретарь, было уничтожение запачканного послужного списка, и на то уже он подвинул начальника не иначе, как состраданием, изобразив ему в живых красках трогательную судьбу несчастного семейства Чичикова, которого, к счастью, у него не было”. Это сопоставление как будто позволяет в князе из уцелевшей главы и в “тонителе неправды” из главы XI видеть одно и то же лицо. К образам главы XI прибегает Гоголь и для центрального события новой главы-того самого перерождения Чичикова, о котором возвещало одно из лирических отступлений первого тома. В заключительной главе второго тома читаем: “Чичиков задумался. Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, неизвестные чувства, ему необъяснимые, пришли к нему... Как будто то, что было подавлено суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотело вырваться на волю”. Ср. в главе XI первой ча-

сти: “Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко”. Наконец, одинаково отъездом Чичикова из потрясенного его приключениями города — там NN, тут Тьфуславля — заканчивается рассказ собственно о приключениях. Параллели эти позволяют предположить стремление к симметрии заключительных глав каждой части поэмы.

Располагая заключительной главой, уцелевшей от сожженной в 1845 г. первой редакции, можно кое-что усмотреть из нее и относительно содержания предшествующих, не уцелевших глав этой редакции. Прежде всего видно, что глава I в редакции 1843–1845 гг. существенно отличалась от ныне известной. Как установлено еще Тихонравовым, осужденный в уцелевшей главе Дерпенников, за которого Муразов заступает перед князем, — прообраз нынешнего героя первой главы, замешанного в деле “филантропического общества” Тентетникова. Но реплика Муразова о Дерпенникове обнаруживает решитель-

ное несходство ряда подробностей в несохранившемся эпизоде из жизни Дерпенникова и в сохранившемся — из жизни Тентетникова. Муразов говорит о Дерпенникове в сохранившейся главе: “справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а ведь преступления их не равны”. Степень замешанности ленивого Тентетникова в дело о “филантропическом обществе” гораздо меньшая, чем у “обольщенного и сманенного” Дерпенникова; кара, постигшая, как видно, Дерпенникова одновременно с остальными участниками противоправительственного общества, Тентетникова в тот момент минует, но возможность ее продолжает тревожить Тентетникова много позже, во время проживания уже в деревне, когда приехавший к нему Чичиков принят им за жандарма. То, что отнесено в сохранившейся первой главе на задний план, в предисторию героя, в первоначальной редакции этой главы, видимо, занимало

одно из главных мест. В соответствии с этим герой первой главы в редакции 1843–1845 гг. оставался до конца второй части “юношей”, тогда как заменивший его позже Тентетников сразу выставлен в возрасте 32–33 лет.

В первой главе несохранившейся ранней редакции Дерпенникову, вероятно, была посвящена особая “статья о воспитании”, “развить” которую во второй части предписывала еще заметка в записной книжке 1841 г. Из той же записной книжки в главу о Дерпенникове могли уже перейти некоторые подробности деревенского времяпрепровождения, тоже сохранившиеся позже в применении к Тентетникову, как-то: изгнание приказчика “со всеми качествами дрянного приказчика”, перечень которых в точности совпадает с заметкой записной книжки “Приметы дурного управителя”; хозяйственные неудачи, всё описание которых в сохранившийся текст первой главы попало из той же записной книжки; [“У мужиков давно уже колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку,

пятка колоса еще не завязывалась” — ср. записи: “Рожь, ячмень, пшеница колосятся — когда из трубки показывается колос”; “Просо не колосится, а кистится”; “Хлеб пошел в трубку — когда является колосовая трубка”; “Завязалась пяточка — сначала образуется род молочка, когда снизу шелуха начинает затвердевать” [разглядывание на речной отмели мартына, изображенного в точном согласии с заметкой записной книжки; ссора с Вишнепокровым, который, с одной стороны, в качестве уже хорошо известного читателю персонажа выступает в уцелевшей главе ранней редакции, а с другой, по замысловатому своему имени, восходит к заметке всё той же записной книжки (о цвете голубей): “Вишнепокромый с каймой на крыльях вишне<ого> цвета”. Кроме того, в первой главе редакции 1843–1845 гг. могли быть приданы Вишнепокрову, тоже оттесненному в дошедшей до нас редакции этой главы на задний план, и некоторые дополнительные черты, как, например, качества псового охотника, несомненно подразумеваемые в нем в уцелевшей последней главе, в его реплике на

слова Муразова о дожде: “Очень, очень бы нужно... даже и для охоты хорошо” Целый раздел записной книжки посвящен как раз терминам псовой охоты. Деревенский кабак, “которому имя было Акулька”, мог носить это название уже в сожженном рассказе о Дерпенникове: записная книжка в числе нескольких названий кабаков содержит и близкое к “Акульке” название “Агашка”. Мог быть намечен, наконец, так трудно давшийся позже Гоголю волжский пейзаж: среди сведений, переданных Гоголю П. М. Языковым о Поволжье и занесенных Гоголем в записную книжку, есть описание тех самых растительных и геологических пород (песчаника и известняка) с Жигулевских гор, которые придали потом свой колорит доминирующему во второй части речному пейзажу.

Что составляло содержание главы II в редакции 1843–1845 гг., судить трудно. Возможно, что эпизод с генералом Бетрищевым в той редакции еще отсутствовал: в уцелевшей главе это имя не упомянуто ни разу, хотя поводов для упоминаний было не меньше, чем в

нынешних главах III и IV, где для придания себе весу Чичиков не раз упоминает генерала — “близкого приятеля и, можно сказать, благотворителя”. Нет для этого персонажа никаких заготовок и в записной книжке.

Глава III, напротив, со своей известной нам ныне тематикой, несомненно присутствовала уже в редакции 1843–1845 гг. Эпизод о Петухе близко соответствуют многочисленные заметки в записной книжке, о рыбной ловле и кушаньях, так что даже понимание отдельных мест этой главы без справки там дается не сразу. Например, сцена заказа перед сном завтрашнего обеда, с кулебякой на главном месте, понятна, в качестве завершающего весь эпизод штриха, лишь при учете, что речь идет о кулинарном применении пойманного в начале эпизода “чудовища” (осетра): особая заметка записной книжки разъясняет как раз, что кулебяка готовится из осетра. Эпизод о Костанжогло прямо упоминается в размышлениях посаженного под арест Чичикова в уцелевшей главе: ““Сделаюсь помещиком, потому что тут

можно сделать много хорошего”. И в мыслях его пробудились те чувства, которые овладели им, когда он был у Гоброжогло, и милая, при греющем свете вечернем умная беседа хозяина о том, как плодотворно и полезно заняться помещьем”.

Сложней вопрос, как выглядела в редакции 1843–1845 гг. нынешняя глава IV. Прежде всего, уцелевшая глава вовсе не предполагает центральной темы нынешней главы IV — покупки Чичиковым имения Хлобуева; их деловые взаимоотношения в уцелевшей последней главе ограничиваются только разделом наследства после умершей старухи Ханасаровой; и мошенничество в отношении Хлобуева со стороны Чичикова и некоторое поправление собственных дел Хлобуева одинаково возвращаются тут не вокруг купли-продажи (как следовало бы на основании нынешней главы IV), а вокруг полученного по подложному завещанию наследства. “Скажите, пожалуйста, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше?” спрашивает Хлобуева Муразов. “После тетушки все-таки вам досталось кое-

что”. Но, согласно нынешней главе IV, дела Хлобуева начинают поправляться после получения им задатка от Чичикова, о чем в эпилоге, однако, не сказано ни слова. Не стал еще в уцелевшей последней главе помещиком и сам Чичиков; его согласие с пожеланием Муразова: “нужно бы дождичка для посева” — сопровождается оговоркой: “сказал Чичиков, которому совсем не нужно было дождика”, что идет в разрез с его сельскохозяйственными планами в нынешней главе IV. Покупка именья — еще только в проекте и при обдумывании Чичиковым своей будущей жизни во время сидения в остроге (“Это я заложу, заложу с тем, чтобы купить на деньги поместье. Сделаюсь помещиком”). Содержание нынешней главы IV никак не входило, следовательно, в редакцию 1843–1845 гг. И поездка Чичикова, Платонова и Костанжогло к Хлобуеву, и осмотр владений Хлобуева, и признания Хлобуева Платонову о себе самом — всё это мотивировано в ней теперь той самой покупкой, которой уцелевшая заключительная глава не знает. Больше того: диалог Хлобуева и Платонова из нынешней главы IV явно повторяет в

ряде мест диалог Хлобуева и Муразова в уцелевшей заключительной главе и, следовательно, возник лишь после отказа Гоголя от этой последней (об этом см. ниже). Сближение Чичикова и Хлобуева достигалось, следовательно, в первой редакции посредством какой-то иной, чем в нынешней главе IV, фабулы: завязкой эпизода служило, надо думать, получение наследства. Эпизод о старухе Ханасаровой был, вероятно, в редакции 1843–1845 гг. разработан широко и детально. На это указывает ряд отголосков данного эпизода в уцелевшей последней главе: обнаружение учиненного Чичиковым при вводе наследников во владение подлога, заинтересованность в наследстве не только Хлобуева, но и Тьфуславльского губернатора Леницына (названного здесь Алексеем Ивановичем, а не Федором Федоровичем, как в нынешних главах I и IV), сватовство “чиновных лиц” за Марью Еремеевну (ближе нам не известную, но предполагающуюся известной) и пр. Утраченный эпизод, замененный потом (или дополненный) нынешней главой IV, содержал, следовательно, и рассказ о самом подлоге, и

иное, чем в нынешней главе IV, вступление в рассказ Хлобуева и Леницына, и, наконец, эпизодический персонаж, Марью Еремеевну — вероятно, одну из упоминаемых Леницыным воспитанниц старухи, вокруг которой загорается ссора жадных до ее приданого “женехов”. Входило, может быть, в утраченный эпизод и волокитство Чичикова за “плясуньей”, упоминание о которой в последней главе тоже как будто предполагает что-то уже известное из предшествующего содержания поэмы: “и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которую он волочился”. Входил, наконец, в одну из следующих глав первой редакции рассказ про Вороного-Дрянного: его упоминает в последней главе Муразов.

Что дальше следовало в сожженной редакции 1843–1845 гг., усматривается из слов уцелевшей последней главы о самом Муразове: “повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья”. Эта “уже знако-

мая читателю”, но в уцелевшей главе отсутствующая картина жилища Муразова предполагает особую посвященную ему главу, по образцу глав первой части, большинство которых имеют по собственному герою, а герои (Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин) показаны на фоне собственного жилища. Вместе с Муразовым вступал, очевидно, в рассказ и князь: их диалог в сохранившейся главе предполагает в предыдущих главах поэмы ряд аналогичных диалогов на сходные темы: “Вот вам Чичиков!” говорит вошедшему Муразову князь: “Вы стояли за него и защищали”, — напоминание, выходящее за пределы наличной главы, как и реплика Муразова: “Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить”.

Сожженную в 1845 г. редакцию второго тома Гоголь охарактеризовал (в четвертом письме по поводу “Мертвых Душ” в “Выбранных местах из переписки с друзьями”) как “пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было мно-

го такого, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но, — продолжает он, — как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу... Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбуждает только одну пустую гордость и хвастовство... Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе “Мертвых душ”, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен”. Другими словами, метод статического изображения душевных качеств для героев второго тома, с “характерами значительнее прежних”, оказывался неприменимым; на простых анало-

гиях или антитезах к первому тому второй том построить не удалось: художник с ужасом почувствовал, что “повторяется”. Предстояло поэтому обновить не только бытовой материал, но и приемы изображения. Недаром первая же попытка после выздоровления снова взяться за оставленный труд свелась как раз к разграничению художественных сфер первой и второй части.

16 марта 1846 г. Гоголь писал из Рима Жуковскому о “небесных минутах”, выпавших ему на долю среди страданий болезни, прибавляя: “Мне даже удалось кое-что написать из “Мертвых душ”, которое всё будет вам в скорости прочитано”. По верному предположению Тихонравова, след этого минутного возврата к только что сожженным “Мертвым душам” сохранился в отрывке: “Идея города — возникшая до высшей степени пустота”. В наибольшей своей части касаясь первого тома поэмы, предназначавшегося тогда к переизданию в исправленном виде, отрывок этот, однако, в конце переходит от первой части ко второй: “Весь город со всем вихрем

сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массу... Противоположное ему преобразование во II части, занятой разорванным бездельем”. У Гоголя была мысль о возобновлении работы над обоими томами сразу. “Первая часть мне потребна при писании второй и притом нужно ее самоё значительно выправить”, — говорит Гоголь в том же письме. Однако надежда на выполнимость такого двойного труда быстро сменяется разочарованием. Уже в апреле того же 1846 г. Гоголь признается Шереметевой, что только в дороге попытается “продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу”; но и дорога, в которую он пускается в мае, для “Мертвых душ” не дает на этот раз ничего. Литературные планы Гоголя с “Мертвых душ” целиком переносятся на затеянную в то время публикацию “Переписки”. [См. письма к А. М. Виельгорской от 14 мая, П. А. Плетневу от 4 и 30 июля, 13 августа, 12 и 26 сентября, 3 и 5 октября 1846 г.]

Одновременно автором дается согласие на переиздание первого тома “Мертвых душ” без

исправлений, [См. письмо к С. П. Шевыреву от 26 июля 1846 г.] лишь с присоединением нового предисловия. Оно высылается вместе с письмом к Шевыреву от 26 сентября, и из его содержания видно, как далек стал Гоголь от вернувшихся было к нему на минуту весной надежд. Предисловие содержит обращение к читателям с просьбой о присылке тех бытовых материалов, поисками которых были заполнены для Гоголя следующие годы, когда возврат к художественной работе над второй частью представлялся ему невозможным без предварительного долгого изучения “статистики России”. [См. письма к П. А. Плетневу от 4 декабря 1846 г., С. П. Шевыреву от 8 декабря 1846 г., Н. М. Языкову от 20 января 1847 г., А. О. Смирновой от 22 февраля, Д. К. Малиновскому в марте 1847 г., А. С. Данилевскому от 18 марта, А. О. Россету от 15 апреля 1847 г. и многие другие.] Через все письма 1847 г. настойчиво проходит мысль о необходимости, прежде чем вновь взяться за продолжение поэмы, “озариться полным знанием дела”, “изрядно поумнеть”, достигнуть “безыскусственной простоты, которая должна необходимо при-

сутствовать в других частях “Мертвых душ”, дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой” и т. д. А касаясь попутно своей текущей писательской работы. Гоголь неизменно характеризует ее теперь как еще только предстоящую, как такую, к которой лишь в будущем можно будет “приступить”. [См. письма от 15 апреля к А. О. Россету, от 24 августа к П. А. Плетневу и к С. Т. Аксакову, от 2 декабря к С. П. Шевыреву.] Пока же она сводится к обдумыванию или, в лучшем случае, к набрасыванию вчерне.

Из отдельных писем видно, что именно могло тогда обдумываться и набрасываться. В сыне С. П. Апраксиной, у которой живет в Неаполе Гоголь, его упорно интересуется одна и та же черта: “желанье сильное” “заняться не шутя благоустройством крестьян” своего имения, [Ср. письма к П. А. Плетневу от 3 января 1847 г., к А. М. Виельгорской от 16 марта и к А. П. Толстому от 8 и 21 августа того же года.] т. е. главная черта будущего Тентетникова. Имя “Улинька” впервые, с особым ударением на его русском характере, упоминается Гого-

лем тоже в 1847 г. в письме к супругам Данилевским: “моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит еще приятней” (письмо от 18 марта). Наконец тогда же, среди отыскиваемых материалов по “статистике России”, особо испрашивается “биография хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор”, [Письмо к С. П. Шевыреву от 2 декабря.] т. е. бытовой материал для создания образа генерала Бетрищева. Но из стадии собирания материалов и черновых заготовок весь этот труд в 1847 г. еще не выходит, о чем бесспорно свидетельствует написанное в конце года письмо к Жуковскому — вариант “Авторской исповеди”. Содержащееся тут авторское признание подводит несомненно итог как раз этому переходному периоду в творческой истории второй части: “Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало всё что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предомной выясниться и определиться в такой си-

ле, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров... Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась у меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом ото всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту, — к наблюденью внутреннему над человеком и над душой человеческой... С этих пор, — продолжает Гоголь, — способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы, чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет... Хочу заняться крепко “Мертвыми душами””. Письмо, датированное 29 декабря 1847 г., написано в Неаполе, откуда несколько недель спустя Гоголь отплыл в свое паломничество в Иерусалим. Путешествие закончилось около 20 апреля 1848 г. в

Одессе.

Ни в Одессе, ни потом в родной Васильевке, в мае—июле, к занятиям Гоголь еще не приступает. “Я еще ни за что не принимался, — пишет он из Васильевки Плетневу 7 июня: — Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня, или я всё еще не готов; а между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд, составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время”. [Ср. письма к С. П. Шевыреву от 14 июня, к В. А. Жуковскому от 35 июня и С. Т. Аксакову от 12 июля 1848 г.] Лишь в середине октября обосновавшись в Москве, Гоголь приступает, наконец, к началу работы. Труд над “Мертвыми душами” вступил в новый фазис.

А. М. Виельгорской Гоголь сообщает из Москвы (29 октября) о близости давно ожидаемого момента: “Я еще не тружусь так, как бы хотел... еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует и сердце исполне-

но трепетного ожидания этого желанного времени”. “Принимаюсь серьезно обдумывать тот труд, — пишет он 18 ноября Смирновой, — для которого дал бог средства и силы”. “Соображаю, думаю и обдумываю второй том “Мертвых душ”, — двумя днями позже пишет Гоголь Плетневу. — Прежде чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка”. А в марте 1849 г., подводя небольшой итог сделанному, Гоголь жалуется: “Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновения”. [Письмо к А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г.] Тем не менее, всё же шла; в письме к Плетневу от 3 апреля читаем: “хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо богу и за это”. А в письме к Жуковскому от 14 мая 1849 г. имеются уже первые признаки авторского удовлетворения достигнутым результатом: “Жду нетерпеливо прочесть тебе всё, что среди колебаний и тревог удалось создать”. Жуковский не приехал, однако, ни в Петербург (куда готов был выехать Гоголь), ни в Москву. И первое авторское чтение написанного за ис-

текшую зиму состоялось у Смирновой. Поездка Гоголя к ней в гости в Калугу, описанная в “Воспоминаниях” брата Смирновой, Л. И. Арнольди, падает на конец июня—начало июля 1849 г. Вот что находим у Арнольди о прочитанных тогда Гоголем главах второго тома “Мертвых душ”: “Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома “Мертвых душ” и что всё, им прочитанное, было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию: он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого, в одиннадцать часов утра, на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пядьцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она началась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме

Уленьки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только непрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Эситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом, Уленька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, непрерывно повторял: “полюби нас

беленькими...”. “Черненькими, ваше превосходительство”, перебивал его Чичиков. “Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь полюбит”. Через пять минут он опять ошибался и начинал опять: “полюби нас беленькими”, и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: “полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит”. После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения.

Всё это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу, и говорит, что если всё это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по

правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников тем, что почти против него сидела Уленька, с которою он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними, и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во всё время, покуда блюдо обходило кругом стола, или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко

вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны; важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек в защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне, и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв. Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька?

Она вся впиалась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им. Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание: “Да, сказал он, страшные холода были в 12-м году”. — “Не о холодах тут речь”, заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. — После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решилась говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы

вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастья, оставил на минутку Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило... Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. — В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников — в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве, и все насекомые, и наконец всё то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый. — Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватило дыхание. Гоголь читал превосходно. В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал, и тут же поклялся посвятить всю свою

жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросается к нему на шею и благодарит его. “Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого...” У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: “Я ничего для вас не сделал; это случай, — отвечал он, — я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!” — “Чем, чем? — повторял Тентетников, — скажите скорее, и я всё сделаю”. Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде и о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь 300 душ. “Да за чем же непременно мертвых? — говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего собственно добивается Чичиков. — Я вам на бумаге отдам все мои 300 душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую”. Чичиков остолбенел от удивления. “Как? вы не боитесь сделать это?.. вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?” Но Тентетников не дал ему кончить. “Как? — воскликнул он, — сомневаться в вас,

которому я обязан более чем жизнью!” Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом всё те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностью. Чего лучше? — подумал генерал, — он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома. Вер-

нувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтобы они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску, и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал, с большим вниманием и с видом знатока, осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску.

Вот всё, что читал при мне Гоголь из второго тома “Мертвых душ”. Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав. Она рассказыва-

ла мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и чрез месяц после первого признания они замечают, что эго была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз

еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством...”. [Лев Арнольди. Мое знакомство с Гоголем. “Русский вестник”, 1862, № 1, стр. 74–78.]

Рассказ самой А. О. Смирновой о чтениях в Калуге передан в “Записках” П. А. Кулиша: “Еще до переезда с дачи в город Гоголь предложил А. О. Смирновой прочесть ей несколько глав из второго тома “Мертвых душ” с тем условием, чтоб никого при этом чтении не было и чтоб об этом не было никому ни писано, ни говорено. Он приходил к ней по утрам в 12 часов и читал почти до 2-х. Один раз был допущен к слушанию брат ее, Л. И. Арнольди. То, что читал Гоголь А. О. Смирновой, начиналось не так, как в печати. Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель с первых строк был поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: “Русь! куда несешься ты? дай

ответ!” и пр.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о том, что всё читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брульоне. В нем очень много недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывает генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица — пленный французский капитан Эскадрон и гувернантка англичанка. В дальнейшем развитии поэмы недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имени Чагранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречаются, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б

они ни были, извлекает свои выгоды. Первый том, по словам А. О. Смирновой, совершенно побледнел в ее воображении перед вторым: здесь юмор возведен был в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления? Гоголь отвечал: “Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите, будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор””. [“Записки о жизни Н. В. Гоголя”, т. II, стр. 227.]

След летних чтений 1849 г. остался, кроме приведенных воспоминаний, [Можно еще добавить — Воспоминания кн. Д. А. Оболенского, “Русская старина”, 1873, кн. 12, стр. 941–943.] также в переписке самого Гоголя. В указанном выше письме из Москвы от 29 июля он передает Смирновой поклон от ее нового знакомого: “Кланяется Вам Тентетников”. А Смирнова, отвечая Гоголю из Калуги 1 августа 1849 г., в свою очередь, запрашивает: “Как жаль, что Вы так мало пишете о Тентет-

никове: меня они все очень интересуют, и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Констанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем всё хорошо”. [См. Барсуков. “Жизнь и труды Погодина”, X, 322.]

Чтобы ответить на вопрос, как относится текст, впервые оглашенный в Калуге, к настоящим сейчас пяти тетрадям, надо, прежде всего, учесть систематический и длительный характер этих калужских чтений, продолжавшихся по нескольку часов изо дня в день и охвативших, кроме всего нам известного, также ряд отсутствующих теперь глав. Такого рода чтения могли, конечно, производиться только по беловику. Вернее всего, в Калуге читалась сохранившаяся ранняя редакция, т. е. первоначальный слой четырех первых тетрадей. Ряд признаков, приведенных в мемуарах, действительно ведет нас к этому тексту. Иное начало первой главы, запомнившееся Смирновой и ее брату, легко объясняется тем, что начало рукописи, дошедшее до нас, является новой вставкой, [См. выше описание

рукописи.] первоначальный же текст (первый лист рукописи) утрачен. Отсутствующее ныне продолжение главы второй: обед у Бетрищева, партия в шахматы, возвращение Чичикова к Тентетникову, новый визит Чичикова и Тентетникова вместе к генералу, застольный разговор о 12-м годе, помолвка, сборы Чичикова к генеральским родственникам — тоже несомненно находилось в тетради второй в тех полулистах, которые не сохранились. Именно к первоначальному слою второй и третьей тетради относятся критические замечания Смирновой (в письме от 1 августа). Если сравнить произведенную Гоголем переработку тех мест глав первой и второй, где появляется Уленька, то сразу станет видно, что переработка в целом следовала как раз совету Смирновой: “немного свести с идеала” Уленьку — и, значит, совет относился именно к первой из двух наличных редакций. Еще наглядней отразилось в доступном нам тексте второе замечание Смирновой. Соответствующее место третьей главы в первой из двух наличных редакций как нельзя лучше оправдывает оценку, данную Смирновой жене Костан-

жогло: “она уж слишком жалка”; а в исправленном виде то же место с неменьшей очевидностью отражает на себе самый совет: “дайте работу жене Костанжогло”. [Ср. Вас. Гиппиус. “Гоголь”, 1924, стр. 213—14. Фамилия Костанжогло, упоминаемая Смирновой, в первом слое этих тетрадей еще не встречается: там ей соответствует Скудронжогло. Но в двух-трех местах она там исправлена черными чернилами на Костанжогло, что могло предшествовать чтениям в Калуге.] Не противоречит, наконец, первоначальный текст четырех первых тетрадей и всему тому из приведенных воспоминаний, что приурочено там к несохранившимся главам: эпизод об “эманципированной” красавице в пересказе как Арнольди, так и Смирновой одинаково связан с путешествием Платонова и Чичикова вместе, т. е. с дальнейшим развитием той фабулы, которая намечена уже в наличных главах третьей и четвертой. Эпизод входил, следовательно, в одну из дальнейших глав, после четвертой, обрывающейся, как известно, на полуфразе. След этих изъятых из уцелевшей рукописи глав сохранился не только

в черновом наброске о Чагравине, [Фамилия персонажа — Чагравин, а не Чагранов, как запомнили Смирнова с братом.] но и в ряде заметок в записной книжке, заполнявшейся в значительной своей части как раз в период, предшествовавший поездке в Калугу весной и летом 1849 г. (см. ниже). Заметка, начинающаяся: “Он вспоминал, как гренадер Коренной, когда уже стихнули со всех сторон французы...”, предусматривает, без сомнения, застольную беседу о 12-м годе у генерала Бетрищева. Следующий далее ряд пейзажных заметок, с прямым упоминанием в одной из них Чичикова, точно так же предусматривает, должно быть, описания природы для несохранившихся глав, особенно богатых подобными описаниями, что запомнил Арнольди.

Есть, таким образом, все основания признать, что первоначальный текст сохранившихся первых четырех тетрадей представляет собою уцелевший фрагмент той самой редакции второго тома, которая создана была Гоголем в Москве и впервые была им прочитана летом 1849 г. у Смирновой. Эта редакция

по счету была второй, если считать первой редакцию, сожженную в 1845 г.

На закончившийся калужскими чтениями период 1848–1849 гг. падает, кроме частично уцелевшего первого слоя четырех первых тетрадей, и близкий к ним по почерку и чернилами дефектный отрывок двух мест из главы третьей, несомненно предшествовавший соответствующему тексту тетрадей, так как будущий Костанжогло назван здесь Берданжогло с исправлением на Скудронжогло — фамилию, перешедшую в первый слой третьей тетради. В тот же период 1848–1849 гг. сделан был, как указано, уцелевший набросок о Чагравине и, вероятно, другой, впервые публикуемый набросок: “Вот оно, вот оно, что значит”, в котором можно видеть фрагмент главы о Вороном-Дрянном. Каждому из этих персонажей посвящена была, надо думать, во второй редакции особая глава, как и упоминаемому в письме от 1 августа Муразову. Сверх четырех уцелевших глав, в рукописи, по которой Гоголь читал в Калуге, могло быть, таким образом, еще три главы, а всего

вместе — семь, как запомнил со слов Смирновой Аксаков (Арнольди говорил о 9 главах).

Особой оговорки требует, в связи с новой редакцией, заключительная глава. Ее в этой редакции, в период калужских чтений, по-видимому, не было: князь-губернатор в воспоминаниях Арнольди и в письме Смирновой от 1 августа не упоминается вовсе. Судя же по воспоминаниям, записанным Кулишом, этот персонаж упомянут был тогда Гоголем только как еще проектируемый. К переработке уцелевшего от 1845 г. текста последней главы Гоголь, действительно, приступил лишь позже.

Калужские чтения в июле 1849 г. завершили еще один фазис работы, чтение Аксаковым в августе открывает собою другой. Из воспоминаний С. Т. Аксакова известно, что Гоголь прибыл к ним в тот год в Абрамцево 14 августа, а четыре дня спустя, 18-го вечером, неожиданно для всех присутствовавших состоялось первое чтение.

“Гоголь прочел первую главу второго тома

“Мертвых душ”, — рассказывает Аксаков. — С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью... Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома “Мертвых душ”, которая одна, по его словам, была отделана, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова... На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, но нам помешали говорить о “Мертвых душах”. Он уехал в Москву, и я написал к нему письмо, в котором сделал несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты. Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел и сейчас сказал: “Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, пристрастный ко

мне”.

Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал; после же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. Тут он оказал мне, что он прочел уже несколько глав А. О. Смирновой и С. П. Шевыреву, что сам он увидел, как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы. 6 сентября Гоголь уехал в Москву вместе с Ольгою Семеновною. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы “Мертвых душ” и велел непременно сказать это мне”. [С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1890, стр. 186–188.]

Тут же, в Абрамцеве, в конце августа, а с 6 сентября — в Москве переделка написанного захватила Гоголя. 20 октября он пишет А. М. Виельгорской: “Всё время мое отдано работе, часу нет свободного. Время летит быстро, не приметно... Избегаю встреч даже со знако-

мыми людьми, от страху, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из Дома только для прогулки и возвращаюсь съизнова работать... С удовольствием помышляю, как весело увижусь с Вами, когда кончу свою работу". Менее бодрыми, но всё же категорическими заявлениями о движущейся, хоть и медленно, работе отмечены и дальнейшие письма 1849 г., вплоть до признаний (в конце года) Жуковскому: "Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования" — и 21 января 1850 г. Плетневу: "Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец "Мертвых душ". Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны; собственно написанных две-три и только". Чтобы понять, как случилось, что вместо семи глав, читавшихся летом 1849 г., к январю 1850 г., в результате новой почти полугодовой работы, их оказалось "две-три и только", надо учесть обычный способ художественной работы Гоголя: едва изготовленный беловик всякий раз немедленно начинал у него обрастать приписками, снова превращавшими его мало-помалу в черновик, требу-

ющий новой белой копией. [См. собственные признания об этом Гоголя в передаче Н. В. Берга, “Русская старина”, 1872, т. V, кн. 1, стр. 124–125.] И что именно такой характер носила художественная работа Гоголя во второй половине 1849 г. перед новыми чтениями у Аксаковых, видно из семейной переписки последнего: “Вчера целый вечер провели мы с Гоголем, — 10 января 1850 г. писал старик Аксаков сыну Ивану. — Гоголь был необыкновенно любезен, прост и искренен... говорил о том, как он трудно пишет, как много перемешивает, так что иногда из целой главы не остается ни одного прежнего слова”. [См. Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, под ред. В. В. Гиппиуса, I, 1936, стр. 184.] Вероятно, к этому времени относятся исправления черными чернилами, которые проходят сплошь от страницы к странице и даже от строки к строке, через все четыре тетради, образуя собственно не приписки к старому тексту, а самостоятельный новый текст. Он-то и создавался между сентябрем 1849 г. и январем 1850 г. За этот период, очевидно, были так исправлены “две-три главы”.

В январе 1850 г. Гоголь читал у Аксаковых первые главы в исправленном виде. “В январе 1850 года Гоголь прочел нам в другой раз первую главу “Мертвых душ”, — свидетельствует Аксаков. — Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше я как будто написана вновь”. [С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188; см. также письмо С. Т. Аксакова к сыну от 10 января 1850 г. (“Материалы и исследования”, под ред. В. В. Гиппиуса, I, стр. 184–185).] Очередь была за второй. “Января 19-го, — продолжает Аксаков, — Гоголь прочел нам вторую главу, которая была довольно отделана и не уступала первой в достоинстве”. [С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188.] Гораздо горячее высказался Аксаков, под непосредственным впечатлением от прочитанного, в письме к сыну: “Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Такого высокого искусства показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону нигде нельзя найти, кроме Гомера”. [См. “И. С.

Аксаков в его письмах”, I, 271—13.] Из этого отзыва видно, что в состав главы второй и теперь не могли не входить те патетические страницы (об отечественной войне, о помолвке Уленьки и Тентетникова), которые прочитаны были летом Смирновой и которых в сохранившейся тетради недостает по чисто внешней причине.

Дальнейшая переработка прочитанного летом 1849 г. в Калуге растягивается на всю первую половину 1850 г., до самого отъезда Гоголя из Москвы, в июне, в Васильевку. В письмах за этот период он несколько раз жалуется на “дурно” или “праздно” проведенную зиму, [См. письма к А. С. Данилевскому от 5 июня, к А. С. Стурдзе от 6 июня и др.] но всё же перед отъездом читает Аксаковым еще две выправленные главы — третью и четвертую [См. С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188.] — и вспоминает об этом в письме к гр. А. П. Толстому от 20 августа, как о бесспорном успехе: “Когда я перед отъездом из Москвы прочел некоторым из тех, которым знакомы были, как и Вам, две первые

главы, оказалось, что последующие сильнее первых и жизнь раскрывается чем дале, тем глубже”. Весьма показательно, что к 13 июня, к отъезду из Москвы, Гоголь успел выправить заново, из семи написанных ранее глав, ровно столько, сколько содержит уцелевшая рукопись: четыре главы. Если правильно подметил Д. А. Оболенский, что “рукопись, по которой читал Гоголь, была совершенно набелом самим переписана”, [См. “Русская старина”, 1873, т. VIII, № 12, стр. 952.] то можно предположить, что одновременно с внесением в сохранившиеся четыре тетради первого слоя приписок Гоголь этот новый текст тут же переписывал набело, что подтверждается идущими от Кулиша сведениями о снятии белой копии со страниц рукописи 7—10 с текстом о воспитании Тентетникова. Этим, с другой стороны, может объясняться и отсутствие в уцелевших тетрадях конца главы второй, конца главы четвертой и всех следовавших за ней: эти части рукописи, одни возможно менее остальных пострадавшие от приписок, другие и вовсе пока еще без приписок (далее четвертой главы исправления пока не

шли), Гоголь мог, во избежание лишней работы, присоединить к копии, снятой со всего остального. Остальное же, т. е. наиболее зачерненные приписками части калужской рукописи, и есть известные нам четыре тетради.

Первый слой приписок (черными чернилами), датируемый сентябрем 1849—июнем 1850 г., распространяется, как установлено выше, также на пятую тетрадь, на уцелевший от 1845 г. фрагмент первой редакции. Имея теперь новую редакцию, Гоголь дошел, наконец, и до эпилога. Внесение в первоначальный текст пятой тетради приписок черными чернилами датируется, по наблюдению еще Тихонравова, упоминанием в них сортов сукна: “Здесь сукны зибер, клер и черные”; эти названия вписаны Гоголем в записную книжку и, конечно, лишь отсюда перенесены в текст поэмы. Но запись в этой книжке, по своему положению в ней, датируется не ранее как 1849 г. (см. ниже). Изменения, внесенные в заключительную главу этими приписками 1850 г., рассчитаны на приспособление старо-

го фрагмента последней главы к новому художественному целому: сношения Чичикова с контрабандистами, его визит к подкупному юристу устранены; их место заступила картина ярмарки, заранее намеченная записями карманных записных книжек; устранен и Вишнепокромов, что соответствует лишь беглым упоминаниям этого персонажа в наличных четырех главах и полному умолчанию о нем мемуарных источников (Арнольди, Смирновой). При всем том приписки в пятой тетради не таковы, чтобы можно было признать новый текст сколько-нибудь законченным. Приписками, например, почти не затронута заключительная речь князя. Над последней главой Гоголю предстояло еще трудиться, как, впрочем, и над всей второй частью поэмы.

С переездом на юг, сперва в Васильевку, а потом — в конце октября — в Одессу, труд Гоголя вступает в последний, очень бодрый по началу период: предполагается, что “второй том эту же зиму будет готов”; строится проект прочесть будущим летом Смирновой, Жуков-

скому и Плетневу всё написанное, а в сентябре явиться в Петербург “для напечатания”. [См. Письма к А. О. Смирновой от 20 августа и к П. А. Плетневу от 2 декабря 1850 г.] Возобновившаяся в Одессе работа вполне как будто этот проект оправдывает. “Утро постоянно проходит в занятиях, — пишет Гоголь Смирновой 23 декабря, — не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное создание и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое”. Отсюда можно заключить, что в эту пору Гоголь много внимания уделял деталям. При такой работе над текстом Гоголь и прежде любил пользоваться двумя рукописями сразу. [Цензурная рукопись “Ревизора” в 1835 г. готовилась, например, по двум различным писарским копиям с несохранившегося автографа.] Можно предположить, что и художественная доработка второго тома “Мертвых душ” осуществлялась в этот период тем же приемом. В рукописях Гоголя приписки карандашом вообще играют роль пробной наметки, закрепляемой потом чернилами. Од-

нако последний слой приписок в сохранившейся рукописи второго тома поэмы — главным образом карандашные приписки на полях — никаких признаков обычного закрепления чернилами не имеет. Это дает основание допустить, что карандашная наметка на этот раз не столько была связана с текстом сохранившихся тетрадей, сколько служила наметкой для последующего беловика. С точки зрения художественной выразительности эти наметки имеют неоспоримые преимущества перед предшествующим текстом. Таковы введенные нами в основной текст поправки к вступительному в первой главе пейзажу: их как раз уловил Оболенский [“Хотя в напечатанной первой главе все описательные места прелестны, но я склонен думать, что в окончательной редакции они были еще тщательнее отделаны”. См. “Русская старина”, 1873, т. VIII, № 12, стр. 943–947.] при новом чтении Гоголем этой главы в Москве осенью 1851 г. Таковы же поправки к главе IV: описание владений Костанжогло на пути к Хлобуеву, описание имения самого Хлобуева, размышления Чичикова на пути к Платоновым о сделанной

им покупке.

В новом описания хлобуевского имения есть одна разительная черта: двукратное возвращение читателя, при показе имения, к тому прибрежному ландшафту двух первых глав, на фоне которого развернута там история Тентетникова; на него нет и намек в соответствующих местах не только читанного в Калуге беловика, но и в первом московском слое приписок. Внесенное, следовательно, только в Одессе, новое напоминание о Тентетникове, в далекой от него по собственному содержанию главе IV, могло преследовать особую цель. Главы с возвращением рассказа к Уленьке и Тентетникову калужская редакция 1848–1849 гг., вероятно, не знала. Напротив, новые главы — сверх написанных ранее, — привезенные Гоголем из Одессы в Москву в июле 1851 г., насчитывали в своем составе как раз и такую. Об этой главе со слов Шевырева передает кн. Оболенский: “В то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают

и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом... Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.” [“Русская старина”, 1873, т. VIII, № 12, стр. 943–947 и 952–953.] След этой не уцелевшей главы сохранился, как можно думать, в черновом наброске “Помещики, они позабыли...”. Содержащееся в нем обличительное обращение, в торжественном тоне, к “власти”, от лица обиженного бюрократическими “ограничениями” помещика, едва ли не входило в упоминаемое Оболенским “прощальное слово”. Такое расширение, в одесский период работы, эпизода о Тентетникове нельзя не поставить в связь с официально объявленными в самом конце 1849 г. [В “Русском инвалиде” от 23 декабря 1849 г., № 276.] сведениями о сосланных в Сибирь петрашевцах. Еще с 1845 г. предназначавшаяся для второй части “Мертвых

душ” тема революционно-политического подполья, неизменно связывавшаяся с тех пор (вплоть до калужских чтений) с мало нам известным персонажем по имени Вороной-Дрянной (что одно уже указывает на реакционно-памфлетный характер, приданный первоначально Гоголем этой теме), неожиданно получила теперь остроту злободневности.

На смену или в дополнение к памфлетному эпизоду о Вороном-Дрянном выступает в 1850–1851 гг. патетический эпизод о ссыльном Тентетникове и следующей за ним в Сибирь Уленьке. [Выдвигается предположение, что если верны свидетельства современников об изменениях в идейной направленности сюжетных линий второго тома, то они могли произойти под воздействием зальцбургского письма Белинского; см. статью Н. Л. Степанова “Белинский и Гоголь” — сборник “Белинский — историк и теоретик литературы”, изд. Академии Наук СССР, 1949, М. — Л., стр. 317–318.] Мог входить в этот эпизод и “штабс-капитан Ильин” — персонаж, которо-

го упоминает под впечатлением прочитанных ему Гоголем двух новых глав поэмы Шевырев (в записке от 27 июля 1851 г.), прибавляя: “С нетерпением жду 7 и 8 главы”. [См. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г., стр. 68.] Прочитаны были, следовательно, 5-я и 6-я.

О содержании дальнейших глав есть сведения в передаче духовника Гоголя, М. Константиновского, видевшегося с Гоголем в начале 1852 г. “Дело было так, — говорит Константиновский: — Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было надписано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения... В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В

другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за Переписку с друзьями”. [См. В. Гиппиус. Гоголь, стр. 455.] Намерение изобразить священника известно было также Смирновой (см. выше). Работа над заключительной главой, в период одесский и после Одессы, дошла до нас в нескольких уцелевших черновых набросках (см. выше, стр. 274—80). Три из них (1-й, 2-й и 4-й) сделаны теми же рыжими чернилами, что и второй слой приписок в четырех тетрадях; они повторяют заново наставительную речь князя к чиновникам из заключительной главы первой редакции. Один из ее набросков (2-й) — рядом с предполагаемой речью Тентетникова (см. выше). В другом, самом обширном (№ 4), заметно стремление увязать самую речь с содержанием предшествующих глав.

Кроме перечисленных отрывков и приписок карандашом в четырех тетрадях от одесского периода до нас больше не дошло ниче-

го. Последний текст Гоголя, “переписанный набело его собственною рукою, очень хорошим почерком” (по наблюдению лечившего его доктора), [См. А. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя. 2-е изд., М., 1902, стр. 12.] был сожжен автором в Москве, в доме графа А. П. Толстого, на Никитском бульваре, 11 февраля 1852 г.

Не доведенный до конца десятилетний труд прошел, таким образом, следующие фазы: 1) работа над первой редакцией в 1843–1845 гг., от которой, после сожжения в июле 1845 г., уцелел первоначальный текст пятой тетради; 2) работа в Москве от октября 1848 г. до июня 1849 г., выразившаяся в семи главах, прочитанных в июле Смирновой, и частично представленная первым слоем текста четырех первых тетрадей; 3) работа по выправлению из этих семи глав первых четырех, прочитанных Аксаковым в течение августа 1849 г. — июня 1850 г., — работа, сохранившаяся в виде первого слоя приписок во всех пяти тетрадях; 4) работа над неуцелевшим бেলовиком 1850–1851 гг., отдельные наметки к

которому сохранились как два последних слоя приписок в четырех наличных тетрадах и как черновые фрагменты к заключительной речи князя.

Характер воспроизведения перечисленных текстов вытекает из всего предыдущего.

Воспроизводим последний слой, принимая его за окончательный, т. е. текст, получившийся в результате московских приписок 1849–1850 гг., выправленный сверх того в отдельных случаях по позднейшим припискам одесского периода. В раздел “Другие редакции” отнесен первый слой текста четырех первых глав, как фрагмент редакции 1848–1849 гг. заключительная глава в редакции 1844–1845 гг. а также все перечисленные выше отрывки и наброски.

Варианты к окончательному тексту приводятся в особом разделе “Варианты”. Варианты к первому слою даются в подстрочных сносках к публикации этого слоя. Как в “Варианте”, так и в подстрочных примечаниях к “Дру-

гим редакциям” вариант обыкновенно предшествует тексту, к которому подводится. Если законченному тексту предшествовало несколько предварительных вариантов, они даются в хронологической последовательности по схеме: а — <вариант>; б — <вариант> и т. д. В немногих случаях, когда вариант является наметкой, сделанной уже после принятого законченного текста, он дается по схеме: а — как в тексте; б — <вариант>.

В печати второй том “Мертвых душ” впервые появился в 1855 г. (цензурное разрешение за подписью И. Бессомыкина от 26 июля), в виде дополнения к вышедшему тогда второму собранию сочинений (“Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). Москва. В Университетской типографии, 1855”).

Помещенные в разделе “Другие редакции” отрывки главы III впервые опубликованы: № 1 — в 10-м издании, т. III, стр. 581–583;

№ 2 — в сборнике “Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя”, выпуск третий, под ред. Г. П. Георгиевского, Спб., 1909, стр. 441–442. Из набросков к несохранившимся главам № 1 публикуется впервые, № 2 — впервые опубликован в 10-м издании, т. VII, стр. 896, № 3 — там же, т. VI, стр. 451. “Наброски к заключительной главе” были напечатаны впервые: № 1 — в сборнике “Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя”, вып. третий, стр. 112, № 2 — в 10-м издании, т. VI, стр. 452, №№ 3 и 4 — там же, т. VII, стр. 895 и 446–451.

Текст первого издания представляет собой комбинированный текст первого и последнего слоев сохранившейся рукописи с привнесением в него ряда ошибок, явившихся результатом неправильного чтения С. П. Шевыревым трудно разбираемой рукописи, а в некоторых случаях, быть может, и произвольного редактирования.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Московском Университете и в Институте украинской литературы Академии

наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С. П. Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в распоряжении С. П. Шевырева имелся еще какой-либо, не дошедший до нас первоисточник.

Разночтения, как указано выше, бесспорно объясняются комбинированием слоев рукописи, неправильным прочтением ряда мест, а также типичными ошибками переписчика.

В предисловии Трушковского к первому изданию второго тома сообщалось, что “в августе 1851 г. Гоголь прочел С. П. Шевыреву шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую почти готовую”. Следовательно, С. П. Шевырев мог лучше других знать содержание сожженной рукописи. Ввиду этого имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании:

“Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву”. Эта заметка по содержанию совпадает с рассказом Арнольди. Остальные редакторские примечания не представляют интереса и свидетельствуют о том, что едва ли редактор пользовался другими первоисточниками. Так, в примечании на стр. 123 первого издания отмечен пропуск в разговоре между Костанжогло и Чичиковым. По поводу содержания этой утраченной части разговора редактор мог привести только предположение: “Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупкою имение соседа его, помещика Хлобуева”. Всё это ясно из самого текста и не вно-

сит никакого дополнения. Такого же характера и две другие заметки: “Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну”; “Тут должен быть пропуск”.

IV

Непосредственно связаны со второй частью “Мертвых душ” те записные книжки Гоголя, которые содержат не только материалы к поэме, но также черновые наброски к ней. Таких записных книжек Гоголя дошло до нас две.

Первая записная книжка в отрывках по неполной копии Трушковского опубликована Н. С. Тихонравовым (в ряде случаев с ошибочным прочтением текста) в приложении к журналу “Царь-Колокол” (1892 г., вып. III) и вторично по той же копии в 10 издании (т. VI, стр. 457–496). Полностью по автографу воспроизводится здесь впервые. Эта книжка датирована в 10 издании 1841–1842 годами; в действительности к этим годам относятся лишь первые записи. Гоголь пользовался этой книжкой до середины 1844 г. На начало в ней

записей с 1841 г. прямо указывает первая же из них: упоминаемый тут “Петр Михайлович” — П. М. Языков, брат поэта и спутник Гоголя при его возвращении из-за границы на родину осенью 1841 г. Следующий затем перечень “дел Петра Михайловича”, где между прочим значится: “вымыть коляску, уставить стекла фонарей”, не оставляет сомнения в том, что запись сделана как раз в пути, т. е. в сентябре—октябре 1841 г. Что касается последних в этой книжке заметок, то, начиная с заметки “Дела, предстоящие губернатору” и до конца, они все внесены сюда со слов графа А. П. Толстого, что подтверждается следующим отрывком из обращенного к нему письма Гоголя, служащего, вероятно, наброском статьи “Занимающему важное место” (“Выбранные места из переписки с друзьями”):

“Вас удивляет, почему я с таким старанием стараюсь определить всякую должность в России, почему я хочу узнать, в чем ее существо? Говорю Вам: мне это нужно для моего сочиненья, для этих самых “Мертвых душ”, которые начались мелочами и секретарями

и должны кончить <ся> делами покрупнее и должностями повыше, и это познание точное и верное должностей в том... в каком они должны у нас в России быть. Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды, тем более, <что> характер <ы> и люди в остальных двух частях выходят покрупнее обыкновенных и в значительных должностях. Я Вас очень благодарю, что Вы объяснили должность генерал-губернатора; я только с Ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России”. [См. Сочинения Гоголя, изд. 10, т. VII, стр. 450–451.]

Как раз разъяснению административной роли генерал-губернатора, в отличие от губернатора, посвящены последние заметки первой записной книжки. Да и непосредственно предшествующая им заметка “Сведения о Лыскове” тоже указывает на сношения Гоголя с семьей Толстых: графиня А. Г. Толстая, урожденная княжна Грузинская, была дочерью того самого князя Грузинского, которому когда-то принадлежало Лысково, крупное приволжское село в шестидесяти верстах

от Нижнего-Новгорода. Нетрудно, наконец, определить и время внесения всех этих заметок в книжку. Начало сближения Гоголя с А. П. Толстым падает на май—июнь 1844 г., когда Гоголь писал из Бадена Жуковскому: “Жи-ву порожняком и беседую с одним гр. Толстым”. [Письмо к В. А. Жуковскому от 23 мая 1844 г.] Летние беседы с ним в Бадене Гоголь вспоминал осенью этого года в письме к Н. М. Языкову (от 12 ноября). Из этого письма тоже между прочим видно, что беседы касались административных возможностей губернатора.

Простираясь, таким образом, от сентября 1841 г. до мая—июня 1844 г., заметки первой записной книжки охватывают и время завершения первого тома “Мертвых душ” и начальный период работы над вторым. Главным источником собранных здесь этнографических и статистических материалов послужили устные и письменные сообщения П. М. Языкова, уроженца Симбирской губернии и знатока своего края, этнографа, геолога. В письме к нему от 18 мая 1842 г., перед обратным отъездом за границу, Гоголь спрашива-

ет: “Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок теперь у вас без сомнения понабралось вдоволь. Велите переписать всё, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Николаю Михайловичу; если не поместятся за одним разом, — за двумя”. Характер ожидавшихся Гоголем от П. М. Языкова “заметок” еще точнее определен в письме Н. М. Языкова от 25 марта 1842 г.: “Брат Петр Михайлович обещал прислать Гоголю собрание слов русских, им для него записанных, и описание крестьянских изделий или ремесл, им же составленное. Гоголю то и другое теперь очень нужно”. [См. В. И. Шенрок. Материалы, IV, стр. 179, примечание 3.] Не дошедшая до нас переписка П. М. Языкова с самим Гоголем несомненно и содержала все эти заметки, вносившиеся по мере поступления в записную книжку. Как видно из письма Гоголя к Н. М. Языкову от 2 апреля 1844 г., “драгоценные выписки” П. М. Языкова продолжали пересылаться и в 1844 г.

Материалам первой записной книжки Го-

Гоголь воспользовался для отдельных глав первой части поэмы в период ее окончательной доработки в октябре—декабре 1841 г.: для гл. IV — заметки, касающиеся псовой охоты (нач. “Густопсовые. Чистопсовые” и выражения: “скалдырник”, “Софрон” — они вошли в речь Ноздрева; для гл. V — имя “Милушкин” (из раздела “Мужички”), перешедшее в перечень проданных Собакевичем “душ” (“Милушкин, кирпичник!”); для гл. VI — названия хозяйственного скарба (из раздела “Сосуды”), перенесенные в описание хозяйства Плюшкина; для варианта гл. VIII — описание турухтана весной (из раздела “Птичьи и звериные крики”) в качестве сравнения с мужчиной, заслужившим одобрительный отзыв дам; более мелкие заимствования встречаются и в остальных главах. Материал, перешедший в уцелевшие главы второго тома поэмы, проанализирован выше. В истории создания второго тома “Мертвых душ” заметкам П. М. Языкова вообще принадлежит немаловажное значение: знакомя Гоголя с средним Поволжьем, они придали соответствующий местный колорит не только доминирующему в

уцелевших главах пейзажу, но и внесенным туда чертам быта, народной речи и т. д.

Другая помещенная в этом томе записная книжка в выдержках опубликована (с ошибками) Н. С. Тихонравовым по копии Н. П. Трушковского в приложении к журналу “Царь-колокол” (1892 г., вып. III), вторично, по той же копии, — в 10 изд. соч. Гоголя (т. VI, стр. 527–541); полный ее текст по подлиннику печатается здесь впервые. Надпись на обороте переплета, с датой “1846, 8(20) октября”, с точностью устанавливает, когда книжка попала Гоголю в руки. В тот же день он писал подарившему ему эту книжку Жуковскому: “Нельзя было лучше и кстати сделать подарка. Моя книжка вся исписалась. Подарку дан был поцелуй, а в лице его самому хозяину”. Как долго пользовался ею Гоголь и когда именно вносились отдельные записи, видно из содержания этих последних, где встретилось, между прочим, и несколько новых дат (годы 1847, 1848 и 1849). Одна из первых записей — “Вексель № 12017” — говорит, конечно, о векселе от Прокоповича, упоминаемом в

письме к Жуковскому из Неаполя от 4 марта 1847 г. по поводу соответствующего извещения от Плетнева; извещение, в виде номера, и занесено было тогда же, очевидно, в записную книжку, опять упоминаемую в названном письме к Жуковскому: “Видно, недаром было написано в записной книжке, данной мне во Франкфурте на дорогу: “до свиданья” и вслед за этим прибавлено: “Франкфурт””. Ряд дальнейших записей, начиная со слов “Звезда освещена свечами” и кончая словами “гулянки ночные, называемые Петровками, продолжающиеся до Спаса”, представляют собой сжатые выборки из книги Снегирева “Русские простонародные праздники”, которую выслал Гоголю Шевырев в июне 1847 г. [См. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г., стр. 51.] Гоголь же получил ее около 2 декабря; [В письме от 2 декабря, известив Шевырева о получении посылки, Гоголь прибавил относительно автора: “Дивлюсь, как этого человека разбрасывает во все стороны... Нужно иметь четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую он собрал в своей книге, трудно увидеть из его же книги”.] сле-

довательно, записи о праздниках датируются декабрем 1847 г.

Далее следует запись в русской транскрипции арабских слов (сирийский диалект); запись фонетическая и содержит некоторые неточности. Текст книжки, начинающийся этим словарем и заканчивающийся словами “В Назарете дождь задержал нас двое суток”, относится ко времени палестинского путешествия Гоголя, т. е. падает на январь—апрель 1848 г., а записи, озаглавленные “В Полтаве” и “В Киеве”, падают на май—июнь этого же года, когда Гоголь действительно побывал и в Полтаве и в Киеве, о чем известно из его писем к Данилевскому от 4 и 16 мая. Дальнейшие записи, начиная с озаглавленной “Вопросы Хомякову” и кончая записью “Филатов в Севске, Постоялый двор”, охватывают московский период, от сентября 1848 г. до июня 1850 г., когда на пути в Васильевку с Максимовичем Гоголь, по воспоминаниям последнего, “в Севске, на Ивана-Купалу... неподалеку от постоялого двора” услышал заинтересовавшее его причитание трех сестер-девушек

над покойницей матерью. [См. “Записки о жизни Н. В. Гоголя” П. Кулиша, т. II, стр. 237—38.] Среди дальнейших записей некоторые могут относиться к тому же московскому периоду (книжка заполнялась не всегда в одной и той же последовательности). Такова запись: “Платье гадз зефир” и т. п., которая по своему положению в книжке должна быть отнесена к 1849—1850 гг. Но есть, несомненно, и более поздние. Таковы, например, записи об обязанностях мужа и жены, во многом совпадающие с июльскими письмами 1851 г. к матери и сестрам по поводу предстоящего замужества одной из них; или запись о митрополите Филарете, совпадающая, должно быть, с тем посещением его Гоголем, о котором идет речь в одной из записок конца 1851 г. к Шевыреву. Этой записной книжкой Гоголь, следовательно, пользовался в течение пяти лет, вплоть до последних месяцев своей жизни. Значительная часть записей падает на наиболее интенсивный период работы над вторым томом поэмы. Записи, относящиеся непосредственно к ней, проанализированы выше. Обе записные книжки публикуются здесь как до-

полнительный материал к работе над “Мертвыми душами”, и этой задачей ограничен комментарий к ним.

V

Второй том “Мертвых душ” был последним литературным трудом Гоголя и единственным художественным произведением (за исключением только “Развязки Ревизора”), над которым Гоголь работал в последний период своей жизни, — в период, отмеченный “крутым поворотом” (выражение самого Гоголя) во всем его мировоззрении. Второй том “Мертвых душ” представляется не столько органическим продолжением первого, сколько новым, по существу, произведением — с иными идеологическими предпосылками, иными заданиями, иными во многом художественными приемами. В сознании самого Гоголя уже на первых приступах к работе над вторым томом он характеризуется прежде всего своим отличием от первого. Основные отличия Гоголь видел в большей, по сравнению с первым томом, значительности содержания и в ином, чем в первом томе, выборе героев.

Письма Гоголя за 1843–1845 гг. показывают, что во втором томе должны были найти выражение моралистические идеи Гоголя вообще, и что Гоголь связывает свой труд с собственным воспитанием. В письме к Н. М. Языкову от 14 июля 1844 г. Гоголь пишет: “так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя”. Тот же смысл имеют и слова в письме к Смирновой от 25 июля 1845 г.: “Во-все не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”. Это пока еще тайна... и ключ от нее, покамест, в душе у одного только автора”. Еще яснее развивается эта мысль в “Четырех письмах к разным лицам по поводу “Мертвых душ””, именно в письме четвертом, не названным адресатом которого является несомненно та же Смирнова. Основное содержание второго тома раскрывается не как изображение “прекрасных характеров”, а как указание “путей и дорог” к “высокому и прекрасному”, т. е. как тема нравственного возрождения.

Это объяснение не отменяло первоначального замысла, а только разъясняло его. Основное различие осталось в силе. Герои второго тома должны быть привлекательнее и сложнее героев первого тома. В нарочито упрощенной форме высказано это в предисловии к новому изданию первого тома (1846 г.): “Взят он <т. е. Чичиков> больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях”. Подобное же схематическое противопоставление встречаем в письме 1850 г. к А. Ф. Орлову, но оно явно вызвано официальным характером этого письма. В частной переписке Гоголь предъявляет к себе те же требования — раскрывать национальные “недостатки” и “достоинства”, какие он выдвигал вообще для литературы в статье “В чем же наконец существо русской поэзии”. Так, в письме от 29 октября 1848 г. к А. М. Вильгорской сказано — именно по поводу вто-

рого тома “Мертвых душ”: “Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: он знает, точно, русского человека; не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство”. В письме к К. И. Маркову (ноябрь 1847 г.) сказано прямо, что во втором томе видное место должна была занять тема “недостатков”. На предостережения Маркова (“если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы”) [См. В. И. Шенрок. Материалы, IV, стр. 552.] Гоголь отвечал: “Что же касается до II тома “Мертвых душ”, то я не имел в виду собственно героя добродетелей. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительнее прежних и что намерение автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с одной какой-нибудь стороны”.

Идейные задания второго тома определялись в период работы Гоголя над “Выбранными

ми местами из переписки с друзьями” и отразили общее направление этой реакционной книги, в частности, центральную ее мысль о необходимости нравственного возрождения для каждого человека как единственного средства оздоровления общественной и государственной жизни. Однако, как указывал Чернышевский, “новое направление не помешало” Гоголю “сохранить свои прежние мнения о тех предметах, которых касался он в “Ревизоре” и первом томе “Мертвых душ””. Чернышевский настаивал на том, что реакционные идеи, овладевшие Гоголем, не убили в нем великого художника, что он и “в эпоху “Переписки” не видел возможности изменять в художественных произведениях своему прежнему направлению”. [“Современник”, 1857, № 8 (“Сочинения и письма Н. В. Гоголя”). Ср. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 641, 660.]

Второй том открывается полемически-декларативным вступлением, где автор продолжает настаивать на изображении “бедности, да бедности, да несовершенств нашей жизни

ни”. Гоголь стремится к “верности действительности” не только в смысле типической жизненной правды, но и в деталях. Всеми возможными способами Гоголь собирает материалы по “вещественной и духовной статистике Руси”. [Выражение из письма к Н. М. Языкову от 22 апреля 1846 г.] Он обращается к различным своим корреспондентам с просьбой присылать ему характеристики общественных типов, рассказы о злоупотреблениях администрации, описания изб и мужиков и т. п. [См. письма к сестрам 1844 г., к матери от 23 апреля 1846 г., к А. О. Смирновой от 22 февраля, к А. С. Данилевскому от 18 марта 1847 г.] Гоголь изучает русскую жизнь и по книжным источникам, читая, например, “Хозяйственную статистику России” В. П. Андросова, М., 1827, [Письмо к С. Т. Аксакову от 27 июля 1842 г.] труд Н. А. Иванова “Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении”, 1837, [См. Воспоминания Я. К. Грота, “Русский архив”, 1864, стр. 178.] различные путешествия по России и особенно по Сибири — вероятно, для изображения жизни Тентетникова в ссылке. [См. пись-

ма к С. П. Шевыреву от конца 1851 г.] В этой же связи Гоголь проявляет особый интерес к литературным произведениям писателей, принадлежащих или близких к “натуральной школе”. В статье “О современнике” он с этой именно точки зрения выдвигает Даля: “каждая его строчка меня учит и вразумляет, при- двигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни... Его сочинения — живая и верная статистика России”. А. О. Россету, который взял на себя ознакомление Гоголя с современной русской литературой, Гоголь писал. 11 февраля 1847 г.: “Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей, но производимые нынешнею школою литераторов, стремящеюся живописать и цивилизовать Россию. Всякие петербургские и провинциальные картины, мистерии и проч.”. В письме к тому же Россету от 15 апреля 1847 г. Гоголь прямо устанавливает связь своих просьб о присылке различных материалов со своей творческой работой: “Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать... Все сведения, которые я приобрел

доселе с неимоверным трудом, мне недоста- точны для того, чтобы “Мертвые души” мои были тем, чем им следует быть”. Обращаясь затем с новой просьбой о записи “мнений” и характеристик, Гоголь добавляет: “это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в “Мертвых душах” может высунуться на место людей мой собственный нос и покажется именно всё то, что вам неприятно было встретить в моей книге”. Наконец, вернувшись на родину, Гоголь по-прежнему пользуется каждым случаем для того, чтобы пополнить свое “знание России” беседами с разнообразными встречающимися ему людьми. [См. воспоминания Л. И. Арнольди, “Русский вестник”, 1862, № 1, стр. 62–68. Как это бывало и раньше, во втором томе “Мертвых душ” отразились некоторые из слышанных Гоголем “анекдотов”. Так, анекдот, объясняющий поговорку “полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит”, и юмористическое сравнение куска жаркого с городничим в церкви восходят к рассказам М. С. Щепкина.]

Очевиден более широкий по сравнению с первым томом общественный фон, на котором должно было развиваться действие. Второй том свидетельствует о новых творческих исканиях Гоголя и его новых художественных достижениях, сказавшихся, например, в создании таких образов, как образ Тентетникова, Бетрищева, Петуха. Вместе с тем для второго тома характерны бледные образы Уленьки, Платонова, а также схематичные Костанжогло, его жены и др. [Имеются свидетельства о прототипах некоторых образов второго тома “Мертвых душ”. Так, в откупщике Д. Е. Бенардаки видели прототип Костанжогло (свидетельство М. П. Погодина, “Русский архив”, 1865, стр. 895); в родственнике Лермонтова Столыпине — прототип Муразова (соч. Лермонтова под ред. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 245). Алексей Веселовский считал, что Хлобуеву приданы черты П. В. Нащокина (см. Алексей Веселовский, “Мертвые души” в его книге “Этюды и характеристики”, т. 2, изд. 4, 1912, стр. 224, и М. О. Гершензон, “Друг Пушкина Нащокин” в книге “Образы прошлого”, 1912, стр. 65–70). Кошкарев имеет ряд преце-

дентов в жизни и в литературе (см. Н. О. Лернер, “Прототипы гоголевского полковника Кошкарёва” — “Нива”, 1913, № 33). В основе образа Уленьки можно предположить черты А. М. Виельгорской.] Мастерское начало второго тома и отдельные замечательные эпизоды чередуются с натянутыми сценами и дидактической риторикой. Реализм Гоголя оказался в вопиющем противоречии с его реакционно-моралистическими идеями.

В произведении, современном по заданию, не было ни правильного осмысления, ни даже правильного учета действительно борющихся в современности общественных сил. Действительность подчинена была более или менее элементарным схемам и зачастую подменялась изображениями наивно-утопическими (деятельность генерал-губернатора) или примитивными (филантропическое общество). В этом и заключалась основная причина творческой неудачи второго тома как художественного целого.

Критика второго тома “Мертвых душ”

обычно сводилась к констатированию творческих удач и неудач Гоголя — удач в изображении “отрицательной” стороны действительности и неудач в изображении “светлой” стороны.

Одним из первых печатных откликов на второй том была статья А. Ф. Писемского. [“Отечественные записки”, 1855, кн. 10.] Высоко оценивая образы Тентетникова, Бетрищева, Петуха, сыновей Петуха, Хлобуева, Писемский дал резко отрицательную оценку образам Уленьки и Костанжогло. О Муравове Писемский отозвался только бегло как о “решительном преобладании идеи над формой”; о генерал-губернаторе не упомянул вовсе. Отрицательно, как карикатуру, оценил Писемский и Кошкарёва.

Статьи Н. Д. Мизко (“Отечественные записки”, 1856, № 6), А. Р[ыжо]ва (“Библиотека для чтения”, 1855, №№ 10 и 11) и анонимная статья в “С.-Петербургских ведомостях”, 1855, № 205, не представляют большого интереса.

Самым важным был отзыв Н. Г. Чернышевского, давшего глубокий анализ последнего произведения Гоголя. Отзыв свой Чернышевский привел в качестве примечания к “Очеркам гоголевского периода русской литературы”, гл. 1, впервые напечатанным в “Современнике”, 1855, № 12. Критик рассматривал второй том в свете общей идейной эволюции Гоголя, насколько это было возможно по цензурным условиям. Чернышевский находил слабыми “отрывки, в которых изображаются идеалы самого автора”. Таковы “дивный воспитатель Тентетникова, многие страницы отрывка о Костанжогло, многие страницы отрывка о Муразове”. Но, по мнению Чернышевского, это “еще ничего не доказывает”, т. е. не доказывает ущерба гоголевского таланта, так как изображение идеалов (там, где действительность их не давала) “было всегда слабейшею стороною в сочинениях Гоголя”. Напротив, там, где Гоголь “переходит в близко знакомые ему сферы отношений”, там “талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней своей силе и свежести”.

Чернышевский выделял прежде всего эпизоды второго тома, написанные в обычной для Гоголя обличительной манере: “разговор Чичикова с Бетрищевым о том, что все требуют себе поощрения, даже воры, и анекдот, объясняющий выражение “Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит”, описание мудрых учреждений Кошкарева, судопроизводство над Чичиковым и гениальные поступки опытного юрисконсульта; наконец дивное окончание отрывка — речь генерал-губернатора, ничего подобного которой мы не читали еще на русском языке, даже у Гоголя”. Далее Чернышевский сочувственно отметил ряд мест, проникнутых юмором, “превосходно очерченные характеры” Бетрищева, Петуха и его детей, и многое другое. Общее заключение Чернышевского о втором томе таково: “преобладающий характер в этой книге, когда б она была окончена, остался бы все-таки тот же самый, каким отличается и ее первый том и все предыдущие творения великого писателя... программу художника остается, как видим, прежняя программа “Ревизора” и первого тома “Мертвых

душ””. [Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 10–13.]